ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

ЛИТЕРАТУРА

СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННОЙ

ПАРТІИ "НАРОДНОЙ ВОЛИ"

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

ЛИТЕРАТУРА
СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННОЙ ПАРТІИ
"НАРОДНОЙ ВОЛИ"

ТИПОГРАФІЯ ПАРТІИ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

1905

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Выпуская въ свѣтъ настоящій сборникъ, мы руководимся прежде всего тѣмъ соображеніемъ, что для славной, героической „Русской соціально-революціонной партіи", обычно извѣстной по имени ея центральнаго органа—партіи „Народной Воли"—наступилъ періодъ *исторіи*. Въ настоящее время пора, давно пора отнестись къ ней не съ точки зрѣнія ублицистики, не съ точки зрѣнія литературно-политическихъ прокуроровъ или адвокатовъ, а съ исторической точки зрѣнія. Правда, еще не совсѣмъ улеглись чисто полемическія страсти, вызванныя появленіемъ этого теченія и его борьбой за существованіе съ другими теченіями. Правда, возрожденіе нѣкоторыхъ существеннѣйшихъ тенденцій „Народовольчества" въ новомъ видѣ, соотвѣтствующемъ новой обстановкѣ, даже подогрѣло отчасти иные изъ „старыхъ счетовъ" съ Народною Волею. Но иначе и не можетъ быть съ теченіемъ, дѣйствительно жизненнымъ, глубокимъ, передовымъ для своего времени. Оно не скоро отживаетъ, и послѣ формальнаго исчезновенія духъ его еще долго живетъ, иначе проявляясь и воплощаясь, болѣе или менѣе полно, болѣе или менѣе частично, въ другихъ крупныхъ движеніяхъ и событіяхъ послѣдующей исторіи. Но это не можетъ и не должно мѣшать попыткамъ проложить дорогу возможно болѣе полной и объективной *исторической* оцѣнкѣ движенія.

Мы надѣемся, что выпускъ настоящаго сборника въ значительной степени поможетъ этому. До сихъ поръ соціально-революціонную партію „Народной Воли“ знали и изучали менѣе всего по первоисточникамъ. Полной коллекціи №№ центральнаго органа ея *нигдѣ, ни у кого* не было. Громадныхъ усилій стоило нашей партіи, вмѣстѣ съ издателями „Историко-революціонной библіотеки“ (въ изданіи которой, одновременно съ нашимъ, также выходитъ этотъ сборникъ)—составить, наконецъ, почти полное собраніе необходимыхъ литературныхъ матеріаловъ, которое мы и спѣшимъ сдѣлать тотчасъ же общимъ достояніемъ. Мы еще разъ просимъ всѣхъ, кому дороги лучшія традиціи нашихъ славныхъ революціонныхъ предшественниковъ, мы просимъ также всѣхъ, кому дороги интересы научнаго изученія исторіи революціоннаго движенія,—приложить всѣ усилія, чтобы дополнить все недостающее въ публикуемой нынѣ коллекціи документовъ Народной Воли. Мы не замедлимъ въ той или другой формѣ опубликовать все, что получимъ, и такимъ образомъ окончательно создать возможность всесторонняго освѣщенія одной изъ самыхъ знаменательныхъ эпохъ политической жизни Россіи, полной цѣлаго ряда неумирающихъ практическихъ уроковъ для цѣлаго ряда слѣдующихъ историческихъ поколѣній.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ

НАРОДНАЯ ВОЛЯ

СОЦІАЛЬНО - РЕВОЛЮЦІОННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Годъ первый. — № 1 — 1 октября 1879.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Итакъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ молчанія свободное слово снова раздается въ Петербургѣ. Повидимому, этого не ожидали наши враги и на это мало надѣялись наши друзья. А между тѣмъ мы только исполняемъ наше давнымъ давно заявленное намѣреніе.

Молчаніе революціонной прессы обусловливалось вовсе не разгромомъ партіи, который существуетъ больше въ воображеніи правительства. Въ послѣднемъ номерѣ «Земли и Воли» заранѣе заявлялось, что на лѣтнее время изданіе будетъ прекращено и возобновится лишь къ осени. Прекратить его мы рѣшили по тѣмъ практическимъ соображеніямъ, которыя легко пойметъ каждый издатель: лѣтнее время — не время чтенія. Прошлогодній опытъ петербургской свободной прессы показалъ намъ, что въ лѣтній сезонъ изданія вести не стоитъ. Вообще, наше молчаніе нисколько не зависѣло отъ репрессивныхъ мѣръ правительства.

Намъ очень хотѣлось бы теперь выступить снова подъ старымъ названіемъ «Земли и Воли», столько пережившей, столько взволновавшей въ Россіи, такъ намозолившей пра-

вительству глаза, такъ близкой намъ и по воспоминаніямъ и въ смыслѣ лозунга. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ на это права. «Земля и Воля» велась извѣстною группою редакторовъ и издателей, въ томъ числѣ и нами. Расходясь теперь между собою во взглядахъ на значеніе борьбы съ правительствомъ, мы и остальные наши товарищи по «Землѣ и Волѣ» рѣшили прекратить свое старое изданіе, и очевидно, что ни мы, ни они, въ отдѣльности взятые, не имѣемъ права присвоивать себѣ это названіе.

Такимъ образомъ, редакцію «Народной Воли» составила одна часть старой редакціи «Земли и Воли». Понятно, стало быть, что «Народная Воля» вполнѣ солидарна съ принципами, которые развивала «Земля и Воля». Мы намѣрены вести «Народную Волю» въ томъ же духѣ, не копируя, конечно, своихъ старыхъ статей, а развивая старые принципы сообразно съ историческими условіями, въ которыхъ придется дѣйствовать нашему изданію. Журналъ, какъ и практическій дѣятель, долженъ принимать въ соображеніе тѣ безпрерывно измѣняющіяся комбинаціи, въ которыя становятся между собой правительство, общество, интеллигенція, народъ и сама партія, чтобъ среди этихъ комбинацій направлять дѣятельность партіи цѣлесообразно. Практическія мѣропріятія партіи не могутъ быть составлены разъ на всегда по одному шаблону. Неизмѣнной остается лишь одна цѣль, средства необходимо должны измѣняться. Сегодня обстоятельства могутъ потребовать, чтобы всѣ силы партіи направились на борьбу съ правительствомъ, завтра можетъ быть необходимой усиленная дѣятельность среди городскихъ рабочихъ, среди крестьянства, въ расколѣ и т. п. Журналъ, какъ и отдѣльный дѣятель, не можетъ не слѣдить за всѣми варіаціями общественныхъ условій и не принимать ихъ въ соображеніе.

Такъ понимали мы дѣло, состоя въ редакціи «Земли и Воли», такъ понимаемъ его и теперь, и будемъ вести «Народную Волю» какъ вели «Землю и Волю», насколько это зависѣло отъ нашихъ усилій.

Нашимъ товарищамъ по старому органу мы можемъ выразить только искреннее уваженіе и надежду, что «Народная Воля» не останется безъ ихъ сотрудничества, насколько это не будетъ противорѣчить ихъ взглядамъ.

ОТЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА

IX *) — Исполнительный Комитетъ извѣщаетъ, что Петръ Ивановичъ РАЧКОВСКІЙ (бывшій судебный слѣдователь въ Пинегѣ и въ настоящее время прикомандированный къ Министерству Юстиціи, сотрудникъ газетъ «Новости» и «Русскій Еврей») состоитъ на жалованьи въ III Отдѣленіи. Его примѣты: ростъ высокій, тѣлосложеніе довольно плотное, волоса и глаза черные, кожа на лицѣ бѣлая съ румянцемъ, черты крупныя, носъ довольно толстый и длинный; на видъ лѣтъ 28—29. Усы густые, черные. Бороду и баки въ настоящее время бреетъ. Исполнительный Комитетъ проситъ остерегаться шпіона.

Исполнительный Комитетъ, 20 августа 1879 г.

X. — Во избѣжаніе недоразумѣній, Исполнительный Комитетъ заявляетъ, что онъ никогда не былъ учрежденіемъ, члены котораго выбирались бы всею Соціально-Революціонной Партіей, и что въ настоящее время онъ является совершенно самостоятельнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ тайнымъ обществомъ.

Исполнительный Комитетъ, 12 сентября 1879 г.

Петербургъ, 20 сентября 1879 г.

Delenda est Carthago!

Намъ приходится переживать историческій моментъ крайне тяжелый, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне интересный по своимъ вѣроятнымъ послѣдствіямъ. По мѣткому выраженію одного изъ нашихъ публицистовъ — это моментъ ликвидаціи русскихъ общественныхъ направленій и симпатій. Русская жизнь подводитъ счеты всѣмъ направленіямъ, начиная съ правительственнаго и кончая различными фракціями революціоннаго, и не далеко время, когда окончательный разсчетъ покажетъ съ очевидностью, на чьей сторонѣ находятся наиболѣе цѣнные фонды общественныхъ симпатій и наиболѣе вѣрное пониманіе народныхъ интересовъ.

Правительство является къ этому разсчету, напрашивается такъ-сказать на него, съ самымъ безцеремоннымъ и цинич

*) Предшествовавшія заявленія см. въ «Листкѣ Земли и Воли».

нымъ разоблаченіемъ самого себя, своихъ принциповъ, своей неспособности служить Россіи. Оно откровенно заявляетъ, что въ Россіи его никто не уважаетъ, не цѣнитъ, не считаетъ полезнымъ; что судъ — не только присяжныхъ, но даже вообще сколько нибудь независимый, честный — не будетъ защищать его; что охранять порядокъ даже противъ ничтожной, по словамъ правительства, группы революціонеровъ оно, по причинѣ всеобщаго несочувствія, не можетъ иначе, какъ приставивши по городовому къ каждому обывателю; что всякая мысль, выраженная свободно, и всякое слово, сказанное искренне, будетъ непремѣнно противъ него; что, въ виду всего этого, оно можетъ держаться только полнымъ подавленіемъ мысли, общественной жизни, уничтоженіемъ всѣхъ органовъ проявленія народной воли и терроромъ. Осуществляя систему, приноровленную къ подобной миссіи, правительство отрицаетъ право народа на землю, право городовъ и земствъ независимо вести свои дѣла, право какого бы то ни было слоя населенія па участіе въ государственномъ управленіи. Таковъ прямой и единственный смыслъ всѣхъ мѣропріятій и заявленій правительства за послѣднее время: всѣхъ этихъ генералъ-губернаторствъ, военныхъ судовъ, висѣлицъ, повальныхъ ссылокъ, Маковскихъ циркуляровъ, разъясненій къ земскимъ и городовымъ положеніямъ, временныхъ университетскихъ и иныхъ уставовъ и проч.

Такой историческій моментъ, когда весь существующій порядокъ, съ правительствомъ во главѣ, открыто заявляетъ свою полную несолидарность съ интересами какой бы то ни было части населенія, является для правительства роковымъ моментомъ, а для всѣхъ оппозиціонныхъ партій — повѣрочнымъ испытаніемъ ихъ политической зрѣлости, ихъ практичности, ихъ способности служить родной странѣ. Ибо чѣмъ изолированнѣе правительство, чѣмъ менѣе видимой связи между его дѣятельностью и интересами народа, тѣмъ сильнѣе возбуждается общественная мысль, тѣмъ популярнѣе становится идея о необходимости переворота. Всякая масса инертна и труслива; она больше всего дорожитъ спокойствіемъ, и нужно много усилій со стороны правительства, чтобъ она перестала предпочитать самое плохое, но уже привычное настоящее — неизвѣстному и рискованному будущему. А потому каждая оппозиціонная партія должна до-

рожить моментомъ, когда неспособное правительство собственноручно рветъ послѣднюю связь свою со всѣми классами населенія, когда исправникъ, производя возмутительный по его мнѣнію арестъ, говоритъ: «нѣтъ, непремѣнно нужна конституція!»; когда сельскій староста кричитъ, что онъ недоволенъ циркуляромъ Макова; когда самъ Гурко, отпуская на поруки вліятельнаго либерала, говоритъ: «ахъ, возьмите пожалуйста его, этотъ арестъ былъ такой ужасной глупостью»! Такое время — особенный подарокъ судьбы и тупости правительства, и если партія не съумѣетъ сдѣлаться популярною теперь, то она не будетъ ею никогда.

Подъ сплошною корою правительственнаго насилія, не пропускающаго наружу ничего, кромѣ шпіонства, доносовъ, холопства, безсовѣстной карьеристики и рабски-услужливыхъ или идіотски безсмысленныхъ голосовъ прессы, подъ этой корой общественная мысль все таки движется и работаетъ. Насиліе, со своими висѣлицами, каторгами, ссылками и тюрьмами — страшно: оно забиваетъ, отупляетъ и развращаетъ; но оно же и возбуждаетъ общественную мысль, потому что повсюду разрушаетъ интересы, благосостояніе, счастье всего, съ чѣмъ только ни соприкасается. И такъ какъ даже соединенныя усилія пятерыхъ генералъ-губернаторовъ не въ состояніи заставить чувствовать себя счастливыми тѣхъ, кого они дѣлаютъ несчастными, не могутъ заставить человѣка увѣровать въ справедливость того, что онъ находитъ несправедливымъ, — то повсюду, по всей странѣ неудержимо начинаютъ пробиваться, какъ ростки въ полѣ — критика, исканіе чего то лучшаго и способовъ осуществленія этого лучшаго. Пусть эта критика робка, пусть ограничена способность общественной мысли рѣшать сложныя общественныя задачи. За то съ тѣмъ большими ожиданіями обращается просыпающаяся масса къ партіи, которая во всеуслышаніе объявляетъ: я знаю, гдѣ выходъ, и какъ туда пройти. И если партія въ своихъ идеалахъ, въ своихъ средствахъ, съумѣетъ уловить дѣйствительныя требованія времени, — она сдѣлается силою, потому что всѣ общественныя недоумѣнія станутъ искать разъясненія у ней, и всѣ задачи свои народъ станетъ рѣшать подъ ея руководствомъ и предводительствомъ.

Такой именно моментъ переживаемъ мы въ настоящее время. Правительство предъявляетъ Россіи свои фонды, и

они оказываются столь же цѣнными, какъ его кредитная бумажка. Съ чѣмъ же явятся передъ народомъ и обществомъ партіи, представляющія тѣ или другія теченія нашей общественной мысли? Нельзя сказать, чтобы и нхъ фонды были особенно блистательны.

Политическія иллюзіи губятъ народы; онѣ же губятъ и партіи. Почему, напримѣръ, крестьянину кажется, что стоитъ только дойти съ челобитной до «батюшки-царя» — и все будетъ уважено и улажено? Почему г. Кошелевъ думаетъ, что стоитъ только созвать депутатовъ отъ земствъ на совѣщательный соборъ, — и все пойдетъ какъ по маслу? Потому что оба живутъ иллюзіей, а не выведенной изъ реальныхъ фактовъ идеей. И когда дѣйствительная жизнь, въ лицѣ Его Императорскаго Величества Государя Всероссійскаго, сталкивается съ иллюзіей «царя-батюшки», заступника крестьянскаго, несчастный ходокъ-мужикъ отправляется, куда Макаръ телятъ не гонялъ. Такая же исторія повторилась бы, конечно, и съ Земскимъ Соборомъ Кошелева, повторится и со всякой политической иллюзіей, будь она самая нарадикальнѣйшая. А между тѣмъ нельзя не признать къ сожалѣнію, что склонность къ политической иллюзіи — отличительная черта всѣхъ нашихъ русскихъ общественныхъ направленій. Развѣ не напоминаетъ, напримѣръ, крестьянина-ходока нашъ пропагандистъ 74 года? Лишь бы ему только дойти до мужика, лишь бы не помѣшали добраться до него, а тамъ — все будетъ прекрасно; нужно только сказать мужику, а онъ уже все разсудитъ и сдѣлаетъ. Результаты получаются совершенно одинаковые: мужикъ такъ же жестоко обманываетъ розовыя надежды пропагандиста, какъ обманываетъ самого мужика царь-батюшка. Необъятное, непроглядным мракомъ покрытое тянется передъ нами болото россійской жизни, и блуднящими огоньками бѣгаютъ вдали иллюзіи, манящія неопытныхъ въ теплый и свѣтлый уголокъ и приводящія ихъ въ холодную трясину.

Партія, претендующая на какую нибудь будущность, должна основываться прежде всего на строго реальномъ отношеніи къ жизни. Самый розовый идеалъ не только безполезенъ, но вреденъ, если онъ по своей неосуществимости не можетъ воплотиться въ жизни самъ. а между тѣмъ отвлекаетъ силы и работу отъ менѣе грандіозныхъ, но возможныхъ улучшеній въ жизни. Пропаганда идеально полез-

ныхъ способовъ дѣйствія на практикѣ можетъ быть крайне вредна, если они въ настоящее время совершенно немыслимы, а между тѣмъ, именно благодаря своей идеальности отрицаютъ тѣ способы дѣйствія, безъ приложенія которыхъ невозможно устраненіе самыхъ первыхъ препятствій съ народнаго пути. Партія дѣйствія должна ставить себѣ конкретныя, осуществимыя, непосредственно полезныя для народа цѣли и выбирать средства, въ данный моментъ наиболѣе дѣйствительныя.

Намъ кажется, что однимъ изъ важнѣйшихъ чисто практическихъ вопросовъ настоящаго времени является вопросъ о государственныхъ отношеніяхъ. Анархическія тендевціи долго отвлекали и до сихъ поръ отвлекаютъ вниманіе наше отъ этого важнаго вопроса. А между тѣмъ именно у насъ, въ Россіи, особенно не слѣдовало бы его игнорировать. Наше государство — совсѣмъ не то, что государство европейское. Наше правительство не коммиссія уполномоченныхъ отъ господствующихъ классовъ, какъ въ Европѣ, а есть самостоятельная, для самой себя существующая организація, іерархическая, дисциплинированная ассоціація, которая держала бы народъ въ экономическомъ и политическомъ рабствѣ даже въ томъ случаѣ, еслибы у насъ не существовало никакихъ эксплуататорскихъ классовъ. Наше государство владѣетъ, какъ частный собственникъ, половиной русской территоріи; большая половина крестьянъ — арендаторы его земель; по духу нашего государства — все населеніе существуетъ главнымъ образомъ для него. Государственныя повинности поглощаютъ весь трудъ населенія и — характерная черта — даже въ карманы нашихъ биржевиковъ и желѣзнодорожниковъ крестьянскіе гроши стекаются черезъ государственное казначейство. Создавая и поддерживая всякую эксплуатацію, сжимая всю страну въ своихъ желѣзныхъ когтяхъ, подавляя всякую жизнь, мысль и иниціативу, — наше государство представляетъ что-то вродѣ тѣхъ сказочныхъ чудовищъ, которыхъ умилостивляли человѣческими жертвами и для борьбы съ которыми нужно было особенное вмѣшательство небесныхъ силъ. Исторія русской мысли не можетъ указать почти ни одного человѣка, служившаго развитію Россіи и не считавшагося въ свое время государственнымъ преступникомъ. Всегда и вездѣ наше правительство считало надежной опорой себѣ только подлеца, дурака

и грабителя, а всякій проблескъ ума, совѣсти и таланта считало признакомъ чего-то себѣ враждебнаго. Послѣдніе годы, годы возникновенія соціально-революціонной партіи, довели эти особенности правительства до абсурда. Десять лѣтъ почти мы только и слышимъ о политическихъ преступленіяхъ, процессахъ, ссылкахъ и казняхъ. Сѣверныя губерніи и Сибирь переполнены политическими ссыльными. Для борьбы съ движеніемъ правительство ставитъ на карту все, и выдвинуло въ деревнѣ противъ каждаго революціонера по крайней мѣрѣ 50 человѣкъ урядниковъ, сотскихъ и т. п. Весь обыденный строй государственной жизни передѣлывается, цѣлые корпуса опричнины создаются — и все изъ за того, что существуетъ на свѣтѣ сотня другая народниковъ, «смущающихъ» крестьянъ. Дико, нелѣпо и неправдоподобно представляется все это, когда вздумаешь взглянуть на дѣло прямо, отвлекаясь отъ привычной глупости правительственныхъ мѣропріятій. Тѣмъ не менѣе все это существуетъ, со всѣмъ этимъ волей неволей приходится считаться.

Этого факта — русское государство, русское правительство, со всѣми его специфическими свойствами, со всѣми послѣдствіями его значенія и дѣятельности — не можетъ не принять во вниманіе революціонная партія, если хочетъ стоять въ уровень съ требованіями исторіи. Можно указывать на то, что непосредственное мѣсто дѣятельности партіи — народъ, что не путемъ политическихъ реформъ она осуществитъ его требованія. Все это такъ; но вѣдь непосредственной цѣлью операцій русской арміи былъ Константинополь, а приходилось, однако, чуть не полъ-года стоять подъ Плевной, потому что, не взявши Плевны, нельзя было двинуться за Балканы, нельзя было оставлять у себя въ тылу армію, способную отрѣзать русскимъ всѣ сообщенія. Правительство объявляетъ намъ войну; хотимъ мы этого или не хотимъ — оно насъ будетъ бить. Мы, конечно, можемъ не защищаться, но отъ этого, кажется, никто еще никогда не выигрывалъ. Нашъ прямой разсчетъ — перейти въ наступленіе и сбросить съ своего пути это докучливое препятствіе, не дающее намъ дѣйствовать, ежедневно выхватывающее лучшихъ дѣятелей изъ нашихъ рядовъ и опутывающее насъ цѣлой сѣтью шпіоновъ, доносовъ, мелочныхъ придирокъ въ безплодной борьбѣ съ которыми потребляется безполезно $^{99}/_{100}$ нашихъ силъ. Мы не говоримъ, чтобы въ народѣ была аб-

солютно невозможна пропаганта, агитація, даже чисто бунтовская дѣятельность; но, при настоящихъ условіяхъ, она слишкомъ затруднена. Отсылаемъ читателя къ статьѣ «Изъ деревни», помѣщенной въ настоящемъ № «Народной Воли». Много ли результатовъ дастъ дѣятельность при такой обстановкѣ? Мы говоримъ, что для партіи абсолютно необходимо измѣнить эту обстановку, необходимо обуздать правительственный произволъ, уничтожить это нахальное вмѣшательство въ народную жизнь и создать такой государственный строй, при которомъ дѣятельность въ народѣ не была бы наполненіемъ бездонныхъ бочекъ Данаидъ.

Сознавши все значеніе правительства, сознавши необходимость борьбы съ нимъ и обузданія его произвола, наша партія не должна страшиться его силы. Русское правительство — желѣзный колоссъ на глиняныхъ ногахъ: оно не опирается ни на чьи интересы въ странѣ, оно живетъ само для себя, и потому не имѣетъ поддержки ни въ чемъ, кромѣ грубой силы, дисциплины и пассивнаго повиновенія въ своихъ собственныхъ рядахъ. да еще, пожалуй въ политической невыработанности своихъ противниковъ. Намъ правительство можетъ быть страшно только до тѣхъ поръ, пока мы не двинемся на него всѣми силами, ибо въ этомъ случаѣ за насъ будетъ все, что есть мыслящаго въ Россіи.

Такъ или иначе — современная правительственная система доживаетъ свои послѣдніе дни. Если не найдется никого, кто добилъ бы ее, она умретъ и сама естественной смертью. Но для нашей партіи существенно важно, чтобы новый порядокъ, имѣющій возникнуть на развалинахъ стараго, былъ сообразенъ съ интересами народа и самой партіи. Было бы непростительною ошибкой допустить, чтобы новый, будущій государственный строй оставался внѣ народнаго воздѣйствія, чтобы онъ, освобождая другіе классы населенія и открывая возможность дѣйствія другимъ партіямъ, оставлялъ при старыхъ условіяхъ массу народа и соціалистическую партію. Тотъ или другой исходъ теперь въ рукахъ у насъ самихъ. Возьмемъ ли мы на себя иниціативу противуправительственнаго похода и политическаго переворота, — или будемъ по старому игнорировать политическую дѣятельность, тратя всѣ силы на то, чтобы биться около народа, какъ рыба объ ледъ? Вотъ въ чемъ вопросъ. Въ первомъ случаѣ—мы будемъ, несомнѣнно, имѣть въ движеніи свою долю вліянія

и, если не достигнемъ полнаго освобожденія народа, то по крайней мѣрѣ добьемся признанія верховной власти его, дадимъ ему вліяніе на весь существующій порядокъ вещей, санкціонируемъ существованіе доброжелательныхъ народу направленій, добьемся того, что служеніе народу не будетъ синонимомъ государственнаго преступленія. Во второмъ случаѣ мы несомнѣнно очутимся въ положеніи еще болѣе тяжеломъ, чѣмъ теперь, потому что новое государство, конечно, будетъ сильнѣе современнаго, будетъ имѣть болѣе, не только матеріальной силы, но, что всего важнѣе, — силы нравственной, и бороться съ нимъ будетъ дѣйствительно трудно. Допустивши совершеніе политическаго переворота безъ своего воздѣйствія, наша партія осудитъ себя, можетъ быть, на цѣлыя столѣтія тяжелой подготовительной работы.

Повторяемъ: настоящій моментъ — моментъ первостепенной важности. Вся тяжесть преслѣдованій, казней и медленнаго задушенія по тюрьмамъ — все это пустяки по сравненію съ тѣми огромными послѣдствіями, какія настоящій моментъ можетъ дать для народа, если соціалистическая партія съумѣетъ понять обстоятельства и овладѣть ими.

И она, безъ сомнѣнія, съумѣетъ это сдѣлать. Мысль о значеніи политическаго переворота медленно, но прочно назрѣвала въ нашихъ рядахъ. Ее оставилъ намъ, какъ свое послѣднее завѣщаніе, Валеріанъ Осинскій, въ своемъ предсмертномъ письмѣ (см. «Лист. З. и В.» № 6); эта мысль проявлялась въ цѣломъ рядѣ фактовъ антиправительственной борьбы, и мы сами готовы повторить то, что высказали еще въ «З. и В.»: «Правительство, говорили мы, объявляетъ войну уже не однимъ революціонерамъ, а всей Россіи. Пусть будетъ такъ... Мы знаемъ, много отдѣльныхъ личностей изъ нашей среды погибнетъ, но гибель единицъ не страшна для партіи, когда весь ходъ исторіи ведетъ къ революціи, когда само правительство беретъ на себя трудъ уяснить Россіи до очевидности, что такое наше современное государство. Мы принимаемъ брошенную перчатку...» (З. и В. № 5, Оттокоски 2-го апрѣля). Политическая борьба, къ которой насъ неудержимо приводятъ всѣ условія русской жизни, вопреки всѣмъ предвзятымъ теоріямъ, была бы еще болѣе популярна, если бы у насъ не существовало ходячаго предразсудка, что будто-бы, участвуя въ ней, мы загребаемъ своими руками жаръ для другихъ, что результатами побѣды

воспользуется не народъ и не соціалисты. Мы думаемъ совершенно наоборотъ. Именно устранившись отъ политической дѣятельности, мы загребаемъ жаръ для другихъ, именно, устранившись отъ политической борьбы, мы подготовляемъ побѣду для враждебныхъ народу элементовъ, потому что при такой системѣ дѣйствій просто даримъ имъ власть, которую обязаны были бы отстоять для народа.

Но предразсудки рушатся подъ давленіемъ фактовъ, и живая партія дѣйствія не можетъ долго оставаться во власти книжной теоріи. Мы увѣрены, что уже наступаетъ время, когда соціалистическая партія встанетъ противъ правительственной системы не случайно, а систематически, настойчиво и постоянно, и разрушая мертвящую и все подавляющую государственную машину, обезпечитъ народу исполненіе его важнѣйшихъ требованій и возможность дальнѣйшаго свободнаго развитія его мысли, его идеаловъ, его формъ общежитія.

Delenda est Carthago!...

ПИСЬМО ВИТТЕНБЕРГА КЪ ТОВАРИЩАМЪ *)

(писанное имъ наканунѣ казни, 10 августа 1879 г.).

Мои друзья!

Мнѣ, конечно, не хочется умереть, и сказать, что я умираю охотно, было бы съ моей стороны ложью, но это послѣднее обстоятельство пусть не бросаетъ тѣни на мою вѣру и стойкость моихъ убѣжденій: вспомните, что самымъ высшимъ примѣромъ человѣколюбія и самопожертвованія былъ, безъ сомнѣнія, Спаситель; однако и онъ молился: «и да минуетъ меня чаша сія». Слѣдовательно, какъ могу и я не молиться о томъ же? Тѣмъ не менѣе и я, подобно ему, говорю себѣ: «если иначе нельзя, если для того, чтобъ восторжествовалъ *соціализмъ*, необходимо, чтобъ пролилась кровь моя, если переходъ изъ настоящаго строя въ лучшій не возможенъ иначе, какъ только перешагнувши черезъ наши трупы, то пусть наша кровь проливается, пусть она падетъ искупленіемъ на пользу человѣчества; а что наша кровь

*) Виттенбергъ былъ осужденъ въ Одессѣ по такъ называемому процессу 28-ми и повѣшенъ вмѣстѣ съ Логовенко въ г. Николаевѣ.

Ред. Сборника.

послужитъ удобреніемъ для той почвы, на которой взойдетъ сѣмя *соціализма*, что соціализмъ восторжествуетъ и восторжествуетъ скоро, — это моя вѣра! Тутъ опять вспоминаю слова Спасителя: «истинно говорю вамъ, что многіе изъ находящихся здѣсь не вкусятъ смерти, какъ настанетъ царствіе небесное», — я въ этомъ убѣжденъ, какъ убѣжденъ въ томъ, что земля движется. И когда я взойду на эшафотъ и веревка коснется моей шеи, то послѣдняя моя мысль будетъ: «и все таки она движется, и никому въ мірѣ не остановить ея движенія!»

P. S. Специальное посланіе къ ***.

Если ты придаешь какое либо значеніе моей волѣ, если считаешь священнымъ мое послѣднее желаніе, то оставь всякую мысль о мести: «прости имъ, не знаютъ бо, что творятъ». Это также знаменіе времени: умъ ихъ помутился, они видятъ, что скоро настанетъ другое время и не знаютъ, какъ отвратить его. Еще разъ прошу тебя, оставь всякую мысль о мести!

Виттенбергъ.

РѢЧЬ ОВЧИННИКОВА

произнесенная имъ въ Кіевскомъ военно-окружномъ судѣ, 7 іюля 1879 г.

Во время своего дѣтства и юности Овчинниковъ нѣсколько разъ судился по уголовнымъ дѣламъ и наконецъ былъ арестованъ по обвиненію въ убійствѣ. Въ тюрьмѣ онъ познакомился съ нѣкоторыми заключенными тамъ же соціалистами. Разговоры съ ними произвели въ немъ изумительную перемѣну. Выйдя изъ тюрьмы, онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ горячихъ послѣдователей новаго ученія. Черезъ нѣсколько времени онъ снова попалъ въ тюрьму уже какъ политическій преступникъ и былъ приговоренъ военно-окружнымъ судомъ къ повѣшенію. Приговоръ этотъ однако не былъ приведенъ въ исполненіе по несовершеннолѣтію Овчинникова и замѣненъ долговременной каторгой.

Гг. судьи! Много народу погибло въ Россіи въ теченіе послѣднихъ лѣтъ — и по суду, и безъ суда! И народъ все различный: разныхъ половъ, разныхъ возрастовъ, разныхъ званій и состояній, отъ профессора до гимназиста, отъ ученаго до еле-грамотнаго, отъ князя до рабочаго, крестьянина.

Но, не смотря на многочисленность этихъ жертвъ, теперь, гг. судьи, передъ вами первый примѣръ въ своемъ родѣ. Гг. прокуроры, желая опозорить, унизить русскихъ революціонеровъ-соціалистовъ, ни передъ чѣмъ не останавливаются и съ особенной любовью набрасываются на тѣ случаи, гдѣ по ихъ мнѣнію, можно бросить камень въ прошлое соціалиста, гдѣ для нихъ представляется хоть малѣйшая возможность представить въ черномъ видѣ нравственный обликъ подсудимаго. И въ настоящемъ случаѣ г. прокуроръ находитъ, что я больше всего представляю собою живое доказательство нравственной несостоятельности русской соціально-революціонной партіи. Указывая на мое прошлое, онъ думаетъ этимъ унизить меня и партію, къ которой я принадлежу. Не знаю, гг. судьи, какъ вы относитесь къ этому пріему г. прокурора, но мнѣ онъ напоминаетъ тѣхъ евангельскихъ фарисеевъ, которые обвиняли Христа именно за то, что онъ не избѣгалъ общенія съ блудницами и мытарями. На самомъ же дѣлѣ человѣкъ мало-мальски безпристрастный увидитъ совершенно противное.

Передъ вами, гг. судьи, человѣкъ, который попалъ въ политическую тюремную камеру прямо почти изъ уголовной. Это именно то обстоятельство, которое, по мнѣнію г. прокурора, лучше всего доказываетъ безнравственность соціалистической идеи и ея послѣдователей, а по моему мнѣнію, напротивъ — служитъ самымъ неопровержимымъ свидѣтельствомъ святости и силы этой идеи!

Да, я вовсе не скрываю, что я былъ избалованнымъ, испорченнымъ мальчишкой; но что я былъ такимъ — виновата та среда, въ которую меня бросили. Будучи 12 лѣтнимъ мальчикомъ, я, за то, что обругалъ околоточнаго и какого-то господина, которые заподозрили меня въ неблаговидномъ поступкѣ, по рѣшенію Палаты попалъ на 7 дней въ тюрьму. Отъ природы былъ я очень впечатлительный; понятно, думаю, какъ могла отразиться на моей нравственности тюремная атмосфера. Когда въ 1878 г. я опять попалъ въ тюрьму въ качествѣ подсудимаго, то обратилъ на себя вниманіе одного изъ содержавшихся тогда политическихъ арестантовъ. Частыя бесѣды съ нимъ открыли мнѣ новый, невѣдомый доселѣ міръ, открыли всю пошлость моей прошлой жизни; подъ его вліяніемъ я переродился и сдѣлался самымъ ревностнымъ приверженцемъ соціализма. Прежде я

пренебрегалъ нравственностью, былъ эгоистиченъ, готовъ былъ принесть все въ жертву своей личной выгодѣ; теперь я рѣшилъ посвятить всю жизнь на служеніе правдѣ и народному дѣлу, отречься отъ всякихъ личныхъ выгодъ, все личное пожертвовать этому дѣлу. Счастье и благо народное, торжество свѣта и правды — вотъ теперь единственная цѣль моей жизни. Да, гг. судьи! я уже не тотъ Овчинниковъ, какимъ былъ, когда мнѣ было 15 лѣтъ; между моимъ прошлымъ и настоящимъ нѣтъ ничего общаго. Если прежняя моя жизнь оставила по себѣ слѣдъ, такъ это именно — то озлобленіе, какое я чувствую къ правительству за униженія, какимъ оно подвергало меня въ дѣтствѣ; озлобленіе тѣмъ болѣе сильное, что я теперь прекрасно сознаю, что меньше всего отвѣтственность за мои поступки въ дѣтствѣ ложится на меня лично. Я былъ жертвой существующаго строя (а не забудьте, такихъ жертвъ немало) и только счастливый случай помогъ мнѣ выкарабкаться изъ той пропасти, въ которую такъ безжалостно бросаютъ цѣлые десятки тысячъ,— и этимъ счастливымъ случаемъ я обязанъ, какъ я уже сказалъ, именно соціально-революціонной партіи. Правительство, или вѣрнѣе тотъ порядокъ, который это правительство охраняетъ и защищаетъ, втоптало меня въ грязь, сдѣлало все, чтобъ усилить тѣ недостатки, которые во мнѣ уже были. Кто же меня вытащилъ изъ этой грязи? Подъ вліяніемъ чего я переродился нравственно, обновился духовно? Подъ вліяніемъ идеи соціально-революціонной партіи! Развѣ это не доказываетъ святости и чистоты этой идеи? Развѣ вы не замѣчаете въ этой идеѣ почти чудотворной силы, которой равна развѣ сила апостольской проповѣди, перерождавшая также людей безъ различія званій и состояній, и подъ вліяніемъ которой самые закоренѣлые преступники шли на смерть во имя великой идеи любви и братства.

Гг. судьи! все это я говорилъ не затѣмъ, чтобы оправдываться: я только хотѣлъ слегка показать силу той идеи, которую вы хотите искоренить, истребляя ея послѣдователей. Судите, осуждайте! теперь у васъ сила; но знайте, что это ни къ чему не поведетъ. Насколько мнѣ извѣстно, всякая новая идея всегда преслѣдовалась, и чѣмъ могущественнѣе была эта идея, тѣмъ сильнѣе были преслѣдованія; но также и то мнѣ извѣстно, что эти преслѣдованія никогда ни къ чему не приводили, развѣ только дѣлали борьбу ожесточеннѣе.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Было время, когда въ обществѣ и въ литературѣ обвиняли нашу молодежь въ томъ, что она, въ интересахъ народа, которому хочетъ служить, крайне непроизводительно расходуетъ свои силы. Къ чему, утверждали, всѣ эти тайныя общества, подпольная пропаганда, агитація? народу они ровно ничего не даютъ, а молодежи открываютъ широкій путь въ каторгу!... Сколько загубленныхъ силъ, сколько жертвъ — и что же?... Между тѣмъ, работая на легальной почвѣ, молодежь могла бы принести несомнѣнную пользу народу. Учитель, волостной писарь, докторъ — все это такія положенія, гдѣ молодыя силы могли-бы найти для себя наилучшее примѣненіе...

Теперь ни общество, ни литература такихъ совѣтовъ уже не даютъ. Кажется окружающая всѣхъ и вся атмосфера, переполненная жандармо-полицейскимъ духомъ, мало-по-малу начинаетъ убѣждать, что въ наше время безразлично чѣмъ быть: революціонеромъ или просто честнымъ человѣкомъ (учителемъ, докторомъ, даже лицомъ съ положеніемъ — чѣмъ угодно): того и другого одинаково легко приравняютъ къ «врагу отечества», того и другого одинаково преслѣдуютъ доносы, обыски, аресты... Мы переживаемъ такой періодъ, когда всякая дѣятельность въ интересахъ народа, какъ-бы она ни казалась возможной и даже необходимой съ точки зрѣнія закона, становится немыслимой: защитникъ забитаго люда, въ какой-бы сферѣ онъ ни проявлялъ свои симпатіи — въ крестьянскихъ учрежденіяхъ или въ земствѣ, въ судѣ или въ литературѣ — всюду является «опаснымъ человѣкомъ», «бунтовщикомъ», и люди наживы, казнокрады, эксплуататоры земскихъ и общественныхъ сундуковъ, кулаки въ зипунахъ и во фракахъ стараются немедленно подставить его подъ обухъ безумнаго, наипозорнѣйшаго изъ всѣхъ, нашего правительства. Правительство идетъ рука объ руку съ этими мошенниками всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, и они открыто эксплуатируютъ его глупость въ своихъ хищническихъ интересахъ... Создаются такія условія, при которыхъ произволъ становится закономъ, а законъ — «правительственною непредусмотрительностью», «обмолвкой», и руководствоваться имъ — значитъ, съ точки зрѣнія администраціи и К°, совершать беззаконіе.

Въ этихъ гнетущихъ всѣхъ и каждаго условіяхъ, при которыхъ всякая дѣятельность въ интересахъ народа, какъ-бы она ни была скромна по своему проявленію, считается преступной, въ этой затхлой атмосферѣ шпіонства, обысковъ, арестовъ и коренится, главнымъ образомъ, та причина, по которой наша молодежь все болѣе и болѣе охлаждается къ «хожденію въ народъ» и избираетъ для своей дѣятельности другую сферу—непосредственной борьбы съ правительствомъ. «Политическая революція представляетъ единственный выходъ изъ теперешняго положенія!» вотъ что услышите вы теперь изъ устъ не одной только молодежи.

Я вовсе не имѣю въ виду въ этой статьѣ касаться вопроса, на сколько, при теперешнемъ порядкѣ вещей, политическая революція, дѣйствительно, является существенно необходимой, и вообще на этотъ разъ не задаюсь цѣлью опредѣлять характеръ дѣятельности, вызываемой данной минутой, а просто, къ ряду общеизвѣстныхъ фактовъ въ пользу справедливости сдѣланной мною характеристики теперешняго порядка вещей хочу присоединить еще одинъ.— Въ обществѣ всегда находится достаточное число лицъ, къ которымъ съ успѣхомъ можно примѣнить извѣстное изреченіе Прудона: «Вы думаете — сказалъ разъ, и довольно? Нѣтъ, повторять надо, долбить, безпрестанно повторять, чтобы новая мысль перестала считаться абсурдомъ, перестала казаться странной и пріобрѣла бы дѣйствительныя права гражданства въ мозгу!»

I.

Кому не извѣстно, что сельская и волостная администрація пагубно вліяетъ на народную жизнь и, въ соединеніи съ кулачествомъ, является однимъ изъ самыхъ сильныхъ разрушительныхъ элементовъ общественныхъ порядковъ? Кто, съ другой стороны, не знаетъ, что волостной писарь можетъ распоряжаться судьбой нѣсколькихъ тысячъ крестьянъ, входящихъ въ составъ волости, и передъ нимъ гнутся въ три погибели всѣ, отъ старшины и кулака до «послѣдняго мужиченки» включительно? Объ этомъ толковали на всѣ лады, и всѣмъ и каждому это доподлинно извѣстно.

Предположите-же, что кто нибудь изъ молодыхъ людей, проникнувшись желаніемъ охранять общину отъ разъѣдающихъ ее гадинъ, задался-бы цѣлью, въ качествѣ волостного

писаря, противодѣйствовать развитію кулачества исключительно на почвѣ закона — и только.

Спрашивается: возможна-ли такая дѣятельность при настоящихъ условіяхъ?...

Прежде всего, какъ попасть въ волостные писаря образованному человѣку? Если вы имѣете университетскій дипломъ или даже свидѣтельство о томъ, что были въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, одно это обстоятельство заграждаетъ вамъ путь: въ любомъ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ вы найдете секретное предписаніе о недопущеніи въ писаря лицъ съ высшимъ образованіемъ. На первомъ же шагу, значитъ, вы уже сталкиваетесь съ правительственнымъ фарисействомъ и обманомъ: открыто толкуютъ о «недоучившихся мальчишкахъ», какъ о разрушителяхъ основъ, а секретно — къ нимъ же причисляютъ кандидатовъ университета и пр. Выходитъ, что въ волостные писаря, если и можетъ попасть образованный человѣкъ, то только съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ имѣлъ при себѣ видимый знакъ «недоучившагося мальчишки».

Далѣе.

Чѣмъ долженъ быть всякъ писарь для того,
Чтобъ быть достойнымъ званья своего?

Вы не пьяница — «странно!» Не берете взятокъ — «удивительно!» Написали грамотно бумагу — показываютъ: «посмотрите, какъ пишетъ этотъ писарь!». Выписываете журналъ — «како-овъ!» Словомъ, если вы, такъ сказать, по своимъ внѣшнимъ признакамъ не уподобляетесь обыкновенному типу писаря — «загребалѣ-пьяницѣ», вы уже «не отвѣчаете своему призванію» и являетесь «личностью сомнительнаго происхожденія».

Иногда этихъ «внѣшнихъ признаковъ политической неблагонадежности» бываетъ совершенно достаточно, чтобы на первыхъ же порахъ постарались васъ выжить, и единственнымъ утѣшеніемъ въ этомъ случаѣ для васъ будетъ служить привѣтъ мужика на прощаньи: «Эхихъ... знамо, начальство не любитъ!»

Но есть мѣстности, гдѣ писаря «загребалы-пьяницы», отличаясь вообще упущеніями по должности, вызывая массу «кляузныхъ дѣлъ», т. е. жалобы на дѣйствія старшины, на рѣшенія волостного суда, и своими измышленіями, въ кото-

рыхъ «самъ чортъ ногу сломитъ», по вопросамъ статистико-этнографическаго характера и другимъ поступающимъ на разрѣшеніе волостного правленія, такъ всѣмъ придержащимъ властямъ надоѣли, опротивѣли, что само начальство желаетъ имѣть «хорошихъ писарей»:

— Ну, пей, знаете, взятки бери... да по крайней мѣрѣ дѣло то умѣй дѣлать! А то кляузами на старшину, на волостной судъ завалили присутствіе... Какой это писарь!

Въ такихъ мѣстностяхъ, если исправникъ и будетъ смущаться внѣшними признаками вашей неблагонадежности, за то остальные члены присутствія по крестьянскимъ дѣламъ посовѣтуютъ ему «подождать поступковъ».

— Нѣтъ, вы не торопитесь! скажутъ ему. Положимъ... этотъ журналъ... не пьетъ, пишетъ, наконецъ, порядочно... все это, конечно, наводитъ... Но, съ другой стороны, можетъ быть, просто такъ: бѣденъ, мѣста не было... чортъ же его знаетъ! Можетъ и въ самомъ дѣлѣ выйдетъ изъ него хорошій писарь... Къ тому же, знаете, эти пьяницы уже надоѣли!... Чортъ знаетъ, что они пишутъ!... Какъ вамъ нравится хоть бы вотъ это: министерство предписываетъ собрать свѣдѣнія о нищенствѣ, мы посылаемъ писарямъ программу вопросовъ, а они отдѣлываются рапортомъ: «По справкамъ, нищихъ въ волости не оказалось, а буде появятся, будутъ приняты соотвѣтствующія мѣры»... Нѣтъ, вы подождите!

Исправнику придется ждать недолго.

Представьте себѣ такой случай.

Въ волостное правленіе приходитъ управляющій знатнаго барина заключить условіе съ нѣсколькими крестьянами на сельскія работы. Писарь читаетъ условіе. Что ни строчка — то штрафъ, штрафъ. «За прогулъ въ будни 2 р. штрафу; за прогулъ въ праздникъ — 3 р.; за каждый день болѣзни, не признаной конторой, 2 р... послѣ 3 дней болѣзни рабочій увольняется вовсе, съ вычетомъ изъ жалованья по 2 р. за каждый день... работать все, что ни заставятъ... на работу явиться по первому требованію конторы; въ случаѣ неявки — 25 р. неустойки... деньги за работу уплачиваются по усмотрѣнію экономіи». Единственная барская милость — «три рубля впередъ, по засвидѣтельствованіи сего условія въ волостномъ правленіи».

Писарь, на основаніи статьи устава о благоустройствѣ

въ селеніяхъ, по которой «волостное правленіе обязано отговаривать крестьянъ вступать въ обременительныя сдѣлки другъ съ другомъ и съ частными лицами», начинаетъ отговаривать продающихъ себя въ кабалу къ знатному барину.

— Знаете, что тутъ писано? спрашиваетъ онъ крестьянъ.

— Дѣ знать, ваше степенство, мы неграмотны! слѣдуетъ отвѣтъ.

Писарь объясняетъ имъ смыслъ «кабальной бумаги», выставляя на видъ всѣ комбинаціи случайностей, за которыми, по этому условію, долженъ слѣдовать штрафъ, неустойка, и, въ концѣ концовъ, они могутъ вернуться домой «безъ копеечки».

Управляющій ухмыляется и время отъ времени перерываетъ его замѣчаніями:

Это только такъ-съ, для острастки! Извѣстно, служить надо благородно-съ!... Наша экономія никого не обижаетъ!

Мужики, хотя и поддакиваютъ писарю, когда онъ имъ перечисляетъ всѣ возможные случаи штрафовъ и неустойки, но, видимо, не особенно возмущаются этой стороной условія.

Но вотъ писарь доходитъ до той части условія, гдѣ говорится о вознагражденіи за трудъ, причемъ оказывается, что «бумага» не соотвѣтствуетъ словесному уговору, какой былъ у крестьянъ съ управляющимъ за стѣнами волостного правленія, — и сговорчивость мужика сразу пропадаетъ.

— Уговоръ былъ какъ? наскакиваетъ одинъ изъ нихъ на управляющаго. Къ Ильину дню 5 р., къ Покрову — 10, а оставшіе по уборкѣ... а ты, вишь, «какъ экономія вздуматъ»!

— Ну да! отстаиваетъ себя другой. Ты ужъ не грѣши... пиши, чтобъ безъ обиды!

— Безъ обиды и писано! возражаетъ управляющій.

— Дѣ безъ обиды? горячится первый мужикъ. Пиши по уговору!...
А то нако-сь... «какъ вздуматъ!» Твоя экономія и вовсе вздуматъ не платить...

— Какъ есть! слышится новый голосъ. Лѣтось крѣпилъ да не такъ...

— А ты побойся Бога! уговариваетъ второй мужикъ.

— Я не неволю: хочешь — подписывайся и получай сейчасъ денежки! А не желаешь — какъ угодно: другихъ найдемъ.

Подходы склонить управляющаго «на бумагу по совѣсти» продолжаются довольно долго, варіируя въ предѣлахъ скромности: «ты ужъ пожалѣй насъ!» и накипѣвшей досады: «и совѣсть же у васъ, посмотрѣть... э-эхъ!» Но управляющій остается непреклоннымъ.

Одни мужики, кому «трешна еще не нужна «до зарѣзу», рѣшаютъ: «ищи другихъ, а мы погодимъ!» и уходятъ, не подписавъ условія. Другіе, кому нужда такъ и жужжитъ въ уши: «смотри, упустишь трешну, будешь каяться!», говорятъ писарю, махнувъ рукой: «пиши!». Добровольное условіе» состоялось, и условіе засвидѣтельствовано. Мужики получаютъ по трешнѣ, а управляющій — купчую крѣпость на ихъ руки.

— А вы строгоньки, очень строгоньки-съ! говоритъ управляющій на прощанье писарю. Раньше у васъ было просто-съ!.. Съ этимъ народомъ по закону нельзя... Мое почтенье-съ!

— Спасибо, кормилецъ, прощаются съ писаремъ мужики: за насъ стоишь!... Дай тебѣ Богъ здоровья!.. Эдакой писарь намъ въ первой... и покидаютъ правленіе, приговаривая: что подѣлаешь?... ну-жда.

Или представьте себѣ другой случай.

Дѣло происходитъ на волостномъ судѣ. Кулакъ, «прижимало-мученикъ», проситъ отнять судомъ въ его пользу избу у крестьянина, который ему продалъ ее за 20 р.

Вотъ этотъ мужичекъ, обращается онъ къ судьямъ, указывая на должника, продалъ мнѣ свой домокъ... а теперь не отдастъ! Хотѣлъ было къ мировому да дѣло-то плевое, въ 20 р.... Потрудитесь!

Судьи, выбранные волостнымъ сходомъ, въ угоду старшинѣ-кулаку, изъ каштановъ, тоже кулаковъ, хотя степенью ниже, прямо накидываются на мужика:

— Чаво-жъ ты! Продалъ— и отдай... Такъ, голова, нельзя: начальство безпокоишь зря... опять-же и человѣку... хлопоты-то, чай, ему что-нибудь стоятъ?

— Извѣстно дѣло, вторитъ имъ кулакъ: день-то мнѣ чего стоитъ?... Брать-то вы всѣ мастера, а отдавать — погоди, да погоди!... Вотъ попросить гг. судей за проволочку присудить, и будешь напередъ умнѣе!

— И присудимъ! угрожаютъ каштаны.

— Позвольте, гг. судьи вмѣшивается писарь: сначала надо

разобрать, въ чемъ дѣло. Ну-ка, разскажи, обращается онъ къ мужику: какъ ты домъ продалъ?

— Я ему, ваше степенство, дома не продавалъ... Это онъ зря! 15 руб. у него бралъ — точно, да 5 р. росту: 20 руб. за мной... я не отпираюсь.

— А на какой срокъ бралъ? допрашиваетъ писарь.

— На шесть недѣль...

— Чего его слушать, гг. судьи, грубо перерываетъ кулакъ: у меня документъ, по ему и взыскъ должны учинить... Мы тоже эти порядки знаемъ!

— Покажите вашъ документъ! требуетъ писарь.

Судьи молчатъ. Кулакъ подаетъ документъ.

«1878 г. марта ... дня. Я, нижеподписавшійся, читаетъ писарь: губ. ... уѣзда ... волости ... села крестьянинъ... продалъ... принадлежащій мнѣ домъ со всѣми надворными постройками и дворовымъ мѣстомъ, цѣною договорились за 20 р., которые я получилъ съ него сполна, съ условіемъ, что, ежели я пожелаю у него откупить свой домъ обратно... къ іюлю сего года, то обязуюсь уплатить ему 20 р.; буде же въ срокъ этихъ денегъ не заплачу, то все вышепрописанное мое имущество отдаю ему въ его вѣчное и потомственное пользованіе безъ всякаго суда и слѣдствія; а если доведу дѣло до суда, судебныя издержки платить мнѣ. Условіе это обѣимъ сторонамъ хранить свято и нерушимо, въ чемъ и подписуемся... За неграмотнаго...»

— Вотъ-съ! прерываетъ кулакъ: все какъ быть должно, по формѣ... Мы тоже зря просить не станемъ!

— Документъ какъ есть... настоящій! вторятъ ему судьи.

— Условіе это незаконно! возражаетъ писарь.

— Чево-съ? нахально спрашиваетъ кулакъ.

— Вашъ документъ незаконный... Во первыхъ...

— Какъ незаконный! горячится кулакъ: писаря-то не хуже васъ были, знали, чай, что дѣлали... Не-за-конный!

— Ну, а я вамъ говорю: незаконный, и прошу меня не перебивать... Во 1-хъ, чтобъ быть безспорнымъ, условіе должно быть записано въ книгу сдѣлокъ и договоровъ при волостномъ правленіи, а это не записано; во 2-хъ, дворовое мѣсто крестьянинъ можетъ продать другому лицу только съ разрѣшенія общества, а тутъ о такомъ разрѣшеніи даже не упоминается; въ 3-хъ, вы хотите отнять у мужика домъ за 15 р., тогда какъ по закону, не то что отнять, даже

продать у крестьянина домъ за частные долги нельзя!... Я вамъ совѣтую, г.г. судьи, продолжаетъ писарь, не руководствоваться этимъ документомъ, а разобрать дѣло по совѣсти и по обычаю!

— Ты постой, постой! удерживаютъ судьи кулака, который хочетъ сдѣлать замѣчаніе... Выдьте-ка всѣ! мы посовѣтуемся.

Публика удаляется вмѣстѣ съ истцомъ и отвѣтчикомъ. Въ комнатѣ остаются только судьи и писарь.

— Ты вотъ, что! шепчетъ писарю одинъ судья. Ты не больно!... Макаръ Иванычъ у насъ мужикъ первѣющій... обижать его не приходится! А что ты говоришь на счетъ пазьма, али дома — слово твое правое, мы знаемъ — да не рука! И тебѣ опять: голь-то эта... Эхъ!... плюнь! А этотъ... этотъ у насъ за первый сортъ, и тебя отблагодаритъ... Ты законъ-то про себя держи!

За дверью комнаты, гдѣ идетъ совѣщаніе, слышится брань кулака, которая покрывается галденьемъ толпы.

— Чу! Слышишь, что твое слово падѣлало, продолжаетъ тотъ же судья. Ты оставь!... У насъ эдакая-ли сумятица пойдетъ... и... и! Плюнь!

Но писарю все таки удается уговорить судей разобрать дѣло по совѣсти.

— Ну, говоритъ одинъ изъ судей, когда кулакъ и вся публика появилась въ комнатѣ: самъ, Макаръ Иванычъ, сплошалъ, на себя и пеняй! По документу мы твое дѣло разбирать не можемъ... Потерпи малость, отдастъ... Ты, парень, когда отдашь?

— Черезъ нед....

— Это что за судъ! перебиваетъ кулакъ: Развѣ это судъ?!

— Макаръ Иванычъ! вмѣшивается писарь. Я совѣтую вамъ вести себя поскромнѣе, иначе судьи, на основаніи статьи (читаетъ статью), могутъ посадить васъ подъ арестъ.

Кулакъ, подавленный неожиданностью такой угрозы и злостью, перехватившей его горло, умолкаетъ.

— Ну такъ какъ-же, парень, спрашиваютъ судьи: когда поплатишься?

— Черезъ недѣльку, гг. судьи, отдамъ... безпримѣнно уплачу!...

— Ну, попроси его... съ поклона-то голова... чай, не свалится!

— Макаръ Иванычь, сдѣлай милость!.. проситъ мужикъ, кланяясь въ ноги.

Кулакъ упорно молчитъ.

— Макаръ Иванычъ!... Пожалѣй мужика!... Подѣлайся!.. уговариваютъ судьи и нѣсколько голосовъ изъ толпы.

— Рѣшайте, рѣшайте! чуть-чуть что не приказываетъ кулакъ.

— Въ такомъ дѣлѣ, говоритъ писарь, законъ требуетъ, чтобы судъ старался склонить стороны къ миру... Если-же стороны не пойдутъ на мировую сдѣлку, то судъ рѣшаетъ дѣло самъ, на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту... Такъ какъ Макаръ Иванычъ подѣлаться по доброй волѣ не желаетъ, то я предлагаю вамъ, гг. судьи, постановить рѣшеніе!

— Макаръ Иванычъ, подѣлайся! пристаютъ судьи къ кулаку.

— Не желаю.

— Ну-у!.. Пиши рѣшеніе!.. Выдьте-ка вы! приказываютъ судьи публикѣ.

Комната остается на нѣсколько минутъ пустой. Рѣшеніе написано, и она снова наполняется народомъ.

— Читай! говорятъ судьи писарю. Писарь читаетъ:

«1878 г. іюля ...дня волостной судъ, въ составѣ трехъ очередныхъ судей... слушалъ... по разсмотрѣнію документа представленнаго... по выслушаніи сторонъ... судъ, принимая во вниманіе... опредѣлилъ: взыскать съ крестьянина... въ пользу кр. Макара Иванова 20 р.»

— Этимъ судомъ я недоволенъ! заявляетъ кулакъ. Пожалуйте копію!

— Завтра можете получить! отвѣчаетъ писарь.

Кулакъ оставляетъ правленіе, бормоча себѣ что-то подъ носъ.

Разсмотрите эти два случая и скажите: можно-ли, хотя-бы съ точки зрѣнія закона, тому писарю, который фигурируетъ въ нихъ въ качествѣ защитника интересовъ народа, преподнести титулъ «врага отечества — бунтовщика»? Конечно, нѣтъ! А между тѣмъ ему преподносятъ этотъ титулъ со всѣми его послѣдствіями!

Управляющій, если тотчасъ-же не строчитъ на него доносъ исправнику, то, при первомъ свиданіи приноситъ на него жалобу:

— Бунтуетъ народъ-съ!... Житья нѣтъ!

— Ну вотъ!... Я, вѣдь, говорилъ! радуется исправникъ, дождавшись случая похвастаться передъ остальными членами присутствія своей предусмотрительностью.

Одно обвиненіе уже готово; «вы возмущаете крестьянъ противъ помѣщика».

Кулакъ... но тутъ необходимо сдѣлать нѣкоторое отступленіе.

Я сказалъ въ началѣ статьи, что наше правительство идетъ рука объ руку съ мошенниками всѣхъ сортовъ, которые эксплуатируютъ его глупость въ своихъ хищническихъ интересахъ. Поэтому, какъ среди интелигенціи встрѣчается немало субъектовъ, понимающихъ, что въ наше время прямой путь къ устраненію «безпокойныхъ элементовъ», мѣшающихъ разворовывать общественныя и земскія деньги — это окрашиваніе этихъ непрошенныхъ «охранителей чужой копейки» въ «красный цвѣтъ», такъ и среди крестьянъ есть уже «понятные люди», смекнувшіе, что всякаго защитника голыдьбы во вредъ толстопузому-благодѣтелю можно «счикнуть», выставивъ его бунтовщикомъ. Да и почему же въ какой нибудь Губошлеповкѣ Герасиму Семеновичу или Андрею Ивановичу не пользоваться для своего деревенскаго обихода «духомъ времени» если въ Бузулукскомъ уѣздѣ Самарской губ. есть предводитель дворянства — Ждановъ, который хвастается въ обществѣ, произнося съ особеннымъ удареніемъ: «мы призваны стоять на стражѣ!» и дѣлаетъ доносы; а председатель земской управы въ томъ-же уѣздѣ — Ковзанъ, чтобы забаллотировать ненавистнаго его партіи претендента въ губернскіе гласные, не гнушается грозить мужикамъ: «Если выберете его — васъ сейчасъ подъ судъ! Развѣ вы не знаете, что онъ удаленъ изъ службы по второму пункту?... Вѣдь онъ противъ царя, безбожникъ!». Если есть такія персоны въ городѣ, то почему же имъ не быть и въ деревнѣ? И онѣ есть.

«Нонѣ просто!.. разсуждаетъ Герасимъ Семеновичъ съ Андреемъ Ивановичемъ: ежели мужикъ противъ тебя — закатилъ его въ разстройщики, и шабашъ!... въ Сибири много мѣста!... А ежели изъ эдакихъ... изъ образованныхъ, значитъ... шепнулъ жандарму, либо исправнику: смутовство, молъ, дѣлаетъ, бунтъ... такъ пропишутъ, любо дорого посмотрѣть будетъ!»

Возвратимся теперь къ кулаку.

Кулакъ, раздосадованный, обозленный, получивъ копію съ рѣшенія волостного суда, идетъ совѣтоваться съ добрыми людьми».

— Ну нѣтъ, братъ! окончательно добиваетъ его «добрый человѣкъ» : касація тутъ ни къ чему — тонко!... не отмѣнятъ!... все какъ есть!

Что дѣлать? Вездѣ и всюду кулакъ ругаетъ писаря, и чѣмъ чаще онъ вспоминаетъ о своихъ дѣлахъ, тѣмъ ярче выставляется ему невозможность обойти этого писаря, тѣмъ ненавистнѣе становится ему его личность.

Наконецъ, онъ наталкивается на Андрея Ивановича.

Да ты заткни ему кадыкъ-то! совѣтуетъ тотъ кулаку.

— Не беретъ!

— Ну-у? .

— Ей Богу!

— И откуда его чертъ принесъ къ вамъ?... прости Господи!

— Лѣшій его знаетъ! Жили, братецъ ты мой, все... слава Богу. Сколько писарей перебывало — уважали, а тутъ... на! за бѣдноту стоитъ, а намъ — хошь-бы вотъ съ эстолько!... все по закону, да по закону!... А у меня, знаешь, этихъ условіевъ на дома, опять-же души, которыя мужики позакладали... Смѣются, окаянные... мужиченки-то!... Да и впрямь съ этимъ писаремъ ничего не получишь.

— А за бѣдноту стоитъ?

— Стоитъ... шибко стоитъ?

— Да онъ, мотри, не изъ эдакихъ-ли?

— Изъ какихъ?

— Да вотъ, что смутовство дѣлаютъ...

— Знамо, изъ эдакихъ!... Какова еще смутовства надо-ть?... Весь міръ перебулгачилъ!

— Ну, такъ я тебѣ вотъ что присовѣтую: прямо къ жандару, не-то — къ исправнику.

— Ну-у?

— Пря-мо! Бунтуетъ, да и все тутъ... чего-жъ?... они его живой рукой... и души-то всѣ при тебѣ останутся!

— Это я беспримѣнно!

— Сдѣлай!

— И сдѣлаю!... Рази съ эстакимъ можно жить!

И кулакъ ѣдетъ къ исправнику, а «для вѣрности» заворачиваетъ и къ «жандару».

— Помилуйте-съ! жалуется онъ начальству: мы слава Богу, не то что... по всей округѣ извѣстны... и капиталъ платимъ и прочее все такое... Торговать нельзя-съ... опять же и хлѣбопашество... Буптъ-съ!

— Такъ! такъ! окончательно уже убѣждается исправникъ въ своей предусмотрительности.

Второе обвиненіе: «вы возстановляете бѣдныхъ противъ богатыхъ».

Не пройдетъ недѣли, какъ вы уже замѣтите, что вся окружающая васъ обстановка приняла характеръ какой-то подозрительности: въ вашей резиденціи живутъ жандармы, урядникъ куда-то рыщетъ, бѣгаетъ, разспрашиваетъ: мужики шепчутся и толкуютъ:

— Мотри, чего нибудь доискаться имъ охота!!... Все о тебѣ рѣчь заводятъ!

Ждите — не сегодня, завтра къ вамъ нагрянутъ гости, спросятъ паспортъ, произведутъ обыскъ и т. д. и т. д.

Можетъ быть, мнѣ возразятъ: »ну что-же, произведутъ обыскъ, ничего не найдутъ и оставятъ въ покоѣ!»

Ну, нѣтъ-съ! Положимъ, у васъ не найдутъ ничего противузаконнаго, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, — это вѣрно! Но, такъ какъ вы человѣкъ мало-мальски образованный, интересуетесь общественными дѣлами, можете имѣть знакомыхъ, которымъ также близки эти дѣла, а эти знакомые могутъ вамъ писать письма не по шаблону дружескихъ посланій, получаемыхъ «писаремъ-загребалой», въ родѣ: «А барановъ мнѣ къ святой навалили цѣлую уйму!»: такъ какъ, наконецъ, вмѣсто библіотеки, состоящей изъ «Мартына Задѣки» и «Барышни 5-го этажа», *вы* можете имѣть книги научнаго содержанія, — то полиція и жандармы, руководясь «духомъ времени», найдутъ у васъ при обыскѣ слишкомъ много!...

Ваше направленіе, скажутъ вамъ, вполнѣ опредѣляется этими письмами, книгами... къ тому же и поступки-съ!... Жаль, очень жаль, но приходится васъ арестовать... впредь до разъясненія всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла!

Дѣло, положимъ, разъяснится въ вашу пользу, но не думайте, что вы снова попадете на мѣсто. — Вѣдь всѣмъ этимъ исправникамъ, кулакамъ, Ждановымъ, Андреямъ Ива-

новичамъ, председателямъ управъ, въ родѣ бузулукскаго,— имъ только нужно какъ нибудь васъ «счикнуть» и въ лицѣ вашемъ создать примѣръ, чтобы этимъ примѣромъ на будущее время можно было уткнуть носъ другому, кто захочетъ идти по вашимъ стопамъ, проявляя свои симпатіи къ забитому люду и антипатіи къ его притѣснителямъ.

Разъ у васъ сдѣлали обыскъ, арестовали — вы скомпрометированы, и нигдѣ не найдете себѣ мѣста! Тотъ-же исправникъ, который «изъ произведеннаго дознанія» убѣдится въ вашей политической благонадежности, скажетъ вамъ:

— Помилуйте-съ — были подъ судомъ и лѣзете!... Намъ такихъ не надо!

«Притѣсняй, грабь, воруй»! — вотъ какую дѣятельность рекомендуетъ вамъ теперешнее statu quo, вотъ какую работу предлагаютъ честному человѣку всѣ современные эксплуататоры, съ правительттвомъ во главѣ!...

Что же дѣлать?

Кудряшовъ.

ПОСЛѢДНЯЯ ИСПОВѢДЬ

(отрывокъ изъ драмы)

Посвящается казненнымъ.

Внутренность каземата. Пять часовъ утра. На желѣзной койкѣ лежитъ исхудалый юноша. За дверью шаги и бряцанье ключей. Заключенный быстро садится. Входитъ священникъ съ распятіемъ; въ глубинѣ смутно видны фигура въ красной рубахѣ и солдаты.

Священникъ.

Во имя
Отца и Сына и Святаго Духа,
Аминь! (Молчаніе). Очнись, мой сынъ! Великій мигъ
Приблизился... (Молчаніе). Мнѣ краткія мгновенья
Бесѣдовать позволено съ тобой:
Не трать, мой сынъ, мгновеній дорогихъ! (Молчаніе).
На страшный путь ты долженъ запастись
Спокойствіемъ и бодростью... Я миръ
Душѣ твоей несу.

Осужденный.

(оглядываясь и указывая на палача)

А этотъ тѣлу?

Священникъ.

И я, и онъ — покорные послы
Пославшихъ насъ: небесной власти — я,
А онъ — земной. Я — вѣстникъ всепрощенья
И благости Творца, а онъ... онъ—казни
Невольный вѣстникъ...

Осужденный.

Ты сперва простишь,
А онъ потомъ казнитъ меня — не такъ ли?

Священникъ.

Людская казнь свершится и пройдетъ,
Но вѣчною пребудетъ благость Божья;
Не отвергай послѣдній даръ любви —
Земной залогъ Господня примиренья.
Покайся, сынъ, въ грѣхахъ...

Осужденный.

Старикъ,
Уйди! въ моихъ раскаявшись грѣхахъ,
Смертельный грѣхъ я бъ совершилъ передъ смертью.
На грѣхъ такой меня духовный пастырь
Съ распятіемъ въ рукахъ склоняетъ!...

Священникъ.

Сынъ мой,
Между тобой и судьями твоими
Не я судья. Молитву я, не судъ,
Пришелъ творить. Молись, дитя, и кайся!

Осужденный.

Пусть будетъ такъ! Услышь же ты, старикъ,
Предсмертное раскаянье мое!
„Прости, Господь, что бѣдныхъ и голодныхъ
„Я горячо, какъ братьевъ полюбилъ....
„Прости, Господь, что вѣчное добро
„Я не считалъ несбыточною сказкой.
„Прости, Господь, что я добру служилъ
„Не языкомъ однимъ медоточивымъ,
„Но весь — умомъ, и сердцемъ, и руками...
„Прости, Господь, что родинѣ несчастной
„И въ смертный часъ я вѣренъ остаюсь,

„Что я, рабомъ родившись межъ рабами,
„Среди рабовъ — свободный умираю.
„Прости, Господь, что я къ врагамъ народнымъ
„Всю жизнь пылалъ священною враждой,
„Что я друзьямъ не измѣнялъ въ несчастьи,
„Что вырывалъ изъ хищныхъ лапъ злодѣевъ
„Невинныя истерзанныя жертвы;
„Что гадинѣ смертельно-ядовитой
„Я притуплялъ отравленные зубы;
„Что я смутилъ безумнымъ воплемъ мести
„Развратный пиръ прожорливыхъ святошъ,
„Что я убійцъ казнилъ за ихъ убійства...“

Священникъ.

Молчи, молчи! Ты раны растравляешь,
И безъ того зіяющія въ сердцѣ
Твоемъ больномъ. Послѣднюю молитву
Не такъ творятъ. Есть тихія слова,
Слова любви, покорности, прощенья...
Они въ душѣ, какъ вспоминанья дѣтства,
Какъ матери ласкающій напѣвъ,
Баюкаютъ и злобу, и страданья,
И умирать даютъ намъ безъ проклятій...
О, вспомни, сынъ, то золотое время,
Когда враждой еще не распалялась
Твоя душа!... О, вспомни годы дѣтства
И чистый пылъ младенческой молитвы,
И миръ души и слезы умиленья!...
О, умились, дитя мое, передъ смертью
И Богу вздохъ послѣдній посвяти,
А не землѣ! Послушай, сынъ мой: если
За тяжкій грѣхъ заслуженную кару
Теперь несешь, — пусть льется горячо
Передъ Господомъ раскаянье твое!
Онъ милостивъ. Раскаявшійся грѣшникъ
Ему милѣй, чѣмъ тотъ, кто не грѣшилъ.
Но, если ты безвинно умираешь,
Вдвойнѣ теплѣй и ярче пусть горитъ
Послѣдняя твоя молитва Богу!
Идя на казнь невинно, помолись
Тому, Кто Самъ невинно былъ казненъ;

Вручи себя Тому, Кто намъ когда-то
Себя вручилъ. Ты скорбь свою повѣдай
Тому, Кто Самъ скорбѣлъ лютѣйшей скорбью.
Молись Тому предъ казнію, Кому
Во время казни долженъ подражать ты....
И онъ казненъ за бѣдныхъ и голодныхъ,
И Онъ казненъ за вѣчное добро,
Но въ смертный часъ враговъ не проклиналъ Онъ...

Осужденный.

Ты задѣвать умѣешь струны сердца.
Я самъ, старикъ, продумалъ о Христѣ
Послѣдній день своей недолгой жизни.
И много, много думалъ я....

Священникъ.

И что же?

Осужденный.

И я рѣшилъ, что повѣсть о Христѣ —
Пустая ложь....

Священникъ.

А прежде вѣрилъ ты?

Осужденный.

Въ дни юности, когда-то.... Вѣрѣ въ Бога
Уже давно противился мой разумъ,
Но лишь вчера сказалъ мнѣ голосъ сердца,
Что Бога нѣтъ.

Священникъ.

Что жъ говорилъ тотъ голосъ?

Осужденный.

Онъ говорилъ, что если на Голгофѣ
Вѣка назадъ своей святою кровью
Грѣхи людей Христосъ бы искупилъ,
То не было бъ моей сегодня казни....

Священникъ.

Его пути для насъ неизъяснимы....

Осужденный.

Молчи, старикъ! ты слышишь ли далекій

Зловѣщій гулъ? то праздная толпа
На смерть мою сбирается глазѣть...
Теперь, старикъ, дерзнешь ли ты о Богѣ
Мнѣ говорить? О, еслибъ въ небесахъ
И жилъ Господь, то, этотъ гулъ услышавъ,
Въ себѣ самомъ онъ сталъ бы сомнѣваться....
(прислушивается) Толпа ростетъ... все ближе... и о чемъ
Кричитъ она? То крики нетерпѣнья,
Или восторгъ, иль шутки площадныя?
О, подожди, народъ нетерпѣливый!
Ужъ близокъ часъ, притхнетъ скоро сердце,
Что лишь къ тебѣ любовью билось страстной,
Лишь за тебя скорбѣло и молилось...
Народъ! народъ! женихъ свою невѣсту
Не любитъ такъ, какъ я любилъ тебя!
Народъ... Мой слухъ ласкало это слово,
Какъ музыка небесъ... Въ часы сомнѣнья
Я воскресалъ мечтою о тебѣ,
Какъ жаркою молитвой. Домъ родимый,
Отца и мать безропотно я бросилъ
И лишь тебѣ, какъ бы отшельникъ Богу,
Я посвятилъ всю жизнь, всѣ силы духа...
Съ тѣхъ поръ иныхъ не вѣдалъ я печалей,
Съ тѣхъ поръ иныхъ я радостей не зналъ.
Тамъ, въ тишинѣ твоихъ полей просторныхъ,
Тамъ, въ суетѣ твоихъ лачужекъ тѣсныхъ —
Тамъ плакало, тамъ радовалось сердце...
О, горькій часъ! ты горьше часа смерти!
(задумывается) Меня везутъ въ позорной колесницѣ,
Я на глазахъ обманутыхъ народа
Свою любовь къ народу искупаю....
А я молчу... Ничья рука не можетъ
Повязку мнѣ сорвать съ его очей...
И умъ его могучимъ словомъ правды
Ничей языкъ не можетъ просвѣтить...
О, веселись, толпа! шути, позорь!
День траура своимъ друзьямъ доставишь,
День радости врагамъ ты подаришь...
Но нѣтъ! клянусь, я радость отравлю имъ
И грудь толпы заставлю трепетать!
Я не совсѣмъ безсиленъ, — умереть

Осталось мнѣ, и грозное оружье
Я на враговъ скую изъ этой смерти...
Я каѳедру создамъ изъ эшафота
И проповѣдь могучую безмолвно
Въ послѣдній разъ скажу передъ толпой!
Какъ надо жить, тебя не научилъ я,
Но покажу, какъ надо умирать.
Пусть палачи отъ злобы поблѣднѣютъ,
Позора ядъ пускай сердца прожжетъ имъ!...

Священникъ.

Прощай, мой сынъ! не далъ Господь мнѣ тронуть
Твой духъ. Сюда съ надеждой робкой шелъ я,
Съ отчаяньемъ отсюда удаляюсь;
Пусть Богъ проститъ твою гордыню.
Быть можетъ, что и къ свѣту ты стремился,
Хотя бродилъ несвѣтлыми путями.

Осужденный.

Что о путяхъ бормочешь ты? когда бъ я
Безчестными путями не гнушался,
Въ твоихъ теперь валялся бъ я ногахъ,
Передъ толпой съ подмостковъ эшафота
Стократъ себя крестомъ бы осѣнялъ,
Евангелье лобзалъ бы со слезами
И набожно толпу перекрестилъ бы:
Вѣрнѣй нѣтъ средствъ, чтобъ мученикомъ правды
Въ толпѣ прослыть. Вѣдь знаю я, что каждый,
Склоняясь въ прахъ передъ судьями моими,
Христа судившихъ дважды въ день клянетъ.
Но нѣтъ! Теперь, въ торжественный часъ смерти
Я честныхъ рукъ своихъ не оскверню,
Народному и моему врагу
Не протяну ихъ....

Священникъ.

Я — народу врагъ?

Осужденный.

Ты, попъ.

Священникъ.

И твой я врагъ?!

ходится натыкаться на такія вещи, которыя не вяжутся не только съ понятіемъ о вѣкѣ гуманности, о habeas corpus, но даже съ буквами закона, начертанными россійскимъ самодержателемъ. Не успѣла забыться Треповская исторія, какъ изъ харьковской центральной тюрьмы раздался вопль «за-живо погребенныхъ». Русскому обществу не вѣрится, чтобы какой нибудь смотритель центральной тюрьмы, «человѣкъ маленькій», съ такой беззастѣнчивостью могъ игнорировать уставы о каторжныхъ, уставы тюремные и и всякіе иные и обращаться съ политическими арестантами какъ его смотрительскому нраву угодно. А между тѣмъ, въ центрѣ россійской цивилизаціи, подъ бокомъ у сливокъ русскаго общества, существуетъ тюрьма для обвиняемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ, куда русскому обществу было бы поучительно заглядывать иногда: оно увидѣло бы здѣсь, что агенты русскаго правительства считаютъ для себя совершенно излишнимъ соображаться съ законами, изданными ихъ же вла[illegible]ами.

Петропавловская Крѣпость — эта «русская Бастилія» — находится въ непосредственномъ вѣдѣніи «опоры трона» — III Отдѣленія Существуютъ ли для этой тюрьмы какія либо правила или нѣтъ — заключеннымъ не извѣстно, а потому приходится разсказывать просто о ея порядкахъ.

Послѣ «голоднаго бунта» и «бунта буйнаго», о которыхъ сообщалось въ брошюрѣ по поводу убійства Мезенцева, порядки здѣсь были такіе: съ воли принимали для заключенныхъ отъ ихъ родныхъ и знакомыхъ книги, вещи, пищу и деньги; внутри тюрьмы пища и деньги могли передаваться отъ одного заключеннаго другому; свиданія съ родными происходили однн разъ въ недѣлю (каждое по получасу).

Съ половины октября прошлаго года порядки эти сильно измѣняются: принимать книги съ воли совсѣмъ запретили; вещи, пища и деньги стали приниматься только отъ родныхъ, и то съ большими затрудненіями; письма отъ заключенныхъ и къ заключеннымъ стали идти крайне медленно (городское письмо — двѣ недѣли), и половина изъ нихъ совсѣмъ не стала доходить, задерживаясь по пути III-мъ [illegible] простаго извѣщенія о томъ заключенныхъ [illegible] книги, деньг[illegible] денегъ, вещей и пищи внутри [illegible] чтобы все эт[illegible]; св[illegible]нія стали происходить [illegible] ключеннаго д[illegible], чет[illegible]

дый разъ, причемъ они продолжались иногда и меньше четверти часа; если же присутствующему при свиданіи жандармскому поручику Соколову (самый грубый изъ всѣхъ извѣстныхъ заключеннымъ жандармскихъ офицеровъ) какое нибудь слово казалось подозрительнымъ, то свиданіе тотчасъ же прекращалось. Такая крутая перемѣна объясняется слѣдующими причинами. Въ концѣ октября въ крѣпость было привезено 14 человѣкъ, арестованныхъ прошлою осенью. Третьеотдѣленцы и тов. прокурора СПБ. Судебной Палаты, пресловутый Поскочинъ, считали ихъ составляющими какое то важное сообщество („теплая компанія“, какъ злобно выразился Поскочинъ на допросѣ по дѣлу объ убійствѣ Мезенцева) и, понятно, Поскочинъ съ жандармами дорого дали бы, чтобы смастерить это сообщество и явиться спасителями отечества. А тутъ, вдругъ, при полномъ почти отсутствіи какихъ-либо данныхъ, эти арестованные наотрѣзъ отказываются не только давать какія-либо показанія, но нѣкоторые (четверо) — даже объя[illegible]ть свою фамилію, а одинъ (Сабуровъ) — написать хоть одну букву. Тогда III Отд., съ Поскочинымъ во главѣ, плюнувъ на 405 ст. Уст. Угол. Суд., которою запрещается вымогательство показаній, начали «прижимать непокорныхъ». Это съ цинической откровенностью объяснило само III Отд. въ своемъ письменномъ отвѣтѣ на просьбу заключеннаго Буланова о переводѣ части его денегъ Михайлову: «такъ какъ вы и Михайловъ, говорилось въ этомъ отвѣтѣ, упорствуете давать показанія, то III Отд. не считаетъ возможнымъ дѣлать вамъ какія нибудь снисхожденія“ (III Отд., въ качествѣ опоры трона, очевидно, считаетъ себя настолько выше россійскихъ законовъ, что всякое исполненіе ихъ считаетъ снисхожденіемъ съ своей стороны). На Сабурова, какъ наиболѣе непокорнаго, было обращено преимущественное вниманіе III Отд. Въ Петропавловской крѣпости существуетъ обычай, чтобы каждый заключенный (грамотный) собственноручно записывалъ на бумажку, что ему нужно купить. III Отд. надѣялось этимъ путемъ получить крайне интересный для него почеркъ Сабурова. Но Сабуровъ, справедливо считая эти записки пустою формальностью, требовалъ без[illegible]
ему покупк[illegible] [illegible] III Отд. присылаетъ [illegible]
ть Сабур[illegible] [illegible] [illegible]хъ
[illegible]ствуетъ

явилъ тюремному начальству, что если оно къ 23-му декабря (78 г.) не доставитъ ему табаку, то онъ принужденъ будетъ произвести скандалъ. Въ назначеное время смотритель опять принесъ ему отказъ. Тогда Сабуровъ выбилъ фортку въ дверяхъ, изломалъ мебель въ камерѣ и оборвалъ обои на стѣнахъ, послѣ чего былъ, по приказанію смотрителя, связанъ, причемъ ему помяли носъ, вывихнули палецъ и содрали кожу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была веревка. III Отд. отвѣчало на это предписаніемъ не дѣлать Сабурову никакихъ покупокъ, хотя бы онъ даже и написалъ записку, пока онъ не напишетъ о томъ прошенія въ III Отд. («поклонись, дескать, мнѣ въ поясъ, какъ бы говорило III Отд. Сабурову, тогда я позволю тебѣ покупать»). Къ этому времени и остальные заключенные не могли уже болѣе выносить своего положенія. Дѣло въ томъ, что хотя на содержаніе каждаго заключеннаго отпускается 50 к. въ сутки, но тюремная пища почему-то выдается въ недостаточномъ количествѣ. При тюрьмѣ есть библіотека, собранная изъ книгъ пожертвованныхъ разными благодѣтелями и самими заключенными; но библіотека эта крайне скудная и, что курьезнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствительнѣе всего, въ нее не допускаются журналы за текущій годъ, если бы даже они и были кѣмъ нибудь пожертвованы. Многіе заключенные арестованы въ лѣтнемъ платьѣ, а потому осенью и зимой принуждены отказываться отъ гулянья (полчаса въ день), что, понятно, чрезвычайно вредно отзывалось на ихъ здоровьи (почти всѣ заключенные страдаютъ хроническимъ разстройствомъ желудка). Все это заставило заключенныхъ въ началѣ января обратиться къ шефу жандармовъ съ заявленіями, въ которыхъ говорилось, что система лишеній, которымъ подвергаетъ ихъ III Отд., обращаетъ предварительное заключеніе въ мѣру наказаній и, вмѣсто сохраненія подсудимаго для суда, систематически убиваетъ его, — что это противорѣчитъ 416-ой ст. Уст. Угол. Суд., гдѣ предварительное заключеніе поставлено па ряду съ такими мѣрами, какъ отобраніе вида на жительство, а потому должно заключаться только въ лишеніи свободы, и что поэтому заключенные требуютъ: во 1-хъ, чтобы съ воли принимались книги, деньги, вещи и пища отъ родныхъ и знакомыхъ; во 2-хъ, чтобы все это внутри тюрьмы передавалось отъ одного заключеннаго другому (передача шла черезъ руки смотрителя

и обыкновенно состояла въ томъ, что имѣющій деньги записывалъ, что нужно для не имѣющихъ, и послѣднимъ покупки приносились прямо изъ лавки); въ 3-хъ, чтобы заключенные могли имѣть письменныя принадлежности; въ 4-хъ, чтобы свиданія происходили еженедѣльно; въ 5-хъ, чтобы въ тюремную библіотеку были допущены новые журналы. Одно изъ заявленій (Арцибушева) было найдено, по мнѣнію комендата, оскорбляющимъ достоинство Шефа, и потому не отослано. Арцибушевъ объявилъ, что если оно не будетъ отправлено, то онъ произведетъ скандалъ; ему отвѣчали отказомъ. Тогда онъ изломалъ всю мебель и былъ, по приказанію смотрителя, связанъ. Комендантъ, посылая объ этомъ донесеніе въ III Отд., препроводилъ и заявленіе Арцибушева, какъ вызвавшее всю эту исторію. И такъ, въ результатѣ — начальство все таки принуждено было послать заявленіе, только предварительно скрутило Арцибушева. 22 января отъ Шефа пришелъ отвѣтъ, которымъ разрѣшалось имѣть письменныя принадлежности; всѣ же остальныя требованія найдены «неосновательными» (почему — это конечно, не объяснялось; назову, молъ, неосновательными, да и баста; что ты съ меня возмешь?) Однако, должно быть по конфиденціальному предписанію III Отд., внутри тюрьмы была допущена передача другъ другу пищи, свиданія стали происходить еженедѣльно (по четверти часа); но книгъ съ воли и новыхъ журналовъ въ библіотеку не допускалось. Сабурову же было разрѣшено передавать все, кромѣ табака («ты, молъ, изъ за табака бунтовалъ, такъ и чувствуй же, какова рука моя: хочетъ — казнитъ, хочетъ — милуетъ»). Заключенные всѣми силами старались избѣжать скандала; вошли съ тюремнымъ начальствомъ въ переговоры о томъ, что если оно не хочетъ вызывать «буйства», то пусть, какими ему угодно путями, снабдитъ Сабурова табакомъ. Смотритель отвѣчалъ отказомъ. Тогда, 5 февраля, заключенные рѣшились обратиться къ тюремному начальству съ рѣшительнымъ предложеніемъ на этотъ счетъ. Смотритель отказался прійти для переговоровъ. Заключенные послали сказать ему, что они будутъ ждать его до 10 часовъ вечера. Онъ не далъ никакого отвѣта. Заключенные приготовились...

Наступалъ вечеръ... Съ первыми звуками курантовъ Петропавловской крѣпости, бившихъ 10 часовъ, въ корридорахъ

крѣпостной тюрьмы раздался оглушительный стукъ и трескъ. Это заключенные выбивали фортки въ дверяхъ и ломали въ камерахъ все, что только можно было ломать. Минутъ черезъ 10 смотритель Богородскій съ толпою въ 15—20 человѣкъ солдатъ гарнизона Петропавловской Крѣпости прибѣжалъ къ камерѣ заключеннаго Сабурова, подбѣгая по пути къ выбитымъ форточкамъ и посылая заключеннымъ угрозы, въ родѣ: «погоди, жидокъ, я тебя научу, какъ бунтовать!» (Вайнштейну), «а тебѣ, мерзавецъ, больше всѣхъ достанется!» (Мозговому) и тому подобныя. Затѣмъ эта толпа ворвалась въ камеру Сабурова, и здѣсь разыгралась первая сцена возмутительнѣйшей, звѣрской расправы надъ политическими заключенными, — сцена дикаго насилія и избіенія толпою солдатъ одного и притомъ связаннаго человѣка. Сабурова свалили на полъ, и одни изъ солдатъ принялись таскать его за волосы и бить головою объ полъ (полъ въ камерахъ асфальтовый) такъ сильно, что у него позеленѣло въ глазахъ и потомъ въ теченіе 10 дней страшно болѣла голова и звенѣло въ ушахъ, другіе колотили его, чѣмъ попало (кулаками и каблуками сапогъ) и куда попало (въ голову, въ спину и бока); третьи немилосердно крутили назадъ руки и вязали веревкой: сначала руки, а потомъ ноги (ноги затѣмъ притягивали къ рукамъ, такъ, что подошвы ногъ касались пальцевъ рукъ). Затѣмъ связаннаго Сабурова стащили въ карцеръ и бросили тамъ на кровать. Черезъ нѣсколько времени онъ развязался и сталъ звать (стукомъ) одного изъ товарищей по заключенію. Опять врывается смотритель съ толпою солдатъ, сваливаютъ его на полъ и вяжутъ вторично, на этотъ разъ такъ старательно, что у него черезъ нѣсколько минутъ омертвѣла правая рука. Явился докторъ и, осмотрѣвши Сабурова, приказалъ снять веревку, и вмѣсто нея надѣть сумасшедшую рубаху, — каковое приказаніе и было исполнено надъ нимъ два раза. Какъ сильно былъ избитъ Сабуровъ, можно себѣ составить понятіе уже по тому, что онъ въ теченіе слѣдующихъ четырехъ дней, при всемъ своемъ желаніи, не могъ ни спать, ни ѣсть, и въ теченіе семи дней — вставать. За Сабуровымъ та-же участь постигла Костюрина, Трофимова, Мозгового, Соболева, Вайнштейна, Арцибушева, Буланова и Михайлова. Всѣ они были избиты, связаны и связанными опять избиты. Солдаты такъ усердствовали въ исполненіи приказаній на-

чальства, что разница въ цѣломъ рядѣ этихъ возмутительныхъ сценъ насилія вышла очень не велика. Такъ: Трофимова, уже связаннаго, сѣкли концомъ веревки; Мозговому, избитому уже до шишекъ на головѣ, до синяковъ подъ глазами и лужи крови, истекшей изъ носа, и также связанному, одинъ солдатъ, уходя, нанесъ ногой въ чувствительное мѣсто такой сильный ударъ, что онъ потерялъ сознаніе и очнулся только въ половинѣ 12-го, т. е. пролежалъ безъ памяти больше часа; Арцибушеву сломали носовой хрящъ и били ногами въ грудь такъ, что у него пошла горломъ кровь. Всѣ эти варварскія сцены смотритель созерцалъ очень хладнокровно, и только у Арцибушева не могъ сдержать чувствъ, волновавшихъ его, и закричалъ: «прикладами его». Но прикладовъ не оказалось, и одинъ изъ солдатъ придавилъ его къ стѣнѣ отломаннымъ карнизомъ. Во время избіенія Михайлова, на крикъ его: «вы отвѣтите за побои», смотритель отвѣчалъ: «я тебя не бью».

Женщины избѣгли общей участи и только двѣ изъ нихъ сдѣлались жертвами расходившихся солдатъ: на Малиновскую одинъ солдатъ бросился такъ стремительно, что свалилъ ее на полъ и самъ упалъ на нее, а Витаньеву смотритель, запретивши бить, не запретилъ душить, что солдаты и исполнили такъ усердно, что она больна и до сихъ поръ (20 февраля); третью же (Александрову) вломившіеся въ ея камеру солдаты сваливаютъ на кровать, потомъ начинаютъ надѣвать сумасшедшую рубаху и душить подушкою; но смотритель, удовлетворивъ свои расходившіеся звѣрскіе инстинкты надъ другими заключенными и надѣливъ Александрову продолжительною площадной бранью, приказалъ снять съ нея рубаху и прекратить душеніе. У заключенныхъ затѣмъ было отобрано все и оставлены одни тюфяки, на которыхъ были положены связанные. Къ 11-ти часамъ все замолкло; только изрѣдка раздавались оклики: это связанные и несвязанные справлялись другъ о другѣ, всѣ ли живы. Въ $2^1/_2$ ч., по приказанію смотрителя, были развязаны тѣ, которые не могли развязаться сами.

На слѣдующій день, 6 февраля, были отобраны у заключенныхъ тюфяки и крышки отъ ватерклозетовъ, такъ что пришлось цѣлый день валяться на голомъ, холодномъ асфальтовомъ полу и вдыхать всякіе міазмы отъ разлагающихся нечистотъ. Заключенные потребовали, чтобы обо всемъ про-

пешедшемъ былѣ составленъ протоколъ, но получили отказъ. Они потребовали доктора для медицинскаго освидѣтельствованія. Является докторъ и говоритъ, что хотя онъ, какъ человѣкъ, и жалѣетъ заключенныхъ, но, какъ служащій въ крѣпости, не можетъ произвести освидѣтельствованія безъ приказанія начальства. Заключенные требуютъ къ себѣ коменданта крѣпости, давая слово не трогать его, — отказъ. Требуютъ бумаги, для написанія жалобъ, — опять отказъ. Тогда 14 человѣкъ заключенныхъ заявили, что они не примутъ пищи, пока имъ не дадутъ бумаги. Начальство этимъ нимало не смутилось и принялось систематически раздражать заключенныхъ: часовые поминутно хлопали закрышками у стеколъ въ дверяхъ и ходили по корридору, стараясь стучать какъ можно громче (обыкновенно по коридорамъ лежатъ половики, но на этотъ разъ они были сняты). Какъ только кто-либо изъ заключенныхъ начиналъ стучать кому нибудь изъ товарищей, къ нему врывалась толпа служителей и вырывали изъ рукъ то, чѣмъ онъ стучалъ (куски сахару. корки хлѣба и прочее). Одна изъ заключенныхъ (Ольга Натансонъ) начала стучать каблуками въ полъ; вламывается къ ней толпа служителей, схватываютъ ее. поднимаютъ на воздухъ и въ такомъ положеніи стаскиваютъ съ нея ботинки. Другой заключенной (Загорской-Федоровой) въ теченіе недѣли не давали одѣяла, что для нея было весьма чувствительно, такъ какъ у нея были выбиты почти всѣ стекла. Прислуживающіе нижніе чины, проходя мимо камеръ, громко ведутъ бесѣду, въ родѣ: «они (т. е. заключенные) боятся веревокъ, какъ огня; мы ихъ еще не такъ скрутимъ». И, въ довершеніе всего, смотритель, заходя къ одному изъ заключенныхъ (Сентянину), который былъ спасенъ отъ общей участи старательствомъ доктора (Сентянинъ сильно боленъ, и докторъ удерживалъ его отъ участія въ этой исторіи словами: «и зачѣмъ вы сюда мѣшаетесь — вамъ и такъ немного жить осталось.»*) и къ которому одному смотритель рѣшался входить въ камеру, начинаетъ восхвалять свои добродѣтели: «Я, говоритъ онъ, былъ еще настолько великодушенъ, что не далъ никого убить». Наконецъ, на пятый день голода (10-го февраля) выдаютъ бумагу, но нѣкоторые до того уже ослабѣли, что, не имѣя силъ писать, отложили

*) Сентянинъ умеръ въ Крѣпости 26 мая 79 г.

писаніе жалобъ на другой день. Всѣ жалобы были доставлены Шефу, который 12-го февраля самолично явился въ крѣпость. Сущность его отвѣта превосходно формулирована имъ-же самимъ (въ ковычкахъ приведены подлинныя слова его, которыя по своей беззастѣнчивой откровенности глубоко врѣзались въ памяти заключенныхъ). «На ражонъ полѣзли, на ражонъ и напоролись; и зачѣмъ вы начинали, зная, что сила на нашей сторонѣ, а гдѣ сила, тамъ и насиліе? Я глубоко сожалѣю, прибавилъ онъ, что вамъ такъ скоро выдали бумагу и не заставили поголодать до тѣхъ поръ пока сами не стали бы ѣсть» (это было сказано у Михайлова, Мозгового и Малиновской). На прямой вопросъ Мозгового: считаетъ-ли Шефъ побои законными, тотъ, ударяя себя въ грудь, патетически воскликнулъ: «насъ бьютъ, а мы только защищаемся», и прибавилъ: «странное дѣло, вы попадаете сюда за отрицаніе всякихъ законовъ, а сами требуете, чтобы съ вами поступали по закону!» Во всей этой исторіи Шефъ обвиняетъ Сабурова, потому якобы, что онъ, Сабуровъ, не захотѣлъ писать записокъ. На замѣчаніе Малиновской, что вѣдь не пишутъ же записокъ безграмотные, а стало быть записки не есть что-либо необходимое, Шефъ отвѣчалъ: «Ну, знаете, съ безграмотными еще меньше церемонятся, чѣмъ съ вами». 13 февраля получился отвѣтъ отъ коменданта, въ которомъ говорилось, что вязаніе производилось по его приказанію, побоевъ никакихъ нанесено не было, а, по свидѣтельству доктора, произошло нѣсколько легкихъ ушибовъ, неизбѣжныхъ при сопротивленіи человѣка, котораго вяжутъ (почти никто не сопротивлялся при связываніи), и что бумага не выдавалась въ теченіе трехъ дней по его распоряженію въ видѣ наказанія (вопреки 491 и 496 ст. Уст. Угол. Суд.). Выходитъ, что рука руку моетъ... и въ данномъ случаѣ обѣ остаются грязными. 13 февраля были возвращены кровати; 14-го — столы; 17-го — табакъ; а 19-го — письменныя принадлежности и возстановлена передача пищи другъ другу. Сабурову опять разрѣшено передавать все, кромѣ табака, т. е. III Отд., словно нарочно, оставляетъ зацѣпку для будущихъ упражненій звѣрскихъ инстинктовъ смотрителя и воинскихъ упражненій гарнизонныхъ солдатъ.

Дѣло теперь стоитъ въ такомъ-же положеніи, какъ и до 5-го февраля. III Отд. продолжаетъ самодурствовать и

тѣмъ какъ бы намѣренно вызываетъ повтореніе исторіи. Тюремное начальство, комендантъ и смотритель, конечно, явятся ревностными исполнителями предначертаній III Отд., и мы ничѣмъ не гарантированы отъ того, что это начальство будетъ въ слѣдующій разъ менѣе «великодушно» и лишитъ насъ одного или нѣсколькихъ товарищей, т. е. попросту говоря, постарается нанести при усмиреніи смертельные побои.

Петропавловская крѣпость.
20 февраля 1879 г.

ЦИРКУЛЯРЪ М. В. Д. ОТЪ 16 ІЮЛЯ

Мы приводимъ цѣликомъ этотъ актъ замѣчательной правительственной наглости и цинизма. Пусть сохранится онъ для историка русской революціи, пусть прочтутъ его еще разъ тѣ, кто еще ждетъ чего-либо отъ нашего правительства.

Вотъ подлинныя слова этого знаменитаго документа:

«Съ нѣкотораго времени между сельскимъ населеніемъ стали ходить ложные слухи и толки о предстоящемъ будто бы общемъ передѣлѣ земель. По особому Государя Императора повелѣнію, объявляю, что ни теперь, ни въ послѣдующее время никакихъ дополнительныхъ нарѣзокъ къ крестьянскимъ участкамъ не будетъ и быть не можетъ. При дѣйствіи нашихъ законовъ о правѣ собственности, никогда не можетъ случиться такой неправды, такой обиды, чтобы земля, законнымъ порядкомъ за кѣмъ либо укрѣпленная, была у законнаго владѣльца отнята и передана другому. Сами крестьяне владѣютъ отведенною имъ землею па основаніи Высочайше утвержденнаго 19-го февраля 1861 г. Положенія; по силѣ закона, они спокойно пользуются и распоряжаются своими надѣлами и имѣютъ право пріобрѣтать новые земельные участки отъ другихъ собственниковъ, по добровольному съ ними соглашенію. Такимъ образомъ, законы наши оставляютъ каждаго при своемъ и не дозволяютъ посягать на чужое. Черезъ это, вмѣстѣ съ крестьянской и всякой другой собственностью, охраняется спокойствіе всего

государства. Ложные слухи о земельномъ передѣлѣ и о добавочныхъ въ пользу крестьянъ нарѣзкахъ разносятся по селеніямъ людьми злонамѣренными, для которыхъ нужно только смущать народъ и нарушать общественное спокойствіе. Къ сожалѣнію, слухи эти не рѣдко принимаются на вѣру простодушными людьми, которые передаютъ ихъ другимъ, не подозрѣвая обмана и не помышляя о томъ, въ какую бѣду они могутъ чрезъ это попасть сами и ввести другихъ. Во исполненіе Высочайшей воли Государя Императора, предостерегая сельское населеніе отъ злыхъ и коварныхъ внушеній, я вмѣняю въ обязанность сельскому, волостному и полицейскому начальствамъ зорко и неослабно слѣдить за появленіемъ злоумышленныхъ вѣстовщиковъ, а введенныхъ въ обманъ стараться всячески вразумлять и удерживать отъ распространенія вредныхъ вымысловъ».

Подписалъ: Маковъ.

Повторяемъ, это есть актъ величайшей правительственной наглости и цинизма. Верховное право народа на землю есть, несомнѣнно, самое священное изъ всѣхъ народныхъ правъ. Съ нимъ можетъ сравняться развѣ только право свободы, немыслимое безъ земли. Утрачивая свою политическую свободу (татарское иго, крѣпостное право), народъ не утрачивалъ земли и продолжалъ считать ее своею. Право это освящено вѣками. И вотъ теперь, по особому высочайшему повелѣнію, приказано однимъ почеркомъ министерскаго пера похѣрить ни много, ни мало, какъ всю русскую исторію, все наше обычное право, всю не только нашу, но и европейскую науку, признающую теперь верховныя права народа на землю.

Народъ всегда считалъ землю общимъ достояніемъ и никогда не признавалъ ее частной собственностью. Ссылаться ли намъ на нашихъ лучшихъ историческихъ писателей и изслѣдователей быта: Неволина, Бѣляева, Самарина и др. Но это настолько уже общеизвѣстно, что ссылки излишни. Никакихъ юридическихъ и политическихъ основаній наша частная поземельная собственность не имѣетъ. Въ то время, какъ мы находимъ въ Русской Правдѣ обстоятельныя распоряженія относительно движимой собственности, по отношенію къ землѣ ничего не говорится. Слово собственность и наслѣдство не встрѣчается до Петра ни въ

лѣтописяхъ, ни въ грамотахъ, ни въ какихъ-либо другихъ государственныхъ актахъ. Самого понятія о собственности, какъ неотъемлемой наслѣдственной принадлежности частнаго лица, не существовало. Въ Западной Европѣ мѣщанскіе писатели еще могутъ подыскивать кое-какіе основанія для частной поземельной собственности изъ военнаго права, права покупки, давности владѣнія и т. п.; но у насъ ничего подобнаго нѣтъ. Тамъ побѣдитель отбиралъ у побѣжденнаго всю землю или часть земли и дѣлилъ ее между вождями; тамъ, съ завоеваніемъ, происходило глубокое измѣненіе аграрнаго устройства. Конечно, права эти также очень шатки, но все таки есть хоть призрачное основаніе. А у насъ большая часть территоріи завоевана вовсе не царями и воеводами, вовсе не войсками, а самимъ народомъ, который ватагами, дружинами подвигался на сѣверъ (новгородцы), востокъ (Ермакова вольница), и югъ (казаки) и занималъ землю безраздѣльно. Владѣніе землей у насъ было не правомъ, а обязанностью, повинностью. Правда, мы встрѣчаемъ князей, своеземцевъ, вотчинниковъ (въ видѣ рѣдкихъ исключеній), видимъ, что волости, города и села переходятъ изъ рукъ въ руки, верстаются, какъ служилыя тягла, но все это совершается по произволу, по случаю и безъ всякаго закона. Земли эти опять отбираются въ казну или по народному настоянію, или за уклоненіе отъ службы. Основное правило русскаго землевладѣнія сохраняется даже въ указахъ 1742—44 годовъ, предписывавшихъ отбирать землю въ казну за отъѣздъ изъ государевой службы, утайку недорослей, праздное житье въ деревняхъ и домахъ и т. п.; а крестьянскихъ протестовъ противъ частнаго землевладѣнія и договоровъ о томъ, чтобы бояре не смѣли пріобрѣтать земель въ частную собственность — великое множество во всѣхъ нашихъ архивахъ. Если села покупались, дарились и отказывались, то предметомъ договора всегда было не самое имущество и не люди, водворенные на землѣ, а только право собирать доходы и оброкъ, только право кормиться; земля же продолжала считаться общегосударственнымъ достояніемъ (не государевымъ). Мало ли что дѣлали князья: Иванъ Калита завѣщалъ, напр., Москву, какъ вотчину, своимъ дѣтямъ, но кто же считалъ Москву его личной собственностью? Великій Новгородъ назывался вотчиной великаго князя въ актахъ 1471 г., когда уже нѣсколько вѣковъ не

признавалъ власти московскихъ князей. — Вотчина боярская и княжеская вовсе не обозначала собой западно-европейскаго patrimonium'а, а означала только, что владѣніе такою то волостью перешло отъ отца къ сыну — и только; переходъ земли къ слѣдующему поколѣнію былъ дѣломъ случая, народнаго снисхожденія, а вовсе не правиломъ. Само княжеское землевладѣніе обусловливалось вольнымъ договоромъ, покуда онъ княжилъ на землѣ; а развѣ мы не знаемъ, какъ непрочно сидѣли князья на своихъ столахъ? «Поземельныя владѣнія, говоритъ Градовскій, составляли только придатокъ къ содержанію дружины, и придатокъ весьма не прочный: при переходѣ князя изъ одного удѣла въ другой, при изгнаніи князя изъ волости, дружинникъ лишался своихъ волостей и селъ» (Ист. Мѣст. Упр. 11 стр.). Словомъ, ни князья Рюрикова дома, ни какіе-либо другіе не имѣли права на землю, которая оставалась за смердами, купами, христіанами, и притомъ не за каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности, а за ихъ міромъ. Ни одинъ добросовѣстный историкъ не доказывалъ еще принадлежность земли князю. Точно также совершенно чуждо русской жизни и право наслѣдства. Испоконъ вѣковъ у насъ каждый взрослый имѣлъ право на землю, наравнѣ со всѣми. Взгляды эти проходятъ черезъ всю русскую исторію. Что ни дѣлали съ ними распорядители многострадальной Русской земли, они уцѣлѣли и остаются неизмѣнными: правительственныя распоряженія не исполнялись, насильственныя нововведенія забывались и т. д. Историческія права такъ легко не разрушаются и доживаютъ до суднаго дня. Русскій государственный бытъ сложился вовсе не по приказамъ властей, какъ увѣряютъ чиновники, а медленнымъ историческимъ путемъ. Не смотря на вопіющія аграрныя злоупотребленія со стороны князей и бояръ, захватывавшихъ народную землю, положеніе вещей мало измѣнилось не только до закрѣпленія крестьянъ, не только до Петра, пріурочившаго частное землевладѣніе къ государственной службѣ и весьма скупого на государственныя земли, но до второй половины, даже и послѣдней четверти прошлаго столѣтія, когда, собственно, и создалось наше частное землевладѣніе. Древніе боярскіе роды или вымерли совершенно, или, какъ говорилось, «захудали» совсѣмъ. Преемники Петра, во что бы то ни стало, желали создать у насъ аристократію, подобно западно-евро-

пейской. И вотъ наши императрицы — разныя Елизаветы, Екатерины и Анны, окруженныя временщиками, а за ними и полоумные императоры, въ родѣ Павла, начинаютъ раздавать своимъ любовницамъ, любовникамъ и разной челяди десятки тысячъ десятинъ земли, цѣлые уѣзды и сотни тысячъ крестьянъ. Каждое восшествіе на престолъ, каждыя крестины и именины ознаменовывались подобною щедростью. Появились на сценѣ гр. Кутайсовы, Шафировы, Орловы, Шуваловы, набросившіеся съ жадностью на народную землю. По случаю восшествія на престолъ, Павелъ роздалъ $82^1/_2$ тыс. душъ крестьянъ, а Екатерина, за время своего царствованія, раздала 800,000 душъ, разумѣется, съ соотвѣтствующимъ количествомъ земли. Безбородко не ограничивался тѣмъ, что присоединялъ къ своимъ, и безъ того многочисленнымъ, имѣніямъ 30 тыс. десятинъ, но выхлопатывалъ еще имѣніе въ 850 душъ и орденъ св. Екатерины своей любовницѣ, какой-то Л., которая по словамъ Воронцова, была не болѣе, какъ проститутка. Земли давались за стихи и ноты въ честь царедворцевъ *). Вотъ откуда ведетъ свою давность наше частное землевладѣніе, вотъ какимъ путемъ создавалось оно. Оно возникло непосредственно изъ грабежа казны, продолжающагося и понынѣ: г. Валуевъ раздаетъ огромныя пространства казенныхъ земель захудалымъ и незахудалымъ аристократамъ (въ родѣ Долгорукихъ и Волконскихъ), чиновникамъ и даже лакеямъ и кучерамъ.

Вотъ на чемъ покоится у насъ священное право частной поземельной собственности, которое съ такимъ паѳосомъ защищаетъ г. министръ внутреннихъ дѣлъ, во исполненіе высочайшей воли государя императора. Мы съ своей стороны можемъ поблагодарить ихъ обоихъ за откровенность. Для уясненія народнаго пониманія такіе циркуляры дѣлаютъ больше, чѣмъ всѣ книжки, распространяемыя революціонерами въ народѣ.

---

*) Данныя эти мы беремъ изъ книги Карновича (состоящаго нынѣ издателемъ органа г. Валуева, «Отголоски») — «Замѣчательныя Богатства».

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ

ИЗЪ ПУДОЖА (Олонецк. губ.) намъ сообщаютъ о возмутительномъ фактѣ, обрисовывающемъ положеніе политическихъ ссыльныхъ. 28 августа три женщины (изъ политическихъ ссыльныхъ): Охременко, Улановская и Квасницкая отправились на лодкѣ за городъ собирать грибы. Онѣ вышли изъ дому въ присутствіи полицейскаго, ежедневно обходящаго ссыльныхъ для провѣрки. На дорогѣ онѣ встрѣтили исправника, который цѣлую версту ѣхалъ рядомъ съ ними и не сдѣлалъ имъ никакого замѣчанія по поводу ихъ прогулки. Женщины мирно собирали ягоды и грибы. А исправникъ между тѣмъ послалъ нарочнаго въ городъ съ приказомъ — догнать и арестовать ихъ, какъ якобы бѣжавшихъ. Полиція является, отбираетъ весла у женщинъ и на буксирѣ приводитъ ихъ лодку въ городъ. По дорогѣ ихъ увидѣли гулявшіе на берегу ссыльные и, желая узнать въ чемъ дѣло, цѣлой кучей встрѣтили возвращающійся кортежъ. Въ то же время къ берегу спускается помощникъ исправника, Зотиковъ, съ полицейскими и даже частью мѣстнаго гарнизона! Эта армія окружаетъ ссыльныхъ, Зотиковъ махаетъ револьверомъ и кричитъ, что ссыльные бунтуютъ, что онъ потребуетъ воинскаго начальника. На вопросъ ссыльныхъ — что онъ собственно требуетъ и что намѣренъ дѣлать — онъ отвѣчаетъ что это его дѣло, и приказываетъ всѣмъ, кромѣ женщинъ, разойтись. Нѣкоторые изъ толпы хотѣли исполнить требованіе, но солдаты не пускаютъ ихъ, толкая и крича: «Прочь, никого не велѣно пущать!» Шумъ и сумятица... Наконецъ, всю толпу повели въ городъ, подъ конвоемъ чуть не цѣлаго гарнизона, подошедшаго по дорогѣ на подкрѣпленіе Зотикову. У полиціи солдаты разогнали пинками ссыльныхъ, а «бѣжавшихъ» втащили въ самое зданіе, гдѣ имъ было объявлено, что ихъ, какъ покушавшихся на побѣгъ, будутъ держать подъ арестомъ впредь до разъясненія дѣла. Два дня сидѣли онѣ, почти безъ пищи, испытывая самое грубое обращеніе. На третій день является исправникъ съ полицейскими и приказываетъ перевести женщинъ въ острогъ. Арестованные требуютъ объясненія, но, по знаку исправника, содаты начинаютъ колотить ихъ и тащатъ за руки и за волосы въ острогъ. Исправникъ

лично участвуетъ въ побоищѣ. Съ избитыми физіономіями, искалеченныхъ до безчуствія, несчастныхъ проволокли въ острогъ черезъ весь городъ. Эта сцена возбудила негодованіе даже со стороны мѣстныхъ обывателей-мѣщанъ. Но на публику, конечно, не обращали вниманія. Нѣсколько дней сидятъ женщины въ тюрьмѣ, ихъ всячески стѣсняютъ. Исправникъ не допускаетъ отъ нихъ ни заявленій, ни писемъ черезъ прокурора. Чѣмъ кончится дѣло — неизвѣстно. Остальныхъ ссыльныхъ, бывшихъ на берегу, обвиняютъ въ покушеніи отбить бѣжавшихъ и въ сопротивленіи властямъ.

ИЗЪ ЕКАТЕРИНОСЛАВА. Изъ города увезены въ Орловскую (не Мценскую ли?) тюрьму для ссылки административнымъ порядкомъ: семинаристъ Чевьяга, рядовой Михайличенко (изъ вольноопреляющихся), помѣщикъ Котовъ (владѣлецъ 1000 дес. подъ Екатерин.) и бывшій гимназистъ Корецкій-Старшій. Котовъ, Михайличенко и Корецкій сидѣли въ здѣшней тюрьмѣ съ апрѣля. Всѣ они обвиняются въ пропагандѣ среди крестьянъ и войска, а Котовъ въ пропагандѣ штундизма.

ИЗЪ ПОЛТАВЫ. Наше полтавское дворянство, какъ извѣстно, послѣ 2 апрѣля подало на имя царя адресъ, надѣлавшій до нѣкоторой степени шума. Я не стану приводить цѣликомъ это дворянское произведеніе, а ограничусь изложеніемъ его сути.

Составители адреса, упомянувъ о великихъ реформахъ и славныхъ дѣлахъ нынѣшняго царствованія и о ихъ воспитательномъ значеніи для всего общества и народа, видятъ слабость правительства въ отсутствіи дворянско-полицейской организаціи, которая удесятерила бы силы правительства для борьбы съ внутреннимъ врагомъ. Указавъ, что подобный союзъ не будетъ чѣмъ нибудь новымъ, такъ какъ и Екатерина созывала депутатовъ, они выражаютъ свою готовность явиться по первому призыву, «когда благоугодно будетъ повелѣть», и обѣщаютъ дѣйствовать «безъ лицепріятія для своего сословія». Пользу подобнаго учрежденія составители доказываютъ, ссылаясь на успѣхи соціально-революціонной партіи въ Россіи, что достигается существованіемъ организаціи въ средѣ членовъ этой партіи и ихъ неизмѣнною вѣрностью другъ другу. «Во сколько же разъ

сильнѣе будетъ союзъ, который образуется свободно, законно и всенародно для истребленія враговъ тишины и общественнаго спокойствія». Въ концѣ концовъ дворянство, какъ бы извиняясь въ собственной дерзости, заявляетъ, что «только страхъ за Священную Особу Вашего Величества былъ причиною, что и самая мысль наша получила необычное для нея теченіе».

Это необычное теченіе дворянской мысли и послужило собственно причиной пріѣзда въ Полтаву Лорисъ-Меликова въ концѣ мая. Самое лакейское прислуживанье встрѣтило графа въ городѣ. Городской голова Абаза, очень много либеральничавшій до сего, особенно холопствовалъ передъ Лорисомъ, остановившимся въ его домѣ: Абаза даже лошадь его сіятельства выѣзжевалъ самолично. Разумѣется, всѣ либеральныя замашки, въ родѣ спектакля въ пользу ссыльныхъ студентовъ, — были забыты, особливо, когда Лорисъ, въ видѣ милой шутки, напмнилъ г-жѣ Абаза, что онъ имѣетъ право вѣшать, кого вздумаетъ. Выбивался изъ кожи также полицмейстеръ Стеблинъ-Каменскій (отецъ осужденнаго на каторгу), съ комической старательностью охраняя особу графа. Солдаты, жандармы, городовые окружали Лориса словно онъ шелъ штурмовать Карсъ.

Составитель знаменитаго адреса, Устимовичъ (предв. двор. Гадячскаго у.), не присутствовалъ въ городѣ, а потому былъ вытребованъ въ Харьковъ для объясненій, которыя и были найдены удовлетворительными. Губернскій же предв. двор., Мандерштернъ, получилъ выговоръ за то, что его, въ самый критическій для государства моментъ, нѣтъ въ губерніи.

Во время пребыванія въ Полтавѣ, Лорисъ рѣшилъ судьбу лицъ, участвовавшихъ въ панихидѣ по Михалевичѣ и Ковальскомъ. Одинъ изъ нихъ, Жуковъ, успѣлъ скрыться. Остальные 7 высланы: Собакаревъ — въ Вельскъ, Саучинскій — въ Никольскъ, Жарко — въ Уржумъ, Поповъ — въ Березовскіе починки (деревня въ двѣ-три избы, Глаз. уѣзда, Вятск. губ.), Левинъ — въ Сургутъ (Тоб. губ.), Комаровскій — въ Тару (Тоб. губ.), Кузнецкій — въ Иркутскъ. Всѣ они — харьковскіе студенты, сосланные за безпорядки на мѣсто родины, т. е. въ Полтаву. Мѣсяцъ спустя былъ арестованъ и отвезенъ въ Вышневолоцкую тюрьму для ссылки въ Сибирь Щетинскій, состоявшій подъ слѣдствіемъ

по какому-то пустячному политическому дѣлу. Затѣмъ сосланъ въ Кадниковъ (Вологъ. губ.) Рейдеръ, бывшій студентъ Кіевскаго унив. Въ послѣднее время сосланы въ Арх. губ. «за оскорбленіе Величества» двое крестьянъ, ремесломъ кожевники.

ИЗЪ ВЯТКИ. Какъ извѣстно, Вятская губ. служитъ мѣстомъ для административной ссылки, и въ настоящее время въ одномъ только г. Вяткѣ политическихъ административно-ссыльныхъ 18 человѣкъ. Каждый день по нѣсколько разъ является къ нимъ полиція посмотрѣть всѣ ли они на лицо. Часто бываетъ, что однимъ лицезрѣніемъ ссыльныхъ не удовлетворяются, и тогда безъ всякого повода всѣ ихъ вещи подвергаются «административному осмотру». Безцеремонность полиціи по отношенію къ «поднадзорнымъ» доходитъ иногда до самой невозможной степени. Прошлой зимой въ театрѣ одинъ полицейскій далъ пощечину г. Б. (находящемуся подъ надзоромъ) за то, что тотъ требовалъ отдать ему кресло, занятое насильно полицейскимъ. Б. принесъ на оскорбленіе жалобу мировому судьѣ. Свидѣтелемъ происшествія былъ ссыльный Р. Полицмейстеръ сперва пытался застращать Р., чтобы онъ далъ ложное показаніе въ пользу полицейскаго. Когда же не успѣлъ въ этомъ, то уговорилъ мирового судью оттянуть дѣло, а самъ тѣмъ временемъ успѣлъ сослать Б. въ Восточную Сибирь, а Р. — на родину.

Надзоръ не только за ссыльными, но и вообще за всѣми обывателеми самый мелочный. Въ глазахъ вятскаго полицмейстера всѣ барыни, не носящія серегъ, колецъ и перчатокъ — соціалистки, а молодые люди, гуляющіе въ загородномъ саду — соціалисты и записываются, какъ говорятъ, полицеймейстеромъ въ особую книгу. Осаждаемая непріятелемъ, вятская администрація хлопочетъ теперь осчастливить Вятскую губернію военнымъ положеніемъ. А то пожалуй, чего добраго, — революція вспыхнетъ! Здѣшнее начальство увѣрено, что въ городѣ или близь города, на дачахъ, есть тайная типографія, которую самымъ энергичнымъ образомъ розыскиваетъ. Еще весной сдѣлали обыскъ у Красовскаго, и, отыскивая типографскія принадлежности, разрыли даже кислую капусту въ кадкахъ. Лѣтомъ два раза дѣлали обыскъ на Раковкѣ (дача почетныхъ граждан Рязанцевыхъ), обшаривая чуть не каждое дерево, обстукивая своды: не

запрятанъ ли, молъ, шрифтъ? Но, разумѣется, ничего подобнаго не оказалось.

На пароходной пристани у насъ обыскиваютъ пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, кто имѣетъ несчастіе своимъ видомъ не понравиться полиціи. Одна слушательница медицинскихъ курсовъ пріѣхала на лѣто къ роднымъ. Полицеймейстеръ ее обыскиваетъ и находитъ четыре тома Некрасова. Онъ ужасается. «Что это значитъ, что такъ много? Четыре книги! Зачѣмъ? Поставлять, что ли, взялись кому?»

Въ г. Орловѣ, въ началѣ августа, застрѣлился Александръ Григорьевичъ Война, бывшій въ административной ссылкѣ съ начала 1876 года.

ХРОНИКА ПРЕСЛѢДОВАНІЙ

Здѣсь вѣтеръ не дунетъ живящей струей
И солнечный лучъ не проглянетъ,
И все, что поднимется къ жизни порой,
Мгновенно здѣсь гибнетъ и вянетъ.

Никогда еще картина русской дѣйствительности не представляла собою такого живого воплощенія разнузданнаго деспотизма. Содрогаясь въ послѣднихъ предсмертныхъ конвульсіяхъ, русское правительство, рядомъ кровавыхъ и звѣрскихъ насилій, поражаетъ безъ цѣли и смысла все, что встрѣчается ему на пути и, подобно одержимому припадками эпилепсіи, не сознаетъ, что расточаемые имъ удары истощаютъ только его послѣднія силы и наносятъ ему тяжкія, неизлечимыя раны.

Все, что есть мыслящаго на Руси, невольно чувствуетъ негодованіе и отвращеніе, глядя на эти судороги умирающаго бѣшенаго чудовища. Всѣмъ душно, всѣмъ тяжело... Густыя черныя тучи нависли надъ изстрадавшейся Русской Землей; нѣтъ свѣта, нѣтъ воздуха, нѣтъ простора дыханію въ этой душной, необъятной темницѣ, называющейся Россійской Имперіей. Всѣ смутно жаждутъ живительной грозы, которая разсѣетъ эти мрачныя тучи и дастъ просторъ дыханію и жизни...

Посмотримъ же, что творится на Руси.

КІЕВЪ.

Не успѣло еще изгладиться въ Кіевѣ зловѣщее впечатлѣніе казни Осинскаго, Брандиера и Антонова, какъ русскіе палачи поспѣшили обагрить эшафотъ кровью трехъ новыхъ мучениковъ. 14 іюля назначена была казнь Осипа Федорова, Горскаго и Бильчанскаго. Рано утромъ во дворъ тюремнаго замка въѣхала колесница на которой должны были везти осужденныхъ на мѣсто казни. Всѣ въ тюрьмѣ эту ночь не спали; изъ рѣшетчатыхъ оконъ выглядывали блѣдныя и грустныя лица заключенныхъ; тамъ и сямъ слышался прерывистый разговоръ — это заключенные обращались съ послѣднимъ привѣтомъ, съ послѣднимъ словомъ любви къ осужденнымъ товарищамъ. Минута была мрачная торжественная; сердца остающихся сжимались мучительной тоскою, а осужденные были бодры, почти веселы и старались утѣшить своихъ друзей. Но вотъ послышался стукъ отпираемыхъ замковъ; все стихло въ нѣмомъ ожиданіи. Осужденныхъ вывели на дворъ и поспѣшно усадили въ колесницу, привязавъ имъ на грудь по большой черной доскѣ, на которой бѣлыми буквами было написано: «государственный преступникъ». Когда окончилась эта церемонія и колесница тронулась къ воротамъ замка, осужденные крикнули товарищамъ. «Прощайте, друзья, не горюйте; пусть наша смерть будетъ залогомъ лучшаго будущаго для васъ!» «Прощайте, прощайте!», раздались въ отвѣтъ голоса изъ тюрьмы, въ которыхъ слышались подавленныя рыданія. Дорогой отъ тюрьмы до мѣста казни Федоровъ и Бильчанскій обратились съ рѣчью къ народу, въ которой объясняли, что казнятъ ихъ не за преступленія, а за то, что они любили народъ и боролись за него. Едва прозвучалъ голосъ осужденныхъ, какъ Гюбенетъ приказалъ бить въ барабанъ, а казаки старались раздвинуть толпу, громадною массою тѣснившуюся вокругъ колесницы. Однако барабанщику не удалось заглушить громкія голоса говорившихъ; видно и у него не легко было на душѣ: ударитъ разъ, другой — и смолкнетъ, не будучи въ силахъ продолжать. Замѣтивъ это, барабанщика замѣнили горнистомъ, но и это не много поправило дѣло. Такъ, медленно подвигаясь, колесница доѣхала до мѣста казни, гдѣ посреди громадной площади, запруженной народомъ, возвышались три висѣлицы·

Твердыми шагами взошли осужденные по ступенямъ эшафота, и, когда палачъ готовился набросить имъ на головы бѣлые капюшоны, Бильчанскій, подбросивъ вверхъ свою шапку, вскричалъ: «Да здравствуетъ революція, да здравствуетъ бѣдный народъ!» и эхо громко повторило его возгласъ по всѣмъ концамъ площади.

Крѣпко обнявшись въ послѣдній разъ другъ съ другомъ, осужденные безъ сопротивленія отдались въ руки палача. Черезъ нѣсколько минутъ отъ этихъ смѣлыхъ людей, полныхъ жизни и силы, остались три трупа, которые наскоро уложили въ черные гробы съ бѣлымъ крестомъ на крышкѣ... И такъ, все было кончено; еще три жизни принесены въ жертву деспотизму, обезумѣвшему отъ пролитой имъ крови.

Вмѣстѣ съ Федоровымъ, Бильчанскимъ и Горскимъ осужденъ былъ на смерть и Овчинниковъ, но, желая парализовать то мрачное впечатлѣніе, которое производили казни на общество, правительство вздумало помиловать его, замѣнивъ казнь вѣчной каторгой. Объявляя объ этомъ Овчинникову, Новицкій спросилъ, благодаренъ ли онъ начальству за оказанную ему милость «Нѣтъ, отвѣчалъ Овчинниковъ, меня возмущаетъ эта подлость; неужели трудно понять, что мнѣ оставили жизнь только затѣмъ, чтобы этой мнимой милостью затемнить впечатлѣніе вопіющей несправедливости казней другихъ; въ сущности же вѣчная каторга та же смерть, только болѣе мучительная, болѣе медленная».

ОДЕССА

Съ пріѣздомъ въ Одессу генералъ-губернатора Тотлебена немедленно начались такъ называемыя «мѣропріятія», первой жертвой которыхъ явилась одесская пресса. Во всѣхъ редакціяхъ были произведены обыски, обязали ихъ увѣдомлять полицію объ именахъ и занятіяхъ ихъ сотрудниковъ, а также и объ образѣ жизни ихъ до вступленія въ редакцію. Самымъ ревностнымъ исполнителемъ этихъ полицейскихъ обязанностей оказался «Новороссійскій Телеграфъ». Одновременно съ этимъ начался рядъ арестовъ и административныхъ высылокъ. Число лицъ, высланныхъ изъ Одессы, доходитъ до 60. Вотъ списокъ именъ, которыя намъ удалось узнать. Гернетъ (секретарь городского головы), Бемеръ (инспекторъ народныхъ училищъ), Южаковъ (сотрудникъ «Слова» и помощникъ редактра «Одеск. Вѣд.»), Чандатскій,

Дубравный (учитель), Марковичъ (учитель), Ковалевскій (бывшій учитель, служившій въ Одесской городской управѣ, мужъ осужденной М. Ковалевской), Малеванный (служащій въ городской управѣ), Борисовъ (тоже), Андріевскій (учитель), Семенюта (владѣлецъ магазина учебныхъ пособій), Ивичевы (братъ и сестра убитыхъ въ Кіевѣ), Герцо-Виноградскій (фельетонистъ, писавшій подъ псевдонимомъ «Барона Икса»), Шульгинъ (учитель гимназіи), Шестаковскій (учитель гимназіи), Бараневичъ (учитель Одес. желѣзнодорожнаго училища), Соковнинъ (военный ветеринарный врачъ), А. Поповичъ (служащій въ городской управѣ), Еникуватовъ, Спандани (студентъ), Шаміотъ, отецъ съ сыномъ (отецъ — докторъ, старикъ 60 л.), Аршавскій, М. Виташевская (сестра осужденнаго), Е. Свитычъ (также сестра осужденнаго); студенты: Татаровъ, Добровольскій, Миролюбовъ, Орловъ, Хедеровзръ, Гороновичъ, А Желтоновскій, Левандовскій (братъ осужденной по послѣднему Одеск. проц.); рабочіе: Никитинъ, Свистуновъ, Тарапенко, Лашинъ и др.; Лукьяновъ (членъ сиротскаго суда), Донцовъ съ женою, Агафья Ищенко, Ирасковья Ивановская, Эйдели Пумпянская (оправданная по процессу 193-хъ), Кудриченко (рабочій), Шаландскій (тоже), Стартынскій (служащій въ почтовомъ вѣдомствѣ).

Изъ числа арестованныхъ послѣ 2-го апрѣля приводимъ здѣсь также нѣкоторыхъ: Самаринъ съ сыномъ и Властопуло (актеры), Кименевскій и многіе изъ поименованныхъ въ спискѣ высланныхъ.

Кромѣ того, по дѣлу о покушеніи на убійство Гориновича, въ Одес. тюремномъ замкѣ содержатся: Малинко, Курицынъ, Дробязгинъ и Янковскій.

Аресты и административныя высылки не прекращаются и до сихъ поръ. Высылаютъ всѣхъ безъ разбора, кто ни попадется подъ руку, какъ это наглядно доказываетъ слѣдующее обстоятельство, случившееся съ акушеркой Е. Бергъ, которая арестована и сослана безъ всякихъ предварительныхъ справокъ. Впослѣдствіи оказалось, что она поплатилась за другую, какую-то свою однофамилицу, и когда родственники стали хлопотать о ней, доказывая неопровержимыми фактами ея невиновность, то Панютинъ, правая рука Тотлебена (который, говоря между прочимъ, по отзыву одесситовъ, руководитъ всѣми подобными дѣлами, предостовляя

Тотлебену тилько подписывать бумаги) отвѣчалъ, что облегчить участь Бергъ онъ не можетъ, такъ какъ «что подписано, того не измѣнишь».

Вообще, можно сказать, что главной характеристической чертой «мѣропріятій» является грубое насиліе и безшабашный произволъ. Вотъ напр. обстоятельство, являющееся наилучшей иллюстраціей современнаго положенія. Обрискій, директоръ одесскаго комерческаго училища, обратился къ Тотлебену съ просьбой не принимать никакихъ административныхъ мѣръ противъ учителя Шестаковскаго (у котораго найденъ №3 «Земли и Воли») впредь до окончанія экзаменовъ.

— Такъ вы пособникъ неблагонамѣренныхъ лицъ?! вскричалъ генералъ-губернаторъ. Въ 24 часа извольте выйти въ отставку!

—Осмѣлюсь замѣтить, Ваше Превосходительство, скромно возразилъ пораженный директоръ, что я знаю Шестаковскаго, какъ учителя, — онъ человѣкъ, исполняющій добросовѣстно свои обязанности.

— Въ 24 часа извольте очистить квартиру въ комерческомъ училищѣ! приказалъ Тотлебенъ, не желая слушать никакихъ возраженій.

Все одесское купечество, къ чести его сказать, сильно возмущено этимъ беззастѣнчивымъ самодурствомъ правителя.

Вотъ еще фактъ, вполнѣ дорисовывающій картину. Нѣкто Сомовъ, недавно пріѣхавшій изъ Курска въ Одессу, подвергся почему-то самому докучливому полицейскому надзору: шпіоны буквально ходили за нимъ по пятамъ; и вотъ, однажды, когда онъ гулялъ по приморскому бульвару, гдѣ по вечерамъ обыкновенно такъ много народу, что въ толпѣ очень легко скрыться, шпіоны. боясь потерять его, кликнули жандармовъ и велѣли арестовать его. Жандармы предложили Сомову слѣдовать за ними, но тотъ отказался идти добровольно и, возмущенный подобной наглостью, обратился къ публикѣ съ рѣчью, въ которой указывалъ ей на безвыходность положенія всякого русскаго гражданина при современной разнузданности полицейскихъ властей. Едва онъ успѣлъ сказать это, какъ на него накинулись жандармы и, осыпая всевозможными оскорбленіями, потащили съ собой; когда наконецъ онъ былъ привезенъ въ тюремный замокъ, то тѣло его было покрыто синяками, а одежда

буквально изорвана въ клочки; тамъ, избитаго, полуживого, втолкнули его въ грязную коморку, гдѣ не было даже тюфяка, чтобы лечь. Нервное потрясеніе, испытанное имъ послѣ всѣхъ перенесенныхъ оскорбленій, было такъ сильно, что онъ въ ту же ночь рѣшился покончить съ жизнью. Не имѣя подъ рукой никакихъ болѣе удобныхъ средствъ къ исполненію своего намѣренія, онъ сжегъ себя при помощи тюремной керосиновой лампы.

Какъ ни ужасна картина этой смерти, но еще болѣе потрясающее впечатлѣніе производитъ казнь трехъ новыхъ жертвъ русскаго деспотизма, публично совершенная въ Одессѣ 10 августа. Не въ первый разъ видимъ мы, съ какой геройской твердостью умираютъ наши товарищи, но фигура Лизогуба носитъ на себѣ какую-то особенную печать нравственнаго величія. Какая сила самоотверженія, какая глубокая вѣра сквозитъ въ этой безмятежной улыбкѣ, которая озаряетъ его лицо во все время пути къ мѣсту казни, и сколько теплой любви слышится въ его послѣднихъ словахъ утѣшенія, обращенныхъ къ товарищамъ, сидѣвшимъ рядомъ съ нимъ на позорной колесницѣ!... Давно уже человѣчество не видало подобнаго. Картина послѣднихъ казней невольно переноситъ наше воображеніе въ эпоху первыхъ христіанскихъ мучениковъ, и не даромъ Лизогубъ, Чубаровъ, и Давиденко, отказавшись отъ послѣднихъ напутствій священника, взяли все таки изъ его рукъ крестъ и поцѣловали его, какъ символъ, воплощающій въ себѣ страданіе человѣка за идею...

ХАРЬКОВЪ

Если Харьковъ до сихъ поръ еще не видалъ въ своихъ стѣнахъ ни одной смертной казни, то, тѣмъ не менѣе, общія правительственныя репрессаліи такъ же сильно даютъ себя знать здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Начнемъ хоть съ административныхъ высылокъ. 24 Іюля 79 г. выслана административно въ Восточную Сибирь Рипсимія Туманова, сестра Екатерины Тумановой, осужденной по процессу 50-ти. При обыскѣ у нея ничего не было найдено, тѣмъ не менѣе ее отправили въ далекую ссылку единственно за то, что, будучи невѣстой Кардашова, сидящаго въ харьковской центральной тюрьмѣ, она хлопотала о дозволеніи видѣться съ нимъ. Узнавши объ арестѣ дочери, мать

Тумановой пріѣхала въ Харьковъ и получила разрѣшеніе на свиданіе съ нею; но вдругъ, едва успѣла мать повидать дочь 1 или 2 раза, какъ ей, безъ всякой причины, запретили свиданія и велѣли немедленно выѣхать изъ Харькова. Въ отчаяніи, она пыталась просить Лорисъ-Меликова отмѣнить это рѣшеніе, но, вмѣсто всякаго отвѣта, ее отправили съ жандармами на родину въ Ѳеодосію, обязавъ подпиской о невыѣздѣ и назначивъ надъ нею полицейскій надзоръ; старухѣ этой уже за 60 лѣтъ. Внезапно высланная мать не успѣла даже передать дочери денегъ, такъ что ей пришлось отправиться въ Восточную Сибирь безъ гроша. Одновременно съ Тумановой отправлена административно въ Восточную же Сибирь Мержанова, невѣста Виташевскаго, сидящаго въ Харьковской центральной тюрьмѣ, и судившаяся по дѣлу Ковальскаго. До ареста она проживала въ Печенѣгахъ вмѣстѣ съ матерью Виташевскаго. При обыскѣ ихъ квартиры также ничего не найдено. Одинаковой съ ними участи подверглась и нѣкто Рубанчикъ, 18 лѣтняя дѣвушка, сестра которой скрывается. Ее выслали за то, что она не хотѣла или не могла открыть жандармамъ, гдѣ находится ея сестра. Всѣ три отправлены въ далекую ссылку безъ вещей и безъ денегъ, такъ какъ начальство не заблагоразсудило предупредить ихъ о времени высылки. Почти въ то же время выслали въ Олонецкую губ. Эммануила Воронца 20 лѣтъ, проживавшаго у отца своего, помѣщика Купянскаго уѣзда. Арестовали его по какому-то доносу, въ которомъ его обвиняли какъ участника въ убійствѣ Крапоткина. Хотя, по заявленію самихъ жандармовъ, доносъ оказался ложнымъ, но его все таки сослали, чтобы, какъ они выразились, не подавать повода къ дальнѣйшимъ доносамъ. Незадолго до этого, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, Дмоховскимъ, матери, сестрѣ и брату сидящаго въ центральной тюрьмѣ, и Виташевской приказано было немедленно выѣхать изъ Харькова съ воспрещеніемъ когда либо являться туда. При этомъ брату Дмоховскаго, арендовавшаго землю въ Харьковской губ., не дали даже времени ликвидировать свои дѣла. Не имѣя возможности перечислить многочисленныя имена высланныхъ, упомяну еще о нѣкоторыхъ. Въ іюнѣ, въ купянскомъ уѣздѣ, арестованъ мировой судья, помѣщикъ Кончаловскій. При обыскѣ ничего не найдено; причина ареста— доносъ священника, что онъ соціалистъ и при рѣшеніи дѣлъ

держитъ сторону крестьянъ. Производили обыскъ двое становыхъ. Кончаловскій думалъ ихъ остановить тѣмъ, что надѣлъ на себя судейскую цѣпь и началъ составлять актъ о незаконности дѣйствій становыхъ, которые явились безъ прокурорскаго предписанія. Но становые акта не подписали, ссылаясь на высочайшее повелѣніе, и приказали Кончаловскому снять цѣпь. Онъ не соглашался. Тогда становые сами сняли съ него этотъ священный знакъ русскаго правосудія и отправили судью въ острогъ вмѣстѣ съ недописаннымъ актомъ. Онъ обвиняется, говорятъ, въ примѣненіи коммунистическихъ идей къ своей семейной жизни. Забавное обвиненіе. Около этого же времени выслана изъ Харькова въ Павлоградъ (Екатер. губ.) цѣлая семья Маіоровыхъ за то, что у нихъ квартировалъ гимназистъ 8 класса, написавшій на экзаменѣ сочиненіе въ либеральномъ духѣ. Сыну же Маіоровыхъ, окончившему курсъ въ гимназіи, запрещено поступать въ высшія учебныя заведенія.

Въ заключеніе, приведу нѣсколько свѣдѣній о житьѣ-бытьѣ нашихъ товарищей, сидящихъ въ центральной харьковской тюрьмѣ. Положеніе ихъ, и безъ того уже тяжелое, съ каждымъ днемъ становится все хуже и хуже. Всѣ помыслы начальства обращены на то, какъ бы поскорѣе домучить этихъ страдальцевъ, и безъ того уже стоящихъ одной ногой въ гробу. Ихъ все еще продолжаютъ держать въ кандалахъ, хотя обязательный срокъ испытанія для многихъ изъ нихъ давно уже кончился; насильно бреютъ имъ головы и не позволяютъ даже носить обувь, опасаясь, чтобы полъ не испортился отъ ходьбы. Спать заставляютъ ихъ на голыхъ доскахъ и, не смотря ни на какой холодъ, не даютъ одѣялъ, такъ что нерѣдко, вмѣсто сна, бѣднягамъ приходится всю ночь пробѣгать по камерѣ въ тщетной надеждѣ сколько нибудь согрѣть свои коченѣющіе члены. Гулять ихъ выводятъ по одиночкѣ, а потому очень не надолго. Необразованный и грубый смотритель старается объ одномъ — какъ бы дать почувствовать заключеннымъ свою власть, и оскорбленія одно за другимъ сыплются на ихъ беззащитныя головы; неудивительно поэтому, что изъ 8 заключенныхъ, сидѣвшихъ до послѣдняго времени въ Печенѣжской тюрьмѣ, двое умерло и двое сошло съ ума. Донецкому, страдающему душевной болѣзнью, съ каждымъ днемъ становится все хуже и хуже.

Въ настоящее время число заключенныхъ въ печенѣжской тюрьмѣ увеличилось до 17-ти.

Весною въ Андреевской тюрьмѣ умеръ одинъ изъ осужденныхъ по процессу 193-хъ; говорятъ, что это Сажинъ. Въ настоящее время число всѣхъ заключенныхъ въ Андреевской тюрьмѣ доходитъ до 10. Съ апрѣля Дю-Валь запретилъ всякія свиданія заключенныхъ съ ихъ родственниками. Онъ не позволяетъ также передавать ни пищи, ни теплой одежды, ни книгъ, тогда какъ до апрѣля все это разрѣшалось.

ПЕТЕРБУРГЪ

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ квартирѣ сапожника Митрофанова *) арестованъ рабочій Петерсонъ, бѣжавшій изъ административной ссылки (въ сѣв. губ.) вмѣстѣ съ другимъ ссыльнымъ, Щербиной. Петерсонъ уже два раза привлекался къ политическимъ дѣламъ: въ первый разъ по процессу 193-хъ, причемъ, просидѣвъ 3 года въ тюрьмѣ, былъ выпущенъ за отсутствіемъ уликъ; потомъ, спустя 8 мѣсяцевъ послѣ этого, онъ снова былъ заподозрѣнъ въ пропагандѣ, но, не желая попасть опять въ тюрьму, онъ скрывался отъ преслѣдованія у рабочаго Ильина. Однако, полиція, узнавъ объ этомъ отъ жены Ильина, выслѣдила его и арестовала. Просидѣвъ послѣ этого цѣлый годъ, онъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ, такъ какъ опять не нашлось противъ него достаточныхъ уликъ, чтобы предать суду.

Митрофановъ, арестованный въ Арзамасѣ (Нижж. губ.), привезенъ въ настоящее время въ Петербургъ. Его обвиняютъ въ томъ, что, работая на заводахъ, въ Арзамасѣ онъ подговорилъ рабочихъ устроить стачку и, сверхъ того — въ пропагандѣ, участіи въ тайномъ обществѣ и бѣгствѣ въ Швейцарію съ американскимъ паспортомъ. III Отд., желая выпытать у него имена товарищей, хотѣло было подкупить его, предлагая деньги и обѣщая свободу; въ случаѣ же, если онъ не согласится, угрожало пыткою и долгимъ заключеніемъ.

Въ послѣднихъ числахъ іюля, въ одну ночь было произведено много обысковъ и арестовъ. Въ числѣ арестован-

*) Митрофанова подозрѣваютъ въ выдачѣ Петерсона. Этого Митрофанова не слѣдуетъ смѣшивать съ его однофамильцемъ, арестованнымъ въ Арзамасѣ.

ныхъ находится извѣстный присяжный повѣренный Бардовскій. При обыскѣ у него ничего подозрительнаго не было найдено; тѣмъ не менѣе онъ былъ арестованъ. Потрясенный опасеніями за свою жену, у которой также долженъ былъ быть произведенъ обыскъ, Бардовскій подвергся припадкамъ остраго умопомѣшательства. Не смотря на всю опасность его положенія, начальство, вмѣсто того, чтобы дать покой душевно-больному, помѣстило въ его камеру нѣсколько жандармовъ, обязанныхъ слѣдить за каждымъ его шагомъ; это до того раздражаетъ его, что доктора объявили даже, что откажутся лѣчить, если не уберутъ жандармовъ. Нѣсколько времени тому назадъ согласились было отдать его на поруки за 25 т., причемъ сочли нужнымъ сдѣлать внушеніе его женѣ, что если онъ скроется, то ее возьмутъ, какъ заложницу, и будутъ судить военнымъ судомъ. Но все это показалось, должно быть, жандармамъ недостаточной гарантіей — Бардовскій до сихъ поръ еще сидитъ. У прис. пов. Лемана, жившаго вмѣстѣ съ Бардовскимъ, былъ также произведенъ обыскъ; у него былъ найденъ №3 «З. и В.». Леманъ арестованъ и въ настоящее время такъ серьезно боленъ, что доктора заявили, что если онъ еще останется нѣкоторое время въ тюрьмѣ, то мѣстный параличъ, которымъ онъ страдаетъ въ настоящее время, неизбѣжно перейдетъ въ общій параличъ всего тѣла. Въ одну ночь съ Бардовскимъ былъ сдѣланъ обыскъ у судебнаго пристава Семенскаго. При обыскѣ его городской квартиры и имѣнія ничего не было найдено; тѣмъ не менѣе онъ былъ арестованъ; той же участи подверглась его жена и проживавшій у нихъ студентъ, учитель ихъ дѣтей. Дѣло однако этимъ не ограничилось: почему-то сочли нужнымъ розыскать и допросить всѣхъ учителей, когда-либо обучавшихъ дѣтей Семенскаго. Въ имѣніи его такому же допросу подвергли всѣхъ крестьянъ. Причина ареста Семенскаго былъ доносъ одного изъ его знакомыхъ, нѣкоего Рачковскаго (тоже арестованнаго, но уже освобожденнаго), поведеніе котораго и прежде казалось подозрительнымъ. Семенскій такъ сильно былъ потрясенъ арестомъ, что съ нимъ сдѣлался нервный ударъ. Одновременно съ Семенскимъ былъ арестованъ и другой знакомый Рачковскаго, преподаватель Елисаветинскаго женскаго института и сотрудникъ «Недѣли», Морозовъ. Въ эту же ночь былъ обыскъ у ли-

тератора Михайловскаго, но, не найдя ничего подозрительнаго ни на городской квартирѣ, ни на дачѣ, его оставили въ покоѣ, хотя и опечатали многія рукописи. Въ то же время въ деревнѣ Каболовкѣ, на дачѣ, былъ произведенъ обыскъ у г-жи Идельсонъ.

Въ началѣ сентября выслали административно прис. пов. Александра Ольхина въ Вятскую губ. Въ концѣ августа былъ обыскъ у Екатерины Обуховой, причемъ арестовали жившаго съ ней на дачѣ г. Стрекалова. Кромѣ того арестованы еще: Любовь Ивановна Сердюкова, которую обвиняли въ томъ, что она скрывается отъ полиціи (хотя она все время жила у отца), что она казначей какого-то тайнаго общества и что она воспитываетъ у себя ребенка Лизогуба (хотя по справкамъ ребенокъ оказался не Лизогуба, а Снегуба); въ настоящее время она уже освобождена; Мамиконсонъ, бывшій корректоръ «Новостей», обвиняемый по дѣлу о типографіи «Земли и Воли», и Панкѣевъ, обвиняемый въ въ сотрудничествѣ въ «Землѣ и Волѣ».

Изъ всѣхъ, арестованныхъ до 14 іюня, содержатся въ Домѣ Предв. Закл. слѣдующіе: Левенсонъ (родственникъ Мирскаго), Бухъ, Луцкій, Митрофановъ, Александровъ (факторъ типографіи Вольфа), Антоновъ (рабочій), Тихоновъ (арестованный еще въ январѣ 1878 г.), Николай Хартахаі̆ (студ. Института Инж. пут. сообщ., арест. 14 апр.; у него было найдено около 300 экз. «Земли и Воли» и много брошюръ); Березневскій (арестованный въ концѣ 1878 года); Рохлецовъ (привезенъ въ концѣ мая), двѣ сестры Поповы (дочери петрозаводскаго исправника; ихъ согласились было выпустить на поруки, но отецъ не нашелъ поручителя), Николай Муравьевъ (рабочій завода Леснера), арестованъ въ февралѣ.

Около 40 чел. арестованныхъ назначены къ высылкѣ (или уже высланы) въ разныя отдаленныя мѣста; изъ нихъ Шкаловъ, Корсиковъ и Тихоновъ — въ Восточную Сибирь, а Лошкаревъ въ Пермскую губ.

Въ концѣ августа на Кронверкскомъ пр. былъ обыскъ у студентовъ Широкобрюхова и Нехорошаго и у студентки Черниловской; нашли письма изъ Сибири; Широкобрюховъ былъ арестованъ. При обыскѣ присутствовалъ приставъ Панкратьевъ, который, по обыкновенію, рисовался своею грубостью. Во время производства обыска въ квартиру во-

шла фельдшерица Покровская, у которой, по этому случаю, тоже произведенъ обыскъ.

Въ сентябрѣ былъ произведенъ обыскъ въ библіотекѣ Поршнякова, причемъ Поршняковъ былъ арестованъ. Частный приставъ былъ на столько деликатенъ, что, увидавъ на столѣ библіотеки трехрублевую бумажку, просилъ убрать ее подальше, чтобы не соблазнять жандармовъ, — фактъ, характеризующій современную опричину.

Одновременно съ Поршняковыхъ былъ арестованъ и родственникъ его, Ипполитъ Головинъ, у котораго при обыскѣ ничего подозрительнаго не нашли.

Кромѣ того арестованы: студ. акад. Федоровичъ, студ. унив. Гурвичъ съ сестрой, Введенскій, Голубинскій, студ. Капскій, Богоявленскій, бывшій студ. тeхт. инст. Войнаровскій, переплетчикъ Штейнъ (у котораго найдены литографскія принадлежности и рукописи «возмутительнаго» содержанія), фельдш. Платунова, студ. акад. Клушинъ. Былъ обыскъ у слушательницы Бестуж. кур. Погожевой. Оставляя подробное перечисленіе арестовъ, упомянемъ въ заключеніе о двухъ-трехъ характеристическихъ проявленіяхъ полицейской дѣятельности.

Нѣсколько времени тому назадъ одинъ студентъ, выходя изъ дому, захватилъ съ собой № «Новаго Времени», чтобы отослать его по почтѣ своему товарищу. Едва онъ протянулъ газету къ почтовому ящику, какъ какая-то невѣдомая рука выхватываетъ ее. Въ изумленіи обернувшись, студентъ видитъ подкравшагося городового, преспокойно разсматривающаго его газету.

— А! «Новое Время»! спокойно говоритъ блюститель порядка: это ничего... и возвращаетъ газету.

Студентъ, удивленный такимъ нахальствомъ, вздумалъ протестовать, но городовой заявилъ, что онъ это дѣлаетъ по приказанію своего непосредственнаго начальства, частнаго пристава, поручившаго ему наблюдать за ящиками; студентъ волей неволей долженъ былъ удовлетвориться этимъ объясненіемъ, зная, что начальникъ далеко превосходитъ въ этомъ отношеніи своего подчиненнаго.

Къ г-жѣ Кучиной (въ Лужскомъ уѣздѣ, помѣстье Костронь) явились въ концѣ августа жандармы и, сдѣлавъ обыскъ (причемъ захватили всю ея частную и семейную переписку), повезли ее къ находящейся неподалеку церкви. Вокругъ по-

слѣдней виднѣлась толпа жандармовъ, полицейскихъ, и крестьянъ съ вилами, топорами и дреколъями.

— Это для чего? спросила г-жа Кучина.

— А это чтобы «онъ» не убѣжалъ оттуда, отвѣчалъ жандармъ.

Въ присутствіи Кучиной полиція сдѣлала обыскъ въ церкви, подъ церковью и около церкви, но ничего не нашла.... Лица жандармовъ начали вытягиваться. Что же все это значитъ?... Оказалось, что одинъ изъ лужскихъ священниковъ донесъ начальству, будто въ склепѣ этой церкви Кучина скрываетъ политическаго преступника, которому каждый вечеръ носитъ туда ѣду и питье, а подъ церковью находится складъ оружія. Окончивъ такъ безуспѣшно обыскъ, полиція все таки арестовала Кучину и увезла въ Петербургъ. Впрочемъ, теперь она уже на свободѣ.

Наконецъ, сообщаемъ нѣсколько свѣдѣній объ арестахъ и высылкахъ, происходившихъ въ разныхъ концахъ Россіи.

Въ Уржумскомъ уѣздѣ арестованъ старикъ священникъ Кибарцинъ, 54 лѣтъ, и сосланъ въ Архангельскую губ. за излишнюю любовь къ народу, какъ выразились власти. Это не единственный примѣръ ареста священника: въ Ялуторовскѣ, Тобольской губ., былъ арестованъ священникъ Фадѣевъ. Поступивъ нѣсколько времени тому назадъ въ миссіонерское общество, Фадѣевъ отправился въ Камчатку и по дорогѣ заѣхалъ въ Ялуторовскъ; тамъ заподозрили его въ сношеніяхъ съ политическими ссыльными и, сдѣлавъ обыскъ, нашли при немъ нѣсколько писемъ и запрещенныхъ сочиненій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, въ Ялуторовскѣ же арестованы проживающіе тамъ политическіе ссыльные: Сергѣй Жебуневъ, Чудновскій и Чернявскій; а Григорьевъ и Поповъ, сосланные въ Сибирь за участіе въ казанской демонстраціи, теперь почему-то отправлены въ заключеніе въ Соловецкій монастырь.

Нѣсколько времени тому назадъ изъ Иркутска бѣжали сосланные туда административно Смецкая и Закъ, но, къ несчастію, ихъ побѣгъ не удался, и ихъ вскорѣ поймали. Вслѣдъ за этимъ арестованъ былъ Стахевичъ, мужъ Лидіи Фигнеръ, сосланный туда еще въ 60-хъ годахъ и прожива-

ющій теперь въ Иркутскѣ. Въ чемъ его обвиняютъ — неизвѣстно. Сама Лидія Фигнеръ подвергнута домашнему аресту и принуждена сидѣть впроголодь съ маленькимъ сыномъ, такъ какъ мужу и ей отказали отъ мѣста въ думѣ, которое доставляло имъ до сихъ поръ единственное средство къ существованію *). Говорятъ, что всѣхъ ссыльныхъ, находящихся въ Иркутскѣ, велѣно разослать теперь по болѣе отдаленнымъ мѣстамъ.

Въ Самарской губ., у мирового судьи Клеменца, брата заключеннаго Дмитрія Клеменца, былъ сдѣланъ обыскъ. Услыхавъ объ этомъ, струсившіе самарскіе мировые судьи поспѣшили выразить правительству свои холопскія вѣрноподданническія чувства и, собравшись въ общее собраніе, составили посланіе къ министру, въ которомъ отрекались отъ всякой солидарности съ мировымъ судьей Клеменцомъ и просили удалить его. Но такъ какъ при обыскѣ у Клеменца ничего не было найдено, то посланіе это поставило было администрацію въ неловкое положеніе. Сами судьи тоже спохватились и, раскаявшись въ своей лакейской поспѣшности, послали новый адресъ, въ которомъ уже просили не удалять его со службы. Однако министръ велѣлъ все таки подать Клеменцу въ отставку.

Въ Саратовѣ въ началѣ августа былъ произведенъ обыскъ у нотаріуса Праотцева. Прійдя въ его квартиру, полиція не застала дома хозяина и, узнавъ, что онъ уѣхалъ, распорядилась задержать и обыскать его въ дорогѣ. Праотцевъ былъ обысканъ въ Рязани и затѣмъ у себя дома. У него найдено значительное количество разныхъ писемъ.

Въ Тетюшскомъ уѣздѣ, Казанской губ., въ имѣніи г-жи Фигнеръ (матери Л. Фигнеръ, осужденной по процессу 50-ти) былъ произведенъ также обыскъ, причемъ спрашивали ее, не пріѣзжала-ли къ ней старшая дочь ея Вѣра Филиппова.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ Таганрогѣ, былъ арестованъ Мирскій, подозрѣваемый въ покушеніи на жизнь Дрентельна. Завидя жандармовъ, онъ выскочилъ въ окно и сталъ отстрѣливаться, но, благодаря какому-то лавочнику, бросившемуся на него сзади, жандармамъ удалось его схватить. Привезенный въ Петербургъ, онъ, какъ говорятъ, заявилъ, что, дѣйствительно, стрѣлялъ въ Дрентельна.

*) По послѣднимъ извѣстіямъ, Л. Фигнеръ посажена въ тюрьму.

Изъ лицъ, арестованныхъ въ разное время въ Москвѣ, продолжаютъ сидѣть еще въ тюрьмахъ слѣдующія: Незабудкина (обвиняющаяся въ расклейкѣ прокламацій), Соловьевъ (бывшій офицеръ, за побѣгъ изъ ссылки), Поповъ и Соколовъ (оба рабочіе, обвиняются въ соучастіи въ убійствѣ Рейнштейна), Коломенниковъ (тоже рабочій, обвиняется въ знакомствѣ съ Рейнштейномъ), Смирновъ (рабочій, бѣжавшій изъ Олонецкой губ.), Любимовъ (медикъ, арестованъ въ Сибири), Голубцовъ и Холоднюкъ (неизвѣстно кто и за что). По дѣлу Рейнштейна освобождены: Малышевъ, Ал. Пругавинъ, Альзенбергъ, Громковская и студенты Петровск. Ак. Люцерновъ и Бѣлевскій. Въ августѣ Громковская снова была арестована; подозрѣваютъ, что она приходила въ гостиницу Мамонтова при убійствѣ Рейнштейна. По тому же дѣлу высланы административно слѣдующіе: студ. Викторовъ — въ Вятскую губ., Тверитиновъ — въ Мезень и Маковъ — въ Самарскую губернію.

Въ настоящее время мы не касаемся знаменитаго дѣла о херсонскомъ казначействѣ и откладываемъ его разъясненіе до болѣе удобнаго времени, т. е. до тѣхъ поръ, пока дѣло это не будетъ окончено въ судѣ; теперь же ограничимся перечисленіемъ лицъ, арестованныхъ по этому поводу: Ел. Ив. Ранникова, урожденная Виттенъ, семейство Алексѣевыхъ, состоящее изъ матери Анны и сыновей: Александра, Веніамина и Андрея; послѣднему всего 24 г.; Елизавета Южакова, Алексѣй (бѣжавшій арестантъ), Турубовъ съ женой, приходящейся сестрой Аннѣ Алексѣевой, Самойленко (дядя Алексѣевой) и, наконецъ, «горничная Таня» — жена Алексѣя.

Въ Ростовѣ на Дону арестованъ еврей газетчикъ Гуттерманъ съ сыномъ, бѣжавшимъ изъ ссылки.

Въ Тамбовѣ арестованъ Никандръ Мощенко и былъ произведенъ обыскъ у г. Девеля, служащаго въ земствѣ (?).

Изъ Николаева высланы административно: Левандовскія (двѣ сестры осужденной по одесскому процессу; одной изъ нихъ 17, другой 15 лѣтъ), Анзенбергъ (содержатель книжнаго магазина) и многія другія лица.

Но кромѣ обычныхъ высылокъ и арестовъ, къ которымъ уже болѣе или менѣе притерпѣлись, Николаеву пришлось быть свидѣтелемъ и другого болѣе мрачнаго и потрясаю-

щаго зрѣлища. Я говорю о казни Виттенберга и Логовенко. Прямо съ парохода привезли ихъ на площадь, гдѣ возвышались висѣлицы, а вокругъ тѣснилась громадная толпа... Какое впечатлѣніе вынесъ народъ, глядя на это непривычное мрачное зрѣлище? Врядъ ли сочувствіе его было на сторонѣ палачей.

Но довольно... Читая даже это отрывочное и неполное описаніе правительственныхъ преслѣдованій, невольно утомляешься этимъ безконечнымъ рядомъ арестовъ, ссылокъ, казней, этимъ рядомъ безчисленныхъ звѣрствъ правительства... Когда нибудь историкъ соберетъ ихъ, и наши потомки съ тоской и ужасомъ прочтутъ страдальческую эпопею переживаемой нами эпохи.

Копія съ предложенія г. Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія отъ 29 Августа 1879 г., за № 9466, къ Г. Попечителю С.-Петербургскаго Учебнаго Округа.

Въ дополненіе къ предложенію отъ 8 сего Августа за № 8692, препровождая при семъ къ Вашему Сіятельству утвержденную мною, по порученію Г. Министра народнаго просвѣщенія, составленную на основаніи Высочайше утвержденнаго 2 сего Августа Положенія Комитета Министровъ инструкцію для университетской инспекціи за студентами С.Петербургскаго университета, въ §§ 8—12 которой содержатся правила о дарованіи разныхъ льготъ, пособій и стипендій и необходимымъ дополненіемъ которой служатъ препровождаемыя при семъ-же утвержденныя мною правила для студентовъ, покорнѣйше прошу Васъ, милостивый государь, предложить означенныя инструкціи и правила къ свѣдѣнію и руководству, въ чемъ слѣдовать будетъ, Ректору и Совѣту С.Петербургскаго университета и обратить вниманіе, что Высочайше утвержденнымъ 2 сего Августа положеніемъ Комитета Министровъ и составленною на его основаніи инструкціею временно, впредь до утвержденія новаго общаго устава Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ, отмѣняются или измѣняются вполнѣ или отчасти нижеслѣдующія статьи нынѣ дѣйствующаго устава: § 4, такъ какъ управленіе учащимися

въ университетѣ въ нравственномъ и дисциплинарномъ отношеніяхъ всецѣло вѣряется университетской инспекціи, при нѣкоторомъ участіи Правленія и наблюденіи со стороны Ректора, подъ Вашимъ главнымъ руководствомъ; § 5 п. 3 и §§ 56—59, такъ какъ особый университетскій судъ вовсе упраздняется; § 23 лит. Б п. 9 и § 42 лит. А п. 2 относительно назначенія и утвержденія стипендій; § 42 лит. А п.п. 9 и 10 относительно разсмотрѣнія и утвержденія ежегодной смѣты доходовъ и расходовъ спеціальныхъ средствъ университета; тоже § 51 и лит. Б п. 2 относительно избранія проректора или инспектора; Б 4 относительно избранія секретаря по студенческимъ дѣламъ и помощниковъ инспектора; Б 5. Б 6 относительно увольненія и удаленія проректора или инспектора, его помощниковъ и секретаря по студенческимъ дѣламъ; Б 7, Б 8, а. относительно распредѣленія и употребленія суммы, собираемой за слушаніе лекцій; Б 8 г, д и е, В 1 и 2—относительно проректора или инспектора; § 34 въ томъ смыслѣ, что ректоръ обязанъ имѣть общее наблюденіе за правильностью и успѣшностью дѣйствій университетской инспекціи, но о результатахъ своего наблюденія имѣетъ доносить начальству округа, не дѣлая самъ никакихъ распоряженій, замѣчаній или выговоровъ чинамъ инспекціи; § 50 въ томъ отношеніи, что инспекторъ есть членъ Правленія, съ правомъ голоса по всѣмъ дѣламъ, касающимся студентовъ; § 51 а 4, в 1 и 2 въ томъ смыслѣ, что вчинаніе сихъ дѣлъ предоставляется исключительно инспектору (проректору); §§ 63—67, § 110 относительно составленія университетскихъ правилъ для учащихся; § 101 относительно воспрещенія совѣтомъ входа въ университетъ постороннему лицу, нарушившему университетскія правила; § 102, въ которомъ упоминаніе объ Университетскомъ Судѣ отпадаетъ; § 103 съ дополненіемъ о наблюденіи университетской инспекціи за студентами и внѣ Университета и § 107. Вмѣстѣ съ симъ считаю долгомъ обратить особенное вниманіе Вашего Сіятельства, что съ подчиненіемъ Университетской инспекціи непосредственному Вашему начальству (инст. § 2), съ предоставленіемъ Вамъ права увольнять и удалять отъ должности и опредѣлять вмѣсто уволенныхъ или удаленныхъ лицъ другихъ по собственному Вашему избранію (§ 3 и 4) и усиливать, съ разрѣшенія Министерства, личный составъ инспекціи, употребляя на покрытіе необходимыхъ для сего расходовъ спеціальныя средства Университета, которыя

прежде всего должны служить удовлетворенію важнѣйшей при настоящихъ обстоятельствахъ потребности Университета—сохраненію внутренняго въ немъ порядка и спокойствія и возстановленію духа порядка и дисциплины между учащимися, и наконецъ съ предоставленіемъ Вамъ же и Вашему руководству главнѣйшаго вліянія на наложеніе болѣе строгихъ взысканій съ учащихся (§ 21 и 22) и на предоставленіе достойнымъ изъ нихъ стипендій, пособій и льготъ относительно платы за слушаніе лекцій, на Васъ, какъ на Попечителя учебнаго Округа, возлагается и весьма значительная отвѣтственность за успѣшное достиженіе тѣхъ цѣлей, коимъ должна служить университетская инспекція. Въ этомъ отношеніи прежде всего Вы имѣете обратить вниманіе на нынѣшній личный составъ университетской инспекціи и заранѣе удостовѣриться всѣми зависящими отъ васъ способами, въ какой мѣрѣ лица, ее составляющіе, способны оградить университетъ отъ всякаго рода безпорядковъ и волненій прочнымъ возстановленіемъ духа дисциплины и духа порядка между учащимися, дѣйствуя для сего со всѣмъ возможнымъ рвеніемъ и энергіей съ непоколебимою твердостью и послѣдовательностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ должною постепенностью, осторожностью и осмотрительностью. Лица, не соотвѣтствующія такимъ задачамъ, или въ значительной степени отвлекаемыя другими служебными или частными занятіями, должны быть безъ малѣйшаго колебанія замѣнены другими лицами, причемъ Вамъ предоставляется удалять проректора или инспектора и до истеченія срока, на который состоялось его избраніе, и въ такомъ случаѣ Вы имѣете представить на утвержденіе Министерства изъ лицъ постороннихъ другое лицо въ званіе инспектора по соглашенію относительно сего выбора съ С.Петербургскимъ Генералъ-Губернаторомъ. При выборѣ же необходимо имѣть въ виду, что инспекторъ, которому приходится имѣть дѣло съ молодыми людьми, ищущими высшаго научнаго образованія, завѣдуя ими въ нравственномъ отношеніи, долженъ быть непремѣнно развитою личностью.

Но достиженіе предположенной высшимъ Правительствомъ цѣли прочнаго огражденія Университетовъ отъ всѣхъ происковъ и усилій преступной пропаганды и агитаціи, направленныхъ главнѣйше на питомцевъ какъ этихъ, такъ и другихъ разсадниковъ высшаго образованія, едва ли окажется возможнымъ безъ дружнаго и энергическаго содѣйствія университет-

ской инспекціи со стороны всѣхъ университетскихъ властей и отдѣльныхъ университетскихъ преподавателей. Къ каковому содѣйствію Вы и имѣете ихъ призывать, пользуясь для сего принадлежащими Вамъ правами въ полномъ ихъ пространствѣ и объемѣ. Почему имѣю честь напомнить вамъ, что по п. 2 § 26 дѣйствующаго университетскаго устава, Вамъ, какъ попечителю Учебнаго Округа, предоставляется дѣлать Совѣту, когда признаете это нужнымъ, предложеніе по п. 1-му той же статьи. Попечитель Учебнаго Округа принимаетъ всѣ нужныя по его усмотрѣнію мѣры, чтобы принадлежащія къ университету мѣста и лица исполняли свои обязанности, и въ случаяхъ чрезвычайныхъ уполномочивается дѣйствовать всѣми способами, хотя бы они и превышали его власть, съ обязанностью только о подобныхъ случаяхъ доводить до свѣдѣнія Министра. Обстоятельства настоящаго времени, когда дѣло идетъ о возстановленіи духа порядка и дисциплины между учащимися, какъ несомнѣннаго и перваго условія правильнаго и спокойнаго существованія университетовъ и прочнаго огражденія учащейся въ нихъ молодежи отъ происковъ и усилій преступной агитаціи, не могутъ не быть признаны чрезвычайными, и потому впредь до полнаго возстановленія духа дисциплины и порядка между учащимися во ввѣренномъ Вамъ университетѣ, Вы уполномочиваетесь дѣйствовать для достиженія это цѣли всѣми способами, хотя бы они и превышали предоставленную Вамъ власть, вступая, гдѣ признаете то нужнымъ, въ соглашеніе съ С.-Петербургскимъ Генералъ-Губернаторомъ, какъ лицомъ, которому, по Высочайшему повелѣнію 5 Апрѣля 1879 г., подчинены и учебныя заведенія относительно сохраненія въ нихъ порядка, и донося Министерству о принятыхъ Вами мѣрахъ. Пользуясь предоставленными Вамъ правами и полномочіями, Вы 1) не должны допускать никакого, ни тайнаго, ни явнаго противодѣйствія со стороны университетскихъ властей и отдѣльныхъ преподавателей, ни университетской инспекціи, ни собственнымъ вашимъ распоряженіямъ и предложеніямъ; 2) Вы потребуете, чтобы всѣ университетскія власти и преподаватели оказывали всевозможное содѣйствіе инспекціи, какъ по §§ 9, 1, 2, 3, 4 и 5 временной инструкціи для университетской инспекціи, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, въ особенности же въ случаяхъ какихъ-либо возникающихъ безпорядковъ и волненій между студентами, когда весь университетскій совѣтъ и всѣ отдѣльные

преподаватели могутъ быть призваны Вами для предупрежденія всѣми зависящими отъ нихъ способами уклоненія учащихся съ пути долга и для предотвращенія тѣхъ бѣдствій, какія могутъ отъ того послѣдовать, какъ для нихъ самихъ, такъ и для цѣли университета, вслѣдствіе закрытія его въ цѣломъ составѣ, или отдѣльными курсами и факультетами. 3) Въ видахъ водворенія духа порядка и дисциплины между учащимися, преподаватели обязаны сами служить имъ примѣромъ точнаго и строгаго соблюденія всѣхъ своихъ обязанностей, а равно и всѣхъ предписаній закона, относящихся къ государственной службѣ. Какъ должностныя лица, состоящія на государственной службѣ, профессора и прочіе преподаватели обязаны являться на службу не иначе, какъ въ присвоенной имъ форменной одеждѣ, такъ какъ было бы крайнею непослѣдовательностью требовать отъ учащихся соблюденія приличія въ ихъ одеждѣ и дозволять учащимъ пренебрегать въ этомъ отношеніи требованіями закона. Точно также профессора и прочіе преподаватели должны служить для учащихся примѣромъ уваженія къ старшимъ и въ особенности къ начальникамъ, каковъ прежде всего Попечитель Округа. Однимъ изъ знаковъ такого уваженія должно служить то, чтобы профессора и прочіе преподаватели, при назначеніи вновь въ свою должность, при повышеніи въ званіи или въ чинѣ, при полученіи какой либо почетной или денежной награды, а равно и по возвращеніи изъ командировки или отпуска, непремѣнно представлялись ему лично, для чего Вы имѣете назначить особые дни и часы внѣ обычнаго чтенія лекцій. Вы приглашаете всѣхъ профессоровъ и прочихъ преподавателей чрезъ посредство ректора или Совѣта къ непремѣнному исполненію всѣхъ этихъ внѣшнихъ, но тѣмъ не менѣе имѣющихъ немаловажное значеніе, особенно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, обязанностей. 4) Дабы слѣдить за тѣмъ, чтобы принадлежащія къ университету мѣста и лица исполняли свои обязанности и принимали всѣ нужныя для того мѣры, Вы имѣете сколь можно чаще посѣщать университетъ и бывать на лекціяхъ въ сопровожденіи ректора или декана соотвѣтствующаго факультета, буде то не отвлечетъ ихъ въ данное время отъ исполненія другихъ обязанностей, или кого либо изъ членовъ университетской инспекціи. 5) По § 34 нынѣ дѣйствующаго устава о неисправности или неправильныхъ дѣйствіяхъ преподавателей, ректоръ, не дѣлая самъ замѣчаній

и выговоровъ, въ важномъ случаѣ доводитъ до свѣдѣнія Попечителя, безъ сомнѣнія для того, чтобы вызвать таковыя замѣчанія или выговоры, а равно и другія зависящія мѣры съ его стороны. То же распространяется въ настоящее время, въ силу инструкціи, и по отношенію къ чинамъ университетской инспекціи. Но попечителю несомнѣнно принадлежитъ право и лично, вслѣдствіе своихъ наблюденій и достовѣрныхъ данныхъ, не ожидая почина ректора, принимать всѣ нужныя мѣры для устраненія и предупрежденія на будущее время неисправности или неправильныхъ дѣйствій преподавателей, а равно и всѣхъ другихъ должностныхъ лицъ университета. 6) По той же статьѣ ректору предоставляется ходатайствовать, черезъ Попечителя о награжденіи отличныхъ изъ преподавателей и другихъ лицъ, служащихъ при университетѣ. Считаю неизлишнимъ обратить особенное вниманіе Ваше, что въ настоящее время право такого ходатайства по отношенію къ инспектору (проректору) можетъ принадлежать только Вамъ самимъ, а по отношенію къ подчиненнымъ ему лицамъ, прежде всего самому инспектору; что же касается до всѣхъ другихъ лицъ, то несомнѣнно отъ Васъ самихъ зависитъ, какъ не давать дальнѣйшаго хода тѣмъ ходатайствамъ ректора, которыя Вы не могли бы признать основательными, такъ и принимать на себя ходатайства о награжденіи тѣмъ преподаватевей и другихъ должностныхъ лицъ, въ заслугахъ которыхъ Вы сами лично убѣдились бы.

Въ заключеніе не могу не обратить вниманія Вашего Сіятельства на то, что и внѣшній порядокъ между учащимися могъ бы быть наилучше обезпеченъ съ подъемомъ научнаго ихъ духа и научныхъ стремленій. Возбудить этотъ духъ и эти стремленія и поддержать ихъ, привлечь студентовъ сколь можно болѣе къ университету и университетскимъ занятіямъ и тѣмъ отвлечь ихъ отъ дурныхъ и вредныхъ вліяній, которымъ нѣкоторые изъ нихъ поддаются, — это прямая и священная обязанность профессоровъ. А потому имѣю честь просить Васъ подвергнуть обсужденію факультетскихъ Собраній, какія мѣры съ этой цѣлью могли бы быть нынѣ же приняты по каждому курсу, отдѣленію и факультету и о мѣрахъ, которыя будутъ приняты, немедленно сообщить Министерству.

РЕДАКЦІЯ «Народной Воли» проситъ всѣхъ, кто знаетъ какіе-либо факты или обстоятельства изъ жизни казненныхъ въ настоящемъ году, прислать эти свѣдѣнія ей въ возможно скоромъ времени, для составленія біографій. Собирать и доставлять эти свѣдѣнія, какъ бы мелочны они ни казались, составляетъ нравственный долгъ всякаго, кому дорога память нашихъ первыхъ мучениковъ за народъ и свободу.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНІИ ГАЗЕТЫ

„ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДѢЛЪ"

От ъ редакціи. Съ тѣхъ поръ, какъ пріостановилось изданіе «Земли и Воли», положеніе дѣлъ Соціально-Революціонной Партіи въ Россіи усложнилось весьма значительно. Усилившійся до небывалыхъ размѣровъ правительственный гнетъ естественно долженъ былъ вызвать новую дифференціацію въ дѣятельности революціонеровъ и даже, до нѣкоторой степени, во взглядахъ ихъ на практическія задачи партіи. Какъ бы ни казались незначительными различія между взглядами революціонныхъ фракцій, каждая изъ нихъ должна обезпечить себѣ возможность излагать свои взгляды и обсуждать потребности партіи въ печати. Наше изданіе будетъ выразителемъ мнѣній одной изъ такихъ фракцій. Мы думаемъ, что его направленіе достаточно опредѣлится, если мы заявимъ полную солидарность со взглядами, выраженными въ передовыхъ статьяхъ 1—5 №№ «Земли и Воли». Дальнѣйшее развитіе этихъ взглядовъ, опредѣленіе задачъ партіи въ народѣ и предостереженіе ея отъ излишняго увлеченія задачами чисто политическаго характера, могущаго отвлечь партію отъ единственно возможнаго для нея пути — агитаціи на почвѣ требованій народа, выражаемыхъ лозунгомъ «Земля и Воля», — будетъ составлять нашу задачу.

Мы считаемъ въ числѣ сотрудниковъ Плеханова, Аксельрода, Стефановича, Дейча и надѣемся, что

Крапоткинъ и нѣкоторые изъ коммунаровъ тоже не откажутъ намъ въ своемъ литературномъ содѣйствіи.

Лицъ, сочувствующихъ нашему изданію и могущихъ помочь намъ какъ корреспонденціями, такъ и теоретической разработкой различныхъ вопросовъ, мы просимъ имѣть въ виду, что успѣхъ нашего предпріятія зависитъ отъ той доли активнаго участія, которое они въ немъ примутъ.

Со всѣми дѣлами, касающимися изданія, обращаться можно только къ лицамъ, стоящимъ въ сношеніяхъ съ редакціей и извѣстнымъ въ революціонныхъ кружкахъ.

Получено: отъ таксатора 3 рубля; отъ З. — 10 рублей; изъ города В. — 15 руб.; изъ Г. Могилевской губ. — 10 руб.; отъ К. З. Исполнительному Комитету — 600 рублей.

М. «Народной Волѣ» 200 рублей.

Петербургская Вольная Типографія. 1 октября 1879.

НАРОДНАЯ ВОЛЯ

СОЦІАЛЬНО - РЕВОЛЮЦІОННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Годъ первый. — № 2 — 1 октября 1879.

---

10 ноября 1879.

Ниспроверженіе существующихъ нынѣ государственныхъ формъ и подчиненіе государственной власти народу — такъ опредѣляемъ мы главнѣйшую задачу Соціально-Революціонной Партіи въ настоящее время, задачу, къ которой невольно приводятъ насъ современныя русскія условія. Мы принуждены остановиться еще на этомъ общемъ вопросѣ, прежде чѣмъ перейти къ частнымъ формамъ дѣятельности, какими онѣ намъ представляются.

Исторія создала у насъ, на Руси, двѣ главныя самостоятельныя силы: народъ и государственную организацію. Другія соціальныя группы и понынѣ у насъ имѣютъ самое второстепенное значеніе. Наше дворянство, напр., вытащенное на свѣтъ божій за уши правительствомъ, оказалось, однако, не смотря на всѣ попеченія, рѣшительно неспособнымъ сложиться въ прочную общественную группу и, просуществовавъ едва сотню лѣтъ, нынче совсѣмъ стушевалось, расплылось и слилось отчасти съ государственной организаціей, отчасти съ буржуазіей, отчасти такъ, невѣдомо куда дѣвалось. Буржуазія, выдвигаемая всѣми условіями нашей жизни и при самомъ рожденіи своемъ поступившая также подъ крылышко правительства, безъ сомнѣнія имѣетъ болѣе шансовъ на продолжительное существованіе и, если общія условія русской жизни не измѣнятся, она, конечно, скоро составитъ грозную общественную силу и подчинитъ себѣ не только массы народа, но и самое государство. Но это еще вопросъ будущаго. Въ настоящее время наша буржуазія составляетъ все-таки не болѣе, какъ ничѣмъ не сплоченную толпу хищниковъ; она не выработала еще ни со-

словнаго самосознанія, ни міросозерцанія, ни сословной солидарности. Буржуа западный дѣйствительно убѣжденъ въ святости разныхъ основъ, на которыхъ зиждется его сословіе, и за эти основы положитъ голову свою. У насъ нигдѣ не встрѣтишь болѣе циничнаго неуваженія къ тѣмъ-же основамъ, какъ именно въ буржуа. Нашъ буржуа — не членъ сословія, а просто отдѣльный, умный и неразборчивый въ средствахъ хищникъ, который въ душѣ самъ сознаетъ, что дѣйствуетъ не по совѣсти и правдѣ. Безъ сомнѣнія, это явленіе временное, происходящее лишь оттого, что нашъ буржуа еще только народился на свѣтъ. Скоро, очень скоро онъ оформится; еще нѣсколько поколѣній — и мы увидимъ у себя настоящаго буржуа, увидимъ хищничество, возведенное въ принципъ, съ теоретической основой, съ прочнымъ міросозерцаніемъ, съ сословной нравственностью. Все это будетъ, конечно, но только въ томъ случаѣ, если буржуазію не подсѣчетъ въ корнѣ общій переворотъ нашихъ государственныхъ и общественныхъ отношеній. Мы думаемъ, что онъ очень возможенъ, и если онъ дѣйствительно произойдетъ, то буржуазія наша такъ же сойдетъ со сцены, какъ сошло дворянство, потому что она, въ сущности, создается тѣмъ же государствомъ.

Создается она государствомъ отчасти вполнѣ сознательно и преднамѣренно, отчасти является какъ неизбѣжное послѣдствіе тѣхъ условій, въ которыя государство вгоняетъ народъ и которыя не могутъ не выдвигать изъ массы хищническое кулацкое сословіе.

Съ точки зрѣнія всего существующаго строя, нашъ крестьянинъ въ настоящее время — ничто, хуже, чѣмъ ничто. Это какая-то рабочая скотина, какой-то баранъ, который существуетъ исключительно для того, чтобы пастухъ могъ питаться его мясомъ, одѣваться его шерстью и шкурой. Таковъ принципъ нашего государства. Народъ—нуль, въ смыслѣ личности, въ смыслѣ человѣка. Его экономическіе интересы признаются лишь постольку, поскольку это нужно для государства. Крестьянинъ долженъ ѣсть, пить, одѣваться, имѣть хижину исключительно для того, чтобы не издохнуть съ голода, чтобы имѣть возможность работать, вносить деньги въ казначейство, поставлять годныхъ для войны рекрутъ и т. п. Такое же значеніе имѣетъ и его умственный и нравственный міръ: отъ мужика требуется немного больше,

чѣмъ отъ лошади; онъ долженъ имѣть достаточно смысла для того, чтобы ходить въ корню и на пристяжкѣ, требуется, чтобы онъ не былъ норовистымъ, чтобы узнавалъ хозяина. Все прочее — излишне и даже вредно. И вотъ такіе-то экономическіе и нравственные принципы практикуются надъ мужикомъ сотни лѣтъ, практикуются могущественной, сравнительно съ мужикомъ, высоко-интеллигентной ассоціаціей, пронизывающей насквозь всю жизнь его; сообразно съ этими принципами строятся сверху до низу всѣ отношенія государственныя, сословныя и общественныя. Результаты получаются самые убійственные.

Крестьянинъ приниженъ, забитъ настолько, насколько у государства хватило силъ. Онъ доведенъ до состоянія нищенства въ экономическомъ отношеніи, онъ изъ-за куска хлѣба, изъ-за самыхъ животныхъ, но неумолимыхъ потребностей принужденъ вести ожесточеннѣйшую борьбу за существованіе. Всѣ помыслы его должны направляться на то, чтобы добыть рубль для взноса податей, исполнить всѣ повинности, накормить себя и семью и отдохнуть для новой работы. И это изо дня въ день, вчера, нынче, завтра, цѣлую жизнь. Некогда жить для себя, для человѣка, некогда думать, не о чемъ думать. Такова обстановка личности. Такова же обстановка и міра. Зачѣмъ существуетъ міръ, община? Чѣмъ онъ занимается? Поставить рекрутовъ, собрать подати, взыскать недоимки, отправить натуральныя повинности — вотъ жизнь міра. И насколько обезличивается крестьянинъ въ невольной погонѣ за рублемъ, настолько же обезличивается и искажается община, задушаемая правительствомъ въ этой сферѣ исключительно фискальныхъ и полицейскихъ обязанностей.

Такая обстановка словно нарочно придумана для того, чтобы породить кулака. Для человѣка умнаго, энергичнаго, имѣющаго потребность личной жизни, въ той средѣ нѣтъ выхода: либо погибать вмѣстѣ съ міромъ, либо самому сдѣлаться хищникомъ. Какъ человѣкъ мірской — онъ нищій, презрѣнное существо, которымъ всякій помыкаетъ. Какъ хищникъ — онъ сразу выдвигается въ особое, не упомянутое законами, но признаваемое практикой сословіе. Кулакъ-міроѣдъ — онъ не только получаетъ возможность жить сносно въ матеріальномъ отношеніи; онъ въ первый разъ дѣлается человѣкомъ и даже гражданиномъ; его уважаетъ и началь-

ство, и попъ, его не станутъ ни бить по мордѣ, ни ругаться надъ его человѣческой личностью; законъ начинаетъ существовать для него. Можетъ ли быть тутъ какой-нибудь выборъ? Мы еще взяли только общую картину, возьмемъ детали. Что будетъ съ умнымъ и энергичнымъ крестьяниномъ, не измѣнившимъ мірскимъ традиціямъ? Это кандидатъ въ «смутьяны», въ «разстройщики», въ бунтовщики», кандидатъ на всевозможныя гоненія, порки, аресты, ссылки, а то и больше. А приниженный, забитый, обезличенный міръ часто не способенъ дать даже нравственную поддержку въ этой тяжелой борьбѣ, и въ большинствѣ случаевъ кулакъ совершенно искренно и глубоко презираетъ міръ за его безсиліе, презираетъ и въ лицѣ отдѣльныхъ членовъ, и въ лицѣ всей общины.

Нарождается кулакъ. Безвыходное положеніе гонитъ мужика въ кабалу. Кто же виноватъ въ этомъ? Кто же, какъ не государственный гнетъ, экономическій гнетъ его, стремящійся привести массу къ состоянію нищенства имущественнаго и отнимающій у нея всякую возможность бороться съ эксплуатаціей; нравственный его гнетъ, приводящій массу къ нищенству гражданскому и политическому, деморализирующій народъ и забивающій его энергію. Устраните этотъ гнетъ, и вы сразу отнимете $^{9}/_{10}$ шансовъ для формированія буржуазіи.

Перейдемъ выше. Вызывая появленіе буржуазіи самымъ фактомъ своего существованія, современное государство и въ отдѣльныхъ случаяхъ совершенно сознательно втягиваетъ ее въ люди. Вспомнимъ исторію нашей промышленности. Кустарное производство цѣлыхъ губерній убивалось, благодаря всяческому покровительству крупной промышленности. Создавались даже такія отрасли фабричнаго производства, которыя и понынѣ живутъ только покровительственнымъ тарифомъ (напр. хлопчатобумажное, убившее народныя кустарныя полотна). Цѣлыя княжества создавались для горнозаводчиковъ, и сотню лѣтъ населеніе Урала было отдано въ рабство капиталистамъ, не умѣвшимъ вести дѣло даже такъ, какъ вели сами рабочіе, оставаясь безъ хозяевъ (при Пугачевѣ). Желѣзнодорожное дѣло представляетъ у насъ также единственныя въ мірѣ картины: всѣ дороги построены на мужицкія деньги, на деньги государства, неизвѣстно зачѣмъ раздарившаго сотни милліоновъ разнымъ предприни-

мателямъ. Точно также мужицкое золото лилось изъ пустого кармана правительства для поддержанія биржевыхъ спекуляцій. Эта отеческая нѣжность правительства по отношенію къ буржуазіи — фактъ, требующій вовсе не доказательства, а только указанія, и мы указываемъ на него для того, чтобы лучше оттѣнить то обстоятельство, что у насъ не государство есть созданіе буржуазіи, какъ въ Европѣ, а, наоборотъ, буржуазія создается государствомъ.

Самостоятельное значеніе нашего государства составляетъ фактъ чрезвычайно важный, потому что, сообразуясь съ этимъ, дѣятельность Соціально-Революціонной Партіи въ Россіи должна принять совершенно особый характеръ. Россія, собственно говоря, представляетъ нѣчто въ родѣ обширнаго помѣстья, принадлежащаго компаніи подъ фирмой «Русское Государство». Экономическое и политическое вліяніе, экономическій и политическій гнетъ здѣсь, какъ и быть должно, сливается и сводится къ одному юридическому лицу — къ этой самой компаніи. При такихъ условіяхъ политическая и экономическая реформы становятся также совершенно неотдѣлимы одна отъ другой и сливаются въ одинъ обще-государственный переворотъ. Непосредственнымъ источникомъ народныхъ бѣдствій, рабства и нищеты является государство *). Поэтому, какъ только мы задаемся цѣлью освободить народъ, надѣлить его землей, просвѣтить его, ввести въ его жизнь новые принципы или возстановить въ ихъ первобытной чистотѣ старыя традиціонныя основы народной жизни — словомъ, какою бы цѣлью мы ни задавались, мы, если только эта цѣль ставится въ интересахъ массы, волей-неволей должны столкнуться съ правительствомъ, которое видитъ въ народѣ своего экономическаго и политическаго раба Для того, чтобы сдѣлать что-нибудь для народа, приходится прежде всего освободить его изъ-подъ власти этого правительства, сломить самое правительство, отнять у него его господскую власть надъ мужикомъ. Такимъ образомъ, наша дѣятельность принимаетъ политическій характеръ. И это дѣйствительно происходитъ у насъ, если не на словахъ, то на дѣлѣ, со всякой революціонной фракціей, независимо отъ ея теоретическихъ взгля-

---

*) Просимъ обратить вниманіе, что подъ словомъ государство мы постоянно понимаемъ именно современное Россійское государство.

довъ, происходитъ въ силу того простого обстоятельства, что современное государство действительно самый страшный, самый крупный врагъ и разоритель народа во всѣхъ отношеніяхъ. Нашъ соціалистъ ведетъ политическую борьбу такъ же естественно, какъ естественно говоритъ прозой человѣкъ, не имѣющій даже никакого понятія о прозѣ и поэзіи. Не смотря на это, большая, конечно, разница понять этотъ фактъ — значеніе современнаго государства, или не понимать его. Если мы дѣйствуемъ сознательно, то мы такъ и направимъ всѣ свои удары противъ этого правительства, и тогда наши силы пойдутъ цѣликомъ на работу производительную, полезную. Если же мы будемъ бить правительство только невольно, независимо отъ своего желанія и намѣренія, то, во-первыхъ, огромный процентъ силы можетъ уйти на фантастическую безрезультатную работу, а, во-вторыхъ, и самые удары, невольно наносимые нами правительству, принесутъ пользу только буржуазіи, подготовятъ ей болѣе легкую побѣду. Объ этомъ, впрочемъ, ниже.

Теперь намъ нужно сперва оговориться. Понятно, что призывая партію къ борьбѣ съ правительствомъ, къ политическому перевороту, мы нисколько не отрѣшаемся отъ переворота соціальнаго, экономическато. Мы говоримъ только, что при нашихъ государственныхъ порядкахъ политическій и соціальный переворотъ совершенно сливаются, и одинъ безъ другого немыслимы. Для этого-то политическо-соціальнаго переворота мы лишь намѣчаемъ новый путь, да и то не вполнѣ новый, а только плохо сознаваемый до сихъ поръ партіей. Не знаемъ, нужна ли такая оговорка для людей «Земли и Воли», защищавшихъ въ первомъ же № «Народной Воли» право народа на землю, но во избѣжаніе недоразумѣній на всякій случай оговариваемся.

Возвратимся къ дѣлу. Борьба противъ существующаго правительства, ослабляющая его и стало быть расчищающая дорогу политическому перевороту, совершенно неизбѣжна при такихъ условіяхъ, когда мы на каждомъ шагу наталкиваемся на правительство, какъ на дѣятельнаго и самостоятельнаго врага народа. Она неизбѣжна, но этого мало. Она можетъ оказаться важнѣйшей исторической услугой народу, если будетъ имѣть сознательную и преднамѣренную цѣль— произвести политическій переворотъ въ пользу именно его.

Передача государственной власти въ руки народа, въ настоящее время, могла бы дать всей нашей исторіи совершенно новое направленіе и развитіе въ духѣ народнаго общинно-федеративнаго міросозерцанія. Предположимъ, въ самомъ дѣлѣ, что наше правительство отъ какихъ бы то ни было причинъ (вслѣдствіе повсемѣстной революціи, вслѣдствіе собственнаго истощенія, въ связи съ нравственнымъ давленіемъ всѣхъ слоевъ населенія и пр.) — принуждено ликвидировать свои дѣла. Составляется, самостоятельно или по приглашенію правительства, Учредительное Собраніе, снабженное приговорами своихъ избирателей (въ родѣ cahiers въ Assemblée constituante). Въ этомъ Собраніи 90% депутатовъ отъ крестьянъ и, если предположить, что наша партія дѣйствуетъ съ достаточной ловкостью, — отъ партіи. Что можетъ постановить такое Собраніе? Въ высшей степени вѣроятно, что оно дало бы намъ полный переворотъ всѣхъ нашихъ экономическихъ и государственныхъ отношеній; мы знаемъ, какъ устраивался нашъ народъ всюду, гдѣ былъ свободенъ отъ давленія государства; мы знаемъ принципы, которые развивалъ въ своей жизни народъ на Дону, на Яикѣ, на Кубани, на Терекѣ, въ сибирскихъ раскольничьихъ поселеніяхъ, вездѣ, гдѣ устраивался свободно, сообразуясь только съ собственными наклонностями; мы знаемъ вѣчный лозунгъ народныхъ движеній. Право народа на землю, мѣстная автономія, федерація — вотъ постоянные принципы народнаго міросозерцанія. И нѣтъ въ Россіи такой силы, кромѣ государства, которая имѣла бы возможность съ успѣхомъ становиться поперегъ дороги этимъ принципамъ. Устраните государство, и народъ устроится можетъ быть лучше, чѣмъ мы даже можемъ надѣяться.

Намъ могутъ возразить, что различные враждебные народу слои населенія могли бы исказить результаты выборовъ, проведя своихъ людей въ большинствѣ, и тогда мы получили бы такой общественный строй, который не имѣлъ бы ничего общаго съ народными идеалами. На это мы отвѣтимъ, что это еще вопросъ, вопросъ даже и въ томъ случаѣ, если бы не было насъ, соціалистовъ-революціонеровъ. Извѣстно, напр., что въ 1849 году въ Австрійскомъ Рейхстагѣ такое же, какъ наше, галицкое «мужичье» сумѣло провести своихъ кандидатовъ, и эти безграмотные депутаты не поддавались ни на какія парламентскія ухищренія, не

отступая ни на шагъ отъ приговоровъ своихъ обществъ и отстаивая упорнѣйшимъ образомъ мужицкую землю. Да и у насъ сто лѣтъ тому назадъ, на Земскомъ Соборѣ Екатерины, народъ выбралъ массу депутатовъ, весьма хорошо его представлявшихъ. Если же бы наша партія поняла все громадное значеніе политическаго переворота и занялась теперь же подготовкой къ нему народа, а впослѣдствіи дружно повела бы избирательную агитацію, то благопріятный исходъ былъ бы въ высшей степени вѣроятенъ. Какъ ни слаба наша партія, а все же на выборахъ могла бы успѣшно потягаться съ дворянствомъ, совершенно непопулярнымъ въ народѣ, или съ буржуазіей, не доросшей еще даже до сословности, дѣйствующей разрозненно, особнякомъ, безъ общаго плана и разсчета.

Такимъ образомъ, политическій пореворотъ, т. е. передача государственной власти въ руки народа, отозвался бы теперь огромными и крайне полезными для народа послѣдствіями во всѣхъ сферахъ его жизни. Теперь время для этого еще не упущено. Но если бы мы, пренебрегая политической дѣятельностью, допустили существованіе современнаго государства еще на нѣсколько поколѣній, то это, очень вѣроятно, затормозило бы народное дѣло на цѣлыя столѣтія. Современное государство, во всякомъ случаѣ, слишкомъ примитивная, слишкомъ архаическая форма эксплуататорской ассоціаціи. Современная жизнь уже настолько дифференцировалась, что ее рѣшительно не въ состояніи охватить это допотопное государство. Требовательность населенія увеличивается, недовольство разростается, появляются въ населеніи элементы не только болѣе интеллигентные, но даже лучше организованные, чѣмъ государство. При такихъ условіяхъ государству приходится затрачивать все болѣе и болѣе средствъ на свое самосохраненіе, и выжимаемые изъ народа соки уже теперь едва покрываютъ этотъ расходъ. Недалеко время, когда появится дефицитъ, и тогда государство наше можетъ изморомъ вымереть, даже безъ экстраординарныхъ толчковъ. Сознавая это, оно давно уже ищетъ себѣ какихъ нибудь опоръ въ самомъ населеніи, опоръ, разумѣется, себѣ подобныхъ, т. е. тоже среди хищническихъ элементовъ. Такъ оно когда то выдвигало дворянство, но изъ дворянства ничего не вышло. Теперь оно старается опереться на буржуазію и, какъ самая

усердная акушерка, хлопочетъ о благополучныхъ родахъ этого уродливаго дѣтища народа. На этотъ разъ его старанія, конечно, увѣнчаются успѣхомъ, и буржуазія скоро подростетъ; но за то не подлежитъ также ни малѣйшему сомнѣнію, что, разъ ставши прочно на ноги, она не потерпитъ надъ собой власти этого одряхлѣвшаго государства и съумѣетъ подчинить его себѣ. Политическій переворотъ совершится, но совершится въ томъ смыслѣ, что власть перейдетъ въ руки буржуазіи. Наша роль при этомъ выйдетъ самая жалкая. Мы всѣмъ своимъ существованіемъ, всей своей дѣятельностью, вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ, подкапывали государство, расшатывали и ослабляли его, — и все это собственно затѣмъ, чтобы буржуазія могла легче его одолѣть и сѣсть на его мѣсто! А захвативши власть въ свои руки,буржуазія, конечно, съумѣетъ закабалить народъ пооснователвнѣе, чѣмъ нынѣ, и найдетъ болѣе дѣйствительныя средства парализовать нашу дѣятельность, чѣмъ современное государство, кругозоръ котораго не идетъ дальше тюрьмы и висѣлицы. Мы уже обращали вниманіе читателей на эту опасность и теперь снова повторяемъ, что для насъ нужно принять какую нибудь одну послѣдовательную систему дѣйствій: или союзъ съ государствомъ и совмѣстное съ нимъ задушеніе буржуазіи въ самомъ зародышѣ, или — такъ какъ этотъ союзъ, очевидно, нелѣпѣйшая изъ нелѣпостей, — борьба съ государствомъ, но если такъ, то уже борьба осмысленная, серьезная, съ опредѣленной цѣлью, съ непремѣннымъ результатомъ — возможно скорѣйшей передачей государственной власти въ руки народа, пока еще не поздно, пока есть шансы на то, что власть перейдетъ дѣйствительно къ нему. Теперь или никогда, вотъ наша дилемма.

Такимъ образомъ постановка партійной задачи, которую дѣлаетъ «Народная Воля», вызывается самыми настоятельными требованіями обстоятельствъ. Мы не станемъ развивать всѣхъ дальнѣйшихъ соображеній въ пользу политическаго переворота, потому что надѣемся еще вернуться къ этому вопросу въ спеціальныхъ статьяхъ. Недостатокъ мѣста заставляетъ насъ отложить до слѣдующаго раза и вопросъ о частныхъ задачахъ партіи, какими онѣ представляются съ нашей точки зрѣнія.

———— —

2 августа 1878 г., въ Одессѣ, разстрѣлянъ **Ковальскій**; 20 апрѣля 1879 г., въ Петербургѣ, казненъ **Дубровинъ**; 14 мая, въ Кіевѣ — **Осинскій, Антоновъ** (псевдонимъ) и **Брандтнеръ**; 28 мая, въ Петербургѣ—**Соловьевъ**; 18 іюня, въ Кіевѣ — **Бильчанскій, Горскій** и **Ѳедоровъ**; 10 августа, въ Одессѣ — **Чубаровъ, Лизогубъ** и **Давиденко**; 11 августа, въ Николаевѣ — **Виттенбергъ** и **Логовенко.**

Событія весны и лѣта 1879 г. особенно рельефно выдвигаются въ исторіи послѣдняго времени. Въ этотъ промежутокъ времени разыгрался на Руси рядъ тѣхъ потрясающихъ драмъ, которыя называются политическими процессами. Судебные подмостки снова сдѣлались ареной горячей борьбы.

Передъ военнымъ судомъ, судомъ своихъ безпощадныхъ враговъ, смѣло выступаютъ однѣ за другими спокойныя фигуры подсудимыхъ... Эти люди хорошо знаютъ, что впереди ихъ ждетъ тюрьма или могила. Но они гордо бросаютъ вызовъ въ лицо своимъ судьямъ и объявляютъ, что не признаютъ ихъ суда, что судъ враговъ не можетъ быть выразителемъ справедливости.

«Я имѣю честь принадлежать къ Соціально-Революціонной партіи — говоритъ Осинскій — и признаю лишь судъ общественной совѣсти; что же касается до настоящаго суда, то я его не признаю и ни на какіе вопросы отвѣчать не желаю!»

Но заявленія презрѣнія не смущаютъ судей, и они развязно продолжаютъ дѣлать свое дѣло.. Допрашиваются свидѣтели, произносятся рѣчи, привычнымъ потокомъ льются прокурорскія инсинуаціи, и все это въ присутствіи подсудимыхъ, которые не удостаиваютъ ихъ ни однимъ словомъ отвѣта. Наконецъ, приближается развязка... Въ залу суда въ послѣдній разъ вводятъ подсудимыхъ. Среди глубокаго, гробового молчанія, какъ погребальный колоколъ, раздаются слова предсѣдателя: «... смертная казнь... вѣчная каторга... многолѣтнее заключеніе»... Молча выслушиваютъ подсудимые чудовищный приговоръ... Они спокойно смотрятъ въ лицо предстоящей смерти и долгой мучительной пыткѣ неволи.

Судъ кончается. Наступаетъ исполненіе «правосудія», и осужденные на смерть такъ же гордо умираютъ, какъ спокойно выносили всю судебную процедуру. Разставаясь съ жизнью, они знаютъ, что отдаютъ ее за правое дѣло, а мысль о томъ, что тамъ, за стѣнами тюрьмы, есть товарищи, которые будутъ продолжать это дорогое имъ дѣло, освѣщаетъ отрадной надеждой послѣднія минуты ихъ жизни.

Какая сила вызываетъ изъ нѣдръ народа этихъ непреклонныхъ людей и заставляетъ ихъ безтрепетно идти на казнь?

Это нравственное величіе, этотъ пылкій энтузіазмъ въ послѣднія минуты жизни представляетъ отголоски могучей исторической силы, уже давно дѣйствующей въ человѣчествѣ, которая, какъ подземная вулканическая работа, проявляется то тутъ, то тамъ и всюду производитъ свое мощное вліяніе... Ея результаты всегда и вездѣ одни и тѣ же... Тѣ же фигуры, тѣ же характеры мы видимъ и въ годы польскихъ возстаній, и въ годы французской коммуны, и въ годы нидерландской борьбы за независимость... Какъ могучая стихія огня, эта сила очищаетъ все, что только ни подпадетъ ея вліянію. Подъ ея чуднымъ вѣяніемъ эксплуататоры народа бросаютъ свои состоянія; люди, не знавшіе въ жизни ничего, кромѣ скотскихъ наслажденій, дѣлаются фанатиками идеи, и закоренѣлые преступники, возненавидѣвъ свое прошлое, спокойно идутъ на смерть за благо и счастье человѣка...

Эта сила — идея человѣческой свободы.

Сто лѣтъ тому назадъ грянулъ надъ Франціей громовой ударъ Великой Революціи; словно молнія освѣтила непроглядную тьму вѣковой ночи, возсіявшей надъ міромъ, и подъ пурпурной тогой самодержавія люди увидѣли запекшуюся человѣческую кровь...

Въ грязныхъ, смрадныхъ лачужкахъ, въ глухихъ закоулкахъ городскихъ предмѣстій, гдѣ гнѣздятся тифы, лихорадки и холеры, гдѣ истощенныя человѣческія тѣни вѣчно работаютъ на другихъ, пронеслось великое слово СВОБОДА. Чудотворно было вліяніе этого слова... Блѣдныя тѣни поднимались... Искра мысли, искра огня блистала въ потускнѣвшихъ глазахъ, истощенныя щеки вспыхивали румянцемъ, усталые члены распрямлялись и, вдохновленные идеей міро-

вой свободы, люди гордо шли умирать на баррикады. Чистая, обновляющая идея поднимала цѣлыя массы на троны.

Много лѣтъ не замолкали отголоски этого перваго удара. Волна революціи, проносясь далѣе, охватила Германію, Италію, Австрію, Испанію и наконецъ разбилась въ 1825 о каменные бастіоны Петропавловской крѣпости.

Здѣсь, въ странѣ вѣкового произвола, ночь была еще непрогляднѣе. Среди милліоновъ рабовъ не видно было человѣческаго облика, не слышно было человѣческаго голоса. Подъ желѣзнымъ гнетомъ николаевщины долго не были замѣтны дѣйствія новой силы. Но годы шли. Подавленная идея становилась все могущественнѣе, и одни за другими, какъ чайки передъ бурей, стали появляться одинокія группы провозвѣстниковъ грядущей свободы...

И вотъ показались они передъ нами во всей своей силѣ, полные вдохновеннаго энтузіазма, и съ подмостковъ эшафота говорятъ намъ безъ словъ, что наступаетъ конецъ царству произвола, потому что страна, способная возрастить подобныхъ сыновъ, не можетъ долго подчиняться варварству и насилію.

Да, монархизмъ и на Руси отживаетъ свой вѣкъ. Результатъ завоеванія и порабощенія, держащійся только силою оружія и вѣкового народнаго недоразумѣнія, медленно, но неумолимо рушится, и отъ былой его силы остается одна только хрупкая форма. Все противъ него. Нѣтъ ни одного класса, ни одного элемента, который бы поддерживалъ его, потому что монархизмъ самъ уже безсиленъ защищать своихъ приверженцевъ. Его дворцы еще стоятъ повидимому непоколебимо; его крѣпости такъ же грозны, какъ и прежде; его безчисленныя арміи полны такого же рабскаго подчиненія, какъ и вѣка назадъ, и кто бы могъ подумать, что подъ этой блестящей внѣшностью, подъ этимъ пышнымъ величіемъ, за стѣнами этихъ раззолоченныхъ палатъ уже шевелится жалкій страхъ за свое существованіе.

Видали ли вы давно упавшій стволъ дерева въ лѣсу? Съ виду онъ еще совершенно крѣпокъ, его кора совершенно цѣла, и на ней растутъ зеленые мхи. Но попробуйте вскочить на него: кора провалится подъ вашими ногами, и стволъ рухнетъ, обдавши васъ цѣлымъ облакомъ гнили.

Но потухающій огонь сильнѣе вспыхиваетъ, умирая, и

отжившая система, доживая свои послѣдніе дни, съ большей яростью истребляетъ всякіе проблески нарождающейся враждебной ей жизни.

Полное ненависти ко всему самобытному, наше правительство ссылаетъ, вѣшаетъ, разстрѣливаетъ и губитъ въ тюрьмахъ всякаго, кто вздумаетъ подняться противъ его ига.

«Умъ ихъ помрачился — пишетъ Виттенбергъ наканунѣ своей казни — они видятъ, что скоро настанетъ другое время и не знаютъ, какъ отвратить его. Это знаменіе времени».

Да, эти казни, эти варварскіе суды, эти безконечныя преслѣдованія, — все это признаки близкаго, неотвратимаго кризиса.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПИСЬМА СОЦІАЛИСТА

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Привѣтъ вамъ, братья!

Привѣтъ вамъ съ родины Руссо и во имя Руссо, чье широкое сердце умѣло ненавидѣть и политическое, и экономическое рабство, чей широкій умъ охватывалъ и принципъ политической свободы, и принципъ соціализма, Земли и Воли.

Жадно и скорбно слѣдилъ я за всѣмъ, что дѣлается въ измученной родной странѣ. Вами я любовался. Но — простите, дѣло прошлое, — подчасъ много укоризны слалъ вамъ мысленно.

Еслибы царь-освободитель, Александръ Милостивый, обладалъ юмористическимъ талантомъ царя-мучителя, Ивана Грознаго, онъ разсылалъ бы по монастырямъ синодики не короче тѣхъ, въ которыхъ Иванъ поминалъ «невинныхъ страдальцевъ». Александръ Милостивый никого на колъ не сажаетъ, въ рѣкахъ не топитъ и собственныхъ царственныхъ рукъ не обагряетъ кровью вѣрноподданныхъ барановъ. Но въ три вѣка бараны переродились. Гдѣ прирожденные холопы XVI вѣка, пѣвшіе, сидя на колу, хвалу царю-мучителю? Ихъ нѣтъ даже въ III Отдѣленіи собственной его величества канцеляріи. Гдѣ всеобщая вѣра въ божественный источникъ

самодержавной власти? На кончикѣ льстиваго языка московскаго митрополита. Нынѣшняго русскаго вѣрноподданнаго нельзя посадить на колъ или изжарить на сковородѣ. Его можно, съ соблюденіемъ юридическихъ приличій, повѣсить, сгноить въ центральной тюрьмѣ; безъ всякихъ приличій, сослать въ Мезень или Якутскъ. Но главная разница не въ формахъ гоненія, а въ томъ, какъ оно принимается гонимыми. Булавочный уколъ въ наше время чувствительнѣе раны отъ желѣзнаго посоха Ивана Грознаго. Покорное благоговѣніе растерялось въ теченіе трехъ вѣковъ; оно замѣнилось озлобленіемъ. Времена Грознаго напоминаетъ только безстрашіе жертвъ: покорно-безстрашно садился холопъ XVI вѣка на колъ, озлобленно-безстрашно идетъ русскій соціалистъ въ тюрьму, на каторгу, на висѣлицу. Я даже не ставлю вамъ этого въ большую заслугу. Когда обухъ реакціи виситъ надъ головами всѣхъ и каждаго, когда ни одинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ не можетъ поручиться за свой завтрашній день, страхъ пожираетъ самъ себя, и вамъ, закаленнымъ врагамъ правительства, трепетать не приходится. Вы знаете, что, замучивъ христіанскаго бога, римскіе жандармы помогли распространенію христіанства. Дѣйствительный статскій совѣтникъ не имѣетъ этого утѣшенія.

Вы не боитесь тюрьмы, каторги, висѣлицы. Но вы боитесь собственной мысли, хотя, кажется, слѣдуетъ употребить прошедшее время: боялись.

Изучая новѣйшую исторію, вы узнали, что Великая Революція не привела Европу въ обѣтованную землю братства, равенства и свободы, что конституціонный режимъ, вручая власть буржуазіи, предоставляетъ ей, подъ покровомъ формальной политической свободы, экономическую власть надъ народомъ. Этотъ горестный результатъ европейской исторіи вселилъ въ васъ недовѣріе къ принципу политической свободы. Я, русскій, переболѣвшій всѣми русскими болѣзнями и здѣсь, на свободной республиканской почвѣ, во-очію наблюдающій ходъ политической и экономической борьбы, знаю цѣну вашему недовѣрію. Да, вы правы. Конституціонный режимъ не рѣшаетъ тяжбы труда съ капиталомъ, не устраняетъ вѣковой несправедливости присвоенія чужого труда, напротивъ, облегчаетъ ея дальнѣйшій ростъ. Но вы глубоко неправы, когда отказываетесь отъ политической борьбы. Изъ живыхъ людей, страстно отдающихся своей идеѣ, вы

обращаетесь въ сухихъ доктринеровъ, въ книжниковъ, упрямо затвердившихъ теоретическій выводъ, которому противорѣчитъ вся практика.

Вы боитесь конституціоннаго режима въ будущемъ, потому что онъ принесетъ съ собой ненавистное иго буржуазіи. Оглянитесь: это иго уже лежитъ надъ Россіей въ царствованіе благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго императора божіей милостью. У русскаго гербового орла двѣ головы, два жадные клюва. Одинъ рветъ тѣло русскаго народа съ династически-военно-полицейскими цѣлями, для расширенія и содержанія въ повиновеніи окраинъ и для сохраненія декорума деспотической власти. Вы не довольно ненавидите этотъ безпощадный, безумный «желѣзный носъ» и не довольно любите терзаемый имъ русскій народъ, если отказываетесь отъ политической борьбы. Вы живете теоріей и будущимъ, когда практика и настоящее ужасны! Но вы и въ теоріи ошибаетесь: у гербового орла *два* хищные клюва, они связаны единствомъ ненасытнаго желудка.

Александръ II не дастъ конституціи; ее можно только вырвать у него. Онъ съ упрямствомъ слѣпца хочетъ умереть самодержавнымъ царемъ, ревниво оберегая декорумъ деспотической власти отъ жалкихъ проблесковъ оппозиціи въ земствѣ, въ литературѣ, въ судѣ. Но это — его личное дѣло. Въ государственномъ же смыслѣ самодержавіе на Руси, кромѣ военно-полицейской дѣйствительности, есть уже давно только блестящій миѳъ, живущій лишь кое-гдѣ въ незлобивомъ сердцѣ крестьянина. Россія только покрыта горностаевой царской порфирой, подъ которой происходитъ кипучая работа набиванія бездонныхъ, приватныхъ кармановъ жадными приватными руками. Сорвите эту когда-то пышную, а теперь изъѣденную молью порфиру, и вы найдете вполнѣ готовую, дѣятельную буржуазію. Она не отлилась въ самостоятельныя политическія формы, она прячется въ складкахъ царской порфиры, но только потому, что ей такъ удобнѣе исполнять свою историческую миссію расхищенія народнаго достоянія и присвоенія народнаго труда. Великому князю Константину нуженъ самодержавный царь, чтобы за его спиной обдѣлывать свои приватныя воровскія дѣла. Министру Валуеву нуженъ самодержавный царь, чтобы изъ-подъ его руки расхищать государственныя имущества. Деревенскому кулаку нужна эманація самодержавнаго царя

— самодержавный исправникъ, чтобы закрѣпощать голытьбу. Фабриканту нужна такая же эманація — самодержавный полицiймейстеръ, чтобы перепороть стакнувшихся рабочихъ. Европейской буржуазіи самодержавіе — помѣха, нашей буржуазіи оно — опора. Въ Европѣ политическая свобода была провозглашена уже послѣ того, какъ сложилось крѣпкое, организованное, умственно и матеріально сильное третье сословіе. Въ этомъ горе Европы и урокъ намъ. У насъ политическая свобода должна быть провозглашена прежде, чѣмъ буржуазія настолько сплотится и окрѣпнетъ, чтобы не нуждаться въ самодержавномъ царѣ и его эманаціяхъ. Такая минута наступитъ. Буржуазія, выросшая подъ сѣнью царской порфиры, разорветъ ее въ клочки, и что вы скажете тогда на неподкупномъ судѣ исторіи? Отстраняясь отъ политической борьбы, задержали ли вы развитіе буржуазіи? Нѣтъ, вы помогли ему, потому что, чѣмъ самодержавнѣе исправникъ, тѣмъ легче кулаку грабить.

Предразсудокъ противъ политической борьбы силенъ въ Россіи. Имъ заражены люди самые достойные. Между ними есть и люди мирнаго прогресса и люди революціи. Люди мирнаго прогресса думаютъ, что самодержавіе только тогда завершитъ свою миссію, когда крестьянинъ достаточно оперится умственно и матеріально, чтобы не дать себя поглотить буржуазіи. Это было бы основательное разсужденіе, еслибы самодержавіе не давало простора приватному хищничеству и еслибы само оно не питалось кровью и плотью народа. Гдѣ заботы самодержавія объ умственномъ и матеріальномъ развитіи народа? На чемъ держится надежда на самодержавіе, когда оно до костей исклевало крестьянина своимъ желѣзнымъ носомъ?

Люди революціи разсчитываютъ на народное возстаніе. Это дѣло вѣры. Я не имѣю ея. Но, становясь на точку вѣрующихъ, я спрашиваю: Когда народное возстаніе вѣроятнѣе? Тогда ли, когда на вершинѣ политическаго строя сидитъ далекій, полумиѳическій царь, въ котораго темный народъ, по преданію, еще вѣритъ, или тогда, когда страною правятъ выборные люди, обыкновенные люди, безъ всякаго мистическаго ореола?

Не политическая свобода отвѣтственна за соціальную болѣзнь Европы, а система приватнаго хищничества. До извѣстнаго времени эта система не только не нуждается въ

политической свободѣ, но, напротивъ, находитъ себѣ лучшую поддержку въ іерархической эманаціи самодержавія. Въ такомъ положеніи находится Россія. Живите же настоящимъ, боритесь съ живымъ врагомъ! Онъ не щадитъ васъ, за что же вы будете систематически щадить его?

Вы не боитесь тюрьмы и каторги. Вы боитесь собственной мысли...

Но я уже оговорился, что слѣдуетъ, кажется, употребить прошедшее время: боялись. Получивъ «Народную Волю», я тотчасъ-же взялся за перо, чтобы послать вамъ горячій привѣтъ съ родины Руссо и во имя Руссо. Но вашъ поздній выходъ на настоящую дорогу и всѣ мои наблюденія убѣждаютъ меня, что «Политическія письма соціалиста» будутъ не лишни. Предразсудокъ противъ политической борьбы вскормленъ всей русской исторіей, пріучившей насъ жить не практикой настоящаго, изъ которой самодержавіе гонитъ всякую честную дѣятельность, а будущимъ, теоріей и фантазіей. Повторяю: достойнѣйшіе люди, соль земли русской, заражены этою болѣзнью. Пора, давно пора выздоровѣть и понять, что политическій непотизмъ выгоденъ только врагамъ народа. Конституціонный режимъ есть вопросъ завтрашняго дня въ Россіи. Этотъ завтрашній день не принесетъ разрѣшенія соціальнаго вопроса. Но развѣ вы хотите завтра-же сложить руки? Развѣ вы устали бороться? Вѣрьте мнѣ, что даже самое единодушное народное возстаніе, если бы оно было возможно, не дастъ вамъ опочить на лаврахъ и потребуетъ новаго напряженія, новой борьбы. Вѣкъ живи, вѣкъ борись! «Миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе» принадлежитъ далекому будущему. Мы съ вами не доживемъ до него. Всѣхъ перипетій будущей борьбы предвидѣть нельзя. Русское народное возстаніе можетъ выставить геніальнаго честолюбца-Цезаря, полубога, передъ которымъ покорно склонитъ голову несчастная родина; европейское соціалистическое возстаніе можетъ вызвать вмѣшательство императорскихъ русскихъ войскъ, уже водворявшихъ «порядокъ» въ Венгріи и «спасавшихъ царей» въ Италіи. И мало ли еще какія комбинаціи возможны внѣ заколдованнаго круга конституціи и народнаго возстанія, въ которомъ вращается ваша политическая мысль. Не будемъ же жертвовать сегодняшней борьбой ради завтрашней! Или не довольно широко ваше сердце, чтобы обнять одною

ненавистью государственное и приватное хищничество даже тогда, когда они срослись въ двуглаваго орла съ однимъ желудкомъ? Бейте по обѣимъ головамъ кровожадной птицы!

И еще спрошу: зачѣмъ оставили вы свой прекрасный девизъ: «Земля и Воля»? *) Куда бы ни направилъ въ частномъ случаѣ вашу борьбу практическій ходъ жизни, этотъ девизъ долженъ быть вашимъ. Одной половиной его — «Волей» вы примыкаете ко всѣмъ уважающимъ себя людямъ, которымъ ненавистно самовластіе; другая половина — «Земля» выдѣляетъ васъ изъ общаго либеральнаго хора. Глубокій политическій смыслъ заключается въ этой двойственной формулѣ: воля всѣмъ, земля земледѣльцу. Конституцію сочинить не трудно; ее напишетъ и Валуевъ, и Шуваловъ, и Побѣдоносцевъ. Но европейская исторія учитъ насъ, что Бисмарки и Наполеоны, даже Миланы и Ристичи во всякую данную минуту могутъ разорвать хартію воли, если въ сохраненіи ея не заинтересована милліонная масса народа. Русскій народъ грудью встанетъ только за такую волю, которая гарантируетъ ему землю. Онъ равнодушно, даже злорадно будетъ смотрѣть на самое наглое нарушеніе конституціи, если въ основѣ ея будетъ лежать циркуляръ Макова. Избирая себѣ девизъ «Земля и Воля», вы повинуетесь не только народнымъ идеаламъ и голосу высшей справедливости, но и практическимъ требованіямъ истиннаго, непризрачнаго осуществленія самой воли.

Бейте же по обѣимъ головамъ хищной птицы! Vogue la galère!

Гроньяръ. **)

Женева, 2 ноября (21 октября) 1879 г.

---

*) Въ № 1 нашей газеты мы подробно излагали внѣшнія причины, вынудившія насъ съ сожалѣніемъ отказаться отъ названія, которое было и остается нашимъ девизомъ, нашимъ лозунгомъ, какъ выразились мы въ этомъ объясненіи. Уважаемый авторъ, вѣроятно, не достаточно внимательно прочелъ его. Прим. Ред.

**) Я прошу васъ до времени не публиковать моего имени. Подписываюсь псевдонимомъ, дорогимъ мнѣ по нѣкоторымъ личнымъ воспоминаніямъ и, можетъ быть, соотвѣтствующимъ ворчливому тону моихъ писемъ.

НА ЧЬЕЙ СТОРОНѢ НРАВСТВЕННОСТЬ?

(Объясненіе съ литературными и иными охранителями).

Наша согнутая въ три погибели пресса, не смотря на крайнее неудобство такого положенія, старается при каждомъ случаѣ улыбаться правительству и забрасывать насъ самой возмутительной грязью. Случается ли гдѣ-нибудь поджогъ, она, ни мало не стѣсняясь, заявляетъ что это поджигаютъ русскіе революціонеры. Случается ли гдѣ-нибудь таинственное убійство, грабежъ почты или простое воровство, — она торопится схватить революціонеровъ за шиворотъ и представить ихъ въ участокъ. Сколько разъ она такимъ образомъ оказывалась самой грубой клеветницей, сколько разъ ея пламенное усердіе кончалось глупымъ выстрѣломъ въ лужу! Но уроки ни мало ни конфузятъ ея. «Клевещи, клевещи, — что-нибудь да пристанетъ!» таковъ мудрый девизъ всѣхъ клеветниковъ. Если вѣрить нашей прессѣ, то мы оказываемся самыми невозможными злодѣями, какихъ когда-либо создавалъ міръ. Мы оказываемся не только врагами общественнаго порядка (не настоящаго только, съ какимъ дѣйствительно враждуемъ, а вообще), семьи и религіи (о которыхъ пока не заходитъ и рѣчи), но и людьми, лишенными самыхъ элементарныхъ чувствъ порядочности и честности. Она исчерпала весь лексиконъ ругательствъ, весь репертуаръ инсинуацій и, если бы могла, то сочинила бы на наши головы много новыхъ неслыханныхъ еще преступленій. Пользуясь нашей невозможностью открыто защищаться, она старается выставить насъ въ глазахъ общества какими то кровожадными и безжалостными чудовищами. Насъ обвиняютъ въ безнравственности не только завѣдомые воры, шантажисты, взяточники и негодяи, но даже завѣдомые сыщики и жандармы. Это превосходитъ всякое терпѣніе и заставляетъ насъ взяться за перо, чтобы объясниться съ клеветниками, не для того, конечно, чтобы убѣждать ихъ, а для того, чтобы насъ выслушали третьи лица, не потерявшія еще способность краснѣть и убѣждаться и мнѣніемъ которыхъ мы дорожимъ.

Мы придаемъ вопросамъ духовнымъ и въ особенности нравственнымъ гораздо больше значенія, чѣмъ это, можетъ быть, кажется. Мы знаемъ изъ исторіи, что всякой смѣнѣ

стараго порядка новымъ, всегда предшествуетъ невидимый, но могущественный авангардъ — идеи и новое нравственное міросозерцаніе. Мы знаемъ изъ исторіи, что всякій старый порядокъ разрушается и падаетъ прежде всего, благодаря тому, что въ немъ развивается общественная несправедливость, что въ немъ не дается простора новымъ и болѣе высокимъ идеямъ и чувствамъ. Возьмемъ Грецію и Римъ, Римъ и Германцевъ, язычество и христіанство, старый французскій режимъ и великую французскую революцію. Что противопоставлялъ одинъ порядокъ другому? Далеко не одну силу оружія, которая совершала внѣшнюю формальную сторону дѣла или побѣждала только для того, чтобы самой черезъ нѣкоторое время оказаться побѣжденною силою нравственною. Мы глубоко убѣждены въ томъ, что на нашей сторонѣ и нравственность, и справедливость, и мысль, и вообще всѣ самые могущественные двигатели человѣческаго духа, тогда какъ на сторонѣ стараго порядка — одна грубая сила и самые низменные инстинкты. Мы глубоко убѣждены въ томъ, что старый порядокъ разлагается и что мы призваны замѣнить его новымъ и очистить для народа путь отъ гнилушекъ и мусора. Самое наше ученіе возникло, держится и развивается, только благодаря безнравственности стараго порядка. Оно прежде всего логическая реакція человѣческаго духа противъ общественной безнравственности и несправедливости.

Въ этомъ то его главная сила и очаровательный философскій смыслъ. Въ этомъ-то знамени, высоко поднятомъ честными руками, и лежитъ объясненіе, почему подъ него собирается молодежь и безъ звука переноситъ страшныя страданія въ тюрьмахъ и геройски умираетъ на висѣлицахъ. На этомъ-то и покоится наша глубокая увѣренность, что побѣдимъ въ концѣ концовъ мы, а не вы.

Мы не будемъ конечно утверждать, что всѣ соціалисты революціонеры поголовно и безъ исключенія существа идеально-нравственныя и что всѣ дѣйствія ихъ безусловно нравственны. Этого нельзя утверждать уже по одному тому, что они плоть отъ плоти вашей и кость отъ костей вашихъ, что они выросли и воспитались въ вашей семьѣ и школѣ, которыя систематически притупляли и развращали ихъ нравственное чувство. Удивительно ли, что нѣкоторые изъ нихъ принесли съ собою нѣкоторыя старыя привычки

и замашки, въ родѣ деспотизма и неразборчивости средствъ. Удивительно ли, что нѣкоторые не могутъ сразу снять съ себя помѣщичью, поповскую или мѣщанскую шкуру и отдѣлаться отъ засѣвшихъ въ нихъ такъ же глубоко, какъ и кости, воззрѣній. Да, мы вовсе не намѣрены стоять за то, что всѣ революціонеры — существа идеально нравственныя. Есть между нами малодушные, увлекающіеся и больше, всего, невыработанные люди.

Но просимъ васъ не упускать изъ виду слѣдующаго: 1) дѣйствительно безнравственные поступки составляютъ лишь крайне ничтожное число случаевъ, составляютъ лишь исключеніе изъ общаго правила. Не забывайте, что мы представляемъ собою многотысячную массу, представляемъ почти цѣлый народъ. Съ нечаевскаго процесса, по разсчету одного неоффиціальнаго статистика, было арестовано, сослано и выслано административнымъ порядкомъ до 17.000 человѣкъ. Это одно уже говоритъ вамъ о нашей многочисленности. Возьмите затѣмъ политическіе процессы и сравните число преступленій противъ нравственности у насъ и у васъ (даже по вашему уголовному кодексу): вы увидите, что они составляютъ у насъ просто ничтожный процентъ, не смотря на все усердіе слѣдователей, прокуроровъ и судей бить именно въ эту точку. Жихаревъ, Масловскій и ихъ многочисленные сподвижники вылѣзали изъ кожи, чтобы нарисовать страшную картину нравственнаго паденія молодежи; но это имъ такъ же удалось, какъ если бы они вздумали заплевать солнце. Они открыли только одного безспорно безнравственнаго человѣка — Ларіонова, но и тотъ оказался сыщикомъ. Не забывайте еще и 2), что понятіе о нравственности у насъ съ вами чрезвычайно различны. Мы окажемся здѣсь во многихъ случаяхъ другъ для друга варварами. Вы считаете нравственнымъ получать наслѣдство, ренту и незаслуженный огромный заработокъ, а мы считаемъ это насильственной эксплуатаціей народнаго труда. Не забывайте и 3), что вы создали въ обществѣ такую атмосферу, въ которой, при всемъ желаніи, нельзя сдѣлать ни одного честнаго шага. — До такой степени шатки и условны понятія о нравственности, до такой степени утерянъ всякій нравственный критерій. Соберите всѣхъ философовъ и моралистовъ міра и предложите имъ разсмотрѣть ваши институты, законы и обычаи, — много ли они

найдутъ въ нихъ нравственнаго содержанія? А между тѣмъ при такихъ условіяхъ намъ приходится дѣйствовать. При такихъ условіяхъ даже глубоко-нравственный человѣкъ станетъ въ тупикъ и откажется понимать, что вы считаете нравственнымъ и что безнравственнымъ. Вы умѣете только отличать воровство со взломомъ отъ простого воровства и не замѣчаете вещей въ милліонъ разъ болѣе безнравственныхъ. Не забывайте 4), что мы лишены возможности дѣйствовать открыто, а вслѣдствіе этого многія дѣйствія поневолѣ становятся или кажутся безнравственными; приходится скрываться, укрывать, совершать уловки при передачѣ имущества, говорить неправду и т. п. Не забывайте 5), что гоненія, воздвигаемыя на насъ, настолько жестоки и безжалостны, что могутъ доводить многихъ до такого состоянія озлобленія и отчаянія, въ которомъ человѣкъ не разсуждаетъ. Не забывайте 6), что мы разобщены и лишены возможности согласовывать, провѣрять и направлять свою дѣятельность, какъ бы должна была дѣйствовать партія. Люди менѣе нравственные и выработанные, конечно, никогда не могли бы похвалиться и такимъ нравственнымъ единствомъ, какое вы видите у насъ. Ничего, что многіе изъ насъ молоды, — цѣль, одушевляющая насъ, слишкомъ высока и опредѣленна. Повторяемъ: напрасно вы думаете, что мы станемъ открещиваться отъ нѣсколькихъ печальныхъ случаевъ, совершенныхъ революціонерами. Мы жалѣемъ о нихъ, это правда, мы желали бы, чтобы на насъ не падало даже самой малѣйшей тѣни, но мы не можемъ не признавать полной логичности ихъ происхожденія. Мы открещиваемся только отъ постороннихъ людей, отъ завѣдомыхъ мазуриковъ, которые за послѣднее время дѣйствовали нашимъ именемъ (напр. выманивая деньги угрозами и т. п.) и которыхъ къ намъ такъ желательно пріобщить г.г. прокурорамъ, жандармамъ и печати. Въ нѣсколькихъ случаяхъ уже обнаружено, что это были люди, не имѣвшіе съ нами ничего общаго. А затѣмъ мы принимаемъ на себя, на нашу отвѣтственность, все, что совершенно было революціонерами, принимаемъ тѣмъ съ большой охотой, что подобныхъ случаевъ было весьма немного. Это какіе нибудь два-три-пять случаевъ, которые никакимъ образомъ не могутъ дискредитировать и марать партію, явившую такъ много примѣровъ великодушія, самопожертвованія и высочайшей нравственности.

Да и что такое, наконецъ, за безнравственные поступки, которыми такъ возмущаются наши газетные и журнальные моралисты? Не убійство ли и, прежде всего, не покушеніе ли на священную особу Его Величества? Но многіе изъ васъ сами сто разъ убили бы эту священную особу, еслибы не были сто разъ трусами и не дорожили бы своими мѣщанскими животишками; а многимъ изъ васъ эта особа нужна просто, какъ средство эксплуатировать народъ подъ ея прикрытіемъ. Говорятъ что Соловьевское покушеніе повергло столицы и города въ безпокойство и встревожило многихъ добродѣтельныхъ и почтенныхъ гражданъ. Многія либеральныя достопочтенности даже утверждаютъ, что это вызвало реакцію... Какъ все это странно, чтобы не сказать больше! Любя покой, природу, книгу и лишь мечтая о счастіи народовъ, либеральныя достопочтенности не замѣчали того, что реакція началась уже давнымъ давно, 10—15 лѣтъ тому назадъ, что за это время вымерли отъ голода и нищеты, можетъ быть, сотни тысячъ народа и были пролиты потоки безсильныхъ народныхъ слезъ. Чего вы ждали отъ державной воли, отъ этого выжившаго изъ ума, фальшиваго, безсердечнаго старика, окруженнаго шайкой ловкихъ пройдохъ? Неужели чего нибудь дѣйствительно путнаго? Все это не больше, какъ либеральное резонерство. Мы убѣждены въ томъ, что, удайся Соловьевское покушеніе — всѣ заговорили бы другое, даже рабы и ослы почувствовали бы радость и, навѣрное, стали бы выкидывать курбеты. Оставаться долѣе при настоящемъ порядкѣ вещей Россія не можетъ. Народъ все болѣе и болѣе бѣднѣетъ и опускается въ такую пропасть экономическаго пролетаріата, изъ которой ему долго не выбраться, а, пожалуй, не выбраться и совсѣмъ. Буржуазія, грубая и дикая, ростетъ не по днямъ, а по часамъ, и гордо поднимаетъ голову. Общественная нравственность находится на такой низкой ступени, что можно придти въ ужасъ за человѣка: взятки, начиная съ маленькихъ канцелярій до сената включительно, грабежи казны, раздачи государственныхъ земель и заводовъ въ частныя руки, сикофанство, кражи въ банкахъ, казначействахъ, интенданствахъ, у несчастныхъ солдатъ и даже въ сиротскихъ судахъ у сиротъ. Игумены Митрофаніи, Овсянниковы, Юханцевы, Гулакъ-Артемовскіе и т. д. составляютъ безконечную воровскую эпопею. А сколько такихъ воровъ,

которые не попали на скамью подсудимыхъ: Тотлебенъ наворовалъ на крѣпостяхъ милліонное состояніе; Треповъ набралъ взятокъ за разныя темныя дѣлишки на 3.000.000, кн. Волконскій, теперешній попечитель Спб. Учебн. Округа, сбондилъ съ Грязе-Царицынской ж. д. 600.000 р.; Адлербергъ, въ качествѣ министра Двора и царскаго наперсника, проматываетъ милліоны; Ламанскій сдѣлалъ изъ государственаго банка собственную кладовую и притонъ для биржевыхъ плутовъ; морское министерство грабится самымъ наглымъ образомъ, и во главѣ грабителей стоитъ царскій братъ — Константинъ Николаевичъ. Конечно, всѣ эти воры никогда и не попадутъ на скамью подсудимыхъ. Когда графъ Бобринскій, бывшій министръ путей сообщенія, рѣшился доложить царю о какой-то дерзкой кражѣ Константина, то получилъ въ отвѣтъ: «Какъ ты смѣешь, холопъ, вмѣшиваться въ дѣла царской семьи?» и долженъ былъ оставить министерскій портфель.

Врядъ ли можно больше дискредитировать себя, съ нравственной стороны, чѣмъ дискредитировала себя царская фамилія: вся столица и вся Россія знаютъ и говорятъ о томъ, что великіе князья играютъ на биржѣ, забираютъ казенныя земли и грабятъ казну. Всѣ знаютъ и говорятъ о царскихъ любовницахъ (напр. о сестрѣ Долгорукихъ, о любовницѣ Константина — актрисѣ Кузнецовой, о любовницѣ Николая — актрисѣ Числовой, изъ-за которой происходили семейныя драки отца съ сыномъ подсвѣчниками и т. д.). Молва разноситъ о нихъ тысячи самыхъ курьезныхъ анекдотовъ. Разсказываютъ напр., что Николай заказывалъ Микѣшину голый портретъ Числовой въ видѣ нимфы Нефа и самъ всегда присутствовалъ на сеансахъ, восхищаясь ея голыми лядами. Разсказываютъ, что во время послѣдней компаніи царственный главнокомандующій каждый день мѣнялся съ своей нимфой телеграммами и, когда та телеграфировала ему подъ Плевну, что наконецъ нашла квартиру, то онъ отвѣчалъ ей: Слава Богу, гора съ плечъ долой. Вотъ какая тяжелая гора лежала на плечахъ главнокомандующаго русской арміей! И это въ то время, когда умирали и мерзли тысячи солдатъ! Всѣ говорятъ о пьяныхъ дебошахъ съ г.г. офицерами Владиміра Александровича, о томъ, какъ они, напр., выламывали дверь Дворянскаго Собранія въ 4 часа ночи, о кражѣ фамильныхъ брилліантовъ Николая Константино-

вича и т. д. и т. д. Но всего не перескажешь — и много и скучно, и стыдно. Можетъ быть, молва что нибудь и преувеличиваетъ, но больше, вѣроятно, уменьшаетъ, такъ какъ столь развращенная придворная челядь, конечно, скрываетъ подвиги своихъ господъ. Какія же надежды можно возлагать на этихъ вѣчно поющихъ, пьяныхъ и падшихъ людей? Повторяемъ, оставаться долѣе при такомъ порядкѣ вещей невозможно. Развращеніе общества принимаетъ все болѣе и болѣе омерзительный характеръ и обнаруживаетъ просто страшные симптомы. Политическія гоненія и развившееся до не бывалыхъ еще размѣровъ шпіонство дѣлаютъ жизнь для мало мальски порядочныхъ людей совсѣмъ невозможною. Отецъ доноситъ на сына, дѣти на отца, жена на мужа. Доносы приводятъ въ ужасъ своимъ обиліемъ и возбуждаютъ своею подлостью отвращеніе даже въ самихъ жандармахъ и шпіонахъ: доносятъ люди на политическое вольнодумство, на семейную жизнь, на имѣніе номера воспрещенной газеты, на равнодушіе къ иконамъ. Доносятъ по злобѣ, по неудавшейся любви, доносятъ съ пьяна и т. д. Остальные заперлись въ скорлупу невинности и ничегоневѣдѣнія и молчатъ. Стучите и кричите имъ въ окно, что людей напрасно вѣшаютъ — не послѣдуетъ отвѣта. Орите во все горло на улицѣ, что жандармы совершаютъ надъ вами самыя варварскія насилія, — вамъ отвѣтитъ только могильная тишина. Полное отсутствіе смѣлости, мужества и всякого гражданскаго протеста...

Нѣтъ, покушеніе Соловьева не заключало въ себѣ ничего безнравственнаго, а, напротивъ, явилось подвигомъ самаго высшаго самоотверженія!

Въ такомъ случаѣ не возмущаются ли ваши сердца, г.г. охранительные моралисты, кровью нѣсколькихъ убитыхъ жандармовъ и шпіоновъ? Но не забывайте же, что это не только наши личные враги, которые ни на какіе суды чести и дуэли не пойдутъ, но и враги народа. Не прикажете ли дѣйствовать на нихъ убѣжденіемъ, гладить ихъ по головкѣ и ждать перемѣны. Предоставляемъ это уже вамъ заниматься такимъ благороднымъ занятіемъ. Они переодѣваются, надѣваютъ другую личину, влѣзаютъ вамъ въ душу и затѣмъ предаютъ васъ. Вы забываете, что это люди, не имѣющіе уже въ себѣ ничего человѣческаго и составляющіе позоръ общества. Вы рукоплещете или зловѣще мол-

чите, когда эти негодяи вѣшаютъ нашихъ друзей, эту честь и гордость Россіи, вѣшаютъ часто только за образъ мыслей, любовь къ свободѣ, и проповѣдь идей человѣколюбія и равенства, и возмущаетесь когда мы убиваемъ этихъ негодяевъ! Вы молчите, когда насъ держатъ цѣлые годы безъ суда и слѣдствія въ тюрьмахъ, разлучаютъ съ дѣтьми, женами и престарѣлыми родителями, оставляя ихъ на произволъ судьбы, безъ пропитанія; когда насъ сводятъ съ ума и хоровятъ за живо въ рудникахъ и центральныхъ тюрьмахъ, и бьете тревогу, когда падаетъ на мостовую какой нибудь Мезенцевъ — самъ укрыватель и пособникъ убійцъ (Мясниковское дѣло)! Вы, можетъ быть, спросите, — кто насъ уполномочилъ совершать въ странѣ правосудіе? А кто далъ вамъ это право? спросимъ мы самозванныхъ повелителей народа. Народъ? когда, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ? Вы вѣдь можете ссылаться въ данномъ случаѣ только на историческія функціи и на вашъ сводъ законовъ, написанный вами же чортъ знаетъ сколько лѣтъ тому назадъ, при царѣ Горохѣ, во время страшнаго угнетенія народа, — основанія, можно сказать, никуда не годныя съ точки зрѣнія права и новѣйшихъ конситуцій. Вы — узурпаторы народной воли, и надъ вами то, а не надъ народомъ совершаемъ мы правосудіе и будемъ себя считать въ правѣ на это ровно до тѣхъ поръ, пока оно не перейдетъ въ руки народа. Вы умышленно держите его въ вѣковомъ непроглядномъ невѣжествѣ, умышленно лишаете его свѣта и сознанія своего положенія, такъ какъ иначе онъ давно уже уполномочилъ бы васъ отправиться на тотъ свѣтъ вмѣстѣ съ конокрадами, а можетъ быть послѣднихъ и пощадилъ бы еще.

Не удивляйтесь, господа, тому, что произошло нѣсколько убійствъ, а удивляйтесь тому, что произошло ихъ мало, удивляйтесь неспособности русскихъ революціонеровъ къ террору. Въ большинствѣ случаевъ они, дѣйствительно, люди глубоко гуманные и неспособные къ кровопролитію. Можетъ быть, они и выработаютъ еще въ себѣ это въ высшей степени необходимое въ извѣстные историческіе моменты свойство. Можетъ быть, вы и доведете ихъ своими дѣйствіями до крайней степени ожесточенія. Берите на себя тогда всю отвѣтственность за всѣ ужасы и убійства...

ОТЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА

XI. Бывшій ученикъ черниговской гимназіи Александръ Петровичъ Семеко-Максимовичъ состоитъ агентомъ III Отдѣленія. Имѣетъ слесарную мастерскую на Васильевскомъ Островѣ. Его примѣты: брюнетъ, черные густые волосы, бороду и баки бреетъ, небольшіе черные усики, глаза черные, носъ небольшой, тонкій, ростъ выше средняго, тѣлосложенія плотнаго, лѣтъ 26—28. Лицо интеллигентное, одѣвается прилично.

Исполнительный Комитетъ проситъ остерегаться шпіона.

Исполнительный Комитетъ, 28 октября 1879 г.

БІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ
О
ВАЛЕРІАНѢ ОСИНСКОМЪ

Валеріанъ Андреевичъ Осинскій родился въ 1853 году, въ городѣ Таганрогѣ, по близости котораго находилось имѣніе его отца. Въ этомъ-то имѣніи, въ полнѣйшемъ деревенскомъ захолустьи и пришлось Валеріану провести свое дѣтство до 15-лѣтняго возраста, когда обстоятельства приняли для него счастливый оборотъ: онъ получилъ возможность серьезно заняться своимъ образованіемъ и выяснить себѣ тѣ стремленія къ идеалу, которыя давно, вопреки окружающей обстановкѣ, таились въ его дѣтской душѣ и смутно волновали ее.

Говоря о первомъ періодѣ жизни Осинскаго, необходимо, хотя въ краткихъ чертахъ, обрисовать его семью и остановиться нѣсколько на личности его отца, подъ вліяніемъ котораго слагалась вся жизнь остальныхъ членовъ семьи. Въ молодости отецъ обладалъ пылкою и до извѣстной степени энергичною натурою; былъ добръ, пожалуй даже мягокъ, имѣлъ свою долю честолюбія, что заставляло его думать о карьерѣ. Впрочемъ, стремленіе къ карьерѣ обусловливалось въ немъ не однимъ желаніемъ лѣзть въ гору; ему хотѣлось пріобрѣсть общественное вліяніе и именно вліять на обще-

ство посредствомъ принциповъ, которыхъ держался въ частной жизни и въ служебныхъ дѣлахъ. Инженеръ по профессіи, онъ получилъ довольно хорошее образованіе, выдавался надъ средою честностью убѣжденій и гуманностью идей. Мечта его готова была осуществиться: уже онъ занималъ довольно видную должность; репутація его, какъ человѣка безукоризненнаго, установлена; кругъ знакомыхъ былъ обширенъ и можно сказать, что въ своемъ околоткѣ онъ пользовался безспорнымъ вліяніемъ на такъ называемое образованное общество. Но въ это время, вслѣдствіе столкновенія съ начальствомъ, Осинскій-отецъ подалъ въ отставку. По его словамъ, онъ не могъ продолжать службу, оставаясь честнымъ человѣкомъ и, дорожа своей безупречностью, предпочелъ удалиться въ свое имѣніе. Ну, а въ глуши имѣнія барину, конечно, некуда было примѣнять силы, находившіяся въ полномъ развитіи; приходилось лежать на диванѣ, покуривая трубку. Нечего говорить, что Осинскій не единственный россіянинъ, который, потерпѣвъ неудачу и убѣдясь, что свѣтъ клиномъ сошелся, обрекаетъ себя на покой во всю остальную часть жизни. Впрочемъ, на первое время у Осинскаго хватило энергіи побороть со всѣхъ сторонъ нахлынувшія однообразіе, одиночество и пустоту жизни и создать хотя искуственное обиліе впечатлѣній. Человѣкъ своего времени, онъ былъ бариномъ и крѣпостникъ, но къ мужику относился добродѣтельно, по старинному дворянскому обычаю noblesse oblige. Какъ бы то ни было, Осинскому искренно хотѣлось помочь крестьянамъ устроиться получше, но совѣты его плохо принимались, можетъ быть потому, что они были не практичны, главнымъ же образомъ потому, что всѣ улучшенія были связаны съ затратою денегъ, а ни у него, ни у крестьянъ ихъ не было. Въ началѣ своего деревенскаго житья Осинскій помогалъ крестьянамъ, гдѣ могъ; но вскорѣ убѣдился, что благодѣянія быстро истощаютъ его весьма скромныя средства и поневолѣ отказался отъ этой дѣятельности. Утопающему оставалась еще одна соломенка: сосѣдніе помѣщики. Въ общеніи съ ними онъ думалъ найти духовную пищу своему существованію и — обчелся. Къ тому-же, поддержка знакомства съ помѣщиками требовала большихъ расходовъ, которые становились ему не подъ силу. Сельское хозяйство никогда не занимало его, да оно оказывалось запущеннымъ, а поднять его не хватало ни знаній, ни средствъ; чтобы покон-

чить съ заботами о немъ, Осинскій передалъ хозяйство на руки жены.

Тогда для него настало то нравственное опусканіе личности, которое на Руси называется заѣданіемъ средою, а по настоящему есть нѣчто иное, какъ заѣданіе бездѣліемъ, опусканіемъ, которое превратило въ короткое время человѣка молодого, полнаго силъ, дѣятельнаго и вліятельнаго въ брюзжащаго тунеядца, въ самодура, искавшаго въ дикихъ выходкахъ спасенія отъ пожиравшей его скуки. Это же опусканіе привело его къ халату, къ физическому и нравственному неряшеству и наконецъ заставило его «запить горькую».

Мать Валеріана Андреевича, женщина добрая, но слабая, не могла оградить дѣтей отъ тяжелой семейной обстановки; ей оставалось лишь скрашивать ее своею любовью и лаской. Выростая подъ гнетомъ отцовскаго самодурства, дѣти привыкли отводить душу только въ своемъ свѣтломъ дѣтскомъ мірке. Въ сущности это былъ довольно обширный міръ, обнимавшій природу, насколько она была доступна дѣтскому пониманію, и все ближайшее крестьянское населеніе, къ которому дѣти любили таскаться въ гости, отъ котораго они съ жадностью выслушивали цвѣтистыя сказки и сказанія изъ жизни святыхъ.

По мудрому велѣнію родителя, дѣти были лишены своихъ невинныхъ радостей въ теченіе всей зимы, когда ихъ держали взаперти, не давая возможности подышать свѣжимъ воздухомъ и хоть на время избавиться отъ присутствія отца. Единственныя счастливыя минуты въ скучные зимніе дни наступали для дѣтей, когда они, забившись въ уголъ отдаленной комнаты, вспоминали про лѣтнія удовольствія, про свободу, про разныя приключенія и строили планы будущаго. Съ появленіемъ весны, дѣти изъ серьезныхъ и не по лѣтамъ сосредоточенныхъ превращались въ оживленныхъ и шумныхъ существъ; для нихъ наступала пора, полная глубокихъ впечатлѣній. Прогулки въ лѣсу, работа въ полѣ и въ огородѣ, все это увлекало ихъ до старости, Они собирали насѣкомыхъ, составляли гербаріи и проч. Валеріанъ не отставалъ отъ другихъ, только роль его была своеобразная: онъ всюду находилъ случай примѣнять свои гуманныя наклонности, любовь свою ко всему страждущему и угнетенному, которая на всю жизнь осталась его отличительною чертою, а въ дѣтскіе годы переходила почти въ нервную экзальтацію. Случалось ли дѣ-

тямъ разорить гнѣздо, Валеріанъ плакалъ объ участи бѣдныхъ птенцовъ и умолялъ дѣтей не дѣлать имъ зла; ссорились ли дѣти между собой, Валеріанъ глубоко огорчался и не успокаивался, не помиривъ враждующихъ. Онъ защищалъ братьевъ и сестеръ, насколько умѣлъ, отъ грубаго обращенія отца и своею невинною и чистою душой часто успѣвалъ подѣйствовать на старика, который, бывало, нетолько уступалъ просьбамъ ребенка, но даже какъ будто поддавался его вліянію, стараясь измѣнить свои отношенія къ семьѣ. Когда отцу случалось оскорбить самаго Валеріана, онъ страдалъ не менѣе его и, увидавъ слезы сына, умолялъ простить ему.

Замѣчательнымъ свойствомъ въ Валеріанѣ была рѣдкая въ ребенкѣ осмысленность и наклонность къ изученію всего окружающаго. Въ то время, какъ другія дѣти находили удовольствіе во внѣшней сторонѣ явленій природы и жизни, онъ постоянно стремился проникнуть въ сущность вещей, понять сокровенный ихъ смыслъ. Дѣти были почти предоставлены самимъ себѣ: ихъ учили, но безсвязно и безсмысленно, такъ что Валеріанъ не извлекалъ никакой пользы изъ этого ученія. Все, что онъ узналъ, онъ узналъ самоучкой. Семи лѣтъ уже увлекся изученіемъ природы: собиралъ растенія, классифицировалъ ихъ по придуманной имъ системѣ, заносилъ свои дѣтскія наблюденія въ тетради. Впослѣдствіи онъ отыскалъ въ библіотекѣ отца учебникъ ботаники и съ тѣхъ поръ занятія его приняли болѣе научное направленіе. Въ то же время онъ изучалъ минералогію со свойственной ему выдержкой, составляя коллекціи, ведя записки, прочитывая сочиненія, которыя находились у отца. Долго Валеріанъ работалъ одинъ, пока удалось ему увлечь братьевъ и сестеръ въ кругъ научныхъ интересовъ. Въ отцовской же библіотекѣ онъ нашелъ историческія сочиненія, которыя на время поглотили всѣ его помышленія. Позднѣе у него явилось стремленіе расширить свое знаніе иностранныхъ языковъ. Мать учила его по-французски и по-нѣмецки, но Валеріанъ не любилъ этихъ уроковъ и мало обращалъ вниманія на ихъ успѣшность; теперь же его воодушевляла мысль прочесть сочиненія иностранныхъ литературъ, которыми была снабжена домашняя библіотека; какъ только явилась опредѣленная цѣль, занятія быстро пошли впередъ. Въ короткое время Валеріанъ свободно читалъ серьезныя книги на французскомъ и нѣмецкомъ

языкахъ и самъ могъ пополнять свѣдѣнія своей учительницы. Русская литература привлекала его не менѣе; онъ любилъ Пушкина и Лермонтова и вообще не былъ глухъ къ поэзіи; такъ, онъ составилъ сборникъ изъ пѣсенъ, слышанныхъ имъ отъ крестьянъ, и въ тотъ-же сборникъ внесъ любимые стихи русскихъ и французскихъ поэтовъ.

Уже въ дѣтскіе годы въ характерѣ Валеріана лежала черта неустрашимой храбрости. Извѣстно, напр., что однажды, будучи 12-лѣтнимъ мальчикомъ, онъ съ ружьемъ въ рукахъ бросился защищать бобыля сосѣда, на котораго напали конокрады въ то время, когда работниковъ не было дома. Валеріанъ хорошо зналъ по разсказамъ, что за народъ конокрады, но это не удержало его ни на минуту, когда въ глухой осенній вечеръ раздались крики сосѣда, звавшаго на помощь. Внезапное появленіе человѣка и видъ ружья разогнали грабителей, и побѣда осталась на сторонѣ Валеріана.

Неустрашимость, хотя иного рода, проявлялась и въ его отношеніяхъ къ отцу. Противопоставляя отцовскому деспотизму твердость духа, онъ съумѣлъ до извѣстной степени подчинить себѣ отца. Обаяніе, которое онъ производилъ на него, ясно выразилось въ слѣдующемъ случаѣ. У семейства Осинскихъ былъ сосѣдъ-старикъ, съ которымъ отецъ Валеріана состоялъ въ открытой и ярой враждѣ. Старикъ умиралъ одинокій и почти нищій. Прослышавъ объ этомъ, Валеріанъ отправился къ нему, взявъ съ собой кое-какія лекарства и съѣстные припасы, пригодные для больного. Старикъ плакалъ отъ умиленія, когда увидалъ Валеріана; нѣсколько дней послѣдній не отходилъ отъ постели больного, съ любовью исполняя обязанности сидѣлки. Послѣ смерти старика Валеріанъ разсказалъ отцу, гдѣ проводилъ послѣдніе дни; вмѣсто того, чтобы вспылить, какъ ожидали присутствовавшіе при этой сценѣ, отецъ былъ тронутъ до глубины души и благодарилъ милое дитя свое за хорошій поступокъ.

Валеріанъ всегда былъ общителенъ; онъ охотно и скоро сходился съ людьми, съ которыми сталкивалъ его случай. 14-ти лѣтъ онъ познакомился, между прочимъ, съ судебнымъ слѣдователемъ, жившимъ поблизости и обладавшимъ обширною библіотекою. Разумѣется, Валеріанъ, какъ страстный любитель литературы, не упустилъ случая углубиться въ новыя для него книги. Здѣсь онъ впервые узналъ Добролюбова, Писарева, Тургенева и вообще всю литературу 60-хъ годовъ, и

она имѣла на него громадное вліяніе. Въ немъ проснулось сознаніе общественныхъ обязанностей человѣка, и для него возникъ вопросъ: «что дѣлать?» Съ новою силою потянуло его къ наукѣ и образованію.

Нечего говорить, что жизнь въ деревнѣ не представляла необходимыхъ условій для достиженія этой цѣли, напротивъ того, являлась значительнымъ тормазомъ. Отецъ быстро старѣлся и хирѣлъ, раздражительность его, поддерживаемая болѣзнями, росла съ каждымъ днемъ; семья затаенно и глухо страдала. Нравственный долгъ не покидать семью, невольное озлобленіе, тяготившее Валеріана сельское хозяйство, съ которымъ онъ помогалъ матери справляться, невозможность имѣть учебныя книги, все это мѣшало научнымъ занятіямъ. Наконецъ, счастье улыбнулось ему. Старшій братъ предложилъ ему помощь въ дѣлѣ образованія. Валеріанъ переселился къ брату и въ теченіе пяти лѣтъ, прожитыхъ у него, усердно учился. По мѣрѣ пріобрѣтенія знаній, являлось желаніе все далѣе и далѣе уходить въ науку. Въ это же время Валеріанъ сильно былъ занятъ изученіемъ самого себя, старался опредѣлить свойства своего характера и ума. Признавъ необходимость твердой воли и энергіи для успѣшной общественной дѣятельности, онъ часто сомнѣвался въ себѣ; находилъ, что эти качества въ немъ мало развиты, что неминуемо помѣшаетъ ему пріобрѣсть общественное значеніе. Порою такое сознаніе приводило его въ глубокое уныніе, и въ минуты отчаянія онъ былъ убѣжденъ, что никогда не достигнетъ желанныхъ качествъ; тѣмъ не менѣе, послѣ такихъ кризисовъ онъ съ новыми силами принимался за самовоспитаніе.

Приходилось подумать о спеціальности, которую предстояло избрать. Симпатіи Валеріана склонялись къ университету, но, чтобы получить къ нему доступъ, необходимо было знаніе древнихъ языковъ, кооорыхъ не доставало Валеріану. Между тѣмъ поступленіе въ одинъ изъ низшихъ классовъ гимназіи представляло потерю времени, въ виду чего мысль о гимназическомъ атестатѣ была оставлена, и на 19-мъ году Валеріанъ сдалъ выпускной экзаменъ въ таганрогской гимназіи по всѣмъ предметамъ, кромѣ древнихъ языковъ. Съ неполнымъ атестатомъ для него не существовала возможность поступить въ университетъ, и приходи-

лось выбирать между высшими техническими учебными заведеніями. Колебанія продолжались недолго. На самомъ дѣлѣ для Валеріана не представляло разницы, быть ли ему инженеромъ, техникомъ или чѣмъ-нибудь подобнымъ, такъ какъ онъ видѣлъ въ этихъ профессіяхъ только средство для будущей общественной дѣятельности. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ поступилъ въ Инст. Пут. Сообщ. и, на первыхъ же порахъ, увлекся своею спеціальностью. Онъ принялся изучать положеніе желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и заграницей, выражалъ надежду стать современемъ участникомъ въ развитіи желѣзно-дорожныхъ предпріятій въ Россіи, рисовалъ картину поднятія народнаго благосостоянія, которое послѣдуетъ за расширеніемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ.

Слѣдующеее лѣто Валеріанъ проводилъ уже на практическихъ занятіяхъ при постройкѣ Ландварово-Роменской ж. д., гдѣ остались весьма довольны его познаніями и его дѣятельностію. Осенью онъ вернулся въ Петербургъ, но далеко не съ прежнимъ увлеченіемъ относился къ институтскимъ занятіямъ; ходилъ мрачный и задумчивый. Непосредственное столкновеніе съ желѣзнодорожнымъ міромъ во время лѣтнихъ работъ, подрядчики, выщелачивающіе рабочихъ, неуступающіе имъ въ желаніи нажиться желѣзнодорожные предприниматели, а, болѣе всего, безмолвно страдающій народъ, который пришлось видѣть вблизи, все это болѣзненно отозвалось въ чуткой душѣ юноши. Изслѣдовавъ вопросъ глубже, онъ пришелъ къ убѣжденію, что можетъ быть, отвлеченно разсматриваемыя, желѣзныя дороги и представляютъ полезное учрежденіе, въ дѣйствительности же онѣ служатъ лишь новымъ поводомъ къ эксплуатаціи народа. Попытаться личнымъ вліяніемъ обуздать своекорыстіе дѣятелей и собственнымъ примѣромъ дать образецъ честнаго исполненія общественныхъ обязанностей Осинскій не хотѣлъ, потому-что причину злоупотребленій опредѣлялъ въ общихъ недостаткахъ соціальнаго устройства и подобную попытку считалъ палліативомъ, могущимъ воздѣйствовать на слѣдствіе, а не на причину зла. При точкѣ развитія, на которой въ то время находился Осинскій, онъ могъ еще искать въ земствѣ главнаго цѣлителя общественныхъ недуговъ; и дѣйствительно, онъ ожидалъ, что оно повсемѣстно подыметъ уровень благосостоянія народа; давъ ему образованіе, поставитъ его

въ возможность добывать себѣ права и отстаивать свои интересы. Приписывая земству столь важное значеніе, Осинскій сталъ подробно знакомиться съ положеніемъ земскаго дѣла, доискивался причины остановки роста земствъ, думалъ найти эту причину въ неумѣлости, въ старомъ духѣ крѣпостничества, уцѣлѣвшемъ во многихъ гласныхъ, и мечталъ, что новое поколѣніе выведетъ на широкую дорогу дѣло народнаго самоуправленія. Вопросы эти такъ сильно занимали Осинскаго, что онъ перестaлъ посѣщать институтъ, хотя числился еще студентомъ въ угоду матери, желавшей видѣть сына на прежнемъ поприщѣ отца. Бросивъ институтъ, Осинскій сталъ посѣщать лекціи профессоровъ университета и медицинской академіи, подолгу просиживалъ въ публичной библіотекѣ, почерпая знанія въ области соціальныхъ наукъ.

Около этого времени (1873) кругъ знакомыхъ Осинскаго расширился; до сихъ поръ онъ былъ знакомъ почти исключительно съ товарищами по институту, съ которыми сходился довольно плохо, не находя въ ихъ средѣ сочувствія волновавшимъ его вопросамъ и стремленіямъ. Въ обществѣ двухъ-трехъ искреннихъ друзей своихъ онъ часто жаловался на духовное одиночество, которымъ томился; но и знакомство съ университетскою молодежью только отчасти, въ лицѣ немногихъ новыхъ друзей, отвѣтило на его исканіе умственнаго общенія и солидарности на поприщѣ общественной дѣятельности. Послѣ трехъ лѣтъ петербургской жизни, Валеріанъ уѣхалъ умственно неудовлетворенный, не примкнувъ ни къ одному изъ существовавшихъ тогда уже кружковъ съ общественными цѣлями; онъ отправился въ Ростовскій уѣздъ, Екатеринославской губ., разсчитывая принять дѣятельное участіе въ земской работѣ. Не имѣя ценза, чтобы поступить въ гласные, и надѣясь со временемъ отыскать средства на пріобрѣтеніе земли, онъ поступилъ секретаремъ въ земскую управу, а впослѣдствіи, и въ ростовскую городскую думу. Должности эти давали ему возможность изучать изъ первыхъ источниковъ положеніе дѣлъ какъ земства, такъ и города. Собирая свѣдѣнія, пересматривая отчеты, лично знакомясь съ учрежденіями, онъ составлялъ планы преобразованій, которыя думалъ ввести, сдѣлавшись гласнымъ. Но мечтамъ этимъ не суждено было осуществиться. Подвергая тщательному изслѣдованію

земскую сущность, съ страстнымъ желаніемъ отыскать въ ней данныя для развитія, твердо уповая, что данныя эти существуютъ и что необхдимо только вывести ихъ на свѣтъ божій изъ забвенія, въ какое они попали, и дѣло народнаго развитія быстро пойдетъ впередъ и благосостояніе народа будетъ упрочено, Осинскій, въ концѣ своихъ изысканій, пересталъ вѣрить въ силу, которую ставилъ такъ высоко, на которую возлагалъ столь великія надежды. Онъ убѣдился въ косности земскихъ учрежденій. Онъ долженъ былъ придти къ выводу, что въ основу земства легла самая гнусная изъ привилегій — привилегія капитала, что земскіе гласные въ большинствѣ люди, которые не только не стоятъ за крестьянскія права, но еще готовы придавить мужика, чтобы удержать его въ согбенномъ состояніи, что большинство земскихъ учрежденій мертворождены и что не смотря на это ихъ свойство, они содержатся на средства народа, что рамки земской дѣятельности, притомъ, такъ узки, что всякій вопросъ, серьезно затрогивающій судьбу крестьянства, находится внѣ ихъ предѣловъ, и т. д. и т. д. Переносясь мысленно отъ земскихъ учрежденій къ государственому устройству, онъ видѣлъ въ немъ тѣ-же самыя явленія, лишъ въ болѣе обширныхъ и грубыхъ очертаніяхъ: то-же насильственное распоряженіе народной судьбой, то-же выжиманіе соковъ изъ народа для поддержки противународныхъ интересовъ и точно такъ же, какъ и въ земствѣ, въ самомъ учрежденіи никакихъ элементовъ дѣйствительнаго прогреса.

Въ періодъ тяжелаго раздумья, Осинскій столкнулся съ членами русской Соціально-Революціонной Партіи. И прежде въ умѣ его жилъ идеалъ общественнаго устройства на соціальныхъ началахъ, но до того времени онъ вѣрилъ въ мирный прогресъ, мечталъ, что такъ называемая легальная дѣятельность въ состояніи внести серьезныя измѣненія въ судьбу норода. Убѣдившись въ неосновательности прежнихъ взглядовъ, онъ почувствовалъ необходимость стать на иной путь. Знакомство съ соціалистами не могло не отразиться на Осинскомъ, и переходъ на новый путь совершился отчасти подъ ихъ вліяніемъ. Если легальная дѣятельность поставлена въ нелѣпыя и безсмысленныя условія, то необходима дѣятельность насильственная — это положеніе становилось яснымъ, какъ день. Но Осинкій не дѣйствовалъ опромет-

чиво. Еще разъ онъ подвергъ критикѣ существующій строй съ цѣлью найти въ немъ поводы для мирной работы, но не нашелъ такихъ, которыя не потребовали бы отреченія отъ идеала или отъ здраваго смысла, и примкнулъ къ Соціально-Революціонной Партіи. Первоначально онъ вступилъ въ кружокъ Лавровцевъ; но этотъ періодъ его политическаго поприща продолжался недолго: живая творческая натура его не мирилась съ безконечно-долгой подготовкой народа для поднятія его на завоеваніе правъ и свободы, подготовкою, которая, по мнѣнію Лавристовъ, необходима. Онъ вскорѣ (1875) перешелъ въ народническую партію, ставящую себѣ цѣлью прямую агитацію къ бунту.

Прошло нѣсколько лѣтъ; наступали 77 и 78 года. Внутреннія политическія условія осложнились для Россіис только же, сколько и внѣшнія: агитаціонное движеніе увеличилось съ возрастающей быстротой; событія вызывали и какъ будто торопили другъ друга. Открытая и дѣятельная пропаганда въ народѣ повела къ усиленію правительственнаго гнета; — партія стала осмотрительнѣе, но смѣлѣе; правительство усилило ревнивый дозоръ; притѣсненія всякого рода и случаи дикой расправы участились. Оно стѣной стало между партіей и народомъ, — силою вещей пришлось съ нимъ сразиться. Осинскій одинъ изъ первыхъ провозгласилъ борьбу съ правительствомъ, которая съ тѣхъ поръ закипѣла въ разныхъ углахъ Россіи. Принципъ борьбы съ правительствомъ, которому были посвящены послѣдніе годы его жизни, ясно выразился и завѣщанъ имъ товарищамъ по дѣлу въ предсмертномъ письмѣ. Не имѣя въ настоящее время возможности подробно изложить дѣятельность Осинскаго на соціально-революціонномъ поприщѣ, скажемъ только, что увлеченіе избранною задачею никогда не покидало его; энергія въ немъ крѣпла по мѣрѣ увеличенія опыта въ веденіи борьбы. И у него, конечно, бывали минуты унынія и сердечной тревоги за судьбу любимаго дѣла, какъ они бываютъ у всякаго политическаго дѣятеля, соединившаго свою судьбу съ великой, но сложной работой организаціи общественнаго движенія. Тѣмъ не менѣе, неудачи только рождали въ немъ новую рѣшимость добиться успѣха. А разъ успѣхъ былъ достигнутъ, Осинскій умѣлъ вѣрно опредѣлить и понесенныя врагомъ потери, и всѣ послѣдствія одержанной побѣды — качество, неоцѣнимое въ борцѣ.

Въ 1879 г. Осинскій былъ арестованъ въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей, и преданъ кіевскому военно-окружному суду по обвиненію въ составленіи тайнаго сообщества, имѣющаго цѣлью ниспроверженіе существующаго государственнаго строя. 6-го и 7-га мая нынѣшняго года разыгрывалась одна изъ возмутительныхъ и пошлыхъ сценъ, именуемыхъ россійскимъ судомъ надъ политическими преступниками. Судили Валеріана Осинскаго, Софью Лешернъ фонъ-Герцфельдъ и Волошенко. Въ началѣ засѣданія, на вопросъ предсѣдателя о званіи и занятіяхъ подсудимыхъ, Осинскій и его товарищи по процессу отвѣтили, что имѣютъ честь принадлежать къ Русской Соціально-Революціонной Партіи.

Подобныя заявленія, столь частыя за послѣдніе годы, по нашему мнѣнію имѣютъ историческое значеніе; они служатъ критеріемъ силы и значенія партіи, пріобрѣтенныхъ съ конца 60-хъ годовъ. Подсудимые первыхъ политическихъ процессовъ не такъ открыто заявляли о принадлежности своей къ партіи: еще революція не имѣла тѣхъ правъ въ глазахъ своихъ приверженцевъ, какія она имѣетъ теперь, еще не считалось обязанностью честнаго человѣка становиться въ ея ряды, еще члены ея не могли считать за честь принадлежать къ ней, когда она только-что нарождалась и ничѣмъ себя не заявляла.

Прокурору Стрѣльникову представлялся новый случай произнесть одну изъ площадныхъ своихъ рѣчей, составленныхъ, по словамъ Каменской (подсудимой первой группы кіевскаго процесса), «въ выраженіяхъ, непринятыхъ въ порядочномъ обществѣ». Хотя большая часть стрѣльниковской грязи и была уже израсходована на обвиненіе подсудимыхъ первой группы, судившихся за нѣсколько дней раньше, тѣмъ не менѣе прокуроръ сей съумѣлъ возбудить отвращеніе къ себѣ въ большей части собравшейся публики. Впрочемъ, на этотъ разъ не стоило слишкомъ много пороха тратить: уже имѣлся смертный приговоръ трехъ подсудимыхъ изъ первой группы, уже слышался въ воздухѣ запахъ крови предстоящихъ жертвъ. Расточивъ обычныя оскорбленія соціально-революціонной партіи и подсудимымъ, онъ потребовалъ осужденія преступниковъ, говоря, что добивается не смерти только подсудимыхъ, но — позорной ихъ смерти. При этихъ словахъ, онъ картиннымъ жестомъ охватилъ пальцами соб-

ственную шею, намекая, что веревка должна обвить шею подсудимыхъ.

Первымъ на рѣчь прокурора отвѣчалъ Осинскій. Онъ говорилъ сдержанно и спокойно, съ сознаніемъ своего мученичества и правоты дѣла, за которое почти навѣрное ждала его смерть. Его молодость, его привлекательная наружность, полная достоинства рѣчь его расшевелили великосвѣтскую публику, собравшуюся посмотрѣть на борцевъ и страдальцевъ за народное дѣло.

Не имѣя подъ рукою текста въ высшей степени интересной рѣчи Осинскаго, изданной заграницею, мы принуждены ограничиться немногими выдержками, записанными человѣкомъ, присутствовавшимъ въ залѣ засѣданія.

«Идя на судъ, говорилъ Осинскій, я имѣлъ намѣреніе изложить сущность соціальнаго ученія, дабы выяснить обществу, кто такіе подсудимые и какого рода преступленіе они совершили, примкнувъ къ партіи, поставившей себѣ цѣлью устроить жизнь народа на началахъ высшей справедливости. Но такъ-какъ здѣсь было прочитано, противъ всякаго ожиданія, нѣсколько соціалистическихъ изданій и брошюръ, то я ограничусь заявленіемъ, что принципы соціализма—мои принципы, и стремленія соціализма — мои стремленія».

Обсуждая дѣйствія прокурора, Осинскій сказалъ, что обвинительная власть въ данномъ случаѣ является представительницею матеріальной силы и по одному этому прокуроръ долженъ былъ безпристрастно отнестись къ дѣлу подсудимыхъ, но прокуроръ не только примѣшалъ къ своей рѣчи много личной злобы, но позволилъ себѣ исказить истину, добавивъ къ обвиненію клеветы и инсинуаціи.

«Съ своей стороны я не намѣренъ пререкаться съ прокуроромъ, продолжалъ Осинскій, потому-что отношусь равнодушно къ неблаговиднымъ выходкамъ его, но считаю долгомъ опровергнуть измышленія, клонящіяся къ подрыву Соціальной Партіи въ общественномъ мнѣніи.

«Прокуроръ находитъ, что принадлежать къ членамъ Партіи—не честь, а позоръ; но врядъ ли онъ можетъ быть судьею въ этомъ вопросѣ. Ясное представленіе о предметѣ можно имѣть лишь чрезъ непосредственное его изученіе; чтобы судить вѣрно о соціализмѣ и его дѣятеляхъ, надо близко ихъ знать, близко стоять къ нимъ. Но какъ приблизится къ нимъ прокуроръ? Чтобы быть соціалистомъ, надо обладать долею

нравственности превыше прокурорской; чтобы быть принятымъ въ члены Соціально-Революціонной Партіи, надо не быть прокуроромъ.

«Каковы понятія прокурора о нравственности и гражданской чести, ясно изъ его сужденій о Чигиринскомъ дѣлѣ. Очевидно, въ головѣ прокурора исполненіе общественной функціи и воровство неразрывно связаны; въ виду этого онъ утверждаетъ, что чигиринскіе крестьяне были ограблены организаторами движенія. Крестьянъ раздѣляли на рады и дружины и брали съ нихъ до 5 к ежемѣсячнаго взноса; половина собранныхъ денегъ была израсходована на дѣло, а другая, по словамъ прокурора, попала въ руки соціалистовъ. Къ подобному выводу прокуроръ могъ придти, только отбросивъ всѣ противорѣчащія ему данныя, иначе онъ узналъ бы, что суммъ, собираемыхъ съ дружинниковъ, было недостаточно для веденія возстанія и что на него было затрачено около 600 р. изъ соціальнаго фонда. Что касается до меня, то я не могу признать удачнымъ желаніе выставить соціалистовъ ворами; для чего людямъ, желающимъ поживиться на чужой счетъ, подвергать себя опасности, ежеминутно грозящей членамъ революціонной партіи, когда существуетъ такое множество должностей, гдѣ грабить можно безнаказанно?

«Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ находится письмо на пяти листахъ, содержащихъ, по словамъ прокурора, однѣ глупости. Пусть такъ; пускай это будутъ глупости. Но прокуроръ съумѣлъ изъ такого ничтожнаго факта сдѣлать выводъ, позорящій соціалистовъ; соціалисты, видите ли, люди вздорные, ничѣмъ путнымъ не занятые, иначе какъ хватало бы у нихъ времени писать длинныя письма, наполненныя вздоромъ? Надо быть ребенкомъ, чтобы повѣрить искренности этого обвиненія. Всякій пойметъ, что прокуроръ дорого далъ бы за открытіе шифра, которымъ писаны глупости на пяти листахъ.

«Перехожу къ намекамъ на мои отношенія къ Софьѣ Александровнѣ Лешернъ. Прокуроъ утверждаетъ, что мы состояли въ гражданскомъ бракѣ, и говоритъ это съ очевидною цѣлью забросать насъ грязью. На это я замѣчу, что не прокурору обсуждать гражданскій бракъ; чтобы понять идею его, надо имѣть значительное умственное и нравственное развитіе, точно такъ же, какъ и для пониманія идеи соціализма. Что же касается желанія насъ оскорбить, можемъ

увѣрить прокурора, что цѣль его не достигнута, оскорбленія его не попали по назначенію.

«Мнѣ остается уничтожить еще одно прокуроское заблужденіе; онъ считаетъ меня генераломъ соціальной партіи, которая въ моемъ лицѣ понесла крупную потерю; онъ убѣжденъ, что съ моей смертью распадается Исполнительный Комитетъ, котораго я будто бы состою членомъ. Дѣйствительность не совсѣмъ отвѣчаетъ этому представленію. Въ кадрахъ Соціальной Партіи я не болѣе, какъ рядовой, такихъ какъ я, многое-множество; изъ членовъ Исполнительнаго Комитета, насколько мнѣ извѣстно, еще ни одинъ не арестованъ ни въ Петербургѣ, ни въ провинціи. Тщетна радость прокурора относительно прекращенія соціалистическаго движенія въ Россіи. Движенію этому предстоитъ широкое развитіе и побѣдоносная будущность. Въ этомъ я увѣренъ и въ этой увѣренности почерпну силу и утѣшеніе, въ случаѣ если судъ порадѣетъ постановить мнѣ смертный приговоръ».

Послѣ Валеріана говорили его товарищи по процессу. Въ промежуткахъ между рѣчами и въ ожиданіи приговора, подсудимые, казалось, не замѣчали окружающей ихъ обстановки, разговаривали между собой и даже смѣялись, — такъ спокойно они относились къ рѣшенію своей участи. А рѣшеніе носило въ себѣ смерть двоихъ изъ нихъ. Валеріанъ Осинкій и Софья Лешернъ приговаривались къ разстрѣлянію. Впослѣдствіи приговоръ этотъ былъ измѣнически передѣланъ генералъ-губернаторомъ Чертковымъ. Софьѣ Лешернъ смертная казнь замѣнялась вѣчной каторгой, а Осинскаго, должно быть во исполненіе желанія прокурора, подвергали позорной казни черезъ повѣшеніе. О послѣднихъ дняхъ Осинскаго, истекшихъ между окончаніемъ суда и казнью, существуютъ подробныя свѣдѣнія.

Осужденные по обѣимъ группамъ процесса проводили дни отъ 7 до 14 мая въ обществѣ другъ друга. Для людей, перенесшихъ долгое одиночное заключеніе, для большинства которыхъ всѣ счеты съ жизнью казались законченными, находиться вмѣстѣ было большою радостью, но зловѣщею, загробною радостью, при видѣ которой холодъ проникалъ въ душу даже постороннихъ людей.

Валеріанъ казался почти веселъ, и только по осунувшемуся лицу, по лихорадочно-блестѣвшимъ глазамъ можно было догадаться о душевныхъ мукахъ его. Для него дни эти

проходили въ нескончаемыхъ бесѣдахъ съ товарищами, въ свиданіяхъ съ родными, въ писаніи писемъ. Между прочимъ имъ написано упомянутое выше письмо къ товарищамъ, напечатанное въ № 6 „Листка Земли и Воли".

13-го числа къ Валеріану были допущены мать его, старшій братъ и горячо-любимая сестра. Во время свиданія съ родными Валеріанъ острилъ и смѣялся, поддерживая бодрость въ дорогихъ ему людяхъ. Онъ просилъ мать не горевать о немъ; прощаясь съ нею, умолялъ не ходатайствовать о смягченіи его участи, не наносить ему тяжкаго оскорбленія и утѣшалъ тѣмъ, что имъ предстоитъ еще много разъ видѣться. Но онъ зналъ, что это единственное и послѣднее ихъ свиданіе; отведя брата и сестру въ сторону, онъ сказалъ имъ, что приговоръ утвержденъ, что незадолго передъ тѣмъ приходилъ къ нимъ священникъ, котораго они не приняли, и что вѣроятно завтра совершится казнь. Валеріанъ просилъ брата и сестру позаботиться о томъ, чтобы роковая вѣсть не поразила мать внезапно.

Послѣдняя ушла изъ тюрьмы, утѣшенная свиданіемъ съ сыномъ, спокойная за слѣдующія свиданія, которыя ей были обѣщаны начальствомъ. Но едва успѣла вернуться въ гостинницу, гдѣ остановилась, пріѣхавъ изъ деревни, какъ была вмѣстѣ съ сыномъ и дочерью подвергнута грубому домашнему аресту, подъ которымъ продержали ихъ двое сутокъ.

Братъ Осинскаго, желая защитить мать отъ дерзкаго обращенія приставовъ, замѣтилъ имъ, что она вдова генерала. —„Но она вмѣстѣ съ тѣмъ мать приговореннаго къ повѣшенію"—отвѣтили ему. 15 числа, когда Осинскаго уже не было на свѣтѣ, мать и брата его торопливо отправили изъ Кіева въ усадьбу.

Кода въ тюрьмѣ узнали объ измѣненіи приговора, произошла раздирающая душу сцена. Софья Лешернъ, желая умереть вмѣстѣ съ Валеріаномъ, впала въ невыразимое отчаяніе; съ нею, не прекращаясь, дѣлались истерическіе припадки, и утѣшенія Валеріана не могли ее успокоить; за ночь она посѣдѣла и стала неузнаваема.

Утромъ 14-го мая Осинкаго и двухъ осужденныхъ первой группы—Брадтнера и Антонова—повезли на казнь. Отправляясь на смерть, они всѣ остались вѣрны дѣлу, которому служили. Никто не падалъ духомъ. На эшафотѣ, обнявшись и простившись другъ съ другомъ, они отдались въ руки палача.

Осинскій оставилъ послѣ себя вдову, Марью Герасимовну, урожденную Никольскую, съ которой онъ вѣнчался въ Петербургѣ, въ іюнѣ 1877 г. Вскорѣ послѣ брака Осинскій уѣхалъ въ Кіевъ по дѣламъ, а жена его была впослѣдствіи сослана въ Вологодскую губ., гдѣ находится и по сіе время.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ

ИЗЪ ВОРОНЕЖА. Чтеніе Маковскаго циркуляра по поводу слуховъ о передѣлѣ земель, распространяемыхъ въ народѣ «злонамѣренными» людьми, не прошло въ нашей губерніи безслѣдно. Нужно сказать, что до послѣдняго времени о пропагандистахъ въ народѣ носились самые смутные слухи. Враги они, или друзья — крестьяне не могли объяснить... Когда начались революціонныя убійства, мужики, конечно, получили о нихъ болѣе опредѣленныя представленія: факты были слишкомъ рѣжущіе, да и газеты стали не такою рѣдкостью, какъ прежде. Еще недавно эти убійства объяснялись во многихъ мѣстахъ местью дворянъ, опасавшихся, что царь со своими вѣрными слугами отниметъ у нихъ землю для передачи крестьянамъ. «Генераловъ много побили, теперь, надо быть, до самого скоро доберутся», поговаривали мужики... Конечно, такъ было не вездѣ... Одному моему знакомому, напримѣръ, при проѣздѣ черезъ Бобровскій уѣздъ въ самый день покушенія Соловьева, пришлось слышать отъ крестьянъ, только-что пришедшихъ изъ города, объясненіе, что стрѣляли-де «штуденты» — ученые люди, для того, чтобы заставить царя отдать землю «намъ — мужикамъ». Но это, конечно были исключительные случаи...

Г. Маковъ разъяснилъ дѣло и примирилъ противорѣчивыя объясненія. Я собралъ объ этомъ свѣдѣнія изъ многихъ деревень, но ближе знакомъ съ тремя изъ восточной части Воронежскаго уѣзда. Циркуляръ прочли по всѣмъ церквамъ, и мужики увидѣли, что «царь-батюшка» оказывается не защитникомъ, а врагомъ народа. По прочтеніи циркуляра въ церкви можно было слышать: «Спасибо тебѣ, батюшка, спасибо! А мы-то ждали... За что же мы теперь платимъ

податп-то? Мы то все на баръ, а ворогъ-то самый вонъ гдѣ!..» Крестьянство отчасти даже измѣнило свое отношеніе къ ближайшему начальству. «Что оно? Бери выше!» — вотъ слова, которыя приходилось иногда слышать. Конечно, рядомъ съ такими фактами попадаются и совершенно противоположные: можно встрѣтить мужика, никогда даже неслыхавшаго о циркулярѣ, хотя его и читали у него въ деревнѣ. Это зависитъ отъ естественнаго индиферентизма крестьянина, поглощеннаго вѣчной борьбой за копейку. Но такія явленія все же сравнительно рѣдки, и мы не будемъ пока говорить о нихъ. Насъ интересуютъ противоположныя.

Рядомъ съ паденіемъ вѣры въ царя, конечно, долженъ былъ подняться вопросъ: почему же дворяне въ него стрѣляютъ, если онъ за нихъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, крестьяне нерѣдко приходили къ заключенію, что стрѣляли «добрые люди», а не сторонники дворянскихъ интересовъ...

Изъ другихъ явленій деревенской жизни обращаютъ вниманіе постоянные поджоги помѣщичьихъ усадебъ и частые мелкіе бунты, за которыми даже и услѣдить трудно. Послѣ 2-го апрѣля явились «преступленія противъ Величества». Между арестованными за произнесеніе оскорбительныхъ словъ противъ царя есть и крестьяне, и солдаты. Одинъ солдатъ схваченъ за то, что, выпивши, сказалъ: «Э-э-хъ! жаль, что промахнулся... Я бы его, черта стараго, уложилъ!» Чѣмъ кончатся эти дѣла — неизвѣстно.

ИЗЪ ПЕРМИ (21 окт. 1879). Посылаю вамъ циркуляръ одного изъ мѣстныхъ «блюстителей» и «сердцевѣдовъ», разосланный по волостнымъ правленіямъ К... уѣзда и обличающій глубокую премудрость нашихъ служителей престола и отечества.

Волостному Правленію*).

Вслѣдствіе предписанія г-на К...го Уѣзднаго Исправника отъ 17 іюля сего года, замѣчая, что въ К...мъ уѣздѣ народъ совсѣмъ почти отвыкъ отъ подчиненія Начальству, особенно полиціи и частовременно оказываетъ ослушаніе и сопротивленіе Полицейскимъ служителямъ, пьянствуетъ, мотаетъ свое имущество и нерѣдко высказываетъ: «никому

*) Правописаніе оставляю въ томъ видѣ, какъ оно было въ подлинникѣ. Примѣч. Корресп.

нѣтъ дѣла, пью свое», раззоряется, а послѣ того нищенствуетъ, не имѣетъ уваженія къ Вѣрѣ, Старшимъ и проч. безчинствуетъ, нарушаетъ общественное спокойствіе, порядокъ и благочиніе, безопасность личную и общественную, дѣти не повинуются родителямъ, жены бѣгутъ отъ мужей, словомъ, нарушаютъ законъ и порядокъ Государственнаго спокоя. А потому озабачиваясь о благосостояніи народа и точномъ исполненіи закона, предписываю оному Правленію обратить особенное вниманіе на нравственность и поведеніе народа и согласно долга и присяги всѣми мѣрами искоренять о порядкѣ указаннаго въ Уставѣ о предусм. и пресѣч. XIV т. изд. 1879 г. правила, для чего ознакомить полицейскихъ Урядниковъ, Стражниковъ, Сотскихъ и Волостныхъ Старшинъ, Сельскихъ старостъ и вообще жителей съ изложенными въ томъ Уставѣ 1, 2, 3, 4, 15, 20, 49, 105, 110, 114, 121, 123, 129, 130, 133, 145, 154, 181, 182, 185, 190, 191 до 204, 207, 209, 239, 241, 246, 247, 250, 251, 255, 261, 270, 273, 275 276, 278, 281, 283, 285, 298, 300, 307, 312, 326 статьями. И при каждомъ удобномъ случаѣ, бывая въ селеніяхъ при вызовѣ по дѣламъ людей, толкомъ разъяснять имъ означенныя правила и просить священнослужителей чаще проповѣдывать и разъяснять народу объ обязанностяхъ вѣрноподданныхъ Русскихъ, и просить учителей внушать дѣтямъ, учащимся у нихъ, правила изъ вышеизложенныхъ статей въ отношеніи Вѣры, Церкви, Государю и Начальству; строгое соблюденіе всѣхъ этихъ правилъ можетъ только предохранить Россію отъ появленія 2-хъ Каракозовыхъ, Соловьевыхъ, Засуличъ и имъ подобныхъ и только при полномъ и безусловномъ исполненіи означенныхъ правилъ, Россія можетъ быть спокойна. Предписываю Волостному Правленію немедленно и буквально все разъяснить что сказано въ предписаніи этомъ. Іюля 12 дня 1879 г. № 3813.

Приставъ 2-го стана П. В... повъ.

Одно изъ волостныхъ правленій, получивши этотъ циркуляръ, разослало его всѣмъ священнослужителямъ и учителямъ при слѣдующемъ собственномъ распоряженіи:

«Настоящее предписаніе Волостное Правленіе препровождая священноцерковнослужителямъ ... церквей и учителямъ ... училищъ проситъ 1-хъ по списаніи копіи, пропо-

вѣдывать народу въ церквахъ, а послѣднихъ внушать ученикамъ нравственности, религіозности и вѣрноподданничества Царю и подчиненіе Начальству. Іюля ... дня 1879 г.

Волостной Старшина ***
Писарь ***

ИЗЪ ИРКУТСКА. Сообщаю вамъ кое-что о приключеніяхъ Михеля Морозова, прекрасно характеризующихъ бытъ нашихъ политическихъ ссыльныхъ. За достовѣрность моего разсказа вполнѣ ручаюсь.

При жизни въ Россіи, Морозовъ былъ осужденъ на 4 мѣсяца въ тюрьму за распространеніе запрещенныхъ книгъ. Высидѣвъ свой срокъ, онъ уѣхалъ на родину, въ Харьковскую губернію, гдѣ и получилъ мѣсто волостного писаря. Здѣсь его снова арестовали и административно отправили въ Верхоянскъ (посмотрите на карту: это такой сѣверъ, что морозъ по кожѣ пробѣгаетъ). Опишу вамъ прежде всего этотъ городъ. Въ Верхоянскѣ только два дома съ крышами — полиціи и какого-то купца; остальные — юрты, гдѣ живутъ въ страшной грязи якуты и нѣсколько семействъ казаковъ, уже совершенно объякутившихся. Занятій никакихъ, кромѣ охоты. Между тѣмъ, право жить въ юртѣ вмѣстѣ со скотомъ и хозяевами обходится въ 2 р. Пудъ ржаной муки — 4 р. 50 к.; фунтъ сальныхъ свѣчъ — 1 р.; фунтъ сахару 1 р.; кирпичнаго чаю — 2 р. 50 к. и самый плохой, гнилой ситецъ — 40 к. аршинъ. Скота на мясо здѣсь совсѣмъ нѣтъ; ѣдятъ бѣлокъ и овражекъ. Наконецъ, пробраться въ эти дебри зимой можно только верхомъ, а лѣтомъ на лодкѣ по Ленѣ.

Морозовъ со своими провожатыми ѣхалъ сначала на лодкѣ, но вскорѣ ихъ захватила вьюга, и пришлось ѣхать верхомъ. У Морозова отъ ревматизма распухла нога; ѣхать верхомъ далѣе онъ не могъ, а остановиться и переждать негдѣ, — кругомъ мертвая глушь и пустыня. Станція отъ станціи отстоитъ верстъ на 100—150. Да едва ли могутъ и назваться станціями эти юрты, гдѣ нельзя достать даже хлѣба (который приходится везти изъ Иркутска) и гдѣ можно получить только горячую воду. Съ распухшей ногой Морозовъ былъ принужденъ продолжать путь въ мѣшкѣ, повѣшенномъ на сѣдло. Съ другой стороны сѣдла, для равновѣсія, былъ прицѣпленъ мѣшокъ съ провизіей.

Но вскорѣ сдѣлалось невозможно ѣхать даже и такимъ образомъ. Пришлось карабкаться пѣшкомъ на крутую гору, покрытую снѣгомъ и льдомъ, при сильномъ морозѣ и жгучемъ вѣтрѣ съ Ледовитаго океана. Каждый вооружился парой шестовъ; воткнувъ одинъ изъ нихъ въ снѣгъ, ставилъ на него ногу; воткнувъ повыше другой — ставилъ другую ногу. Вынувъ затѣмъ первый, втыкалъ его еще выше и т. д. Взобраться иначе было совсѣмъ невозможно. Можете себѣ представить, въ какомъ положеніи Морозовъ былъ доставленъ на мѣсто назначенія.

Если вы читали «Сибирь и каторгу» Максимова, то не напоминаетъ ли вамъ это путешествіе приключеній отца Аввакума?

ИЗЪ СИМФЕРОПОЛЯ. Со введеніемъ генералъ-губернаторства, нашъ мирный и сонный городокъ совершенно преобразился. Тотлебенъ почему-то избралъ его особеннымъ объектомъ для своихъ экспериментовъ. Прежде всего онъ приказалъ полиціи сдѣлать перепись и заставить при этомъ жителей въ три дня представить свои документы. Начался страшный переполохъ. Масса жителей (армяне, греки, татары и проч.) живутъ здѣсь съ незапамятныхъ временъ и имѣютъ недвижимое имущество безъ всякихъ документовъ, на правахъ глубокой давности. Вся эта масса устремилась въ полицію за разъясненіями, справками и т. д. — Какъ? почему? зачѣмъ? Полиція отвѣчала, что предписано — и все тутъ, и этимъ только увеличивала всеобщій страхъ и смятеніе. Въ три дня, конечно, ничего не сдѣлали. Не могла же, въ самомъ дѣлѣ, въ этотъ срокъ масса людей добыть себѣ документы, а засадить ихъ въ кутузки, какъ безпаспортныхъ, было невозможно — не хватило бы тюремъ.

Послѣ переписи обязали домохозяевъ вывѣсить на воротахъ списки квартирантовъ и представлять въ полицію въ теченіи 12 часовъ свѣдѣнія о каждомъ вновь прибывшемъ или выбывшемъ лицѣ, подъ опасеніемъ 200—500 рублей штрафу или соотвѣтственнаго ареста. Большинство жителей имѣютъ постоянныя дѣла въ Севастополѣ, Евпаторіи, Карасубазарѣ и другихъ городахъ; помѣщики и крестьяне постоянно пріѣзжаютъ въ городъ по своимъ дѣламъ. Всѣ они никакъ не могутъ взять въ толкъ, зачѣмъ имъ носить всегда при себѣ документы и бѣгать въ полицію съ объявленіемъ,

что, дескать, я сейчасъ-вотъ пріѣхалъ и сейчасъ же уѣзжаю, — и платятся горожане штрафами, а сельскіе тѣмъ, что ихъ выпроваживаютъ изъ города. И все это продѣлывается съ людьми, хорошо извѣстными и городу, и самой полиціи. Такъ напр., оштрафовали 200-ми р. всѣмъ и каждому знакомаго содержателя аптеки за то, что уѣхалъ на 3 дня, не заявивъ полиціи. Несчастные домовладѣльцы, по большей части небогатые люди, сбились съ ногъ, бѣгая цѣлый день въ полицію съ объявленіемъ, что «тотъ то пріѣхалъ! этотъ уѣхалъ!»

Само собою разумѣется, что полиція позаботилась также обезоружить жителей, какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ, и разставила по улицамъ города стражу изъ солдатъ Литовскаго полка, превращенныхъ въ полицейскихъ и съ револьверами. Изъ этого же полка Тотлебенъ выбралъ наиболѣе вѣрноподанныхъ офицеровъ и, награждая ихъ за усердіе 1-мъ руб. 50-ю к. въ сутки, заставилъ обходить дома и повѣрять жителей по спискамъ.

Конечно всѣ эти мѣропріятія представляются жителямъ божескимъ наказаніемъ за неизвѣстныя прегрѣшенія и возбуждаютъ всеобщее недовольство.

ДВА СЛОВА О ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРСТВѢ

Нашимъ читателямъ отчасти уже извѣстна роль тайнаго совѣтника Панютина въ Одессѣ. Одесситы убѣждены, что, собственно говоря, Тотлебенъ — не болѣе какъ пѣшка въ рукахъ этого господина, самовольно распоряжающагося судьбами милліоннаго населенія. Мы считаемъ не безполезнымъ припомнить офиціальный актъ передачи власти, совершенный Тотлебеномъ.

Das ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie immer neu.

Она прекрасно обрисовываетъ самодержавную власть нашихъ сатраповъ, распоряжающихся ею, какъ своею собственностью: кого люблю, тому дарю.

Вотъ подлинный текстъ этого интереснаго документа:

Предложеніе г. временнаго одесскаго генералъ-губернатора тайному совѣтнику Панютину, отъ 7 мая 1897 г., за № 152.

Признавая необходимымъ пригласить ваше превосходительство къ содѣйствію мнѣ, при исполненіи многосложныхъ моихъ обязанностей, я считаю возможнымъ предоставить вамъ слѣдующія права:

1) Для разъясненія разнаго рода вопросовъ списться со всѣми подвѣдомственными мнѣ должностными лицами и учрежденіями;

2) съ тою же цѣлью приглашать къ себѣ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ вы признаете нужнымъ;

3) осматривать учебныя заведенія мужскія и женскія, пріюты, исправительныя заведенія, арестанскія роты и тюрьмы и о каждомъ осмотрѣ докладывать мнѣ;

4) слѣдить за прессой и сообщать мнѣ о характерѣ и направленіи оной;

5) имѣть высшее наблюденіе за ходомъ дѣлъ въ моей канцеляріи;

6) въ случаѣ отъѣзда моего изъ города Одессы, принять наблюденіе за точнымъ исполненіемъ сдѣланныхъ мною распоряженій, а въ случаяхъ крайнихъ, нетерпящихъ отлагательства, принять и самыя мѣры, по ходу обстоятельствъ, но съ тѣмъ, чтобы о каждомъ вашемъ самостоятельномъ распоряженіи было немедленно доведено до моего свѣдѣнія.

Итакъ, тайный совѣтникъ Панютинъ имѣетъ право «принять и самыя мѣры», т. е., напр., выслать человѣка, присудить его къ тюремному заключенію, какъ дѣлаетъ Лорисъ Меликовъ, наконецъ разстрѣлять или повѣсить. Все это онъ можетъ сдѣлать безъ всякаго суда, совершенно самостоятельно, совершенно какъ самъ генералъ-губернаторъ. Является вопросъ: сколько же у насъ, наконецъ, самодержавцевъ? Ну, допустимъ — царь. Царь передалъ власть Тотлебену. Тотлебенъ, какъ явствуетъ изъ вышеизложеннаго, передалъ ее (и, значитъ, могъ, т. е. имѣлъ право передать) Панютину. Можетъ ли теперь Панютинъ передать ее кому-нибудь, ну хоть бы своему лакею? Можетъ ли Тотлебенъ передать власть, положимъ, разстрѣливать по своему усмотрѣнію не одному Панютину, а двумъ, десяти, сотнѣ Панютиныхъ? Собственно говоря — почему нѣтъ? Во время процесса Березовскаго, его защитникъ указывалъ,

какъ на смягчающее обстоятельство, на страшно произвольный характеръ россійской расправы въ Польшѣ. «Каждый русскій офицеръ, говорилъ онъ, можетъ произвольно разстрѣливать каждаго поляка». Мы находимся наканунѣ такихъ порядковъ, которые заставятъ русскихъ повторить то же самое о себѣ. Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, Тотлебенъ не могъ передать той-же власти всѣмъ полицейскимъ офицерамъ, если онъ можетъ передать ее Панютину? И если Тотлебенъ надумаетъ это сдѣлать, то будетъ ли это «законно»? — Очевидно — да. О, бѣдный русскій законъ, бѣдный русскій гражданинъ!

Мы завели объ этомъ рѣчь больше по поводу именно русскаго гражданина. Какимъ образомъ такое нелѣпое учрежденіе, какъ современное генералъ-губернаторство, можетъ вводиться въ жизнь — и все кругомъ молчитъ? Россійскій гражданинъ! ты все думаешь: авось начальство помилуетъ; оно, молъ, хоть и можетъ повѣсить, да, авось, сжалится. Пусть въ Харьковѣ идутъ на каторгу (да и то «по смягченію приговора») люди, которыхъ не за что было и подъ арестъ посадить, пусть въ Одессѣ вѣшаютъ людей безъ всякихъ юридическихъ уликъ, пусть въ Кіевѣ самодурствуетъ уже положительно какой то идіотъ, въ родѣ Малюты Скуратова, — россійскій гражданинъ только прижимается къ землѣ да шепчетъ: «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его». О, господа, господа, какъ будутъ краснѣть за насъ наши дѣти!

„ПО ПУТИ МИРНАГО РАЗВИТІЯ"

Въ 1869 году, по поводу заарестованія одного петербургскаго мирового судьи, Шуваловъ, бывшій въ ту пору шефомъ жандармовъ, говорилъ Александру II:

«Мировые судьи и судъ присяжныхъ невозможны, Государь, въ Россіи при нашемъ монархическомъ, неограниченномъ правленіи...»

Тогда Шувалова не послушали, хотя онъ былъ совершенно правъ.

Прошло 10 лѣтъ. И отъ нашихъ славныхъ реформъ — отъ земства, городскаго самоуправленія и отъ мироваго

института — только клочья остались. Послѣднюю вылазку отъ 26 сентября текущаго года сдѣлалъ комитетъ министровъ подъ предсѣдательствомъ Государя Императора противъ мировыхъ учрежденій (см. «Прав. Вѣст.» № 237). Съ сего времени губернаторы будутъ представлять сенату свои замѣчанія о нравственныхъ качествахъ и о благонадежности вновь избранныхъ мировыхъ судей, а сенатъ, на основаніи этихъ замѣчаній и снесшись съ Мин. Юстиціи, будетъ утверждать или не утверждать. Всякій очень хорошо знаетъ, что такое значитъ губернаторскія «замѣчанія» о нравственной благонадежности. III Отдѣл. завалено доносами, не успѣваетъ разобраться въ нихъ, а правительству все еще кажется, что шпіонство у насъ не достаточно развито — и вотъ оно всѣми зависящими отъ него мѣрами силится еще развить его. Короче сказать, съ сего времени выборные мировые судьи въ Россіи болѣе не существуютъ... Станутъ ли ихъ выбирать номинально, будетъ ли ихъ назначать сенатъ или министръ юстиціи, или просто начнутъ орудовать губернаторы съ урядниками, — для насъ совершенно безразлично.

Что-то скажетъ русская пресса по поводу послѣдней правительственной вылазки? Наши доморощенные консерваторы, конечно, придутъ въ телячій восторгъ, ибо они глупы. Либералы же, какъ люди болѣе юркіе, крѣпко опечалятся. — «За что же насъ-то хлещутъ, когда нигилисты виноваты! Да къ тому-же, все это такъ безтактно!» — подумаютъ они съ горечью. Да, именно т о л ь к о подумаютъ, ибо они трусливы, «художественно трусливы», и даже такого своего подхалюзинскаго мнѣнія выразить вслухъ не рѣшатся. Не даромъ же ихъ представителей Мезенцевъ за уши дралъ! Но въ душѣ, повторяемъ, либералы глубоко огорчатся и опечалятся. Да и какъ же имъ не опечалиться, когда правительство, дающее жить и наживаться всему нечистому и мерзкому, ихъ союзникъ и патронъ, лѣпитъ глупость на глупость и само собственными руками расшатываетъ тѣ животрепещущіе подмостки, которые и безъ того уже трещатъ и готовы не сегодня-завтра обрушиться. Какъ же имъ не печалиться, когда ихъ «просвѣщенное правительство», по мнѣнію ихъ, «ведущее Россію мирнымъ путемъ развитія», вдругъ совсѣмъ не по-европейски начинаетъ пятиться ракомъ и на вопросительныя мины всѣхъ честныхъ либераловъ лаконически отвѣчаетъ: «А наплевать!» — «Конечно,

бояться Европы намъ особенно нечего, утѣшаютъ себя либералы. Ну, пускай напишутъ ноту! А нашъ Горчаковъ имъ въ отвѣтъ десять нотъ напишетъ.» Такъ-то, такъ, а все таки зазорно передъ публикой, и они вынуждены прикусить языкъ.

Быть можетъ даже, найдутся наивные люди, которые удивятся правительственной вылазкѣ. «Какъ? Что?» начнутъ они осторожно выкрикивать. «Какъ это возможно похѣрить однимъ взмахомъ пера такую реформу, которая» и т. д.

Мы же съ своей стороны нимало не удивляемся и даже глубоко убѣждены, что въ наше время ничему удивляться не приходится. Изъ-за чего же тутъ кричать: это ужасно. Дали земство, городское самоуправленіе, мировой судъ и судъ присяжныхъ — и все это опять отняли. Мы здѣсь не будемъ говорить о томъ, въ какомъ видѣ и въ какихъ дозахъ были высочайше отпущены всѣ эти блага. Фактъ тотъ, что всѣ они по крайней мѣрѣ по имени существовали... Теперь ихъ сдули. Чему же удивляться! Богъ далъ, богъ и взялъ. Мы, напротивъ, скорѣе готовы удивляться тому, что наше правительство такъ долго терпѣло ту несчастную тѣнь суда и правосудія, которую нѣкоторые приняли за нѣчто существенное. Пародію приняли за дѣйствительность. Мы не удивляемся, ибо видимъ совершенно ясно, что правительство иначе и поступить не могло. Утопающій хватается за соломенку... Что же было дѣлать правительству, когда общественное мнѣніе, почуявъ свою силу, стало произносить ему обвинительные приговоры устами мировыхъ судей и присяжныхъ. Вѣра Засуличъ жестоко наказываетъ одного изъ царскихъ прихвостней — судъ ее оправдываетъ. «Такъ, дескать, ихъ и надо!» Оправдательный приговоръ, вынесенный Вѣрѣ Засуличъ 31-го марта 1878 г., прозвучалъ обвиненіемъ не Трепову конечно, не какому нибудь смотрителю тюрьмы, не сторожамъ, истязавшимъ Боголюбова... Конечно, нѣтъ! Гулко, ясно и отчетливо прозвучалъ этотъ приговоръ тяжкимъ обвиненіемъ Александру II, всей его системѣ. Либералы какъ-то просмотрѣли этого слона и поэтому принялись строчить фельетоны одинъ другого остроумнѣе. Московскіе лакеи — «предводители московскихъ мясниковъ» — оказались дальновиднѣе: окрысились и ударили въ набатъ. Понятно, почему такъ непріятно должны были отозваться въ пустынныхъ залахъ Зимняго дворца тѣ

аплодисменты, которыми общество встрѣтило Вѣру Засуличъ въ судѣ и на улицѣ. Обвиненіе дошло по назначенію. Александръ II росписался въ полученіи его, повелѣвъ послѣ того тотчасъ-же всѣ преступленія противъ дожностныхъ лицъ судить безъ присяжныхъ. Послѣ того правительство со стороны общественнаго мнѣнія получало щелчокъ за щелчкомъ. Наконецъ, послѣднія событія, окончательно помутившія разсудокъ россійскихъ правителей, заставили ихъ похѣрить мировыхъ судей и изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ изъять всѣ дѣла, какія угодно будетъ изъять генералъ-губернаторамъ или какому-нибудь ихъ чиновнику (въ родѣ, напр., Папютина). Конечно, не мы будемъ огорчаться такому обороту дѣла. Мы можемъ только радоваться. Мы радуемся тому, что наше правительство послѣднимъ своимъ законодательнымъ актомъ прямо высказало, что оно не довѣряетъ даже такимъ почтеннымъ людямъ, какъ мировые судьи — землевладѣльцы, болѣе или менѣе крупные собственники. Даже такихъ благонамѣренныхъ гражданъ оно считаетъ своими врагами и всенародно заявляетъ объ этомъ. Но имѣетъ ли оно дѣйствительно основаніе считать своими врагами эти мирные элементы? Не куста ли боится пуганная ворона? О. нѣтъ, конечно, основаніе есть. Кто же не врагъ нашему правительству? Кому оно можетъ довѣриться? Смѣло можно обѣщать полъ-царства тому, кто укажетъ, гдѣ живутъ друзья нашего правительства — не шпіоны, конечно, не подкупленные чиновники собственной его императорскаго величества канцеляріи, но настоящіе, искренніе друзья. Не укажетъ.

Мы радуемся тому, что правительство новымъ актомъ своего недовѣрія еще болѣе вооружаетъ противъ себя русское общество.

Мы радуемся тому, что наше правительство не находитъ себѣ опоры даже въ тѣхъ буржуазныхъ элементахъ, на которые вездѣ и всюду опирается власть.

Не можемъ мы также не одобрить и того, что наше правительство всѣ упомянутыя нами законодательныя мѣры называетъ «временными». Такъ выражаться, значитъ выражаться точно. Кто же будетъ спорить, что ничто не вѣчно подъ луной? Конечно, все временно... Урядники — временное явленіе, государи временны, государство также преходяще. Русскій деспотизмъ, который не даетъ намъ жить по-людски, который заставляетъ насъ идти въ хвостѣ всѣхъ

европейскихъ націй, какъ какихъ-нибудь парій или прокаженныхъ, который все душитъ и гнететъ — тоже явленіе временное, преходящее...

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ДѢЛА

4 ноября въ Петербургскомъ университетѣ начались волненія, не улегшіяся вполнѣ и по настоящее время.

Ихъ, конечно, не могло не вызвать положеніе студентовъ, созданное новѣйшими измѣненіями въ уставѣ и практикѣ университетовъ. Студенчество, отданное въ полную власть инспекціи, очень скоро испытало послѣдствія этого. Введены были насчетъ посѣщенія лекцій, инспекторской ревизіи и т. п. правила, достойныя временъ Магницкаго и Рунича. Явились предписанія насчетъ блузъ, грязныхъ сапоговъ, крахмальныхъ воротничковъ и т. п. Явились дисциплинарныя взысканія, произвольно налагаемыя инспекторомъ (карцеръ не свыше 7 дней) и пр.

За два-три дня до 4 ноября нѣсколько человѣкъ студентовъ читали въ университетѣ «Молву», гдѣ сообщалось кое-что о новыхъ предполагаемыхъ измѣненіяхъ Устава. Въ настоящее время 7 человѣкъ студентовъ, разговаривающихъ вмѣстѣ, по новымъ правиламъ составляютъ сходку, поэтому инспекторъ Антроповъ, по обыкновенію вѣчно пьяный, вѣчно дерзкій, вѣчно глупый — немедленно предложилъ студентамъ разойтись. Студентъ Повѣцкій отвѣтилъ, что «Молва» — газета цензурная, и расходиться совсѣмъ незачѣмъ. Инспекторъ потребовалъ у него и у самого читавшаго ихъ входные билеты и заявилъ, что подвергнетъ обоихъ студентовъ наказанію. Дѣйствительно — оба они были на другой день посажены въ карцеръ.

4 ноября нѣсколько человѣкъ студентовъ сидѣли въ курильной и вели между собою печальные разговоры: «Плохо житье стало. Вотъ ужъ въ карцеръ сажаютъ. Срамъ да и только; до чего-это дойдетъ, наконецъ, студенчество?» Является опять инспекторъ и приказываетъ разойтись. Это переполнило чашу, раздались крики: «Нечего расходиться! Сходку собирай!» «Чего мы тутъ сидимъ въ подвалѣ, господа? Идемъ на верхъ. Сходку!»... Всѣ гурьбой повалили

на лѣстницу, и моментально на площадкѣ собралась толпа студентовъ. Начались горячіе разговоры: «Что это съ нами дѣлаютъ?... До чего еще дойдемъ мы?»· Рѣшено было позвать инспектора и спросить его: на какомъ основаніи студенты посажены въ карцеръ, кто и на какомъ основаніи издаетъ глупыя правила о сапогахъ, воротничкахъ и пр. Инспекторъ перетрусилъ, однако же, по нѣкоторомъ совѣщаніи со своими субами, вышелъ къ студентамъ со всѣмъ своимъ штабомъ, съ гордымъ видомъ начальника. Къ сожалѣнію, студентамъ это нисколько не импонировало. Начались объясненія. Инспекторъ заявилъ, что и въ карцеръ посажены студенты, и правила о воротничкахъ изданы—все по инициативѣ попечителя, сказалъ нѣсколько словъ въ защиту крахмальныхъ воротничковъ: «Тутъ, господа, принципъ важенъ, конечно, а не то что самые воротнички или галстухъ». Въ толпѣ слышится смѣхъ, восклицанія, неуважительные коментаріи: «У инспектора, господа, и галстухъ, и за галстухъ — все по принципу». Антроповъ проситъ не волноваться, заявляетъ, что, въ сущности, ихъ и его интересы солидарны. «Какъ же это, спрашиваютъ его, ваши интересы запрятали наши интересы въ карцеръ?» Инспекторъ обижается, говоритъ, что онъ намекалъ на читальню *). «Ну, а на счетъ воротничковъ и блузъ?» — Мнѣ было предписано... «Покажите бумагу». — Господа. это — недовѣріе... Но шумъ увеличился, и инспекторъ велѣлъ принести имъ бумагу. Оказалось, однако, что она написана имъ самимъ. Шумъ, хохотъ, крикъ. — Это безчестно! Хороша бумага! Раздалось: «позовемъ ректора, пусть онъ объяснитъ намъ, что это такое дѣлается въ университетѣ». Инспекторъ принялъ грозный видъ, началъ грозить, что онъ окружитъ войсками университетъ. Шумъ, хохотъ и свистки заглушали его. Препирательства тянулись долго и закончились общимъ требованіемъ студентовъ: — Пусть къ намъ войдетъ ректоръ!

Ректоръ явился. Въ пику инспекціи, Бекетовъ былъ встрѣченъ градомъ рукоплесканій. Выслушавъ жалобу студентовъ, онъ началъ говорить. Много горечи слышалось въ его словахъ, когда онъ выяснялъ студентамъ положеніе дѣлъ со-

---

*) Этой несчастной читальней студентовъ побиваютъ каждый разъ, какъ только они шевельнутся: «господа, будьте благоразумны, генералъ-губернаторъ закроетъ читальню».

гласно новымъ порядкамъ. Онъ сказалъ, что теперь не имѣетъ никакой власти, что онъ только «посторонній наблюдатель», что онъ не откажется дать студентамъ совѣтъ, если они будутъ просить не коллективно, но, кромѣ совѣта, никакой помощи оказать не можетъ, что въ настоящемъ случаѣ его совѣтъ студентамъ — не шумѣть, не волноваться, ибо это безполезно; они подчинены вполнѣ инспекціи и господинъ инспекторъ... — Антроповъ... крикнули въ толпѣ. «Не Антроповъ, а господинъ инспекторъ», ядовито подчеркивая, возразилъ ректоръ: «господинъ инспекторъ дѣйствуетъ въ своемъ правѣ, сажая въ карцеръ и издавая всѣ эти распоряженія. Студенты не могутъ протестовать, и ничего хорошаго изъ протеста не выйдетъ. Самъ обиженный можетъ жаловаться попечителю, но товарищи его не имѣютъ права заступиться, ибо по закону это не должно ихъ касаться...»

— Но въ пьяномъ видѣ все возможно: Антроповъ можетъ дать студенту оплеуху и засадить его-же въ карцеръ, кто же будетъ жаловаться?

Ректоръ отвѣчалъ: нужно надѣяться, что настоящее начальство студентовъ не допуститъ себя до такихъ поступковъ, если же бы, паче чаянія, что-нибудь подобное случилось, то... Неясное заключеніе, повидимому, имѣло выразить, что на дебошъ, конечно, приходится отвѣчать дебошемъ, ежели нѣтъ возможности добиться законной защиты. Наконецъ ректоръ просилъ студентовъ разойтись, что было исполнено ими.

Волненіе не прекращалось однако и въ слѣдующіе дни. Сходки продолжались. Ничего, впрочемъ, особеннаго не было и не предвидѣлось; студенты сами не знали, что дѣлать, и понимали, что ничего не подѣлаешь однѣми студенческими сходками. «Радикалы»-студенты съ этой точки зрѣнія старались усмирить массу... Тѣмъ не менѣе начались аресты, и теперь число ихъ доходитъ до 27. Вотъ фамиліи нѣкоторыхъ изъ арестованныхъ: Шефтель, Панкѣевъ, Эте, Ѳедоровъ, Осмоловскій, Миклашевскій, Введенскій, Богоявленскій. Ходятъ слухи объ административныхъ высылкахъ въ огромныхъ размѣрахъ. Читальня закрыта.

Волконскій.

6 Ноября.

ХРОНИКА ПРЕСЛѢДОВАНІЙ

Продолжаемъ лѣтопись гоненій.

Въ началѣ августа, въ деревнѣ Затишенье, Перечицкой волости, Лужскаго уѣзда, арестована учительница земской школы, Степанида Бычкова. Причиной ареста послужило то, что Бычкова неблагосклонно отнеслась къ ухаживанью за собою становаго Васильева. Пылая ревностью, Васильевъ задумалъ отомстить ей и подговорилъ пріятеля и кума своего, сотскаго, въ домѣ котораго помѣщалась школа, послать ложный доносъ на Бычкову, будто въ школѣ она неоднократно говорила дѣтямъ, что «царя скоро не будетъ, и жить намъ станетъ тогда легче». Отправивъ доносъ къ начальству, онъ, однако, не удовлетворился этимъ и, подкарауливъ однажды, когда къ Бычковой зашелъ въ гости волостной писарь, въ лицѣ котораго онъ подозрѣвалъ своего соперника, Васильевъ внезапно ворвался къ ней съ товарищами и такъ избилъ ее, что она, еле живая, съ окровавленнымъ лицомъ и въ изодранной въ клочья одеждѣ, едва спаслась отъ него, укрывшись въ избу какого-то крестьянина. Тѣмъ временемъ доносъ возъимѣлъ свое дѣйствіе, и не успѣла еще Бычкова оправиться отъ побоевъ, какъ къ ней явилась полиція и арестовала ее, хотя при обыскѣ ничего не было найдено. Началось слѣдствіе. Становой съ своими помощниками, задабривая дѣтей пряниками и деньгами, заставилъ ихъ заучивать тѣ фразы, которыя якобы говорила имъ Бычкова, и показывать такимъ образомъ на слѣдствіи. Несчастная дѣвушка и до сихъ поръ еще сидитъ въ тюрьмѣ, лишенная возможности разоблачить всю эту гнусную интригу.

Въ прошломъ № мы упомянули о безсмысленномъ доносѣ, послужившемъ причиной ареста Кучиной. Приводимъ имя достопочтеннаго пастыря, взявшаго на себя такую христіанскую роль. Это — Матвѣй Ивановичъ Тихоміровъ, священникъ въ дер. Городны, Лужскаго уѣзда. Онъ самъ всѣмъ хвастался своимъ подвигомъ и разсказывалъ даже, что находится въ очень тѣсныхъ отношеніяхъ съ III Отдѣленіемъ.

Не всѣ, однако, пастыри похожи на Тихомірова. Такъ, напр., священникъ Куповинской слободы, города Богородска, проѣзжая 4 сентября изъ Москвы въ общественной каретѣ, жаловался въ разговорѣ съ пассажирами на тяжесть воин-

ской повинности, причемъ непочтительно отозвался о царѣ, назвавъ его просто Алексашкой, за что и былъ арестованъ. Въ настоящее время онъ удаленъ отъ должности и привлеченъ къ отвѣтственности въ качествѣ политическаго преступника. Священникъ этотъ — почтенный отецъ семейства, имѣетъ жену и четырехъ дѣтей.

Въ Кишиневѣ, нѣсколько времени тому назадъ, арестованъ былъ нѣкто Зубковъ, тоже священникъ. Поводомъ къ аресту послужило то, что друзья его покойнаго брата, бѣжавшаго заграницу отъ полицейскаго преслѣдованія, прислали Зубкову письмо, въ которомъ извѣщали его о смерти брата. Жандармское начальство, перехвативъ это письмо, сочло почему-то нужнымъ произвести у Зубкова обыскъ, причемъ найдена была какая то старая прокламація. Послѣ долгаго заключенія священникъ этотъ былъ сосланъ въ суздальскій монастырскій казематъ.

Въ Псковѣ, послѣ 2 апрѣля, также былъ арестованъ заштатный священникъ Щекинъ, проживавшій передъ тѣмъ за какія-то провинности въ монастырѣ. Священникъ этотъ, услыхавъ о покушеніи Соловьева, выразилъ сожалѣніе, что попытка не удалась, причемъ добавилъ, что и самъ не прочь бы пойти по стопамъ Соловьева.

Въ срединѣ нынѣшняго лѣта Черниговъ былъ свидѣтелемъ многочисленныхъ арестовъ. Въ числѣ другихъ арестованъ Макіевскій-Зубокъ, судившійся по процессу 193-хъ, и Тринидатскій, сельскій учитель, кончившій курсъ въ Технологическомъ инст., котораго не задолго передъ тѣмъ уволили отъ должности, такъ какъ инспекція народныхъ училищъ нашла неудобнымъ, чтобы лицо, кончившее высшее учебное заведеніе, занимало мѣсто сельскаго учителя. Причиной ареста Зубка и Тринидатскаго послужило подозрѣніе, будто у нихъ скрывалось одно, сильно розыскиваемое въ Черниговѣ лицо, которому удалось счастливо скрыться оттуда. Хотя при обыскѣ ничего подозрительнаго не было найдено, ихъ все же арестовали и освободили только, когда они внесли залогъ въ 1000 р. за каждаго. Одновременно съ этимъ былъ арестованъ мѣстный землевладѣлецъ Дриго, скоро впрочемъ выпущеный, не смотря на серьезныя, какъ говорятъ, подзрѣнія, падавшія на него.

Эпидемія арестовъ и обысковъ въ Черниговѣ особенно усилилась съ прибытіемъ туда новаго жандармскаго полков-

ника, выказавшаго необыкновенное рвеніе къ исполненію своихъ охранительныхъ обязанностей. Особеннаго вниманія съ его стороны удостоились студенты и курсистки, пріѣхавшіе на каникулы въ Черниговъ. Всѣ хутора, гдѣ проживали эти подозрительные люди, подверглись надзору, и однажды ночью обыскъ былъ произведенъ на хуторѣ Константиновича у курсистокъ Сухопаровой, Юшковой и Баришпольской (у послѣдней нашли «Полит. Экономію» Чернышевскаго), а также въ сосѣднемъ хуторѣ (около села Выбли) у студент. Технологическ. Института Паевскаго, сестры его и Танской. Хотя при этихъ обыскахъ ничего подозрительнаго найдено не было, однако курсистку Баришпольскую арестовали за то только, что при ней не оказалось въ то время паспорта. Впослѣдствіи ее выпустили на поруки за 500 р., причемъ запретили выѣздъ изъ города.

Тотъ-же полковникъ, увлекаясь все болѣе и болѣе своей охранительной миссіей, заподозрилъ въ неблагонадежности всѣхъ сельскихъ учителей и, предпринимая экскурсіи по деревнямъ, не только производилъ обыски у однихъ этихъ злонамѣренныхъ лицъ, но также у всѣхъ фельдшеровъ, фельдшерицъ, сельскихъ писарей и вообще у всѣхъ сколько нибудь интеллигентныхъ людей. Въ результатѣ всего этого оказались арестованными нѣсколько учителей и одна фельдшерица. Въ преслѣдованіи сельскихъ учителей не менѣе энергичное участіе принимаетъ и сама инспекція народныхъ училищъ. Такъ, напр., заподозривъ одного учителя въ неблагонадежности, инспекторъ, г. Мацко, является въ школу и производитъ самый строгій экзаменъ; дѣти на всѣ вопросы отвѣчаютъ очень хорошо, такъ что съ этой стороны придраться къ учителю было невозможно. Тогда, чтобы достичь своей цѣли, г. Мацко начинаетъ спрашивать учениковъ, какъ зовутъ инспектора, директора, губернатора и т. п.; дѣти, конечно, не знаютъ. И вотъ, придравшись къ этому, учителю велятъ выйти въ отставку. Подобныхъ фактовъ можно насчитать немало.

Рядомъ съ арестами въ Черниговѣ было и нѣсколько высылокъ. Такъ, Гарнье, присланный въ январѣ изъ Кіева, высланъ въ настоящее время по предписанію генералъ-губернатора въ Архангельскую губ., а докторъ Бѣлый, проживавшій въ Нѣжинскомъ уѣздѣ и заподозрѣнный въ составленіи какого то тайнаго общества, высланъ въ Восточную Сибирь.

Нынѣшнее лѣто изобиловало арестами и въ Кіевѣ. Въ началѣ іюня, вслѣдствіе распространившихся слуховъ, будто между гимназистами сильно распространяется «Земля и Воля», учебное начальство, по приказанію генералъ-губернатора, предприняло почти поголовный обыскъ всѣхъ учениковъ. При этомъ у ученика І-й гимназіи 6-го класса Добровольскаго найдена была записная книжка, гдѣ оказались фамиліи шести учениковъ послѣдняго класса, которымъ проданы были номера «З. и В.». Ихъ всѣхъ арестовали и привезли въ гимназію на допросъ. Сначала они не хотѣли давать показаній, но потомъ гимназическому начальству удалось запугать ихъ, послѣ чего всѣ, кромѣ Добровольскаго, сознались. Послѣдняго за его упорство передали въ вѣдѣніе жандармскаго управленія, гдѣ вскорѣ и онъ сознался, указавъ на своего товарища Левина, отъ котораго будто получалъ №№ «З. и В.». Левина арестовали и посадили въ старо-кіевскую часть; просидѣвъ тамъ недѣли двѣ, онъ, какъ говорятъ, по совѣту знаменитаго Судейкина, указалъ, что газету ему доставляло одно скрывающееся лицо. Результатомъ всего этого было то, что Добровольскаго и Левина исключили изъ гимназіи безъ права поступленія куда-либо, не смотря на то, что вынуждая у нихъ показанія, начальство обѣщало полное прощеніе.

Одновременно съ арестами въ І-ой гимназіи были обыски и въ другихъ. Однажды надзиратель Сининскій, прійдя съ этой цѣлью на квартиру учениковъ 2-ой гимназіи К....каго, П....на, проживавшихъ вмѣстѣ съ ученикомъ 3-ей гимн. Л...нымъ, засталъ тамъ ученика 2-ой гимназіи Мощенко и еще двухъ другихъ. Увидавъ надзирателя, Мощенко схватилъ свертокъ, который только-что передъ этимъ положилъ въ комодъ, и выбѣжалъ на улицу. Надзиратель пустился за нимъ. Услыхавъ за собою погоню, Мощенко поспѣшно бросилъ свертокъ въ кусты встрѣтившагося по дорогѣ сада и, думая, что никто не видѣлъ этого, самъ подошелъ къ надзирателю и спросилъ, что онъ гонится за нимъ. Однако лакей сосѣдняго дома, замѣтивъ брошенный свертокъ, поднялъ его и подалъ надзирателю, который, увидавъ, что тамъ находится «Земля и Воля», отправилъ Мощенко въ полицію. Въ ту же ночь произведенъ былъ обыскъ какъ въ его квартирѣ, такъ и въ квартирѣ гимназистовъ, гдѣ его встрѣтилъ надзиратель, но ни тамъ, ни здѣсь ничего особеннаго

не было найдено; тѣмъ не менѣе всѣхъ этихъ гимназистовъ забрали и четырехъ изъ нихъ: Р....ва, К....ва, П....на и самого Мощенко препроводили во 2-ую гимназію, Л....на же въ третью. Черезъ нѣсколько дней ихъ всѣхъ выпустили, за исключеніемъ Мощенко, который, не смотря ни на застращиванія, ни на обѣщанія, не хотѣлъ открыть, отъ кого и для кого получилъ «Землю и Волю» и брошюры. Переведенный изъ гимназіи въ старо-кіевскую часть, онъ просидѣлъ тамъ больше мѣсяца. Видя, что отъ него ничего не добьешся, жандармы освободили его. Вскорѣ онъ былъ исключенъ изъ гимназіи безъ права поступать куда-либо. Менѣе серьезно поплатился въ этой исторіи сынъ кіевскаго профессора, гимназистъ Романовичъ-Славутинскій, хотя на допросахъ онъ такъ же прекрасно держалъ себя, какъ и Мощенко. При обыскѣ у Славутинскаго найдена какая-то рукопись подъ заглавіемъ «антикритика Герцена». На вопросъ инспектора: кто писалъ эту рукопись, Славутинскій отвѣчалъ, что онъ самъ, хотя все гимназическое начальство признало, что для писанія подобной вещи требуются гораздо большія познанія, чѣмъ какія предполагались у Славутинскаго. Желая добраться до автора, начальство обратило вниманіе на помѣтку на поляхъ, которая оказалась писанной той-же рукой, какъ какая-то невинная театральная роль, найденная при обыскѣ Славутинскаго. Не желая впутывать кого-либо, Славутинскій отказался назвать лицо, писавшее эту роль, и только по совѣту одного изъ преподавателей признался, что «антикритику Герцена» писалъ не онъ, а другой, но кто — указать не хотѣлъ. Такъ ничего не добившись отъ Славутинскаго, гимназическій совѣтъ рѣшилъ освободить его, и онъ сейчасъ же уѣхалъ въ свою деревню. Потомъ вслѣдствіе какого-то недоразумѣнія, его снова привезли въ Кіевъ съ жандармами, но, по разъясненіи ошибки, выпустили и оставили въ гимназіи.

Въ августѣ, въ Кіевѣ же арестованъ еще Иванъ Григоренко; при немъ найдены: ядъ, револьверъ, кинжалъ, ружье и боевые патроны.

Въ Одессѣ, 20 октября, арестованы жандармами студенты Яхненко и Симиренко, при нихъ найдены какія-то рукописи. 30-го августа былъ обыскъ у воспитанника земледѣльческаго Горыгорецкаго училища, Окунько. Изъ арестованныхъ въ Одессѣ лѣтомъ и весной слѣдующія лица продолжаютъ еще

сидѣть въ тюрьмѣ: Ліонъ, Дуканъ, Файнштейнъ, Шпунбергъ, Осмоловскій, Фихтенгольцъ (15-ти лѣтъ), Бергъ, рабочіе Лука и Иванъ Григорычъ (?), Рубцова, Квашнина и Вершинина; Клугеръ уже выпущенъ.

Въ Воронежѣ былъ обыскъ у фельдшеровъ Коленова и Тимофеева и у Черкасова, сына управляющаго имѣніями вел. кн. Николая Николаевича. Ни у кого изъ нихъ ничего не было найдено.

Въ Псковѣ былъ обыскъ у Выржековскаго, воспитанника Горыгорецкаго училища. При немъ найдено много подозрительныхъ писемъ.

15 сентября въ Вержболовѣ задержанъ человѣкъ, назвавшійся итальянскимъ подданнымъ Іосифомъ Коста.

Въ Симферополѣ съ сентября мѣсяца арестованы: Иванъ Панкѣевъ (студ. кіевск. унив.), Райко, Скуловъ, Шкерстъ и Георгій Алексѣевъ.

Въ Бѣлостокѣ арестованъ ученикъ тамошняго реальнаго училища Бѣлявскій, у котораго найдено нѣсколько запрещенныхъ книгъ и №№ «З. и В.» Онъ отвезенъ въ Варшаву и содержится въ варшавской цитадели.

Въ Гродненской губ. (Волковыскаго уѣзда) арестованъ въ своемъ имѣніи студ. моск. унив. Будкевичъ (еще 3 іюля) вслѣдствіе доноса. Его обвиняютъ въ томъ, что онъ произнесъ рѣчь на одномъ рабочемъ собраніи. Почти одновременно съ нимъ были взяты, какъ его ближайшіе товарищи, студенты Умиповичъ, Птахъ и агрономъ Обуховскій. Нѣкоторые изъ нихъ уже перевезены въ Варшаву. Розыски по этому дѣлу не ограничились однимъ западнымъ краемъ. Были у многихъ обыски и въ Москвѣ, гдѣ арестованы между прочимъ студ. Абрамовичъ и техникъ Блюменталь. Жандармы думаютъ, что всѣ они составляютъ одинъ организованный кружекъ.

Въ Полтавѣ, 20 октября, отрядъ жандармовъ и полицейскихъ, подъ предводительствомъ жандармскаго адъютанта Соколова и частнаго пристава Кроковскаго (извѣстнаго тѣмъ, что «кабыщанскіе панычи» имѣютъ обыкновеніе ежегодно избивать его до полусмерти), произвелъ обыскъ у г-жи Феоктистовой: нашли связку запрещенныхъ книгъ. Сестра Феоктистовой, Раиса Тессинъ, признала книги своими и была арестована; но жандармы убѣждены, что онѣ принадлежатъ постороннему лицу и тщетно стараются добиться указаній

на это лицо у Тессинъ. Кромѣ того, ее обвиняютъ въ томъ, что на ея квартирѣ происходили сходки. 22 октября съ ночнымъ кременчугскимъ поѣздомъ была привезена въ Полтаву тремя жандармами бывшая студ. мед. кур. А. Краснокутская, схваченая при переходѣ за границу въ Бѣльцахъ. Она уже годъ состояла подъ надзоромъ полиціи въ Кременчугѣ. Въ Бѣльцахъ же, какъ говорятъ, арестованы еще мущина и какая-то женщина.

Въ Москвѣ все еще тянется дознаніе объ убійствѣ Рейнштейна. Передаемъ нѣкоторыя подробности этого дѣла.

Какъ извѣстно, не смотря на самые тщательные поиски, московскіе жандармы не могли найти никакихъ слѣдовъ къ разъясненію убійства и были поставлены въ очень неловкое положеніе: Рейнштейнъ состоялъ агентомъ въ III Отд., имѣлъ сношенія прямо съ Петербургомъ и къ московскому жандармскому управленію, какъ говорятъ, никакого касательства не имѣлъ. Аресты по поводу его убійства производились по предписаніямъ изъ Петербурга, основаннымъ на прежнихъ его доносахъ, и московскіе жандармы ни знали ни того, въ чемъ должны обвинять арестованныхъ, ни того, о чемъ ихъ разспрашивать. Лица, арестованныя послѣ убійства (почти всѣ или давно высланныя, или освобожденныя): Люцерновъ, Маковъ, Викторовъ, Армфельдъ, Анземировъ, Малышевъ, Пругавинъ, Тверитиновъ, Громковская, Деревщиковъ. Архангельскій и Строевъ, обвинялись въ принадлежности къ Московскому Отдѣленію Исполнительнаго Комитета, отдѣленію, «на существованіе котораго хотя никакихъ указаній и не обнаружено, но которое тѣмъ не менѣе имѣло существовать въ будущемъ», какъ выразились жандармы. Слѣдователь по особо-важнымъ дѣламъ, Побѣдимовъ, по очереди обвинялъ въ убійствѣ почти всѣхъ арестантованныхъ. Сначала за убійцу былъ принятъ студ. техн. учил. Щепотьевъ, потомъ студ. Петров. Акад. Бѣлевскій, затѣмъ Деревщиковъ, Люцерновъ и т. д. При дознаніи, — какъ впрочемъ всегда въ политическихъ дѣлахъ, — не гнушались никакими средствами Напр., брату Бѣлевскаго, приходившему въ тюрьму на свиданіе, Побѣдимовъ говорилъ, что записка, найденная на трупѣ Рейнштейна, какъ удостовѣрили эксперты. писана рукой Бѣлевскаго, и чтобы спасти его отъ висѣлицы, онъ (братъ Бѣлевскаго) долженъ сообщить фамиліи другихъ участниковъ «преступ-

ленія». Но изъ этого вѣрноподданническаго усердія ничего не вышло.

Наконецъ работа дознанія была окончена и... безо всякихъ положительныхъ результатовъ. Такимъ исходомъ высшая администрація осталась очень недовольна, и изъ Петербурга былъ присланъ новый слѣдователь, Михаленко; но и онъ не могъ отыскать никакихъ аргументовъ для обвиненія хотя бы одного изъ арестованныхъ. Кромѣ означеныхъ выше были задержаны Фриденсонъ, Эфронъ, студ. унив. Кащенко, Гимельфордъ, Никольскій и студ. Петров. Акад. Ломони, но потомъ всѣ были освобождены, за полнѣйшимъ недостаткомъ уликъ; другіе разосланы административно; напр., предсѣдатель «имѣвшаго образоваться комитета», Маковъ, — въ Самару; его помощникъ Тверитиновъ — въ Мезень и «члены»: Бѣлевскій и Люцерновъ — въ Вологодскую губ.; Щепотьевъ — въ Мезень (?) и т. д. Остались въ заключаніи только двое, близко знакомые съ Рейнштейномъ: учитель Соколовъ, арестованный въ Твери, и рабочій Поповъ; но и относительно этихъ нѣтъ никакихъ данныхъ для подозрѣнія въ убійствѣ.

Въ Москвѣ, 29 сентября, былъ обыскъ у жены ротмистра Наталіи Владиміровны Назимовой и у кандидата правъ Желтоповскаго; у обоихъ ничего ни найдено. Въ Октябрѣ арестованы Малышевъ и Александра Ивановская.

Осень въ Петербургѣ всегда богата арестами; въ нынѣшнемъ году особенно много произошло ихъ послѣ выхода «Народной Воли»*).

---

*) Вотъ списокъ лицъ, фамиліи которыхъ удалось намъ узнать: Въ ночь съ 13 на 14 октября были обыски у слѣдующихъ лицъ: у Соломона Владиміровича Быховскаго (арестованъ), жены доктора Образцовой, студ. Мед.-Хирургической Академіи Николая Ивановича Воскресенскаго, прис. пов. Владиміра Жуковскаго (ничего не найдено), студ. Техн. инст. Лясковскаго, кончившаго курсъ Техн. инст. Вислоуха, студ. Горн. инст. Коршунова, студ.-ветеринара Шиловцева, рабочаго Врона, студентовъ Самойловича и Николая Семеновича Григоровича, литератора Н. К. Михайловскаго (хотя ничего не найдено, однако обязанъ подпиской о невыѣздѣ), литератора Песковскаго (обыскъ продолжался отъ 12 часовъ ночи до 10 утра; ничего не найдено), студ. Эсьмоновича (арестованъ, хотя ничего не найдено), студента Станкевича (арестованъ), студ. унив. Бѣльскаго (арестованъ, найдены запрещенныя книги), Александра Васильевича Яшина (арестованъ, при обыскѣ найдено много рукописей), студ. М. Х. А. Никандра Потулова, студ. унив. Щеглова, поч. гражданина

Въ концѣ октября, въ Петербургской Публичной Библіотекѣ арестованы два неизвѣстныхъ молодыхъ человѣка по доносу швейцара (говорятъ, формальный шпіонъ), который у одного изъ нихъ нашелъ въ карманѣ пальто (?) объявленіе объ изданіи «Чернаго Передѣла», а у другого № «Народной Воли».

Переплетчикъ Штейнъ, объ арестѣ котораго было сообщено въ № 1 «Народной Воли», оказался, по слухамъ, агентомъ секретнаго отдѣленія. Всю эту исторію объясняютъ такимъ образомъ. Чтобы отличиться въ глазахъ начальства, помощникъ начальника этого отдѣленія Василій Фурсовъ предложилъ Штейну устроить, за невозможностью типографіи, хоть литографію, для того, что бы потомъ донести на нее. Съ этой цѣлью Штейнъ, выдавъ себя за соціалиста, подговорилъ студента Кавскаго и другихъ написать прокламацію, досталъ литографскій камень и, когда все было готово, сдѣлалъ доносъ. Въ настоящее время Штейнъ давно па свободѣ, Кавскій же продолжаетъ сидѣть.

Изъ всѣхъ арестованныхъ въ продолженіе этого года въ Домѣ Предварительнаго Заключенія сидятъ 163 человѣка*).

А. П. Ласкаронскаго, студ. унив. Матвѣя Лютова, студ. унив. Н. П. Кондрашенкова, студ. пут. сообщ. Мозера, курсистокъ: Болдыревой и Спнегубъ.

*) Между прочимъ слѣдующіе: Виноградовъ, арестованъ въ январѣ по доносу Петра Николаева) вмѣстѣ съ Петромъ Анисимовымъ, Тимофеемъ Шыловымъ, Павломъ Герасимовымъ, Степаномъ Онуфріевымъ. Тимоф. Благодаровымъ, Ив. Коняевымъ, Мих. Штритманъ, Лукою Ивановымъ и др. Виноградова обвиняютъ въ пропагандѣ среди рабочихъ; при обыскѣ его найденъ кинжалъ. Николай Васильевъ, мастеръ Вас. островск. патроннаго зав., арестованъ 24 іюля; при немъ ничего не найдено. Епифанъ Панкѣевъ, студ. унив. матем. факультета, и К. Мамиконсонъ. студ. Горн. Института, арестованы 23 апрѣля; у нихъ найдены рукописи. Поповъ, обвинявшійся въ убійствѣ Рейнштейна; теперь обвиненіе это оставлено, дѣло передано Гуркѣ. Григорій Якобсонъ арестованъ 25 апрѣля на прусской границѣ. Ковальскій, Яковъ Игнатьевичъ, учитель военной гимназіи, арестованъ вторично 17 сентября. Григорьевъ, Влад. Никол., поручикъ артилеріи, арестованъ въ январѣ. Рудзевичъ, ст. унив., арестованъ въ сентябрѣ; у него найдено нѣсколько №№ «З. и В.» Эндауровъ, Алек. Мерк., долженъ былъ судиться въ процессѣ 193-хъ, но бѣжалъ въ Крымъ, гдѣ жилъ 3 года; онъ арестованъ тамъ въ мартѣ. Дѣло его у прокурора суд. пал., который сначала соглашался отпустить его на поруки за 5000 р., по потомъ отказался. Ник. Муравьевъ (онъ же Благовѣщенскій) арестованъ въ апрѣлѣ вторично, вмѣстѣ съ рабочими Тихоновымъ и Цѣпкановымъ. Веніаминъ

До начала сентября сидѣла тамъ и Обнорская, жена брата Виктора Обнорскаго, арестованнаго по доносу Рейнштейна. Продержавъ въ тюрьмѣ безъ всякой причины эту молодую женщину, больную и беременную, ее наконецъ выпустили за два дня до смерти. Во время родовъ она лишена была всякой медицинской помощи, и когда начальство увидало уже, что дѣло плохо, то пригласило какого то доктора изъ ближайшей части, который такъ искусно произвелъ операцію, что смерть сдѣлалась неизбѣжной. Не желая возиться съ умирающей, начальство отдало ее роднымъ; на другой день ея не стало.

Правительственныя преслѣдованія, обрушающіяся съ такой силой на жителей Европейской Россіи, даютъ чувствовать себя и въ далекой Азіи: общей участи не избѣгъ даже и Иркутскъ. Всѣхъ больше пострадали въ этомъ отношеніи члены мѣстной интеллигенціи, принимавшіе участіе въ изданіи мѣстной газеты «Сибирь»; почти всѣ сотрудники ея подверглись обыскамъ и допросамъ, а нѣкоторые поплатились и арестомъ. Поводомъ ко всему этому послужило знакомство ихъ съ политическими ссыльными, изъ которыхъ нѣкоторые помѣщали свои статьи въ мѣстной газетѣ. Замѣчательно, что знакомство съ политическими ссыльными поставлено было въ вину исключительно только тѣмъ изъ мѣстной интеллигенціи, которые своимъ участіемъ въ газетѣ и разоблаченіемъ мѣстныхъ безпорядковъ по управленію, особенно рѣзко сказавшихся послѣ пожаровъ, пришлись не по вкусу иркутской администраціи. И вотъ, чтобы зажать ротъ этимъ непрошеннымъ обличителямъ, которые осмѣлились даже посылать свои корреспонденціи въ столичныя газеты, начальство, недолго думая, обвинило ихъ въ сношеніяхъ съ политическими ссыльными и засадило въ острогъ, хотя само прекрасно понимало, что такое же обвиненіе съ тѣмъ же правомъ можно возвести на любого изъ иркутскихъ обывателей, такъ какъ трудно не столкнуться съ политическими ссыльными въ городѣ, переполненномъ ими.

Послѣ цѣлой вереницы безотрадныхъ фактовъ, составляющихъ предметъ нашей хроники, перейдемъ къ нѣкоторымъ отраднымъ явленіямъ, случившимся въ нашемъ мірѣ. Ны-

---

Шефферъ, студ.-мед.; Григорій Кондратовскій и Михаилъ Александровъ, ст.-мед., арестованы 24 іюня по дѣлу Мирскаго. Митрофановъ (?) и Алексѣевъ, студ. (?).

нѣшней осенью, какъ извѣстно, бѣжалъ изъ Виленской центральной тюрьмы офицеръ Ѳоминъ, содержавшійся тамъ за революціонную пропаганду въ арміи. Изъ ссылки также бѣжало нѣсколько человѣкъ, а именно: изъ Старой Русы— Геся Гельфманъ, осужденная по процессу 50-ти и просидѣвшая около четырехъ лѣтъ въ тюрьмѣ, въ томъ числѣ два года въ петербургскомъ рабочемъ домѣ. Изъ Пинеги (въ сентябрѣ) — Грачевскій, осужденный по двумъ процессамъ, Нечаевскому и 193-хъ, а потомъ высланный административно. Во время бѣгства изъ Пинеги, онъ былъ схваченъ дорогой и отправленъ въ Архангельскъ для высылки въ Восточную Сибирь; но, недоѣзжая нѣсколько верстъ до города, онъ выскочилъ изъ повозки и скрылся, на этотъ разъ удачно. Изъ Холмогоръ, въ сентябрѣ, бѣжалъ ссыльный Орловъ, но, подобно Грачевскому, былъ схваченъ въ дорогѣ и отправленъ въ Восточную Сибирь, черезъ Москву. Не доѣзжая верстъ 100 до Москвы, онъ выскочилъ изъ окна вагона на всемъ ходу поѣзда, воспользовавшись минутой, когда заснула его стража. Не смотря на всѣ поиски и неудобство арестантской одежды, которая могла выдать его, ему все таки удалось добраться до безапаснаго мѣста. Въ концѣ августа бѣжали ссыльные Кацъ и Преферанскій. Преферанскій, бѣжавъ изъ Пинеги, успѣлъ добраться до Сѣвернаго Ледовитаго океана. Воспользовавшись пустой лодкой, стоявшей на берегу, онъ сѣлъ въ нее и пустился въ открытый океанъ. Къ счастью, его встрѣтили норвежскіе рыбаки и доставили въ одинъ изъ норвежскихъ приморскихъ городовъ. Хватившись бѣглеца, русская администрація разослала телеграммы по всѣмъ норвежскимъ портамъ о задержаніи его. Преферанскій дѣйствительно было задержанъ норвежскимъ правительствомъ. Во время пребыванія его въ тюрьмѣ, съ нимъ обращались очень вѣжливо и обѣщали немедленно же освободить, какъ только будетъ доказано, что онъ не уголовный преступникъ. Въ этомъ смыслѣ былъ сдѣланъ запросъ архангельскому губернатору, который отвѣчалъ, что Преферанскій — «молодой человѣкъ, отлучившійся съ родины безъ разрѣшенія правительства»... Послѣ такого оригинальнаго, на норвежскій взглядъ, отвѣта, Преферанскій немедленно былъ освобожденъ и отправился сначала въ Лондонъ, а затѣмъ въ Парижъ.

ДѢЛО МИРСКАГО *)

Съ 15 по 17 ноября петербургскій военно-окружной судъ разсматривалъ дѣло Мирскаго. Обвинялись: Леонъ Мирскій (дворянинъ, 21 года), Тарховъ (прапорщикъ 5-ой резервной артил. бригады, 20 лѣтъ), Беклемишевъ (учитель, 26 лѣтъ), Левенсонъ (пот. поч. граж., 27 лѣтъ), Головинъ (29 лѣтъ), Семенская (жена суд. пристава С.-П.-Б. округа, 35 лѣтъ), Ольхинъ (прис. пов., 40 лѣтъ), Верещагинъ (студ. мед., 24 лѣтъ). Военно-окружной судъ засѣдалъ не въ обыкновенномъ своемъ мѣстѣ, на Мойкѣ, а въ зданіи присутственныхъ мѣстъ, на Литейной, куда ведетъ изъ Дома Предв. Закл. темный, почти подземный коридоръ: это гарантировало власти отъ демонстрацій и попытокъ, возможныхъ въ случаѣ провоза подсудимыхъ по улицамъ на Мойку.

Публика въ засѣданія допускалась исключительно по именнымъ билетамъ, которыхъ было 150. Есть основаніе думать, что нѣкоторая часть ихъ не роздана, по всей вѣроятности, съ цѣлью показать якобы безразличное отношеніе общества къ процессу. Женщинъ почему-то особенно не допускали. Публика, кромѣ неизбѣжныхъ «господъ въ статскомъ платьѣ», была самая «избранная»: статсъ-секретари, генералы, бароны такъ и блистали. Но даже и въ средѣ ихъ были овцы — высшіе сановники, имѣвшіе входъ со Шпалерной, черезъ тюрьму, и козлища — остальные смертные, допускавшіеся съ Литейной. Билеты строжайшимъ образомъ контролировались, и имена входившихъ записывались. Въ самой залѣ суда мѣста тоже были распредѣлены по рангамъ. Вообще, начальство много утруждало себя всякими «порядками».

Свидѣтелей было 100 человѣкъ: крестьяне, мѣщане, студенты даже, вообще всѣхъ сословій.

Обвинительный актъ представлялъ собою, по обыкновенію, собраніе всякихъ небылицъ, натяжекъ и т. п. Гг. прокуроры въ политическихъ дѣлахъ, очевидно, особенно плѣнились г-мъ Желиховскимъ и взяли его себѣ за образецъ. Г. Александровъ, товарищъ военнаго прокурора, въ обвинительномъ актѣ требовалъ смертной казни всѣхъ

*) Сообщаемъ здѣсь только нѣкоторыя добытыя нами свѣдѣнія. Болѣе подробный отчетъ, — если онъ не появится въ легальной прессѣ или будетъ ею искаженъ,—напечатаемъ въ слѣдующемъ №.

подсудимыхъ, тѣхъ самыхъ подсудимыхъ, шестеро изъ которыхъ признаны судомъ, по недоказанности обвиненія, невиновными.

Дѣло Мирскаго собственно извѣстно у насъ въ достаточной степени. Онъ стрѣлялъ 13-го марта настоящаго года въ шефа жандармовъ Дрентельна, но, къ сожалѣнію, промахнулся. Затѣмъ онъ скрылся и въ теченіе полугода избѣгалъ всѣхъ преслѣдованій, пока наконецъ не былъ арестованъ въ Таганрогѣ, по доносу бомбардира Щетинникова, ученика вышеупомянутаго Тархова, у котораго укрывался Мирскій. Разъ арестовавши Мирскаго, слѣдователи безъ труда могли нагрести кучку людей, знакомыхъ съ нимъ, которыхъ можно было обвинить въ его укрывательствѣ. Ипполитъ Головинъ, покрывшій себя давно уже невиданнымъ у насъ позоромъ, арестованный мимоходомъ и перетрусившій до отвращенія, оговорилъ со страху себя и другихъ людей, не имѣвшихъ съ Мирскимъ никакихъ дѣлъ, еле о немъ слыхавшихъ. Слѣдователи, по обыкновенію, свободные отъ необходимости разсуждать и шевелить мозгами и имѣющіе гораздо болѣе удобный способъ— забирать праваго и виноватаго и вымучивать у нихъ сознаніе тюремнымъ заключеніемъ,—воспользовались показаніями Головина для того, чтобы сочинить сообщество и укрывателей. Одна изъ этихъ несчастныхъ жертвъ судебнаго Молоха, суд. приставъ Семенскій, сошелъ съ ума, вслѣдствіе продолжительнаго одиночнаго заключенія, и потому на судъ не попалъ.

Самъ Мирскій во время слѣдствія, какъ и на судѣ, велъ себя вполнѣ безупречно. Никто не пострадалъ по его винѣ, ни одного компрометирующаго кого-нибудь слова не вырвалось у него.

Мы не станемъ слѣдить за судебнымъ разбирательствомъ и остановимся только на тѣхъ фактахъ, которые уже успѣли быть перетолкованы нашей милой прессой, или вовсе оставлены ею въ тѣни.

Мирскій держалъ себя вовсе не «съ естественною развязностью», а, напротивъ, вполнѣ по-джентельменски: вѣжливо, съ полнымъ спокойствіемъ и самообладаніемъ. Разъ только онъ не сдержался, именно по поводу Щетинникова.

Дѣло опять-же было совсѣмъ не такъ, какъ передаютъ наши газеты. Щетинниковъ, оказавшійся по даннымъ судебнаго слѣдствія, мерзавцемъ чистой крови, желавшимъ во

что-бы то ни стало выслужиться и получить денежную награду, обѣщанную за его «разоблаченія», разсказывалъ о томъ, что Мирскій проповѣдывалъ ему разныя возмутительныя идеи, предлагалъ ему взорвать Зимній Дворецъ, убить генералъ-губернатара и пр. Онъ договорился до того, что будто-бы Мирскій послалъ его въ іюлѣ съ секретными порученіями къ Левенсону, хотя тотъ былъ арестованъ еще въ мартѣ. Слушая все это вранье, Мирскій наконецъ спросилъ его: «Скажите, зачѣмъ же вы слушали эти возмутительныя рѣчи? сочувствовали вы имъ или имѣли какія нибудь другія цѣли?» — Я слушалъ собственно затѣмъ, чтобы обо всемъ доложить начальству, — отвѣчалъ Щетинниковъ. Мирскій не выдержалъ: «Подлый мерзавецъ!» вырвалось у него. Предсѣдатель остановилъ его замѣчаніемъ, что онъ будетъ выведенъ, если позволитъ себѣ такія выраженія. «Г. Предсѣдатель, отвѣчалъ Мирскій, я очень сожалѣю, что у меня вырвалось такое неделикатное восклицаніе, но согласитесь, что передъ такимъ человѣкомъ трудно сдержать негодованіе».

На основаніи показаній этого «подлаго мерзавца», не смотря на ихъ очевидную лживость, и былъ осужденъ Тарховъ.

Необходимо отмѣтить, впрочемъ, фактъ, — рѣдкій въ настоящее время. Судъ держалъ себя чрезвычайно прилично. Предсѣдатель не зажималъ ротъ подсудимымъ и велъ дѣло очень безпристрастно. Это особенно пріятно поражало послѣ тѣхъ неприличныхъ выходокъ и пріемовъ, которыми запятнали себя кіевскій, харьковскій и одесскій суды.

Обвиненіе противъ Мирскаго не требовало особыхъ доказательствъ: онъ самъ объявилъ, что стрѣлялъ въ Дрентельна. Противъ остальныхъ лицъ обвиненіе держалось главнымъ образомъ на показаніяхъ Дарьи Смысловой, ея брата и знаменитаго Ипполита Головина. Головинъ былъ вообще неподражаемъ. Нѣсколько разъ онъ принимался плакать и выть такъ пронзительно, что однажды до-смерти перепугалъ г-жу Семенскую и заставилъ закрыть засѣданіе. Упавши головой на балюстраду, онъ въ омерзительномъ ужасѣ ревѣлъ, приговаривая: «Мирскій, зачѣмъ вы меня погубили»! Это было отвратительное зрѣлище. Возвращаемся къ показаніямъ. Смыслова не подтвердила данныхъ на дознаніи показаній, такъ что обвиненіе торжественно провалилось.

Начались пренія сторонъ, У всѣхъ подсудимыхъ были защитники по назначенію. Мирскому назначили Скочилова. Обвинительная рѣчь отличалась такими-же свойствами, какъ и обвинительный актъ, т. е. вся состояла изъ натяжекъ и восклицаній; обвинитель очень усердно доказывалъ судьямъ, что онъ лично убѣжденъ въ принадлежности всѣхъ подсудимыхъ къ Соціально-Революціонной Партіи. Рѣчи защитниковъ не представляли ничего особеннаго. Ни одинъ изъ нихъ не умѣлъ или не хотѣлъ поставить вопросъ на надлежащую точку зрѣнія — революціонной борьбы.

Самъ Мирскій во все время суда заботился исключительно о томъ, чтобы предупредить послѣдствія легкомыслія господъ, производившихъ дознаніе. Онъ старался всячески доказать неосновательность обвиненія противъ лицъ, привлеченныхъ за участіе въ «сообществѣ» и укрывательствѣ; онъ всячески ободрялъ и успокаивалъ подсудимыхъ и вообще на всѣхъ произвелъ впечатлѣніе безукоризненно-честнаго и благороднаго человѣка. Въ своемъ послѣднемъ словѣ Мирскій сказалъ, что не имѣлъ въ виду непремѣнно убить Дрентельна, а желалъ лишь протестовать противъ насилія ; что вообще соціалисты принуждены въ настоящее время прибѣгать къ самозащитѣ противъ правительственнаго произвола, убивающаго сотнями лучшихъ представителей общества. Будучи народникомъ по убѣжденіямъ, самъ онъ, Мирскій, стремится, какъ и всѣ его товарищи, лишь осуществить требованія народа, и правительство само вызываетъ на борьбу и убійства, становясь непроницаемой стѣной поперегъ дороги народнымъ желаніямъ. Послѣ покушенія на жизнь Дрентельна, онъ, Мирскій, счелъ нужнымъ скрыться, потому-что имѣлъ въ виду свою обязанность: бороться и впредь съ врагами народа. Скрываясь, онъ естественно долженъ былъ прятаться за людей, которые по своему положенію не могли навлечь на себя подозрѣніе властей. Эти люди даже не знали, что онъ скрывается, не знали, что онъ сдѣлалъ и что думалъ дѣлать, и служили ему ширмами совершенно непреднамѣренно. «Я умру спокойно, заключилъ онъ свою рѣчь, когда увижу оправданными этихъ лицъ, которыя совершенно ни въ чемъ не виноваты».

Судъ вынесъ, какъ извѣстно, приговоръ, которымъ признаны виновными:

1) Мирскій — въ принадлежности къ соціально-револю-

ціонному сообществу, имѣющему цѣлью путемъ насильственныхъ мѣръ ниспровергнуть государственный общественный строй, въ покушеніи на жизнь шефа жандармовъ въ интересахъ той же партіи, въ вооруженномъ сопротивленіи должностнымъ лицамъ и въ составленіи подложнаго вида на жительство.

2) Тарховъ—въ участіи по составленію означеннаго подложнаго вида, съ завѣдомою цѣлью — дать возможность Мирскому укрыться отъ преслѣдованій правительства, зная притомъ, что онъ, Мирскій, покушался на жизнь шефа жандармовъ. По обвиненію же въ принадлежности къ революціонному сообществу считать Тархова оправданнымъ по суду.

За означенныя преступленія судъ постановилъ: обоихъ подсудимыхъ лишить всѣхъ правъ состоянія и перваго изъ нихъ, Мирскаго, подвергнуть смертной казни, а второго, Тархова, сослать въ рудники на 13 лѣтъ и 4 мѣсяца.

Остальныхъ подсудимыхъ: Беклемишева, Ольхина, Семенскую, Верещагина, Левенсона и Головина, обвинявшихся также въ принадлежности къ революціонному сообществу и въ укрывательствѣ Мирскаго, судъ, за недоказанностью преступленій, постановилъ считать по суду оправданными.

Мирскій встрѣтилъ приговоръ совершенно спокойно. Онъ выразилъ судьямъ свою благодарность за то, что они остались на столько безпристрастными, что оправдали очевидноневинныхъ людей, а за тѣмъ съ искреннимъ порывомъ бросился поздравлять самихъ оправданныхъ.

Какъ Мирскій, такъ и Тарховъ заявили суду желаніе подать кассаціонную жалобу.

Въ «Прав Вѣсти.» отъ 20-го ноября напечатано слѣдующее:

«С.-Петербургскій временный генералъ-губернаторъ, по разсмотрѣніи приговора о дворянинѣ Мирскомъ и отставномъ прапорщикѣ Тарховѣ, принимая во вниманіе несовершеннолѣтіе обоихъ преступниковъ и ихъ полное раскаяніе, изложенное въ поданныхъ ими прошеніяхъ, первымъ о помилованіи, а вторымъ о смягченіи наказанія, на основаніи Высочайше предоставленной ему власти, опредѣлилъ: Мирскаго и Тархова, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать: перваго — въ каторжныя работы въ рудникахъ безъ срока, а второго — въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ».

Намъ неизвѣстно, насколько справедливъ крайне невѣроятный фактъ, будто Мирскій просилъ помилованія. Въ слѣдующемъ № мы надѣемся разъяснить это обстоятельство.

МЕЛОЧИ

Администрація и наука. Государственная администрація, всесильная тамъ, гдѣ не получаетъ отпора, наложила свое veto на избраніе въ профессора г. Веселовскаго. Соискателемъ его на занятіе каѳедры явился нѣкій г. Владиславлевъ, получившій въ Совѣтѣ только три избирательныхъ шара; но Бекетовъ, не смотря на это, рекомендовалъ избрать все-таки послѣдняго, такъ какъ Веселовскаго все равно не утвердятъ и Владиславлевъ будетъ читать по назначенію. Совѣтъ противился. Отложили собраніе; но вопросъ скоро разрѣшится конечно, согласно желанію Бекетова — въ пользу Владиславлева. Съ чѣмъ и имѣемъ честь поздравить с.-петербургскій университетъ.

Все по старому. Въ университетъ пріѣзжалъ попечитель кн. Волконскій и пояснилъ профессорамъ, что новая инструкція исполняться не будетъ, «все будетъ по старому». Зачѣмъ же тратили деньги на ее выработку?

Поддержали авторитетъ. Недавно выпустили изъ тюрьмы Гурвича и другого арестованнаго студента и послали ихъ благодарить инспектора, который якобы хлопоталъ о нихъ. Но и на старуху бываетъ проруха, забыли предупредить его. Представляемъ воображенію читателя воспроизвести комичную сцену между благодарившими и ничего тутъ не понимающимъ инспекторомъ. Когда они явились по начальству за разъясненіями, имъ отвѣтили, что это было сдѣлано д л я п о д д е р ж а н і я а в т о р и т е т а у н и в е р с и т е т с к о й а д м и н и с т р а ц і и (sic!).

Къ свѣдѣнію несостоятельныхъ должниковъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ въ Гатчинѣ былъ арестованъ невиннѣйшій старичекъ-купецъ; ему пришлось, однако, просидѣть около трехъ мѣсяцевъ. Вся эта исторія стряслась надъ бѣднягой въ силу того, что другой купецъ, его должникъ, желая отсрочить уплату, донесъ о его неблагонадежности. Жандармерія, по обыкновенію, сочла этотъ доносъ совершенно достаточнымъ мотивомъ для ареста. По

разъясненіи обстоятельствъ дѣла, старика, конечно, выпустили; онъ жаловался, что понесъ убытку на 500 руб., потому-что у нихъ, въ Гатчинѣ, только и торговля, что лѣтомъ. Но, увы! подобными «недоразумѣніями» жандармы не смущаются. — «У насъ столько доносовъ, что нѣтъ возможности предварительно провѣрять ихъ справедливость», — оправдывался одинъ изъ рыцарей «метлы и песьей морды».

Итальянскіе и наши адвокаты. Въ Каліари вся наличная адвокатура, въ количествѣ 41 человѣка, рѣшила воздержаться отъ дѣятельности по своей профессіи до тѣхъ поръ, пока не получено будетъ удовлетворительнаго рѣшенія на жалобу ея, принесенную министру юстиціи три мѣсяца тому назадъ касательно нѣкоторыхъ произвольныхъ дѣйствій королевскаго прокурора и генеральнаго прокурора города Каліари.

Наши русскіе адвокаты ведутъ себя нѣсколько иначе. Ихъ безнаказанно выгоняютъ изъ залы засѣданій. Въ отвѣтъ на это, они сообщаютъ только о фактѣ въ періодической печати, причемъ утѣшаются, что начальство не очень злоупотребляетъ: бить — бьетъ, но все-таки не часто; съ открытія новыхъ судовъ случай въ Москвѣ съ прис. пов. Никольскимъ всего только пятый или шестой по счету. Ну, это бьютъ, положимъ, такъ-сказать въ розницу, но вѣдь для насъ не тайна, что скоро, очень скоро, вы получите ударъ всѣ оптомъ. Я имѣю въ виду разработку вопроса о судѣ присяжныхъ, порученную кандидату на судебныя должности, кончившему курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія, г. Нольде. Результатомъ этой разработки будетъ изъятіе присяжныхъ засѣдателей изъ тѣхъ дѣлъ, по которымъ послѣдовало личное сознаніе подсудимыхъ. Это бьетъ въ самое чувствительное мѣсто вашей дѣятельности, въ тотъ принципъ, которому вы посвятили свои силы, свою жизнь. Извѣстіе изъ Каліари подоспѣло какъ разъ во-время, чтобъ вы съумѣли послѣдовать этому примѣру итальянскихъ собратовъ по профессіи. Закрыть институтъ присяжныхъ повѣренныхъ правительство не рѣшится, изъ боязни скандала на весь міръ; если бы не было этого страха, оно давно закрыло бы высшія, среднія и низшія учебныя заведенія и прекратило бы всякую печать, оставивъ вмѣсто газетъ однѣ „Моск. Вѣд.“. Матеріальныхъ средствъ выдержать стачку у васъ не занимать стать. Итакъ у васъ самихъ въ рукахъ средства защитить неприкосновенность принципа, которому служите. 99 шансовъ изо 100, что вы выйдете изъ борьбы со щитомъ.

Эпизоотія. Одинъ изъ вассаловъ нашего Бобеша — вновь испеченный графъ Тотлебенъ заболѣлъ довольно оригинальнымъ психическимъ разстройствомъ. Оно состоитъ въ томъ, что генералъ забылъ всѣ слова отечественнаго языка и на всѣ обращенія къ нему твердитъ только фразу: «Въ 24 часа! въ 24 часа!» Замѣчательно, что болѣзнь эта нисколько не идетъ въ разрѣзъ съ современнымъ направленіемъ россійскаго правительства, и Тотлебенъ не только съ успѣхомъ правитъ всѣ дѣла, относящіяся до его поста, но даже, какъ говорятъ, въ высшихъ сферахъ радуются, что эта болѣзнь является заразительной. Она передается на довольно значительномъ разстояніи, при посредствѣ «приказовъ, отношеній, предписаній» и т. п. Такъ напр., еще очень недавно, въ одномъ изъ городовъ Тавриды, мѣстной полиціей было сдѣлано распоряженіе, чтобы одинъ изъ домовладѣльцевъ снесъ свой домъ (за ветхостью) въ 24 часа. Распоряженіе было сдѣлано въ субботу; въ воскресенье домовладѣлецъ не могъ найти рабочихъ, и потому приказаніе было исполнено только чрезъ три дня. За такое промедленіе представитель мѣстной полиціи наложилъ на него штрафъ въ 500 р. Несчастный обыватель внесъ его, но жаловался Тотлебену. Черезъ 24 часа пришла отъ генералъ-губернатора бумага на имя мѣстнаго начальника; послѣдній вызвалъ осмѣлившагося жаловаться и предложилъ ему въ 24 часа избрать мѣсто, куда его и вышлютъ черезъ 24 часа. Затѣмъ и пошло 24 часа, 24 часа, и съ тѣхъ поръ отъ бѣднаго провинціальнаго представителя административной власти кромѣ пресловутыхъ 24-хъ часовъ никто ничего не слыхалъ.

Происшествіе безъ названія. Редакторъ «Голоса» Андр. Алекс. Краевскій цѣломудренно отослалъ въ полицію полученный имъ № «Н. В.». Это былъ первый экземпляръ, попавшій въ руки администраціи.

Призъ за неблагонамѣренность. Князь Мещерскій вздумалъ увеличить серію своихъ художественныхъ произведеній новымъ романомъ: «Графъ Обезьяниновъ на новомъ мѣстѣ»; но крайнему разумѣнію Главнаго Управленія по дѣламъ печати романъ этотъ оказался неудобнымъ для выпуска въ свѣтъ и былъ изъятъ изъ обращенія. Князь, не долго думая, изобразилъ прошеніе на высочайшее имя о вознагражденіи его, князя, за убытки на сумму въ 30 т. руб. Этотъ призъ за неблагонамѣренность, какъ слышно, его сіятельству будетъ выданъ.

ОТВѢТЫ И ЗАЯВЛЕНІЯ

— Заказъ «Общества для содѣйствія революціонному движенію въ Россіи» исполненъ.

— Редакція «Народной Воли», равно какъ и «Петербургская Вольная Типографія», ни въ какія соглашенія съ газетой «Законность» не входили и даже не слыхали о ней.

— Редакціи легальныхъ газетъ мы покорнѣйше просимъ принять къ свѣдѣнію, что высылаемъ имъ «Н. В.» вовсе не для передачи въ полицію. Мы прекратимъ высылку тѣмъ изъ нихъ, которыя позволятъ себѣ сдѣлать это, такъ какъ не желаемъ лишній разъ краснѣть за имя русскаго.

— Считая своимъ долгомъ помѣщать объявленія всѣхъ революціонныхъ кружковъ и организацій, мы просимъ не выводить изъ этого никакихъ заключеній о нашей солидарности или несолидарности съ ними. Это просто — обязанность единственнаго свободнаго въ Россіи органа.

— Просимъ гг. корреспондентовъ и жертвователей выбирать себѣ какіе-нибудь псевдонимы, чтобы мы имѣли возможность извѣщать о полученіи корреспонденцій и денегъ.

— Авторъ статьи «Изъ деревни» ничего не могъ доставить въ настоящій №, потому что, какъ онъ извѣщаетъ, тема его при работѣ значительно расширилась противъ первоначальнаго плана, вслѣдствіе чего самая работа нѣсколько затянулась. Стало-быть — до слѣдующаго нумера.

— № 1 «Нар. Воли» весь распроданъ.

— Получено южно-русскимъ революціоннымъ кружкомъ отъ С. Х. за октябрь — 34 рубля.

— 67 руб. «изъ Студенческой кассы» были получены въ прошломъ году въ ред. «Земли и Воли», и только по забывчивости объ этомъ не было извѣщено своевременно.

— Въ редакціи «Народной Воли» получено: изъ Москвы за № 1 «Нар. В.» отъ Х — 100 руб.; отъ Т. изъ Москвы «въ помощь революціонерамъ, преслѣдуемымъ правительствомъ» — 150 р.; изъ Н. Д. К. — 40 р.; отъ химика — 8 р.; отъ Х—10 р.; отъ Х— 20 р.; отъ Х— 5 р.; черезъ М. Н. — 14 р.; отъ Н. Н. 50 р. отъ П—овъ для сидящихъ въ крѣпости 20 рублей.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

«Земля и Воля» № 4	25 коп.
„ „ № 5	25 „
Прибавленіе къ № 4 «З. и В.»	10 „
Листокъ «З. и В.» № 1	5 „
„ „ „ № 2—3	10 „
Записка м. ю. Палена (по новоду измѣненія подсудности дѣлъ о преступленіяхъ противъ должностныхъ лицъ). 1878 г. . .	5 „
Отчеты о засѣданіяхъ особ. прис. правит. сената по Большому процессу. 1878. (брошюрованные экземпляры)	3 руб.
Заживо-погребенные (къ русск. обществу отъ полит. каторжниковъ) 1878 г.	15 коп.
Докладъ коммиссіи совѣта С.-П.-Б. Унив. по поводу Записки орд. проф. А. С. Фаминцына. 1879 г. .	10 „
Рѣчь Петра Алексѣева. 1878 г. *)	5 „

КАРТОЧКИ: Соловьева, Осинскаго, Ивичевича Ив., Ивичевича Игн., Антонова, (псевд.), Мышкина. Виташевскаго, Субботиной и Чуаброва. Цѣна карточки 1р.; цѣна кабинетнаго портрета Соловьева 3 р.

Слѣдующія ПРОКЛАМАЦІИ, оставшіяся въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, желающіе получаютъ безплатно:

«Отъ ткачей Новой Бумагопрядильни къ рабочимъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ» (16 янв. 1879 г.), «Отъ рабочихъ фабрики Шау всѣмъ Петербургскимъ рабочимъ» (17 янв. 1879 г.), «Рабочимъ отъ Центральнаго Комитета Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ» (24 янв 1879 г.), «Къ обществу — письмо соц.-революціонера, взявшаго на себя казнь Крапоткина» (28 февр. 1879), «Казнь шпіона Рейнштейна» (1 марта 1879 г.) **).

Петербургская Вольная Типографія. 20 ноября 1879.

---

*) Изъ этихъ изданій у насъ не имѣется Листка З. и В. № 2—3 (а также 4-го), прибавленія къ № 4 З. и В. и отчетовъ о засѣданіяхъ по процессу 193-хъ. Остальныя имѣются. Убѣдительно просимъ недостающія изданія розыскать и прислать намъ. Ред. Сборника.

**) Просимъ доставить намъ всѣ эти изданія. Ред. Сборника.

НАРОДНАЯ ВОЛЯ

СОЦІАЛЬНО - РЕВОЛЮЦІОННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Годъ второй. — № 3 — 1 января 1880.

---

7 Декабря 1879 г., въ Одессѣ, повѣшены соціалисты-роволюціонеры Викторъ Алексѣевичъ МАЛИНКА, Левъ Осиповичъ МАЙДАНСКІЙ и Иванъ Васильевичъ ДРОБЯЗГИНЪ.

25 Декабря 1879 г.

Три новыхъ имени прибавилось къ длинному списку нашихъ мучениковъ. Не прошло еще 8 мѣсяцевъ бѣшенной реакціи, и уже 16 труповъ красуется на коронѣ Александра-Вѣшателя. Каторжанъ нынче уже не считаютъ и не думаютъ о нихъ; умирающихъ отъ медленнаго задушенія въ тюрьмахъ, отъ голоду и холоду въ сибирскихъ тундрахъ не берутъ въ разсчетъ. Ссылка — нынче уже даже не наказаніе, а выраженіе особенной снисходительности начальства. «Куда сосланъ?» спрашиваютъ теперь безъ малѣйшаго намѣренія иронизировать, слыша, что такой-то «оправданъ» по суду...

Да, мы сдѣлали большіе успѣхи!

Боже мой! какъ подумаешь, до чего мы были наивны такъ немного лѣтъ тому назадъ! «Впередъ» вносилъ въ свой «мартирологъ» такихъ людей, какъ Исаакъ Львовъ, имѣвшій неосторожность умереть въ крѣпости отъ скоротечной чахотки. Изъ за смерти Чернышева, котораго гуманное начальство выпустило издыхать «на волѣ», — сотни человѣкъ подняли такой страшный шумъ и на могилѣ замученаго

публично и торжественно клялись «жить и умереть для свободы и блага народа»... Гдѣ теперь эти клятвы? Куда онѣ дѣвались? Въ этой толпѣ были люди, передъ которыми открывалась блестящая «карьера» (очевидцы вспомнятъ это безъ труда), и они рисковали ею, не будучи въ состояніи сдержать честнаго порыва. Изъ-за того, что нѣсколько сотъ человѣкъ гнили по тюрьмамъ всего какихъ-нибудь 2 — 3 года, цвѣтъ нашей молодежи, очертя голову, пошелъ на Казанскую демонстрацію, а оттуда — на каторгу. Подлевскій умеръ даже не въ тюрьмѣ, а въ лазаретѣ; мы ходили его хоронить, силой брали гробъ, дрались на улицѣ съ полиціей, желавшей остановить процессію. А Боголюбовъ? Ну, что особеннаго съ нимъ произошло? Развѣ не бьютъ нынче, уже не говоримъ въ централкахъ, а посреди Петербурга, въ крѣпости, да и бьютъ такъ, что человѣкъ недѣлю не въ состояніи стать на ноги. Мы и ухомъ не ведемъ. А тогда? Чуть не произошла цѣлая революція. Весь Петербургъ волновался, и когда чистая душа Вѣры Засуличъ не вытерпѣла позора родины — вся Россія поголовно рукоплескала геройскому поступку. На защиту мстительницы явилась общественная совѣсть присяжныхъ, толпа, готовая идти въ рукопашную... Кто только не мечталъ хоть чѣмъ нибудь помочь Засуличъ. Незнакомые, встрѣчаясь на улицѣ, передавали другъ другу тровожные слухи о ея поимкѣ. Полицейскіе предлагали ей свои квартиры. Молодежь напрашивалась охранять ее съ оружіемъ въ рукахъ. О, времена наивности! Адвокаты гремѣли смѣлыми рѣчами, въ которыхъ «приковывали» правительство къ «позорному столбу» изъ-за того, что правительственные агенты безъ достаточно уважительныхъ причинъ арестовывали людей и слишкомъ долго держали ихъ въ тюрьмахъ. Знаменитый писатель благоговѣйно цѣловалъ карточки женщинъ «московскаго процесса». Родители, родственники и знакомые изъ-за тысячъ верстъ съѣзжались въ Петербургъ, осаждая тюрьмы и утруждая начальство самыми настойчивыми хлопотами. Они очень много позволяли себѣ, эти родители. «Я прежде любила и уважала царя, а теперь я его ненавижу и презираю!» — эта фраза, которую припомнятъ многіе изъ прокуроровъ окружнаго суда, прошла безнаказанно матери, отпустившей такую возмутительную фразу только изъ-за того, что ея сына услали на каторгу. Великое ли дѣло каторга!

Позволительно ли такъ выражаться въ настоящее время матери, даже еслибы перевѣшали всѣхъ ея сыновей и дочерей и ее самое на придачу? А общество? А молодежь? Лица высокопоставленныя, барыни, осыпанныя милостями судьбы, все свое время посвящали заботамъ объ алчущихъ, жаждущихъ и томящихся въ темницѣ. Графъ Паленъ вѣрно вспомнитъ одну изъ тѣхъ чистыхъ душъ, которая хотѣла на колѣняхъ просить у него «справедливости». Справедливости! О, наивныя времена! Сотни совершенно постороннихъ женщинъ, старыхъ и молодыхъ, учащихся и неучащихся, толпились въ прихожихъ и пріемныхъ тюремъ, добиваясь возможности чѣмъ-нибудь помочь «мученикамъ правды ради». Мужчины... мы помнимъ, какъ они ухитрялись на всѣ лады освобождать преслѣдуемыхъ: сколько на это шло ума, энергіи, денегъ; сколько людей за это сами поплатились свободой! По всему Петербургу, по всей Россіи пробивалось и кипѣло честное, святое чувство любви къ человѣку, любви къ свободѣ, самоотверженія и самопожертвованія. Состоянія жертвовались «на дѣло», послѣдніе гроши отдавались по подпискамъ на помощь заключеннымъ, на поддержаніе революціонной борьбы. Мы помнимъ одинъ домъ, населенный студентками и студентами, вѣчно оборванными и голодными, но бодрыми и честными; можно было пари держать, что во всемъ домѣ не сыщешь 10 рублей, и, однако, на первую стачку Новой Бумагопрядильни этотъ домъ въ одинъ вечеръ собралъ 115 руб.! Замѣчательное дѣло: совѣсть, сознаніе того, что честно и что подло, до того наполняли собою воздухъ, что даже сам правительственные агенты стыдились своей роли. Много дѣлалось возмутительно-гнуснаго и жестокаго, но люди, по крайней мѣрѣ, понимали собственную гнусность. Прокуроръ стыдился глядѣть своей жертвѣ въ глаза; смотритель тюрьмы положительно терялся передъ арестантомъ, ибо чувствовалъ себя палачемъ. Были тогда, конечно, субъекты, но имъ приходилось только мечтать: «Эхъ! не такъ надо подтянуть». Масса давила на нихъ и парализировала ихъ порывы.

А теперь? Поглядишь вокругъ себя — тошно становится. Ужъ именно:

Бывали хуже времена,
Но не было подлѣй.

Не было подлѣй, никогда еще не было. Революціонеры, какъ всегда, безстрашно и безъ оглядки идутъ на борьбу. Но гдѣ общественная поддержка? Человѣкъ за человѣкомъ всходятъ на эшафотъ, глухо раздаются подземные стоны замуравленныхъ въ крѣпостяхъ и централкахъ, тысячи человѣкъ безконечной вереницей тянутся въ Сибирь, Мезень, Колу, народъ въ землю вбивается, общество подтягивается чуть не на дыбы, студенчество приводится къ знаменателю Николаевскихъ временъ... не перечтешь всѣхъ прелестей. А кругомъ все молчитъ и ничего не ощущаетъ, кромѣ постыднаго трепета.

Описываетъ г. корреспондентъ казнь — задушеніе трехъ человѣкъ. Три разумныя существа, три живыя, честныя силы — сгибли, убиты; не забьются уже ихъ сердца ни любовью, ни негодованьемъ, не раздастся уже ихъ обличительное слово, и ихъ безсмертная мысль погрузилась въ страшное міровое ничто. Совершается ужасный, противоестественный актъ. Три трупа въ бѣлыхъ саванахъ тихо качаются на высотѣ... «Рѣдкій солнечный день привлекъ массу народа; массы каретъ окружали карэ войскъ» — заключаетъ свое повѣствованіе г. репортеръ.

Праздникъ каннбаловъ! Не было бы ни малѣйшаго диссонанса, еслибы керреспондентъ тутъ-же отрѣзалъ голову отъ трупа и, наполнивъ черепъ виномъ, торжественно провозгласилъ тостъ за здравіе государя императора, многомилостиваго Александра-Вѣшателя.

Свыклись. Притерпѣлись. Господа! Есть вещи, съ которыми свыкаться не позволительно. Если человѣкъ свыкся съ тасканіемъ изъ чужихъ кармановъ — онъ воръ. Если человѣкъ свыкся со стономъ и визгомъ умирающихъ подъ ножемъ — онъ звѣрь и баши-бузукъ. Нервы могутъ обтерпѣться, совѣсть — не можетъ и не должна. Сидѣлка и врачъ могутъ привыкнуть къ зрѣлищу человѣческихъ страданій, но развѣ отъ этого они смѣютъ позволить себѣ не заботиться о больныхъ. Что сказали бы мы о такомъ врачѣ, который бы на зовъ умирающаго отвѣтилъ: «я ужъ много видалъ такихъ, какъ ты, не стоитъ идти». Свыклись! Вы сперва уничтожьте звѣрскую тиранію, освободите народъ и себя отъ гнета, свяжите бѣшенное чудовище самодержавной реакціи, обезпечьте новое поколѣніе отъ заразы противочеловѣческаго презрѣнія къ жизни, чести, свободѣ, и

праву! Сдѣлайте это сперва, исполните свою обязанность, — а потомъ разсуждайте, свыклись вы или нѣтъ съ разной гадостью. До этого честный человѣкъ не можетъ даже заикнуться, что свыкся, не можетъ для того, чтобы не развращать другихъ неосторожнымъ признаніемъ.

Святыя тѣни мучениковъ за народное благо, за свободу, за правду! Во имя вашей дорогой жизни, во имя вашей преждевременной кончины, вашихъ страданій, вашихъ надеждъ и упованій, — обращаемся ко всѣмъ честнымъ русскимъ гражданамъ. Не празднымъ словомъ соболѣзнованія, не слезами и благословеніями, не безплодными проклятіями помянемъ вашу память. Мы обращаемся съ призывомъ къ борьбѣ, мы зовемъ васъ, русскіе граждане, къ безстрашной и безуступчивой борьбѣ за то, за что погибли наши мученики, наши общіе братья, наша общая гордость. Мы не могли спасти ихъ спасемъ другихъ, спасемъ нашу родину отъ возможности повторенія такой эпохи, такихъ фактовъ!

Нужно бороться, нужно дѣйствовать. Честный человѣкъ не имѣетъ права сидѣть, сложа руки, въ подобное время. По законамъ древности, каждый гражданинъ во время междоусобной войны обязанъ былъ стать активно на ту или другую сторону. И мы обязаны это сдѣлать. Всѣмъ очень хорошо извѣстно, что не сочувствіе къ вѣшателямъ, къ тираніи, къ мраку — держитъ Россію въ пассивномъ бездѣйствіи, а одна постыдная привычка рабства, повиновенія, отсутствія иниціативы и гражданскаго мужества. Сбросимъ же съ себя ветхаго человѣка, выйдемъ изъ нашего нравственнаго гроба и осуществимъ нашъ идеалъ правды.

Общественная реформа въ Россіи—это революція; при нашихъ государственныхъ порядкахъ — абсолютномъ деспотизмѣ, абсолютномъ отрицаніи правъ и воли народа — реформа можетъ имѣть характеръ только революціи. И это всякій очень хорошо понимаетъ. Вотъ почему наши революціонеры всегда пользовались всеобщимъ сочуствіемъ. Народъ и даже общество могутъ относиться враждебно лишь къ такому плану общественной реформы, который составляетъ деспотическую утопію, который насильственно навязывается народу. Мы, революціонеры, въ самыхъ утопическихъ своихъ планахъ, всегда обращались къ народу, какъ верховному распорядителю своихъ судебъ,

постоянно ставили его волю выше всѣхъ своихъ идеаловъ. Вотъ почему въ Россіи всякій, какихъ бы ни былъ человѣкъ убѣжденій, но если онъ могъ сколько-нибудь понимать и разсуждать, — непремѣнно намъ сочувствовалъ и сознавалъ, что мы можемъ принести народу только пользу. Противъ насъ были и есть только тѣ, кто сознательно и преднамѣренно стремился къ порабощенію народа. Въ настоящее время, при современной постановкѣ нашей задачи — мы болѣе, чѣмъ когда-либо, являемся безусловно и неоспоримо полезной общественной силой. Наше дѣло настоящаго момента — дѣло даже не партіонное, а обще-русское. Отсюда всеобщее сочуствіе, или, лучше сказать, одобреніе, которое никогда еще не было такъ широко, какъ теперь Но сочувствіе не должно быть пассивно. Революціонеры начали борьбу. Силы русскаго правительства, достаточныя для того, чтобы сокрушить цѣлыя государства, напрягаются до крайнихъ предѣловъ съ цѣлью задушить революціонное движеніе. Война начата не на жизнь, а на смерть, и какъ ни велика энергія и способность приспособляться къ борьбѣ, обнаруженныя партіей за всѣ послѣдніе годы — положеніе дѣлъ весьма серьезно. Каждый порядочный человѣкъ, имѣющій что-нибудь за душой, обязанъ подумать, что изъ этой ожесточенной схватки нѣтъ другого исхода: либо правительство сломитъ движеніе, либо революціонеры низвергнутъ правительство. Но для послѣдняго партіи необходима общая активная поддержка и обильный притокъ силъ, необходимо движеніе общее. А у насъ не только общество и народъ остаются праздными зрителями борьбы, но даже сами соціалисты часто склонны взваливать этотъ страшный поединокъ на плечи одного Исполнительнаго Комитета. Нормально ли такое положеніе вещей? Разуменъ ли такой способъ дѣйствій? Мы желали бы, чтобы вся соціальная партія и всѣ друзья свободы въ Россіи посмотрѣли на дѣло прямо, безъ прикрашиванія фактовъ, безъ всякаго самообольщенія. Положимъ — Исполнительный Комитетъ выдерживаетъ борьбу истинно героически и среди самыхъ отчаянныхъ усилій правительства успѣваетъ развертывать силы, которыхъ правительство не могло даже заподозрить. Но вѣдь и правительство не сидитъ, сложа руки. Повторяемъ — такое положеніе вещей не можетъ затянуться надолго: либо слетитъ правительство, либо будетъ раздавленъ Комитетъ, а затѣмъ

и вся партія. Мы представляемъ каждому подумать о послѣдствіяхъ такой побѣды, которой способствуетъ каждый, не противодѣйствующій активно правительству. Какой урокъ для деспотизма, какой прецедентъ на будущія времена? Значитъ, чуть только зашевелились, — объяви военное положеніе, перевѣшай нѣсколько десятковъ человѣкъ, и все будетъ тихо, спокойно. Значитъ — на требованіе земли отвѣчай картечью, на требованіе уменьшенія податей — усиленными порками, на требованіе свободы — закрытіемъ журналовъ, тюрьмами, казацкими нагайками; на требованіе контроля — назначай генералъ-губернаторовъ и лишній десятокъ тысячъ дворниковъ и урядниковъ. Вотъ будущее, которое готовитъ общество въ Россіи своимъ бездѣйствіемъ. Не мѣшало бы и соціалистамъ подумать: что съ ними будетъ, въ случаѣ успѣха правительства, и легко ли откажется превительство отъ такъ прекрасно испытаннаго средства, висѣлицы? Объ этомъ очень стоитъ подумать, и тогда у насъ вѣроятно не было бы многихъ крайне курьезныхъ фактовъ. Какъ, напр., понять такую вещь: въ кружокъ рабочихъ-соціалистовъ затесался шпіонъ; рабочіе жалуются на это; имъ говорятъ: «что же вы его не отправите на тотъ свѣтъ». — «Да мы уже доводили объ этомъ до Исполнительнаго Комитета». Замѣчательно! Какъ будто безъ Исполнительнаго Комитета нельзя расправиться со шпіономъ. Такой-же случай былъ съ кружкомъ студентовъ; тоже жаловались Комитету на шпіона, своего собственнаго члена, прося его уничтожить. Не можетъ русскій человѣкъ быть безъ начальства. А между тѣмъ, когда нужно помочь Исполнительному Комитету, каждый прячется въ свою норку. Приходитъ человѣку мысль устроить подписку на дѣло революціонной борьбы — поднимаются разсужденія: «Нужны ли эти гроши Комитету, у него довольно денегъ». Интересно знать, откуда бы взялись деньги, если бы всѣ такъ разсуждали. Существуетъ журналъ, и всѣ на словахъ заинтересованы его существованіемъ, а между тѣмъ вѣдь ни отъ кого не дождешься путныхъ корреспонденцій, замѣтокъ и т. п., распространять берутся съ трепетомъ душевнымъ. Затѣвается новый журналъ, люди съ убѣжденіемъ якобы, съ состояніемъ, не нарадуются, говорятъ о всеобщемъ сочувствіи, а между тѣмъ изъ-за нищенскаго недостатка средствъ проваливаются шрифты, проваливаются люди,

подвергается опасности все учрежденіе. Въ Московскомъ дѣлѣ 19 ноября недостатокъ средствъ заставляетъ закладывать домъ, что сопряжено съ его осмотромъ, а стало быть съ возможностью провала, и это изъ-за нѣсколькихъ сотъ рублей. Существуютъ тысячи ссыльныхъ, погибающихъ отъ нищеты, и на помощь имъ находятся лишь гроши, самая несчастная милостыня; изъ-за недостатка 5—6 руб. задерживаются побѣги, изъ-за отсутствія вольнаго человѣка, который бы далъ адресъ, свезъ письмо или паспортъ, люди по цѣлымъ годамъ сидятъ въ тундрахъ. А между тѣмъ, куда ни взглянешь, всюду толкутся сотни «радикаловъ», сочувствующихъ, ноющихъ, хандрящихъ, не знающихъ, куда дѣвать свои силы. А между тѣмъ, иной разъ одинъ кабинетъ какого нибудь «сочувствующаго» и «одобряющаго» стоитъ больше, чѣмъ побѣгъ сотни ссыльныхъ. Городскіе рабочіе не допросятся книгъ, связей съ интеллигенціей, крестьяне не имѣютъ понятія о своихъ «друзьяхъ» и «бойцахъ», а между тѣмъ сотни соціалистовъ-народниковъ упражняются въ обсужденіи разныхъ теорій и направленій и обиваютъ столичные тротуары, говоря безъ умолку о дѣятельности «въ народѣ»...

Фраза, «разговоръ» — вотъ что насъ заѣдаетъ. Пассивность — вотъ что насъ губитъ. Не такъ люди совершаютъ великія дѣла. Нужно бороться, не жалѣя себя. Нужно активно поддерживать тѣ учрежденія, которыми держится партія, да и самому не сидѣть, сложа руки. Масса революціонной работы можетъ быть исполнена даже единичными личностями, а тѣмъ болѣе молодыми кружками: пропаганда въ народѣ, помощь ссыльнымъ, освобожденіе ихъ, уничтоженіе мелкихъ шпіоновъ, сборъ денегъ, поддержка провинціальной учащейся молодежи, систематическое собираніе свѣдѣній для свободной прессы и пр., и пр. Все это и многое другое представляетъ обширное поле дѣятельности для молодыхъ силъ, достойное упражненіе и подготовленіе къ болѣе крупной революціонной работѣ, поле дѣятельности, на которомъ, двигая общее дѣло революціи, воспитываются, вырабатываются въ то же время молодые бойцы, готовые смѣнить старыхъ, выбывающихъ изъ строя. И только тогда, когда каждый возьмется за дѣло, ему доступное, когда активное содѣйствіе революціи будетъ составлять обязанность каждаго порядочнаго человѣка — мы могли бы съ увѣрен-

ностью сказать правительству: «вѣшай, сколько хочешь, а все же тебѣ не уйти отъ гибели». Только тогда наши мученики могли бы умирать съ сладкимъ сознаніемъ, что ихъ кровь можетъ быть послѣдней каплей,

Которая, канувъ горячимъ свинцомъ,
Народную совѣсть отъ дремы пробудитъ;
И, въ ужасѣ встрѣтясь съ роднымъ мертвецомъ,
Быть можетъ народная совѣсть сознаетъ,
Чему совершаться она допускаетъ.

19-го ноября произошло новое покушеніе на жизнь царя. По обыкновенію неожиданное, непредвидѣнное, по обыкновенію перепугавшее и обозлившее власти, оно почти до настоящаго времени не перестаетъ составлять главный предметъ городскихъ толковъ и газетнаго пустословія.

Было ли 19 ноября событіемъ дѣйствительно непредвидѣннымъ? Конечно, нѣтъ. Время, мѣсто, способъ дѣйствія — были и не могли не быть неизвѣстными. Но самаго событія ожидали рѣшительно всѣ. Александръ II, державшій подъ гласнымъ надзоромъ весь Крымъ, перемѣнявшій постоянно уже въ теченіе полугода свои маршруты и поѣзда самымъ неожиданнымъ образомъ (что безъ сомнѣнія и было причиною его спасенія) — очевидно ждалъ новаго покушенія. Въ обществѣ покушенія не ожидали только тѣ его подонки, которымъ хочется вѣрить въ подавленіе революціоннаго движенія. Сами революціонеры хорошо знали, что Исполнительный Комитетъ не можетъ оставить безъ возмездія кровавыя дѣянія правительства. Этого ожидали всѣ. Въ настоящее время прокламація Исполнительнаго Комитета, весьма недвусмысленно сулящая новую попытку, вѣроятно устранитъ окончательно всѣ недоразумѣнія, ибо ясно показываетъ, что смерть Александра II — дѣло рѣшенное и что вопросъ тутъ можетъ быть только во времени, въ способахъ, вообще, въ подробностяхъ.

Интересныя размышленія возбуждаютъ всѣ эти подробности. Мы видѣли и раньше три покушенія на жизнь царя. Во всѣхъ нихъ человѣкъ съ пистолетомъ въ рукахъ шелъ на повелителя милліоновъ, лицемъ къ лицу, безъ всякой на-

дежды на спасеніе, съ самыми незначительными шансами на успѣхъ. Не то мы видимъ 19 ноября. Дѣло, очевидно, было зрѣло обдумано и подготовлено. Значительная сумма денегъ, значительныя рабочія силы, основательныя техническія свѣдѣнія — бросаются въ глаза при самомъ бѣгломъ обзорѣ отчетовъ о происшествіи. Даже въ настоящій моментъ, когда событіе уже совершено, когда легче производить всевозможную критику, когда всѣ ошибки и недостатки легче увидѣть, — и теперь трудно вообразить себѣ планъ болѣе цѣлесообразный. Принимая во вниманіе тщательность отдѣлки всѣхъ деталей покушенія, невольно склоняешься къ мысли, что неудача произошла отъ какихъ нибудь совершенно особыхъ, независящихъ отъ исполнителей обстоятельствъ, а не отъ простого недосмотра. Прокламація Комитета повидимому подтверждаетъ эту догадку...

Это прогрессивное усовершенствованіе способовъ борьбы составляетъ чрезвычайно утѣшительный фактъ.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ «неокончившіе курса наукъ» безостановочно поражаютъ всѣхъ экспромтами знанія, умѣлости, изобрѣтательности. «Недоучки» создаютъ прекрасно поставленное типографское дѣло; «недоучки» создаютъ паспортную систему со всѣми тонкостями дѣлопроизводства; «недоучки» вводятъ у себя наилучшія системы вооруженія и пускаютъ въ ходъ послѣднія, новѣйшія научныя завоеванія въ области техники. Во всѣхъ фазисахъ борьбы революціонеры невольно напоминаютъ собою высшую культурную расу, мѣряющуюся силами съ многочисленными, но дикими ордами правительства. Знаніе и изобрѣтательность — несомнѣнно на сторонѣ «недоучекъ».

Съ другой стороны — у правительства постоянно хватаетъ ума и сообразительности ровно на столько, чтобы запирать конюшню, когда лошадь уже уведена. Купили революціонеры пролетку — правительство устанавливаетъ правила для извозчиковъ; отбили революціонеры на улицѣ одного-двухъ арестантовъ, убили двухъ-трехъ опричниковъ — создаются казачьи патрули, дворники; взорвали царскій поѣздъ — учреждается коммиссія для установленія желѣзно-дорожныхъ порядковъ и издается запрещеніе приготовлять и держать взрывчатыя вещества. Консервативные мудрецы думаютъ, что этакимъ манеромъ государство мало-по-малу замажетъ свои дыры и станетъ неуязвимымъ. Мы съ своей стороны

видимъ въ этомъ соотношеніи силъ, знанія, предпріимчивости и изобрѣтательности лучшее доказательство неизбѣжнаго пораженія правительства. Проявляя большую способность въ агитаціи, въ пониманіи пріемовъ политической борьбы, наконецъ, даже въ самой военной, такъ сказать, техникѣ,— наша революція безъ сомнѣнія сумѣетъ въ концѣ концовъ съорганизовать такую силу, о которую разобьется тысячелѣтній истуканъ деспотизма.

Ниже мы помѣщаемъ спеціальную статью по поводу газетныхъ толковъ о событіи. Не выражая собою общественнаго мнѣнія и очень мало настраивая его, эти газетныя маханія хвостикомъ, притворное негодованіе, лесть — не заслуживаютъ, собственно говоря, даже того, что бы на нихъ долго останавливаться. Гораздо важнѣе другое обстоятельство: настроеніе и дѣяніе правительства. Это дѣйствительно сила, и ее нельзя не принимать въ соображеніе. Были и еще будутъ висѣлицы. Говорятъ, есть пытки. Будутъ, конечно, высылки, сугубое всевластіе администраціи и пр. Правительство, безъ сомнѣнія, не разсчитываетъ сдаваться, и въ этомъ отношеніи совершенно право: революція до сихъ поръ еще не проявила такой силы, чтобы правительству были резоны капитулировать. Несомнѣнно, что 19 ноября, какъ и каждый новый фактъ революціонной борьбы, до поры до времени будутъ производить только новыя репрессаліи, новыя усилія со стороны правительства задушить движеніе. Къ этому мы должны готовиться. Вся нравственная сила, къ какой мы способны, должна быть развернута, все количество энергіи, которое мы способны выработать — должно быть приведено въ активное состояніе. Наше время — очень критическое время: революція и деспотизмъ все ближе сходятся лицомъ къ лицу, все ожесточеннѣе схватываются, все громче слышится съ обѣихъ сторонъ угрожающее: «либо мы, либо вы!» Враждующія арміи сошлись, аванпостныя стычки начались на всѣхъ пунктахъ. Отступить въ такой моментъ — значитъ быть разбитымъ. Въ такой моментъ нѣтъ мѣста для малодушія, эгоизма, желанія сохранить свою жизнь, нѣтъ мѣста даже для боязливыхъ сомнѣній черезъ чуръ «благоразумныхъ» людей.

ПРОГРАММА ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА *)

А.

По основнымъ своимъ убѣжденіямъ мы — соціалисты и народники. Мы убѣждены, что только на соціалистическихъ началахъ человѣчество можетъ воплотить въ своей жизни свободу, равенство, братство, обезпечить общее матеріальное благосостояніе и полное, всестороннее развитіе личности, а стало-быть и прогрессъ. Мы убѣждены, что только народная воля можетъ санкціонировать общественныя формы, что развитіе народа прочно только тогда, когда оно идетъ самостоятельно и свободно, когда каждая идея, имѣющая воплотиться въ жизнь, проходитъ предварительно черезъ сознаніе и волю народа. Народное благо и народная воля — два наши священнѣйшіе и неразрывно связанные принципы.

Б.

1) Вглядываясь въ обстановку, среди которой приходится жить и дѣйствовать народу, мы видимъ, что народъ находится въ состояніи полнаго рабства экономическаго и политическаго. Какъ рабочій — онъ трудится исключительно для прокормленія и содержанія паразитныхъ слоевъ; какъ гражданинъ — онъ лишенъ всякихъ правъ; вся русская дѣйствительность не только не соотвѣтствуетъ его волѣ, но онъ даже не смѣетъ ее высказывать и формулировать, онъ не имѣетъ возможности даже думать о томъ, что для него хорошо и что дурно, и самая мысль о какой-то волѣ народа считается преступленіемъ противъ существующаго порядка. Опутанный со всѣхъ сторонъ, народъ доводится до физическаго вырожденія, до отупѣлости, забитости, нищенства, — до рабства во всѣхъ отношеніяхъ.

2) Надъ закованнымъ въ цѣпи народомъ мы замѣчаемъ облегающіе его слои эксплуататоровъ, создаваемыхъ и защищаемыхъ государствомъ. Мы замѣчаемъ, что это государство составляетъ крупнѣйшую въ странѣ капиталистическую силу, что оно-же составляетъ единственнаго полити-

*) Заявляемъ полную свою солидарность съ этой программой. Ред.

ческаго притѣснителя народа, что благодаря ему только могутъ существовать мелкіе хищники. Мы видимъ, что этотъ государственно-буржуазный наростъ держится исключительно голымъ насиліемъ: своей военной, полицейской и чиновничьей организаціей, совершенно такъ же, какъ держались у насъ монголы Чингисъ-Хана. Мы видимъ совершенное отсутствіе народной санкціи этой произвольной и насильственной власти, которая силою вводитъ и удерживаетъ такіе государственные и экономическіе принципы и формы, которые не имѣютъ ничего общаго съ народными желаніями и идеалами.

3) Въ самомъ народѣ мы видимъ еще живыми, хотя всячески подавляемыми, его старые, традиціонные принципы: право народа на землю, общинное и мѣстное самоуправленіе, зачатки федеративнаго устройства, свобода совѣсти и слова. Эти принципы получили бы широкое развитіе и дали бы совершенно новое направленіе, въ народномъ духѣ, всей нашей исторіи, еслибы только народъ получилъ возможность жить и устраиваться такъ, какъ хочетъ, сообразно со своими собственными наклонностями.

В.

1) Поэтому мы полагаемъ, что, какъ соціалисты и народники, мы должны поставить своей ближайшей задачей — снять съ народа подавляющій его гнетъ современнаго государства, произвести политическій переворотъ съ цѣлью передачи власти народу. Этимъ переворотомъ мы достигнемъ: во 1-хъ, что развитіе народа отнынѣ будетъ идти самостоятельно, согласно его собственной волѣ и наклонностямъ; во 2-хъ, того, что въ нашей русской жизни будутъ признаны и поддержаны многіе чисто соціалистическіе принципы, общіе намъ и народу.

2) Мы полагаемъ, что н а р о д н а я в о л я была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительнымъ Собраніемъ, избраннымъ свободно, всеобщей подачей голосовъ, при инструкціяхъ отъ избирателей. Это, конечно, далеко не идеальная форма проявленія народной воли, но единственно въ настоящее время возможная на практикѣ, и мы считаемъ нужнымъ поэтому остановиться именно на ней.

3) Такимъ образомъ наша цѣль: отнять власть у существующаго правительства и передать ее Учредительному

Собранію, составленному, какъ сейчасъ сказано, которое должно пересмотрѣть всѣ наши государственныя и общественныя учрежденія и перестроить ихъ, согласно инструкціямъ своихъ избирателей.

Г.

Подчиняясь вполнѣ народной волѣ, мы тѣмъ не менѣе, какъ партія, сочтемъ долгомъ явиться передъ народомъ со своей программой. Ее мы будемъ пропагандировать до переворота, ее мы будемъ рекомендовать во время избирательной агитаціи, ее будемъ защищать въ Учредительномъ Собраніи. Эта програма слѣдующая:

1) постоянное народное представительство, составленное какъ выше сказано и имѣющее полную власть во всѣхъ общегосударственныхъ вопросахъ;

2) широкое областное самоуправленіе, обезпеченное выборностью всѣхъ должностей, самостоятельностью міра и экономической независимостью народа;

3) самостоятельность міра, какъ экономической и административной единицы;

4) принадлежность земли народу;

5) система мѣръ, имѣющихъ передать въ руки рабочихъ всѣ заводы и фабрики;

6) полная свобода совѣсти, слова, печати, сходокъ, ассоціацій и избирательной агитаціи;

7) всеобщее избирательное право, безъ сословныхъ и имущественныхъ ограниченій;

8) замѣна постоянной арміи территоріальной.

Мы будемъ проводить эту программу и полагаемъ, что въ ней всѣ пункты невозможны одинъ безъ другого и только въ совокупности обезпечиваютъ политическую и экономическую свободу народа и правильное его развитіе.

Д.

Въ виду изложенныхъ цѣлей, дѣятельность партіи располагается въ слѣдующихъ отдѣлахъ:

1) Дѣятельность пропагаторская и агитаціонная.

Пропаганда имѣетъ своей цѣлью популяризировать во всѣхъ слояхъ населенія идею демократическаго политическаго переворота, какъ средство соціальной реформы, а также популяризацію собственной программы партіи. Критика существующаго строя, изложеніе

и уясненіе способовъ переворота и общественной реформы составляютъ сущность пропаганды.

Агитація должна стремиться къ тому, чтобы со стороны народа и общества заявлялись въ наивозможно широкихъ размѣрахъ протестъ противъ существующаго порядка и требованіе реформъ въ духѣ партіи, особенно-же требованіе созыва Учредительнаго Собранія. Формами протеста могутъ быть сходки, демонстраціи, петиціи, тенденціозные адресы, отказъ отъ уплаты податей и пр.

2) дѣятельность разрушительная и террористическая.

Террористическая дѣятельность, состоящая въ уничтоженіи наиболѣе вредныхъ лицъ правительства, въ защитѣ партіи отъ шпіонства, въ наказаніи наиболѣе выдающихся случаевъ насилія и произвола со стороны правительства, администраціи и т. п.. — имѣетъ своей цѣлью подорвать обаяніе правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы противъ правительства, поднимать такимъ образомъ революціонный духъ народа и вѣру въ успѣхъ дѣла и, наконецъ, формировать годныя и привычныя къ бою силы.

3) Организація тайныхъ обществъ и сплоченіе ихъ вокругъ одного центра.

Организація мелкихъ тайныхъ обществъ со всевозможными революціонными цѣлями необходима какъ для исполненія многочисленныхъ функцій партіи, такъ и для политической выработки ея членовъ. Но эти мелкія организаціи, для болѣе стройнаго веденія дѣла, особенно же при организаціи переворота, необходимо должны группироваться вокругъ одного общаго центра на началахъ полнаго сліянія или федеральнаго союза.

4) Пріобрѣтеніе вліятельнаго положенія и связей въ администраціи, войскѣ, обществѣ и народѣ.

Для успѣшнаго исполненія всѣхъ функцій партіи въ высшей степени важно прочное положеніе въ различныхъ слояхъ населенія. По отношенію къ перевороту особенно важны администрація и войско. Не менѣе серьезное вниманіе партія должна обратить на народъ. Главная задача партіи въ народѣ — подготовить его содѣйствіе перевороту и возможность успѣшной борьбы на выборахъ послѣ переворота, борьбы, имѣющей цѣлью проведеніе чисто-народныхъ депутатовъ. Партія должна пріобрѣсти себѣ сознательныхъ сто-

ронниковъ въ наиболѣе выдающейся части крестьянства, должна подготовить себѣ активное содѣйствіе массъ въ наиболѣе важныхъ пунктахъ и среди наиболѣе воспріимчиваго населенія. Въ виду этого, каждый членъ партіи въ народѣ долженъ стремиться занять такое положеніе, чтобы имѣть возможность защищать крестьянскіе интересы, помогать ихъ нуждамъ, пріобрѣсти извѣстность честнаго и благожелательнаго крестьянству человѣка и поддерживать въ народѣ репутацію партіи, защищать ея идеи и цѣли.

5) Организація и совершеніе переворота.

Въ виду придавленности народа, въ виду того, что правительство частными усмиреніями можетъ очень надолго сдерживать общее революціонное движеніе, партія должна взять на себя починъ самого переворота, а не дожидаться того момента, когда народъ будетъ въ состояніи обойтись безъ нея. Что касается способовъ совершенія переворота....*)

6) Избирательная агитація при созваніи Учредительнаго Собранія.

Какимъ бы путемъ ни произошелъ переворотъ, — какъ результатъ самостоятельной революціи или при помощи заговора, — обязанность партіи — способствовать немедленному созыву Учредительнаго Собранія и передачи ему власти Временнаго Правительства, созданнаго революціей или заговоромъ. При избирательной агитаціи, партія должна всячески бороться противъ кандидатуры различныхъ кулаковъ и всѣми силами проводить чисто-мірскихъ людей **).

---

*) Эта часть 5-го пункта не подлежитъ опубликованію.

Отъ редакціи Сборника. Очень просимъ доставить намъ эту часть программы.

**) Эта программа Исполнительнаго Комитета была отпечатана затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ, въ которомъ прибавленъ пунктъ *Е.*, гласящій:

«Руководящіе принципы дѣйствій Исполнительнаго Комитета опредѣляются отношеніемъ лицъ и общественныхъ отношеній такимъ образомъ:

1) По отношенію къ правительству, какъ къ врагу, цѣль оправдываетъ средства, т. е. всякое средство, ведущее къ цѣли, мы считаемъ дозволительнымъ.

2) Всѣ оппозиціонные элементы, даже не вошедшіе съ нами въ союзъ, найдутъ въ насъ помощь и защиту.

3) Лица и общественныя группы, стоящія внѣ нашей борьбы съ правительствомъ, признаются нейтральными: ихъ личность и имущество — неприкосновенны.

ОТЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА

XII. 22 ноября 1879 г. Исполнительный Комитетъ опубликовалъ слѣдующую прокламацію:

19-го ноября сего года, подъ Москвою, на линіи Московско-Курской желѣзной дороги, по постановленію Исполнительнаго Комитета, произведено было покушеніе на жизнь Александра II посредствомъ взрыва царскаго поѣзда. Попытка не удалась. Причины ошибки и неудачи мы не находимъ удобнымъ публиковать въ настоящее время.

Мы увѣрены, что наши агенты и вся наша партія не будутъ обезкуражены неудачей, а почерпнутъ изъ настоящаго случая только новую опытность, урокъ осмотрительности, а вмѣстѣ съ тѣмъ новую увѣренность въ свои силы и въ возможность успѣшной борьбы.

Обращаясь ко всѣмъ честнымъ русскимъ гражданамъ, кому дорога свобода, кому святы народная воля и народные интересы, мы еще разъ выставляемъ на видъ, что Александръ II является олицетвореніемъ деспотизма лицемѣрнаго, трусливо-кровожаднаго и всерастлѣвающаго. Царствованіе Александра II съ начала до конца — ложь, гдѣ пресловутое освобожденіе крестьянъ кончается Маковскимъ циркуляромъ, а разныя правды, милости, и свободы — военной диктатурой и висѣлицами. Съ начала до конца оно посвящено упроченію враждебныхъ народу классовъ, уничтоженію всего, чѣмъ жилъ и хочетъ жить народъ. Никогда воля народа не попиралась болѣе пренебрежительно. Всѣми мѣрами, всѣми силами это царствованіе поддерживало каждаго, кто грабитъ и угнетаетъ народъ, и въ тоже время повсюду въ Россіи систематически искореняется все честное, преданное народу. Нѣтъ деревушки, которая не насчитывала бы нѣсколькихъ мучениковъ, сосланныхъ въ Сибирь за отстаиваніе мірскихъ интересовъ, за протестъ противъ администраціи и кулачества. Въ интеллигенціи —

---

4) Лица и общественныя группы, сознательно и дѣятельно помогающія правительству въ нашей съ нимъ борьбѣ, какъ вышедшія изъ нейтралитета, принимаются за врага. Подпись: «Исполнительный Комитетъ». 3-е изданіе программы отпечатано въ типографіи «Нар. Воли» 15 августа 1881 г. *Ред. Сборника.*

десятки тысячъ человѣкъ нескончаемой вереницей тянутся въ ссылку, въ Сибирь, на каторгу исключительно за служеніе народу, за духъ свободы, за болѣе высокій уровень гражданскаго развитія. Этотъ гибельный процессъ истребленія всѣхъ независимыхъ гражданскихъ элементовъ упрощается, наконецъ, до висѣлицы. Александръ II — главный представитель узурпаціи народнаго самодержавія, главный столпъ реакціи, главный виновникъ судебныхъ убійствъ; 14 казней тяготѣютъ на его совѣсти, сотни замученныхъ и тысячи страдальцевъ вопіютъ объ отмщеніи. Онъ заслуживаетъ смертной казни за всю кровь, имъ пролитую, за всѣ муки, имъ созданныя.

Онъ заслуживаетъ смертной казни. Но не съ нимъ однимъ мы имѣемъ дѣло. Наша цѣль — народная воля, народное благо. Наша задача освободить народъ и сдѣлать его верховнымъ распорядителемъ своихъ судебъ. Если бъ Александръ II созналъ, какое страшное зло онъ причиняетъ Россіи, какъ несправедливо и преступно созданное имъ угнетеніе, и, отказавшись отъ власти, передалъ ее Всенародному Учредительному Собранію, избранному свободно, посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, снабженному инструкціями избирателей, — тогда только мы оставили бы въ покоѣ Александра II и простили бы ему всѣ его преступленія.

А до тѣхъ поръ — борьба! борьба непримиримая! пока въ насъ есть хоть капля крови, пока на развалинахъ самодержавнаго деспотизма не разовьется знамя народной свободы, пока народная воля не сдѣлается закономъ русской жизни!

Мы обращаемся ко всѣмъ русскимъ гражданамъ съ просьбой поддержать нашу партію въ этой борьбѣ. Нелегко выдержать напоръ всѣхъ силъ правительства. Неудачная попытка 19-го ноября представляетъ небольшой образчикъ тѣхъ трудностей, съ которыми сопряжены даже отдѣльные, сравнительно незначительные эпизоды борьбы. Для того, чтобы сломить деспотизмъ и возвратить народу его права и власть, намъ нужна общая поддержка. Мы требуемъ и ждемъ ее отъ Россіи.

Исполнительный Комитетъ, 23 ноября 1879 г.

XIII. Исполнительный Комитетъ извѣщаетъ, что слѣдующія лица состоятъ шпіонами III Отдѣленія:

1) ЕРМОЛИНСКІЙ, Василій Владиміровичъ, лѣтъ около 30-ти, роста ниже средняго, лицо полное, волосы темные. Вращается между молодежью, для знакомствъ съ которой завелъ слесарную мастерскую за Нарвской заставой. Старается слыть филантропомъ и защитникомъ интересовъ рабочаго люда. Недавно публиковалъ въ газетахъ о своемъ участіи въ дѣлѣ 60-ти рабочихъ — каменьщиковъ, обиженныхъ хозяиномъ. Указывалъ свой адресъ: Литейная, 55.

2) ХОЛОДОВСКІЙ, Михаилъ Ефимовичъ, лѣтъ 38, роста средняго, лицо худощавое, красноватое, скулы выдающіяся, носъ неправильной формы, вздернутый, волосы, усы и окладистая борода темные, носитъ золотыя очки, на лицѣ замѣтны слѣды нетрезвой жизни. Дѣйствуетъ среди молодежи. Жена его, слушательница Надеждинскихъ акушерскихъ курсовъ, молодая, довольно красивая женщина, тоже шпіонка.

3) ШВЕЦОВЪ, Василій Афанасьевичъ, крестьянинъ Вятской губ., женатъ; лѣтъ 35-ти, ростъ средній, сложеніе коренастое, брюнетъ съ окладистой бородой, глаза черные, смотритъ изъ подлобья, носъ толстый, стрижется въ кружокъ, лицо рябое, столяръ, одѣвается, какъ рабочій, вращается среди Васильеостровскихъ рабочихъ и въ студенческихъ землячествахъ. Уже выдалъ очень многихъ своихъ знакомыхъ. Въ настоящее время арестованъ.

4)БѢЛАНОВЪ (онъ же Андреевъ), Кирилъ Ивановичъ, крестьянинъ, жилъ на Кронверскомъ пр., 43, 10. Примѣты его: средняго роста, коренастый, плотный, широкоплечій, волосъ черный, бакенбарды чисто выбриты, лицо широкое, скулистое, смуглое, похожъ на мастерового, одѣвается иногда рабочимъ, иногда интеллигентнымъ, 35 лѣтъ; особая примѣта: на ходу, прихрамывая, налегаетъ на правую ногу. Дѣйствуетъ среди молодежи и рабочихъ. Осенью 1879 года былъ въ Харьковѣ, жилъ на Сабуровой дачѣ, вращался среди молодежи (фельдшеровъ и фельдшерицъ), выдавая себя за нелегальнаго крестьянина, бѣжавшаго отъ преслѣдованія правительства; въ 1877 г. по его указанію былъ арестованъ Прѣсняковъ; онъ же, Бѣлановъ, вмѣстѣ съ убитымъ шпіономъ Шиританкинымъ (Финогеновымъ), выдалъ въ то время цѣлый кружокъ соціалистовъ, около 10 человѣкъ.

5) ВОРОНОВИЧЪ, бывшій судебный слѣдователь Звенигородскаго уѣзда. Лѣтъ 35-ти, блондинъ, зачесываетъ волосы назадъ безъ пробора, бородка и усы нѣсколько темнѣе волосъ (иногда брееть подбородокъ), ростъ высокій, тѣлосложеніе тучное, животъ отвислый, лицо круглое, обрюзгшее, носящее слѣды не трезвой жизни, глаза сѣрые. Дѣйствуетъ среди эмигрантовъ, живетъ въ Парижѣ, выдалъ Лопатина при поѣздкѣ его въ Россію, въ мартѣ 1879 г. Въ настоящее время Вороновичъ находится въ Петербургѣ.

Исполнительный Комитетъ, 26 декабря 1879 г.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПИСЬМА СОЦІАЛИСТА

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Мнѣ не разъ случалось бывать въ обществѣ русскихъ эмигрантовъ и просто наѣзжихъ изъ Россіи людей крайнихъ мнѣній, слушать типическіе длинные русскіе разговоры, то восторженные, то мучительно-тоскливые, и самому принимать въ нихъ участіе. Но одинъ разговоръ особенно врѣзался мнѣ въ память. Среди горячаго спора, одинъ наѣзжій изъ Россіи замѣтилъ своему оппоненту, эмигранту: „Вамъ хорошо разсуждать, когда вы три года высидѣли въ тюрьмѣ, какъ птица небесная; вѣдь вы на счетъ народа сидѣли!“ Оппонентъ отвѣтилъ натянутымъ смѣхомъ. Я очень оцѣнилъ эту выходку и этотъ натянутый смѣхъ. Ни одному европейскому революціонеру не придетъ въ голову такая утонченно-самообличительная мысль. Рѣшительный или не рѣшительный въ жизни, онъ твердъ въ мысли о безусловной правотѣ своего дѣла. Русскій же революціонеръ, пройдя съ невѣроятнымъ самоотверженіемъ весь крестный путь лишеній, оскорбленій, страданій, на который обреченъ свободный человѣкъ въ Россіи, можетъ наканунѣ повѣшенія призадуматься: имѣю ли я право, хотя бы въ предсмертныхъ судорогахъ, висѣть на этомъ кускѣ дерева, составляющаго народное достояніе? Не ограбилъ ли я народъ на это сосновое бревно съ перекладиной и на ту долю труда, которая въ него положена?

Я далекъ отъ намѣренія представлять въ смѣшномъ видѣ

характерную симпатичную черту русской революціи. Напротивъ, я думалъ о ней съ глубокимъ умиленіемъ. Она свидѣтельствуетъ о такой глубокой чистотѣ, передъ которой меркнутъ всѣ уличенія въ безнравственности. Но я посвящу особое письмо этой чистотѣ и вопросу о томъ, что дѣлаютъ съ ней дѣти мрака и злобы, люди безъ головы, съ мохнатымъ сердцемъ, заправляющіе судьбами родины. Теперь я хочу обратить ваше вниманіе на нѣкоторыя прискорбныя послѣдствія характернаго раздумья русской революціи.

Имѣю ли я право что нибудь знать, когда народъ пресмыкается во мракѣ невѣжества? Имѣю ли я право кричать отъ боли, отдавать наносимые мнѣ удары, желать себѣ простора, когда побои терпитъ и народъ? Мнѣ часто случалось уловлять эти и подобные вопросы не только въ мысляхъ, но и въ словахъ, даже въ дѣйствіяхъ русскихъ революціонеровъ. Святые вопросы! Но, при данныхъ обстоятельствахъ, они обращаются на практикѣ въ источникъ противорѣчій, недоразумѣній, нерѣшительности, потери времени и силъ. Мучительные вопросы, какъ говорятъ французы, вставляютъ палки въ колеса, мѣшаютъ отдаться призыву жизни и свободы, мѣшаютъ наконецъ даже назвать настоящимъ именемъ собственную дѣятельность и вести ее твердо, сознательно, систематично. Я живо помню свои разговоры съ русскими революціонерами по поводу политическихъ убійствъ, разговоры, основаніе которыхъ европейскій революціонеръ-соціалистъ даже понять не можетъ. Я не способенъ хладнокровно убить человѣка и никогда не считалъ себя въ правѣ учить другихъ, кого и какъ слѣдуетъ убивать. Но, отвлекаясь отъ личныхъ свойствъ и смотря на дѣло исключительно съ логической стороны, я добивался знать, какой практическій смыслъ имѣютъ убійство Мезенцева, Гейкинга и пр. Среди различныхъ полученныхъ мною предположеній и объясненій были такія. Русская революція, говорили мнѣ, имѣетъ исключительно соціальный характеръ, мы не хотимъ конституціи. она только наложитъ новое ярмо на народъ, а потому мы уклоняемся отъ политической борьбы; убійства же имѣютъ просто характеръ самозащиты: намъ мѣшаютъ шпіоны — и мы ихъ устраняемъ, насъ тѣснятъ Мезенцевы — и мы платимъ кровью за кровь. Я возражалъ: вы просто путаетесь въ словахъ и боитесь собственной мысли. Что же такое ваша самоза-

щита, какъ не политическая борьба? Вы не хотите ея, васъ вынуждаютъ на нее обстоятельства, но такъ было всегда и вездѣ. Въ этомъ отношеніи вы не составляете чего-нибудь безпримѣрнаго въ исторіи. Всегда и вездѣ люди выходили на арену политической борьбы потому, что данная политическая организація стѣсняла ихъ свободную дѣятельность. Съ вами происходитъ то же самое, съ тою разницей, что, за неимѣніемъ мало-мальски свободнаго пространства для открытой борьбы, вы вынуждены прибѣгать къ тайнымъ политическимъ убійствамъ. Но и убійства эти — не новость въ исторіи, и нѣтъ въ нихъ ничего спеціально-соціалистическаго. Это просто особый родъ политической борьбы, къ которому прибѣгаютъ и аристократы, и клерикалы, и либералы, и просто интриганы: Равальяки, Анкарстремы, Шарлотты Корде, Лувели, русскіе сіятельные убійцы Петра III и Павла, чьи столь-же сіятельные и столь-же подлые потомки содрогаются мохнатыми сердцами, вспоминая чистый образъ Засуличъ, которой было «тяжело поднять руку на человѣка», и неизвѣстныхъ убійцъ Мезенцева, Кропоткина и пр. Нѣтъ, ваши убійства не заключаютъ въ себѣ ничего соціалистическаго. Это актъ чисто политической борьбы. Вы поневолѣ повинуетесь требованіямъ жизни, но все-таки упираетесь, прячетесь отъ самихъ себя, не доводите свою собственную мысль до логическаго конца, не обращаете ея въ систему, — а противъ васъ стоитъ цѣлая система. Не такія ничтожества, какъ Гейкингъ или Кропоткинъ мѣшаютъ вашей дѣятельности, а весь русскій политическій строй въ цѣломъ и во всѣхъ подробностяхъ. Онъ, какъ страшный желѣзный молотъ, давитъ въ Россіи все, кромѣ буржуазіи, которую вы считаете своимъ единственнымъ врагомъ. Повѣрьте, что ни одинъ волосъ не падетъ съ головы этой буржуазіи безъ кроваваго отомщенія со стороны русскаго самодержавія. По манію царя, государство станетъ на защиту вашихъ враговъ, «стальной щетиною сверкая», и что тутъ значатъ Гейкингъ, Кропоткинъ, когда любой московскій мясникъ можетъ ихъ замѣнить во всякую данную минуту? Нѣтъ, не Гейкингъ и Кропоткинъ должны быть убиты, а идея самодержавія *). Она

*) Мы не вполнѣ понимаемъ взглядъ автора на политическія убійства. Во всякомъ случаѣ не беремъ отвѣтственности за его мнѣнія.
Ред.

должна быть вырвана съ корнемъ изъ жизни и изъ сердца народа, долготерпѣливаго, темнаго, все еще ждущаго чего-то отъ царя. Народъ! Развѣ во имя народа убиты Мезенцевъ, Гейкингъ? Нѣтъ, это ваше личное дѣло, личная полемика при помощи кинжаловъ и револьверовъ. Для народа эти презрѣнные люди только вѣрные слуги полумифическаго царя, отъ которыхъ непосредственно народъ никогда зла не ощущалъ. Другое дѣло Маковъ, на понятномъ народу языкѣ земельнаго вопроса заявившій, со смѣлостью глупца, что онъ врагъ народа. Другое дѣло становой, высѣкающій изъ мужицкаго тѣла недоимку, какъ огонь изъ кремня, и всякій близкій осязательный притѣснитель и обидчикъ. Такихъ убійствъ не слыхать однако. Вы не ищете опоры ни въ народѣ, ни въ какомъ другомъ общественномъ элементѣ, потому что не хотите политической борьбы; вы довольствуетесь «самозащитой», т. е. политической-же борьбой, но отрывочной, безсистемной, несознанной...

Такъ приблизительно говорилъ я съ нашими революціонерами много времени тому назадъ (здѣсь я только примѣръ Макова прибавилъ). Опоздали ли эти разсужденія или еще на что-нибудь годятся — судить не берусь. Повторяю, я не убійца и не подстрекатель на убійства. Лично мнѣ политическая борьба представляется въ совсѣмъ иныхъ формахъ. Я только логически развиваю положеніе людей, берущихся за кинжалъ и револьверъ, и вижу, что они не могутъ довести собственную мысль до конца изъ-за предразсудка относительно политической свободы. Чего добраго, систематическая политическая борьба, опирающаяся на тотъ или другой общественный элементъ, или даже на всѣ недовольные элементы, поведетъ къ политическому перевороту, къ «конституціи»! Вотъ «жупелъ», отъ котораго бѣжитъ русскій революціонеръ!

Я вижу тебя, моя несчастная родина! Бѣлая пелена снѣга лежитъ на твоихъ поляхъ и лугахъ. Ледъ сковалъ твои рѣки, пруды и озера. Еловыя вѣтви гнутся подъ тяжестью снѣжной сѣдины. Каждая береза обвита бѣлымъ саваномъ. Глухо. Мертво... Но вотъ начинаетъ теплиться жизнь. Это — русская революція. Ярче, ярче разгорается ея благодатный огонь, кругомъ оттаиваетъ саванъ снѣга и... обманъ! Эти люди умѣютъ умирать и не хотятъ жить.

Они говорятъ, что не имѣютъ права жить, потому что,

завоевывая себѣ жизнь путемъ систематической политической борьбы, они должны будутъ подать руку либераламъ и помочь имъ наложить новое ярмо на народъ. Они не видятъ, что сила обстоятельствъ все-равно роковымъ образомъ влечетъ ихъ къ политической борьбѣ и что вопросъ только въ томъ, вести ли ее урывками, безъ системы, лично за себя и для себя, или за всю родину и для всей родины. Они такъ свыклись съ Пинегой и Якутскомъ, съ этимъ мертвымъ царствомъ льдовъ, снѣговъ, мрака, холода, что имъ, конечно, чуждъ народный стонъ, выразившійся въ поговоркѣ: «гирши, та инши». «Уже испекся!» говорилъ христіанскій мученикъ, которому поджарили одинъ бокъ на сковородѣ: онъ хотѣлъ, чтобы его повернули на другой бокъ, чтобы наболѣвшій бокъ отдохнулъ, хотя цѣною новой боли. Это голоса жизни. И почему «гирши», если «инши»? Я старался показать въ первомъ письмѣ, постараюсь показать въ будущихъ, что и безъ конституціоннаго режима народъ отданъ самодержавіемъ во власть самой необузданной системы приватнаго хищничества, въ придачу къ хищничеству государственному. Народу «гирши» быть не можетъ. Вамъ тоже: дальше Сахалина нѣтъ русскихъ владѣній, выше висѣлицы вздернуть никого нельзя!

Союзъ съ либералами тоже не страшенъ, если вы вступите въ него честно и безъ лицемѣрія объявите имъ свой святой девизъ: «Земля и Воля». Они къ вамъ пристанутъ, а не вы къ нимъ. Въ практической борьбѣ безумно не пользоваться выгодами союзовъ, хотя бы случайныхъ и временныхъ. И признаюсь вамъ: я думаю, что многіе либералы гораздо къ вамъ ближе, чѣмъ вамъ кажется. Они были бы еще ближе, если бы ясно понимали особенности условій русской жизни. Меня спрашиваютъ: какъ можетъ быть положенъ или не положенъ въ основу грядущей русской конституціи циркуляръ Макова, вовсе не затрогивающій вопроса о политическихъ формахъ? Отвѣчаю: косвенно онъ можетъ быть положенъ или не положенъ въ основу конституціи организаціей избирательнаго права, непосредственно же онъ можетъ быть на вѣки изгнанъ, чтобы и память о немъ погибла, «акп Обры, ихже нѣсть племени ни наслѣдка», установленіемъ основного государственнаго закона въ родѣ американскаго Homstead Law, только въ болѣе опредѣленной, послѣдовательной формѣ. Америка, страна колоссаль-

ной наживы, не убоялась ввести у себя, хотя отчасти, принципъ принадлежности земли земледѣльцу. Тѣмъ легче будетъ утвердить этотъ принципъ у насъ, гдѣ онъ и безъ того живетъ не только въ душѣ народа, но и въ сознаніи каждаго порядочнаго интеллигентнаго человѣка. Если царь осуществитъ этотъ народный идеалъ, дѣло русской свободы, а можетъ быть и европейской, отодвинется на многіе годы. Съ такимъ царемъ народъ пойдетъ на край свѣта и, въ случаѣ надобности, зальетъ кровью всю Европу. Но царь этого не сдѣлаетъ — онъ не мужицкій царь, а солдатско-кулацкій. Однако долго народъ не извѣрится въ царя. Станемъ же на его мѣсто, предоставимъ народу землю, и тогда на вѣки сотрется позорное клеймо раба со лба русскаго человѣка. Никакой царь не сломитъ воли, основанной на благоденствіи народа. Неужели же наша интеллигенція упуститъ этотъ единственный историческій моментъ и призоветъ на себя печать Каина, который убилъ своего родного брата, но и самъ изнылъ отъ позора? Я убѣжденъ, что словами «Земля и Воля» исчерпывается для нашей интеллигенціи единственно-возможная программа и что внѣ ея интеллигенція осуждена на роль вѣчнаго политическаго недоноска. C'est la fatalité.

Объ этомъ подробно въ слѣдующемъ письмѣ.

Гроньяръ.

Женева, 9 декабря (27 ноября) 1879 г.

ПИСЬМО
ОДНОГО ИЗЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ СОЦІАЛИСТОВЪ *)

Женева, 6 декабря (н. с.) 1879.

Пусть васъ поносятъ, осуждаютъ, запираютъ въ тюрьмы, и вѣшаютъ, — продолжайте все-таки открыто высказывать свои мысли.

Поль-Луи Курье.

Эти слова умнаго и извѣстнаго французскаго писателя пришли мнѣ на память, когда я прочелъ въ газетахъ, съ какою стойкостью русская молодежь работаетъ надъ раз-

*) Переводъ съ французскаго.

рушеніемъ деспотизма. Въ самомъ дѣлѣ, кажется, никогда и нигдѣ предтечи революціи не были такъ глубоко проникнуты вѣрностію своимъ убѣжденіямъ, какъ въ настоящее время въ Россіи.

Съ другой стороны, никогда, даже въ эпоху паденія Рима, разрушающійся міръ не прибѣгалъ къ такимъ грубымъ средствамъ самозащиты, какъ теперешнее правительство царя. Эти судороги отчаянія служатъ вѣрнымъ признакомъ приближающейся агоніи, и какъ ни тяжела для революціонной партіи гибель ея защитниковъ, онѣ подаютъ намъ надежду, что скоро рухнетъ послѣдній оплотъ военно-феодальной реакціи.

Трудно даже оцѣнить теперь, какую громадную услугу окажетъ паденіе русскаго деспотизма общеевропейской революціи, т. е. прогрессу и цивилизаціи; во имя этой-то услуги, а также и по чувству естественной симпатіи, я давно стремился хоть заочно пожать вамъ руки, русскіе друзья, и выразить чувство солидарности, которое соединяетъ между собою революціонеровъ Россіи и Запада. Отсюда вы поймете, съ какимъ удовольствіемъ принялъ я предложеніе участвовать въ вашемъ журналѣ, переданное мнѣ однимъ изъ вашихъ друзей. Я сожалѣю только, что не обладаю могучею силою слова. Въ настоящую эпоху борьбы на жизнь и на смерть, когда сила, ставшая синонимомъ права, слѣпо расточаетъ удары со всей свойственной ей животной грубостью, кто изъ честныхъ людей не захотѣлъ бы обладать краснорѣчіемъ Демосфена, соединеннымъ съ ѣдкой сатирой Вольтера, чтобы направлять и ободрять недовольныхъ, возбуждать равнодушныхъ и поражать притѣснителей!

Если эпиграфомъ моего письма я взялъ слова П.-Л. Курръе, то не для того, какъ можно подумать, чтобы подкрѣпить имъ принятое мною рѣшеніе писать вамъ, потому что, благодареніе богамъ, я внѣ царства казака, а, слѣдовательно, мнѣ нѣтъ опасности быть повѣшеннымъ за совершенное мною страшное преступленіе — свободное заявленіе своихъ мнѣній. Нѣтъ, эпиграфъ этотъ относится къ той доблестной русской молодежи, самоотреченіе и самопожертвованіе которой должны возбуждать удивленіе даже враговъ и которая, подобно первымъ христіанамъ, жертвуетъ всѣмъ: богатствомъ, честью, жизнью, ради проповѣди своего Евангелія права и свободы.

Мнѣ кажется, что лучше всего начать мое сотрудничество въ вашемъ журналѣ общимъ обзоромъ революціоннаго движенія на Западѣ, такъ какъ, хотя русская революція сама по себѣ и вызывается мѣстными событіями и явленіями жизни, тѣмъ не менѣе она можетъ извлечь не малую пользу изъ печальнаго опыта, представляемаго намъ исторіей революціи вообще.

Само собою разумѣется, что говоря о революціи на Западѣ, слѣдуетъ подразумѣвать революцію соціальную, такъ какъ только одна соціальная партія обладаетъ въ настоящее время жизненностью и способна удовлетворить новымъ потребностямъ народовъ: иная революція, не соціальная, невозможна теперь на Западѣ.

Вотъ уже почти 10 или 12 лѣтъ, какъ европейскій соціализмъ вступилъ въ свой новѣйшій фазисъ, практическій и народный, и за все это время онъ не переставалъ являться борющейся партіей, производящей болѣе или менѣе удачные опыты. Въ то время, какъ съ 1866—69 гг. великая Международная Асоціація рабочихъ, соединившая въ единую громадную армію батальоны пролетаріевъ обоихъ полушарій, достигла своего апогея, соціалисты грѣшили слишкомъ большою терпимостью. Въ самомъ дѣлѣ, не только рабочія общества всевозможныхъ политическихъ, религіозныхъ и соціальныхъ оттѣнковъ безпрепятственно вступали въ эту обширную ассоціацію, но также и отдѣльныя личности, подписавъ только общій уставъ, становились дѣйствительными членами. увеличивая собою нормальное число ея приверженцевъ. Такимъ образомъ Международная Асcоціація и дошла до того, что стала считать членовъ милліонами и сдѣлалась съ виду могущественной силой. Не трудно было предвидѣть однако, что какъ только дѣло коснется необходимости стать на революціонный путь, единственный вѣрно ведущій къ цѣли, въ средѣ этой Ассоціаціи неминуемо проявится раздѣленіе на партіи.

Обстоятельство это не замедлило послѣдовать. На Базельскомъ конгресѣ принятіе принциповъ коллективной собственности и отрицаніе права наслѣдства послужило поводомъ къ выходу изъ Ассоціаціи всѣхъ робкихъ, интригановъ и, въ особенности, буржуазныхъ филантроповъ.

Конечно, раздѣленіе это было печальнымъ явленіемъ, такъ-какъ соціалистическая программа Базельскаго конгреса пред-

ставляла декларацію основныхъ принциповъ которымъ необходимо было слѣдовать, чтобъ достичь цѣли, разъ столь ясно поставленной.

Но еще печальнѣе то, что Интернаціоналъ, вслѣдъ за своимъ раздѣленіемъ, послѣдовавшимъ вскорѣ послѣ возстанія коммунаровъ въ Парижѣ, бросался изъ одной крайности въ другую, т. е. отъ слишкомъ большой терпимости переходилъ въ исключительность.

Это стремленіе къ исключительности въ особенности парализовало всякую соціалистическую пропаганду въ 1872—1878 гг., хотя разногласіе группъ лежало не въ основныхъ принципахъ, а только въ средствахъ достиженія общей цѣли — полнаго освобожденія работниковъ. Главное различіе состояло въ средствахъ чисто-политическаго характера, такъ-какъ соціаль-демократы, анархисты, централисты и федералисты были вполнѣ согласны въ основномъ соціалистическомъ принципѣ — уничтоженіи частной собственности.

А между тѣмъ безплодная борьба различныхъ фракцій, продолжавшаяся много лѣтъ, могла бы принести много пользы, если бы тотъ-же запасъ силъ былъ употребленъ на соціалистическую пропаганду. Одни, убѣжденные въ томъ, что организація освобожденнаго труда должна быть дѣломъ могущественнаго законодательнаго собранія, искали свой идеалъ въ народномъ государствѣ (Volksstaat) и часто смотрѣли какъ на враговъ на тѣхъ, кто не могъ примириться со строгой дисциплиной ихъ партіи и оспаривали ихъ слишкомъ уже централистическія стремленія. Другіе, упорно отрицая всякую идею государственности и проповѣдуя главнымъ образомъ политическое воздержаніе, что, по моему, есть глубокое заблужденіе, слишкомъ часто сомнѣвались также въ искренности своихъ противниковъ. Такимъ образомъ, провозглашая крайніе политическіе принципы и становясь исключительными, обѣ партіи грѣшили въ равной мѣрѣ.

Въ настоящее время внѣшнія условія и, въ особенности, возрастающія преслѣдованія, которыми почтили теперь германскихъ товарищей, повидимому начинаютъ сближать эти два крайніе лагеря. И дѣйствительно одинъ изъ бывшихъ представителей германскихъ, Іоганъ Мостъ, бывшій депутатъ рейхстага, съ нѣкотораго времени измѣнилъ свой

взглядъ на мирную революцію, о чемъ громко заявляетъ въ газетѣ «Свобода», издаваемой имъ въ Лондонѣ. Само собою разумѣется, что вожаки нѣмецкой соціалистической партіи не оставили безъ протеста это нарушеніе правилъ дисциплины, и въ Цюрихѣ основанъ уже новый журналъ, называющій себя оффиціальнымъ и придерживающійся Готской программы.

Во всякомъ случаѣ, это упорство въ преслѣдованіи стараго пути не принесетъ никакой пользы тѣмъ, которые боятся согласовать свой способъ борьбы со способомъ противниковъ и подчиниться требованіямъ времени. Исключительные законы противъ соціалистовъ въ Германіи, затрудняющіе все болѣе и болѣе существованіе легальной пропаганды и плотной централистической организаціи, необходимо должны измѣнить тактику и политическіе взгляды соціаль-демократовъ.

Грубыя гоненія увеличатъ въ нашихъ друзьяхъ революціонную энергію и, не будучи въ состояніи легально проповѣдовать свои взгляды, они принуждены будутъ дѣлать это тайно *), путемъ нелегальнымъ, что, конечно, съузитъ поле ихъ дѣйствія. Зачатки этого явленія даютъ уже себя чувствовать теперь, и тѣ, которые прежде придавали значеніе только участію въ центральномъ парламентѣ (рейхстагѣ), въ настоящее время принуждены заниматься организаціей общинъ и участвовать въ провинціальныхъ выборахъ (ландстагъ), если не хотятъ остаться въ бездѣйствіи.

Въ Швейцаріи, по различнымъ причинамъ, соціаль-демократы принуждены идти тѣмъ-же путемъ; приверженцы же политическаго воздержанія точно также должны оставить свою антипатію къ политикѣ, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ коммунальныхъ.

И такъ, можно надѣяться, что вскорѣ различныя фракціи революціонной партіи въ Европѣ сблизятся между собою и прекратятъ междоусобную войну, которая возбуждала столько ненависти и такъ вредила дѣлу пропаганды. Значитъ ли это, что совсѣмъ исчезнетъ различіе мнѣній? Конечно, нѣтъ. Общее дѣйствіе, вытекающее изъ согласнаго пониманія основ-

*) Это въ настоящее время уже и случилось. Какъ сообщаетъ телеграмма изъ Берлина отъ 16/28 декабря, тамъ открыта полиціей тайная типографія соціалистовъ. Печатникъ и двое его помощниковъ арестованы. Ред.

ныхъ принциповъ, не должно мѣшать обсужденію политическихъ принциповъ, которые конечно спорны.

Будущее покажетъ, кто правъ: тѣ ли, кто хочетъ освободиться путемъ централизма, или тѣ, кто думаетъ достичь того-же самаго путемъ федерализма; тѣ ли, которые призываютъ къ дѣлу силу и насиліе, или тѣ, которые мирными дѣйствіями хотятъ обезоружить грубую силу. Я думаю, что въ этомъ вопросѣ наши враги и привиллегированные всѣхъ сортовъ гораздо компетентнѣе насъ, и они то укажутъ намъ путь, которому мы должны слѣдовать.

КОШАЧІЙ КОНЦЕРТЪ

Общество имѣетъ только одно обязательство относительно государей — предавать ихъ смерти.

Э. Вальянъ, «Оффиціальная газета». 28 марта 1871.

Послѣ происшествія 19 ноября петербургскіе и московскіе борзописцы, точно настеганные, словно съ цѣпи сорвавшись, принялись дуть въ свои надтреснутыя патріотическія дудочки. По заведенному порядку, подняли, какъ водится, такой газетный сполохъ, такой невобразимый гамъ, пискъ и визгъ, что въ пору было хоть уши затыкать. Впрочемъ, этотъ кошачій концертъ «патріотическихъ дудочекъ» продолжался не болѣе недѣли. Повизжали, погалдѣли и успокоились. Газетный міръ опять вошелъ во свою обычную, форменную колею, и лишь изрѣдка кое-гдѣ, въ закоулкахъ его, слышалось шипѣніе, да и того, наконецъ, стало не слыхать. Теперь, въ тишинѣ и на досугѣ, любопытно посмотрѣть: что писали въ эти дни, — и, кстати, не мѣшаетъ оцѣнить по достоинству тѣхъ, кто писалъ.

Въ ряду этихъ музыкантовъ, по качеству и по размѣрамъ подлости, глупости и халуйства, первое мѣсто по праву принадлежитъ «Новому Времени». Эта газета окончательно зарапортовалась. Она, какъ всѣмъ извѣстно, никогда не отличалась особеннымъ умомъ, но въ описываемые критическіе дни она положительно захлебывалась своею глупостью. «Новое Вр.», напр., ужасно возмущалось тѣмъ, что заговорщики вели дѣло скрытно, съ разсчетомъ, что

они теплили передъ образомъ лампадку, имѣли на стѣнѣ портретъ царя и т. д. «Новому Вр.», повидимому, было бы желательно, чтобы заговорщики выставили на своемъ домѣ какой-нибудь вещественный знакъ ихъ стремленій, нѣчто въ родѣ, напр., краснаго знамени, по стѣнамъ развѣсили бы портреты знаменитыхъ коммунаровъ, картины революціоннаго содержанія, которыя бросались бы въ глаза каждому проходящему, и, наконецъ, приступая къ дѣлу, на всю ивавовскую заорали бы марсельезу... Заговорщики не поступили такъ: на то они и заговорщики. А «Новое Вр.», по своей глупости, серьезно обижается на нихъ за это. Потомъ, «Новое Вр.» еще сердится на заговорщиковъ за то, что они осмѣлились пользоваться знаніями, наукой. По мнѣнію газеты, очевидно, заговорщики должны были употребить для достиженія своей цѣли орудія отнюдь не научныя, но болѣе простыя орудія, напр., временъ Олеговыхъ. Имъ нужно уничтожить царя, разсуждаетъ про себя «Новое Вр.», ну, и прекрасно! пусть бы заговорщики одѣлись въ какіе-нибудь странные и страшные костюмы съ песьими головами на затылкахъ, взяли бы наточенные топоры и пошли бы съ ними на царя... Конечно, заговорщики не такъ глупы. Кто же не знаетъ, что со временъ Олеговыхъ прошло много вѣковъ, что правители сдѣлались хитрѣе, что къ услугамъ ихъ готовы всевозможныя знанія и науки, и искусства! Кто же не знаетъ, какъ трудно въ наше время добраться до правителей съ топоромъ въ рукахъ! Кто же не знаетъ, что русскій царь лицомъ къ лицу никогда не встрѣчается со своимъ народомъ, что этотъ «отецъ» показывается своимъ нѣжно-любимымъ и, якобы, любящимъ его чадамъ не иначе, какъ окруженный двойнымъ или тройнымъ рядомъ вооруженныхъ солдатъ, толпой офицеровъ, азіатскимъ конвоемъ и многочисленною свитой, подобной цѣлому отряду; кто же не знаетъ, что онъ скачетъ всегда по улицамъ столицы, сломя голову, какъ угорѣлый, въ сопровожденіи своихъ азіатовъ, и скорѣе походитъ на какого нибудь Мамая, проносящагося по вражеской, только-что завоеванной землѣ, чѣмъ на отца, прогуливающагося между своими дѣтьми!... «Новое Вр.», кромѣ того, совершенно упускаетъ изъ виду, что кучка злонамѣренныхъ людей, составляющихъ вѣчный заговоръ противъ народа, всегда и вездѣ пользовалась и пользуется наукой въ своихъ узкихъ, эгоистическихъ инте-

ресахъ и — прямо во вредъ народу. Пушки-голіафы, митральезы, скорострѣльныя ружья, разрывныя пули, торпедо — все, вѣдь, это, выражаясь словами «Новаго Вр.», — «плоды свѣтлой мысли и честнаго труда», плоды, дѣлающіеся въ рукахъ злыхъ честолюбцевъ и нахаловъ орудіями народнаго разоренія и несчастій. А электричество, гальванизмъ и многое другое, употребляемое русскимъ правительствомъ для пытокъ и мученій такъ называемыхъ политическихъ «преступниковъ» — все это развѣ не плоды «свѣтлой мысли и честнаго труда»? Но кому же служитъ въ этомъ случаѣ наука, противъ кого и на какія дѣла она употребляется?... Мы знаемъ, до какого ужаснаго состоянія былъ доведенъ Каракозовъ утонченными пытками «по научному способу»; мы знаемъ, какъ этими-же научными пытками измучили Соловьева; мы знаемъ, какъ многіе, не выдержавъ этихъ гнусныхъ экспериментовъ, сходятъ съ ума, зарѣзываютъ себя осколками стакановъ или сожигаютъ себя на медленномъ огнѣ... Въ такихъ случаяхъ науку дѣйствительно зло профанируютъ, злоупотребляютъ ею, ибо заставляютъ ее служить въ интересахъ кучки злодѣевъ-тунеядцевъ и въ ущербъ интересамъ массы. Должно памятовать, что наука существуетъ на счетъ народовъ и для блага ихъ, но не для удовлетворенія злыхъ прихотей царей и ихъ прихвостней. «Новое Вр.» думаетъ, что наука существуетъ лишь для того, чтобы съ помощью ея цари и жалкое меньшинство, окружающее ихъ троны, могли угнетать народъ, держать его въ тягчайшемъ рабствѣ. До сего времени такъ почти и было. Но фактъ насилія еще не возможно возводить въ принципъ. Такой порядокъ вещей неестественен, дикъ и — къ счастью человѣчества — долго продолжаться не можетъ... Когда наука помогаетъ уничтожать злыхъ и вредныхъ паразитовъ, тормозящихъ прогресъ всего человѣчества, тогда она достаточно исполняетъ свое назначеніе. Взрывъ 19 ноября ясно указываетъ, что наука начинаетъ служить интересамъ народа, что поворотъ къ лучшему совершается...

Далѣе. Наша французская полуоффиціальная газета, обращаясь къ заговорщикамъ, говоритъ: «Положимъ, съ вашей точки зрѣнія, Государь — тиранъ; положимъ, министры его — «орудія тираніи»! но чѣмъ же провинились передъ вами представители «народа», наполнявшіе шедшій по-

ѣздъ, которыхъ вы обрекали на вѣрную смерть?» Во 1-хъ, французской газеткѣ, издающейся на русскія народныя деньги, прежде чѣмъ писать такія патетическія передовыя статьи, не мѣшало бы знать, что въ царскихъ поѣздахъ «представители народа» нигдѣ не ѣздятъ, а тѣмъ паче въ Россіи. Въ царскомъ поѣздѣ 19 ноября ѣхали не представители народа, не люди «изъ народа», а царскіе лакеи — сытая и глупая, нахальная сволочь, у которой съ народомъ только и есть общаго, что народъ выбивается изъ силъ, чтобы заработать грошъ, и подъ страхомъ палки и каторги отдаетъ на ихъ содержаніе свои трудовые гроши. Вся эта придворная орава, съ царемъ во главѣ, относится къ народу точно такъ-же, какъ относится къ нему палка, при помощи которой выколачиваютъ у него послѣднюю копѣйку — и выколачиваютъ, должно добавить, съ жестокостью небывалою и не виданною нигдѣ въ Европѣ въ настоящее время. Во 2-хъ, если бы даже въ царскомъ поѣздѣ ѣхали и не лакеи, а какіе-нибудь гофъ-фурьеры, то и изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы заговорщики остановились изъ жалости къ этимъ гофъ фурьерамъ. Сто тысячъ русскихъ солдатъ и офицеровъ погибли въ послѣднюю войну отъ болѣзней, голода и холода и отъ непріятельскаго оружія. Но, право же, каждый изъ этихъ ста тысячъ въ частности лично ничѣмъ «не провинился» передъ Турціей. На войнѣ — какъ на войнѣ... Сантиментальность вовсе не умѣстна въ такое время, когда десятки тысячъ такъ-называемыхъ политическихъ »преступниковъ» томятся въ ссылкѣ, въ Сибири, на каторгѣ, задыхаются въ центральныхъ тюрьмахъ; сантиментальность вовсе не умѣстна въ такое время, когда людей за вымышленныя преступленія мучатъ, тиранятъ и вѣшаютъ только по одному подозрѣнію, какъ, напр., было съ Лизогубомъ.

«Петербургскія Вѣдомости» съ важностью писали послѣ 19 ноября: „Смѣло можно сказать, что вся масса нашего народонаселенія, трудолюбивая, богобоязненная, преданная своему государю, какъ только можетъ быть преданъ русскій народъ, не предвидѣла возможности новаго злодѣйства“... Вотъ что называется — хватить черезъ край! Во всей этой пустой, напыщенной фразѣ только и есть одно истинное слово; „русскій народъ трудолюбивъ“. Что же? это совер-вершенно вѣрно! „Народъ русскій богобоязненъ“, говорятъ

далѣе «П. Вѣд.», „народъ русскій преданъ своему государю“, — все это избитыя фразы, которыя очень любятъ повторять наши писаки совершенно безсознательно, не вникая въ нихъ и не давая себѣ отчета, точь въ точь, какъ ученые попугаи; все это общія мѣста и чрезвычайно отвлеченныя истины, еще требующія большихъ доказательствъ... „Народъ не предвидѣлъ возможности новаго покушенія“, говорятъ «П. Вѣд.». Фраза уже вовсе не понятная. Читая ее, можно, пожалуй, подумать, что царей въ Россіи никогда не убивали, что на жизнь ихъ никогда не покушались, что народъ русскій никогда не возставалъ противъ своихъ притѣснителей и противъ ихъ фаворитовъ. А между тѣмъ исторія русская есть исторія бунтовъ, цареубійствъ, покушеній на цареубійства, дворцовыхъ революцій и систематическихъ народныхъ возстаній. Даже въ царствованіе Александра-Вѣшателя, несмотря на всѣ его фальшивыя реформы, народные бунты и волненія идутъ crescendo. Въ него самого стрѣлялъ Каракозовъ, стрѣлялъ Березовскій, стрѣлялъ Соловьевъ... а «Петербургскія Вѣдомости» все еще съ институтской наивностью стараются кого-то увѣрить, что никто не предвидѣлъ возможности новаго покушенія... Самое основательное незнаніе исторіи, умышленное искаженіе фактовъ, — но искаженіе безвредное, ибо факты общеизвѣстны, — полное отсутствіе логики —все это придаетъ изреченію «Петербургскихъ Вѣд». такой вздорный характеръ, что на него, конечно, никто не посмотритъ серьезно.

«Московскія Вѣд.» — какъ и должно было ожидать — приняли взрывъ 19 ноября такъ горячо къ сердцу, какъ будто онъ лично относился къ нимъ. Старый, заслуженный лакей всегда имѣетъ слабость отожествлять себя съ бариномъ. Такой слуга, подобно обломовскому Захару, чувствуетъ себя въ правѣ, говоря о себѣ и о баринѣ, употреблять слово «мы». Г. Суворинъ, напр., лакей-выскочка, новичекъ, которому посчастливилось отличиться и который подаетъ большія надежды въ будущемъ. А г. Катковъ — лакей, уже почившій на лаврахъ, выслужившій себѣ «ликей», пенсію и многія другія льготы, до которыхъ г. Суворину такъ-же далеко, какъ кулику до Петрова дня. «Заговорщики, вѣщаетъ г. Катковъ, хотѣли надругаться надъ нами и обезславить Москву позоромъ своего покушенія». «Моск. Вѣд.», какъ кажется, серьезно полагаютъ, что заговорщики

подводили мину не подъ царя, но подъ репутацію Москвы вообще и г. Каткова въ частности. Но между тѣмъ, всѣмъ уже давно извѣстно, что Москву нельзя опозорить и опоганить болѣе того, чѣмъ она опозорена и обезславлена присутствіемъ въ ней г. Каткова и его дѣятельностью на гибель народу русскому...

Въ то время, какъ г. Катковъ рветъ и мечетъ съ пѣной у рта, требуя преданія суду военнаго суда, не повѣсившаго Мирскаго, зычнымъ голосомъ требуя казней, крови, архи-генералъ-губернаторовъ, увеличенія числа шпіоновъ и полиціи; въ то время, какъ г. Катковъ грозитъ и гремитъ перуномъ, г. Полетика со страницъ своей «Молвы» умиленно возсылаетъ къ небесамъ молитву, полную скорби и отчаянія. «Господи, прояви милость свою надъ нами!» молится онъ. «Умиротвори и успокой насъ. Не отврати отъ насъ лица Твоего и духа Твоего святаго не отыми отъ насъ!» Передовая статья «Молвы», болѣе, впрочемъ, похожая на акаѳистъ, чѣмъ на статью, исполнена величайшаго комизма. «Что это такое? подумаетъ иной читатель. Дѣйствительно ли это вопль наболѣвшей, измученной души, или же злая иронія?» Смотря издали, можно подумать, что г. Полетика просто смѣется. Но если взять въ разсчетъ, что въ томъ же самомъ нумерѣ г. Полетика заявляетъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ запретилъ печатаніе въ его газетѣ частныхъ объявленій, то для ироніи и насмѣшки, конечно, и мѣста не можетъ быть. Лишившись на два мѣсяца доходовъ отъ объявленій, невольно начнешь скорбѣть и замолишься...

Остальныя газеты и газетки приноровляются, смотря по вкусу, къ тону того или другого изъ указанныхъ нами органовъ. Изъ-за контръ-баса г. Каткова, изъ-за кроткихъ, но величественныхъ звуковъ молитвы г. Полетики, введеннаго въ изъянъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, слышится пискъ и визгъ мелкой прессы. Это — въ довершеніе эффектовъ кошачьяго концерта... Особенно назойливо пищитъ «Петербургская Газета». Она — эта несчастная газетка — дотого пыжится, принимаетъ тонъ дотого важный, дотого неидущій къ ея грязной, кабацкой физіономіи и къ ея сальнымъ рѣчамъ, что безъ смѣху положительно невозможно читать ея статеекъ, пронизанныхъ букетомъ «сыскного отдѣленія». Стиль ея преуморителенъ; это какая-то смѣсь

возвышеннаго слога съ балаганными прибаутками, смѣсь канцелярскаго языка съ русскими крѣпкими словами. Тутъ и «безшабашная голова», и народъ съ его исторіей, съ его «историческимъ наслѣдствомъ» и т. п. Для всякаго очевидно, что и самъ писавшій ничего тутъ не понимаетъ и самъ не знаетъ, что за историческое наслѣдство и при чемъ тутъ народъ съ его исторіей и пр.

«Голосъ» въ описываемое время предавался невольному молчанію по распоряженію министра внутр. дѣлъ, но, должно думать, онъ сильно досадовалъ, что не имѣлъ возможности пораболѣпствовать наряду съ прочими передъ Царемъ-Вѣшателемъ; и въ этомъ отношеніи «Голосъ», конечно, какъ водится, не отсталъ бы отъ другихъ... «Русскій Міръ», только что успѣвшій снять печать молчанія послѣ 9-ти мѣсячнаго промежутка, тотчасъ же начинаетъ испускать свойственный ему специфическій запахъ, не смотря на то, что г. Раппъ передалъ редакторство другому лицу, г. Стахѣеву. «Русскій Міръ» повторяетъ очень старый вопросъ. Онъ спрашиваетъ заговорщиковъ: какое они имѣютъ право дѣйствовать отъ имени народа? и при этомъ, конечно, подразумѣваетъ, что за нимъ есть такое право... На интересующій его вопросъ онъ можетъ прочесть отвѣтъ въ прошломъ нумерѣ нашей газеты, въ статьѣ подъ заглавіемъ: «На чьей сторонѣ нравственность?» Затѣмъ «Русскій Міръ» дѣлаетъ еще болѣе пошлый вопросъ: «Неужели и послѣ этого (т. е. послѣ его общихъ фразъ) они (т. е. соціалисты-революціонеры) будутъ приписывать себѣ честь принадлежать къ соціалъ-революціонерамъ?» Общими фразами да выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ (конечно, въ границахъ цензурныхъ) никого ни въ чемъ убѣдить нельзя. Русскія газеты, столь падкія до похвалъ правительству, вообще должны помнить ту горькую для нихъ истину, что:

Рабъ и похвалить не можетъ:
Онъ лишь можетъ только льстить.

Хвалить можетъ только тотъ, кто имѣетъ право и порицать. Русскія же газеты порицать не смѣютъ, да и самая похвала ихъ проходитъ черезъ цензуру...

Между всѣми русскими газетами, большими и малыми (другихъ различій между ними почти нѣтъ), существуютъ общія черты, роднящія ихъ между собой. Во-первыхъ, всѣ

онѣ пишутъ свои патріотическія оды крайне безграмотно и безтолково; во вторыхъ, всѣ онѣ отвратительно раболѣпствуютъ, говорятъ настоящимъ «рабьимъ языкомъ»; въ-третьихъ — всѣ онѣ лгутъ самымъ беззастѣнчивымъ образомъ и въ-четвертыхъ — усерднѣйшимъ манеромъ подкапываются другъ подъ друга, инсинуируютъ, сплетничаютъ, клевещутъ другъ на друга, ругаются по-извощичьи и доносятъ другъ на друга, что «вотъ, молъ, смотрите: Иванъ не договорилъ, Петръ переговорилъ... обратите вниманіе: П. молчитъ и хмурится, Б. все надъ чѣмъ то усмѣхается» и т. д. Но надъ этой домашней грызней мы, конечно, останавливаться не будемъ, ибо тутъ главнымъ образомъ дѣло идетъ изъ-за «подписчика», а отчасти отъ нечего дѣлать... Мы укажемъ на газетную ложь съ политической закваской. Такъ, напр., по словамъ «Новаго Вр.», конечно, вся Россія чуть не умерла отъ ужаса при извѣстіи о покушеніи 19 ноября. «Ужасная вѣсть о покушеніи привела всѣхъ въ величайшее смущеніе», утверждаютъ «Петербургскія Вѣд.». «Вопль ужаса и отчаянія вырывается у людей!» восклицаютъ «Русскія Вѣд.» и т. д. «Молва», лишившись частныхъ обаявленій, принялась за пророчества, — промыселъ менѣе выгодный, чѣмъ печатаніе газетныхъ объявленій. «Молва» предсказываетъ съ горя, что еще въ теченіе многихъ вѣковъ русскій Государь останется особою священною и неприкосновенною. «Неужели это не ясно для всѣхъ? Неужели это не осязательно?» спрашиваетъ «Молва». Если русскихъ государей били прежде, бьютъ теперь и скоро будутъ бить на-поваль, то, конечно, отвлеченныя истины, сообщаемыя «Молвой», въ виду фактовъ, явно противорѣчащихъ имъ, становятся совершенно неясны и неосязательны... По донесеніямъ нашихъ газетъ оказывалось, что вся Россія пришла въ ужасъ и уныніе, при извѣстіи о покушеніи, а потомъ вся Россія стала радоваться и восторгаться почти «до безчувствія» ради того, что царь не взлетѣлъ на воздухъ. «Съ кого они портреты пишутъ? гдѣ разговоры эти слышатъ?» невольно задаешь себѣ вопросъ. Вѣдь ничего подобнаго даже и не бывало. Все это одна вѣрноподданическая ложь, клевета на Россію, глупѣйшее увѣреніе въ томъ, что Россія сама себя сѣчетъ... Вѣдь мы же все это время жили въ Россіи, и между тѣмъ никто изъ насъ не видѣлъ, чтобы люди приходили въ ужасъ, а затѣмъ восторгались.

Гдѣ газетчики все это подсмотрѣли и подслушали? Никто изъ нихъ, разумѣется, никакихъ „воплей отчаянія“ не слыхалъ, а все это красныя словца, все это стереотипныя фразы, издревле рабами сложенныя и теперь переходящія изъ поколѣнія въ поколѣніе этихъ рабовъ. Ни критики, ни анализа, ни здраваго смысла — ничего нѣтъ... Гдѣ эти „вопли отчаянія“? гдѣ эти пресловутые „клики восторга“? если только не считать за выраженіе „восторга“ то „ура“, которое искусственно и заранѣе приготовляется полиціей... Лгутъ на русскихъ людей, какъ на мертвыхъ... Жизнь сѣрая, будничная, со всеобщей руготней, со всеобщимъ недовольствомъ шла вездѣ въ описываемые дни, какъ и всегда, какъ и прежде, и послѣ 19 ноября. Напыщенныя передовыя статьи, молебствія, адресы, безграмотная нерусская рѣчь русскаго царя, аресты, обыски — все это страшно надоѣло всѣмъ. „Хоть бы его и не было!“ — вотъ что можно слышать про царя вездѣ и всюду. Конечно, опять начали слать въ Петербургъ адреса съ выраженіемъ „вѣрноподданническихъ чувствъ“, но всѣ эти адресы только одинъ пуфъ, воспроизводимый чернилами на бумагѣ, которая „все терпитъ“. Въ каждомъ городишкѣ, въ каждомъ земствѣ, въ каждомъ учрежденіи, въ каждой общественной группѣ найдется вожакъ, т. е. лицо, желающее отличиться во что бы то ни стало, хотя по способу Герострата. Такое лицо живо смастеритъ адресъ (дѣло практики, благо не въ первый разъ) и затѣмъ предложитъ подписаться согражданамъ. Подпишутся многіе, потому-что, съ одной стороны: „отчего же не подмахнуть? Вѣдь рука не отвалится!“ а съ другой стороны: „Не подмахни-ка, не вырази своихъ казенныхъ чувствъ, такъ тебя сейчасъ — фьють!“ Вотъ какъ создаются адресы въ дѣйствительности... Конечно, служители тайной полиціи едва не разрушили тотъ домикъ, въ которомъ жили заговорщики, но если бы эти вѣрные слуги и разрушили его, то этотъ поступокъ только дѣлалъ бы честь тайной полиціи... Положимъ піитъ Ѳ. Миллеръ писалъ:

„Сограждане! пойдемте въ Божій храмъ
„Вознесть Творцу міровъ благодаренье...“

Но приглашеніе его со страницъ «Моск. Вѣдомостей» пожаловать въ храмъ — осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Граждане не пожаловали въ храмъ. Мы, напротивъ,

слышали постоянно, какъ люди досадовали на то, что покушеніе не удалось. И такое отношеніе къ факту совершенно естественно, если принять въ разсчетъ всеобщее поголовное недовольство, всеобщій безпорядокъ, разладицу и анархію. Человѣкъ мало-мальски развитой очень хорошо понимаетъ, что содержаніе правительства стоитъ черезъ-чуръ дорого, а между тѣмъ правительство, очевидно, оказывается ниже своего призванія, потому-что оно въ настоящее время совершенно растерялось, потеряло голову и рядомъ своихъ временныхъ, якобы, законодательныхъ мѣръ, лѣпитъ нелѣпость на нелѣпость. У нашего правительства только и свѣта въ окнѣ, что генералъ-губернаторства; какъ будто генералъ-губернаторы и казаки съ нагайками такіе чудотворцы, что могутъ камень обратить въ хлѣбъ и изъ ничего сдѣлать все.

Послѣднее слово о васъ, гг газетчики. Вѣрите ли вы въ то, что пишете? Ничуть не бывало. Вы не на столько глупы, чтобы фикцію принимать за дѣйствительность. Дѣйствительно ли вы любите родину, заботясь о благѣ народномъ? Конечно, нѣтъ! Вы любите только самихъ себя и заботитесь только о „подписчикахъ“ Вы, слѣдовательно, только лицемѣрите изъ подъ палки, подличаете передъ силою. Вы сами знаете лучше насъ, что не любовь руководитъ вашей писательской дѣятельностью. „Народъ“, „отечество“ — для васъ пустые звуки. Ваша нравственность всѣмъ уже давно извѣстна, слишкомъ хорошо извѣстна...

ПѢСНЬ ГРАЖДАНКИ

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЖЕНАМЪ, НЕ ПРОСЯЩИМЪ ПОМИЛОВАНІЯ СВОИМЪ МУЖЬЯМЪ.

Еслибъ мой дорогой, что по злобѣ людской
Дни свои коротаетъ въ неволѣ,
Мнѣ сказалъ: „Поскорѣй приходи и своей
Помѣняйся со мной вольной долей!“

Я-бъ сказала ему: „Мой желанный! пойду
Я въ огонь, если хочешь, и въ воду,
Безконечно любя, я отдать за тебя
Хоть сейчасъ же готова свободу“.

И скажи милый мой: „Мало воли одной,
Палачамъ головы еще надо“,
Я и жизнь имъ отдамъ, былъ бы счастливъ онъ самъ,
Умереть за него мнѣ отрада.

Но скажи онъ: „Пойди, предъ тираномъ пади,
Со слезами, съ мольбой, въ униженьи
О пощадѣ моли и отрадой земли
Назови всѣ его преступленья;

Ото всѣхъ дорогихъ убѣжденій своихъ,
Отъ святого къ свободѣ стремленья
Передъ нимъ отрекись и служить поклянись,
Лишь бы мнѣ даровалъ онъ прощенье“, —

Я-бъ сказала въ отвѣтъ: „Никогда! нѣтъ, о нѣтъ!
Лучше смерть, лучше холодъ могилы!
И отнынѣ ты знай: ждетъ тебя адъ иль рай —
Все равно, ты мнѣ больше не милый!“

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ

ИЗЪ МОСКВЫ (1 дек.) Пріѣздъ императора въ Москву ознаменовался, какъ извѣстно, покушеніемъ на его жизнь; такого событія никто не ожидалъ. Начальство было увѣрено, что все идетъ и пойдетъ благополучно, что рядомъ кровавыхъ мѣръ революціонной партіи нанесенъ рѣшительный ударъ. Отдохнувъ отъ душеспасительныхъ трудовъ предпринятаго крестоваго похода противъ соціалистовъ, учрежденнымъ генералъ-губернаторамъ, оставалось проявлять свое существованіе и оправдывать отпускъ общественныхъ суммъ на свое содержаніе весьма странными средствами, примѣры которыхъ мы видѣли и въ Харьковѣ, гдѣ генералъ-губернаторъ занимается тѣмъ, что преслѣдуютъ извозчиковъ, выѣзжающихъ безъ фонарей, и въ Московскомъ округѣ, гдѣ теперь губернаторомъ издаются постановленія для питейныхъ домовъ города Смоленска, и въ Петербургѣ, гдѣ генералъ-губернаторъ, на основаніи Высочайшаго Указа отъ 5-го апрѣля, запрещаетъ продажу «планеты счастья» и

дѣтскихъ хлопушекъ... Уже начали было раздаваться успокоительныя рѣчи, газеты хоромъ заговорили, что томительный кошмаръ, угнетавшій Россію, исчезъ, что густыя тучи, такъ недавно закрывавшія весь горизонтъ, разсѣялись. Всѣ ждали, что скоро мы освободимся изъ-подъ бремени военнаго положенія, благодаря которому пролилось уже столько русской крови. Наступившее среди враговъ существующаго порядка затишье или, лучше сказать, выжиданіе настолько обмануло всѣхъ, что одинъ изъ важнѣйшихъ представителей нашего правительства, московскій генералъ-губернаторъ, самъ сдѣлался невольнымъ пособникомъ революціонеровъ: онъ самъ просилъ Государя (который думалъ ѣхать въ Варшаву), посѣтить и осчастливить первопрестольную столицу; при этомъ кн. Долгоруковъ выказалъ чрезмѣрную, какь показали послѣдствія, увѣренность въ томъ, что безопасности и спокойствію царя ничто не можетъ грозить, и только благодаря усиленнымъ просьбамъ и ручательству представителя Москвы, состоялся пріѣздъ Государя. Въ день пріѣзда, 19-го ноября, были приняты надлежащія мѣры, какъ къ тому, чтобы общественный энтузіазмъ былъ на лицо, такъ и къ безопасности царской особы. Еще утромъ было отдано полиціей распоряженіе о томъ, что гражданамъ «предоставляется» убирать дома свои флагами; утромъ-же былъ высланъ административнымъ порядкомъ изъ Москвы одинъ лавочникъ (изъ Мясницкой части) за то, что отказался вывѣсить флаги, а вечеромъ были разставлены отъ вокзала до дворца ряды городовыхъ. При этомъ былъ принятъ остроумный, но нѣсколько странный способъ охраны царской особы: въ тотъ моментъ, какъ показалась царская карета, городовые по камандѣ обратились спиной къ царю, а лицомъ къ публикѣ и такимъ образомъ мгновенно могли остановить всякаго, кто осмѣлился бы выдвинуться изъ толпы.

Самый фактъ покушенія, который такъ поразилъ всѣхъ властей и былъ для нихъ такъ неожиданъ, повидимому, не заключалъ въ себѣ ничего поразительнаго для другихъ. Предположеніе это находитъ себѣ основаніе въ томъ замѣчательномъ равнодушіи, съ какимъ относились къ этому интеллигентные и неинтеллигентные классы Москвы.

Такой фактъ, какъ покушеніе на жизнь императора и счастливое избавленіе, долженъ былъ бы дать празднично-

ликующую окраску всему и вызвать народно-общественныя манифестаціи, далеко выходящія изъ обычныхъ размѣровъ; между тѣмъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что извѣстіе было принято весьма спокойно: никакого ни волненія, ни раздраженія, ни даже особаго интереса. Объективною мѣркою восторговъ можетъ служить фактъ, сообщаемый «Моск. Вѣдомостями»: среди несмѣтныхъ массъ народа, собравшихся взглянуть на мѣсто варварскаго дѣянія, была предложена подписка на сооруженіе часовни и собрано... вы ждете тысячъ и сотенъ тысячъ... увы! собрано только 153 рубля... Напрасно наши газеты думаютъ прикрыть туманомъ громкихъ фразъ истинное впечатлѣніе: описанія общаго энтузіазма не удаются, и даже «Моск. Вѣд.», которыя говорятъ, что слухъ о случившемся разнесся раннимъ утромъ по городу, что впечатлѣніе, произведенное событіемъ было глубокое и потрясающее, сознаются на той-же страницѣ, что даже такое выдающееся лицо въ Москвѣ, какъ владыко-митрополитъ, узнало о случившемся событіи передъ самымъ вступленіемъ государя императора въ Успенскій соборъ.

Дѣйствительно, можно было ходить по улицамъ города, совершенно не подозрѣвая, что переживаешь минуты высокоисторической важности. Не раннимъ утромъ, а лишь позднимъ вечеромъ всѣ узнали о покушеніи, и даже послѣ этого нельзя было отыскать признаковъ, отвѣчающихъ важности событія. Всѣ народныя манифестаціи были сведены до возможно наименьшихъ размѣровъ: во время раута, 20-го ноября, передъ домомъ генералъ-губернатора на площади собралось народу всего сотни три-четыре, тогда какъ въ такую минуту здѣсь должна была бы собраться многотысячная масса... Нѣтъ ничего невѣроятнаго, если даже въ славной своими традиціями Москвѣ придется скоро поступать такъ-же, какъ въ Петербургѣ, придется благодарить солдатъ за оказанную встрѣчу.

Если со стороны массъ не видно было признаковъ радости или негодованія, то и интеллигентные слои общества также высказали большое равнодушіе къ такому важному и крупному факту, какъ покушеніе и спасеніе Государя. Правда, тамъ, гдѣ присутствовалъ самъ царь, гдѣ, слѣдовательно, оваціи оффиціально должны были быть, тамъ онѣ были, но въ другихъ мѣстахъ никакихъ овацій не было. Въ Маломъ театрѣ,

напр., гдѣ народный гимнъ трижды былъ повторенъ оркестромъ, публика не требовала его и даже не поддержала, такъ что, послѣ обычнаго троекратнаго повторенія, оркестръ, не слыша сочувстія, долженъ былъ умолкнуть. Чрезвычайно удобный случай для выраженія своихъ чувствъ интеллигенція Москвы могла бы найти въ торжественномъ актѣ Петровской Акад., происходившемъ 23-го ноября: здѣсь собрались всѣ представители высшей интеллигенціи нашего города. Между тѣмъ, здѣсь разыгралась сцена довольно жалкая и довольно комичная. По окончаніи акта началось пѣніе «боже,царя храни»; вмѣсто того, чтобы поддержать этотъ гимнъ радостными криками, публика отнеслась къ нему весьма невнимательно: начали выходить изъ залы, поднялся шумъ, двиганіе стульевъ, говоръ... и когда, послѣ троекратнаго повторенія, директоръ Академіи Арнольдъ крикнулъ «ура», то голосъ его остался голосомъ въ пустынѣ — никто не поддержалъ его, никто, ни одинъ изъ присутствовавшихъ. Трудно повѣрить этому, но это фактъ, и мы не утрируемъ.

20-го ноября, въ залѣ Кремлевскаго дворца Государемъ была произнесена краткая, но внушительная рѣчь. Тотъ текстъ ея, который переданъ въ газетахъ, значительно измѣненъ; дѣло передаютъ такъ. Рѣчь была произнесена въ Георгіевской залѣ дворца, гдѣ были собраны дворяне; въ другихъ же залахъ, гдѣ собрались представители другихъ сословій, царь ничего не говорилъ, онъ только проходилъ мимо и, какъ говорятъ, плакалъ. Къ сожалѣнію, текста рѣчи мы не можемъ передать, но то, что высказано въ ней, вообще, сильно отличается отъ словъ, появившихся впервые на страницахъ «Моск. Вѣд.». Въ царской рѣчи было высказано, что государство въ корнѣ расшатано, что учащаяся молодежь, особенно университетская и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, поголовно состоитъ изъ революціонеровъ, что отнынѣ должны быть приняты еще болѣе энергическія и дѣйствительныя мѣры для искорененія крамолы. Вообще, рѣчь была такова, что издатель «Моск. Вѣд.» не рѣшился отпечатать ее въ такомъ видѣ; онъ отправился къ министру Двора и вмѣстѣ съ гр. Адлербергомъ, поздно вечеромъ посѣтилъ царя, чтобы процензировать рѣчь.

Послѣ этой рѣчи вообще всѣ ждуть, что скоро грянутъ перуны. Несомнѣнно, что въ основѣ ея лежитъ задушевная

мысль правительства — искоренить революціонное движеніе кровавыми мѣрами террора; эта рѣчь сулитъ недоброе впереди; возвѣщенная оффиціально съ полною откровенностью, она получаетъ угрожающее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызывающее значеніе.

На другой день послѣ царскаго пріѣзда долженъ былъ состояться выходъ Государя изъ Успенскаго собора въ Чудовъ монастырь. Выходъ 21-го ноября послужилъ предметомъ большихъ толковъ въ Москвѣ. Всѣхъ интересовало, что впервые въ теченіе всей русской исторіи выходъ царственной особы состоялся совершенно необычнымъ способомъ: выйдя изъ дверей Успенскаго соб., царь сѣлъ въ коляску и, окруженный стражей, доѣхалъ до Чудова монастыря. Чтобы составить себѣ понятіе объ этомъ выходѣ въ коляскѣ, надо имѣть въ виду, что разстояніе отъ собора до монастыря 15 сажень; обыкновенно на этомъ протяженіи постилаютъ красное сукно, и царь, пѣшкомъ, на виду у всего народа, проходитъ на встрѣчу духовенству. Нынѣ же публика увидѣла передъ собой одинъ конвой, такъ что въ толпѣ говорили, что царя, какъ арестанта, выводили подъ охраной черкесовъ.

Вообще царь обнаружилъ значительные признаки безпокойства. Онъ, повидимому, до того боялся, чтобы не случилось еще чего-либо, что не рѣшился произвести смотра войскъ на Театральной площади, какъ было объявлено заранѣе. Собравшаяся публика ничего не дождалась и не видѣла Государя — смотръ происходилъ въ манежѣ. Говорятъ, что и отъѣздъ изъ Москвы состоялся оригинальнымъ образомъ: на вокзалѣ Николаевской дороги царь сѣлъ въ вагонъ, который, отойдя нѣсколько верстъ, остановился; подали коляску и до ближайшей станціи Химки царь доѣхалъ на лошадяхъ, а затѣмъ уже дальше путь совершался по желѣзной дорогѣ, и, притомъ, такъ, что въ Петербургъ поѣздъ пришелъ нѣсколькими часами позже назначеннаго времени.

Послѣ царскаго отъѣзда начали тщательное слѣдствіе по дѣлу 19-го ноября. До сихъ поръ никакихъ слѣдовъ не найдено; предполагаютъ только, что личностью, купившею домъ, былъ Левъ Николаевичъ Гартманъ, такъ-какъ карточка его оказалась похожею на Сухорукова. Относительно женщины, жившей съ нимъ, не существуетъ никакихъ предположеній;

ИЗЪ МОСКВЫ. (3 декабря). Во вторникъ, 20 ноября, въ 9 часовъ вечера, назначенъ былъ раутъ у московскаго генералъ-губернатора. Гости начали съѣзжаться еще въ девятомъ часу, а къ 10 часамъ собралось все избранное общество Москвы (такъ выразились «Московскія Вѣдомости»), около 1080 человѣкъ. Внизу, въ швейцарской, была такая толпа, что прежде, чѣмъ раздѣться, приходилось долго ждать. Мнѣ тоже пришлось ждать болѣе четверти часа. Раздѣвшись наконецъ, я поднялся по роскошно-убранной цвѣтами и уставленной двумя рядами лакеевъ, въ парадныхъ ливреяхъ, лѣстницѣ въ ажурно освѣщенные салоны генералъ-губернаторскаго помѣщенія. Начиная отъ входа и такъ вплоть черезъ всѣ залы, публика размѣщена была шпалерами. Пока — всѣ молчали и смотрѣли, ожидая прибытія Его Величества. Въ 10 часовъ стали входить одинъ за другимъ лица императорской свиты: Милютинъ, Рылѣевъ, Воейковъ, Адлербергъ, Маковъ и др. Въ 10¼ прибылъ кн. Долгоруковъ и прошелся по рядамъ, остановившись прежде всего около героя дня М. Н. Каткова. Публика довольно громко называла именитыхъ входящихъ и дѣлала на ихъ счетъ замѣчанія; такъ, мнѣ пришлось слышать довольно нелестное для генерала Рылѣева сопоставленіе съ извѣстнымъ декабристомъ Рылѣевымъ, а о Воейковѣ просто отозвались, что весь ихъ родъ — прохвосты (недостойное избраннаго общества, но, повидимому, вѣрное замѣчаніе). Наконецъ, около 10½ часовъ, музыка заиграла гимнъ, и появился Государь, въ сопровожденіи кн. Долгорукова и нѣсколькихъ генералъ-адъютантовъ. Онъ быстро прошелъ по первымъ двумъ рядамъ и вошелъ въ боковую лѣвую залу, гдѣ его ждали дамы. Какъ извѣстно, теперь амурныя дѣла составляютъ любимую утѣху нашего императора, лучшее его отдохновеніе отъ тягостнаго бремени правленія (иначе — отъ цензированія нашихъ невинныхъ газетъ и разрѣшенія благотворительныхъ спектаклей, ибо таковы многотрудныя обязанности, которыя возложилъ на себя въ послѣднее время нашъ возлюбленный монархъ). Такъ и здѣсь: угрюмый и пасмурный въ теченіе цѣлаго вечера, Государь больше всего разговаривалъ и былъ всего любезнѣе съ дамами, между прочимъ, и съ двумя дочерьми М. Н. Каткова. Изъ лѣвой залы Государь прошелъ въ правую боковую залу, гдѣ его ждали, чтобы начать танцы. По дорогѣ онъ оста-

новился около кн. Мещерскаго, Бревера, нѣсколькихъ другихъ генераловъ и весьма долго около Каткова, — это въ видѣ демонстраціи, ибо днемъ Катковъ уже имѣлъ двухчасовую аудіенцію. Посмотрѣвъ нѣсколько времени на танцы и пройдясь еще разъ по заламъ, Государь уѣхалъ, пробывъ на раутѣ около $^3/_4$ часа. Его отъѣздъ ускорила одна дама, которая изъ неразумнаго усердія стала выражать ему свой гнѣвъ и негодованіе по поводу ужаснаго покушенія 19-го ноября. Государь, который нѣсколько позабылся, повеселѣлъ, страшно поблѣднѣлъ, его нервно передернуло, онъ удалился быстрыми шагами, не дослушавъ дамы, и почти тотчасъ-же уѣхалъ. Не только меня, но и многихъ другихъ, мнѣнія которыхъ мнѣ пришлось слышать потомъ, особенно поразили на этомъ раутѣ двѣ вещи: во 1-хъ, рѣзкая перемѣна, которая совершилась въ Государѣ, и во 2-хъ, перемѣна въ отношеніяхъ къ нему даже избраннаго общества, а нетолько обыкновенной публики и народа. Медленная походка, глухой голосъ, потухшіе глаза, сѣдые волосы, тяжелая одышка, — все это рѣзко контрастировало съ молодецкой фельдфебельской осанкой и бравымъ видомъ, который онъ имѣлъ еще пять лѣтъ тому назадъ. Страхъ довершилъ дѣло разврата, и отъ русскаго императора осталась лишь жалкая, полусгнившая развалина. И въ рукахъ этого-то дряблаго, трусливаго, животолюбиваго, развратнаго старика находится пока судьба стомилліоннаго народа! Утромъ, во дворцѣ, при входѣ ремесленной депутаціи, болѣе просто одѣтой, нежели другія депутаціи, Государь, также только-что вошедшій, взглянулъ, вздрогнулъ и быстрыми шагами удалился въ сосѣднюю комнату, — бѣжалъ отъ собственныхъ вѣрноподданныхъ.

Какіе слухи ходили у насъ до пріѣзда Государя? говорили, что онъ дастъ конституцію, откажется отъ престола, объявитъ войну и т. д., и т. д. И вотъ, вмѣсто всего этого — слезливое кремлевское воззваніе къ родителямъ, чтобы они воспитывали не поколѣнія злодѣевъ, а вѣрныхъ слугъ престола и отечества, воззваніе, столь похожее на знаменитое воззваніе къ домохозяевамъ послѣ 2-го апрѣля. Обманутыя надежды и несоотвѣтствіе розовыхъ или громадныхъ ожиданій съ нерозовою дѣйствительностью отразилось, однако, на настроеніи Москвичей. Ужъ давно всѣ на Руси недовольны, и каждый по-своему опредѣляетъ причину

своего неудовольствія. Одного ужасають центральныя тюрьмы и казни, другого стѣсняють паспортная система и повышеніе цѣнъ на желѣзныхъ дорогахъ, третьяго — 18 тысячъ десятинъ русской земли, отданной Баттенбергскому, и т. д., и т. д.. Каждый по-своему недоволенъ, но все-таки недоволенъ, и никогда это гнетущее чувство недовольства, это желаніе перемѣны, это полное исчезновеніе того обаянія, которое прежде имѣла идея самодержавія, не высказалось такъ рельефно, какъ 20-го ноября. Телеграммы не раскупались. на улицахъ не замѣтно было усиленнаго движенія, въ Кремлѣ Государя встрѣтило лишь жидкое «ура» небольшой кучки народа, въ театрѣ, въ присутствіи Государя, гимнъ повторенъ былъ лишь казенныхъ 3 раза, передъ домомъ генералъ-губернатора площадь была почти пуста : публика толпилась лишь на тротуарахъ и вокругъ эшафотажа иллюминаціи; ея «ура» было такъ слабо, что его не слышно было на лѣстницѣ генералъ-губернаторскаго дома, наконецъ, даже гости раута съ какимъ-то равнодушіемъ относились къ присутствію среди нихъ высокаго гостя. Каждый говорилъ о своихъ дѣлахъ; съ кѣмъ говорилъ Государь, что онъ дѣлалъ, — объ этомъ почти не говорили; о покушеніи 19-го ноября слышались больше такіе отзывы : «Мина такъ сдѣлана, что лучше ея не отдѣлалъ бы офицеръ артилерійской академіи», «въ чемъ другомъ, а въ ловкости и искусствѣ имъ нельзя отказать» и т. д., и т. д. На другой день мнѣ самому приходилось слышать отъ, повидимому, весьма благонамѣренныхъ людей: «лучше бы удалось, по крайней мѣрѣ все бы кончилось». Вотъ какъ странно и неожиданно встрѣтила Москва покушеніе 19-го ноября.

ИЗЪ ОДЕССЫ (2 декабря). Послѣ учрежденія генералъ-губернаторствъ, во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они были введены, настало время повальныхъ обысковъ, арестовъ и административныхъ высылокъ. Одессу, кажется, постигла наиболѣе печальная участь въ этомъ отношеніи. Административныя высылки обрушивались на головы людей въ чемъ-либо заподозрѣнныхъ, на головы людей съ либеральнымъ направленіемъ, высказывавшихъ въ былое время вольныя мысли, и иногда на головы людей совершенно благонамѣренныхъ. Высылались благонамѣренные отцы, не пѣвшіе только «Боже; царя храни», и сестры, сыновья и

братья участвовавшихъ въ какомъ-либо политическомъ процессѣ. Высылалась учащаяся молодежь: студенты, гимназисты; высылались учителя, служащіе на желѣзныхъ дорогахъ, при городскихъ управахъ, чиновники государственнаго банка и даже 15-лѣтнія дѣвочки. И въ эту позорную эпоху повальныхъ обысковъ, арестовъ и высылокъ позорнѣе всѣхъ держали себя нѣкоторые студенты нашего университета. Они вели себя такъ, что надъ ними можетъ посмѣяться даже ученикъ 2-го или 3-го класса гимназіи, у котораго развито только товарищеское чувство и чувство отвращенія къ доносамъ и къ выдачѣ своихъ товарищей.

Въ Когановскихъ учрежденіяхъ, такъ-называемыхъ «дешевкахъ», населенныхъ по преимуществу бѣдными студентами, въ первыхъ числахъ іюня происходила чистка ретирадныхъ мѣстъ; рабочимъ понадобился камень для какихъ-то цѣлей. Въ углу двора, подъ кучей мусора и навоза, находятъ камень, поднимаютъ его, и въ ямѣ, которую онъ прикрывалъ, замѣчаютъ сундучокъ. Обрадовались рабочіе, полагая, что нашли кладъ. Открываютъ сундукъ — и что же видятъ? Вмѣсто золота — массу книгъ въ красной оберткѣ. Дали знать полиціи, полиція—жандармскому управленію; прискакали солдаты, жандармы, полицейскіе, окружили домъ, наполнили внутренность его и никого не впускали и не выпускали: домъ находился въ осадномъ положеніи. Начался обыскъ. Въ отдѣльныхъ комнатахъ, занимаемыхъ студентами, ничего не нашли, только въ той-же ямѣ найденъ былъ еще мѣшокъ съ брошюрами «о мартовскомъ движеніи студентовъ въ Кіевѣ и другихъ городахъ» и съ нѣсколькими экземплярами другихъ книгъ. Нужно отыскать виновныхъ во что бы то ни стало. На допросѣ показываютъ, что дворъ этотъ представляетъ открытое мѣсто, что кто-либо извнѣ, не изъ жителей этого дома, могъ явиться во дворъ и зарыть этотъ сундукъ. Такое объясненіе считается невѣроятнымъ, и жандармскій полковникъ съ любезностью предлагаетъ оцѣпленнымъ со всѣхъ сторонъ студентамъ собраться въ отдѣльной комнатѣ, посовѣтоваться и, быть можетъ, послѣ этихъ совѣщаній имъ удастся узнать виновнаго. Не смотря на данное объясненіе, не принимая во вниманіе, что оно противорѣчитъ какимъ бы то ни было совѣщаніямъ, собирается 28 человѣкъ въ одну комнату, и тутъ-то начинается потѣха. Жандармскій полковникъ Кнопъ

произноситъ рѣчь, убѣждаетъ ихъ найти виновнаго, такъ какъ онъ, несомнѣнно, между ними, и заявляетъ, что въ противномъ случаѣ будутъ арестованы всѣ 28 человѣкъ. Казначей университета Селивановъ, завѣдующій этими учрежденіями, обращается къ нимъ съ рѣчью такого же рода, прибавляя только, что честность и правда требуютъ того, чтобы виновный самъ сознался въ своемъ преступленіи и такимъ образомъ не вовлекалъ бы въ бѣду остальныхъ товарищей. Послѣ ухода Кнопа и Селиванова начались довольно бурныя совѣщанія. Окончившій курсъ студентъ Красницкій (филологъ) говоритъ, что слѣдуетъ непремѣнно разыскать виновника, что во имя высшей правды (!) онъ долженъ будетъ указать на виновнаго, если только его узнаетъ, такъ-какъ изъ-за одного не слѣдуетъ страдать всѣмъ остальнымъ, не принимавшимъ участія въ закапываніи книгъ. При этомъ Красницкій предлагаетъ проекты, какъ выпутаться изъ этого осаднаго положенія, проекты, изъ которыхъ одинъ подлѣе другого. Такъ, онъ предлагаетъ объявить жандармскому полковнику, что они всѣ, въ числѣ 28 человѣкъ, примутъ участіе въ розыскѣ виновника вмѣстѣ съ жандармами. Одни соглашаются съ Красницкимъ, другіе протестуютъ. Наконецъ, когда онъ услышалъ отъ Полянскаго, хозяина «дешевокъ» (обыкновенно выбираемаго изъ числа живущихъ тамъ студентовъ), что онъ, Полянскій, знаетъ человѣка, приносившаго книги на «дешевки», и что этотъ человѣкъ не студентъ, то замѣтилъ, что теперь и разсуждать-то нечего, а необходимо выдать его головою жандармамъ для спасенія самихъ себя отъ угрожающей бѣды. Вотъ она, высшая правда и истинная честность! Явный доносъ прикрывается блескомъ, именемъ высшей правды! Человѣкъ, дѣйствующій во имя абсолютной правды и честности, не страшится стать доносчикомъ на своихъ товарищей и считаетъ необходимымъ, даже должнымъ, безъ всякихъ разсужденій доносить на человѣка, не принадлежащаго къ той средѣ, къ которой онъ принадлежитъ самъ! Какое вліяніе окажетъ на дѣтей, своихъ будущихъ учениковъ, этотъ педагогъ и, быть можетъ, будущій классный наставникъ, предоставляю судить читателю. Этотъ взглядъ Красницкаго нашелъ поддержку со стороны нѣкоторыхъ другихъ студентовъ; нѣкоторые, правда, протестовали, но протестъ былъ слабый, вялый, не энергичный.

Въ концѣ совѣщанія, продолжавшагося около 2—3 часовъ, хозяинъ «дешевокъ» объявилъ, что онъ заявитъ жандармскому полковнику о своей виновности, заявитъ о томъ, что онъ закапывалъ сундукъ, но что книги, найденныя въ сундукѣ, не принадлежатъ ему Онъ указалъ на студентовъ Курмія и Отавскаго, которые зарывали вмѣстѣ съ нимъ сундукъ; указалъ также, какъ на доставлявшаго книги въ эти квартиры, на рабочаго Луку, именовавшагося Чижикомъ. Отавскій лежалъ въ это время въ городской больницѣ. Къ нему, больному, явился жандармскій офицеръ Ивановъ для допроса. Сначала онъ отвѣчалъ только на вопросы, касающіеся его лично, а потомъ, когда этотъ скотъ, не имѣющій ни капли человѣческаго чувства, пригрозилъ больному, что его увезутъ въ тюремный замокъ, если только онъ не разскажетъ всего, что знаетъ, тогда, испугавшись этихъ угрозъ, онъ, какъ ребенокъ, разсказалъ даже то, о чемъ и не спрашивали. Товарищъ прокурора Добжинскій, производившій слѣдствіе по этому дѣлу одновременно съ Ивановымъ, высказался въ одномъ обществѣ, что такихъ курьезныхъ подсудимыхъ, которые разсказывали бы все до мельчайшихъ подробностей, ему не приходилось встрѣчать: «это —дѣти еще, говоритъ, а не политическіе преступники».

Чѣмъ окончится это дѣло при теперешней жестокости одесскаго военнаго суда —пока неизвѣстно. Въ настоящее время заключены въ тюремномъ замкѣ Полянскій, Курмій, Отавскій и нѣсколько другихъ, привлеченныхъ по этому дѣлу, нѣкоторые же находятся подъ надзоромъ полиціи, безъ права выѣзда изъ Одессы.

При окончаніи этой корреспонденціи мною было получено извѣстіе, что всѣ студенты, арестованные по этому дѣлу, выпущены уже на свободу въ двадцатыхъ числахъ августа. Жандармское управленіе обвиняло ихъ въ укрывательствѣ книгъ, прокуроръ же судебной палаты, на основаніи произведеннаго дознанія, призналъ возможнымъ обвинять ихъ только въ недонесеніи. Рабочій Лука и вольнослушатель Новорос. Универ. Владыченко, котораго вернули изъ административной ссылки, въ виду указанія на него одного изъ выпущенныхъ теперь на свободу, содержатся еще въ заключеніи и будутъ, вѣроятно, преданы суду, какъ собственники найденныхъ книгъ.

ИЗЪ ОДЕССЫ (1 января 1880). Арестъ въ Елизавет-

градѣ молодого человѣка, везшаго изъ Одессы динамитъ, а потомъ событіе 19 ноября оживили усердіе одесской жандармеріи, и на главы одесскихъ обывателей обрушились аресты и обыски, которые никакихъ нитей ревнителямъ внутренней политики не даютъ, а въ публикѣ возбуждаютъ смѣхъ или негодованіе. Между многими арестованными были: студенты здѣшняго университета Гріельскій и Гусаковъ, кончившіе курсъ въ реальномъ училищѣ Ибнеръ и Дашевскій, нѣкто Виноградовъ, купецъ Рабиновичъ, воротившійся изъ Москвы какъ-разъ послѣ 19 ноября и, вѣроятно, еще тамъ выслѣженный какимъ-нибудь сыщикомъ; его предъявляли какому-то неизвѣстному, который долженъ былъ признать въ немъ участника въ московскомъ дѣлѣ, но не призналъ, и Рабиновичъ послѣ пяти-часового ареста былъ освобожденъ. Обыски были произведены: въ магазинѣ винъ Nouveau, у доктора Глико, у доцента физики здѣшняго университета Цемакіона, у автора «Картинокъ домашняго воспитанія», г-жи Казиной, урожденной Голенищевой-Кутузовой. У послѣдней отобрали рукопись приготовленнаго ею для печати романа, причемъ блюстители «основъ» обратили особенное вниманіе на выведенный въ романѣ типъ любителя женщинъ легкаго поведенія. «Это характеризуетъ взглядъ автора на нравственность», нашли они. И напрасно писательница протестовала, напрасно клятвенно обѣщала въ концѣ концовъ наказать негодника и сдѣлать его примѣрнымъ отцомъ семейства — роковые листы остались пріобщенными къ дѣлу.

Послѣ обыска у Цемакіона на дому, жандармы сдѣлали нашествіе въ зданіе университета, въ его отдѣленіе. Здѣсь невѣжество жандармовъ вызвало не мало курьезовъ. Такъ, на одинъ изъ вопросовъ жандармовъ: «Что это такое?» Цемакіонъ равнодушно отвѣтилъ: — Батарея. «Какъ?! у васъ есть батарея?...» вскрикнули жандармы, приходя въ ужасъ и негодованіе (дѣло было послѣ 19 ноября), что столь опасные и, вѣроятно, по мнѣнію обыскивавшихъ, недозволенные предметы находятся въ распоряженіи доцента физика.

На мѣстѣ послѣдней казни арестованы братья Ольховскіе, изъ которыхъ младшій будто бы прокричалъ казненнымъ: «Мужайтесь! ваше дѣло не пропадетъ!» Газеты уже возвѣстили о преданіи его военному суду. Старшій же братъ освобожденъ.

Тотлебенъ получилъ извѣстіе, что изъ Лондона выѣхали два лица съ цѣлью уничтожить его. Понятно, генералъ-губернаторъ принялъ мѣры. Всѣ сосѣднія съ его дворцомъ зданія осмотрѣны, особенно погреба, сараи и пр. На бульварѣ росшій по склону берега бурьянъ велѣно вычистить и темныя мѣста склона (такъ называемаго Ланжерона) освѣтить. Думаютъ, какъ бы оттуда не подкопались подъ дворецъ. Пуганая ворона куста боится, вслѣдствіе чего выходятъ курьезы, въ родѣ слѣдующаго. Редакторъ мѣстной газеты «Новор. Телеграфъ», г. Озмидовъ, отправляется къ своимъ знакомымъ Зорнымъ. Подходя, онъ видитъ знакомый экипажъ, оцѣпленный казаками, у подъѣзда Зорныхъ; не находя удобнымъ входить въ квартиру знакомыхъ въ то время, какъ у нихъ находится генералъ-губернаторъ, Озмидовъ начинаетъ прогуливаться передъ домомъ въ ожиданіи, когда онъ уѣдетъ. Тотчасъ-же казаки обращаютъ на него вниманіе и задаютъ вопросы: что ему надо, что онъ тутъ ходитъ? — Да жду, пока выйдетъ генералъ Тотлебенъ.. отвѣчаетъ редакторъ. Увы! его тотчасъ схватываютъ и ощупываютъ. При немъ оказывается револьверъ. Дѣло плохо... Г. редактора скручиваютъ и, не смотря ни на какія его разъясненія, везутъ въ участокъ. Только здѣсь подозрѣнія въ томъ, что это какой-нибудь страшный, быть-можетъ, изъ самого Лондона пріѣхавшій, террористъ, дезорганизаторъ — разсѣеваются, и выясняется всетишайшая и благонамѣреннѣйшая фигура Озмидова, испросившаго у градоначальника дозволеніе носить револьверъ, такъ-какъ живетъ въ глухой части города.

Въ настоящее время по тюрьмамъ сидитъ множество лицъ. Вотъ фамиліи 35 человѣкъ: Диковскій, Шкерстъ, Франжоли, Алексѣевъ, Властопуло, Галченко, Шееръ, Черкезъ, Контонаки, Геметъ съ женой (взятъ подъ фамиліей Файнштейнъ), Чижиковъ, Владыченко, Корнейчукъ, Верцинскій, Райко, Ольховскій, Панкѣевъ, Любимскій, Самаровъ, Поповичъ, Гусаковскій, Лепешинскій, Росикова, рабочіе Михайло и Алексѣй, Мороковскій, Рублевъ (а не Рубцева, какъ было напечатано въ № 2), Ченскій, Гольденбергъ, Викторъ Малавскій, Гоптофгъ, Яковъ Погорѣловъ.

Изъ писемъ лицъ, сосланныхъ по дѣлу 28-ми и административно сосланныхъ послѣ 2 апрѣля, видно, что ихъ препровождаютъ по Сибири не съ честью, на тройкахъ,

по одному съ жандармами, какъ ѣхали приговоренные по процессу 50-ти и 193-хъ, а по-просту, дешевымъ манеромъ: пѣшкомъ гонятъ этапнымъ порядкомъ цѣлую партію въ 80 человѣкъ (все политическіе). Послѣднія письма были изъ Красноярска.

ИЗЪ ХАРЬКОВА (5 декабря). Нигдѣ, кажется, учрежденіе генералъ-губернаторства не привело къ такимъ печальнымъ недоразумѣніямъ, какъ у насъ въ Харьковѣ. Харьковское общество не могло, конечно, сочувственно отнестись къ этому учрежденію, тѣмъ болѣе, что лицо, занявшее у насъ этотъ постъ, не имѣетъ славнаго прошлаго. Но хитрая, двусмысленная политика Лорисъ-Меликова и нѣсколько полу-либеральныхъ фразъ, сказанныхъ имъ, успокоили взволнованное общество и расположили къ нему общественное мнѣніе. Чуть-ли не на всѣхъ перекресткахъ говорятъ о великодушіи и милосердіи графа, придаютъ ему самые характерные эпитеты, въ родѣ «отца-благодѣтеля» и «ангельской души». У графа, то и дѣло, сердце содрагается при видѣ молодыхъ кандальниковъ-соціалистовъ. Словомъ, въ восторгѣ отъ графа всѣ: полтавскіе дворяне устраиваютъ ему постыдную для себя овацію; барыни не могутъ безъ слезъ умиленія говорить объ этой «ангельской душѣ»; почтенный землевладѣлецъ Харитоновъ, по первому приглашенію графа, вноситъ 100,000 р. для устройства студенческихъ общежитій. Графъ въ своихъ благодѣяніяхъ не ограничивается, однако, одной какой либо сферой; нѣтъ, онъ благодѣтельствуетъ общество во всѣхъ сферахъ его, регламентируетъ общественныя отношенія, вторгаясь въ частныя отношенія лицъ. Была даже попытка организовать неподцензурную газету въ Харьковѣ, и въ этомъ смыслѣ были сдѣланы предложенія Краевскому, какъ издателю, и Евг. Маркову, какъ редактору проектируемой газеты, долженствовавшей быть нравственнымъ бичемъ противъ соціалистовъ. Газета эта должна была издаваться подъ личнымъ руководствомъ графа. Проектъ этотъ почему-то не осуществился. Извѣстны только отвѣты лицъ, къ которымъ обращался графъ за содѣйствіемъ. Краевскій требовалъ 50,000 р. на организацію газеты, а Марковъ просилъ графа освободить его отъ принятія этого предложенія, мотивируя этотъ отказъ нежеланіемъ оставлять деревню, съ которой онъ

сжился. Такова казовая сторона дѣятельности графа. Для чего ему нужна такая политика заискиванія, почему онъ не хочетъ слѣдовать примѣру своихъ достойныхъ товарищей, которые, какъ вѣрные исполнители воли пославшаго ихъ, направляютъ свою дѣятельность въ разрѣзъ съ общественными симпатіями, нисколько не стѣсняясь выраженіемъ общественнаго мнѣнія? Таковы вопросы, которыми задается наблюдатель, знакомый лишь съ внѣшней, казовой стороной дѣятельности графа. Но лишь-только наблюдатель заглянетъ въ темную скрытую сторону закулисныхъ сценъ, ему станетъ до очевидности понятенъ этотъ графъ, какъ Щедринскій герой: хочетъ и невинность соблюсти, и капиталъ пріобрѣсти. Политика двусмысленностей и заискиванія, стремленіе не идти слишкомъ въ разрѣзъ съ духомъ времени и, сохраняя свой высокій постъ, въ то-же время возможно менѣе запятнать себя, какъ представителя крайне реакціонныхъ стремленій — вотъ задушевныя мысли лица, претендующаго быть вдохновителемъ современной правительственной системы. Личности, подобныя графу, страшны не интенсивностью своей дѣятельности, но деморализаціею, которую они вносятъ въ сферы нашего общежитія. Спутанность понятій о данномъ лицѣ осложняютъ дѣло характеристики, но тѣмъ необходимѣе полная и безпристрастная оцѣнка лицъ, подобныхъ Лорисъ-Меликову, въ виду устанавливающихся въ обществѣ предубѣжденныхъ симпатій къ нему. Вотъ почему я считаю необходимымъ ознакомить общество съ тѣми закулисными проявленіями его дѣятельности, которыя происходятъ вдали отъ общественнаго контроля.

Воздерживаясь отъ простого перечисленія множества крайне несправедливыхъ ссылокъ, арестовъ и т. д., я останавливаюсь лишь на болѣе возмутительныхъ явленіяхъ послѣдняго времени. Начну съ процесса Ефремова. Не смотря на полную бездоказательность участія Ефремова и Родина въ дѣлѣ освобожденія Оомина, суду былъ подсказанъ смертный приговоръ для перваго и вѣчная каторга для второго. Сходство почерка телеграммы въ Кіевъ съ почеркомъ Родина — было единственной причиной его обвиненія, причемъ было достовѣрно извѣстно, что телеграмму писалъ не онъ. Съ Ефремовымъ поступили еще болѣе безчеловѣчно. Онъ былъ приговоренъ къ смерти единственно для того, чтобы графъ могъ его помиловать. Было доподлинно извѣстно,

что обвиненіе его, какъ руководителя этого предпріятія, чистая фикція; въ этомъ Лорисъ-Меликовъ несомнѣнно былъ убѣжденъ, давая бывшему письмоводителю тюремнаго замка Шапошникову инструкцію ѣхать въ Петербургъ для отысканія руководителей этого дѣла. Далѣе, смягчая этотъ приговоръ, графъ мотивировалъ свое великодушіе будто бы поданнымъ Ефремовымъ прошеніемъ о помилованіи. Это ужъ черезъ-чуръ нагло. Сношенія съ Ефремовымъ, личный его протестъ, полученный изъ каземата побуждаютъ насъ опровергнуть эту ужасную клевету. Мы утверждаемъ, что никогда Ефремовъ не подавалъ приписываемаго ему прошенія. Для чего нужно было еще надругаться надъ жертвой — предоставляемъ судить совѣсти генералъ-губернатора.

Вслѣдъ за этимъ процессомъ начинается исканіе новыхъ жертвъ. Шпіоны кишатъ по всему Харькову — но увы! жертвы не улавливаются. Графъ не смущается и сочиняетъ новый процессъ. Нужно сказать, что года три тому назадъ по доносу одного шпіона были арестованы нѣсколько человѣкъ по подозрѣнію въ пропагандѣ. Всѣхъ подсудимыхъ по этому дѣлу сочли возможнымъ выпустить на свободу, что уже указываетъ на маловажность самого дѣла. Нѣкоторые изъ подсудимыхъ, напр. Елисѣева, были высланы административно, другіе же спокойно оставались въ Харьковѣ, почти позабывъ объ этомъ. Казалось, дѣло такъ и заглохло. Но, не стѣсняясь ничѣмъ, Лорисъ-Меликовъ приказалъ передать это дѣло на разсмотрѣніе военнаго суда. Начинается исканіе подсудимыхъ, аресты, возвращеніе изъ ссылки въ тюрьму и т. д. Елисѣева, пробывъ полтора года въ ссылкѣ, вышла замужъ и находится наканунѣ родовъ, но это нисколько не мѣшаетъ содержать ее въ тюрьмѣ. Всѣхъ подсудимыхъ, говорятъ, до 17-человѣкъ, изъ которыхъ многіе даже никогда не видали другъ друга. Вотъ имена нѣкоторыхъ: 1) Ястремскій — обвиняемый въ участіи въ тайномъ обществѣ, въ оскорбленіи дѣйствіемъ бывшаго смотрителя тюрьмы, въ побѣгѣ за границу и въ проживаніи подъ чужимъ именемъ — подводится подъ смертную казнь, 2) Чугуевецъ, 3) Полуектовъ, 4) Судейкинъ, 5) Глушковъ 6) Союзовъ (осужденъ по процессу 193-хъ и находится въ Карѣ), 7) Елисѣева, 8) Колюжный, 9) Курицынъ (доносчикъ) и нѣкоторые другіе. Процессъ былъ назначенъ еще

на 15 ноября, но почему-то отложенъ. Фактъ — характеристичный для генералъ-губернаторскаго періода нашей исторіи! Мало того, что сколотили процессъ изъ совершенно чуждыхъ дѣлу лицъ и показали на немъ сразу и «великодушіе», и усердіе графа, но графу показалось необходимымъ позаботиться устроить и еще такой же...

Но пока довольно объ этомъ... По мановенію графской руки обыски и аресты возобновились снова... 6-го ноября арестованы студенты университета и ветеринарнаго института: Кузнецовъ, Боголюбовъ, Долгополовъ...*), братья Семеновы, Матчинскій и Плито. Трудно объяснить причины этихъ арестовъ. Кромѣ арестованныхъ въ Харьковѣ, сюда привезенъ еще Никандръ Мощенко, обвиняемый въ убійствѣ Крапоткина. Обвиненіе ведется крайне настойчиво, хотя уликъ ровно никакихъ. Въ заключеніе сообщу еще одинъ фактъ изъ обратной, неказовой дѣятельности Лорисъ-Меликова. Въ октябрѣ препровождался изъ Печенѣжской центральной тюрьмы въ болѣе мрачную и малолюдную, Андреевскую, осужденный Бочаровъ, сошедшій съ ума. Вмѣсто того, чтобы перевести его въ домъ умалишенныхъ, великодушный графъ рѣшилъ перевезти его въ болѣе глухое мѣсто, увѣривъ несчастнаго, что это именно и есть больница!.. И Бочаровъ теперь дѣйствительно убѣжденъ, что онъ въ больницѣ, а не въ тюрьмѣ!

ИЗЪ ОРЛА. (3 января 1880 г.). По талантливому выраженію М. Н. Каткова, русское государство уже не представляетъ изъ себя той бѣшеной тройки, подъ видомъ которой изобразилъ ее Н. В. Гоголь; напротивъ, малоуважаемый публицистъ думаетъ, что государственное устройство Руси напоминаетъ скорѣй клячъ съ оборванными постромками, съ разстроенной сбруей... и плетутся то эти клячи зря, въ сторонѣ отъ большой дороги. Дѣйствительно, государственная упряжь наша сильно поистрепалась, государственные кони сильно позаморены. Да какъ имъ и не заморится — народу въ повозкѣ много и каждый молодецъ на свой образецъ: ухватитъ одинъ за возжу — дернетъ тройку вправо, наскочитъ другой — потянетъ влѣво.

---

*) Слѣдуетъ нѣсколько фамилій, разобрать которыя невозможно. Снова просимъ корреспондентовъ писать такъ, чтобы была хоть какая-нибудь возможность, не перевирая, прочесть въ ихъ рукописяхъ приводимыя имена. Ред.

Однимъ словомъ, хаосъ невообразимый, анархія полная, какой не знало человѣческое общество и при началѣ своей культуры. Эта рознь въ дѣйствіяхъ правительственныхъ кучеровъ видна на массѣ отдѣльныхъ, часто мелкихъ случаевъ, но тѣмъ не менѣе характеризующихъ современный режимъ. Вотъ вамъ одинъ изъ такихъ. Елецкое депутатское собраніе выбрало въ предводители дворянства Бехтѣева, судившагося нынче лѣтомъ за подкупъ крестьянъ на земскихъ выборахъ. Вслѣдствіе протеста нѣсколькихъ дворянъ, губернаторъ ходатайствовалъ передъ Маковымъ о неутвержденіи Бехтѣева въ должности предводителя дворянства. Министръ внутреннихъ дѣлъ, охраняя чистоту сословія, отмѣнилъ выборы. Вдругъ наскакиваетъ Лорисъ-Меликовъ, тянетъ возжу въ противоположную сторону и назначаетъ Бехтѣева, въ силу дарованной власти, предводителемъ Елецкаго дворянства. Самолюбіе у этихъ правительственныхъ кучеровъ все-таки есть, винить себя въ томъ, что тройка заѣзжена, они не согласны, а неурядица и для нихъ очевидна. Кто же виноватъ въ ней? Какъ кто? — «подпольная интрига». И выпучивши отъ усердія глаза, тычутся агенты правительства, какъ спугнутыя днемъ совы, то сюда, то туда, безъ смысла и безъ толку. Курьезъ за курьезомъ даетъ намъ гоньба этихъ ошалѣлыхъ за ускользающей крамолой. На Орловско-Грязской желѣзной дорогѣ случилось, напр., такое происшествіе. Въ вагонѣ II класса помѣстился молодой человѣкъ и, такъ почти всегда случается, вступилъ въ разговоръ съ господиномъ, сидѣвшимъ напротивъ. Этотъ господинъ оказался шпіономъ. Молодого человѣка арестуютъ и препровождаютъ подъ конвоемъ въ Орелъ, гдѣ держатъ нѣсколько дней и, наконецъ, на его тревожные вопросы отвѣчаютъ, что онъ агентъ «Народной Воли», такъ какъ на днѣ его шляпы напечатаны знаменательныя буквы — Н. В. и онъ въ разговорѣ съ сосѣдомъ помахивалъ шляпой, съ намѣреніемъ обратить его вниманіе на кабалистическій знакъ, чтобы дать понять родъ своей дѣятельности. Съ трудомъ удалось молодому человѣку увѣрить ошалѣлыхъ, что Н. и В. — начальныя буквы его имени и фамиліи.

Нечего пенять на зеркало, коли рожа крива, нечего сваливать на крамолу, коли ваше существованіе является анахронизмомъ. Старое старится, а молодое ростетъ и идетъ

на смѣну отживающему. Въ этомъ залогъ прогресса. Органически невозможно было бы появленіе революціонной партіи, разъ вы представляли бы дѣйствительно нужную силу; но увы! ваши кони превратились въ клячъ (спасибо М. Н. за счастливую аналогію), и потому вы должны уступить, и, навѣрное, уступите мѣсто народившейся свѣжей молодой силѣ. Это историческая необходимость. Сила эта то тамъ, то здѣсь смѣло выступаетъ впередъ и грозно заявляетъ о своемъ правѣ на жизнь и широкую дѣятельность. Посмотрите, какая разница между вашими изслѣдователями/шляпныхъ подкладокъ, охранителями основъ — и піонерами революціи. Я не буду тревожить великіе образы повѣшенныхъ, чтобы показать вамъ обаятельность революціонныхъ дѣятелей, я укажу только на мелкій фактъ. Вотъ что разсказываютъ въ Орлѣ.

По инпціативѣ генерала Столыпина устроился здѣсь маскарадъ. Самъ генералъ представляетъ изъ себя лицо довольно интересное. Я удѣлю ему нѣсколько строкъ. Этотъ герой минувшей войны отличается ненавистью къ соціализму, конечно, безсознательною, — во первыхъ, соціализмъ, какъ научную теорію, ненавидѣть сознательно нельзя, во вторыхъ, конструкція генеральской головы врядъ ли годна для пониманія соціальныхъ идей. Какъ бы то ни было, но Столыпинъ выразилъ активно свою ненависть къ соціализму, обратясь на смотру съ рѣчью къ нижнимъ чинамъ: «Ребята, если въ ваши ряды заберется соціалистъ (трехъэтажное слово) — бей его въ мою голову!» Послѣ этого случая орловскіе шутники то и дѣло безпокоятъ его превосходительство письменными увѣреніями, что дни его сочтены.

Итакъ, генералъ устроилъ маскарадъ. Клубная зала залита свѣтомъ, офицеры блистаютъ парадными мундирами, штатскіе кавалеры въ изящныхъ фракахъ, но масокъ еще нѣтъ; прибылъ и самъ авторъ торжества, но залъ все еще блистаетъ отсутствіемъ маскированныхъ. Наконецъ, дверь отворяется и входитъ привидѣніе... Оно одѣто въ бѣлый саванъ, на шеѣ виситъ веревочная петля, голова накрыта безобразнымъ капюшономъ, какой надѣваютъ приговореннымъ къ повѣшенію передъ совершеніемъ казни... Всѣ бывшіе въ залѣ были поражены, у многихъ сбѣжала краска съ лица... Привидѣніе медленно прошлось по ярко освѣ-

щенной залѣ... Никто не шевелился, всѣ какъ будто застыли... Оцѣпенѣніе пораженнаго общества не успѣло еще окончательно пройти, какъ въ залу ворвалась группа бѣлыхъ домино и окружила маску-висѣльника; веревка и капюшонъ исчезли, и привидѣніе затерялось въ толпѣ бѣлыхъ домино, ничѣмъ по внѣшности не отличаясь отъ нихъ.

Вотъ какими образами можетъ увлекаться теперь великій художникъ, какимъ былъ Н. В. Гоголь, а не вашей заѣзженной тройкой.

Sic transit gloria mundi!

ИЗЪ МИНСКА. (20 ноября 1879 г.). Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отдыха, здѣшняя жандармерія опять нашла себѣ дѣло, благодаря услугамъ гимназиста Урбанскаго (не смотря на свою молодость — вполнѣ сформировавшійся шпіонъ). Этотъ негодяй явился къ директору гимназіи и заявилъ, что у пріѣхавшаго въ Минскъ студента Гаховича есть много запрещенныхъ книгъ. Директоръ сейчасъ-же принялъ нужныя мѣры, и жандармы нагрянули въ квартиру трехъ семинаристовъ (Севрюка, Раздѣловскаго и Кизевича), у которыхъ остановился Гаховичъ. Къ счастію, Гаховича не было дома, и жандармы успѣли только захватить его вещи. Семинаристы были арестованы, но черезъ три недѣли ихъ освободили; Гаховичу же удалось совсѣмъ избѣгнуть рукъ властей и скрыться. Разыскивая его, жандармы сдѣлали очень много обысковъ у священниковъ Новогрудскаго и Пинскаго уѣздовъ, такъ, напр., въ Новогрудскомъ уѣздѣ: у отца Гаховича, шурина его — священника Неслуховскаго, другого шурина — священника Горбачевскаго; наконецъ, у священниковъ Якушевскаго и Лукашевича — все въ разныхъ селахъ. Были, говорятъ, по этому дѣлу обыски и въ Петербургѣ, но тоже безуспѣшно.

Дѣятельность Урбанскаго не ограничилась только доносомъ: онъ ревностно помогалъ разыскивать Гаховича. Такъ какъ послѣдняго никто не зналъ въ лицо, то Урбанскій ѣздилъ нѣсколько дней съ полиціймейстеромъ къ каждому отходящему поѣзду и осматривалъ уѣзжающую публику. Его старанія не остались не вознагражденными. Во первыхъ, директоръ возилъ его представлять губернатору и вообще выражалъ ему свое полное уваженіе, а во вторыхъ, онъ сдѣланъ — по особому настоянію учителя Шолковича —

стипендіатомъ Е. И. Величества. Впрочемъ надо сказать, что почти всѣ товарищи Урбанскаго были возмущены его поступкомъ, не смотря на всевозможныя рѣчи своего начальства о соціалистахъ. А рѣчи эти были поистинѣ замѣчательны. Директоръ Стефани, напр., такъ объяснялъ ученикамъ старшихъ классовъ соціализмъ. «Видите ли, говорилъ онъ, эти люди не хотятъ работать, а желаютъ пользоваться пріобрѣтеніями другихъ трудящихся, и для этого они прибѣгаютъ къ идеѣ коммунизма, состоящей въ томъ, чтобы сегодня прокутить имущество одного, а завтра другого. Въ результатѣ получается общее равенство». Но еще короче и яснѣе объясненіе учителя греческаго языка Даляка. Соціалисты, по его словамъ, любятъ жить хорошо, но работать не хотятъ. Единственное средство для этого — кража. Вотъ они и хлопочутъ объ уничтоженіи властей, чтобы не было карателей воровства.. Такія объясненія, однако, служатъ только безконечной темой для насмѣшекъ учениковъ надъ тупоуміемъ учителей.

Въ послѣднее время въ Минскѣ и въ сосѣднихъ городахъ начальство сильно заволновалось. Обыски и аресты производятся очень усердно. Въ Минскѣ двое арестованы по доносу нѣкоего Александра Павловича Козловскаго. Объ немъ нелишнимъ будетъ сообщить нѣкоторыя подробности. Онъ сынъ мирового судьи въ Бѣлостокѣ; дома велъ разгульную жизнь и слылъ за человѣка сочувствующаго (!) соціалистамъ. Разъ онъ въ пьяномъ видѣ поругался съ жандармскимъ офицеромъ и погрозилъ послѣднему. Съ тѣхъ поръ за нимъ слѣдили и лѣтомъ этого года, когда онъ пріѣхалъ въ Минскъ, его арестовали, по предписанію бѣлостокскаго жандармскаго управленія. Сидѣлъ онъ недолго и, какъ оказалось, купилъ себѣ свободу цѣной поступленія въ шпіоны. Тотчасъ по освобожденіи онъ началъ свою дѣятельность, результатомъ которой былъ арестъ двоихъ упомянутыхъ личностей. Мы предостерегаемъ всѣхъ отъ знакомства съ этимъ шпіономъ, тѣмъ болѣе, что Козловскій думаетъ перенести свою дѣятельность въ другіе города. Послѣ ареста, произведеннаго по его доносу, были обыски у всѣхъ знакомыхъ арестованныхъ, но нигдѣ ничего не найдено. Этимъ случаемъ воспользовалось и гимназическое начальство, которое, въ лицѣ инспектора гимназіи Самойлы, ходитъ по квартирамъ гимназистовъ и обыскиваетъ ихъ.

Какъ видите, у насъ дѣятельность жандармовъ постоянно тѣсно связана съ дѣятельностью гимназическихъ властей.

Въ Гомелѣ (Могил. губ.), расположенномъ при проходящей черезъ Минскъ Либаво-Роменской ж. д.. полиція въ послѣднее время обратила свое вниманіе на желѣзнодорожныя мастерскія. Арестованы: начальникъ мастерскихъ, вагонный мастеръ и смотритель желѣзнодорожнаго техническаго училища.

ХРОНИКА ПРЕСЛѢДОВАНІЙ

Куда ни поглядишь — всюду обыски. обыски и аресты. Они сдѣлались, наконецъ, неотъемлемой чертой нашей жизни. Они дошли до такихъ размѣровъ, что невозможно даже разобраться въ нихъ. Горько и стыдно становится, когда подумаешь, съ какой дѣтской наивностью готовится русское общество праздновать 25-лѣтній юбилей своего несмываемаго позора...

19 ноября служитъ единственнымъ отраднымъ явленіемъ среди этой мрачной атмосферы современной жизни, единственнымъ отвѣтомъ на всѣ безконечныя насилія правительства; но и оно не могло всколыхнуть застоявшагося болота и вызвало только одинъ новый взрывъ газетной ругани и словесно-вѣрноподданническаго холопства...

Мы не будемъ говорить здѣсь о томъ, какъ инертно и сонно отнеслось общество къ 19 ноября. Подавленное двадцатипятилѣтіемъ разрушаемыхъ надеждъ и ожиданій, оно едва ли и могло встрѣтить московское событіе активнымъ содѣйствіемъ или противодѣйствіемъ; года рабства и покорности оставляютъ на человѣкѣ неизгладимый слѣдъ и подавляютъ въ немъ послѣдніе остатки энергіи и жизни. Мы поговоримъ только о преслѣдованіяхъ, которыми встрѣтило правительство новое покушеніе; только эти преслѣдованія и заслуживаютъ вниманія, потому-что все остальное въ нашемъ обществѣ, кромѣ дѣйствій правительства и его враговъ — революціонеровъ, сводится на славословіе, питаніе и мечтанія о царскихъ милостяхъ. У насъ жизнь создала только двѣ партіи: вѣшаемыхъ и вѣшателей...

Въ Москвѣ 19 ноября почти ничѣмъ не отразилось. Произведя десятка два обысковъ и арестовъ [1]), власти рѣшили, что подкопъ на Курской ж. д. — «петербургская работа», и, не добившись никакихъ результатовъ въ Москвѣ, сдѣлавъ только для проформы провѣрку паспортовъ, со всею силою обрушились на Петербургъ.

Здѣсь, дѣйствительно, наступилъ трудный періодъ. Не было издано ни новыхъ законовъ, ни временныхъ устрашающихъ мѣръ, ни дополнительныхъ истребительныхъ учрежденій (только одинъ предсѣдатель военно-окружного суда, Дебоа, былъ посланъ въ девяти-мѣсячный отпускъ за мягкій приговоръ надъ товарищами Мирскаго по суду), — началась молчаливая, но за то дѣятельная работа... Хватали и обыскивали вездѣ: въ театрахъ, на улицахъ, на вокзалахъ, въ меблированныхъ комнатахъ; двоихъ мѣщанъ арестовали въ баняхъ, въ Измайловскомъ полку, за то, что въ разговорѣ между собой, который слышали мывшіеся тутъ-же солдаты, высказали сожалѣніе по поводу неудачи покушенія... Арестовывали и хватали по всякимъ поводамъ: за одежу, за подозрительность физіономіи, за непонравившійся околоточному взглядъ. Горе было всѣмъ близорукимъ, разсѣяннымъ и иностранцамъ: ихъ немилосердно хватали на улицахъ: высылали или сажали въ тюрьмы. Одинъ московскій ремесленникъ, Яковъ Романовъ, 3 декабря былъ схваченъ на улицѣ по собственному его величества приказанію за то, что при встрѣчѣ съ своимъ самодержавнымъ повелителемъ не снялъ шапки и не поклонился, а даже, какъ показалось его величеству, дерзко взглянулъ на него. Какой-то англичанинъ, недавно пріѣхавшій въ Петербургъ, отправился осматривать Эрмитажъ... Когда онъ былъ у самаго входа, на Милліонной показалась карета императора,

---

[1]) Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: студенты Петр.-Раз. Ак. Дубровскій и Россиневичъ арестованы въ Черниговѣ, куда поѣхали на праздники и остановились у родителей; студ. Петр. Ак. Чайковскій арестованъ въ Калугѣ, уже выпущенъ и отправленъ на родину въ Каменецъ-Под.; Бутурлинъ, участвовавшій въ Нечаевскомъ процессѣ и въ одномъ изъ московскихъ дѣлъ о пропагандѣ въ 75 г.; Полунинъ, студ. Петр. Ак. арестованъ у своего товарища по Акад., Шрамкова, въ квартирѣ котораго былъ произведенъ обыскъ; арестованы (по недоразумѣнію) и выпущены Назарова и подруга ея К. (фамилія неизвѣстна). Кромѣ того обыски были у студентовъ Петр. Академіи: Бенедиктова, Черепахина и Дмитріенко.

окруженная, по обыкновенію, отрядомъ горцевъ, за которыми совершенно не видно Государя. Англичанинъ, не знавшій нашихъ предъюбилейныхъ порядковъ, не счелъ, конечно, нужнымъ кланяться, и былъ немедленно, вмѣсто Эрмитажа, отведенъ въ участокъ, гдѣ и оставался нѣсколько часовъ, такъ-какъ изъ г.г. полицейскихъ, не оказалось ни одного, знакомаго съ иностранными языками, а англичанинъ, кромѣ нѣсколькихъ словъ, ничего не зналъ по-русски. Такой-же участи, но уже по причинѣ близорукости, подверглись студ. М.-Х. Ак. баронъ Дистерло и братья Рахлины (III и IV курсовъ). Послѣднихъ не только обыскали самихъ и одного изъ нихъ выслали, но также подвергли тщательному обыску и весь домъ, въ которомъ они жили. Такое безцеремонное обращеніе съ сосѣдями подозрительныхъ людей стало практиковаться въ послѣднее время довольно часто. Не говоря уже о преслѣдованіяхъ родственниковъ и знакомыхъ этихъ подозрительныхъ (какъ, напр., о высылкѣ по этапу кронштадтскаго аптекарскаго помощника Кестельманъ въ Тобольскъ, въ помощники къ мѣстному аптекарю, за то, что онъ осмѣлился пріѣхать въ Петербургъ справляться объ участи своей сестры, невѣсты Мирскаго), правительство преслѣдуетъ и всѣхъ, кто живетъ въ одномъ домѣ съ заподозрѣнными въ неблагонамѣренности людьми... Это было бы невѣроятно, если-бы не было дѣйствительностью. То и дѣло слышишь о повальныхъ обыскахъ отдѣльныхъ домовъ. На Выборгской сторонѣ, домъ Петрова, гдѣ живетъ 65 человѣкъ студентовъ, былъ окруженъ 300 дворниковъ и городовыхъ и обысканъ почти весь, причемъ арестованъ студентъ Ростовскій и еще 7 человѣкъ. Въ Петровскомъ паркѣ обыскана цѣлая мастерская въ 30 человѣкъ, причемъ двое арестованы. На углу Малой Невки и Средняго проспекта обысканъ весь домъ Жукова; на углу Невскаго и Владимірской — нѣсколько квартиръ, состоящихъ изъ множества меблированныхъ комнатъ; та-же участь постигла и домъ на углу Невскаго и Новой улицы. Въ ночь на 3 декабря былъ повальный обыскъ въ домѣ № 7, на Гончарной, гдѣ былъ арестованъ г. Голубиновъ, у котораго нашли нѣсколько фунтовъ динамиту, паспортныхъ образцовъ и небольшое количество шрифта. Въ томъ-же домѣ, который тоже весь состоитъ изъ дешевыхъ меблированныхъ комнатъ, было арестовано болѣе 70 барышенъ «съ Невскаго»

вмѣстѣ съ ночевавшими у нихъ отцами семействъ, которые немедленно были препровождены съ городовыми въ свои квартиры для домашняго обыска и удостовѣренія въ личности. Разсказываютъ раздирательныя сцены свиданія несчастныхъ «буржуа» со своими разгнѣванными супругами.

Вообще, отцамъ семействъ приходится на этомъ чужомъ пиру принять много похмѣлья. Ихъ, то и дѣло, уличаютъ въ разрушеніи семейныхъ основъ и подвергаютъ непріятностямъ. Такъ было съ однимъ помѣщикомъ ***, недавно пріѣхавшимъ въ Петербургъ и поселившимся въ гостинницѣ «Франція», чтобы на свободѣ повеселиться съ любовницей, другомъ дома и евреемъ-факторомъ. Еврей назывался Ицко Герцогъ, но швейцаръ записалъ его на доскѣ: «генералъ Ицко». Шпіонъ, жившій въ отелѣ, увидѣвъ эту надпись, сообразилъ, что генераловъ евреевъ не бываетъ, и сдѣлалъ доносъ, въ результатѣ котораго и получилось раскрытіе семейныхъ дѣлъ г-на ***.

Но отцы — отцами. Они давно заслужили свою долю апатичнымъ отношеніемъ къ окружающей ихъ мерзости... Другое дѣло дѣти. И какъ ни велика доля похмѣлья, обрушивающаяся на отцовъ, но на дѣтей все-таки приходится девяносто девять сотыхъ полицейскаго и жандармскаго разума. Что ни говори о поголовномъ обыскѣ всего Петербурга, все таки этого обыска, вѣроятно, не будетъ, между тѣмъ, какъ поголовный обыскъ студентовъ и студентокъ очень возможенъ, и если еще что удерживаетъ правительство отъ приведенія его въ исполненіе, то ужъ никакъ не совѣстливость, а, просто, недостатокъ полицейскихъ силъ. Обысковъ среди учащейся молодежи — хотя большею частью безрезультатныхъ — произведено почти небывалое количество. Характеристической чертой ихъ служитъ то, что они, между прочимъ, распредѣляются по губерніямъ. Сначала (съ 1-го по 8-е декабря) были обысканы Нижегородцы, потомъ (съ 8-го декабря) Вятичи [2]) и т. д. Незнакомому со

[2]) Вотъ нѣкоторые изъ Вятичей: слушательницы Бестужевскихъ курсовъ: Спасская, Рѣдникова, Соломина (послѣдняя арестована), Дрягина, С. Фармаковская, В. Фармаковская и Шнейдеръ; слушательницы медицинскихъ курсовъ: Е. Фармаковская, М. Фармаковская, Столбова и Тураева. Слушательницы Георгіевскихъ фельдшерскихъ курсовъ: Юрасова, акушерка Разсохина, бывшая учительница въ Вяткѣ Бабикова; врачъ Вершининъ, ветеринаръ Юрасовъ (Боль-

студенческой жизнью послѣднихъ лѣтъ это явленіе, безъ сомнѣнія, покажется очень страннымъ. Почему большая или меньшая подозрительность людей у начальства опредѣляется географическимъ распредѣленіемъ? Въ данномъ случаѣ дѣло объясняется очень просто. Еще съ позапрошлаго года учащаяся молодежь, для взаимной помощи въ матеріальномъ отношеніи, начала группироваться по такъ-называемымъ «землячествамъ», т. е. Вятичи сходились съ Вятичами, Нижегородцы съ Нижегородцами и т. д. Это было уже давно извѣстно и учебному, и полицейскому начальствамъ но такъ-какъ, съ одной стороны, «землячества» не представляютъ чего-либо хоть сколько нибудь «противозаконнаго», на что указываетъ и самый способъ группировки по мѣстностямъ, и такъ-какъ, съ другой стороны, нельзя же было запретить студентамъ и студенткамъ знакомиться между собой (а «землячества» именно и представляли кучки знакомыхъ) и помогать другъ другу въ нуждѣ, — то начальство до сихъ поръ и оставляло ихъ въ покоѣ. Между собою землячества, вообще, имѣли мало связей. Теперь, очевидно, въ нѣкоторыя изъ нихъ проникли шпіоны (что, вообще было и не трудно), которые, услыхавъ гдѣ-нибудь и отъ кого нибудь изъ земляковъ своихъ неосторожное слово или увидавъ недозволенную книгу, или, просто, воспылавъ внезапнымъ усердіемъ, дѣлали на того или другого товарища доносъ, причемъ перечисляли и ихъ знакомыхъ-земляковъ: въ результатѣ и получились погубернскіе обыски.

Особенно много обысковъ выпало на долю слушательницъ женскихъ курсовъ, у которыхъ они происходили десятками чуть не каждую ночь [3]). Если при обыскѣ ничего подо-

---

шая Дворянская, обысканъ вмѣстѣ съ матерью и вышеупомянутой сестрой), Сницевъ. Студенты Университета Подаринъ, Чарушинъ и Скурихинъ; учитель Вятской губ. Башкировъ и бывшій студентъ Техн. Инстит. Олеспицынъ (Кронверкскій проспектъ.).

[3]) Кромѣ упомянутыхъ въ предыдущемъ замѣчаніи, обысканы слѣдующія: фельдшерицы: Штенко, Славская, Урсина (арестована) и Порожнякова; сестры Хелтуплешвили, съ Бестужевскихъ курсовъ, студентки: Вериго (Самсоньевскій просп.: обыскали всю квартиру, гдѣ жило нѣсколько человѣкъ), Брукъ и Тураева (взяты всѣ фотографическія карточки, такъ-какъ она не хотѣла назвать фамилій), студентки медицинскихъ курсовъ Елена и Роза Гросманъ, жившія съ братомъ-врачемъ и двумя его товарищами (всѣ они обысканы),

зрительнаго не находили, то обыкновенно, перевернувъ вверхъ дномъ всю квартиру, полиція, которая теперь вмѣсто жандармовъ производитъ почти всѣ обыски въ Петербургѣ, уходила. Если же оказывалось хоть что нибудь запрещенное, какъ наприм., у студентки Ивановой номеръ «Земли и Воли», или даже только подозрительное, наприм., у брата и сестры Гурвичъ простая азбука, то «виновныхъ» немедленно или отправляли въ тюрьму, какъ было съ Ивановой, или въ ссылку, какъ случилось съ сестрой Гурвичъ. Арестовывали не только за имѣніе подозрительныхъ вещей, но даже и за «непозволительныя остроты». Студентъ академіи Анцута (2-го курса) былъ взятъ, но впрочемъ на другой день выпущенъ, за то, что на вопросъ пристава: нѣтъ ли у него взрывчатыхъ веществъ? отвѣчалъ: «есть», и, вынувъ изъ кармана нѣсколько спичекъ, зажегъ ихъ подъ самымъ носомъ пристава, такъ-что послѣдній въ испугѣ отскочилъ въ сторону. Ставилось Анцутѣ въ вину также и то, что онъ, схвативъ какую-то подозрительную бумагу, началъ ее жевать, отбиваясь отъ бросившихся на него полицейскихъ и угрожая проглотить... Потомъ, когда послѣ долгой борьбы и просьбъ полицейскихъ, онъ отдалъ имъ бумагу, она оказалась спискомъ какихъ-то самыхъ невинныхъ стиховъ...

У многихъ студентовъ и студентокъ обыски происходили по два раза. Такъ было, напр., у слушательницъ Бестужевскихъ курсовъ Спасской, Рѣдниковой, Соломиной, учительницы Бабиковой, врача Вершинина (два обыска черезъ день), студента Скурихина, народнаго учителя Башкирова, бывшаго технолога Оленицына и студентки медицинскихъ курсовъ Щечкиной (на 8 и 17 декабря). Второй разъ полиція обыкновенно только проходила по комнатамъ, ища скрывающихся лицъ; вѣроятно, она думала, что обысканныя квартиры, при настоящемъ положеніи вещей, должны считаться самыми безопасными и привлекать массы ночевщиковъ. Впрочемъ, иногда производили въ такихъ случаяхъ и тщательный обыскъ, а нѣкоторымъ студентамъ такъ положительно не давали покою. Когда, напр., студентки Золотарева, Борацъ, Шефтель, Попова и студентъ Загорскій, жившіе на одной квартирѣ, на Сергіевской, пере-

---

Борова, Ревичъ, Рисъ, Колобаева и Сапсовичъ; студентки Бестужевскихъ курсовъ Лутковская и Доброповичъ...

ѣхали послѣ обыска на другую квартиру, на Таврическую, у нихъ немедленно снова сдѣлали обыскъ. Въ домѣ Николаева, на Кавалергардской улицѣ, гдѣ живетъ много студентокъ, обыски происходятъ чуть не каждую ночь [4]).

Сравнительно меньше было обысковъ въ мужской половинѣ учащейся молодежи [5]). Наибольшая доля ихъ выпадаетъ на Мед. Хир. Академію и Университетъ. Было закрыто нѣсколько вечеринокъ, откуда гости препровождались подъ конвоемъ въ участки и развозились по домамъ для обысковъ. Таково было празднество по поводу полученія докторскаго диплома г-мъ Жбановымъ, который, какъ говорятъ, благодаря любезности пристава, позволившаго принести въ камеру Петербургской части закусокъ и вина, окончилъ здѣсь съ 12-ю человѣками гостей торжество перваго дня своего докторства [6]). То-же было съ вечеринкой въ семействѣ Бируля, гдѣ, кромѣ пяти человѣкъ хозяевъ (старухи-матери, двоихъ сыновей-медиковъ, студентки дочери и сына-гимназиста 11-ти лѣтъ, а также квартирантки студентки Шестовской), было захвачено 8 человѣкъ, которые и развезены по квартирамъ съ полицейскими [7]). Вообще, гостямъ въ подобныхъ случаяхъ приходится гораздо горше, чѣмъ хозяевамъ. Одна студентка, Полакъ, —

[4]) Тамъ обысканы, между прочимъ, студентки мед. курс. Куликова, Алафусова и Четыркина.

[5]) Вотъ фамиліи нѣкоторыхъ: студентъ Симченко съ женою, врачъ Сергѣевъ, трое Бѣлявскихъ, Петръ Апостоловъ, Ал. Родіоновъ, Малаховскій, Горбатовъ, Басинскій, Григоровичъ, Есиповичъ, Петровскій, студентъ-ветеринаръ Шиловцевъ, уже знакомые изъ прежнихъ хроникъ: Вислоухъ, Трофимовъ и съ ними студентка Клушина (1 декабря), окончившій курсъ медикъ Александръ Васильевичъ Поповъ. Луріе (28 дек.), студ. Колобовъ (жившій на одной квартирѣ со студенткой Овчинниковой, тоже обысканной), студенты Инст. Пут. Сообщ. Андрониковъ (арестованъ), Мазоръ, Чумутовъ и Эпельбаумъ; студ. Максимовъ, недавно выпущенный изъ Дома Предварительнаго Заключенія; студ. Инст. Пут. Сообщ. Сергіевскій (арестованъ въ Саратовѣ и отвезенъ въ Москву).

[6]) Вмѣстѣ съ нимъ были арестованы: студ. Мед.-Хир. Ак. Введенскій и Фаворскій, студентки мед. курс. М. Маврина, О. Маврина Лебедева, Самойлова, слушательницы Бест. курс. Херсонская, Соколова, Граціанова и Фесенко, студ. Унив. Коринфскій и Арнадскій. Обысканъ былъ также и хозяинъ квартиры Филимовичъ, у котораго происходила вечеринка (Петерб. стор.)

[7]) Между ними были: студ.-техн. Шестовскій и студ. мед. Унгернъ и Григоровичъ.

которую захватили при обыскѣ у технолога Шехтеръ, жившаго вмѣстѣ съ женой и сестрой-студенткой Брукъ, тоже обысканной при этомъ — едва къ вечеру слѣдующаго дня попала на свою квартиру, послѣ длиннаго путешествія по различнымъ участкамъ.

Большинство этихъ обысковъ въ молодежи есть, вѣроятно, результатъ сильно опутавшаго ее шпіонства. Только этимъ и можно объяснить, что обыскиваютъ не отдѣльныхъ личностей, незнакомыхъ другъ съ другомъ, а болѣе систематически и по знакомствамъ. Это — явленіе, на которое, намъ кажется, учащейся молодежи слѣдуетъ обратить особенное вниманіе. Впрочемъ, въ массѣ обысковъ послѣднихъ мѣсяцевъ было много и происшедшихъ по совершенно случайнымъ причинамъ. Такъ, на Болотной улицѣ арестовали кого-то, жившаго подъ видомъ столяра, по доносу квартирной хозяйки Замятиной (д. № 4, кв. 30), и въ поставленной на квартирѣ ловушкѣ захватили двухъ студентокъ. Были и совершенно необъяснимые обыски. Разсказываютъ, напримѣръ, какъ студентъ Мед.-Хир. Акад. ***, большой любитель выпивки, вся квартира котораго была наполнена пустыми бутылками, только что окончивъ возліяніе, легъ спать, но былъ разбуженъ ворвавшимися полицейскими. «Ну, здѣсь, кажется, мы ничего не найдемъ», замѣтилъ приставъ, осматривая комнату. — Да — отвѣчалъ съ просонья ***, протирая глаза и еще не понявъ, въ чемъ дѣло, — ничего... я только что допилъ послѣднюю бутылку.

Почти всѣ обыски у учащихся, за немногими исключеніями (какъ, напримѣръ, у студентки Малкиной, гдѣ приставъ Литейной части былъ очень элегантенъ и даже объяснялся по французски, а его помощникъ клалъ бумаги и вещи на то мѣсто, съ котораго ихъ бралъ, прося не говорить, что, молъ, «пришли, все разбросали и ушли»), ведутся чрезвычайно нахально. Не упоминая уже о томъ, что «придутъ, все разбросаютъ и уйдутъ», полиція просто врывается въ комнаты спящихъ студентокъ, сдергиваетъ съ нихъ одѣяла, запускаетъ руки подъ подушки и заставляетъ вставать съ постели при цѣлыхъ десяткахъ полицейскихъ, такъ что многія дѣвушки ложатся въ послѣднее время спать, не раздѣваясь. Говорятъ, что особеннымъ цинизмомъ въ этомъ отношеніи отличается приставъ Московской части.

Было нѣсколько случаевъ взламыванія замковъ въ две-

рахъ и чемоданахъ, если полиція являлась въ отсутствіи хозяевъ. Одинъ изъ такихъ «обысковъ со взломомъ» произошелъ въ комнатѣ г. Шполянскаго. Въ другихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, у уѣхавшаго на праздники изъ Петербурга студента Колоколова съ женою, жившаго въ квартирѣ уже упомянутыхъ Бируля, квартиру только опечатали.

Въ другихъ классахъ общества, среди рабочихъ и у «лицъ съ положеніемъ»—адвокатовъ, докторовъ и ученыхъ, обысковъ было сравнительно меньше [8]), и нѣкоторые изъ нихъ были произведены совершенно не впопадъ. Такъ, обыскали, напр., одного ученаго, пріѣхавшаго на съѣздъ естествоиспытателей и остановившагося въ Знаменской гостинницѣ; перерыли всю квартиру у старухи Даниловой, сынъ которой, придворный кондитеръ, навлекъ на себя напрасное подозрѣніе въ неблагонадежности. Былъ также обыскъ у доктора Фобрихера, ординатора профессора Эйхвальда, жену котораго, не смотря на то, что ничего подозрительнаго не было найдено, выслали на другой день въ Кострому.

Болѣе серьезную добычу для полиціи далъ обыскъ на квартирѣ учителя Чернышева, у котораго жила Евгенія Фигнеръ (скрывавшаяся подъ именемъ Побережской). Здѣсь нашли сотни двѣ номеровъ «Народной Воли» (№ 2), прокламацію по поводу 19-го ноября, нѣсколько фунтовъ динамита, паспорта и печати. Причиной обыска было слѣдующее обстоятельство: приказщикъ магазина Фену, Алмазовъ, нанимавшій комнату въ одной квартирѣ со студентками Сокологорскими и какимъ-то молодымъ человѣкомъ, представилъ частному приставу Моск. части номеръ «Народной Воли», заявивъ, что получилъ его отъ студентки Богословской, жившей тоже съ Сокологорскими. Произвели обыскъ во всей квартирѣ, но ничего не нашли Богословская, растерявшись, сказала, что номеръ, данный ею Алмазову, она получила отъ Побережской. Справившись въ участковыхъ книгахъ, полиція быстро нашла адресъ Побережской и, арестовавъ Богословскую, въ ту-же ночь явилась на квар-

---

[8]) Такъ, между рабочими обыскали слесаря Голубевскаго завода Пыжова и (въ срединѣ декабря) рабочаго Балтійскаго завода Александра Григорьева (арестованъ); между лицами съ положеніемъ врача Шабанова, проф. Мед.-Хир. Ак. Успенскаго и присяжнаго повѣреннаго Стасова, Сердюкову (арестована).

тиру Чернышева. Здѣсь при обыскѣ она выказала замѣчательное невѣжество: найдя динамитъ, полицейскіе офицеры долго разсуждали, что это такое, пробовали его на вкусъ, нашли его сладкимъ, но потомъ, когда стало щипать у всѣхъ языки, рѣшили, что это «что-нибудь вредное»... Дѣлу была придана большая важность. Сокологорскіе и молодой человѣкъ, какъ подозрѣваемые въ знакомствѣ съ Е. Фигнеръ, были также на другой-же день арестованы. Въ связи съ арестомъ Чернышева былъ на слѣдующій день арестъ инженера Хитрова съ женою, которые, впрочемъ, на другой-же день бѣжали изъ подъ стражи и до сихъ поръ не розысканы полиціей. По поводу этихъ двухъ арестовъ въ городѣ ходили легендарные слухи: утверждали, что они имѣютъ связь съ московскимъ взрывомъ, что изъ квартиры Чернышева, а по другимъ источникамъ изъ квартиры Хитрова (обѣ квартиры въ 5-хъ этажахъ), вели подкопъ подъ дворецъ или, какъ говорили другіе, подъ домъ княгини Долгоруковой, извѣстной любовницы царя. Эти слухи, расходясь все болѣе и болѣе, получили столько варіантовъ, что въ концѣ концовъ ничего нельзя было разобрать: говорили о подкопахъ чуть не изъ каждой улицы Петербурга. Вѣроятно, это обстоятельство, въ связи съ какимъ-нибудь случайнымъ доносомъ, и послужило поводомъ къ обыску въ Публичной Библіотекѣ (въ срединѣ декабря), гдѣ искали во всѣхъ подвалахъ подкопа подъ Малую Садовую, на которой будто-бы предполагалось взорвать царя при его проѣздѣ въ манежъ на разводъ. Хотя въ подвалахъ храма наукъ ничего, кромѣ старыхъ книгъ, не оказалось, тѣмъ не менѣе царь поѣхалъ въ манежъ окольнымъ путемъ, что, впрочемъ, онъ дѣлаетъ постоянно послѣ возвращенія изъ Ливадіи. Самое возвращеніе было тоже довольно оригинально. Было объявлено, что поѣздъ придетъ въ 10 ч. утра. Къ этому времени, на сильномъ морозѣ, были разставлены отъ вокзала до дворца въ два ряда солдаты, раздѣлившіе весь Петербургъ на двѣ половины, между которыми сообщеніе было почти невозможно. Въ 10 часовъ приходитъ поѣздъ и... пустой! Черезъ нѣсколько времени приходитъ другой — и тоже пустой! Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ такихъ поѣздовъ, въ третьемъ часу (вмѣсто 10-ти) пріѣзжаетъ царь, заставивъ отморозить носы тысячи своихъ солдатъ, и стрѣлой пролетаетъ во дворецъ.

Оканчивая нашу хронику, намъ приходится сказать еще нѣсколько словъ. При небываломъ количествѣ обысковъ между молодежью и другими классами общества, полиція рѣшительно ничего не нашла. Кромѣ двухъ —трехъ исключительныхъ случаевъ, какъ, напр., при обыскѣ у студентки Ивановой, у которой нашли номеръ «Земли и Воли», или у Чернышева и Голубйнова, у которыхъ нашли уже слишкомъ много, ни у кого изъ сотенъ обысковъ ничего не оказалось... Единственный случай, кромѣ вышеприведенныхъ, это обыскъ у студентки Гаккель (на 8 окт.), гдѣ взяли какую то Дмитровскую, которую, какъ говорятъ, вслѣдъ за тѣмъ выпустили и она скрылась, потому что жила по подложному виду. Въ остальныхъ же случаяхъ полиція оставалась ни съ чѣмъ. Характеристиченъ въ этомъ отношеніи случай со студентомъ университета Мурашкинцевымъ, который, разговорившись съ обыскавшимъ его приставомъ, спросилъ: «Много ли полиція находитъ запрещенныхъ изданій?» — Совсѣмъ ничего — отвѣчалъ приставъ — должно быть, они издаются теперь для приближенныхъ двора.

Интересно, что это такое: неспособность ли полиціи или поднятіе уровня осторожности публики?

МЕЛОЧИ

Доброта. (Сказка для дѣтей). Жилъ-былъ на свѣтѣ добрый предобрый царь. Злые люди хотѣли убить его; для этого они сдѣлали подкопъ подъ желѣзную дорогу, по которой долженъ былъ ѣхать милосердый монархъ. Замыселъ злыхъ не удался —царь остался живъ. Начальникъ полиціи древней столицы, гдѣ было сдѣлано покушеніе, явился съ извиненіями, что не съумѣлъ предупредить злодѣйскій умыселъ, который, хотя и не имѣлъ дурныхъ послѣдствій, тѣмъ не менѣе былъ приведенъ въ исполненіе. Сердце царя, при видѣ растеряннаго приближеннаго, переполнилось присущей ему добротой. «Ты не виноватъ, сказалъ онъ, виноватъ одинъ я, потому что слишкомъ добръ». Оба были сильно растроганы. Торжественное молчаніе длилось такъ долго, что оба почувствовали нѣкоторую неловкость... Въ эту ночь добрый царь долго ворочался

съ боку на бокъ и заснулъ только подъ утро. Сонъ его былъ тревоженъ, и его старый камердинеръ слышалъ, какъ царь бредилъ: «доблесть монарха... семь конвойцевъ... вручилъ хранить себя Провидѣнію... обитая броней карета»... Долго послѣ этого событія заставляли народъ молиться о спасеніи отца отечества; долго еще попы усердно старались увѣрить народъ, что царь его добрый-предобрый, добрѣе всѣхъ на свѣтѣ. А народу это было все равно, потому-что онъ былъ грубъ и думалъ только о хлѣбѣ, такъ-какъ царь, по добротѣ своей, заботился о томъ, чтобы народъ не былъ удрученъ довольствомъ. Самодержецъ зналъ по себѣ, что власть и богатство не даютъ счастія.

Бѣдный князь. Государь, давая аудіенцію попечителю, кн. Волконскому, спросилъ его между прочимъ: «Что въ университетѣ?» и, не давши ему отвѣтить, продолжалъ: «Я знаю—спокойно, увѣренъ, что студенты будутъ исполнять уставъ. Но профессора могутъ агитировать... Но профессоровъ я не знаю и знать не хочу!.. Но ты мнѣ отвѣчаешь за все головой! Слышишь? — головой!»

Выслушавъ обиліе царскихъ «но», бѣдный князь сильно заболѣлъ.

Тучи сгущаются. Страшная язва современнаго государства глубоко пустила свои корни. Одинъ изъ принциповъ крамолы (нигилизма тожъ)—децентрализація. И вотъ въ Россіи, гдѣ эта партія интенсивнѣе всего проявляетъ себя, она произвела уже свое дѣйствіе. Вмѣсто единой нераздѣльной монархіи мы имѣемъ теперь федерацію, состоящую изъ отдѣльныхъ графствъ, княжествъ и пр. Ясно, что между молодыми государствами должны возникнуть пограничныя недоразумѣнія, и дѣйствительно мы находимся наканунѣ братоубійственной войны. Московскій князь Владиміръ I Долгорукій присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Тамбовскую губ. Ранѣе его нѣкоторые изъ уѣздовъ той-же губерній были присоединены Лорисомъ I Меликовымъ къ графству Харьковскому. Разрѣшить вопросъ мирнымъ, дипломатическимъ путемъ нѣтъ никакой надежды. Говорятъ, что Московскій князь предложилъ уже фельдмаршалу безъ арміи Ник. Ник. старшему принять начальство надъ интендантской частью мобилизованныхъ войскъ, которыя поведетъ въ бой полиціймейстеръ 1-го участка Н. И. Огаревъ, извѣстный въ военной исторіи, какъ двинувшій полчища мясниковъ въ знаменитую вылазку 3-го апрѣля.

Здѣсь, въ Петербургѣ, столицѣ нашего болотистаго Гуркенланда, рѣшено держаться строгаго нейтралитета, впрочемъ, вооруженнаго.

ОТВѢТЫ И ЗАЯВЛЕНІЯ

— Программа Исполнительнаго Комитета, помѣщаемая въ настоящемъ №, была доставлена въ редакцію черезъ агентовъ Комитета съ просьбой опубликовать ее для ознакомленія общества съ истинными задачами Комитета и тѣмъ устранить всякія недоразумѣнія, нерѣдкія, къ сожалѣнію, у насъ. Редакція, соглашаясь съ общимъ характеромъ программы, желала, однако, придать ея опубликованію болѣе широкое значеніе и сдѣлать программу обще-партіонной. Съ этой цѣлью редакція подвергла присланную программу обсужденію среди различныхъ группъ и лицъ, принимающихъ въ дѣлахъ партіи болѣе или менѣе активное участіе; сообразно съ указаніями, собранными такимъ образомъ, въ программу были внесены нѣкоторыя поправки, самыя впрочемъ незначительныя, и затѣмъ Исполн. Комитету сдѣланъ былъ запросъ, не согласится ли онъ принять эти измѣненія, на что и воспослѣдовалъ утвердительный отвѣтъ. Такимъ образомъ составилась публикуемая нами программа Исполнительнаго Комитета, которая, надѣемся, будетъ принята и всей партіей. Мы, по крайней мѣрѣ, принимаемъ ее, какъ программу своего журнала.

— Друзья Л. Мирскаго просятъ насъ заявить, что прошенія о помилованіи онъ не подавалъ и что публикованная г. Гурко мотивировка помилованія— клевета, ничѣмъ со стороны Мирскаго не вызванная.

— Прокламація «Отъ реалистовъ къ обществу» напечатана и сдана по принадлежности *).

— Письмо Журбы получено. Отвѣтомъ служатъ №№ 2 и 3 «Нар. Воли».

— По «Листамъ добровольнаго сбора» (своевременно доставленнымъ) получено: отъ Л. И., Н. Н. (французскія буквы вездѣ

*) Эта прокламація въ нашей коллекціи имѣется. Она помѣщается въ отдѣлѣ третьемъ настоящаго сборника. *Ред. Сборника.*

замѣняемъ русскими), зетъ — по 30 к.; отъ у, Р. — по 40 к.; отъ М.I., Х.У. Л.Л., дворянина, х, Я, Н, нелюдимки, Ю.И., Жени, Ю.А.Т., Азіата, внучки, — по 50 к.; отъ О.В.М. — 60 к.; отъ племянницы—65 к.; отъ Н.М., Я, Р, О, зетъ, Александра II, Ф., иксъ игрекъ зетъ, АВС, Л.С., 99, ЭР, нѣкто, О., доброжелателя, юриста, О., акушерки, акушерки, темнокраснаго, темнокрасной, тайнаго, Пудовкиной, украинца, украинки, у, НН, иксъ, игрекъ, зетъ.. Э.К., У.Г., П—а, Александра, тетушки, малороссіянки — по 1 руб.; отъ Х — 1 р. 27 коп.; отъ аБ, казачка — по 1 р. 50 к.; отъ сумрачнаго, провинціала, В.Н., западной, М—ова — по 2 р.; отъ Т,Д, южанина, Г.Х., отъ... — по 3 р.; отъ хутора, Б — по 6 руб.; отъ Ша—това, Θ — по 10 руб.; отъ ВМ — 15 р.; отъ чернаго — 20 р.; отъ К, ключа, бороды, технолога, физика — по 25 р.; отъ О — 35 р.; отъ новорожденнаго 50 р.; отъ Ъ, В.М. — по 100 руб.

— Редакція «Земли и Воли» получила отъ Х. зимой прошлаго года 500 р., но, согласно желанію жертвовавшихъ, не публиковала объ этомъ.

— Получено: для «Народной Воли» 5 р. 50 коп.; отъ инженера — 10 р., отъ С.Х. одному изъ южно-русскихъ революціонныхъ кружковъ за ноябрь — 34 р., отъ друга участникамъ событія 19-го ноября—51 р., отъ друга на дѣло—51 р., отъ а.в.к. — 81 р., изъ М. отъ амикусъ — 150 р., черезъ Пр. 321 р., соціалистамъ — 34 р., отъ Р.П. — 25 р.

— Продается «Пиръ на весь міръ» Н. Некрасова. Цѣна 50 к.

Петербургская Вольная Типографія. 14 января 1880.

ЛИСТОКЪ НАРОДНОЙ ВОЛИ

РЕВОЛЮЦІОННАЯ ХРОНИКА

Годъ первый — № 1 — 1-го іюня 1880 г.

22-го Февраля въ Петербургѣ на Семеновскомъ плацу повѣшенъ соціалистъ-революціонеръ Ипполитъ Осиповичъ МОЛОДЕЦКІЙ.

5-го Марта въ Кіевѣ повѣшены соціалисты-революціонеры Мелетій Платоновичъ ЛОЗИНСКІЙ и Осипъ Исааковичъ РОЗОВСКІЙ.

ОТЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА

Въ послѣднее время въ Петербургѣ появилось нѣсколько лицъ, выдающихъ себя за старыхъ Нечаевцевъ, дѣйствующихъ яко бы по инструкціямъ изъ Женевы. Эти же лица именуютъ себя «обществомъ круглаго стола». На самомъ дѣлѣ — это компанія шпіоновъ, къ которой принадлежитъ между прочимъ и шпіонъ Суетинъ, вращавшійся долгое время на Петербургскихъ заводахъ и выдавшій множество рабочихъ, въ томъ числѣ Александра Григорьева.

Исполнительный Комитетъ, 29 апрѣля 1880 г.

---

15 Мая.

По всѣмъ соображеніямъ нужно было ожидать, что начало 1880 г. принесетъ съ собою небывалое еще оживленіе свободной прессы. «Нар. Воля» съ каждымъ мѣсяцемъ завоевывала себѣ болѣе прочное положеніе. «Черн. Пер.» готовился выйдти въ свѣтъ. Рабочіе оканчивали свои приготовленія по изданію собственнаго органа «Рабочая Заря». Наконецъ, ходили слухи объ основаніи одного чисто конституціоннаго органа и о переносѣ въ Петербургъ одной заграничной газеты. Но человѣкъ предполага-

етъ, а Богъ располагаетъ. Двѣ три случайности — и революція осталась почти безъ голоса въ самую горячую пору, когда событія болѣе, чѣмъ когда либо, требовали независимаго объясненія. Бросимъ же хотя ретроспективный взглядъ на эти четыре мѣсяца борьбы.

Вѣчно памятная ночь съ 17-го на 18-ое января дала правительству неожиданную, но блестящую побѣду. Типографія «Народной Воли» была нечаянно открыта и послѣ упорнаго сопротивленія захвачена полиціей. Остается до сихъ поръ невыясненнымъ, что привело полицію въ домъ № 10 по Саперному. Говорятъ, будто при ранѣе бывшихъ обыскахъ обнаружились какія-то смутныя указанія на квартиру Лысенко въ этомъ домѣ, побудившія полицію на всякій случай посмотрѣть, что тамъ такое. Говорятъ также, будто обходъ былъ привлеченъ въ квартиру Лысенко какимъ-то стукомъ. Какъ-бы то ни было, несомнѣнно то, что полиція не имѣла ни малѣйшаго понятія о всей важности своего шага.

Въ 2 часа ночи приставъ съ двумя околодочными и двумя городовыми подошли къ парадному и черному ходамъ квартиры. Согласно обыкновенной и всѣмъ извѣстной уловкѣ, приставъ послалъ дворника впередъ съ извѣстіемъ, яко бы г. Лысенко принесена телеграмма. Но такъ какъ изъ окна, выходившаго на лѣстницу, полиція была прекрасно видна, то изъ этой хитрости ничего не вышло. Наши товарищи сдѣлали въ полицію нѣсколько выстрѣловъ и согнали ее пониже. Приставъ немедленно послалъ за подкрѣпленіемъ, а самъ ограничился блокадой обѣихъ дверей. Между тѣмъ нашимъ товарищамъ предстояли двѣ важныя задачи: 1) уничтожить всѣ важныя бумаги и документы, захватъ которыхъ могъ бы имѣть самыя прискорбныя послѣдствія, 2) сдѣлать провалъ типографіи извѣстнымъ возможно шире, чтобы никто изъ имѣвшихъ сношеніе съ типографіей не могъ попасться. Обѣ задачи были выполнены съ полнымъ успѣхомъ. Въ то время, когда часть типографщиковъ занималась уничтоженіемъ бумагъ, другіе отбивали нападеніе. Въ то же время полиція, получивши подкрѣпленіе (въ видѣ жандармовъ, массы городовыхъ и толпы дворниковъ), пошла на штурмъ. Болѣе 100 выстрѣловъ было сдѣлано съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ, патроновъ уже не хватило. Выпустивъ послѣдніе патроны, наши отступили въ слѣдующую комнату, дверь которой

была полуотворена. Полиція однако остановилась еще нѣсколько времени предъ этой слабой преградой, выдвигая впередъ дворниковъ съ топорами, чтобы выламывать якобы эти несчастныя двери. Убѣдившись, что стрѣлять нашимъ уже нечѣмъ, трусливая стая ворвалась въ послѣднюю комнату. Началась уже не борьба, а просто избіеніе. Главнымъ героемъ явился частный приставъ, получившій за это дѣло Владиміра. Нѣкоторые изъ подчиненныхъ обращались къ нему съ замѣчаніемъ: — «Какъ-бы намъ не досталось, коли до смерти убьешь кого.» — «Не робѣйте, ребята, до веревки доживутъ», ободрялъ ихъ начальникъ. Били, дѣйствительно, не разбирая мущинъ и женщинъ, связанныхъ и безчувственныхъ. Одинъ типографщикъ былъ убитъ или застрѣлился — это до сихъ поръ осталось невыясненнымъ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что онъ имѣлъ нѣсколько ранъ. Немудрено, что и пристрѣлили, озлобленные упорнымъ сопротивленіемъ. Наконецъ, наши товарищи были накрѣпко скручены и брошены въ залѣ на показъ начальству, которое не замедлило явиться. Прибылъ градоначальникъ, прокуроръ и пр., послали за докторомъ (изъ той же заботливости, что бы «до веревки дожили») и, наконецъ, такъ связанныхъ и отправили въ крѣпость. Кучи пеплу однѣ остались отъ бумагъ. Окна типографіи были выбиты и вышиблены. Продолжительная пальба разбудила весь кварталъ и привлекла толпы народа во всѣ окрестные переулки. Съ утра весь городъ кричалъ о побоищѣ въ Саперномъ, и напрасно цѣлая свора шпіоновъ и городовыхъ стерегли цѣлыхъ два дня переулокъ, хватая каждаго, кто казался подозрительнымъ: никто больше не попался. Провалъ типографіи былъ локализированъ абсолютно.

Нельзя безъ глубокого умиленія думать объ этой героической защитѣ. Можно безъ всякаго самохвальства сказать, что въ Россіи умѣютъ умирать, но поведеніе типографщиковъ «Нар. Воли» оставляетъ далеко за собой всѣ другіе аналогичные случаи. Не трудно умереть, но въ минуту крайней опасности, въ предпослѣднюю минуту своей жизни, мирясь съ собственной гибелью, думать только о дѣлѣ и о безопасности товарищей по дѣлу, не упуская ни малѣйшаго обстоятельства, имѣющаго въ этомъ отношеніи хоть какую-нибудь важность и исполнить все съ обдуманностью и хладнокровіемъ, — для этого нужна душа истинно

великая, нужно самоотверженіе, достойное лучшихъ временъ христіанства. Вѣчная вамъ память, вѣчная вамъ слава, наши дорогіе товарищи! Пусть вашъ высокій примѣръ прольетъ въ наши души тотъ святой огонь, который жегъ ваши сердца, пусть онъ вдохновитъ на подвигъ насъ и нашихъ преемниковъ. Вѣчная вамъ слава! Вотъ имена лицъ, работавшихъ въ типографіи и участвовавшихъ въ ея защитѣ.

1) Николай Константиновичъ Бухъ, жившій хозяиномъ подъ именемъ Лысенко;

2) Софія Андреевна Иванова, жившая подъ именемъ его жены;

3) Лазарь Цукерманъ, жившій безъ прописки;

4) Убитый или застрѣлившійся, имя котораго до сихъ поръ полиціи неизвѣстно;

5) Особа, жившая служанкой, относительно которой мы пока не можемъ публиковать точныхъ свѣдѣній.

Сообщая въ настоящее время объ этихъ лицахъ то лишь, что уже извѣстно полиціи, мы въ свое время опубликуемъ ихъ біографіи.

Гибель типографіи поставила редакцію «Нар. Воли» въ самое затруднительное положеніе. Трудно было даже заявить Россіи о случившемся и о своемъ твердомъ намѣреніи возобновить изданіе. Почти весь третій номеръ «Нар. Воли Воли» былъ захваченъ при арестованіи типографіи (спасено не болѣе 200 экземпляровъ)*). Однако дѣла скоро стали поправляться. Общее сочувствіе не замедлило проявиться. Исполнительный Комитетъ первый оказалъ намъ поддержку. Затѣмъ многочисленныя пожертвованія посыпались со всѣхъ сторонъ. Мы считаемъ долгомъ выразить нашу глубокую благодарность за эту матеріальную и нравственную поддержку въ такую тяжелую минуту. Наконецъ, редакція «Черн. Пер.» любезно предложила свои услуги для напечатанія нашего объясненія и воззванія къ обществу. Къ несчастію, этому воззванію не суждено было увидѣть свѣтъ; оно въ полномъ изданіи взято вмѣстѣ съ «Черн. Пер.»

29-го января полиція открыла и арестовала типографію «Черн. Пер.» Нѣсколько времени передъ тѣмъ издатели

---

*) Изъ этого видно, какую особенную рѣдкость составляетъ № 3 «Нар. Воли». Но и спасенные нумера въ большинствѣ случаевъ безъ послѣдняго листа. Намъ же посчастливилось достать этотъ нумеръ въ его полномъ видѣ. *Ред. Сборника.*

«Черн. Пер. пригласили къ себѣ въ типографію нѣкоего Жаркова, саратовскаго мѣщанина, наборщика по спеціальности, и давно извѣстнаго какъ соціалиста по убѣжденіямъ. Проработавши нѣсколько времени, Жарковъ отправился на родину по домашнимъ обстоятельствамъ и былъ въ Москвѣ арестованъ. Конечно, жандармы не имѣли и не могли имѣть никакихъ поводовъ заподозрить Жаркова въ участіи въ типографіи; но эта низкая личность изъ страха, а, быть можетъ, и изъ корысти самъ заявилъ объ этомъ и предложилъ правительству свои услуги. Возвратившись въ Петербургъ, онъ обратилъ на себя вниманіе Исполн. Комит., но къ сожалѣнію все-таки успѣлъ выдать типографію «Чер. Пер.». Передѣльцы были арестованы въ числѣ трехъ человѣкъ, и, сверхъ того, по указанію того же Жаркова арестованы еще двое лицъ. Къ вечеру 29-го числа въ городѣ заговорили о взятіи новой типографіи, а на другой день это прискорбное извѣстіе оказалось не подлежащимъ сомнѣнію.

Недолго просуществовала и третья подпольная типографія. Едва устроенная, она была захвачена въ февралѣ, такъ что «Рабочей Зари» вышелъ лишь 1-ый №*). При типографіи арестовано 16 человѣкъ. Считаемъ необходимымъ констатировать фактъ, что это были дѣйствительно рабочіе, а не переодѣтые лица интеллигентнаго класса, какъ объ этомъ заявлялось въ газетахъ. Причины, благодаря которымъ полиція напала на слѣдъ типографіи, намъ неизвѣстны.

Дѣла между тѣмъ шли своимъ порядкомъ. Казалось даже, что тяжелые удары послужатъ на пользу партіи, вызывая въ ней усиленную дѣятельность. Благодаря поддержкѣ, встрѣченной нами со всѣхъ сторонъ, мы могли основать временную «летучую типографію», удовлетворяя хотя самымъ настоятельнымъ потребностямъ публикаціи. Деревенская фракція народниковъ также обнаружила большую энергію послѣ нанесеннаго ей удара. Изъ провинціи доходили самыя отрадныя извѣстія.

Наступили 5-ое февраля. Рѣдко выпадаютъ такіе дни. Въ теченіи одного часа въ Петербургѣ убитъ, по распоряженію Исп. Комитета, Жарковъ и произведенъ взрывъ

*) «Рабочей Зари» у насъ нѣтъ. Очень просимъ эту газету розыскать и доставить намъ. *Ред. Сборника.*

Зимняго Дворца. Начнемъ съ малаго. Агенты Исп. Ком. выслѣдили Жарлова и убили его у Тучкова моста на льду Малой Невки. Оглушенный кистенемъ, шпіонъ упалъ, крича о помилованіи, обѣщая во всемъ признаться. Нѣсколько ударовъ кинжала прекратили эту позорную жизнь, и черезъ часъ — только замерзшій трупъ предателя свидѣтельствовалъ о совершившемся актѣ правосудія, доказывая собою, что и въ Россіи, хотя рѣдко, но все же иногда торжествуетъ справедливость и получаетъ достойную кару предательство.

Вечеромъ того же 5-го февраля въ 6 ч. 22 м. произошелъ взрывъ во дворцѣ. (Считаемъ необходимымъ констатировать фактъ, что знаменитый столяръ, о которомъ столько толкуютъ, — дѣйствительно рабочій по происхожденію и ремеслу. Какъ извѣстно, онъ остается до сихъ поръ не розысканнымъ. Толки газетъ о его знатномъ будто бы происхожденіи для него крайне непріятны, и онъ просилъ редакцію «Нар. Воли» возстановить фактъ его чисто рабочаго происхожденія. Съ удовольствіемъ исполняемъ эту просьбу.) Мы не станемъ вдаваться въ подробности событія, извѣстныя изъ газетъ. Весь вечеръ 5-го февраля по Петербургу ходили лишь смутныя толки о событіи.

Правительство видимо желало какъ нибудь замолчать происшествіе и свалить дѣло на газовыя трубы. Но скрыть истину не было возможности: въ числѣ свидѣтелей было слишкомъ много мѣстныхъ и иностранныхъ высочайшихъ особъ. 6-го февраля утромъ появилось правительственное сообщеніе о новомъ злодѣйскомъ покушеніи и приняты мѣры для принужденія къ выраженію вѣрноподданническихъ чувствъ.

Дѣло однако было поведено сначала очень неловко. Вообще нужно замѣтить, что по мнѣнію правительства и по городскимъ слухамъ взрывъ 5-го февраля ставился въ связь съ предполагаемой попыткой революціонеровъ произвести возстаніе.

Неизвѣстно почему, но въ правительственныхъ сферахъ явилось предположеніе, что къ 19-му февраля революціонеры предпримутъ какое-нибудь наступленіе. Переполохъ былъ всеобщій. Царь не рѣшился выйти изъ своего поврежденнаго дворца даже въ Казанскій Соборъ. Въ Петербургъ были вызваны новыя войска. Полиція начала усиленную пропаганду между дворниками, которые передавали всѣ нелѣпости далѣе по принадлежности всему городскому на-

селенію. Пропаганда велась въ духѣ, что студенты, молъ, бунтуютъ, и что ихъ за это надо бить, и что, кромѣ того, дворники и всѣ благомыслящіе люди должны строжайше выискивать вездѣ измѣну и доносить. Очевидно, полиція имѣла идеаломъ — довести дѣло до проявленія вѣрноподданническихъ чувствъ на манеръ московскихъ мясниковъ. Опытный человѣкъ легко могъ видѣть, что такая попытка ни къ чему не приведетъ, ибо въ Петербургѣ — слишкомъ ничтожное количество элементовъ, дурно относящихся къ студентамъ. Наоборотъ, легко могло бы случиться, что полиція расшевелитъ рабочихъ, которые пойдутъ бить, но не студентовъ, а вообще господъ и самую полицію. Это поняли скоро и наши газетчики, и само начальство. Тѣмъ не менѣе въ первое время въ Петербургѣ была невыносимо тяжелая атмосфера. Оффиціально распространялись слухи о готовящемся возстаніи; дворники совѣтовали жильцамъ запасаться водой и свѣчами, ибо, молъ, во время возстанія будутъ взорваны водопроводы и газовыя трубы. Всѣ, приходящіе въ какой-либо домъ, опрашивались дворниками самымъ грубымъ образомъ, куда идутъ. Иногда допытывались, зачѣмъ идетъ, какъ фамилія, гдѣ живетъ самъ и даже спрашивали паспортъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ дворники вовсе не пускали кого имъ вздумается позже извѣстнаго часа. Дворникамъ старательно внушалось полиціей, что они имѣютъ право арестовывать, и эти новоиспеченные царьки, благодаря глупости и незнанію, въ чемъ собственно состоитъ измѣна, стали. дѣйствительно, невыносимо назойливы и грубы. Всѣ они обязательно были вооружены дубинами. На улицахъ случались такія происшествія: въ глухой мѣстности, на Пескахъ, идетъ студентка; изъ кучи лабазниковъ въ нее бросаютъ топоромъ и затѣмъ за нею кидаются въ догонку; дѣвушка успѣла добѣжать до городового и обратилась къ нему съ требованіемъ защиты. «Мнѣ и безъ васъ много дѣла», пробурчалъ охранитель общественнаго спокойствія. Преслѣдователи, очевидно, сами не разсчитывали на такое явное попущеніе, потому что сами отретировались. На углу Невскаго и Литейнаго въ вагонѣ двѣ студентки говорили о своихъ лекціяхъ, упоминая что-то о мышьякѣ. Гостинодворецъ древле-русскаго типа схватилъ одну за шиворотъ: «А, такъ вы, такія-сякія, хотите народъ травить» и потащилъ было изъ вагона, но публика вступилась

за испуганныхъ дѣвушекъ и освободила ихъ. Многіе студенты, опасаясь, что начальство съумѣетъ возбудить противъ нихъ травлю, стали запасаться оружіемъ...

Мы лично оставались въ полной увѣренности, что изо всего этого ничего не выйдетъ, по крайней мѣрѣ ничего хорошаго для начальства. Но, въ всякомъ случаѣ, паника охватила очень многихъ. Курсы упали, дѣла на биржѣ пришли въ застой, и очень многіе стали выбираться изъ Петербурга со всѣмъ семействомъ. Такъ-то — человѣческая глупость и трусость сама себѣ создаетъ опасности. Это положеніе вещей, однако, скоро прекратилось. Газеты стали настойчиво обращать вниманіе правительства на всю опасность затѣваемой имъ игры. Въ это время, кстати, былъ назначенъ вице-императоромъ армянскій спаситель Россіи Лорисъ-Меликовъ, у котораго хватило ума прекратить это напрасное безпокойство и обратить вниманіе обывателей на болѣе пріятное занятіе — приготовленія къ празднованію 19 февраля. Тутъ сразу наступила новая эра. Полиція стала распоряжаться насчетъ иллюминаціи; на улицахъ замелькали дворники съ охапками новенькихъ флаговъ; все оживилось. Городъ Глуповъ такъ и вспоминался на каждомъ углу. Объ этомъ, впрочемъ, послѣ.

Между тѣмъ, какъ Петербургъ переживалъ всю эту революцію, заграницей происходила драма иного рода. 3 февраля въ Парижѣ былъ арестованъ Гартманъ, обвиняемый русскимъ правительствомъ какъ соучастникъ взрыва 19 ноября. Россійское правительство уже предвкушало свое торжество съ того самого момента, когда услужливый г. Андріе согласился арестовать Гартмана. На дѣлѣ вышло иначе. Двѣ силы оказались недостаточно взвѣшенными правительствомъ. Общественное мнѣніе Франціи заявило себя на сторонѣ радикальныхъ принциповъ и противъ русской тираніи. Сверхъ того въ нашей русской революціонной партіи проявилось единство въ такой степени, на которую не каждый смѣлъ надѣяться. Едва Гартманъ былъ арестованъ, какъ вся наша эмиграція встрепенулась. Со всѣхъ сторонъ, въ Парижѣ, въ Женевѣ, повсюду, русскіе устно и печатно агитировали за освобожденіе Гартмана. Вступился въ дѣло и Исполн. Комит. Его прокламація къ къ французскому народу уже опубликовано на русскомъ языкѣ, потому мы не касаемся ея содержанія. Извѣстно во вся-

комъ случаѣ, что она произвела впечатлѣніе во Франціи. Въ то-же время представители революціонной партіи заграницей начали личную агитацію во Франціи. Въ концѣ концовъ, дѣло Гартмана приняло характеръ европейскаго событія, а общественное мнѣніе Франціи, благодаря дружнымъ стараніямъ нашихъ собратьевъ, оказалось ознакомленнымъ съ положеніемъ вещей въ Россіи настолько, что самая мысль о выдачѣ Гартмана сдѣлалась противна большинству французовъ, какъ величайшая политическая нечестность. Правительство Греви, очевидно, не могло насиловать столь ясно выраженную волю націи, и 23-го февраля Гартманъ былъ освобожденъ. Русское правительство расписалось въ полученіи оплеухи, опубликовавши всѣ документы по дѣлу, изъ которыхъ несомнѣнно явствуетъ, что въ тожественности Гартмана и Мейера, такъ же какъ и въ прикосновенности Гартмана къ покушенію 19-го ноября, дѣйствительно невозможно было усумниться французскимъ властямъ. Подобнаго исхода русское правительство никакъ не предчувствовало и тѣмъ временемъ спокойно занималось внутренней политикой. «Въ твердомъ намѣреніи искоренить крамолу» Его Величество снова пересадилъ музыкантовъ своего квартета. Генералъ Гурко въ полной опалѣ полетѣлъ съ мѣста, и спасеніе Россіи поручено Лорисъ-Меликову съ Верховной Распорядительной Комиссіей въ придачу. «Изыдетъ свѣтъ съ востока!» завопили газеты. До настоящаго времени свѣтъ этотъ однако проявился лишь въ видѣ торжественной иллюминаціи въ Петербургѣ. Для приданія ей болѣе задушевнаго характера не только домовладѣльцы получили приказаніе освѣтить дома, но даже квартирантамъ велѣно было выставить въ каждомъ окнѣ, выходящемъ на улицу, по двѣ свѣчи. Полиція бѣгала въ попыхахъ, подготовляя проявленія народныхъ чувствъ. Рабочимъ рѣшено было дать трехдневный праздникъ безъ вычета платы. Шпіонъ Баталинъ за нѣсколько дней до 19-го февраля распространялъ свой листокъ по поводу славнаго царствованія. Черезъ недѣлю все было готово, и весь Петербургъ только толковалъ, что о празднествѣ.

Конечно, эти сцены изъ «Комедіи Всемірной Исторіи» только смѣшны. Конечно, до 19-го февраля и послѣ него масса населенія Петербурга была и осталась такъ же индиферентна къ царю, какъ всегда. Но вмѣстѣ съ тѣмъ

питерецъ радъ повеселиться, погулять по случаю чего бы то ни было, а потому естественно, что 19 февр. городъ былъ очень оживленъ. Тысячъ 5-6 народу толпилось у дворца, разсматривая блестящую толпу придворныхъ, генераловъ и пр.; улицы были разукрашены, народу гуляло видимо невидимо. Все это описано въ газетахъ, и намъ остается только прибавить, что, по чистой совѣсти говоря, и при самомъ тщательномъ наблюденіи, вѣрноподанническія чувства блистали своимъ отсутствіемъ въ массѣ населенія. За то газеты и извѣстная часть общества» были неподражаемы въ холопствѣ. Это, должно быть, и сгубило И. Млодецкаго.

Празднество имѣло быть трехдневное. Но 20 февр. произошелъ казусъ, не входившій въ программу и испортившій, можно сказать, все удовольствіе. Когда Лорисъ-Меликовъ, возвратившись домой, выходилъ изъ кареты, Млодецкій выстрѣлилъ въ него изъ револьвера и былъ немедленно схваченъ. Говорятъ, графъ до сихъ поръ испытываетъ болѣзненное состояніе, какъ послѣдствіе выстрѣла. Если это правда, то очевидно, что Лорисъ носитъ кольчугу, и что Млодецкій не промахнулся. Какъ извѣстно, покушеніе И. Млодецкаго было задумано и выполнено имъ совершенно самостоятельно. По всей вѣроятности, празднество 19-го февраля черезъ чуръ оскорбило демократическое чувство молодаго героя, и онъ не въ силахъ былъ сдержать накипѣвшій протестъ. Какъ-бы то ни было, фактъ совершился. Увѣряютъ, будто судебной власти съ трудомъ удалось уговорить Лорисъ-Меликова предать Млодецкаго, хотя для видимости, суду: вицеимператоръ считалъ почему то болѣе внушительнымъ повѣсить дерзкаго немедленно и безъ всякаго суда. Отсрочка, впрочемъ, не заставила Лориса томиться слишкомъ долго. «Слѣдствіе» было произведено въ два часа, защитникъ не видался съ кліентомъ и 5 минутъ, судъ, разумѣется, также быстро поставилъ приговоръ, и черезъ 24 часа, 29 февраля, И. Млодецкій былъ уже повѣшенъ.

Поведеніе Млодецкаго было исполнено горделиваго презрѣнія. Судьямъ отвѣчать онъ отказался. Слѣдователи приставали къ нему съ разспросами, не дѣйствовалъ-ли онъ по порученію Исп. Ком. Млодецкій отрицалъ это, а на повторенныя приставанія сказалъ съ досадой: «Ну, думайте,

что вамъ угодно, мнѣ все равно». Казнь была произведена на Семеновскомъ плацу. Везли осужденнаго изъ крѣпости, т. е. черезъ весь Петербургъ. Этотъ долгій томительный путь, выдуманный палачами, И. Млодецкій совершилъ съ непоколебимымъ хладнокровіемъ и мужествомъ, импонируя многочисленныя толпы народа. Также встѣтилъ онъ и смерть. Поклонившись народу, онъ безтрепетно перешагнулъ въ другой міръ, гдѣ нѣтъ ни жертвъ, ни палачей, ни печалей ни воздыханій... «Ахъ, бѣдный!» «Ахъ, какой неустрашимый!» — слышалось по площади, рядомъ съ грубыми выходками какихъ то темныхъ личностей, вѣроятно шпіонскаго званія. Человѣкъ 6-7 было арестовано на площади за выраженіе сочувствія. Мы слышали объ одномъ господинѣ, сошедшемъ съ ума при этомъ зрѣлищѣ. Такимъ образомъ юбилей перваго 25-лѣтія былъ ознаменованъ висѣлицей. Какую ѣдкую иллюстрацію царствованія устроила судьба!

Торжество не обошлось и безъ царской милости. Рабочіе Петербурга упорно толковали за нѣсколько дней до юбилея, что 19 февр. крестьянамъ будетъ отдана вся земля. Тѣ же слухи нами сообщали и изъ другихъ мѣстностей. «Манифестъ» вмѣсто этого преподнесъ народу нищенскую подачку, не превышающую и 10 милліоновъ. Правда, что царю деньги были нужны, такъ какъ ему предстояла покупка Демидовскихъ картинъ на нѣсколько милліоновъ рублей, Тѣмъ не менѣе, все таки должно сознаться, что Александръ II-й не умѣетъ дѣйствовать по царски. Нѣтъ у него великодушія, не понимаетъ онъ, что такой мизерной милостыни уже лучше вовсе не давать. Впрочемъ, не разъ ужъ мы имѣли случай указать на то, что внутренняя политика Александра II-го не только направлена въ разрѣзъ ожиданіямъ народа, но мало даже импонируетъ той непретенціозной части общества, которая продолжаетъ вѣрить въ возможность продленія реформъ; такъ, назначеніе диктаторомъ Лориса наши газеты привѣтствовали какъ начало либеральной эры. Ждали отъ него чуть не Земскаго Собора. Оказалось, что ничего этого не будетъ. «Не толкуйте, пожалуйста, о свободѣ и конституціи,» сказалъ Лорисъ Суворину, «я не призванъ дать ничего подобнаго, и вы меня ставите только въ ложное положеніе». Теперь политика Лориса опредѣлилась, онъ просто — «просвѣщенный деспотъ». Какъ человѣкъ неглупый, онъ понимаетъ, что без-

смысленно губить людей зря, по Тотлебенски и Чертковски, что гораздо выгоднѣе не мѣшать жить разнымъ насѣкомымъ, въ родѣ раскаявшихся Дьяковыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Лорисъ понимаетъ, что у него не отвалится языкъ отъ лишней либеральной фразы. Ну, а затѣмъ — человѣкъ дѣйствительно порядочный, мысль дѣйствительно независимая — трепещи! До сихъ поръ Лорисъ дѣйствовалъ удачно. Но дѣло въ томъ, что во Владикавказѣ или Харьковѣ онъ не имѣлъ передъ собою трудностей своего теперешняго положенія. Теперь у него съ одной стороны общее и вполнѣ резонное недовольство, наиболѣе сильная, какая только есть въ Россіи, либеральная оппозиція и потомъ чисто революціонное движеніе; съ другой — ревнивый къ власти и отупѣвшій самодержецъ. Лорисъ не можетъ сдѣлать никакой уступки либеральнымъ элементамъ, не подвергаясь опалѣ царя. Говорятъ, онъ уже и теперь ожидаетъ аудіенціи по два часа, онъ и теперь получилъ уже высочайшую распеканцію за «распущенность» газетъ. А общество обижается, что нѣтъ реформъ. Интересно будетъ увидѣть, долго-ли съумѣетъ Лорисъ балансировать между двумя стульями? Пока же онъ занимается приведеніемъ административныхъ силъ къ единству, сліяніемъ разныхъ сортовъ полиціи, объединеніемъ дѣйствій губернаторовъ и жандармовъ и проч. Паралельно съ этимъ онъ старается разъединить оппозицію, кокетничать съ либералами, съ разными земцами и т. п.; красивыми фразами о будущихъ вольностяхъ онъ старается отрѣзать у конституціоналистовъ всякую связь съ радикалами. Вновь заведенный оффиціозъ «Берегъ» очень ловко поддерживаетъ операцію Главнокомандующаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ Лорисъ ловко эксплуатируетъ лакейское чувство разныхъ газетчиковъ, милостиво допуская ихъ до разговоровъ съ собою: убытку ему никакого, а газетчики млѣютъ и рады на стѣну лѣзть за добраго барина. Отрывая отъ насъ либеральную партію, Лорисъ намѣревается то же сдѣлать и относительно молодежи. Недавно вышедшее правительственное распоряженіе сулитъ не только помилованіе, но даже полное возвращеніе правъ ссыльнымъ по студенческимъ исторіямъ. Со студенчествомъ Лорисъ заигрываетъ и лично, призывая къ себѣ ихъ «представителей», обѣщаетъ всякія льготы. То же распоряженіе очевидно имѣетъ цѣлью внести раздѣле-

ніе въ ряды самой радикальной партіи, открывая возможность отступленія всякому измѣннику, всякому слабому духомъ. Нужно думать, что въ скоромъ времени Лорисъ раздѣлитъ радикаловъ на болѣе и менѣе опасныя фракціи и начнетъ покровительствовать болѣе мирнымъ революціонерамъ.

Что- жъ, политика не глупа! Сомкнуть силы правительства, раздѣлить и ослабить оппозицію, изолировать революцію и передушить всѣхъ враговъ порознь — не дурно! И замѣтьте, — что всѣхъ этихъ воробьевъ предполагается объегорить исключительно на мякинѣ, не поступившись ничѣмъ и даже, собственно говоря, никого не пощадивъ.

Характерную иллюстрацію къ системѣ Лориса могутъ составить политическіе процессы послѣдняго времени. Здѣсь мы находимъ и безсердечную жестокость, иногда маскируемую дешевымъ великодушіемъ, и стремленіемъ внести раздѣленіе въ серду самой партіи. Съ 21-го февраля въ Кіевѣ начались два политическіе процесса. Едва ли возможно представить болѣе возмутительныя убійства: Розовскій казненъ въ сущности за то, что у него найденъ литографированный листокъ какой то программы и Некрасовскій «Пиръ на весь миръ». Лозинскій погибъ за одну революціонную прокламацію. Казнь происходила 5-го марта, т. е. въ самый разгаръ царствованія Лориса.

24 Марта былъ процессъ въ Харьковѣ. Нужно сказать, что дѣло это старое, престарое и тянется съ 76-го года. Подсудимые занимались невиннѣйшей пропагандой, и дѣло было столь ничтожно, что даже въ тѣ времена его предполагалось порѣшить административнымъ порядкомъ. Главный подсудимый, Ястремскій, былъ выпущенъ на поруки и бѣжалъ за границу. Потомъ въ 78 году онъ добровольно отдался въ руки правительства, разсчитывая на ничтожность отвѣтственности. Несомнѣнно. что если бы дѣло разбиралось въ 77-78 году, — никто изъ подсудимыхъ не попалъ бы дальше поселенія. При Лорисѣ вышло иначе. Нѣсколько человѣкъ поплатилось 10-лѣтней каторгой (Ястремскій, Колюжный по 10 лѣтъ, Куплевскій на 6 л.), а нѣкоторые еще Высочайше помилованы (студ. Ванчаковъ, Чугуевецъ и Судейкинъ). Та же лживая комедія, что и по дѣлу Ефремова. Нарочно раздуютъ дѣло, налгутъ такъ, что кажется подсудимымъ мало и висѣлицы, а потомъ — милость: ка-

торга; тогда какъ, еслибы дѣйствовать безъ милости, но хоть сколько нибудь добросовѣстно, то и подъ арестъ не за что было бы посадить. Это — система Лориса.

Совершенно такой же характеръ имѣетъ политическій процессъ въ Одессѣ, начавшійся 26-го марта текущаго года. Бездоказательное обвиненіе людей, совершенно неповинныхъ ни въ чемъ, кромѣ направленія, не помѣшало суду приговорить 16 человѣкъ, изъ 18 подсудимыхъ, къ поголовной каторгѣ, начиная съ пожизненной. Разумѣется, этотъ нелѣпый приговоръ былъ смягченъ во славу начальства.

Процессы Московскіе, 9-го и 13-го апрѣля, въ этомъ смыслѣ еще болѣе возмутительны. Ни изъ обвинительнаго акта, ни изъ показаній свидѣтелей не видно, чтобы подсудимые проявили какую нибудь революціонную дѣятельность, кромѣ чтенія нѣкоторыхъ подпольныхъ изданій, да разговоровъ о народномъ благѣ. И тѣмъ не менѣе въ приговорѣ болѣе всего звучитъ: каторга. Интересно сопоставленіе этого приговора съ приговоромъ австрійскаго суда по дѣлу красовскихъ соціалистовъ въ мартѣ этого года, дѣлу во всякомъ случаѣ несравненно болѣе серьезному; изъ 35 подсудимыхъ приговорены лишь 4 чел. подъ арестъ (Варынскій на 7 дней, Трушковскій на 5, Пекарскій на 7 и Котурницкій на 1 мѣсяцъ), остальные же оправданы. Сопоставленіе говоритъ само за себя.

Петербургскій процессъ (7—14 мая), къ которому мы возвратимся еще въ слѣдующемъ № Нар. Воли, быть можетъ еще болѣе характеренъ. Здѣсь подсудимые оффиціально раздѣляются на двѣ категоріи: болѣе опасныхъ, стремящихся къ низверженію Верховной Власти, и менѣе опасныхъ, имѣющихъ цѣлью низверженіе существующаго строя. Судятъ, очевидно, по убѣжденіямъ, а не по дѣйствіямъ, что бы ни говорилъ Лейхтъ. Отсутствіе уликъ ставится ни во что, разъ констатировано вредное направленіе. Висѣлица и каторга — таковъ несложный приговоръ суда. Этотъ приговоръ, поразившій Петербургъ своею безпощадностью, былъ однако такой же комедіей, имѣвшей цѣлью лишь прославить милосердіе монарха самой дешевой цѣной, ибо въ результатѣ достигнуты и страшная кара и возвеличеніе царя.

Увѣнчается ли политика армянскаго дипломата успѣхомъ? Это, конечно, зависитъ отъ количества ума и гражданскаго

чувства, какое окажется въ наличности у россійскихъ людей. Политика Лориса вся построена въ разсчетѣ на глупость и своекорыстность общества, молодежи, либераловъ, революціонеровъ. Мы сильно надѣемся на то, что разсчетъ окажется навѣрнымъ, что общество не проведешь одними обѣщаніями, что молодежь не подкупишь стипендіями и предоставленіемъ карьеры, что революціонеры сомкнутся тѣснѣе, чѣмъ когда либо. До сихъ поръ все, что находилось въ Россіи порядочнаго, т. е. все, примыкавшее такъ или иначе къ революціи, — руководилось не личными побужденіями, а стремленіемъ къ свободѣ, къ народному благу, ненавистью къ деспотизму и обскурантизму, и до тѣхъ поръ, пока Россія не вышла на путь свободнаго развитія, честные люди не сложатъ рукъ и по прежнему будутъ бороться за свою идею, по прежнему будутъ непримиримыми врагами современнаго порядка и правительства, его охраняющаго.

Намъ доставленъ нижеслѣдующій документъ, изъ котораго читатели усмотрятъ, насколько основательны надежды людей, чающихъ либеральныхъ реформъ отъ воцаренія Лориса:

Нач. С-го Губ. Жанд. Управленія.

Милостивый Государь!

Вслѣдствіе особаго направленія, усвоеннаго въ послѣднее время нѣкоторыми органами русской печати, и въ особенности со времени учрежденія Верх. Расп. Коммисіи, въ обществѣ стали распространяться извращенныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ нашего Правительства относительно различныхъ преобразованій, равно и упраздненія нѣкоторыхъ существующихъ государств. учрежденій. При особой впечатлительности общества и при томъ настроеніи его, которыя созданы прискорбными обстоятельствами настоящаго времени, слухи эти не могли очевидно не породить разнообразныхъ и совершенно превратныхъ сужденій о дѣйствіяхъ Верх. Расп. Ком., а вмѣстѣ съ тѣмъ и не возбудить въ подлежащихъ органахъ власти тревожныхъ ожиданій.

Въ виду сего Г. Главн. Нач. означенной Коммисіи, при личномъ по поводу сего объясненіи со мною, поручилъ

мнѣ разсѣять въ служащихъ по вѣдомству III Отд. Собств. Его Вел. Канц. и Отд. Корп. Жанд. всякія сомнѣнія, внушенныя имъ упомянутыми слухами; причемъ Ген. Ад. Гр. Лор. Меликову угодно было выразить, что всѣ газетныя сообщенія, предрѣшающія указанные выше вопросы, ничего общаго ни съ правительственными намѣреніями, ни съ личнымъ взглядомъ Его Сіятельства на этотъ предметъ не имѣютъ и что онъ вполнѣ увѣренъ, что члены Жанд. Вѣдомства будутъ дѣйствовать съ прежнею энергіею и твердостью.

О вышеизложенномъ, во исполненіе порученія Ген. Ад. Гр. Лор. Меликова, долгомъ считаю сообщить Вамъ, М. Г., и покорнѣйше просить принять увѣреніе въ уваженіи и преданности.

Нач. III Отд. Шмидтъ.

ОТЧЕТЪ

О СУММАХЪ, ПОСТУПИВШИХЪ НА БОРЬБУ ЗА НАРОДНОЕ ОСВОБОЖДЕНІЕ.

Отъ: Неизвѣстныхъ 264 руб., Народина 200, Дуды 1200, Глаза 100, М. И. 100, черезъ П. Р. 845, Л. 21, Друга 25, Друга 14, О и А 25, Жертвъ классическ. образ. 3, Единомышленника 140, Вм. 7, 12 — 7. р 10 к. Изъ Одессы отъ: Отца Иринарія 12 р. 5о к. Учителя хохла 6 руб. 50 к., Скорбящаго артиста 5. Богомола 3.

Для Исп. Ком. отъ: Опекуна 25, Учениковъ черезъ опекуна 5, изъ М. 300.

По доставленнымъ листкамъ Нар. Воли отъ: Ч. Ч. 200 р. Сочуствующихъ 115, Посторонняго читателя 100, Стариковъ22, Разныхъ лицъ 78, Л.1 25, за обѣды 32, Дх. 30, VV 32, VV 35, В-нъ 20, vv 14. По 50 р. отъ: А, П-овъ, vv, Амеліи. Дорьки 100 р. По 25 р. отъ: ИДК, Ч, Альфа, Д-ръ, Д.; Р Ф 100 р.

За недостаткомъ мѣста продолженіе отчета будетъ помѣщено въ слѣдующемъ «Листкѣ» или въ 4-омъ № «Народной Воли», который выйдетъ въ началѣ осени.

Редакція «Народной Воли».

Летучая Типографія «Народной Воли»

ЛИСТОКЪ НАРОДНОЙ ВОЛИ

РЕВОЛЮЦІОННАЯ ХРОНИКА

Годъ первый — № 2 — 20 августа 1880 г.

ПОЛИКАРПОВЪ, Константинъ, застрѣлился въ Кіевѣ при неудачной попыткѣ убить шпіона Забрамскаго.

10 Августа.

Около полугода прошло уже съ той поры, когда воцареніе Лорисъ-Меликова было встрѣчено дружнымъ хоромъ газетныхъ ликованій, какъ начало новой эры. Несомнѣнно, что общественное мнѣніе значительно расходилось въ этомъ случаѣ съ голосомъ печати. Тѣмъ не менѣе миріады газетныхъ листковъ, наводняющія ежедневно всѣ закоулки Россіи, не могли, разумѣется, не производить извѣстнаго давленія на общественное мнѣніе. Увѣренія въ несомнѣнной близости реформъ были такъ рѣшительны, разные слухи изъ «достовѣрныхъ источниковъ» такъ единогласно говорили о богатыхъ милостяхъ, ожидающихъ Россію, что трудно было уже вовсе не повѣрить. А вѣрить въ добавокъ такъ хотѣлось.....

Прошло полгода. Условія для правительства были самыя благопріятныя. Не разъ оно раньше заявляло публично, что и радо было бы «возвратиться» (?) къ либеральной политикѣ, да только мѣшаютъ кинжалы и динамитъ революціонеровъ. За послѣдніе мѣсяцы ни кинжалы, ни динамитъ не проявляли ничѣмъ своего существованія. Цѣлое полугодіе полнѣйшей тишины революціонеры подарили правительству, и оно безъ всякаго ущерба для своей амбиціи могло сдѣлать, что угодно. А между тѣмъ реформъ все нѣтъ. Что же это означаетъ ?

Пора положить конецъ смѣшному недоразумѣнію, возможному лишь при полномъ отсутствіи у насъ политическаго опыта. Пора русскимъ гражданамъ понять, что даромъ ничто на свѣтѣ не дается, что всякая власть дѣлаетъ уступки ровно настолько, насколько народъ способенъ ихъ вынудить!

Всѣ еще помнятъ, какую панику нагналъ на правительство взрывъ 5-го февраля! Оно ожидало обширнаго возстанія. Петербургъ былъ поставленъ болѣе чѣмъ на военную ногу. И вотъ въ такой критическій моментъ начинаются уступки. Лорисъ-Меликовъ, извѣстный (хотя и незаслуженно) за либерала, назначается первымъ послѣ царя лицемъ въ государствѣ. Ему дается право приглашать въ Верховную Коммиссію «всѣхъ лицъ, присутсвіе которыхъ имъ будетъ признано полезнымъ». Въ тотъ же день (14 фев.) Лорисъ-Меликовъ обращается къ жителямъ столицы съ воззваніемъ, гдѣ обѣщаетъ «оградить законные интересы благомыслящей части общества», и заявляетъ прямо: «На поддержку общества смотрю, какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти въ возобновленіи правильнаго теченія государственной жизни». Все это вмѣстѣ взятое со стороны правительства составляло весьма недвусмысленное обѣщаніе сдѣлать изъ Верховной Коммиссіи нѣчто въ родѣ Земскаго Собора, какъ дѣло и было всѣми понято. Безполезно, конечно, пускаться въ догадки, была ли у правительства хоть одну секунду рѣшимость исполнить обѣщанія, или они съ самаго начала давались въ намѣреніи только одурачить почтенную публику и заручиться ея содѣйствіемъ на случай ожидаемой инсуррекціи. Какъ бы то ни было, страхи правительства скоро исчезли. Революціонеры въ бой не пошли, и безпокоиться, значитъ, не было особенныхъ причинъ, тѣмъ болѣе, что правительство съ обычнымъ легкомысліемъ такъ же легко изъ спокойствія революціонеровъ заключило о ихъ безсиліи, какъ раньше пришло въ ужасъ при сравнительно неважномъ фактѣ взрыва во дворцѣ. Убѣдившись въ безопасности, правительство начинаетъ дѣйствовать иначе, и политика его очень быстро принимаетъ характеръ, обрисованный нами въ прошлый разъ. Прекрасныя обѣщанія блѣднѣютъ, стушевываются, замѣняются новыми побрякушками, каждый разъ все менѣе и менѣе значущими, а пока обществу отводятъ такимъ образомъ глаза, у правительства идетъ рабта поважнѣе.

Мы не отказываемъ этой работѣ въ цѣлесообразности. Каж-

дый сколько нибудь умный деспотъ, Николай, Треповъ или Лорисъ, одинаково призналъ бы необходимою перетасовку генералъ-губернаторовъ. Въ интересахъ самой власти требовалось убрать Тотлебена, способнаго своими мѣропріятіями возмутить противъ правительства вѣрнѣйшихъ слугъ. Точно также вполнѣ цѣлесообразно ограниченіе правъ и отдѣльныхъ г. губернаторовъ и подчиненіе ихъ, а также III отд. одной центральной власти. Вообще, Лорисъ систематизировалъ абсолютизмъ, принявшій за предшествующій годъ какой - то безтолковый характеръ. Остальныя дѣйствія Лориса имѣли въ виду усиленіе средствъ полиціи и администраціи; въ Петербургѣ, напр., число околодочныхъ увеличивается съ 250 до 500, такъ что въ иныхъ мѣстахъ околодки состоятъ уже всего изъ 3—4 домовъ. Городовые избавляются отъ исполненія неидущихъ къ службѣ формальностей и пр.

Все это какъ нельзя болѣе резонно. Мы отдаемъ Лорисъ-Меликову полную справедливость въ томъ, что онъ послѣдовательно развиваетъ принципы абсолютнаго государства. Но при чемъ тутъ общество, народъ, свобода, самодѣятельность?

Полагаемъ, что ровно не при чемъ. А между тѣмъ вся положительная дѣятельность Лориса исчерпывается подобными мѣропріятіями. Все остальное—шарлатанство, даже замаскированное не особенно тщательно: посуливши россійскимъ гражданамъ участіе «въ возстановленіи правильнаго теченія государственной жизни», Лорисъ нѣкоторое время игралъ въ Верховную Комиссію. Но къ срединѣ марта онъ очевидно уже убѣдился, что россійскіе граждане настолько смирны и покладисты, что имъ можно кинуть и менѣе опасную игрушку. Мало по малу Верховная Комиссія окончательно стушевалась Гдѣ она и что дѣлаетъ, ничего неизвѣстно, но общественныя ожиданія уже возбуждены, и вотъ для нѣкотораго удовлетворенія ихъ начинаются мѣропріятія; они имѣютъ своею цѣлью уже не измѣненіе системы, но придаютъ ей якобы болѣе мягкій характеръ. 3 апрѣля опубликовано распоряженіе о пересмотрѣ свѣдѣній касательно административно сосланныхъ. Того же числа знаменитый гонитель просвѣщенія, Григорьевъ, смѣненъ съ назначеніемъ на его мѣсто Абазы, извѣстнаго за либерала, 24 апрѣля слетѣлъ съ мѣста графъ Толстой, и его замѣнилъ въ сѵнодѣ профессоръ Побѣдоносцевъ, а въ министерствѣ —предполагаемый авторъ русской конституціи, Сабуровъ. Всѣ эти дѣянія сопровождаются усиленнымъ

раздуваніемъ ихъ чьими-то услужливыми руками на столбцахъ европейскихъ газетъ. Чего только не наговорили о «пересмотрѣ свѣдѣній»! А между тѣмъ возвращеніе административныхъ ссыльныхъ, попавшихъ въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя «по ошибкѣ», или заявившихъ свое раскаяніе, всегда, разумѣется, практиковалось, и ничего тутъ нѣтъ новаго или особеннаго.

То же самое можно сказать по поводу перемѣнъ въ личномъ составѣ правительственныхъ лицъ. Изъ чего тутъ шумѣть? Нужно-ли доказывать, что при существованіи извѣстной систмеы самый либеральный начальникъ не можетъ доставить свободы и независимости для прессы. Въ главномъ управленіи не мало было либеральныхъ людей, цензорами бывали очень честные литераторы, а не смотря на это, мы уже видимъ, до какого состоянія доведена наша пресса. Говорятъ, г. Абаза заявилъ нѣкоторымъ редакторамъ, что онъ допуститъ свободу обсужденія въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ это было въ 60-хъ годахъ. Нельзя сказать, чтобы система была особенно опредѣленная. Подождемъ, что-то скажетъ намъ коммиссія по составленію новаго цензурнаго устава. Остальныя изъ либеральныхъ свѣтилъ обновленнаго правительства пока заявили себя еще менѣе. Г. Побѣдоносцевъ успѣлъ только произнести передъ воспитанницами Ярославскаго Дух. Уч. рѣчь, гдѣ уговариваетъ, между прочимъ, дѣвушекъ: «Не слушайтесь тѣхъ новыхъ лжепророковъ, которые хотятъ вывести васъ изъ скромной сферы семейной жизни; сфера эта и безъ того широка,... и вамъ не будетъ не только необходимости, но и возможности засѣдать еще въ какихъ либо собраніяхъ». (*Страна*, № 48). Что касается М. Н. П., то графъ Толстой, прощаясь съ сослуживцами, въ присутствіи 150 человѣкъ «нашелъ возможнымъ заявить, что ему достовѣрно извѣстно, что съ его выходомъ въ отставку никакихъ перемѣнъ въ нашей учебной системѣ не будетъ». (*С.П.Б. Вѣд.*, 1-го мая). Городскіе слухи утверждаютъ даже, что, по волѣ государя, никакія измѣненія въ учебномъ вѣдомствѣ не должны быть производимы иначе, какъ съ согласія гр. Толстого. Отставка довольно оригинальная!

Итакъ правительство существенно отступило отъ своихъ обѣщаній: вмѣсто измѣненія системы, мы получаемъ перемѣну лицъ; вмѣсто участія общества въ «возстановленіи

правильнаго теченія государственной жизни», намъ сулятъ перестройку государственнаго зданія собственными средствами правительства и по его собственному плану; вмѣсто реформъ по желанію и почину самого общества, мы имѣемъ теперь только обѣщанія Лорисъ-Меликова сдѣлать ярмо старой системы достаточно удобнымъ для шеи обывателя. Нижепомѣщаемая характеристика графа показываетъ, на сколько можно надѣяться на эти обѣщанія и чего можно ожидать отъ этого лживаго и жестокаго человѣка.

Предоставляемъ подумать объ этомъ проповѣдникамъ смиренія, которые на всякія проявленія возмутительнѣйшаго насилія рекомендуютъ Россіи отвѣчать удвоеннымъ холопствомъ и покорностью. Мы съ своей стороны скажемъ, что говорили всегда. Не смиреніе нужно, нуженъ протестъ, отпоръ. Революціонная партія, ставя ребромъ вопросъ о низверженіи существующаго правительства, дѣйствовала не зря, а основывалась на точной оцѣнкѣ существующаго порядка вещей. Тамъ, гдѣ произволъ есть основаніе закона,— нѣтъ ни закона, ни свободы, нѣтъ обезпеченія примитивныхъ правъ человѣка. Нѣтъ предѣловъ насилію при такой системѣ. Устранить же произволъ нельзя иначе, какъ силой. Добровольно власти никто не отдастъ. Права народа, права личности у насъ получатъ реальное значеніе только тогда, когда источникомъ закона сдѣлается народная воля, а охранителемъ законовъ народное правительство. Полугодовое царствованіе Лорисъ-Меликова доказало въ тысячный разъ, что мы были правы, что нашъ путь — единственно вѣрный путь. Этимъ путемъ и должна идти партія, не смущаясь никакими возгласами малодушныхъ и недальновидныхъ людей, до тѣхъ поръ, пока зло не будетъ вырвано съ корнемъ, пока самодержавіе народа не замѣнитъ одряхлѣвшаго и развратившагося монархическаго самодержавія.

Примѣчаніе. Къ набору настоящаго «Листка Народной Воли» было уже приступлено, когда газеты извѣстили русское общество о новомъ актѣ правительственной «мудрости» или вѣрнѣе наглости. Именнымъ указомъ Сенату отъ 6-го августа этого года торжественно опущена въ могилу верховная распорядительная комиссія, доблестно выполнивъ свою великую миссію: крамолы не уничтожила, общественныхъ надеждъ не оправдала, но блистательно доказала еще разъ, что лгать и дурачить легковѣрныхъ рус-

ское правительство умѣетъ и охотно къ этому прибѣгаетъ. Вторымъ пунктомъ указа Министерство Вн. Дѣлъ присоединяется отнынѣ къ III-му Отд., къ министру вн. дѣлъ переходятъ сполна права шефа жандармовъ и начальника похороненной коммиссіи, въ товарищи къ бывшему диктатору приглашается корифей III-го Отд. Черевинъ, министръ вн. дѣлъ переселяется въ зданіе тайной канцеляріи и пр. и пр. Словомъ, мы были правы, говоря въ передовой статьѣ, что никакой перемѣны въ системѣ съ воцареніемъ Лориса произойти не могло, какъ не произошло ея и теперь съ упраздненіемъ знаменитой коммиссіи.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВА

Говорятъ, что къ фигурамъ Минина и Пожарскаго на извѣстномъ московскомъ монументѣ будетъ въ скоромъ времени прибавлена статуя графа Лорисъ Меликова. Говорятъ, что благодарная Россія изобразитъ графа въ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ, но съ волчьимъ ртомъ спереди и лисьимъ хвостомъ сзади, въ отличіе отъ прочихъ генералъ-адъютантовъ, отечества не спасавшихъ. Мы ничего не имѣемъ противъ такого увѣковѣченія памяти графа. Мы даже готовы принять посильное участіе въ національной подпискѣ на сооруженіе статуи. Но такъ какъ подписка еще не объявлена, то ограничимся пока духовной лептой, сообщеніемъ данныхъ, свидѣтельствующихъ, что графъ достоинъ памятника.

Велико было ликованіе нашихъ легальныхъ собратовъ по газетному дѣлу при назначеніи графа субалтернъ-императоромъ. Всѣ знаютъ цѣну подобныхъ ликованій. Какъ ни жестко относятся къ намъ наши собраты, но мы всегда готовы войти въ ихъ положеніе и признать, что имъ, вынужденнымъ кланяться „собакѣ дворника, чтобъ ласкова была“, нельзя было не ликовать при назначеніи диктатора, кто бы онъ ни былъ. На этотъ разъ однако ликованіе было довольно понятно. Графу предшествовала смутная репутація умнаго и либеральнаго человѣка, и самъ онъ, съ перваго-же дня своего диктаторства, сталъ мягко и любезно пошевеливать лисьимъ хвостомъ. Прокламація къ жи-

телямъ столицы, призывъ представителей города въ комиссію, интимныя бесѣды съ журналистами, правительственное сообщеніе о пересмотрѣ дѣлъ административно-ссыльныхъ,— такова казовая сторона перваго періода диктатуры графа Лорисъ-Меликова. Каждый изъ этихъ взмаховъ лисьяго хвоста привѣтствовался не только самъ по себѣ, но и какъ задатокъ какого-то огромнаго подарка, который благородный графъ сдѣлаетъ благодарной Россіи. Чьи-то услужливые языки и перья муссировали каждое изъ этихъ событій, удесятеряли ихъ фактическое и принципіальное значеніе,—Россія была наканунѣ золотого вѣка. Независимо отъ газетныхъ восторговъ, намъ приходилось слышать, какъ старые, сѣдые практики выражали полную увѣренность въ томъ, что петербургскіе думцы станутъ постоянными членами верховной комиссіи, что въ нее выйдутъ представители другихъ городовъ, земствъ, сословій. Мы слышали фантастическіе разсказы о тысячахъ, чуть-ли даже не десяткахъ тысячъ ссыльныхъ, возвращенныхъ семьѣ, отечеству, наукѣ. Мы слышали серіозныя увѣренія, что III Отд. собст. его величества канцеляріи уничтожается. Открытая реакція, нагложестокая и безумно-кровожадная, опечалилась. Она опустила бы голову еще ниже, если бы графъ съ перваго же шага не показалъ, что у него есть не только лисій хвостъ, а также волчій ротъ. Мы разумѣемъ казнь Млодецкаго.

Наиболѣе выдающійся фактъ второго періода диктатуры графа Лорисъ-Меликова есть низверженіе графа Толстого. Отставка этого министра народнаго помраченія есть дѣйствительная заслуга диктатора. Но радуясь этой несомнѣнно всероссійской радости, а также такимъ, пока еще сомнительнымъ радостямъ, какъ назначеніе Сабурова, Абазы, Маркова, Бунге, надо помнить, что все это только измѣненія въ составѣ населенія бюрократическаго Ноева Ковчега. Новый министръ, новые товарищи министра, новый начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати еще не успѣли опредѣлиться. Но положимъ, что въ ковчегѣ русской бюрократіи, какъ и въ библейскомъ Ноевомъ Ковчегѣ, чистыхъ животныхъ по семи паръ, а нечистыхъ только по двѣ. Мы готовы этому радоваться вмѣстѣ съ легальной журналистикой и со всѣмъ русскимъ обществомъ. Пріятно видѣть, что попечительное правительство даетъ намъ хорошихъ начальниковъ взамѣнъ дурныхъ. Но взмахи лисьяго

хвоста не это обѣщали, не палліативы въ видѣ хорошаго начальства. А изъ за нихъ забыты всѣ обѣщанія перваго періода диктатуры.

Типическій азіатскій дипломатъ, графъ умѣетъ товаръ лицомъ показать. Съ трескомъ и громомъ явилась прокламація къ жителямъ столицы, а за кулисами обѣщанное въ ней обращеніе къ содѣйствію общества свелось къ нулю. Кимвалы и тимпаны возвѣстили приглашеніе представителей города Петербурга въ верховную комиссію, а на дѣлѣ они не были тамъ ни одного раза. Отставкѣ Дрентельна былъ приданъ характеръ сокращенія дѣятельности, если не уничтоженія III Отдѣленія, а на дѣлѣ оно продолжаетъ свою гнусную дѣятельность въ усиленныхъ размѣрахъ.

Того требуетъ азіатская натура и азіатскія привычки графа. Еще будучи начальникомъ Терской области, онъ занимался насажденіемъ шпіонства, то же продолжалъ дѣлать въ Харьковѣ, то же дѣлаетъ въ Петербургѣ. Мы имѣемъ довольно достовѣрныя свѣдѣнія, что, кромѣ обыкновенныхъ агентовъ III Отдѣленія, шпіонствомъ, подъ видомъ прислушиванія къ общественному мнѣнію, занимаются и нѣкоторые русскіе литераторы, даже довольно видные, и попы, посѣщающіе Домъ Предварительнаго Заключенія. Еще большій громъ, чѣмъ отставка шефа жандармовъ, произвело правительственное сообщеніе о пересмотрѣ дѣлъ админиcтативно-сыльныхъ. Мы знаемъ, что князь Имеритинскій объѣзжалъ нѣкоторыя тюрьмы и бѣгло разспрашивалъ содержащихся тамъ въ ожиданіи отправки на мѣсто административной ссылки. Но если этотъ объѣздъ и дастъ какіе нибудь результаты, то до сихъ поръ ихъ не видно, а видно совсѣмъ другое. Видно, что какъ разъ въ моментъ правительственнаго сообщенія изъ Петербурга происходили усиленныя высылки на мѣсто родины, въ Сибирь, въ захолустья европейской Россіи.

(По свѣдѣніямъ «Голоса», отъ 4 го іюня, въ восточную Сибирь прослѣдовало 64 человѣка политическихъ ссыльныхъ, изъ которыхъ 23 — административныхъ. По нашимъ свѣдѣніямъ, въ Москвѣ на 14 іюля была собрана новая партія въ 83 человѣка политическихъ ссыльныхъ, изъ которыхъ административныхъ свыше 30 человѣкъ.)

Правительственное сообщеніе мотивировало, между прочимъ, пересмотръ желаніемъ дать нѣкоторымъ молодымъ

людямъ, оторваннымъ отъ науки, возможность кончить образованіе. А намъ извѣстны такіе, напримѣръ, случаи: въ іюнѣ мѣсяцѣ студентъ IV курса М. Х. А. Неуйменъ, обязанный 2 года назадъ подпискою о невыѣздѣ, обратился въ III Отдѣленіе съ запросомъ, можетъ-ли онъ уѣхать на каникулы. Запросъ заставилъ вспомнить о немъ, и студентъ былъ немедленно высланъ административнымъ порядкомъ. Намъ извѣстны и другіе подобные случаи.

Все это лисій хвость. Гдѣ же волчій ротъ?

Лисій хвостъ многіе охотно простятъ графу, даже, можетъ быть, похвалятъ за него. Скажутъ: ловкій человѣкъ. Но азіатскій дипломатъ не только ловкій человѣкъ, онъ жестокій человѣкъ. Самъ увлекаясь процессомъ надувательства, графъ въ этомъ увлеченіи не остановится ни передъ чѣмъ.

Наши легальные собраты берутъ иногда изъ „Народной Воли“ отдѣльные клочки, какъ матерьялъ для довольно плохихъ остротъ. Но они никогда ничего не заимствуютъ, напр., хотя-бы изъ нашей хроники арестовъ. Тѣмъ болѣе не посмѣютъ они перепечать нижеслѣдующихъ фактовъ, за достовѣрность которыхъ мы ручаемся. Но мы усердно просимъ иностранныя газеты обратить на нихъ вниманіе. Если намъ, какъ людямъ гонимымъ и пристрастнымъ, не повѣрятъ, то пусть поручатъ своимъ петербургскимъ корреспондентамъ навести точныя и подробныя справки. Пусть Европа узнаетъ, что такое либеральный азіатъ, такъ ловко умѣющій муссировать грошевую подачку, въ родѣ, напр., помилованія Вончакова, Судейкина и Чугуевца, осужденныхъ всего на два мѣсяца къ заключенію въ смирительномъ домѣ, безъ ограниченія правъ. Объ этомъ знакѣ милосердія и либерализма протрубили и русскія, и иностранныя газеты. Пусть-же Россія и Европа заглянутъ за кулисы!

Вотъ эпизоды изъ харьковскаго генералъ-губернаторства графа.

За участіе въ побѣгѣ Ѳомина Ефремовъ былъ приговоренъ къ смертной казни. На самомъ дѣлѣ онъ ничего не зналъ о побѣгѣ, а былъ только знакомъ съ нѣкоторыми участниками. На судѣ это вполнѣ выяснилось. Главною уликою противъ него признавалось будто-бы имъ написанное письмо, въ которымъ обсуждались различные планы побѣга. На самомъ дѣлѣ письмо это было писано И. Ивичевичемъ. Послѣдній собственноручно сообщилъ объ этомъ

графу Лорисъ-Меликову, указывая на тождество своего почерка съ почеркомъ преступнаго письма. Не смотря на все это, судъ вынесъ Ефремову смертный приговоръ. Затѣмъ къ Ефремову являлся прокуроръ и говорилъ такія гнусныя рѣчи: «Мы знаемъ, что вы не причастны, но власть не должна быть компрометирована безнаказанностью преступленія; виновные скрылись, вы отвѣтите». Онъ обѣщалъ однако отъ имени графа помилованье, если Ефремовъ подастъ прошеніе. Тотъ отказался. Прокуроръ вновь пришелъ и уже просилъ приговореннаго къ смерти подать прошеніе: «снимите, говоритъ онъ, тяжесть съ совѣсти, ручаюсь за помилованіе». Совѣсть!... Ефремовъ не соглашался. Прокуроръ обратился къ его товарищамъ, чтобы тѣ его уговорили. Таварищи стали уговаривать не губить себя, (а товарищи тоже безвинно попали), и наконецъ, чтобы облегчить ему путь, подали всѣ за себя прошенія о смягченіи участи. Ефремовъ былъ сломанъ... «Если бы я зналъ, какую жизнь мнѣ придется вести, я бы не подалъ прошенія: такая жизнь не стоитъ униженія», пишетъ онъ уже съ каторги. «Но тогда я не имѣлъ достаточно силъ. Мучусь этимъ до сихъ поръ. Я не ждалъ приговора къ смерти и былъ совершенно убитъ. Я ничего не дѣлалъ, не имѣлъ даже ясныхъ убѣжденій. Смерть меня такъ пугала, что я даже опасался, что не выдержу на эшафотѣ и малодушнымъ поведеніемъ скомпрометирую партію.» Подалъ прошеніе и попалъ на 20 лѣтъ на каторгу... Затѣмъ графъ Лорисъ-Меликовъ помѣстилъ сестру Ефремова въ учебное заведеніе. Услужливые языки распускаютъ слухъ, что онъ лично за нее платитъ, но это не вѣрно; она воспитывается на казенный счетъ, хотя и по ходатайству графа.

Нужны-ли комментаріи къ этимъ оригинальнымъ всполохамъ азіатской совѣсти? Нужно-ли доказывать, что заботы о воспитаніи сестры человѣка, завѣдомо невинно погубленнаго, это все равно, что та свѣчка, которую анекдотическій разбойникъ ставитъ Николаю Чудотворцу послѣ убійства? Хорошъ судъ, осуждающій на смерть невиннаго человѣка, хорошъ прокуроръ, умоляющій снять съ его совѣсти тяжесть, но лучше всѣхъ графъ, истинный виновникъ этого возмутительнаго эпизода.

Въ Петербургѣ исторія Ефремова повторилась на Сабуровѣ. Всѣ помнятъ, что судъ по дѣлу Адріана Михайлова,

Веймара, Сабурова и другихъ, назначенный къ слушанію въ концѣ апрѣля, былъ отложенъ на недѣлю. Всѣ помнятъ также, что приговоръ Сабурова къ смертной казни вовсе не вытекалъ изъ данныхъ, выяснившихся на судѣ. Вотъ объясненіе этихъ фактовъ. Графъ почему-то увѣрился, что Сабуровъ есть убійца Мезенцова. Незадолго передъ судомъ диктаторъ лично явился къ Сабурову и долго вилялъ передъ нимъ своимъ мягкимъ лисьимъ хвостомъ, всячески убѣждая его открыть свое настоящее имя. Графъ обѣщалъ помилованіе, обѣщалъ сохранить тайну имени, говорилъ о своемъ великодушіи, оцѣненномъ даже въ Европѣ. А когда Сабуровъ остался непоколебимъ, графъ оставилъ лисій хвостъ и разинулъ волчій ротъ. Онъ объявилъ Сабурову напрямикъ, что онъ будетъ повѣшенъ. На другой день къ Сабурову явился Черевинъ, подтверждая и просьбу, и угрозу принципала. Въ концѣ разговора онъ далъ Сабурову недѣлю на размышленіе, вслѣдствіе чего судъ и былъ отложенъ на недѣлю. Такъ какъ Сабуровъ за недѣлю не одумался, то финаломъ гнусной комедіи суда былъ смертный приговоръ, чудовищный въ юридическомъ смыслѣ, но вполнѣ соотвѣтствующій азіатской совѣсти диктатора.

Таковъ графъ Лорисъ-Меликовъ, спаситель отечества, возстановитель правды, насадитель свободы! Для этого азіата, въ которомъ наивные люди хотятъ видѣть европейца, нѣтъ униженія: онъ спустился до роли палача, шпіона, политическаго шулера, онъ растопчетъ судъ, правду, жизнь, но сдѣлаетъ это такъ, что наивные люди увидятъ только мягкія движенія пушистаго хвоста...

Каковъ попъ, таковъ приходъ. Многіе вѣрятъ что съ воцареніемъ графа Лорисъ-Меликова, дѣятельность тайной и явной полиціи приняла болѣе мягкія формы. Въ дѣйствительности при графѣ происходятъ иногда вещи, до сихъ поръ неслыханныя и невиданныя. Недавно осужденныя по дѣлу Михайлова и другихъ, Малиновская, Колѣнкина, Ольга Натансонъ и Питаньева подверглись въ Домѣ Предварительнаго Заключенія варварской и совершенно безцѣльной пыткѣ: ихъ свидѣтельствовали для осмотра особыхъ примѣтъ. Обыкновенно эту операцію надъ женщинами производятъ женщины-же. Но тутъ цѣлая свора самцовъ, состоявшая изъ членовъ Врачебной Управы и жандармовъ, набросилась на несчастныхъ женщинъ. Началось съ Натансонъ,

которая незадолго передъ тѣмъ сама просила подвергнуть ее медицинскому осмотру, въ виду ея болѣзненнаго состоянія. Поэтому она сперва не протестовала, но когда она поняла, въ чемъ дѣло, началась возмутительная сцена насилія, повторившаяся потомъ надъ Малиновской, Колѣнкиной и Витаньевой. Въ результатѣ Малиновская покушалась на самоубійство, о чемъ было напечатано въ газетахъ, разумѣется, съ умолчаніемъ о причинахъ. Теперь она психически безнадежно больна и отвезена въ больницу. Остальныя находятся въ состояніи сильнаго нервнаго разстройства.

Наши легальные собраты, вамъ не нравятся наши теоріи! Нравятся-ли вамъ сообщенные нами факты? Нравится-ли вамъ волчья пасть графа Лорисъ-Меликова, или вы еще не разочаровались въ его лисьемъ хвостѣ?

ОТЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА

Нижеслѣдующія лица состоятъ шпіонами III Отд.

1) ЯКУБОВИЧЪ Ал-дръ Филип., канд. Спб. Унив., былъ суд. слѣд. въ г. Павлоградѣ, позднѣе прис. повѣр. въ С.П.Б. Въ 1876 г. скрылся изъ П.Б-а, замотавши около 15 тыс. довѣренныхъ ему денегъ. Жилъ въ Парижѣ, путешествовалъ по Америкѣ, находясь въ близкихъ отношеніяхъ къ русскому посольству. Перевелъ Токвиля: «Демократія въ Америкѣ». Нынѣ проживаетъ въ П. Б-ѣ; имѣетъ большое знакомство среди столичнаго и провинціальнаго общества. Примѣты его: 40 лѣтъ, роста средняго, волосы черные съ просѣдью, борода и усы темные, выраженіе глазъ испуганное, носъ большой, греческій, лицо продолговатое.

2) ЯНОВЪ, Ал-дръ Ив., роста средняго, волосы, усы и бородка свѣтлые, носъ вогнутый, губы толстыя, лицо розовое, продолговатое. Не достаетъ двухъ верхнихъ переднихъ зубовъ. Вращается въ С.П.Б-ѣ среди рабочихъ.

Исполнительный Комитетъ, 12 августа 1880 г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Революціоннымъ движеніямъ массъ, возстаніямъ и бунтамъ предшествовали всегда великія народныя бѣдствія, отчасти даже стихійнаго свойства: голодъ, повальныя болѣзни, моръ или разорительныя войны. Постояннаго гнета государственной машины съ ея атрибутами: полнымъ неуваженіемъ къ правамъ личности, обираніемъ народныхъ массъ, истощеніемъ всѣхъ производительныхъ силъ страны — какъ-бы не вполнѣ достаточно для того, чтобы вывести народъ на путь активной борьбы со зломъ. Необходимо могучее содѣйствіе неотразимыхъ силъ природы или чудовищное проявленіе безчеловѣчія правителей, чтобы народъ созналъ и почувствовалъ необходимость какого-нибудь исхода, хотя-бы даже и насильственнаго. Мы не думаемъ, чтобы теперешнее соціальное положеніе Россіи представляло всѣ симптомы приближающагося революціоннаго движенія въ народѣ; но читатель легко убѣдится, знакомясь съ хроникой народной жизни, что нѣкоторые симптомы, указывающіе на возможность въ Россіи болѣе или менѣе обширныхъ народныхъ бунтовъ, существуютъ уже въ наличности.

Къ сожалѣнію, размѣры нашего листка не дозволяютъ намъ заносить въ свою хронику многихъ изъ наиболѣе характерныхъ признаковъ волнующаго насъ великаго народнаго бѣдствія — голода. Приходится давать общіе итоги, предоставляя самому читателю провѣрить ихъ правильность; дѣлать общіе выводы, рискуя услышать упрекъ, что выводы построены на пескѣ. Ясно, что положеніе наше невыгодно; но съ нимъ, волей-неволей, приходится мириться.

Голодъ сельскаго населенія, какъ результатъ плохаго урожая, появленіе жучка и саранчи, страшный падежъ скота отъ безкормицы и повальныхъ болѣзней, небывалая смертность дѣтей и взрослыхъ отъ болѣзней эпидемическихъ, — вотъ явленія, рѣзко выступающія на сѣромъ фонѣ и безъ того невыносимо-тягостной жизни русскаго народа.

На Дону «бродитъ изъ села въ село страшный призракъ голодной смерти»; въ Екатеринославской губерніи «крестьяне во многихъ селахъ бросили все и разбрелись съ

семьями»; въ Самарской губерніи «наступилъ голодъ»; въ Саратовской губерніи «населеніе, спасаясь отъ голода, толпами устремляются въ города. Саратовъ, Камышинъ, Царицынъ и другіе переполнены пришлымъ людомъ, ищущимъ работы, но работы нѣтъ».

Жители многихъ уральскихъ станицъ «заявляли мѣстному начальству, что они три дня ничего не ѣли, а передъ этимъ питались одной воблой нѣсколько недѣль. Народъ сталъ пухнуть, а дѣти отъ голоду умирать»; въ Могил. губ. «крестьяне питаются картофелемъ, а чаще однимъ щавелемъ. Крестьяне болѣе богатыхъ деревень смѣшиваютъ послѣдніе остатки хлѣба съ мелко-истолченнымъ папортникомъ и изъ этой смѣси пекутъ себѣ хлѣбъ»; въ Орловской губ. «громадное количество мякины, накопленной у помѣщиковъ за прошлые годы, истреблено теперь крестьянскими желудками. Хлѣбъ на три четверти состоитъ изъ мякины»; въ Пермской губ. было уже нѣсколько случаевъ голодной смерти среди татаръ; въ Тверской губ. «недостатокъ хлѣба простирается до 7 м. р.; въ Архангельской губ. «населеніе обильнѣе, чѣмъ обыкновенно, подмѣшиваетъ къ свѣжему хлѣбу различные суррогаты: мохъ, древесную кору, песочекъ, отростки молодыхъ елей..» Въ суммѣ жукъ и саранча уничтожили хлѣба въ губерніяхъ: Тавріч., Херсонской, Екатерин., Землѣ Войска Донскаго, Харьковской, Астраханской, Саратовской, Самарской, Симбирской, Оренбургской, Казанской. Этому горю, — голоду въ сельскомъ населеніи, — предшествовало другое: голодъ и падежъ десятковъ милліоновъ голодной скотины. Потери, причиненныя падежомъ народному хозяйству, неисчислимы. Въ Уфимской губ. «крестьяне и даже многіе землевладѣльцы раскрывали соломенныя крыши и этимъ гнильемъ кормили скотъ; пораженный чумою, онъ гибнетъ въ ужасныхъ размѣрахъ»; у киргизовъ двѣ трети скота подохли; въ Самарской губ. «по деревнямъ и селамъ стоитъ стонъ и вой голодной скотины; четыре пятыхъ всего количества скота въ губерніи погибло отъ голода»; въ Уральскомъ краѣ «болѣе милліона головъ скота устлали землю костями»; въ Царицынскомъ уѣздѣ «за отсутствіемъ скота сами крестьяне впрягались въ плугъ и вспахивали на себѣ свою тощую землю». Въ Землѣ В. Донскаго, губ. Тавріч., Херсонской, Екатерин., Бессар., Харьков., Черниг., Могилев., Воронеж.,

Перм., Петерб., Новгород., Олонецкой — падежъ скота отъ безкормицы, чумы и сибирской язвы разоряетъ народъ въ конецъ.

Голодуха и обнищаніе, чрезмѣрно ослабляя силы народа, отдаютъ его всецѣло въ жертву всевозможнымъ эпидемическимъ болѣзнямъ. Особенно многочисленны эти жертвы на югѣ Россіи. Въ Полт. губ. съ ноября 1876 г. переболѣло дифтеритомъ 43,343 души, а умерло 18.760; въ Чернигов. губ. заболѣло 8.000 душъ, а умерло 80 проц.! Въ Курской губ. съ сентября 1879 г. по 1 марта этого года дифтеритъ задушилъ 4,700 ч, дѣтей, въ Подольской губ. онъ свирѣпствуетъ 4 года. Теперь нерѣдки села, гдѣ на 600—700 душъ населенія уцѣлѣло 5—6 человѣкъ дѣтей. Тамъ же появилась оспа, тифъ и скарлатина. Кромѣ того, дѣти и взрослые гибнутъ въ Ворон., Херсон. и Москов. губ. Лишнее было бы, разумѣется, добавлять, что самый громадный процентъ смертности дѣтей выпадаетъ на долю сельскаго сословія, такъ какъ вся жизненная обстановка тому способствуетъ. На сѣверѣ Россіи обезсиленный народъ становится жертвою сибирской язвы. Предоставляемъ самому читателю вспомнить, для полноты впечатлѣнія, общеизвѣстные факты страшнаго развитія сифилиса въ народѣ, накожныхъ, грудныхъ и глазныхъ болѣзней.

Итакъ, голодъ со всѣми его ужасными послѣдствіями, полное разореніе и обездоленіе большинства производительной силы государства — крестьянства, вотъ та пропасть, къ которой мы стремимся, руководимые мудрыми правителями «божьей милостью»! Нелѣпо было бы, разумѣется, доказывать, что въ появленіи жучка, саранчи, дифтерита, пожаровъ и т. п. бѣдствій непосредственно виновно правительство; нѣтъ, правительство дворниковъ и квартальныхъ надзирателей не въ состояніи повелѣвать стихіями и непокорными силами природы. Но оно виновно въ томъ, что непомѣрными поборами, далеко превышающими доходность крестьянскихъ участковъ, истощило въ конецъ крестьянскую землю и, оставаясь глухо къ народнымъ заявленіямъ и протестамъ, породило всеобщую нищету и вырожденіе народа; въ томъ, что систематично подавляетъ въ народѣ всякое проявленіе самостоятельной жизни и дѣятельности, заставивъ сельскую общину служить исключительно цѣлямъ фискальнымъ; въ томъ, что, убивая энергію, тормозя

всѣми зависящими мѣрами развитіе въ народѣ образованія и поднятіе культуры, оно всегда оказывается безсильнымъ помочь этому народу въ критическіе моменты его соціальной жизни.

Давно уже жалуется народъ на истощеніе своихъ несчастныхъ надѣловъ, давно уже ждетъ онъ, что правительство увеличитъ надѣлы, передавъ народу казенныя и помѣщичьи земли. Чѣмъ же отвѣчаетъ на все это правительство? Оно отвѣчаетъ знаменитымъ Маковскимъ циркуляромъ, гласящимъ, что всѣ надежды на правительство Александра Блаженнаго не имѣютъ подъ собой никакой почвы. Все останется, молъ, по старому: неурожаи и голодъ могутъ повторяться хоть ежегодно, люди вольны умирать отъ голода и повальныхъ болѣзней сотнями тысячъ, но правительство «божьей милостью» не перестанетъ увеличивать податей и налоговъ, не перестанетъ высѣкать изъ голоднаго крестьянина недоимку, не перестанетъ извлекать изъ его же среды лучшихъ молодыхъ силъ для поддержанія себя и своей позорной системы. Разсматривая русскій народъ, какъ податную силу, подлежащую самой грубой эксплуатаціи, русское правительство съ неменьшимъ презрѣніемъ относится и къ высшимъ потребностямъ того общества, къ поддержкѣ котораго оно въ послѣднее время лицемѣрно взывало. Одержимое свободобоязнью, оно отстранило отъ общественной дѣятельности лучшія силы общества, отдавъ земскія учрежденія подъ покровительство военнаго положенія и всевластной администраціи; даровало провинціальной печати право помѣщать лишь казенныя объявленія да рукоплескать неслыханнымъ реформамъ царя-освободителя.

Итакъ, преступная дѣятельность правительство, стремящаяся привести Россію къ полному истощенію ея производительныхъ и жизненныхъ силъ, отличается полнотою, достойной лучшей цѣли. Вотъ почему на него всею тяжестью должно обрушиться обвиненіе въ томъ, что своею системою управленія оно вызвало теперешній соціально-экономическій кризисъ въ народной жизни.

Не укладывается народная русская жизнь въ прокустово ложе Александра Блаженнаго, не можетъ живое существо примириться съ судьбою безправнаго, вьючнаго животнаго, съ перспективой голодной смерти впереди, — и вотъ эта невозможность примиренія выражается съ одной стороны

въ частыхъ крестьянскихъ «бунтахъ» и «безпорядкахъ» голодной городской черни, съ другой стороны въ страшномъ развитіи преступленій противъ личности и собственности, въ громадномъ ростѣ бездомнаго, безпаспортнаго населенія, выброшеннаго на мостовыя промышленныхъ центровъ. Крестьянскимъ и городскимъ волненіямъ мы посвятимъ отдѣльную статью въ слѣдующемъ № «Листка», здѣсь же ограничимся указаніемъ на тотъ фактъ, что ростъ многихъ промышленныхъ городовъ за послѣднее время обусловливается страшнымъ ростомъ сельскаго пролетаріата, скопляющагося въ промышленныхъ центрахъ. «Скорое и милостивое» правосудіе хватаетъ свои жертвы именно изъ этого источника безъисходнаго горя и неприкрытой нищеты. «Гдѣ тотъ монастырь», читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ („Юридич. Вѣстникъ“ Іюнь 1880 г, Уголовная хроника), «который укроетъ отъ рыщущаго по Руси горя-злощастья всю ту голь перекатную, всю ту рвань заплатанную, безпаспортную, что кишитъ въ нашихъ городахъ, что покрываетъ наши дороги, что толпится и безропотно гибнетъ на различныхъ пристаняхъ и ватагахъ? Нѣтъ такого монастыря и нѣтъ для голытьбы пріюта и успокоенія. У дикихъ звѣрей, перефразируемъ мы слова Тиверія Гракха, есть норы и логовища, а у этого подчасъ одичалаго отребья человѣчества нѣтъ ничего въ отечествѣ, кромѣ воздуха и свѣта. Страстное желаніе въ Сибирь, въ тюрьму да въ каторгу при такихъ условіяхъ до извѣстной степени становится понятнымъ». Не страшатъ бѣдняка ни тюрьма, ни каторга, не устрашитъ его и висѣлица, дарованная въ числѣ многихъ другихъ памятныхъ подарковъ «любезному русскому народу» его отцомъ благодѣтелемъ. Голодный человѣкъ не боится смерти, ибо съ мыслью о ней онъ свыкся давно; вотъ почему воздвигнутая въ Руси висѣлица, какъ средство обуздать наиболѣе смѣлыхъ нарушителей правъ собственности, — грабителей и убійцъ, — должна быть разсматриваема, какъ глупость и звѣрство, не находящія себѣ даже историческаго оправданія въ преданіяхъ предшествовавшихъ царствованій. За послѣдніе мѣсяцы русскій народъ выслушалъ уже шесть смертныхъ приговоровъ по уголовнымъ преступленіямъ. Мы не станемъ распространяться о всей гнусности подобныхъ зрѣлищъ, развивающихъ въ народѣ легкое отношеніе къ человѣческой жизни, притупляющихъ его гуманныя чувства.

Плоды такого воспитанія народа, безъ сомнѣнія, отразятся на самихъ же воспитателяхъ въ тотъ моментъ, когда голодная, обобранная чернь задумаетъ сводить счеты... Воспитывайте народъ, господа, пріучайте его къ крови и висѣлицамъ и будьте увѣрены, что въ часъ подведенія общихъ итоговъ, по вашему почину и примѣру, онъ прольетъ рѣки крови и соорудитъ тысячи висѣлицъ!

ХРОНИКА ПРЕСЛѢДОВАНІЙ

Аресты. 19 января при взятіи типографіи «Народной Воли», кромѣ поименованныхъ въ предъидущемъ «Листкѣ», арестована еще Марья Васильевна Грязнова. При взятіи типографіи «Чернаго Передѣла» арестованы слѣдующія лица: учитель Николай Андреевичъ Короткевичъ, фельдшеръ Іосифъ Аптекманъ, Петръ Приходько, именующая себя Розоновой, Пьянковъ (оправданный по процессу 193, сосланный административно и скрывшійся изъ мѣста ссылки) и фельдшерица Елизавета Шевырева. 21 февраля на Николаевскомъ вокзалѣ задержанъ Владиміръ Николаевичъ Стрекаловъ, разыскиваемый по дѣлу Соловьева. Въ февралѣ-же арестованы: Ольга Фракманнъ, у которой оказались компрометирующія бумаги, и студентъ-технологъ Дубининъ. Въ томъ-же мѣсяцѣ арестованы по дѣлу объ убійствѣ шпіона Жаркова: Сергіевскій, Пищальниковъ, Ершовъ, Казарскій и Броневскій. Въ Пудожѣ, Олонецкой губ., заключены въ тюрьму ссыльные: Тверитиновъ и Кондрашевскій. Въ февралѣ и мартѣ задержаны въ Кіевѣ: Крюковская, два брата Зелковскіе, Михайловъ (по дѣлу Розовскаго), студентъ К. Приходько, Канцевичъ, Лойко, учительница Шелконовцева, Кудрявскій, Зотовъ, Андрусскій, кромѣ 21 лица, осужденныхъ по послѣднему процессу. Въ мартѣ арестованы, по дѣлу типографіи «Сѣвернаго Союза» и газеты «Рабочая Заря», рабочіе: Александръ Григорьевъ, Телейниковъ, Федоровскій, Костровъ и еще 8 человѣкъ. Въ Гадячскомъ уѣздѣ, Полтавской губ., арестованъ Сидоръ Потенко; въ Смоленскѣ — владѣлецъ типографіи, Переплетчиковъ, причемъ заведеніе его закрыто; въ Томскѣ — золотопромыш-

ленникъ, купецъ Востротинъ. Въ іюнѣ арестованы два лица, имена которыхъ не открыты; у нихъ же на квартирѣ взята Елизавета Петровна Дурново, пріѣхавшая изъ Москвы; у нея найдены письма и около 4,000 руб. денегъ.

24 іюля, на Васильевскомъ Островѣ, на углу 3 линіи и Средняго проспекта, арестованъ рабочій Андрей Прѣсняковъ. По указанію квартальнаго швейцаръ и дворникъ дома, мимо котораго онъ шелъ, бросившись на него, схватили одинъ за руки, другой за горло. Прѣсняковъ, съ большими усиліями, успѣлъ выхватить револьверъ изъ кабуры и сдѣлалъ два удачныхъ выстрѣла, которыми нанесъ легкую рану дворнику и смертельно ранилъ швейцара. Пострадавшіе награждены деньгами и медалями. Но умирающій швейцаръ отвергъ Высочайшую милость: «Она мнѣ не нужна: бросьте ее въ н.....ъ», сказалъ онъ, отвернувшись.

Высылки. Изъ Москвы высланы: въ Кострому студ. Петров. Акад. Пругавинъ; въ Вологод. губ. крестьянинъ подмосковной деревни Зыковой Филиппъ Михайловъ. Изъ Петербурга: въ Калугу прис. повѣр. Стасовъ; въ Вятскую губ. мичманъ Яковлевъ (просидѣлъ полтора года въ Домѣ Предв. Зак.) и Петръ Эндауровъ; въ Запад. и Восточ. Сибирь: Николай Федоровичъ Анненскій (извѣстный литераторъ), Кузнецовъ, Арцыбушевъ и Павленковъ по дѣлу полковника Зиновьева и Ненсберга (типографія, найденная на Гутуевскомъ островѣ); изъ Пудожа въ Восточную Сибирь — Князевскій, (оправданный по процессу 193); изъ Перми въ Сибирь — дворянинъ Бовбельскій. Изъ вышне-волоцкой пересыльной тюрьмы въ апрѣлѣ мѣсяцѣ отправлены въ Сибирь: Волоховъ (авторъ очерка «Провинціальная газета» и др.), Андріевскій (учитель военной гимназіи въ Одессѣ), Георгій Алексѣевъ, студентъ Спб. Унив., Карлъ Адамовичъ Иванайнъ, слесарь (переведенъ изъ Пудожа), П. К. Волковъ, слесарь, Верещагинъ, прапорщикъ изъ Ярославля, Алексѣй Дорошенко (сотрудникъ «Новаго Времени»), Девятниковъ (рабочій), Охоткинъ (таможенный чиновникъ, переведенъ изъ Вятки), Боголюбовъ, студентъ Харьковск. Ветер. Инст., Ратнеръ, студ. Харьк. Унив., Долгополовъ, студ. Харьк. Унив., Швецовъ, Чуйковъ (переведенъ изъ Усть-Сысольска), Василій Панкратьевъ, рабочій, Мищенко, Долининъ (зиму 1879 года просидѣлъ въ Мценскѣ), Вно-

ровскій; изъ московской пересылочной тюрьмы въ Западн. и Восточ. Сибирь отправлены: Левандовская, Донецкая (урожденная Лозовская), Осинская (жена Валерьяна Осинскаго) и Рогачева, Вѣра Павловна; изъ печенежской каторжной тюрьмы (Харьков. губ.) отправленъ въ Восточную Сибирь на поселеніе Папинъ, просидѣвшій въ центральной тюрьмѣ свыше назначеннаго срока.

Побѣги. Въ январѣ съ мѣста ссылки въ Енисейской губ. Восточ. Сибири бѣжали Николай Емельяновъ и Михаилъ Вишневецкій; по пути слѣдованія на каторгу — осужденные кіевск. военнымъ судомъ Владиславъ Избицкій и Владиміръ Дебагорій-Мокріевичъ; о судьбѣ перваго мы не можемъ сообщить подробностей; второй находится въ настоящее время внѣ всякой опасности. Въ февралѣ изъ Сольвычегодска, Волог. губ., бѣжали: Андрей Франжоли, Евгенія Завадская, Смирницкая, Серпинскій и Калюжный.

Сошли съ ума: Корсиковъ, въ Домѣ Предв. Зак. (содержался по дѣлу Шарашкина съ 1877 года, уликой противъ него было лишь знакомство съ убитымъ шпіономъ). Плотниковъ, въ Харьковской центральной тюрьмѣ, по дѣлу Долгушина. Донецкій, тамъ-же. Боголюбовъ, тамъ-же. Николай Богдановичъ, въ Петропавловской крѣпости, по дѣлу Соловьева. Грязнова, Марья Васильевна, въ Петроп. крѣп. по дѣлу типогр. «Народной Воли». Малиновская Александра Николаевна, въ Домѣ Предвар. Закл. Мышкинъ, этотъ гигантъ по силѣ воли, сидя въ каменномъ мѣшкѣ, въ Харьковской Централкѣ, почти голыми руками предпринялъ подкопъ; работа уже подвигалась къ концу, когда внезапный обыскъ разрушилъ его планъ. Разсвирѣпѣвшее начальство избило его безпощадно, послѣ чего Мышкинъ сошелъ съ ума.

15-го іюля въ Петропавловской Крѣпости кончилъ жизнь самоубійствомъ политическій арестантъ Григорій Гольденбергъ, удушившись полотенцемъ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ДОКУМЕНТЪ

М. В. Д.
...го Губернатора.
Марта ... дня 1880 г.
№ ...

Конфиденціально.

Ваше Преосвященство
Милостивый Государь и
Архипастырь!

На точномъ основаніи ст. 56 прилож. къ п. 4 (примѣчаніе) Уст. Ценз. Свода Зак. т. XIV, по продолженію 1876 г., признано въ настоящее время настоятельно необходимымъ, чтобы въ печати не появлялось рѣшительно никакихъ свѣдѣній и извѣстій объ арестахъ по политическимъ дѣламъ и по производимымъ по онымъ дознаніямъ и слѣдствіямъ.

Объ этомъ, вслѣдствіе сообщенія Главнаго Управленія по дѣламъ печати, послѣдовавшаго, по приказанію Министра Внутреннихъ дѣлъ, отъ ... января сего года за № ..., имѣю честь увѣдомить Ваше Преосвященство для поставленія въ извѣстность цензора ...... скихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Поручая себя Вашимъ Архипастырскимъ молитвамъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть Вашего Преосвященства

покорный слуга

ОТЧЕТЪ

О СУММАХЪ, ПОСТУПИВШИХЪ НА БОРЬБУ ЗА НАРОДНОЕ ОСВОБОЖДЕНІЕ

Браво, живой, сочувствующіе, свободный, карэ, Щ. маестро, Бу, Н, Т І, Б—а, С, Эшмокп. Н, полька, Хіосъ, О, сочувствующіе, я битъ, Д, А, Филіосъ, Т, Х, Грицько, Владимiръ, убѣдившійся Садика, попъ, швахъ, Гродекъ, Шекспиръ — по 2 р.; Битый, зоологъ, доброжелательный, поклонникъ, одинъ, Ор, аос, Никита, Г-нъ, Л, К-къ, Х-ъ,

А У, Р У, Уц, Н М, Фуксъ, К, Мч, иксъ, Д В, Д К, К Д, Литвинъ, дѣвицы, Б, Х, Л, Іенила, Оксана, П, Б Д, Ж, К К, Н В, абв, Русская, Н Н, Х Х. Т — по 3 р.; 3 р. 50 к. отъ священника изъ С.; Н, Литвинка, А Б, черезъ любящихъ н. и в. — по 4 р.; У Д, К, К-ра, А-скъ, К Л, жанд. офицеръ, Бульба Повстанецъ, отъ меня, В, в, Москв, Станиславъ, А У, И, сочувствующій, А — по 5 р.; З, Щ, Х — по 6 р.; Марія 6 р. 50 к.; Х К, черезъ любящихъ народъ и волю — по 7 р.; Н З. 8 р.; М, Вѣстѣевъ, Гращъ, членъ провинц. кружка террористовъ, инженеръ, „—", изъ Орла, неизвѣстный, Л, Тамбовецъ, С, террористы, неудачный, Моск, за № 3 Н. В.— по 10 р.; Пустынникъ, Л — по 12 р.; Приго, Л, по 13 р.; купецъ, перепелка, В, по 15 р. БББ 20 р.; Альфа, Д, Дч, инженеръ, А. Д. В. — по 25 р.; Ж 31 р.; А Б 35 р.; О и А 230 р.

(Продолженіе въ слѣд. №)

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Въ послѣднее время въ Женевѣ приступлено къ изданію „Русской Соціально-Революціонной Библіотеки", при сотрудничествѣ Л. Гартмана, М. Драгоманова, П. Лаврова, Н. Морозова, И. Павловскаго и др.

Появилась уже 1-ая книжка изданія: „18 Марта 1871 года" соч. П. Лаврова.

Летучая Типографія „Народной Воли"

ЛИСТОКЪ НАРОДНОЙ ВОЛИ

РЕВОЛЮЦІОННАЯ ХРОНИКА

Годъ первый — № 3 — 20 сентября 1880 г.

Политическій арестантъ Владиміръ Николаевичъ СТРЕКАЛОВЪ въ ночь съ 7-го на 8-е сентября умеръ въ Домѣ Предв. Закл.

Административно-ссыльный Алексѣй ПРУГАВИНЪ умеръ въ Костромской губерніи.

12 сентября 1880 г.

Мѣропріятія правительства и все вообще положеніе, имъ принятое, представляетъ зрѣлище въ своемъ родѣ весьма поучительное. Замѣчательно, до чего живучъ каждый принципъ и какъ логически развивается онъ даже у самыхъ нелогическихъ людей. Безпокойное метанье правительства изъ угла въ уголъ, отъ мѣропріятія къ мѣропріятію, ежедневная перетасовка лицъ и учрежденій — доказываютъ, что наша Высокая Порта прекрасно сознаетъ непрочность своего положенія и неудовлетворительность своихъ отношеній къ странѣ; она сознаетъ, что многое нужно исправить, уладить, примирить.

Острое опасеніе за свое существованіе заставляетъ правительство на секунду обратиться даже за «поддержкой общества», подумать о свободѣ печати, о возвращеніи правъ несправедливо сосланныхъ. Но проходитъ первый пароксизмъ страха, и старая система съ удвоенной энергіей возвращается на традиціонную дорожку, начинаетъ искать исцѣленія всѣхъ бѣдствій въ различныхъ комбинаціяхъ

стараго принципа. Верховная комиссія перестаетъ дразнить воображеніе обывателей; смолкаютъ рѣчи о сословныхъ представителяхъ. Оказывается, что все пойдетъ прекрасно, если шефъ жандармовъ переименуется въ м. в. д., если администрація, и безъ того ничѣмъ не сдерживаемая, получитъ возможность дѣйствовать еще самовластнѣе. Чрезвычайное расширеніе компетенціи м. в. д. уже угрожаетъ фактическимъ уничтоженіемъ всѣхъ прочихъ министерствъ. Газетные и городскіе слухи сулятъ намъ такое расширеніе власти губернаторовъ, какое вынудило Милютина еще въ 1866 году замѣтить Валуеву: «Вы, кажется, хотите создать у насъ сатраповъ». Сатрапы вполнѣ логично вытекаютъ изъ основныхъ принциповъ россійскаго государственнаго строя; мы имѣли сатраповъ при Екатеринѣ II, при Николаѣ I; почему не имѣть ихъ при Александрѣ II? Дѣла плохи — значитъ нужно усилить власть: вотъ единственное средство, завѣщанное отцами и дѣдами нашимъ повелителямъ. Ну, а чѣмъ же удовлетворить общество, въ чемъ указать ему гарантіи личности, закона, права? Отвѣтъ на это берется у тѣхъ же отцовъ и прадѣдовъ. Г. Лорисъ-Меликовъ любезенъ, г. Сабуровъ предупредителенъ, г. Побѣдоносцевъ внимателенъ. Личныя свойства представителей власти, ихъ умъ, гуманность, благовоспитанность — вотъ наша гарантія. Тѣ же гарантіи даются печати. Говорятъ, уже и эта комиссія (По Пер. Ценз. Уст.) окончила свое существованіе, и въ правительственныхъ сферахъ рѣшено остаться при старой системѣ на томъ основаніи, что пресса дошла бы до полной необузданности, если преслѣдованіе преступленій по дѣламъ печати предоставить исключительно суду: «извѣстно, что такое нашъ судъ!» Взамѣнъ того рѣшено, говорятъ, смотрѣть сквозь пальцы на либеральничанье прессы. Это, молъ, болѣе удобно, такъ какъ, давая прессѣ свободу, позволяетъ-де въ то же время держать ее въ извѣстныхъ границахъ. Еще бы, конечно! Но панацея то пахнетъ почтенной плѣсенью вѣковъ. Вообще правительство проявляетъ не только полную неспособность измѣнить свою систему, но даже въ частныхъ мѣропріятіяхъ не можетъ придумать ничего, чего уже не практиковали десять разъ Эртели или Аракчеевы, Сперанскіе или Воронцовы. Творческая сила абсолютизма исчерпала себя до дна. Косность, рутинность, неспособность приспособ-

ляться — вотъ какія свойства лицомъ къ лицу съ требованіями новой жизни проявляетъ этотъ одряхлѣвшій, старческій организмъ. Умирай же скорѣе, отживающій строй, очищай свое мѣсто для новой идеи, для новыхъ общественныхъ силъ!

Эти новыя силы давно уже назрѣваютъ и кипятъ во всѣхъ закоулкахъ Россіи. Онѣ проявляютъ себя въ свободолюбивой интеллигенціи, въ радикальныхъ народныхъ сектахъ, создаютъ сотни и тысячи самоотверженныхъ искателей «правды», «новой жизни», подвигаютъ сотни тысячъ людей на сознательный и безсознательный протестъ противъ оковъ стараго порядка, противъ стѣсненій политическихъ, экономическихъ, семейныхъ, противъ кулака, городоваго, попа, царя. Что намъ несетъ эта новая сила, что создаетъ она взамѣнъ стараго? При невозможности для россійскихъ гражданъ писать, говорить, жить иначе, какъ въ рамкахъ, установленныхъ и предусмотренныхъ такими то параграфами, — наблюдателю не легко уловить всѣ оттѣнки новыхъ вѣяній. А таинственная сила не ждетъ, подрывая всѣ основы старой жизни, она неуклонно движется впередъ, сокрушая всѣ препятствія, не зная ни компромисса, ни сожалѣнія даже, потому что это сила стихійная, сила природы, равнодѣйствующая всѣхъ народныхъ силъ. Горе тому, кто осужденъ ею на погибель.

Менѣе всего способенъ возбудить въ себѣ сомнѣнія демократизмъ новой Россіи. Въ смыслѣ принципа объ этомъ не стоитъ даже толковать; достаточно указать хоть на легальную литературу, гдѣ одни выжившіе изъ ума Катковы да Мещерскіе осмѣливаются проводить иного рода тенденціи. Но принципъ въ общемъ видѣ — это еще очень мало. Вѣдь онъ мирится и съ царизмомъ и со всеобщимъ равенствомъ безправія. Тутъ важенъ вопросъ, пережилъ ли нашъ демократизмъ эту первую стадію развитія, доросъ ли онъ уже до сознанія народной воли, какъ источника закона, до активнаго устроенія народомъ своихъ дѣлъ и своей судьбы? Лучшими признаками здѣсь можетъ служить отношеніе протестующей народной мысли къ правительству и затѣмъ самое настроеніе массъ: обнаруживаютъ ли онѣ склонность слѣдить за политикой, за дѣйствіями правительства, обсуждать ихъ. Въ этотъ смыслѣ признаки у насъ оказываются самые благопріятные. Повсюду, во

во всѣхъ слояхъ народа, за правительство стоитъ только то, что неразвито, неспособно разсуждать. Все сознательное — по тѣмъ или другимъ причинамъ — противъ него. Въ интеллигентной революціи ненависть и презрѣніе къ правительству безграничны даже у людей принципіально отвергающихъ значеніе правительствъ. Не менѣе рѣзко проявляется то же отношеніе въ крайнихъ сектахъ раскола. Во «Внутр. Обозр.» настоящаго № читатели найдутъ интересныя указанія на то, какъ масса народа не только протестуетъ противъ тяжелаго для нея порядка, но слѣдитъ за революціонной борьбой въ верхнихъ слояхъ, доходя иногда до пониманія даже покушеній соціалистовъ на жизнь царя. Доказывая глубокую жизненность народа, эти факты убѣждаютъ насъ также, что мысль объ отвѣтственности царя за народныя бѣдствія уже проснулась въ массахъ и увѣренность въ неизмѣнной доброжелательности царя народу — въ значительной степени пошатнулась.

Для правительства это пробужденіе народной критики составляетъ симптомъ чрезвычайно опасный, потому что мужикъ совсѣмъ не то, что человѣкъ интелигенціи.

Наша братія, привыкшая къ отвлеченностямъ, можетъ разграничивать въ умѣ, какъ логическія понятія, что въ дѣйствительности связано въ неразрывное цѣлое. Поэтому мы можемъ понимать всю гнусность извѣстной правительственной системы и въ тоже время колебаться: бороться ли противъ нея? Не составляетъ ли она только отраженіе соціальныхъ отношеній и проч. Мужикъ судитъ проще. Своимъ непосредственнымъ здравымъ смысломъ, онъ слишкомъ хорошо чувствуетъ значеніе государства и правительства, показывающихъ ему ежедневно и рублемъ, и кнутомъ всю реальность своего существованія. И ужъ если мужикъ дойдетъ до критики, до вмѣшательства въ политику, онъ не оставитъ правительства въ покоѣ. Еще большую важность представляетъ разочарованіе въ царѣ. Царь въ политикѣ мужика то же, что Богъ въ религіи. Онъ силенъ и высокъ безпредѣльно, но лишь до тѣхъ поръ, пока противъ него не возбуждается ни малѣйшаго сомнѣнія. Докажите возможность полной измѣны царя народу, и самый принципъ царизма пошатнется. А между тѣмъ царемъ въ концѣ концовъ держится все право мужика, вся правда на землѣ. Нѣтъ царя, — логика мужика волей неволей дол-

жна искать другихъ основъ и гарантій правды. Къ чему должны привести эти изысканія, не трудно догадаться, не трудно видѣть и на примѣрѣ «радикальныхъ» рабочихъ.

Сопоставленіе политической способности массъ народныхъ и другихъ общественныхъ классовъ обѣщаетъ нашей демократіи блестящую будущность. Мы видимъ, что крестьянство, не смотря но свое вѣковое рабство и множество другихъ неблагопріятныхъ условій, упорно отстаивало въ теченіе столѣтій свое право на землю, самоуправленіе и заставило полновластныхъ по закону помѣщиковъ держаться фактически въ извѣстныхъ границахъ обычнаго права. Въ настоящее время. не смотря на то, что крайне усложнившіяся условія нерѣдко сбиваютъ мужика съ толку, протестъ народный не ослабѣваетъ, масса возвышается даже до критики самого царизма. Остальныя сословія, наиболѣе развитыя, не могутъ идти въ этомъ отношеніи ни въ какое сравненіе съ крестьянствомъ. Мы видѣли, какъ безпомощно уступило дворянство свои сословныя права въ 61 году, какъ пассивно смотрѣло оно на свое уничтоженіе и разореніе. Въ настоящее время съ такою же дряблостью наше общество переноситъ самый возмутительный произволъ администраціи. Ни масса ссылокъ, ни нарушеніе личной и имущественной неприкосновенности, ни оскорбительное подчиненіе урядннку, городовому, дворнику, — не возбудило въ обществѣ никакого коллективнаго отпора. Нѣсколько жалкихъ петицій, полныхъ рабскаго униженія, — вотъ и все, на что хватило его силъ. Мы не хотимъ сказать, чтобы общество состояло изъ людей глупыхъ, трусливыхъ, не способныхъ ни понимать, ни бороться. Нѣтъ, это общество производитъ самыхъ отважныхъ и на все готовыхъ протестантовъ. Но въ томъ то и дѣло, что общество способно производить сколько угодно Крапоткиныхъ, Лизогубовъ, Осинскихъ, Соловьевыхъ, но не находитъ силъ отстоять даже самыя ничтожныя земскія или дворянскія права. Какъ сословіе, наши имущіе и образованные классы себя очевидно на сознаютъ, никакой идеи не имѣютъ и къ совмѣстному дѣйствію поэтому не способны. Нашъ дворянинъ, купецъ, мѣщанинъ — только формально связанъ со своимъ сословіемъ; человѣкъ интеллигентный или рабочій одинаково или занимается какимъ либо промысломъ, не думая ни о какихъ общественныхъ вопросахъ, или,

если уже появилась въ нихъ искра божья, одинаково дѣлаются революціонерами, соціалистами, не хотятъ знать для себя другой святыни, кромѣ народа, его правъ и интересовъ. Это относится даже къ нашей нарождающейся буржуазіи. Конечно, со временемъ изъ нея можетъ выработаться сословіе, но теперь — въ чемъ проявляется ея сословная идея, солидарность, единство? Ровно ни въ чемъ. Одинъ народъ, крестьянство, рабочіе составляютъ нѣчто дѣйствительно единое, имѣющее опредѣленные идеалы, понимающее, не только чего хочетъ Иванъ, Макаръ, Сидоръ, но и всѣ они вмѣстѣ взятые. Въ этомъ-то и состоитъ могучая нравственная сила массъ, привлекающая къ нимъ все энергичное и самоотверженное, нарождающееся гдѣ бы то ни было, на бархатѣ или на рогожѣ.

Еще годъ тому назадъ мы обращали вниманіе читателей на всю важность такого соотношенія русскихъ политическихъ силъ. Оно вполнѣ опредѣляетъ весь нашъ ближайшій планъ дѣйствія. Не имѣя передъ собой другой сплоченной силы, кромѣ государства, нашъ народъ нуждается главнымъ образомъ въ устраненіи этого врага. Съ остальными ему не трудно будетъ справиться, потому что они состоятъ изъ отдѣльныхъ личностей, а народъ — несетъ принципъ. Можно съ увѣренностью сказать, что въ случаѣ общаго государственнаго переворота таланты, энергія и даже своекорыстіе отдѣльныхъ лицъ обратились бы у насъ на служеніе народу совершенно такъ же, какъ во время Мирабо и Сійэсовъ служили буржуазіи. При такихъ условіяхъ въ основу будущаго государственнаго и общественнаго строя естественно заляжетъ та идея, которая живетъ въ массахъ, ибо другой у насъ не имѣется.

Наша обязанность взвѣсить эти условія и употребить всѣ старанія, чтобы ликвидація существующаго государственнаго строя произошла какъ можно скорѣе, прежде чѣмъ подъ его покровомъ успѣютъ сформироваться и окрѣпнуть какія либо сословія, способныя противуставить народу свою общественную идею и вырвать плоды побѣды изъ рукъ рабочей демократіи.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Народная инертность, подавленность и политическая неразвитость стали, можно сказать, общимъ мѣстомъ, какъ въ литературѣ, такъ и въ средѣ той части общества, которая чувствуетъ иногда потребность подумать и поговорить о русскомъ народѣ. Безъ сомнѣнія, можно было-бы безъ особеннаго труда подобрать массу фактовъ, подтверждающихъ такое безнадежное представленіе о народѣ, точно такъ же, какъ легко было бы доказывать то же самое съ большею, пожалуй, вѣроятностью о любомъ европейскомъ народѣ. Мы предоставляемъ, однако, этотъ интересный сюжетъ нашимъ легальнымъ собратамъ и поборникамъ черепашьяго движенія впередъ, полагая, что подобная задача намъ не къ лицу. Не застоя и могильной тишины добиваемся мы для нашей родины, а свободы и жизни. Этими задачами опредѣляется вполнѣ и наше отношеніе къ темнымъ и свѣтлымъ сторонамъ народной жизни и характера. Темныя стороны важны и цѣнны для насъ лишь постольку, поскольку они составляютъ результатъ экономическаго гнета и политическаго безправія стомилліонной массы народа, выбиваемой вѣками изъ своей нормальной колеи широкой и вольной мірской жизни и насильственно вгоняемой въ желѣзныя рамки бездушнаго механизма военнаго и чиновничьяго государства. Несравненно важнѣе и цѣннѣе для насъ, бойцевъ за народную вольность, свѣтлыя стороны его, показывающія, что, не смотря на гибельное вліяніе татарско-нѣмецкаго грабительства и самодурства, народъ не утратилъ еще силъ протестовать изо дня въ день противъ грубаго насилія надъ обычнымъ правомъ своимъ, не затерялъ еще своихъ завѣтныхъ стремленій и вольной жизни, завѣщанной ему его вольными предками. Для насъ важно вынести убѣжденіе, что народные историческіе идеалы живучи, какъ самъ народъ; важно знать, что чрезъ всю многовѣковую исторію народа они проходятъ свѣтящеюся, часто кровавой полоской. Друзья народа не должны терять изъ вида этой свѣтлой полоски; въ ней найдутъ они силы для своей дѣятельности, въ ней найдутъ они безчис-

ленныя доказательства того, что душа народная никогда не умирала, какъ не умирала его вѣра въ правду на землѣ.

Исторія многострадальнаго русскаго народа сводится въ своей сущности не къ чему иному, какъ къ отстаиванію имъ своей души. Но не во всѣ періоды и не повсюду одинаково ярко проявляется народная душа, такъ какъ ломка народной жизни, эксплуатація его силъ для цѣлей государственныхъ и династическихъ производилась неравномѣрно, то усиливаясь, то ослабляясь. Періоды наибольшей ломки совпадаютъ съ періодами наисильнѣйшаго проявленія народнаго духа, и несомнѣнно, что второе обусловливается первымъ. Замѣчательно, что царствованіе царя-освободителя богаче другихъ посягательствами на народную самобытность и беззастѣнчивымъ, кореннымъ разрушеньемъ послѣднихъ остатковъ древнихъ вольностей и древняго народнаго самоуправленія. Никогда еще государственная власть не оперировала такъ энергично и всесторонне надъ русскимъ народомъ, какъ за послѣднія десятилѣтія: никогда еще не проникала она такъ назойливо во всѣ уголки и закоулки народной жизни, повсюду преслѣдуя послѣдніе слабые оплоты народнаго самоуправленія, разбивая и хороня ихъ вмѣстѣ съ защитниками, въ случаѣ отчаяннаго сопротивленія, или прикладывая къ нимъ клеймо государственнаго обезличенія, въ случаѣ капитуляціи обычныхъ правовыхъ отношеній предъ государственнымъ гнетомъ и регламентаціей.

Крестьянская реформа считается крупнѣйшей жемчужиной въ коронѣ вѣнчаннаго тихохода; этой нелѣпой пародіей на народное освобожденіе тычутъ кстати и не кстати въ глаза всѣмъ противникамъ дряхлой системы, твердящимъ, что деспотизмъ и истинная свобода народа — принципы несовмѣстимые. Пусть-же рѣшаетъ споръ самъ народъ, наиболѣе компетентный въ данномъ случаѣ судья. Еще при введеніи Уставныхъ Грамотъ онъ обнаружилъ свое отношеніе къ лживой волѣ безконечнымъ рядомъ волненій, бывшихъ почти во всѣхъ имѣніяхъ. Безусловное право народа на землю — вотъ идея, лежащая въ основѣ всѣхъ этихъ волненій. Крестьяне глубоко вѣрили, что царь далъ имъ «чистую волю», т. е. освободилъ ихъ отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ, но что царская

воля скрыта барами, панами. Положеніе 19 февраля — барская выдумка, дающая имъ возможность пользоваться крестьянскими трудами, хотя и въ иной формѣ. «Когда священникъ читалъ въ церкви громко и внятно высочайшій манифестъ, то безъ преувеличенія можно сказать, что крестьяне съ радостью ловили каждое слово. По выходѣ изъ церкви въ нихъ замѣтно было какое-то недоумѣніе: всѣ они расходились по домамъ по одиночкѣ, не радуясь и не привѣтствуя другъ друга. На вопросъ, обращенный къ одному крестьянину, что онъ думаетъ о прочитанномъ тотъ отвѣчалъ грустно: «одно, пане, что мы когда-то будемъ свободны!» (Моск, Вѣд.» 1861 г. № 234.) Отношеніе министра внутр. дѣлъ отъ 15 дек. 1861 г. такъ объясняетъ поведеніе крестьянъ въ данномъ случаѣ: «Составленію Уст. Грамотъ во многихъ мѣстахъ препятствуютъ распространившіеся между крестьянами превратные толки и укоренившіяся въ нихъ ложныя надежды; они ожидаютъ такъ называемой «новой воли», съ объявленіемъ которой по истеченіи 2-хъ лѣтъ, они получатъ будто-бы какія то новыя льготы, въ Положеніи 19 фев. не указанныя. Самъ царь (во время путешествія въ Крымъ) старался парализовать «эти превратные толки», объявляя во многихъ мѣстахъ старшинамъ, что «никакой другой воли не будетъ, кромѣ той, которая дана, а министръ внутр. дѣлъ просилъ напоминать эти слова крестьянамъ какъ можно чаще чрезъ губернатора и мировыхъ посредниковъ. Пусть не убаюкиваютъ себя наши политическіе гомеопаты съ царемъ во главѣ, пусть они знаютъ, что недовѣріе къ царю усилилось и окрѣпло, благодаря колоссальной лжи, именуемой крестьянской реформой, — этому крупнѣйшему народному разочарованію. Дорого досталась народу идеальная вѣра въ своего царя: массы крестьянъ ушли въ Сибирь, все же остальное крестьянство подверглось военнымъ экзекуціямъ. Но проходили годы и крестьянство постепенно убѣждалось, что противъ соединенныхъ усилій помѣщиковъ и царской солдатчины оно безсильно. Не теряя надежды возвратить себѣ когда нибудь всю землю, оно допустило втиснуть себя въ новыя формы земельныхъ отношеній. Съ этого времени волненія не прекращаются, но вступаютъ въ новый фазисъ развитія. «Освобожденная» Русь успѣла войти во вкусъ своего «освобожденія»; новыя «свободныя» отно-

шенія крестьянства къ помѣщикамъ опредѣлились и окрѣпли; опредѣлились также отношенія освобожденныхъ къ государственной власти. Крестьянская реформа породила новаго врага крестьянству въ лицѣ озлобленнаго помѣщика, мстящаго ему за свое разореніе, за свою неумѣлость примѣниться къ новымъ, весьма выгоднымъ для него, экономическимъ условіямъ. Вмѣстѣ съ этимъ врагомъ изъ нѣдръ самого крестьянства выползаетъ еще болѣе опасная гадина съ развитыми плотоядными инстинктами, выползаетъ она медленно и осторожно, изгибаясь и обнюхивая каждую пять завоеванной позиціи. Нѣтъ сомнѣнія, что конечная позиція будетъ ею занята, и гадина-кулакъ станетъ властелиномъ «міра», нуждающагося въ землѣ и хлѣбѣ для посѣвовъ, въ деньгахъ и еще деньгахъ — для уплаты оброка и государственныхъ податей. Первый врагъ силенъ своими связями съ ненавистнымъ чиновничествомъ; нападаетъ онъ не на отдѣльнаго члена, а на весь міръ и этимъ вызываетъ единодушный отпоръ всѣмъ міромъ, всею волостью. Крестьянскіе бунты и безпорядки — вотъ обыкновенная форма протеста противъ этого врага въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ оттягиваетъ у крестьянскихъ обществъ лучшую землю при размежеваніи полей, загоняетъ крестьянскій скотъ, ступившій на его землю. Непрерывною цѣпью тянутся эти бунты чрезъ всю послѣреформенную Россію; ничего, кромѣ экзекуцій и военныхъ постоевъ, не дали они крестьянству: сила оставалась не на его сторонѣ. Но они принесли ту грамадную пользу, что разоблачили предъ народомъ готовность чиновниковъ и самого царя отстаивать несправедливыя претензіи помѣщика: связь царя съ бариномъ и паномъ становится ясна, и наступаетъ время, когда крестьянинъ открыто ругаетъ его на сельскихъ сходахъ или оправдываетъ покушенія на его жизнь. Второй врагъ полагается больше на свои силы: на чувствительность своихъ щупальцевъ, на свое безстыдство и знаніе всѣхъ больныхъ сторонъ жизни населенія, соками котораго питается. Чиновничество поддерживаетъ охотно и этого врага, рѣшительно становясь на сторону кулака въ его столкновеніяхъ съ населеніемъ.

Но у крестьянства есть узда и на кулака, она оказываетъ должное дѣйствіе и на помѣщика, — это такъ называемая аграрная месть — поджоги кулацкихъ и помѣ-

щичьихъ хлѣбныхъ складовъ и убійства особенно-безжалостныхъ эксплуататоровъ. Этотъ второй родъ протеста практикуется едва-ли не чаще перваго ужъ потому одному, что онъ выполнимѣе и не требуетъ единодушія протестующихъ. Аграрная месть всегда почти достигала своей ближайшей цѣли; самый дерзкій эксплуататоръ умѣряетъ свои порывы; разбойничій духъ его падаетъ, энергія слабѣетъ подъ гнетомъ призрака — «краснаго пѣтуха».

За послѣдній годъ можно указать множество случаевъ столкновеній крестьянъ съ помѣщикомъ, окончившихся военнымъ постоемъ или преданіемъ суду «зачинщиковъ». Въ особенности богаты въ этомъ отношеніи южныя губерніи съ малорусскимъ населеніемъ. Мы ограничимся лишь немногими примѣрами, уясняющими характеръ и мотивы этихъ столкновеній.

Въ Черниговской губ, въ 20 числахъ мая этого года бунтовали крестьяне въ имѣніи уѣзднаго предводителя дворянства, Подсудіевскаго. Дѣло возникло изъ за спорной земли (выгона); крестьяне считали ее своею, но на основаніи рѣшенія Сената она должна была перейти къ помѣщику. Для усмиренія 4-хъ селеній, принявшихъ участіе въ отстаиваніи своей собственности, были отправлены два батальона солдатъ и расквартированы по хатамъ. Цѣлыхъ 28 дней солдаты грабили крестьянское имущество! Видя, что и Сенатъ стоитъ за помѣщика, крестьяне рѣшили не уступать. «Сенатъ за пановъ!» — слышатся возгласы; «но пусть всѣхъ насъ перебьютъ и заморятъ по тюрьмамъ, а мы своей земли не отдадимъ! если ничего нельзя будетъ подѣлать, мы выжжемъ помѣщичье!» Въ Черниговѣ народъ ежедневно толкуетъ объ этихъ событіяхъ; у Подсудіевскаго хватило однако нахальства опровергать ихъ въ газетахъ.

29 апрѣля начались безпорядки въ Новгородъ-Сѣверскомъ уѣздѣ той-же губерніи въ имѣніи кн. Голицына, въ с. Костобобрѣ. Владѣнія этого отечественнаго столпа такъ мудро расположены, что выгнанный на пастьбу скотъ неизбѣжно проходитъ по княжескимъ участкамъ; отсюда для владѣльца громадная выгода: въ его рукахъ все населеніе, вынужденное подчиняться самымъ тягостнымъ условіямъ, такъ какъ потравы — явленіе неизбѣжное. Дѣло было на ѳоминой

Все мужское и женское населеніе было на кладбищѣ. Управляющій вмѣстѣ съ урядникомъ и нѣсколькими рабочими вздумалъ загнать въ экономію крестьянскихъ лошадей. Бабы первыя замѣтили умыселъ управляющаго и бросились ихъ выручать, увлекая за собой толпы крестьянъ. Одна изъ нихъ накинулась на урядника, но тутъ-же повалилась на землю, получивъ сильный ударъ палашемъ. Это было сигналомъ къ ожесточенной схваткѣ. Урядникъ съ рабочими были избиты до полусмерти, управляющій ускользнулъ невредимо и донесъ обо всемъ полиціи. Нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ село исправникъ, но ему не удалось успокоить крестьянъ; они угрожали разнести экономію, заявляли, что имъ житья нѣтъ, настаивали на желаніи выселиться всѣмъ селомъ. По распоряженію мѣстнаго помпадура прибылъ въ Костобобры баталіонъ войскъ и расположился тамъ съ цѣлью грабежа. 26-го мая пріѣзжалъ самъ помпадуръ и арестовалъ «зачинщиковъ», волостной старшина скрылся и до сихъ поръ не розысканъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ въ двухъ селахъ Черниговской губ., Солоповкѣ и Автузчинахъ, производилась межевка и оцѣнка качества земель. Помѣщикъ, какъ водится, показалъ свои неудбные клочки удобными, желая оттягать отъ крестьянъ равное количество земли хорошаго качества и навязать имъ свою негодную. На этотъ разъ надувательство вывело крестьянъ изъ терпѣнія; пришлось обратиться къ военной силѣ и вооруженной рукой навязать неподатливому мужику песокъ да камень. Три роты военнаго постоя и аресты крестьянъ освятили грабежъ помѣщика.

Въ концѣ 1879 г. въ Воронежской губ. сопротивленіе крестьянъ с. Утянки, Айдарской волости, исправнику и землемѣру окончилось преданіемъ первыхъ суду въ количествѣ 29 человѣкъ. На этотъ разъ помѣщикъ Фирсовъ выказалъ благочестивое желаніе отрѣзать крестьянъ отъ водопоя и тѣмъ держать ихъ въ рукахъ. Для сего понадобилось оттягать отъ нихъ всего 2 дес. замли. Желаніе весьма умѣренное, и русскому правосудію нельзя было не заступиться за обиженнаго Фирсова.

Въ началѣ іюля этого года крестьяне села Щетинина, Великолуцкаго уѣзда, Псковской губ., оказали сопротивленіе судебному приставу, пріѣхавшему продавать ихъ иму-

щество за долги. Понадобилась команда въ 10 человѣкъ, чтобы еще разъ доказать крестьянамъ, что имущество ихъ принадлежитъ кому угодно, но только не имъ самимъ.

Вмѣстѣ съ недовольствомъ и бунтами, возникающими на почвѣ ежедневныхъ столкновеній съ помѣщиками, ростетъ недовольство мѣрами заботливаго правительства о народномъ благоустройствѣ. Народъ видитъ въ нихъ лишь одно утѣсненіе. Онъ видитъ, что сельская община стала орудіемъ разоренія его хозяйства: круговая порука обезпечиваетъ правительству правильное поступленіе налоговъ и исправное взысканіе недоимокъ, но этимъ самымъ подчиняетъ населеніе мѣстному кулаку; онъ видитъ что сельское и волостное самоуправленіе обратилось также въ орудіе эксплуатаціи его кулакомъ, помѣщикомъ, арендаторомъ, при содѣйствіи «выборнаго» начальства, которое вправѣ драть и сажать крестьянина въ холодную, прикрѣплять его къ мѣсту, задерживая выдачу паспорта, и въ то же время безпрекословно повинуется администраціи — становому, исправнику, мировому посреднику, словомъ, всякому мельчайшему начальству, исключая лишь выбравшаго его народа. Мужикъ, выражавшійся въ началѣ «освобожденія» по поводу отмѣны тѣлеснаго наказанія, что мягкія-де части его тѣла отнынѣ «запечатаны», убѣдился, что ихъ снова «распечатали» и не для одного помѣщика, а для любого проходимца. Понятно, что, при отсутствіи имущественныхъ и личныхъ гарантій въ сферѣ своего волостного самоуправленія, народъ видитъ и въ земскихъ учрежденіяхъ одну лишь пустую форму, не способную внести что-либо свѣтлое въ его жизнь, а на представительство отъ себя, — какъ на повинность въ родѣ воинской. Ошибается-ли въ данномъ случаѣ народъ? По нашему мнѣнію, ни мало. При нынѣшнихъ правахъ земства въ основу котораго положенъ принципъ преобладанія помѣщичьяго землевладѣнія, крестьянскіе представители обречены на унизительную роль пѣшекъ, раскрывающихъ свои уста лишь для того, чтобы утвердить какой-либо новый налогъ на свою же братію. Вотъ почему донское казачество такъ враждебно относится къ введенію у себя земскихъ учрежденій: оно какъ огня боится подведенія и себя подъ общую рубрику податныхъ сословій русскаго государства, лишенныхъ всякихъ правъ и несущихъ всевозможныя обязанности. На волостныхъ

сходахъ часто можно слышать рѣчи, какія пришлось слышать въ этомъ году въ Миргородскомъ уѣздѣ, Полтавской губ., во время переложенія подати съ душъ на землю: «разъ одно скажуть, въ друге-інше, все тамъ якісь дурні, хіба й самъ такий дурний!» Въ этомъ случаѣ недовольство выразилось довольно мягко, даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ юмора; но бываетъ и хуже. Такъ напр., въ селѣ Дербетовскомъ, Новогригорьевскаго уѣзда, Ставропольской губ., крестьяне раздѣляютъ взглядъ всего южнаго населенія, что вводимыя у нихъ владѣнныя записи обязываютъ ихъ круговою порукою исправно платить подати не только за своихъ членовъ, но и за крестьянъ другихъ селеній и даже частныхъ землевладѣльцевъ; что платежи за землю съ каждымъ годомъ будутъ выростать и за недоимку — выростать проценты. Разъясненія губернатора ни къ чему не привели, и дѣло дошло до открытаго сопротивленія. Населеніе, вооруженное палками, кольями, желѣзными крючьями и баграми, бросилось на прибывшихъ властей съ криками: «давайте намъ пановъ на расправу!» приставило ночной караулъ къ почтовой станціи съ приказаніемъ не давать «панамъ» лошадей и послало въ сосѣднія села нарочныхъ звать жителей на помощь въ борьбѣ съ «панами». Дѣло объ этихъ «безпорядкахъ» будетъ разбираться въ скорости въ Ставропольскомъ Окр. Судѣ; обвиняются «зачинщики» — 9 мущинъ и 6 женщинъ.

Не останавливается народное недовольство и передъ царемъ-батюшкой. Кукла, олицетворявшая собою принципъ высшей справедливости, сбита съ высокаго пьедестала, но, какъ всегда и во всемъ, только отдѣльныя лица выступаютъ выразителями общаго настроенія. Оскорбленія «величества» стали повторяться все чаще и могутъ уже занять почетное мѣсто въ статистикѣ преступленій. Въ Воронежской губ., становымъ то и дѣло приходится разъѣзжать по волостямъ и составлять протоколы объ оскорбленіи величества на сходахъ. Развѣ это не знаменіе времени? Развѣ не характерно восклицаніе крестьянина Вологодской губ., при извѣстіи о покушеніи Соловьева: «дуракъ, не умѣлъ стрѣлять, — я бы не промахнулся!» — или громогласное заявленіе другого на площади въ Миргородѣ послѣ московскаго взрыва: «велика була-б тому награда, хто-б его убив!» ? А вотъ картинка изъ Псковской губерніи:

невѣстка вернулась изъ церкви, гдѣ читался манифестъ о чудесномъ избавленіи помазанника отъ угрожавшаго ему воздушнаго плаванія. Изъ всего читаннаго она поняла, что царь погибъ. Вернувшись домой, она разсказываетъ объ этомъ старику-дѣду, нѣсколько лѣтъ не слѣзавшему съ палатей. «Слава тебѣ, Господи, авось теперь полегчаетъ!» —возвѣстилъ древній старецъ, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Чѣмъ, какъ не общимъ одобреніемъ, объяснить такой, напр., фактъ: въ одной волости Полтавскаго уѣзда старшина плутъ и мошенникъ, но ненавидитъ царя и всенародно подкапывается подъ его авторитетъ. Не смотря однако на сильное желаніе спихнуть его, крестьяне не пускаютъ въ ходъ доноса. Фактовъ, подобныхъ приведеннымъ, масса. Они доказываютъ, что покушеніе на жизнь царя находитъ себѣ откликъ въ сердцахъ крестьянъ. Меньшинство возвышается до правильнаго ихъ пониманія, большинство-же не пришло ни къ какому опредѣленному выводу. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ истинное ихъ пониманіе гораздо шире, такъ въ Полтавской губ. большинство крестьянъ увѣрено въ справедливости террора, направленнаго на личность царя, и только меньшинство объясняетъ неудачи его невинностью.

Вѣра въ царя постепенно рушится, виновность и отвѣтственность его, а не однихъ лишь «баръ» и «пановъ», за всѣ неправды и бѣдствія народныя выступаетъ въ умѣ крестьянина все ярче и ярче, но надежда, что Богъ смилуется, а царь «опамятуется», еще не исчезла. Народъ въ большинствѣ и теперь еще ждетъ, что ему возвратится вся земля, и Маковскій циркуляръ, опубликованный во всѣхъ волостяхъ, не возымѣлъ никакого дѣйствія. Кулаки несомнѣнно пріободрились, набросились покупать землю и подняли цѣны неимовѣрно. Такъ въ Полтавской губ. теперь десятина пахотной замли доходитъ до 200 р., луговая еще дороже, пески (прежде 2 р. дес.) — теперь 20 р. Но бѣдняки ходятъ къ попу за совѣтомъ. «Богатыхъ можно и обмануть, говорятъ они, а мы рискуемъ потерять послѣднія крохи», — и просятъ батьку сказать сущую правду, будетъ-ли передѣлъ?

Усердный исправникъ (въ Мирг. уѣз.) счелъ нужнымъ поколебать эту общую вѣру, созываетъ и, послѣ завѣре-

ній, что никакого, молъ, передѣла быть не можетъ, обращается къ старикамъ и предлагаетъ тѣмъ, кто вѣритъ въ передѣлъ, отойти въ лѣвую сторону; — переходятъ всѣ старики. То же продѣлываетъ онъ и съ хозяевами и наконецъ съ парубками. Результатъ тотъ-же — общая вѣра въ передѣлъ. Тогда опѣшившій исправникъ обращается къ громадѣ съ вопросомъ: отнимутъ ли они у него землю? «ми не разбійники», отвѣчаетъ грамада, «а якъ дадуть, то усякій візме!» Губернскія и уѣздныя власти поставлены въ крайне неловкое положеніе. Слушать эти «превратные толки» и ничего не предпринимать не согласно съ представленіемъ о сильной власти, запрещенія же съ угрозою штрафовъ и наказаній достигаютъ какъ разъ противоположнаго: крестьяне говорятъ: «такъ было и передъ волей, — не позволяли говорить!» и приводятъ случай, когда помѣщикъ велѣлъ высѣчь крестьянина за разговоръ о волѣ, но въ моментъ исполненія становой привозитъ высочайшій указъ.

Что говорятъ уму читателя всѣ эти факты? По нашему мнѣнію, они говорятъ, что чувство русскаго народа не спитъ, мысль — работаетъ; сознаніе обособленности народныхъ интересовъ отъ интересовъ кучки эксплуататоровъ живо, хотя еще далеко не ясенъ тотъ путь, который приведетъ къ правильному удовлетворенію этихъ интересовъ.

ЕЩЕ О ЛИСЬЕМЪ ХВОСТѢ

Наши легальные собраты такъ усердно восторгались земнымъ раемъ, насажденіемъ котораго занятъ графъ Лорисъ-Меликовъ, что наконецъ самъ графъ рѣшилъ выгнать ихъ изъ рая.

Такого-то числа редакторы газетъ и журналовъ были приглашены къ графу для выслушанія отеческаго наставленія. Наши собраты привыкли къ подобнымъ наставленіямъ. Они выслушивали ихъ и отъ Макова, и отъ Григорьева, не говоря о періодическихъ, канцелярски лаконическихъ письменныхъ приказаніяхъ не писать о томъ, о семъ, объ этомъ,

о королѣ прусскомъ, о пирогахъ съ сигомъ, о теткѣ Варварѣ, о тверди небесной, о гадахъ земныхъ; въ особености о гадахъ.

Приглашенія предстать предъ свѣтлыя очи министра или начальника управленія по дѣламъ печати практикуются сравнительно рѣдко, но за то въ этихъ торжественныхъ случаяхъ изъ подъ перьевъ нашихъ собратовъ выхватываются уже не тетка Варвара или какой нибудь единичный гадъ, а цѣлые отдѣлы литературы. Послѣднее приглашеніе состоялось на другой день послѣ взрыва въ зимнемъ дворцѣ, когда Григорьевъ наложилъ табу на 1) народное образованіе, 2) политическія отношенія Россіи къ Германіи и 3) крестьянскіе надѣлы и переселенія.

Не удивительно, что редакція «Народной Воли» не была до сихъ поръ приглашена на эти собранія. Но мы надѣялись, что графъ Лорисъ-Меликовъ, будучи либеральнымъ чиновникомъ, а также искоренивъ крамолу, пришлетъ намъ пригласительную повѣстку. Мы ошиблись: нашего представителя не было въ пріемномъ покоѣ графа. Получивъ поэтому свѣдѣнія объ отеческомъ наставленіи графа изъ вторыхъ рукъ, мы не можемъ передать содержаніе графской рѣчи съ полнотою и точностью, тѣмъ болѣе желательными, что наши собраты, конечно не разскажутъ публикѣ, какъ ихъ выгоняли изъ рая.

Графъ началъ съ того, чѣмъ онъ всегда начинаетъ: помахалъ пушистымъ лисьимъ хвостомъ. Онъ сказалъ нѣсколько словъ о своемъ уваженіи къ печати, оказавшей столько услугъ при осуществленіи реформаторскихъ предначертаній нашего августѣйшаго вождя. Но, продолжалъ графъ, волновать общественное мнѣніе намеками на необходимость конституціи, земскаго собора или вообще какого-нибудь рѣшительнаго шага, печать отнюдь не должна. Ничего подобнаго не имѣется въ виду и не будетъ. Ему, графу, восторги печати тѣмъ непріятнѣе, что не основательныя надежды связываются съ его именемъ. Графъ готовъ сдѣлать, что можетъ, но онъ можетъ немного. Онъ уже объединилъ полицію и снарядилъ сенаторскія ревизіи, которыя на мѣстѣ узнаютъ нужды населенія; онъ возвратитъ земству его права, слѣдующія ему по положенію, предоставитъ печати критику правительственныхъ мѣропрі-

ятій и избавить ее отъ административныхъ каръ, если только печать послушается его отеческаго наставленія и по добру по здорову уберется изъ рая. Вотъ все, что графъ можетъ обѣщать.

«И за это спасибо!» подумали, вѣроятно, наши, привыкшіе къ благодарности, собраты: все таки «критика» предоставляется, и по крайнѣй мѣрѣ съ точностью обозначаются предѣлы свободнаго слова. Графъ поспѣшилъ разочаровать редакторовъ. Переходя отъ общаго къ частному, онъ взялъ со стола номеръ газеты «Молва» и прочиталъ редактору ея, г. Полетикѣ, наставленіе по поводу какого-то фельетона, въ которомъ заключаются непочтительные отзывы о попечителѣ одесскаго учебнаго округа. «У васъ есть дѣти?» спросилъ, между прочимъ, графъ редактора — «Есть.» — «Такъ какъ же вы не понимаете, что подобными статьями подрываете уваженіе къ школьному начальству?» Взялъ графъ другой номеръ «Молвы» и прочиталъ наставленіе по поводу передовой статьи о необходимости подчинить администрацію самоуправленію. «Вы, вѣдь, и сами не вѣрите тому, что пишете», закончилъ графъ. «Ваше сіятельство, возразилъ г. Полетика, я не желаю выслушивать подобные упреки». Графъ моментально спряталъ свой лисій хвостъ и разинулъ волчій ротъ: «какъ! вскричалъ онъ, такъ я закрою вашу газету!» Г. Полетика, съ мужествомъ, котораго мы, признаться, отъ него не ожидали, — отвѣчалъ: «ваше сіятельство можете закрыть газету, можете подвергнуть ея какому угодно взысканію, но я повторяю, что не желаю слушать эти упреки.» — «Наконецъ, я вамъ передаю высочайшее повелѣніе, чтобы подобныхъ статей больше не было», замялъ графъ щекотливый разговоръ и, уже не экзаменуя другихъ редакторовъ по одиночкѣ, отпустилъ ихъ.

Подводимъ итоги:

1) земной рай торжественно ликвидированъ. По собственному признанію графа Лориса-Меликова, рай существуетъ только личными его, графа, добрыми намѣреніями; но

2) намѣренія графа болѣе, чѣмъ скромны, а самъ онъ, достаточно сильный, чтобы закрыть газету за обнаруженіе редакторомъ человѣческаго достоинства, по собственному признанію, безсиленъ; въ виду этого

3) въ частности предѣлы свободнаго слова остаются прежніе, потому что возбраняется свободное обсужденіе даже дѣятельности попечителя учебнаго округа, а, слѣдовательно, и всякаго другого чиновника.

Собраты! вы рай во снѣ видѣли! Пора вставать!

ФЕЛЬЕТОНЪ

ДНЕВНИКЪ ИМПЕРАТОРА САМОДЕРЖЦА ВСЕЯ РОССИИ *)

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ. Прежде и теперь — какая разница! Прежде, бывало, ѣдешь въ коляскѣ, открыто; гулять пойдешь — двѣ собачки съ тобой.... **) А теперь? „Порядочному человѣку нельзя выйти на улицу!“ Жара, душно — а я полѣзай въ карету, закупоривайся; отъ солнечнаго зноя укрыться больше негдѣ, какъ въ тѣни.... черкеса, который заслоняетъ собой окно кареты!.... Нужно проѣхать всего нѣсколько саженъ, а я долженъ колесить, дѣлать „петли“, какъ заяцъ!... Какъ тяжело стало охранять источникъ благоденствія Россіи!... Цѣлый день я долженъ оглядываться, озираться; дрожу днемъ, вздрагиваю ночью... Да, тяжежела ты, шапка Мономаха, по нонѣшнему времени!

ВТОРНИКЪ. Являлся Меликовъ. Просилъ помиловать Михайлова и Сабурова. Боже! что они дѣлаютъ со мною! Убили моего вѣрнаго Мезенцева, одни ушли, другихъ не нашли, съ однимъ, только съ однимъ ко мнѣ пришли — и того отпустить на каторгу? Да развѣ-жъ это можно?

А, вѣдь, умолилъ! Поди, смѣется, теперь армяшка: легче было Карсъ взять, нежели склонить меня на помилованіе!...

Послѣ обѣда плакалъ..... Какъ мало они думаютъ о счастіи Россіи! ***)

---

*) Не имѣя подъ руками автографа Его Величества, мы не можемъ поручиться за подлинность происхожденія дневника Государя Императора. Печатаемъ его съ небольшими пропусками въ текстѣ и съ значительными измѣненіями въ орфографіи. Ред.

**) Далѣе слѣдуетъ нѣсколько строкъ идиллическаго и отчасти скабрезнаго характера, которыя мы пропускаемъ. Ред.

***) Его Величество въ этотъ день былъ огорченъ отказомъ графа

СРЕДА. Ѣздилъ въ Царское въ вагонѣ III класса, въ одеждѣ простаго поселянина. Слава Богу, доѣхалъ благополучно. *)

ЧЕТВЕРГЪ. Не спалъ всю ночь: думалъ. А что, если Долгорукая нигилистка? **)

ПЯТНИЦА. Вижу, меня не понимаютъ, не понимаютъ величія моей заботы о благѣ Россіи! Для блага возлюбленнаго мнѣ отечества населенныя улицы, покоторымъ мнѣ предстоитъ проѣзжать, превращаются въ пустыню, окна запираются, пѣшеходы исчезаютъ, экипажи скрываются въ переулкахъ, повсюду тихо, безмолвно, ни души, одни дворники у воротъ да городовые съ околодочными на постахъ; для блага любезнаго мнѣ отечества, укупоренный въ каретѣ, подъ конвоемъ, я дрожу, лескочу зубами и, какъ старая баба, при раскатахъ грома, безпрестанно повторяю: святъ! святъ! святъ!... А между тѣмъ, что-же?... Вѣрноподданые, когда я стрѣлой пролетаю по улицамъ, вмѣсто того, чтобы сказать, указывая на меня пальцемъ: „вотъ монархъ, заботливо охраняющій источникъ нашего благополучія!“ — хихикаютъ и говорятъ: „заяцъ“ ***)

Послѣ обѣда соснулъ. Видѣлъ сонъ: шапка, завѣщанная мнѣ Мономахомъ, видоизмѣнилась въ дурацкій колпакъ съ побрякушками... Въ воненіи проснулся. Какой тяжелый сонъ!...

Вечеромъ ѣздилъ къ ворожеѣ. Колпакъ, говоритъ, ничего: бываетъ что и ко благу своего отечества цари видятъ его во снѣ! Сказала: будетъ семь покушеній! ****)

Лорисъ-Меликова съиграть съ нимъ партію въ «винтъ». Примѣчаніе лица, доставившаго въ редакцію «Дневникъ».

*) О такомъ подвигѣ самопожертвованія Его Императорскаго Величества уже было заявлено въ иностранныхъ газетахъ. Ред.

**) Надо думать, что въ этотъ день Государь Императоръ изволилъ узнать о заявленіи княжны Долгорукой, которое она сдѣлала въ кругу своихъ приближенныхъ: «При мнѣ казней не будетъ!» сказала она, мечтая вступить на престолъ послѣ смерти Императрицы. Притѣчаніе лица, доставившаго въ редакцію «Дневникъ».

***) Судя по шероховатости языка, какимъ изложены эти строки можно замѣтить, что Государь Императоръ сильно огорченъ общественнымъ непониманіемъ истиннаго смысла пріемовъ «самосохраненія», какія употребляются имъ послѣ 2 апрѣля; въ назиданіе вѣрнопадданнымъ оставляемъ шероховатости языка Его Императорскаго Величества безъ малѣйшихъ поправокъ. Ред.

****) Истинное происшествіе. Примѣчаніе лица, доставившаго «Дневникъ».

Семка я посчитаю: Каракозовъ — разъ, Березовскій — два, Соловьевъ — три, Гартманъ — четыре, столяръ — пять... Еще два! Неужели на пути въ Ливадію?

СУББОТА, утромъ. Всю ночь продумалъ. Что значитъ этотъ колпакъ? Не есть-ли онъ указаніе свыше, что никакія предосторожности не спасутъ меня?

СУББОТА, въ полдень. Погадаю на пальцахъ: ѣхать или не ѣхать?... Ѣду!... Но какъ?

СУББОТА, вечеромъ. Эврика! Заказалъ ящикъ для перевозки себя багажемъ. Кажется, доѣду...

ВОСКРЕСЕНЬЕ. *) Третій день, какъ я въ Ливадіи. Съ трудомъ вспоминаю пережитое мною въ дорогѣ! На шести паровозахъ летѣлъ я въ Крымъ. По дорогѣ, отъ Петербурга до Александровска, костры, солдаты съ ружьями, мужики: одни съ бляхами, другіе, для видимости, съ бумажками въ формѣ кокарды, охраняли путь; на станціи — исправники, становые, жандармы... Пассажирское движеніе было прекращено. Кое-гдѣ только на запасныхъ путяхъ встрѣчались поѣзда, запертые на ключъ, съ опущенными окнами... Летѣлъ и вдругъ передъ Тверью слышу: „Вотъ она, торпеда-то!" Вздрогнулъ. **) Передъ Москвой оправился. Въ Москвѣ дорога была окопана. На станціи ждали лошади для переѣзда на Курскій вокзалъ, — но я поѣхалъ по соединительной вѣтви. Сердце сжималось при въѣздѣ въ Рогожскую часть.... ***) Но мой поѣздъ на всѣхъ парахъ

---

*) «Воскресеньемъ» обозначаю радостный день вообще, мое «Воскресенье» можетъ быть и раньше Субботы!

Примѣчаніе Государя Императора.

**) Государь Императоръ изволилъ вспомнить случай, дѣйствительно имѣвшій мѣсто недалеко отъ Твери. Какой-то купецъ, желая подтрунить надъ солдатомъ, «тщательно» наблюдавшимъ за тѣмъ, чтобы пассажиры, запертые на ключъ въ ожиданіи проѣзда Императора, не смѣли открывать оконъ, въ то время, когда проѣзжалъ царскій поѣздъ, высунулъ изъ окна подушку и крикнулъ: «вотъ она, торпеда-то!» Неумѣстная шалость, причинившая столько безпокойства возлюбленному Монарху.

Примѣчаніе лица, доставившаго «Дневникъ».

***) Государя Императора не столько смущалъ «проклятый домишко», сколько яма для картофеля, своевременно обнаруженная и въ видахъ безопасности, осушенная подкопомъ Московской Полиціи, — о чемъ уже было сообщено въ газетахъ.

Примѣчаніе лица, доставившаго «Дневникъ».

благополучно миновалъ всѣ ужасныя препоны... Въ Серпуховѣ мнѣ доложили, что, въѣзжая въ городъ, я былъ на волоскѣ отъ смерти! Боже! что сдѣлалось со мною! я задрожалъ, стиснулъ зубы и въ отчаяніи не зналъ, на что рѣшиться!... За то Харьковомъ я остался доволенъ: ни одного букета не попало мнѣ въ коляску, а вѣрноподданическое „ура“ досталось на долю моей собаки... *) Но все-таки многолюдіе смущало меня!.. Я глубоко убѣжденъ, что вѣрнѣйшее средство сохранить Россіи источникъ ея благоденствія — это нигдѣ не встрѣчать людей! Итакъ, я въ Ливадіи! Ужели „они“ забыли меня?

*) Печальное недоразумѣніе это произошло оттого, что коляска Его Величества промчалась весьма быстро, а экипажъ, въ которомъ помѣщалась собака, былъ принятъ за царскій.

Примѣчаніе лица, доставившаго «Дневникъ».

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НАРОДНОЙ ВОЛИ“

Съ октября мѣсяца возобновится изданіе органа

„НАРОДНАЯ ВОЛЯ“

Летучая Типографія «Народной Воли»

НАРОДНАЯ ВОЛЯ

СОЦІАЛЬНО - РЕВОЛЮЦІОННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Годъ второй. — № 4 — 5 декабря 1880.

---

4 ноября въ 8 ч. 10 м. утра, на Іоанновскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости повѣшены соціалисты-революціонеры Александръ Александровичъ КВЯТКОВСКІЙ и Андрей Корнѣевичъ ПРѢСНЯКОВЪ.

ОТЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА

I. 6 ноября 1880 г. Исполнительный Комитетъ опубликовалъ слѣдующую прокламацію:

4-го ноября, въ 8 часовъ 10 минутъ утра, приняли мученическій вѣнецъ двое нашихъ дорогихъ товарищей, Александръ Александровичъ КВЯТКОВСКІЙ и Андрей Корнѣевичъ ПРѢСНЯКОВЪ.

Они умерли, какъ умѣютъ умирать русскіе люди за великую идею: умерли съ сознаніемъ живучести революціоннаго дѣла, предрекая ему близкое торжество. Но не доблесть ихъ станемъ мы разбирать: ихъ оцѣнятъ потомки; здѣсь мы намѣрены констатировать нѣкоторыя новыя обстоятельства, сопровождавшія смерть этихъ мучениковъ.

Правительство убило ихъ тайкомъ, въ стѣнахъ крѣпости, вдали отъ глазъ народа, предъ лицомъ солдатъ. Какое соображеніе руководило палачемъ? Почему Лорисъ-Меликовъ, смаковавшій смерть Млодецкаго на Семеновскомъ плацу, не задушилъ и этихъ всенародно? Почему царское правительство не воспользовалось по прежнему этимъ зрѣлищемъ, какъ любимѣйшимъ средствомъ — разжечь инстинкты

массы противъ интеллигенціи? Не потому-ли, что народъ берется за умъ? Не потому-ли, что настроеніе массъ таково, что грозитъ собственной шкурѣ начальства?

Поживемъ, увидимъ.

Почему казненъ Квятковскій, а не Ширяевъ, Прѣсняковъ, а не Окладскій или Тихоновъ? Александру II и его наперсникамъ хотѣлось крови; хотѣлось также гвардію задобрить, пострадавшую въ лицѣ финляндскаго полка; хотѣлось отвести глаза народу, и вотъ — выхваченъ дворянинъ Квятковскій, — а не крестьянинъ Ширяевъ; выхваченъ и безъ всякихъ юридическихъ уликъ, вопіюще обвиненъ въ гибели караула 5-го февраля. Но крови одного Квятковскаго оказалось мало; притомъ царямъ нужны дворники, швейцары, — и казнили мѣщанина Прѣснякова за огражденіе своей свободы противъ уличнаго нападенія со стороны неизвѣстныхъ лицъ. Казнили Прѣснякова, какъ грозу шпіоновъ, какъ предполагаемаго убійцу вѣрныхъ царскихъ слугъ — шпіоновъ Жаркова и Финогенова (Шарашкина). Остальныхъ казнить неловко: слишкомъ много, притомъ все крестьяне да мѣщане; чего добраго народъ въ мучениики возведетъ. Оставалось... только замуравить въ склепъ.

Не знаемъ, долго-ли царское правительство будетъ съ успѣхомъ дурачить русскій народъ; но русское общество, чѣмъ оно себя заявило? Прекрасно сознавая, что наша борьба за народъ и права человѣка есть борьба и за свободу общества; понимая всю безцѣльность смертной казни и относясь къ ней съ омерзѣніемъ, какъ къ напрасному варварству, — общество молчало, молчало, когда одинъ говоръ его смутилъ бы палача! Своею дряблостью, пассивностью, оно вычеркнуло себя изъ ряда борющихся общественныхъ силъ. Пусть-же не требуетъ впредь, чтобы партія дѣйствія принимала его въ разсчетъ при выборѣ момента и формъ борьбы.

Русская интеллигенція! Изъ твоихъ рядовъ вышли эти мученики, чтобы, презрѣвъ личное счастіе, стать за народное знамя. Въ ихъ лицѣ казнили тебя. Но не изсякнетъ источникъ животворной силы; на смѣну выбывшимъ товарищамъ ты вышлешь десятки новыхъ и съ кличемъ „смерть тиранамъ!“ поведешь народъ къ побѣдѣ.

Братья и товарищи! Отдѣльныя лица и кружки пылали страстью — помѣриться съ врагомъ, вырвать узниковъ изъ

пасти его. Братья! не поддавайтесь чувству удали и мщенія: будьте вѣрны разсчету; сберегайте, накопляйте силы, судный часъ недалеко!

Исполн. Ком. 5 ноября 1880 г.

II. Исполнительный Комитетъ заявляетъ, что произведенное въ прошломъ году подъ г. Александровскомъ и подготовлявшееся подъ Одессой покушеніе на жизнь царя — произведены по иниціативѣ его, Исполнительнаго Комитета, согласно съ общимъ планомъ, установленнымъ осенью прошлаго года, съ цѣлью приведенія въ исполненіе смертнаго приговора надъ Александромъ II, постановленнаго Исполнительнымъ Комитетомъ 26 августа 1879 г.

III. Исполнительный Комитетъ проситъ остерегаться слѣдующихъ лицъ:

БАБИЧЕВА, Надежда Яковлевна, дочь священника; въ 1879 г. находилась въ Кіевѣ на высшихъ женскихъ курсахъ. Выдала Дебагорія-Мокріевича, Марью Ковалевскую и Павла Орлова. Весною 1880 г. прибыла въ Петербургъ, гдѣ и состоитъ шпіонкой III Отд. Примѣты: 22-хъ лѣтъ, ростъ средній, брюнетка, глаза темно-сѣрые, лицо круглое, полное, смуглое, ротъ небольшой.

АНДРІЕВСКАЯ, Агафья Ал-дровна (поэтесса Гапка Ищенко), находясь въ московской пересыльной тюрьмѣ по пути слѣдованія въ Восточную Сибирь, пожелала дать откровенныя показанія и оговорила болѣе 200 лицъ, преимущественно украинофиловъ „Старой и Молодой Громады", кіевскихъ и одесскихъ бунтарей, извѣстныхъ ей по слухамъ, и другихъ; подтвердила показанія предателей Өедора Курицына и Веледницкаго. Весной 1880 г. Андріевская исполняла роль шпіонки въ Домѣ Предварительнаго Заключенія въ Петербургѣ. Нынѣ, выпущенная на свободу, старается проникнуть въ петербургскія литературныя сферы.

ДРИГО, Владиміръ Васильевичъ, осужденный по процессу 16-ти. Человѣкъ индиферентный ко всякимъ общественнымъ вопросамъ, желая присвоить имѣніе Д. Лизогуба, на которое имѣлъ довѣренность, предалъ его, слѣдствіемъ чего была смертная казнь Лизогуба. Въ іюлѣ 1879 г. оговорилъ многихъ своихъ близкимъ знакомыхъ и пытался выдать Безмѣнова и нѣкоторыхъ другихъ.

Исполн. Ком. 19 ноября 1880 г.

25 ноября 1880 г.

Въ первыхъ номерахъ „Народной Воли“ мы старались доказать, что главнымъ препятствіемъ къ экономическому и политическому освобожденію народа служитъ современный государственный строй; что борьба съ нимъ для партіи соціально-революціонной неизбѣжна и въ ближайшее время стоитъ на первомъ планѣ; что партія должна взять на себя починъ политическаго переворота, не ожидая стихійнаго массового движенія и не разсчитывая исключительно на движеніе снизу, вызванное по иниціативѣ и силами организаціи въ народѣ. По нашему убѣжденію при общемъ недовольствѣ и стремленіи къ выходу, въ виду общаго сознанія, что существующій государственный и общественный строй — переходное и радикальное измѣненіе его — вопросъ ближайшихъ дней, въ виду полнаго безсилія правительства облегчить положеніе, — недоставало только сильнаго толчка, чтобы отъ старой руины остался одинъ прахъ. Дать этотъ толчекъ, при обыденномъ теченіи жизни, могла только соціально-революціонная партія, и въ этомъ мы видѣли ея ближайшую историческую миссію.

Въ № 3 „Нар. Воли“ мы напечатали программу, содержащую сводъ этихъ положеній вмѣстѣ съ нѣкоторыми детальными положеніями о практическихъ путяхъ, возможныхъ при томъ же обыденномъ теченіи народной жизни (таковы: Учр. Собр., Вр. Правительство, какъ результатъ заговора, и проч.). Гибель типографіи помѣшала намъ сдѣлать своевременно разъясненія и дополненія программы. Отсюда ея неправильное толкованіе и одностороннее пониманіе многими по сей день. Все это обязывало насъ заготовить рядъ статей программнаго характера; но первою возможностью сказать обстоятельное вольное слово мы должны воспользоваться, что бы остановить вниманіе партіи, какъ можно скорѣе, на новомъ факторѣ народной жизни, факторѣ чрезвычайнаго значенія, обращающемъ положеніе дѣлъ въ исключительное. Мы говоримъ о голодѣ многихъ милліоновъ.

Житница Россіи, недавняя житница Европы стоитъ въ оцѣпенѣніи ужаса предъ голодной смертью. Уныніе смѣнилось отчаяніемъ, и населеніе, предпріимчивость котораго раздвинула предѣлы царства, въ состояніи лишь повторять:

„все равно — смерти не минуешь!“ Страданія чрезмѣрны. Народному терпѣнію бываетъ конецъ; подъ неотразимымъ, стихійнымъ давленіемъ голода возможно массовое движеніе цѣлыхъ областей. Партія соціально-революціонная должна серьезно взвѣсить историческое значеніе момента и... приготовиться! Исторія, вложивъ въ ея руки народное знамя, нынѣ ставитъ ей испытаніе.

Созрѣла-ли партія до пониманія своихъ задачъ, столь же широкихъ, какъ и самая жизнь народная? Гдѣ накопленныя силы? Что можемъ сдѣлать въ подмогу народному движенію? Все-ли будемъ теребить соціалистическія теоріи да готовиться къ чему-то, или, покорные воплю голоднаго, кликнемъ: „дѣйствовать нужно, какъ подобаетъ истинному народному революціонеру?“

Исключительное положеніе требуетъ отъ постановки революціоннаго дѣла приспособленія. Больше, чѣмъ когда-либо, требуется организація силъ во имя переворота и сосредоточеніе ихъ въ центрахъ возможнаго движенія. Необходимо намѣтить базы возстанія и быть наготовѣ овладѣть ими. Необходимо частными толчками расшатывать подгнившіе устои. Въ исторіи революціоннаго движенія наступаетъ героическій періодъ. Вопль изнывающей въ страданіяхъ родины призываетъ на бой всѣхъ честныхъ, самоотверженныхъ сыновъ ея.

Активное участіе въ борьбѣ становится мѣриломъ революціонной добропорядочности.

Прочь-же худосочное резонерство! Дайте просторъ въ себѣ боевому чувству и личнымъ примѣромъ ободрите народъ.

Каждая инсуррекція — это такое дѣло, гдѣ по преимуществу оправдывается пословица: человѣкъ предполагаетъ, а богъ располагаетъ. Множество обстоятельствъ, болѣе или менѣе неожиданныхъ, постоянно встрѣчаются на пути человѣческихъ разсчетовъ, то мѣшая имъ, то помогая. Къ числу такихъ неизвѣстныхъ величинъ въ инсуррекціи относится настроеніе народныхъ массъ. Очень часто — горячая, кипучая, по всѣмъ наблюденіямъ, масса — въ рѣшительный моментъ не двинетъ пальцемъ; наоборотъ, — за-

битая, инертная толпа — совершенно неожиданно проявляетъ энергію и самодѣятельность. Настоящій годъ, съ его повсемѣстной голодовкой, очень можетъ вызвать въ народѣ настроеніе и инстинкты, о которыхъ въ прошломъ году можно было только мечтать, и привлечетъ, можетъ быть, въ революціонное движеніе величины, которыя даже и въ настоящій моментъ не могутъ быть вполнѣ извѣстны.

Тѣмъ не менѣе нужно по возможности предвидѣть всякое сочетаніе условій. И вотъ почему намъ кажется теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, умѣстнымъ опредѣленно поставить вопросъ о желательной роли народныхъ массъ въ революціи. Мы дѣлаемъ это тѣмъ съ большей охотой, что надѣемся при этомъ снять съ себя обвиненіе въ неискреннемъ отношеніи къ народу, обвиненіе, которое — тоже едва ли искренне — возводилось на насъ нѣкоторыми принципіальными противниками „Народной Воли“.

Одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ свойствъ, какимъ только можетъ обладать народъ, — это политическое, гражданское развитіе. Политическое развитіе можетъ спасти народъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, - при полномъ экономическомъ разореніи, при наличности цѣлой стаи хищниковъ, при опасностяхъ иноземнаго господства. Никакое бѣдствіе не страшно, если въ народѣ живетъ увѣренность въ своихъ верховныхъ правахъ, если въ немъ сильна привычка и умѣнье слѣдить за всѣми государственно-общественными дѣлами, начиная съ деревни и кончая дворцомъ. При отсутствіи политическаго развитія, наоборотъ, — ни роскошь природы, ни прекрасныя свойства національнаго ума и характера, ни широкое общественное чувство не спасаетъ народъ отъ нищеты и рабства. Благодѣтельныя послѣдствія, которыя замѣчаются обыкновенно послѣ каждой революціи, обусловливаются отчасти улучшеніемъ самихъ общественныхъ формъ, отчасти-же именно благодаря повышенію политическаго развитія народа. Конечно — иногда первые шаги народной самодѣятельности въ революціонную эпоху не умѣлы, иногда самыя дикія страсти и инстинкты выступаютъ наружу, но какъ-бы то ни было, торжествуя, народъ начинаетъ сознавать свое право; покинутый на произволъ судьбы, лишенный обычныхъ опекателей, — народъ пріучается организовать общественныя отношенія, контролировать своихъ довѣренныхъ лицъ и пр.

и пр., словомъ — дѣлается въ большей степени гражданиномъ. И затѣмъ, когда революціонная буря утихаетъ и жизнь постепенно входитъ въ свое обычное русло, повышеніе политическаго развитія народа сразу сказывается въ уменьшеніи всякихъ злоупотребленій, правонарушеній, произвола. Жить стоновится легче.

Поэтому всякая инсуррекція наибольшіе результаты даетъ тогда, когда она является только прелюдіей къ народной революціи или ея эпизодомъ; говоря другими словами, — если инсуррекція только даетъ толчекъ народной революціи. Насколько возможно взвѣсить все наше положеніе, — въ Россіи дѣло такъ бы и вышло.

Будемъ-ли мы однако въ состояніи подготовить удачное возстаніе раньше стихійнаго народнаго движенія, или оно предупредитъ наши разсчеты, — въ обоихъ случаяхъ — намъ кажется — наиболѣе производительно затратить силы съорганизованныя партіей, мы можемъ только, направляя ихъ для разрѣшенія, такъ сказать, народныхъ силъ, для превращенія народныхъ массъ въ сознательную политическую силу. Вотъ почему мы постоянно говоримъ и говорили о передачѣ власти народу, о народной волѣ, о народномъ самодержавіи. Для народа важно достигнуть лучшихъ общественныхъ формъ, но еще важнѣе — достигнуть этого самому; для него всего важнѣе пережить такой историческій моментъ, въ теченіе котораго онъ, народъ, былъ-бы дѣйствительнымъ распорядителемъ своихъ судебъ. Такіе моменты никогда не забываются и создаютъ изъ обывателей — гражданъ.

Для того, чтобы рельефнѣе выразить, какъ мы понимаемъ разрѣшающую роль партіи, мы возьмемъ наглядный примѣръ. Убѣдительно просимъ однако читателей не видѣть въ нашихъ словахъ изложенія плана дѣйствій. Только революціонное доктринерство сочиняетъ планы на десять лѣтъ впередъ; настоящій-же, живой революціонеръ имѣетъ только одинъ планъ: свою основную идею примѣнять къ обстоятельствамъ и осуществлять сообразно съ ними. Итакъ, мы говоримъ только къ примѣру, для большей наглядности. Допустимъ, что партія съорганизовала достаточныя силы, дождавшись всенароднаго движенія, начала дѣйствовать самостоятельно и овладѣла центральной властью. Какова ея дальнѣйшая роль? Создавать новый государствен-

ный строй, декретировать необходимыя реформы? Мы полагаемъ — нѣтъ. Только въ самомъ несчастномъ случаѣ, только тогда, еслибы народный организмъ не проявлялъ уже ни одной искры жизни, — можно было-бы признать такую дѣятельность. Въ обыкновенное-же время для партіи было-бы обязательнымъ употребить пріобрѣтенную власть и средства на то, чтобы революціонировать всю Россію — призывать повсюду народъ къ захвату власти и осуществленію его завѣтныхъ желаній, помогать ему въ этомъ всѣми силами, и свою центральную власть держать въ рукахъ исключительно для того, чтобы помочь съорганизоваться народу.

Принципъ указываетъ намъ вообще, что главная созидательная сила революціи въ народѣ, и что дѣло созиданія тѣмъ прочнѣе, чѣмъ болѣе участвуютъ въ немъ массы. Переходя къ дѣлу борьбы и разрушенія, мы также утверждаемъ, что оно безъ участія народа очень химерично. Правительство въ революціонный моментъ терпитъ пораженіе отъ двухъ причинъ: во первыхъ, вслѣдствіе нападенія боевой революціонной силы, во вторыхъ — вслѣдствіе разложенія собственныхъ силъ. Но боевую силу, достаточную для того, чтобы разбить правительство хотя на короткое время, немыслимо составить безъ участія народа, ибо нѣсколькихъ тысячъ бойцовъ единовременно интелигенція поставить не въ состояніи. Разложеніе-же правительственныхъ войскъ совершится въ значительной степени вслѣдствіе антиправительственнаго настроенія массъ, которыя заражаются иногда на самихъ баррикадахъ. Воздѣйствіе со стороны партіи на массы, тѣсная связь съ ними составитъ такимъ образомъ для насъ главное условіе успѣха, и только необходимость сообразоваться со средствами заставляетъ насъ всегда указывать на извѣстную экономизацію силъ. Въ настоящій подготовительный періодъ далеко не всѣ мѣстности имѣютъ одинаковое революціонное значеніе, и, конечно, главнаго вниманія требуютъ болѣе важные пункты. Таковы вообще крупные городскіе центры. Имъ придется вынести на плечахъ всю тяжесть борьбы. Въ нихъ силы партіи должны быть наиболѣе значительны. Въ разное время такое-же значеніе пріобрѣтаютъ различныя крестьянскія мѣстности, по стеченію обстоятельствъ, особенно обостряющихъ неудовольствіе и подымающихъ ре-

волюціонное настроеніе. Онѣ также требуютъ немедленнаго воздѣйствія со стороны партіи. Короче говоря: если связь съ народными массами необходима вообще, то она уже просто обязательна тамъ, гдѣ этимъ обезпечивается первый успѣхъ возстанія.

Мы часто указывали партіи на дѣятельность среди городскаго рабочаго населенія. Безпримѣрныя бѣдствія нынѣшняго года въ южной и юговосточной Россіи расширяютъ область обязательнаго воздѣйствія на народъ въ десять разъ. Но увеличились-ли въ такой-же пропорціи силы, которыя партія можетъ удѣлить на эту работу? Едва-ли. Мы, конечно, дѣлаемъ значительные успѣхи, — это можно сказать, не хвастаясь; но дѣло требуетъ гораздо большихъ силъ. Повсюду, даже въ наиболѣе оживленныхъ центрахъ, замѣчается недостатокъ въ людяхъ по всѣмъ отраслямъ дѣятельности. Такое тѣсное сплоченіе всѣхъ революціонныхъ фракцій могло-бы восполнить этотъ недостатокъ. Найдетъ-ли партія въ себѣ достаточно единодушія и преданности дѣлу для того, чтобы, оставляя мелкія различія взглядовъ, сомкнуться на общей работѣ? Мы надѣемся, что да. За послѣднее время въ этомъ отношеніи сдѣлано довольно много, и мы только для примѣра можемъ указать на заявленіе одного кружка деревенскихъ дѣятелей, публикуемое въ настоящемъ номерѣ.

ЗАЯВЛЕНІЕ ГРУППЫ НАРОДНИКОВЪ

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ дѣятельности въ народѣ, гдѣ мы первоначально ставили своею цѣлью созданіе массовой сознательно-революціонной организаціи, силами и по иниціативѣ которой было-бы вызвано народное возстаніе, мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ:

1) что массовая организація такого рода въ настоящее время по многимъ причинамъ не достижима;

2) что для возбужденія въ народѣ общаго революціоннаго движенія необходимъ сильный внѣшній толчекъ, вродѣ политическаго переворота или извѣстной комбинаціи экономическихъ и всякихъ случайныхъ причинъ (всероссійской голодъ, неудачная война и т. п.);

3) что, въ виду вышесказаннаго, роль интеллигенціи въ народѣ сводится къ подготовленію его активнаго и возможно болѣе сознательнаго участія въ движеніи, вызванномъ вышеозначенными причинами, и къ тому, чтобы, заручившись предварительно довѣріемъ и популярностью въ массахъ, стать руководителями и организаторами движенія.

Признавая прошлогодній расколъ партіи на двѣ фракціи крайне вреднымъ для дѣла народнаго освобожденія, мы въ то же время находимъ, что

1) постановка революціоннаго дѣла партіи «Народной Воли» вѣрна и охватываетъ всѣ отрасти революціонной дѣятельности;

2) въ способахъ веденія дѣла въ средѣ сельскихъ массъ мы вполнѣ согласны съ партіей „Народной Воли“ и

3)террористическіе факты, будучи неизбѣжнымъ послѣдствіемъ современныхъ политическихъ условій, вазбуждаютъ умы и способствуютъ уясненію народнаго сознанія. Совершаемые систематически въ періодъ возстанія, они въ высшей степени способствуютъ успѣху возстанія.

Въ виду всего этого, а также для обоюднаго согласованія дѣятельности, мы порѣшили присоединиться къ партіи „Народной Воли“, о чемъ и заявляемъ.

С.-Петербургъ, 15-го ноября 1880 г.

Въ подлинникѣ слѣдуютъ подписи членовъ кружка.

ПРИЗНАКИ ГОЛОДА

Зловѣщая народная бѣда растетъ и принимаетъ болѣе и болѣе угрожающіе размѣры. Неурожай нынѣшняго года, обостривъ давнишнія экономическія страданія народа, вызвавъ неслыханную дорговизну хлѣба и съѣстныхъ продуктовъ, ведутъ Россію къ повсемѣстному неминуемому голоду. Это уже ни для кого не тайна. Хотя подробности кризиса еще мало выяснены и итоги его не подведены, но уже теперь имѣющіяся данныя выясняютъ будущее и ставятъ его внѣ сомнѣній. Мы приведемъ нѣкоторые факты, рисующіе положеніе народа въ настоящую минуту и служащіе подтвержденіемъ нашего взгляда на будущность русскаго народа.

Въ наиболѣе ожесточенныхъ формахъ голодъ проявляется въ среднихъ приволжскихъ губ.: Самарской, Саратовской, Казанской, и въ южныхъ губ.: Екатеринославской и Войскѣ Донскомъ. Въ Самарской губ. пострадавшихъ отъ неурожая, по свѣдѣніямъ земствъ, нуждающихся въ продовольствіи и въ средствахъ для обсѣмененія полей 610,149 ч. Въ одномъ Саратовскомъ у. голодныхъ 152,468 ч.

Очевидцы, посѣщавшіе нынѣшней осенью приволжскія губ, говорятъ, что нѣтъ красокъ достаточно мрачныхъ, чтобы вѣрно изобразить народную нужду. По деревнямъ во многихъ избахъ ставни закрыты въ теченіе дня: это дѣтей уложили спать, чтобы они не чувствовали голода; подъ вечеръ имъ даютъ по куску хлѣба, чтобы не слишкомъ кричали ночью. Взрослые члены семей съѣдаютъ не болѣе ломтя хлѣба въ сутки, и этотъ фактъ принятъ за норму при всѣхъ разсчетахъ земствъ, заботы которыхъ не идутъ далѣе того, чтобы доставить по пуду хлѣба на человѣка въ мѣсяцъ, т. е. по фунту съ небольшимъ въ день.

Изъ Самарской губ., пишетъ корреспондентъ въ „Саратовскій Дневникъ“, киргизы привозятъ дѣтей на продажу въ большое село Александровъ Гай и мѣняютъ ихъ на хлѣбъ, получая по два пуда муки за ребенка.

Извѣрившись въ непоколебимость устоевъ своей жизни и въ несокрушимую силу земли, народъ огульно покидаетъ свои села и деревни. Въ Самарской, Саратовской и Казанской губерніяхъ встрѣчаются селенія, какъ будто вымершія, съ наглухо заколоченными избами; они грозили народу стать его голгофою, и онъ покинулъ ихъ, сохранивъ въ себѣ желаніе жизни. Народъ стягивается въ города или бредетъ, куда глаза глядятъ. Прилегающія мѣстности переполнились нищими, просящими хлѣба христа ради.

Въ Саратовѣ, вслѣдствіе общаго неурожая и скученія народа, цѣны на съѣстные припасы такія, какихъ Саратовъ не запомнитъ. При этомъ установилась полная безработица; мастеровые сидятъ безъ дѣла и распускаютъ своихъ работниковъ. Поденная плата чернорабочаго упала до невозможнаго минимума; въ настоящее время чернорабочій получаетъ отъ 20 — 25 коп. въ сутки на своихъ харчахъ. Стали печь хлѣбъ пополамъ съ картофельной мукой, который комитеты для бѣдныхъ продаютъ по 2 коп. за

фунтъ, но и этотъ хлѣбъ бѣднѣйшее населеніе не въ состояніи покупать. Городского голову осаждаютъ просьбами о немедленномъ пособіи хлѣбомъ, чтобъ не умереть голодною смертью; судебные слѣдователи завалены дѣлами о воровствѣ и грабежахъ, а привлеченные къ слѣдствію, прежде всякихъ объясненій, заявляютъ просьбу о заключеніи въ тюрьму на казенное содержаніе. (Рус. Вѣд.) Изъ Камышинскаго уѣзда исправникъ доноситъ высшей власти, что хлѣба давно нѣтъ; населеніе питается картошкою, но и та будетъ скоро съѣдена. Затѣмъ готовится волненіе, за послѣдствія котораго онъ, исправникъ, не ручается. Въ Маріупольскомъ у. Екатеринослав. губ. во многихъ деревняхъ уже появился голодный тифъ; скоту грозитъ голодная смерть вслѣдствіе безкормицы.

Въ Херсонской губ. отъ неурожаевъ пострадало 106,000 душъ. Въ Тираспольскомъ у. урожай былъ такъ плохъ, что пшеница дала всего 2 мѣры съ десятины. Продавать нечего. Въ Николаевѣ цѣна на хлѣбъ растетъ при отсутствіи зароботковъ. Въ Таганрогѣ затишье въ торговлѣ; рабочій трудъ безъ спроса, а средства къ жизни день-ото-дня дѣлаются дороже. То же происходитъ въ Таврической губ. Рабочіе прибываютъ изъ среднихъ губ., ища заработковъ, между тѣмъ фабриканты понижаютъ заработную плату вслѣдствіе отсутствія спроса на товары. Крестьяне Черниговской губ. ѣдятъ хлѣбъ пополамъ съ овсомъ и лебедой. Осеннія подати, пожалуй, еще будутъ внесены, но весеннія врядъ ли, потому что продавать нечего будетъ.

Въ Орловской губ., какъ и въ другихъ среднихъ и почти во всѣхъ сѣверныхъ губерніяхъ, урожай былъ средній; но крестьяне, нуждаясь въ деньгахъ и польстясь на высокія цѣны, распродали раннею осенью всѣ свои запасы, теперь же они платятъ громадныя цѣны за покупаемый въ розницу хлѣбъ (по 1 р. 50 к. — 2 р. 40 к. за пудъ ржаной муки). Къ зимѣ предвидится недостатокъ въ продовольствіи для людей и скота; въ Воронежѣ цѣны растутъ; теперь фунтъ ржаного хлѣба стоитъ 4 коп; въ Рязанской и Тульской губ. цѣна 12 руб. за четверть ржи; въ Смоленской губ., сильно пострадавшей отъ неурожая, уже наступаетъ голодъ; въ одномъ Дорогобужскомъ уѣздѣ 75 т. чел. нуждаются въ продовольствіи.

Въ Гжатскѣ пудъ муки, смѣшанной съ ячменемъ и ов-

сомъ стоитъ 1 р. 60 коп., мясо-же упало въ цѣнѣ до 1 р. 50 коп. за пудъ; скотъ изводятъ, потому что нечѣмъ его кормить; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Владимірской губ. рожь родилась самъ-другъ; хлѣбные магазины пусты; цѣны на базарахъ въ селахъ и деревняхъ 2 р. за пудъ. И тутъ о бокъ съ дороговизною идетъ безработица. Въ Ивановѣ-Вознесенскѣ производства сократились; на многихъ фабрикахъ число рабочихъ уменьшено до $^1/_3$. Оставленные отъ мѣстъ рабочіе просятъ работы, хотя изъ за куска хлѣба. Цѣна хлѣба въ Петербургѣ, какъ извѣстно, поднялась въ октябрѣ до неслыханныхъ размѣровъ: 25 и 26 рублей за куль ржаной муки; фунтъ простого ржаного хлѣба стоитъ 5 коп. И теперь цѣны немногимъ ниже. Разсчеты рабочихъ здѣсь тоже обильны; нѣсколько фабрикъ и заводовъ закрылись, другіе распустили большую часть своихъ рабочихъ; въ Москвѣ въ прошломъ мѣсяцѣ $^1/_2$% всего населенія пользовалась хлѣбомъ, продаваемымъ комитетами по дешевой цѣнѣ. Запасы продовольствія въ Тверской губ. настолько незначительны, что едва-ли хватятъ до декабря; въ Псковѣ цѣна за пудъ ржаной муки колеблется между 2 р. 10 и 2 р. 20 к. Вологодская г. переживаетъ небывалое по дороговизнѣ время; въ Пензенской губ. общая дороговизна; рабочій скотъ сбывается за безцѣнокъ.

Что обѣщаетъ народу будущее?

Дороговизна и голодъ почти одинаковы въ губерніяхъ, гдѣ урожаи были хорошіе и гдѣ они были плохи. Общій выводъ урожаевъ даже благопріятный для всей Россіи, за исключеніемъ Самарской, Саратовской, Казанской, Херсонской и Екатеринославской губ., онъ составляетъ средній для пшеницы и нѣсколько ниже средняго для ржи. Слѣдовательно, плохіе урожаи не единственная причина народныхъ бѣдствій; есть язвы, лежащія въ самомъ строѣ соціальной жизни народа, которыя глубоко подъѣли корни его благосостоянія.

Впрочемъ насколько голодъ зависитъ отъ неурожаевъ, онъ обезпеченъ заранѣе во многихъ губерніяхъ. Въ Черниговской, Курской, Полтавской, Екатеринославской, и Таврической озимые посѣвы съѣдены жуками и личинками; въ другихъ мѣстахъ личинки саранчи засѣли въ землѣ и угрожаютъ яровымъ хлѣбамъ. Скотъ повсюду вымеръ или распроданъ за безцѣнокъ, а извѣстно, разъ хозяйство при-

детъ въ упадокъ, крестьяне не имѣютъ возможности поправиться собственными средствами.

Посмотримъ же, что дѣлаютъ правительство и такъ называемые органы самоуправленія, земства и думы, чтобы спасти народъ отъ голодной смерти.

„Для обсужденія мѣръ по вопросу о продовольствіи", правительствомъ учреждена комиссія изъ слѣдующихъ лицъ: чиновникъ минист. внут. дѣлъ П. П. Семеновъ, управляющій госуд банкомъ Ламанскій, инженеръ-генералъ Барковскій, тайн. совѣтникъ Вешняковъ и предсѣдатель общества юго-западныхъ дорогъ Бліохъ. — Въ видахъ собственнаго спасенія, правительство старается удовлетворить хоть часть земскихъ требованій на народное продовольствіе. Оно ассигновало на нужды Самарской и Саратовской губерній 3,644,000 руб., тогда какъ одной Самарской губ. нужно шесть съ половиной м., чтобъ прокормится, а одному Саратовскому уѣзду — 1,147,397 р.

Доведя государственное хозяйство до полнаго опустѣнія, правительство, чтобъ сколько-нибудь умѣрить народную нужду, дѣлаетъ новые и новые выпуски кредитныхъ билетовъ, чѣмъ вызываетъ новое паденіе курса и новое поднятіе продажной цѣны предметовъ первой необходимости; правительство поневолѣ соглашается на отсрочку взноса податей, проститъ даже населенію безнадежныя недоимки; 23 ноября имъ отмѣненъ акцизъ на соль и уменьшены ввозныя на нес пошлины. Правительство, не задумавшееся изъ-за десятка мил., которые давали ему пошлины на соль подвергать народъ лишенію необходимой составной части пищи; не отступавшее передъ полнымъ разореніемъ народнаго хозяйства, правительство, пустившее по міру цѣлыя крестьянскія селенія, доведшее весь народъ почти до безусловной нищеты, теперь, когда голодъ грозитъ поднять народныя массы, когда изъ разныхъ мѣстъ уже доносятся слухи о волненіяхъ, бросаетъ народу милость. Ханжествомъ своего манифеста царь какъ-бы заранѣе заклинаетъ гнѣвъ разсвирѣпѣвшаго народа.

Кажется, мы перечислили главнѣйшія мѣры, предпринимаемыя центральною властью, посмотримъ, не спасаютъ-ли народъ заботы земствъ и городскихъ думъ.

Въ Петербургѣ засѣдаетъ „особая исполнительная думская комиссія", повидимому съ усердіемъ исполняющая

возложенныя на нее обязанности. Она склонила хлѣботорговцевъ Духановыхъ сдѣлать заявленіе о продажѣ муки по 16 р. съ куля, ей удалось найти 303 лавки, гдѣ хлѣбъ продается по уменьшенной цѣнѣ, она же отпускаетъ изъ интендантскихъ складовъ хлѣбопекамъ и лавочникамъ муку по 16 р. Тѣмъ не менѣе въ большинствѣ частныхъ складовъ мука продается дороже, и хлѣбъ, понизившійся было на копейку, снова поднимается въ цѣнѣ.

Саратовское уѣзд. земство рѣшило обезпечить продовольствіемъ только дѣтей, матерей съ грудными дѣтьми и стариковъ, для обезпеченія существованія остальнаго населенія, численность котораго опредѣлена въ 63, 231 ч., земство ходатайствуетъ объ открытіи работъ по улучшенію пристани на Волгѣ. При разрѣшеніи вопроса объ обсѣмененіи, принято въ соображеніе только количество земли, составляющее пятую часть крестьянскихъ посѣвовъ. Хвалынское земство (той же Сарат. губ.) отказалось отъ помощи 12, 000 душъ татарскаго населенія, признавая однако, „что населеніе это находится въ крайне бѣдственномъ положеніи; только земство не имѣетъ силъ продовольствовать его". Чтобы справиться съ нуждою остальнаго населенія, Хвалынскому земству приходится дѣлать заемъ въ 30,000 р. Саратовское уѣздное земство изъ сметы на нынѣшній годъ числитъ въ недоборахъ 50 т. р. и обращалось къ губернатору за помощью при взысканіи недоимокъ; но усилія взыскать что нибудь съ крестьянъ остались безуспѣшны.

Саратовская дума предположила пріобрѣсть 200 т. пудовъ ржаной муки, а такъ какъ у города нѣтъ денегъ, то заложить въ государственномъ банкѣ имѣющіеся у города 4⁰/₀ билеты, служащіе обезпеченіемъ общества взаимнаго страхованія. Тамбовское земство исчислило нужды населенія въ 6 м. р., но не приступало къ ходатайствамъ предъ правительствомъ, рѣшивши, что съ него ничего не получишь. Земство Херсонской губ. разсчитываетъ сдѣлать изъ своего запасного капитала заемъ въ 156, 627 р и ходатайствуетъ о полученіи изъ госуд. продовольств. капитала 200, 000 р. и объ отсрочкѣ прежнихъ долговъ по ссудамъ. Тираспольское у. земство предлагаетъ нуждающимся въ помощи для обсѣмененія полей крестьянамъ сѣмена въ ссуду, но крестьяне упорно отказываются отъ земской услу-

ги, памятуя благодѣяніе земства въ одинъ изъ прежнихъ голодныхъ годовъ, когда они были надѣлены сѣменами, давшими полный неурожай. Въ Николаевѣ город. дума избрала комиссію для обсужденія послѣдствій вздорожанія хлѣба, а теперь же хлопочетъ предъ военнымъ губернаторомъ объ увеличеніи чиновъ полиціи въ виду случаевъ открытаго грабежа. Екатеринославскому земству разрѣшена ссуда изъ госуд. продов. капитала въ 500,000 р. Маріупольское уѣзд. земство (той же губ.) разсчитываетъ для прокормленія населенія сдѣлать заемъ у губ. земства въ 100,000 р. Остается невыясненнымъ, въ состояніи ли послѣднее, при отсутствіи собственныхъ средствъ, удовлетворить его просьбу. Смоленское земское собраніе ходатайствуетъ объ отсрочкѣ взысканія съ крестьянъ выкупныхъ платежей, казенныхъ сборовъ за первую половину 1881 г. и недоимки за нынѣшній годъ. Дорогобужское уѣзд. земство для прокормленія населенія уѣзда въ продолженіе 7-8 м. признало достаточнымъ отсрочить взысканіе податей, провести шоссе на 20 верстъ, закрыть кабаки, а главное: пріостановить взысканія съ помѣщичьихъ имѣній. Въ Пензенской губ. Инсарское и Саранское земства хлопочутъ о правительственной ссудѣ въ 760 т. р. для покупки хлѣба. Въ Воронежѣ городская дума, состоящая въ большинствѣ изъ купцевъ, отвергла всѣ проэктировавшіяся мѣры для пониженія цѣны на хлѣбъ и признала лишь необходимымъ сдѣлать заемъ въ 100,000 р. на покупку муки. Кашинская дума постановила открыть продажу муки бѣднымъ жителямъ города по 1 р. за пудъ; на покрытіе же расхода отчислить изъ благотворительныхъ капиталовъ сумму въ 400 р. и устроить между зажиточными гражданами подписку. Земство Старорусскаго уѣзда просто роздало крестьянамъ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей на продовольствіе и обсѣмененіе по 3-4 р. на душу и роздало тогда, когда время посѣвовъ миновало.

Итакъ, правительство и общественныя учрежденія не въ состояніи предотвратить голода. Земскія кассы пусты, налоги ихъ въ недоборахъ, мѣры, предпринимаемыя ими, не могутъ считаться серьезными; да и было бы легкомысленно ожидать цѣлесообразныхъ мѣръ отъ земствъ и думъ, состоящихъ въ большинствѣ изъ лицъ, по мѣрѣ силъ участвующихъ въ народномъ разореніи. Въ самомъ дѣлѣ развѣ

земства спасаютъ народъ отъ голода, когда обезпечиваютъ фунтъ хлѣба въ сутки дѣтямъ и старикамъ и отказываются отъ помощи остальному населенію, ссылаясь на заработки, которыхъ нѣтъ; когда они обезпечиваютъ населенію пятую часть посѣвовъ. Не спасаетъ народъ и правительство, удовлетворяя пятую часть земскихъ требованій, отмѣняя налогъ на соль въ то время, когда крестьянскій скотъ вымеръ или распроданъ и, по мѣткому выраженію мужиковъ, солить уже нечего.

Что-жъ остается дѣлать крестьянству?

Оно не можетъ отдаться погибели, не испробовавъ своихъ силъ въ борьбѣ. Не видя передъ собой другого исхода, оно принуждено будетъ вступить въ бой съ существующимъ строемъ, грозящимъ раздавить его тяжестью своихъ несовершенныхъ формъ. Народъ начнетъ борьбу стихійную, безъ опредѣленной цѣли впереди; дѣло революціонной партіи сдѣлать эту борьбу сознательною и направить къ цѣли.

ПО ПОВОДУ ПРОЦЕССА 16-ТИ

25 октября въ С. Петербургскомъ военно-окружномъ судѣ начался процессъ по дѣлу о 16 лицахъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ; 31 октября вынесенъ приговоръ въ окончательной формѣ, съ которымъ читатели давно уже успѣли ознакомиться. За послѣдній годъ цѣлый рядъ политическихъ процессовъ закончился подобными приговорами, даже болѣе кровожадными, но ни одинъ изъ этихъ процессовъ не имѣлъ для русской соціально-революціонной партіи такого первенствующаго значенія, какъ послѣдній. Да это и понятно. Прежніе процессы указывали на существованіе въ Россіи революціонныхъ силъ, борющихся съ правительствомъ, на недовольство настоящимъ экономическимъ строемъ, недовольство, охватившее всѣ слои населенія, ибо на скамью подсудимыхъ попадалъ студентъ и городской рабочій, чиновникъ и земскій дѣятель, семинаристъ и крупный землевладѣлецъ, крестьянинъ и сынъ золотопромышленника. Всѣхъ ихъ соединяла одна идея — благо русскаго народа, одно дѣло — борьба съ

его угнетателями. Въ этомъ смыслѣ всѣ борющіяся силы представляли одинъ лагерь, одну партію, но партію не организованную. Всѣ процессы доказываютъ это положеніе; они-же говорятъ всякому сознательному революціонеру, что неорганизованость партіи — главная причина ея сравнительной слабости. Революціонеры поняли это и попытались съ нею покончить. Начало организаціи положено, задачи ея опредѣлены строго, и результатъ получился блестящій. Для большинства русскихъ людей судебныя разоблаченія были крайне неожиданны: приготовлялись къ похоронамъ революціоннаго движенія, иные съ явнымъ злорадствомъ, другіе съ затаенною грустью. Тѣ и другіе ошиблись. Разумѣется, только крайняя близорукость могла допустить мысль объ окончательномъ разгромѣ партіи. Революціонныя броженія не могутъ вызываться и крѣпнуть, благодаря случайнымъ причинамъ, не связаннымъ тѣсно и неразрывно со всѣмъ государственнымъ и общественнымъ состояніемъ страны, благодаря, напр., тѣмъ или инымъ частнымъ мѣрамъ правительства, тому или иному пробѣлу въ «Уставѣ о пресѣченіи и предупрежденіи». Точно также, подавить назрѣвающую революцію, оставляя въ полной силѣ условія, ее вызывающія, безсильно всякое правительство, какъ-бы могущественно и дурно оно ни было. Пораженія и уроны могутъ быть чувствительны, путь можетъ быть затрудненъ до чрезвычайности, окончательная схватка и побѣда отдалены — и только. Правительство наше, крѣпкое, какъ извѣстно, заднимъ умомъ, убѣдилось въ этомъ горькимъ опытомъ и теперь менѣе, чѣмъ кто либо, способно утѣшать себя иллюзіями относительно полнаго торжества надъ «внутренней крамолой». Читатель найдетъ подтвержденіе этому въ публикуемой нами секретной инструкціи ревизорамъ-сенаторамъ. А послѣднія двѣ казни, не доказываютъ-ли онѣ того-же? Съ раздавленнымъ врагомъ не расправляются веревкой, ему не угрожаютъ; напротивъ, — понятный въ подобныхъ случаяхъ порывъ великодушія вытѣсняетъ уроны. Три монаршихъ помилованія нисколько не затушевываютъ истинныхъ чувствъ, руководившихъ правительствомъ. Помилованы два крестьянина — Ширяевъ и Тихоновъ — и одинъ мѣщанинъ — Окладскій, и понятно, почему: развѣ благоразумно путемъ висѣлицъ, путемъ вопіющаго насилія, пропагандировать по

всей Россіи, что въ цареубійствахъ главныя роли принадлежатъ крестьянамъ да мѣщанамъ — слоямъ населенія, безусловно яко-бы преданнымъ «царю и отечеству»? Дворянина же, разумѣется, повѣсить можно, хотя-бы участіе его въ покушеніи было самое отдаленное.

Настоящій процессъ раскрылъ несомнѣнно глаза всѣмъ легкомысленнымъ россіянамъ, легко переходящимъ къ ликованію и еще легче падающимъ духомъ. Установлено существованіе революціонной организаціи, дѣйствующей по опредѣленному плану, опредѣлившей свои ближайшія и отдаленныя задачи. Насколько эти задачи не химеричны, а наоборотъ соотвѣтствуютъ требованіямъ времени и условіямъ борьбы, показалъ опытъ. Борьба съ правительствомъ оказалась возможной и полезной. Благодаря ей, партія, какъ борющаяся сторона въ государствѣ, получила право гражданства; ее одну принимаетъ правительство въ соображеніе, съ нею одной полагаетъ нужнымъ считаться. Ни земскіе протесты, ни разъединенные протесты сельскихъ массъ, ни безпорядки городского населенія, ни пропаганда въ народѣ идей соціализма не вынуждали правительство напрягать до крайности свои силы, не приводили его въ замѣшательство. Да и соціалисты-народники были слабы, пока они узко понимали свою задачу; но революціонное міровоззрѣніе и формы борьбы создаются жизнью и совершенствуются по мѣрѣ накопленія жизненнаго опыта. Такимъ образомъ нынѣшняя постановка революціоннаго дѣла является лишь прямымъ послѣдствіемъ сознанныхъ ошибокъ, сознанной односторонности работы нашихъ предшественниковъ. Читатель догадается, въ чемъ заключалась по нашему мнѣнію ихъ односторонность. Программа, выработанная на Липецкомъ съѣздѣ въ іюнѣ 1879 г., резюмируетъ предшествовавшій революціонный опытъ, вводя въ программу существенную поправку.

Въ рѣчи своей, произнесенной 29 октября этого года въ стѣнахъ военно-окружного суда, Александръ Александровичъ Квятковскій останавливается на поправкѣ, послужившей принципіальнымъ поводомъ къ выдѣленію извѣстной части соціалистовъ-революціонеровъ въ особую партію — Народной Воли. Считаемъ нужнымъ привести его слова дословно.

Изложивъ кратко исторію революціоннаго движенія въ Россіи, Квятковскій говоритъ: «Критическое отношеніе къ

своей дѣятельности, анализъ фактовъ и наблюденій, почерпнутыхъ изъ хожденія въ народъ, послужили къ выработкѣ новой программы дѣятельности, основанной уже не на данныхъ теоретическаго характера, а живыхъ, почерпнутыхъ изъ наблюденій надъ жизнью народа. Вотъ на этихъ то твердыхъ началахъ и была основана «народническая» программа и образована народническая партія. Я изложу теперь существенныя черты этой программы, такъ какъ партія Народной Воли, къ которой я имѣю честь принадлежать, образовалась внесеніемъ въ нее нѣкоторыхъ измѣненій. Основное начало этой программы слѣдующее: каждая историческая эпоха должна ставить себѣ тѣ задачи, которыя осуществимы, хотя, быть можетъ онѣ и не идеальны, хотя, быть можетъ, и не совершенны, будутъ тѣ общественныя формы, которыя заключаютъ въ себѣ эти задачи. Какъ-бы ни была сильна партія, она не въ состояніи измѣнить то народное міровоззрѣніе, которое сложилось вѣковою жизнью. Поэтому партія должна поставить себѣ цѣлью осуществленіе тѣхъ желаній, тѣхъ стремленій, которыя уже существуютъ въ народѣ. Средствомъ къ осуществленію поставленной цѣли служитъ заселеніе болѣе или менѣе значительнаго района, смотря по средствамъ партіи, съ цѣлью сдѣлаться, такъ сказать, гражданиномъ этой мѣстности, пріобрѣсти себѣ довѣріе и уваженіе народа и вызвать его на активное заявленіе своихъ нуждъ и потребностей..... какъ на почвѣ легальной, такъ и нелегальной. Средства, которыя я обозначилъ, собственно должны быть названы подготовительными, потому что въ концѣ концовъ осуществленіе народныхъ идеаловъ можетъ произойти только посредствомъ народного возстанія.... Вотъ существенныя черты программы народнической партіи...... Теперь укажу на сущность, основаніе нашей программы, и вы, гг. судьи, будете имѣть возможность сравнить обѣ и опредѣлить характерныя черты, послужившія основаніемъ для раздѣленія народнической партіи. Насъ давно называютъ анархистами, но это совершенно невѣрно. Въ своихъ практическихъ задачахъ мы никогда не отрицали государства вообще. Мы отрицаемъ только данную форму государственной организаціи, какъ такую, которая блюдетъ интересы только незначительной части общества, интересы капиталистовъ, землевладѣльцевъ, чиновничества

и пр., и служитъ главной причиной даннаго бѣдственнаго положенія народа. Мы утверждаемъ, что государство, напротивъ, должно служить интересамъ большинства, т. е. народа, что можетъ быть исполнено только при передачѣ власти народу, при участіи въ государственной жизни самого народа. Отсюда уже ясна и практическая постановка задачи: требованіе передачи власти въ руки народа, которое можетъ формулироваться или требованіемъ Учредительнаго Собранія, или иного какого-либо учрежденія».

Того-же предмета касается въ своей рѣчи Степанъ Григорьевичъ Ширяевъ, въ отвѣтъ на прочитанную на судѣ «записку» Гр. Гольденберга. «Съѣздъ, говоритъ онъ, призналъ необходимымъ пополнить програму «Земли и Воли» требованіемъ измѣненія существующаго государственнаго строя въ томъ смыслѣ, чтобы власть въ государствѣ была передана самому народу путемъ организаціи представительныхъ политическихъ учрежденій. Это положеніе сдѣлалось основнымъ пунктомъ програмы, развивая которую съѣздъ сталъ далѣе обсуждать средства къ осуществленію намѣченной цѣли».

И такъ, политическій переворотъ, какъ первый необходимый шагъ къ осуществленію радикальныхъ экономических реформъ, — вотъ положеніе, послужившее поводомъ къ выдѣленію фракціи, сложившейся вскорѣ въ партію Народной Воли.

Къ принятію этого положенія клонилъ весь предшествовавшій опытъ, доказавшій, что при нынѣшней враждебной народу организаціи государства, проникающей глубоко во всѣ сферы его жизни, нѣтъ дѣятельности внѣ борьбы съ этимъ государствомъ. Оно не только поддерживаетъ ненормальное распредѣленіе замельной собственности, настоящую организацію фабричнаго производства, монополію и откупы, но само является крупнѣйшимъ собственникомъ, фабрикантомъ, монополистомъ и откупщикомъ. Разъ это такъ, борьба съ нимъ неизбѣжна, и революціонная партія должна направить первые свои удары на этого крупнѣйшаго народнаго врага и эксплуататора. Сообразно съ этимъ и характеръ борьбы по необходимости видоизмѣняется. Партія должна обратить серьезное вниманіе на крупные центры правительственной организаціи, подготовлять и организовать въ нихъ рабочее населеніе къ возможной борьбѣ. ' Сельское

населеніе не можетъ при этомъ не приниматься въ разсчетъ. Чѣмъ шире будетъ вестись пропаганда и агитація въ селахъ, чѣмъ сильнѣе будетъ связь города съ деревней, тѣмъ сильнѣе можетъ вестись борьба, тѣмъ надежнѣе будутъ народныя завоеванія. Въ видахъ экономіи силъ и цѣлесообразнаго ихъ приложенія дѣятельность въ деревнѣ не должна вестись разбросанно, какъ это было до сихъ поръ. Важно не столько то, чтобы въ средѣ крестьянства была извѣстная доля сознательныхъ соціалистовъ революціонеровъ, способныхъ подготовить мѣстное крестьянское движеніе, сколько то, чтобы въ моментъ сильнаго толчка, даннаго отъ города, возставшее сельское населеніе могло его поддержать. Въ виду этого возможно вести подготовительную работу въ деревняхъ въ районѣ крупныхъ промышленныхъ и административныхъ центровъ, какъ наиболѣе возможныхъ очаговъ возстанія.

Терроръ, какъ одинъ изъ способовъ борьбы съ государственной организаціей, какъ сильное агитаціонное средство въ рукахъ соціалиста революціонера, — оказалъ уже услугу народному дѣлу. Мысль о возможности и полезности этого рода борьбы проникаетъ все болѣе и болѣе въ сознаніе не только революціонеровъ всѣхъ фракцій, но, что еще важнѣе, — въ сознаніе городского рабочаго населенія и крестьянства. Нужно стоять въ сторонѣ отъ жизни, чтобы не замѣчать этого или утверждать противное.

Въ рѣчахъ нашихъ товарищей Ал. Ал. Квятковскаго и Ст. Гр. Ширяева мѣсто, отводимое террору, какъ непосредственному нападенію на правительство силами организаціи, не вполнѣ соотвѣтствуетъ теперешнему представленію о немъ, какъ средствѣ для достиженія задачъ партіи. Но не слѣдуетъ забывать, что товарищи наши выясняютъ задачу террора, какъ она ставилась многими въ 1879 году, до ихъ ареста. Это было въ разгаръ правительственныхъ репрессалій; понятная ненависть къ правителямъ за пролитую кровь борцовъ временно могла придать этому средству борьбы исключительный характеръ мести и самозащиты.

Вотъ что говоритъ по этому поводу Квятковскій: «Я не думаю утверждать, чтобы въ нашей программѣ не отводилось никакого мѣста террору. Нѣтъ, этотъ отдѣлъ дѣятельности существуетъ. Но онъ составляетъ второстепенную,

если не третьестепенную часть этой програмы..... имѣетъ въ виду защиту и охраненіе членовъ партіи, а не достиженіе цѣлей ея.... Чтобы сдѣлаться тигромъ, не надо быть имъ по природѣ. Бываютъ такія общественныя состоянія, когда агнцы становятся ими. Но такое, конечно временное, превращеніе ихъ вызываетъ одна только необходимость, и такою необходимостью фатально, неизбѣжно вызваны эти тяжелыя для всѣхъ, — я думаю также и для насъ, — событія — политическія убійства. Они вызваны страшнымъ жестокимъ отношеніемъ правительства къ намъ — революціонерамъ; они вызваны массою загубленныхъ молодыхъ силъ по разнымъ тюрьмамъ, въ централкахъ, на каторгѣ; они вызваны казнями десятковъ нашихъ товарищей; они вызваны исключительными, анормальными спеціально только къ намъ — революціонерамъ — примѣненными законами. Полная невозможность какой бы то ни было общественной дѣятельности на пользу народа, полная невозможность пользоваться сколько-нибудь свободой своихъ убѣжденій, свободой жить и дышать, — все это заставило русскихъ революціонеровъ, русскую молодежь, по своимъ наклонностямъ самую гуманную, самую человѣчную, пойти на такія дѣла, которыя по самому существу своему противны природѣ человѣка. Всякая молодежь, особенно русская, всегда стремилась и будетъ стремиться къ свободѣ, какъ листья растеній повертываются къ солнцу. Но отношеніе правительства къ ней связываетъ ее по рукамъ и ногамъ въ ея человѣческихъ стремленіяхъ. Что же ей дѣлать? Отказаться отъ своихъ убѣжденій она не можетъ. Остается одно, смерть или попытка защитить себя, сбросить тѣ цѣпи, тѣ узы, которыя связываютъ ее въ стремленіи удовлетворить самыя законныя, человѣческія потребности. Въ этомъ заключается только реакція природы противъ давленія. Такъ лучше смерть въ борьбѣ, чѣмъ нравственное или физическое самоубійство!»

Такъже опредѣляетъ задачу террора и Ширяевъ.

Люди, оторванные отъ жизни стѣнами казематовъ Петропавловской крѣпости, не имѣвшіе возможности взвѣсить и оцѣнить всѣхъ послѣдствій активной борьбы партіи съ правительствомъ, могутъ сводить задачу террора къ «самозащитѣ партіи и мести за жертвы правительственныхъ репрессалій». Наши товарищи не имѣли, къ несчастію, воз

можности наблюдать за ростомъ партіи и дѣйствіемъ террора на сознаніе народныхъ массъ; поэтому ихъ нельзя винить за то, что они не пожелали стать пророками и не внесли террора въ число средствъ къ достиженію задачъ партіи. Это лежитъ на нашей обязанности, на обязанности всѣхъ активныхъ революціонеровъ. Кто-же изъ нихъ станетъ теперь отрицать, что терроръ помогаетъ организаціонной работѣ, пробуждая умъ и чувство народа и интеллигенціи, намѣчая сильнѣйшаго врага и доказывая возможность борьбы съ нимъ? Кто изъ нихъ станетъ отрицать, что дезорганизація правительства въ крупнѣйшихъ административныхъ центрахъ помогла-бы начавшемуся возстанію и облегчила-бы побѣду народа?

Задача наша широка и сложна. Она можетъ быть достигнута одновременной работой во всѣхъ слояхъ населенія, разбивается на множество частныхъ задачъ, и потому теперь болѣе, чѣмъ когда либо, требуется единство дѣйствія, строгое согласованіе частныхъ работъ съ общимъ планомъ и крайнее напряженіе силъ. Посему разъ она поставлена жизнью, разъ всѣ активные революціонеры приведены къ ней борьбою, — обязанность ихъ передъ родиной подчинить свои частныя работы общему плану, отдать свои силы осуществленію идеи переворота.

Настоящій процессъ служитъ блестящимъ доказательствомъ того, какую силу могла-бы развернуть партія, ведя борьбу организованно, строго опредѣляя свои шаги. Еще въ 79 году организація могла одновременно приступить къ четыремъ сложнымъ планамъ цареубійства — въ Одессѣ, Александровскѣ, Москвѣ и Петербургѣ, — поддерживать нужныя связи и вести летературное дѣло.

Мы должны теперь доказать, что революціонный опытъ не пропадаетъ для насъ даромъ, что кровь нашихъ товарищей — героевъ намъ дорога и что въ нашей власти отдавать свою жизнь дороже. Сдѣлавъ это, мы сдѣлаемъ все, что можно требовать и желать.

Перейдемъ теперь къ характеристикѣ личностей нашихъ товарищей, какъ они выяснились на судѣ. Въ лицѣ Александра Александровича Квятковскаго и Андрея Карнѣевича Прѣснякова, казненыхъ 4 ноября, въ лицѣ другихъ товарищей, на вѣки оторванныхъ отъ жизни и борьбы, русской соціально-революціонной партіи нанесена тяжелая

рана. Своею энергіей и революціонной страстью они одушевляли при жизни менѣе рѣшительныхъ, толкали чувство, пробуждали сознаніе и собою давали примѣръ долга по отношенію къ родинѣ. Но можетъ-ли партія борьбы останавливаться предъ такими жертвами? Никогда! Геройская смерть борцовъ сама по себѣ высокій подвигъ долга и самоотверженія. До тѣхъ поръ, пока существуютъ тираны и рабы, угнетатели и угнетенные, — люди не забудутъ мужественно и спокойно произнесенныхъ словъ Степана Ширяева. Обращаясь къ судьямъ, онъ сказалъ: «я уже имѣлъ случай сообщить вамъ все, что могъ, въ объясненіе поступковъ своихъ, какъ члена Исполнительнаго Комитета, въ объясненіе, но не въ оправданіе. Я не касался и не буду касаться вопроса о своей виновности, потому что у насъ съ вами нѣтъ общаго мѣрила для рѣшенія этого вопроса. Вы стоите на точкѣ зрѣнія существующихъ законовъ, мы — на точкѣ зрѣнія исторической необходимости. Вы являетесь представителями и защитниками существующаго государственнаго строя, мы-же дорожимъ этимъ строемъ лишь постольку, поскольку онъ можетъ гарантировать лучшее будущее для нашей родины. Мы принадлежимъ, очевидно, къ двумъ разнымъ мірамъ, соглашеніе между которыми невозможно. Но всегда возможно уясненіе взаимныхъ отношеній, причинъ, вызывающихъ разногласіе. Всегда можно и должно стремиться къ избѣжанію ненужнаго зла, печальныхъ послѣдствій увлеченія въ борьбѣ. Въ виду этой послѣдней цѣли я и давалъ свои объясненія. Я надѣюсь, что выяснилъ слѣдующій фактъ: красный терроръ Исполнительнаго Комитета былъ лишь отвѣтомъ на бѣлый терроръ правительства. Не будь послѣдняго, не было бы и перваго. Я глубоко убѣжденъ, что товарищи мои, оставшіеся на свободѣ, болѣе чѣмъ кто либо, будутъ рады прекращенію кровопролитія, той ожесточенной борьбы, на которую уходятъ лучшія силы партіи и которая лишь замедляетъ приближеніе момента торжества царства правды, міра и свободы — нашей единственной завѣтной цѣли. Какъ членъ партіи, я дѣйствовалъ въ ея интересахъ и лишь отъ нея, да отъ суда потомства жду себѣ оправданія. Въ лицѣ многихъ своихъ членовъ наша партія съумѣла доказать свою преданность идеѣ, рѣшимость и готовность принимать на себя отвѣтственность за всѣ

свои поступки. Я надѣюсь доказать это еще разъ своею смертью».

Вѣчно будутъ дороги человѣчеству незабвенныя слова крестьянина Як. Тихонова, мѣщанина Ив. Окладскаго и Софьи Андреевны Ивановой.

«Я знаю, закончилъ свою рѣчь Тихоновъ, что мнѣ и другимъ товарищамъ осталось всего нѣсколько часовъ до смерти, но я ожидаю ее спокойно, потому что идея, за которую я боролся и умираю, со мной не погибнетъ; ее нельзя бросить, какъ насъ, въ мрачныя тюрьмы, ее нельзя повѣсить....»

«Я не прошу и не нуждаюсь въ смягченіи моей участи, заявилъ Окладскій; напротивъ, если судъ смягчитъ свой приговоръ относительно меня, я приму это за оскорбленіе.»

Иванова заявила: «мое единственное желаніе заключается въ томъ, что-бы меня постигла та-же участь, какая ожидаетъ моихъ товарищей, хотя-бы даже это была смертная казнь».

Десять другихъ поддержали эти мужественныя заявленія, требуя себѣ казни.

Такъ говорятъ герои, свѣточи народа въ его борьбѣ съ тираніей. Смерть ихъ не можетъ остаться безслѣдной..... Счастливъ народъ, въ нѣдрахъ котораго таятся эти титаны, глубоко знаменательна эпоха, рождающая ихъ десятками. Эти десятки предвѣщаютъ близкое наступленіе новаго міра на развалинахъ троновъ; народу, ихъ породившему, они предвѣщаютъ близкое наступленіе царства свободы.

Вотъ почему мы привѣтствуемъ геройскую смерть дорогихъ товарищей; научая людей умирать, они оказываютъ великую услугу борцамъ за свободу народа.

ПОСЛѢ КАЗНИ 4 НОЯБРЯ

И опять палачи!.... Сердца крикъ замолчи!....
Снова въ петлѣ качаются трупы.
На мученье бойцевъ, нашихъ лучшихъ сыновъ
Смотрятъ массы безжизненно тупы.

Нѣтъ! Покончить пора, вѣдь не ждать намъ добра
Отъ царя съ его сворой до вѣка.
И приходится вновь биться съ шайкой враговъ
За свободу, права человѣка....
Я топоръ наточу, я себя пріучу
Управляться тяжелымъ орудьемъ,
Въ сердцѣ жалость убью, чтобы руку свою
Сдѣлать страшной безчувственнымъ судьямъ.
Не прощать никого, не щадить ничего!
Смерть за смерть! Кровь за кровь! Месть за казни!
И чего-жъ ждать теперь? Если царь дикій звѣрь,
Затравимъ мы его безъ боязни!....
Братья, труденъ нашъ путь! Надрывается грудь
Въ этой битвѣ съ бездушною силой.
Но сомнѣнія прочь! Вѣдь не все-жъ будетъ ночь,
Свѣтъ блеснетъ хоть надъ нашей могилой.
И покончивъ борьбу, вспомнивъ нашу судьбу,
Обвинять насъ потомки не станутъ,
И въ свободной странѣ оправдаютъ вполнѣ,
Добрымъ словомъ погибшихъ помянутъ.

ПАМЯТИ А. КВЯТКОВСКАГО

Великихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ
Слѣды не пропадаютъ:
Ихъ не смываютъ волны моря
И вѣтры не сметаютъ.
Свой путь когда-нибудь другой
По тѣмъ слѣдамъ проложитъ,
И не робѣть передъ грозой
Вашъ духъ ему поможетъ!
(Изъ Лонгфелло).

Мартирологъ борцовъ, павшихъ за свободу русскаго народа, увеличился 4-го ноября 1880 г. еще двумя жертвами! Еще двѣ свѣжихъ могилы прибавились къ числу могилъ, предъ которыми грядущія поколѣнія остановятся съ благоговѣйной думой, — это Квятковскій и Прѣсняковъ.... Каждая черта изъ жизни этихъ людей теперь есть достояніе исторіи. При какихъ условіяхъ вырабатывались эти гиганты, среди вопіющаго холопства и застоя самоотверженно

жертвующіе своею жизнью за свободу народа, невѣдующаго своихъ истинныхъ ходоковъ и искупителей, за свободу того самаго интеллигентнаго общества, которое съ позорной апатіей смотритъ теперь на висѣлицы, воздвигаемыя коронованными палачами!....

Александръ Александровичъ Квятковскій родился въ г. Томскѣ. Отецъ его былъ золотопромышленникъ. На золотыхъ пріискахъ отца впечатлительный и наблюдательный ребенокъ съ раннихъ лѣтъ могъ наблюдать тяжелую трудовую жизнь рабочаго люда. Дѣтскія игры не занимали его, за то онъ рано началъ читать и со страстью предавался чтенію. Онъ читалъ по цѣлымъ днямъ, пользуясь каждой свободной минутой, не отрываясь отъ книги даже во время обѣда, когда приходилось тщательно скрывать ее подъ скатертью; ни наказанія, ни строгость суроваго отца не могли заставить его оставить любимое занятіе. Условія, болѣе благопріятныя для умственнаго развитія, Александръ Квятковскій встрѣтилъ въ гимназіи, куда онъ поступилъ десяти лѣтъ; здѣсь онъ попалъ въ товарищескій кружокъ самообразованія, который сослужилъ ему не малую службу въ дѣлѣ выработки его умственной и нравственной физіономіи. Товарищество пріучило его во многомъ отказывать себѣ, развило въ немъ пренебреженіе къ удобствамъ жизни и презрѣніе къ благамъ міра. Въ суровую сибирскую зиму онъ ходилъ въ легкомъ пальто, не желая носить шубы, когда другіе не имѣютъ ея, и тогда же началъ давать уроки, желая имѣть собственный заработокъ. Уже достаточно окрѣпшимъ нравственно пріѣхалъ Квятковскій въ Петербургъ для поступленія въ Технологическій Институтъ; здѣсь его захватило то, замѣчательное по энергіи и воодушевленію, соціалистическое движеніе, которое обнаружилось среди молодежи въ началѣ 70-хъ годовъ. Искренній и любящій, Квятковскій не замедлилъ откликнуться на призывъ отдать свои силы народному дѣлу, а разъ отдавшись ему, уже не оставлялъ его; онъ предался всецѣло борьбѣ за счастье и свободу своихъ ближнихъ, за возможность развитія и лучшей жизни для русскаго народа, изнывающаго отъ голода физическаго и нравственнаго.

Свою дѣятельность въ народѣ Квятковскій началъ въ Тульской губерніи, гдѣ основалъ слесарную мастерскую. Эта мастерская имѣла цѣлью, съ одной стороны, выяснить

на практикѣ вредъ и несостоятельность капиталистическаго способа производства, а съ другой стороны, показать выгоду производства на артельныхъ началахъ. Пробывъ въ этой мѣстности годъ, Квятковскій долженъ былъ на время оставить положеніе рабочаго человѣка, такъ какъ заболѣлъ, но, оправившись, снова явился въ ту же губернію, основавшись на этотъ разъ въ Ефремовскомъ уѣздѣ. По доносу начальника станціи, близь которой онъ жилъ, у него былъ произведенъ обыскъ, послѣ котораго пришлось уѣхать, такъ какъ дѣлать что либо, будучи подъ надзоромъ полиціи, не представлялось возможнымъ. Послѣ этого Квятковскій отправляется въ г. Кострому и поступаетъ въ качествѣ простого рабочаго на механическій заводъ Шипова, но тяжелый, изнурительный трудъ сваливаетъ его — ему приходится вернуться въ Петербургъ. Отсюда въ 75 году онъ направляется въ Нижегородскую губернію, поступаетъ въ качествѣ батрака на земледѣльческую ферму, гдѣ и остается въ теченіе года. Вытѣсненный отсюда полицейскими преслѣдованіями, Квятковскій переселяется на Поволжье, а потомъ, въ качествѣ деревенскаго торговца, офени, ходитъ съ товарищемъ по Воронежской губерніи. Между тѣмъ, за нѣсколько лѣтъ условія дѣятельности въ народѣ измѣнились: благодаря преслѣдованіямъ правительства, эта дѣятельность постепенно, изъ года въ годъ, стѣснялась и, становясь все болѣе и болѣе трудной, въ концѣ концовъ сдѣлалась почти невозможной. Съ марта 79 г. Квятковскій остается въ Петербургѣ. Его дѣятельность, какъ члена Исполнительнаго Комитета, за періодъ времени до ареста, насколько она раскрыта, видна изъ процесса 16-ти. Отрываясь силою внѣшнихъ обстоятельствъ отъ пропагаторской дѣятельности въ народѣ, въ качествѣ рабочаго, и принужденный періодически жить въ городѣ, Квятковскій не оставался и здѣсь безъ дѣла: такъ, онъ участвовалъ въ попыткѣ освобожденія Войнаральскаго по пути слѣдованія въ Печенѣжскую центральную тюрьму; онъ вмѣстѣ съ другимъ товарищемъ освободилъ Прѣснякова изъ тюремнаго заключенія, того самаго Прѣснякова, котораго ему пришлось нѣсколькими мгновеньями пережить на эшафотѣ.... Въ городѣ и въ деревнѣ, среди народа и среди общества, вездѣ Квятковскій отличался своей энергіей, страстной преданностью идеѣ и самоотверженіемъ. Неутомимо дѣя-

тельный и въ самыя тяжелыя минуты своей общественной жизни не падавшій духомъ, Квятковскій остался твердымъ до конца, вѣра въ дѣло ни на минуту не покинула его Проводивъ на каторгу родного брата (сосланнаго въ рудники по процессу 193-хъ), готовясь отдать жизнь на плахѣ, уже примирившись съ мыслью о смерти, онъ завѣщалъ своимъ близкимъ ту-же идею, за которую погибалъ и самъ:

«Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душою
И тебя благословляю:
Шествуй тою-же стезею!»

писалъ онъ.

Вѣчная память тебѣ, герой — страдалецъ! Придетъ часъ, когда русскій народъ узнаетъ тебя, узнаетъ, за что тебя мучили, позорили, убили! Съ восторгомъ и любовью будетъ произноситься дорогое имя твое. Да — вѣчная память будетъ тебѣ! *)

РЕЗОЛЮЦІЯ ГАВРСКАГО КОНГРЕССА

Въ газетѣ «Marseillaise» напечатана слѣдующая резолюція Національнаго Соціалистическаго Конгресса, происходившаго въ прошломъ ноябрѣ мѣсяцѣ, выразившаго въ лицѣ представителей 36 городовъ Франціи горячее сочувствіе русской революціонной партіи:

«Французскіе соціалисты-рабочіе, собравшіеся на Національный Конгрессъ 1880 г. въ Гаврѣ, не исполнили бы своего долга, еслибы не выразили полной своей солидарности съ русскими нигилистами, такъ мужественно сражающимися на другомъ концѣ Европы за свободу, за человѣческія права и за соціальную справедливость.

Братья Россіи и Сибири! взоры французскаго пролетаріата обращены на васъ; онъ шлетъ вамъ благодарность за подаваемый вами примѣръ; онъ шлетъ вамъ пожеланія близкаго торжества. Вашей побѣдѣ, вопреки Священному Союзу тирановъ и эксплуататоровъ, быть можетъ суждено

*) Біографическія свѣдѣнія о Прѣсняковѣ будутъ помѣщены въ слѣдующемъ №. Ред.

стать предвѣстникомъ освобожденія другихъ народовъ и сигналомъ международной революціи.

Помня героическую роль женщинъ въ эпопеѣ, которая въ скоромъ времени должна завершиться полнымъ освобожденіемъ русскаго народа, конгрессъ, передъ заключеніемъ преній по женскому вопросу, входящему въ программу настоящаго его засѣданія, посылаетъ вамъ, чрезъ развалины Зимняго дворца и славныя плахи вашихъ послѣднихъ мучениковъ, Квятковскаго и Прѣснякова, выраженіе своей симпатіи и своего удивленія, свои привѣтствія и ободреніе.»

КЪ СТАТИСТИКѢ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ПРЕСТУПЛЕНІЙ ВЪ РОССІИ

Государственныя преступленія въ Россіи продолжаютъ до сихъ поръ оставаться въ значительной степени государственной тайной. Политическіе процессы зачастую вовсе не допускаются къ опубликованію и безусловно никогда не бываютъ вполнѣ гласны и публичны. Статистика госуд. преступленій держится въ глубочайшемъ секретѣ и до сихъ поръ остается для общества совершенною terra incognita. На счетъ этого отсутствія всякихъ точныхъ свѣдѣній нужно отнести немалую долю «превратныхъ сужденій», замѣчаемыхъ въ обществѣ относительно революціоннаго движенія въ Россіи.

Мы полагаемъ, что весьма важно хоть сколько-нибудь пополнить этотъ пробѣлъ, и попытаемся сдѣлать это на основаніи оффиціальныхъ свѣдѣній, которыя, какъ извѣстно, собираются уже нѣсколько лѣтъ. На основаніи отчасти этого матеріала составленъ извѣстный «Обзоръ соціально-революціоннаго движенія въ Россіи», который изданъ III-мъ Отд. всего въ 150 экземплярахъ и держится въ такомъ страшномъ секретѣ. Авторъ «Обзора»,г. Мальшинскій, приходитъ къ выводамъ, очень печальнымъ для правительства; между прочимъ онъ констатируетъ фактъ, что соц. рев. движеніе составляетъ у насъ не извнѣ навѣянное, а совершенно самостоятельное, вытекающее изъ условій русской жизни, явленіе. Наши цифры, надѣемся, установятъ этотъ фактъ

еще болѣе прочно, такъ какъ въ нашемъ распоряженіи находится, кромѣ «Обзора», еще статитическія данныя М. Ю. за послѣдніе годы, тогда какъ г. Мальшинскій не идетъ далѣе 1876 года.

Въ настоящемъ очеркѣ мы постараемся познакомить читателей съ общимъ характеромъ массы лицъ, привлекавшихся въ качествѣ обвиняемыхъ въ государ. преступленіяхъ, и выбираемъ для этого первое полугодіе 1879 года, какъ наиболѣе близкій періодъ (изъ обслѣдованныхъ). Въ слѣдующемъ очеркѣ возьмемъ данныя за нѣсколько лѣтъ и постараемся прослѣдить измѣненія въ количествѣ государственныхъ преступленій и общемъ характерѣ лицъ, обвинявшихся въ ихъ совершеніи, — за послѣдніе годы.

За полугодіе отъ 1 января по 31 іюня 1879 года въ качествѣ обвиняемыхъ по госуд. преступленіямъ привлекалось всего 376 чел., въ томъ числѣ 346 мущинъ и 30 женщинъ. Мущины такимъ образомъ составляли 92 процента, женщины 8 общаго числа.

По возрастамъ обвиняемые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Отъ 15 до 20 лѣтъ .	43 человѣка.
— 20 — 25 —	53 —
— 25 — 30 —	59 —
— 30 — 35 —	57 —
— 35 — 40 —	44 —
— 40 — 45 —	30 —
— 45 — 50 —	29 —
— 50 — 55 —	16 —
— 55 — 60 —	19 —
— 60 — 65 —	17 —
— 65 — 70 —	6 —
— 70 — 75 —	1 —
Неизвѣстно. .	2 —
Всего .	376 —

Вычисляя процентное отношеніе, получаемъ:

Молодые люди (15—25 лѣтъ) составляютъ	25%	общ. числа.
Люди зрѣлыхъ лѣтъ (25—40)	—	42	—
Пожилые (40—55)	—	22	—
Старики (55—75)	—	11	—

Такимъ образомъ, общеупотребительныя выраженія, въ родѣ «мальчишки» и т. п., оказываются лишенными всякого фактическаго основанія. Главный контингентъ лицъ «привлекаемыхъ» составляютъ люди зрѣлыхъ лѣтъ, которые, вмѣстѣ съ пожилыми, составляютъ 64 проц. общаго числа обвиняемыхъ.

Читатели, по всей вѣроятности, не ожидали подобнаго вывода, точно также, какъ не ожидали, чтобы женщины составляли только 8 проц. общаго числа обвиняемыхъ; но еще болѣе поучительнымъ представляется распредѣленіе обвиняемыхъ по происхожденію.

Происхожденіе.	Человѣкъ.	Проц. общ. числа.
Изъ дворянъ.	58	15
Духовнаго . . .	25	6
Почетныхъ граждан .	4	1
Купцовъ	8	2
Мѣщанъ .	50	14
Крестьянъ . . .	133	35
Семьи нижнихъ воинск. чиновъ.	69	18
Казаки .	4	1
Колонисты	2	0,5
Иностранцы .	8	2
Бродяги . .	1	0,2
Другія сословія.	11	2,4
Неизвѣстно	3	. . . 0,9
Итого	. 376	. . 100

Наибольшій процентъ обвиняемыхъ приходится на долю *крестьянъ* (35 проц.). Если соединить крестьянъ, мѣщанъ и солдатскихъ дѣтей, то получимъ, что чисто *демократическій* элементъ охватываетъ 67 проц.*) общаго числа обвиняемыхъ. Привиллегированныя сословія, наоборотъ, занимаютъ сравнительно ничтожное мѣсто. То же самое должно сказать о *казакахъ* (1 проц.). Иностранцы участвуютъ въ движеніи, очевидно, мало (2 проц.).

Можно было бы предположить, что лица крестьянскаго, мѣщанскаго и пр. происхожденія — принадлежатъ къ числу

*) Этотъ процентъ очень близко подходитъ къ проценту взрослаго рабочаго населенія Россіи.

оторванныхъ отъ родной среды, перешедшихъ въ разрядъ интеллигенціи, въ служилое сословіе и т. п. Пересматривая *занятія* обвиняемыхъ, мы убѣждаемся въ полной несостоятельности такого предположенія. Неподкупныя цифры сообщаютъ намъ о занятіяхъ подсудимыхъ слѣдующее:

Хлѣбопашество	109	человѣкъ.
Ремесла . . .	33	„
Фабричные рабочіе .	5	„
Чернорабочіе.	20	„
Прислуга .	4	„
Итого	171	чел. или 45%.
Общественная служба .	18	„
Военная служба. .	15	„
Гражданская служба	8	„
Церковная служба .	2	„
Итого	43	чел. или 12%.
Торговля, сельское хозяйство, адвокатура, медицинская практика. учительство, фотографія, литографія, телеграфъ, живопись, литература, переводъ, переписка, конторскія занятія и пр .	79	чел. или 21%.
Учащіеся	20	„ 5
Безъ занятій и безъ опредѣленныхъ занятій. . .	37	10
Собст. средства, средства отъ родителей и т. п. . . .	26	„ 7
Итого	376	чел. или 100%.

Здѣсь намъ прежде всего бросается въ глаза — безконечное разнообразіе профессій, охватывающихъ сверху до низу весь народъ, всѣ сословія. На первомъ планѣ однако стоитъ *физическій* трудъ, трудъ рабочаго (45 проц.). Свободныя профессіи, такъ называемый умственный трудъ занимаетъ второе мѣсто (21 проц.). Затѣмъ слѣдуетъ оффиціальное положеніе — служба (12 проц.). Спеціально военная служба составляетъ 4 проц. Учащіеся составляютъ гораздо

меньше, чѣмъ принято думать, а именно 5 проц. Несравненно выше процентъ чистаго пролетаріата — «безъ опред. занятій» (10 проц.), что совершенно понятно.

Для того, чтобы окончательно уяснить себѣ общій характеръ массы обвиняемыхъ, разсмотримъ ихъ средства къ жизни.

Капиталъ или доходъ съ недв.	25	чел. или	7%
Жалованье или пенсія .	35	„	14
Доходъ отъ хлѣбопашества.	106	„	63
Доходъ отъ ремесла или промысла	180	„	63
Заработки или поденная плата	22	„	63
Средства отъ родныхъ .	31	„	8
Подаяніе или благотворительность	11	„	3
Неизвѣстно	19	„	5

Сопоставляя всѣ эти данныя, мы необходимо приходимъ къ заключенію, что масса обвиняемыхъ не принадлежитъ къ какому нибудь спеціальному слою населенія; она составляетъ точный сколокъ всего русскаго народа. Всѣ сословія, на которыя онъ распадается, всѣ занятія, которыя имъ практикуются — не только замѣчаются въ массѣ подсудимыхъ, но располагаются почти въ томъ же порядкѣ, какъ въ жизни народа. Если лица, обвиняемыя въ госуд. преступленіяхъ, привлекаются къ дѣлу хотя сколько нибудь основательно, то мы должны признать, что революціонное движеніе охватываетъ всѣ сословія, всѣ слои, весь русскій народъ.

Этотъ выводъ подтверждается и всѣми дальнѣйшими данными. Характерно въ этомъ отношеніи семейное положеніе подсудимыхъ; въ общей массѣ считается:

Холостыхъ и незамужнихъ.	146 чел. или	39%
Женатыхъ и замужнихъ	192	51
Вдовыхъ .	22	5
Въ разводѣ	1	0,3
Неизвѣстно . .	15	4
Имѣющихъ дѣтей.	162	40

Такимъ образомъ большая половина лицъ, обвиняемыхъ въ госуд. преступленіяхъ, женаты, а 43 процента имѣютъ дѣтей. Замѣчательно, что цифры общей статистики въ соотвѣтственныхъ возрастахъ весьма близки къ этимъ: новое

доказательство высказанной мысли, что лица, обвиняемыя въ госуд. преступл., представляютъ въ миніатюрѣ весь русскій народъ.

Національности подсудимыхъ данныя оффиціальной статистики намъ не сообщаютъ. Но ее легко прослѣдить отчасти по *мѣсту рожденія*, отчасти по *вѣроисповѣданіямъ*. Мы отлагаемъ вопросъ о мѣстѣ рожденія подсудимыхъ до болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія въ слѣдующемъ очеркѣ, такъ какъ этотъ вопросъ наводитъ на чрезвычайно интересныя соображенія, изложеніе которыхъ заняло бы слишкомъ много мѣста. По вѣроисповѣданію же подсудимые располагаются въ такомъ порядкѣ:

Православные *) .	278	чел. или	74%
Католики	59	„	15
Евреи. . .	17	„	4
Протестанты	11	„	3
Магометане	3	„	0,7
Раскольники	1	„	0,3
Прочіе . .	2	„	0,6
Неизвѣстно. .	5	„	1,4
Всего	376	„	100

Двѣ трети всего количества составляютъ, стало быть, православные. Въ остальной трети первое мѣсто, какъ и должно, занимаютъ католики (15 проц. об. ч.). Число католиковъ (59 чел.) совпадаетъ съ числомъ уроженцевъ Царства Польскаго (тоже 59 чел.), какъ увидятъ читатели въ слѣдющемъ очеркѣ. Арестованы католики по большей части не въ Россіи, а въ своемъ отечествѣ; по крайней мѣрѣ подъ рубрикой «мѣста обнаруженія преступленія» въ Царствѣ Польскомъ значится 60 человѣкъ, т. е., кромѣ католиковъ, тамъ могъ быть арестованъ еще одинъ русскій. Въ виду этихъ цифръ приходится признать окончательно упраздненной катковскую легенду о «польской интригѣ». Также упраздняется и суворинская теорія «жидъ идетъ», ибо евреевъ въ числѣ подсудимыхъ оказывается всего 4 процента.

*) Въ Россіи вообще православные составляютъ 77 проц. всего населенія, католики 10,5 проц., евреи 4 проц., протестанты 3,7.

Не имѣя точныхъ свѣдѣній, основываясь на глазомѣрѣ и на пристрастныхъ отзывахъ враговъ и дѣятелей революціи, русское общество составило о движеніи множество представленій, не имѣющихъ ничего общаго съ дѣйствительностью.

Обращаясь къ статистическимъ даннымъ, мы принуждены были разрушить цѣлый рядъ этихъ политическихъ фантазій. Теперь мы приходимъ къ оцѣнкѣ фактора, значеніе котораго также перетолковывается постоянно самымъ произвольнымъ образомъ: мы говоримъ о роли интеллигенціи въ движеніи.

Степень образованія подсудимыхъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Неграмотныхъ.	107 чел. или	28%.
Грамотныхъ	95 „	40
Домашняго образованія . . .	51 „	40
Изъ учебныхъ заведеній (низшихъ, среднихъ и высшихъ)	109	28
Неизвѣстно. . . .	14	
Всего	376 человѣкъ.	

Изъ числа 109 человѣкъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ было:

Въ гимназіяхъ.	52 человѣка.
Въ семинаріяхъ . .	44 —
Всего	98 чел. или 25% общ. числа.

Изъ нихъ не окончили курса 20 человѣкъ, исключены 21 чел. (неизвѣстныхъ тоже 21); окончило же 34 человѣка, которые и поступили полностью въ высшія учебныя заведенія, гдѣ окончили курсъ 8 чел., исключены 11 чел., судьба же остальныхъ неизвѣстна.

Такимъ образомъ изъ числа подсудимыхъ (376) всего 96 человѣкъ, т. е. 25 проц., перебывали въ средн. учеб. заведеніяхъ, и только 34 чел. т. е. 9 проц. обучались въ высшихъ. Процентъ, несомнѣнно, очень незначительный, и заставляетъ отнять у интеллигенціи ту первенствующую роль, которую ей обыкновенно приписываютъ въ современномъ революціонномъ движеніи. Это также одинъ изъ многочисленныхъ нашихъ предразсудковъ. Но, оставляя въ сто-

ронѣ интеллигенцію, мы во всякомъ случаѣ замѣчаемъ въ массѣ подсудимыхъ несравненно высшую степень образованія, чѣмъ въ Россіи вообще. Такъ — въ Россіи процентъ безграмотныхъ свыше 80 проц.; между подсудимыми онъ составляетъ лишь 28 проц. Огромное число самоучекъ (40 процентовъ всего числа), достигшихъ грамотности или извѣстной степени образованія помимо всякихъ школьныхъ пособій, показываетъ, что революціонное движеніе захватываетъ по преимуществу тѣ слои населенія, гдѣ пробудившаяся мысль ищетъ исхода, но матеріальная обстановка не даетъ доступа къ казенному образованію. Наконецъ, сравнительно со всей Россіей, и 25 проц. изъ среднихъ и 9 проц. изъ высшихъ учебныхъ заведеній — нельзя не признать очень высокими. Такимъ образомъ — разница въ образованіи, въ развитости — составляетъ единственно существенную разницу между массою подсудимыхъ по государственнымъ преступленіямъ и массою всего русскаго народа.

Послѣ всего сказаннаго — какъ то неловко даже и опровергать дѣтскія, наивныя объясненія революціи, какія попадаются, напр., у г. Незлобина и другихъ. Мы говоримъ о вліяніи эмиграціи, цюриховъ, женевъ и иныхъ заморскихъ чудовищъ. Во всякомъ случаѣ — мы можемъ сообщить, что изъ 265 спрошенныхъ подсудимыхъ 222 *не были* заграницей, и только 43 были, да и то многіе были не въ цюрихахъ и женевахъ, а въ Румыніи, Сербіи, Болгаріи, т. е. стало быть заслуживаютъ снисхожденія.

Познакомивъ читателя съ тою массою лицъ, которыя волею судебъ и прозорливостью начальства, были притянуты къ отвѣту за разрушительную работу вездѣсущаго духа революціи, мы показали, надѣемся, что источниковъ этого движенія нельзя искать ни въ стриженныхъ нигилисткахъ, ни въ польской интригѣ, ни даже въ россійской литературѣ. Въ слѣдующемъ очеркѣ мы постараемся прослѣдить измѣненія, которыя революціонное движеніе испытало за 60-й и 70-й годъ, и его связь съ бытовыми и племенными условіями народа, порождающаго самое движеніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СЕНАТОРСКАЯ РЕВИЗІЯ

Сказать, что сенаторская ревизія возбудила въ обществѣ особенныя надежды и ожиданія,— было бы безъ сомнѣнія большимъ преувеличеніемъ. Въ настоящее же время о ней мало по малу начинаютъ забывать. Убѣжденные вполнѣ, что никакихъ цѣнныхъ результатовъ ревизія не дастъ, мы полагаемъ однако, что она заслуживаетъ со стороны общества нѣсколько большаго вниманія, такъ какъ этотъ эпизодъ правительственной опекательности за послѣднее время — прекрасно характеризуетъ взгляды нашихъ государственныхъ людей, указываетъ, въ чемъ они усматриваютъ разныя опасности и въ чемъ видятъ средства къ ихъ устраненію. Мы позволимъ себѣ впослѣдствіи вернуться къ общей оцѣнкѣ и ревизіи, и всѣхъ этихъ мѣропріятій; а покамѣстъ считаемъ небезполезнымъ познакомить публику съ «наставленіемъ», полученнымъ гг. сенаторами отъ различныхъ министерствъ. Документъ этотъ держится до сихъ поръ въ большомъ секретѣ, такъ что, если не ошибаемся, «Народн. Воля» первая даетъ о немъ свѣдѣніе обществу.

Особое наставленіе сенаторамъ, назначеннымъ, по Высочайшему повелѣнію, для производства общей ревизіи въ губерніяхъ: Казанской, Костромской, Воронежской, Тамбовской, Кіевской, Черниговской, Саратовской и Самарской.

При производствѣ общей ревизіи всѣхъ правительственныхъ, общественныхъ и сословныхъ учрежденій, сенаторамъ надлежитъ имѣть въ виду нижеизложенныя указанія на предметы и вопросы, ближайшее изслѣдованіе коихъ тѣмъ чрезвычайнымъ способомъ, который представляетъ сенаторская ревизія, должно быть признано особенно важнымъ и желательнымъ. Многочисленность этихъ предметовъ и вопросовъ, самое ихъ свойство и значеніе не допускаютъ, конечно, возможности изслѣдованія каждаго изъ нихъ по всѣмъ подлежащимъ ревизіи губерніямъ; отъ ближайшаго соображенія сенаторовъ должно зависѣть изъ ряда этихъ предметовъ и вопросовъ избрать и подвергнуть изслѣдованію,

а затѣмъ и возможно подробной разработкѣ тѣ, которые по мѣстнымъ условіямъ той или другой губерніи остановятъ наиболѣе ихъ вниманіе, будутъ ими признаны имѣющими предпочтительное значеніе.

А. ПО ВѢДОМСТВУ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ

1. За существующимъ, какъ въ правительственной средѣ, такъ и въ обществѣ, различіемъ воззрѣній относительно степени распространенія въ Россіи соц.-революціонныхъ лжеученій и вліянія ихъ на общественную и народную жизнь, обратить особое вниманіе на тѣ явленія мѣстной жизни, кои имѣютъ связь какъ съ распространеніемъ лжеученій, такъ и съ причинами, содѣйствующими къ болѣе или менѣе легкому ихъ воспріятію, и представить возможно полныя въ семъ отношеніи данныя по ревизуемымъ губерніямъ; при этомъ указать, по возможности, какія мѣры могли бы содѣйствовать ослабленію вліянія соціальныхъ лжеученій.

2. Какое вліяніе на настроеніе умовъ имѣла и имѣетъ система административныхъ высылокъ вообще и въ особенности неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи личностей, и требуетъ ли система эта какихъ либо измѣненій и какихъ именно, причемъ обратить вниманіе и на настоящее положеніе поднадзорныхъ лицъ, и на существующую на мѣстахъ систему наблюденія за ними.

3. Удостовѣриться въ настроеніи умовъ крестьянскаго населенія: были ли за послѣднее время возстанія, чѣмъ они вызвались и какими мѣрами прекращались, и обратить вниманіе, не замѣчается ли въ крестьянахъ ожиданій и толковъ о новомъ надѣленіи земли, о такъ называемомъ въ великорусскихъ губерніяхъ «Черномъ Передѣлѣ», а въ Малороссіи «Слушномъ Часѣ», причемъ выяснить, что могло бы способствовать къ прекращенію этихъ ложныхъ толковъ и къ успокоенію умовъ крестьянъ.

Примѣч. а) по Кіевской губ., — въ виду начавшагося въ 1879 г. стремленія мѣстныхъ помѣщиковъ производить коштное межеваніе и постоянныхъ безпорядковъ, возникающихъ между крестьянами почти при каждомъ приступѣ къ этому межеванію, изслѣдовать, отчего произошли эти, проявившіяся пока въ одной губерніи, стремленія помѣщи-

ковъ и волненія крестьянъ, и не вызываетъ ли это дѣло какихъ либо особыхъ соображеній.

б) по Кіевской же губерніи, — обратить вниманіе на настоящее положеніе дѣлъ о чиншевикахъ и на правильность отношеній мѣстныхъ властей къ симъ дѣламъ, и

в) по Черниговской губ., — вникнуть въ положеніе вопроса объ обязательномъ размежеваніи земель и выяснить встрѣчающіяся на практикѣ затрудненія, а также обратить вниманіе на производящіяся по особымъ правиламъ разграниченія крестьянскихъ угодій отъ помѣщичьихъ одновременно съ общимъ размежеваніемъ дачъ, такъ какъ производство этихъ разграниченій вызываетъ нерѣдко волненіе и безпорядки въ средѣ крестьянъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по поводу этихъ безпорядковъ, Черниг. межевая палата пересматривала и исправляла свои прежнія рѣшенія, причемъ выяснить причины возникновенія безпорядковъ и войти въ соображеніе: не представляется ли необходимости въ какихъ либо измѣненіяхъ въ порядкѣ производства.

4. Собрать, по возможности, свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи мѣстнаго населенія, съ указаніемъ главнѣйшихъ причинъ замѣчаемаго въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ упадка народнаго благосостоянія и нравственности, съ указаніемъ возможныхъ мѣръ къ устраненію сихъ причинъ,

При этомъ обратить вниманіе на существующую разницу въ экономическомъ положеніи крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ, на причины накопленія недоимокъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ; на положеніе крестьянъ, получившихъ въ даръ четвертной надѣлъ; на средства къ облегченію крестьянамъ пріобрѣтать земли въ полную собственность; на способы къ облегченію и урегулированію переселеній и т. п. данныя и предположенія.

5. Въ виду постоянно повторяющихся изъ разныхъ губ. представленій губернскаго начальства и ходатайствъ земствъ объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій положенія 27 іюня 1874 г. объ устройствѣ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, убѣдиться въ степени удовлетворительности настоящаго устройства сихъ учрежденій и войти въ соображеніе о необходимыхъ въ семъ отношеніи мѣрахъ.

Примѣч. По Кіевской губ., гдѣ мѣстныя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія еще не преобразованы, убѣдиться въ степени удовлетворительности дѣятельности мировыхъ

посредниковъ и ихъ съѣздовъ, и войти въ соображеніе: не своевременно-ли, за окончаніемъ поземельнаго вопроса устройства крестьянъ, преобразовать мѣстныя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія Кіевской губ. приблизительно къ общему устройству сихъ учрежденій въ Имперіи.

6 Обратить вниманіе на положеніе общественнаго правленія крестьянъ, при чемъ имѣть въ виду выясненіе правильности назначенія и взысканія съ крестьянъ мірскихъ сборовъ, цѣлесообразности существующаго порядка назначенія жалованья должностнымъ лицамъ крестьянскаго управленія, по приговорамъ сходовъ, опредѣленія волостныхъ писарей и удовлетворительности разъясненія волостнымъ и сельскимъ должностнымъ лицамъ способовъ исполненія лежащихъ на нихъ и на крестьянскихъ обществахъ обязанностей.

7. Въ виду Высочайшихъ указаній по Государственному Совѣту и неоднократныхъ заявленій земскихъ собраній по вопросу о правѣ сельскихъ обществъ отдавать своихъ порочныхъ членовъ въ распоряженіе правительства и отказываться отъ принятія обратно въ свою среду людей, отбывшихъ опредѣленные для нихъ судебными приговорами сроки заключенія, обратить на этотъ вопросъ вниманіе, выяснивъ, своевременно-ли принятіе по оному какихъ либо мѣръ и не заслуживаютъ ли уваженія заявленія земствъ о желаніи принять, въ извѣстныхъ случаяхъ, на земскій счетъ издержки по удаленію обществами порочныхъ членовъ.

8. Въ виду замѣчаемой несоотвѣтственности результатовъ дѣятельности земскихъ учрежденій тѣмъ ожиданіямъ правительства и общества, коими сопровождалось ихъ открытіе, обратить вниманіе на причины помянутаго явленія и вникнуть въ изысканіе такихъ мѣръ, кои могли-бы оживить его дѣятельность и поставить его на соотвѣтствующее мѣсто въ ряду мѣстныхъ учрежденій. Изученіе этого вопроса требуетъ самаго внимательнаго выясненія причинъ какъ болѣе или менѣе удовлетворительнаго состава земскихъ учрежденій, такъ и успѣха или неуспѣха земской дѣятельности по всѣмъ ея отраслямъ. Сюда относятся важные для народнаго благосостоянія предметы народнаго продовольствія, народнаго здравія, народнаго образованія, благоустройства селъ, и по каждому изъ нихъ желательно было

бы прослѣдить, что сдѣлано, и если мало или дурно, то почему и какъ этому помочь.

Въ настоящее время, какъ на существенныя причины неуспѣха земской дѣятельности, указываютъ главнѣйшимъ образомъ: на недостаточность состава земскихъ учрежденій въ качественномъ отношеніи; на несочувственное отношеніе къ земству правительственныхъ лицъ и учрежденій, оставляющихъ будто-бы безъ должнаго вниманія ходатайства земства; на ограниченность круга дѣятельности земскихъ учрежденій; на затрудненіе дѣйствовать по такимъ предметамъ, кои требовали-бы соглашенія земствъ сосѣднихъ уѣздовъ или губерній; на стѣсненіе въ гласности по земской дѣятельности; на недостатокъ въ средствахъ. Степень правильности этихъ и тому подобныхъ указаній требовала-бы тщательной провѣрки, которая можетъ указать и на средства къ улучшенію положенія дѣла.

Такая повѣрка можетъ выяснить: не заключается-ли причина недостаточности личнаго состава въ существующемъ порядкѣ земскаго представительства или производство выборовъ? Существуетъ ли въ дѣйствительности систематическое со стороны мѣстныхъ административныхъ властей стремленіе парализовать дѣятельность земскихъ учрежденій? Можетъ-ли быть расширенъ кругъ мѣстной дѣятельности земскихъ учрежденій большимъ, чѣмъ нынѣ, участіемъ въ разрѣшеніи дѣлъ, касающихся мѣстныхъ хозяйственныхъ потребностей? Можетъ-ли быть изыскана удобная форма для совмѣстныхъ сужденій земствъ разныхъ губерній по такимъ вопросамъ, кои требовали-бы совокупныхъ мѣръ, какъ напр., по прекращенію эпидемій и эпизоотій, борьбы съ вредными насѣкомыми, устройство пограничныхъ мостовъ и переправъ и т. п.? Должна-ли быть допущена большая степень гласности въ опубликованіи журналовъ земскихъ собраній? Нѣтъ-ли особыхъ и легко устранимыхъ причинъ, вліяющихъ на недостатокъ земскихъ средствъ, какъ напр., излишніе расходы на земское управленіе и существующій порядокъ взысканій земскихъ сборовъ? Желательно также обратить вниманіе, насколько выработаны земствомъ основанія къ правильной раскладкѣ сборовъ и представляется-ли необходимость въ принятіи мѣръ къ улучшенію существующихъ отношеній городовъ къ земству?

9. Удостовѣриться въ степени правильности примѣненія новаго Городового Положенія, выяснивъ притомъ, не заключаетъ ли оно въ себѣ такихъ правилъ, кои не соотвѣтствовали бы дѣйствительнымъ потребностямъ городского управленія и составляютъ излишній поводъ къ стѣсненію городского населенія.

10. Въ виду усиливающейся съ каждымъ годомъ необходимости привести къ окончанію Высочайше предуказанное еще въ 1856 г. улучшеніе внутренняго управленія въ губерніяхъ, собрать возможно полныя о потребностяхъ управленія данныя, кои могли бы содѣйствовать правительству въ разрѣшеніи сложной задачи преобразованія губернскаго управленія, съ достиженіемъ при этомъ желательнаго объединенія дѣйствій всѣхъ административныхъ учрежденій, уменьшенія числа отдѣльныхъ учрежденій и присутствій, сокращенія стѣсняющихъ формальностей, усиленія разрѣшающей на мѣстѣ власти и надлежащаго обезпеченія въ сохраненіи и огражденіи государственнаго и общественнаго порядка, правильнаго теченія дѣлъ и интересовъ общественныхъ и частныхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТЪ ГМИНЫ ПОЛЬСКИХЪ СОЦІАЛИСТОВЪ

по поводу 50-лѣтней годовщины возстанія польскаго народа. (29 ноября 1830 года)

(Переводъ съ польскаго)

Честь людямъ, которые на перекоръ рутинѣ и оппортунизму, подняли знамя свободы. Честь тѣмъ, которые желали стать во главѣ народа и не забыли, что этотъ народъ имѣетъ также хотя нѣкоторыя права. За сочувствіе народу, за мужество и преданность отечеству, за страданія во имя національной идеи — честь героямъ!

Но воздавая героямъ 29 ноября должную честь, заявляемъ, что мы не пойдемъ по ихъ стопамъ, не станемъ руководствоваться ихъ принципами. Мы любимъ отечество не менѣе ихъ, но понимаемъ эту любовь иначе: намъ дорога

не судьба горсти привиллегированныхъ, намъ дорога судьба польскаго народа, — его нужды для насъ прежде всего. Поддерживать его стремленія, исцѣлять его страданія — вотъ наша цѣль и наша задача. Для насъ также желательны — національная независимость и равенство политическихъ правъ, но мы на этомъ не остановимся: сильнѣе иноземной неволи, сильнѣе правительственнаго гнета тяготѣетъ надъ нашимъ народомъ домашнее рабство — экономическое ярмо.

Присматриваясь къ нашему обществу, изучая его исторію, мы пришли къ несомнѣнному выводу, что не то сословіе, которое, получивъ особенныя права отъ народа для его защиты, воспользовалось своимъ перевѣсомъ надъ нимъ для эгоистическихъ цѣлей, и — для сохраненія своихъ привиллегій подчинилось врагу, стало ему прислужничать, — не то сословіе, повторяемъ, а простой народъ — фундаментъ, на которомъ воздвигнется обновленная Польша.

Кромѣ того, изученіе исторіи соціальнаго развитія европейскихъ народовъ убѣдило насъ, что общество можетъ развиваться нормально только въ томъ случаѣ, когда каждый получитъ возможность прилагать свои способности, когда каждый будетъ обезпеченъ матерьяльно, а это возможно лишь при экономическомъ равенствѣ. Поэтому мы желаемъ національной независимости, равенства членовъ общины, самоуправленія и равенства общины, но прежде всего, какъ обусловливающаго все это, — равенства экономическаго, которое, въ свою очередь, можетъ быть полно лишь тогда, когда орудія труда и земля станутъ коллективною собственностью всего народа, а не отдѣльныхъ единицъ.

Къ этимъ цѣлямъ мы будемъ стремиться, опираясь на народъ. Обращаемъ вниманіе нашей интеллигенціи, обращаемъ вниманіе молодежи на то, что *привиллегированнымъ классамъ неизбѣжно придется отречься отъ своего положенія и исключительныхъ правъ*; но жалательно, чтобы это отреченіе совершилось безъ такихъ страданій, безполезной борьбы, голодныхъ стачекъ и кровавой рѣзни, съ какимъ оно сопряжено въ западной Европѣ.

Молодежь! Твоя задача — содѣйствовать тому, чтобы обновленіе нашего общества, уравненіе правъ народа совер-

шилось безъ кровавой борьбы. Подѣлись съ народомъ богатствами, какими обладаешь въ области мысли, искусства и матерьяльныхъ благъ; не жди минуты, когда онъ самъ потребуетъ ихъ грозно! Стань въ ряды народа, прими участіе въ его борьбѣ съ экономическимъ гнетомъ и иноземнымъ насиліемъ!

Молодежь! Передъ тобой великая задача — выполни же ее достойно!

Примѣчаніе. Помѣщая настоящее заявленіе общины польскихъ соціалистовъ, мы намѣрены высказать свой взглядъ на задачи польской соціально-революціонной партіи въ послѣдующихъ №№ «Народной Воли».

Ред.

Типографія «Народной Воли» 24 декабря 1880 г.

*) Этого приложенія у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ. Просимъ его розыскать. *Ред. Сборника.*

НАРОДНАЯ ВОЛЯ

СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Годъ второй. — № 5 — 5 февраля 1881.

ОТЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА

Исполнительный Комитетъ проситъ остерегаться слѣдующихъ лицъ:

ПІОТРОВСКІЙ, Ярославъ Герасимовичъ, извѣстенъ подъ псевдонимомъ «Пава», незаконный сынъ помѣщика Курской губ. Доппельмейера, принадлежалъ къ партіи украйнофиловъ автономистовъ. Въ февралѣ 1880 года былъ арестованъ на Румынской границѣ. Предложилъ выдать всѣхъ знакомыхъ ему революціонеровъ; былъ для виду посаженъ въ Кіевскую тюрьму, гдѣ началъ шпіонское поприще; въ декабрѣ того же года, послѣ искусственно-устроеннаго жандармами побѣга, появился въ Кіевѣ, гдѣ сталъ подводить неопытныхъ революціонеровъ. Въ настоящее время находится въ Одессѣ. Примѣты: лѣтъ 40, роста высокаго, плотно сложенный, темно-русый, глаза сѣрые на выкатѣ, со лба плѣшивый, при разговорѣ принимаетъ театральную позу.

КЛЮЧНИКОВЪ, Петръ, бѣглый матросъ, былъ арестованъ въ Николаевѣ; въ декабрѣ 80 года ему дали возможность бѣжать съ дороги, когда вели яко бы па допросъ. Въ настоящее время неизвѣстно гдѣ находится. Примѣты: лѣтъ 25, роста средняго, красивый.

КАРДО-СЫСОЕВЪ, въ Петербургѣ, издатель «Сельской Бесѣды» и «Луча», обращался къ наслѣднику за субсидіей на эти изданія, предлагая поступить въ шпіоны.

Исполнительный Комитетъ, 2 февраля 1881 г.

2 февраля 1881 г.

Смыслъ и значеніе всякаго дѣйствительно революціоннаго движенія въ Россіи заключается, по нашему мнѣнію, въ перенесеніи пульса государственной жизни отъ правительства и привиллегированныхъ классовъ — къ народнымъ массамъ. Народъ долженъ стать силой въ странѣ, т. е. 1) полновластнымъ распорядителемъ своихъ судебъ въ области политической и 2) полнымъ хозяиномъ страны — въ области экономической. Несоблюденіе одного изъ этихъ условій парализируетъ другое. Такъ русскій народъ можетъ еще сотни лѣтъ благополучно прождать «чернаго передѣла», «казацкаго положенія» съ нарѣзкою по 10 или 7 дес. на душу, можетъ за это время выродиться въ низшую расу, забыть свои завѣтные идеалы жизни «по правдѣ», или, поддаваясь гнету правителей и просвѣтителей, обнищать и обездолѣть въ приличной формѣ буржуазнаго европеизма. Одного изъ этихъ послѣдствій слѣдуетъ ждать, если въ народѣ не пробудится энергія общаго протеста во имя своего стародавняго права, если въ немъ не укрѣпится увѣренность въ то, что онъ можетъ стать силой и что только тогда всѣ пути ему станутъ открыты.

Всякій, знающій сколько нибудь исторію русскаго народа, легко убѣдится, что увѣренность народа въ свои силы и свое право ослаблялось въ той-же мѣрѣ, въ какой росла внѣшняя, гнетущая его, сила государства. Не сразу народъ поддастся, онъ пытается бороться; два начала — государственное и древне-народное, какъ нѣкогда Ариманъ и Ормуздъ, вступаютъ въ смертельный бой. Бывали моменты, какъ въ Пугачевщинѣ, когда можно было надѣяться, что Ормуздъ побѣдитъ, — народное начало восторжествуетъ. Но вышло наоборотъ: Ариманъ-государство уже слишкомъ окрѣпло и умудрилось предшествовавшей борьбою; народъ сильно ослабѣлъ, разувѣрился въ своихъ силахъ, проникся отчасти духомъ рабской покорности своей судьбѣ. При такихъ условіяхъ побѣда почти что невозможна. Исторія народа отмѣчаетъ при этомъ слѣдующее интересное психологическое явленіе: рядомъ съ упадкомъ народнаго духа и растущей увѣренностью въ безплодность борьбы, рядомъ съ возростающей силой государства — назрѣваетъ и крѣпнетъ въ народѣ вѣра въ царя.

Тотъ самый народъ, который, сознавая свою силу и право, безцеремонно изгонялъ дурныхъ князей, открыто возставалъ противъ великихъ князей и царей допетровской Россіи, заражается какою-то идеальной вѣрой въ царя въ то время, когда надежды его разбиты и силы истощены! Чѣмъ это объяснить? Человѣкъ безпомощный въ борьбѣ съ окружающими явленіями природы и враждебными условіями жизни, чувствуя настоятельную для себя необходимость во внѣшней доброжелательной силѣ, создаетъ себѣ эту силу, обращается къ божеству, въ твердой увѣренности, что оно его не покинетъ. Не будь этого исхода, на долю его выпало-бы тупое отчаяніе и затѣмъ самоубійство.... То-же самое и съ народомъ, съ тою только разницею, что для него послѣдній исходъ невозможенъ. Окруженный массою сплоченныхъ враговъ, доказывающихъ ему ежедневно свою силу и превосходство, разобщенный, покинутый всѣми, униженный, — народъ не можетъ впасть въ отчаяніе, онъ не перестаетъ жить. Настоящее, правда, неприглядно, несправедливо, зло въ лицѣ массы враговъ велико, но надежды на внѣшнюю помощь не покидаютъ народа. На небѣ умъ и фантазія его создали божество, на землѣ онъ также ищетъ опоры, ищетъ силы ему доброжелательной и находитъ ее въ лицѣ царя. Не можетъ-же быть, чтобъ на землѣ все было противъ него! Кому-же, какъ не царю, быть тою силой, которая одна осталась на сторонѣ народа? Онъ одинъ, на всю Россію, всемогущъ на землѣ почти въ той-же мѣрѣ, какъ и божество неба. Если ужъ кто стоитъ за поруганную правду то, конечно, онъ, всемогущій владыка земли....

Такъ разсуждаетъ народъ, потерявшій вѣру въ свои собственныя силы, видящій безплодность борьбы разсыпаннымъ строемъ. Какія благодѣянія царскія могли-бъ оправдать народную вѣру въ нихъ? Кромѣ безсердечнаго, презрительнаго отношенія къ народу, кромѣ грубыхъ насильственныхъ попытокъ обратить его въ послушное орудіе своихъ узкихъ династическихъ или просто хищническихъ цѣлей, — словомъ, кромѣ данныхъ для выводовъ противуположнаго характера, русскіе цари ничего народу не представляли. Ясно, стало быть, что не въ благодѣяніяхъ, не въ исторической роли царей слѣдуетъ искать источника вѣры въ нихъ народа, а въ состояніи народнаго духа, въ настоя-

тельной потребности имѣть сильнаго союзника въ борьбѣ съ врагомъ. Этотъ выводъ для насъ поучителенъ.

Необходимо создать силу, которая смѣло пошла-бы на встрѣчу народу; если она существуетъ, то необходимо доказать, что она способна оказать народу содѣйствіе.

Какіе-же элементы русскаго народа могли-бы сослужить ему эту службу? Въ XVII и XVIII вв. вольное казачество Донское и Уральское и бѣглое бродячее населеніе глухихъ становъ, — эти невѣдомые борцы за народъ противъ воцарившагося антихриста, — подняли на Руси смуту, заставившую дрогнуть престолъ антихриста въ Петербургѣ. Народъ жадно прислушивался къ первымъ слабымъ раскатамъ грома, предвѣщавшимъ нарожденіе могучаго союзника. Цѣлыми волостями стекался онъ въ лагерь самозванцевъ, когда опредѣлилось, что на знамени ихъ — борьба съ государствомъ и поворотъ къ народнымъ началамъ вѣчевого періода, борьба съ помѣщиками и переходъ земли въ руки крестьянства. Самозванство не больше, какъ лазейка, оставленная народу на случай пораженія; инициаторы смуты это прекрасно знали, народъ-же не особенно задумывался надъ этимъ. Кто-бы ни обѣщалъ ему землю и волю — все равно; если царь, то тѣмъ лучше.

Въ наше время не отыскать на Руси уголка, гдѣ-бы нашли себѣ пріютъ эти буйные добрые молодцы, эти суровые выразители и поборники народныхъ стремленій. Государство все обезличило и обезсилило. Въ самомъ народѣ нѣтъ такой силы, которая взяла-бы на себя инициативу движенія, да еслибы такая сила и оказалась, то прежняя форма борьбы ни къ чему-бы не привела, ибо ей, этой силѣ, пришлось-бы помѣряться съ государствомъ Александра II и Лорисъ-Меликова въ «вѣкъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ». Разница весьма существенная.

Но взамѣнъ прежней силы наше время дало народу другого союзника, несомнѣнно болѣе приспособленнаго къ борьбѣ при нынѣшнихъ условіяхъ русской жизни. Это соціально-революціонная партія. Она должна выполнить свою историческую миссію, стать той внѣшней силой, въ которой народъ такъ нуждается. Но она плохо исполнила-бы свою задачу, если-бы, оставаясь при традиціонныхъ формахъ борьбы, не внесла въ народную программу результатовъ историческаго опыта. Она должна создать эти новыя

формы, внести въ движеніе возможную организованность и расширять политическій кругозоръ народа.

Безъ сомнѣнія, государство XVII и XVIII вв. не можетъ пойти въ сравненіе съ современнымъ государствомъ. Тогда строй его напоминалъ въ значительной степени феодальный; государство стремилось собрать воедино свои части, но части разсыпались, ибо рука самодержца была слишкомъ слаба, чтобы сдержать центробѣжныя силы русскаго народа. Вотъ почему возможны были тогда массовыя движенія. Государство не могло своевременно дать отпоръ движенію, и администраціи возставшей области приходилось бороться собственными силами, далеко недостаточными. Слабость мѣстной власти только питала движеніе, ибо во всякомъ народномъ движеніи успѣхъ или неуспѣхъ перваго натиска имѣетъ роковое значеніе. Совсѣмъ не то теперь. Части государственнаго механизма составляютъ идеальное цѣлое, желѣзныя дороги и телеграфы облегчаютъ правительству собирать нужное количество войскъ въ любой области въ самое короткое время; побѣда правительства въ первый моментъ движенія, стало быть, обезпечена, а потому народное движеніе въ широкихъ размѣрахъ невозможно до той поры, пока правительственной организаціи не будетъ нанесенъ тяжелый ударъ. Нельзя допустить, что-бы революціонная партія, не вполнѣ еще организованная и дисциплинированная, не вобравшая въ себя достаточнаго количества силъ изъ народа, могла нанести правительству ударъ, который привелъ бы къ перевороту. Силы слишкомъ не равныя, но только путемъ борьбы, путемъ непрерывныхъ схватокъ и можетъ расти партія, только этимъ путемъ и можетъ она пріобрѣсти въ глазахъ народа обаяніе силы.

Намъ возразятъ, что открытое заявленіе вражды къ царю можетъ сбить народъ съ толку и оттолкнуть его отъ партіи. Въ началѣ это дѣйствительно возможно, но партія на исполнила бы своей задачи, если бы, ведя борьбу, не расширяла политическаго кругозора народа. Нѣтъ нужды, что народъ въ массѣ не понимаетъ еще дѣйствительной роли царей въ судьбахъ страны, что осуществленіе своихъ желаній, онъ считаетъ возможнымъ при существованіи нынѣшней организаціи государства съ царемъ во главѣ. Этотъ-то предразсудокъ и слѣдуетъ разбивать, разбивать безпощадно. Если народу не было ни досуга, ни возможости развивать

въ себѣ политическій смыслъ, то кто-же, какъ не народно-революціонная партія, восполнитъ этотъ пробѣлъ въ народномъ сознаніи? Но дѣло обстоитъ вовсе ужъ не такъ плохо. И теперь уже въ меньшинствѣ православнаго населенія (крестьянства и городскихъ рабочихъ) обаяніе царя, по тѣмъ или инымъ причинамъ, свелось къ нулю; раскольники, которыхъ у насъ милліоны, не отличаютъ его отъ антихриста. Ясно, стало быть, что и теперь заявленіе открытой вражды къ царю встрѣчаетъ въ народѣ сочувствіе. Но оно можетъ безконечно возрасти, если народу станетъ болѣе, чѣмъ теперь, извѣстно, во имя чего ведется борьба, если партія, доказавъ свою силу, съумѣетъ показать свое знамя народу.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ
и
ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ВОПРОСЪ

Никогда никакой общественно-революціонной партіи не выпадала на долю такая тяжелая и сложная задача, какъ та, которая поставлена исторіей русской соціально-революціонной партіи. Вмѣстѣ со своей основной задачей — соціально-экономической, мы должны взять на себя еще работу разрушенія системы политическаго деспотизма, т. е. то, что вездѣ въ Европѣ сдѣлано давно и сдѣлано не соціалистами, а буржуазными партіями. Поэтому ни одной соціалистической партіи въ Европѣ не приходится выдерживать такой тяжелой борьбы, приносить столько жертвъ, какъ намъ. Но если нужны героическія усилія для того, чтобы работать при подобныхъ условіяхъ и держать высоко знамя народнаго освобожденія, за то въ этихъ же условіяхъ, въ окружающей насъ политической обстановкѣ, заключается и выгодная сторона для осуществленія нашей задачи въ будущемъ. Политическій строй, не удовлетворяющій теперь ни одного общественнаго класса, ненавидимый всей интеллигенціей, долженъ неизбѣжно пасть въ близкомъ будущемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ строй, доведшій народъ до голодовокъ и вымиранья, роетъ могилу и для того экономическаго порядка, который онъ поддержи-

ваетъ. Процессъ разложенія существующей политической системы фатально совпалъ съ процессомъ экономическаго обнищанія народа, прогрессивно усиливающимся съ каждымъ годомъ, и разрушеніе современнаго политическаго строя, путемъ побѣднаго народнаго движенія, неизбѣжно повлекло бы за собой также крушеніе того экономическаго порядка, который наразрывно связанъ съ существующимъ государствомъ.

Поэтому мы думаемъ, что политическая борьба съ государствомъ для нашей партіи является не постороннимъ элементомъ въ нашей соціалистической дѣятельности, а, напротивъ, могущественнымъ средствомъ приблизить экономическій (или, по крайней мѣрѣ, аграрный) переворотъ и сдѣлать его возможно болѣе глубокимъ, т. е. средствомъ осуществить въ жизни часть нашей программы.

Какія практическія задачи вытекаютъ для насъ на основаніи такого взгляда при условіяхъ русской дѣйствительности, мы скажемъ въ общихъ чертахъ ниже, а теперь мы должны отвѣтить на различныя теоретическія возраженія, которыя дѣлаются противъ политической части нашей программы. Всѣ эти возраженія вертятся около вопроса о значеніи политической формы для общественно-экономическаго развитія какой-либо страны.

Всѣ мнѣнія соціалистовъ различныхъ оттѣнковъ по этому вопросу можно раздѣлить на три типическія категоріи. Къ первой категоріи принадлежатъ тѣ, которые придаютъ политическимъ формамъ черезъ чуръ большое значеніе, признавая за ними силу производить въ странѣ какія угодно экономическія измѣненія, путемъ лишь приказаній власти сверху и повиновенія подданныхъ или гражданъ внизу; по своимъ практическимъ задачамъ это, по большей части, якобинцы, «государственники», стремящіеся, путемъ захвата власти въ свои руки декретировать политическій и экономическій переворотъ, провести сверху въ жизнь народа соціалистическіе принципы, не вызывая при этомъ активнаго участія народа въ фактическомъ переустройствѣ и даже, «по соображеніямъ», подавить его революціонную иниціативу. У насъ органомъ якобинскихъ тенденцій является газета «Набатъ», издаваемая г. Ткачевымъ. Ко второй категоріи принадлежатъ тѣ соціалисты, которые, наоборотъ, признаютъ за политическимъ факторомъ ничтожное значеніе въ общественно-экономической жизни, отри-

цая всякое серьезное вліяніе, положительное или отрицательное, политическихъ формъ на экономическія отношенія; поэтому въ своихъ практическихъ задачахъ эти лица признаютъ безполезнымъ и даже вреднымъ дѣломъ для соціалистовъ затрачивать какую бы то было часть своихъ силъ на политическую борьбу. У насъ представителями послѣдняго мнѣнія является та фракція (или, вѣрнѣе, часть ея), которая имѣетъ своимъ литературнымъ органомъ «Черный Передѣлъ». Наконецъ, синтезомъ этихъ двухъ одностороннихъ мнѣній служитъ тотъ взглядъ, который, признавая тѣсную связь и взаимодѣйствіе политическаго и экономическаго факторовъ, полагаетъ, что ни экономическій переворотъ не можетъ осуществиться безъ извѣстныхъ политическихъ измѣненій, ни, наоборотъ, свободныя политическія учрежденія не могутъ установиться безъ извѣстной исторической подготовки въ экономической сферѣ. Этотъ взглядъ, раздѣляемый нашей фракціей и нашимъ органомъ, мы разовьемъ дальше въ частностяхъ, а теперь обратимся къ доводамъ нашихъ антагонистовъ.

Лица, не раздѣляющія политической части нашей программы, часто ссылаются на Маркса, который въ своемъ «Капиталѣ» доказалъ, что экономическія отношенія и формы какой либо страны лежатъ въ основѣ всѣхъ другихъ общественныхъ формъ — политическихъ, юридическихъ и т. д.; отсюда выводятъ, что всякое измѣненіе экономическихъ отношеній можетъ произойти лишь какъ результатъ борьбы въ экономической же сферѣ, и что поэтому никакая политическая форма, никакая политическая революція не способна ни задержать, ни вызвать экономическій переворотъ. Замѣтимъ, что ученики Маркса идутъ дальше, чѣмъ самъ учитель, и дѣлаютъ изъ его положенія, вѣрнаго по существу, абсурдные практическіе выводы. Въ доказательство того, что Марксъ не думаетъ такъ, какъ они, приведемъ то мѣсто изъ его «Гражданской войны во Франціи», гдѣ онъ опредѣляетъ историческое значеніе Парижской Коммуны: «это была найденная наконецъ политическая форма, въ которой должно осуществиться экономическое освобожденіе труда... Поэтому коммуна должна была служить рычагомъ для разрушенія экономическихъ основъ, на которыхъ зиждется существованіе сословій, а слѣдовательно и сословнаго господства». Эти же слова встрѣчаются и въ манифестѣ генеральнаго

совѣта интернаціонала, изданномъ немедленно послѣ паденія коммуны, слѣдовательно, мысль, выраженная въ нихъ, раздѣляется цѣлой группой представителей европейскаго соціализма. Другой авторитетъ, на котораго иногда также ссылаются, по недоразумѣнію, приверженцы чистой экономической доктрины, г. Лавровъ, въ своей недавно вышедшей книгѣ о Парижской коммунѣ подаетъ такой совѣтъ дѣятелямъ будущихъ революцій: «въ минуту, когда историческія комбинаціи позволятъ рабочимъ какой либо страны, хотя бы временно, побороть враговъ и овладѣть теченіемъ событій, рабочіе должны тѣми средствами, которыя будутъ цѣлесообразны, каковы бы ни были эти средства, совершить экономическій переворотъ и обезпечить его прочность, насколько эта будетъ возможно». А что политическій путь рѣшенія экономическаго вопроса не исключается и Лавровымъ изъ числа «цѣлесообразныхъ средствъ», — это явствуетъ изъ всей его книги; для примѣра приведемъ его объясненіе той относительно слабой роли, какую игралъ интернаціоналъ во время коммуны: «агитація интернаціонала, направлявшаяся на чисто экономическіе вопросы и не выставившая никакой политической программы въ зависимости отъ своихъ экономическихъ требованій, оказалась безполезною въ ту самую минуту, когда обстоятельства вызвали побѣдоносный взрывъ пролетаріата въ одномъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ Европы».

Можно было-бы еще указать на Луи Блана, Лассаля, Прудона и другихъ выдающихся соціалистовъ, которые считали возможнымъ, путемъ той или другой государственной мѣры, совершить большій или меньшій экономическій переворотъ; можно было-бы еще привести мнѣніе буржуазнаго экономиста-эклектика Джона Стюарта Милля, который, въ своихъ посмертныхъ «Замѣткахъ о Соціализмѣ», усматриваетъ въ политическомъ правѣ всеобщей подачи голосовъ зерно экономическихъ переворотовъ въ будущемъ, когда рабочій классъ, сознавъ свои интересы, обратитъ это политическое право въ орудіе соціальной революціи. Но мы ограничимся лишь вышеприведенными мнѣніями тѣхъ двухъ писателей, на которыхъ любятъ ссылаться приверженцы исключительно экономической борьбы; а теперь обратимся къ фактамъ изъ европейской жизни.

Во время великой французской революціи конвентъ

экспропріировалъ земли духовенства и эмигрантовъ-дворянъ и, сдѣлавъ сначала эти земли государственною собственностью, распродалъ ихъ затѣмъ буржуазіи. Правда, эта мѣра перемѣнила только собственниковъ, не измѣнивъ самаго принципа частной земельной собственности; но почему конвентъ не совершилъ экономическаго переворота, т. е. не отобралъ отъ частныхъ собственниковъ всѣ земли и фабрики и не передалъ ихъ въ коллективное пользованіе народа? Конечно, ужъ не потому, что политическій способъ рѣшенія экономическаго вопроса невозможенъ вообще, а потому, что въ то время соціальный вопросъ не былъ еще поставленъ исторіей на очередь. Возьмите еще революцію 48 года во Франціи. Будь тогда въ средѣ парижскаго пролетаріата прочная организація, съ опредѣленной политической и эконмической программой и съ честными и рѣшительными руководителями во главѣ, — и революція, начавшаяся съ ниспроверженія Луи-Филиппа, могла бы привести къ глубокимъ измѣненіямъ въ экономическомъ строѣ Франціи. Парижская Коммуна 71-го года сдѣлала уже первые шаги къ рѣшенію экономическаго вопроса — путемъ политическимъ.

Можно-ли спорить послѣ этого, что политическая революція, пользующаяся государственной организаціей, какъ орудіемъ для совершенія экономическаго переворота, вполнѣ возможна? Конечно, экономическій переворотъ долженъ быть прежде подготовленъ исторіей, т. е. въ фактическомъ соотношеніи экономическихъ силъ, а также въ идеяхъ и привычкахъ народной массы должны прежде произойти извѣстныя перемѣны, для того чтобы совершившаяся политическая революція, захвативъ государственную организацію, могла провести въ жизнь то, что сознано и желательно народу въ экономическомъ отношеніи.

Мы именно думаемъ, что русскій государственный строй характеристиченъ не только какъ система полнѣйшаго чиновничьяго произвола, но также по своей отсталости и даже противоположности съ экономическими и правовыми учрежденіями, привычками и воззрѣніями народной массы. Наше государство служитъ примѣромъ того громаднаго отрицательнаго значнія, какое можетъ имѣть политическая система, отставшая отъ экономическихъ требованій народа. Въ Европѣ политическій прогрессъ идетъ впереди прогресса общественно-экономическаго, и политиче-

скія формы, особенно во время революцій, служатъ средствомъ для возбужденія экономическаго вопроса и для приближенія экономическаго переворота; у насъ же непрерывный гнетъ политической системы задерживаетъ ту экономическую, правовую и политическую реорганизацію, которая неизбѣжно наступила бы съ паденіемъ этой системы и съ возможностію свободно проявиться революціонной иниціативѣ народа. Въ самомъ дѣлѣ, безчисленный рядъ историческихъ и современныхъ фактовъ неопровержимо доказываетъ, что принципы народной жизни совершенно противоположны тѣмъ принципамъ, на которыхъ держится существующее государство. Мы не будемъ останавливаться на этомъ фактѣ разлада государственныхъ и народныхъ понятій, такъ какъ онъ признается многими, даже не соціалистами, и раздѣляется, конечно, и нашими «деревенщиками». Мы лишь обратимъ ихъ вниманіе на слѣдующіе два крупные факта вліявія государства на нашу экономическую жизнь. Во первыхъ, на то разрушающее и деморализующее вліяніе, какое оказываетъ политическая система на общинныя учрежденія народа, а во вторыхъ — на то покровительство, которое оказываетъ государство денежному классу, на тѣ сотни милліоновъ, которые ежегодно вытаскиваются правительствомъ изъ народнаго достоянія и передаются нарождающемуся у насъ сословію буржуазіи. Въ результатѣ оказывается, что для поддержанія всей этой чудовищной полицейско-кулаческой системы государству нужно пожирать такую массу продуктовъ народнаго труда, что народу остается только голодать, нищенствовать и вымирать.

Кромѣ того, нужно принять во вниманіе, что у насъ нѣтъ такихъ самостоятельныхъ и прочно сорганизованныхъ сословій, какъ въ Европѣ. Тамъ государственная власть представляетъ лишь политическое выраженіе фактическаго господства извѣстнаго сословія; у насъ же, наоборотъ, государство, по своему усмотрѣнію, создавало или разрушало цѣлыя сословія, производило какіе ему было угодно эксперименты надъ привиллегированнымъ классомъ, подавляя при этомъ всякія слабыя (большей частью единоличныя) попытки сопротивленія, шедшія изъ этой среды. Стремясь быть абсолютно неограниченнымъ, государство подавляло всякую политическую самостоятельность даже привиллегированныхъ сословій и для этого поддер-

живало разъединеніе и неорганизованность въ ихъ средѣ; такая политика, конечно, увеличила централизованную силу государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ она же и должна погубить окончательно въ будущемъ существующую систему. Въ самомъ дѣлѣ, разъ государственная централизація будетъ снесена волной народнаго движенія, какіе соціальные элементы окажутся дѣйствительными силами, управляющими ходомъ событій? Конечно, ни привиллегированные классы — вслѣдствіе своей разъединенности, ни легальныя партіи—вслѣдствіе своей неорганизованности не будутъ въ силѣ воспротивиться народному движенію и удержать старый порядокъ экономическаго порабощенія народа; только народъ и соціально-революціонная партія явятся тѣми главными силами, отъ которыхъ будетъ зависѣть общественный и государственный строй послѣ переворота. Слѣдовательно, мы снова приходимъ къ тому же выводу, т. е., что наибольшая разрушительная работа для нашей партіи должна быть направлена, въ настоящемъ и въ будущемъ, опять таки на государство, какъ на главную, если не единственную фактическую силу, враждебную осуществленію лучшаго строя.

Еще одно замѣчаніе для оцѣнки значенія государства въ русской жизни. Обратите вниманіе на тѣ поводы, которые вызвали крупныя и мелкія возстанія въ крестьянствѣ. Эти поводы всегда были политическаго или юридическаго свойства, или сверху, изъ государственной или административной сферы: это — или мнимый царь, самозванецъ, или миѳическая «золотая грамота», или какія-нибудь юридическія нарушенія закона (какъ его понимаетъ народъ), или, наконецъ, городской бунтъ, подающій примѣръ деревенскому населенію. Но едва ли были случаи, чтобъ какая нибудь деревня или мѣстность взбунтовались безъ внѣшняго повода или примѣра, вслѣдствіе того только, что онѣ голодаютъ; нужно еще сознаніе народомъ нарушенія своихъ правъ или надежда на успѣхъ возстанія. Конечно, основнымъ условіемъ почти всякаго народнаго волненія являлись матеріальныя страданія, но поводомъ всегда служило или какое-нибудь нарушеніе закона (дѣйствительное или мнимое) со стороны начальства, или бунтовской почипъ, идущій изъ среды какого-нибудь организованнаго ядра, близкаго народу по своимъ интересамъ.

Послѣднее условіе необходимо, какъ показываетъ исторія, для всѣхъ крупныхъ народныхъ движеній. Такъ, во время пугачевщины роль толчка, вызвавшаго скрытую силу возстанія, играли съ одной стороны раскольничьи общины, подготовлявшія и организовавшія движеніе, а съ другой — часть казачества, подавшая примѣръ вооруженнаго возстанія.

Но въ настоящее время ни раскольники, утратившіе большую часть прежней боевой энергіи, ни казачество, представляющее привиллегированное сословіе сравнительно съ крестьянствомъ, неспособны, повидимому, дать лозунгъ народному возстанію. Одна лишь соціально-революціонная партія, прочно укрѣпившись среди городскаго и фабричнаго населенія и занявъ удобныя и многочисленныя позиціи въ крестьянствѣ, можетъ послужить тѣмъ ферментомъ, который необходимъ для возбужденія городскаго и деревенскаго движенія. Но для полнаго ниспроверженія существующаго порядка необходимо одновременное и городское и деревенское возстаніе. Дѣйствительно, самое обширное крестьянское движеніе, при всѣхъ усиліяхъ со стороны партіи поддержать и сорганизовать его, не въ состояніи совладѣть съ централизованнымъ и прекрасно вооруженнымъ врагомъ, если ему не будутъ нанесены тяжелые удары въ центрахъ его матеріальной и военной силы, т. е. въ столицахъ и большихъ городахъ; точно также даже временный успѣхъ возстанія въ городахъ не окончится побѣдой, если крестьянство сочувственнымъ встрѣчнымъ возстаніемъ не поддержитъ дѣла городовъ и такимъ образомъ не раздробитъ военныя силы врага. Кромѣ того, необходимо для успѣха, чтобы, въ моментъ возстанія, хоть нѣкоторая часть войска и казачества перешла на сторону народа. Но кто сдѣлаетъ первый починъ возстанія — городъ или деревня? Судя по большей развитости и подвижности городского населенія, судя наконецъ по тому, что дѣятельность партіи должна дать большіе результаты въ количественномъ отношеніи въ городѣ, нежели въ деревнѣ, нужно думать, что не деревня, а городъ дастъ первый лозунгъ возстанію. Но первая удача въ городѣ можетъ подать сигналъ къ бунту милліоновъ голоднаго крестьянства.

А. Дорошенко.

КЪ СТАТИСТИКѢ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ПРЕСТУПЛЕНІЙ ВЪ РОССІИ

Приступая къ своей работѣ, я долженъ предварительно сказать нѣсколько словъ о самомъ предметѣ изслѣдованія и о матеріалахъ, которыми пользовался.

Мнѣ приходилось слышать указанія на то, что преступленія оскорбленія величества (246 ст. Ул. о Нак.) — не слѣдуетъ вводить въ одну сумму съ прочими, такъ какъ оскорбленіе величества часто производится съ пьяна, въ порывѣ раздраженія и пр. и не выражаетъ поэтому какого либо революціоннаго духа. Я не могу согласиться съ этимъ. Государственное преступленіе, по существу своему, есть выраженіе протеста противъ существующаго порядка. Протестъ можетъ быть болѣе активный или менѣе, болѣе или менѣе сознательный, но въ обоихъ случаяхъ выражаетъ работу революціоннаго духа. Человѣкъ, оскорбительно отзывающійся о представителѣ верховной власти или произносящій противъ нея угрозы, очевидно въ душѣ не уважаетъ этой власти и болѣе или менѣе озлобленъ противъ нея. Кромѣ того, по 246 ст. попадаетъ подъ судъ много несомнѣнно сознательныхъ революціонеровъ. Какой нибудь рабочій пропагандистъ подводится подъ 246 ст. просто по необходимости, ибо доказать пропаганду иногда невозможно, по неуловимости самаго преступленія такого рода, между тѣмъ какъ оскорбленіе величества, совершенное хотя бы по оплошности, не подумавши, — есть фактъ вполнѣ опредѣленный, легко констатируемый. Мнѣ достаточно указать на то, что въ числѣ лицъ, обвинявшихся по 246 ст. за періодъ 75-79 годовъ, свыше 1% арестованы подъ чужими видами, какъ лица нелегальныя *). Точно также, пересматривая мѣсто обнаруженія преступленій, мы видимъ, что оскорбленіе величества совершается наиболѣе въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ совершается наиболь-

*) *Прим.* За тотъ же періодъ и по всѣмъ статьямъ Уложенія, лица нелегальныя составляютъ 5%. Бродяги въ обоихъ случаяхъ не могутъ оказать вліянія на %, особенно по 246 ст., такъ какъ по этой статьѣ за все время обвинялся только 1 бродяга.

шее количество государственныхъ преступленій вообще. Тѣсная связь всѣхъ этихъ проявленій одного и того же духа — недовольства и протеста — слишкомъ очевидна. Поэтому я счелъ бы возможнымъ выдѣлять кого либо изъ общей суммы государственыхъ преступниковъ только тогда, если бы мы имѣли точную классификацію подобныхъ преступленій и, кромѣ того, могли прослѣдить по дѣламъ дознанія и слѣдствія, насколько каждая данная личность дѣйствовала сознательно. Но для этого не имѣется ни малѣйшихъ данныхъ. Матеріалы Минист. Юст. знаютъ только двѣ рубрики: по 246 ст. и по остальнымъ ст. Ул. о Нак. Какъ тутъ выбрасывать невиновныхъ? Сколько ихъ? 5 или 50, десятки или сотни — этого невозможно опредѣлить. Притомъ же лица, совершенно не относящіяся къ типу сознательныхъ революціонеровъ, есть не только подъ 246 ст.: они судились и осуждались по обвиненію въ пропагандѣ, въ подготовленіи вооруженнаго возстанія. Всѣ такія «судебныя ошибки» ничѣмъ не могутъ быть покрыты и исправлены въ области нравственной отвѣтственности, но въ области статистики они покрываются противоположными ошибками: судились и осуждались невиновные, но за то освобождались отъ суда вполнѣ сознательные революціонеры, благодаря собственной ловкости или неловкости слѣдователей. Въ общей сложности — частныя ошибки покрываютъ другъ друга, и цифра статистики показываетъ намъ фактъ, какимъ онъ и дѣйствительно былъ.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній я не счелъ возможнымъ выдѣлять преступленій по 246 ст., изъ общей суммы госуд. преступленій. Въ этомъ отношеніи я вполнѣ согласенъ съ г. Мальшинскимъ, который также не дѣлаетъ подобныхъ различій. Но для того, чтобы несогласнымъ съ моею точкою зрѣнія дать возможность опредѣлить, какія измѣненія въ общей суммѣ подсудимыхъ производятъ лица, обвинявшіяся по 246 ст. я сообщаю всѣ необходимыя для этого данныя.

Матеріалы, которыми я пользовался, — это, во первыхъ, «Обзоръ соц. рев. движенія» г. Мальшинскаго и затѣмъ неизданные матеріалы Мин. Юстиціи за время отъ 1875 г. Изслѣдованіе г. Мальшинскаго отличается большими недостатками, и мнѣ кажется, что онъ слишкомъ мало воспользовался богатымъ статистическимъ матеріаломъ, который

могъ найти въ III Отдѣленіи. Во всякомъ случаѣ, я позаимствовалъ изъ его «Обзора» статистическія свѣдѣнія объ Ишутинцахъ, о Нечаевцахъ, о всемъ періодѣ 73-76 годовъ и въ частности подробныя свѣдѣнія о «Большомъ Процессѣ». Цифры г. Мальшинскаго отличаются значительною полнотою, такъ какъ онъ имѣетъ свѣдѣнія не только о лицахъ, привлекавшихся къ суду, но также и о тѣхъ, дѣла которыхъ порѣшены административно. Такимъ образомъ мы имѣемъ весьма точныя данныя по 31 дек. 1876 г. Съ этого же времени — мы имѣемъ данныя лишь о тѣхъ лицахъ, которыя были переданы уже въ судебное вѣдомство (по матеріаламъ Министерства Юстиціи); спеціальная дѣятельность III Отдѣленія и мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, достигшая особеннаго развитія именно съ 78 и особенно 79 года — остается уже внѣ всякаго нашего свѣдѣнія. Поэтому истинное количество госуд. преступленій за послѣдніе годы значительно превышаетъ наши цифры.

Матеріалъ Мин. Юстиціи держатъ въ такомъ же секретѣ, какъ и «Обзоръ», поэтому пользованіе ими крайне затруднительно. Провѣрить ошибку, вкравшуюся въ ваши вычисленія, выяснить недоразумѣніе, получающееся у васъ при разсмотрѣніи цифръ, по большей части совершенно невозможно. Поэтому я вполнѣ убѣжденъ, что будущимъ изслѣдователямъ придется многое исправить у меня и еще больше дополнить. Да не поставится мнѣ это въ вину. Я, во всякомъ случаѣ, при своей работѣ, имѣлъ въ виду лишь интересы истины, и — поскольку могъ побѣдить канцелярскую тайну — постольку даю русскому обществу правильныя и точныя свѣдѣнія.

I

Данныя о количествѣ лицъ, обвинявшихся въ совершеніи государственныхъ преступленій — составляютъ самый слабый пунктъ моей работы. Я имѣю, по этому предмету, три ряда свѣдѣній: 1) точныя данныя «Обзора» за періодъ отъ августа 1873 года по 31 декабря 79 года, когда были заключены слѣдствія по 16 или 17 первымъ процессамъ; 2) свѣдѣнія Мин. Юст. по дѣламъ, переданнымъ въ министерство отъ 75 года по 30 апрѣля 1879 г;

здѣсь нѣтъ тѣхъ лицъ, относительно которыхъ приняты мѣры административныя; 3) свѣдѣнія Мин. Юст. по дѣламъ, переданнымъ отъ 1 января 1879 года по 1 января 1880 года, и также безъ административныхъ. Такимъ образомъ всѣ ряды свѣдѣній захватываютъ одинъ другой, но тщательное изслѣдованіе убѣдило меня, что одно и то же лицо не можетъ находиться въ двухъ рядахъ свѣдѣній. Г. Мальшинскій даетъ данныя лишь по тѣмъ дѣламъ, которыя закончены къ 31 дек. 1876 года. Первая серія министерскихъ свѣдѣній включаетъ лицъ, которыя хотя и были иногда арестованы еще въ 1875 году, но къ г. Мальшинскому не попали, ибо по дѣламъ ихъ производилось еще только дознаніе и виновность ихъ еще не была опредѣлена. Затѣмъ вторая серія министерскихъ свѣдѣній, хотя и захватываетъ первую на 4 мѣсяца, но говоритъ о другихъ дѣлахъ и лицахъ, которыя хотя и были переданы въ судебное вѣдомство съ 1 января, но свѣдѣнія о которыхъ были доставлены въ министерство позднѣе. Въ общей сложности мои изысканія убѣдили меня въ томъ, что для полученія общей суммы лицъ, обвин. въ госуд. преступ., мы можемъ сложить всѣ частныя суммы трехъ рядовъ свѣдѣній, причемъ не включимъ ни одного лишняго человѣка, и неточность будетъ состоять собственно въ томъ, что въ общей суммѣ будутъ отсутствовать, начиная съ 31 декабря 1876 г., — тѣ лица, которыя до судебнаго вѣдомства не дошли и число которыхъ было очень значительно. Точно также у насъ нѣтъ свѣдѣній по дѣламъ, разсматривавшимся Военнымъ Судомъ, но періодъ военныхъ судовъ начался лишь съ 79 года, а до тѣхъ поръ они составляли случай сравнительно рѣдкій (дѣло напр. Ковальскаго и процессы въ чисто военной сферѣ).

Съ августа 73 года по 76 годъ, у насъ производились дознанія по 17 процессамъ (не считая военныхъ судовъ), а именно: 1) Дѣло Долгушина (10 человѣкъ), 2) Дѣло о проп. въ войскахъ С. П. Б. округа (Семяновскій — 7 чел.), 3) Дѣло Бутовской, 4) Калашникова, 5) Малиновскаго, 6) Альбова, 7) Лебедева, 8) Бредихина, 9) Екатеринославское дѣло Быдарина, (8 чел.), 10) Дѣло Южно-русскаго рабоч. союза (Заславскій — 15 чел.), 11) Дѣло Мураевненское (Сергѣевъ и 7 чел.), 12) Державина, Воронова и Панкратьева, 13) Дѣло Іопова, Павлова и Ивановскаго,

14) Дѣло о демонстраціи на Казанской площади 21 чел., 15) Процессъ Московскихъ пропагандистовъ (50 чел. 21 февр. — 14 март. 1877 года), 16) Большой процессъ 193 (конченъ 23 янв. 1878 года). Въ этомъ перечисленіи г. Малышинскій пропускаетъ еще дѣло Дьякова и Сирякова. Хронологическая послѣдовательность — здѣсь также не соблюдена. Всѣ дѣла эти разсматривались старымъ порядкомъ — особыми присутствіями, и хотя судебное разбирательство иногда запоздало, но дознанія окончены и аресты произведены до 30 дек. 1876 года.

За весь этотъ періодъ всего привлекалось къ дознанію, въ качествѣ обвиняемыхъ, 1611 чел. (85 проц. мужчинъ и 15 проц. жен.). Но изъ числа ихъ 557 чел. освобождены отъ дальнѣйшаго преслѣдованія по неосновательности обвиненія, а потому г. Малышинскій и опредѣляетъ общую сумму государственныхъ преступленій лишь въ 1054.

Итакъ:

Съ августа 73 по 31 дек. 1876 г. . .	1054	чел.
Съ 1875 и по апрѣль 79 г. возникло новыхъ дѣлъ и передано въ Мин. Юст.	1498	„
За 1879 г. по 1 янв. 1880 г. еще возникло дѣлъ и передано въ Мин. Юст.	922	„
Итого.	3474	чел.

Итакъ за періодъ въ 6 лѣтъ по 1880 годъ всего подверглось преслѣдованію 3474 чел., не считая съ 1876 г. лицъ, судимыхъ военнымъ судомъ и подвергшихся административной мѣрѣ. Въ среднемъ на годъ приходится 550 чел.; разсчитывая же по мѣсяцамъ, получаемъ до 76 г. — 26, а послѣ 76 года 66 госуд. преступ. въ мѣсяцъ (безъ административныхъ и военно-судебныхъ взысканій.

Не смотря на всю очевидность прогрессивнаго возростанія госуд. преступленій, распредѣленіе ихъ по годамъ, можетъ быть сдѣлано лишь очень не точно. Основаніемъ для того могутъ послужить слѣдующія данныя: 1) Въ 1875 г. записка графа Палена (см. эксп. шефа жанд. № 101) опредѣляетъ общее количество лицъ, привлеченныхъ къ дѣлу о рев. пропагандѣ въ 707 чел.; 2) Всего же по 1876 годъ привлечено было, какъ мы видѣли, 1611 чел., стало быть на 75 и 76 годъ приходится 841 чел., 3) сверхъ того въ

Матер. Мин. Юст. мы находимъ слѣдующую таблицу, определяющую, въ какомъ году было обнаружено преступленіе:

Таб. I.

Года:	1875	1876	1877	1878	1879 полов.	разн. время.	неизвѣстно
Дѣла отъ 1875 по 1 мая 1879.	2	36	484	491	51	65	370
Дѣла отъ 1 янв. по 1 іюля 1879.	—	1	1	157	212	—	5
Итого	2	37	485	648	263	65	375

4) Наконецъ, за время отъ 1 іюля по 31 декабря 1879 г. судебному вѣдомству передано 546 чел.; времени ареста ихъ не обозначено, но я думаю, что не сдѣлаю особенной ошибки, принявши, что арестованы они въ теченіе 1879 г.

Комбинируя эти данныя, мы можемъ составить таблицу, показывающую примѣрнымъ образомъ постепенное наростаніе государственныхъ преступленій, хотя цифры по отдѣльныхъ годамъ будутъ всѣ болѣе или менѣе гадательны. Кромѣ невольныхъ неточностей, я долженъ еще сознательно ввести въ вычисленіе (до 1876 г.) не 1054 человѣка, а всѣхъ арестованныхъ 1611 человѣкъ, ибо выдѣлить, какая часть ихъ подверглась административнымъ взысканіямъ за 1873—1874, годъ нѣтъ никакой возможности. Тикимъ образомъ въ число госуд. преступниковъ перваго разряда мы вводимъ цѣлыхъ 500 человѣкъ, на самомъ дѣлѣ признанныхъ ни въ чемъ не повинными, за второй же періодъ у насъ недостаетъ огромной массы, подвергшейся административнымъ и военно-судебнымъ взысканіямъ. Поэтому дѣйствительный ростъ госуд. преступленій долженъ быть гораздо значительнѣе, чѣмъ показываетъ таблица.

Вотъ эта таблица:

1873 } 1874 }	среднее въ годъ 300 человѣкъ.
1875 } 1876 }	среднее въ годъ 410 человѣкъ.
1877	среднее въ годъ 485 человѣкъ,
1878	„ „ 648 „
1879	„ „ 809 „

Сверхъ того остается еще 440 неизвѣстныхъ, которые по всей вѣроятности арестованы главнымъ образомъ въ концѣ 1878 и въ началѣ 1879 годовъ.

Менѣе подробныя, но болѣе точныя свѣдѣнія имѣются въ Мин. Юст. объ учащеніи оскорбленій величества:

1877	годъ.	246	чел.	или	20,5	въ мѣсяцъ.
1878	„	368	„	„	30,6	„
1879	„	493	„	„	41	„

Этимъ и ограничиваются наши свѣдѣнія о движеніи государственныхъ преступленій.

II

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію возрастного, сословнаго и пр. состава 3000-ой массы лицъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ, сообщимъ сперва нѣсколько данныхъ объ отношеніяхъ слѣдствія къ личности, навлекшей на себя обвиненіе. Заимствуемъ эти свѣдѣнія у г. Малышинскаго.

Характернымъ въ этомъ отношеніи представляется процессъ 193. Первые аресты по «дѣлу о пропагандѣ» начались съ 1874 года, и къ 1875 году, какъ видно изъ записки гр. Палена, всѣхъ привлеченныхъ было 770 чел., изъ коихъ 265 находились въ заключеніи и 53 остались неразысканными. Прокурорскій надзоръ, по разсмотрѣніи дѣла, счелъ однако возможнымъ привлечь къ суду лишь 265 лицъ; такимъ образомъ 452 челов. или 58% оказались привлеченными безъ всякихъ основаній. Судьба же остальныхъ 265 слѣдующая:

Скрылось и бѣжало за границу	17	чел.
Умерло естественной смертью	14	„
Лишили себя жизни	3	„
Сошли съ ума	7	„
Итого выбыло	41	чел.

Остальные 224 человѣка были переданы Особому Присутствію, которое, еще пересмотрѣвши дѣло, признало возможнымъ подвергнуть суду только 198 человѣкъ, изъ коихъ нѣсколько человѣкъ умерло и освобождено отъ суда

во время самихъ засѣданій (всего 8 чел., въ томъ числѣ Богомоловъ, повѣсившійся въ тюрьмѣ). Судъ, какъ извѣстно, длился три мѣсяца и окончился лишь 23 янв. 1878 г. Большинство подсудимыхъ провело въ заключеніи minimum 2 года (съ 1875 г.); значительная часть — 3 года; нѣсколько —свыше 4 лѣтъ. Приговоръ суда оправдалъ 90 чел., осудилъ 100. Утвержденіе приговора послѣдовало 22 мая 1878 г., причемъ 2 подсудимымъ наказаніе облегчено, а многимъ усилено.

Итакъ:

Привлечено къ дѣлу 700 чел. Изъ нихъ осуждены 100 челов. т. е. 14%. Около 86% привлекалось совершенно напрасно. Содержалось въ тюрьмѣ 265 человѣкъ, въ общей сложности всѣ вмѣстѣ просидѣли около 800 лѣтъ. Умерло, сошло съ ума и лишило себя жизни изъ числа заключенныхъ 30 чел., т. е. свыше 11%.

Не менѣе интересны свѣдѣнія, сообщаемыя въ «Обзорѣ» относительно всѣхъ 1611 человѣкъ, привлекаемыхъ съ 73 по 1876 годъ.

Изъ нихъ:

1) 557 человѣкъ (34,5%) освобождены отъ дальнѣйшаго преслѣдованія безъ всякихъ послѣдствій, т. е. были арестованы по ошибкѣ,

2) 525 чел. (32, 6% уличены въ активной противозаконной дѣятельности, а потому преданы суду,

3) 450 чел. (28%) отданы подъ надзоръ полиціи, какъ люди съ совращеннымъ образомъ мыслей, но не участвовавшіе въ активной дѣятельности,

4) 79 чел. (4,9%) признаны людьми несомнѣнно преступными, но по неимѣнію доказательствъ, достаточныхъ для преданія суду, сосланы административнымъ порядкомъ.

Итакъ, въ общей массѣ привлеченныхъ къ дознанію — наибольшее число (34, 5%) оказались вовсе невинновными; 32, 9% подверглись административному взысканію и лишь наименьшее количество (32,6%) получили возможность защищаться передъ открытымъ судебнымъ обвиненіемъ. Можно себѣ представить, до какой высоты долженъ былъ доходить % административныхъ взысканій за 78—79 годы, если даже до 76 года онъ превышалъ % судебныхъ взысканій.

Касательно продолжительности предварительнаго ареста, мы имѣемъ нѣкоторыя указанія и въ Матер. Мин. Юстиціи. По таблицѣ I видно, что изъ 376 человѣкъ, въ 1879 году, 157 человѣкъ сидѣли уже второй годъ, 1 человѣкъ — третій, а 1 даже четвертый годъ.

Нѣкоторое освѣщеніе нашему дознанію и слѣдствію могло бы, вѣроятно, дать распредѣленіе возникающихъ обвиненій по мѣсяцамъ. Но для этого нужно болѣе продолжительное наблюденіе. Въ имѣющихся данныхъ я не могу подмѣтить никакого общаго закона и помѣщаю ихъ исключительно въ качествѣ сырого матерьяла, который можетъ быть когда нибудь кому нибудь пригодится.

Дѣла, переданныя въ судеб. вѣд. съ 1875 по 30 апрѣля 1879 года.

Таб. II.

возникло дѣлъ	246 ст. Улож. о Нак.	Остальныя ст. Ул. о нак.	По всѣмъ ст. Ул. о нак.
Декабрь	45	30	75
Январь.	52	53	106
Февраль . . .	43	23	66
Итого—Зима.	140	106	246
Мартъ . .	35	35	70
Апрѣль. .	37	28	65
Май	39	21	60
Весна.	111	84	195
Іюнь	49	44	93
Іюль . .	48	91	139
Августъ . . .	67	35	102
Лѣто .	164	170	330
Сентябрь . . .	60	45	105
Октябрь . . .	44	48	92
Ноябрь. . . .	59	51	110
Осень.	163	144	307

Дѣла, переданныя въ судеб. вѣд. съ 1 янв. по 30 іюня 1879 года.

Таб. III.

возникло дѣлъ	246 ст. Улож. о нак.	Остальныя ст. Ул. о нак.	По всѣмъ ст. Ул. о нак.
Декабрь .	19	21	40
Январь.	36	5	41
Февраль . . .	21	4	25
Итого—Зима.	76	30	106
Мартъ . . .	20	11	31
Апрѣль.	85	24	109
Май	20	6	26
Весна.	125	41	166
Іюнь .	3	7	10
Іюль .	1	—	1
Августъ . . .	—	13	13
Лѣто .	4	20	24
Сентябрь. .	3	5	8
Октябрь	2	27	29
Ноябрь. . . .	12	14	26
Осень .	17	46	63

Такимъ образомъ, движеніе дѣлъ по мѣсяцамъ въ обѣихъ таблицахъ — имѣетъ совершенно противуположное направленіе. Въ таблицѣ III заслуживаетъ вниманія громадное количество обвиненій въ оскорбленіи величества за Апрѣль мѣсяцъ. Не связано ли это съ бывшимъ 2-го Апрѣля 79 года покушеніемъ Соловьева?

III

Мѣсто рожденія подсудимыхъ и мѣсто обнаруженія преступленій — можетъ быть обстоятельно прослѣжено не относительно всей 3000 массы обвинявшихся за послѣднія 6 лѣтъ, а только о половинѣ ихъ. Но и этого, конечно,

достаточно для того, чтобы получить понятіе, какія мѣстности обнаруживаютъ наиболѣе революціонный духъ.

Мѣсторожденіе 2238 лицъ, обвиняемыхъ въ совершеніи государственныхъ преступленій съ 1875 по 1880 гг. (мѣсторожденіе 187 человѣкъ неизвѣстно).

Таб. IV

1.	Ярославская.	101	27.	Рязанская. .	30
2.	Петербургская.	85	28.	Таврическая.	29
3	Курская .	84	29.	Казанская. .	27
4.	Херсонская .	77	30.	Могилевская.	23
5.	Вятская .	76	31.	Подольская	22
6.	Саратовская.	76	32.	Вологодская .	21
7.	Орловская.	71	33.	З. В. Донского.	18
8.	Московская .	68	34.	Симбирская .	18
9.	Самарская	68	35.	Ковенская .	17
10.	Воронежская	67	36.	Архангельская.	17
11.	Харьковская.	64	37.	Виленская .	16
12.	Полтавская .	59	38.	Новгородская	15
13.	Владимірская. .	56	39.	Гродненская.	14
14.	Екатеринославск.	52	40.	Витебская.	13
15.	Тамбовская . .	51	41.	Волынская	12
16.	Нижегородская.	50	42.	Псковская	10
17.	Черниговская	45	43.	Минская	8
18.	Тверская .	44	44.	Уфимская. .	6
19.	Смоленская	41	45.	Оренбургская	4
20.	Кіевская	38	46.	Олонецкая	3
21.	Пермская .	35		Польша .	337
22.	Тульская .	34		Кавказъ.	24
23.	Костромская.	34		Сибирь .	15
24.	Бессарабія	32		Финляндія .	4
25.	Пензенская	31		Остзейскій край.	11
26.	Калужская	31		Иностранцы .	44

По мѣсторожденію можно до нѣкоторой степени судить о національности обвинявшихся. Располагая губерніи въ соотвѣтственномъ порядкѣ, получаемъ:

1) Великорусскія центральныя:
Ярославская, Московская, Владимірская,

Нижегородская, Тверская, Тульская, Смоленская, Костромская, Пензенская, Калужская, Рязанская, Новгородская и Псковская	545 чел. или	24,5 $^0/_0$
2) Великорусскія окраины: Курская, Орловская, Тамбовская, Воронежская, Симбирская, Самарская, Саратовская, Земля Войска Донского	453	20,3 „
3) Восточныя: Уфимская, Оренбургская, Пермская, Казанская .	72	3,2 „
4) Сѣверныя: Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Вятская.	77	3,4 „
5) С. Петербургская . . .	85	3,4 „
6) Бѣлорусскія: Ковенская, Гродненская, Виленская, Витебская, Минская, Могилевская	91	4
7) Южныя: (преимущественно малорусскія губ.): Херсонская, Полтавская, Харьковская, Екатеринославская, Черниговская, Кіевская, Таврическая, Подольская, Волынская, Бессарабская .	440	„ 19,7 „
8) Сибирь	15	„ 0,7 „
9) Кавказъ . . .	24	„ 1 „
10) Остзейскій край.	11	„ 0,5 „
11) Финляндія.	4	
12) Польша .	337	„ 15,1 „
13) Иностранцы	44	„ 1 „

Уроженцы Великороссійскихъ губерній составляютъ, стало быть, огромное большинство. Считая первыя пять рубрикъ великоруссами — получимъ почти 56 $^0/_0$. Второе мѣсто занимаютъ малоруссы — 19,7 $^0/_0$. Третье мѣсто — поляки — 15 $^0/_0$ и послѣднее бѣлоруссы — 4 $^0/_0$. Прочія, неславянскія. мѣстности Имперіи даютъ самый ничтожный контингентъ политическихъ преступниковъ.

Для того, чтобы, насколько это возможно, выяснить себѣ вопросъ о національности подсудимыхъ, разсмотримъ теперь ихъ вѣроисповѣданія, причемъ можемъ отчасти прослѣдить измѣненія въ распредѣленіи національностей по времени, такъ какъ первая серія министерскихъ

свѣдѣній указываетъ (см. т. I) на періодъ, окончившійся 78 годомъ, вторая же серія — періодъ, начавшійся 78 годомъ.

Таб. V.

Вѣроисповѣданіе.	I Періодъ.		II Періодъ.		За все время.	
	Число.	%	Число.	%	Число.	%
Православные	1058	70	737	80,9	1795	75
Раскольники .	19	—	4	—	23	—
Католики . .	274	18	108	11,6	332	12
Протестанты .	39	2,5	18	2	57	2,4
Евреи *)	65	4,4	38	4,1	103	4,3
Магометане.	16	—	6	—	22	—
Прочіе . .	7	—	2	—	9	—
Неизвѣстно.	20	—	9	—	29	—

Православные составляютъ постоянно огромное большинство (75%). Католики — 12, причемъ этотъ процентъ совершенно совпадаетъ съ процентомъ уроженцевъ Царства Польскаго. При этомъ должно замѣтить, какъ сейчасъ увидитъ читатель, что число лицъ, совершившихъ въ Царствѣ Польскомъ госуд. преступленія, значительно превосходитъ число его уроженцевъ, но весьма сходно съ числомъ католиковъ; въ общей же сложности очевидно, что Царство Польское скорѣе притягиваетъ на свои госуд. преступленія силы изъ другихъ мѣстностей (вѣроятно, изъ Литвы и Кіева), нежели отдаетъ имъ свои. Процентъ евреевъ совпадаетъ съ процентомъ еврейскаго населенія Россіи (4%) и какъ будто уменьшается. То же уменьшеніе обнаруживаетъ процентъ католиковъ. Количество православныхъ, наоборотъ, сильно возрастаетъ.

---

*) За 1873—1874 года (см. «Обзоръ») евреи составляли 6%.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Намъ приходилось уже говорить (№ 1 Нар. Воли) о трудностяхъ, часто непреоборимыхъ,—дѣятельности въ деревнѣ. Всякій честный, доброжелательный народу человѣкъ выживается изъ нея немедленно, разъ онъ чѣмъ либо заявилъ свою честность и доброжелательность. Онъ «опасенъ», онъ «вреденъ», потому что видитъ безстыдное обирательство народа мѣстными воротилами и не соглашается принять въ немъ участіе, видитъ грубый произволъ властей, заколачиваніе въ мужикѣ всякаго общественнаго смысла — и неодобрительно качаетъ головой. Для этого вовсе не нужно быть революціонеромъ. Посмотримъ теперь, какъ отражается на мужикѣ современный государственный строй, что въ дѣйствительности представляетъ изъ себя въ настоящее время крестьянскій «міръ»? Пускай отвѣчаютъ факты!

Въ 1877 году я былъ въ Самарской губерніи.

— Староста! обращаюсь, въ качествѣ должностного лица, къ «начальнику» большого села Богдановки: — надо собрать сельскій сходъ!

— У насъ сходовъ этихъ нѣту! вдругъ послѣдовалъ неожиданный отвѣтъ.

— Какъ нѣтъ! изумился я.

— Такъ точно! Мы ихъ третій годъ какъ порѣшили...

— Кто же у васъ рѣшаетъ мірскія дѣла?

— А вонъ! указалъ пальцемъ староста по направленію къ кабаку, передъ которымъ на завалинкѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ крестьянъ: — они и вершаютъ всѣ дѣла!..

Это вмѣсто сельскаго схода, на которомъ, по размѣрамъ села, даже по закону должно быть болѣе 200 человѣкъ — кучка людей, умѣщающаяся на одной завалинкѣ!

— Да какъ же это у васъ вышло? спрашиваю старосту.

— Міромъ установили!... Выбрали двѣнадцать записныхъ стариковъ и препоручили... Они у насъ за все тутъ —чего ни коснись...

— Это для чего же такъ устроили?

— А на счетъ булги!...*)

*) Т. е. для предупрежденія безпорядковъ. «Булга» — шумъ, безпорядокъ.

Дальнѣйшее знакомство съ общественными распорядками этого села выяснило мнѣ, что, дѣйствительно, всѣ дѣла общественнаго характера, за исключеніемъ дѣлежа земли, рѣшались въ этомъ селѣ двѣнадцатью «записными стариками» и 5, 6 «капитанами» — кандидатами въ заправскіе кулаки. Каждое рѣшеніе такого ареопага облекалось сельскимъ писаремъ въ форму приговора, съ переименованіемъ двухъ третей всѣхъ домохозяевъ и распискою за нихъ, «по ихъ безграмотству и личной просьбѣ», того-же писаря, свидѣтельствовалось въ волостномъ правленіи и такимъ образомъ получало вполнѣ законную силу...

Этотъ фактъ — возмутительный образецъ извращенія крестьянскаго самоуправленія — есть не что иное, какъ только идеалъ безобразія, на который болѣе или менѣе походитъ каждый крестьянскій «міръ» современной деревни: Вездѣ и всюду власть «міра» узурпирована кулаками, волостнымъ и сельскимъ начальствомъ. Еще въ маленькихъ деревняхъ, въ 12—20 дворовъ, можно встрѣтить на сельскомъ сходѣ всѣхъ домохозяевъ, а въ большихъ — хорошо, если вмѣсто 200—300 и болѣе человѣкъ, вы насчитаете 30—50 домовладѣльцевъ. Да чего тутъ! Въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, гдѣ административный произволъ имѣлъ больше времени угнетать мужика, съ понятіемъ о «хорошемъ крестьянинѣ» даже соединяется представленіе о добровольномъ отказѣ участвовать на «міру» при разрѣшеніи дѣлъ, касающихся интересовъ цѣлаго общества. Я никогда не забуду, какъ въ селѣ Болтаѣ Саратовской губ. ко мнѣ пришелъ мужикъ съ жалобой на своего односельца и, прося привлечь его къ отвѣтственности за оскорбленіе словами, говорилъ:

— Изобидѣлъ! А ты спроси-ка, каковъ я мужикъ?... Я и на сходахъ-то, почитай, не однова не бывалъ!... Обо мнѣ худо никто не скажетъ!

Мужикъ — общинникъ ставитъ себѣ въ заслугу, хвастается тѣмъ, что «на сходахъ не однова не бывалъ!» Что можетъ быть несомнѣннѣе этого свидѣтельства, до какого ужаснаго положенія доведенъ въ наше время «мірской» человѣкъ деревни?

Исторія одного крестьянина, которую я хочу разсказать сейчасъ, покажетъ, по какимъ ухабистымъ дорогамъ гонятъ

русскаго мужика, чтобы онъ могъ по пути растерять всѣ лучшія «мірскія качества», присущія ему, какъ общиннику.

— Вотъ мужикъ, такъ мужикъ! рекомендовали мнѣ крестьяне одного изъ своихъ сочленовъ Б., когда зашла рѣчь о необходимости обновить составъ волостного схода, суда, чтобы выкинуть оттуда кулацкій элементъ: — разсудительный!... Онъ у насъ, въ стары годы, ходокомъ не однова былъ!... А мздаимщиковъ этихъ не любитъ... страсть! Изъ за того больше и выпихнули его изъ міра, что бережетъ мірскую копейку!

Лично познакомившись съ Б., я узналъ, что онъ уже пятый годъ, какъ не участвуетъ ни въ какихъ общественныхъ дѣлахъ, не бываетъ ни на сходахъ, нигдѣ, благодаря состоявшемуся о немъ, по жалобѣ сельскаго старосты, постановленію волостного суда: подвергнуть его наказанію розгами. Въ «старые годы», лѣтъ 10—5 до моей встрѣчи съ нимъ, Б., дѣйствительно, «былъ ходокомъ», принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, отстаивая «міръ», охраняя мужицкую копейку отъ загребистыхъ лапъ волостного и сельскаго начальства, не разъ протестовалъ противъ поборовъ и несправедливостей уѣздныхъ вершителей судебъ... Онъ поразилъ меня своимъ знаніемъ, когда и сколько поступало общественныхъ денегъ за прежніе годы и на что именно тратились онѣ; онъ помнилъ во всѣхъ подробностяхъ обстоятельства, при какихъ, въ пользу общества, получилась та или другая сумма и какая комбинація надувательства, какой нажимъ выталкивалъ ту или другую сумму изъ мірской кассы въ карманъ станового, старшины, писаря, старосты или въ кабакъ «на пропой старикамъ»... Понятно, что такой «мірской человѣкъ» не могъ не быть большой помѣхой для волостного старшины въ волости, гдѣ одно село имѣетъ общественныхъ доходовъ отъ кабака, базарной площади, мельницы — нѣсколько тысячъ въ годъ, — для старшины, который задался цѣлью, и въ теченіе десяти лѣтъ своей службы вполнѣ достигъ ея, — замѣнить свои «опорки» — «козломъ», зипунъ — сюртуками, тулупъ — дорогими шубами и пальто, свой домишко — барскимъ домомъ съ музыкой и десятками крестьянскихъ избъ, по «законнымъ условіямъ», наконецъ, свою тощую мошну — капиталомъ не въ одинъ десятокъ тысячъ рублей...

Староста принялся «сокращать» Б.:

Сельскій староста обязанъ, по закону, охранять на сельскомъ сходѣ «должный порядокъ» — предписано: «затыкать глотку Б.!» Староста понуждаетъ къ исполненію условій и договоровъ крестьянъ между собою и посторонними лицами — велѣно: понуждать до... отбиранія у Б. хомутовъ включительно. Староста, на полученіе паспорта, выдаетъ крестьянамъ удостовѣреніе, что къ увольненію ихъ нѣтъ препятствій — приказано: «покормежныхъ*) не выдавать Б.!» Староста охраняетъ тѣ имущества неисправныхъ плательщиковъ, которыми обезпечивается взысканіе недоимокъ — внушено: «охранять!»... да еще какъ!

Б. хочетъ продать овцу, чтобы уплатить подати.

— Ты это что? откуда ни возьмись староста.

— Да вотъ овечку хочу... на подати!

— Овечку?... Нѣтъ, другъ, этого ты не моги: овцу я тебѣ продать не дозволю!

— Какъ не дозволишь! Чѣмъ же я тебѣ ввесу подушныя!

— Чѣмъ хошь! А до овцы я тебѣ касательства не дамъ! Уплати сперва, а потомъ и продавай!

— Да пойми ты, дурья твоя башка, чѣмъ же я тебѣ уплачу, коли у меня денегъ нѣтъ? Продамъ овцу — ну, тогда и получай съ меня!

— Все это мы понимаемъ... атлично, въ лучшемъ видѣ, а все-же твое имущество охранять должонъ!

— Должонъ!.... Охраняете вы.... какже!.... дьяволы.... Прости Богъ!

— А ругаться станешь —оштрахфую еще! У меня, братъ, жи...иво попадешь въ кутузку! Брыкаться-то не больно велятъ вашему брату: цыцъ!

Насыпаетъ Б. рожь или пшеницу вести на базаръ — староста опять тутъ какъ тутъ!

— Сказано тебѣ: не растрачивай своро имущества!

— Тфу ты!... гадина какая!... Отстанешь ты коли отъ меня или нѣтъ?

— Что еще? стращать началъ?... я те покажу свои права: Ссыпай назадъ, тебѣ говорятъ!

— Уйдешь ли, воровская харя... живоглотъ окаянный?

---

*) Такъ называется удостовѣреніе на полученіе паспорта.

— А...а...а! Эдакъ-то ты! Постой-же! Я те сейчасъ уволоку въ арестанску!

— Волоки! Колъ тебѣ въ душу!... Разбойники! Воры!

Старшина зналъ, что дѣлалъ: науськвивая на Б. старосту, эту первую инстанцію административной власти, онъ въ качествѣ второй, болѣе сильной, болѣе могущественной, становился для Б. еще страшнѣе... Сколько нужно было изворотливости, находчивости, чтобы нѣтъ-нѣтъ, да и прорвать гдѣ нибудь эту сѣть придирокъ, прижимокъ, наглой, безсовѣстной политики старшины, которая изо дня въ день, изъ года въ годъ все плотнѣе и плотнѣе кругомъ опутывала Б.! И Б. изворачивался, на сколько могъ. Разоряясь, утихая въ кутузкѣ, онъ все еще таилъ въ своей душѣ искру «мірского человѣка», и, хотя со страхомъ, опаскою, но все таки время отъ времени появлялся на сходахъ, чтобы, если не такъ смѣло, какъ прежде, то изподтишка бросить словечко укора «волосатикамъ» мірского болота.

Старшина богатѣлъ, жирѣлъ и въ своихъ замыслахъ искоренить протестующій элементъ шелъ дальше...

Въ одинъ прекрасный день сельскій староста явился на волостной судъ и просилъ привлечь Б. къ отвѣтственности, какъ постояннаго нарушителя порядка на сходахъ, какъ «разстройщика міра»... И вотъ судъ, искалѣченный, утратившій всякую совѣсть, рабски покорный велѣніямъ старшины и руководимый волостнымъ писаремъ, постановилъ: отодрать Б. розгами! Б. просилъ, умолялъ, ползалъ на колѣняхъ, искалъ отмѣны рѣшенія волостного суда выше — и все напрасно: онъ лишился права участвовать на сходахъ.

— Во... онъ! оралъ на него староста, когда Б. появлялся въ толпѣ, обсуждавшей мірскія дѣла: — нѣтъ теперь твоихъ правовъ перечить начальству!

Старшина не приводилъ въ исполненіе приговора суда, боясь угодить подъ сердитую руку, страшась «пѣтуха», всегда склоннаго на своихъ огненныхъ крыльяхъ унести въ пространство не только его «дворянское угодье съ музыкой», но и капиталъ. Б. махнулъ рукой на «міръ» и, подъ страхомъ розги, получившей законное право во всякое время исполосовать его въ лучшемъ видѣ, кое какъ коротаъ свои злополучные дни...

— Вотъ мужикъ, такъ мужикъ! въ одинъ голосъ свидѣтельствовали крестьяне, вспоминая своего многострадальнаго Іова.

Что же дѣлали они — эта громадная масса въ нѣсколько сотъ человѣкъ, за все время тяжелыхъ испытаній, выпадавшихъ на долю защитника ихъ «мірскихъ интересовъ?» Заступились-ли они за него хоть разъ? Нѣтъ! Замолвили-ли они за него хоть однимъ словечкомъ? Нѣтъ!

Б. имѣлъ полное право сказать своимъ однообщественникамъ, *когда снова былъ призванъ вершать мірскія дѣла, попалъ въ довѣренные отъ общества и израсходовалъ лично на себя „на поправку“ (онъ купилъ подсолнечныя сѣмена для торговли) около сотни мірскихъ денегъ*: «я буду васъ жалѣть... я? За какія это услуги?... Развѣ вы жалѣли меня, когда всѣ ваши выборныя власти кусали, грызли, выколачивали изъ меня «мірского человѣка» и наконецъ добились: выгнали изъ меня его вовсе? Васъ было много, я — одинъ! Я слабъ, а вы, «міръ» — сила: «супротивъ міра кто воленъ?» Когда одно ваше слово, только одно, но уже страшное потому, что вылетаетъ изъ груди цѣлыхъ сотенъ, могло удержать безстыдную руку, наносившую мнѣ удары — вы что дѣлали? Вы молчали, разбѣжались, попрятались, притихли!... Нѣтъ «міра», и нѣтъ вашего слуги! Б. не сказалъ этого, потому что и не могъ сказать ничего подобнаго: десять мучительныхъ лѣтъ глумленія надъ его личностью такъ обезкуражили, обезцвѣтили его, что, совершая «анти-мірской» поступокъ, онъ скорѣе выглядѣлъ жалкимъ воришкой, нежели сознательнымъ мстителемъ.

Вотъ какъ «существующія условія» могутъ быть приноровлены къ искалѣченію мужика! вотъ въ какомъ видѣ, по милости ихъ, представляется современный «міръ» деревни!

— Отъучили! отвѣчаетъ мужикъ на вопросъ: почему онъ не ходитъ на сходъ?

— Пьяница много способнѣе для насъ на волостномъ сходѣ! отвѣчаетъ онъ на другой вопросъ: почему не посылаютъ рѣшать волостныя дѣла честныхъ людей? — Честный мужикъ!... Да какая намъ съ него польза? Развѣ его тамъ станутъ слушать? Ка...ак-же!... А пьяница... онъ, по крайности, на ведерку разстарается для «міра»... Ра...асчетъ!

Современный «міръ» деревни расколотъ на три части: людей наживы, массу забитыхъ, трусливыхъ съ вѣчнымъ вопросомъ на устахъ: «а отвѣта не будетъ?» и незначительной доли критически-мыслящихъ личностей, сторонящихся отъ общественныхъ дѣлъ, по неволѣ и отчасти по трусости. Искать въ такомъ «міру» солидарности, готовности постоять за себя — напрасный трудъ: «развѣ присогласишь насъ»! самъ мужикъ говоритъ это!...

Кудряшовъ.

ДМИТРІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЛИЗОГУБЪ

(Біографическій очеркъ)

«Если кто приходитъ ко мнѣ и не возненавидитъ отца своего, и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ, и притомъ и самой жизни своей, тотъ не можетъ быть моимъ ученикомъ.

Лука, XVI, 26.

Вызовемъ силой воображенія образъ того человѣка, съ жизнью котораго мы познакомимся въ этомъ очеркѣ. Пусть Дмитрій Андреевичъ Лизогубъ, какъ живой, стоитъ передъ нами въ то время, когда мы будемъ вспоминать о немъ.

Вообразите высокаго, нѣсколько сутуловатаго и худощаваго блондина съ большими сѣрыми глазами на выкатѣ, съ бородой, одѣтаго въ пиджакъ, жилетъ и брюки изъ толстаго крестьянскаго сукна. Выраженіе лица суровое, серьезное, поверхностный наблюдатель могъ бы сказать, что это сухая, несимпатичная натура; но мы всмотримся внимательнѣе въ этого человѣка и найдемъ въ немъ и великую страсть и добрую душу.

Въ его глазахъ нѣтъ того огня, который обличаетъ пылкую, горячую натуру; въ нихъ горитъ, какъ свѣтъ зимняго солнца, огонь головной общественной страсти, онъ не грѣетъ окружающихъ и не влечетъ къ себѣ женскихъ сердецъ. Человѣкъ, сгорающій этимъ огнемъ, не имѣетъ личнаго чувства и самъ ему не отдается; у него одно только безгранично любимое божество — народъ, и вся его жизнь безраздѣльно посвящена служенію этому богу.

Стоящій передъ нами высокій блондинъ есть живое олицетвореніе общественной страсти, аскетъ-соціалистъ, отрекшійся отъ самого себя ради своей идеи, всецѣло поглощенный ею.

Золотая душа у этого суроваго аскета. Она скоро заставляла позабывать первое впечатлѣніе несообщительнаго, сосредоточеннаго характера и угловатыхъ маперъ и возбуждала симпатію во всякомъ, кто поближе знакомился съ Лизогубомъ. Людямъ съ черствыми сердцами не дается любовь товарищей, а его любили: у него было товарищеское сердце, онъ всегда готовъ былъ услужить, помочь товарищамъ и, когда не случалось денегъ, продавалъ для товарищей свои вещи.

Лизогубъ былъ страшно довѣрчивъ, и, пользуясь этимъ, его иногда эксплоатировали. Узнавъ объ измѣнѣ Дриго, онъ ей не вѣрилъ; его честная натура не допускала превращенія пріятеля въ Іуду.

Дружба его обусловливалась непремѣнно одинаковостью убѣжденій и сотовариществомъ въ какомъ нибудь предпріятіи, но къ одному изъ своихъ друзей онъ чувствовалъ особенное расположеніе и любилъ его не только какъ товарища по дѣлу.

Лизогубъ не любилъ ни одной женщины, и его ни одна женщина не любила. Подобный фактъ далеко не всегда можетъ служить указаніемъ на сердечную сухость, а въ данномъ случаѣ онъ только ярко обрисовываетъ цѣльную натуру Лизогуба, безраздѣльно отдавшагося одной страсти высшаго порядка.

Человѣкъ математически послѣдовательный въ своихъ убѣжденіяхъ и дѣйствіяхъ, онъ смотрѣлъ на женскую любовь, какъ на серьезное препятствіе на той дорогѣ, по которой онъ шелъ.

Симпатичность Лизогуба не была сразу очевидной; первое впечатлѣніе онъ производилъ скорѣе неблагопріятное, но по мѣрѣ сближенія съ нимъ его симпатичность высказывалась все ярче и ярче. Не даромъ человѣкъ, хорошо знавшій его, сообщая мнѣ матерьялы для характеристики его душевной стороны, сказалъ: «мнѣ кажется, что какъ бы много хорошаго ни говорить о Дмитріѣ, все

таки не представишь эту прямую, добрую и свѣтлую личность такой, какой онъ былъ въ дѣйствительности.»

Отецъ Дмитрія Андреевича Лизогуба, родившагося въ 1850 г., былъ черниговскій помѣщикъ изъ либеральныхъ; онъ кончилъ курсъ въ женевскомъ университѣ и былъ членомъ губернскаго комитета по освобожденію крестьянъ. О матери своей Дмитрій отзывался, какъ о доброй женщинѣ. Воспитаніемъ дѣтей (3 сына и дочь) родители не особенно занимались; оно предоставлено было гувернеру-французу, человѣку горячему, нецеремонившемуся даже бить дѣтей. Однажды онъ далъ пощечину и Дмитрію, но къ крайнему изумленію, получилъ такой-же отвѣтъ, послѣ чего пересталъ бить мальчика. Дѣтство Дмитрія прошло въ дер. Лиственѣ и Сѣдневѣ черниговскаго уѣзда.

Холодно относясь къ обрядовой сторонѣ религіи, мальчикъ увлекался евангельскими идеями равенства и братства и мечталъ быть миссіонеромъ. Онъ представлялъ себѣ трудности этого подвига, лишенія, опасности; придется отказаться отъ удобствъ барской жизни, быть можетъ испытать, что такое голодъ; язычники не поймутъ его сначала, но онъ не смутится первыми неудачами, не упадетъ духомъ, и проповѣдь любви размягчитъ ихъ каменныя сердца. И не одно равнодушіе и непониманіе встрѣтятъ его. Вотъ толпа звѣроподобныхъ дикарей, съ хищническими глазами, отвѣчаетъ злобными криками па его слова о любви къ ближнему; изъ этой толпы полетѣлъ въ него камень, другой, третій, цѣлый дождь камней... онъ упалъ, какъ первомученикъ Стефанъ; по лицу его течетъ кровь. На него набросилась толпа дикарей, его мучатъ, жарятъ живого на кострѣ и съѣдаютъ съ криками торжества. Онъ умретъ, если такъ будетъ суждено; страхъ смерти не заставитъ его отказаться отъ миссіонерства.

Такъ мечталъ Лизогубъ въ дѣтствѣ о своемъ будущемъ. Болѣзнь отца заставила семью уѣхать во Францію, въ Монпелье. Дмитрію было тогда 11 лѣтъ. Въ коллегіи Монпелье онъ воспитывался и окончилъ курсъ.

Послѣ смерти отца, Дмитрій съ матерью вернулся въ Россію, гдѣ вскорѣ умерла его мать. Въ Екатеринославлѣ онъ выдержалъ выпускной экзаменъ гимназическаго курса и въ 1870 году поступилъ въ Петербургскій университетъ.

Воспитаніе, во Франціи, внѣ тѣхъ условій, которыя развиваютъ въ русскомъ человѣкѣ инстинкты раба, долго потомъ неискоренимые, было причиной того, что въ натурѣ Лизогуба отсутствовала характерная черта русскихъ людей — невольный трепетъ передъ начальствомъ. Русскій человѣкъ при разговорѣ съ властью невольно придаетъ особенную интонацію голосу, принимаетъ почтительную позу и взглядъ. Эти рефлексы душевнаго вытягиванія во фронтъ были незнакомы Лизогубу; въ немъ не было внутренняго раба, сидящаго въ русскихъ людяхъ, и онъ держалъ себя съ начальствомъ такъ же покойно съ тѣмъ-же достоинствомъ, какъ со всякимъ.

Воспитаніе не развило въ Лизогубѣ и стремленія къ карьерѣ. Имѣя связи съ разными «особами», онъ могъ-бы далеко «пойти» по судебной лѣстницѣ, стоило только поступить на карьерный-юридическій факультетъ; но Лизогубъ, идя въ университетъ, думалъ только о наукѣ и избралъ математическій факультетъ.

Выборъ для изученія такой точной науки, какъ математика, характеризуетъ умъ Лизогуба. У него во всемъ проявлялась истинно-математическая логика. Въ дѣлѣ логическихъ выводовъ для него не имѣли значенія личныя симпатіи и антипатіи. Подвергая что либо обсужденію, онъ заботился только о томъ, чтобы посылки не были фантастическими, а вытекали изъ фактовъ, чтобы діалектика и парадоксы не затемняли существа дѣла. Какъ только онъ признавалъ, что посылки установлены правильно, вытекающій изъ нихъ выводъ становился для него закономъ, которому онъ тотчасъ подчинялъ не только свою мысль, но и поступки. Подобно тому, какъ математикъ безъ сожалѣнія отрекся-бы отъ вѣры въ то, что дважды два четыре, если бы ему научно доказали, что дважды два пять, такъ и Лизогубъ отрекался отъ всякаго вѣрованія, отъ всякаго убѣжденія, если логическій выводъ доказывалъ ихъ неправильность.

Такимъ образомъ въ то время, когда Лизогубъ поступилъ въ университетъ, въ немъ была только жажда знанія, желаніе выработать въ себѣ научное мышленіе. Онъ былъ еще тогда во власти барскихъ привычекъ: занималъ хорошую квартиру, имѣлъ лакея и повара.

О степени его умственнаго развитія въ ту пору можно судить по слѣдующему факту.

Лизогубъ искалъ учителя для своего брата, съ которымъ жилъ тогда вмѣстѣ. Учитель нашелся подходящій, но Лизогубъ не сошелся съ нимъ вслѣдствіе того, что тотъ хотѣлъ исключить изъ преподаванія законъ божій, назвавъ его вреднымъ балластомъ для дѣтскаго мозга. Другого учителя Лизогубъ принялъ только, получивъ его согласіе преподавать законъ божій.

Но скоро неумолимая логика разбила мистическія фантазіи, и какъ всякій умный и научно-мыслящій человѣкъ, Лизогубъ сдѣлался атеистомъ.

Отвлеченная наука недолго привлекала къ себѣ Лизогуба. Жизнь потянула его въ свою сторону, въ сферу народной нужды. Мысль о народѣ, объ этомъ коллективномъ страдальцѣ, не могла не задѣть и студента-математика, а изъ этой думы о народѣ родились мысли о томъ, какими средствами можно помочь народу, какъ приложить свои силы къ этому дѣлу.

И вотъ послѣ перваго года студенчества Лизогубъ оставляетъ математическій факультетъ и переходитъ на юридическій — тамъ читается политическая экономія, которая должна отвѣтить на обступавшіе юношу вопросы.

Но что это былъ за отвѣтъ! Профессоръ Горловъ восхвалялъ существующія экономическія отношенія: все прекрасно въ сферѣ труда и капитала; бѣднякамъ нечего роптать на то, что существуетъ экономическое неравенство, потому что на кого-бы стали они работать, если-бы не было богатыхъ людей.

Понятно, что подобныя лекціи ученаго прислужника капиталистовъ не могли удовлетворить Лизогуба. Онъ сталъ изучать литературу старыхъ соціалистовъ: Фурье, Сенъ-Симона, Оуэна, Луи Блана др. Картина положенія рабочаго класса въ Россіи, развернувшаяся передъ нимъ по прочтеніи извѣстной книги Флеровскаго, поразила его; но его умъ требовалъ самостоятельной провѣрки, точно-ли такъ безотрадна доля народа, какъ изобразилъ ее Флеровскій. Съ цѣлью такой провѣрки Лизогубъ во время вакацій предпринималъ поѣздки по деревнямъ преимущественно поволжскихъ губерній и Малороссіи. Результатомъ его наблюденій было заключеніе, что, если въ статистическихъ данныхъ Флеровскаго и могутъ быть найдены неточности, то

въ общемъ картина, нарисованная авторомъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Подъ вліяніемъ чтенія, студенческихъ бесѣдъ, на которыхъ Лизогубъ больше слушалъ, чѣмъ говорилъ, и личнаго ознакомленія съ народными нуждами, въ Лизогубѣ сформировался соціалистъ и задача его жизни строго опредѣлилась: всѣ свои матеріальныя средства и самого себя отдать на дѣло освобожденія народа отъ крѣпостной власти капитала.

Обращеніе Лизогуба въ соціализмъ не было внезапнымъ просіяніемъ, которое производитъ на впечатлительныхъ людей встрѣча съ соціалистомъ и его горячая рѣчь. Оно не было также порывомъ доброй души, которая подъ впечатлѣніемъ картины народныхъ бѣдствій, готова безъ размышленій ухватиться за первое указанное ей средство принести пользу. Доброе сердце только указало Лизогубу долгъ явиться на помощь темному народу съ свѣточемъ образованнаго ума. Оно заставило задуматься надъ вопросами: Какъ это сдѣлать?... Въ чемъ корень зла? Какія цѣлесообразныя средства для его уничтоженія?

И вотъ въ результатѣ изученія всего, что до сихъ поръ придумано лучшими людьми, работавшими надъ тѣми-же вопросами, критической оцѣнки предложенныхъ ими средствъ и въ виду историческихъ опытовъ, доказавшихъ непригодность разнаго рода гуманно-либеральныхъ паллiативовъ, Лизогубъ пришелъ къ убѣжденію, что только соціализмъ есть рѣшеніе вопроса по существу.

Не увлеченіе, а логика сдѣлала Лизогуба соціалистомъ, Путемъ строгаго мышленія, онъ убѣдился, что если въ Римъ вели всѣ дороги, то къ народному благу ведетъ только одна_через трупъ народнаго врага: чудовища-капитала.

А разъ былъ сдѣланъ Лизогубомъ этотъ выводъ, онъ сталъ для него закономъ, согласно съ которымъ должна быть измѣнена вся жизнь. Прежнія барскія понятія о собственности исчезли, и прудоновское опредѣленіе собственности сдѣлалось для него аксіомой.

Никакихъ компромиссовъ цѣльная натура Лизогуба не допускала. Онъ оставилъ безъ сожалѣнія всѣ барскія привычки, нанялъ комнату на Петербургской Сторонѣ сначала

съ товарищемъ за 8 рублей въ мѣсяцъ, а потомъ жилъ одинъ и платилъ за комнату 5 рублей. О качествахъ этой квартиры всякій можетъ составить точное понятіе и безъ описанія ея. Годовой бюджетъ этого помѣщика, получавшаго до 4000 рублей дохода, ограничивался 150 рублями. Обѣдъ его состоялъ изъ 4 яицъ и чая. Лизогубъ вовсе не пилъ и не курилъ. Онъ любилъ музыку, но бросилъ уроки на фортопіано, какъ лишній расходъ и барское удовольствіе. Объ одеждѣ онъ вовсе не думалъ, какъ и вообще люди, отдающіеся какому нибудь серьезному дѣлу. Вниманіе къ костюму, изысканность въ немъ (конечно, если она не вызывалась необходимостью для выполненія какого нибудь предпріятія) Лизогубъ считалъ плохой рекомендаціей для соціалиста.

Здѣсь кстати разсказать одинъ случай.

Въ бытность свою въ Англіи, Лизогубъ попалъ съ товарищемъ на митингъ рабочихъ въ праздничный день. Рабочіе явились въ щегольскихъ костюмахъ, въ желтыхъ перчаткахъ.

У насъ въ Россіи скорѣе будетъ революція, чѣмъ здѣсь... шутливо сказалъ Лизогубъ товарищу.

— Почему?...

— Гдѣ этимъ франтамъ думать о революціи... Они будутъ долго терпѣть... Имъ будетъ жаль своихъ перчатокъ..

Лизогубъ постоянно заботился о сокращеніи своихъ расходовъ. Въ поѣздкахъ по дѣлу, онъ всегда бралъ мѣста въ 3 классѣ и на палубѣ. Во время переѣзда въ Англію ему пришлось промокнуть отъ волнъ и дождя на палубѣ и обсушиваться у паровика.

Сдѣлавшись соціалистомъ, Лизогубъ естественно остановился, при опредѣленіи своей дѣятельности, на мирной пропагандѣ.

Безъ народной силы ничего не подѣлаешь; значитъ, надо организовать эту силу, а для этого прежде всего необходимо, чтобы соціалистическія идеи проникли въ массу народа, были усвоены ею.

Такъ размышляетъ всякій новообращенный въ соціализмъ, если онъ, въ пылу увлеченія, не позабываетъ той аксіомы, что никакія идеи не могутъ воплотиться въ жизнь, измѣнить существующаго строя, пока онѣ не составляютъ достоянія большинства.

Съ упомянутой цѣлью мирной пропаганды сформировался въ 1873 году въ Петербургѣ кружокъ молодежи, въ которомъ Лизогубъ былъ однимъ изъ руководителей. Рѣшено было практически изучить ту почву, на которой предстояло дѣйствовать: ознакомиться съ народомъ, опредѣлить степень его воспріимчивости къ соціалистическимъ идеямъ въ разныхъ мѣстностяхъ, болѣе практичные способы пропаганды и пр Такое изученіе народа было предположено сдѣлать путемъ самой пропаганды, для чего рѣшили раздѣлиться на группы и разъѣхаться по деревнямъ, а для обсужденія полученныхъ результатовъ съѣзжаться на ярмаркахъ.

Теоретическое изученіе своей задачи, ознакомленіе съ литературой соціализма должна была давать библіотека въ центральномъ городѣ района пропаганды. Устройство этой библіотеки было сдѣлано Дм. Андр.

Въ 1874 году кружокъ разъѣхался по деревнямъ. Лизогубъ не внесъ платы за слушаніе лекцій и былъ исключенъ изъ университа — ему не было надобности въ дипломѣ и юридическомъ образованіи.

Ему поручено было отправиться съ товарищемъ заграницу, чтобы установить связь между русскими соціалистическими кружками и заграничными, преимущественно сербскими. Лизогубъ провелъ за границей около 8 мѣсяцевъ; онъ жилъ въ это время въ Парижѣ, Ліонѣ, Лондонѣ и Сербіи, а по возвращеніи въ Россію поселился въ своей деревнѣ Лиственѣ, откуда дѣлалъ поѣздки.

Мирная пропаганда кружка была не продолжительна. Доносъ Трудницкаго вызвалъ многочисленные аресты. У Лизогуба въ деревнѣ былъ обыскъ, и хотя ничего «подозрительнаго» не нашли, но Дмитрій очутился подъ полицейскимъ надзоромъ.

Разгромъ кружка, суровость судебныхъ приговоровъ за мирную пропаганду и все болѣе и болѣе развивавшаяся система преслѣдованій соціалистовъ — все это вело къ перемѣнѣ во взглядахъ Дмитрія на способъ дѣйствій.

Теоретику, остановившемуся на мирной дѣятельности пропаганды, приходилось столкнуться съ вопросомъ, выдвинутымъ жизнью, возможенъ-ли этотъ способъ при существующихъ россійскихъ порядкахъ. И дѣйствительность от-

вѣчала на это, что въ государствѣ, гдѣ неограниченный монархизмъ переливается въ деспотизмъ, гдѣ не существуетъ свободы личности, совѣсти и слова, немыслима пропаганда чего-бы то ни было, кромѣ рабскихъ идей. Двумъ-тремъ пропагандистамъ, при исключительно благопріятныхъ условіяхъ, могло посчастливиться, но вѣдь ихъ успѣхъ — капля въ морѣ, и подобными микроскопическими результатами, конечно, не могъ удовлетвориться столь страстно преданный дѣлу соціалистъ, какъ Лизогубъ. Желавшему остаться при программѣ мирной пропаганды приходилось остаться безъ всякаго дѣла и ждать у моря погоды; но только русскіе либералы способны ничего не дѣлать, если излюбленный ими способъ легальныхъ дѣйствій оказался запрещеннымъ.

Правительство само объявило войну соціалистамъ, также какъ оно объявило войну и всему обществу. Общество предпочло отказаться отъ борьбы и терпѣть все, что будетъ высочайше повлѣно, а соціалисты приняли вызовъ.

Строго логическій умъ Лизогуба не могъ не признать, что теорія мирной пропаганды въ Россіи оказалась не приложимой къ дѣйствительности, что соціалистамъ приходится прежде всего завоевать возможность какой-бы то ни было дѣятельности въ народѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нужно было быть крайнимъ идеалистомъ и слабымъ мыслителемъ, чтобы не увидѣть логической необходимости соединенія всѣхъ фракцій русскихъ соціалистовъ въ одну партію активной борьбы съ правительствомъ. Логика событій привела Лизогуба къ убѣжденію, что война съ правительствомъ стала неизбѣжной для русскихъ соціалистовъ, что безъ уничтоженія этой Плевны, невозможно движеніе къ конечной цѣли. И какъ человѣкъ, никогда не отступавшій передъ логическими выводами, онъ сдѣлался террористомъ. Дѣйствія партизанской войны замѣнили мирную пропаганду. Приходилось спасать товарищей, явились задачи освобожденія изъ тюремъ, уничтоженія подлѣйшихъ въ мірѣ гадинъ — шпіоновъ и пр. При дѣятельномъ участіи Лизогуба началась организація центральнаго и мѣстнаго кружковъ съ террористическимъ направленіемъ; явилась мысль о мѣстномъ органѣ этой партіи въ Одессѣ; надо было думать объ образованіи денежнаго фонда. Дм. Анд. началъ реализировать свой капиталъ, заключавшійся въ имѣніяхъ Чер-

пиговской и Подольской губерній, но продать ихъ обыкновеннымъ путемъ значило рисковать не достигнуть цѣли: за нимъ слѣдили. Приходилось придумывать разныя комбинаціи, и ему удалось получить и внести въ центральный кружокъ только около 50,000 руб.

Считаясь на жительствѣ въ деревнѣ, Дмитрій уѣзжалъ incognito въ Петербургъ и другіе города по дѣлу. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ онъ былъ арестованъ въ Харьковѣ, но 5 рублей, данныхъ полицейскому, возвратили ему свободу. Послѣ дѣла Ковальскаго, т. е. въ концѣ лѣта 1878 года, Дмитрій пріѣхалъ въ Одессу, гдѣ и былъ взятъ въ пивной Дурьяна на Херсонсой улицѣ, вмѣстѣ съ Попко и Колтановскимъ.

Около года просидѣлъ онъ въ тюрьмѣ.

25 іюля 1879 года начался въ одесскомъ военно-окружномъ судѣ процессъ двадцати восьми. Лизогубъ отказался отъ защиты, объяснивъ, что въ обвинительномъ актѣ нѣтъ обвиняющихъ фактовъ.

«Система обвиненія — сказалъ онъ въ послѣднемъ словѣ — ставитъ меня въ необходимость бороться съ предположеніями, а при такомъ положеніи дѣла, невольно сложишь оружіе и скажешь, что защита немыслима.»

Обвиненіе Лизогуба было настолько безпочвенно, что не только судъ присяжныхъ, но и прежній формальный судъ призналъ-бы его недоказаннымъ. Но для того-то и существуютъ военные суды, что бы, подъ видомъ отправленія правосудія, уничтожать вредныхъ для правительства людей. Этимъ судамъ не нужно уликъ, имъ нуженъ только приказъ начальства. Совѣсть этихъ судей куплена за жалованье, и если они и говорятъ иногда о чести, то развѣ о чести мундира царскаго слуги, а не о чести человѣка.

5 августа объявленъ былъ приговоръ къ смертной казни черезъ повѣшеніе Лизогуба, Чубарова, Давиденко, Витенберга и Логовенко.

Приговоръ относительно Дмитрія Андреевича возмутилъ даже одесскую прокуратуру; разсказываютъ, будто-бы прокуроръ судебной палаты Евреиновъ ходатайствовалъ объ отмѣнѣ смертной казни, но Тотлебенъ утвердилъ имъ же предписанный приговоръ, и на 10 августа была назначена казнь на Скаковомъ полѣ.

Авторъ объявленія о казни, напечатаннаго въ «Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства» прибавилъ «близъ скотобойни». Холопъ вѣроятно надѣялся получить награду за эти два слова.

Утро 10 августа было ясное. Позади каре изъ войскъ, окружавшихъ эшафотъ, была масса народа; впереди народа стояли экипажи одесскихъ богачей, и дамы съ биноклями и лорнетами сидѣли на козлахъ. Бездушныя самки пріѣхали какъ въ циркъ на представленіе.

Тупое равнодушіе и любопытство преобладало въ толпѣ. Рѣдко вырывались замѣчанія доброй души, возмущавшейся при видѣ висѣлицъ. Всюду сновали шпіоны, и масса забитаго народа не смѣла высказывать человѣческихъ чувствъ. Только звѣрскимъ инстинктамъ можно было выражаться безъ опаски.

Вотъ на дорогѣ показалась телѣга; на ней сидѣли Лизогубъ, Давиденко и Чубаровъ. При въѣздѣ въ разступившійся фасъ въ каре, Дмитрій Андреевичъ взглянулъ на висѣлицы, потомъ на толпу, улыбнулся и что то сказалъ Давиденко.

Барабаны гремѣли, и нельзя было разслышать его словъ. Но эта улыбка въ виду смерти была улыбкой человѣка съ сильной душой, который сознавалъ, что съ его смертью не умретъ дорогое дѣло. Быть можетъ этой мыслью ободрялъ онъ своего товарища.

Барабанный грохотъ затихъ для исполненія безчеловѣчной фомальности азіатскаго правосудія: смерть отдаляется на 2—3 минуты, невообразимо мучительныхъ минуты чтенія приговора, уже извѣстнаго и осужденнымъ и этой толпѣ, жаждущей страшнаго зрѣлища.

Звякнули ружья и снова загрохотали барабаны; подошелъ священникъ, но Дмитрій Андреевичъ отказался поцѣловать крестъ, предложенный священникомъ, царскимъ слугой, осмѣлившимся въ такую минуту говорить о божеской любви и милосердіи.

За бѣлымъ капюшономъ исчезло ярко блестѣвшее синее небо и поле, покрытое рабами.

Проходили неописанно ужасныя минуты ожиданія момента смерти молодымъ, здоровымъ организмамъ. Дмитрій Андреевичъ стоялъ, ожидая очереди...

Онъ чувствовалъ, а быть можетъ и видѣлъ сквозь холстъ капюшона, какъ умерщвляли его товарищей, и не могъ броситься къ нимъ на помощь.

Палачъ неловко надѣлъ ему петлю на шею... прошло еще нѣсколько секундъ, пока онъ поправлялъ ее, а въ толпѣ раздалось выраженіе нетерпѣнія какого-то человѣкообразнаго звѣря: «танцуй скорѣй...» — Молчи, не собаку вѣшаютъ... отвѣтилъ кто-то.

И вдругъ померкнулъ въ добрыхъ глазахъ Дмитрія Андреевича и тотъ свѣтъ, который проникалъ сквозь саванъ... вѣчная ночь небытія охватила его. А солнце попрежнему обливало потоками лучей массу несчастнаго народа, не вѣдавшаго, что творитъ онъ, допуская смерть своихъ самоотверженныхъ друзей.

ПОСЛѢДНІЯ СОБЫТІЯ ВЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

Какъ извѣстно, университетскій актъ 8 февраля ознаменовался «безпорядками», которые продолжались и въ послѣдующіе дни. Наша пресса въ значительной степени извратила характеръ и смыслъ этихъ происшествій. Постараемся возстановить ихъ въ истинномъ свѣтѣ, на основаніи нѣсколькихъ студенческихъ корреспонденцій.

Министерство Сабурова, со своими обѣщаніями разныхъ льготъ и вольностей, откладываемыхъ однако на неопредѣленное время, вызывало противъ себя даже большее неудовольствіе студентовъ, чѣмъ министерство гр. Толстого. Система Сабурова, постоянно рекомендующая «погодить» «выждать», «быть благоразумными» и пр., начала деморализовать студентовъ, выдвигая въ ихъ средѣ на видное мѣсто разныхъ молодыхъ стариковъ, карьеристовъ, вообще тотъ типъ, который уже окрещенъ въ студенческой средѣ кличкой «бонапартистовъ». Эти господа, прежде совершенно не осмѣливавшіеся подымать свой голосъ, теперь, пользуясь «годиньемъ» и «благоразуміемъ», возведенными въ благовидный принципъ, — зашевелились и стали открыто противодѣйствовать всякому движенію студенчества.

Масса студенчества, разумѣется, не имѣетъ и не имѣла ничего общаго съ «бонапартистами», но съ другой стороны они, какъ всякая масса, не отличаются и безусловнымъ радикализмомъ. Обѣ крайнія партіи — составляютъ, какъ вездѣ, меньшинство.

Имѣя въ виду сплоченіе, подъ непосредственнымъ попеченіемъ начальства, самыхъ безнравственныхъ элементовъ студенчества, радикальное меньшинство начало сплачиваться и съ своей стороны. Въ его средѣ образовался «Центральный Университетскій Кружокъ», который, въ виду невозможности фигурировать въ качествѣ легальной организаціи, рѣшился держать свой личный составъ въ секретѣ. Приближающійся актъ 8 февр., на которомъ можно было безошибочно предположить со стороны «бонопартистовъ» — разныя оваціи начальству — заставилъ Центр. Унив. Кружокъ принять мѣры со своей стороны для того, чтобы оваціи не состоялись и чтобы, напротивъ, министерству было высказано недовѣріе студентовъ и ихъ неудовлетвореніе одними посулами. Форма протеста не была строго предрѣшена, и должна была сообразоваться съ обстоятельствами. Человѣкъ 300 или 400 изъявили желаніе поддержать протестъ; можно было бы, конечно, набрать и болѣе значительное количество пособниковъ, если бы не необходимость конспираціи въ подготовкѣ дѣла. Тайна была соблюдена дѣйствительно очень строго, такъ что инспекція не подозрѣвала ничего о готовящемся протестѣ, хотя Департ. Гос. Полиціи имѣлъ о немъ повидимому нѣкоторыя свѣдѣнія и даже дѣлалъ въ этомъ смыслѣ запросъ ректору.

Актъ 8 февр., по обыкновенію, собралъ въ Университетъ значительную публику. Тысячи 4 человѣкъ присутствовали въ залѣ. По прочтеніи пр. Градовскимъ университ. отчета раздались рукоплесканія. Но въ это время съ лѣвой стороны хоръ послышался голосъ. Приводимъ эту рѣчь цѣликомъ:

«Господа! Изъ отчета ясно: единодушныя требованія всѣхъ университетовъ оставлены безъ вниманія. Насъ выслушали для того, чтобы посмѣяться надъ нами? Вмѣстѣ въ насиліемъ насъ хотятъ подавить хитростью. Но мы понимаемъ лживую политику правительства; ему

не удастся остановить движеніе русской мысли обманомъ! Мы не позволимъ издѣваться надъ собой: лживый и подлый Сабуровъ найдетъ въ рядахъ интеллигенціи своего мстителя!»

Поднявшійся шумъ мѣшалъ разслышать слова говорившаго. Крики «тише», «слушай», «молчать», наполнявшіе залу, приводили публику въ смущеніе: неизвѣстно было, къ кому они относились — къ говорившему студенту или къ тѣмъ лицамъ, которыя мѣшали ему говорить. Въ это-же время изъ толпы товарищей выдѣляется студ. 1-го курса Подбѣльскій, подходитъ къ Сабурову и даетъ ему затрещину. Не смотря на то, что вниманіе публики было отвлечено шумомъ на хорахъ, слухъ о пощечинѣ разносится по залѣ. Подымается ужасный шумъ, раздаются крики: «вонъ наглаго лицемѣра», «вонъ мерзавца Сабурова», «вонъ негодяевъ»*). Нѣсколько человѣкъ юристовъ кидаются на хоры съ цѣлью схватить оратора. Происходитъ кое-гдѣ свалка... Ни Бернштейнъ, ни Подбѣльскій однако не были арестованы. Спокойствіе въ залѣ мало по малу возстановилось и актъ продолжался.

На другой день собрался совѣтъ Университета и повѣсилъ головы; поставленъ былъ вопросъ: «какъ быть послѣ вчерашняго скандала?» — Судили, рядили и порѣшили наконецъ назначить Университетскій судъ. «Надъ кѣмъ?» былъ второй вопросъ. — На это долженъ отвѣтить инспекторъ, разслѣдовавъ предварительно дѣло. Тотъ долго не задумывался, онъ указалъ на лицъ, намозолившихъ ему глаза въ періодъ царствованія его въ университетѣ. И вотъ къ суду привлекаются девять студентовъ и два вольнослушателя. 10 февраля въ судъ явились обвиняемые, за исключеніемъ Подбѣльскаго и Бернштейна. Роль прокурора выполнялъ тотъ-же инспекторъ; одинъ изъ помощниковъ его былъ и

*) 4000 голосовъ, говоритъ очевидецъ—студентъ, слились въ оглушительный ревъ, въ которомъ только и можно было разслышать брань, да протяжное «во-о-нъ»... Съ правой и съ лѣвой стороны хоръ полетѣли прокламаціи, которыми Центр. Унив. Кружокъ обличаетъ лицемѣріе Сабурова. Ректору удалось возстановить на минуту тишину; онъ пользуется этимъ, чтобы обратиться къ «благоразумнымъ студентамъ» съ просьбой... выдать бунтовщиковъ. «Не пріучайте студентовъ къ шпіонству» — закричали протестанты.

судебнымъ приставомъ и свидѣтелемъ, другіе помощники были свидѣтелями; нѣкоторые студенты являлись добровольно давать показанія и уличать подсудимыхъ. Пункты обвинененія извѣстны изъ легальныхъ газетъ.

Изъ добровольныхъ свидѣтелей студентовъ, естественникъ Кутеновъ и юристъ Латкинъ обнаружили качества, вполнѣ достойныя волонтеровъ III отдѣленія: первый расписывалъ примѣты и способы нахожденія (фамиліи не зналъ) одного протестанта, не привлеченнаго къ суду, второй уличалъ троихъ подсудимыхъ въ «безпорядкахъ» 8 февраля.

Судъ всячески старался замять дѣло, т. е. взвалить вину на постороннихъ Университету лицъ и ограничить число протестовавшихъ 10-15 человѣкъ, но тутъ были принесены листы, на которыхъ подписалось до 500 человѣкъ, сочуствующихъ идеѣ протеста, но считающихъ форму протеста безтактной, въ томъ числѣ 82 человѣка, сочувствующихъ и формѣ протеста. Судъ и совѣтъ растерялись. Обнаружить дѣло въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ — неудобно; профессора порѣшили запрятать эти листы въ портфель, — благо ни одна газета не печатаетъ заявленій и подписей тѣхъ студентовъ.

Типографія «Народной Воли». 24 февраля 1881 г.

---

*) Этого приложенія у насъ нѣтъ. Просимъ его разыскать.

Ред. Сборника.

ЛИСТОКЪ НАРОДНОЙ ВОЛИ

РЕВОЛЮЦІОННАЯ ХРОНИКА

Годъ второй — № 1 — 22 іюля 1881 г.

ИГНАТІЙ ІОАКИМОВИЧЪ ГРИНЕВИЦКІЙ — погибъ отъ взрыва бомбы, которою нанесъ смертельный ударъ Александру II, 1-го марта 1881 г. на Екатерининскомъ каналѣ.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ САБЛИНЪ застрѣлился послѣ оказаннаго имъ вооруженнаго сопротивленія при взятіи полиціею квартиры его на Тележной улицѣ въ СПБ. 3 марта 1881 г.

3-го апрѣля 1881 г. на Семеновскомъ плацу, въ СПБ. повѣшены соціалисты-революціонеры: **АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ЖЕЛЯБОВЪ, СОФІЯ ЛЬВОВНА ПЕРОВСКАЯ, НИКОЛАЙ КИБАЛЬЧИЧЪ, ТИМОФЕЙ МИХАЙЛОВЪ** и **НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ РЫСАКОВЪ.**

ОТЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА

Исполнительный Комитетъ проситъ остерегаться шпіона Фишера. Примѣты: около 50 лѣтъ, роста выше средняго, лице интеллигентное, борода темная, расчесываетъ въ обѣ стороны, лысина съ средней части лба. Носитъ синіе очки, сверхъ которыхъ иногда надѣваетъ золотое пенснэ. Говоритъ хриплымъ басомъ. Живетъ то въ Павловскѣ, то въ Петергофѣ.

Исполн. Ком. 15 мая 1881 г.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

а) Редакція «Народной Воли» заявляетъ, что со времени выхода № 5 «Народной Воли» въ типографіи отпечатаны по порученію Исп. Ком. слѣдующія изданія: 1) Прокламація Исп. Ком. по поводу событія 1-го марта, 2) Прокламація Исп. Ком. къ Европ. обществу, 3) Объявленіе къ русскимъ крестьянамъ, 4) Открытое письмо Исп. Ком. къ Александру III и 5) Прокламація Исп. Ком. по поводу казней 3-го апрѣля *).

б) Приступая вновь къ изданію «Народной Воли», прерванному арестомъ нашей типографіи, мы не можемъ къ сожалѣнію воспользоваться большею частью матеріала, доставленнаго нашими корреспондентами въ теченіе зимнихъ и весеннихъ мѣсяцевъ. Невольный перерывъ изданія помѣшалъ намъ своевременно воспользоваться этимъ матеріаломъ, въ настоящее же время онъ уже большею частью устарѣлъ. Просимъ извиненія у гг. корреспондентовъ и сотрудниковъ, надѣясь вмѣстѣ съ тѣмъ, что они не оставятъ «Нар. Воли» своимъ сотрудничествомъ и на будущее время.

Издавая теперь лѣтній Листокъ, мы надѣемся слѣдующій № «Нар. Воли» выпустить не позднѣе конца августа. Доставленными намъ матеріалами для біографій казненныхъ 3-го апрѣля мы воспользуемся въ августовскомъ №.

Петербургъ 15-го іюля.

Смута царитъ въ нашемъ отечествѣ. Мы переживаемъ грозный поучительный моментъ русской исторіи. Лишь только наступила очередь подвести итоги русскому либерализму и политикѣ Лорисъ-Меликова, показать закулисную сторону игры, напоминающей поцѣлуй Іуды — какъ 1-е

*) Всѣ эти прокламаціи у насъ имѣются и помѣщаются въ отдѣлѣ третьемъ настоящаго сборника, за исключеніемъ прокламаціи по поводу казни 3 апрѣля, достать которую намъ еще не удалось. Просимъ ее разыскать и доставить намъ.

Ред. Сборника.

марта путаетъ всѣ ходы правительства и ставитъ предъ нами новыя требованія. Много перемѣнъ принесъ съ собою этотъ великій день со всѣми своими послѣдствіями. Наши коренныя задачи, ничѣмъ не заслоняемыя, ставятся въ силу этого прямѣе и шире; намѣчаются болѣе глубокія и настоятельныя цѣли. Наблюденіе надъ жизнью общества и народа за послѣдніе мѣсяцы дало намъ громадный опытъ и въ высшей степени полезныя указанія, укрѣпило нашу увѣренность въ правильной постановкѣ революціоннаго дѣла, въ цѣлесообразности избраннаго нами пути. Теперь пріобрѣтаютъ особенный интересъ доводы, подтверждающіе основныя положенія нашей программы, какъ съ научной, теоретической стороны, такъ и на основаніи русской жизни и исторіи. Обо всемъ этомъ мы должны будемъ говорить въ слѣдующихъ полныхъ выпускахъ газеты; здѣсь же ограничимся общей картиной пережитыхъ дней, бѣглымъ обзоромъ новаго царствованія и краткой характеристикой царя, поставленнаго нами во главѣ государства ранѣе естественнаго срока.

Въ началѣ новаго царствованія всякій совѣстливый человѣкъ, подавляемый массой нелѣпыхъ до невѣроятности мѣропріятій и предначертаній, вращаясь среди такъ наз. общества и живя газетными толками и новостями, невольно падалъ духомъ, задыхался въ подлой атмосферѣ беззастѣнчивой лжи, полнаго забвенія идеаловъ, попранія самаго элементарнаго чувства порядочности. Дикая брань, фарисейское лицемѣріе, завѣдомая, сознательная клевета возстали на защиту престола. Газетные писаки конкуррировали въ нелѣпостяхъ: одинъ предлагаетъ проэктъ ношенія вѣрноподданными крестовъ, которые расплавлялись бы на груди крамольниковъ; другой рекомендуетъ городскихъ жителей поголовно обратить въ шпіоновъ другъ за другомъ, за круговой порукой въ благонамѣренности, ссылаясь на народность такого порядка вещей; третій апеллируетъ къ рыцарямъ Сѣнной площади и Охотнаго ряда. Славянофилъ Самаринъ открываетъ причину народной нищеты и государственной безурядицы въ избыткѣ земли у мужика. Славянофилъ Аксаковъ византійское и татарское историческое наслѣдіе выдаетъ за основу русскаго духа, а своею практическою дѣятельностью, въ качествѣ директора банка и народнаго паразита, указываетъ, на биржевыя операціи съ

своими неизбѣжными спутниками — единственное благо, которое намъ стоитъ заимствовать у Запада. Кажется, никогда еще рабьи инстинкты и холопское нахальство не выползали на свѣтъ божій въ такой омерзительной наготѣ, съ такимъ свирѣпымъ бахвальствомъ невѣжества. За человѣка страшно. Зрѣлище повальнаго безумія гнететъ душу, приходится завидовать даже логикѣ сумасшедшаго дома. Поистинѣ, богъ захотѣлъ наказать людей и отнялъ у нихъ разумъ.

Но... не слѣдуетъ забывать, что дѣйствіе происходитъ въ Россіи: громъ, исходящій отъ нашего безсильнаго, изолгавшагося культурнаго обывателя, махающаго картоннымъ мечемъ, никому не страшенъ и ни къ чему громовержца не обязываетъ. Это кулакъ всѣхъ оттѣнковъ инстинктивно ополчается за свои животы; это — въ смыслѣ общественной дѣятельности — импотенты, жалкіе въ своихъ потугахъ, люди безъ вѣры, безъ идеаловъ, истасканные нравственно и физически, привыкшіе утробно жить и дѣйствовать, «ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви»; это надоѣдливые попрошайки, разсчитывающіе раболѣпіемъ добиться маленькихъ фикцій правоваго порядка, принявши на себя непосильное обязательство задушить дѣйствительную свободу; все это — смрадное испареніе гнилаго болота, потревоженнаго событіемъ 1-го марта. Зловоніе ошеломляетъ на минуту непривычнаго человѣка и застилаетъ предъ нимъ истинную картину происшедшихъ перемѣнъ, которыя мы и постараемся обозначить въ концѣ, остановившись предварительно на личности новаго царя и мѣрахъ правительства.

1865 годъ засталъ двадцатилѣтняго Александра Александровича врасплохъ, совсѣмъ неготовымъ къ трудному поприщу будущаго монарха. Для него тогда разомъ открылись двѣ вакансіи: наслѣдіе престола и невѣста умершаго наслѣдника, освободившаяся за смертію перваго жениха. Поневолѣ пришлось принять то и другое и, будучи уже въ лѣтахъ своего прототипа Простакова, кое-чему и кое-какъ поучиться, какъ учился и тотъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. 1877 годъ соблазняетъ наслѣдника перспективой подвиговъ и побѣдныхъ лавровъ, и онъ отправляется на театръ военныхъ дѣйствій, чтобы всю войну просидѣть съ ген. Ванновскимъ подъ Рущукомъ въ «тихомъ и безмолв-

номъ житіи», во имя свободы Славянъ. Въ цѣлой Россіи не было человѣка, возлагавшаго какія-либо надежды на будущаго государя. Какъ-то странно даже пріурочить такой фактъ къ нашему обществу, избравшему чаяніе своею исключительною спеціальностью. Нищій духомъ, обдѣленный природою, Александръ Александровичъ представляетъ рельефное подтвержденіе того, что въ великомъ тѣлѣ можетъ обитать малый духъ: съ умомъ Молчалина, съ душою Скалозуба онъ соединяетъ доблести Митрофанушки. Нельзя, конечно, къ подобнымъ лицамъ примѣнять критерій убѣжденій, смѣшно искать у нихъ какого нибудь образа мыслей, склада ума; но сколько можно характеризовать личность по случайнымъ, отдѣльнымъ чертамъ, связаннымъ воедино примитивными побужденіями, — наслѣдника представляли себѣ руссофиломъ, отчасти славянофиломъ, сторонникомъ реальнаго образованія въ нашемъ пресловутомъ «домашнемъ спорѣ», разсчетливымъ хозяиномъ, любителемъ домашняго очага, ненавистникомъ нѣмцевъ и интеллигенціи. Извѣстны были его отношенія къ Побѣдоносцеву и Аксакову, поощреніе кн. Мещерскаго и сочувствіе его литературному «добру».

1881 годъ открываетъ возмужалому недорослю путь къ трону и прибавляетъ къ имени Александра несчастную цифру III. Судьба какъ будто рѣшила поражать Александра III разными комическими и трагическими неожиданностями: случайный наслѣдникъ отчасти случайно становится императоромъ.

Вмѣстѣ съ новымъ царствованіемъ предъ нами развертывается любопытная страница комедіи всемірной исторіи. Геніальному сатирику остается положить перо: воочію совершающееся превосходитъ смѣлый полетъ фантазіи, только стенографируй — дѣйствительность навѣрное оставитъ за собою попытки искусства. Взглянемъ на мѣры полицейскія, внутреннюю и внѣшнюю политику правительства.

Составъ столичнаго муниципалитета, наканунѣ требовавшаго конституціи и отмѣны админ. ссылки, въ мартѣ формируется въ дворницкую и сыскную команду; измышляется Барановская конституція; предсѣдатель совѣта 25 Барановъ (сюда попали ректоръ университета Бекетовъ и журнальный антрепренеръ Краевскій) придумываетъ нелѣпыя мѣры, дѣлающія невозможнымъ существованіе мирныхъ

обывателей; только что объявленныя распоряженія отмѣняются; дѣйствія скандальнаго совѣта становятся не гласными, т. е. совѣтъ — фактически по крайней мѣрѣ — закрывается, доказавши полную непримѣнимость и абсурдность несомнѣнно самобытной конституціи сыска на русскій барановскій ладъ. Является предположеніе снабдить городовыхъ снарядомъ для задержанія злоумышленниковъ. Не хочется вѣрить въ возможность возстановленія опричнины безъ прикрасъ; едва-ли удастся правительству смѣлый замыселъ превращенія улицъ въ застѣнки, но въ данномъ случаѣ важно отмѣтить хотя бы намѣреніе. Безмолвіе выставляется для обывателей офиціальнымъ лозунгомъ. Попеченіе объ охранѣ неприкосновенности царской особы поглощаетъ собою все. Воронцовъ-Дашковъ въ непрестанныхъ хлопотахъ теряетъ голову и ломаетъ себѣ ногу. Сочиняются молитвы и эктиніи объ истребленіи крамолы супостатовъ; взамѣнъ ожидаемой конституціи выходитъ манифестъ о вящемъ утвержденіи самодержавія; сворѣ опричниковъ и сатраповъ поручается водвореніе вѣры и нравственности, искорененіе неправды и хищенія, — призывъ, равносильный для полиціи самоубійству, задача, предъ одной постановкой которой блѣднѣетъ разсказъ о гоголевской унтеръ-офицерской вдовѣ. — Гдѣ же иниціаторъ этихъ мѣръ? Кто стоитъ за спиною вѣнценоснаго Митрофана? Это — безотлучный спутникъ государя — в. князь Владиміръ. Нѣкогда сподвижникъ почему-то гонимаго Ник. Конст., извѣстный содержатель татарскаго трактира, превратившій потомъ свой дворецъ въ непотребный домъ, — теперь, ни мало не смущаясь, беретъ на себя роль графа д'Артуа, вдохновляетъ брата на безцѣльныя звѣрства и — разсудку вопреки — себя объявляетъ блюстителемъ нравственности, семьи и др. основъ.

Спокойно-ли живется царю на рукахъ у столькихъ нянекъ?

Нѣтъ, ни канавы, ни войска, ни молитвы, ни полиція не успокоиваютъ государя, не по себѣ ему чувствуется въ Петербургѣ, и вотъ онъ въ мартѣ-же — наперекоръ стихіямъ — спѣшитъ на дачу въ Гатчину, подъ сѣнь славныхъ воспоминаній *). Здѣсь дышется легче. Здѣсь такъ у

*) Не останавливаясь на подробныхъ аналогіяхъ, отмѣтимъ мимоходомъ, какъ любопытный примѣръ историческаго атавизма, большое сходство нашего го-ударя съ Павломъ I.

мѣста набрать себѣ сподручныхъ молодцовъ, полюбоваться отбросками прошлаго царствованія, въ родѣ Палена, Тимашева и пр.; здѣсь безмолвіе нарушается лишь пріемомъ депутацій лакеевъ и кучеровъ, приказчиковъ и лабазниковъ. Вдругъ умилительную гармонію обрываетъ божья гроза, такъ некстати разразившаяся и почти надъ самымъ дворцомъ. Приходится перекочевывать въ Петергофъ, рѣшившившись на смѣлое предпріятіе — поохотиться, разгуляться послѣ гатчинскаго затвора. Но божеское попущеніе и тутъ слѣдуетъ по пятамъ государя: начинаются лѣсные пожары. Ахъ, зачѣмъ это небо не является на свистокъ полиціи, на зовъ Синода, пребываетъ въ совершенномъ бездѣйствіи власти и даже явно обнаруживаетъ наклонность терроризировать и безъ того нехрабраго царя?!

Полицейскою ролью, однако, не исчерпывается еще сфера примѣненія молитвъ. Имъ придается значеніе положительныхъ мѣръ въ области внутренней политики: изголодавшемуся, обнищалому народу, ждущему передѣла земли, преподносится къ Пасхѣ безцѣнный подарокъ въ видѣ синодскаго указа, составленнаго изъ хитросплетенныхъ разглагольствованій отъ писанія, на тему о крамолѣ. Народъ отвѣчаетъ смутнымъ броженіемъ, вылившимся въ еврейскій погромъ. Начинается правительственная расправа. Сверхъ обычныхъ усмиреній войсками и строгихъ судебныхъ каръ царь не задумывается санкціонировать публичное сѣченіе мужиковъ на городскихъ улицахъ и площадяхъ — единственная осязательная царская милость. Одновременно съ этимъ во дворцѣ происходитъ пріемъ еврейской депутаціи, которой государь заявляетъ, что движеніе противъ евреевъ — дѣло соціалистовъ. Тотъ-же характеръ до конца выдерживается и во всѣхъ другихъ мѣрахъ — вѣрнѣе преступленіяхъ — правительства. Начало царствованія ознаменовывается казнью нашихъ дорогихъ товарищей *), въ томъ числѣ Перовской, первый у насъ случай исполненія смертнаго приговора надъ женщиной — этого мы не забудемъ. Далѣе слѣдуютъ драконовскіе приговоры по дѣлу Щедрина и др. въ Кіевѣ, Старынкевича въ Москвѣ **). Нечего и

---

*) Общая молва говоритъ о пыткахъ послѣ суда. Не рѣшаемся подтвердить слухъ, не имѣя для этого положительныхъ доказательствъ.

**) Дѣло Старынкевича съ невиданною наглою развязностью разоблачаетъ существо нашихъ скорыхъ судовъ. Процессъ ведется

говорить о ежедневныхъ преслѣдованіяхъ печати, стѣсненіи земствъ, отсрочкѣ открытія университетовъ въ Томскѣ и Тифлисѣ, техн. института въ Харьковѣ, репрессаліяхъ, обрушившихся на Петерб. и Москов. универ. и на Казанскій ветеринарный институтъ. Строгая послѣдовательность проведена здѣсь до конца.

Не идетъ въ разрѣзъ съ общимъ тономъ и дипломатія. Первымъ шагомъ въ этой области былъ вопросъ объ уничтоженіи права убѣжища, встрѣтившій только со стороны Германіи дѣятельную поддержку. Затѣмъ, несчастная Болгарія, ужѣ испытавшая прелести нѣкоторыхъ русскихъ порядковъ, обрекается въ жертву дипломатическому тупоумію новаго царя. Едва вступивши на престолъ, Александръ III благословляетъ нѣмцевъ Баттенберга и Эрнрота душить свободу Болгаръ, чтобы насильственно, съ помощью абсолютизма, водворить нѣмецкую культуру и эксплуатацію народа по европейскому образцу, во славу Бисмарка и къ удовольствію Австріи. Передъ такой нелѣпой политикой, сулящей безчисленныя бѣдствія впереди, позоръ Берлинскаго трактата является доблестнымъ подвигомъ.

Вотъ картина безнадежнаго царствованія. Вотъ дѣйствія правительства, находящагося въ состояніи невмѣняемости. Вотъ растерявшійся тиранъ, запятнавшій себя съ первыхъ же дней неизгладимыми преступленіями, убійствами, пособничествомъ въ варварскихъ насиліяхъ надъ беззащитной страной, — царь, опутанный со всѣхъ сторонъ курьезными противорѣчіями, очутившійся, быть можетъ, неожиданно для себя самого, въ союзѣ — за границей съ нѣмцами, у себя дома — съ грязнымъ кулачествомъ, стаей холоповъ и съ тою частью еврейскаго населенія, которая клеймится именемъ жидовства. Роковой приговоръ исторіи дамокловымъ мечемъ тяготѣетъ надъ правительствомъ Александра III, готовитъ его царствованію позорный финалъ. Недалекое будущее укажетъ способъ ликвидаціи, т. е., или насъ за-

---

безъ судебнаго слѣдствія, безъ преній, безъ защиты, безъ словъ подсудимаго, который, за передачу гимназисту прокламаціи, подводится подъ смертную казнь и изъ снисхожденія приговаривается къ 20 годамъ каторги. Прокуроръ Моравскій оспариваетъ лавры у Стрѣльникова. Приводимъ имена не въ мѣру услужливыхъ исполнителей правительственной травли: генералъ Берновъ, полковники: Бертеневъ, Моравскій, гимназическіе надзиратели: Бородинъ и Галли.

ставитъ считаться съ «славнымъ» царемъ, или же передастъ исполненіе безповоротнаго приговора надъ деспотизмомъ въ руки другой инстанціи.

Какъ постановка революціонныхъ задачъ, такъ и пріемы борьбы всегда чужды рутины и вѣрны вѣчно мѣняющимся условіямъ жизни. Анализъ переживаемаго момента приводитъ насъ къ убѣжденію, что для революціонной партіи настала пора болѣе широкой и плодотворной работы. Результаты 1 Марта далеко превзошли самыя смѣлыя наши ожиданія. Въ народѣ нарождаются и зрѣютъ новыя настроенія. Извѣстно, съ какимъ сочувствіемъ принято было объявленіе Исп. Ком. въ значительной части крестьянства, рабочей среды и кое-гдѣ въ войскѣ. Сообщенія полученныя нами изъ многихъ мѣстъ Россіи, говорятъ о пробужденіи народнаго сознанія. Эти свѣдѣнія, отчасти по неудобству огласки, отчасти по своей отрывочности, не могутъ еще составить цѣльной картины, но даютъ намъ право заключить, что близится время, когда народъ выйдетъ изъ состоянія глухого броженія, хроническихъ надеждъ и разрозненныхъ вспышекъ, для совмѣстной, сознательной борьбы съ ясно намѣченнымъ врагомъ. Побѣда 1 Марта повышаетъ активность народнаго характера, поднимаетъ духъ протеста. Народъ начинаетъ сознавать фикцію идеи царизма и замѣняетъ ее то смутнымъ пока представленіемъ о какой то другой силѣ, дѣйствующей въ его интересахъ, то прямымъ признаніемъ своей солидарности съ соціалистами. Антиеврейское движеніе, не нами вызванное и оформленное, тѣмъ не менѣе является и по сущности, и по времени отголоскомъ нашей дѣятельности. Этотъ погромъ, распространившись на цѣлый край, во многихъ мѣстахъ показалъ въ народѣ неожиданную выработку революціонныхъ пріемовъ въ борьбѣ. И конечно, ни уменьшеніе выкупныхъ платежей, ни гадательное сокращеніе государственныхъ расходовъ, ни даже кодификація чрезвычайныхъ временныхъ мѣръ, съ цѣлью сдѣлать ихъ постоянными, — не въ силахъ будутъ устранить или отсрочить неизбѣжную развязку. Наша обязанность — стать въ уровень съ предъявляемыми требованіями жизни.

Напрасно кастраты мысли указываютъ намъ на безпочвенность нашихъ требованій, на безплодность нашихъ усилій. Такъ ли это? Въ книгѣ ученаго профессора, вышедшей

въ настоящемъ году, встрѣчается справедливое признаніе, что Россія за послѣдніе 4 года пережила столько, сколько другой народъ не переживаетъ и въ полстолѣтіе. Смѣемъ думать, эти перемѣны на большую половину куплены кровью нашихъ мучениковъ: зарождающіяся общественныя требованія служатъ слабымъ эхомъ нашихъ требованій; вопросъ о безправіи и безысходной нищетѣ народа выдвинутъ на очередь и поставленъ ребромъ дѣятельностью соціалистовъ-революціонеровъ, и литература, давно уже утерявшая нравственную иниціативу и право на авторитетное руководительство, въ лучшемъ случаѣ, робко идетъ въ разработкѣ условій народной жизни за нами. Правда, тяжела наша борьба, при ужасающемъ неравенствѣ матеріальныхъ силъ, при нечеловѣческихъ условіяхъ ведется она. Но неужели безразсвѣтная тьма невѣжества, полное безправіе и пришибленность личности и общественныхъ группъ, вырожденіе задавленнаго и ограбленнаго народа, оффиціальный идеалъ скотоподобія, безпробудная апатія общества, безграничный произволъ и деспотизмъ власти, — неужели все это еще недостаточные стимулы для неотложной борьбы съ условіями, порождающими такой порядокъ вещей?! Правда, въ нѣкоторой части общества вспыхиваетъ ярая злоба противъ насъ. Но именно эта злоба доказываетъ, что удары направлены по назначенію, что врагъ чуетъ серьезную, неминучую опасность: на равнодушное, безразличное отношеніе позволительно разсчитывать развѣ при полной бездѣятельности. Препятствія удвоятъ нашу энергію. На смѣну выбывшихъ изъ строя борцовъ, которые всѣ самоотверженно пали при исполненіи святого долга служенія свободѣ и счастію родины, приходятъ новыя силы, готовыя съ тоюже страстью продолжать революціонную работу во имя великой идеи, служащей намъ путеводной звѣздой, неистребимой идеи воплощенія правды и справедливости въ общественныхъ отношеніяхъ. Предъ нами болѣе трудная, но за то и болѣе благодарная задача. Организація революціонной борьбы расширяется и крѣпнетъ, готовясь нанести рѣшительный ударъ врагу.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

1881 г. 17 мая. — Прошли годы, какъ я въ послѣдній разъ жилъ въ деревнѣ. То была пора иллюзій. Пылкое воображеніе рисовало намъ канунъ великихъ событій... Много воды утекло съ тѣхъ поръ, много пережила интеллигенція за послѣднее десятилѣтіе. Лучшіе ея представители самоотверженно шли въ Сибирь, на казнь, шли за народную волю, за народное счастье... Они шли... а народъ все также безмолвно стоялъ внѣ арены борьбы, и звучный голосъ борцовъ, казалось, замиралъ въ пучинѣ народной жизни. Но такъ ли это? Ужели геройская борьба русскихъ революціонеровъ съ угнетателями народа не касается жизни многомилліонной массы? Ужели она не оставляетъ никакихъ слѣдовъ въ народномъ сознаніи? Эти вопросы тѣмъ болѣе меня всегда интересовали, что я убѣжденъ въ томъ, что знаніе народа съ его общественнымъ міросозерцаніемъ, съ его идеалами, чувствами, отзывчивостью должно лечь въ основаніе революціонной теоріи, претендующей на значеніе истинной теоріи.

Понятно, какъ былъ я радъ случаю хотя недолго пожить въ селѣ, да еще въ такое интересное время, когда свѣжо еще было впечатлѣніе, произведенное событіемъ 1-го Марта, а администрація вездѣ на югѣ была озабочена слухами о готовящемся избіеніи евреевъ. — Живя въ городѣ, трудно себѣ составить правильное пониманіе антиеврейскаго движенія въ народѣ, вникнуть въ его смыслъ и дать ему правильную оцѣнку, какъ историческому общественному факту. А между тѣмъ это движеніе несомнѣнно — самый крупный за послѣднее время фактъ въ народной жизни, и наблюденіе его можетъ на многое пролить свѣтъ и приблизить насъ къ рѣшенію многихъ вопросовъ, касающихся роли народа въ революціонномъ движеніи. Въ городѣ передъ вами разыгрывается послѣднее дѣйствіе многоактной драмы. Разбитыя стекла, разоренныя лавки и, какъ финалъ пьесы, — казацкія плетки и тюрьма. Отъ нашего наблюденія ускользаетъ психическій процессъ переживаемый народомъ въ періодѣ роста возбужденія, которое въ концѣ концовъ разражается цѣлымъ рядомъ фактовъ разрушенія. Связь внѣшнихъ фактовъ съ психическимъ состояніемъ народа, съ его идеями и чувствами устанавливается

a priori, при помощи грубой аналогіи. Разбитыя стекла, разоренныя лавки отвѣчаютъ въ вашемъ сознаніи грубости, вандализму. Отсюда безконечные разсказы о воровствѣ, грабежѣ, пьянствѣ и толки о пресловутой босой командѣ. Среди интеллигенціи складывается враждебное чувство къ народному самоуправству, и трудно бываетъ отдѣлаться отъ него, чтобы, игнорируя декоративною стороною дѣла, вникнуть въ его суть. Не то въ деревнѣ. Простота жизненныхъ отношеній, большая однородность населенія даютъ вамъ возможность, такъ сказать, присутствовать при зарожденіи идей и чувствъ, видѣть ихъ развитіе, ихъ ростъ, и вслѣдствіе этого внѣшнее проявленіе идей и чувствъ дѣлаются для васъ фактомъ вполнѣ понятнымъ и даже до нѣкоторой степени лично вами пережитымъ. — Пріѣхавъ на пасхальной недѣлѣ въ село, находящееся въ Ч уѣздѣ, К. губерніи съ населеніемъ въ 5000 душъ малороссовъ и около 400 душъ евреевъ, я, благодаря моему патрону, сразу сталъ въ положеніе непосредственнаго наблюдателя мѣстной жизни. Въ село только что донеслась вѣсть объ Елисаветградскомъ побоищѣ. Неопредѣленность разсказовъ, отдаленность самаго мѣста событія вызвали въ народѣ глухіе толки.

„Такъ імъ і треба“ — это самое крайнее и опредѣленное выраженіе, которымъ формулировались отношенія мѣстнаго населенія къ Елисаветградскому погрому. Можно было еще наблюдать произведенное событіемъ 1-го Марта впечатлѣніе въ его чистомъ видѣ. Или толки о самомъ фактѣ, изъ устъ въ уста передавалась масса варіацій. По однимъ разсказамъ, убійцы — паны, по другимъ — ляхи. Приведу одинъ изъ слышанныхъ мною и показавшійся мнѣ наиболѣе отвѣчающимъ народному міровоззрѣнію: „стріляли въ его разъ, заборонивъ его богъ; стріляли въ друге, зновъ заборонивъ; теже було въ третій разъ; а далі покликавъ Богъ Николая чудотворця и другіхъ угодниківъ, да й каже імъ: и що мині зъ царемъ робити, що не хоче вінъ самъ себе боронити; запевне вінъ людямъ шкоду робе, що вони въ его стріляютъ. Якъ теперь вінъ не спокаиця, то я его на цій разъ не затулю, хай вбьютъ. — Оттожъ его и вбили“. Это объясненіе факта было пущено въ народъ однимъ старымъ діакономъ. Трудно было опредѣлить среднее народное пониманіе факта по обращающимся объясненіямъ. Въ его же настроеніи можно было отмѣтить двѣ характер-

ныя черты, именно: никакого сочувствія къ личности государя, никакого къ нему сожалѣнія и смутное ожиданіе какихъ то перемѣнъ въ своей жизни. Бывшіе крѣпостные обсуждали значеніе присяги такъ: „якъ би ми лиха не наробили, що присягнули. Чи не хоче вінъ (царь), щобъ ми на его робили, якъ колись то на панівъ? А може й те, що у панівъ землю одберуть“ — говорили другіе. Толки о землѣ стали усиливаться съ распространеніемъ слуховъ о „листахъ“ (прокламаціяхъ, которыя обошли всѣ сосѣднія съ селомъ деревни и заводы). Говорили о министрахъ: „якъ би були министры изъ выборнихъ, изъ тутешніхъ людей, воно було бъ лучше, бо царь іхъ не боявся бъ“. „Та вже щось буде; дожнвемъ та побачимъ, якъ воно буде!“ — Этими выраженіями заканчивалась обыкновенная бесѣда. Народъ интересовался общественными вопросами, политикою, прислушивался къ чтенію газетъ и разсказамъ пріѣзжихъ изъ города людей. Чувствовалось, что въ народѣ совершается броженіе, что повысился уровень его общественности, что его умъ и чувство словно вышли изъ обыденной колеи спокойнаго отношенія къ своей судьбѣ и къ окружающей жизни.

Прислушиваясь къ говору, присматриваясь къ броженію, совершающемуся въ народѣ, я приходилъ къ убѣжденію, что въ народномъ сознаніи отсутствуетъ представленіе о способахъ добыванія себѣ льготъ, о формѣ, въ которую должно вылиться его активное отношеніе къ окружающему злу. Онъ находился въ ожиданіи чего то, дѣйствія какой то силы, внѣ его существующей. Словомъ, народъ чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, готовящагося наблюдать событія, чѣмъ дѣйствовать. Впослѣдствіи я имѣлъ возможность выяснить себѣ идею этой внѣшней силы, покуда же мнѣ было ясно одно, что что то и кто то долженъ оформить народное настроеніе и вызвать народъ изъ состоянія глухаго броженія къ движенію. Разразился кіевскій погромъ. „Такъ отъ оно що! женуть жидівъ!“ Кіевскія событія опредѣлили направленіе, характеръ, который должна была принять народная дѣятельность. Они дали форму, въ которую должны были вылиться элементы броженія, складывавшіеся въ народѣ безсистемно, подъ вліяніемъ многообразныхъ жизненныхъ явленій. Стало ясно, что для осуществленія льготной жизни потребуется помощь, участіе са-

мого народа; что его силы должны быть прежде всего направлены на изгнаніе евреевъ. День за днемъ шли все усиливающіеся толки о кіевскихъ и другихъ погромахъ. Обсужденіе фактовъ стало складываться въ цѣлую систему. Вырабатывалась необходимая аргументація, осмысливалась цѣль движенія, средства, какими оно располагало, а также выяснялась его связь со всею совокупностью жизненныхъ явленій. „И що воно, що усякій народъ мае свою основу. Полякі, німци, грекі маютъ свою землю и столицю. Тільки жиди скрізь мішаются; за ними ні купишь, ні продашь нічого. Цілый день робишь, а буває що и хліба немае; вінъ же тільке ходи, а гроши у его есть. А все начальство, якъ би не воно, хіба бъ вони такъ расплодились; скрізь іхъ понатыкано. Та и богатіютъ вони черезъ віщо, якъ не черезъ начальство: цему, иншому ткне и гроши въ кишеню сипляться. И хіба-жъ такі іхъ не проженуть? Нехай йдуть у степа! Чи мало степовъ? Хай йдуть у Египетъ, вітківя вони родомъ“. А вѣдь евреи, говорю я, боятся ярмарки, что на дняхъ должна быть. — „Э! тутешні сами нічого не роблять, нічого імъ тутешніхъ бояться“. — А кого же? — Есть такі. А уже чули про Кіевъ. Наіхало туды зъ самаго Петербурга дві тысячи чоловікъ, міжъ ними тамъ усякі; е кажуть и студенти. Получили вони одъ самого царя позволеніе прогнать жидівъ изъ нашего краю. У Кіеві іхъ було забрали у острогъ, та справились по білетамъ и выпустили. Вони кажуть: за віщо насъ брать, хіба ми душегубы, мыжъ робимо по закону. Кажуть, що вони теперь убрались у Білую-Церковь, отъ іхъ то и сюды сподіваються“. А что если войско придетъ? — спрашиваю я. — „Такъ що! Хіба у Кіеві мало москалівъ, знесчисленная іхъ тамъ сила, якъ би захотіли, то Днінро народомъ загатилибъ. Айже-жъ кажуть, що и війско тутечкі стоить, де руйнуютъ жидівское добро, дивиться, щобъ не дуже душегубствовали“. — А русскихъ богачей не тронутъ? — „Ні, теперь не зачинають. Отъ якъ зъ жидами справляться, то казали, що усімъ достанется“. Толки все усиливались, я внимательно къ нимъ прислушивался и пришелъ къ положительному убѣжденію, что анти-еврейское движеніе въ деревняхъ носитъ на себѣ слѣды сознательнаго отношенія къ жизни, отпечатокъ идейности; что городской фактъ „избіеніе евреевъ“ деревня въ своемъ сознаніи переработала въ идею вполнѣ

отвѣчающую умственному складу деревенскаго человѣка. Самые выдающіеся изъ сельчанъ понимали, что движеніе только началось изгнаніемъ евреевъ, что оно и хорошо, что такъ началось, потому что тутъ не за что отвѣчать, „тамъ що далі буде — побачимо“.

На моихъ глазахъ росло народное возбужденіе. Оно складывалось изъ разныхъ элементовъ, взаимодѣйствіе которыхъ развивало его въ смыслѣ расширенія его общественнаго смысла. Доносившіеся слухи объ избіеніи евреевъ возбуждали какъ еврейское, такъ и русское населеніе. Первое подъ вліяніемъ страха держало себя по отношенію къ русскимъ крестьянамъ въ высшей степени нетактично. Евреи прислушивались къ толкамъ, шептались съ мѣстнымъ начальствомъ, шпіонили, выискивали и ловили заговорщиковъ. Всякій проѣзжій изъ русскихъ подвергался со стороны евреевъ допросамъ и разнымъ непріятностямъ. Такое отношеніе евреевъ къ русскимъ не могло, конечно, не вліять на ускореніе роста народнаго возбужденія. Желая вызвать со стороны русскихъ властей рѣшительныя мѣры къ огражденію ихъ безопасности, евреи усиленно толковали о продѣлкахъ соціалистовъ, приписывая имъ въ этомъ дѣлѣ роль подстрекателей; говорили о томъ, что движеніе не ограничится избіеніемъ евреевъ, что поговариваютъ и о богачахъ изъ русскихъ; съ своею судьбою они связывали судьбу русскихъ кулаковъ и помѣщиковъ. Ихъ старанія достигли извѣстныхъ результатовъ. Русскіе богачи начали жаться къ евреямъ; они чувствовали себя болѣе солидарными съ ними, чѣмъ съ народомъ. Шопотъ съ начальствомъ, кумовство съ евреями, усиленные хлопоты о вызовѣ войскъ и о принятіи нѣкоторыхъ стѣснительныхъ полицейскихъ мѣръ, устрашеніе народа такими рѣчами: „мы съ васъ шкуру сдеремъ, Сибирь вами населимъ“, — можно себѣ представить, какое вліяніе должно было оказывать такое поведеніе на душевное настроеніе народа. Въ немъ давно уже залегла идея солидарности всѣхъ богачей, къ какой бы національности они ни принадлежали, и только чувство обособляло въ его глазахъ евреевъ въ особый классъ эксплуататоровъ. На ряду съ возбужденіемъ народа противъ евреевъ, тамъ и сямъ начались попытки ликвидировать земельную собственность землевладѣльцевъ и арендаторовъ. Гурьбою приходили къ нимъ крестьяне и заявляли:

„що теперь уже наставъ часъ, — земля буде наша; пшеница, що ви засіяли, ото наша пшениця, а буряки берить соби. Адже ми давно вже казали вамъ, що земля буде наша“. Такимъ образомъ евреи усиливали возбужденіе народа и направляли его мысли въ область экономическаго переворота. Въ данномъ случаѣ они представляли собою факторъ, въ значительной степени обусловливающій быстроту роста и направленіе народнаго волненія. Въ народномъ сознаніи, развивавшемся подъ вліяніемъ возбужденія, стала вырисовываться идея о существованіи какого то общества, цѣлой группы людей, живущихъ въ Питерѣ. Эта группа по собственной инициативѣ и только съ позволенія царя предприняла экономическое освобожденіе народа, сначала въ сферѣ отношеній къ народу евреевъ. Въ народѣ живетъ еще царь, какъ его доброжелатель, но народъ совсѣмъ извѣрился въ его силу, въ его инициативу. На ряду съ царемъ — доброжелателемъ, связаннымъ волею министровъ баръ, въ Питерѣ существуетъ цѣлое общество доброжелателей народныхъ, общество активное, имѣющее силу приводить свои планы въ дѣйствіе. Это большой шагъ впередъ въ области развитія общественнаго міросозерцанія народа, въ области развитія народныхъ фикцій. Путемъ долгой, вѣковой борьбы съ желѣзною властью правителей народъ теряетъ вѣру въ свои собственныя силы. Но идея правды живетъ еще въ немъ, долженъ жить и ея заступникъ, ея радѣтель. Такимъ радѣтелемъ правды до послѣдняго времени былъ царь Послѣднее десятилѣтіе и въ особенности послѣдніе два года дѣятельности революціонной партіи сдѣлали свое дѣло. Революціонная дѣятельность постепенно разрушала старыя фикціи и создавала идеи, болѣе соотвѣтствующія дѣйствительной жизни. Въ народѣ сложилась увѣренность въ существованіи людей, простыхъ смертныхъ, заботящихся о народномъ счастьи. Это великая заслуга, которою можетъ гордиться русскій революціонеръ. Этой сложившейся въ народѣ идеѣ принадлежитъ въ будущемъ великая роль, и степень ея распространенія въ народѣ, быть можетъ, опредѣлитъ исходъ революціонной борьбы. Я могу сослаться на массу свидѣтелей, которые могутъ удостовѣрить, что въ мѣстности, гдѣ я проживалъ, рѣшительно всѣ крестьяне приписывали инициативу и руковожденіе въ дѣлѣ изгнанія евреевъ не мѣстнымъ элементамъ, а на-

ѣзжимъ людямъ изъ Питера, въ числѣ которыхъ, по ихъ словамъ, были студенты. На увѣщаніе священника сельскій сходъ отвѣчалъ: „да и ми и сами не хочимо, та богъ его знае и що воно таке робиться, коли жъ іздять «вони», та женуть жидівъ". — Подобное представленіе о питерскомъ обществѣ, какъ мнѣ передавали, встрѣчалось во всей Кіевской губерніи. Это всеобщее убѣжденіе крестьянъ съ одной стороны поддерживалось разсказами евреевъ о соціалистахъ, съ другой стороны само вліяло на мнѣніе администраціи о причинахъ безпорядковъ. Администрація безсознательно поддалась говору народному и объявляла, что безпорядки произведены наѣзжими людьми. На Курскомъ вокзалѣ задержали сотни рабочихъ, подряженныхъ на работы. Во всѣхъ селахъ становые и урядники ждали прихода какихъ то невѣдомыхъ людей и на въѣздныхъ дорогахъ ставили пикеты. Мужики выглядывали съ своей стороны желанныхъ гостей, а въ селахъ, расположенныхъ недалеко отъ вокзала, ежедневно выходили на машину: „казали, щобъ сегодня сподіваться, а немае". Идея о питерскихъ разъѣзжающихъ по городамъ и селамъ людяхъ занимаетъ всѣ умы. Каждый толкуетъ объ этихъ „не тутешніхъ людяхъ". „Кажуть, що воні въ куценькіхъ, біпихъ світочкахъ, зъ короткими рукавами, въ біпинькихъ шапочкахъ".

Вернувшіеся изъ города люди, въ томъ числѣ и одинъ священникъ, разсказываютъ, что они видѣли въ лѣсахъ, расположенныхъ по дорогѣ, кучки людей въ красныхъ рубахахъ, но это „довжно буть не ті, бо ті іздять по машині". Толки въ народѣ все усиливаются, возбужденіе все растетъ. Евреи перестаютъ шпіонить, такъ какъ рѣшительно всѣ говорятъ о предстоящемъ ихъ изгнаніи. Но жизнь въ селѣ еще не вышла изъ обыденныхъ формъ. Торговля, работы, взаимныя отношенія сельчанъ — все это идетъ своимъ, разъ установленнымъ, порядкомъ. Вдругъ, въ одинъ прекрасный вечеръ разносится вѣсть о погромѣ села, отстоящаго отъ Д. въ 25 верст. Евреи въ паникѣ. Домашнія вещи, драгоцѣнности, товары — все это упаковывается и отправляется на вокзалъ, находящійся въ трехъ верстахъ отъ села. Цѣлую ночь кипитъ работа и продолжается весь слѣдующій день. И все это дѣлается на глазахъ русскаго населенія. Мнѣ казалось, что подобное поведеніе должно было укрѣплять въ народѣ вѣру въ законность изгнанія

евреевъ и возбуждать желаніе въ конецъ упразднить то, что само себя упраздняло. По крайней мѣрѣ, я могу сказать о себѣ, что картина паники сильно волновала меня, раздражала мои нервы. Лично у меня, конечно, не было охоты идти на евреевъ войною, но я переживалъ мысли и чувства народа и мнѣ казалось, что вотъ-вотъ, еще часъ и разразится погромъ; я считалъ минуты... Впервые явилась у меня тогда мысль: какъ медленно растетъ народное возбужденіе. Казалось, все было готово: и ярмарочный день, и принесенная вѣсть о ближайшемъ событіи и, наконецъ, видъ паники, раздражающій нервы, а народъ все чего-то еще ждалъ. — Чего это убираются? спрашиваю я одну группу мужиковъ. „Та сподіваються, що сегодня наідуть", — съ спокойной увѣренностью отвѣчаютъ они мнѣ. Съ самаго утра около волости масса народу; становой уговариваетъ народъ не слушаться злоумышленниковъ. — О чемъ становой говорилъ вамъ? — „Казавъ, що якъ будуть руйновать жидівское добро, то щобъ не душегубствовали; вінъ и жидамъ давъ приказъ, щобъ вони нікого не зачинали". Къ вечеру распространились ложные слухи, что разореніе въ ближайшемъ селѣ сопровождалось рѣзнею евреевъ. Послѣднихъ обуяла паника ужасная. Женщины съ дѣтьми кинулись на вокзалъ. Понуканье лошадей, скрипъ телѣгъ, шумъ, гвалтъ! Къ 11-ти часамъ все утихло. Я не спалъ уже другую ночь, съ часу на часъ ожидалъ начала дѣйствія. Я ждалъ... а ночь шла тихо и спокойно. Село будто дремало; пронесется какой то шопотъ, послышится отдаленный крикъ, словно стонъ, вырвавшійся изъ окутанной темнотою ночи деревни, и замреть въ воздухѣ. Воображеніе рисовало мнѣ богатыря, закованнаго въ цѣпи...

Настало утро; 80 пѣхотинцевъ и 50 драгунъ вошли въ село. Одни говорили: „що скрізь такъ, по переду йде військо, для порядку, а за ними вже и ті". Большинство понимало, что солдаты могутъ заступиться за евреевъ. Бодрость евреевъ (изъ которыхъ очень многіе вернулись по домамъ) и угощеніе, которое они ставили солдатамъ, говорило за основательность опасенія большинства. „Хиба жъ москалі тутъ вікуватымуть? уберуться, а жиді остануться, не знатемуть вони и часа, якъ на нихъ найде". Сами солдаты объясняли населенію, что они пришли защищать христіанъ, а что жидовъ бить можно. Тѣмъ не менѣе возбуж-

деніе сразу упало. Хотя въ народѣ и слышались ироническіе отзывы о солдатахъ и ихъ начальникахъ, все же въ настроеніе всего села сказывалась какая-то подавленность. Покуда войско отъ народа далеко, онъ идеализируетъ его. Становясь съ нимъ лицомъ къ лицу, онъ чувствуетъ въ немъ силу, готовую направиться противъ него. Вотъ почему и въ данномъ случаѣ видъ штыковъ, стройныхъ рядовъ выдрессированныхъ солдатъ произвелъ удручающій эффектъ. На другой день евреи были опечалены: солдаты ушли демонстрировать въ сосѣднія деревни. Населеніе оставалось спокойнымъ. Чувствовалось, что гроза отсрочена. Ждать мнѣ не приходилось, и я съ большимъ сожалѣніемъ покинулъ село.

ХРОИКА АРЕСТОВЪ

Аресты зимы 80—81 года, начавшіеся въ ноябрѣ мѣс., усиливались съ приближеніемъ срока, когда правительству долженъ былъ быть нанесенъ рѣшительный ударъ: въ роковомъ ходѣ своемъ событія торопили другъ друга. Непосредствеонно послѣ 1-го марта началось яростное нападеніе со стороны правительства; ошеломленное, разъяренное, оно кинулось искать врага по улицамъ и домамъ Петербурга. Кто пережилъ въ Петербургѣ дни, наступившіе за 1-мъ марта, не забудетъ зрѣлища безчисленныхъ правительственныхъ агентовъ, шпіоновъ и полицейскихъ, рыщущихъ по городу, высматривающихъ, выслушивающихъ и хватающихъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ то время брали людей, потому что они шли, потому что стояли, потому что взглянули, потому что не посмотрѣли и проч. При такой системѣ арестовъ, можно было, конечно при большомъ числѣ невинныхъ, захватить и множество опасныхъ лицъ. Партія, нанесшая правительству рѣшительное пораженіе, была неприготовлена отразить бѣшенное нападеніе. Причинъ этой неприготовленности много, но мы не можемъ ихъ здѣсь касаться. Изъ печатаемаго ниже, весьма неполнаго, списка арестованныхъ, читатели увидятъ, сколько неповинныхъ жертвъ подпало правительственному мщенію,

и какія потери понесла партія. Аресты велись и въ провинціи съ довольно значительнымъ счастіемъ для правительства. Но какъ-бы ни былъ великъ уронъ партіи, она быстро заживляетъ свои раны; и теперь уже, въ моментъ, когда пишутся эти строки, погибшіе замѣнены новыми людьми, одушевленными примѣромъ товарищей-героевъ. Партія воспользуется опытомъ тяжелыхъ несчастій и результатами блестящихъ побѣдъ пережитаго времени.

Въ Петербургѣ арестованы:

28-го ноября А. Д. Михайловъ (нелегальный), 8-го января обыскана мастерская Луцкаго, арестованы: Луцкій (выпущенъ), студентъ и рабочій (нелег.), 11-го янв. Г. М. Фриденсонъ (нелег.), А. Баранниковъ (нелег.); на его квартирѣ: — Клѣточниковъ, агентъ III-го отдѣленія и Н. Колоткевичъ (нелег.); 13-го января Левъ Златопольскій. Въ февралѣ извозчикъ (нелег.); на его квартирѣ раб. Василій Меркуловъ (нелег.) 27-го февр. М. Н. Тригони и А. И. Желябовъ (нелег.); 1-го марта Н. Рысаковъ (нелег.); 2-го марта въ булочной Исакова — Орловъ (нелег.); 3-го марта — Геся Гельфманъ (нелег.), Тимофей Михайловъ (нелег.). Послѣ 1-го марта арестованы: на Пороховыхъ заводахъ оберъ фейерверкера Ивановъ и Филипповъ, Осиповичъ и 5 чел., занимающихъ разныя мѣста на заводѣ; женщины Семенова и Обрашкевичъ (выпущены); бухгалтеръ фабрики Мура — Ф. Люстигъ; сынъ бывшаго смотрителя тюрьмы Петропавловской крѣпости Н. Богородскій, семейство Решко; въ ихъ квартирѣ студентъ Ивановъ. 8-го марта — Софія Перовская (нелег.). 15-го марта А. И. Иванчинъ-Писаревъ (нелег.). 16-го марта Н. И. Кибальчичъ (нелег.). 17-го марта М. Фроленко (нелег.), воспитанникъ школы правовѣдѣнія Тырковъ. Поляки: Богушевичъ и Лясковскій. Фельдшеръ Покровской общ. Поповичъ. Студенты Мед.-Хир. Академіи: Тычининъ, Орловъ (вып.), Недзельскій, Лозинскій, Доброхотовъ, Дубровинъ, Ильвинъ, Глазко, Еленковскій, Матвѣевъ, Бѣляевъ. Студенты университета: Переляевъ, Россиковъ, Перовъ, Панинъ, Машковцевъ, Шаминъ, Устимовичъ, Левченко, Черемшанскій, Удинцевъ, Поповъ, Каменоградскій, Горбачевъ, Авепторжецкій (выпущ.), Волькенштейнъ, Колитовскій, Расторгуевъ, Тепишевъ, Норкевичъ, Урсиновъ (вып.), Вороновскій, Якимовъ (вып.), Поповичъ, Знаменскій, Урсиновичъ, Маркозовъ, Эйхорнъ,

Троицкій, Ферморъ, Волышнскій, Черпявскій, Верпго, Вишневскій, Рождественскій. Студентки Ник. Медиц. курсовъ: Штенко, Чернявская, Левандо, Франкъ. Студ. Бестуж. курсовъ: Пылсева, Грязнова (выпущ.), Симчевская, Лебедева, Бердичевская, Юркевичъ, Лазарева, Малахова (въ день казни). Студенты: Тринкель и Гаусманъ. 4 воспитанника школы военныхъ топографовъ, Беззпаловъ, Аарончукъ (нел.), А. Личкусъ, фельдшерица Калинк. больницы Л. Чемоданова (нелег.). Слуш. Над. курсовъ Лебедева. Слуш. фельдш. курсовъ Покр. общ.: Федорчукова и Е. Оловянникова. Двѣ сестры фельдшерицы Дирмонтъ. Студ. Технологи: Майковскій и Гатовскій. 1-го апрѣля взяты на улицѣ: Г. Исаевъ (нел.) и студ. Гомалицкій и Подбѣльскій (нелег.). Ст. Ник. курсовъ Смирнова (арестованы всѣ Смирновы — мужчины и женщины, живущіе въ Петерб.). Анат. Булановъ (бывшій оф. морской службы). Художникъ Сегаль (вып.). Студ. Путей Сообщ. Камоцкій и Дегаевъ (вып.). Докторъ Собольщиковъ (вып.). Вал. Глазуновъ (служ. въ портѣ) за то, что не ночевалъ дома. Помѣщикъ Орлов. губ. Фплатовъ. Рабочіе: П. Скворцовъ, Ив. Михайловъ, Гавриловъ, Мацъ, Боккъ, Долбинскій, Конкаловичъ, Савельевъ, Зундштеромъ, Рыбаковъ, Коряевъ, Юрьевъ, Корсакъ, Фридензонъ, Германъ, Петерсонъ, Паули. Н. Ивановскій, И. Гурьевъ. Акушерка Баранова. Двое Покровскихъ, служащихъ въ Синодѣ и семья Покровскихъ въ Гусевомъ пер. (въ томъ числѣ 70-лѣт. старуха). Въ апрѣлѣ — Коновкинъ (нелег.). 28 апр. — лейтенантъ Н. Е. Сухановъ, двѣ сестры его и племянникъ 6-ти лѣтъ. 2 мая — Людмила Терентьева (нел.), взята на улицѣ, слѣдствіемъ чего было открытіе типографіи «Нар. Воли», хозяева которой успѣли скрыться. Въ концѣ мая — чиновникъ Мин. Путей Сообщ. Н. П. Калашниковъ. Въ іюнѣ — Роза Личкусъ, взята на улицѣ. Въ настоящее время продолжаются аресты среди рабочихъ.

Не станемъ перечислять обыски, предпринятые послѣ 1-го марта; они производились безъ числа и разбора; въ Петербургѣ нѣтъ почти дома, не испытавшаго обыска. Нѣкоторые дома оцѣплялись войсками и полицейскими и обыскивались сверху донизу, между прочимъ, дома на Фурштатской, на Малой Итальянской, въ Гусевомъ пер., всѣ дома по набережной Невы, по пути слѣдованія погребальной процессіи и проч. 15 апрѣля обыскивались всѣ боль-

ницы Петербурга; тревожили тяжело больныхъ, искали нелегальнаго челов. съ крестьянскимъ паспортомъ, котораго не нашли.

Въ Москвѣ арестованы:

Студентъ Старынкевичъ; 8-го апрѣля, при расклейкѣ прокламацій, студ. Дьяконовъ и Коганъ-Бернштейнъ (нел.). П. Викторовъ, возвращенный изъ ссылки, нынѣ сосланъ въ Самару. Студ. Кащенко и Гофманъ высланы на родину. 45 студ. Москов. Универ. приказано выѣхать изъ города. Студ. Серебрянскій. Редакторъ газеты «Русскій Курьеръ» — Нефедовъ и учитель Орловъ (выпущены).

Обыскивались всѣ подвальные этажи домовъ Мясницкой и на площади храма Спасителя, въ ожиданіи прибытія «монарха».

Въ Кіевѣ арестованы:

Два брата, студ. и гимназистъ Бычковы. Студ. Чайковскій. Взята типографія фракціи «террористовъ народниковъ» и при ней трое мужчинъ. Въ 1-хъ числахъ апрѣля — Фанни Морейнисъ, на ея квартирѣ Вильгельмъ Лангенсъ, изъ процесса 193-хъ и Анна Васильевна Якимова, (нелегальные).

Въ Харьковѣ арестованы:

Рабочій Петръ Лабанчукъ въ ноябрѣ; восп. реальн. уч. Сигизмундъ Обедѳнинскій; студ. ветер. инстит. Давидъ Цимблеръ, студентъ университета Николай Лебедевъ и дворянинъ Сиповичъ.

Въ Одессѣ послѣ 1 го марта арестованы 40 человѣкъ.

Въ Курскѣ — дворянинъ Лавреніусъ.

Въ Полтавѣ — студ. Хар. Вет. Инстит. Петръ Силичъ Сибирцевъ.

Въ Миргородѣ — сынъ священ. Влад. Васильевичъ Демоновскій.

Въ Костромѣ — Бѣловскій.

Въ Варшавѣ — два брата Галицкіе.

Въ Ковно — Любимскій и двое нелегальныхъ.

Въ Витебскѣ — рабочій Шамарчинъ.

Въ Бѣлостокѣ — телег. Казнакъ и гим. Курановичъ.

При переѣздѣ чрезъ границу арестованы: Николай Ал. Морозовъ и Алекс. Остафьевъ (нелег.) и въ апрѣлѣ еще одинъ нелегальный на границѣ.

ОТЧЕТЪ

о суммахъ, поступившихъ на народное освобожденіе
съ 1-го марта по 15-е іюля 1881 г.

Отъ: Кудрявой — 20 р., Волека — 60 р., 30 р., С.—15 р· Л. Л. — 116 р., 3-го апрѣля Филиппа 2000 р., К. И.—И. К. —150 р., Касса п. „Н. В.“ — 129 р., 50 р., Спасибо—82, 20, Ъ. — 22 р., Молніи — 29 р., Г. — 8 р., Т. — 11 р. 68 к., 15 р. 8 к., Барыни — 3 р., черезъ ЦУК.: — 46 р. 8 р., 14 р. (въ томъ числѣ отъ ВХР. — 10 р.), (въ томъ числѣ отъ ДМ.) — 25 р., (въ томъ числѣ отъ Егопастало) — 4 р., У. — 193 р., Безшабашный С. — 1 р., Суммы — 5 р., изъ П. — 24 р., отъ: Свободнюхъ — 50 р., Щ. — 2 р., КЦ.: — 10 р. и 10 р, Жаворонка — 100 р., Б—па 25 р-, Кулака изъ В. съ 1 янв. — 281 р., Оф.— — 23 р., Новорожденнаго — 60 р., Покойницы — 150 р., Неизвѣстный — 950 р., УРУ — 500 р., Власа — 15 р., Грузина — 1 р., Миколы — 1 р., Не русскаго — 1 р., Сочувствующаго—1 р., №№ — 2 р., Троихъ — 2 р., Ипдерди — 1 р., Армянина 1 р., Дитя — 1 р., К. — 1 р., Хо — 1 р., Хохла — 3 р., У.— 1 р., Остатокъ — 5 р. 10 к., Я — 2 р., Изъ К.—275 р., отъ: Козлова пять — 5 р., Ученика — 50 коп., Улана — 1 р. 50 к., Сергѣя — 4 р.. Пенз. — 1 р., Наслѣдника — 1 р. 50 к., Правдолюба — 2 р., 5 №№ 2 р. 50 к., Санта — 1 р. 50 к., Сочувствующаго изъ Ярославля — 22 р., у(2) — 1 р. 25 к., черезъ О. — 4 р. 10 к., отъ Новичка — 1 р., Послѣдніе 49 р. 85 к. получены по листку № 26. отъ Т. и К. — 20 р., бисъ — 10 р., Кузнеца 3 р., Докторъ — 50 р., Оф. 10 р., По листку № 21 рабочей группы: отъ Гражданина—1 р., отъ Д—о — 25 руб.

Типографія «Народной Воли» 2 августа 1881 г.

НАРОДНАЯ ВОЛЯ

СОЦІАЛЬНО - РЕВОЛЮЦІОННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Годъ второй. — № 6 — 23 октября 1881.

---

20 (8) сентября 1881 года скончался отъ ранъ президентъ С.-Американскихъ Штатовъ ДЖЕМСЪ АВРААМЪ ГАРФИЛЬДЪ.

ОТЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА

Выражая американскому народу глубокое соболѣзнованіе по случаю смерти президента Джемса Авраама Гарфильда, Исполнительный Комитетъ считаетъ долгомъ заявить отъ имени русскихъ революціонеровъ свой протестъ противъ насильственныхъ дѣйствій, подобныхъ покушенію Гито. Въ странѣ, гдѣ свобода личности даетъ возможность честной идейной борьбѣ, гдѣ свободная народная воля опредѣляетъ не только законъ, но и личность правителей — въ такой странѣ политическое убійство, какъ средство борьбы — есть проявленіе того же духа деспотизма, уничтоженіе котораго въ Россіи мы ставимъ своею задачею. Деспотизмъ личности и деспотизмъ партіи одинаково предосудительны, и насиліе имѣетъ оправданіе только тогда, когда оно направляется противъ насилія.

Исполн. Ком. 10 сентября 1881 г.

Редакція «Народной Воли» заявляетъ, что со времени выхода № 1 Листка «Народной Воли» въ типографіи отпечатаны по порученію Испол. Ком. слѣдующія изданія: 1) Программа Исполнительнаго Комитета, 3-е изданіе. 2) Программа рабочихъ, 2-ое изд. Прокламаціи: 1) къ Русскому Рабочему народу, 2) Офицерамъ Русской Арміи, 3) Украинскому Народу и 4) Вольному Казачеству.*)

Петербургъ 2-го октября.

Россія переживаетъ трудное время. Новыя историческія условія и потребности, новыя стремленія сталкиваются со старыми формами; идетъ борьба подорванныхъ исторіей, отжившихъ, но еще сильныхъ вѣковой рутиной элементовъ — съ живыми и энергическими силами будущаго. Тамъ — старые идолы, недобросовѣстность и эгоизмъ, безсознательность, невѣжество и ошибки отцовъ, здѣсь — стремленіе передовыхъ людей къ новымъ, лучшимъ, уже намѣченнымъ исторіей формамъ общественной жизни.

Призванные въ свое время быть слугами націи, быть, по выраженію Фридриха Великаго, «первыми чиновниками въ государствѣ», представители верховной власти ввергли Россію въ страшную дезорганизацію, сдѣлавъ ее, въ силу неблагопріятныхъ историческихъ условій и безсознательности народа, своею собственностью. — Люди не вещи. Если жизнь отдѣльнаго лица не можетъ быть въ чьемъ либо владѣніи, то тѣмъ болѣе такое состояніе не можетъ быть нормальнымъ для жизни цѣлаго общества. Соціальныя функціи вообще, а государственныя въ особенности, не могутъ составлять предметъ частнаго владѣнія, такое положеніе не можетъ длиться безъ пагубнаго вліянія на жизнь націи.

Но если оно длится, если, слѣдовательно, не всегда замѣтно, но непреложно, органически подтачивается старая форма соціальной жизни, подтачивается самая жизнь на-

*) Изъ этихъ изданій у насъ имѣются и помѣщаются: «Программа рабочихъ» — въ отдѣлѣ второмъ и прокламаціи (за исключеніемъ прокламаціи «Къ Украинскому народу») въ отдѣлѣ третьемъ.

Ред. Сборника.

рода, то скоро этотъ объективный процессъ разложенія отражается въ общественномъ сознаніи. Являются недовольныя, протестующія силы; закипаетъ и ожесточается активная борьба новаго со старымъ, живаго съ отжившимъ; общественное сознаніе борется за будущность народа и за свое существованіе.

Старые кумиры развѣнчаны, старые предразсудки брошены.

Въ былое время сторонники консервативныхъ устоевъ побѣдоносно указывали на огромное пространство, занимаемое Россіей «отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды,» ссылаясь не безъ гордости на разнородный племенной составъ ея населенія для доказательства необходимости у насъ «сильной руки», которую рабамъ естественно было отождествлять съ деспотизмомъ. Въ настоящее время всякій сознательный человѣкъ въ правѣ отвѣтить на это улыбкой снисхожденія. Оказывается, что у насъ, именно вслѣдствіе обширности страны, деспотизмъ вреднѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было.

Монархическія формы государственной жизни отличаются отъ демократическихъ тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ мѣста общественному самоуправленію, что всѣ политическія функціи, которыя въ демократіи направляются самимъ обществомъ, здѣсь получаютъ свое направленіе отъ деспотической власти. И само собою разумѣется, чѣмъ государство обширнѣе, тѣмъ труднѣе этой власти совладать со своею ролью, тѣмъ несовмѣстнѣе она съ интересами народа и тѣмъ пагубнѣе она отражается на историческомъ ростѣ всего государства и каждой отдѣльной составной части его.

Государство должно быть народомъ, организованнымъ для общественныхъ цѣлей, гласитъ сознаніе всѣхъ цивилизованныхъ націй; для Россіи это особенно необходимо. Но то-ли мы видимъ на самомъ дѣлѣ?

Кошелевъ еще въ 1875 году такъ характеризовалъ русскую государственную систему: «наше государственное хозяйство сохранило много общаго съ прежними нашими помѣщичьими хозяйствами. Дворня была у насъ огромная, тунеядцевъ тьма тьмущая; на балы, обѣды, экипажи, дамскіе наряды и другіе пустые расходы тратили мы несмѣтное количество денегъ... Если этотъ источникъ изсякалъ, то мы беззастѣнчиво выдавали заемныя письма и расходовали эти

деньги такъ же легкомысленно, какъ бы онѣ составляли свободные остатки отъ доходовъ нашихъ... Никто насъ не учитывалъ, ни предъ кѣмъ мы не были отвѣтственны... Къ общему и крайнему прискорбію наше государственное хозяйство идетъ точно такъ, какъ шли наши дворянскія хозяйства. Чиновникамъ и сановникамъ разнаго рода, какъ звѣздамъ на небѣ, и числа нѣтъ..." Дальше слѣдуетъ подробная аналогія.

Такимъ образомъ, даже по мнѣнію людей, именующихъ себя «умѣренными,» разница между преж. помѣстьемъ-собственностью и современнымъ государственнымъ строемъ Россіи только въ «обширности территоріи». И это не простое предположеніе, а печальный фактъ, подтверждаемый всей нашей общественной и государственной жизнью.

Бросимъ бѣглый взглядъ, напримѣръ, на русскій государственный бюджетъ въ связи его съ общимъ направленіемъ государственной дѣятельности.

Вершиной государственнаго зданія является у насъ императоръ. Ему, «какъ самодержавному монарху, по нашимъ основнымъ законамъ, «никакихъ назначеній для его расходовъ быть не можетъ.» Онъ признаетъ за собою полное «право употребленія и злоупотребленія», какъ всякій неограниченный собственникъ.*) Не смотря на это, въ 1797 году императоръ Павелъ I все таки счелъ нужнымъ выдѣлить изъ государственныхъ имуществъ удѣльное вѣдомство, владѣющее въ настоящее время Алтайскими и Нерчинскими горными заводами, различными фабриками и 7 милліонами десятинъ лучшихъ земель, которыя въ общей сложности, занимаютъ площадь, равную всей Германской Имперіи. Глупый, конечно, это былъ императоръ, однако, по выраженію сатирика, «умъ ему богъ далъ большой»: онъ учредилъ удѣльное вѣдомство, послѣ Великой Французской Ре-

---

*) Интересно сравнить этого полнаго хищника съ дѣйствительными представителями цивилизованныхъ государствъ, съ президентомъ С. Американскихъ Штатовъ, получающимъ ежегодно отъ представительнаго собранія на всѣ расходы 50,000 доларовъ (75,000 р.), или съ президентомъ Швейцарскаго Союза, получающимъ 8,700 франковъ т. е. около 2.500 р. ежегодно. У насъ даже внуки императора должны получать ежегодно по 500,000. Не забыты и «супруги праправнуковъ», имъ установлено выдавать за что-то по 15,000 р. въ годъ.

волюціи, съ наивной цѣлью «обезпечить имущественное положеніе императорской фамиліи на всегдашнее время.»

Доходы удѣльнаго вѣдомства неизвѣстны; за то извѣстно, что деньги на его расходы черпаются изъ общихъ суммъ государственнаго казначейства и равняются болѣе 9 мил. въ годъ. Вообще относительно суммъ, нужныхъ на тѣ расходы, для которыхъ существуетъ удѣльное вѣдомство, нѣтъ никакой разграниченности между этимъ послѣднимъ и государственнымъ казначействомъ, такъ что даже содержаніе нѣкоторымъ членамъ императорской фамиліи выдается изъ суммъ государственнаго казначейства.

Для охраны этой системы, главнымъ образомъ, отъ народа, этого постояннаго внутренняго врага, имѣющаго большія основанія быть недовольнымъ, у насъ существуетъ военное вѣдомство, поглощающее въ теченіе года 206,718,302 р. Намъ могутъ замѣтить, что это вѣдомство существуетъ вездѣ. — Совершенно вѣрно; но суть дѣла не въ существованіи его, а въ его назначеніи, въ направленіи его дѣятельности. — Въ Англіи размѣры арміи ничтожны; во Франціи она имѣетъ свою спеціальную цѣль — быть наготовѣ противъ Германіи. Но намъ никто извнѣ не угрожаетъ; напротивъ: до послѣдняго времени мы сами всѣмъ угрожали, особенно націямъ, стремящимся къ свободѣ. — За то съ другой стороны, у насъ всѣ представители внутренняго управленія отъ генералъ-губернаторовъ до урядниковъ включительно, а въ послѣднее время — судьи, разрѣшающіе столкновенія по вопросамъ внутренней жизни, и сами министры внутреннихъ дѣлъ — все люди военные или бывшіе военные. Правительство признаетъ, что для управленія Россіей ему нужны не знанія общественныхъ наукъ и общественной жизни, а военныя знанія; оно ведетъ постоянную борьбу съ народомъ и обществомъ; борьба эта постоянно обостряется и пріобрѣтаетъ характеръ открытой войны. Поэтому естественно, что у насъ цѣлая треть государственнаго бюджета должна имѣть своимъ прямымъ назначеніемъ обезпечить возможность спокойной и хозяйственной эксплуатаціи «государственнаго и общественнаго строя.»

Вторая треть русскаго бюджета уходитъ на уплату процентовъ по государственнымъ займамъ. Половина этихъ займовъ опять ушла на военное вѣдомство; четверть была

израсходована по системѣ, указанной Кошелевымъ, и едва одна четверть употреблена болѣе или менѣе производительно. — Дальше идутъ расходы на церковь (19 мил.); на «внутреннее управленіе» съ полиціей явной и тайной, относительно которыхъ трудно остановиться на опредѣленной цифрѣ; на финансовое управленіе и проч., и проч. Интересно, что въ этомъ рядѣ крупныхъ суммъ министерство народнаго просвѣщенія значится скромной цифрой въ 17 милліон. рублей. И если вспомнить, что расходы на потребности самой страны возложены на земскія учрежденія (въ этомъ ихъ единственное «право существованія»), то станетъ очевиднымъ, что 700 милліоновъ, собираемыхъ ежегодно правительствомъ съ народа, идутъ не на нужды этого народа, а на содержаніе тѣхъ, кто владѣетъ имъ, на нужды его хищниковъ.

Сама императорская фамилія получаетъ ежегодно, положимъ, не болѣе 40-50 мил. чистаго дохода; но всѣ остальные государственные расходы составляютъ, такъ сказать, оборотный капиталъ этого хозяйства: идутъ на его охрану, на содержаніе многочисленной монархической дворни, т. е. бюрократіи и т. д. — А тамъ, за прямой эксплуатаціей народа самимъ правительствомъ, имъ же поддерживается частная эксплуатація: кулачество, поборы, паразитство самыхъ разнообразныхъ сортовъ, сходящееся въ одномъ — въ хищеніи народнаго труда и народнаго достоянія.

Такова безотрадная картина русскаго государственнаго строя. Безъ преувеличенія можно сказать, что Россія не есть даже государство въ современномъ смыслѣ слова: эта организованная, опирающаяся на штыки, система «хищенія».

Принужденные требованіями исторіи еще 20 лѣтъ тому назадъ уничтожить вотчинное владѣніе отдѣльными общинами, русскіе деспоты до сихъ поръ удерживаютъ право вотчиннаго владѣнія цѣлымъ государствомъ. И никакая частная поправка этой системы не можетъ имѣть серьезнаго значенія. Всякое улучшеніе на существующемъ основаніи будетъ только заботливостью хозяина о вещи, предназначенной для его пользованія, или мѣрою простого «благочинія», вродѣ законовъ прежняго времени противъ жестокаго обращенія съ крестьянами. Разрушительное и демора-

лизующее вліяніе всего этого азіатскаго строя на жизнь народа и на его историческое развитіе отъ подобныхъ палліативныхъ мѣръ не измѣнится.

Россія должна стать государствомъ, существующимъ для народа и посредствомъ народа, вотъ органическая потребность ея. Правительство должно перестать быть органомъ эксплуатаціи цѣлаго народа одною семьей, а также — трудящагося большинства празднымъ меньшинствомъ. Подобное коренное измѣненіе русскаго государственнаго строя не «иллюзія», а реальная потребность націи, вытекающая изъ предшествовавшихъ историческихъ комбинацій и современныхъ общественныхъ отношеній.

Правительство не желаетъ принять этого. Рядомъ висѣлицъ и системой усиленныхъ вооруженій надѣется оно побѣдить исторію. — Въ мирное время послѣ крымской войны нашъ военный бюджетъ послѣдовательно увеличивался въ геометрической прогрессіи. — Но государственный строй, соотвѣтствующій потребностямъ времени и нуждамъ народа, бываетъ устойчивъ; неустойчивость его находится въ прямой зависимости отъ тѣхъ страданій, съ которыми онъ сопряженъ. Поэтому усиленіе вооруженій, прямо или косвенно направленныхъ противъ народа, служитъ прямымъ доказательствомъ возрастанія ненормальностей государственной системы и бываетъ серьезнымъ паталогическимъ симптомомъ въ исторіи государства, — особенно рядомъ съ упадкомъ производительныхъ силъ страны, констатированнымъ оффиціальными источниками *).

Русское императорство дѣлаетъ послѣднія усилія, чтобы удержаться; человѣческое достоинство, гуманность — оставлены въ сторонѣ. Желѣзные когти деспотизма впились въ Россію, душатъ ее, она задыхается. Протесты сознательныхъ людей, стоны обобраннаго народа раздаются кругомъ... Несчастный народъ! Несчастная страна, гдѣ воинствующіе хищники стали правительствомъ, гдѣ ложь раз-

*) Послѣдовавшій недавно указъ Правительствующему Сенату объ уменьшеніи въ настоящемъ году количества новобранцевъ отнюдь не уменьшаетъ численности арміи, такъ какъ рядомъ сдѣлано распоряженіе объ увеличеніи срока дѣйствительной службы. Въ этомъ году не выйдутъ въ запасъ солдаты, прослужившіе 4 года, какъ было прежде, а будутъ ждать 5 лѣт. срока, и вслѣдствіе этого численность арміи на первое время скорѣе увеличится.

вратъ и самая возмутительная низость стали истиной и нравственностью; гдѣ громадное большинство до того обезличено, до того принижено, что Желябовы, Кибальчичи и Перовскія, точно одинокіе утесы, выдвигаются изъ необъятнаго моря ханжества, лицемѣрія, лжи, холопства, глупости и апатіи, полнѣйшей апатіи того самаго общества, за интересы котораго они жертвуютъ жизнью. — Общество до сихъ поръ позорно молчитъ.

Мы понимаемъ царей: — съ дѣтскихъ лѣтъ находятся при нихъ негодяи, которые, указывая изъ оконъ на проходящихъ мимо людей, говорятъ: «Ваше Высочество! Это будущіе рабы Ваши, Ваши вѣрноподанные». Неудивительно, если при такихъ условіяхъ развивается у людей «манія амбиціоза,» своего рода умопомѣшательство, при которомъ вернуть народу его права кажется чѣмъ-то унизительнымъ, а служить предметомъ травли, быть посмѣшищемъ всего міра — считается естественнымъ и заносится на счетъ крамолы.

Мы понимаемъ и этихъ негодяевъ — Игнатьевыхъ, Побѣдоносцевыхъ и имъ под. Положеніе ихъ слишкомъ выгодно, а люди они слишкомъ низкіе, чтобы по поводу ихъ можно было вспомнить объ интересахъ страны, о совѣсти, чести. — Но общество, его лучшая часть?... Неужели это молчаніе будетъ долго длиться, — эта апатія нормальная?

Широкой полосою народныхъ страданій, потоками крови лучшихъ людей прошли послѣднія царствованія черезъ исторію Россіи; ненавистью и презрѣніемъ цивилизованныхъ націй запечатлѣлись они; — неужели не пора положить предѣлъ этой системѣ рабства и позора и вывести народъ на путь свободы и благосостоянія?

Всѣ, начиная съ крупныхъ представителей общественныхъ интересовъ, до плеяды мелкихъ газетчиковъ, сознаютъ необходимость измѣненія государственнаго строя Россіи — почему же активная часть этой трудной исторической задачи должна выполняться немногими? Почему они должны безвременно гибнуть въ борьбѣ съ мрачными силами, завѣщанными намъ прошлымъ, а ихъ молодая жизнь должна быть ужасной, непрерывной трагедіей, предъ которой блѣднѣютъ историческія трагедіи другихъ временъ? — Или не всѣ обязаны бороться за жизнь и будущность страны?

Мы, дѣйствующіе въ интересахъ общества, убѣждаемъ

это общество выйти, наконецъ, изъ малодушной апатіи; мы заклинаемъ его возвысить голосъ за свои интересы, за интересы всего народа, за жизнь своихъ дѣтей и братьевъ, систематически преслѣдуемыхъ и убиваемыхъ.

Этотъ призывъ не значитъ, что мы сами стали слабы послѣ гибели нашихъ доблестныхъ товарищей. Мы сильны нашей исторической ролью. Но мы слишкомъ любимъ родину, чтобы не призвать къ себѣ всѣхъ, кто можетъ и обязанъ идти рядомъ съ нами. Мы ясно видимъ, что самодержавный деспотизмъ роетъ пропасть подъ Россіей, и если не побѣдитъ начавшаяся революція, Россія можетъ со стономъ скатиться съ исторической сцены.....

Народъ можетъ пасть, но въ своемъ паденіи онъ увлечетъ и васъ, ничтожные трусы, дряблые индиферентисты!

Да, Россія переживаетъ серьезный моментъ; и тѣмъ энергичнѣе, тѣмъ безпощаднѣе мы будемъ вести подготовленную исторіей борьбу.

Вопросъ о центральной государственной власти видимо дѣлается у насъ средоточіемъ политической борьбы. Конечно, въ обществѣ, печати и т. д. говорится, напр., о реформахъ аграрныхъ, мѣстномъ самоуправленіи, свободѣ слова. Но самая завѣтная мечта всякаго русскаго, сколько нибудь развитого и честнаго — это преобразованіе неограниченной монархіи. Революціонеръ-соціалистъ, радикалъ и либералъ здѣсь расходятся только въ степени да въ частяхъ, обусловливаемыхъ разницей конечныхъ цѣлей. Сама же по себѣ — демократизація высшей государственной власти, подчиненіе ея волѣ народа — для всѣхъ партій кажется одинаково необходимой, какъ основаніе каждой другой реформы. Со своей стороны, само правительство, и тѣ кулацко-эксплуататорскіе слои, которые теперь являются его единственными вѣрными слугами, употребляютъ всѣ усилія для сохраненія существующей монархіи въ полной неприкосновенности.

Такое жгучее отношеніе къ центральной государственной власти не случайно и не составляетъ какого нибудь недоразумѣнія. Его подсказываетъ, намъ кажется, здравое поли-

тическое чутье, и не трудно видѣть, что по крайней мѣрѣ въ настоящемъ случаѣ оказывается безошибочнымъ.

Организація государственной власти въ настоящее время представляется для каждаго народа дѣломъ все болѣе и болѣе серьезнымъ. Это зависитъ отъ того, что въ силу неотразимыхъ соціологическихъ законовъ значеніе государства для народа постоянно увеличивается. Жизнь современныхъ народовъ характеризуется именно соціализаціей, обобществленіемъ всѣхъ потребностей, всѣхъ общественныхъ функцій. Область общественной изолированности постоянно сокращается. Жизнь отдѣльной личности или отдѣльнаго села, все тѣснѣе связывается съ жизнью цѣлаго народа и даже человѣчества. Тѣ потребности, которыя еще недавно, на нашей исторической памяти, могли удовлетворяться самостоятельно даже каждой отдѣльной личностью, а тѣмъ болѣе селомъ, въ настоящее время уже требуютъ коллективной работы цѣлаго народа, т. е. стали интересомъ общенароднымъ. Такимъ общенароднымъ дѣломъ еще въ надавнія историческія времена была только національная самооборона. Теперь область общенароднаго дѣла постоянно расширяется. Общественное хозяйство, напримѣръ, становится вопросомъ безъ разрѣшенія котораго Россія рискуетъ превратиться въ голую пустыню. Народный трудъ въ своихъ различныхъ отрасляхъ такъ тѣсно переплелся, что общее систематическое регулированіе его дѣлается безусловной необходимостью. То же самое нужно сказать о народномъ продовольствіи, просвѣщеніи, обмѣнѣ, путяхъ сообщенія, и т. д. Соціализація всѣхъ общественныхъ функцій развивается съ поразительной быстротой и ставитъ передъ новѣйшими народами трудную задачу коренной передѣлки въ организаціи труда, обмѣна и т. д., сообразно съ усилившейся соціализаціей интересовъ. Это и выдвигаетъ на сцену современный соціализмъ, также какъ реорганизацію государства.

Государство есть не что иное, какъ выраженіе всякаго общенароднаго интереса, общенародной власти. Понятно, что чѣмъ многочисленнѣе и сложнѣе интересы, чѣмъ шире становятся задачи власти, тѣмъ болѣе совершенной организаціи требуетъ сама власть. Защита Россіи отъ татаръ болгаръ отъ турокъ — могла быть поручена даже простымъ разбойникамъ, какъ это нерѣдко и бывало. Но госу-

дарство, имѣющее задачей регулированіе народнаго труда и общественной жизни, разумѣется, должно быть совсѣмъ иное. Поручить такое дѣло какому нибудь невѣжественному или хищному деспоту — это хуже, чѣмъ жить въ полной анархіи. Соціализація жизни имѣетъ своей цѣлью возвышеніе, а не подавленіе личности, ея свободы и благосостоянія. Соціализація интересовъ потому, между прочимъ, и сдѣлалось соціологическимъ закономъ, что по всеобщему сознанію увеличиваетъ независимость человѣка, его средства и способности. Поэтому, было бы полной безсмыслицей отдавать реализированіе новыхъ, обобществленныхъ отношеній въ руки, способныя создавать рабство или эксплуатацію, или хоть просто неспособныя. Новое государство, чтобы справиться со своими задачами, должно представлять величайшую, какая только доступна народу, мудрость, величайшее знакомство съ интересами народа и обязательное соотвѣтствіе съ народными желаніями. Организація такого государства составляетъ миссію нашей эпохи, миссію, разумѣется, едва только поставленную къ исполненію даже у самыхъ передовыхъ народовъ.

Такимъ образомъ, уже въ силу общихъ соціальныхъ законовъ развитія Россія не можетъ оставаться равнодушною къ вопросу о характерѣ нашего государства. Не подлежитъ сомнѣнію, что какими бы частными реформами мы ни задавались, ихъ судьба тѣсно связана съ устройствомъ верховной власти. Уродливыя формы государства заранѣе обрекаютъ на безуспѣшность самыя чистыя и практичныя начинанія въ дѣлѣ мѣстнаго самоуправленія, въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, при аграрномъ переустройствѣ и вездѣ, гдѣ соціализація жизни успѣла уже заявить свое присутствіе. Нѣкоторыя особенности нашего русскаго положенія дѣлаютъ однако значеніе государства у насъ еще болѣе серьезнымъ.

Государство, по самой задачѣ своей, имѣетъ въ своихъ рукахъ общее направленіе дѣлъ и поддерживаетъ основы соціальной жизни. Но у насъ не установились еще самыя основы, не опредѣлилось до сихъ поръ общее направленіе народной жизни. Мы присутствуемъ при самомъ разгарѣ борьбы между народнымъ, общинно-соціалистическимъ строемъ и государственно-буржуазнымъ. Мы не касаемся спорнаго вопроса о томъ, возможно ли въ Росіи капиталисти-

ческое производство. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что худшая, средняя сторона капитализма, т. е. закрѣпощеніе труда и разобщеніе его отъ владѣнія орудіями труда — у насъ не только возможно, но составляетъ главную тенденцію того строя, который считается оффиціальнымъ, законнымъ. Всѣ общія мѣропріятія государства, все законодательство до сихъ поръ были направлены къ подавленію народнаго строя и доставленію торжества строю эксплуататорскому. Тѣмъ не менѣе этотъ послѣдній до сихъ поръ еще не укрѣпился въ массахъ народа, до сихъ поръ еще требуетъ постоянной поддержки государства. Онъ до сихъ поръ еще есть сила *воинствующая*, но не торжествующая. Для того, чтобы Разуваевъ могъ успѣшно оперировать въ деревнѣ, ему нужно, чтобы за него былъ *законъ*, т. е. общія мѣры государства. Безъ этой постоянной поддержки Разуваевъ не можетъ побѣдить мужика, не можетъ искоренить общинно-соціалистической основы, на которой держится мужицкая жизнь. Но съ другой стороны и мужицкій строй, безъ поддержки государства, съ Разуваемымъ не справится. Эксплуататорскіе элементы успѣли пріобрѣсти такую власть, захватить въ свои лапы такіе капиталы, такія области народнаго труда, что мужицкій строй жизни можетъ восторжествовать и развиться до своихъ логическихъ выводовъ только въ томъ случаѣ, если *законъ* и общія государственныя мѣропріятія будутъ за мужика. Короче говоря, благодаря раздвоенію русскаго общественнаго міросозерцанія, государство у насъ имѣетъ теперь значеніе не только регулятора народной жизни, не простой коммиссіи, удовлетворяющей извѣстнымъ общественнымъ потребностямъ; государство неизбѣжно становится *орудіемъ борьбы*. Если государственная власть останется въ рукахъ Разуваевыхъ, — то мужицкій общественный строй будетъ съ теченіемъ времени окончательно искорененъ. Если государственная власть перейдетъ въ руки народа, то ей придется вступить въ упорную борьбу съ Разуваевымъ. Ей придется дѣлать законодательную формулировку народныхъ принциповъ, предпринять цѣлый рядъ мѣръ, общихъ по всему государству, чтобы дать мужику каждой деревни возможность бороться со своимъ Разуваевымъ. Обладаніе государственной властью вообще дѣлается у насъ главнымъ условіемъ побѣды для каждой изъ обѣихъ

сторонъ. Значеніе государства становится всепоглощающимъ.

Такое положеніе вещей всѣми болѣе или менѣе понимается; поэтому-то борьба общественныхъ партій и сосредоточивается около государства. Государственныхъ мѣръ требуетъ и кулакъ и мужикъ. На реорганизацію государственной власти направляются всѣ усилія революціонеровъ радикаловъ, либераловъ, На отстаиванье неограниченной монархіи стѣной подымаются всѣ эксплуататорскіе элементы. Все это очень понятно. Мы уже высказали свое убѣжденіе въ томъ, что преобразованіе государства — признается необходимостью всѣми честными и сколько нибудь развитыми людьми, а потому не станемъ останавливаться на доказательствахъ этой необходимости. Слишкомъ ясно, что безконтрольная, неограниченная деспотія наслѣдственнаго монарха совершенно неспособна справиться съ задачами новаго государства. Странно было бы ставить судьбу 85 мил. людей въ зависимость отъ случайностей: а способности наслѣдственнаго монарха развѣ не величайшая изъ случайностей? Затѣмъ каковы бы ни были его способности, онъ все таки не можетъ сравниться съ тѣми сотнями лучшихъ людей, которыхъ народъ посылаетъ въ Конвентъ, Парламентъ, на Соборъ. Наслѣдственность монархіи, дѣлая изъ правящей фамиліи — строжайшую касту, отнимаетъ у нея всякое сродство съ народомъ, всякое знакомство съ его потребностями; поэтому здравый смыслъ не допускаетъ совмѣщать наслѣдственность власти съ ея неограниченностью. Наконецъ, мы слишкомъ хорошо видимъ, какъ безсильна деспотія на всякое доброе дѣло, какъ губитъ она наилучшія реформы, въ родѣ крестьянской. Все это — азбука политической науки, давно понятая всѣми, такъ что мы можемъ оставить въ сторонѣ доказательства. Но у насъ нерѣдко приходится слышать разсужденія по другому вопросу: должно ли преобразованіе государства совершиться мирнымъ путемъ, или же революціоннымъ? Въ этомъ собственно и состоитъ единственное различіе между революціонерами и мирными радикалами. Намъ говорятъ: развѣ неограниченная монархія не можетъ понять сама и даже лучше кого другого видѣть свое безсиліе служить Россіи? Развѣ, сознавши это, монархія не можетъ призвать къ себѣ на помощь народъ, въ видѣ, положимъ, Земскаго Со-

бора? Тогда преобразованіе государства, въ смыслѣ ограниченія монархіи *), произошло бы безъ всякихъ потрясеній. А развѣ мирный исходъ не желательнѣе насильственнаго?

Безусловно соглашаемся съ тѣмъ, что это было бы очень желательно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы глубоко убѣждены въ невозможности честной реформы волею самой неограниченной монархіи. Можно сказать даже, что если подобная надежда еще до сихъ поръ высказывается, то исключительно благодаря невѣжеству большинства русскаго народа и своекорыстью общества, предпочитающаго обманывать себя завѣдомыми иллюзіями, лишь бы только имѣть предлогъ для оправданія своего бездѣйствія. Вмѣсто всякихъ доказательствъ мы должны бы представить оптимистамъ просто Высочайшій Манифестъ о восшествіи на престолъ. Кажется, ужъ намѣреніе Александра III достаточно ясно выражены имъ самимъ. Безусловная неограниченность монархіи признается здѣсь основой всей политики. Ея охраненіе ставится высшей задачей правительства. Что же намъ еще со своей стороны доказывать? Неисправимымъ оптимистамъ мы могли бы еще предъявить новое «Положеніе» — этотъ первый законодательный актъ новаго царствованія, эту въ своемъ родѣ конституцію, которою жалуетъ Россію государь. Можно ли больше систематизировать насиліе — мы сомнѣваемся. Но во всякомъ случаѣ — право административной расправы (окончательно уже вытѣснившей судъ), конфискаціи имущества и т. д. не было такъ широко поставлено даже въ 1864 году въ взбунтовавшейся Польшѣ. Свою конституцію государь жалуетъ Россіи, правда — временно, впредь до успокоенія. Но вѣдь въ этомъ вся штука. Когда Россія успокоится, это значитъ — она не будетъ уже требовать реформы. До тѣхъ поръ же, пока она не успокаивается, пока требуетъ реформы, ей предподносится «Положеніе» Имп. Алекс. III. Кажется ясно, что въ обоихъ случаяхъ — реформы нѣтъ, и императоръ остается вполнѣ вѣренъ своему манифесту. Вообще не касаясь принципіально вопроса о самостоятельномъ ограниченіи своей власти самой монархіи, во всякомъ

*) Къ слову сказать: ограниченіе власти монарха вовсе не есть обезсиленіе власти вообще, какъ увѣряютъ наши кулацкіе публицисты. Напротивъ ограниченіе монархіи это единственное средство для того, чтобы дать власти настоящую силу и авторитетъ.

случаѣ очевидно, что не императоръ Алек. III сдѣлаетъ это. Его политическая программа слишкомъ хорошо опредѣляется «Манифестомъ», «Положеніемъ», Баттенбергскимъ переворотомъ и десяткомъ болѣе мелкихъ фактовъ. Онъ избралъ Ровоама своимъ прототипомъ и также объявляетъ народу: «Мой отецъ наказывалъ васъ плетьми, а я буду наказывать скорпіонами». Имѣющій уши да слышитъ. Дѣло ясно.

Но констатируя фактъ, мы не хотимъ, однако, слишкомъ обвинять новаго императора. Онъ, конечно, деспотъ, и притомъ не особенно дальновидный. Но онъ не выродокъ какой нибудь изъ своей династіи. Его дѣла — вовсе не отличаются ничѣмъ отъ дѣлъ другихъ нашихъ царей. Онъ логически развиваетъ идею династіи Романовыхъ и очень можетъ искренно думать, что честь государя — требуетъ именно такого способа дѣйствій. Находятся же и „прирожденные холопы", въ родѣ Аксакова, раздѣляющіе это мнѣніе. Тѣмъ естественнѣе оно въ самомъ императорѣ, въ „прирожденномъ господинѣ". Мы не обвиняемъ лично Ал. III. Но тѣмъ строже приговоръ произносится надъ системой. Если основныя тенденціи системы дѣлаютъ для нея невозможнымъ соглашеніе съ интересами народа, то система должна быть уничтожена, хотя бы насильственно, хотя бы съ величайшими жертвами, потому что благо народа стоитъ выше всѣхъ жертвъ.

Личность Александра III-го и его политика — только частное проявленіе общей системы. Наше государство испоконъ вѣковъ отличается свойствами, дѣлающими революціонный переворотъ совершенно неизбѣжнымъ. Мы упомянули выше о громадныхъ задачахъ новаго государства. Эти задачи ставятъ на первый планъ массы народа, ихъ потребности, желанья, идеалы. Эти же задачи для своего выполненія требуютъ *интеллигенціи*, т. е. лучшихъ, наиболѣе развитыхъ и сознательныхъ народныхъ силъ. Масса народа и интеллигенція, вотъ основы новаго государства. Между тѣмъ наше правительство историческимъ своимъ свойствомъ имѣетъ именно величайшее недовѣріе къ массамъ и къ интеллигенціи. Въ этомъ отношеніи наша исторія создала однимъ и тѣмъ же процессомъ два явленія: одно очень неблагопріятное, другое очень выгодное: плохое государство, но за то очень выгодное для народа соотношеніе общественныхъ классовъ.

Старая Россія представляла очень мало способовъ эксплуатаціи человѣка и его труда. Крайнее многоземелье дѣлало захватъ орудій труда совершенно немыслимымъ. Иноземнаго завоеванія мы также не испытали. Татары насъ грабили, но налетомъ, а не разселяясь въ странѣ. Эксплуатаціи нельзя было принять ни феодальнаго, ни буржуазнаго характера. Единственные способы пользоваться чужимъ трудомъ — представляло или разбойничество, или же служба при государствѣ. Это послѣднее, имѣющее своими прямыми задачами національную оборону, и вслѣдствіе политической неразвитости народа, было организовано на основаніяхъ безконтрольной диктатуры. Понятно, что такая безконтрольность была очень удобна для эксплуатаціи, а отсутствіе другихъ способовъ хищничества указывало путь въ государство каждому, кто предпочиталъ жить на чужой счетъ. Такимъ образомъ наша исторія одновременно — не позволила сформироваться у насъ какимъ нибудь прочнымъ эксплуататорскимъ сословіямъ, но за то сдѣлала притономъ эксплуатаціи государство.

Хищническій характеръ государства обнаружился у насъ очень рано. У насъ и народъ бунтовалъ не противъ какихъ нибудь феодаловъ, а противъ бояръ, воеводъ, дворянъ — т. е. противъ служилыхъ людей, противъ представителей государства. Издавна наше государство стало жить не для народа, а только на счетъ народа. Это вызвало со стороны правительства зоркое наблюденіе за массами, сознаніе враждебности народа къ себѣ и стремленіе упрочить способы эксплуатаціи. Покровительство всякому сословію, способному эксплуатировать массу, а потому представляющемуся естественнымъ союзникомъ государства — это покровительство составляетъ яркую черту нашего правительства. Такъ оно 200 лѣтъ трудилось надъ созданіемъ дворянства и уже лѣтъ 50 трудится надъ созданіемъ буржуазіи. Мы не станемъ перечислять всѣхъ усилій государства на этомъ пути, такъ какъ предметъ достаточно извѣстенъ.

Эти усилія и жертвы имѣютъ своимъ источникомъ глубокое недовѣріе къ массамъ народа, страхъ передъ ними, увѣренность въ томъ, что мужикъ способенъ только бунтовать противъ правительства. То же недовѣріе правительство всегда проявляло къ интеллигенціи.

Наша интеллигенція всегда стремилась къ демократизму. Это было и есть неизбѣжное явленіе. Оно обусловливается тѣмъ, что у насъ никакія сословія, кромѣ рабочаго и служиваго, не имѣли никакого разумнаго основанія для своего существованія. Развитая мысль не могла поэтому имѣть другихъ симпатій, кромѣ демократическихъ. Это сказалось также очень рано и возбудило поэтому подозрительность правительства... Съ Новикова и Радищева наша интеллигенція испытываетъ такія же стѣсненія, какъ народныя массы, находится подъ такимъ же бдительнымъ надзоромъ. Такимъ образомъ правительство выработало себѣ самыя неестественныя традиціи. Оно стало въ отрицательное отношеніе къ массамъ и къ интеллигенціи, и, напротивъ, постоянно всей душой стремилось то къ дворянству, то къ буржуазіи и вообще къ какимъ нибудь сословіямъ антинароднымъ. Между тѣмъ у насъ единственно живучими общественными элементами являются только рабочія массы и интеллигенція. Всѣ другіе классы — не въ состояніи укрѣпиться. Дворянство, не смотря на всѣ усилія правительства, не сдѣлалось сословіемъ. Слабость буржуазіи достаточно раскрыта новѣйшими изслѣдованіями по вопросу о нашемъ капитализмѣ. Русскій буржуа остается до сихъ поръ хищникомъ, капитализмъ, какъ система производства, не имѣетъ у насъ даже будущности и выражается не въ соціализаціи труда, а въ простомъ разобщеніи народа отъ орудій труда. Такъ что наша буржуазія представляетъ только *кулачество* и не можетъ имѣть въ народѣ другой силы, кромѣ чисто матеріальной. Связывая свою судьбу съ такими классами и враждебно относясь къ единственнымъ живымъ элементамъ народа — рабочей массѣ и интеллигенціи, правительство само осуждаетъ себя на гибель.

Между тѣмъ важность политическаго переворота, демократизаціи государства, обусловливается у насъ именно этимъ соотношеніемъ общественныхъ классовъ. Защитники рабства и насилія, позорящіе нынѣ русскую прессу, теперь часто прикрываются будто бы заботливостью о народѣ. Парламентаризмъ, говорятъ они, не желателенъ, п. ч. онъ послужитъ орудіемъ въ рукахъ буржуазіи. Лицемѣріе этихъ прислужниковъ кулачества слишкомъ очевидно. Если когда нибудь буржуазія подъ постояннымъ покровительствомъ неограниченной монархіе окрѣпнетъ настолько,

чтобы быть дѣйствительно способною сковать народъ, — эти господа первые потребуютъ конституціи. Свободный Земскій Соборъ пугаетъ ихъ именно потому, что на немъ явятся только мужикъ да интеллигенція. Только мужикъ и интеллигенція могутъ у насъ выступить съ стройной общественной программой, съ убѣжденіемъ въ своей правотѣ и единодушіемъ. Что касается кулака, то какъ онъ ни вредоносенъ, но теперь онъ не составляетъ еще сословія, не имѣетъ за душой никакой политической программы — а потому для свободнаго народа не страшенъ. Кулакъ страшенъ только при неограниченной, безконтрольной монархіи, ибо она ему дастъ внѣшнюю силу, которая для кулака, за неимѣніемъ силы нравственной, составляетъ необходимое условіе существованія. Если бы у насъ была надежда, что представительство попадетъ въ руки кулака, то само правительство ничего бы не имѣло противъ конституціи. Такой общественный слой чисто грабительскій, неимѣющій никакой нравственной подкладки, никакого оправданія своей эксплуатаціи — такой слой все равно нуждается въ вѣчной шпагѣ для окованія народа, и существующая монархія имѣла бы мѣсто вполнѣ обезпеченное. Горе правительства именно въ томъ, что кулакъ до сихъ поръ не можетъ оформиться въ сословіе и на Земскомъ Соборѣ, сколько нибудь честномъ, окажется — несвязной кучкой хищниковъ, а не партіей.

Не прошло полныхъ двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ революціонная партія присоединилась къ требованію политической реформы, въ смыслѣ ограниченія монархіи народнымъ представительствомъ. Русская мысль за эти два года еще болѣе выяснила слабость всѣхъ нашихъ общественныхъ классовъ, кромѣ рабочаго и интеллигенціи. Наша увѣренность въ томъ, что народное представительство выразило бы интересы только труда и науки — можетъ еще болѣе укрѣпиться. Но съ другой стороны тѣ же два года, къ сожалѣнію, еще болѣе выяснили всю невозможность ожидать реформы отъ монархіи Романовыхъ. Они ничему не научаются, ничего не забываютъ, и въ лицѣ новаго императора съ самой безтактной рѣзкостью заявляютъ рѣшимость сохранить свои пагубныя тенденціи. Насильственный переворотъ становится такимъ образомъ еще болѣе неизбѣжнымъ. Надежда на мирное торжество демократической идеи

въ настоящее время дѣлается немыслимой, и всякій честный человѣкъ просто обязанъ прійти на помощь революціи. Мы призываемъ къ этому всякаго, кто искренно желаетъ блага Россіи. Опытъ послѣднихъ годовъ показываетъ, что въ настоящее время всѣ партіонныя различія, всѣ честныя желанія должны стушеваться передъ одной великой задачей, общей для всѣхъ партій, такъ или иначе стремящихся къ благу народа — передъ обузданіемъ деспотизма, замѣной неограниченной монархіи всенароднымъ представительствомъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Смѣна царей. Къ характеристикѣ консерваторовъ. «Положеніе» для охраны деспотизма. Что такое крамола? Нѣсколько словъ объ исторической теоріи Маркса въ связи съ современнымъ положеніемъ Россіи. Еврейскіе погромы на югѣ и будущность владѣющихъ классовъ въ самодержавной Россіи.

Наконецъ и у насъ стала замѣтна внутренняя жизнь. Грянулъ громъ, русскій человѣкъ пробудился отъ «надежды усыпленія», оглянулся кругомъ и теперь только, къ своему великому огорченію, ясно увидѣлъ, какъ, дѣйствительно, тяжка и непригляднa его жизнь. — Въ правительствѣ усиленная дѣятельность: смѣняются мѣры, лица; смѣнялись даже императоры...

Русскіе революціонеры исполнили свой долгъ и оказали услугу не одной Россіи, а вообще прогрессу и цивилизаціи. Какъ пламя ярче вспыхиваетъ, прежде чѣмъ окончательно погаснуть, такъ система эксплуатаціи человѣка человѣкомъ не разъ попытается еще дойти до дикихъ раскатовъ деспотизма, прежде чѣмъ окончательно уступить мѣсто соціальному освобожденію человѣчества. И окровавленный трупъ царя-вѣшателя надолго останется грознымъ memento для будущихъ тирановъ.

Александръ II сошелъ со сцены. Вмѣстѣ съ нимъ мрачно удалились «непризнанные» и отвергнутые вдохновители его. Сходите, вѣшатели, нагло оскорбившіе Россію: вашихъ именъ не забудетъ она!

На теплыя мѣста явились новые люди. Въ виду серьез-

наго и труднаго положенія, отъ этихъ «новыхъ людей» можно было ждать и новыхъ пѣсенъ; однако изъ ихъ устъ послышались старые-престарые членораздѣльные звуки. — Передъ глазами потрясенной и взволнованной страны предстали въ роли правителей и совѣтниковъ какіе то схимники съ четками, какіе-то стародавніе архивные люди, съ крестомъ и ладаномъ ополчившіеся противъ тлетворныхъ идей и стремленій и противъ преступнаго «средостѣнія»; явились юркіе проходимцы, почуявшіе, что тутъ для нихъ самое настоящее мѣсто. Члены святѣйшаго синода и московскіе прорицатели и кликуши нѣжно обняли «царьградскаго сатану», о которомъ извѣстно только, что онъ много лжетъ и еще больше любитъ деньги. Картина трогательная! — На поверхность замутившейся сѣрой русской жизни всплыли люди, глупые до святости, вынырнули другіе — плутоватые до гнусности; предчувствуя для себя недоброе, они крѣпко слились подъ знаменемъ «консервативной партіи», завыли о «крамолѣ», завертѣлись въ славянофильскомъ вихрѣ манифестовъ, постановленій, эктиній, поученій... «Куда ихъ гонятъ, что такъ жалобно поютъ?» съ грустнымъ недоумѣніемъ спрашиваетъ русскій вѣрноподданный, которому царскимъ манифестомъ предписано терпѣть и надѣяться «по примѣру прежнихъ лѣтъ».

Судьба опредѣлила, очевидно, Россіи испить до дна чашу деспотизма, чтобы потомъ тѣмъ съ большей силой и съ большимъ основаніемъ разбить ее. Такова была во Франціи миссія некстати упрямаго Людовика XVI; такую же роль сыграетъ, повидимому, и нашъ новый правитель, поставившій для себя вопросомъ чести «охранять и утверждать силу самодержавной власти отъ всякихъ на нее поползновеній». Рѣшимость понятная. — Однажды покойный Милль, во время преній съ консерваторами объ индійскихъ дѣлахъ, сочеталъ въ предложеніи термины «коосерваторъ» и «дуракъ». Въ слѣдующемъ засѣданіи парламента консерваторы набросились на него за то, что онъ обозвалъ будто-бы ихъ всѣхъ дураками. Милль протестовалъ. «Я не говорилъ, господа, что всѣ консерваторы дураки, но я утверждалъ и утверждаю, что всѣ дураки консерваторы». — Исторія еще разъ подтверждаетъ, что Милль былъ правъ.

Впрочемъ, это можно было предвидѣть. Весь нынѣшній составъ нашей консервативной партіи выступалъ уже од-

нажды въ роли фактическихъ вершителей государственныхъ дѣлъ; это было въ недавнюю войну съ Турціей. Къ чему они стремились тогда, чего достигли? — Говорить серьезно о «свободѣ славянъ» едва-ли возможно. Если вы можете, читатель, представить себѣ крокодила льющимъ горькія слезы по пожираемой жертвѣ, или разбойника съ жаромъ ополчающимся за неприкосновенность чужой жизни, то представьте себѣ и Игнатьева, преломляющимъ копье за «свободу» и за «искорененіе хищенія». Недавній переворотъ въ Болгаріи, предпринятый по русскому внушенію и соизволенію, показываетъ ясно, какого рода освобожденія желали и желаютъ эти люди.

Война съ Турціей велась, очевидно, не во имя идеальныхъ освобожденій, а во имя традиціонныхъ завоеваній. Но нашъ «мефистофель», съ политическимъ кругозоромъ казармъ и переднихъ, упустилъ при этомъ изъ виду, что войну придется намъ вести не съ Турціей только, а главнымъ образомъ съ Англіей, и что у Англіи есть дѣйствительный интересъ вмѣшиваться въ дѣла Турціи, а у насъ его, по меньшей мѣрѣ, нѣтъ. —Англія— страна съ интенсивнѣйшимъ капиталистическимъ производствомъ. Если она не находитъ сбыта для своихъ продуковъ, — это порождаетъ въ странѣ кризисы, неурядицы, всевозможныя общественныя бѣдствія. Имѣя постоянный излишекъ въ продуктахъ (съ точки зрѣнія капиталистическаго производства), Англія имѣетъ органическую потребность держать болѣе отсталыя страны въ зависимости — съ тѣмъ, чтобы онѣ служили ей рынкомъ для сбыта, и для этого, съ полнымъ основаніемъ, не остановится даже передъ войной. Она не только можетъ, но и должна, оставаясь капиталистическимъ государствомъ, придерживаться подобной политики.

У насъ положеніе какъ разъ обратное. Мы не только не можемъ сами господствовать экономически надъ другою страной, — мы сами, въ этомъ отношеніи, народъ зависимый. Расширять наши предѣлы значитъ расширять только предѣлы этой зависимости. — Содержаніе нашихъ окраинъ обходится при этомъ дорого и потому, что онѣ, съ полнымъ основаніемъ, недовольны насаждаемымъ у нихъ порядкомъ вещей. Статистическія данныя и указываютъ, что Орловскіе или Тамбовскіе обыватели принуждены прямо уплачивать деньги на управленіе какимъ нибудь Ташкен-

томъ или Карсомъ, такъ какъ эти послѣдніе, сами по себѣ, не покрываютъ этихъ расходовъ. Такимъ образомъ, Россія отъ всякихъ такихъ завоеваній скорѣе проигрываетъ, чѣмъ выигрываетъ. Нашимъ дипломатамъ подобныя соображенія не могли и не могутъ придти въ голову. Поэтому въ результатѣ воинственной политики съ Турціей, въ результатѣ потраченныхъ сотенъ милліоновъ рублей и убитыхъ сотенъ тысячъ самыхъ сильныхъ людей — у Россіи осталось одно горькое воспоминаніе о безобразномъ процессѣ войны.

Но вотъ эти «государственные люди», безъ нравственнаго чутья, безъ элементарнаго государственнаго смысла, во главѣ внутренней политики; передъ ними сложнѣйшая историческая задача. — Что намѣрены они предпринять? Неужели и здѣсь удовлетворитъ ихъ безсмысленный процессъ войны и разрушенія? — Оказывается, что да.

Предъ нами недавно изданное «Положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественной безопасности». Документъ характерный. «Буде окажется надобнымъ» генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ предоставляется полное право распоряжаться личностью и имуществомъ несчастныхъ вѣрноподанныхъ. Вотъ для образца нѣкоторые пункты этого «Положенія»:

§ 24. Генералъ-губернаторамъ присваиваются изложенныя ниже права главноначальствующихъ, а въ случаѣ надобности, по особымъ каждый разъ Высочайше утвержденнымъ положеніямъ комитета министровъ, *и права главнокомандующихъ арміею въ военное время.*

§ 26. Главноначальствующему, независимо отъ правъ, указанныхъ въ отдѣлѣ II настоящаго «Положенія», «предоставляется въ предѣлахъ подвѣдомственной ему мѣстности» — между прочимъ слѣдующее:

«е) Право устранять отъ должности, на время объявленнаго «Положенія чрезвычайной охраны», чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, а также лицъ, служащихъ по выборамъ въ сословныхъ, городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ; изъ сего исключаются только лица, занимающія мѣста первыхъ трехъ классовъ.

«ж) Право разрѣшать экстренныя, пріостанавливать и закрывать очередныя собранія сословныхъ, городскихъ и земскихъ учрежденій, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ

опредѣлять вопросы, подлежащіе устраненію изъ обсужденія означенныхъ собраній.

«з) Право пріостанавливать періодическія изданія на все время объявленнаго чрезвычайнаго положенія, — и

«п) Право закрывать учебныя заведенія на срокъ не свыше одного мѣсяца». Впрочемъ, эта пріостановка можетъ быть продлена на неопредѣленное время «съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ».

Русскіе «вѣрноподданные» могутъ очутиться въ темномъ погребѣ, безъ книгъ, безъ учебныхъ заведеній, безъ чиновниковъ даже, — охраняемые отъ вольнодумныхъ мыслей вооруженными съ ногъ до головы солдатами. Наши «чрезвычайные охранители» предвидятъ, что имъ придется стать у себя дома «главнокомандующими арміей въ военное время» и вести эту армію противъ недовольнаго народа. — Много нужно безстыдства, чтобы, видя до какихъ размѣровъ можетъ разростись общественное недовольство, кидать обществу въ лицо заявленіе, что самодержавіе не отступитъ ни предъ множествомъ жизней, ни предъ попраніемъ элементарныхъ человѣческихъ правъ, ни предъ кровавой гражданской войной. Но нужно еще болѣе безумія, чтобы въ виду подобныхъ перспективъ, все-таки надѣяться восторжествовать.

Эти люди, повидимому, глубоко убѣждены, что наша внутренняя «крамола» есть не болѣе, какъ злое дѣло нѣсколькихъ отчаянныхъ головъ, — что появилась она безъ всякаго основанія — просто «изъ ничего» (создалъ же богъ міръ «изъ ничего»), и что стоитъ только искоренить «супостатовъ», а если смута проникнетъ въ народъ — искоренить большую или меньшую часть народа, и «неистовая крамола» исчезнетъ, какъ «воскъ отъ лица огня».

Когда къ Александру III и его брату являлись депутаціи отъ евреевъ съ просьбами сдѣлать на будущее время невозможными безпорядки, — они съ увѣренностью распространились о принятыхъ мѣрахъ и опять не преминули потолковать о крамолѣ, «рука» которой видна въ антиеврейскомъ движеніи. Въ извѣстномъ смыслѣ это вѣрно. Но, называйте, господа, это явленіе крамолой, подрываніемъ основъ, — называйте, какъ хотите, вопросъ не въ этомъ. Вопросъ въ томъ, гдѣ причина ихъ и какъ достиг

нуть положенія, при которомъ они не повторялись-бы въ будущемъ.

Новое требованіе исторіи, ея поступательное движеніе впередъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣненіе соціологическихъ данныхъ такъ же неизбѣжны, какъ неизбѣжны всѣ естественно-историческія явленія. Остановить солнце можно только въ сказкѣ. Но историческое солнце, въ своемъ вѣчномъ движеніи, встрѣчается часто съ наслоившимися эгоизмомъ и варварствомъ. Съ пѣною у рта бросаются ему на встрѣчу эти силы, происходитъ въ соціальной жизни коллизія, иначе — крамола. — Безсмысленно ссылаться на нее представителямъ темныхъ силъ, когда къ нимъ приходятъ люди, страдающіе такъ или иначе отъ этого явленія. Получи народъ возможность свободно проявлять свое сознаніе и свою волю для устраненія общественныхъ золъ, — никакой крамолы не было-бы. И единственно цѣлесообразная мѣра, которую вы, представители самодержавія, можете, оставаясь добросовѣстными, предложить противъ всякихъ смутъ, это — не мудрствуя лукаво, сойти съ пути естественнаго развитія народа. Иначе вы можете кричать, шумѣть, размахивать руками, — исторіи этимъ не остановите. Она, въ концѣ концовъ, смететъ все таки и васъ, а пока будетъ безпощадно и систематически выдвигать сложный *соціальный вопросъ* — напряженный и грозный при такихъ, неблагопріятныхъ для его разрѣшенія, условіяхъ. — Шефлэ правъ, когда говоритъ, что такой путь дорого обойдется «классамъ владѣющимъ и культурнымъ».

Мы не можемъ согласиться съ непосредственными толкователями исторической теоріи Маркса, утверждающими, будто разрѣшеніе современнаго соціальнаго вопроса не только можетъ, но и должно явиться, какъ простой постулатъ крайняго развитія капиталистической формы эксплуатаціи, которая будто-бы, сама по себѣ, развиваетъ условія, благопріятныя для его разрѣшенія. Ихъ взглядъ основывается, главнымъ образомъ, на извѣстной тріадѣ Гегеля и его законѣ исторической преемственности явленій; иного индуктивнаго матеріала для такого вывода мы нигдѣ не находимъ у нихъ. Но толковать Гегелевъ законъ въ томъ смыслѣ, что дурное, просто въ своемъ крайнемъ развитіи, приведетъ къ хорошему, — это напоминаетъ нѣсколько добраго идеалиста Панглоса, полагавшаго, что все идетъ

къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Развалины Лиссабона разочаровали старика. — Природѣ *самой по себѣ* нѣтъ дѣла до людей, до того, что для нихъ лучше и что хуже. Въ процессѣ развитія антитеза всегда бываетъ, конечно, иная, чѣмъ теза, но, съ точки зрѣнія человѣческой пользы, первая можетъ быть гораздо хуже второй; и до настоящаго времени синтезъ различныхъ историческихъ процессовъ былъ, дѣйствительно, такъ печаленъ, что оканчивался паденіемъ народа, а иногда — и вырожденіемъ расы. Это дало даже поводъ профессору Блюнчли утверждать, будто смерть народа также естественно неизбѣжна, какъ и смерть индивида. Съ этимъ, положимъ, опять нельзя согласиться, такъ какъ такого рода «синтезъ» несомнѣненъ тамъ только, гдѣ ненормальности соціальнаго строя успѣли уже глубоко проникнуть въ соціальный организмъ и произвели въ немъ серьезныя паталогическія измѣненія. — Отчего зависитъ въ исторіи подобный исходъ и чѣмъ обусловливается для будущаго возможность иного исхода — въ обсужденіе этихъ вопросовъ мы не станемъ вдаваться здѣсь, такъ какъ для этого пришлось бы выйти изъ рамокъ «обозрѣнія». — Во всякомъ случаѣ, ни мнѣніе марксистовъ, ни мнѣніе Блюнчли, въ ихъ абсолютной формулировкѣ, не имѣютъ за себя серьезныхъ научныхъ данныхъ. Роль экономическихъ аномалій, какъ факторовъ историческихъ явленій, съ полной достовѣрностью можетъ быть сведена къ слѣдующему: всякій порядокъ, сопряженный со страданіями массъ, рано или поздно, порождаетъ острое недовольство этихъ послѣднихъ — терроръ, революцію, — порождаетъ возстаніе рабовъ въ Римѣ, Пугачевскій бунтъ въ Россіи, современные погромы въ Россіи-же.

Въ русской соціальной жизни пресловутое «отрицаніе отрицанія» началось уже. Изъ простого недовольства оно перешло въ «безпорядки» и дойдетъ, прежде чѣмъ гдѣ либо, до широкаго экономическаго террора, такъ какъ у насъ антагонизмъ сословій хотя и не достигъ той глубины, какая существуетъ на Западѣ, но онъ тѣмъ обостреннѣе. — На степени и различныхъ проявленіяхъ этого антагонизма необходимо остановиться, такъ какъ это жгучій вопросъ нашей внутренней жизни.

Земскій гласный, Соколово-Бородкинъ, по поводу еврейскаго вопроса въ Елисаветградѣ, «обратилъ вниманіе зем-

скаго собранія на необходимость изслѣдованія тѣхъ экономическихъ причинъ, которыя вызываютъ эти безпорядки. Онъ доказывалъ, что, являясь теперь въ формѣ движенія противъ евреевъ, безпорядки эти могутъ принять болѣе широкіе размѣры и представить серьезную опасность для всякой *частной собственности*».

Причины такого неутѣшительнаго для имущихъ классовъ явленія вообще интересны. Одесскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» писалъ отъ 7-го мая: «Сильно заблуждаются тѣ, которые полагаютъ, что безпорядки, съ такою страшною силой охватившіе почти весь югъ Россіи, хотя и направленные исключительно противъ евреевъ, вызваны одною только племенною ненавистью къ нимъ. Движеніе это вызвано причинами экономическаго, или вѣрнѣе соціальнаго свойства, а евреи явились здѣсь чѣмъ то въ родѣ пресловутаго «козлища искупленія». Прежде единственный случай массовыхъ движеній противъ евреевъ былъ въ Одессѣ, ровно десять лѣтъ тому назадъ; но и онъ былъ вызванъ экономическими причинами, такъ же какъ совершающіяся на нашихъ глазахъ побоища. Стало быть, здѣсь необходимо было нѣчто ухудшающее общее состояніе; а это «нѣчто» заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ бѣдственномъ положеніи, въ которомъ находятся рабочіе у насъ на югѣ. Общій застой въ торговлѣ и промышленности, страшная дороговизна хлѣба, прошлогодній неурожай, закрытіе многихъ фабрикъ, — все это, вмѣстѣ взятое, отозвалось очень тяжело на рабочихъ. Въ послѣднее время со всѣхъ сторонъ жаловались на безработицу; тысячи рабочихъ сидѣли безъ дѣла. Мы не помнимъ, чтобы когда нибудь въ Одессѣ было такое громадное число нищихъ, чтобы на каждомъ шагу попадались вполнѣ здоровые субъекты, просящіе «ради Христа» за неимѣніемъ работы. И вотъ этотъ то «неблагонадежный» элементъ и составилъ главный контингентъ такъ называемаго анти-еврейскаго движенія. Вся эта масса голодающихъ, безпріютныхъ и босоногихъ съ дикимъ восторгомъ приняла участіе въ походѣ противъ семитовъ, — но ужъ, конечно, не изъ за какихъ нибудь принциповъ. Они нападали на евреевъ потому только, что встрѣчали въ этой средѣ слабѣйшее сопротивленіе». — Корреспондентъ «Порядка», иллюстрируя тѣ же безпорядки, говоритъ: «Толпа голодаетъ, и если ее къ слѣдующему дню не пе-

ревезутъ на баржи или не пристроятъ на работы, то она съ голоду можетъ броситься грабить. Въ простонародьѣ идутъ самые нелѣпые слухи о томъ, что начальство подкуплено, что надо идти не на животъ, а на смерть, что «война» уже завелась на все лѣто, что вчера-де двѣ баржи съ народомъ въ морѣ затопили и т. д. Во всякомъ случаѣ, при нынѣшней безработицѣ, легко можно ожидать повторенія безпорядковъ, тѣмъ болѣе, что рабочіе почти съ каждымъ днемъ прибавляются съ сѣвера, а работы уменьшаются; дѣла всѣ пріостанавливаются; кредитъ за границей совершенно потерянъ». — Вообще вся пресса, почти единодушно, высказалась, что причиной анти-еврейскаго движенія является «совершенная ненормальность экономическихъ отношеній, въ которыхъ стоитъ еврейское населеніе къ мѣстному христіанскому», и что «никакія судебныя или иного рода кары не смягчатъ ожесточенія въ людяхъ, снѣдаемыхъ бѣдностью, къ тѣмъ, кого они считаютъ, хотя бы и ошибочно, единственными виновниками своей нищеты».

Во время разбирательства дѣла о безпорядкахъ въ Кіевѣ, на вопросы прокурора о причинахъ анти-еврейскаго движенія, свидѣтель Розенбаумъ, высказавъ предположеніе, что анти-еврейское движеніе имѣетъ тѣсную связь съ соціально-революціоннымъ движеніемъ послѣдняго времени и съ печальнымъ событіемъ 1 марта, весьма основательно заявилъ, что «экономическія причины играли существенную роль въ данномъ случаѣ, но обвинять евреевъ, что они создали эти печальныя экономическія причины, вызывающія безпорядки, — нельзя, такъ какъ еврейская эксплуатація находитъ почву въ *общихъ экономическихъ условіяхъ жизни нашего народа*». — Послѣднее несомнѣнно вѣрно; и непростительно заблуждаются тѣ, кто думаетъ, что погромы грозятъ у насъ только евреямъ и только на югѣ.

Въ Одессѣ, по словамъ «Порядка», «буйствующая толпа разбивала не только еврейскіе магазины, но (даже большею частью) и русскіе»; говоръ толпы о томъ, что «покончимъ съ жидами, а потомъ возьмемся и за русскихъ», раздавался довольно часто. — Вмѣстѣ съ тѣмъ, нужда трудящагося люда и въ другихъ частяхъ Россіи не меньше, если не больше, чѣмъ на югѣ. Изъ Орла, напр., въ томъ

же «Порядкѣ» пишутъ, что «никогда въ Орлѣ не бывало такого количества нищихъ, какъ въ нынѣшнемъ году. Главный контингентъ ихъ составляютъ крестьяне обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ; попадаются даже цѣлыя семьи, отецъ и мать съ дѣтьми, которыя, съ невыразимымъ отчаяніемъ въ голосѣ, бросаются ко всякому проходящему, умоляя о помощи. По всему видно, что только неумолимый голодъ выгналъ этихъ несчастныхъ изъ ихъ лачуги и деревни па улицу. — Проѣзжая по деревнямъ, нерѣдко видите избы съ заколоченными окнами и дверями; это значитъ, что хозяева ихъ оставили деревню и разбрелись, куда попало, на «поиски», гдѣ «лучше», или гдѣ «можно жить» такому нетребовательному человѣку, какъ русскій крестьянинъ. Орловская губ. принадлежитъ къ числу лучшихъ губерній по климату и почвѣ; и не смотря на это, трудно допустить, чтобы гдѣ либо крестьяне могли быть въ болѣе бѣдственномъ положеніи, чѣмъ здѣсь». — Крестьяне цѣлыми семьями отправляются отсюда, «кто къ Китайской границѣ, кто въ Семирѣчинскую область, кто въ Тобольскую губернію. Большинство переселенцевъ не имѣютъ никакихъ средствъ на дорогу и думаютъ Христовымъ именемъ дойти до мѣста назначенія. «Подадутъ малымъ дѣткамъ, а при нихъ и я съ бабой какъ нибудь сытъ буду», говорятъ несчастные; «все равно и здѣсь ѣсть нечего»...

Такимъ образомъ, причины — общія для всей Россіи, поэтому и проявленія ихъ также оказываются общими. Съ одной стороны эти проявленія, то есть «безпорядки», готовы направиться противъ помѣщиковъ; и мы читаемъ въ Симбирской Земской Газетѣ длинное заявленіе, за подписью мѣстныхъ помѣщиковъ и иныхъ «столповъ», по поводу ходящихъ въ народѣ слуховъ объ отобраніи у нихъ земель. Авторы заявленія приписываютъ эти слухи «темнымъ проходимцамъ» и высказываютъ жалобы на крестьянъ, которые имъ вѣрятъ. «Скверное положеніе! восклицаютъ землевладѣльцы; а все изъ-за какого нибудь десятка отпѣтыхъ проходимцевъ! — Царь призываетъ всѣхъ и каждаго къ искорененію крамолы, и она искоренится только тогда, когда каждый лично пойдетъ противъ крамолы и задержитъ при встрѣчѣ попавшагося смутителя». Эти безкорыстные сыны отечества, «желая исполнить долгъ вѣрноподданнаго

данныхъ......, согласились между собою сдѣлать складчину» и объявляютъ, что «каждый крестьянинъ, который задержитъ злоумышленника, разсказывающаго въ народѣ о передѣлахъ и иныхъ незаконныхъ вещахъ... имѣетъ тотчасъ же получить отъ насъ сто рублей». — Классическіе люди!

Съ другой стороны, народное недовольство начинаетъ направляться противъ полиціи. Часто приходится читать' а еще чаще слышать, о столкновеніяхъ рабочихъ съ полиціей, о томъ, что толпа отбила кого нибудь изъ ея рукъ, или просто, по собственной инціативѣ, избила неприкосновенныхъ блюстителей безпорядка. Въ «Русскомъ Курьерѣ» читаемъ корреспонденцію изъ Баку отъ 18 апрѣля: „Пишу подъ давленіемъ ужасныхъ событій! Вотъ ужъ пятый день, какъ въ городѣ возстаніе и полнѣйшая анархія. Пьяные бондари разнесли полицію, переколотивъ и изранивъ служащихъ. Съ этого началась исторія, а затѣмъ, подъ вліяніемъ давнишняго озлобленія, масса отправилась на Тагарускую часть. гдѣ начались ужасныя сцены“... — „Мнѣ впервый разъ — говоритъ корреспондентъ „Недѣли“ по тому же поводу — приходится видѣть разъяренную толпу народа. Не дай богъ никому быть очевидцемъ подобнаго зрѣлища... *Страшенъ народъ, когда онъ встанетъ!* Онъ дѣлается тогда звѣремъ, безпощаднымъ, жестокимъ“... — Даже Москва, прославившаяся консерватизмомъ Охотнаго ряда, начинаетъ приходить въ себя. Въ московскихъ газетахъ отъ 16 сентября читаемъ, что тамъ, у Никольскаго рынка, толпа, по какому то мелкому поводу, бросилась на полицейскихъ чиновъ и съ знаменательнымъ крикомъ „довольно мы терпѣли!“ стала бить городовыхъ, при чемъ явившійся околоточный былъ измятъ болѣе другихъ.

Во всей Россіи сознаніе народа, что „онъ довольно уже терпѣлъ“, начинаетъ проявляться, но, пока, оно проявляется спорадически. Только на югѣ, прежде чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, народное недовольство стало выражаться массовымъ революціоннымъ движеніемъ, получившимъ, въ силу мѣстныхъ условій, анти-еврейскій оттѣнокъ.

Въ настоящее время, помѣщики, какъ владѣющій классъ, являются уже у насъ на югѣ „преданіемъ старины глубокой“, какимъ то анахронизмомъ. Въ вѣчной толкотнѣ изъза куска хлѣба, въ своей ожесточенной борьбѣ за существованіе, народъ уже не принимаетъ во вниманіе помѣ-

щика, — какъ силу вымирающую, захудалую, гонимую превратной судьбой. Если гдѣ нибудь въ накренившихся дѣдовскихъ хоромахъ и сидитъ еще мрачный „панъ", отставшій отъ культурнаго движенія своего вѣка, то мужикъ относится къ нему скорѣе снисходительно, чѣмъ враждебно, и часто называетъ его полу-ласкательно, полу-презрительно Антошкой, Фомкой, Ваней. Все вниманіе обороняющагося народа сосредоточено теперь на купцахъ, шинкаряхъ, ростовщикахъ, словомъ — на евреяхъ, этой мѣстной „буржуазіи", поспѣшно и страстно, какъ нигдѣ, обирающей рабочій людъ. — Иногда приходится слышать замѣчанія о бѣдности большинства самихъ этихъ мѣстныхъ „буржуа"; автору самому приходилось наблюдать эту бѣдность. Но, глядя на нее, я думалъ: какъ бѣдна должна быть масса народа, если даже такіе обиратели его сами ходятъ часто чуть не оборвышами.

Откровенный, подчасъ насмѣшливый цинизмъ евреевъ въ дѣлѣ обиранія — не поддается описанію. Фигаро прошлаго вѣка навѣрное былъ и менѣе смышленъ и болѣе совѣстливъ. — Нѣжинскій корреспондентъ «Кіевлянина» говоритъ, напр.: «Десятокъ тысячъ евреевъ — торговцевъ, кабатчиковъ, факторовъ и ростовщиковъ, поселившихся въ Нѣжинѣ, въ послѣдніе годы забрали въ свои руки всю промышленность, и христіанскому населенію пришлось выносить весьма тяжелый экономическій гнетъ. «Безъ жида у насъ и шагу сдѣлать нельзя», жаловались мнѣ горожане. Они закупили треть Нѣжина, забрали въ свои руки всю торговлю и, пользуясь нуждой, закупили на корню хлѣбъ. Бѣдному человѣку скоро жить нельзя будетъ въ городѣ. Все, что ни привезетъ мужикъ на базаръ, — все это еще за городской заставой закупается евреемъ и затѣмъ продается на базарѣ по цѣнамъ, какія ему вздумается установить. А что ужъ обмѣряютъ, обвѣсятъ и обсчитаютъ, такъ и говорить нечего; попробуй жаловаться, такъ и не радъ будешь, что съ евреемъ связался». — И не мудрено: при всей своей смѣтливости, евреи еще и большіе знатоки нашихъ законовъ. Я увѣренъ, что ни одинъ юный кандидатъ правъ не знаетъ до какихъ тонкостей казуистики X тома и Судебныхъ Уставовъ, какъ знаетъ ее заурядный шинкарь на югѣ. И когда взглянемъ на этого ловкаго человѣка, рядомъ съ добродушнымъ и довѣрчивымъ хохломъ, суще-

ствующимъ для производства и увеличенія его «частной собственности», то вчужѣ жутко становится.

Украинецъ ненавидитъ еврея всѣми силами своей души — не за религію его, конечно, а за эксплуатацію. Народу нѣтъ дѣла до того, что «наши экономическія условія не евреями созданы», и что они, какъ личности, неповинны въ нихъ. Человѣку, не обладающему широкимъ кругозоромъ, вообще свойственно объективировать причины явленій, соприкасающихся съ его интерессами, и переносить свои симпатіи и антипатіи на что нибудь осязательное, живое. Если простительно симбирскимъ столпамъ и царскимъ министрамъ видѣть корень измѣненія соціальныхъ потребностей въ «отпѣтыхъ проходимцахъ», какъ деликатно именуютъ они представителей современной соціальной идеи — то тѣмъ естественнѣе простолюдину считать причиною всѣхъ своихъ бѣдъ «подлеца Ицка», засѣвшаго въ его селѣ, и надѣяться, что съ удаленіемъ этого «шельмы» жить станетъ не въ примѣръ лучше. Между тѣмъ общія соціальныя условія все болѣе подтачиваютъ экономическое положеніе народа, дѣлаютъ его все болѣе безвыходнымъ. — И вотъ раздается вдругъ «долго мы терпѣли!» начинается походъ противъ «жидовъ», начинаются ужасныя сцены!

Въ Елисаветградѣ, гдѣ начались погромы, было разрушено болѣе 100 домовъ, убитыми оказались 20 человѣкъ, раненными 200. Это послужило какъ бы сигналомъ, и движеніе распространилось по всему югу. — Мы не станемъ развертывать предъ читателемъ картину всѣхъ бывшихъ до настоящаго времени погромовъ, но все таки приведемъ описаніе нѣкоторыхъ, чтобы напомнить представителямъ «основъ», какія перспективы ждутъ ихъ впереди. — «Грядущія событія отражаютъ къ намъ тѣнь отъ себя», говоритъ англійская пословица. Посмотрите же на эту тѣнь, чтобы имѣть хотя приблизительное понятіе о событіяхъ будущаго. Вотъ выдержки изъ двухъ корреспонденцій «Голоса» о кіевскомъ погромѣ. «Ураганъ народной расправы прошелъ по всѣмъ улицамъ Подола, гдѣ жили евреи и особенно сильны опустошенія на Оболони, почти сплошь заселенной евреями... Многіе десятки домовъ стоятъ безъ рамъ и возлѣ нихъ навалены кучи разломанной и разбитой мебели и посуды, разорванной одежды и проч., — буквально какъ послѣ нашествія непріятельскаго. На Житномъ базарѣ

и на Братской площади разбиты почти всѣ еврейскія лавки. Пострадали отъ народной ярости и многіе богатые магазины еврейскіе (спеціально охраняемые войсками, прибавимъ мы отъ себя) на Александровской улицѣ. Нѣтъ возможности сказать о числѣ убитыхъ и раненыхъ; но убытки несомнѣнно должны считаться сотнями тысячъ, если не милліонами». — Казаки пускаютъ въ ходъ нагайки, пишетъ другой корреспондентъ, но встрѣченные цѣлымъ залпомъ камней, вынуждены отступить. Толпа подошла къ магазину часовыхъ дѣлъ мастера, Бланкштейна. Раздается грохотъ — желѣзныя ставни разломаны, стекла разбиваются въ дребезги, рамы выламываются. Буяны врываются въ магазинъ и начинаютъ хозяйничать. Вещи, находящіяся въ магазинѣ, выбрасываются на улицу. Вотъ, съ грохотомъ падаютъ на мостовую громадные стѣнные часы и разбиваются въ мелкіе кусочки; другіе, третьи, четвертые и т. д. подвергаются той же участи; наконецъ, падаетъ градъ мелкихъ золотыхъ и серебряныхъ вещей. Стоящая на улицѣ толпа жадно все подбираетъ. Является отрядъ пѣхоты и дружнымъ натискомъ оттѣсняетъ отъ магазина толпу, а казаки плетьми разгоняютъ ее; производятся аресты, но мгновенно собравшаяся толпа отбиваетъ арестуемыхъ — Между тѣмъ на площади, что противъ братскаго монастыря, раздаются крики и вопли. Войска направляются туда. Я послѣдовалъ за ними по Александровской улицѣ, которая была покрыта пухомъ и перьями, точно снѣгомъ, и буквально запружена кусками разбитыхъ стеколъ, обломками мебели, остатками разныхъ товаровъ, клочьями изорванной одежды и матерій. Я подошелъ къ рынку.

«Трудно описать ту страшную картину, которую представлялъ въ то время Подольскій рынокъ. Крикъ, шумъ, свистъ, злобное гоготанье обезумѣвшей толпы. Еврейскія будки съ разными товарами разрушались до основанія. Жестяная и хрустальная посуда, зонтики, сапоги, вилки, перчатки, пуговицы, желѣзныя издѣлія, кружева, ложки, куски матерій, ножи, готовое платье — все носилось въ воздухѣ и потомъ падало на землю и расхищалось жадною толпою. Это былъ ужасный хаосъ, не поддающійся описанію... Вокругъ войскъ стояла толпа любопытныхъ; всѣ разговоры касались, разумѣется, происходящаго возмутительнаго событія, причемъ каждый спѣшилъ сообщить сосѣду какое ни-

будь новое извѣстіе о побоищѣ. „Теперь бьютъ евреевъ на Шулявкѣ!“ говорили одни; „грабятъ заводъ Бродскаго на Жилянской!“ сообщаютъ другіе; „Деміевка горитъ; на Куреневкѣ, Глубочицѣ не осталось ни одного еврейскаго дома въ цѣлости“, добавляли третьи. — Къ сожалѣнію, всѣ эти извѣстія оправдались. Предмѣстья Кіева сильно разорены; дома, въ которыхъ обитали евреи, обращены въ груды развалинъ; фабрики и заводы сожжены и разрушены. — Трудно перечислить всѣ подробности, всѣ грустные эпизоды этой возмутительной катастрофы. Общее впечатлѣніе самое тяжелое, самое гнетущее: нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ видъ этой дикой, оборванной, разъяренной толпы“.

„Ночью безобразія продолжались. Дикій гулъ и шумъ раздавался на Подолѣ и въ другихъ частяхъ города... Все, что только уцѣлѣло отъ безпощадной руки бушующей толпы 26 числа, превратилось въ пухъ и прахъ 2 апрѣля... Толпа буяновъ все болѣе и болѣе обострялась и въ своемъ азартѣ дошла до невѣроятнаго остервенѣнія... На Андреевскомъ спускѣ полиція и войска хотѣли было остановить буяновъ, но напрасно; буйная толпа торжественно, со свистомъ и гамомъ шла впередъ, вооруженная рабочими инструментами. Грустный видъ представляла эта жалкая „армада!“ Одинъ еле-еле прикрывалъ свою наготу; другой — кое-какъ напялилъ на себя женскій бурнусъ съ оторванными рукавами; третій — въ суконномъ сюртукѣ, еще не оконченномъ, съ бѣлыми поверхъ нитками; четвертый — прицѣпилъ на голову шиньонъ. Всѣ въ синякахъ, всѣ полубосые“. — Точь въ точь санкюлоты временъ Великой Революціи, съ тою разницею, что у насъ гроза не ограничивается большими городами, а распространяется и по захолустьямъ.

Корреспондентъ „Кіевлянина“ слѣдующимъ образомъ описываетъ безпорядки, бывшіе въ уѣздномъ городѣ Нѣжинѣ. „21 іюля въ 9 часовъ утра начала собираться толпа близь Соборной церкви, съ требованіемъ выпустить арестованныхъ наканунѣ и угрожая за убитыхъ, которыхъ оказалось 4 человѣка. Съ часъ толпа волновалась, но все таки стояла, не двигаясь. Наконецъ, около одиннадцати часовъ, по предложенію нѣкоторыхъ вожаковъ, двинулась къ первой полицейской части, которую хотѣли разбить, чтобы освободить арестованныхъ. Черезъ 5 минутъ толпа уже бѣжала рысью по Успенской улицѣ къ базару и съ криками: „бей жидовъ!“

устремилась на близь лежащіе еврейскіе дома... Солдаты пытались прикладами разогнать толпу, но безуспѣшно. Раздался залпъ, нѣсколько человѣкъ упало, но толпа не двигалась. Раздались крики: „насъ бьютъ... бей жидовъ“ и лавки Л., Р.. и другихъ, а также погреба были разбиты, и все предано уничтоженію... Пули не дѣйствовали. Толпа кричала: „стой! не уходи!“ Картина была ужасная. Полупьяные, пьяные и трезвые — все это смѣшалось, рвало, ломало, било, кричало, неистовствовало... Къ 5 часамъ разгромъ достигъ своего апогея — картина, потрясающая душу... Все вышло изъ обыденной колеи... Масса дикихъ, а не мирныхъ гражданъ покрывала площадь. И среди этой обезумѣвшей толпы и всеобщаго разрушенія — лужи крови и трупы съ распухшими лицами...“ О томъ же погромѣ читаемъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. „Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что не осталось ни одного еврейскаго дома, у котораго не были бы выбиты окна; мебель вся разрушалась и выбрасывалась на улицу. Одного пуху изъ еврейскихъ перьевъ до того было навалено на улицахъ, что онѣ представлялись какъ бы покрытыми снѣгомъ. Такъ продолжалось до двухъ часовъ за полночь... Офицеръ, командовавшій отрядомъ солдатъ на Магеркахъ, тѣснимый буйною толпою, вынужденъ былъ приказать сдѣлать залпъ, жертвой котораго легли четыре человѣка. *Залпъ не достигъ предполагаемаго результата: толпа не только не смирилась, но еще болѣе разсвирѣпѣла при видѣ труповъ своихъ соучастниковъ.* Съ крикомъ: „за кровь христіанскую!“ разъяренный народъ бросился на богатые еврейскіе дома и разрушалъ въ нихъ все до тла. Слѣдовала та же самая картина, что на Магеркахъ. Ни полиціи, ни мѣстныхъ солдатъ недостаточно было для усмиренія стихійной силы. Удалось только захватить нѣсколько человѣкъ зачинщиковъ, но и это опять лишь возбудило народъ. Толпа нахлынула на части и требовала освобожденія заключенныхъ; когда же требованіе ея не было удовлетворено, она бросилась на базаръ и начали разрушать всѣ лавки... Когда прибывшія роты солдатъ и полиція снова вздумали остановить толпу силой, то встрѣтили уже сопротивленіе: нѣсколько солдатъ и два офицера были даже довольно тяжело ранены. Ничего не оставалось дѣлать для усмиренія разъяренной толпы, какъ опять постра-

щать ружьями. Сперва данъ былъ холостой залпъ, но онъ, какъ и слѣдовало ожидать, ничуть не подѣйствовалъ. Нѣкоторые изъ мужиковъ и даже женщинъ подбѣгали къ офицерамъ и солдатамъ, подставляли свои груди и кричали: „бейте насъ, проливайте кровь христіанскую за проклятыхъ жидовъ, нашихъ мучителей и грабителей!“ Послѣ тщетныхъ неоднократныхъ увѣщаній оставить буйство, командующій отрядомъ офицеръ велѣлъ сдѣлать залпъ изъ заряженныхъ ружей... На землѣ оказалось шесть распростертыхъ труповъ. Невозможно описать, что произошло послѣ этого: ревъ, крикъ, стоны... Посторонніе свидѣтели этого ужаснаго зрѣлища крестились, и толпа дѣйствователей съ положительнымъ остервенѣніемъ бросилась на окончательное разрушеніе еврейскихъ лавокъ и пожитковъ. „Бей, ломи! кровь христіанская проливается!“ кричала толпа... Отказываюсь отъ дальнѣйшаго описанія дѣйствія. Скажу только, что народъ запретилъ убирать свѣжіе трупы, лежавшіе на площади предъ глазами всѣхъ, и прикрылъ ихъ полотномъ изъ разбитыхъ лавокъ. Полиціи и солдатамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ только быть простыми зрителями того, что творилось...

Запомнимъ, что послѣднія строки принадлежатъ „Московскимъ Вѣдомостямъ“. — Нашъ народъ во время возстанія вовсе не труситъ, какъ оказывается, передъ войсками и не деморализируется выстрѣлами. Совершенно напротивъ: столкновеніе съ вооруженной силой и видъ арестованныхъ товарищей только распаляютъ страсти толпы. Эта черта предрѣшаетъ многое.

Отношеніе къ полиціи и къ войскамъ вообще было весьма враждебное: „бей, полиція подкуплена!“ — раздавалось часто. Военнымъ народъ говорилъ: „Вы жидівські батькі: може жиди вамъ и карманы понабивали, — водкою-жъ подчують“ („Недѣля“). — Если казакъ ударялъ кого нибудь нагайкой, вся масса бросалась на него съ ожесточеніемъ и начинала бить. Такъ, напр., казацкаго офицера сильно избили за то, что онъ ударилъ плеткой одного изъ безчинствующей толпы; околодочнаго надзирателя — за попытку укрощать вынесли изъ кабака измятаго; на казаковъ сыпался градъ камней и палокъ, — бросали, чѣмъ попало; арестовывать толпа не допускала и дружно отбивала у солдатъ арестованныхъ“ („Порядокъ“). Въ одномъ селѣ

„нѣкоторые изъ вожаковъ были арестованы, при чемъ толпа кричала: «бери насъ всѣхъ, а не то мы силой ихъ выпустимъ». Наступило нѣкоторое затишье, но вскорѣ толпа начала опять собираться на базарную площадь. Пошли толки о необходимости разбить волостное правленіе и выпустить арестованныхъ. Становой приставъ и командующій ротой начали уговаривать толпу разойтись, но никакіе доводы не дѣйствовали. Поднялся шумъ и гамъ, и самаго пристава прижали къ стѣнѣ каменнаго дома, такъ что жизни его угрожала опасность. Только обѣщаніе выпустить арестованныхъ спасло его отъ грубой расправы толпы".

Движеніе это не ограничилось, какъ видно, и городами; оно широко охватило села и мѣстечки, куда едва-ли проникали «проходимцы". Вотъ, напримѣръ, картина погрома въ мѣстечкѣ Борисполѣ. Безпорядки начались здѣсь около полудня. „Къ вечеру, пишетъ корреспондентъ „Кіевлянина", были разгромлены всѣ еврейскіе дома. Глазамъ представилась ужасная картина разрушенія. Были уничтожены и разграблены толпою даже вещи, принадлежащія казацкому отряду. Было нѣсколько попытокъ разъяренной толпы разбить и почтовую станцію. Во все время разгрома казаки убѣждали народъ оставить безпорядки, но толпа была неумолима. Солдатамъ приходилось только слѣдить за тѣмъ, чтобы не было свалки. Къ вечеру, послѣ разбитія водочныхъ подваловъ, въ бушующей толпѣ оказалось много пьяныхъ, вооруженныхъ желѣзными ломами, кольями, серпами, заграбленными ножами, топорами. Пьяная толпа еще съ большимъ азартомъ принялась за дѣло разрушенія. Часовъ въ восемь вечера, въ большой толпѣ близь базара, послышались крики: „теперь пора жидовъ рѣзать!" Послышались раздирающіе душу крики евреевъ, женщинъ, дѣтей. Къ этому мѣсту помчалось нѣсколько казаковъ, но изъ нихъ скоро возвратился одинъ съ докладомъ, что „толпа мнетъ казаковъ". Исправникъ и жандармскій адъютантъ П., эсаулъ и нѣсколько еще бывшихъ тамъ офицеровъ съ казаками отъ почтовой станціи мигомъ отправились къ толпѣ. Послѣдняя неистовствовала. Между толпою и казаками шла отчаянная схватка. Попытка разсѣять толпу лошадьми оказалась неудачной; объ убѣжденіи словами не могло быть и помину. Въ казаковъ и офицеровъ посыпались камни, палки, явилось нѣсколько казаковъ, ушибленныхъ ломами, кольями.

Исправникъ случайно уклонился отъ удара брошеннаго изъ толпы кола. Требованіе, чтобы толпа разошлась, не имѣло никакого дѣйствія; пущенныя въ ходъ казаками нагайки также нисколько не останавливали разъяренной толпы. Угрозы, что будутъ по толпѣ стрѣлять, вызвали насмѣшки. Жандармскій офицеръ, ударомъ въ спину ломомъ, былъ свалень на землю; нѣкоторые изъ толпы уже готовы были покончить въ лежащимъ на землѣ офицеромъ. Изъ толпы многіе хватались за поводья казачьихъ лошадей, наносили удары казакамъ. Угроза стрѣлять не остановила буйства толпы. Пущены въ дѣло шашки; сдѣлано въ упоръ дравшихся нѣсколько выстрѣловъ... Послышались страшные крики. Были страшныя, неизобразимыя минуты. Вслѣдъ за выстрѣлами сотни, тысячи народа бросились бѣжать въ разсыпную... Оказалось на мѣстѣ катастрофы пять человѣкъ убитыми и нѣсколько раненыхъ. Невообразимо тяжела была на другой день картина, когда на заходѣ солнца медленно на крестьянскихъ одноконныхъ подводахъ потянулось черезъ мѣстечко пять сосновыхъ гробовъ, сопровождаемыхъ страшными криками женщинъ. Видя это печальное шествіе, евреи прятались...

Довольно подавляющихъ картинъ. Если нельзя остановить событія эти военною силой, то тѣмъ менѣе можно окреститься отъ нихъ такого рода постановленіями:

Прошеніе на великой эктеніи.

I „О еже не помянути грѣховъ и беззаконій нашихъ и потребити отъ насъ всѣ неистовыя крамолы супостатовъ, Господу помолимся.

II „О еже утвердити въ землѣ нашей безмятежіе, миръ и благочестіе, Господу помолимся.

И т. д. — постановленіями, которыя были бы смѣшны, если бы были менѣе глупы.

Впрочемъ, и въ правительственныхъ сферахъ люди, не лишенные окончательно разсудка, понимаютъ значеніе совершающихся событій. Въ печать проникли свѣдѣнія, „что изъ донесеній графа Кутайсова, командированнаго правительствомъ въ Кіевъ, Елисаветградъ, Одессу и другіе города южной Россіи для изслѣдованія коренныхъ причинъ еврейскихъ безпорядковъ, видно, что означенные безпорядки были вызваны не столько возбужденіемъ черни противъ

шинкарей и тому подобныхъ промышленниковъ-евреевъ, сколько экономическимъ положеніемъ народа, страдающаго отъ широкой эксплуатаціи всѣхъ кулаковъ, въ томъ числѣ и евреевъ. Насчетъ разселенія евреевъ по Россіи мнѣніе графа Кутайсова таково, что эта мѣра не можетъ дать успѣшныхъ результатовъ, если только экономическія отношенія останутся прежнія.“ То есть—дополнимъ,— если не будетъ разрѣшенъ соціальный вопросъ, если не будетъ, прежде всего, уничтожено самодержавіе, поддерживающее и порождающее общественныя неурядицы.

Когда наше „правительство,“ сбитое съ толку событіями, предлагаетъ высказаться по общественнымъ вопросамъ представителямъ самого общества, то болѣе разумные и честные изъ нихъ всегда указываютъ, что искорененіе зла должно начаться именно съ самодержавія. Люди, именующіе себя правительствомъ, не спѣшатъ принять это во вниманіе; они ждутъ новыхъ событій, которыя не заставятъ себя долго ждать...

По поводу еврейскихъ погромовъ многіе интересовались ролью, которую мы, соціалисты-революціонеры, оставляемъ за собою при подобныхъ народныхъ расправахъ. Во имя гуманности тяжело отвѣчать на это, но отвѣтъ самъ по себѣ ясенъ. — Помните у Тэна одну сцену изъ французской революціи? Къ трупу женщины, только что задушенной разъяренной толпой, бросается одинъ изъ убійцъ, распарываетъ ей грудь, вырываетъ сердце и въ иступленіи впивается въ него зубами. Потрясающія сцены. — Но неужели Робеспьеръ, Дантонъ, С. Жюстъ и Демуленъ, въ виду крайностей разъяреннаго притѣсненіями народа, должны были отказаться отъ своей роли и своей обязанности въ исторіи Франціи.

Проявленіе революціоннаго движенія зависитъ отъ міросозерцанія извѣстнаго класса или извѣстнаго общества, но результаты его обусловливаются степенью его сознательности, при чемъ направляющей силой является передовая, болѣе энергичная и болѣе сознательная революціонная группа. Во Франціи, во время революціи, такой группой долго были якобинцы; въ Россіи является Исполнительный Комитетъ. Относиться не только отрицательно, но даже индиферентно къ чисто-народному движенію мы не вправѣ; мы обязаны выражать общую формулу всѣхъ силъ,

справедливо недовольныхъ и активно-протестующихъ, и сознательно направлять эти силы, удерживая при этомъ ихъ исходный пунктъ *).

Отъ роли передовыхъ бойцовъ мы, конечно, не откажемся. Но если бомбы опять не помогутъ, если опять явятся шарлатаны и безумцы, которые по прежнему захотятъ мучить нашу страну, то скоро придетъ за нами и выдвинетъ насъ волна народнаго террора. Прорвутся стихійныя силы; повторятся ужасы Французской Революціи и Пугачевскаго бунта.

Достаточно будетъ случайной искры, и она зажжетъ пожаръ народнаго возстанія; онъ ураганомъ пронесется по Русской землѣ, зальетъ кровью страну.

Трудно предсказать заранѣе исходъ такого возстанія; но историческая будущность откроется предъ русскими владѣющими классами. — Когда приходитъ часъ расплаты, народъ бываетъ безпощаденъ.

САРАТОВЪ, 6 августа.

Сообщаю вамъ на скорую руку, кое какія свѣдѣнія, собранныя мною въ Поволжьѣ.

Объявленія, разосланныя Исп. Ком. по всему Поволжью, возбудили среди крестьянства самые оживленные толки. Много было, разумѣется, и недоразумѣній. Такъ, напр., крестьяне иногда смѣшивали Исп. Ком, съ коммисіей по вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей. Вслѣдствіе этого, говорять, нерѣдко бывали случаи подачи оффиціальныхъ прошеній на имя Исп. Ком. Народной Воли. Но, во всякомъ случаѣ, слухъ объ *Объявленіяхъ* разошелся по всему Поволжью, и крестьяне жадно искали случая ознакомиться съ ихъ содержаніемъ. Въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ *Объявленія* были дѣйствительно получены, они читались обыкновенно на сходахъ, и чтеніе нерѣдко заканчивалось выборомъ ходоковъ для представленія царю народныхъ же-

*) Авторъ здѣсь повторяетъ только взглядъ, высказанный Исполнительнымъ Комитетомъ въ прокламаціи къ Украинскому народу отъ 30 августа 1881 г.

ланій, и сборомъ денегъ, необходимыхъ на поѣздку ходоковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне, въ своихъ прошеніяхъ, находили требованія, поставленныя *Объявленіемъ*, недостаточными, а именно — «увеличеніе надѣловъ» замѣняли предоставленіемъ *всей* земли крестьянству. До какой степени крестьяне поняли необходимость конспираціи въ дѣлѣ прошеній, можно видѣть изъ того, что *Объявленія* ими почти никогда не выдавались начальству, не смотря на самыя усиленныя требованія становыхъ. Становые вообще съ ногъ сбились, разыскивая *Объявленія*, но собирали ихъ очень мало. Крестьяне большею частью не скрывали, что получили ихъ, но выдавать отказывались, иногда ссылаясь на то, что выдача воспрещена самими *Объявленіями*, иногда просто отговариваясь, что не знаютъ, гдѣ оно. Вотъ одинъ случай, показывающій, съ какимъ интересомъ относилось крестьянство къ этому дѣлу. Въ деревнѣ Саратовскаго уѣзда *Объявленіе* было получено на имя мужика, котораго не было сейчасъ дома. Жена его понесла «письмо» по обыкновенію къ священнику для прочтенія. Батюшка прочелъ — и ахнулъ. Отказавшись объявить бабѣ содержаніе письма, онъ сказалъ ей, что тутъ написаны бунтовскія слова, которыхъ никому говорить нельзя. Баба покорилась судьбѣ; но мужики, услыхавъ обо всемъ, толпою явились къ священнику, прося прочитать имъ письмо. Священникъ наотрѣзъ отказался. Между тѣмъ явился домой самъ адресатъ и немедленно кинулся къ священнику. «Письмо мнѣ прислано, давай его назадъ», настаивалъ мужикъ, поддерживаемый толпою крстьянъ. Слово за слово — дѣло дошло до насилія. Мужики начали бить попа, и хотѣли даже пытать. Священникъ сперва говорилъ: «не отдамъ, хоть убейте», но потомъ испугался и сказалъ, что *Объявленіе* зарыто въ пасѣкѣ. Мужики толпой двинулись на пасѣку, а священникъ, пользуясь плохимъ надзоромъ, ускользнулъ. Натурально, мужики на пасѣкѣ ничего не нашли.

Становой съ полученнымъ *Объявленіемъ* немедленно явился усмирять бунтъ. Его крики не имѣли, однако, никакого вліянія. Крестьяне упорно настаивали на прочтеніи имъ *Объявленія*. «Дурачье! да вы развѣ знаете, что это за бумага?» — «Мы знаемъ, что должна быть отъ Вольнаго Земельнаго Комитета. А что написано — это и хотимъ

знать,» отвѣчали мужики. Становой вынулъ бумагу и говоритъ: «Ну, вотъ вамъ, слушайте, коли ужъ такъ захотѣли». Затѣмъ онъ сымпровизировалъ имъ содержаніе, будто бы требующее возвращенія крестьянъ въ крѣпостное состояніе. Мужики слушали въ недовѣріемъ, потомъ въ толпѣ поднялся смѣхъ и, наконецъ, отовсюду заговорили: «Ловокъ, ловокъ. Нѣтъ, братъ, коли бы такое было, тебѣ бы лестно было намъ бумагу отдать. А видно не то, если не хочешь показать самимъ. Давай-ка — мы сами прочитаемъ. можетъ выйдетъ совсѣмъ иначе.» Однако до насилія надъ становымъ крестьяне не дошли и остались безъ своей бумаги.

Выбранные народомъ ходоки, отправлялись обыкновенно къ губернаторамъ. Ихъ, разумѣется, гнали, но иногда они приносили въ деревню такой отвѣтъ, будто губернаторъ сказалъ, что теперь подавать прошеній нельзя, а когда будетъ можно, онъ самъ извѣститъ крестьянъ. На сколько вѣрно это, сказать не могу, но ходоки во всякомъ случаѣ такъ утверждаютъ, и въ нѣкоторыхъ обществахъ было рѣшено — деньги, собранныя на подачу прошенія, оставить неприкосновенными впредь до тѣхъ поръ, какъ будетъ разрѣшеніе подачи прошеній.

Въ печати было уже намеками сообщено о происшествіяхъ въ саратовскихъ казармахъ. Казармы, въ которыхъ было разбросано несколько десятковъ прокламацій, дѣйствительно въ теченіе цѣлаго мѣсяца были заперты: встревоженное начальство хотѣло такимъ образомъ помѣшать всякимъ сношеніямъ между солдатами и народомъ. Но потомъ, собравши всѣ прокламаціи и убѣдившись изъ разспросовъ солдатъ, что никто прокламацій не читалъ, воинскій начальникъ успокоился. На самомъ дѣлѣ, разумѣется, не было солдата, который бы не ознакомился съ содержаніемъ прокламаціи, иные знаютъ ее наизусть. Но, конечно, что на разспросы начальства всѣ отвѣчаютъ: знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ". Тогда воинскій начальникъ собралъ всѣхъ солдатъ и заявилъ: „Ну, братцы, вижу, что вы ни въ чемъ не повинны. Вотъ же я вамъ прочту эту самую бумагу, чтобы вы знали, какіе это люди, и чего они добиваются". Затѣмъ онъ прочелъ — опять собственную импровизацію — будто бы въ бумагѣ угрожаютъ перебить всѣхъ солдатъ, также какъ убить царя. По мѣрѣ того, какъ хитроумный политикъ читалъ свое произведеніе, солдаты все болѣе ожи-

лялись, переглядывались, перешептывались. „Ну, ребята, поняли теперь?“ — „Поняли, ваше высокоблагородіе“ — рявкнули сотни голосовъ. И не успѣлъ воинскій начальникъ выйти, какъ раздались ругательства: „Поняли теперь, поняли васъ... такихъ сякихъ. Такъ то вы и всѣ приказы, видно, читаете. Написано одно, а онъ читаетъ другое. Хорошо, что сами раньше прочитали, а то бы и повѣрили такому, сякому. Теперь поняли“.

„И все къ дѣлу написано въ бумагѣ, прибавлялъ одинъ солдатъ, разсказывавшій между прочимъ эту исторію, все къ дѣлу сказано. Одно только обидно: отчего объ насъ ничего не сказано, ужъ будто мы, солдаты, такъ ничего и не стоимъ. Крестьянину, рабочему, всѣмъ говорятъ, только объ солдатѣ ничего. А то все къ дѣлу“.

Въ слѣдующій разъ я сообщу вамъ болѣе подробный очеркъ отношеній народа къ прокламаціямъ и вообще къ событіямъ послѣдняго времени.

МАТЕРИ

Снился мнѣ образъ твой — нѣжный, тоскующій...
Ты предъ иконою низко склонилась —
Съ вѣрою кроткою, душу врачующей —
И о единственномъ сынѣ молилась...

Полно, родимая! мучимый жаждою
Истины, — сынъ твой дорогой тернистою
Шелъ и передъ вѣчною жизненной правдою
Смѣло предстанетъ онъ съ совѣстью чистою.

Не надрывай же ты сердца щемящаго,
Не удручай себя тщетнымъ моленіемъ
И одинокаго узника спящаго
Не отуманивай скорбнымъ видѣніемъ.

В. Х. К—овъ.

8 марта 1881 г.

ИЗЪ ВОРОНЕЖА

Ожиданіе новой нарѣзки земли повсемѣстно въ губерніи за рѣдкими исключеніями усилились. Черный передѣлъ (названіе впрочемъ не особенно употребительное) по прежнему составляетъ фокусъ всѣхъ деревенскихъ желаній, думъ и разговоровъ. Всѣ событія пріурочиваются къ этимъ упованіямъ, оцѣниваются съ этой точки зрѣнія. Этотъ передѣлъ представляется крестьянамъ въ разныхъ мѣстностяхъ не одинаково, при чемъ представленія поминутно мѣняются, такъ какъ носятъ форму слуховъ. Намъ удалось собрать довольно много свѣдѣній объ этомъ предметѣ, благодаря программамъ, розданнымъ въ разные концы губерніи. Этими свѣдѣніями мы здѣсь и подѣлимся.

Передѣлъ земель по всеобщему убѣжденію долженъ состояться на основаніи указа отъ царя. Въ представленіи же о самомъ передѣлѣ крестьяне расходятся. Въ Воронежскомъ уѣздѣ пришлось встрѣтиться съ тремя взглядами. По первому, вся земля будетъ взята въ казну и уже потомъ казна надѣлитъ всѣхъ — „баринъ ли, крестьянинъ ли — всѣмъ по 8 десятинъ.“ Согласно второму взгляду, земля будетъ отбираться только у помѣщиковъ и только излишекъ сверхъ 500 десятинъ. Отобранная земля будетъ подѣлена между крестьянами по достаткамъ: кто изъ нихъ можетъ больше платить, тотъ больше и получитъ. Въ третьемъ мѣстѣ способъ подѣла такой же, какъ и въ первомъ, только съ той разницей, что земля не будетъ отдаваться въ собственность ни отдѣльнымъ лицамъ, ни общинамъ, а будетъ арендоваться тѣми и другими. Надѣла ждутъ послѣ ревизіи, которая должна послѣдовать „не нынче — завтра.“

Въ Валуйскомъ уѣздѣ то же самое: по словамъ однихъ крестьянъ, у помѣщиковъ возьмутъ всю землю, по словамъ другихъ — часть; также расходятся слухи о томъ, въ собственность или въ аренду будетъ раздаваться отобранная земля. „Уравненіе земли,“ по словамъ крестьянъ, должно произойти нынѣшней осенью и произойти по царскому приказу. Эту вѣсточку принесъ имъ изъ Питера какой-то странничекъ „отъ самого царя-батюшки“.

Въ прошломъ году ожиданіе „уравненія земли“ охватило

все крестьянство Валуйскаго уѣзда, и только изрѣдка встрѣчались люди, относившіеся скептически къ этимъ слухамъ.

Въ этомъ году замѣтно нѣкоторое охлажденіе, скептиковъ встрѣчается больше, и масса уже не такъ увѣрена въ осуществленіи своего завѣтнаго желанія „уравненія земли.“

Въ Острожскомъ уѣздѣ слухи о передѣлѣ также сильно распространены, но попадаются и такія села, гдѣ ни о какихъ передѣлахъ и надѣлахъ ничего не слышно, хотя въ нихъ недовольство недостаточностью земли и тягостью податей не меньше, чѣмъ у первыхъ. Въ такихъ селахъ на вопросъ: „какъ же быть?“ отвѣчаютъ: „да такъ, видно- бѣдствовать и будемъ!“

Норму надѣла въ этомъ уѣздѣ также считаютъ 8 десятинъ. На этомъ основаніи государственные крестьяне, имѣющіе на душу 8 десятинъ, хотя и ожидаютъ „уравненія земли,“ но собственный ихъ надѣлъ, по ихъ мнѣнію, останется тотъ же. „Развѣ податей сбавятъ.“

Изъ Бирючинскаго уѣзда сообщаютъ то же самое, но добавляютъ, что крестьяне, хотя и ожидаютъ передѣла, но смущаются тѣмъ, не придется ли слишкомъ дорого оплачивать землю, не навалятъ ли такихъ податей за выкупъ, что и земля будетъ не въ радость.

Земля, по болѣе распространенному мнѣнію, отойдетъ къ крестьянамъ за выкупъ, по примѣру надѣла землей при освобожденіи.

На границѣ Тамбовской губ., особенно въ Козловскомъ уѣздѣ Там. губ., вмѣсто чернаго передѣла встрѣчается слово «литурія», съ нимъ однозначущее, но точное происхожденіе котораго намъ не удалось узнать. Норма надѣла предполагается тоже въ 8 десятинъ.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ожидаютъ только возвращенія отрѣзокъ, отошедшихъ помѣщикамъ при надѣлѣ крестьянъ землей.

Нужда въ землѣ такъ велика, сознаніе у крестьянъ своихъ правъ на землю такъ твердо, наконецъ, фантазія крестьянина такъ безсильна въ пріисканіи способовъ выходовъ изъ своего положенія, — что еще долго придется жизни разбивать его иллюзіи. Трудность этого заключается еще въ томъ, что по нашимъ мѣстамъ запѣвалами на міру являются старики. А они еще помнятъ время предъ освобож-

деніемъ крестьянъ, когда слухи объ освобожденіи появились задолго до него и такъ же, какъ теперь, слухи о «передѣлѣ» встрѣчали гоненіе начальства и отрицаніе со стороны людей разныхъ классовъ, особенно сюртучниковъ. Удивительнѣй всего то, что на этомъ основывается и увѣренность многихъ помѣщиковъ и помѣщицъ изъ типа «старосвѣтскихъ» въ томъ, что рано или поздно, а крестьяне получатъ свое.

Но какъ бы то ни было, число скептиковъ въ ближайшемъ будущемъ будетъ все рости и рости.

Ожиданіе земли отъ царя уже показываетъ, какъ смотритъ до сихъ поръ крестьянство на него. Царь, по мнѣнію значительнаго количества крестьянъ, только и думаетъ о томъ, какъ бы надѣлить ихъ землей, но бары вѣчно ему препятствуютъ, вѣчно строятъ ему козни. Такое воззрѣніе встрѣчается въ Казацкой и Козинской волостяхъ Валуйскаго уѣзда, испытавшихъ сильную военную экзекуцію въ 75 году послѣ «бунта» изъ-за лѣса, отнятаго у нихъ помѣщиками Струве и Шидловскимъ. Но на ряду съ этимъ въ этихъ волостяхъ послѣ I Марта произошло нѣсколько арестовъ крестьянъ, обвиняемыхъ въ оскорбленіи имени Величества. Эти два явленія повсюду встрѣчаются вмѣстѣ.

Большинство вѣритъ въ благія намѣренія царя, но думаетъ, что онъ «одинъ ничего не подѣлаетъ»; меньшинство поноситъ царя и говоритъ большинству: какъ же, жди, станетъ онъ изъ-за тебя, сиволапаго, ссориться съ господами и генералами». Къ послѣднему направленію большею частію принадлежитъ народъ молодой.

Съ этой точки зрѣнія крестьянство и объяснило себѣ событіе I Марта. Это — продолженіе старой борьбы. Царя убили баре, говоритъ большинство. Малороссы стоятъ на этомъ твердо. Великороссійское же населеніе болѣе разспрашиваетъ, и многіе относятся съ большимъ скептицизмомъ къ своимъ собственнымъ увѣреніямъ, что царя убили баре. Такъ, въ Орловск. вол. Воронежской губ. свѣдѣнія получены, по ихъ словамъ, крестьянами отъ урядника, и они ему не совсѣмъ вѣрятъ: «може и бреша» — добавляли они подъ конецъ своего сообщенія.

Слухи о томъ, что царя убили соціалисты, и кто такіэ послѣдніе, расходятся преимущественно изъ города, чрезъ прислугу особенно и отъ мелкихъ помѣщиковъ. Распро-

страняются они съ каждымъ разомъ все шире. Поэтому теперь легко встрѣтить крестьянина, который, начавъ съ увѣренія, что царя убили господа, потомъ добавитъ съ вопросительнымъ взглядомъ: «а може и не они?» «може и за насъ?» — и затѣмъ оказывается, что слышалъ онъ то-то и то-то по этому поводу.

Но есть мѣстности, гдѣ не существуетъ сомнѣнія, что убійцы не господа. Такими мѣстностями изобилуетъ особенно Бобровскій уѣздъ, въ которомъ крестьянство особенно обдѣлено и преобладаютъ крупныя имѣнія. Здѣсь въ одномъ мѣстѣ пришлось слышать, что царя убили петербургскіе «мѣшшане», а въ частности «мѣшшанинъ Рысачевъ». Въ другомъ мѣстѣ того же уѣзда думаютъ, что это сдѣлали студенты, друзья мужиковъ. Въ третьемъ (это приходилось слышать и въ Воронежскомъ уѣздѣ) — тоже студенты, но за то, что царь спряталъ какую-то Брюсову книгу.

Что касается другихъ убійствъ революціонной партіи, то ихъ объясняютъ тоже различно. Одни полагаютъ, что это бьютъ господа или другой кто вѣрныхъ слугъ государевыхъ; другіе, что это господа стрѣляются между собой: «мы подеремся, а они, поссорился — пифъ-пафъ да и кончено»; наконецъ, третьи, не вѣрящіе въ благость царя, полагаютъ, что это бьютъ вѣрныхъ слугъ его — подлеца. Но все это крестьянинъ говоритъ гадательно. Самое обширное и частое распространеніе прокламацій, какъ показалъ опытъ, необходимѣйшее средство для искорененія этой темноты.

Какъ бы то ни было, увѣренность въ «передѣлѣ», а съ ней и престижъ царя погибнутъ въ самомъ близкомъ будущемъ. Крушеніе фантасмагоріи царской благости въ глазахъ крестьянина для нашей мѣстности облегчается тѣмъ, что Воронежскую губернію часто посѣщаютъ великіе князья. Въ Бобровскомъ уѣздѣ Николаю Николаевичу Старшему принадлежитъ имѣніе «Чесменка», и въ Воронежскомъ уѣздѣ Александру Петровичу Ольденбургскому «Рамонь», верстахъ въ 40 отъ города. Кромѣ того, многіе князья ѣздятъ на охоту въ степи казенныя и принадлежащія крупнымъ частнымъ землевладѣльцамъ. Волосъ дыбомъ становится, если послушать о ихъ подвигахъ. Нѣкоторыя безобразія происходятъ до того постоянно, что

пріобрѣли названіе «правовъ» въ устахъ крестьянъ. Названія для многихъ изъ нихъ можно отыскать въ трущобахъ среднихъ вѣковъ. Намъ пришлось быть на станціи «Лиски» Вор. Ростов. желѣзной дороги. Окрестные крестьяне испытали прелести пребыванія Николая Николаевича Младшаго. Онъ пріѣзжалъ туда охотиться. «Какъ же, былъ... говорили намъ крестьяне, всѣхъ дѣвокъ и бабъ перепортилъ...» Конечно, это несправедливое обобщеніе: портилъ не одинъ онъ, а и вся его челядь. Или сгоняли женщинъ съ цѣлой деревни, тащили силой, если не шли добромъ. То же самое постоянно происходитъ и въ вышеупомянутыхъ резиденціяхъ Высоч. За красивѣйшими дѣвушками слѣдятъ съ малолѣтства чтобы не «упустить». Ихъ приготовляютъ на жертву высочайшимъ гостямъ. Во время пріѣзда многихъ князей и свиты, страдаютъ тоже цѣлыя деревни. Но здѣсь, хотя съ виду, отсутствуетъ насиліе. О цѣнѣ за дѣвушку договариваются обыкновенно съ родителями ея. Опасаясь гоненій со стороны всякаго начальства, а то и въ виду возможности голаго насилія, родители обыкновенно предпочитаютъ лучше получить что нибудь за свой позоръ. Животныя страсти такъ разнузданы, что въ Рамони сцены безобразія происходятъ иногда среди бѣлаго дня. Кстати сказать, что платятъ ихъ высочества не дорого. Въ «Лискахъ» бабы получали по 1 руб., а дѣвушки по 2 р.

Для Великокняжескихъ охотъ въ Бобровскомъ уѣздѣ и въ восточной части Воронежскаго берегутъ волковъ и запрещаютъ ихъ стрѣлять. Отъ такого запрещенія бѣдствуютъ окружающія деревни, такъ какъ волковъ въ этомъ уѣздѣ въ небольшихъ лѣскахъ, называемыхъ здѣсь кустами, водится масса. Другая бѣда, когда являются князья охотиться. Цѣлыя волости сгоняются для участія въ охотѣ. Кусты съ вечера окружаются крестьянами, и они должны до утра караулить, чтобы звѣрь не ушелъ изъ лѣса. Конечно, это ведетъ по большей части къ противному, а народъ мучается. Засимъ крестьяне участвуютъ въ загонѣ. Вознагражденіе за это они хотя и получаютъ, но очень скудное. Кто здѣсь виноватъ — великіе князья или становые, черезъ которыхъ они передаютъ деньги, судить не беремся.

Антагонизмъ между сословіями и особенно между крестьянами и помѣщиками за нынѣшеее лѣто страшно усилился. По всей губ. ходятъ слухи, что пришла какая-то бумага

запрещающая работать на помѣщиковъ, какіе-то урядники и становые разъѣзжаютъ, по слухамъ, по губ. и тоже запрещаютъ работать на помѣщиковъ, а если крестьяне захотятъ работать, то должны брать за уборку десятины не менѣе 40 руб. (обыкновенно 3-8 руб.). Какъ вслѣдствіе этихъ слуховъ, такъ въ особенности вслѣдствіе очень хорошаго урожая и слѣдовательно увеличенія спроса на рабочихъ, рабочая плата на сельскихъ работахъ поднялась на 30, 40 проц., мѣстами на 80; есть даже изрѣдка на 100, но даже и за такую плату въ нѣкоторыхъ селахъ крестьяне отказываются работать. Это случилось въ сѣверной части Воронежскаго уѣзда около села Шукавки и Раевки. Мѣстные помѣщики обратились съ просьбами къ начальству. Все начальство въ положенномъ составѣ явилось для умиротворенія. То же произошло въ Бобровскомъ и Землянскомъ уѣздахъ. Въ то время, какъ я пишу эти строки (половина сентября, и уже осень на дворѣ), мнѣ извѣстно, что во многихъ имѣніяхъ засѣяна только меньшая часть земли, за недостаткомъ рабочихъ. Кромѣ того, въ этомъ году, гдѣ крестьяне и шли работать, тамъ они все таки убирали свой хлѣбъ прежде. И помѣщичій хлѣбъ, вопреки обычаю, лежалъ и осыпался въ полѣ, что прежде случалось съ мужицкимъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ зимнія наемки, главное средство закабаленія, должны сильно сократиться.

Такое отношеніе крестьянъ къ помѣщикамъ мѣстами, разумѣется, обостряется, и тутъ слѣдуютъ поджоги и воровства скота, хлѣба. Воровство копенъ съ поля повсемѣстно. Поджоги все болѣе распространяются, при чемъ у нѣкоторыхъ помѣщиковъ жгутъ особенно часто. Часты очень поджоги (каждый годъ нѣсколько) въ Воронежскомъ уѣздѣ, вокругъ Хавы Покровской, она же верхняя. Въ Бирючевскомъ уѣздѣ ежегодно жгутъ помѣщика Рѣзникова, въ Бобровскомъ — Сѣверцова. Только что сожгли Марина въ Подгорномъ, въ 6 верстахъ отъ Воронежа. Пишущему эти строки крестьяне сами говорили, что подожгли помѣщика за то, что онъ беретъ слишкомъ много за прогонъ скота чрезъ его землю.

Ко всему этому еще присоединились толки по поводу распространенныхъ революціонныхъ прокламацій. Если только прокламація не попадала на адресъ кулака или не была конфискована, она обыкновенно подвергалась

самому широкому и разнообразному толкованію. Намъ извѣстны случаи, когда прокламацію берегли, и изъ другихъ деревень приходили ее читать. Все это держалось въ строжайшей тайнѣ, хотя единственно только изъ того побужденія, что «узнаетъ-де становой, онъ покою не дастъ, всю волость на ноги поставитъ».

Неспокойное настроеніе крестьянъ, масса слуховъ, распространеніе прокламацій, раскидка ихъ въ городѣ, взрывъ въ семинаріи, послѣ котораго вышла печатная прокламація — все это заставляло начальство подозрѣвать присутствіе въ губерніи крамолы; оно закопошилось. Всѣ крестьянскія письма вскрывались, ихъ не читали, а искали *печатнаго*. Въ большихъ селахъ всѣхъ проходящихъ и не принадлежащихъ къ мѣстнымъ жителямъ останавливали, отводили въ волость и обыскивали догола. При этомъ писари часто крали деньги. Особенно подвергались напастямъ прохожіе, имѣющіе видъ богомольцевъ.

Во городѣ началось съ того, что изъ семинаріи исключили 17 человѣкъ, изъ нихъ 13 съ единицей поведенія и 4 съ тремя; у всѣхъ въ билетахъ написано: «по политической неблагонадежности». Многіе изъ нихъ уже сдали экзаменъ изъ четвертаго класса въ пятый, но имъ «не зачли» это и выпустили какъ бы изъ третьяго класса.

Интереснѣе всего, что слѣдствіе по дѣлу о взрывѣ печи въ ректорскомъ кабинетѣ велось прокуроромъ крайне строго, такъ какъ онъ получалъ ежедневно по двѣ телеграммы изъ Петербурга съ требованіемъ открыть виновныхъ; и не смотря на это, слѣдствіе никого не указало, какъ виновника взрыва. Всѣ 17 искючены по подозрѣнію семинарской администраціи и по навѣтамъ товарищей-шпіоновъ. Изъ нихъ 14 были высланы вслѣдъ затѣмъ административнымъ порядкомъ на мѣсто родины.

Послѣ расклейки прокламацій были обыски у чиновниковъ Андріевскаго, Абалмазова и присланныхъ изъ Москвы подъ надзоръ полиціи Серебрянниковыхъ. Всѣ обыски не привели ни къ чему. Только 7 типографскихъ буквъ найденныхъ у Андріевскаго, послужили поводомъ къ распространенію слуховъ по городу, что въ Воронежѣ найдена типографія. Еще раньше были арестованы: гимназистъ Ростовцевъ и бывшіе гимназисты Знаменскій и Хворостанскій по поводу публичнаго чтенія Знаменскимъ прокламa-

цій въ вагонѣ желѣзной дороги 13 августа. Хворостанскій судился военно-окружнымъ судомъ, пріѣхавшимъ сюда для этого изъ Харькова. Результаты извѣстны изъ газетъ.

15-го іюля арестованъ въ Воронежѣ Шульцъ, по обвиненію въ распространеніи прокламацій въ Давыдовкѣ, селѣ при станціи того же имени Рост.-Вор. жел. дор.; послѣ этого, по родственнымъ отношеніямъ, былъ обыскъ у учителя Киселева. Въ сентябрѣ арестованъ нѣкто Бушманъ. Изъ Острогожска высланъ въ Восточную Сибирь купеческій сынъ Леготчиковъ по доносу отца. Кромѣ этихъ, были еще аресты. Въ Воронежской тюрьмѣ сидятъ теперь два ремесленника Автократовъ и Васильевъ за оскорбленіе имени величества.

20 сентября 1881 г.

ЯРОСЛАВЛЬ, 15-го августа.

Внезапное, хотя и разсчитанное, путешествіе царя по верхнему Поволжью долго служило здѣсь предметомъ толковъ. Аресты въ городахъ мало-мальски подозрительныхъ лицъ на время проѣзда царя, обманные маршруты, показные старики, обязательно являющіеся, по наряду полиціи, на мѣстахъ царской стоянки, взамѣнъ конвоя — вновь изобрѣтенный суррогатъ народа въ видѣ легіона шпіоновъ, окружающихъ царя на всѣхъ стезяхъ его, чрезмѣрная подозрительность полиціи, — все это породило массу курьезовъ.

Разскажу объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ проѣздъ царя въ Ярославль.

У насъ, какъ, вѣроятно, и вездѣ, царскими предтечами явились петербургскіе сыщики. Особенно замѣтны они были на обоихъ вокзалахъ и на всѣхъ пристаняхъ. 21 іюля на вологодскомъ вокзалѣ, вниманіе одного изъ соглядатаевъ остановилъ на себѣ дом. уч. Сулковскій, съ бѣлымъ узелкомъ въ рукахъ. Этотъ то злосчастный узелокъ съ бѣльемъ и надѣлалъ хлопотъ. Сулковскій, встрѣтившись со своимъ знакомымъ — бывшимъ народнымъ учителемъ Дементьевскимъ, въ разговорѣ упомянулъ, между прочимъ, фамилію студента Декаполитова и собрался было уже ѣхать въ квартиру знакомой женщины, какъ былъ арестованъ штатскимъ наблюдателемъ. Далѣе —

производятъ обыскъ у Дементьевскаго и у знакомой Сулковскаго женщины. Самое тщательное изслѣдованіе, съ разбиваніемъ сундуковъ и проч., не открываетъ, однако, ничего подозрительнаго. Не то въ квартирѣ студента Декаполитова. Здѣсь находятъ кожу со слѣдами буквъ на ней, чернила и пр. принадлежности для литографированія лекцій, краски для сценической гриммировки. Полиція соображаетъ, что тутъ была тайная типографія, а потому забираетъ не только Декаполитова и его сожителя Новицкаго, но и хозяйку квартиры Балабонину, какъ укрывательницу типографіи. 23 іюля, послѣ отъѣзда царя, всѣ эти лица были освобождены, обязавшись подпиской о невыѣздѣ изъ Ярославля.

Гораздо своеобразнѣе и неожиданнѣе другая мѣра предосторожности. Студенты Демидовскаго Лицея получили повѣстки, приглашающія ихъ явиться въ Лицей къ 9 час. утра 23 іюля. Будущіе жрецы Ѳемиды наивно полагали, что ихъ желаетъ видѣть новый императоръ. Вышло не то: всѣ двери зданія тотчасъ были заперты, и студентовъ продержали подъ арестомъ до отъѣзда царя.

Подозрительность полиціи не знала границъ. Говорятъ, джентельмены въ цилиндрахъ не допускались къ царской особѣ, изъ опасенія, что въ цилиндрѣ можетъ заключаться метательный снарядъ. Разсказываютъ, что бабу съ кувшиномъ молока заставили или выпить или вылить молоко, опасаясь, что молокомъ маскированъ разрывной снарядъ.

Не трудно представить себѣ, какое впечатлѣніе въ народѣ оставило по себѣ это небывалое по обстановкѣ путешествіе. Скажу коротко: царь былъ почти вездѣ встрѣченъ холодно, если не считать шпіонскихъ и полицейскихъ восторговъ.

На дняхъ освобожденъ изъ тюрьмы рабочій Поліевктъ Назаретскій, арестованный въ мартѣ 1881 г. на фабрикѣ Корзинкина.

ЯЛТА, 12 сентября.

Крымъ — родина Желябова. Въ Крыму, въ имѣніи матери и въ другимъ мѣстахъ, бывала по долгу Перовская. Нѣтъ ничего удивительнаго, что у нихъ остались здѣсь родственныя связи и множество частныхъ знакомствъ. Надо думать, эти сообра-

женія побудили правительство обратить особенное вниманіе на нашъ благодатный уголокъ. И дорого же обошлась намъ эта заботливость начальства. Ложнымъ доносчикамъ открывался полный просторъ. Наша свобода и безопасность очутились цѣликомъ въ рукахъ этихъ вершителей судебъ. Замѣчательно, что всѣ обыски, о какихъ только мнѣ приходилось слышать, не повели ни къ какимъ «открытіямъ», не обнаружили ничего предосудительнаго, тѣмъ не менѣе заподозрѣнныя лица арестованы и обвиняются исключительно по ложнымъ доносамъ.

На другой день послѣ ареста Перовской произведенъ былъ обыскъ въ имѣніи ея матери, въ 3-хъ верстахъ отъ Севастополя, при чемъ арестованъ и увезенъ въ Петербургъ Василій Перовскій. До сихъ поръ онъ содержится въ Домѣ Пред. Закл., хотя вся вина его заключается въ томъ , что онъ братъ Перовской.

Въ маѣ былъ обыскъ у бывшаго студента Кіевскаго Универститета Львова, мѣсяца за два передъ тѣмъ возвращеннаго изъ Пинеги, куда онъ былъ сосланъ за студенческую исторію. При обыскѣ. не смотря на внимательный анализъ всѣхъ самыхъ сокровенныхъ мѣстъ, ничего компрометирующаго не найдено. Однако и послѣ продолжали слѣдить за Львовымъ, объясняя все это желаніемъ «обѣлить» его, ибо на него пало подозрѣніе въ разсылкѣ по деревнямъ прокламацій.

Въ началѣ іюня въ Севастополѣ былъ арестованъ на отходившемъ въ Константинополь пароходѣ бывшій студентъ Кіев. Унив., Панкѣевъ. Арестованы и два кочегара, взявшіеся его перевезти, а по указанію послѣднихъ — двое рабочихъ, способствовавшихъ, будто-бы, бѣгству Панкѣева. Черезъ двѣ съ половиной недѣли Панкѣевъ высланъ административно въ Астрахань.

Не задолго до 1-го Марта былъ сдѣланъ доносъ на всѣхъ служащихъ въ Земской Управѣ; въ доносѣ упоминалось и о бездѣятельности жандармскаго начальника Бѣльскаго.

Доносчикомъ явился нѣкто Красниковъ, бывшій чиновникъ Симфероп. Губ. Зем. Управы, выгнанный оттуда за взятки. Исторія этого охранителя сама за себя говоритъ: отставной рядовой, за воровство попалъ въ исправительныя роты, гдѣ дважды былъ сѣченъ за ложные доносы. — Послѣ процесса Желябова и др. назначено было новое жандармское начальство, и прежніе доносы пошли въ ходъ. Арестованы столона-

чальники Губ. Управы Ренецкій и Гольденбергъ. При обыскѣ полиція держала себя до невозможности нагло: жандармы, по приказанію адъютанта Журьяри, срывали, напр., сюртукъ и жилетъ, не разстегивая пуговицъ. Черезъ нѣсколько дней Ринецкій и Гольденбергъ выпущены на поруки, а затѣмъ по распоряженію губернатора изгнаны изъ Управы. Ихъ обвиняютъ въ «злорадствѣ» по полученіи извѣстія о событіи 1-го Марта.

Въ концѣ іюля въ Симферополѣ произведенъ былъ обыскъ у столоначальника Сиротскаго Суда Звонкевича, при обыскѣ ничего подозрительнаго не оказалось, а Звонкевича все-же арестовали и отправили въ Одессу. Полиція распускаетъ слухи, что Звонкевичъ обвиняется въ прикосновенности къ 1 Марта.

12 августа арестованъ, по распоряженію Мин. Вн. Дѣлъ, предсѣдатель Губ. Зем. Управы, Винбергъ. Причина ареста опять-таки доносы, а главнымъ образомъ личные счеты Красникова, который обвиняетъ Винберга въ протежированіи соціалистамъ. 16-го августа арестованъ въ Ялтѣ и отправленъ въ Симферополь управляющій Винберга Забнинъ.

Въ концѣ августа на станціи Квириллы Поти-Тифл. ж. д. арестованъ служащій Голиковъ, какъ полагаютъ, по важному доносу. Голиковъ содержится въ Одессѣ.

Не стану говорить о многихъ возмутительныхъ подробностяхъ, о столкновеніи жандармеріи съ администраціей и судебной властью, по поводу ареста Винберга, о наглости молодого хлыща Журьяри и пр. Да, больно сознаться, что наша участь въ рукахъ Красниковыхъ и Журьяри. Запуганное общество молчитъ; каждый глубже забивается въ свою конуру.

Тѣмъ временемъ крестьянство чутко прислушивается ко всему происходящему. Весною здѣсь въ довольно значительномъ количествѣ были распространены прокламаціи по поводу 1-го Марта и объявленія крестьянамъ. Большею частью эти листки разносились изъ городовъ самими же мужиками, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ попали въ руки администраціи. Впрочемъ, личная извѣстность въ нашемъ краю Перовской и Желябова сдѣлала не меньше печатной пропаганды. Мужикъ понялъ, гдѣ его защитники, откуда и за что идутъ преслѣдованія. Среди крестьянъ ходитъ много разсказовъ, рисующихъ сочувственное отношеніе народа къ жертвамъ правительства.

МЕЛКІЯ ИЗВѢСТІЯ

Дѣло о злоупотребленіяхъ въ СПБ. сухопутвой таможнѣ, къ которому причастны экспедиторъ Сегаль, членъ таможни Энгельгардтъ, тесть Побѣдоносцева, и друг. лица, по слухамъ, клонится къ прекращенію, не смотря на неопровержимыя улики. Побѣдоносцевъ взялъ своего проворовавшагося тестя на поруки за 50,000 руб., которыхъ впрочемъ не внесъ.

Начальникомъ охранной стражи при Е. В. до сихъ поръ состоялъ знаменитый въ памяти одесскихъ проститутокъ и жуликовъ — взяточникъ Антоновъ. Нынѣ впрочемъ заболѣлъ.

Кіевскій митрополитъ Филофей написалъ императору докладную записку, укоряющую царя за отдаленіе отъ своего народа Императоръ приказалъ освидѣтельствовать умственныя способности митрополита, на что послѣдній замѣтилъ: «Іоаннъ Златоустъ обличалъ царей, я совершилъ свой долгъ».

Жалованье жандармамъ, по распоряженію М. В. Д. гр. Игнатьева, увеличено на 25 проц.

Отъѣздъ Императора Александра III въ Данцигъ держался въ такой строгой тайнѣ, что о немъ не знали даже министры. Такъ, напримѣръ, М. Юст. уже по отъѣздѣ являлся съ докладомъ съ государю — и тутъ только узналъ, что онъ уѣхалъ.

Искорененіе крамолы. Министръ Ванновскій, чрезъ М. Н. Пр., потребовалъ списки лицъ военной среды, оказывавшихъ содѣйствіе женскимъ Бестужевскимъ курсамъ, и, собравъ этихъ лицъ, прочелъ имъ строгую нотацію о несовмѣстимости военнаго мундира съ дѣломъ женскаго образованія. Одного учителя Пет. военной гимназіи, лектора ист., Ванновскій уволилъ отъ должности за то, что учитель приписывалъ идею освобожденія крестьянъ не императору Александру II, чѣмъ умалилъ заслуги его величества. Самъ Ванновскій — изъ поляковъ и, въ качествѣ ренегата, особенно усердно преслѣдуетъ въ военномъ вѣдомствѣ католиковъ.

Племянникъ II Е. Суханова, мальчикъ пяти лѣтъ, былъ отнятъ у матери и подвергнутъ особымъ допросамъ относительно лицъ, бывавшихъ у Суханова, въ квартирѣ котораго мальчикъ жилъ съ своею матерью.

Бывшій пет. град. Барановъ, уволенный по какому-то случайному или нѣтъ совпаденію — какъ разъ по выходѣ «Листка Народной Воли», — получилъ однако 10,000 руб. подъемныхъ и двойной окладъ жслованья.

Солдатская политика. Недавно въ одномъ изъ мелкихъ петербургскихъ трактировъ закусывали трое гвардейскихъ солдатъ и фельдфебель. Къ нимъ подсѣлъ незнакомый рабочій и, по поводу Высочайшаго манифеста, предложилъ солдатамъ вопросъ: что стали бы они дѣлать въ случаѣ бунта. Одинъ солдатъ заявилъ: «Я бы перебѣгъ къ рабочимъ». Другой, подумавши, согласился, что это самый разумный исходъ. Третій высказался, что онъ еще не рѣшилъ вопроса. Фельдфебель угрюмо слушалъ эти разсужденія, потомъ махнулъ рукой, плюнулъ и ушелъ. Доноса однако не воспослѣдовало.

Въ департаментъ государственной полиціи, въ періодъ времени отъ 1 марта по 1 сентября, поступило 2508 дѣлъ по оскорбленію Величества. Такое обиліе дѣлъ вызвало тайный указъ Александра III (10 іюня 1881 г.), въ силу котораго повелѣно: 1) ни одного дѣла не доводить до суда даже въ самыхъ серьезныхъ случаяхъ; 2) *примѣнять административнымъ порядкомъ* къ обвиняемымъ *соотвѣтствующія статьи Уложенія о Наказаніяхъ* по соглашенію Мин. Юст. съ Мин. Вн. Дѣлъ.

ОТЧЕТЪ

о суммахъ, поступившихъ на народное освобожденіе

съ 1-го марта по 15-е іюля 1881 г.

Отъ Старика — 10 руб., — 17 р., — 100, Оф. — 10 р.. Байкота — 400 р, — 100., Старухи — 750, Ш.— 200 — 500. — 500. — 100. Ч. 450. Изъ С. — 125. К—ва — 1. Б—ва — 10. М—ва — 5. Л. — 15. Т. Ч. В. — 28. Вл—ва — 9 р. 55 к. По листку № 19 — 5 р. 90 к. Изъ В. черезъ Кулака — 200. Черезъ студента — 245. Отъ Сандро — 125. Неизвѣстнаго 500. А — ва — 200 Х. — 100. — 110. Мандарина — 100. кр. будщ. товар. — 60. П. — 500. На рабочее дѣло 100. Отъ Мана — 300. Черноморца изъ К. — 40. I. ж. отъ К. — 3. Отъ С. к. 200. Олеши — 7. Поручика — 5. Матери 3. Мишки — 7. Григорія — 3. Лели — 2 р. 20 к. Хитрова — 1 р. 50 к. Михула — 3. Пети — 3. Проспор. — 10 Барыни и кавалера — 10. Северяна — 55. Черезъ Б. — 136. А. — 200. Отъ Ч. К.

— 2,000. Тоже 2,500. В. К.—500.—2.000.—100.—125. — 100. А. — 100. Изъ „имперскаго города“ — 35. Отъ политика соціалиста — 1,900. Черезъ Соловья — 10. Яна — 9. Изъ голодной грберніи — 160. Отъ А. — 15. Изъ Н. 150. Отъ П. — 200. Черезъ III. — 135.

Изъ С. по листку № 6 собрано съ декабря 1880 до I марта, но не вошло въ отчеть прошлыхъ номеровъ.

Отъ Мирабо — 200. Жени — 100. А. Н. 800. Сійэса — 150. Голоховца — 50 Д. П. — 150. Земецъ — 25. С. Х. ежемѣсячно — 3.

Послѣ 1-го Марта.

Отъ Старика — 29. Луковицы — 10. Старика — 14 Лутони — 6. Старика — 4 Чугунщика — 6. Тит. Сов. — 1. Нов. 1. — Барышни 10 руб. Васьки — 25.

Изъ С—ва *): отъ Курн. — Горб. — Курн. № 2. — Казака. — Хохла. — Начинающей. — Барышни. — Лупленнаго. — Артельщика и др.

Отъ В—са. — 690. К—ка — 23 р. 75 к. П—рій — 35. Сборъ по затерянному листку — 346 р. 38 к. Сборъ по мелочамъ изъ К. — 132. Черезъ Я—го — 47. Отъ Радикала — 875. — Прки 244. По почтѣ — 650 Черезъ Курьера — 1,200. Черезъ агента — 125. Отъ МКБ — 7 р. Лв. — 12. М. М. — 10. Яноса — 150.

*) Самый отчетъ изъ С—ва затерянъ. Возстановляемъ по памяти нѣкоторые псевдонимы. Суммы взносовъ въ этомъ отчетѣ были: 50 р., 60 р., по 1 р., по 2 р., 2 р. 80 к., 2 р. 90 к., 5 р. 10 к., 12 р., 25 р. и проч.

С.-Петербургъ. Типографія «Народной Воли». 23 октября 1881 г.

НАРОДНАЯ ВОЛЯ

СОЦІАЛЬНО - РЕВОЛЮЦІОННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Годъ третій. — № 7 — 23 декабря 1881.

---

22 ноября 1881 г. Исполнительный Комитетъ опубликовалъ слѣдующія объявленія:

I.

Во избѣжаніе недоразумѣній, Исполнительный Комитетъ считаетъ нужнымъ заявить, что покушеніе Саньковскаго на жизнь начальника полиціи (онъ же и товарищъ министра внутр. дѣлъ) Черевина произведено помимо всякаго со стороны Комитета вѣдѣнія и участія.

II.

Въ виду слуховъ, распространяемыхъ въ обществѣ нѣкоторыми лицами, будто 300,000 руб., украденныхъ изъ капитала Московскаго Воспитательнаго дома, находятся въ рукахъ партіи Народной Воли, Исполнит. Ком. считаетъ долгомъ заявить разъ на всегда слѣдующее: согласно давно уже опубликованнымъ принципамъ, партіей допускается конфискація только казеннаго имущества. Всякій-же грабежъ имущества частныхъ лицъ, а тѣмъ болѣе общественныхъ филантропическихъ учрежденій, на столько же въ корнѣ противорѣчитъ нашимъ принципамъ, на сколько составляетъ обыкновенное явленіе въ сферѣ императорской бюрократіи.

Повторяемъ еще разъ, что денегъ, добытыхъ подобнымъ путемъ, Исполнит. Ком. никогда не принималъ и впредь принимать не станетъ.

Исполн. Ком. 22 ноября 1881 г.

Центральное Управленіе Общества Краснаго Креста проситъ Редакцію „Народной Воли“ перепечатать слѣдующее заявленіе, выпущенное Обществомъ на особыхъ листкахъ:

Центральное Управленіе Общества Краснаго Креста Народной Воли, вступая въ отправленіе своихъ обязанностей, считаетъ нужнымъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, что цѣль вышеозначеннаго Общества состоитъ въ оказаніи матеріальной и нравственной поддержки всѣмъ лицамъ, подвергшимся гоненію за свободу мысли и совѣсти. Управленіе Общества приглашаетъ всѣхъ, безъ различія сословій и національностей, оказать ему посильную поддержку въ осуществленіи этой задачи. Пусть каждый, кому дорого торжество свободы, кто сознаетъ всю глубокую несправедливость инквизиторскаго режима, столько лѣтъ угнетающаго наше отечество,— пусть отзовется на нашъ призывъ, и если мы не въ состояніи будемъ изгладить всего зла, всѣхъ бѣдствій, которыя вноситъ въ русскую жизнь деспотическая политика императоровъ, то по крайней мѣрѣ снимемъ съ своихъ современниковъ упрекъ, который могло бы сдѣлать потомство людямъ, безучастно присутствующимъ при зрѣлищѣ безчеловѣчной бойни, происходящей на нашихъ глазахъ. —

Для возможнаго контроля *Управленіе Общества* проситъ жертвователей обозначать на этомъ листкѣ вещи и сумму взносовъ со своими именами или псевдонимами. Отчеты *Общества* будутъ публиковаться въ органѣ „Нар. Воля“ и заграничныхъ газетахъ.

Центр. Упр. Общ. Красн. Креста партіи „Народной Воли“.

Петербургъ, 8 декабря 1881 г.

Ниже мы помѣщаемъ отчетъ о международномъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Хурѣ. Читатели могутъ видѣть, что представители европейскаго соціализма понимаютъ положеніе своихъ русскихъ собратьевъ и настоятельную необходимость для насъ систематической борьбы противъ абсолютизма. Мы надѣемся, что вѣрно выразимъ чувства всей народовольской партіи, отвѣтивъ на заявленіе кон-

гресса — своей искренней благодарностью за эту нравственную поддержку. Пусть угнетатели народовъ знаютъ, что если существуютъ союзы деспотовъ, то существуетъ солидарность и между революціонерами различныхъ странъ, какъ будетъ она современемъ существовать и между народами, сознавшими свои истинные интересы, распознавшими своихъ истинныхъ друзей и враговъ.

Мы готовы были бы поблагодарить и „Русскаго Гостя" (не знаемъ, имѣемъ ли право называть его фамилію), взявшагося разъяснять передъ конгрессомъ положеніе русскаго революціоннаго движенія. Къ прискорбію, мы имѣемъ однако гораздо болѣе основаній высказать сожалѣніе, что конгрессъ не имѣлъ передъ собой человѣка, лучше освѣдомленнаго относительно этого предмета. Характеристика, сдѣланная „Русскимъ Гостемъ", на нашъ взглядъ, отличается чрезвычайной неточностью и несоотвѣтствіемъ съ истиннымъ положеніемъ вещей. Мы не заявляемъ поэтому поводу особенныхъ претензій, п. ч. ошибки очень извинительны для „Русскаго Гостя", слишкомъ мало бывавшаго въ Россіи; но въ интересахъ возстановленія истины, мы считаемъ, однако, необходимымъ сдѣлать нѣсколько поправокъ и съ своей стороны.

Прежде всего, едва ли основательно прилагать къ Народной Волѣ слишкомъ буквально европейскія клички „политическихъ радикаловъ", „соціалистовъ" и т. п. Въ задачахъ народовольства есть элементы и политическаго радикализма и соціализма, но они совершенно неразрывно слиты въ одну цѣль и въ одно дѣло. Въ Россіи переворотъ политическій настолько же необходимъ, какъ и переворотъ экономическій. Никакія экономическія реформы, никакая организація труда не можетъ помочь русскому народу, если не будетъ измѣнена существующая государственная система; точно также, какъ наоборотъ — политическое самодержавіе народа не можетъ быть достигнуто безъ экономическаго его освобожденія. Русскій соціальный переворотъ заключаетъ въ себѣ въ одинаково важной степени оба элемента — политическій и экономическій.

Народное самодержавіе и политическая свобода необходимы вездѣ и каждому народу. Но въ Европѣ все это уже существуетъ, если и не въ вполнѣ желательной степени, то по крайней мѣрѣ въ большей, чѣмъ можетъ фактически

воспользоваться народъ, задавленный экономическимъ гнетомъ. Поэтому экономическій гнетъ — вотъ злоба дня въ Европѣ. При разрѣшеніи соціальнаго вопроса въ Европѣ, на первое мѣсто выдвигается его экономическая сторона.

У насъ далеко не такъ. У насъ разрѣшеніе вопроса политическаго составляетъ такую же насущную потребность, какъ и вопроса экономическаго. Переворотъ политическій составляетъ существенную часть нашего соціальнаго вопроса. Практическій народный дѣятель въ Европѣ очень хорошо знаетъ, что его народъ развивается настолько свободно, насколько онъ свободенъ экономически. Русскій народный дѣятель видитъ напротивъ, что нашъ рабочій и крестьянинъ до тѣхъ поръ не будетъ свободенъ даже экономически, пока не стряхнетъ своего политическаго ярма. Нѣтъ сомнѣнія, что для насъ необходима въ такой же степени и экономическая свобода рабочаго, но она немыслима безъ политическаго самодержавія народа.

Между тѣмъ народовольцы выступили на свѣтъ именно какъ партія дѣйствія по преимуществу. Народовольство не есть направленіе только культурное, а задается цѣлью фактическихъ, дѣйствительныхъ измѣненій въ жизни народа, и притомъ не въ отдаленномъ, а въ самомъ ближайшемъ будущемъ. А такъ какъ дѣйствительное, реальное содержаніе нашего соціальнаго вопроса составляетъ не одна экономическая путаница, а въ еще большей степени уродливость политическихъ отношеній, то понятно, что мы не могли не включить задачу политическаго переворота въ число своихъ ближайшихъ цѣлей. И мы не только сдѣлали это, но утверждаемъ даже, что всякая партія въ Россіи, которая поступаетъ иначе, никакого практическаго улучшенія въ жизни народа не можетъ произвести. Первое, что у насъ должно сдѣлать, это — развязать народу руки, сдѣлать его господиномъ самого себя, хотя въ общемъ направленіи своей жизни. Безъ этого у насъ и въ экономической сферѣ возможны не Овены, а развѣ Аракчеевы. Мы, разумѣется, не считаемъ возможнымъ *упрочить* политическую свободу народа безъ его экономической независимости. Но это, во всякомъ случаѣ, — второй шагъ, тѣсно связанный съ первымъ, но самъ по себѣ невозможный до тѣхъ поръ, пока существуетъ современный госу-

дарственный строй, пока существуетъ современное правительство.

Съ такими взглядами выступило народовольство, съ ними осталось оно и до сихъ поръ. Такимъ образомъ, „Русскій Гость" совершенно ошибается, говоря о какихъ то измѣненіяхъ въ нашемъ направленіи. Читатели могутъ видѣть, насколько неосновательны и другія утвержденія — будто народовольство выросло не на основаніи какой нибудь доктрины, а чисто эмпирически... Странно! Откуда могъ „Русскій Гость" почерпнуть такое оригинальное убѣжденіе? Основаніе народовольству положило несомнѣнно *народничество*. Думаетъ ли „Русскій Гость", что и оно не имѣло доктрины? Народничество дало народовольству его государственный характеръ, его оцѣнку и народныхъ силъ и враждебныхъ народу элементовъ. Логически развивая принципъ народничества на практикѣ, народовольство въ теоріи создаетъ не только доктрину, а цѣлое міросозерцаніе. Что же касается до эмпиризма нашего, то „Русскій Гость" едва ли не введенъ въ заблужденіе тѣмъ обстоятельствомъ, которое замѣчается рѣшительно при всякомъ умственномъ или политическомъ движеніи и которое ничуть не доказываетъ нашего эмпиризма. Внѣшніе факты, положеніе народа, положеніе и характеръ правительства и т. д.— безъ сомнѣнія обусловили извѣстнымъ образомъ характеръ самого народовольства, но вѣдь иначе и не бываетъ на свѣтѣ. На чемъ же и строить теорію, какъ не на основаніи дѣйствительно существующихъ фактовъ? Неужели „Русскій Гость" полагаетъ, что какая нибудь доктрина возникаетъ иначе?

Не менѣе серьезное замѣчаніе мы должны сдѣлать по поводу отношеній народовольства къ народу. „Русскій Гость" говоритъ, что мы сначала игнорировали народныя массы, а потомъ убѣдились въ невозможности даже временно дѣлать это. Когда же это мы игнорировали народныя массы? Намъ кажется, что мнѣніе „Русскаго Гостя" происходитъ просто отъ привычки прикидывать къ Россіи европейскую мѣрку. Въ Европѣ люди, дѣйствующіе среди народныхъ массъ, мало занимаются политикой. Народовольцы занимаются политикой очень много. Отсюда выводъ: значитъ народовольцы игнорируютъ народныя массы. На самомъ дѣлѣ это вовсе не такъ. Основные принципы на-

родовольцевъ проникнуты сознаніемъ значенія массъ и уваженіемъ къ нимъ. Практическая дѣятельность среди рабочихъ всегда составляла очень видную задачу нашей партіи, и мы полагаемъ, что, задаваясь цѣлями чисто практически, народовольцы должны были помнить значеніе массъ лучше, чѣмъ кто другой. Поэтому мы всегда дѣлали въ народѣ все, что могли. Правда, мы очень порицали *болтовню о народѣ*, мы боролись противъ такой дѣятельности (яко бы) въ народѣ, которая на самомъ дѣлѣ была чисто политической фразой и, не принося ни малѣйшей пользы революціи, только деморализировала революціонеровъ буржуазнѣйшимъ „сидѣньемъ“ въ народѣ. Все это правда. Но все это доказываетъ только то, что народовольцы стремились дѣло дѣлать, а не то, что они будто бы игнорировали народъ. Что *можно* было дѣйствительно сдѣлать—мы дѣлали и другимъ совѣтовали, а то, что въ дѣйствительности было фразой — мы отрицали. Во всякомъ случаѣ, хорошо или дурно мы поступили, дѣлая это, но мы все таки должны сказать „Русскому Гостю“, что наша точка зрѣнія, нашъ принципъ въ этомъ отношеніи не измѣнился. *Наиболѣе экономная и цѣлесообразная трата силы съ цѣлью произведенія переворота, выше характеризованнаго* — вотъ нашъ принципъ, который прилагается одинаково ко всѣмъ сферамъ нашей дѣятельности, между прочимъ и въ народѣ. Мы ведемъ, какъ вели, въ народѣ лишь такую дѣятельность, которая имѣетъ прямое отношеніе къ перевороту и вмѣстѣ съ тѣмъ *дѣйствительно* ему способствуетъ. Съ этой точки зрѣнія мы, правда, можемъ теперь взяться за кое что, недоступное намъ прежде. Но это есть не измѣненіе, а приложеніе нашего собственнаго принципа. Есть виды революціонной дѣятельности въ народѣ, которые обусловливаются напр. количествомъ силы, затрачиваемой единовременно. Стало быть, съ увеличеніемъ силъ, мы можемъ взяться за то, за что не брались раньше, и наоборотъ, съ уменьшеніемъ силъ, должны отказываться отъ того, что раньше признавали полезной работой. Точно также дѣятельность въ народѣ обусловливается настроеніемъ массы, и т. д. „Русскій Гость“ можетъ увидѣть, соотвѣтственно всѣмъ подобнымъ условіямъ, много варьяцій въ нашей дѣятельности. Но надѣемся, что онъ никогда впредь до достиженія цѣли не увидитъ уклоненія нашей партіи отъ на-

шего основного принципа: *дѣлать лишь то, что наискорѣе и наилучше ведетъ къ перевороту, низвергающему правительство и передающему государственную власть въ руки народа или, на худой конецъ, его революціонныхъ представителей.*

Недостаточное знакомство съ принципами и задачами Народовольства заставляетъ „Русскаго Гостя“ сдѣлать еще одну ошибку. Мы говоримъ о нѣкоторомъ выдѣленіи Желябова изъ нашей партіи. Это въ высшей степени невѣрно. Собственно говоря, намъ кажется довольно страннымъ уже то, что „Русскій Гость“ беретъ на себя судить о принадлежности Желябова къ партіи, въ то время, когда Желябовъ самъ себя причислялъ къ ней, участвовалъ въ ея формированьи и затѣмъ со стороны партіи всегда признавался однимъ изъ талантливѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ ея представителей. Если мнѣніе редакціи Н. В. имѣетъ въ этомъ вопросѣ какой нибудь вѣсъ для „Русскаго Гостя“, то мы съ своей стороны заявляемъ, что все, что дѣлалъ Желябовъ, какъ террористъ, какъ политическій агитаторъ, какъ редакторъ „Рабочей Газеты“, все, что онъ говорилъ въ обществѣ ли, или среди рабочихъ — все, по нашему мнѣнію, строго сообразовалось съ принципами партіи и выражало ея духъ.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕССЪ ВЪ ХУРѢ

(Отъ нашего корреспондента)

На конгрессѣ, отчетъ о которомъ мы представляемъ, собрались делегаты соціалистической фракціи, называемой въ Германіи „соціально-демократической“, а во Франціи фракціей „коллективистовъ-революціонеровъ“.

Вслѣдствіе запрещеній и затрудненій со стороны Швейцарской буржуазіи, рабочій комитетъ, уполномоченный организовать конгрессъ, долженъ былъ нѣсколько разъ измѣнять назначенный срокъ и созвалъ, наконецъ, делегатовъ на 1-е октября, именно въ то время, когда въ Германіи всѣ дѣятельныя соціалистическія группы поглощены избирательной агитаціей, а во Франціи — дѣломъ реорганиза-

ціи рабочей партіи и подготовленіями къ національному соц. конгрессу. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ важнѣйшія рабочія партіи не могли ни подготовиться къ очереднымъ вопросамъ конгресса, ни послать достаточнаго числа делегатовъ. Большинство остальныхъ соціалистическихъ организацій находятся теперь въ періодѣ кризиса, поглощены внутренними преобразованіями и тоже не нашли возможнымъ удѣлить достаточнаго вниманія приготовленіямъ къ конгрессу. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ на конгрессъ явилось меньше делегатовъ, чѣмъ въ прежнія времена, и самыя совѣщанія ихъ имѣли скорѣе характеръ подготовительныхъ работъ для будущаго конгресса, чѣмъ дебатовъ о положительныхъ, практическихъ рѣшеніяхъ.

Засѣданія конгресса начались 2-го октября. Представлены были слѣдующія страны и организаціи: Швейцарія — 2 делег., Германія, Венгрія и Бельгія по 1-му, Франція — 2, Соед. Штаты — 1, Португалія и Аргентинская респ. послали полномочія бельгійскому делегату, Данія — нѣмецкому, Италія — французскому: Малону. Нѣсколько группъ польскихъ рабочихъ въ Познани, Лембергѣ и Краковѣ поручили представительство на конгрессѣ тремъ эмигрантамъ въ Женевѣ, изъ которыхъ 2-е — редакторы газеты «Przedświt» и 1 — г. Лимановскій принадлежитъ къ фракціи польскихъ соціалистовъ съ патріотическими тенденціями.

Послѣ провѣрки полномочій начались отчеты делегатовъ о политическомъ и экономическомъ положеніи народа въ ихъ странахъ, о состояніи рабочей партіи и преобладающихъ въ ней соціальныхъ идеяхъ.

Вотъ краткое резюме нѣкоторыхъ изъ этихъ отчетовъ. *Венгрія*: Вслѣдствіе преслѣдованій правительства, рабочая партія сорганизована подъ видомъ союза для вспомоществованія больнымъ. Этотъ союзъ имѣетъ до 18.000 членовъ, типографію и органъ «Еженедѣльная Хроника». Въ принципахъ союзъ солидаренъ съ германской Соціальной Демократіей.

Бельгія: Партія состоитъ изъ секціи пропаганды, самообразованія и ремесленныхъ обществъ Валлонской и Фламандской національностей. Бѣдность, зависимость отъ хозяевъ и безграмотность чрезвычайно затрудняютъ дѣло образованія *систематически* борющейся организаціи. Только

въ моменты народнаго возбужденія проявляется недовольство и симпатіи къ соціалистамъ. Тогда на митинги являются тысячи рабочихъ, а стачки охватываютъ до 20—30,000 человѣкъ. Но неудачныя стачки, безработица и запугиваніе хозяевъ приводятъ отъ времени до времени рабочія организаціи къ разстройству. Въ настоящее время организованныхъ членовъ насчитывается до 7000 человѣкъ.

Соединенные Штаты: Около 500,000 рабочихъ организованы въ ремесленные союзы. Изъ нихъ до 150,000 проникнуты соціалистическими тенденціями. Другіе 150,000 соединены въ тайное общество углекоповъ, называющееся «Рыцари труда» и приближающееся все болѣе и болѣе къ соціализму. Остальные 200,000 рабочихъ распредѣлены между множествомъ мелкихъ союзовъ, не находящихся между собою въ связи. Въ ноябрѣ предполагаютъ устроить конгрессъ съ цѣлью объединить рабочія общества для борьбы экономической и политической.

Францiя: Изложивши вкратцѣ исторію возникновенія теперешней соціалистической партіи во Франціи, делегатъ разсказалъ объ участіи соціалистовъ въ выборахъ. Въ январѣ нынѣшняго года на муниципальныхъ выборахъ соціалистическіе кандидаты получили 600,000 голосовъ. При послѣднихъ парламентскихъ выборахъ — 100,000 голосовъ. Въ настоящую минуту они заняты объединеніемъ рабочихъ организацій въ одну партію.

На конгрессѣ присутствовалъ одинъ русскій черно-передѣлецъ въ качествѣ гостя, приглашеннаго организаціоннымъ комитетомъ. По настоянію бюро конгресса ему пришлось сказать нѣсколько словъ о революціонномъ движеніи въ Россіи, смыслъ которыхъ былъ ложно переданъ одной газетой. Прежде всего онъ выяснилъ причины отсутствія делегатовъ отъ русскихъ революціонныхъ группъ: страшныя преслѣдованія, необходимость сосредоточенія силъ на внутреннихъ дѣлахъ — вотъ ближайшая причина. Болѣе глубокая-же заключается въ отсутствіи осязательныхъ точекъ соприкосновенія между дѣятельностью нашихъ и западноевропейскихъ революціонныхъ партій. Но, добавилъ онъ, если бы повсюду такъ энергически протестовали противъ звѣрствъ русскаго правительства какъ во Франціи, то революціонные кружки въ Россіи сознали бы интересъ и выгоду отъ болѣе тѣснаго сближенія съ соціалистами Западной

Европы. Затѣмъ, перейдя къ нашимъ двумъ фракціямъ, онъ указалъ на отсутствіе того озлобленія въ ихъ печатной полемикѣ, какое встрѣчается во взаимныхъ отношеніяхъ соціальныхъ партій на западѣ. Крупныхъ *принципіальныхъ* разногласій между Народн. Волей и Черн. Передѣломъ не существуетъ, такъ какъ политическій радикализмъ первой проявился только въ первое время и не обусловливался ея коренными воззрѣніями, а скорѣе потребностями минуты стремленіемъ возможно скорѣе избавиться отъ абсолютизма. Вообще, фракція Народной Воли развилась не подъ вліяніемъ какой нибудь доктрины, а чисто эмпирически, подъ вліяніемъ страшныхъ преслѣдованій правительства, неимовѣрныхъ препятствій для систематической дѣятельности въ народѣ. Разница между обѣими фракціями состояла главнымъ образомъ въ томъ, что одна напирала на дѣятельность въ главныхъ центрахъ государственной жизни, другая на агитаціонной работѣ въ деревнѣ всѣми способами, не исключая и террора. Далѣе, Народная Воля выдвинула, какъ политическій лозунгъ, созваніе Земскаго Собора, а Черный Передѣлъ — федеративное начало, имѣя въ виду обширность имперіи, разнообразіе національностей и мѣстныхъ интересовъ. Но весной уже замѣтно было сближеніе фракцій въ тактическомъ отношеніи, такъ какъ одни реальнѣе начали сознавать необходимость спеціальной борьбы съ абсолютизмомъ, другіе — невозможность игнорированія, даже временно, массы народа. Вообще Исполн. Ком. такъ же проникнутъ соціализмомъ, какъ и члены Черн. Передѣла. Только относительно Желябова, соціалистическій образъ мыслей котораго не подлежитъ сомнѣнію, можно сказать, что онъ серьезно стоялъ за демократически-политическую агитацію въ данную минуту въ видахъ болѣе успѣшной борьбы съ абсолютизмомъ. Въ настоящую же минуту, по слухамъ, лучшіе элементы фракціи Черн. Передѣла готовы соединиться съ партіей Народной Воли, благодаря тому, что обѣ стороны отказались отъ нѣкоторыхъ крайностей въ практической постановкѣ революціоннаго дѣла въ Россіи.

Послѣ этого конгрессъ перешелъ къ вопросамъ, подлежавшимъ его обсужденію.

Послѣ долгихъ преній вопросы: «Возможна ли международная организація соціалистическихъ силъ и на какомъ основаніи она должна быть осуществлена?» и объ «Общей

программѣ агитаціи и пропаганды» рѣшено оставить открытыми и предоставить на рѣшеніе слѣдующаго международнаго конгресса.

Вопросъ «объ учрежденіи въ каждой странѣ бюро для отысканія работы и вспомоществованія преслѣдуемымъ соціалистамъ» рѣшенъ утвердительно, и постановлено, что бюро отдѣльныхъ странъ должны войти между собою въ постоянныя сношенія.

Вопросъ о томъ, «какіе законы слѣдовало бы немедленно отмѣнить и какіе установить въ случаѣ, если бы власть очутилась въ рукахъ соціалистовъ, въ видахъ водворенія соціализма», рѣшено предоставить на обсужденіе соціалист. партій различныхъ странъ съ обязательствомъ сообщить другъ другу принятыя ими рѣшенія.

Въ виду разнообразія языковъ, международный, центральный органъ социал. партіи почти безъ дебатовъ былъ признанъ неосуществимымъ.

Послѣдній вопросъ объ изданіи манифеста соціалистической партіи тоже рѣшенъ отрицательно. Во время дебатовъ по этому вопросу происходитъ такой эпизодъ: Американскій делегатъ предлагаетъ высказать въ манифестѣ, что въ задачи соціалистовъ не входитъ подготовленіе насильственной революціи, а лишь организація массъ для сопротивленія буржуазіи. Полякъ Лимановскій отвѣчаетъ, что въ Россіи приходится именно подготовлять насильственную революцію, такъ какъ иныхъ путей тамъ быть не можетъ. Русскій гость добавляетъ, что принятіе предложенія американскаго делегата уничтожило бы въ корнѣ возможность сближенія русскихъ революціонеровъ съ западными соціалистами. Русскимъ революціонерамъ приходится пускать въ ходъ рядъ страшныхъ героическихъ дѣйствій, чтобы подорвать авторитетъ власти... Въ борьбѣ съ русскимъ правительствомъ, которое не есть уполномоченный органъ хотя бы одного сословія, а просто шайка разбойниковъ, хороши всѣ средства. Пусть же конгрессъ ясно опредѣлитъ свое отношеніе къ образу дѣйствій русскихъ революціонеровъ, чтобы не вышло никакихъ недоразумѣній.

При всеобщемъ одушевленномъ одобреніи конгрессъ принялъ слѣдующую резолюцію, сформулированную французскимъ делегатомъ: «Международный Конгрессъ въ Хурѣ шлетъ свой сочувственный привѣтъ соціалистамъ-револю-

ціонерамъ Россіи, которые, находясь въ состояніи самозащиты, отвѣчаютъ на насиліе насиліемъ, на терроръ терроромъ. Конгрессъ призываетъ также всѣ свободные народы открыто выразить свои симпатіи тѣмъ, которые борятся, страдаютъ и умираютъ за свободу и соціальную справедливость подъ гнетомъ Московской тираніи».

ЕДИНЕНІЕ ВЛАСТИ СЪ „ЗЕМЛЕЮ“

Предпосылаемъ короткое замѣчаніе къ помѣщаемымъ ниже саратовскимъ документамъ.

Трудныя задачи ставитъ себѣ въ настоящее время наше правительство. Хотятъ уменьшить пьянство, не нанося ущерба казнѣ и, съ ловкостью военнаго человѣка, игнорируя всѣ существенныя стороны дѣла. Поднимаютъ переселенческій вопросъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ наказъ — постановкою и рѣшеніемъ этого вопроса не возбудить въ крестьянствѣ неосновательныхъ слуховъ, что равносильно категорическому воспрещенію облегчить переселенія. Уменьшеніе выкупныхъ платежей распредѣляется опять таки по мотивамъ исключительно политическимъ, дабы не вызвать ложныхъ надеждъ и не дать пищи превратнымъ толкованіямъ. Разнузданную оргію кромѣшниковъ думаютъ совмѣстить съ сокращеніемъ государственнаго бюджета и прекращеніемъ казенныхъ раздачъ. Безсиліе правительства въ разрѣшеніи непримиримыхъ противорѣчій очевидно. Всякому ясно, что, ограбивъ человѣка на цѣлые рубли, вы не можете придать грабежу видъ законности, подаривши обобранному ломаный грошъ, и еще менѣе поправите этимъ состояніе своей жертвы; что нечего и думать объ упроченіи государственнаго порядка и о поднятіи народнаго благосостоянія, когда признается одинъ законъ — беззаконіе; что подобное положеніе вещей даетъ просторъ лишь дикимъ анти-соціальнымъ инстинктамъ, исключающимъ возможность гражданскаго общежитія; что всѣ правительственные проэкты составлены въ разсчетѣ заслонить настоятельныя требованія общества и замазать истинныя нужды народа.

Административная практика и обмолвки второстепенныхъ

дѣятелей выставляютъ правительственныя тенденціи въ болѣе откровенномъ видѣ. Такъ, попечитель Московскаго учебнаго округа Капнистъ говоритъ, что для народа университетъ — городское училище, что общество пусть довольствуется реальнымъ училищемъ, а настоящіе университеты должны служить *для немногихъ*. Саратовская администрація разрѣшаетъ аграрный и рабочій вопросъ, предлагая къ услугамъ землевладѣльцевъ мѣстныя войска; она же издаетъ извѣстные циркуляры съ изложеніемъ своихъ мнѣній о присутствіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ и о провинціальной печати. Вообще провинція дастъ обильный матеріалъ для кохановской коммиссіи, призванной разрѣшить нелегкій вопросъ о мѣстномъ управленіи. Надо надѣяться, что Кохановъ по прежнему съ торжествомъ выйдетъ изъ затрудненій, и новое Положеніе будетъ не меньшимъ шагомъ по пути законности, чѣмъ „Положеніе 14 Августа“.

Предлагаемые вниманію читателя документы съ достаточною убѣдительностью показываютъ, на какой улицѣ теперь праздникъ.

Рѣчь г. Федоровскаго не нашла себѣ мѣста въ легальной прессѣ, а потому мы помѣщаемъ ее, въ виду, главнымъ образомъ, фактическаго интереса. Возстановляемъ цѣликомъ письмо Азанчевскаго, помѣщенное уже въ извлеченіи въ легальныхъ газетахъ. Все рѣже и и неувѣреннѣе раздаются, хотя до крайности скромные и умѣренные, но все-таки честные голоса немногихъ нашихъ общественныхъ дѣятелей. Но за то какая побѣдоносная увѣренность слышится въ неудержимомъ ревѣ Амалатъ-бековъ, облегающихъ нынѣ со всѣхъ сторонъ Русскую землю! Какою, можно сказать, утопическою смѣлостію надо обладать, чтобы сказать общественному учрежденію, состоящему изъ какихъ ни на есть выборныхъ представителей: „характеръ управленія въ духѣ всесословности и силѣ большинства долженъ исчезнуть навсегда и безвозвратно“ и имѣетъ быть замѣненъ шпіономъ со стороны администраціи! Славно пишетъ Азанчевскій, широкій у него размахъ, никакихъ сомнѣній и колебаній, большая склонность къ обобщеніямъ. „Нельзя не пожалѣть, что съ этакимъ.... умомъ“ онъ не попробуетъ себя въ роли „литературнаго Искаріота“. Сущую правду провозглашаетъ Азанчевскій: „извѣстное опредѣленное время требуетъ для службы и соотвѣтствующихъ

людей". Соотвѣтствующій человѣкъ — именинникъ данной минуты. Соотвѣтствующіе люди въ союзѣ съ людьми свѣдущими заполнили арену и безпредѣльно господствуютъ надъ положеніемъ. Ставя всюду своихъ соотвѣтствующихъ, начальство одновременно уловляетъ изъ среды общества свѣдущихъ для цѣлей самыхъ разнообразныхъ, начиная съ одобренія проэктовъ, клонящихся къ облегченію мужицкой доли, и кончая булюбашевскими докладами и пособничествомъ въ дѣлѣ упроченія инквизиторско-опричническаго режима св. Дружины, возникшей по иниціативѣ царственной семьи.

РѢЧЬ

Предсѣдателя Саратовскаго Губернскаго Земскаго Собранія г. Федоровскаго.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ предоставило Земскимъ Собраніямъ обсудить намѣченные имъ вопросы, касающіеся устройства крестьянскихъ учрежденій, вслѣдствіе обнаружившихся недостатковъ закона 27 іюня 1874 года. Кромѣ обсужденія этихъ вопросовъ, прямо уже намѣченныхъ, Министерство предлагаетъ представить соображенія и о другихъ мѣрахъ по устройству мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій.

Очевидно, что правительство заинтересовывается, наконецъ, положеніемъ крестьянскаго населенія, но приступаетъ къ разъясненію его чисто канцелярскимъ, бюрократическимъ путемъ, къ каковому пріему, полагаю, ни одинъ сколько нибудь дальновидный и искренній земскій дѣятель сочувственно отнестись не можетъ. Мнѣ, можетъ быть, возразятъ, отчего я называю пріемъ, избранный Министерствомъ, обращеніе къ земскимъ учрежденіямъ — канцелярскимъ, бюрократическимъ?... Объяснюсь:

Въ 1878 г. Министерство обращалось къ земствамъ съ вопросомъ относительно порядка обезпеченія семей нижнихъ чиновъ, погибшихъ въ минувшую войну. Саратовская Губернская Земская Управа прямо отказалась отъ разработки этого вопроса и отъ дачи Правительству своего за-

ключенія по основаніямъ, довольно подробно изложеннымъ въ печатномъ ея докладѣ Губернскому Земскому Собранію въ 1879 г. Я, какъ предсѣдатель Губернской Управы, не могу отказаться отъ того воззрѣнія, которое уже было мною, въ составѣ Управы, заявлено. Сущность же того взгляда заключалась въ томъ, что «разработка общихъ законодательныхъ вопросовъ требуетъ значительной опытности и большой траты времени и труда; но заставлять всѣ земскія собранія *въ одиночку* разрабатывать такіе вопросы, не значитъ ли возлагать на нихъ трудъ сверхъ надобности, трудъ безполезный, и тратить время, которое могло бы быть съ большею пользою употреблено на разработку многихъ мѣстныхъ вопросовъ? Да и какая будетъ увѣренность для земства, что мнѣнія его будутъ приняты во вниманіе и что трудъ этотъ не пропадетъ напрасно въ министерскихъ шкафахъ или въ архивахъ. Бывшіе примѣры, кажется, должны положительно убѣдить земство, что центральныя правительственныя учрежденія не придаютъ никакого значенія трудамъ земства». Эти слова Губернской Управы, кажется, вполнѣ оправдались, ибо вотъ уже третій годъ, какъ никакого закона по этому предмету не послѣдовало, не смотря на данныя другими земствами заключенія. Да и возможно ли, наконецъ, въ дѣйствительности разсмотрѣть всѣ отзывы земствъ? Какая масса бумаги соберется въ Министерствѣ!.. 364 отзыва уѣздныхъ земскихъ собраній 364 отзыва уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, 34 отзыва губернскихъ земскихъ собраній, 34 отзыва губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, 34 отзыва Губернскихъ Управъ, итого 830 разныхъ записокъ, докладовъ и постановленій, и все это по вопросамъ, не имѣющимъ важнаго значенія, и только по губерніямъ, въ которыхъ введены земскія учрежденія. Очевидно, что разсмотрѣніе ихъ не только министерствомъ, но даже Директоромъ Департамента невозможно. Трудъ этотъ, какъ принято на практикѣ, будетъ принадлежать столоначальнику Департамента или даже его помощнику, которые и будутъ дѣйствительными оцѣнщиками и судьями мнѣній, выработанныхъ земскими собраніями. Всякій, кто знакомъ съ департаментскимъ строемъ министерствъ, скажетъ, что въ моихъ словахъ нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія. Неужели же этотъ пріемъ не есть канцелярскій?

Развѣ въ 1870 г. Губернскія Собранія не созывались по Высочайшему повелѣнію экстренно, для дачи отзывовъ по правительственному проэкту о переложеніи подушной подати на землю и дворы? И развѣ что либо изъ этого вышло? Отзывы земствъ, рѣшительно высказавшихся за уничтоженіе подушной подати и за замѣну ея налогомъ съ дохода всѣхъ сословій, остались втунѣ. Только слухи, можетъ быть и невѣрные, доходили до насъ изъ Петербурга (оффиціальныхъ объясненій и донынѣ не дано), что особая комиссія, состоявшая изъ нѣсколькихъ государственныхъ сановниковъ, признала такую мѣру несвоевременной, ибо вопросъ этотъ сочла имѣющимъ болѣе политическое значеніе, чѣмъ финансовое.

Несомнѣнно, вопросъ о замѣнѣ подушной подати подоходнымъ налогомъ имѣетъ политическое значеніе, потому что высшіе классы населенія, почти вовсе неучаствующіе въ государственныхъ прямыхъ налогахъ, не примутъ *съ покорностью* значительнаго ихъ обложенія безъ предоставленія имъ права участія въ утвержденіи государственнаго бюджета, установленіи налоговъ и при устраненіи ихъ отъ контроля надъ правительственными расходами. Но изъ этого еще не слѣдуетъ дѣлать тотъ выводъ, что вопросъ этотъ должно оставить безъ послѣдствій. Крестьянское населеніе, безъ сомнѣнія, уже поняло, что земства, въ общей ихъ массѣ, состоящія изъ владѣльцевъ средняго состоянія, желали справедливаго и честнаго для всѣхъ сословій разрѣшенія вопроса, но препятствія возникли въ высшихъ правительственныхъ лицахъ, не желающихъ ни ограничивать въ чемъ либо свою безконтрольную власть, ни пожертвовать какой либо долею своихъ доходовъ. Если бы вопросъ о подушной подати въ то время былъ разрѣшенъ въ духѣ желаній земства, то финансовое положеніе Россіи во время восточной войны позволило бы ей не согласиться на *предписанный* ей въ Берлинѣ, *позорный* для нея *миръ*.

Вотъ почему я и нынѣ на пріемъ обращенія къ земству смотрю только какъ на маневръ бюрократической партіи, могущій отвести глаза недальновидныхъ. Неужели кто либо изъ насъ можетъ серьезно думать, что спасеніе Россіи, въ виду замѣчаемаго каждымъ общаго разложенія и всеобщаго неудовольствія на правительство, зависитъ отъ того, что непремѣнный членъ будетъ избираться уѣзднымъ, а не гу-

бернскимъ земскимъ собраніемъ, что онъ будетъ пользоваться безпрогонным для разъѣздовъ открытымъ листомъ, вмѣсто 500 руб. деньгами; или будетъ онъ вовсе не ревизовать волостныя правленія и старость и сборщиковъ податей, или будетъ докладывать, что ревизовалъ и ничего не обнаружилъ; будетъ только одинъ исправникъ наблюдать за поступленіемъ податей и сажать должностныхъ лицъ подъ арестъ и разорять штрафами, научая покорности, или такое право будетъ предоставлено и непремѣнному члену; будетъ секретарь уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія состоять на коронной службѣ, или будетъ наемнымъ. Для разрѣшенія только этихъ вопросовъ не стоитъ гласнымъ съѣзжаться, ибо они не стоятъ дорожныхъ расходовъ. Вѣдь всякому должно быть понятно, что если земство выскажется только по этимъ вопросамъ, и разрѣшеніе ихъ не дастъ, да и не можетъ дать, никакого удовлетворительнаго результата для устраненія настоящаго невозможнаго положенія, то на земство ляжетъ нравственная отвѣтственность, что оно обманывало само себя, а бюрократіи дастъ поводъ обвинять земство въ томъ, что оно ввело ее въ заблужденіе, не представивъ дѣла въ истинномъ его видѣ.

Въ виду этого я и теперь повторяю то же, что сказано было въ вышеупомянутомъ докладѣ Губерн. Земск. Упр., что «осторожнѣе всего было бы для земства отстраняться отъ дачи заключеній по вопросамъ общаго законодательства, доколѣ правительству не будетъ угодно дать земству дѣйствительное участіе въ законодательствѣ; безъ этого вся нравственная отвѣтственность, само собою разумѣется, ляжетъ на министерство».

Въ былыя времена, при императорѣ Николаѣ, господствовало ученіе, хотя и ложное, но строго и послѣдовательно проводимое, что единственный источникъ государственной мудрости есть неограниченная правительственная власть.

Со смерти Николая 1-го много воды утекло, — и теперь правительственная власть уже какъ бы не считаетъ себя единственнымъ источникомъ мудрости, но полагаетъ возможнымъ черпать ее изъ земскихъ источниковъ, но въ такомъ случаѣ и надлежитъ дать земству соотвѣтственное тому въ государственномъ строѣ положеніе, — настоящій

же пріемъ изобличаетъ бюрократію въ неискренности, ибо передача на заключеніе земскихъ собраній вопросовъ, не имѣющихъ особеннаго значенія, когда государство требуетъ коренныхъ преобразованій, есть не что иное, какъ повтореніе предъ всѣмъ народомъ исторіи съ Тришкинымъ кафтаномъ.

Оставляя безъ положительнаго отвѣта поставленные вопросы, такъ какъ, не зная вообще предположеній правительства о коренныхъ измѣненіяхъ государственнаго строя, нельзя сдѣлать и основательныхъ заключеній по предметамъ второстепеннымъ и зависящимъ прямо отъ положенія, въ которое должны быть поставлены всѣ мѣстныя учрежденія къ центральнымъ государственнымъ, и отъ круга дѣйствія и власти тѣхъ и другихъ, — я считаю земство обязаннымъ, однако же, при всякомъ случаѣ представлять правительству на его усмотрѣніе фактическое положеніе дѣла.

Въ виду этого я и обращаюсь къ объясненію причинъ настоящаго положенія крестьянскаго населенія. Прошу припомнить засѣданіе С.-Петерб. Гор. Думы 4-го марта 1881 года послѣ ужасной кончины Государя Императора Александра II, въ каковомъ засѣданіи былъ заявленъ слѣдующій фактъ: «не задолго до ужасной своей кончины, съ обычною любовью своей къ историческимъ изысканіямъ въ области отечественной исторіи, прочитывая посмертныя записки одного изъ бывшихъ своихъ сподвижниковъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, сенатора Я. А. Соловьева, Государь Императоръ встрѣтилъ въ нихъ слѣдующія слова: „справедливы были слова Государя, когда Его Велич. въ Киссингенѣ говорилъ графу Киселеву, что онъ никого не имѣетъ, кто бы помогъ ему въ крестьянскомъ дѣлѣ“. Государю слѣдовало бы къ этому прибавить, замѣчаетъ сенаторъ Соловьевъ: а имѣетъ очень много людей, которые употребляютъ всѣ усилія, чтобы помѣшать ему». Противъ послѣднихъ двухъ строкъ покойный Государь собственноручно написалъ: «Правда».

Этотъ печальный фактъ указываетъ, что освобожденіе крестьянъ совершилось не во всемъ согласно съ предначертаніями покойнаго Государя Императора, и дѣйствительно, искаженіе его мыслей было существенное. Я докажу это. Государь Императоръ не допускалъ въ идеѣ, чтобы

собственно личность крестьянина подлежала выкупу, о чемъ неоднократно было заявлено, а именно: 12-го января 59 г. по Высочайше утвержденному журналу главнаго комитета по крестьянскому дѣлу постановлено было: «предписать Начальнику Губерніи предложить комитету, что принятое большинствомъ онаго рѣшеніе — къ выкупу усадебной осѣдлости присоединить выкупъ крѣпостного права — какъ несогласное съ Высочайше указанными началами и по Высочайшему повелѣнію отвергнутое въ другихъ комитетахъ, не можетъ быть допущено». То же самое подтверждено 15 мая 1859 г. въ словахъ: «Его Импер. Величество неоднократно изволилъ уже признать, что личность крестьянъ и обязательный ихъ трудъ выкупу подлежать не могутъ, и всѣ подобныя предположенія были постоянно отвергаемы». То же самое разъяснялось и въ ноябрѣ и декабрѣ 1859 года*).

Эта Высочайшая воля была однако же въ Положеніяхъ 19-го февраля обойдена, и въ сущности былъ ими установленъ выкупъ личности и обязательнаго труда. Этого достигли: установленіемъ оброковъ за надѣлъ, существовавшихъ въ наибольшей части въ то время, а въ этихъ оброкахъ заключался доходъ не отъ одной земли, но и отъ личности крестьянина; установленіемъ оброка за первую десятину надѣла значительно выше оброка за остальныя и установленіемъ той же разницы при выкупѣ и капитализированіемъ при выкупѣ оброка изъ значительно меньшаго процента**), чѣмъ тотъ, который въ то время дѣйствительно существовалъ, вслѣдствіе чего стоимость земли вычислена значительно выше дѣйствительной, такъ что и нынѣ, черезъ 20 лѣтъ, при возвысившейся повсемѣстно стоимости земли, цѣна десятины во многихъ мѣстахъ не достигаетъ цѣны, назначенной Положеніями. Въ доказательство привожу примѣры, рѣзко бросающіеся въ глаза, по нашему Хвалынскому уѣзду. Надѣлъ земли на душу по 4 съ половиной десятины дѣйствительно соотвѣтствовалъ размѣрамъ находившейся въ пользованіи крестьянъ земли и оброкъ за эти $4^1/_2$ десятины въ 9 р. съ души тоже соотвѣтствовалъ существовавшему оброку. Наименьшій надѣлъ земли

---

*) Сборн. прав. расп. по устр. быта крест. т. I стр. 39, 60, 108

**) Кто же изъ помѣщиковъ покупалъ при крѣп. правѣ имѣнія изъ 6 проц.? Обыкновенно разсчит. на 10 проц.

установленъ въ 1 съ половиной десятины съ оброкомъ въ 4 руб. за первую десятину и по 1 руб. 43 к. за каждую изъ остальныхъ до полнаго надѣла; по этому разсчету стоимость земли, при капитализаціи изъ 6 проц., вышла за полный надѣлъ 150 р., а за наименьшій 78 р. 55 к., или за десятину земли въ первомъ случаѣ 33 р. 33 к., во 2-мъ 52 р. 36 к. Но какая же въ дѣйствительности была цѣна земли, не считая въ цѣнѣ ея стоимости личности крестьянина? Выяснимъ на примѣрахъ: Правительствующимъ Сенатомъ 26 февраля 1864 г. утверждены за однимъ лицомъ, купленныя съ публичныхъ торговъ, населенныя имѣнія въ селахъ Павловкѣ и Ново-Никольскомъ съ пустошами при селахъ Кадышовкѣ, Старомъ Чирковѣ и Озеркахъ. Во всемъ имѣніи было земли, считая одну удобную, 4209 дес. и неудобную 223 дес. Имѣніе это куплено за 65050 руб. съ переводомъ долга сохранной казнѣ 32831 р. 29 к. Слѣдовательно, каждая удобная десятина обошлась въ 15 р. 69 к., считая и самую доходную во всемъ уѣздѣ базарную площадь, оставшуюся по уставной грамотѣ за помѣщикомъ. По селу Павловкѣ состоялся выкупной договоръ, въ 1873 году, крестьянамъ отводилось 1541 дес., за которыя получено выкупной ссуды 38012 р. 12 к., и крестьяне обязались дополнительнымъ взносомъ въ 6500 руб. Слѣдовательно, крестьянамъ обошлась выкупная земля въ 28 р. 88 к., болѣе на 13 р. 19 к. противъ стоимости, каковая прибавка и составляла не что иное, какъ выкупъ личности. Въ томъ же селѣ произведена была масса выкупныхъ договоровъ и еще съ худшими условіями; такъ, по одному обществу, по выкупной сдѣлкѣ, произведенной обязательно по требованію помѣщика, на 84 души дано 202 дес. за 6724 р. 36 к., т. е. стоимость десятины обошлась крестьянамъ въ 33 р. 29 к. Я лично въ 1877 г. купилъ участокъ земли въ томъ же селѣ, и мнѣ земля обошлась, считая одну удобную, не включая вырубленнаго лѣса — въ 15 р. 37 к. Въ селѣ Старомъ Чирковѣ, извѣстномъ въ уѣздѣ недоброкачественностью земли, земля по выкупному договору обошлась крестьянамъ въ 33 руб. 33 коп., а я лично въ той же дачѣ въ 1878 году купилъ участокъ, въ которомъ десятина удобной земли, также кромѣ порубки, обошлась мнѣ въ 20 р. 70 к. Въ селѣ Горюшкахъ, по обязательному выкупу, земля обошлась крест-

янамъ въ 29 р. 55 к. десятина, тогда какъ въ этомъ же селѣ только въ настоящее время цѣна земли начинаетъ подходить къ этой стоимости. Въ селѣ Одоевщинѣ извѣстная въ уѣздѣ недоброкачественная земля обошлась по выкупу въ 33 р. 33 к. за десятину; а оставшаяся у помѣщика земля со всѣми господскими постройками, базарною площадью и мельницею продана въ 1873 году по 15 руб. десятина.

У другого владѣльца по тому же селу въ деревнѣ Чаушахъ земля обошлась крестьянамъ (при пониженіи повинностей по недоброкачественности земли) въ 29 р. 63 к., а оставшаяся у помѣщика земля, тоже съ господскими строеніями и значительною мельницею, продана въ 1870 г. тоже около 15 р. за десятину. У этого же помѣщика въ другомъ его имѣніи, въ Аткарскомъ уѣздѣ, при надѣлѣ крестьянъ по 1 съ полов. дес., земля обошлась имъ по выкупу въ 52 р. 35 к. дес.

Въ селахъ Буравкѣ и Клюевкѣ (съ недоброкачественной землей) выкупъ состоялся обязательно, и земля обошлась крестьянамъ въ 26 р. 67 к. дес. Крестьяне въ этихъ селеніяхъ никакъ не могли выручить изъ земли уплачиваемаго ими выкупа.

Въ селѣ Кадышовкѣ, гдѣ у одного общества въ 122 души было недоброкачественной земли 184 съ полов. дес., при оброкѣ въ 500 р., помѣщикъ потребовалъ обязательнаго выкупа. Обществу приходилось пріобрѣсти эту землю за 6666 р. 66 к., т. е. по 36 р. 13 к. за дес. Хорошо, что дѣло затянулось и не разрѣшилось въ первые 9 лѣтъ, въ которые никакого передвиженія крестьянъ не допускалось. По ходатайству крестьянъ, имъ разрѣшено было съ Высочайшаго соизволенія переселиться въ другія общества, а за оставшуюся послѣ нихъ землю владѣльцу никто теперь не даетъ и половины упомянутой цѣны.

Мысль, которую я здѣсь высказалъ, т. е. что въ цѣнѣ земли выкупалась личность, — вовсе не новая: она еще существовала во время составленія Положенія, но была только предметомъ разговоровъ. Въ первый разъ, сколько я помню, она проскользнула, конечно, случайно, лѣтъ 15 или 16 тому назадъ въ рѣчи одного изъ губернскихъ предводителей дворянства, кажется, московскаго; теперь эта мысль сдѣлалась уже общимъ достояніемъ печати, и моя

цѣль состоитъ только въ томъ, чтобы подтвердить ее цифрами.

Что и сами составители положенія 19 февраля признавали про себя, что въ выкупной суммѣ заключается выкупъ личности, усматривается изъ ст. 173 Пол. о выкупѣ, по которой ни одинъ членъ общества не могъ выйти изъ его состава прежде погашенія выкупной ссуды въ половинномъ размѣрѣ. Очевидно, если бы стоимость земли по выкупной сдѣлкѣ соотвѣтствовала дѣйствительной ея стоимости, тогда означенный законъ былъ бы не нуженъ, ибо выкупные платежи обезпечивались бы самою землею и общество отъ выхода члена не только ничего не теряло, но пріобрѣтало еще землю; но какъ въ выкупной ссудѣ заключался негласно выкупъ личности, то само собою разумѣется, потребовался законъ, чтобы прежде выхода изъ общества крестьянинъ очистилъ бы взносъ, соотвѣтствовавшій выкупу личности, который приблизительно былъ опредѣленъ въ половину стоимости выкупаемой земли.

Но всѣ вышеприведенныя цифры не выражаютъ собою еще полной суммы, во что земля обходится крестьянамъ, ибо здѣсь взяты только суммы процентныхъ бумагъ, выданныхъ за счетъ крестьянъ помѣщикамъ, и дополнительные платежи, произведенные самими крестьянами. Но если взять въ счетъ тѣ платежи, которые крестьяне должны производить въ теченіе 49 лѣтъ, то окажется, что они переплатятъ казнѣ на каждые 100 руб. еще 72 р., т. е. земля имъ обойдется на 72 проц. дороже. Моя мысль будетъ понятна, если я скажу, что по банковымъ правиламъ при 5-проц. ростѣ и полъ процентѣ погашенія, при взносѣ однажды въ годъ, долгъ покрывается въ 49 лѣтъ, при уплатахъ по полугодіямъ онъ покрывается въ кратчайшій срокъ (въ 48 и двѣ трети года), а при томъ же 5-проц. ростѣ и 1 проц. погашенія долгъ покрывается при уплатѣ однажды въ годъ въ 37 лѣтъ, при уплатахъ же по полугодіямъ въ кратчайшій срокъ. Бумаги, выпущенныя для выкупа, приносятъ 5 проц. Крестьяне же вносятъ ежегодно на 100 р. долга по 6 р., изъ которыхъ часть идетъ на удовлетвореніе интереса, часть на погашеніе и часть въ запасный капиталъ, изъ котораго содержится и выкупное учрежденіе, поглощая, впрочемъ, незначительную долю послѣдняго полпроцента. Для выкупающихъ землю крестьянъ

нѣтъ никакой надобности въ составленіи запаснаго капитала выкупной операціи, — а для нихъ разсчетъ — ускорить выкупъ или уменьшить платежъ, барыши же выкупнаго учрежденія для нихъ несправедливая тяжесть, а равномѣрно и отнесенное на счетъ ихъ содержаніе выкупныхъ и другихъ учрежденій не представляется справедливымъ.

Развѣ освобожденіе крестьянъ не есть дѣло обще-государственное, потребовавшееся внутренней политикой? А разъ, если мы признаемъ за этимъ дѣломъ обще-государственное значеніе, то учрежденія, вызванныя этимъ дѣломъ, должны быть приняты къ содержанію на общій счетъ государства, а не на частныя средства крестьянъ. Такимъ образомъ, за устраненіемъ надобности въ составленіи запаснаго капитала и отнесеніемъ расходовъ по выкупной операціи на счетъ казны — была бы оказана справедливость крестьянамъ ускореніемъ выкупа, и все, что съ нихъ излишне перебрано, должно быть имъ зачтено. А на что теперь употребляется запасный капиталъ, едва ли кому вполнѣ извѣстно. Есть случаи явно несправедливаго его расходованія, напр. у насъ въ Хвалынскомъ уѣздѣ состоялся обязательный выкупъ по одному имѣнію, въ которомъ *крестьяне были надѣлены* частію *своей собственною землею*. По разсмотрѣніи ихъ претензій, долгое время тянувшихся и бывшихъ въ виду выкупнаго учрежденія, во время совершенія выкупа, спорная земля была признана ихъ собственностью; но за эту землю владѣлецъ получилъ 12.901 р. 80 к. Сумма эта была съ крестьянъ сложена и списана со счета запаснаго капитала, а не потребована съ владѣльца, неправильно ее получившаго и имѣющаго милліонное состояніе. И такъ, эти деньги заплатили крестьяне всей Россіи. Подобныя рѣшенія можно только приводить въ исполненіе чисто бюрократическимъ путемъ, но считать ихъ справедливыми не бюрократіей — невозможно.

Подобные расходы можно относить бюрократіи на крестьянскій капиталъ единственно потому, что у этого капитала нѣтъ хозяина.

По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, въ правительственныхъ сферахъ состоялось предположеніе понизить выкупные платежи въ сѣверныхъ не черноземныхъ губ.; никто изъ насъ, конечно, не подыметъ противъ этого голоса, но если голосъ земства можетъ имѣть какое либо значеніе, то намъ пред-

стоитъ энергически протестовать противъ того, чтобы означенное пониженіе было произведено на счетъ такъ называемаго запаснаго капитала, т. е. на счетъ крестьянъ другихъ губерній, въ которыхъ пониженіе выкупныхъ платежей не предположено, въ числѣ которыхъ находится и Саратовская губ. Я выше уже сказалъ, что образованіе запаснаго капитала есть несправедливость, и чтобы исправить ее, нужно сдѣлать по всѣмъ губерніямъ зачетъ переобранныхъ излишковъ.

Если бы выкупъ съ самаго начала былъ опредѣленъ въ такой формѣ, въ какой установленъ впослѣдствіи относительно государственныхъ крестьянъ, которымъ предоставлено выкупать землю частями, безъ обязательныхъ платежей, и притомъ, если бы прямо дозволено было, — по истеченіи нѣкотораго времени, необходимаго для переустройства помѣщичьихъ хозяйствъ (конечно, меньше 9-ти лѣтъ), — крестьянамъ оставлять ихъ земли и переходить на другія, какъ казенныя, такъ и владѣльческія, то крестьяне, вѣроятно, не пришли бы въ то положеніе, въ которомъ находятся нынѣ. Покупка земли стала бы производиться крестьянами по мѣрѣ накопленія у нихъ сбереженій, и притомъ по цѣнѣ дѣйствительной, а не преувеличенной; при системѣ же выкупа, принятой Положеніемъ 19-го февраля, выкупные платежи не получили значенія свободныхъ сбереженій въ народѣ, могущихъ быть употребленными на пріобрѣтеніе земли, а обратились въ *прямой налогъ*, весьма тяжелый, который тяготитъ ихъ въ теченіе 20-ти лѣтъ. Конечно, выкупъ производился бы весьма медленно, но за то не было бы экономическаго потрясенія. Знаменитая мѣра дарственнаго четвертного надѣла въ губерніяхъ, гдѣ земля имѣла свою цѣнность, еще болѣе привела въ разстройство крестьянъ, которые оказались прикрѣпленными къ своей усадебной землѣ единственно въ выгодахъ землевладѣльца. Казалось бы, не было надобности препятствовать переселенію дарственниковъ, такъ какъ они не нарушали этимъ прямо ничьихъ законныхъ интересовъ, но между тѣмъ подобныя переселенія были останавливаемы, а крестьяне во многихъ случаяхъ дѣлались закабаленными своему прежнему владѣльцу. Вообще, въ положеніяхъ о крестьянахъ нѣтъ прямаго запрещенія крестьянамъ, послѣ истеченія 9-ти лѣтъ, переселяться, но и нигдѣ о томъ ясно не сказано, и по-

тому утвердилось убѣжденіе, что такое переселеніе цѣлыми обществами не дозволяется, и на практикѣ о подобныхъ случаяхъ спрашивались каждый разъ разрѣшенія Главнаго Комитета, по обсужденію поводовъ къ переселенію; такъ было и въ вышеприведенномъ случаѣ въ Кадышовкѣ.

При такихъ условіяхъ освобожденія крестьянъ, въ то-же время (именно: съ 1862 г.) возвышены были еще и подушныя подати, что, при значеніи выкупныхъ платежей, какъ прямой подати, и при томъ на самыхъ первыхъ порахъ, само собой разумѣется, не могло способствовать укрѣпленію экономическаго быта крестьянъ.

Затѣмъ подоспѣли земскія учрежденія, которыя хотя и облегчали крестьянъ въ отбываніи нѣкоторыхъ повинностей, преимущественно подводной, отбывавшейся исключительно одними крестьянами и стоившей въ нѣкоторыхъ уѣздахъ до 40 и даже до 50 коп. на душу, но въ замѣнъ того новыя земскія повинности, хотя и взыскивавшіяся съ земли, а не съ душъ, поглотили всю эту экономію и даже съ излишкомъ.

Размноженіе населенія потребовало еще больше земли для содержанія увеличившихся семействъ и увеличившихся повинностей; требованія со стороны крестьянъ на землю, и въ самомъ началѣ освобожденія значительныя, ибо къ полученному надѣлу можно было приложить только часть труда, становились все большими и большими; съемныя цѣны на землю стали возвышаться тѣмъ болѣе, чѣмъ населеннѣе была мѣстность, такъ что во многихъ мѣстахъ для землевладѣльцевъ отъ собственной обработки земли нельзя было получить того чистаго дохода, какой получался отъ сдачи земли крестьянамъ.

Взысканіе казенныхъ податей и выкупныхъ платежей полиціей безъ всякаго соображенія съ наличными средствами крестьянъ, поощряемое со стороны правительства не только Высочайшими благоволеніями губернаторамъ, но и значительными имъ денежными наградами за исправное внесеніе податей, и произвольная власть исправниковъ надъ старшинами, которыхъ они могли штрафовать деньгами и арестовывать, внесли положительное разстройство въ крестьянскій бытъ. Домохозяйства разрушаются, земельные надѣлы такихъ хозяевъ сдаются ими за безцѣнокъ другимъ исправнымъ домохозяевамъ, изъ которыхъ образу-

ются такъ называемые кулаки. Понятно, что всякая энергія къ труду пропадаетъ, когда человѣкъ увѣренъ, что сколько ни трудись, плодами его трудовъ воспользуется другой, а не онъ. Все это неизбѣжное логическое слѣдствіе того способа освобожденія крестьянъ, какой принятъ Положеніемъ 19 февраля.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПИСЬМО САРАТОВСКАГО ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРА
КЪ САРАТОВСКОМУ ГОРОДСКОМУ ГОЛОВѢ

М. Г. Ананій Ивановичъ!

Извѣстное опредѣленное время требуетъ для службы и соотвѣтствующихъ людей. Твердое направленіе въ духѣ правды, порядка и закона, данное съ высоты престола Самодержавною Властью, не оставляетъ никакихъ сомнѣній, никакихъ колебаній, что характеръ общественныхъ управленій городского и земскаго въ исключительномъ духѣ всесословности и силѣ большинства долженъ исчезнуть навсегда и безвозвратно и долженъ перейти къ характеру сословной дѣятельности, соединенной только общими цѣлями, для блага городскихъ обывателей.

Поэтому считаю долгомъ и обязанностью Вамъ, М. Г., рекомендовать и имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, въ видахъ соблюденія данной *точности высказанныхъ мною непреложныхъ основаній* для Саратовскаго Городскаго Управленія, принять на службу предъявителя сего письма коллежскаго ассесора, Василія Васильевича Крылова.

Пользуясь случаемъ, прошу принять увѣреніе въ истинномъ моемъ къ Вамъ уваженіи и совершенной преданности.

Подписалъ Матвѣй Азанчевскій.

15 сентября 1881 г.

ПИСЬМО ОСУЖДЕННАГО КЪ РУССКОМУ ОБЩЕСТВУ

Политическое безправіе личности на Руси такъ рѣзко бьетъ въ глаза, такимъ тяжелымъ бременемъ гнететъ всѣхъ и всякаго, что предавать гласности всякій наудачу выхваченный фактъ — безполезно. Каждый обладаетъ достаточнымъ запасомъ подобныхъ фактовъ, всѣмъ они примелькались, чувствительность къ нимъ притупилась. Это простой психологическій законъ. Но среди массы фактовъ выдаются и такіе, которые способны побѣдить и эту притупленность, способны натолкнуть на невеселыя но небезполезныя размышленія. Одному изъ подобныхъ фактовъ я посвящаю эти строки. Не личная заинтересованность въ этомъ дѣлѣ руководитъ мною въ данномъ случаѣ, не сочувствія или состраданія добиваюсь, — нѣтъ, я прошу у всякаго честнаго человѣка нѣсколько минутъ серьезнаго размышленія, а если хотите, то и состраданія, но не для себя, а для русскаго обывателя вообще, который ничѣмъ рѣшительно не гарантированъ отъ того, что выпало мнѣ и многимъ другимъ выпало на долю.

Я поведу рѣчь о такъ называемомъ Чигиринскомъ дѣлѣ Надлежащее, полное выясненіе его было бы не только желательно, но и весьма полезно. Оно пролило бы яркій свѣтъ на условія крестьянской жизни, на крестьянское міровоззрѣніе, соціалистамъ же предоставило бы возможность черпать уроки изъ пагубныхъ заблужденій и ошибокъ предшественниковъ. Къ сожалѣнію, я не располагаю теперь ни достаточнымъ количествомъ времени, ни даже возможностью заняться разсмотрѣніемъ внутренней исторіи этого печальнаго, какъ съ теоретической, такъ и съ практической точки зрѣнія, дѣла. Ограничиваюсь его внѣшней, процессуальной стороной. Единственными инициаторами и руководителями сообщества среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда были Яковъ Стефановичъ, Левъ Дейчъ и Иванъ Бохановскій. Изъ интеллигенціи, кромѣ нихъ, никто рѣшительно не былъ посвященъ въ это дѣло, никто не зналъ о его существованіи, а слѣдовательно и не могъ принимать въ немъ никакого участія.

Начало зарожденія сообщества среди крестьянъ относится къ 1876-му году, начало же саморазложенія его и послѣдовавшаго затѣмъ вскорѣ открытія его правительствомъ — къ срединѣ 77-го г. Въ августѣ того же года, въ Кіевѣ и др. мѣстахъ начались аресты среди интеллигенціи. Въ числѣ арестованныхъ былъ и я. Что касается арестованныхъ организаторовъ сообщества, то они бѣжали въ маѣ 78-го изъ Кіевскаго тюремнаго замка. Говорить подробно о дознаніи и слѣдствіи — нечего. Всякій, кто хотя сколько нибудь слѣдилъ за политическими процессами, не найдетъ въ характерѣ и этого дознанія и этого слѣдствія рѣшительно ничего новаго, — та же подтасовка фактовъ, та же злокачественная логика. Достаточно сказать, что путемъ этихъ махинацій и на основаніи ихъ мнѣ предъявлены были слѣдующія обвиненія: участіе въ тайномъ сообществѣ, организованномъ среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда и имѣвшемъ цѣлью захватъ, съ оружьемъ въ рукахъ, помѣщичьихъ земель и раздѣлъ ихъ, причемъ члены сообщества привлекались къ участію въ немъ — угрозами; въ составленіи, напечатаніи и распространеніи подложныхъ грамотъ отъ имени Государя Императора, устава сообщества, правилъ присяги и подложныхъ телеграммъ. У меня, дѣйствительно, найдены были подложныя телеграммы, распространенныя въ Одессѣ и Николаевѣ уже послѣ моего ареста и гласившія о назначеніи коммисіи для выработки проэкта новыхъ формъ государственнаго устройства. Телеграммъ этихъ я не составлялъ, не читалъ и не распространялъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ, наотрѣзъ отказался отъ указанія лица, вручившаго мнѣ ихъ. Понятно, что между подобными телеграммами, сулившими конституцію, и Чигиринскимъ сообществомъ не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо отношеніи. Что касается остальныхъ пунктовъ, достаточно сказать, что съ Чигиринскимъ дѣломъ я, какъ и другіе, впервые познакомился въ тюремномъ замкѣ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній о дѣлѣ, перехожу къ суду, происходившему въ бывшей Кіевской Соединенной Палатѣ въ теченіе 6-го, 7-го и 8-го іюля 79-го г. Несмотря на неблагопріятныя условія, зависѣвшія отъ старыхъ формъ судопроизводства, т. е. отъ отсутствія допроса свидѣтелей, экспертизы и вообще судебнаго слѣдствія,

этой ничѣмъ не замѣнимой гарантіи обвиняемаго, судъ нашелъ возможнымъ вынести слѣдующій приговоръ: меня, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири на поселеніе; Юлію Круковскую, обвинявшуюся въ укрывательствѣ слѣдовъ преступленія, лишивъ нѣкоторыхъ правъ, сослать въ Иркутскую губ. — на житье. Приговоръ этотъ посланъ былъ 31-го декабря того же года въ Сенатъ для утвержденія въ ревизіонномъ порядкѣ и только 19-го сентября текущаго года былъ объявленъ намъ въ окончательной, высочайше утвержденной 14-го января формѣ. Согласно этому приговору, Сенатъ, найдя мое участіе „обдуманнымъ", считалъ меня достойнымъ безсрочной каторги, но, принимая во вниманіе отсутствіе такой „рѣшительности", какая характеризировала дѣятельность Стефановича, Дейча и Бохановскаго, „нашелъ возможнымъ" смягчить наказаніе на одну степень, т. е. приговорить меня къ ссылкѣ въ каторжныя работы въ рудникахъ — на 20 лѣтъ, а Юлію Круковскую—на 13 съ половиною лѣтъ.

Какими бы юридическими тонкостями, какой бы софистикой ни оправдывалось подобное измѣненіе приговора, но самыя азбучныя требованія справедливости, самыя невзыскательныя требованія гарантій для интересовъ обвиняемыхъ, гарантій, признаваемыхъ какъ нашимъ законодательствомъ, такъ и всѣми законодательствами въ мірѣ, никоимъ образомъ не могутъ помириться съ подобнымъ фактомъ. Судъ, при отсутствіи подобныхъ гарантій, перестаетъ быть судебнымъ разбирательствомъ дѣяній обвиняемаго, а становится административнымъ мѣропріятіемъ противъ его личности. Насъ отъ мѣста разбора нашего дѣла отдѣляло не менѣе полуторы тысячи верстъ, наши интересы не имѣли тамъ своего представительства ни въ насъ лично, ни въ лицѣ нашихъ защитниковъ. Однимъ словомъ, насъ судили всего одинъ разъ, здѣсь въ Кіевской Соединенной Палатѣ, ссылка же моя и Юліи Круковской въ каторжныя работы происходитъ — безъ суда.

Владиміръ Малавскій.

1881 г.

СТАВРОПОЛЬ КАВКАЗСКІЙ

Начальникъ жандармскаго управленія Ставропольской губ. и Терской обл., полковникъ Орловскій, за короткое время дѣятельности въ нашемъ городѣ (окло 8 мѣсяцевъ), совершилъ цѣлый рядъ дѣяній, за которыя наше Уложеніе о наказаніяхъ полагаетъ наказаніемъ — каторгу. Обладая необузданнымъ сластолюбіемъ, онъ предлагаетъ всѣмъ лицамъ женскаго пола, имѣвшимъ несчастіе быть привлекаемыми по обвиненію въ какомъ либо государственномъ преступленіи и недостигшимъ возраста крайней старости,—вступить съ нимъ въ связь, обѣщая въ случаѣ согласія на его предложеніе прекратить возникшее дѣло и угрожая въ случая несогласія употребить всѣ усилія для ухудшенія положенія обвиняемой. Блюститель закона, „царское око", настолько беззастѣнчивъ, что, получивъ суровый отпоръ своимъ поползновеніямъ въ видѣ пощечины или башмака, онъ, не конфузясь, идетъ съ тѣмъ же предложеніемъ къ слѣдующей жертвѣ. Перечислять всѣ подобныя дѣянія Орловскаго просто не возможно. Въ послѣднее время имъ, однако, совершены, три подвига, которые совершенно затмили всѣ предшествующіе. Подвиги эти извѣстны всему нашему городу.

1. Орловскій обратился къ купцу Чабанову, чтобы онъ уступилъ ему женщину, съ которою Чабановъ жилъ много лѣтъ какъ съ женою. Въ случаѣ неисполненія своего требованія Орловскій грозилъ и Чабанову и его женѣ, что онъ обвинитъ ихъ въ такомъ политическомъ преступленіи, которое влечетъ за собою ссылку въ Сибирь. Чабановъ, однако, не испугался и подалъ губернатору жалобу на Орловскаго. Любопытно будетъ узнать, что выйдетъ изъ этой жалобы.

2. По доносу былъ посаженъ въ тюрьму нѣкто г. Вздоръ какъ политическій преступникъ. Орловскій потребовалъ отъ жены г. Вздора, чтобы она жила съ нимъ, обѣщая за это освободить мужа; въ случаѣ же отказа на его предложеніе, Орловскій грозилъ довести г. Вздора до каторги. Несчастная женщина согласилась. Между тѣмъ Вздоръ былъ посаженъ въ такое узкое, грязное, сырое помѣщеніе, что, пробывши тамъ три мѣсяца, умеръ отъ бугорчатки.

3. Орловскій чуть не изнасиловалъ двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку С., ходившую въ гости къ его дочерямъ. Только случай спасъ ребенка отъ сластолюбія этого животнаго въ образѣ жандарма.

Интересно, что всѣ эти факты извѣстны и нашему прокурорскому надзору, обязанному, какъ извѣстно, слѣдить п за преступленіями должностныхъ лицъ. Но въ семъ случаѣ прокурорскій надзоръ молчитъ.

ОТЧЕТЪ

о суммахъ, поступившихъ на народное освобожденіе

съ 15 го іюля по 1-е декабря 1881 г.

По листку № 16 отъ: З — 1 р., А. — 1 р., П. — 1 р., Х. — 1 р., Сочувствующаго — 5 р., Л. С. — 1 р., Е. — 2 р., Ал—50 к., Тифлисскаго 1-го К. — 800 р., Х. изъ С. — 40 р., Мандарина — 40 р., изъ Колхиды — 219 р., отъ Своего — 6000 р., Скептика — 1 р. Присноблаженнаго — 1 р., Попова — 50 к., Александра Николаева - 50 к., Мефистофель — 1 р., Не надъ о— 40 к., Александръ — 50 к., Ярославъ—4 р., Хама Брутъ —3 р., Новичекъ — 1 р., По листку № 26 отъ: 000 — 1 р., Мандаринъ — 150 р., Эка важность — 3 р., Васо — 1 р., Гайдукъ — 5 р., Смерть врагамъ — 1 р., Тау — 2 р., имъ — 2 р., Х. У. — 2 р., Ученика—1р. 60к., Горецъ—3 р. 85к., Алатъ—1 р., Петрухи—1 р., Гимназиста—50 к., Жаждущ. своб. и печати—1 р., Вновь обращ. —2 р., Сочувствующаго — 2 р., Увѣровавшаго — 5 р., Вы—1 р., По листку № 27 отъ: Вольной — 5 р., Князя — 3 р., Y.—5 р., Б.—5 р., № 1 —10 р., Я. и М.—6 р., Осиповъ—1 р., Кто-то—1 р., За всѣхъ — 1 р., Еврей — 1 р., Себ. — 1 р., Чающаго — 30 к., Щ. В. —3 р. 30 к., Х-съ—1 р.. К-съ—1 р., Классика—1 р. 50 к., Друга — 3 р., Х. — 1 р., Z. — 3 р., Вг. — 3 р., NNЛНВ. — 2 р., ОфХ. — 2 р., Офz. – 5 р. Александра — 2 р., Тифлисскій 1-й круж. — 30 р., Народ. уч. изъ Грузіи — 1 р., Грузинъ — 3 р., ? изъ степи — 3 р., Семейное — 1 р., 3 чемъ — 1 р., П-Н-Т-5— 1 р., К-Ь — 1 р., Чиновн. изъ Грузіи — 1 р., К. — 3 р., Кн.Д. — 6 р., Купца Ач. — 1 р., Кулака — 31 р., Выручка — 48 р., Мандарина — 100 р., XX. — 10 р. Пл. — 12 р., Пл. (ежемѣс.

съ окт.) — 5 р., Донъ-жуана — 75 р., Война — 50 р., Кружк. украинц. (Кіевъ) — 2 р. 50 к., Мавра — 1 р., Донъ Жуанъ — 15 р., М-ть — 2 р., Бѣлоусъ — 2 р., Мрд. — 2 р., 2-хъ — 4 р., Наука — 2 р., Шпилька — 3 р., Хохолъ — 1 р., 3-хъ — 1 р., 43—50 к., Б. — 25 к., К. — 50 к., О. Ф. — 20 р., Черезъ Сам-съ —50 р., Отъ Трутень — 50 к., Р. — 1 р., Мало — 50 к., Стрихнинъ, Маруся и Черненькой — 8 р. 25 к., АД-ра О за авг. и сент. — по 20 р., Кіевъ — 18 р., Прихильный — 5 р., Самъ нью чай — 5 р., Ще не битый — 5 р., Григорьева — 3 р., Прежній —3 р., Мизантропка — 1 р., ЦП. — 3 р., Клястеръ — 4 р. 25 к., Маруся — 1 р., Ростовъ — 1 р., П. Г. П. — 1 р. 50 к., Генеральша — 1 р. 50 к., Бутончика (лѣтомъ) — 500 р., Бутончика — 200 р., Дѣда О. — 1 р., Alliquis — 50 к., Nemo — 50 к., ergo — 3 р., sypinum — 50 коп.

С.-Петербургъ. Типографія «Народной Воли» 23 декабря 1881 г.

НАРОДНАЯ ВОЛЯ

СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Годъ третій. — № 8—9 — 5 февраля 1882.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Центр. Упр. Кр. Креста партіи «Народной Воли» заявляетъ, что:

1. Представителями его заграницей служатъ: П. Л. Лавровъ и В. И. Засуличъ.

2. Существующее въ Петербургѣ общество вспомоществованія политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ, хотя и преслѣдуетъ цѣли, осуществленіе которыхъ, между прочимъ, входитъ въ кругъ дѣятельности Красн. Креста Народной Воли, тѣмъ не менѣе отличается чисто филантропическимъ и легальнымъ характеромъ, основано совершенно самостоятельно и въ организаціонномъ отношеніи не стоитъ ни въ какой связи съ нашимъ Обществомъ.

20 января.

Центр. Упр. Общ. Краснаго Креста.

Петербургъ 4 февраля.

Что дало намъ 1-е марта? Какія измѣненія внесло оно въ направленіе нашей дѣятельности? Каковы наши ближайшія задачи теперь?

Прежде чѣмъ отвѣтить на эти вопросы, напомнимъ, чего сама партія ждала отъ казни Александра II.

Совершеніе переворота путемъ заговора — вотъ цѣль партіи Нар. Воли, опредѣляемая программою Исп. Комитета. Но выполненіе этой цѣли не соединялось съ 1-мъ

марта. Для этого у насъ было много основаній: мы еще не считали себя силой, достаточно выяснившейся въ глазахъ общества, достаточно заявившей себя передъ народомъ; съ другой стороны, роль общественныхъ единицъ въ предстоящей борьбѣ, ихъ идеалы, интересы и стойкость въ достиженіи своихъ стремленій могли быть опредѣлены лишь гадательно, за полнымъ отсутствіемъ у насъ свободной общественной дѣятельности. Руководясь такими соображеніями, партія не рѣшалась брать на себя тяжелую отвѣтственность и старалась вносить возможно меньше насилія въ свою предварительную работу. Казнь 1 марта — этотъ актъ революціонной справедливости, покаравшей деспота за его преступленія — должна была развязать руки русскому обществу, въ жизнеспособности котораго мы не имѣли права совершенно отчаяваться. Мы не теряли нанадежды, что лучшая, здоровая часть нашего общества, искренно желающая блага народу и счастья родной странѣ, воспользуется первымъ случаемъ, чтобы пріобрѣсти права, необходимыя для человѣческаго существованія. Печальная необходимость кровавой расправы могла быть избѣгнута или отсрочена, если бы недовольные элементы общества съумѣли отстоять тотъ минимумъ требованій, которыя Исп. Комитетъ предъявилъ Александру III. Мы первые тогда покинули бы путь насилія, обратившись къ соціалистической работѣ, для подготовленія соціальной революціи.

Возможно было, хотя съ меньшей вѣроятностью, предположить и другой исходъ. — Серьезный анализъ экономическихъ и бытовыхъ явленій русской жизни привелъ насъ къ твердому убѣжденію, что въ Россіи, при рѣшеніи соціальнаго вопроса, главнымъ и наиболѣе труднымъ моментомъ будетъ сокрушеніе политическаго насилія и коренное измѣненіе государственныхъ учрежденій. — Но, вѣдь, русскому революціонеру, при выработкѣ плана борьбы, волею судебъ приходится разбираться въ потемкахъ, идти ощупью къ намѣченной цѣли. У насъ нѣтъ партій; даже проявленіе индивидуальной мысли затруднено до крайнихъ предѣловъ, — не мудрено проглядѣть нарождаещееся явленіе и натолкнуться на неожиданность. Для насъ такою неожиданностью могла явиться буржуазія въ европейскомъ смыслѣ, ибо разъ существуетъ подобная экономическая сила, она выступила бы при первомъ удобномъ случаѣ, какъ

партія, жизненно заинтересованная въ пріобрѣтеніи для себя политическихъ правъ, въ видахъ эксплуатаціи народа; вслѣдъ за 1 марта она подняла бы голову и не преминула бы добиться конституціоннаго порядка, потому что только буржуазный парламентаризмъ гарантируетъ прочность капиталистическаго строя и устраняетъ потрясенія, сопряженныя съ дальнѣйшимъ существованіемъ у насъ деспотизма. Такимъ оборотомъ дѣлъ соціально-революціонная партія была бы поставлена въ необходимость считаться съ силою, не входившею прежде въ ея разсчеты, и отвести экономическому элементу видное мѣсто въ самомъ процессѣ революціонной борьбы.

Въ государствахъ, подобныхъ русскому, нанесеніе удара деспотизму пріобрѣтаетъ громадный интересъ, пробуждая дремавшія, скованныя политическія группы, служа толчкомъ, выводящимъ потенціальныя силы изъ ихъ скрытаго состоянія. Съ этой точки зрѣнія 1 марта получило значеніе соціологическаго эксперимента, глубоко поучительнаго для всякой дѣйствующей партіи.

Теперь протекло уже довольно времени послѣ 1 марта. Политическая правоспособность партій обозначилась настолько, что позволительно подвести итоги.

Печальные это будутъ итоги для сторонниковъ мирнаго шествія и въ высокой степени ободряющіе, утѣшительные для соціалиста-революціонера. — При самомъ усиленномъ стараніи, въ нашемъ обществѣ не отыскиваются элементы, способные играть историческую роль. Стоитъ полюбоваться на нашихъ спасителей отечества.

Вотъ народолюбцы-реформаторы, люди, повидимому, искренно желавшіе блага народу и во всякомъ случаѣ не принимавшіе прямого участія въ общемъ безпутствѣ, — они притаились, оцѣпенѣли отъ страха, замерли въ ожиданіи, что на ихъ голову падетъ расплата за дѣйствія революціонной партіи. Эти господа „крехтятъ не болѣвши“; они продолжаютъ „годить“, не взирая ни на предательство „вѣяній“, оказавшихся прозрачнымъ и грубымъ фарсомъ деспотизма, ни на смѣлый почипъ революціонеровъ.

Вотъ консерваторы: они не находятъ другихъ орудій борьбы, кромѣ клеветы, лжи и доносовъ, и стремительно пускаютъ въ ходъ свои излюбленныя средства, въ надеждѣ, авось отъ этой грязи что-нибудь да останется.

Вотъ русскіе либералы застигнутые врасплохъ нежданнымъ конфузомъ, они въ перебой съ консерваторами подняли вой, сами не зная на чью голову. Вся дѣятельность этихъ жалкихъ трусовъ ограничивается тѣмъ, что при случаѣ, обинякомъ, они рабски просятъ конституціи, обязуясь и на свободѣ по прежнему пресмыкаться.

Вотъ крупные собственники, капиталисты и банкиры — они тѣсно примкнули къ опозоренному гатчинскому трону и активно проявили себя лишь въ роли дворниковъ и лигистовъ. Наша субсидированная буржуазія знаетъ, что она — чисто политическое учрежденіе, искуственное дѣтище деспотизма и сойдетъ въ могилу вмѣстѣ съ нимъ: оттого-то она такъ неизмѣнно тяготѣетъ къ силѣ русскаго самодержавія, силѣ вымирающей, обреченной исторіею на гибель.

Да, событіе 1 марта воочію доказало полную несостоятельность культурныхъ классовъ. Они не пошевельнули пальцемъ, когда растерявшаяся, дезорганизованная власть, при дружномъ натискѣ, пошла бы на какія угодно уступки; когда достаточно было незначительнаго усилія, чтобы стряхнуть осмѣянный, опозоренный режимъ. Монархическій деспотизмъ какъ будто извѣрился въ свою силу; на его истрепанномъ знамени только и можно разобрать теперь: трусость, лицемѣріе и ложь. Питомцы ресторановъ, во всеоружіи разврата и невѣжества, являются защитниками колеблющихся основъ и объявляютъ войну гнилому западу и мужицкому кабаку. Мѣры и личности правительства возбуждаютъ смѣхъ или негодованіе. Казалось бы одно чувство гадливости должно заставить раздавить гатчинское государство. А наши либералы все чего то ждутъ.

Но ихъ не станетъ ждать исторія, не ждутъ и не могутъ ждать дѣйствующая соціально-революціонная партія и обездоленный русскій народъ. Развязка не за горами. О ней свидѣтельствуютъ грозные признаки приближающейся ликвидаціи. Живыя, протестующія силы изъ народа откликнулись на 1 марта не враждою противъ революціонеровъ, не платоническимъ пожеланіемъ улучшеній, а настойчивымъ требованіемъ коренного измѣненія экономическаго строя. Обаяніе царскаго имени почти повсюду изчезло или ослабѣло въ значительной степени, — стоитъ взглянуть на огромное количество политическихъ дѣлъ въ прошедшемъ году, на небывалое число оскорбленій величе-

ства и сопротивленій властямъ. Ожиданія перешли въ разрушительное дѣйствіе. Цѣлая треть Россіи была охвачена анти-еврейскими безпорядками; другая полоса заявила себя многочисленными отказами отъ работъ по зимнему найму, упорной борьбой противъ помѣщиковъ и кулаковъ, борьбой, принявшей такіе размѣры, что администрація и по сіе время увѣрена, что крестьянскими смутами заправляла рука соціалиста. — Мы не упоминаемъ объ отдѣльныхъ случаяхъ броженія въ народѣ, имѣвшихъ болѣе или менѣе непосредственное отношеніе къ дѣятельности партіи Нар. Воли.

Минувшій годъ доставилъ намъ богатый результатами опытъ, расширилъ сферу воздѣйствія партіи и прочно установилъ наши цѣли. Предъ нами все тотъ же врагъ, безъ новыхъ союзниковъ, — слѣдовательно, намъ не за чѣмъ измѣнять практическія задачи, и наши дѣйствія остаются строго согласованными съ програмой Исп. Комитета. Теперь наша непосредственная задача — организація заговора, съ цѣлью ниспроверженія существующаго государственнаго строя. Предшествующая дѣятельность партіи приблизила эту задачу. Въ настоящее время работа партіи Нар. Воли направлена главнымъ образомъ къ тому, чтобы соединить всѣ активно-протестующія силы, сплотить ихъ въ крѣпкую централистическую организацію, способную взять на себя иниціативу возстанія въ рѣшительный моментъ, а до той поры — успѣшно вести заговорщическую дѣятельность, не смотря ни на какія преслѣдованія правительства. Успѣшное выполненіе этой задачи возможно при концентраціи боевыхъ силъ лишь въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ каждый шагъ приближалъ бы насъ къ цѣли, каждое дѣйствіе имѣло бы значеніе въ ближайшемъ, а не въ отдаленномъ будущемъ. Поэтому-то мы и группируемъ активныя, сознательно-революціонныя силы въ правительственныхъ центрахъ, не исключая и окраинъ, по степени ихъ важности, и ведемъ организованную работу только среди тѣхъ элементовъ, которые примутъ непосредственное участіе въ самомъ переворотѣ.

Необходимость такой постановки дѣла практически вытекаетъ, между прочимъ, изъ того, что деревенскія волненія, движенія съ окраинъ, безъ инсуррекціи въ административныхъ и промышленныхъ центрахъ, всегда немедленно подавляются и проходятъ почти безслѣдно для дѣла на-

роднаго освобожденія. И невыгода этого способа будетъ постоянно возрастать, по мѣрѣ прогрессированія технических усовершенствованій, которыми располагаетъ центральное правительство, между тѣмъ какъ самыя условія жизни народа отнимаютъ у него возможность организоваться для борьбы. Кромѣ того, организація крестьянскихъ силъ не входитъ въ наши разсчеты, и хотя популяризація партіи, въ связи съ агитаціоннымъ значеніемъ террористическихъ фактовъ, расчистила намъ путь для прямого дѣйствія среди народа, мы считаемъ необходимымъ направить свою дѣятельность въ эту сторону лишь на столько, чтобы уяснить народу истинный смыслъ нашихъ требованій, оградить крестьянскую среду отъ реакціонныхъ попытокъ враговъ народа въ моментъ возстанія и тѣмъ самымъ обезпечить успѣшность и прочность переворота.

Чтобы не быть неправильно истолкованными, скажемъ въ общихъ чертахъ о цѣли и содержаніи переворота, какъ ихъ понимаетъ партія Нар. Воли.

По нашему мнѣнію, ни одинъ привиллегированный классъ у насъ потому не заинтересованъ въ завоеваніи политическихъ правъ, что эта задача для Россіи революціонна по существу и гораздо въ большей степени, чѣмъ самая широкая пропаганда экономическаго переустройства. И мы, какъ соціалисты-революціонеры, беремъ на себя выполнененіе политическаго переворота, будучи крѣпко убѣждены, что въ Россіи лишь та работа революціонна и единственно цѣлесообразна въ смыслѣ приближенія соціалистическаго строя, которая сокрушаетъ государственный деспотизмъ; что дѣйствовать иначе, осаждать врага съ другой стороны — значитъ прать противъ рожна, обрекая себя на безплодную борьбу. Практическіе способы рѣшенія соціальнаго вопроса въ каждой странѣ по необходимости должны видоизмѣняться, сообразно съ индивидуальными отличіями экономическихъ, бытовыхъ и политическихъ формъ жизни даннаго народа. Не эмпиризмъ — въ тѣсномъ смыслѣ — привелъ насъ къ нашимъ выводамъ, а всестороннее изслѣдованіе историческихъ и современныхъ особенностей соціальнаго строя Россіи.

И факты дѣйствительности вполнѣ оправдываютъ насъ: одновременно съ тѣмъ, какъ соціально-революціонная партія наноситъ удары правительственной власти, въ народѣ

все болѣе и болѣе пробуждается ненависть къ привиллегированнымъ, правящимъ сословіямъ и настойчивое стремленіе къ радикальному измѣненію экономическихъ отношеній. Такое выгодное соотношеніе политическихъ и экономическихъ факторовъ на русской почвѣ позволяетъ намъ съ большою вѣроятностью надѣяться, что когда революц. организація будетъ въ силахъ произвести политическій переворотъ, народъ съумѣетъ совершить революцію въ экономической сферѣ, и захватившему власть временному революціонному правительству придется лишь санкціонировать экономическое равенство, отвоеванное народомъ у его вѣковыхъ угнетателей и эксплуататоровъ. Одно уже то, что наше государство — самая крупная капиталистическая сила въ Россіи, значительно упрощаетъ рѣшеніе экономической стороны соціальнаго вопроса, разъ государственная власть будетъ въ рукахъ революціонной партіи. Но если обстоятельства сложатся менѣе благопріятно, въ такомъ случаѣ временное революціонное правительство, рядомъ съ политическимъ освобожденіемъ народа, рядомъ съ установленіемъ новыхъ политическихъ учрежденій, производитъ экономическій переворотъ: уничтожаетъ право частной собственности на землю и на орудія крупнаго производства. Тогда на созванный Земскій Соборъ явятся истинные представители народа, освобожденнаго политически и экономически, и народная жизнь станетъ регулироваться неподтасованною народною волею.

Мы будемъ преслѣдовать свою задачу, не смотря на репрессаліи правительства, не останавливаясь ни предъ какими препятствіями. Какъ и прежде, мы будемъ дезорганизировать правительственную силу вездѣ, гдѣ это окажется нужнымъ, соображаясь лишь съ тѣмъ, чтобы не отклониться отъ главной цѣли. Люди, умѣющіе умирать за идею, не отступятъ ни передъ косностью общества, ни передъ клеветою, ни передъ ужасами пытокъ, которыя, какъ слышно, практикуются теперь въ болѣе звѣрской формѣ, чѣмъ прежде. Побѣдить или умереть — нашъ девизъ. И если отдѣльныхъ лицъ легко выхватить изъ нашихъ рядовъ, то задавить неумирающую идею не сможетъ никакая адская сила: идея снова соберетъ подъ свое знамя болѣе многочисленныхъ приверженцевъ.

Крайне своеобразно и въ то же время совсѣмъ не самобытно сложилась наша русская жизнь, безпрерывно испытывая на себѣ чуждыя давленія, насильственно вторгавшіяся и мѣшавшія естественному росту народныхъ силъ. Всѣ славяне вообще отличались склонностью къ земледѣлію и мирнымъ занятіямъ, обладали въ самой малой степени завоевательными стремленіями и не были способны поглощать покоренныя племена. Результатъ извѣстенъ: славяне сами очутились подъ властью иноземцевъ Одни русскіе образовали самостоятельное сильное государство, остались политически независимымъ народомъ. — Нельзя, однако, не замѣтить здѣсь обиднаго смѣшенія терминовъ, подобно тому, какъ буржуазная экономія понятіе народнаго богатства отождествляетъ съ богатствомъ горсти капиталистовъ. Всякій знаетъ, что именно русскіе, даже среди славянъ, наиболѣе обезличенный, политически приниженный, безправный народъ. Многочисленныя историческія вліянія создали у насъ могущественное государство и вмѣстѣ съ тѣмъ — заглушили самобытность народа, развили въ немъ пассивность и безграничное тупое терпѣніе. Опредѣляющимъ моментомъ въ процессѣ разоренія и подчиненія народа является происхожденіе и характеръ государственной власти.

Въ самомъ началѣ своей исторической жизни русскимъ, въ силу географическаго и торговаго положенія, пришлось столкнуться съ Варягами и Византіей. На долю Варяговъ выпало политическое объединеніе русской земли; Византія дала намъ религію, нравственное міросозерцаніе, проникла, слѣдовательно, въ самую душу русскаго человѣка. — Варяжская княжеская дружина пришла водворить «порядокъ», взявши на себя функцію внѣшней обороны и политическаго объединенія разрозненнаго населенія. Неудивительно, поэтому, что фактъ добровольнаго если не «призванія», то признанія надъ собой этой силы имѣетъ большую или меньшую степень достовѣрности. Княжеская власть была въ началѣ строго ограничена указанной ей сферой дѣятельности, а при попыткахъ перейти эти предѣлы князья получали «досадительныя письма» и отказы. Такимъ образомъ, собирая дань, предпринимая завоеванія, князь со своей дружиной былъ элементомъ пришлымъ, внѣшнимъ для народа, и только впослѣдствіи, при взаимодѣйствіи съ позд-

нѣйшими историческими невзгодами, этотъ факторъ, оставаясь послѣдовательнымъ лишь въ своей отторженности отъ земли, получаетъ большую власть и сказывается въ опричнинѣ Грознаго, въ ближнихъ совѣтахъ царей, въ тайныхъ приказахъ и канцеляріяхъ прошлаго вѣка, въ III отдѣленіи нынѣшняго и въ кромѣшникахъ «Дружины» настоящаго царствованія.

Насажденіе византійства было первой попыткой со стороны варяжскаго элемента — глубоко повліять на самую народную жизнь. Опытъ удался блистательно. Православная вѣра, введенная у насъ огнемъ и мечемъ, проповѣдуемая греческимъ духовенствомъ, сначала туго прививалась къ народу, который неохотно мирился съ навязываемымъ ему міровоззрѣніемъ; но затѣмъ, при одновременномъ воздѣйствіи другихъ неблагопріятныхъ историческихъ вліяній, византійство своею существенною стороною постепенно вошло въ составъ народнаго міросозерцанія, положило свою окраску на нравственный характеръ народа. Особенно же прочно византійскіе порядки утвердились въ нашей государственной системѣ. Чтобы характеризовать сущность разсматриваемаго вліянія, достаточно вспомнить, что христіанство, сдѣлавшись въ IV вѣкѣ государственной религіей, пошло по пути уступокъ, утеряло свое животворное начало, ассимилировалось съ византійской культурой и изъ области страстныхъ запросовъ вѣрующей души, измученной царящей несправедливостью, удалилось въ успокоительныя метафизическія сферы. Христіанство замѣнилось византійствомъ, — и вотъ этотъ-то «повапленный» гробъ суждено было намъ воспринять въ себя; молодой, только что начинающій жить народъ принялъ въ наслѣдство отъ издыхающаго народа его мертвящій, буквально тлетворный духъ; государство, сходящее съ исторической сцены въ силу внутренней несостоятельности и безсилія распутать соціальную неурядицу, завѣщало намъ свою растлѣвающую систему. Эта система принесла съ собою духовное рабство, умственный квіетизмъ, подавленіе личнаго начала, пассивность, недостатокъ инниціативы — и тѣмъ самымъ подготовила почву для глубокаго проникновенія въ государственную и народную жизнь татарскаго элемента.

Монгольское иго обрушилось на русскую землю, разъединенную, обезсиленную княжескими междоусобіями. Князья

стали добровольными холопами хановъ и, пользуясь услугами татаръ въ домашнихъ раздорахъ, призывая татарскія силы на русскія области, съ своей стороны способствовали татарамъ въ ихъ статистическихъ трудахъ переписи населенія и проч., что дало возможность монголамъ ограничиться разореніемъ народа, оставивши надъ нимъ прежнюю власть, которая взяла на себя роль ханскаго приставника. Подъ покровомъ татаръ началось и благополучно завершилось «собираніе» русской земли и утвержденіе единодержавія. Рабскими средствами укрѣпилась царская власть на Руси, цѣною низкихъ измѣнъ своему народу, подкуповъ, подарковъ, вѣроломныхъ убійствъ и самаго унизительнаго холопства князей передъ ханами. Равнымъ образомъ, и сброшено было монгольское иго не патріотическимъ одушевленіемъ, а пропитанною татаризмомъ государств. властью, сложившеюся по типу полудикой военной орды. Такая побѣда только закрѣпляла иноземное рабство, придавши ему характеръ своего постояннаго учрежденія. И дѣйствительно, многимъ мы обязаны татаризму: онъ внесъ въ нашу жизнь азіатскій абсолютизмъ власти, розыски, пытки, кнутъ, смертную казнь, варварское обезображиваніе преступниковъ, «слово и дѣло», всемогущество царскаго гнѣва и царской милости, господство сверху до низу ничѣмъ не сдерживаемаго произвола. Подъ напоромъ татарскаго царизма пали вѣча свободныхъ земель, жители ихъ были звѣрски перебиты или сотнями тысячъ выселены изъ родныхъ мѣстъ: всѣ безразлично слои населенія, начиная съ удѣльныхъ князей, превратились въ холопишекъ московскаго царя.

Татаризмъ, слившись съ византійствомъ въ одно нераздѣльное цѣлое, прочно оковалъ народную жизнь, надолго отрѣзалъ насъ отъ общенія съ Европой и установилъ для власти традиціи, которыми она держится и донынѣ.

Скоро, однако, такая система оказалась безсильною сладить съ государственными затрудненіями, способною породить безпощадное разореніе и анархію. Надо было подновить расшатанное зданіе власти.

Съ этою цѣлью первые Романовы обращаются къ искаженнымъ древне-русскимъ установленіямъ (земскіе соборы), и наконецъ Петръ I «прорубаетъ окно въ Европу». — Но и тутъ народу пришлось вѣдаться съ однѣми неприглядными сторонами. Правда, Петръ личной энергіей и неустан-

ной работой нарушилъ болотную тишь да гладь древней Руси; онъ сдѣлалъ это при помощи средствъ, завѣщанныхъ татарскимъ преданіемъ, и, вмѣсто широкаго освободительнаго начала, насадилъ въ государств. жизни нѣмецкій бюрократизмъ и табель о рангахъ. Народъ всѣми находящимися въ его распоряженіи способами протестовалъ противъ новаго — нѣмецкаго ига, и былъ совершенно правъ, ибо оно давало себя знать введеніемъ, при первой ревизіи 1719 г., подушной подати и уравненіемъ крестьянъ съ холопами и кабальными людьми, расширеніемъ крѣпостного права, возвышеніемъ повинностей, обложеніемъ бородъ, преслѣдованіемъ раскола и людей безъ опредѣленныхъ занятій, такъ назыв. «избылыхъ, вольныхъ государевыхъ людей». Такимъ образомъ, чрезъ европейское окно пролѣзъ къ намъ незванный гость — нѣмецкій бюрократизмъ и поспѣшно принялся за устройство канцелярій, казармъ и тюремъ. Недаромъ предокъ Романовыхъ — Никита первый изъ русскихъ одѣлъ своихъ слугъ въ ливрею; его потомки продѣлали ту же операцію, но уже надъ цѣлой Россіей. Европеизма въ такой оригинальной передѣлкѣ правительству нечего было опасаться.

Но бѣда въ томъ, что европейское вліяніе имѣло и оборотную сторону. Преграда между Россіей и Европой была уничтожена, — и вотъ одновременно съ тѣмъ, какъ правительство и высшіе классы дѣлаютъ внѣшнія заимствованія, заботливо пересаживаютъ отжившія учрежденія, технически — усовершенствованные способы грабежа и подчиненія и вообще — все то, что мирно уживается съ татаризмомъ и даже его поддерживаетъ, — одновременно съ этимъ сношеніе съ Европой вноситъ къ намъ освободительныя идеи, открываетъ доступъ къ наукѣ. Лучшая часть нашей интеллигенціи всегда отличалась строго-критическимъ отношеніемъ къ европейскимъ порядкамъ и отвращеніемъ къ формальнымъ передѣлкамъ; а между тѣмъ для правительства европейское вліяніе постольку враждебно, поскольку оно вноситъ къ намъ свѣтъ науки, вселяетъ въ вѣрноподданнаго обывателя сознательное отношеніе къ своему прошлому и настоящему и желаніе стать человѣкомъ, съ правами на жизнь, свободу и счастье. Правительство сочло своей обязанностью бороться съ такимъ европейскимъ вліяніемъ. Съ неуклонною правильностью чередуются у насъ

со временъ Екатерины II либеральныя царствованія (Екатерина II, Александръ I, Александръ II, изъ которыхъ каждое дѣлится на двѣ половины: 1 — съ либеральными тенденціями, 2 — заметающую слѣдъ — реакціонную) съ царствованіями сплошь реакціонными, то кратковременными, какъ при Павлѣ, то продолжительными, какъ при Николаѣ. Съ такою же неизмѣнностью каждая реакціонная эпоха ставитъ своимъ лозунгомъ преслѣдованіе интеллигенціи и обвиненіе ея въ европеизмѣ. Страхъ передъ революціей до того обуреваетъ нашу власть, что она не задумывается напр. указомъ (1797 г.) исключать изъ русскаго лексикона слова: „общество, отечество, гражданинъ“, оказываетъ радушный пріемъ легитимистскимъ эмигрантамъ корпуса принца Конде, чистѣйшимъ представителямъ Франціи послѣднихъ Людовиковъ и т. п. Роль русскаго царизма, какъ оплота деспотовъ въ Европѣ, особенно въ текущемъ столѣтіи, слишкомъ извѣстна, чтобы ея здѣсь касаться.

Итакъ, вотъ четыре историческія силы, остановившія свободное, самобытное развитіе народа и опредѣлившія характеръ нашего государственнаго строя: варяжская дружина, византійство, монгольское иго и нѣмецкій бюрократизмъ. Слабое развитіе политическаго инстинкта въ народѣ, рѣдкость населенія при однородномъ составѣ племенъ, раскинутыхъ на огромномъ пространствѣ, ничѣмъ не защищенныя границы съ востока и юга, открывавшія свободный доступъ полудикимъ народамъ, — всѣ эти физико-этнографическія особенности послужили почвой, благопріятной для проявленія и господства внѣшнихъ элементовъ власти. Историческія воздѣйствія съ одной стороны и физико-этнографическія условія — съ другой, непрерывно переплетаясь между собой, взаимно обусловливая и усиливая другъ друга, создали у насъ режимъ, чуждый народу и обществу, покоящійся на разъединенности и спячкѣ народа, не терпящій рядомъ съ собой никакой самостоятельной общественной группы.

Нельзя не отмѣтить коренной разницы въ генезисѣ государственной власти въ Европѣ и у насъ. Тамъ власть является выразительницей и защитницей интересовъ экономически господствующихъ классовъ, санкціонируетъ фактическія отношенія, сложившіяся главнымъ образомъ на формахъ производства и распредѣленія. Измѣнившіяся эко-

номическія отношенія отражаются и на распредѣленіи власти, выливаются въ новую форму политическихъ отношеній. Нарождающаяся экономическая формація требуетъ извѣстныхъ правъ, которыя составляютъ ея нравственно-политическую подкладку и въ моментъ борьбы за преобладаніе становятся идейнымъ лозунгомъ, увлекающимъ за собою даже сословія, экономически не заинтересованныя. Всякое эксплуататорское право, всякій видъ насилія имѣютъ на западѣ, кромѣ своего естественно-историческаго происхожденія, и — такъ сказать — идеальное прошлое, когда стремившійся къ преобладанію классъ, выдѣлялъ борцовъ за общечеловѣческія права. Совсѣмъ обратное замѣчается у насъ. Русская государственная власть, сложившись исключительно изъ внѣшнихъ элементовъ, мало того, что не опиралась ни на какое сословіе, не представляла его, но на пути своего возникновенія задавила зачатки классовыхъ подраздѣленій, хотя бы и съ эксплуататорскими тенденціями. Выродившись въ *голое насиліе*, оставаясь неуклонно вѣрнымъ своему происхожденію, русскій абсолютизмъ цѣлые вѣка искуственно создавалъ порядки, не имѣвшіе корня въ экономическихъ и бытовыхъ условіяхъ народной жизни. Съ неменьшимъ постоянствомъ наше правительство вводитъ и поддерживаетъ формы эксплуатаціи и порабощенія народа, оказавшіяся уже пагубными на западѣ: такъ было съ крѣпостничествомъ, то же видимъ теперь по отношенію къ буржуазно-кулацкой эксплуатаціи. Наше правительство не щадитъ силъ и средствъ въ этомъ направленіи, не останавливается ни передъ какими жертвами, лишь бы поставить на ноги классъ, который бы, *систематически* свирѣпствуя надъ народомъ, служилъ надежною опорою трона.

Не удивительно, если народъ, окруженный со всѣхъ сторонъ хищниками и угнетателями, былъ поставленъ въ невозможность воплотить справедливую экономическую организацію. Общинный и артельный духъ не помѣшалъ развиться у насъ эксплуатаціи, безпримѣрной по наглости и полнотѣ: не справившись съ невзгодами отъ насилія и произвола, поневолѣ пришлось практиковать свои способности въ усиліяхъ водворить, по крайней мѣрѣ, равенство въ рабствѣ и нуждѣ.

Но русская жизнь не застыла на приспособленіи; живучесть и энергія народныхъ силъ сказались въ многочислен-

ныхъ активныхъ попыткахъ — отыскать выходъ изъ невозможнаго положенія. Тутъ мы встрѣчаемся съ движеніями въ области экономической, интеллектуальной и нравственно-религіозной. — Поучительно вникнуть въ характеръ этихъ движеній и уяснить себѣ причину ихъ сравнительной безплодности. Эти примѣры показываютъ, насколько неразсчетливо «вливать новое вино въ старые мѣхи», и научаютъ насъ придавать большое значеніе въ дѣлѣ переустройства соціальныхъ отношеній элементу *сознательности*, *организаціи* и степени *активности*.

Только недостаткомъ этихъ свойствъ и можно до нѣкоторой степени объяснить себѣ въ исторіи русскихъ движеній громадное несоотвѣтствіе затраченныхъ силъ и достигнутыхъ результатовъ. Болѣе двухъ вѣковъ продолжающееся раскольничье и сектантское движеніе, захватывающее своимъ потокомъ милліоны людей, не привело, однако, къ созданію религіи въ полномъ смыслѣ этого слова, не пріобрѣло широкаго реформаторскаго значенія, осталось безъ всякаго вліянія на государственный строй и до настоящаго времени само состоитъ подъ запретомъ. Равнымъ образомъ, работа критической мысли, дошедшая, напримѣръ, въ воззрѣніяхъ „Не нашихъ" до полнаго, глубокаго отрицанія и даже атеизма, остановилась на пассивномъ сопротивленіи, не нашла для себя болѣе продуктивнаго примѣненія и остается заброшенной, въ вѣдѣніи исправниковъ да тюремныхъ смотрителей. Кажется, нѣтъ недостатка въ самоотверженіи, въ умѣньи терпѣть, въ готовности страдать. Сколько жертвъ принесено въ борьбѣ за убѣжденія, свободу совѣсти, за обезпеченіе лучшаго экономическаго положенія! Какая масса безполезно угасшихъ силъ, раздавленныхъ жизней, заглохшихъ въ тюрьмахъ и изгнаніи! Едва ли какой другой народъ такъ дорого платилъ за однѣ лишь попытки — мыслить и дѣйствовать въ направленіи къ облегченію своей участи.

Тормозящими явленіями, обусловившими непроизводительность реформаторскихъ и революціонныхъ усилій, мы считаемъ: разбродъ мысли и дѣла, политическую невыработанность, отсутствіе общенародной организаціи, недостаточную степень сознательности, убѣжденіе въ непреоборимости зла, пассивность въ сопротивленіи, традиціонныя путы византійства въ религіозныхъ движеніяхъ, идеи царизма въ бунтовскихъ взрывахъ.

Возьмемъ бунты. Русское крестьянство почти безъ перерывовъ находится, если можно такъ сказать, въ состоянiи *хронической революцiи*. Чего стоило народу, напр., уничтоженiе крѣпостного права! Ежегодные бунты и безпорядки, особенно съ 1762 г., Пугачевщина, жертвы интеллигенцiи—отъ Радищева и Декабристовъ до Чернышевскаго: пусть добросовѣстный историкъ вычислитъ цѣну крестьянской реформы—скажетъ ли онъ тогда, что она *дарована* сверху, милостью самодержавной власти. Съ необычайною наглядностью показываетъ наша исторiя, во что обходится народу такъ называемый мирный путь реформъ, который въ государствѣ, лишенномъ политической жизни, всегда является результатомъ хронической революцiи, выхватывающей порознь безчисленное количество жертвъ, слагающейся изъ недоразумѣнiй и вспышекъ стихiйнаго характера, не объединенныхъ во времени и пространствѣ и приправленныхъ какимъ нибудь ложнымъ принципомъ (напр., у насъ идея царизма), мѣшающимъ массовому движенiю подняться на надлежащую высоту.

Не улеглось народное броженiе и теперь: напротивъ, освободительная фикцiя, не удовлетворившая мужика въ экономическомъ отношенiи, послужила замѣтнымъ толчкомъ къ политическому развитiю массъ, и активное проявленiе недовольства, въ формахъ, до безконечности разнообразныхъ, растетъ за послѣднiя два десятилѣтiя въ геометрической прогрессiи. Стихiйное настроенiе народа встрѣчается на этотъ разъ съ серьезнымъ, сознательнымъ движенiемъ революцiонной интеллигенцiи. Приближенiе кризиса чуется всѣми, и всякiй по своему готовится къ нему.

Такъ, «два генерала», издавшiе «Письма о современномъ состоянiи Россiи», настойчиво рекомендуютъ правительству опереться на *организованную* земскую единицу и исподоволь давать обществу разрѣшенiя и *поблажки*, вмѣсто *правъ*. Легкомысленные генералы, повидимому, не подозрѣваютъ, что этотъ самый прiемъ наше государство практиковало много вѣковъ, разсчитывая опереться то на опричниковъ, то на помѣщиковъ, то на кулаковъ; что твердую точку опоры представляетъ лишь сила, самостоятельно сорганизовавшаяся, съ какимъ нибудь идейнымъ содержанiемъ; что иначе можно вызвать къ жизни не болѣе, какъ шайку грабителей, и что, наконецъ, земская единица заключаетъ въ себѣ представителей несовмѣстимыхъ интересовъ.

Другіе допускаютъ у насъ возможность царскаго соціализма, въ противовѣсъ революціи. Дѣло представляется въ такомъ, приблизительно, видѣ: власть проводитъ рядъ широкихъ экономическихъ реформъ, въ интересахъ мужика, съ разсчетомъ подавить стремленія интеллигенціи, отнять почву у соціализма и направить народную месть противъ образованныхъ классовъ. Съ этою цѣлью, государство, не переставая быть деспотическимъ, возьметъ въ свои руки завѣдываніе крупной промышленностью, землю передастъ народу и предоставитъ ему организовать мелкую промышленность на артельныхъ началахъ, — словомъ, «и будетъ у насъ братство и равенство, а свобода и прежде была».

Не говоря уже о томъ, что мудрое правило предписываетъ «бояться Данайцевъ, и дары приносящихъ» мы не вѣримъ въ самую *возможность* со стороны нашего правительства не только по своему почину, искренно, но даже вынужденно вступить на путь коренныхъ экономическихъ преобразованій; и эта наша глубокая увѣренность зиждется на изученіи родной исторіи и на тщательномъ взвѣшиваніи наличнаго соотношенія факторовъ соціальной жизни: тиранія, вскормленная татарскими традиціями, развращенная тысячелѣтней узурпаціей, *не можетъ*, не уничтоживши себя, *вдругъ* стать доброжелательною для народа. Если и случаются подобныя превращенія, такъ обыкновенно *слишкомъ поздно*, когда народъ уже не поступится свободой ни за какіе сребренники, не продастъ свое первенство ни за какую похлебку.

Однако, допустимъ осуществимость царскаго соціализма и посмотримъ, что бы изъ этого вышло. Разныя стороны соціальной жизни такъ тѣсно въ настоящее время соприкасаются одна съ другою, что обезпеченіе, напр., экономически справедливыхъ отношеній совершенно немыслимо безъ прочной гарантіи воплощенія соціальной справедливости вообще. Рабъ лишается возможности жить полною жизнью; у него нѣтъ иниціативы и энергіи свободнаго человѣка, нѣтъ стимуловъ даже къ устроенію экономическаго благополучія. Кромѣ того, монаршее *дарованіе*, хотя покупается болѣе высокой цѣной народныхъ страданій, чѣмъ *завоеванное революціей неотъемлемое право*, приводитъ, однако, въ государственной жизни къ плачевнымъ результатамъ: разрѣшенное или урѣзывается, или воспрещается, даровац-

ное — отнимается; новая форма наполняется старымъ содержаніемъ. Судьба реформъ прошлаго царствованія съ достаточною убѣдительностью показываетъ, что на почвѣ половинчатыхъ рѣшеній съ новою силой расцвѣтаютъ и прежніе порядки, и искореняемыя злоупотребленія. Далѣе. Наша государственная власть исторически враждебна истинному просвѣщенію: на это указываютъ ея происхожденіе и характеръ, прогрессивное уменьшеніе интеллигенціи въ ея рядахъ, постоянное ограниченіе образованія, гнетъ надъ мыслью. А власть, фатально невѣжественная, очевидно, *не въ силахъ* урегулировать сложныя функціи соціальнаго организма. Другое присущее нашему государственному строю качество — абсолютизмъ. — Нормальный наилучшій порядокъ соціальной жизни, регулируемый *непосредственно и свободно* выражаемой народною волею, требуетъ равномѣрнаго *распредѣленія общественно-необходимой власти.* Нарушенное соотвѣтствіе правъ и обязанностей порождаетъ произволъ и безправіе, развращаетъ обѣ стороны — и господствующую, и подчиненную. Наша исторія представляетъ яркое, сплошное доказательство полнаго безсилія деспотизма сладить съ задачами простого благочинія: желѣзная, революціонная натура Петра отступила передъ искорененіемъ взяточничества и казнокрадства; энергія и личное управленіе Николая только деморализовали правящій классъ и привели Россію на край гибели. Посулы «скорбнаго главою» — Александра III — дать мужику на чаекъ, вмѣсто водки, и мѣры, клонящіяся къ осуществленію этихъ обѣщаній, — слишкомъ каррикатурны, чтобы на нихъ останавливаться.

Такая безпомощность правительства — не случайное явленіе. Это безсиліе не зависитъ ни отъ содержанія законовъ, ни отъ способности и рѣшительности законодателя. «Втунѣ законы писать, ежели ихъ не исполнять». А соблюденіе законовъ недостижимо при деспотизмѣ: когда регуляторомъ государства является безконтрольный произволъ, тогда всякій носитель самой малой доли власти неизбѣжно становится неограниченнымъ властелиномъ, между тѣмъ какъ обладатель маленькихъ правъ превращается въ безправную, безотвѣтную жертву. Преступленія царственной семьи, подвиги Скарятиныхъ и Токаревыхъ — до урядниковъ включительно — это не диссонансъ, не исключеніе, а основной фонъ нашей неприглядной дѣйствительности.

Даже строгое наказаніе виновныхъ не сдѣлаетъ тутъ ровно ничего.

Очевидно, наши очередные вопросы не могутъ быть разрѣшены при настоящемъ государственномъ строѣ, потому что осуществленіе политической свободы и соціально экономическихъ реформъ идетъ въ разрѣзъ съ характеромъ нашей власти, логически несовмѣстимо съ ея исторической родословной. Ясно также и то, что у насъ нѣтъ достаточно активнаго, обладающаго правами и сознательнаго большинства, способнаго мирнымъ путемъ провести требуемыя перемѣны. Самыя условія жизни выдвигаютъ революціонный способъ рѣшенія вопроса, какъ единственно возможный и притомъ неотложный, ибо нищета низшихъ классовъ и распутство господствующихъ достигли размѣровъ, угрожающихъ народу физическимъ вырожденіемъ и паденіемъ. Безобразный общественный складъ выдѣляетъ массу лицъ, которыя, не находя для альтруистическихъ порывовъ приложенія въ сферахъ, куда сами принадлежатъ по рожденію и воспитанію, обильно пополняютъ кадры революціонныхъ силъ. Есть, впрочемъ, значительный контингентъ людей, которые, не удовлетворяясь современною дѣйствительностью, пытаются на разные лады слиться съ народомъ или ищутъ выхода въ религіозно-нравственномъ созерцаніи. Это — сторонники личнаго нравственнаго удовлетворенія, прямые потомки — какъ это ни странно — Базаровыхъ и Лопуховыхъ, мыслящаго пролетаріата 60-хъ годовъ. Намъ хотѣлось бы, при случаѣ, подробнѣе остановиться на этомъ любопытномъ побочномъ теченіи русской жизни; теперь же скажемъ только, что эти люди, удаляясь отъ міра сего, въ большей или меньшей степени вычеркиваютъ себя изъ ряда борцовъ за лучшее будущее и служатъ показателями напряженной ненормальности существующаго порядка.

Насъ угнетаютъ глубокіе соціальные недуги; они, какъ сфинксъ, требуютъ разгадки, угрожая въ противномъ случаѣ пожрать насъ, смести съ исторической сцены. И народъ тогда только выйдетъ побѣдителемъ изъ тяжелаго испытанія, если, помимо массоваго ожесточенія, способнаго въ минуту дѣйствія породить не болѣе, какъ хаосъ и анархію, помимо чистыхъ сердцемъ, задыхающихся въ атмосферѣ индивидуальной и общественной неправды и бѣгущихъ отъ зла, — если помимо всего этого жизнь заключаетъ въ себѣ

настолько здоровыхъ задатковъ, чтобы выдѣлить группу лицъ, которыя, вооружившись продуманными положительными идеалами, мужественно вступятъ въ открытый бой съ врагомъ во имя свободы и счастья своего народа. Эти люди составятъ зиждительный ферментъ движенія, приблизятъ часъ возмездія и въ критическій моментъ ликвидаціи отжившаго строя не дадутъ всеобщему возбужденію остановиться на голомъ разрушеніи. У насъ такимъ значеніемъ обладаетъ соціально-революціонная партія и никто болѣе. Не пристрастіе заставляетъ насъ утверждать это: мы думаемъ, каждый непредубѣжденный изслѣдователь неминуемо придетъ къ мысли, что для Россіи вопросъ о жизненности революціонной организаціи — роковой вопросъ жизни и смерти.

Тѣмъ серьезнѣе сознательный революціонеръ обязанъ взвѣсить всѣ обстоятельства, среди которыхъ приходится дѣйствовать, чтобы затѣмъ направить свои силы туда, гдѣ исходный пунктъ нашихъ историческихъ и современныхъ бѣдствій, гдѣ наиболѣе прочна непріятельская позиція, разрушеніе которой откроетъ путь къ плодотворному рѣшенію соціальнаго вопроса. Кромѣ того, способъ веденія борьбы долженъ обезпечить возможность — скорѣе, совершеннѣе и съ меньшими потерями добиться желаемыхъ результатовъ.

Общій очеркъ происхожденія нашей государсвенной власти показалъ, что она развилась изъ внѣшнихъ элементовъ и пріобрѣла всепоглощающее значеніе, опираясь на недостаточное политическое развитіе народа, на его пассивность и разрозненность, свойства, которыя утвердившійся деспотизмъ всѣми средствами усиливалъ и эксплуатировалъ въ свою пользу. Поэтому, центръ тяжести преобразованія соціальныхъ отношеній лежитъ у насъ въ коренномъ измѣненіи политической системы; для насъ не придавать послѣдней преобладающаго значенія такъ же безразсудно, какъ въ Европѣ игнорировать экономическую общественную организацію. Откладывая до другого раза изложеніе своихъ взглядовъ на экономическій складъ Россіи и вообще на участіе экономическаго элемента въ процессѣ борьбы, ограничимся здѣсь указаніемъ на то, что мы ни мало не отнимаемъ у экономическихъ побужденій ихъ огромнаго значенія въ качествѣ стимуловъ человѣческихъ дѣйствій; но критика наличныхъ соціальныхъ отношеній въ Россіи приводитъ насъ

къ заключенію, что крайнее разореніе страны, весь экономическій гнетъ, всѣ крупныя хищенія и неправды —все это почти цѣликомъ плодъ господствующаго политическаго строя, результатъ насилія и безправія, которыя проходятъ черезъ всѣ стороны русской жизни. — Исторія повелительно возлагаетъ на русскихъ соціалистовъ задачу политической борьбы, и мы беремъ на себя эту задачу, не опасаясь ни упрековъ въ оторванности отъ «жизни», въ отчужденіи отъ народа, ни указаній на опасность слиться съ конституціоналистами.

Русская соціально-революціонная партія поставлена въ необходимость сплотиться въ заговорщицкую организацію и должна вести свою борьбу наиболѣе активно, съ безпощадной послѣдовательностью. Только такимъ путемъ ей удастся пробудить въ народѣ и обществѣ активное, сознательное отношеніе къ безотрадному современному положенію и побороть всѣ преграды, будутъ ли онѣ заключаться въ реакціонныхъ усиліяхъ правительства или — въ живучести традиціонныхъ идоловъ, поглотившихъ столько человѣческихъ жизней, заглушившихъ столько самоотверженныхъ порывовъ.

Конечно, такую трудную задачу съ успѣхомъ выполнитъ лишь крѣпкая организація: а сила послѣдней, по нашему мнѣнію, стоитъ въ прямой зависимости отъ степени централизаціи боевыхъ элементовъ. *Строго централистическій типъ организаціи, на весь періодъ борьбы, до первой прочной побѣды революціи, мы считаемъ за наилучшій, единственно ведущій къ цѣли.* Это положеніе пріобрѣтаетъ особую важность для Россіи, гдѣ предстоитъ борьба съ громаднымъ централизованнымъ государствомъ, гдѣ, кромѣ того, приходится считаться съ такими препятствіями, какъ обширность территоріи, разбросанность населенія, отсутствіе самостоятельно сложившихся обще народныхъ группъ. — Наконецъ, техническія условія современной экономической и политической жизни ведутъ къ соціализаціи всѣхъ интересовъ: каждая функція все болѣе отходитъ изъ личной или частной области и получаетъ общественный характеръ (см. передов. ст. № 6 Н. В.). Такимъ образомъ, обобществленіе потребностей и способа ихъ удовлетворенія исключаетъ возможность бороться съ соціальными несовершенствами, не направляя точно разсчитанныхъ ударовъ на цѣлую госу-

дарственную систему во всей ея совокупности. Съ такой ролью въ состояніи справиться только объединенная, строго централизованная революціонная организація.

Въ заключеніе — нѣсколько словъ объ отношеніи партіи Нар. Воли къ національностямъ, входящимъ въ составъ русскаго государства.

Нерѣдко говорятъ, будто партіи Нар. Воли присуще пренебреженіе мѣстными особенностями русскихъ окраинъ, стремленіе подчинить остальныя народности великорусскому племени. Излишне доказывать, что народовольство, какъ соціалистическая партія, чуждо какихъ бы то ни было національныхъ пристрастій и считаетъ своими братьями и товарищами всѣхъ угнетенныхъ и обездоленныхъ, безъ различія происхожденія; что пользоваться племенной враждой, а тѣмъ болѣе раздувать ее — вовсе не входитъ въ наши планы; что мы не сдѣлаемъ подобнаго шага, какъ бы ни была велика ожидаемая отъ того временная выгода для партіи.

Другая сторона національнаго вопроса касается будущаго способа существованія исторически обособившихся народностей. Само собою разумѣется, мы не отнимаемъ у такихъ народностей права на полную политическую независимость, оставляя на ихъ добрую волю стать въ тѣ или другія отношенія къ остальнымъ національностямъ. Но мы утверждаемъ, что противъ общаго врага должны быть направлены соединенныя, дружныя усилія всѣхъ составныхъ частей государства: разъединеніе въ борьбѣ ослабитъ наши силы и отдалитъ побѣду. Мы настаиваемъ также на томъ, что торжество революціи и соціалистическихъ принциповъ упрочится только при томъ условіи, если общими силами будетъ произведена не одна дезорганизаціонная, разрушительная работа, но и созидательная, т. е., если учредительная дѣятельность *обще-русскаго* Земскаго Собора, который займетъ мѣсто временнаго революціоннаго правительства, распространится на территорію всего государства. Только послѣ закрѣпленія революціонныхъ пріобрѣтеній, послѣ твердой установки общихъ основъ новаго строя отдѣльнымъ народностямъ должно быть предоставлено право — опредѣлить свою политическую связь съ цѣлымъ государствомъ. Иначе темныя реакціонныя силы, навѣрное, найдутъ свою Вандею, откуда откроютъ походъ противъ расчлененной революціи.

У насъ нѣтъ мѣста и времени, да — пожалуй — и надобности, входить въ препирательства съ праздно болтающими педантами — автономистами. Наши слова обращаются къ тѣмъ честнымъ людямъ, которые — быть можетъ — уже работаютъ на пользу своего роднаго края и которыхъ раздѣляетъ отъ насъ простое недоразумѣніе.

Мы призываемъ ихъ къ совмѣстной съ нами дѣятельности, указывая на обоюдную неразсчетливость «брести врозь».

РѢЧЬ

Предсѣдателя Саратовскаго Губернскаго Земскаго Собранія г. Федоровскаго.

(Окончаніе).

Я далекъ отъ мысли ставить въ осужденіе землевладѣльцамъ невыгодный для крестьянъ способъ выкупа земли. Въ этомъ виновато законодательство. Если законъ предоставляетъ кому либо право произвести какую либо операцію въ извѣстныхъ предѣлахъ, то, само собою разумѣется, лицо это старается произвести ее сколько возможно выгоднѣйшимъ для себя образомъ, и въ этомъ ничего нѣтъ предосудительнаго, хотя бы сдѣлка и была несогласна съ справедливостью, понятіе о которой между людьми весьма разнообразно. Въ этомъ дѣлѣ стояли на одной сторонѣ интеллигентные люди, солидарные между собой, ибо составляли законную корпорацію, — съ другой, — невѣжественная масса людей, дѣйствующая врознь, между которой не могло явиться руководителей, защищавшихъ ея законные интересы противъ первой стороны. Лица, не принадлежащія къ податнымъ сословіямъ,за защиту крестьянскихъ интересовъ, даже въ земскихъ собраніяхъ, именовались подстрекателями, возбуждающими крестьянское сословіе противъ помѣщиковъ (такъ какъ слово подстрекательство весьма растяжимо), а что касается до лицъ податного сословія, то они, когда не было противъ нихъ уликъ для преданія суду, административно ссылались въ другія губерніи на основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го іюня 1861 г. Защитники же крестьянъ изъ

мировыхъ посредниковъ, съ которыми администрація ничего не могла сдѣлать, по окончаніи первыхъ двухъ лѣтъ большею частью перестали быть дѣятелями, ибо на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26 іюля 1863 г. о сокращеніи мировыхъ участковъ, попали подъ упраздненіе. Я также не могу осуждать землевладѣльцевъ за то, что они назначаютъ за съемъ земли высокія цѣны, и арендаторовъ крупныхъ участковъ за то, что они передаютъ дешево арендованныя у казны земли въ три дорога крестьянамъ. Это ихъ законное право, такъ какъ всѣ подобныя сдѣлки подлежатъ дѣйствію непреложнаго политико-экономическаго закона спроса и предложенія. Но я осуждаю законодательство, которое поставило крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, въ такое положеніе, что они волей неволей должны подчиняться предъявленнымъ требованіямъ; если что и есть предосудительнаго въ этихъ сдѣлкахъ, то второстепенныя условія, имѣющія цѣлью обезпечить выговоренный за землю платежъ и вмѣстѣ съ тѣмъ содержащія въ себѣ хищническое вымогательство.

Вмѣсто того, чтобы вывести крестьянъ по возможности изъ зависимаго положенія, бюрократическо-полицейская партія всѣми мѣрами устраняла даже и возбужденіе по сему предмету запросовъ. Ходатайство Хвалынскаго Земскаго Собранія, года три тому назадъ, о дозволеніи желающимъ землевладѣльцамъ дополнить крестьянамъ, получившимъ уже даръ, при согласіи крестьянъ, земельный надѣлъ до полнаго размѣра, съ распространеніемъ на эту сдѣлку правилъ о выкупѣ, донынѣ остается безъ отвѣта. Мнѣ положительно извѣстно, что дѣлъ о подобныхъ сдѣлкахъ, возбуждавшихся частными лицами, еще прежде въ Земскомъ отдѣлѣ Министер. Внутр. Дѣлъ совѣтывалось не подымать на мѣстахъ. О надѣлѣ крестьянъ казенною землею и говорить нечего. Бюрократическо-пполицейская партія, такъ щедро разбиравшая по своимъ рукамъ государственное достояніе въ Царствѣ Польскомъ, въ западныхъ губерніяхъ и въ Оренбургскомъ краѣ, при помощи какъ бы нарочно для себя придуманной системы оцѣнокъ, отвергала всякую просьбу крестьянъ купить казенную землю за деньги. Вотъ примѣръ: въ Рыбушанскомъ обществѣ Саратовскаго уѣзда, получившемъ даръ, около 160 душъ возымѣли намѣреніе переселиться въ Оренбургскій край и купить тамъ казен-

ную землю. Присмотрѣвъ тамъ 2700 десятинъ въ Кузьминской оброчной статьѣ, приносившей дохода до 800 руб., они подали прошеніе Генералъ-Губернатору о продажѣ имъ этой земли. Крестьяне разсчитывали дать до 12 руб. за десятину. Генералъ-Губернаторъ соглашался, и вслѣдствіе переписки съ мѣстнымъ начальствомъ крестьяне эти получили освобожденіе отъ общества. Но Министер. Гос. Имущ. поступило иначе. Отъ временнаго отдѣла по поземельному устройству государственныхъ крестьянъ 20 дек. 1879 г. № 10516, по приказанію г. Министра Гос. Им., они получили слѣдующій отзывъ: надѣлу изъ казенныхъ земель Оренбургской губ., на основаніи Высочайшаго повелѣнія 28 янв. 1876 г., могутъ подлежать только тѣ изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, получившихъ въ даръ четверть высшаго или указнаго надѣла, которые прибыли въ Оренбургскій край и проживали тамъ до воспослѣдованія этого повелѣнія, довѣрители же просителя, имѣющіе земельный надѣлъ и проживающіе по настоящее время въ Саратовской губ., никакого права на полученіе надѣла въ Оренбургской губ. не имѣютъ, и ходатайство ихъ по сему предмету (о чемъ они вовсе не просили — прибавимъ мы отъ себя), выраженное въ прошеніи отъ 18 дек., удовлетворено быть не можетъ. Можетъ быть эта земля понадобилась кому нибудь въ подарокъ или въ продажу за два двугривенныхъ, съ разсрочкою на 37 лѣтъ. Выходомъ изъ настоящаго положенія многіе находятъ увеличеніе надѣла крестьянъ землею. Одна изъ солидныхъ газетъ высказала даже убѣжденіе, что крестьяне должны получить такой надѣлъ, который бы давалъ имъ возможность приложить къ нему весь свой трудъ. Я касаюсь этого вопроса потому, что со времени объявленія крестьянамъ знаменитаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и пресловутаго Маковскаго циркуляра, вывѣшеннаго во всѣхъ волостныхъ правленіяхъ и которымъ объявлялось отъ имени покойнаго государя, что имъ, крестьянамъ, новыхъ надѣловъ земли, какъ своихъ ушей, не видать, начались между крестьянами толки о недостаточности ихъ надѣловъ и о необходимости новыхъ имъ нарѣзокъ земли. Упомянутый циркуляръ какъ разъ произвелъ обратное дѣйствіе противъ того, какое онъ желалъ произвести. Онъ то самъ и былъ главнѣйшимъ поводомъ къ распространенію въ народѣ толковъ о новомъ надѣлѣ зем-

лею. Высочайшая воля, въ немъ объявленная, не имѣетъ никакого значенія, ибо ей никто изъ крестьянъ не вѣритъ. Крестьяне, не зная всѣхъ бюрократическихъ тонкостей относительно формъ обращенія къ народу правительства и нисколько не интересуясь знать, какая такая должность Министра, говорятъ объ этомъ циркулярѣ такъ: „что если бы Государь сказалъ, что новаго надѣла не будетъ, *то самъ бы свой указъ и подписалъ*, а то его подписалъ какой то Маковъ“. Нельзя не признать въ этой мысли своего рода крестьянской логики, ибо крестьяне въ такой важной мѣрѣ, касающейся непосредственно ихъ быта, никакой иной формы обращенія къ нимъ Монарха усвоить не могутъ, какъ только формы манифеста. Если бы подобная мысль возникла въ сферахъ правительственныхъ, то каждый изъ насъ обязанъ бы былъ принять всѣ мѣры убѣжденія къ ея отклоненію, ибо никакъ нельзя ручаться за послѣдствія, зная, что въ Россіи революціонные порывы могутъ направляться не въ формѣ западныхъ революцій, направленныхъ къ измѣненію формъ правленія, а единственно въ доступной для Россіи, самой ужасной формѣ революціи — *Пугачевщины*. Нельзя при этомъ не принять во вниманіе сильно распространяемыхъ нигилистами въ народѣ прокламацій, разсылаемыхъ грамотнымъ крестьянамъ въ письмахъ, и такъ какъ въ этихъ прокламаціяхъ говорится для крестьянъ все пріятное, то, по доходящему изъ народа говору, можно полагать, что только одно въ этихъ прокламаціяхъ ихъ смущаетъ, а именно: что о царѣ говорится нехорошо. Увеличеніе надѣловъ крестьянъ до того размѣра, чтобы они имѣли возможность приложить къ нимъ весь свой трудъ, однозначительно съ упраздненіемъ частной земельной собственности и все таки не разрѣшитъ этой задачи, ибо черезъ нѣсколько времени, съ наращеніемъ населенія, опять земли у крестьянъ будетъ недостаточно, чтобы къ ней приложить весь свой трудъ. Размѣръ съ этою цѣлью надѣленія землею долженъ былъ бы съ необходимымъ количествомъ пастбища достигать 9 десят. на душу. Гдѣ же и въ настоящее время взять такое количество земли? Ея не достало бы, если бы даже конфисковать всѣ владѣльческія земли.

Между крестьянами однако сформировываются уже болѣе опредѣленныя понятія о способахъ новаго надѣла зем-

зею, и притомъ ими указывается прямо на казенныя оброчныя земли, сдаваемыя въ аренду большими участками купцамъ, которые передаютъ эти земли крестьянамъ же помелочамъ въ тридорога. Затѣмъ благоразумнѣйшіе крестьяне, признавая несправедливымъ отобраніе отъ владѣльцевъ земель даромъ, такъ какъ земли, за надѣломъ оставшіяся, часто переходили изъ рукъ въ руки и находятся у лицъ, въ томъ числѣ и у самихъ крестьянъ, которые крѣпостнымъ трудомъ не пользовались, разсуждаютъ, что суммы, причитающіяся за землю, они съ разсрочкою на года выплатили бы. Когда въ народномъ сознаніи являются мысли въ опредѣленной уже формѣ, то ихъ неблагоразумно было бы игнорировать. Очевидно, что крестьянскій вопросъ возстаетъ вновь и разрѣшить его въ настоящее время будетъ не менѣе трудно, чѣмъ 20 лѣтъ тому назадъ, потому что палліативныя мѣры ни къ чему не приведутъ. Вопросъ этотъ долженъ быть разсмотрѣнъ во всей его совокупности и цѣлости, при соглашеніи всѣхъ разнообразныхъ интересовъ не только по владѣнію землею, но и по платежу податей. Разрѣшеніе этого вопроса бюрократіи, совершенно не знающей Россіи, мы, представители земства, довѣрить не можемъ. Что бюрократія управляетъ Россіей, не зная ея, лучшимъ доказательствомъ можетъ служить сенаторская ревизія, которая имѣетъ не прежнюю карательную цѣль, а ознакомленіе съ истиннымъ положеніемъ дѣла. Если бы петербургская бюрократія знала Россію, то не понадобилась бы съ означенною цѣлью сенаторская ревизія. Отношеніе бюрократическо-полицейской партіи, господствующей въ правительствѣ, къ народу настолько извѣстно, что довѣрія къ ней положительно не существуетъ. Да и какъ существовать этому довѣрію, когда вся Россія знаетъ и громко говоритъ, какъ продавались концессіи на желѣзныя дороги съ правительственною гарантіей, какъ разбирались и обмѣнивались казенныя земли, наконецъ, какъ подарены были въ настоящемъ году крупнымъ солеторговцамъ (какъ разсчитываютъ) около 9 милліоновъ рублей, собранныхъ уже съ народа, а голодающимъ губерніямъ въ то же время отпускались, по недостатку денегъ, пособія въ обрѣзъ на столько, чтобы не умереть съ голода, хотя и уничтожившіи экономическій бытъ. Вмѣсто 3,242,987 р., исчисленныхъ Губерн. Земск. Собр., въ самомъ крайнемъ размѣрѣ, въ

продовольствіе съ 1 января 1881 г. и на обсѣмененіе яровыхъ полей, отпущено только 1,400,000 р. Чѣмъ же, спрашивается, питался народъ? Картофелемъ съ капустою, пока они были, лебедою, отрубями съ примѣсью нѣкотораго количества муки, даже колобомъ, которымъ лишь откармливають скотъ; затѣмъ, продавали кормъ, назначенный для скота, чтобы купить себѣ хлѣба, и, наконецъ, продавали уже самый необходимый скотъ и окончательно разстраивали свое хозяйство; большая же часть населенія побуждаема была уйти изъ губерніи, чтобы кормиться подаяніемъ.

А въ это время саратовскій солеторговецъ Аносовъ получаетъ изъ казны подарокъ болѣе 1 милліона руб., собраннаго имъ съ голодающаго народа соляного акциза, да другіе саратовскіе солеторговцы получаютъ такіе же подарки болѣе чѣмъ на 600,000 р. Не безъ основанія люди, близкіе къ дѣлу, говорятъ, что подобные подарки даромъ не дѣлаются.

Кто же во всемъ этомъ потребуетъ, наконецъ, у правящей Россіей партіи отчета? Мы не властны потребовать этотъ отчетъ; но за то и нѣтъ власти, которая заставила бы насъ довѣрять этой партіи и вѣрить въ искренность предполагаемыхъ ею преобразованій.

Я считаю, однако, своею обязанностью окончить свою рѣчь указаніемъ на то, что нужно для разрѣшенія крестьянскаго вопроса, не разрабатывая мыслей въ подробностяхъ, такъ какъ къ этому не призванъ.

1., Просить правительство прежде всего назначить свободныя казенныя земли подъ поселенія крестьянъ изъ числа тѣхъ обществъ, въ которыхъ причитается въ настоящее время на наличную мужского пола душу менѣе 4 съ пол. дес. удобной земли, съ назначеніемъ со вновь образовавшихся обществъ оброчной за землю платы, по соображенію правительства съ существующими цѣнами и при свободномъ согласіи на нихъ крестьянъ.

2., Одновременно съ этимъ разрѣшить землевладѣльцамъ всѣхъ сословій и обществамъ государственныхъ крестьянъ, владѣющимъ большими надѣлами, приглашать къ поселенію на ихъ землѣ крестьянъ изъ выше упомянутыхъ же обществъ, въ которыхъ причитается на наличную мужскую

душу менѣе 4 съ пол. дес. удобной земли, но съ тѣмъ, чтобы владѣлецъ тѣмъ самымъ обязывался передать эту землю крестьянамъ въ выкупъ по свободно договоренной съ ними цѣнѣ, но при этомъ имѣлъ бы право получать въ число причитающейся суммы выкупныя бумаги въ такомъ размѣрѣ, какой причитается по положенію о выкупѣ, если только договоренная цѣна не ниже этой суммы. Дополнительные платежи, если они будутъ, не могутъ быть обращаемы ко взысканію на эту землю. Выдаваемая ссуда возвращается крестьянами.

3., Всѣ означенныя сдѣлки совершаются при посредствѣ и подъ наблюденіемъ мѣстныхъ земствъ, на обязанности которыхъ должно лежать и устраненіе такихъ вызововъ и объявленій, которые не соотвѣтствуютъ дѣйствительности и могутъ вводить въ заблужденіе. Каждому крестьянскому обществу должно быть предоставлено право приглашать по приговорамъ кого либо изъ мѣстныхъ владѣльцевъ въ посредники, какъ по дѣламъ, относящимся до пріобрѣтенія земли, такъ и по повѣркѣ должностныхъ лицъ и вообще по защитѣ крестьянскаго общества въ сношеніяхъ съ разными учрежденіями.

4., При переселеніяхъ предоставить удаляющимся изъ обществъ получать съ сихъ послѣднихъ вознагражденіе за оставленную ими землю и уничтожить 173 ст. Положенія о выкупѣ, требующую при удаленіи изъ обществъ взноса половины выкупной суммы, съ принятіемъ, если земля не стоитъ выкупной суммы, разности на счетъ всего государства.

5., Расходъ по производству выкупа и завѣдываніе имъ отнести къ числу общегосударственныхъ.

6., Произведенныя по выкупу крестьянами переплаты подъ проц. зачесть имъ въ уплату капитальной суммы и тѣмъ сократить срокъ выкупа.

7., Податной вопросъ рѣшить безотлагательно.

8., Всѣ вышеозначенныя предположенія, по разработкѣ ихъ, передать на окончательное обсужденіе въ одной изъ столицъ (желательно въ Москвѣ) представителямъ земствъ, избраннымъ отъ каждаго уѣзда.

САРАТОВЪ, 14 декабря.

Плохо было положеніе нашихъ крестьянъ въ голодный годъ, да не больно то улучшилось оно и въ нынѣшній, урожайный. Урожай нынѣшняго года отдалилъ только до нѣкоторой степени кризисъ.

Миновалъ голодъ, а вмѣстѣ съ нимъ и снисходительныя отношенія начальства къ «мужичкамъ». Становые, урядники и пр. и пр. снова принялись за «пещадное» выколачиваніе недоимокъ и податей. Поголовное сѣченіе цѣлыхъ обществъ на сельскихъ сходахъ, безчеловѣчное сажаніе въ «холодную», собственноручныя «притыканія» начальства, открытый грабежъ народа, облеченный въ легальную форму аукціона,— все это практикуется въ деревнѣ въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ.

Такъ, въ селѣ Сухомъ Корбулатѣ, послѣ силошной порки крестьянъ на сходѣ, лошади и прочая домашняя животина были проданы по нижеслѣдующимъ цѣнамъ: лошадь — 12 р., корова — 10 р., овца — 1 р. 50 к., куры за десятокъ — 1 р. 50 к. Между тѣмъ какъ въ Саратовѣ въ то же самое время далеко не казистая лошадь стоитъ 40 р., даже курица и та 45 коп.

Въ селахъ Юрьевкѣ, Поповкѣ, Быковкѣ, Дмитріевкѣ, Золотая Гора порка производилась почти поголовно.

Начальство дѣйствуетъ такъ энергично, что заставляетъ мѣстныя сельскія власти прибѣгать къ попстинѣ необычайнымъ средствамъ. Сообщаю фактъ, имѣвшій мѣсто въ громадномъ, славящемся своей торговлей селѣ Баландѣ. Послѣ неоднократныхъ, но безрезультатныхъ требованій уплаты податей, въ это село заявляется самолично мѣстный исправникъ. „Собраны ли подати", вопрошаетъ онъ старшину. „Никакъ нѣтъ". „Почему?" „Не даютъ", лаконически отвѣчаетъ старшина. Исправникъ, страшно избивъ старшину, приказываетъ ему къ слѣдующей же недѣлѣ непремѣнно собрать подати. Избитый въ свою очередь, староста вырылъ глубокую ямищу, вылѣзти изъ которой безъ посторонней помощи не было никакой возможности, и ввергнулъ туда всѣхъ неплательщиковъ впредь до уплаты податей. Трудно описать происходившую картину!... Но и такое по-

истинѣ ужасное средство не дало вполнѣ благопріятныхъ результатовъ. Правда, многіе и уплатили, но только за этотъ годъ, меньшинство же выдержало и не заплатило ни копейки.

Толки о передѣлѣ помѣщичьихъ земель между крестьянами становятся все настойчивѣе. Прежнія надежды крестьянства на то, что передѣлъ этотъ совершится по указу царя, начинаютъ мало по малу терять подъ собой почву; въ крестьянствѣ все болѣе и болѣе развивается сознаніе необходимости насильственнаго захвата земель, непосредственными усиліями самого народа. Первые шаги по этому пути уже сдѣланы.

Въ Кузнецкомъ уѣздѣ, у арендатора Вальгалина крестьяне ночью свезли весь хлѣбъ съ половинныхъ посѣвовъ и, когда онъ вздумалъ было силой возвратить свои снопы съ крестьянскихъ гуменъ, то былъ встрѣченъ дружнымъ натискомъ въ колья, вилы и т. п. У владѣльца Самбикина, Сарат. у., было скошено и свезено съ луговъ сѣно, прежде сдававшееся крестьянамъ и удержанное за недоимки. Въ Аткарскомъ уѣздѣ, у помѣщика Штейнберга за многолѣтнія притѣсненія сожжено гумно съ хлѣбомъ на нѣсколько тысячъ. Въ нѣкоторыя села становые и урядники не показываются иначе, какъ съ большимъ конвоемъ сотскихъ и казаковъ. Особенно плохо приходится урядникамъ. Въ Саратовской губ. нынѣшними осенними праздниками было уже до 20 случаевъ, что урядниковъ избивали, какъ говорится, до полусмерти, и это въ такихъ близкихъ къ Саратову селахъ, какъ Кирсановка, Злобовка, Чардымъ и др.

Скажу нѣсколько словъ о мѣстныхъ войскахъ. Положеніе солдатъ крайне плохо. Постоянное грабительство со стороны начальства, зарцеры, побои и другія наказанія за самую ничтожную провинность истощили терпѣніе солдатъ и вызвали нѣсколько случаевъ протеста, окончившихся впрочемъ очень печально для протестантовъ.

Такъ, на пасхѣ прошлаго года унтеръ-офицеры и солдаты 9-ой роты Имеретинскаго полка, возмущенные наглымъ обкрадываніемъ фельдфебеля и ротнаго командира, рѣшили не отвѣчать на обычное привѣтствіе послѣдняго и такимъ образомъ добиться пріѣзда полковника и довести до его свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ своего ближайшаго начальства. Результатомъ былъ приказъ полковника расформиро-

зать роту и разжаловать въ рядовые четырехъ унтеръ-офицеровъ, признанныхъ зачинщиками.

Другой случай былъ въ ноябрѣ этого года въ 6-й ротѣ Кутаисскаго полка. За ничтожный проступокъ фельдфебель, безъ всякаго на то права, наказалъ двоихъ солдатъ, велѣвъ имъ стать на всю ночь подъ ранцы, наполненные кирпичами. Рота возмутилась и въ видѣ протеста стала вся подъ ранцы наравнѣ съ наказанными товарищами. Дѣло дошло до начальства, но и на этотъ разъ рѣшилось не въ пользу солдатъ. Указанные фельдфебелемъ якобы зачинщики высидѣли на гауптвахтѣ, да и вся рота спаслась отъ расформированія, только благодаря заступничеству ротнаго командира.

Наконецъ, третій случай былъ вызванъ звѣрскимъ обращеніемъ нѣкоего поручика Серженко, который имѣетъ обыкновеніе за всякую вину бить солдатъ собственноручно по головѣ, отчего наказанные лишаются слуха, а перѣдко и умираютъ. Въ концѣ ноября 14 человѣкъ его роты сговорились во время ученья нарочно не исполнить какихъ-то мелкихъ формальностей, съ цѣлью быть избитыми командиромъ и имѣть возможность довести дѣло до свѣдѣнія начальства. Говорятъ, что на замѣчаніе своего начальника Серженко съ цинизмомъ отвѣчалъ: „Чѣмъ-же я виноватъ, что обладаю такимъ кулакомъ“.

ОДЕССА, 1 декабря

Вотъ уже два мѣсяца, какъ „событія“ у насъ не прекращаются. Сначала — еврейскіе безпорядки и возмездіе за нихъ въ видѣ розогъ и высылки безпаспортныхъ, потомъ цѣлый рядъ обысковъ и арестовъ политическихъ; наконецъ — въ послѣднее время — снова еврейскіе безпорядки и „студенческая исторія“, послѣдствіемъ которой могутъ быть новые аресты и ссылки, — не даютъ успокоиться общественному мнѣнію. Не затрогивая еврейскаго погрома, заслуживающаго отдѣльной корреспонденціи, я коснусь лишь жандармской экспедиціи за этотъ періодъ времени и „злобы дня“ — волненій въ университетѣ. Началомъ усиленной дѣятельности тайной полиціи въ концѣ

іюля былъ арестъ секретаря Таврическо-Бессарабскаго банка, бывшаго офицера генеральнаго штаба, человѣка солиднаго и уже не молодого, Ивана Ивановича Свѣденцева и, связанной съ нимъ многолѣтнимъ знакомствомъ, г-жи Крицкой, вскорѣ, впрочемъ, выпущенной. Арестъ банковскаго чиновника, въ которомъ до этого никто не усматривалъ соціалиста, произвелъ не малую сенсацію въ обществѣ, пошли толки, слухи о причинѣ ареста, сущность которыхъ сводилась къ знакомству его съ Тригони, состоявшимъ до своего ареста помощникомъ присяжнаго повѣреннаго Одесскаго Окружнаго Суда и, по своему оффиціальному положенію, имѣвшимъ значительный кругъ знакомыхъ кліентовъ. Не одинъ одесскій обыватель затрепеталъ надъ шкурнымъ вопросомъ: Тригони бывалъ въ судѣ, въ клубѣ, въ ресторанахъ; одинъ обращался къ нему за совѣтомъ, какъ къ адвокату, другой зналъ его студентомъ Новороссійскаго Университета: — надо было достаточно времени, чтобы невольно согрѣшившіе убѣдились, что „чаша" миновала ихъ.

Одновременно и въ таинственной связи съ арестомъ Свѣденцева былъ взятъ рабочій Моисей Поповъ, съ незапамятныхъ временъ состоящій подъ надзоромъ полиціи и арестуемый при всякомъ событіи съ политической окраской, происходитъ ли оно въ Россійской Имперіи вообще, или въ г. Одессѣ въ частности. Недѣли три спустя, едва смолкъ говоръ по поводу происшедшаго, громъ грянулъ снова, разразившись на сей разъ преимущественно надъ рабочими. Орестъ Костюринъ (братъ сосланнаго), Петръ Овчинниковъ, Петръ Валуевъ, Дымничъ, Мельковъ — вокзальный рабочій, его сестра (нынѣ выпущ.) были арестованы, другіе, тѣсно связанные съ ними, спаслись бѣгствомъ. Изъ интеллигенціи въ то время была арестована фельдшерица Оржихъ; полиція явилась также на квартиру фельдшерицы Шехтеръ, только что выѣхавшей изъ города. Вскорѣ послѣ этой облавы на Одесскомъ горизонтѣ появился прокур. Стрѣльниковъ, еще въ Кіевѣ, говорятъ, хваставшій, что создастъ процессъ въ Одессѣ. Преслѣдованія возобновились, но уже въ другой сферѣ — среди студенчества. Арестованы сначала: студ. Дрей и Корнфельдъ; немного спустя — бывшій студ. Немировскій, потомъ студ. Соломоновъ, Рубановичъ, бывшій студ. Гольдсвурмъ и двое Полякъ, одинъ бывшій

студ. Московскаго, другой Кіевскаго унив.; былъ обыскъ у студента Бухштабъ. Въ это же время изъ Петербурга привезена домашн. учит. Степанова, изъ Кіева нѣкій Майеръ, изъ Николаева Морейнисъ*). Всѣ поименованныя лица будутъ фигурировать въ процессѣ съ „чесночнымъ запахомъ", какъ выразился г. Стрѣльниковъ, навербовавшій въ тайное революціонное общество „жидовъ", говорятъ, уже около 3-хъ десятковъ членовъ и думающій на сей разъ доказать, что русская революція двигается жидами (своего рода юдофобство!). Въ тѣсной связи съ арестами студентовъ стоитъ исторія въ университетѣ.

20 ноября собравшаяся масса студентовъ произвела демонстрацію противъ профессора Патлаевскаго. Крики: „шпіонъ! подлецъ! скотина!" и свистки огласили сборную залу, когда этотъ сподвижникъ и другъ Цитовича проходилъ ее. Вотъ фактъ, составившій, такъ сказать, реальное проявленіе недовольства студентовъ. Причиною такого недовольства послужило слѣдующее. Въ качествѣ приватъ-доцента, частнаго преподавателя, на 1-мъ курсѣ юридич. факультета энциклопедію права читаетъ, навязанный начальствомъ университету, г. Чижовъ. Соединяя нахальство и незнаніе съ бездарностью, онъ довелъ студентовъ 1-го курса до того, что они прекратили посѣщеніе лекцій. Университетское начальство, отстаивая Чижова, всему 1-му курсу по частямъ сдѣлало строжайшій выговоръ за непосѣщеніе лекцій, но, встрѣтивъ со стороны студентовъ надлежащій отпоръ, обѣщало пересмотрѣть программу Чижова и послать эксперта на его лекціи. Нѣкоторые студенты поддались на удочку и стали посѣщать лекціи Чижова, котораго постоянно конвоируетъ на лекціи и послѣ нихъ экспертъ Патлаевскій, онъ же деканъ юр. факультета.

Въ самомъ началѣ броженія противъ Чижова Патлаевскій, взявшій его подъ свое крылышко, угрожалъ „бунтующимъ" студентамъ „штыками". Одному студенту онъ даже сказалъ: „если вы не перестанете волноваться, я обращусь самъ въ жандарма и донесу жандармскому полковнику!" Это возмутило все студенчество, особенно когда одинъ

---

*) Нужно добавить, что Стрѣльниковъ съ его шайкой охранителей (которая, кажется, превышаетъ численностью явную полицію) не забываетъ и рабочихъ. Извѣстны аресты рабочихъ: К. Надѣева и Бартеньева. Послѣдній арестованъ только три дня тому назадъ.

изъ студентовъ (Полякъ), котораго оскорбилъ Патлаевскій, былъ преданъ университетскому суду за оскорбленіе Патлаевскаго. Послѣдовавшіе вскорѣ за тѣмъ аресты нѣсколькихъ студентовъ еще болѣе возбудили студентовъ противъ ихъ начальства, въ особенности противъ Патлаевскаго, котораго многіе считаютъ причиной этихъ арестовъ. Возмущенные произволомъ администрація, студенты собрали сходку, на которой рѣшили протестовать противъ полицейскаго отношенія администраціи къ студенчеству.

Броженіе усиливалось съ каждымъ днемъ, какъ вдругъ студенты узнали о новомъ поступкѣ Патлаевскаго: онъ донесъ своему начальству на проф. Постникова, одобрившаго кандидатскую диссертацію, представляющую, по мнѣнію Патлаевскаго, тенденціозно—коммунистическій памфлетъ. Этотъ доносъ вывелъ окончательно студентовъ изъ терпѣнія, и 20 ноября противъ автора доноса была сдѣлана демонстрація. Начальство не замедлило вступиться за Патлаевскаго и, выхвативъ наугадъ 20 чел. студентовъ, предала ихъ суду. Не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ не присутствовали на демонстраціи, судъ судилъ ихъ и осудилъ: посыпались выговоры слабые, строгіе и строжайшіе. Но этимъ дѣло не ограничилось: трое студентовъ уволены изъ университета, двоихъ предполагаютъ уволить. Такимъ рѣшеніемъ остались недовольны какъ студенты, такъ и профессора, и если рѣшеніе войдетъ въ законную силу, то дѣло едва ли обойдется безъ протеста противъ начальства, уже грозящаго закрыть университетъ.

Копія.

Его Превосходительству

Г. Ректору Императорскаго Новороссійскаго Университета

Декана юридическаго фак. Патлаевскаго

ДОНЕСЕНІЕ.

На 5-ть часовъ вечера 9-го сего ноября мною было созвано факультетское засѣданіе. Въ назначенное время я открылъ засѣданіе при полномъ составѣ факультета, т. е. въ немъ участвовали, подъ моимъ предсѣдательствомъ, при секретарѣ факультета профессорѣ Шпилевскомъ, слѣд. профессора: Леонтовичъ, Дювернуа, М. И. Малининъ и А. С. Постниковъ.

Кромѣ текущихъ дѣлъ, повѣсткой назначены были для

разсмотрѣнія въ вышеуказанномъ засѣданіи слѣдующія два дѣла:

а) Представленіе проф. Посникова объ оставленіи кандидата Петра Климовича при университетѣ въ качествѣ стипендіата для приготовленія къ кафедрѣ политической экономіи и

б) Мое (декана) заявленіе по поводу кандидатской диссертаціи М. Герценштейна, *одобренной уже на основаніи рецензіи проф. Постникова факультетомъ.*

По первому дѣлу факультетъ постановилъ отложить сужденіе о предлагаемомъ кандидатѣ до ближайшаго засѣданія; что же касается до моего заявленія, то оно было вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ:

Пересматривая кандидатскую диссертацію Герценштейна, я, къ удивленію моему, вмѣсто ученой работы натолкнулся на тенденціозно-коммунистическій памфлетъ, который, по моему мнѣнію, не только не могъ быть принятъ, какъ диссертація, но вообще премированъ какимъ бы то ни было образомъ со стороны факультета. Въ предупрежденіе на будущее время подобныхъ явленій, я въ заявленіи своемъ предложилъ факультету: 1) признать за правило на слѣдующее время: не удостаивать подобнаго рода работъ какихъ бы то ни было премій и 2) ходатайствовать предъ совѣтомъ о пріостановленіи представленія факультета объ утвержденіи Герценштейна въ степени кандидата. Не смотря на обсужденіе моего заявленія въ факультетѣ по существу и на мнѣнія, записанныя въ протоколѣ собственноручно проф-ами Постниковымъ и Дювернуа, при постановкѣ мною голосованія перваго моего предложенія проф-ра Постниковъ, Дювернуа и секрет. факул. Шпилевскій ушли изъ засѣданія безъ объясненія причинъ, вслѣдствіе чего засѣданіе не могло продолжаться за недостаткомъ законнаго числа членовъ и было прекращено, о чемъ и записано мною въ протоколъ. О всемъ сказанномъ мною имѣю честь донести Вашему Превосходительству.

Подлинное подписалъ Деканъ Юрид. Факул. Н. Патлаевскій.

16-го ноября 1881 г. Одесса.

ХРОНИКА АРЕСТОВЪ

1881 годъ принадлежитъ къ числу самыхъ выдающихся по количеству преслѣдованій, возбужденныхъ правительствомъ противъ многочисленныхъ проявленій революціоннаго движенія. Оффиціальныя данныя опредѣляютъ общее количество политическихъ дѣлъ по октябрь мѣсяцъ въ 1500, но ихъ на самомъ дѣлѣ значительно больше. Такъ напр., тѣ же оффиціальныя данныя опредѣляютъ количество дѣлъ по оскорбленію величества до 1500 только за сентябрь и октябрь мѣсяцы. Большею частью, по оффиціальнымъ протоколамъ, они состоятъ въ выраженіяхъ въ родѣ: «собакѣ собачья смерть», «такъ ему с... с... и нужно» и т. п., выраженій, высказываемыхъ по поводу кончины покойнаго государя, и при томъ на половину случаевъ безъ всякихъ смягчающихъ обстоятельствъ, въ родѣ: «былъ выпивши». Даже въ числѣ прошеній, подаваемыхъ на высочайшее имя, 50 проц. оказываются содержащими въ себѣ «оскорбленія величества». Для примѣра можно привести одно, особенно выдающееся *прошеніе*, гдѣ авторъ-крестьянка, между прочимъ, угрожаетъ, что «Александру II оторвали ноги, а Александру III оторвутъ голову». Не смотря на угрожающій характеръ подобнаго явленія, многочисленность преступленій вынудила чрезвычайно понизить мѣру наказанія, которое въ настоящее время колеблется между выговоромъ и двухнедѣльнымъ арестомъ.

Возрастающее число преслѣдованій затрудняетъ сколько нибудь точное слѣженіе за нимъ, тѣмъ не менѣе въ дополненіе къ сообщенному прибавимъ еще нѣсколько подробностей, относящихся къ разнымъ мѣстностямъ Россіи преимущественно за послѣдніе мѣсяцы.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ умерло нѣсколько человѣкъ, какъ изъ сосланныхъ на каторгу, такъ и изъ недошедшихъ до этого предѣла. Извѣстная по дѣлу Ковальскаго Гуковская, сосланная въ Сибирь, повѣсилась въ Красноярскѣ. Молодая, страстная натура не выдержала безцѣльнаго и бзцвѣтнаго прозябанія: Гуковская повѣсилась съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ въ комнатѣ, въ которой была открыта дверь въ смежную комнату, гдѣ нахо-

дились ея товарищи. Семеновскій — кандидатъ правъ, осужденный въ 1877 г. за пропаганду среди петербургскихъ рабочихъ и сосланный на каторгу, застрѣлился теперь, не будучи въ силахъ вынести притѣсненій, которымъ подвергли каторжныхъ на Карѣ (гдѣ былъ и онъ) въ декабрѣ 1880 г. по распоряженію Лорисъ-Меликова. Петръ Родинъ — тоже на Карѣ — отравился тамъ же. Александръ Николаевичъ Акимовъ, арестованный въ мартѣ 1880 г. по обвиненію въ государственномъ преступленіи, нынѣ скончался отъ бугорчатки, пріобрѣтенной имъ въ Одесскомъ тюремномъ замкѣ. Петръ Өедоровичъ Архангельскій — студ. М. Х. Академіи — содержавшійся въ С. П. Б. въ Д. Предв. Заключенія. откуда былъ выпущенъ за нѣсколько дней до смерти.

Главной ареной безчисленныхъ обысковъ, арестовъ и т. п. оставался, разумѣется, по обыкновенію С. Петербургъ. Въ дополненіе къ ранѣе сообщенному, прибавимъ нѣсколько новыхъ, частью упущенныхъ подробностей. Въ сентябрѣ арестованы: студ. Бест. курс. Трубникова, Василій Ульрихъ, Бабенко. Въ октябрѣ на Вас. Остр. арестовано до 35 человѣкъ рабочихъ; студ. мед. курсовъ Сегаль; студ. Петръ Ивановъ, по дѣлу рабочаго Гаврилова; 20 октября арестованъ студ. унив. Лукьяновъ, по поводу угрожающаго письма, написаннаго имъ генер. Козлову. Въ ноябрѣ 14 числа арестованъ извѣстный Сайковскій, покушавшійся на жизнь генер. Черевина, затѣмъ его товарищъ Мельниковъ; по тому же дѣлу арестовано еще около 20 человѣкъ, у которыхъ однако ничего подозрительнаго обысками не обнаружено. Сыскная полиція имѣла какія то указанія на подготовляющееся покушеніе и еще 13 ноября усердно разыскивала по городу Санковскаго и Мельникова, но безуспѣшно. 18 ноября арест. Вѣра Гассохъ, слушательница курс. Георгіевской общины. Въ началѣ декабря арестов. Н. Г. Франкъ. Въ ранѣе сдѣланныхъ сообщеніяхъ пропущены: рабочіе Лебедевъ, Григорьевъ, Орловъ, Кириловъ, Евсѣевъ и Ильинъ, арест. послѣ 1-го марта; Өедоръ Артищевъ въ іюнѣ, раб. Юрьевъ, Хохловъ, Виноградовъ и Троицынъ въ іюлѣ, мѣщанка Татьяна Кузнецова, Черняевъ, Серпинскій въ февралѣ въ 81 г. въ мѣстечкѣ Ковенской губ. (Серпинскій былъ въ административной ссылкѣ въ Сольвычегодскѣ, откуда бѣжалъ въ 80 г.) Сильные аресты происходили

по военнымъ училищамъ — Михайловск. Артиллерійскомъ, Константиновскомъ и Московскомъ Александровскомъ юнкерскихъ, всѣ въ связи между собой. Между прочимъ арестов. юнкеръ Грязновъ, а двое Кандыба и Шумиловичъ дисциплинарнымъ порядкомъ отданы въ солдаты. Въ маѣ 81 г. арестов. Н. Емельяновъ, сынъ дьякона въ Бессарабіи. Изъ числа обысковъ, бывшихъ за это время, стоитъ отмѣтить обыскъ у Мавриной, старухи 60 лѣтъ, въ ноябрѣ, и обыскъ въ книжномъ магаз. Цвилева (д. Попова) на Малой Садовой: полиція ломала въ кв. полы, отыскивая мину (въ августѣ). Высылаются административ. порядкомъ: П. Хвалынскій — въ Новгород. губ.; Василій Перовскій, братъ Софьи Перовской (въ чемъ и состоитъ единственное преступленіе его) въ Восточ. Сибирь; ст. унив. Россиковъ, Ферморъ, Переляевъ, Решко, Грязнова, всѣ въ мѣста, не находящіяся въ состояніи усиленной охраны. Административ. порядкомъ на 5 лѣтній срокъ ссылаются: Роза Личкусъ, Вериго, Чернявскій и Бердичевская — въ Западную Сибирь; Иванъ Орловъ, Ульрихъ и Иванъ Свѣденцовъ въ Вост. Сибирь въ партіи въ 16 челов. Топографъ Потоцкій разжалованъ въ солдаты и отправленъ въ Туркестанъ. — Въ началѣ 2-й половины декабря взято двое нелегальныхъ, докторъ Мартыновъ, С. Михайловичъ и еще нѣсколько лицъ.

Въ концѣ сентября въ Судебной Палатѣ разбирался извѣстный процессъ типографіи „Чернаго Передѣла", арестованной въ январѣ 80 года. Изъ лицъ, прикосновенныхъ къ этому дѣлу, нѣкоторыя (какъ Осипъ Аптекманъ) высланы ранѣе административнымъ порядкомъ. Въ качествѣ подсудимыхъ были привлечены: Марія Крылова (дворянка 39 лѣтъ), Иннокентій Пьянковъ (купеч. сынъ, 25 лѣтъ, судившійся уже по дѣлу 193), Петръ Тесленко-Приходько (дворянинъ 26 лѣтъ), Василій Переплетчиковъ (офицерскій сынъ 28 лѣтъ, бывшій владѣлецъ типографіи въ Смоленскѣ). Послѣ многочисленныхъ откладываній дѣла, разбирательство наконецъ состоялось 29 сентября. Составъ засѣданія былъ, противъ обыкновенія, не особенно звѣроподобенъ: Предсѣдатель Н. Н. Шрейберъ, члены: Шаховъ, П. К. Гераковъ, С. Ф. Христіановичъ, Н. О. Туръ; сословные представители: С. Петербургскій губ. предводит. дворян. гр. Бобринскій, Петерб. у. предв. двор. бар. М.

Н. Корфъ, Петер. город. гол. И. И. Глазуновъ и старшина Московской волости А. А. Гелькеръ. Обвинялъ извѣстный Н. В. Муравьевъ. Защищали: Турчаниновъ, Левенсонъ, Михайловъ 1-ый. Приходько защищался самъ. На основаніи Полож. 14 августа засѣданіе происходило при закрытыхъ дверяхъ, причемъ однако со стороны подсудимыхъ допущено по три человѣка, которыхъ всего и присутствовало 12 чел. Негласность, какъ извѣстно, простиралась до того, что печать не смѣла обмолвиться ни однимъ словомъ о происходившемъ на судѣ, и никакихъ отчетовъ, даже извращенныхъ, опубликовано не было. Такая секретность обусловливалась однако только принципомъ. На судѣ же собственно не происходило ничего, способнаго возбудить общественное чувство. Всѣ подсудимые обвинялись, правда, по 250 ст. Улож. о нак., а Крылова и Пьянковъ еще по 975 ст. Но даже Муравьевъ счелъ нужнымъ тѣмъ не менѣе выставить передъ судьями на видъ, что газета „Черный Передѣлъ" все же не столь ужасна, какъ „Народная Воля". „Листки газеты, сказалъ онъ, не пропитаны кровью, отъ нихъ не пахнетъ динамитомъ"... Такимъ образомъ сама идея, представляемая подсудимыми, казалось не требовала такого ревниваго секрета. Подсудимые, правда, держали себя съ достоинствомъ, но также не произносили агитаціонныхъ рѣчей. Значитъ, простое мнѣніе, указывающее на народныя нужды и желанья, безъ всякаго воззванія къ революціи, — само по себѣ опасно для существующаго порядка и должно быть тщательно заглушено. Муравьевъ самъ выразилъ эту мысль, продолжая свою параллель между партіей „Народной Воли" и „Чернымъ Передѣломъ".

„Въ то время, когда одни съ оружіемъ въ рукахъ врываются въ домъ, уничтожая всѣ преграды, убивая стражей, другіе (т. е. чернопередѣльцы) подкапываются подъ фундаментъ". Хорошо сказано: стало быть, Россія — это домъ частнаго лица, и вся ій, что указываетъ на народныя права и нужды, подкапывается подъ фундаментъ этого величественнаго зданія...

Судъ вынесъ слѣдующій приговоръ: дворянку Марію Крылову, куп. сына Иннокентія Пьянкова и дворянина Петра Тесленко-Приходько лишить всѣхъ лично и по состоянію присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ и первыхъ двухъ сослать на житье въ Иркутскую губ., послѣд-

няго же въ Тобольскую губ.; сына отставного подпоручика Василія Переплетчикова считать по суду оправданнымъ, подвергнувъ его на основаніи 1008 ст. Ул. о нак. тюремному заключенію на 4 мѣсяца.

5 января Петерб. Военно-Окр. Судъ приговорилъ Санковскаго къ смертной казни и Мельникова къ 20 г. каторги. Смертная казнь для Санковскаго замѣнена пожизненной каторгой.

Въ половинѣ января арест. студ. универ. Судаковъ, Перовъ и Сидоренко.

Кіевъ:

Начиная съ апрѣля, преслѣдованія коснулись слѣдующихъ лицъ: арестованы студенты Бычковъ и Ааронскій, высланые въ настоящее время въ Восточную Сибирь. Въ связи съ арестомъ Бычкова былъ взятъ его братъ гимназистъ, впослѣдствіи выпущенный на поруки; за родство съ Бычковымъ арестованъ и офицеръ 44 резервнаго батальона Бычковъ, переведенный затѣмъ изъ Кіева куда то въ глушь. Вслѣдствіе письма, найденнаго у Бычкова, произведены аресты въ г. Нѣжинѣ; тамъ взяты слѣдующія лица: учит. Пархоменко (выпущенъ на поруки), ст. филол. инст. Игнатенко, гимн. 8. класса Любарскій, сел. учит. Колтуненко, Лукьяновичъ и Ященко. — Прапорщ. 43 резервн. батальона Пелинскій былъ преданъ суду и осужденъ по обвиненію въ открытомъ сопротивленіи распоряженіямъ начальства при подавленіи анти-еврейскихъ безпорядковъ и въ возбужденіи солдатъ къ неповиновенію. Офицеръ Степаненко, преслѣдуемый начальствомъ по подозрѣнію въ политической неблагонадежности, — застрѣлился. Во время безпорядковъ арестованъ Павелъ Ивановъ, набиравшій въ моментъ ареста прокламацію.

Въ августѣ по ложному доносу номерного одной гостинницы арестованъ столяръ Өедоръ Шапаловъ. Въ сентябрѣ арестованы Терентьевъ, братъ обвиняющейся по Херсонскому дѣлу, и ст. Дашкевичъ (выпущенъ). Въ октябрѣ арестованы ст. Ив. Длусскій, Бернадскій (выпущ.), Генр. Сосновскій (взятъ въ Ломжѣ); В. Лесневичъ; прис. повѣренн. А. Длусскій (освобожд.); Лисовская, сестра арестованнаго весною въ Варшавѣ бывш. ст. Кіевск. Ун. Послѣднія 7 лицъ — поляки; они обвиняются въ принадлежности къ „Польской Революціонной партіи“ и выданы однимъ ли-

домъ, которое было арестовано въ Петерб. и затѣмъ освобождено за откровенное показаніе. Арест. еще студ. Корецкій, перевезенный въ Одессу, и Ширинская-Шахматова (выпущена).

Одесса. Арестованы рабочіе: Моисей Поповъ, маляръ Петръ Клименко, Дмитрій Овчинниковъ, Трофимъ Дымничъ, Орестъ Костюринъ, фельдшерица Оржихъ, солдатъ Петръ Валуевъ, желѣзнодорожный раб. Мельковъ, секретарь Таврич. Бессарабск. банка Иванъ Ивановичъ Свѣденцовъ; бывшій ст. Немировскій, студ. Михаилъ Дрей, Рубановичъ (въ октябрѣ) и Корнфельдъ. Былъ обыскъ у Фесенко, человѣка почти умирающаго отъ неизлѣчимой болѣзни, тянущейся нѣсколько лѣтъ; онъ женатъ на сестрѣ извѣстнаго Дейча, чему и обязанъ вниманіемъ полиціи. Въ концѣ ноября арест. ст. Полякъ, Соломоновъ и воспитанникъ реальн. учил. Дамскій.

Москва Арестованы: Студ. Петр. Акад. Рашевскій, (уже судившійся); Кабановъ, Буткевичъ, Апсельбергъ — въ связи съ арестами, происходившими во Владимірѣ; ст. техн. учил. Майновъ, ст. унив. Виноградовъ, Цвѣтаевъ и Преферанскій. На вокзалѣ курской ж. д. В. Жебуневъ, скрывавшійся отъ полиціи; въ ноябрѣ О. Любатовичъ въ „Грандъ Отелѣ" и пришедшій къ ней въ гостинницу Герасимъ Романенко. Въ Моск. Военно-Окружномъ Судѣ разбиралось три политическихъ процесса: 1) Дѣло Николая Рашевскаго 20 лѣтъ, студ. Петровск. Академ. — Признанъ виновнымъ въ имѣніи запрещенныхъ книгъ, приговоренъ къ 3-хъ мѣсячному тюремному заключенію и 3 годичному надзору полиціи; 2) Дѣло Александра Троицкаго, дѣлопроизводителя Бѣжецкаго военнаго начальника. Онъ обвинялся по 246 ст., но былъ признанъ совершившимъ преступленіе въ состояніи „опьяненія" и приговоренъ всего къ 8- мѣсячному заключенію въ смирительномъ домѣ. 3) Дѣло крест. Майнова, ст. Кирхнена и Виноградова. Обстоятельства этого дѣла, какъ видно изъ обвинительнаго акта, слѣдующія: По доносу шпіона крест. Ивана Хитрова, служившаго корридорнымъ въ меблированныхъ комнатахъ Гофманъ, гдѣ жилъ Майновъ, и замѣтившаго въ номерѣ этого послѣдняго нѣсколько экземпляровъ различнаго рода революціонныхъ изданій, Майновъ былъ арестованъ. На слѣдующій день по адресу Майнова было получено письмо

компрометирующаго содержанія. Письмо это несомнѣнно шпіонскаго происхожденія; въ немъ указывается на нѣкоего Валуева, какъ на соціалиста революціонера, котораго слѣдуетъ принять въ какое то „братство“. Между тѣмъ, по тщательно наведеннымъ полиціей справкамъ, Валуевъ этотъ оказался вполнѣ благонамѣренымъ человѣкомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ ареста Майнова въ его квартиру пришелъ студ. тех. уч. Кирхнеръ, котораго тамъ также арестовали. На квартирѣ его были найдены разныя революціонныя изданія и записная книжка съ замѣтками. По указанію того же шпіона Хитрова былъ произведенъ обыскъ у Нагубнаго, а за одно и у сожителя его студ. универ. Виноградова, у котораго былъ найденъ чистый листокъ для сбора пожертвованій на рабочее дѣло въ Москвѣ. Майновъ и Кирхнеръ обвиняются по 249 ст., а Виноградовъ по 3 части 252. ст.

Обвинительную рѣчь прокуроръ началъ съ характеристики западно-европейскаго соціализма, къ которому отнесся съ нѣкоторымъ уваженіемъ. „Соціализмъ на Западѣ, говорилъ онъ, есть извѣстная народная партія, быть можетъ ошибочная, но во всякомъ случаѣ, гуманная и великодушная. Соціалисты Италіи, Австріи и Германіи съ содроганіемъ отвертываются отъ русскихъ революціонеровъ, которые преслѣдуютъ революцію для революціи и свои идеи проводятъ въ жизнь при помощи кинжаловъ, револьверовъ и динамита“. Далѣе прокуроръ въ самомъ лирическомъ тонѣ упомянулъ о великихъ реформахъ прошлаго царствованія, нормальное теченіе которыхъ было задержано злодѣйской шайкой революціонеровъ, о погибшихъ вслѣдствіе этого „надеждахъ“ общества и т. п. Перейдя затѣмъ къ непосредственному обвиненію подсудимыхъ, онъ просилъ судъ обратить особенное вниманіе на ихъ образъ жизни и имѣющіяся о нихъ оффиціальныя донесенія, изъ разсмотрѣнія которыхъ вполнѣ явствуетъ, что Майновъ и Кирхнеръ принадлежали къ преступному сообществу, уже начавшему активную борьбу съ правительствомъ. „Для чего подсудимый Майновъ, пріѣхалъ въ Москву, вопрошалъ прокуроръ. Подсудимый говорилъ, что онъ хотѣлъ поступить въ университетъ. Что же помѣшало ему выполнить это намѣреніе? Во всякомъ случаѣ не недостатокъ времени, а то, что голова подсудимаго была занята не этимъ вопросомъ. Кто его знакомые?

Часть ихъ такова, что онъ не пожелалъ ничего сообщить о нихъ, а о другихъ имѣются свидѣтельскія показанія и оффиціальные отзывы. Нѣкто Петровъ, напр., по словамъ Хитрова, приходилъ къ Майнову въ кумачевой рубахѣ (о ужасъ!!) и подавалъ ему, корридорному, руку (навѣрное съ преступными замыслами).“ Далѣе прокуроръ прочелъ нѣсколько отрывковъ изъ бумагъ, найденныхъ у Майнова (это были выписки изъ различныхъ революціонныхъ изданій), и приписалъ ихъ перу Майнова. Цитировалъ прокуроръ съ большой безцеремонностью, приводя отдѣльныя фразы и слова, и искажалъ, такимъ образомъ, самое содержаніе рукописей. Шпіонское письмо также служитъ, по мнѣнію прокурора, вѣской уликой противъ Майнова, такъ какъ подписавшійся подъ нимъ иниціалами С. Л. несомнѣнно принадлежитъ къ руководителямъ (?) террористической партіи. — Обвиненіе противъ Кирхнера по своей основательности не уступаетъ предыдущему. Въ заключеніе прокуроръ просилъ судъ примѣнить къ Майнову и Кирхнеру ст. 249 во всей ея строгости. — Относительно Виноградова Кессель милостиво заявилъ, что онъ не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу остальныхъ подсудимыхъ. Формулировавши виновность Виноградова согласно обвинительному акту, за исключеніемъ той части его, въ которой подсудимому приписывалось сочувствіе соціально-революціонной доктринѣ, прокуроръ просилъ судъ отнестись къ нему съ возможною снисходительностью. „Фактъ подсудности самъ по себѣ, говорилъ прокуроръ, послужитъ подсудимому хорошимъ урокомъ на будущее время.“

Защитникъ г. Андреевъ, отдавъ должное прокурорскому краснорѣчію, замѣтилъ, что слишкомъ смѣло и даже несправедливо брать за основаніе обвиненія оффиціальныя донесенія, такъ какъ они составляются при помощи негласныхъ наблюденій и слуховъ, и пользоваться ими при составленіи обвиненія *запрещается закономъ.* Въ разсмотрѣніи уликъ защитникъ слѣдовалъ порядку, избранному прокуроромъ. Опираясь на свидѣтельскія показанія, онъ утверждалъ, что у Майнова не могло хватать времени даже для отдыха, не только что для пропаганды, такъ какъ онъ занимался на службѣ по 14 часовъ въ сутки. Относительно знакомыхъ Майнова онъ замѣтилъ, что въ дѣйствительности ихъ нѣтъ, а что они вымышлены Хитровымъ и дру-

гими шпіонами. Что письмо къ Майнову, значеніе котораго, какъ улики, такъ усиленно старался доказать прокуроръ, писано сыщиками при содѣйствіи Хитрова, доказывается ихъ противорѣчіями и очевиднымъ незнакомствомъ съ азбучными пріемами соціалистической корреспонденціи. Относительно цитатъ изъ рукописей, найденныхъ у Майнова, защитникъ замѣтилъ, что если при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній слѣдовать такому пріему, какимъ пользовался прокуроръ, тогда и Тургенева, и Достоевскаго очень легко можно было бы привлечь на скамью подсудимыхъ. Заканчивая защиту Майнова, Андреевъ сказалъ, что если Майновъ и виновенъ въ чемъ нибудь, такъ только въ случайномъ имѣніи у себя противозаконныхъ сочиненій. По отношенію къ Кирхнеру защита велась въ томъ же духѣ.

Рѣчи защитника привели прокурора въ неистовство. Онъ вскочилъ и заявилъ, что слишкомъ рисковано отвергать авторитетъ высокопоставленныхъ лицъ, облеченныхъ правительствомъ обширными полномочіями и довѣріемъ, что онъ болѣе довѣряетъ оффиціальнымъ донесеніямъ, чѣмъ свидѣтельскимъ показаніямъ. „Я заявляю, что слишкомъ рисковано клеветать на людей, отсутствующихъ на судѣ; защитникъ беретъ на себя слишкомъ много смѣлости отрицать виновность подсудимыхъ Майнова и Кирхнера. Я говорю, что скверную исторію съ подсудимыми сдѣлалъ не Хитровъ, а я. Милосердіе суда въ настоящемъ дѣлѣ не имѣетъ законнаго мѣста. Задача суда смягчать и облегчать наказаніе лишь по отношенію ко нарушителямъ закона. Эти же подсудимые не признаютъ закона и стремятся истребить его представителей. Суду не надо убѣдительныхъ фактовъ крайняго направленія подсудимыхъ, суду важно знать ихъ образъ жизни, среди которой они вращались, чтобы имѣть полное право заключить, что существуютъ всѣ условія для того, что бы рано или поздно подсудимые оказались способными на всѣ злодѣянія, которыя совершили Рысаковъ, Желябовъ и прочіе. Я буду совершенно удовлетворенъ только въ томъ случаѣ, если судъ примѣнитъ къ подсудимымъ Майнову и Кирхнеру ст. 249“.

Судъ вынесъ слѣдующ. приговоръ: Майнова и Кирхнера лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на 15 лѣтъ, а Виноградова подвергнуть двухнедѣльному аресту. Московскій Генералъ-Губернаторъ въ

виду полнаго раскаявія подсудимыхъ замѣнилъ каторжныя работы ссылкою въ Восточную Сибирь.

Въ декабрѣ арестованы: возвращенный изъ администр. ссылки Яковенко съ женою, инженеръ Михайловъ, акушерка Фундаминская, Мурашкинцевъ и кандид. Москов. унив. Серебряковъ (выпущены оба). У нихъ найдены изданія „Черн. Перед.“, а у Яковенко, кромѣ того, шифрованныя записки. Интересно то, что шифръ этотъ уже былъ извѣстенъ полиціи. Благодаря этому, полиція безъ труда разобрала замѣтки съ адрессами, слѣдствіемъ чего былъ рядъ обысковъ и арестовъ въ Казани, Екатеринбургѣ, Тюмени, Томскѣ и въ другихъ городахъ. Такъ, въ декабрѣ и январѣ въ Казани были взяты Акципитровъ и еще 4 человѣка; въ Екатеринбургѣ — арестованы Криль и Колосовъ; въ Тюмени — обыски у Трескова, кн. Шаховского и еще у двухъ другихъ; въ Томскѣ арест. Юреневъ, Муромовъ, Шварцъ, Петръ Орловъ и Софья Субботина.

Болховъ, Орловск. губ. — Лидія Луцкая административн. порядкомъ подвергнута 4 мѣс. тюремному заключенію.

Пенза. — Въ октябрѣ арестованы 15 челов. — 12 офицеровъ и 3 семинариста за рѣчь возмутительнаго содержанія, сказанную однимъ изъ нихъ въ клубѣ; между ними: подпоручикъ Николай Котовъ, отст. офицеръ Артобольскій, вольноопредѣляющійся Констан. Соловьевъ, Лапинъ и др.

Вильно. — Арестованъ бывшій студ. Московск. Университета Роммъ.

Харьковъ. Арестованы 2 рабочихъ: только что пріѣхавшій изъ Одессы — Галатіоновъ и еще одинъ, который немедленно бѣжалъ изъ участка.

Курскъ. Съ 15 по 19 сентября въ Курскомъ времен. военно окружномъ судѣ разбиралось дѣло о слѣдующихъ лицахъ, обвинявшихся въ принадлежности къ тайному революц. сообществу: двор. Л. Н. Лавреніусъ, 24 лѣт, М. А. Тимоѳеевъ, 26 л., Е. С. Поповъ, 34 л., ст. Харьковск. Унив. Н. Г. Лебедевъ, 24 л., мѣщан. В. П. Майковъ, 26 л. крестьян. А. И. Синцынъ, 24., крестьян. А. П. Колупаевъ, 24 л. Никто изъ подсудимыхъ виновнымъ себя не призналъ, кромѣ Лавреніуса, признавшаго себя виновнымъ въ храненіи запрещ. изданій. Приговоръ суда слѣд.: Лавреніуса, Тимоѳеева и Лебедева — лишеніе всѣхъ особыхъ правъ и ссылка въ Сибирь; Майкова, Колупаева и Попова — въ

тюрьму на срокъ отъ полутора до двухъ съ половиною л.; Спицынъ — оправданъ.

Самара. По указаніямъ мальчугана, взятаго въ Симбирскѣ, арестов. учит. Бокановъ, который, впроч., переведенъ послѣ дознанія на лучшее мѣсто въ Астрахань и получилъ 300 руб. подъемныхъ. — Затѣмъ арест. бывшій ст Х. Ветер. Инст. Началовъ съ изданіями; по указаніямъ его и его жены былъ взятъ администр. ссыльный Кожинъ, Дзиковская, фельдшерица Артогрина (на Сергіевскихъ минер. водахъ) и крестьян. Ивлевъ. Былъ цѣлый рядъ обысковъ: у Макова, Котовой, Андреевой, земскаго фельдшера Земскаго и Юнѣова. Ивлевъ и крестьяне, сидящіе по его дѣлу въ мѣстномъ замкѣ, показали, что „Объявленія" Исп. Ком. къ народу читали и содержаніе ихъ одобряютъ.

Каменецъ-Подольскъ. Въ послѣднее время произошелъ цѣлый рядъ арестовъ среди мѣстной молодежи; въ связи съ этимъ стоитъ арестъ ст окъ Франкъ и Кузминой въ С. Петербургѣ.

Херсонъ. Въ ноябрѣ арест. Пав. Торгашевъ.

Керчь. Въ августѣ арест. Діаманди съ изданіями Н. В.

Житоміръ. Арестованъ литераторъ Лебовичъ.

Ростовъ-на-Дону. Въ декабрѣ арест. 6 рабочихъ, изъ которыхъ 4 человѣка выпущены; по доносу арест. адвокатъ Ив. Анг. Рафаэли съ тремя братьями (послѣдніе выпущены).

Нижній-Новгородъ. Весною арестовали буфетчика парахода „Пермь", принявъ его за Кобызева, и держали двѣ недѣли. Въ декабрѣ арест. сразу 10 человѣкъ.

ТЮРЬМА И ССЫЛКА

«Не бойтесь убивающихъ тѣло,
душу же немогущихъ убить».

Передъ нами цѣлый рядъ писемъ и корреспонденцій изъ разныхъ мѣстъ Сибири. Они рисуютъ намъ полную картину той по-истинѣ загробной жизни, которая настаетъ для каждаго лишеннаго правъ съ момента произнесенія надъ нимъ приговора судомъ или администраціей, и даютъ воз-

можность бросить настоящій свѣтъ на способы, употребляемые правительствомъ въ его борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ послѣднихъ лѣтъ. Это не просто письма, — это непреложные, историческіе документы, которые въ день торжества революціи, будутъ предъявлены русскому деспоту, какъ доказательства его преступленій противъ правъ человѣка и даже просто противъ чести. Русское общество уже достаточно наслушалось, какъ всѣ, кому дано говорить публично, будь-то прокуроръ, попъ, урядникъ, или откупленный редакторъ, изъ всѣхъ жилъ вытягиваются забросать грязью дѣятелей революціи. Не имѣя дерзости обвинять ихъ по существу преступленія (т. к. это значило бы признать себя самихъ врагами своего народа), они ловятъ каждый мелочной фактъ, подкупаютъ свидѣтелей, притягиваютъ къ процессамъ постороннихъ лицъ, наконецъ, не брезгуютъ употреблять и всевозможныя жестокости противъ слабѣйшихъ изъ подсудимыхъ, и все для того, чтобы сначала на судѣ, а затѣмъ и въ своихъ газетахъ можно было, пользуясь ничтожнымъ фактомъ, взвести на подсудимыхъ величайшую гнусность. Но къ несчастью русскаго правительства, какъ ни старались прокуроры и попы превратить великое дѣло революціи въ ничтожныя бредни недоучекъ, а мелкія слабости людей — въ величайшія преступленія и гнусности, — имъ не удалось убѣдить въ этомъ общество. Единственный успѣхъ, котораго они достигли, заключается въ томъ, что въ настоящее время лишь тотъ говоритъ, что вѣритъ въ истину словъ прокурора, попа и самого правительства, кому за это заплачены деньги: всѣ же, рѣшительно всѣ считаютъ ихъ вралями и мелкими, продажными душами.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ тысячи людей, отдавшихъ себя служенію великой идеѣ свободы и равенства, прошли передъ нашими глазами. Это были люди всѣхъ возрастовъ и всевозможныхъ общественныхъ положеній: богачи и нищіе рабочіе, 14-лѣтнія дѣти и старики, молодыя дѣвушки и матери семей, военные и мастеровые. Всѣ они принадлежали къ обществу и были самыми любимыми и дѣятельными членами его. Но съ тѣхъ поръ, какъ они произнесли слово *свобода*, правительство возненавидѣло ихъ и объявило врагами государства. Они поставлены внѣ закона и суда. Одинъ только разъ правительство положилось на судъ

общественной совѣсти, но безпристрастный приговоръ запугалъ и возмутилъ его. Оно желаетъ для нихъ не суда, а инквизиціи. И вотъ военные суды, вѣрные престолу и невѣрные обществу, начинаютъ кровавую расправу. Раздается барабанный бой, появляются военныя команды, разстрѣлы, позорныя колесницы, висѣлицы; доносы, насилія и опять висѣлицы, и цѣлыя толпы подъ невѣроятнымъ карауломъ*), въ цѣпяхъ, въ арестантскихъ платьяхъ угоняются за тысячи верстъ. Но и эта насмѣшка надъ правосудіемъ устрашила правительство, такъ какъ до публики доходила не одна ложь и клевета прокуроровъ, но и истинныя побужденія судящихся, а потому Александръ III издалъ распоряженіе судить и убивать революціонеровъ тайно! И обществу теперь будетъ извѣстно только, что кто то кого то судилъ и затѣмъ въ тайномъ мѣстѣ убилъ. Кого судили, за что и гдѣ убили, — объ этомъ послѣ убійства въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ будетъ помѣщена коротенькая замѣтка. Что это: насмѣшка надъ обществомъ или неисправимая трусость и глупость Алекс. III? Во всякомъ случаѣ, это позоръ для нашей родины, т. к. деспотизмъ и самодурство могутъ идти дальше развѣ по стопамъ Калигулы. Растерявъ отъ страха за свою шкуру послѣдній умишко, Александръ III совсѣмъ позабылъ, что въ Россіи, кромѣ „Правительств. Вѣстника“, издается еще и „Народная Воля“ и что сотрудники этого органа состоятъ ближайшіе друзья и товарищи тѣхъ самыхъ людей, которыхъ онъ намѣренъ только подвергнуть позору, пыткамъ и смерти, и что они употребятъ всѣ силы и старанія, чтобы имѣть возможность передавать на судъ народа и общества его доблестныя дѣянія.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ помѣстить на этихъ страницахъ весь матеріалъ, имѣющійся въ рукахъ, — онъ будетъ изданъ особо, здѣсь же постараемся нарисовать передъ читателемъ общую картину жизни осужденнаго въ тюрьмѣ и Сибири.

У всѣхъ, конечно, еще въ памяти процессъ 16-ти, 80 г. Онъ возбудилъ тогда особенное вниманіе какъ русскаго общества, такъ и Европы. Изъ числа судившихся 5 было

*) 5 женщинъ, въ томъ числѣ Лешернъ, Армфельдъ и Ковалевскую конвоировали 100 солдатъ при отправленіи въ каторгу.

приговорено къ смерти, остальные къ каторгѣ безъ срока и на разные сроки. Мы знаемъ также, что изъ числа приговоренныхъ къ смерти трое были *помилованы*, о чемъ съ необыкновенною торжественностью объявлялось всему міру, и Александръ II провозглашенъ гуманнѣйшимъ изъ людей. Обыкновенный смертный, не имѣющій надлежащаго представленія о томъ, до какихъ размѣровъ можетъ простираться безсердечіе и жестокость, подумаетъ, пожалуй, что помилованіе есть актъ милосердія; онъ и не догадывается, что это не больше, какъ неудачный юридическій терминъ, обозначающій, что смерть черезъ повѣшеніе замѣнена смертью черезъ заключеніе. На самомъ же дѣлѣ слово помилованіе только это и выражаетъ. Вотъ участь помилованныхъ по процессу 16: 1-го ноября, послѣ объявленія имъ приговора, они были переведены въ Петропавловскую крѣпость и посажены въ одиночныя камеры, въ которыхъ такъ же холодно, мрачно и сыро, какъ и въ могилѣ. Стекла въ окнахъ замазаны краской и пропускаютъ такъ мало свѣта, что свѣча гасится только на два часа въ день. Пища, конечно, арестантская, т. е. щи и каша на обѣдъ и по куску хлѣба утромъ и вечеромъ. Печи топятся черезъ три дня, а иногда и рѣже; вслѣдствіе этого стѣны постоянно покрыты влагою, а на полу стоятъ буквально лужи. Заключенные же сидятъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и арестантскихъ халатахъ; гулять выпускаютъ черезъ день на четверть часа. Не только книги, но и все, что только можетъ сосредоточить на себѣ вниманіе, отбирается отъ сидящаго. Разъ Зубковскій сдѣлалъ себѣ изъ хлѣба кубики, чтобы повторить геометрію, — отъ него сейчасъ же отобрали ихъ, съ заявленіемъ, что каторжнику развлеченія воспрещаются. Сношенія не только съ внѣшнимъ міромъ, но и съ заключенными безусловно невозможны. Словомъ — это могила въ полномъ смыслѣ слова, и т. к. начальство знаетъ, что живому человѣку жить въ такой обстановкѣ невозможно и онъ непремѣнно прибѣгнетъ къ самоубійству, то въ камеру сажаются еще жандармъ и солдатъ, которые уже окончательно отравляютъ жизнь безпомощнаго. Если, напримѣръ, онъ обратитъ на что нибудь особенное вниманіе, жандармъ немедленно подскакиваетъ и старается узнать, на что тотъ смотритъ, нѣтъ ли какихъ нибудь надписей или чего нибудь, могущаго развлечь его. Онъ не спускаетъ

глазъ съ заключеннаго, смотритъ за каждымъ поворотомъ его головы, за каждымъ движеніемъ руки, взглядомъ старается проникнуть его мысли, т. ч. нужно громадное усиліе воли, чтобы хотя мыслью остановиться на какомъ нибудь предметѣ. Въ самомъ скоромъ времени спокойнѣйшій изъ людей начинаетъ ненавидѣть этихъ постоянныхъ соглядатаевъ и становится раздражительнымъ въ высшей степени. У жандарма же на рукахъ находятся полотенце и носовой платокъ, которые по мѣрѣ надобности заключенные должны брать отъ него и затѣмъ возвращать. Нечего прибавлять, что за малѣйшее нарушеніе этого замогильнаго безмолвія и порядка осужденный подвергается выговорамъ, карцеру и побоямъ. Кто нибудь, пожалуй, замѣтитъ, что такое заключеніе въ гробъ живого человѣка есть только система наказанія и совсѣмъ не происходитъ отъ желанія истязать жертву. Да, это есть система наказанія болѣе ужасная, чѣмъ сама смерть. Съ этимъ согласны и сами осужденные. Когда 3-го ноября прокуроръ Ахшарумовъ явился къ осужденнымъ объявить радостную вѣсть объ ихъ помилованіи, они такъ были обрадованы этимъ, что Ахшарумову пришлось съ нѣкоторымъ состраданіемъ заявить, что повелѣніе государя онъ отмѣнить не можетъ. Предчувствія осужденныхъ сбылись. Въ самомъ скоромъ времени ко всѣмъ ихъ испытаніямъ присоединились болѣзни. У Ширяева развилась чахотка, Окладскій сошелъ съ ума, и что съ нимъ теперь — неизвѣстно, Тихоновъ заболѣлъ цынгой; онъ такъ ослабѣлъ, что уже не могъ вставать съ кровати, не могъ двинуть ногами. Не смотря на это, при отправкѣ его въ Сибирь (лѣтомъ прошлаго года) его заковали въ кандалы и закованнаго на рукахъ переносили съ мѣста на мѣсто. Въ настоящее время онъ въ Красноярской тюрьмѣ, и ему уже не долго осталось жить. Тюрьма, какъ могила, ровняетъ всѣхъ: эти трое помилованные отъ висѣлицы, какъ видите, умерщвлены въ теченіе года; почти той же участи подверглись и остальные, осужденные по меньшимъ степенямъ. Мартыновскій и Цукерманъ обнаружили признаки умономѣшательства, причемъ первый повѣсился, но часовой замѣтилъ его и даровалъ ему жизнь для новыхъ мученій. Оба они за у м о н о м ѣ ш а т е л ь с т в о были посажены нѣсколько разъ въ карцеръ.

Мы опускаемъ здѣсь много потребностей изъ жизни въ

равелинѣ за недостаткомъ мѣста. Но читатель легко можетъ и самъ ихъ дополнить, если потрудится себѣ представить систему обращенія русскаго тюремщика, которому сказало начальство: „мученіе враговъ нашего государя и даже смерть ихъ не должна смущать насъ“.

Напомнимъ далѣе участь, постигшую людей, вся вина которыхъ состояла въ томъ, что они, увлеченные христіанскою идеею равенства и полные негодованія на всякое притѣсненіе человѣка человѣкомъ, стали въ ряды народа, чтобы вмѣстѣ съ нимъ терпѣть нужду и лишенія и внести въ его среду свѣтъ науки, идею всеобщаго братства и коллективнаго труда. Читатель, конечно, помнитъ этихъ людей: долгушинцы, подсудимые по процессу 193, 50 и т. д. и т. д. Большинство изъ нихъ обвинялось такъ: Синегубъ уличался въ знакомствѣ съ Чарушинымъ, Чарушинъ — съ Синегубомъ, да сверхъ того они были знакомы съ рабочими, которымъ, кромѣ добра, ничего не сдѣлали. Но тутъ дѣло не въ преступленіяхъ, а въ томъ, что по мнѣнію всемилостивѣйшихъ россійскихъ самодержцевъ каждая голова, думающая, что русскій царь не есть самъ богъ во плоти, а тѣмъ болѣе — что онъ мерзавецъ, должна быть снята съ плечъ, и потому судившіеся ни за что были приговорены — одни къ заключенію въ центральныхъ тюрьмахъ, другіе на каторгу, третьи — въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири и, наконецъ, оправданные, которыхъ нельзя было уличить даже въ знакомствѣ другъ съ другомъ, — къ ссылкѣ въ сѣверныя губерніи.

О центральныхъ тюрьмахъ считаемъ излишнимъ повторять и только напомнимъ о томъ, что уже было опубликовано въ „Землѣ и Волѣ“ и „Народной Волѣ“. Въ Харьковской Ц. Т. заключенные были доведены до того, что рѣшились или уморить себя голодомъ, или добиться улучшенія своей участи. Но, какъ извѣстно, ихъ обманули: пообѣщали выполнить всѣ ихъ требованія и не исполнили ни одного. Измученные физически и нравственно, они не могли возобновить вновь свой ужасный протестъ и молча сносили всѣ пытки и оскорбленія въ теченіе 5 лѣтъ. Многіе не выдержали — умерли или сошли съ ума. Всѣ соприкасавшіеся съ ними утверждаютъ, что они вели себя, какъ истинные страдальцы за идею. Но чѣмъ безропотнѣе переносили они свое положеніе, тѣмъ нахальнѣе и ожесточеннѣе

нападало на нихъ тюремное начальство; казалось, оно нарочно старается раздражить заключенныхъ, придираясь къ самымъ ничтожнымъ случаямъ, и, наконецъ, добилось таки своего. Жизнь ихъ стала страшнѣй всякой смерти, и они, сознавая вполнѣ свою безпомощность и безсиліе передъ палачами, рѣшились тѣмъ не менѣе убить смотрителя. Выборъ для выполненія этого плана палъ на князя Ціціанова. Но смотритель какъ то узналъ объ этомъ и, явившись къ Ціціанову одинъ, безъ всякаго оружія, сталъ раскаяваться и просить прощенья, говоря, что онъ сознаетъ безчеловѣчность своего обращенія съ ними. Ціціановъ повѣрилъ ему и, конечно, простилъ его, но не прошло и двухъ недѣль, какъ тюремщикъ, принявшій на время образъ человѣка, превратился опять въ тюремщика. Тогда убить его взялся Мышкинъ. Разъ, будучи въ церкви, онъ ударилъ его кулакомъ по головѣ, въ надеждѣ, что тотъ упадетъ на каменный полъ и убьется на смерть; другихъ средствъ къ убійству онъ не имѣлъ. Понятно — это была надежда человѣка, доведеннаго до отчаянія, и дѣло кончилось тѣмъ, что смотритель, вскочивъ на ноги, нанесъ Мышкину нѣсколько глубокихъ ранъ саблею.

Изъ Харьковской тюрьмы заключенные были переведены въ Мценскъ и затѣмъ весною прошлаго года отправлены въ Сибирь на каторгу въ числѣ 39 человѣкъ. Участь ихъ еще не извѣстна. По смыслу циркуляра Лорисъ-Меликова, большинство должно идти на поселеніе; но болѣе вѣроятно предположеніе, что *всѣ* они уйдутъ на Кару, т. е. на каторгу. Всѣ они, хотя уже надломлены и измучены, не потеряли еще вѣры въ правоту своихъ убѣжденій и — что всего страннѣе — въ свою будущность; они думаютъ, что восьмилѣтнее одиночное заключеніе и всѣ тѣ ужасы и лишенія, которые они перенесли, еще не навсегда отрѣзали для нихъ возможность дѣятельности... Не теряйте же этой вѣры, мужественные борцы, такъ какъ она только и даетъ вамъ силы провести ужасную жизнь, которая и кончится въ Сибири, если не совершится до того великое дѣло освобожденія. По дорогѣ они уже утратили одного товарища: въ Иркутскѣ умеръ Дмоховскій.

Теперь перейдемъ къ конечному мѣсту ихъ путешествія. За 7000 верстъ отъ насъ, среди дикихъ горъ, покрытыхъ непроходимою тайгою, расположены въ котловинѣ одинъ

за другимъ Карійскіе промыслы. Они слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: Усть-Кара, гдѣ имѣется телеграфъ и женская уголовная тюрьма; тутъ же карцеръ для политическихъ. Въ этомъ карцерѣ побывали: Армфельдъ, Кравцевъ, Стеблинъ-Каменскій, Давиденко, Янковскій, Красовскій и Ѳеохари. За Усть-Карой — тюрьма для уголовныхъ, потомъ Нижняя Кара; здѣсь живетъ завѣдующій рудниками и помѣщаются уголовные арестанты и политическія женщины. Вблизи Нижней-Кары строится новая тюрьма для политическихъ. Затѣмъ — Средняя Кара съ тюрьмою, въ которой заключены всѣ государственные преступники; здѣсь же помѣщается Горное Правленіе и живетъ Батальонный, т. е. начальникъ всѣхъ мѣстныхъ войскъ. *) Наконецъ — Верхняя-Кара съ тюрьмою для уголовныхъ.

Всѣхъ политическихъ каторжниковъ въ настоящее время (не считая партію Централистовъ, о которой упомянуто выше) 91 челов.; изъ нихъ 83 мужчины на Средней-Карѣ и 8 женщинъ на Нижней.

Политическая тюрьма на Средней Карѣ — это деревянный срубъ, состоящій изъ двухъ половинъ, въ видѣ крестьянской избы, обнесенной высокимъ частоколомъ. Эта несчастная изба не выдержала восьмимѣсячной суровой сибирской зимы и уже отказалась защищать своихъ обитателей отъ холода, бури и непогоды. Въ обѣихъ ея половинахъ помѣщается 83 человѣка, обреченныхъ жить постоянно не только другъ у друга на глазахъ, но и другъ у друга на плечахъ, такъ какъ тѣснота невѣроятная: ни столовъ, ни табуретовъ не полагается — однѣ нары, на которыхъ можно помѣститься, только плотно прижавшись другъ къ другу. Такая тѣснота защищаетъ, правда, нѣсколько отъ холода, но за то вызываетъ нечистоту, смрадъ, духоту и дѣлаетъ гигіеническія условія хуже казарменныхъ. Пища арестантовъ состоитъ главнымъ образомъ — и даже исключительно — изъ хлѣба, такъ какъ употребляемый ими за обѣдомъ супъ, или баланда, какъ они его прозвали, кромѣ горячей воды и немного крупы, ничего въ себѣ не содержитъ. Чай утромъ и вечеромъ: только имъ утромъ полагается

*) Батальоннымъ — Руденко. Онъ прекрасно охарактеризовалъ себя самъ, сказавши, что былъ бы весьма радъ, если бы его кто изъ политическихъ оскорбилъ, такъ какъ оскорбившаго бы повѣсили.

кусочекъ сахару, вечерній же чай безъ сахару. Хозяйство ведется артельно, подъ управленіемъ избранной комиссіи. Имъ позволяется улучшать пищу на свои средства, но средства эти такъ скудны, что ихъ не хватаетъ на на что больше. Больницы для политическихъ не полагается, и больные лежатъ на парахъ, въ кучѣ съ здоровыми. Но начальство все таки настолько благородно, что умирать здѣсь не дозволяетъ, а передъ смертью переводитъ въ больницу, — такъ было съ Роднымъ.

Докторъ хотя и есть — Кокосовъ, — но отъ него каторжане отказались и пользуются помощью своихъ товарищей-медиковъ. Къ характеристикѣ Кокосова скажемъ, что больную, сумасшедшую Ковалевскую страшно избили во время припадка бѣшенства съ его вѣдома.

На работу ходятъ за версту отъ тюрьму, «въ разрѣзъ», т. е. снимаютъ землю до золотого пласта; при этомъ ходятъ 50 человѣкъ, а остальные заняты хозяйствомъ: мытьемъ половъ, уборкой сору, приготовленіемъ баланды и т. д. Жены каторжанъ живутъ на Нижней Карѣ, и свиданіе съ ними дается два раза въ недѣлю. Единственнымъ и величайшимъ утѣшеніемъ каторжанъ являются книги и газеты, получать которыя разрѣшается.

Начальство надъ ними — смотритель Тараторинъ, вполнѣ безличное существо и лакей завѣдующаго, и — самъ завѣдующій, царь и богъ каторги, Кононовичъ. (По послѣднимъ извѣстіямъ Кононовичъ вышелъ въ отставку и замѣненъ Потуловымъ).

Питаясь пустой «баландой» и чернымъ хлѣбомъ, испытывая постоянный холодъ, сырость и духоту, безъ одежды, въ грязи, подъ постоянной угрозой плетей и штыковъ, живутъ эти мученники, поддерживаемые и согрѣваемые одною надеждой — когда нибудь снова увидѣть свою родину, снова соединиться съ дорогими имъ товарищами. Надежда эта до того сильна, что они постоянно находятся въ экзальтированномъ состояніи; имъ приходится ежеминутно употреблять надъ собою усиліе, чтобы, живя другъ у друга на глазахъ, не выдавать своего личнаго горя, котораго у каждаго слишкомъ достаточно: они стараются быть всегда веселыми. Ссоры между ними — величайшая рѣдкость; напротивъ, безпрерывно слышатся остроты, шутки и смѣхъ. Ничего, что этотъ смѣхъ напоминаетъ собою положеніе че-

ловѣка, старающагося подъ наружною веселостью скрыть ужасъ дѣйствительности отъ умирающаго любимаго существа; она все таки служитъ нравственной поддержкой имъ обоимъ.

Такъ живутъ наши товарищи изо дня въ день: сегодня похоже на завтра, завтра — на послѣ-завтра и т. д. до самой смерти. Но не думайте, чтобы и у нихъ не было развлеченій; развлеченія доставляются имъ самимъ начальствомъ. Каторжанинъ можетъ разсчитывать *счастливо* угаснуть физически и духовно только тогда, если онъ убьетъ въ себѣ всякую вѣру въ будущее, всякое человѣческое достоинство и станетъ нѣмъ, какъ рыба, и безропотенъ, какъ кроликъ. Онъ долженъ терпѣть все, что бы съ нимъ ни сдѣлалъ тюремщикъ. Но наши товарищи еще не дошли до такой степени; поэтому мирное время въ ихъ жизни часто смѣняется военнымъ, и тогда въ воздухѣ пахнетъ кровью. Не такъ давно Армфельдъ была избита прикладами, что вызвало общее негодованіе. Впрочемъ, такое *ничтожное* наказаніе бываетъ за простую непочтительность; за болѣе же крупные проступки расправляются иначе. За побѣгъ изъ Иркутской тюрьмы 8 челов. удвоенъ срокъ каторги, 3 прикованы на 2 г. къ тачкѣ и приговорены къ плетямъ; Попко, Ѳомичевъ и Березнюкъ прикованы къ тачкѣ (всѣ трое были присуждены къ вѣчной каторгѣ); Волошенко — съ 10 л. на 20, Поздѣ и Неизвѣстный — съ 14 л. 10 мѣс. на 31 годъ, Яневичъ — съ 15 л. на 30 и Калюжный (мичманъ) — съ 10 л. на 20. За побѣгъ съ этапа виновнымъ тоже срокъ удвоенъ и тоже присуждены къ плетямъ: Минаковъ — съ 20 л. на безсрочную каторгу, Властопуло — съ 15 л. на безсроч., Крыжановскій — съ 20 на безср. и Комаровъ — съ 8 на 16, Орловъ за побѣгъ съ 8 на 13 л., Медвѣдевъ за участіе въ безпорядкахъ въ Красноярской тюрьмѣ получилъ прибавку каторги на 1 годъ и плети, Радіоновъ приговоренъ къ 15 розгамъ. За пособничество въ побѣгу Лукашевичъ пошелъ съ поселенія на 7 л. каторги, а Давиденко приговоренъ къ 3 съ половиною год. и 38 плетямъ, Ефремовъ, Красовскій, Предтеченскій, Стебл.-Каменскій, Ковалевъ, Ѳеохари, Колтановскій, Богдановичъ и Багряновскій, за отказъ дать показанія по поводу побѣга изъ Иркутска, приговорены къ плетямъ и записаны въ штрафной журналъ, т. е. лишены

всякихъ сокращеній сроковъ. Сокращенія же эти имѣютъ большое значеніе и, собственно говоря, составляютъ единственную надежду каторжанина увидѣть вольный свѣтъ. Сроки каторги дѣлятся на два разряда: испытуемыхъ и исправляющихся: чтобы попасть во второй разрядъ, нужно только не быть записаннымъ въ штрафной журналъ. Исправляющіеся черезъ нѣкоторое время (сообразно сроку каторги) выпускаются въ «вольную команду», т. е. на поселеніе. Кромѣ того, исправляющіеся имѣютъ право на сокращеніе срока: осужденные на заводы — до 1 трети, а въ крѣпости и рудники до 1 шестой всего срока каторги. Смѣнщики бѣжавшихъ: Избицкаго, Дебагорія-Мокріевича и Орлова приговорены къ заключенію въ Александровской центр. тюрьмѣ: Курдюковъ (Избицкій) на 4 года, Павловъ (Мокр.) на 3 года и Арзамасцевъ (Орловъ) на 3 года.

Плети, кандалы и вѣчная каторга — вотъ единственныя развлеченія, которыми дозволено пользоваться каторжанамъ. Впрочемъ, плети и розги еще не примѣнялись до сихъ поръ; но это, конечно, зависитъ отъ произвола начальства и, можетъ быть, завтра же возсядетъ новый завѣдующій, который отдастъ приказаніе привести въ исполненіе всѣ приговоры. Первый же день, когда употребятъ въ дѣло плети, будетъ ужаснымъ днемъ смерти и крови, такъ какъ каторжане всѣ безъ исключенія рѣшились, въ случаѣ примѣненія къ нимъ этого позора, умереть.

Намъ съ вами, читатель, пожалуй, покажется, что эти люди достаточно наказаны и истязуются, и нѣтъ надобности придумывать новыхъ мученій. Сама ненависть, кажется, не могла бы желать большаго. Ипутинъ такъ и *умеръ, прикованный на цѣпи*. Ковалевская сошла съ ума, Колѣнкина умираетъ, половина заключенныхъ совершенно больные люди, съ другой половиной въ самомъ скоромъ времени будетъ то же. Но нѣтъ! никакія страданія не могутъ насытить русскій деспотизмъ. Либеральнѣйшій и въ то же время подлѣйшій изъ русскихъ министровъ, Лорисъ-Меликовъ 15 декабря 80 г. издаетъ новыя инструкціи для политическихъ каторжанъ, по которымъ разряды испытуемыхъ и исправляющихся уничтожаются. Выпущенные на поселеніе на общемъ основаніи: Успенскій, Чарушинъ, Семеновскій, Шишко и другіе вновь были заключены въ тюрьму. Нѣкоторые изъ нихъ не перенесли этого: Семеновскій застрѣ-

лился, Родинъ отравился фосфоромъ. Затѣмъ, всѣ каторжане не только на работахъ, но и въ камерахъ должны быть постоянно въ кандалахъ. Переписка съ родными воспрещается. Распоряженія эти были до того безчеловѣчны и возмутительны, что завѣдующій промысломъ Осантоповичъ отказался приводить ихъ въ исполненіе и вышелъ въ отставку. Заключенные не хотѣли вѣрить имъ, такъ какъ эти распоряженія были объявлены имъ въ то самое время, какъ получились газеты, въ которыхъ Лорисъ-Меликовъ выставлялся гуманнѣйшимъ изъ людей, и Россіи предсказывался золотой вѣкъ подъ его управленіемъ. Но такъ какъ дѣйствительность была на лицо, то пришлось вѣрить ей, а не газетамъ: измученные и изстрадавшіеся люди могли отвѣтить Лорисъ-Меликову только искренними проклятьями.

Въ настоящее время на Карійскихъ промыслахъ находятся слѣдующія лица: на Нижней Карѣ — М. Ковалевская (сумасшедшая, но все-таки сидящая въ тюрьмѣ), Н. Армфельдъ, Е. Сарандовичъ, С. Лешернъ, Е. Россикова (теперь почему то засажена въ одиночную камеру), М. Кутитонская, Шехтеръ, Левенсонъ и Колѣнкина (умирающая отъ чахотки). На Средней Карѣ: 1) Успенскій на 15 л. (недавно застрѣлился), 2) Ст. Богдановъ на 11 л., 3) З. Богдановъ на 7 лѣтъ (въ 81 г. срокъ), 4) Шишко на 9 л. (изъ проц. 193, срокъ въ 81 г.). 5) Союзовъ — тоже, 6) Квятковскій Тим., братъ казненнаго, съ женою, 7) Терентьевъ на 6 л., 8) Тевтулъ на 8 л. (Всѣ эти лица до 1 янв. 81 г. были на поселеніи и по циркуляру Лор.-Меликова возвращены незаконнымъ образомъ въ тюрьму. 9) Бибергаль на 9 лѣтъ, 10) Бобоховъ на 20 л., 11) Кравцовъ, безср., 12) Красовскій – тоже, 13) Медвѣдевъ на 20 л., 14) Колтановскій, безср, 15) Овчинниковъ на 20 л., 16) Боломезъ А. на 20 л., 17) Давиденко на 12 л., 18) Предтеченскій — тоже, 19) Дубровинъ на 4 г., 20) Зубриловъ — тоже, 21) Ефремовъ, безср., 22) Стеблинъ-Каменскій на 10 лѣтъ 23) Богдановичъ Флор. на 4 г., 24) Ковалевъ на 10 л., 25) Лури на 6 л., 26) Щепановскій на 4 г., 27) Мозговой на 5 л, 28) Зейднеръ, 29) Багряновскій на 6 л., 30) Комовъ на 15 л., 31) Никитинъ на 8 л., (въ роли шпіона состоитъ внѣ артели), 32) Казакевичъ на 6 л, 33) Крестовичъ на 4 г., 34) Эйтнеръ на 15 л., 35) Ооохари на 5 л., а потомъ прибавлено до 8,

36) Родинъ, безср., (ум.) 37) Тарховъ, 38) Опришко, 39) Попко — безср., 40) Ѳомичовъ — тоже, 41) Гселисъ съ женой, 42) Андрузскій, 43) Калюжный (студ.) 44) Калюжный (мичманъ), 45) Кривошеинъ, 46) Ястремскій съ женою, 47) Костюринъ, 48) Неизвѣстный, 48) Казанковскій, 50) Туревичъ, 51) Ширкапъ, 52) Франжоли, 53) Бѣлоцвѣтовъ, 54) Лукашевичъ, 55) Березнюкъ (безср.), 56) Янковскій, 57) Яцевичъ, 58) Волошенко, 59) Позенъ Ник. 60) Поповъ М. (безср.), 61) Ивановъ — тоже, 62) Минаковъ. 63) Орловъ Пав., 64) Властопуло, 65) Юрковскій Ѳ., 66) Диковскій Серг., 67) Жуковъ, 68) Родіоновъ, 69) Ильищенко, 70) Бердниковъ, 71) Левенталь, 72) Лозиновъ, 73) Левченко Никита, 74) Позенъ Пав., 75) Козыревъ, 76) Бойченко, 77) Костецкій. 78) Зубржицкій, 79) Осмоловскій, 80) Обнорскій, 81) Петровъ (4 г.), 82) Крыжановскій и 83) Диковскій Моисей. Теперь, вѣроятно, уже прибыла новая партія каторжанъ изъ центральныхъ тюремъ, отправленная изъ Россіи въ прошломъ году.

До сихъ поръ мы говорили о лицахъ, которыхъ правительство подвергало гоненію на основаніи судебныхъ приговоровъ. Правда, между ними встрѣчаются люди въ родѣ Казакевича, Кречетовича и даже Щепанскаго; первые два вовсе не соціалисты, а послѣдній даже просто шпіонъ; правда, что большая половина изъ упомянутыхъ выше преслѣдуются за тѣ самыя преступленія, которыя выставляются въ настоящее время „Вольнымъ Словомъ", какъ гражданскія добродѣтели. Тѣмъ не менѣе санкція суда придаетъ всѣмъ этимъ звѣрствамъ и самодурству нѣкоторую форму законности. — Взглянемъ же теперь на участь лицъ, которыхъ правительство не осмѣлилось поставить даже передъ судомъ своихъ палачей, привыкшихъ проливать кровь нашихъ братьевъ. Правительство, беря на себя судъ и расправу надъ этими людьми, не осмѣлилось даже сдѣлать этого открыто передъ всѣми. Эти люди, выкраденные изъ своихъ семей ночью, тайно отъ всѣхъ, заточались въ тюрьмахъ, гдѣ ихъ держали, сколько заблагоразсудится, насмѣхались надъ ними, одѣвали въ арестантскія одежды, застращивали кандалами, и, наконецъ, не сказавши даже имъ самимъ, за что и куда, ихъ гнали за тысячи верстъ и бросали безъ всякихъ средствъ существованія въ остяцкія и самоѣдскія юрты на вѣрную смерть. Многія жены и

матери до сихъ поръ не знаютъ, гдѣ находятся дорогіе и близкіе ихъ сердцу.

Что приходится выносить этимъ преступникамъ безъ вины, читатель увидитъ изъ слѣдующаго очерка путешествія и житья ихъ въ Сибири. Исходнымъ пунктомъ ихъ мытарствъ служитъ Нижній-Новгородъ. Здѣсь ссыльные садятся на баржу съ палубой подъ деревяннымъ навѣсомъ, оплетенную толстою проволочной сѣткой. Половина баржи занята уголовными преступниками съ ихъ женами и дѣтьми. Здѣсь царство смерти. Дифтеритъ, тифъ, корь, скарлатина безпощадно косятъ взрослыхъ и дѣтей, особенно послѣднихъ. Чуть не на каждой остановкѣ конвойные солдаты выбрасываютъ на берегъ мертвыхъ младенцевъ. Тѣсное больничное отдѣленіе, съ невѣжественнымъ фельдшеромъ во главѣ, постоянно переполнено. При такихъ условіяхъ совершается путь до Томска, съ небольшимъ перерывомъ ѣзды по желѣзной дорогѣ и на лошадяхъ — отъ Перми до Тюмени. Выйти на берегъ, чтобы расправить измученные члены, вздохнуть вольнымъ воздухомъ и даже купить необходимую провизію, которая подчасъ состоитъ изъ одного черного хлѣба, воспрещается. Всего пути на баржѣ 14 дней: 4 дня до Перми и отъ 8 — 12 отъ Тюмени до Томска. Этотъ послѣдній путь особенно утомителенъ и сопряженъ съ лишеніями даже для пассажировъ 1-го класса, ѣдущихъ впереди баржи на пароходѣ. Для арестантовъ же подъ конецъ превращается въ пытку. Отъ Томска начинается собственно этапное передвиженіе на лошадяхъ, въ сравненіи съ которымъ путешествіе на баржѣ можетъ показаться завиднымъ. Арестанты размѣщаются по трое на каждую повозку, при одномъ конвойномъ, одномъ жандармѣ и ямщикѣ. „Возки“ выравниваются въ линію и поѣздъ окружается внушительнымъ числомъ солдатъ, вооруженныхъ штыками, саблями, револьверами и тесаками. Позади поѣзда — тарантасъ конвоирующаго партію офицера. Когда все готово — вмѣсто обычнаго въ такихъ случаяхъ: „Господи благослови!“ раздается команда офицера: „заряди ружья, держи ихъ на взводѣ! Если кто вздумаетъ бѣжать — стрѣлять!... Убьешь — пять рублей награды за человѣка!...“

И поѣздъ двигается въ путь, извиваясь по грязной дорогѣ.

Падаетъ мокрый снѣгъ; жидкая грязь брызжетъ изъ подъ копытъ лошадей и въ такомъ изобиліи обдаетъ путниковъ, что они вскорѣ превращаются въ какія-то фантастическія существа, какъ будто вылѣзшія изъ болота; испаренія пронизываютъ тѣло леденящимъ холодомъ. Приходится надѣвать на себя все, что только способно защитить отъ холода и сырости, но, не смотря на это, вода вскорѣ проникаетъ до тѣла, бѣжитъ по спинѣ и ногамъ и вливается въ сапоги. „Возки" до того узки и тряски, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проложена „слань", что сидящіе по краямъ ежеминутно рискуютъ упасть въ лужу, что нерѣдко и случается. Дорога до того убійственна, что лошади выбиваются изъ силъ, едва передвигаютъ ноги и постоянно останавливаются. Такимъ образомъ ѣдутъ цѣлый день и значительную часть ночи. Подъ конецъ подобнаго переѣзда до этапа всякое терпѣніе истощается, лихорадочная дрожь проходитъ по всему тѣлу; усталость вслѣдствіе неудобнаго положенія въ возкѣ, нервное напряженіе отъ постоянно угрожающей опасности упасть на грязную дорогу, — все это до того невыносимо, до того приближаетъ путешествіе къ пыткѣ, что даже съ крѣпкими людьми случаются обмороки и истерика.

Но вотъ вдали обрисовываются очертанія неуклюжаго сруба — это этапъ. „Какъ бы ни былъ скверенъ этапъ, всетаки въ немъ можно отдохнуть, обогрѣться, обсушиться," — думается изнемогающимъ путникамъ; но дѣйствительность безжалостно разбиваетъ эти мечты. Тѣсное помѣщеніе этапа не въ состояніи вмѣстить всей партіи; тѣснота такая, что большинство должно всю ночь провести въ узкомъ пространствѣ между наръ, и спать можно только по очереди. На нарахъ и въ углахъ вѣковыя отложенія грязи, а въ щеляхъ деревянныхъ стѣнъ громадное количество всякихъ паразитовъ, не дающихъ покоя ни минуты. Желѣзная печь, раскаленная до красна, до такой степени сушитъ воздухъ, что затрудняется дыханіе, и у многихъ дѣлается воспаленіе вѣкъ; но какъ только топка прекращается, тепло уходитъ черезъ многочисленныя щели и постоянно растворяющіяся двери, дѣлается такъ холодно, что съ шубой нельзя разстаться ни на минуту. При такихъ условіяхъ можетъ ли быть рѣчь объ отдыхѣ, тѣмъ болѣе, что прежде всего надо употребить много времени на об-

сушку бѣлья, платья. Какую грустную картину представляетъ въ это время этапная конура! Въ туманной, наполненной испареніями атмосферѣ, при тускло горящей сальной свѣчѣ, тѣснятся все молодые люди съ блѣдными, усталыми лицами. Подъ потолкомъ во всѣхъ направленіяхъ протянуты шарфы, бичевки, пояса, на которыхъ виситъ мокрая одежда. Одни сушатъ платье на себѣ, сидя у устья печки; другіе прикладываютъ его прямо къ горячему желѣзу. Тѣ, которые отъ изнеможенія не могутъ уже стоять на ногахъ и дожидаться своей очереди у печки, разстилаютъ на грязномъ и мокромъ полу свое платье и ложатся, чтобы высушить его собственной теплотой. На утро — опять „возки", опять безстрастныя лица жандармовъ... Такъ продолжается цѣлыя недѣли. Люди сходятъ съ ума отъ этихъ ужасовъ, отъ физическихъ и нравственныхъ мученій; такая судьба напр. постигла жену докт. Бѣлаго, ѣхавшую за своимъ мужемъ, и еще двухъ или трехъ человѣкъ.

Всѣ эти испытанія въ связи съ постоянно плохимъ и недостаточнымъ питаніемъ, вслѣдствіе дороговизны припасовъ, а подъ часъ и невозможности достать ихъ, *) въ корень расшатываютъ здоровье узниковъ: заболѣванія различнаго рода тифами въ пути — не рѣдкость. Положеніе больныхъ тогда ужасно: не смотря на болѣзнь, ихъ заставляютъ ѣхать, такъ какъ начальство, сопровождающее партію, заинтересовано въ томъ, чтобы доставить ссылаемыхъ до мѣста назначенія возможно скорѣе, живыхъ или мертвыхъ — для нихъ безразлично; поэтому оно никогда добровольно не оставитъ больныхъ въ какой нибудь больницѣ, лежащей на пути; чтобы понудить его къ этому, нужно всегда энергическое вмѣшательство партіи. Такъ, однажды въ Маріинскѣ возки были уже готовы, и оставалось только усѣсться, партія наотрѣзъ отказалась ѣхать, если больные не будутъ оставлены, и начальство должно было уступить. До чего враждебно встрѣчается начальствомъ всякій шагъ, клонящійся къ облегченію участи боль-

*) Чѣмъ дальше въ глубь Сибири, тѣмъ всѣ предметы потребленія становятся дороже. Наиболѣе удобствъ въ этомъ отношеніи представляетъ путь между Екатеринбургомъ и Томскомъ. Здѣсь на каждый этапъ, за нѣсколько времени до прибытія партіи, приходятъ торговки, продающія сравнительно хорошіе и дешевые припасы.

ныхъ, видно изъ того, что докторъ Бѣлый, указавшій на опасное положеніе нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей по партіи. именно за это былъ сосланъ въ Верхоленскъ, Якутской Области.

Этапы перемежаются тюрьмами; послѣднія находятся обыкновенно въ болѣе крупныхъ городахъ, — и здѣсь партія останавливается на нѣсколько дней, чтобы имѣть возможность отдохнуть. Понятно, это иронія, ибо вотъ какъ описывается прибытіе и водвореніе партіи въ этой трущобѣ. Ворота гостепріимно раскрываются, и взорамъ узниковъ представляется узкій, кривой дворъ, утопающій въ грязи и только кое-гдѣ устланный досками; вокругъ самой тюрьмы въ изобиліи разбросаны экскременты, такъ какъ отхожихъ мѣстъ нѣтъ и естественныя надобности совершаются подъ открытымъ небомъ при наблюденіи конвойныхъ, нерѣдко на виду у гуляющихъ уголовныхъ арестантовъ и арестантокъ. На такомъ дворѣ ссыльные проводятъ по нѣсколько часовъ, переминаясь съ ноги на ногу, ежась отъ холода и шатаясь отъ усталости; начальство въ это время наслаждается своимъ величіемъ и. желая дать почувствовать свою силу, не очень торопится съ пріемомъ партіи. Наконецъ, оно снисходитъ до исполненія своихъ обязанностей: производится самый мелочной обыскъ. при чемъ отнимается все. что можетъ доставить развлеченіе въ убійственно скучной дорогѣ,— карандашъ, клокъ бумаги, табакъ. „Здѣсь—Сибирь, и мы имѣемъ право къ вамъ примѣнять общія правила для всѣхъ арестантскихъ партій“, отвѣчаетъ начальство на всякія заявленія. Но вотъ кончаются всѣ эти униженія, — и узники отправляются въ камеры — двѣ низкія, темныя, грязныя и вонючія комнаты, раздѣленныя небольшой передней, въ этой передней находится самое ужасное отхожее мѣсто, распространяющее по камерамъ такое зловоніе, что положительно дѣлается дурно: тутъ такое скопленіе гніющихъ нечистотъ, что некуда поставить ногу; ѣдкій, острый запахъ мочи бьетъ въ носъ и выѣдаетъ глаза; на полу кишатъ черви въ такомъ количествѣ, что получается своеобразный шумъ. Обѣ камеры пропитаны вредными міазмами, стоящими въ камерѣ въ видѣ паровъ. Передъ самыми окнами возвышается стѣна внутренняго зданія, стоящая не болѣе какъ на одну сажень, и тутъ же находится помойная яма. Не мудрено, что въ такой обстановкѣ и тѣснотѣ люди

заболѣваютъ пятнистымъ тифомъ, какъ это было напр. съ административно-ссыльнымъ изъ Одессы военнымъ ветеринаромъ Соковнинымъ и многими другими.

Таковы условія, въ которыхъ совершается семимѣсячное путешествіе. Никогда и нигдѣ безграничное презрѣніе къ жизни и страданіямъ человѣческимъ не находило себѣ болѣе полнаго выраженія. Какой организмъ, какое здоровье выдержитъ всѣ эти испытанія? Но прибавьте къ этому всю горечь безконтрольнаго, безусловнаго подчиненія развитаго, мыслящаго человѣка грубому, невѣжественному, наглому начальству; всѣ эти мелочныя стѣсненія, придирки, возмущающія душу своею нелѣпостью, постоянныя насилія, совершаемыя надъ личностью узника, произволъ, незнающій предѣловъ и находящій какое то наслажденіе въ безсмысленной жестокости, — прибавьте все это — и тогда станетъ понятно, что человѣкъ въ подобныхъ условіяхъ можетъ дойти до бѣшенства или до сумашествія. Нужно обладать громаднымъ терпѣніемъ, чтобы сдерживать свое негодованіе, при видѣ всѣхъ начальническихъ гнусностей, повторяющихся на каждомъ шагу и, повидимому, на то и разсчитанныхъ, чтобы вызвать какой либо протестъ со стороны заключенныхъ. Надо имѣть нечеловѣческую силу воли, чтобы не размозжить головы какому либо негодяю смотрителю, который подъ охраною штыковь и револьверовъ, изрыгаетъ цѣлые потоки брани. Если личность заключенныхъ еще не окончательно порабощена, то только благодаря тому, что всякое насиліе и подлость начальства встрѣчаютъ со стороны партіи самый энергичный и дружный отпоръ. Опишемъ одинъ случай, имѣвшій мѣсто въ Красноярскомъ острогѣ.

По заведенному порядку, одинъ изъ заключенныхъ дежуритъ въ кухнѣ. Въ день описываемаго событія дежурный былъ Федоровъ. По окончаніи дежурства, когда Федоровъ возвращался въ камеру, ключникъ съ часовымъ останавливаютъ его и изъявляютъ желаніе обыскать. Это, конечно, возмутило Федорова и онъ отказался исполнить ихъ требованіе. (Нужно замѣтить, что ни ключникъ, ни часовой не имѣютъ права производить обыски). Тогда часовой сталъ прикладомъ бить Федорова; на крикъ послѣдняго: „меня бьютъ прикладами!“ — изъ камеры выбѣжали его товарищи и освободили изъ рукъ солдата. Въ это время ключникъ о случившемся сообщилъ смотрителю, а тотъ начальнику тра-

кта Загарину и полиціймейстеру. Прошло много времени. Заключенные пообѣдали и принялись за свои обычныя занятія. Всѣ уже забыли о такомъ обыкновенномъ въ арестантской жизни случаѣ, а многіе и совсѣмъ не знали о немъ. Но вотъ въ корридорѣ раздается команда Загарина: „заряди ружья, по командѣ стрѣлять! Тѣснѣе! Штыки впередъ!...“ и передъ глазами изумленныхъ заключенныхъ предсталъ Загаринъ съ воинскимъ начальникомъ, полиціймейстеромъ, карауднымъ офицеромъ, смотрителемъ тюрьмы и толпою солдатъ. — „Вы бунтовать, мальчишки, негодяи! Въ кандалы всѣхъ закую!... На хлѣбъ-на воду посажу!. Розогъ велю наготовить!...“ кричитъ на заключенныхъ. Евгеній Борисовъ, ничего не знающій о случаѣ съ Федоровымъ, подошелъ къ Загарину и довольно спокойно замѣтилъ ему, чтобы онъ или объяснилъ имъ, зачѣмъ пришелъ, или уходилъ бы вонъ. Этого было достаточно, чтобы Загаринъ совершенно освирѣпѣлъ и обезумѣлъ отъ злости. — „Въ кандалы всѣхъ, въ карцеръ“, командовалъ онъ. Выведенные изъ терпѣнія, заключенные сорвали съ наръ доски и, держа ихъ на перевѣсъ, приняли оборонительное положеніе. Къ нимъ присоединились и сидѣвшіе во второмъ этажѣ, которыхъ извѣстилъ о всемъ случившемся Михайличенко. Градъ насмѣшекъ посыпался на Загарина. „Въ штыки, стрѣляй!“ командуетъ онъ, но офицеръ не повторилъ команды и тѣмъ избавилъ солдатъ отъ необходимости совершить напрасныя убійства. Впослѣдствіи офицеръ былъ сосланъ за это на Дальній Востокъ. — Исторія эта кончилась тѣмъ, что были принесены ручные и ножные кандалы и ссыльныхъ стали заковывать. При этомъ Загаринъ то жалобно восклицалъ: „что вы, господа, дѣлаете, у меня жена, дѣти“, то —„заковать, на хлѣбъ-на воду!“ Когда заковывали одного, то всѣ требовали, чтобы ихъ тоже ковали: это окончательно выводило Загарина изъ терпѣнія и онъ вопилъ благимъ матомъ: „не смѣть! этого расковать сейчасъ и заковать того“. Одержавши, такимъ образомъ, полную побѣду, онъ воскликнулъ: „я для васъ все, — губернаторъ, министръ, царь!“ и на ироническое замѣчаніе по этому поводу, велѣлъ говорившаго посадить въ карцеръ.

Объ этомъ бунтѣ было доложено въ Петербургъ, откуда пришло приказаніе назначить надъ бунтовщиками судъ. Но красноярское начальство, имѣя серьезныя основанія

бояться суда, предложило посадить бунтовщиковъ на мѣсяцъ въ карцеръ и сослать затѣмъ въ Якутку; на это, конечно, получено было полное согласіе.

Можно ли повѣрить, что все это многолѣтнее предварительное одиночное заключеніе, шатаніе по всевозможнымъ тюрьмамъ, это ужасное этапное путешествіе и, наконецъ, подобныя безобразныя проявленія самодурства и дальнѣйшія гоненія на мѣстахъ поселеній, что все это происходитъ съ людьми, пользующимися юридически всѣми правами гражданства и привиллегіями чиновъ и высшаго образованія.

Но все описанное — только цвѣтки горькой доли ссыльныхъ, ягодки ждутъ ихъ впереди. Ихъ ждутъ Олекминскъ, Якутскъ, Верхоянскъ, Нижнеколымскъ и улусы, заброшенные въ самыя дикія и не пригодныя для жизни мѣста Сибири. Мы не станемъ подробно описывать этой тяжелой жизни, а приведемъ отрывки изъ одного письма административно-ссыльнаго въ Якутскую область: . . . „живемъ въ потьмахъ, пользуемся полутора-2 часами въ сутки, чтобы читать при свѣчѣ. Расходовать свѣчи на болѣе долгое время—не имѣемъ средствъ, хлѣба не ѣдимъ, а питаемся рыбою: мяса достать невозможно“. Нѣсколько лучше положеніе ссыльныхъ въ городахъ, хотя та же матеріяльная нужда, чтобы не сказать хроническое голоданіе; то же отсутствіе книгъ и журналовъ, а если такія и есть, то получаются черезъ 4—5 мѣсяц. О письмахъ и говорить нечего. У насъ до сихъ поръ сохранился конвертъ отъ письма, шедшаго ровно 10 мѣс. отъ Олекминска до Верхоянска Правильной почты даже по закону не полагается. Не краснѣе жизнь въ Верхоянскѣ, и если мы не говоримъ здѣсь о ней, то только потому, что не хотимъ говорить о себѣ“,... „Пишу вамъ при тяжелой боли надкостной плевы; чувствую физическую боль и нравственную безпомощность. Я обращался, куда слѣдуетъ, съ просьбами и требованіями помѣстить меня въ больницу, но безъ успѣха, такъ что я теряю всякую надежду на поправленіе. Не знаю, долго ли придется мучиться... Единственное желаніе — поскорѣй отдѣлаться отъ боли... Другъ съ другомъ видѣться намъ не позволяютъ, хотя живемъ не болѣе какъ въ пяти верстахъ. Пособія получаемъ по 4 р. 50 к. въ мѣс“... Нѣтъ ничего удивительнаго, что ссыльный, не желающій путемъ уголовнаго преступленія улучшить свою участь, смотритъ на

смерть, какъ на желанный конецъ своихъ страданій... А вотъ еще выдержка: „Благодарю васъ, друзья, за присылку газетъ. Одна бѣда, что читать ихъ нельзя, такъ какъ нѣтъ свѣчей, а купить ихъ негдѣ, да и не на что... цынга моя все усиливается, и такъ какъ на переводъ въ лучшее мѣсто разсчитывать трудно, то я разсчитываю въ эту зиму умереть"...

Довольно и этихъ строкъ. Болѣе ужасное положеніе представить себѣ трудно. Это тоже убійство, только въ самой безобразной, мучительной его формѣ. Не забудьте, что мы говоримъ о людяхъ, въ статейныхъ спискахъ которыхъ такъ формулируется ихъ виновность: „членъ зловредной семьи," или „человѣкъ, хотя ни въ чемъ незамѣченный, но вредный". Казнь этихъ людей взяло на себя императорское правительство. Никакой судъ не обвинилъ бы ихъ, ни одинъ палачъ не поднялъ бы руки на нихъ, и только бездушные холопы царскіе да самъ царь не страшатся, или лучше — отъ страха берутъ на свою совѣсть подобныя ужасныя преступленія.

Да не подумаетъ читатель, что сдѣланные нами выдержки изъ писемъ относятся къ нѣсколькимъ отдѣльнымъ личностямъ. Нѣтъ, положеніе всѣхъ ссыльныхъ, живущихъ въ мелкихъ городахъ восточ. и запад. Сибири, приблизительно одинаково. Полная нищета, голодъ, холодъ, страшная тоска безцѣльной жизни одинаково истощаетъ и убиваетъ всѣхъ. Въ одной Якутской области администрат. ссыльныхъ болѣе 70 чел.: въ Олекминскѣ 7, въ Якутскѣ 10, въ Верхоянскѣ и Колымскѣ по 9, въ улусахъ Верхоянскаго окр. 3; остальные разбросаны по улусамъ Якутскаго окр. Всѣ упомянутыя мѣста мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга. Но оказывается, что и они не могутъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ современной пытки, а потому за полярнымъ кругомъ въ Нижне-Колымскѣ, гдѣ царствуетъ вѣчная ночь, въ настоящее время построена центральная тюрьма для политическихъ. Туда, по слухамъ, переведенъ даровитѣйшій изъ людей нашего времени Н. Г. Чернышевскій. Безъ сомнѣнія, Нижне-Колымскъ будетъ и могилою этого знаменитаго человѣка, такъ какъ онъ теперь уже измученный дряхлый старикъ.

Жить въ ссылкѣ такъ же тяжело, а подъ часъ и хуже, чѣмъ на каторгѣ, и между ссыльными самоубійство и пре-

ждевременная смерть — такое же обыкновенное явленіе, какъ и на Карѣ. 81-го г. 1-го Марта въ Красноярскѣ повѣсилась Гуковская (она не дождалась извѣстія о крупной революціонной побѣдѣ надъ правительствомъ и быть можетъ отложила бы самоубійство). Пласковицкая умерла отъ скоротечной чахотки. Глазко — отъ паралича сердца. Смерть его особенно трогательна. Лѣтомъ прошлаго года проходила партія каторжанъ, въ которой были его близкіе друзья; онъ непремѣнно хотѣлъ увидѣться съ ними, но ему не дали свиданья. Тогда онъ вышелъ на дорогу, гдѣ должна была пройти партія. Увидѣвъ товарищей въ цѣпяхъ, окруженныхъ безчисленнымъ карауломъ, онъ былъ такъ потрясенъ этимъ зрѣлищемъ, что успѣлъ только крикнуть: „здравствуйте, рузья!" — и тутъ же упалъ мертвый. Рабиновичъ Моисей сошелъ съ ума; послѣ чего отправленъ въ Казань въ больницу, гдѣ въ настоящее время и находится. Боголюбовъ, Малиновская, Донецкій, Плотниковъ, И. Богдановичъ — всѣ безнадежно больные.

Вѣчная мука и смерть — вотъ участь каждаго врага правительства, попавшагося въ его руки. Единственная надежда на избавленіе — побѣгъ: но это весьма трудное и невѣрное дѣло За послѣднее время было всего нѣсколько удачныхъ побѣговъ. Дебагоріо-Мокріевичъ, Избицкій и Орловъ бѣжали по пути на Кару, смѣнившись именами съ уголовными; изъ нихъ — Орловъ арестованъ, Дебагоріо заграницей, а Избицкій пропалъ безъ вѣсти. Емельяновъ и Вишневецкій изъ Енисейска благополучно добрались до Россіи; но ихъ тянуло опять къ товарищамъ, съ которыми такъ долго дѣлили горькую долю, они возвратились въ Сибирь и были арестованы. Бутовская бѣжала изъ Маріинска, — арестована въ Казани; Бардина изъ Ишима (теперь за границей). По пути между Красноярскомъ и Иркутскомъ бѣжали Властопуло, Крыжановскій и Минаковъ; они прорѣзали стѣну въ этапѣ и ушли въ лѣсъ, но, не зная дороги, безъ съѣстныхъ припасовъ и мучимые злой мошкой, они принуждены были выйти на дорогу и были взяты. Малеваный и Южакова — изъ Балаганска; первый скрылся, а Южакова взята въ Иркутскѣ. Любатовичъ О. скрылась изъ Ялуторовска (въ 79 г.); она была заграницей, потомъ возвратилась въ Россію, и осенью б. арест. въ Москвѣ. Панкратьевъ, Чекоидзе и Клименко изъ Ки-

ренска (въ 1881 г.); Овчинниковъ и Георгіевскій — изъ Енисейской губ. (Всѣ пятеро не розысканы). Брешковская, Тютчевъ, Шаманпрь и Линевъ (81 г.) бѣжали изъ Баргузина. Этотъ побѣгъ—безспорно самый трудный и геройскій изъ всѣхъ: за ними 180 верстъ гналась погоня по непроходимымъ забайкальскимъ дебрямъ; они переправлялись черезъ такія быстрыя рѣки, передъ которыми въ изумленіи останавливалась погоня; взбирались на отвѣсныя скалы, дѣлая на нихъ насѣчки топорами; пойманы благодаря тому, что были покинуты проводникомъ. Благовѣщенскій изъ Ишима; участь его намъ еще неизвѣстна.

Конечно, кромѣ этихъ была цѣлая масса неудачныхъ попытокъ, за которыя ссыльные подвергались такимъ же наказаніямъ, какъ и за самые побѣги. Но никакія наказанія и устрашенія не могутъ заглушить въ нихъ стремленія вновь увидѣть свободу, и развѣ окончательно больной человѣкъ не воспользуется первымъ случаемъ вырваться изъ рукъ мучителей, хотя бы ему грозила за это смерть.

Мы кончаемъ нашъ очеркъ тюрьмы и Сибири; безъ сомнѣнія, онъ не рисуетъ и тысячной доли тѣхъ страданій, которыя существуютъ въ дѣйствительности. Да этого и нельзя сдѣлать не только на нѣсколькихъ страницахъ, но и въ цѣлыхъ томахъ. Общество тогда только пойметъ эти страданія и ужаснется ихъ, когда кровь мучениковъ достаточно оплодотворитъ идею, ради которой они страдаютъ, и эта идея свободы, равенства и любви осѣнитъ сердца людей и замѣнитъ собою рабство, жестокость и презрѣніе къ человѣческой личности.

Быть можетъ, читатель-оптимистъ и въ этомъ очеркѣ найдетъ для себя утѣшеніе; онъ можетъ сказать, что все это прошлое, дѣйствительно ужасное, но что оно уже миновало и, вѣроятно, не повторится больше. Хотѣлось бы вѣрить этому... Но вотъ прислушайтесь. Вы слышите барабанный бой, скрипъ колесъ, звонъ цѣпей и оружія. Несмѣтная толпа ждетъ чего то ужаснаго. Издали показываются позорныя колесницы и на нихъ возвышаются пять человѣческихъ фигуръ... Это — торжество вступленія на престолъ новаго царя! Онъ въ первые же дни своего царствованія, не дождавшись помазанія елеемъ, окропилъ себя кровью мучениковъ за свободу, опозорилъ себя, повѣсивъ женщину. Мало того, — онъ выказалъ кровожад-

ность и безсердечіе, которыхъ Россія давно уже не видала, — онъ прибѣгнулъ къ пыткамъ: Рысакова пытали — это фактъ, неподлежащій сомнѣнію. Онъ издалъ указъ о тайномъ убійствѣ приговоренныхъ къ смерти, чтобы удобнѣе было убивать неприговоренныхъ. За закрытыми дверями судовъ и тюремъ совершаются возмутительныя вещи. Для ребенка Геси Гельфманъ было принесено прекрасное дѣтское бѣлье, но когда доктора ушли, его одѣли въ грубыя арестантскія дерюги; матери стало жаль свое дитя, но на просьбу ея — оставить бѣлье, ей отвѣтили, что правительство не намѣрено ростить негодяевъ! Въ то самое время, какъ услужливый „Голосъ" восхищался прекраснымъ содержаніемъ Гельфманъ, она, доведенная до отчаянія, просила у своихъ товарищей яду, т. к. не въ силахъ переносить дольше свое ужасное положеніе. Въ прежнее время при полуоткрытыхъ судебныхъ дверяхъ для ссылки на каторгу нужны были хоть ложныя, но все же доказательства виновности; теперь же прокуроръ смѣло заявляетъ, что если подсудимый и ни въ чемъ невиновенъ, то складъ его характера и обстановка жизни таковы, что изъ него непремѣнно выработается государственный преступникъ и на такомъ фарисейскомъ обвиненіи судъ основываетъ приговоръ 19-ти лѣтняго юноши къ продолжительной каторгѣ. Такъ было съ Майновымъ и Кирхнеромъ. Прокуроръ Стрѣльниковъ, желая попасть въ ряды лучшихъ опричниковъ нашего времени и заслужить монаршую благодарность, арестуетъ безъ всякаго повода въ одномъ Кіевѣ до 60 челов., ни къ какимъ революц. дѣламъ не причастныхъ, застращиваетъ ихъ, одѣваетъ въ арестантское платье и держитъ по тюрьмамъ. Но мы не станемъ перечислять всѣхъ дѣяній Александра III въ этомъ направленіи, а попросимъ читателя посмотрѣть помѣщенную въ этомъ № хронику. Онъ убѣдится тогда, что новое правительство открыто стало на путь прямаго беззаконія, оно не старается прикрывать это никакими формами приличія. Совершая убійство или насиліе, оно уже не творитъ крестнаго знаменія и не взываетъ къ небесамъ о тяжести возложеннаго на него Господомъ бремени. Полный, открытый произволъ, безсердечіе и воздѣйствіе на самыя низкія побужденія человѣка — вотъ его девизъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ,

написанное К. Марксомъ и Ф. Энгельсомъ къ предпринятому «русской соц.-революц. библіотекой» переводу «Манифеста коммунистической партіи» *).

Первое русское изданіе „манифеста коммунистической партіи", появилось въ началѣ 60-хъ годовъ, въ переводѣ Бакунина (изданіе „Колокола"). Въ то время Западъ могъ смотрѣть на русское изданіе „Манифеста" только какъ на литературный курьезъ; въ настоящее же время такой взглядъ невозможенъ. На какую ограниченную территорію распространялось тогда (декабрь 1847) движеніе пролетаріата, яснѣе всего доказываетъ заключительная статья „Манифеста" — „Объ отношеніяхъ коммунистовъ къ различнымъ оппозиціоннымъ партіямъ въ разныхъ странахъ." Въ ней совершенно не упоминается о Россіи и Соединенныхъ Штатахъ. То было время, когда Россія представляла послѣдній надежный оплотъ обще-европейской реакціи; когда путемъ эмиграціи Соед. Штаты поглощали излишекъ европ. пролетаріата и вмѣстѣ съ Россіей снабжали Европу сырьемъ, являясь въ тоже время рынкомъ для сбыта произведеній ея промышленности. Такимъ образомъ, Россія и Америка, такъ или иначе, служили опорой существующаго европ. порядка. Совсѣмъ другое теперь. Именно европ. эмиграція дала Сѣв. Америкѣ возможность развить колоссальное земледѣльческое производство, конкурренція съ которымъ пошатнула въ самомъ основаніи европ. землевладѣніе, какъ крупное, такъ и мелкое. Эмиграція же помогала Соед. Штатамъ разработать свои огромные индустріальные источники съ такой энергіей и быстротой, что до сихъ поръ

---

*) Съ удовольствіемъ помѣщаемъ «предисловіе», имѣя въ виду глубокій научный и практическій интересъ затронутыхъ въ немъ вопросовъ. Намъ особенно пріятно отмѣтить заключительныя слова: въ нихъ мы видимъ подтвержденіе одного изъ основныхъ положеній теоріи народовольства, — подтвержденіе, основанное на изслѣдованіяхъ такихъ авторитетныхъ ученыхъ, какъ Марксъ и Энгельсъ. Давно ожидаемое продолженіе знаменитаго труда Маркса («Капиталъ») разовьетъ, конечно, съ надлежащей полнотой, между прочимъ, и тѣ положенія, которыхъ «предисловіе» могло только коснуться.

существовавшей промышленной монополіи Зап. Европы и — главнымъ образомъ — Англіи неминуемо предстоитъ скорая гибель. Оба эти обстоятельства дѣйствуютъ революціонно на самую Америку. Мелкое и среднее фермерство, составляющее базисъ всего ея политическаго строя, мало по малу, погибнетъ подъ давленіемъ конкурренціи исполинскаго хозяйства; одновременно съ этимъ въ промышленныхъ районахъ начинаетъ развиваться массовой пролетаріатъ и баснословная концентрація капиталовъ.

А Россія! Во время революціи 48 — 49 г. г. не только европейскіе монархи, но и европейская буржуазія обрѣли въ русскомъ вмѣшательствѣ единственный якорь спасенія въ виду только что выроспіаго пролетаріата. Царь былъ провозглашенъ шефомъ европейской реакціи. Въ настоящее же время онъ сидитъ плѣнникомъ революціи въ Гатчинѣ, а Россія является авангардомъ революціоннаго движенія Европы.

„Манифестъ“ партіи имѣетъ своею цѣлью провозгласить неминуемо предстоящую ликвидацію современной буржуазной собственности.

Но въ Россіи рядомъ съ быстро ростущимъ капиталистическимъ хищничествомъ (Schwindel) и только что развивающимся частнымъ, кулацкимъ (bürgerlich) землевладѣніемъ, мы находимъ большую половину всей земли въ общинномъ владѣніи крестьянъ.

Спрашивается: можетъ ли р у с с к а я о б щ и н а, представляющая форму первобытнаго землевладѣнія, хотя и сильно пошатнувшуюся, перейти непосредственно къ высшей формѣ коммунистическаго землевладѣнія? Или же ей предстоитъ пройти тотъ процессъ разложенія, въ которомъ и состоитъ историческое развитіе З а п а д а?

Единственно возможный въ настоящее время отвѣтъ на это слѣдующій:

Если русская революція послужитъ сигналомъ для революціи пролетаріата на западѣ, и такимъ образомъ обѣ дополнятъ другъ друга, то существующее общинное землевладѣніе въ Россіи можетъ послужить исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія.

Лондонъ 21 (9) января 1882 г.

Карлъ Марксъ. Ф. Энгельсъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ИТАЛІИ

Моментъ, переживаемый въ настоящее время итальянскимъ соціализмомъ, характеризуется одной довольно интересной особенностью — возвращеніемъ къ первичнымъ формамъ рабоч. движенія, сходнымъ съ англійскими „союзами сопротивленія".

Ремесленныя общества и даже союзы давно уже существуютъ во всѣхъ провинціяхъ Италіи, преимуществ. же въ сѣверныхъ, промышленныхъ. Но въ послѣдніе годы въ этихъ союзахъ замѣчается сильное оживленіе, проявляющееся въ организаціи множества новыхъ секцій и въ стремленіи соединить ихъ въ одно, для общаго дѣйствія. Такіе союзы уже образовались въ настоящее время въ Ломбардіи, Романьѣ, Лигуріи и даже Сициліи. Чтобы дать понятіе о быстромъ ростѣ подобныхъ организацій, укажу напр., на Ломбардскую лигу, основанную всего въ январѣ прошлаго года, въ настоящее время насчитывающую до 20000 членовъ, соединенныхъ въ 256 секцій, изъ коихъ около половины основаны вновь.

Причина такого невѣроятно быстраго развитія подобн. союзовъ лежитъ, конечно, прежде всего въ страшно тяжеломъ положеніи рабочаго люда во всей Италіи. Объ этомъ, впрочемъ, распространяться не буду, т. ч. нищета итальянскаго народа — точь-въ-точь какъ въ Россіи — вошла въ поговорку. Городской рабочій всегда находился въ лучшемъ положеніи, чѣмъ крестьянинъ: онъ ѣлъ не одну поленту, а прибавлялъ къ ней нѣсколько граммовъ сушеной рыбы, или даже замѣнялъ поленту „желтымъ" (смѣшаннымъ съ кукурузой), а то и чистымъ хлѣбомъ. Но въ послѣдніе 10 лѣтъ быстрое развитіе капит. производства, машины, тюремный трудъ — довели городскаго рабочаго до положенія, изъ котораго б. только два выхода: либо голодная смерть, либо союзъ для самозащиты. Есть страны, гдѣ ничего не остается, кромѣ перваго исхода, но въ Италіи можно было прибѣгнуть ко второму. Примѣръ палермскихъ ткачей, бергамскихъ размотчицъ, туринскихъ сапожниковъ показываетъ, что измѣненіе условій рабочаго рынка отъ вышеприведеныхъ причинъ служило очень часто прямой и

непосредственной причиной возникновенія обширныхъ рабочихъ организацій.

Была, впрочемъ, и другая причина, содѣйствовавшая быстрому росту рабоч. союзовъ — это косвенная, а иногда прямая поддержка тѣхъ классовъ, которые до того были либо враждебны, либо индифферентны къ вопросу о соціальныхъ реформахъ. Отчеты о положеніи рабочихъ классовъ, представленные оффиціальными комиссіями, которыя нельзя заподозрить въ преувеличеніи, привели въ ужасъ всѣхъ тѣхъ, кому будущность націи была дороже собственныхъ карманныхъ интересовъ. Послѣдніе годы знаменуются явнымъ стремленіемъ сблизиться съ соціалистами со стороны партіи крайнихъ республиканцевъ, выразителемъ мнѣній которыхъ можно считать блестящаго проф-ра Неапол. унив. Бовіо. Стремленіе это б. выражено многими газетами этой партіи: Secolo, Lega и др., въ особенности же самимъ Бовіо на митингѣ въ г. Катаніи (въ Сициліи). Это весьма важный и многообѣщающій признакъ переживаемаго Италіей момента. — Съ другой стороны, попытки вооруженнаго возстанія соціалистовъ, бывшія въ 72 и 77 гг., не смотря на свою незначительность, показали правительству, что нѣтъ недостатка въ людяхъ, готовыхъ превратить тлѣющую искру народнаго недовольства въ настоящій пожаръ. Однако вмѣсто того, чтобы стремиться подавить такого рода движеніе терроромъ, каторгой и т. п. рѣшительными, но къ счастью недѣйствительными мѣрами, правительство прибѣгло къ другимъ — оно стало косвенно покровительствовать рабоч. движенію въ его мирной формѣ. Такъ оно не только не разгоняетъ конгрессовъ раб. союзовъ, но даже отводитъ для нихъ собраній залы въ казенныхъ зданіяхъ; противъ стачекъ не только не высылаетъ солдатъ, какъ это дѣлается даже во Франціи, но часто становится на сторону рабочихъ: такъ б., напр., въ дѣлѣ объ огромной стачкѣ ломбардскихъ наборщиковъ, гдѣ судъ вынесъ вердиктъ, которымъ объявлялось, что рабочіе имѣли достаточныя основанія для произведенія стачки.

Всѣ эти и многіе другіе факты, опускаемые для сокращенія письма, ясно показываютъ теперешнюю тактику правительства. И дѣйствительно, благодаря такому способу дѣйствія, ему удалось эти мирные союзы превратить въ мирнѣйшіе: въ настоящее время въ нихъ нѣтъ рѣшительно

ничего антиправительственнаго. Они думають достигнуть соціальнаго переворота путемъ мирной борьбы съ буржуазіей, не касаясь государства.

Разумѣется, движеніе не можетъ долго сохранять такой идиллическій характеръ. Борьба съ капиталомъ не можетъ вестись на почвѣ полюбовныхъ сдѣлокъ, и. ч. только при полномъ уничтоженіи капитал. производства, какъ принципа, дѣйствительно изчезнетъ народная нищета. Отсюда ясно, что борьба между трудомъ и капиталомъ неизбѣжна, и когда она начнется, капиталъ призоветъ къ себѣ на помощь государство, которое находится въ его полномъ распоряженіи. Тогда борьба вступитъ въ новую фазу; во главѣ движенія станутъ новые люди, выступятъ на сцену новыя средства, и уже въ настоящее время можно предвидѣть, что для Италіи изойдетъ это новое вѣяніе изъ деревень, гдѣ и теперь безсознательный, стихійный протестъ выражается въ формахъ, столь отличныхъ отъ практики, „союзовъ“, какъ напр., убійство часовыхъ, сборщиковъ податей, полицейскихъ и т. п., а также въ видѣ буйныхъ демонстрацій, которымъ, чтобы имѣть широкое значеніе, нужно только освѣтиться великой идеей. Но объ этомъ поговоримъ въ слѣдующій разъ.

МЕЛКІЯ ИЗВѢСТІЯ

Лига добровольцевъ-шпіоновъ. Мысль объ этомъ учрежденіи зародилась во время лѣтняго путешествія Александра III по патріотическому району. Тогда впервые б. примѣненъ новый способъ охраны царя, именно — замѣна конвоя легіономъ шпіоновъ, насланныхъ изъ Петербурга Петербургской полиціей, переселившей на время въ Москву, и сверхъ того такъ называемой охранной стражей сословныхъ представителей, преимущественно лабазниковъ, рыцарей Охотнаго ряда. Они то и представляли собою „народъ“. — Временная затѣя такъ понравилась Владиміру, что превратилась въ постоянное учрежденіе — „Лигу“, которая поставила своею цѣлью борьбу съ крамо-

лой и искоренение всѣхъ недостаточно легальныхъ проявленій русской жизни. Лига намѣрена прибѣгать къ всякимъ средствамъ, не исключая и убійствъ, конечно, по найму. Въ центръ новаго тайнаго общества входятъ: здѣсь — в. к. Владиміръ и Алексѣй, Воронцовъ-Дашковъ, Игнатьевъ, Побѣдоносцевъ, Демидовъ Санъ-Донато, Шуваловъ, банкиръ Гинсбургъ, Бобринскій и бывшій начальникъ департамента шпіоновъ — Шульцъ; въ Москвѣ — Катковъ и Аксаковъ. Контингентъ агентовъ вербуется изъ гвард. офицеровъ, жеребчиковъ золотой молодежи, отличившихся пракацниковъ и проч. Приглашенія за подписью Воронцова-Дашкова разсылаются въ большомъ количествѣ и очень многихъ ставятъ въ безвыходное положеніе; рѣдко кто, подобно Скобелеву, рѣшается отвѣтить, что обязался присягою не вступать ни въ какія тайныя общества. — Дѣятельность лиги пока ни въ чемъ не проявляется, кромѣ дворцовыхъ интригъ. Около двухъ мѣсяцевъ назадъ, послѣ несогласія съ Шуваловымъ, былъ пущенъ слухъ, будто лига закрыта царемъ. Разумѣется это — ловкій маневръ, придуманный съ цѣлью больше законспирировать существованіе лиги. Въ послѣднее время упорно держится слухъ, что съ помощью лиги затѣвается дворцовый переворотъ въ пользу Владиміра.

Не довольствуясь висѣлицами и пытками, закрытіемъ судовъ и уничтоженіемъ почти всѣхъ формъ судопроизводства, не чувствуя подъ собой никакой нравственной опоры, правительство открыто принимаетъ форму тайнаго заговора противъ свободы народа: оно вынуждено позорно прятаться, издавать тайные органы, прибѣгать къ тайнымъ наемнымъ убійствамъ. Самому наглому опричному праважу данъ полный ходъ. Въ злыхъ корчахъ мечется отживающій строй и употребляетъ послѣднія усилія, чтобы въ конецъ развратить своихъ жрецовъ и оподлить все, къ чему прикасается.

Общество улучшенія народнаго труда — дѣтище шпіонской лиги; при помощи своихъ развѣтвленій въ провинціяхъ, оно имѣетъ въ виду собирать точныя свѣдѣнія о настроеніи умовъ въ разныхъ слояхъ населенія.

Тѣнь убитаго тирана въ Казанск. соборѣ. — Молва о тѣни начинаетъ утихать. Одни въ появленіи ея видѣли результатъ заговора, имѣющаго цѣлью умер-

твить Александра III, когда онъ явится на поклоненіе тѣни отца. Другіе объясняютъ эти продѣлки намѣреніемъ Побѣдоносцева — канонизировать царя; въ этихъ видахъ приглашенъ б. незаконный сынъ Николая, Анненковъ — посѣщать соборъ по вечерамъ въ качествѣ чуда. Молва объ этомъ быстро разнеслась по городу, а затѣмъ и по всей Россіи, благодаря энергичной пропагандѣ шпіоновъ.

Реформа Владиміра. Извлеченіе изъ секретнаго циркуляра Главн. Штабу: „Внезапные осмотры казармъ несомнѣнно принесутъ пользу въ полицейскомъ отношеніи и въ тоже время военное начальство получитъ возможность воспользоваться опытностью полицейскихъ агентовъ для извлеченія всѣхъ тѣхъ указаній, какія могли бы быть ими сообщены, въ видахъ установленія съ своей стороны болѣе бдительнаго надзора за пребывающими въ казармахъ лицами не военнаго сословія.“

Ея Величество — врагъ женскаго образованія. Каждый членъ царской семьи стремится отличится по своему и перейти въ память потомства съ особымъ клеймомъ. „Женщина—по словамъ царицы, — должна быть женой, матерью и хозяйкой“, — фраза, которую богомолки и старыя бабы могутъ лучше иллюстрировать. Отсюда слухи о закрытіи женскихъ курсовъ, сокращеніе государственныхъ расходовъ на счетъ образованія и повышеніе платы за ученіе въ гимназіяхъ. Впрочемъ, ограниченіе образованія — это такой пунктъ, относительно котораго царскій хлѣвъ не знаетъ разногласій.

Казенныя сбереженія. Въ настоящее царствованіе на содержаніе политич. заключенныхъ въ Домѣ Предв. Заключ. и Петропавл. крѣпости стали отпускать значительно меньше суммъ, чѣмъ прежде. Такая экономія какъ-разъ подъ стать нынѣшней финансовой реформѣ: рядъ сбереженій въ такомъ же родѣ представляетъ роспись на 1882 г., напр. сумма на провіантъ и приварокъ для нижнихъ чиновъ уменьшена на 14 мил. руб., а столовыя и порціонныя офицерамъ, духовенству и граждан. чинамъ военнаго вѣдомства увеличены почти на 3 мил. р. Результатъ сбереженій: сравнительно съ прошлымъ годомъ предвидится — (это только предвидится!) увеличеніе госуд. бюджета на 44 мил. р.

Институтъ свѣдущихъ людей. Говорятъ, къ коронаціи готовится новая реформа, своего рода конституція: каждому Губ. Земск. Собранію будетъ предложено выбрать 3-хъ кандидатовъ, изъ которыхъ одного царь утвердитъ въ званіи свѣдущаго! Образуется, такимъ образомъ, постоянный запасъ „свѣдущихъ людей", и правительство по своему усмотрѣнію, будетъ назначать изъ этого запаса отдѣльныхъ лицъ въ различныя комиссіи съ совѣщательнымъ голосомъ.

Пытки въ гвардейскомъ полку. При дознаніи по дѣлу объ убійствѣ солдатами унтеръ-офицера въ гусарскомъ полку, были употреблены пытки, чтобы добиться выдачи виновныхъ. Солдатъ голыхъ заставляли ползать по щебню, мазали имъ животы ѣдкими мазями и проч. Всѣ эти доблестныя дѣянія лежатъ на совѣсти князя Хованскаго.

Турникеты. На платформахъ петерб. вокзаловъ устроены узкіе, извилистые ходы-турникеты, для прохода публики въ вагоны. Эти „тѣсныя врата" окружены чинами явной и тайной полиціи, изслѣдующими физіономіи дефилирующихъ пасажировъ. То же, по слухамъ, будетъ устроено и въ Москвѣ.

По дѣлу Мровинскаго, Фурсова и Теглева на судѣ выяснилось, что до 1 марта два раза въ мѣсяцъ собирались сходки приставовъ, подъ предсѣдательствомъ Федорова, для предотвращенія покушеній. — По словамъ Фурсова на секретное отдѣленіе (при градоначальникѣ) ассигновано было 60 т. р.; Янковскій же опредѣляетъ эту цифру въ 90 т. — не въ одно врутъ. — На вопросъ Муравьева, въ какихъ отношеніяхъ находятся между собою секретное отдѣленіе и департаментъ государственной полиціи, Янковскій отвѣтилъ: „другъ отъ друга скрываютъ свѣдѣнія, въ виду наградъ первому открывающему". Янковскій уволенъ отъ службы и поступилъ въ лигу Владиміра. — Лгали на судѣ свидѣтели безпощадно. Такъ, приставъ Лит. час. 1-го участка поставилъ въ заслугу себѣ и Фурсову арестъ Кибальчича, присовокупивъ, что выслѣживалъ Кибальчича цѣлый годъ и зналъ, кто онъ такой. Муравьевъ потребовалъ занесенія въ протоколъ этого заявленія. — Федоровъ на вопросъ, почему не былъ своевременно про-

изведенъ обыскъ у Кобозева, отвѣтилъ, что „законъ предписываетъ осмотрительность въ обыскахъ“. Иванъ, очевидно, киваетъ на Петра. — По показаніямъ подсудимыхъ за Кобозевымъ былъ надзоръ еще съ начала декабря: была наведена справка о документахъ, изрѣдка навѣдывались въ лавку. Оказалось, что торговали-то Кобозевы плохо, и никто изъ сыропромышленниковъ ихъ не зналъ, и смутились супруги при осмотрѣ лавки, а во время ухода ревизоровъ ехидно улыбались. Муравьевъ сказалъ на это: „еще бы Кобозеву не смѣяться, когда генералъ Мровинскій своимъ платьемъ касался заговора.“ Мровинскій замѣтилъ, что смущеніе было именно таково, какое свойственно обывателямъ при неожиданномъ появленіи полиціи.

Политическій процессъ о 22 лицахъ нашей партіи оконченъ. Онъ будетъ напечатанъ нами особо, теперь же сообщаемъ приговоръ и нѣкоторыя подробности. Приговорены: Михайловъ, Колоткевичъ, Сухановъ, Емельяновъ, Фроленко, Исаевъ, Тетерка, Клѣточниковъ, Якимова и Лебедева — къ смертной казни; Ланганс, Баранниковъ, Морозовъ, Аарончикъ и Меркуловъ — къ вѣчной каторгѣ; Тригони, Терентьева и Златопольскій — на 20 лѣтъ; Фриденсонъ — на 10 лѣтъ кат.; Люстигъ — 4 года каторги. Въ окончательной формѣ приговоръ будетъ объявленъ 25 февраля. — Всѣ подсудимые имѣли болѣзненный, измученный видъ, но держали себя съ замѣчательнымъ мужествомъ и достоинствомъ. Установленъ фактъ, что Исаева пытали, — не давали спать и ѣсть. Онъ все перенесъ, но здоровье его надломлено. Никогда ни одинъ судъ въ исторіи не велъ себя съ меньшимъ достоинствомъ. На судъ не пускали даже братьевъ и сестеръ. Судьи за одно съ жандармскими солдатами обращались съ подсудимыми возмутительно: имъ не давали произнести слова, толкали ихъ и лишали всякой возможности защищаться.

21 февраля 1882 г.

ОТЧЕТЪ

О СУММАХЪ, ПОСТУПИВШИХЪ НА НАРОДНОЕ ОСВОБОЖДЕНІЕ

съ 1-го ноября по 1-е февраля 1882 г.

Пожертвованія, поступившія безъ листковъ съ 10 ноября: Отъ борца за свободу—2600 р., Катерины изъ Грозы—2000 р., Купца—500 р., Неизвѣстнаго—1000 р., Гр. изъ С.—150 р., Борца за своб.—4500 р., Лѣтописца—3700 р., Приближеннаго А. III. — 2000 р.. Пл. 6 р. (ежемѣсячно), отъ Поручика—10 р., Высочайшей прибавки—25 р., С.—50 р., Кавказцевъ — 37 р., Вишеля — 15 р., Ч.—200 р., Воскресшій—127 р., доктора Ч.—10 р., К. Д.—4 р. 50 к., ду и дх—2 р., Казака—1 р., ѲУ—5 р. 50 к., NNoN—3 р, Ка—3 р., Галушки—3 р., Ст. и К.—9 р., Кар.—100 р., КиѲ—20 р., X—1 р., П—1 р., С—50 р.. Петра—1 р., Неизвѣстнаго—1 р., А.Т.—1 р., X—1 р., Неизвѣстнаго—2 р. 50 к., Маши—1 р., 50 к., Ильи—3 р., Рыжаго—3 р., Ив.—1 р., Клинъ—3 р., —25 р.

Изъ С. отъ Старика—15 р., Чугунщика—6 р., Я—2 р., X—10 р., Я—3 р., Ты—1 р., Мы—1 р. Вы—1 р., Очарованнаго—1 р., Голосистаго—1 р., Хохла—1 р., Штунды—1 р., Тихаго—1 р., Цеховаго—1 р., Сочувств.—1 р., Казака—3 р., Барышни—3 р.. Безчинный—50 к.. Учительницы—4 р., Дворянки—1 р., Ученика—1 р., Новаго—5 р., Ч—2 р., Пурлевъ—50 к., Коменданта—10 р., Н-ко и Маши—1р., 000—5 р., Большака—4 р.. 3—25 р., Эскулапа—3 р., Рыжаго—1 р., Зем.—200 р., Кулака—500 р., С-ва—3700 р.

По листку № 44: отъ радикала, Иксъ, ъ Поляка, Нотабене, В. А, А, Искры, Судьбы, Д, Одного—по 1 р.; отъ 3—3 р. 44 к., отъ 35 сочувствующихъ—35 р.. отъ двухъ—6 р., отъ постояннаго—4 р. 15 к.. взносовъ меньше 1 р. на 8 р. 17 к. По листку № 88: черезъ Р.—15 р. Отъ стар. капр.—2 р., отъ Гас.—150, отъ О. Ф.—20 и 14 р., отъ С, Т соч., Давно пора, Сапожп и Тыквы—по 10 р.; отъ 300, Т и Т. А. С.—по 3 р.; отъ Е. Н. С.—3 р. 25 к., и изъ Каз.—50 р.: по л. № 73: отъ Труб., Шахт. и зап. Арт.—по 50 к.: отъ П. Н. С., Карап., Жанъ-Жака и Н.

—по 1 р.; отъ Бл. Д. и Социал. по 3 р.; Дѣвицы—5 р. и др. челов.—500 р.

Въ распоряженіе Красн. Крес. Нар. Воли поступило по 1 февр.: Отъ Донъ-Жуана—1700 р.; А, К, О—по 25 р.; Δ, Веретьева, IL, РМ, У. Х—по 10 р.; К—11 р, Неизв. (ежемѣс.) за декаб. 25 р.; М, W, Л, Г, К. Л.—по 5 р.; Мих., Карійцамъ,—по 13 р.; Н, Ст, S, V, О, БлД, Лысаго чорта—по 2 р.; Медвѣдя, классика (ежемѣс.) за дек., Барышни, Курсистки, Невѣр. въ торжество свободы, Р, Н, Е, Б, Г, Х, П. Н. С. Дырка, Н, Леди, за письмо—1 р.; К—11 р, черезъ К—4 р.; Е, Н, Бба нѣцые людіи, Х, Карандаша, Зеленаго, Чудака—3 р., О—55 р., Х—52 р. 10 к, ХD—7 р., черезъ Барсука—32 р. 50 к., черезъ Барсука—10 р., Щ—20 р., Вѣтерокъ—50 р., Конторщика—18 р. 50 к., Крестьянки—50 к., МШ—50 к., Ек—50 к., Барина—4 р. 50 к.; по листку № 35 отъ Рибо—10 р., Безсроч.-отпуски.—3 р.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

СОДЕРЖАНІЕ: Объявленіе Краснаго Креста «Н. В.» — Положеніе партіи въ данный моментъ. — Основныя задачи револ. дѣятельности въ Россіи. — Рѣчь Федоровскаго. — Корреспонденціи: изъ Саратова и Одессы. — Хроника. — Тюрьма и Ссылка. — Предисловіе Карла Маркса и Ф. Энгельса. — Письмо изъ Италіи. — Мелкія извѣстія. — Приговоръ суда. — Отчетъ.

С.-Петербургъ. Типографія «Народной Воли» 26 февраля 1882 г.

ПРИБАВЛЕНІЕ къ №№ 8—9 НАРОДНОЙ ВОЛИ

Второго февраля 1882 г. въ казематѣ Петропавловской крѣпости умерла ГЕСЯ ГЕЛЬФМАНЪ. Причины смерти остаются неизвѣстными.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Процессъ 9 Февраля возбуждаетъ особенный интересъ во всѣхъ, кому дорого торжество революціонной идеи или даже просто понятно все ея значеніе для современной Россіи. Крупная роль подсудимыхъ въ различныхъ предпріятіяхъ революціонной борьбы заставляетъ всякаго съ особеннымъ вниманіемъ прислушиваться къ каждому ихъ слову, всматриваться въ каждый ихъ поступокъ. А между тѣмъ ни одинъ процессъ не производился до такой степени келейно и правительство, боясь нравственнаго вліянія даже плѣнныхъ враговъ своихъ, приняло всѣ зависящія отъ него мѣры для того, чтобы ни одно правдивое извѣстіе о судѣ не проникло въ общество.

Въ виду этого мы рѣшились начать печатаніе доставляемыхъ намъ матеріаловъ, не дожидаясь того времени, когда они дадутъ возможность сдѣлать полный судебный отчетъ. Пусть эти матеріалы отрывочны, — они тѣмъ не менѣе даютъ нѣкоторый отвѣтъ на запросы общества. По мѣрѣ накопленія матеріаловъ, мы будемъ печатать ихъ и впредь.

Недостатокъ мѣста и незнакомство общества съ фактическою стороною процесса заставляютъ насъ отложить оцѣнку его значенія до слѣдующаго №. Надѣемся, однако, что публикуемые нами теперь факты сами по себѣ скажутъ многое общественной совѣсти и сознанію.

ЗАМѢТКИ О ПРОЦЕССѢ ДВАДЦАТИ

Вводятъ подсудимыхъ, каждаго между двумя жандармами. Кромѣ того, въ залѣ ихъ ожидаетъ еще внушительный караулъ, полиція, жандармы, даже казаки! Не достаетъ только артиллеріи. Стражи больше, чѣмъ публики. Такъ и кажется, будто она приготовлена для какихъ-то страшныхъ силачей-разбойниковъ, которые, того и гляди, растерзаютъ гг. сенаторовъ. Что касается публики, то она вся состоитъ изъ чиновниковъ М. В. Д. и военныхъ. Изъ судебнаго вѣдомства — никого. Члены и даже председатели судовъ*) настолько заражены крамолой, что ихъ нежелательно вовсе видѣть въ залѣ. Нечего и говорить объ адвокатахъ: они, какъ люди независимые, не получающіе жалованіе отъ начальства, а работающіе по личному найму, настолько пропитаны зловредными идеями, что о допущеніи ихъ въ засѣданіе не можетъ быть и рѣчи. Положимъ, по закону имъ болѣе другихъ слѣдовало бы быть, чтобы знакомиться съ судебными порядками, но вѣдь, по времени и закону перемѣна бываетъ. Ходъ на хоры Муравьевъ собственноручно заперъ, положилъ ключъ къ себѣ въ карманъ и поставилъ тутъ же городоваго, но, впрочемъ, не забылъ спрятать на хоры за колонну свою супругу. Она, вѣроятно, какъ жена прокурора, лицо оффиціальное и можетъ присутствовать въ засѣданіи, происходящемъ при закрытыхъ дверяхъ.

Разсаживаютъ подсудимыхъ въ два ряда. Въ I-мъ—7 чел., ближе всѣхъ къ судьямъ услужливый предатель Меркуловъ. Говорятъ, когда онъ былъ взятъ, то ему обѣщали прощеніе, если онъ выдастъ своихъ. Онъ на это согласился и ходилъ по улицамъ, незамѣтно сопровождаемый шпіонами. Встрѣчаясь съ тѣми, кого могъ выдать, онъ только раскланивался съ ними, и отъ него каждый разъ отдѣлялся шпіонъ, который и слѣдилъ за послѣднимъ. По размѣщеніи, подсудимые встаютъ и объявляютъ, что имѣютъ сдѣлать заявленіе суду. „Послѣ!“ кричитъ Дейеръ, „теперь не время!“ —„Мы относительно самого суда“, заявляютъ подсудимые,—

*) Предсѣдатель Судебн. Палаты Ковальскій не былъ впущенъ. Это, впрочемъ было въ 1-й день, во 2-й было нѣсколько членовъ суда и мир. судей.

„Никакихъ заявленій относительно суда!“ кричитъ Дейеръ. *Этотъ Дейеръ тотъ самый, который предсѣдательствовалъ въ Москвѣ на процессѣ Нечаева и въ заключительномъ словѣ къ присяжнымъ произнесъ обвинительную рѣчь.* Михайловъ, во избѣжаніе шума, хочетъ сдѣлать заявленіе одинъ отъ имени всѣхъ. — *Предс.* Вы не уполномоченный, не имѣете права заявлять отъ имени всѣхъ! — *Михайл.* Я отъ себя желаю заявить. — *Предс.* И отъ себя нельзя. Еще разъ повторяю, никакихъ заявленій.

Подсудимые протестуютъ противъ такого обращенія. Стража брящаетъ оружіемъ, съ напряженнымъ вниманіемъ ожидая отъ предсѣдателя знака, чтобы ринуться въ аттаку противъ злодѣевъ, горя благороднымъ желаніемъ сразиться съ непріятелемъ. Наконецъ, все нѣсколько успокоилось; подсудимые, едва сдерживая негодованіе, рѣшили выказать болѣе самообладанія, чѣмъ самъ безпристрастный судъ, и прекратили перепалку. По опросѣ ихъ о званіи и проч., началось чтеніе обвинительнаго акта. Оно прошло бы совершенно спокойно, но тутъ предсѣдатель опять сталъ безобразничать Подсудимые, которымъ содержаніе акта давно ужъ хорошо извѣстно, долго не видавшись другъ съ другомъ, стали очень тихо разговаривать между собою и передавать далеко сидящимъ записки. Все это нисколько не могло помѣшать чтенію, такъ какъ шума почти не было. Но тутъ предсѣдатель сталъ орать, и такъ какъ подсудимые все не переставали, то чтеніе все время прерывалось криками предсѣдателя; поминутно сыпались такіе возгласы: „Молчать! не умѣете себя держать! Вы не дома!“ Угрозамъ удалить изъ залы не было конца. Баранниковъ получилъ нагоняй даже за то, что, сидя далеко отъ защитника, сдѣлалъ знакъ, чтобъ онъ передалъ ему обвинительный актъ. „Подсудимый!“ закричалъ предсѣдатель „никакихъ знаковъ дѣлать я не позволю! Если это еще разъ повторится, то вы будете удалены изъ залы!“ Итакъ, значитъ, относиться со вниманіемъ къ чтенію акта (что гораздо удобнѣе, если онъ предъ глазами) тоже нельзя. Наконецъ, кончилось чтеніе злополучнаго акта. Перерывъ. Подсудимыхъ уводятъ въ тюрьму, и послѣ перерыва вводятъ по одиночкѣ или группами для предложенія вопроса о виновности. Опредѣленіе объ этомъ предсѣдатель не позаботился объявить въ засѣданіи. Вообще, нарушеніе формъ судопроизводства — на каждомъ шагу. Такъ, прежде

всего, предсѣдатель не объявилъ, что засѣданіе происходитъ при закрытыхъ дверяхъ. Затѣмъ, на всякую просьбу Муравьева предсѣдатель, даже для виду не посовѣтовавшись съ членами, предупредительно отвѣчаетъ; „Особое Присутствіе находитъ вполнѣ возможнымъ согласиться на просьбу прокурора.“ Но это все еще пустяки. Нарушеніе закона доведено было до поразительной наглости въ первый день вечеромъ. Дѣло было такъ: когда послѣ чтенія акта подсудимыхъ стали вводить поодиночкѣ, то защитники тѣхъ изъ нихъ, которые оставались пока въ тюрьмѣ, извѣщали ихъ и, по всей вѣроятности, разказывали, что происходило на судѣ въ ихъ отсутствіе. Вдругъ во время одного перерыва состоялось распоряженіе предсѣдателя, запрещающее защитникамъ видаться съ ихъ кліентами во время судебнаго слѣдствія. По открытію засѣданія защитники заявляютъ объ этомъ предсѣдателю. Тотъ вооружается судебными уставами и провозглашаетъ: „Да, я сдѣлалъ это распоряженіе (прибавимъ, *необъявленное въ засѣданіи*), основываясь на 569 ст. Уст. Уг. Судопр“. *Чтобы лучше видѣть всю логику предсѣдателя*, *выписываемъ эту статью дословно:* „*Вмѣстѣ съ распоряженіемъ о допущеніи защитниковъ къ исполненію ихъ обязанностей*, *предсѣдатель суда разрѣшаетъ имъ объясняться наединѣ съ подсудимыми*, *содержащимися подъ стражей.*“ „Такъ какъ эта ст. помѣщена въ главѣ, говорящей о приготовительныхъ къ суду распоряженіяхъ, говоритъ далѣе предсѣдатель, то тѣмъ самымъ она допускаетъ свиданіе защитника съ подсудимыми во время только таковыхъ распоряженій, а отнюдь не во время судебнаго слѣдствія. Наша практика толковала до сихъ поръ эту статью такъ, что она допускаетъ свиданіе и во время судебнаго слѣдствія. Но Ос. Прис. въ данномъ случаѣ нашло необходимымъ толковать ее именно такъ, какъ я толковалъ выше. Если же гг. защитники желаютъ знать мотивы, вызвавшіе мое распоряженіе, то вотъ они: я руководствовался желаніемъ поддержать честь адвокатуры, такъ какъ до свѣдѣнія моего дошло, что нѣкоторые гг. защитники (имена я не называю) позволили себѣ, во время свиданій съ подсудимыми, сообщать имъ то, что происходитъ въ ихъ отсутствіе.“

Герардъ. Что касается поддержанія чести адвокатуры, то мы просили бы позволенія намъ самимъ заботиться объ

этомъ. Что же касается до того, что мы сообщаемъ подсудимымъ, то прежде всего я позволю себѣ выразить удивленіе, какимъ образомъ г. первопр. стало извѣстно содержаніе нашихъ разговоровъ съ подсудимыми, происходившихъ съ глазу на глазъ. — Предс. Это все равно, откуда я узналъ. Этого могло и не быть. Я только говорю, что это не желательно. — *Герардъ.* Затѣмъ я позволю себѣ обратить вниманіе г. первоприсутствующаго на то, что законъ обязываетъ самого г. предс-ля суда сообщать подсудимому все, что происходило въ его отсутствіе. Тѣмъ болѣе эта обязанность лежитъ на защитникѣ. и если мы это дѣлали, то только исполняли законъ.

Предс. что-то сталъ бормотать въ отвѣтъ на это, но невозможно было уловить ни одной мысли (вѣрнѣе мысли и не было). Въ заключеніе онъ сказалъ: „Во всякомъ случаѣ, распоряженіе, основанное на 569 ст. Уст. Уг. Суд. остается въ силѣ.“

Спасовичъ. Въ такомъ случаѣ я просилъ бы позволенія видѣться съ моимъ кліентомъ по поводу вещественныхъ доказательствъ, иначе я не буду въ состояніи поставить, какъ должно, свою защиту.

Предс. Я вамъ разрѣшаю.

Затѣмъ еще нѣсколько защитниковъ высказали мотивированныя требованія свиданій. Предс. ихъ удовлетворилъ, такъ что распоряженіе стало падать само собою. На другой день распоряженіе было отмѣнено, такъ какъ наканунѣ большинство защитниковъ дѣлали намеки на то, что они откажутся отъ защиты, въ виду такихъ стѣсненій ея. Муравьевъ при этомъ слиберальничалъ, что онъ противъ всякихъ стѣсненій защиты. Мур-въ вообще царитъ. Предс. предъ нимъ, какъ почтительная дочка передъ строгой маменькой, наблюдающей за поведеніемъ и успѣхами ея въ свѣтѣ. Самъ Набоковъ сидитъ очень близко къ нему и смотритъ на него, какъ на божество, обѣщающее разразить кромѣшниковъ; онъ своей позой и благоговѣйными взглядами на Муравьева очень напоминаетъ бабу. которая наняла въ мировомъ судѣ „аблаката“, и все время съ надеждой и упованіемъ смотритъ на его ротъ, вполнѣ увѣренная, что изъ него посыплются неопровержимые доводы въ ея пользу. Набоковъ вообще внимательно слѣдитъ за ходомъ дѣла и волнуется: онъ очень боится скандала, и вотъ почему:

всякій разъ, какъ возникалъ политическій процессъ, передъ царемъ старались восторжествовать одно передъ другимъ два мнѣнія: одни доказывали, что слѣдуетъ судить военнымъ судомъ, потому что онъ скорый и строгій, и скандала никакого не будетъ; Набоковъ же старался поддержать „достоинство“ гражданскаго суда, доказывая, что онъ упечетъ еще строже, чѣмъ военный, а скандала на немъ скорѣе не будетъ, такъ какъ военные люди своей рѣзкостью болѣе способны раздражить подсудимыхъ. Вотъ почему онъ на каждомъ процессѣ боится, чтобы чего не произошло. На процессѣ по дѣлу 1-го марта, за время рѣчи Желябова, онъ подбѣжалъ сзади къ предсѣдателю и сталъ ему что-то нашептывать. Выходило просто неприлично. Но, однако, довольно объ этомъ; перейдемъ къ подсудимымъ. Начинаются вопросы о виновности. Для полноты впечатлѣнія, производимаго отвѣтами подсудимыхъ, мнѣ надо сказать нѣсколько словъ о ихъ внѣшности. Одѣты они всѣ прилично, Баранниковъ даже изыскано. Держать себя съ достоинствомъ и тактомъ (только предсѣдатель безобразничаетъ, да изъ подсудимыхъ Меркуловъ отличается отвратительной наглостью и развязностью); отвѣчаютъ о себѣ откровенно, о другихъ отказываются говорить (разумѣется, исключая Меркулова, который выдаетъ всѣхъ, кого можетъ и не можетъ). Самое выразительное лице у Колодкевича. Ему, очевидно, очень трудно сдерживать негодованіе, но сила воли преодолѣваетъ: онъ сдержанъ, спокоенъ. Самообладаніе въ немъ замѣчательное. Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе Баранниковъ: слова его дышатъ такой правдивостью, что кажется дерзостью усомниться въ нихъ. Онъ просто объясняетъ свою роль, говоритъ, что дѣлалъ, чего не дѣлалъ, и все это такъ убѣдительно, что только изолгавшійся человѣкъ могъ бы потребовать доказательствъ. Но, разумѣется, на судѣ ему приходится все доказывать. На вопросы же, могущія служить противъ другихъ, онъ прямо отказывается отвѣчать. Что касается Михайлова, то это основательный теоретикъ: все у него выходитъ такъ логично, что просто подавляетъ противника или человѣка предубѣжденнаго; замѣчателенъ отвѣтъ его на вопросъ о виновности. Въ немъ онъ выяснялъ причины, приведшія ихъ къ террору. Мысли его, собственно говоря, ничего новаго не представляли, но все было

такъ обосновано, такъ логично вытекало одно изъ другого, выводы дѣлались такъ строго, были такъ неопровержимы, что даже всякій предубѣжденный человѣкъ какъ то невольно чувствовалъ всю ихъ неизбѣжность, неотразимость. Даже самъ Дейеръ до того былъ ошеломленъ, что не только не прерывалъ Михайлова, но, напротивъ, утвердительно кивалъ головой. Только въ концѣ рѣчи предс. остановилъ его, а именно когда онъ сталъ говорить о частностяхъ, приведшихъ ихъ къ цареубійству. Изъ такихъ частностей Михайловъ успѣлъ упомянуть о двухъ: 1) „Приговоръ по дѣлу 193“, сказалъ онъ, „былъ довольно мягокъ; многихъ даже оправдали. Но по Высочайшему повелѣнію оправданные ссылались административно, а для остальныхъ приговоръ былъ усиленъ. 2) Когда мы затѣмъ стали преслѣдовать должностныхъ лицъ, то увидѣли, что убійство ихъ не оказывало существеннаго вліянія на перемѣну политики, а лица, на которыхъ дѣлались неудачныя покушенія, возвышались по службѣ опять по Высочайшему повелѣнію...“ Тутъ предсѣдатель остановилъ его. Что касается до отвѣтовъ другихъ, то я особенно остановлюсь на Сухановѣ и Клѣточниковѣ. Въ Сухановѣ сразу виденъ честный, добрый, прямодушный морякъ. „Я никогда бы не сталъ террористомъ“, сказалъ онъ „если бы самыя условія русской жизни не вынудили меня къ этому. Прежде всего ненормальное положеніе народа, доведеннаго тяжкими поборами до самого ужаснаго состоянія, фактическая недоступность для него какого бы то ни было образованія, безправіе слабыхъ привели меня къ той мысли, что такъ жить далѣе невозможно, что такой порядокъ вещей непремѣнно долженъ быть измѣненъ. Я-то лично не могу пожаловаться на судьбу, мнѣ по службѣ везло, и, будь я карьеристъ, я остался бы вполнѣ доволенъ существующимъ. Но на каждомъ шагу я видѣлъ что порядочный человѣкъ не можетъ только спокойно служить, хотя бы и безъ взятокъ, и не обращать вниманія на злоупотребленія другихъ. Когда я служилъ во флотѣ, то однажды начальство обратило мое вниманіе на мелкія воровства подчиненныхъ мнѣ матросовъ и требовало строгаго преслѣдованія. Горько мнѣ было выслушивать подобныя приказанія и тяжело ихъ исполнять. Дѣйствительные воры, беззастѣнчиво расхищавшіе громадныя суммы и до того свыкшіеся съ этимъ, что считали себя вполнѣ честными людьми,

оставались вполнѣ безнаказанными и пользовались почетомъ, а мелкій воришка, укравшій на какой нибудь грошъ и то по нуждѣ, сейчасъ же получалъ возмездіе. Мысль эта производила на меня удручающее впечатлѣніе. Во время моихъ поѣздокъ по Сибири видѣлъ я, кого у насъ наказываютъ; особенно поразили меня административно ссыльные. Я видѣлъ этихъ оборваныхъ, голодныхъ, холодныхъ, тяжело переносящихъ отсутствіе всякой умственной дѣятельности. Каждый разъ я спрашивалъ себя: За что? Разбойники это, воры, казнокрады, убійцы? Нѣтъ, все это большею частью участники разныхъ студенческихъ исторій, люди, не умѣвшіе дѣлать карьеру, люди, въ которыхъ бились стремленія къ лучшему!... Пробовалъ я бороться съ злоупоребленіями, но только заслужилъ репутацію безпокойнаго человѣка. Это ужъ окончательно убило во мнѣ вѣру въ легальный путь, г. г. судьи! Я чувствовалъ, что дышать нечѣмъ, что воздуху нѣтъ! я сталъ искать выхода изъ такого положенія, сталъ искать пути къ борьбѣ, и, отыскавши его, весь отдался ему".

Вотъ въ блѣдныхъ чертахъ рѣчь Суханова. Въ ней вылилась вся душа честнаго человѣка, искренняго патріота. Нельзя было безъ волненія слышать эти слова, вылившіяся прямо изъ сердца. Камень и тотъ не выдержалъ бы. Самъ Дейеръ прослезился, Островскій, видимо, былъ смущенъ. Одинъ Муравьевъ остался неуязвимымъ: онъ все время смѣялся.

Скажу теперь о Клѣточниковѣ. Онъ съ виду производитъ впечатлѣніе самаго обыкновеннаго мелкаго чиновника, говоритъ онъ тихо, едва слышно, пот. что находится въ послѣднихъ градусахъ чахотки. Предсѣдатель обращается съ нимъ мягче, чѣмъ съ другими. О причинахъ, побудившихъ его совершить преступленіе, онъ разсказалъ такъ: „До 30 лѣтъ я жилъ въ глухой провинціи, среди чиновниковъ, занимавшихся дрязгами, попойками, вообще ведшими самую пустую, безсодержательную жизнь. Среди такой жизни я чувствовалъ какую то неудовлетворенность, мнѣ хотѣлось чего-то лучшаго. Наконецъ, я попалъ въ Петербутгъ, то и здѣсь нравственный уровень общества не былъ выше. Я сталъ искать причины какого нравственнаго упадка и нашелъ, что есть одно отвратительное учрежденіе, которое

развращаетъ общество, которое заглушаетъ всѣ лучшія стороны человѣческой натуры и вызываетъ къ жизни всѣ ея пошлыя темныя черты. Такимъ учрежденіемъ было III отдѣленіе. Тогда, гг. судья, я рѣшился проникнуть въ это отвратительное учрежденіе. что бы парализовать его дѣятельность. Наконецъ, мнѣ удалось поступить туда на службу". — *Предс.* (съ ироніей) Кому же вы служили? этому отвратительному учрежденію (Набоковъ въ волненіи встаетъ), т. е. по вашимъ словамъ отвратительному, или кому нибудь другому? — *Клѣточ.* Я служилъ обществу. — *Предс.* (съ иронiей) Какому же такому обществу? тайному или явному? — *Клѣточн.* Я служилъ русскому обществу всей благомыслящей Россіи. — *Предс.* Вы получали жалованье въ III отдѣленіи? — *Клѣточн.* Да, получалъ. — *Предс.* (съ иронiей) И вы находили возможнымъ брать деньги изъ этого отвратительнаго учрежденія, какъ вы его называете? — *Клѣточн.* Если бы я не бралъ, то это показалось бы страннымъ, и я навлекъ бы на себя подозрѣніе.

И такъ, я очутился въ III отдѣленіи среди шпіоновъ. Вы не можете себѣ представить, что это за люди! Они готовы за деньги отца роднаго продать, выдумать на человѣка какую угодно небылицу, лишь бы написать доносъ и получить награду. Меня просто поразило громадное число ложныхъ доносовъ. Я возьму громадный процентъ, если скажу изъ ста доносовъ одинъ оказывается вѣрнымъ. А между тѣмъ почти всѣ эти доносы влекли за собою арестъ, а потомъ и ссылку. Такъ напр., однажды былъ сдѣланъ доносъ на двухъ студентокъ, живущихъ въ домѣ Мурузи. Хозяйка квартирная была предупреждена, и когда пришли съ обыскомъ, то она прямо сказала, что она уже предупреждена и не понимаетъ, зачѣмъ къ ней пришли. У студентокъ былъ произведенъ тщательный обыскъ, и хотя ничего не нашли, обѣ онѣ были высланы. Такихъ случаевъ была масса. Я возненавидѣлъ это отвратительное учрежденіе и сталъ подрывать его дѣятельность: предупреждалъ, кого только могъ, объ обыскѣ, а потомъ, когда познакомился съ революціонерами, то передавалъ имъ самыя подробныя свѣдѣнія.

Предс. Сколько Вамъ платили за это? — *Клѣточниковъ.* Нисколько. — *Предсѣд.* На дознаніи вы показали, что брали отъ революціонеровъ деньги. *Клѣточ.* На дознаніи

я находился совсѣмъ въ исключительныхъ условіяхъ, не въ такихъ, какихъ обыкновенно находятся обвиняемые, хотя бы и въ политическихъ преступленіяхъ. Я находился подъ тяжелымъ давленіемъ. Я былъ весь въ рукахъ своего начальства, всемогущаго, озлобленнаго за то, что я такъ жестоко его обманулъ. Въ такомъ положеніи можно было и не то наговорить, на самомъ же дѣлѣ я дѣйствовалъ, глубоко убѣжденный въ томъ, что все общество, вся благомыслящая Россія будутъ мнѣ благодарны за то, что я подрывалъ дѣятельность III отдѣленія. Я былъ увѣренъ, что само правительство будетъ мнѣ благодарно впослѣдствіи и, кажется, я не ошибся, потому что само правительство сознало, наконецъ, вредъ этого отвратительнадо учрежденія и упразднило его. — *Предсѣд.* Ну, положимъ, Вы не можете сказать, что оно сознало.

Затѣмъ на слѣдствіи о Клѣточниковѣ стали провѣрять то, что онъ говорилъ. Между прочимъ свидѣтелями вызваны бывшій управляющій экспедиціи III отдѣленія Кирилловъ и жена жандармскаго полковника Кутузова. Кириллова спросили о фактѣ, бывшемъ въ домѣ Мурузи. Тотъ подтвердилъ, что студентки были высланы.

Предсѣд. Хотя и нечего не нашли? *Кирил.* Да, но доносъ былъ такъ важенъ, что никакъ нельзя было оставить его безъ послѣдствій. Но за то потомъ, когда возникъ вопросъ о возвращеніе лицъ, административно ссыльныхъ, онѣ въ числѣ первыхъ были возвращены. — Полковница Кутузова показала, что Клѣточниковъ жилъ у нея въ комнатѣ, и что она рекомендовала его Кириллову.

Прибавлю еще нѣсколько словъ для характеристики суда.

Исаевъ, между прочимъ, сказалъ, что его у градоначальника били. Прокуроръ смѣется. Предсѣд. отвѣчаетъ Исаеву, что до этого суду дѣла нѣтъ. — Тетерка, на вопросъ о его занятіяхъ, сказалъ, что онъ былъ рабочій.—*Предсѣд.* Какой же работой ты занимался? — *Тетерка.* Всякой работой, какой придется. — *Предсѣд.* А убивать можешь? — Затѣмъ предсѣдатель сталъ разспрашивать его о террорѣ. Тетерка, разумѣется, не могъ дать дѣльныхъ отвѣтовъ, потому что онъ человѣкъ совсѣмъ интеллигентный. Якимова, разсказывая о своей дѣятельности, между прочимъ, сказала, что тогда-то она поѣхала къ родителямъ. —

Предсѣд. (съ удивленіемъ). Къ родителямъ? Зачѣмъ? — *Якимова.* Какъ зачѣмъ? Чтобы повидаться! — *Предсѣд.* (съ иронiей). Повидаться? И вы сохранили къ нимъ чувства!...

ОБЪЯСНЕНІЯ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВА

Предъ объясненіями по дѣлу 2 апрѣля, Михайловъ заявилъ, что защищаться не намѣренъ, такъ какъ судъ лишенъ гласности и общества, а приметъ участіе въ судебномъ слѣдствіи лишь для того, чтобы по мѣрѣ силъ способствовать возстановленію исторической истины. Прежде объясненія потребовалъ прочтенія уличающихъ оговоровъ Гольденберга и другихъ уже осужденныхъ въ процессѣ 16 лицъ. Ему сначала отказали, предложивъ изложить, какъ было дѣло, довольствуясь выдержками изъ показаній, приведенныхъ въ обвинительномъ актѣ. Но Михайловъ дать объясненія отказался, прибавивъ, что извлеченія каждый дѣлаетъ съ своей точки зрѣнія и сообразно съ своими интерессами. Такъ какъ передъ этимъ Терентьева совсѣмъ отказалась давать показанія въ отсутствіи товарищей и Михайловъ склоненъ былъ къ тому же, то судьи, поговоривъ между собой, уступили и прочли для него одного всѣ показанія, относящіяся къ дѣлу 2 апрѣля. Михайловъ не отказался участвовать по группамъ въ судебномъ слѣдствіи по слѣдующимъ причинамъ: во 1) Баранниковъ раньше, по дѣлу 4 августа, тоже одинъ давалъ объясненія, во 2) судебное слѣдствіе по группамъ начато было совершенно неожиданно, и не было никакой возможности регулировать общаго поведенія. По прочтеніи Михайлову показаній, онъ спросилъ судъ, не было ли сдѣлано относительно веденія судебнаго слѣдствія какихъ-либо постановленій, и, получивъ отрицательный отвѣтъ: „Не было никакихъ“ (судъ имѣетъ право по закону дѣлить на группы), началъ свой разсказъ о соловьевскомъ дѣлѣ. Сущность состояла въ слѣдующемъ: Въ февралѣ мѣсяцѣ 79 г. онъ встрѣтился съ Соловьевымъ, возвратившимся изъ народа съ самыми радужными воспоминаніями о немъ и съ жаждой принести для него великую жертву. Онъ задумалъ царсубійство. До 79 г. Соц. Революц. Партія стремилась проводить свои идеи въ народѣ и уклонялась отъ всякой борьбы съ правительствомъ, даже и

тогда, когда встрѣчала его на своемъ пути, какъ врага. Но постепенно репрессаліи правительства обостряли враждебность отношеній къ нему партіи и довели наконецъ до рѣшительныхъ столкновеній. Особенно въ этомъ отношеніи повліяла погибель 70 человѣкъ въ тюрьмахъ, во время дознанія по дѣлу 193, по которому было арестовано болѣе 700 человѣкъ, а потомъ отмѣнено ходатайство суда по этому же дѣлу для 12 человѣкъ. Главнымъ виновникомъ считался Мезенцевъ, за что онъ и погибъ. Послѣ него дѣятельность Дрентельна, выразившаяся въ самыхъ широкихъ погромахъ, высылкахъ, преслѣдованіяхъ молодежи и т. д., обрушившихся на тѣ сферы, откуда партія черпаетъ новыя силы, побудили послѣднюю помѣряться съ новымъ шефомъ.

Такъ завязалась борьба съ правительствомъ, которая, въ силу централизованности правительственной машины и единаго санкціонирующаго начала — неограниченной власти царя, — неминуемо привела къ столкновенію съ этимъ началомъ. Такъ въ 79 г. революціонная мысль единицъ уже работала въ этомъ направленіи, и однимъ изъ такихъ былъ Соловьевъ—натура чрезвычайно глубокая, ищущая великаго дѣла, дѣла, которое заразъ подвинуло бы значительно впередъ къ счастью судьбу народа. Онъ видѣлъ возможность такого шага впередъ въ цареубійствѣ. По пріѣздѣ, не найдя въ СПБ. никого изъ своихъ близкихъ знакомыхъ, кромѣ меня, и зная, что я близко стою къ органу партіи „Земля и Воля,“ онъ открылъ мнѣ свою душу. Я въ то время не составилъ еще себѣ положительнаго мнѣнія по этому вопросу, но и моя мысль уже работала въ этомъ направленіи. Поэтому я не сталъ его разубѣждать, имѣя въ виду кромѣ того, что разъ составившееся его рѣшеніе поколебать невозможно. Мало того, я считалъ себя обязаннымъ помочь ему, если это будетъ нужно. Черезъ нѣсколько дней послѣ откровенной бесѣды, Александръ Константиновичъ попросилъ достать ему яду; я обѣщалъ это сдѣлать, но многочисленныя занятія помѣшали мнѣ исполнить его просьбу. Своего намѣренія совершить покушеніе Соловьевъ въ то время еще не пріурочивалъ къ опредѣленному моменту, а потому, будучи свободенъ, помогалъ мнѣ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ. Такъ прошло болѣе мѣсяца: совершилось удачное крапоткинское дѣло и неудачное покушеніе на Дрентельна, и страсти враждебныхъ лагерей достигли наи-

большаго напряженія. Въ срединѣ марта пріѣхалъ въ СПБ. Гольденбергъ, нашелъ меня и Зунделевича и сообщилъ намъ о своемъ намѣреніи также идти на единоборство съ Александромъ II. Я видѣлъ, что Гольденбергъ сильно ажитированъ своимъ успѣхомъ въ Харьковѣ,* но что, не смотря на это, онъ нуждается въ нѣкоторомъ давленіи, одобреніи со стороны товарищей. Узнавъ отъ него о цѣли пріѣзда, я не сталъ распространяться съ нимъ о подробностяхъ и при первомъ же случаѣ сообщилъ о немъ Соловьеву. Соловьевъ пожелалъ съ нимъ видѣться и говорить. Бесѣда должна была быть, сообразно съ важностью дѣла, въ высшей степени интимна, а они одинъ другого не знали. Поэтому я, Зунделевичъ и Квятковскій сочли своимъ долгомъ быть посредниками между ними, своею близостью къ обоимъ придать встрѣчѣ характеръ задушевности и вмѣстѣ съ тѣмъ высказать наши мнѣнія, которыя были далеко не безъинтересны тому и другому. И дѣйствительно вскорѣ состоялось нѣсколько сходокъ въ трактирахъ. Разговоры на нихъ были оживленные, теоретически вопросъ обсуждался всѣми нами; но мы — посредники — старались избѣгать давленія на тѣхъ, для кого это было вопросомъ жизни и смерти. Мы трое въ то время еще не были приготовлены къ самопожертвованію и чувствовали это. Сознаніе такого нашего положенія между двумя обрекавшими себя отнимало у насъ всякую нравственную возможность принять участіе въ выборѣ того или другаго. Мы предоставили вполнѣ избраніе ихъ свободному соглашенію. Я не могу не сознаться однако, что нѣсколько не довѣрялъ рѣшимости Гольденберга и глубинѣ его мотивовъ. Александру Константиновичу же я безотчетно вѣрилъ и считалъ, что только такой человѣкъ можетъ возложить на свои плечи подобный подвигъ. Выяснены были совмѣстно свойства и условія, необходимыя для исполнителя. Поставлено было на видъ, что необходимо избѣгать возможности дать поводъ правительству обрушиться своими репрессаліями на какое-либо сословіе или національность. Обыкновенно правительство послѣ такихъ событій ищетъ солидарности между виновникомъ и средой, изъ которой онъ вышелъ. Съ еврея и поляка перенесли бы обвиненіе на національную вражду, и на голову цѣлыхъ милліоновъ упали бы новыя тяжести.

Соловьевъ особенно принялъ къ сердцу это соображеніе.

Оно побудило его покончить дѣло безповоротнымъ рѣшеніемъ, навсегда памятными словами: „Нѣтъ, только я удовлетворяю всѣмъ условіямъ. Мнѣ необходимо идти. Это мое дѣло. Александръ II мой, и я его никому не уступлю". И Гольденбергъ, и мы не сказали ни слова, Гольденбергъ очевидно почувствовалъ силу нравственнаго превосходства и уступилъ безъ спора; онъ только просилъ, чтобы Соловьевъ взялъ его, какъ помощника. Но условія единоборства, при которыхъ возможно было дѣйствовать только моментально, и всякое лишнее лицо могло возбудить подозрѣніе, побудили Алаксандра Кон. отвергнуть это предложеніе. Время, мѣсто и способъ совершенія покушенія помогли Соловьеву обойтись безъ всякой серьезной нашей помощи.

По дѣлу 19 ноября Михайловъ, признавъ свое участіе, далъ объясненіе, мало разнящіяся отъ показаній Гольденберга и другихъ, но указалъ признаки субъективности и забывчивости перваго. Такъ Гольденбергъ говоритъ, что онъ привезъ полтора п. динамита изъ Харькова въ Москву, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ этого не было: въ Москву былъ доставленъ динамитъ изъ С.-Пет. Далѣе, Гольденбергъ утверждаетъ, что предполагали провести кромѣ перпендикулярной галлереи еще параллельную рельсамъ подъ полотномъ дороги. Это, очевидно, его собственное предположеніе, такъ какъ проведеніе такой галлереи было немыслимо: при 20 саженяхъ длины первой галлереи, во вторую, расположенную подъ прямымъ угломъ къ первой, не могъ бы свободно проникать воздухъ, даже при существованіи вентиляціи. Такое обстоятельство легко предвидѣть заранѣе всякому, сколько-нибудь знакомому съ техникой работы. Михайловъ заявилъ, что онъ принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ по распоряженію И. К., какъ о томъ сказано въ актѣ.

17 февр. — О мостовомъ предпріятіи Михайловъ сдѣлалъ объясненіе въ такомъ смыслѣ, что непосредственнаго участія въ закладкѣ мины и техническихъ работахъ не принималъ. Далѣе опровергалъ показанія Меркулова допросомъ Тетерки и другихъ товарищей и сопоставленіемъ противорѣчивыхъ объясненій самого Меркулова. Въ концѣ слѣдствія по этому дѣлу, когда первоприсутствующій хотѣлъ уже удалить подсудимыхъ, Михайловъ заявилъ, что онъ

опровергалъ Меркулова, не желая приписывать себѣ чужаго риску и чужихъ усилій, но считаетъ долгомъ объявить, что о приготовленіи покушенія онъ зналъ. Не смотря на такое заявленіе, судъ по этому дѣлу, его оправдалъ.

Судебное слѣдствіе о сообществѣ началось съ Михайлова, такъ что его объясненія невольно дали тонъ остальнымъ подсудимымъ. Михайловъ полагаетъ, что очертилъ вѣрно съ програмой цѣли, задачи и средства партіи и организаціи Н. В. Вообще онъ говорилъ, руководясь предварительно намѣченнымъ планомъ. О сообществѣ онъ сказалъ приблизительно слѣдующее:

Я членъ партіи и организаціи Н. В. Формулу, въ которую заключилъ г. обвинитель нашу партію, считаю невѣрной, что и постараюсь доказать своими объясненіями.

Къ лѣту 79 г. многіе отдѣльные члены рус. соц. рев. партіи, подъ вліяніемъ условій русской жизни и репрессивнаго давленія правительства, приведены были къ мысли о необходимости нѣкоторыхъ измѣненій въ програмахъ, до того времени руководившихъ практической дѣятельностью партіи. Вліяніе дѣйствительности было такъ характерно и одноименно, что скоро стала чувствоваться потребность объединенія, выдвигаемаго жизнью, новаго направленія. Единомысліе отдѣльныхъ членовъ различныхъ кружковъ, разбросанныхъ по всей Россіи, вслѣдствіе ихъ постояннаго общенія между собою, тотчасъ же и обнаружилось и привело въ іюнѣ 79 г. многихъ изъ нихъ въ Липецкъ, гдѣ и состоялся такимъ образомъ съѣздъ извѣстнаго числа членовъ соц. рев. партіи. Его нельзя считать общимъ съѣздомъ всей партіи, какъ то дѣлаетъ обвинительный актъ. Результаты его были также не тѣ, которые приводитъ обвинитель, основываясь на показаніяхъ Гольденберга. На засѣданіяхъ липецкаго съѣзда, продолжавшихся отъ 17 до 21 іюня, была выработана, во-первыхъ, програма новаго направленія; во-вторыхъ, были установлены принципы и средства дѣятельности; въ-третьихъ, самый фактъ съѣзда санкціонировалъ первый моментъ существованія партіи Н. В. и выдѣленіе ея изъ соц. рев. партіи. Програма, начертанная здѣсь, опредѣляла слѣдующее: общая цѣль была поставлена — Народоправленіе, переходъ верховной власти въ руки народа. Задача партіи — способствовать переходу и упроченію верховной власти въ ру-

кахъ народа. Что касается средствъ, то всѣ собравшіеся единодушно высказались за предпочтительность мирной идейной борьбы; но тщетно напрягали они свои умственныя силы, чтобы найти при существующемъ строѣ какую-либо возможность легальной дѣятельности, направленной къ вышеозначенной цѣли. Такихъ путей не оказалось. Тогда, въ силу неизбѣжной необходимости, избранъ былъ революціонный путь, намѣчены революціонныя средства. Рѣшено было начать борьбу съ правительствомъ, отрицающимъ идею Народоправленія безусловно и всецѣло. Борьба должна была вестись силами партіи Н. В. и ея организаціи, при желательномъ содѣйствіи народа и общества. Въ главныя средства включено было и цареубійство, но не какъ личная месть тому или другому императору, а непремѣнно въ связи съ другими главными средствами. Другія главныя средства опредѣлены слѣдующія: (перечислены по пунктамъ всѣ средства прогр. И. К.); революціонный путь постановлено было оставить, какъ только откроется возможность приблизиться къ цѣли посредствомъ свободной проповѣди, свободныхъ собраній, свободной печати.

Практически вопросъ о цареубійствѣ, какъ то утверждаетъ Гольденбергъ, на липецкомъ съѣздѣ не обсуждался, а также не было общихъ разговоровъ о ближайшихъ предпріятіяхъ противъ А. II. Гольденбергъ придалъ совершенно невѣрную окраску всему съѣзду. Онъ выдвигаетъ на первый планъ цареубійство. На обсужденіи практическихъ средствъ, ведущихъ къ нему, по его показаніямъ, сосредоточивалось все вниманіе собравшихся. Причина такой характеристики опять же постоянный субъективизмъ этого умершаго свидѣтеля, усиленный въ данномъ случаѣ еще тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвела на него неудача 2 апрѣля и смерть Соловьева. Онъ былъ поглощенъ мыслью о необходимости послѣдовательнаго повторенія покушеній, для него не было другихъ цѣлей, другихъ средствъ. Вообще надо имѣть въ виду, что мы всѣ смотрѣли на Гольденберга, какъ на преданнаго дѣлу человѣка и хорошаго исполнителя, но считали его недостаточно образованнымъ и подготовленнымъ для обсужденія общихъ программныхъ вопросовъ. Попалъ онъ на съѣздъ случайно, по ошибкѣ, столь возможной при первыхъ шагахъ выдѣляющейся партіи.

Какъ доказательство, могу привести слѣдующій фактъ.

Послѣ липецкаго съѣзда, какъ вамъ извѣстно, черезъ нѣсколько дней въ Воронежѣ было общее собраніе членовъ общества З. и В. Организаціонныя правила этого общества дали возможность землевольцамъ, присутствовавшимъ въ Липецкѣ, провести многихъ изъ бывшихъ съ ними тамъ въ члены общества и на воронежскій съѣздъ, гдѣ также долженъ былъ обсуждаться дальнѣйшій путь дѣятельности общества. Былъ проведенъ Желябовъ, Ширяевъ и др., но по отношенію къ Гольденбергу не считали нужнымъ этого сдѣлать и такимъ образомъ спасли десятки людей отъ его оговоровъ. Переданный Гольденбергомъ такъ подробно организаціонный проэктъ есть отчасти его собственныя соображенія, а съ другой стороны — соображенія кого-либо изъ бывшихъ на съѣздѣ, высказанныя ему въ частныхъ, личныхъ съ нимъ объясненіяхъ. На самомъ же дѣлѣ организація Н. В. была результатомъ дѣятельности конца 79 и начала 80 г. Объ И. К. же, руководителѣ и центрѣ организаціи Н. В., я не могу ничего сказать, кромѣ того, что это учрежденіе *неуловимое*, *недосягаемое*.

Первоприсутствующій. Значитъ, вы отрицаете то, что вы были избраны въ распорядительную комиссію?

Михайловъ. Безусловно отрицаю и утверждаю, что я только агентъ И. К. Такимъ образомъ послѣдствіемъ липецкаго съѣзда было выдѣленіе изъ соціально-революціонной партіи — какъ совокупности всѣхъ соціалистическихъ группъ — Народной Воли, съ опредѣленной практической программой.

Понятіе о соц. рев. партіи невозможно смѣшивать, какъ то дѣлаетъ г. прокуроръ въ своей формулѣ сообщества, съ партіей, а тѣмъ болѣе съ организаціей Н. В. На соц. рев. партію ни въ какомъ случаѣ не могутъ падать правительственныя обвиненія въ стремленіи ся къ цареубійству, такъ какъ оно допускается, какъ средство, партіей Н. В., въ которую, долженъ впрочемъ замѣтить, вошла большая часть соц. рев. партіи. Поэтому ко всей соц. рев. партіи въ широкомъ смыслѣ нѣтъ никакихъ основаній примѣнять 241 и 142 ст. ул. о нак. Кромѣ того, необходимо различать понятіе о партіи отъ понятія объ организаціи. Партія — это неопредѣленная группа людей единомыслящихъ, не связанныхъ между собой никакими взаимными обязательствами.

Организація же, кромѣ непремѣннаго условія единомыслія, предполагаетъ уже извѣстную замкнутость, тѣсную сплоченность и полную обязательность отношеній. Партія заключаетъ въ себѣ организацію, но послѣдняя опредѣленно ограничена и въ ней самой.

Партія — это солидарность мысли, организація — солидарность дѣйствія. Я утверждаю, что формулу сообщества, приведенную въ обвин. актѣ, и соотвѣтствующія ей статьи о смертной казни можно примѣнить только къ тѣмъ, по отношеніи къ которымъ будетъ доказана или ими самими признана принадлежность къ организаціи Н. В. Вотъ все, что я могу сказать вамъ, гг. судьи, о партіи и организаціи, къ которой принадлежу.

18 февраля. Я считаю нужнымъ возстановить истину относительно послѣдствій задержанія меня 28 ноября 1880 г. и дознанія по этому поводу. Обвин. актъ говоритъ, что уже это дознаніе обнаружило приготовленіе къ новому покушенію, выразившемуся потомъ въ дѣлѣ 1-го марта. Это совершенно невѣрно. Ни обыскъ, ни мои показанія не дали такихъ указаній. Правда, у меня былъ найденъ динамитъ, но динамитъ организація имѣетъ постоянно, какъ одно изъ орудій оборонительной и наступательной борьбы, точно такъ же, какъ револьверы и другое оружіе. При томъ же динамитъ найденъ у меня въ свободной формѣ, въ банкахъ, а не въ какихъ-либо нужныхъ техническихъ приспособленіяхъ. Что же касается моихъ показаній, то какъ теперь передъ вами, такъ и при дознаніи, — я давалъ объясненія о себѣ лично и о партіи вообще, личность же товарищей и организаціонныя тайны я обходилъ глубокимъ молчаніемъ. Между прочимъ замѣчу, что товарищъ прокурора Добржинскій въ личныхъ бесѣдахъ со мною очень интересовался вопросомъ, приготовляетъ ли партія что-либо противъ Ал. II и въ какихъ формахъ. Но я могъ удовлетворить его любопытству ужъ въ слишкомъ общемъ смыслѣ. Я ему отвѣтилъ, что погибель отдѣльныхъ лицъ не можетъ измѣнить направленія партіи. Только новыя условія государственной и общественной жизни создадутъ и новое направленіе ея. А пріемы и способы борьбы неисчерпаемы въ той же мѣрѣ, какъ и безгранична изобрѣтательность человѣческаго ума.

Далѣе, на вопросъ первоприсутствующаго о сношеніяхъ съ Дриго, Михайловъ разсказалъ слѣдующее:

Дмитрій Андреевичъ Лизогубъ былъ членомъ общества З. и В., въ которомъ съ конца 76 года до лѣта 79 года дѣйствовалъ и я. Лизогубъ имѣлъ большое состояніе, простиравшееся до 150 тысячъ. Оно состояло изъ различныхъ цѣнностей: земли, лѣсовъ, крѣпостныхъ на братьевъ актовъ, векселей и другихъ бумагъ. Свободныхъ же денегъ у Л. почти не было. Будучи принятъ въ члены дѣйствующаго рев. общества и желая лично участвовать въ различныхъ предпріятіяхъ, онъ, что бы освободиться отъ связывающаго его состоянія, совершилъ рядъ операцій, долженствующихъ все перевести на наличныя деньги, но такое большое и разнообразное состояніе сразу ликвидировать было невозможно. Самый короткій срокъ, необходимый для этого, растягивался на 4 года, отъ 78 до 81 включительно. Первый годъ поступленія чистыхъ суммъ имѣли быть небольшія, приблизительно тысячъ 20, но съ каждымъ годомъ они увеличивались, и послѣдній 81 г. должно было получиться 50 т. Но судьба погубила Лизогуба. Въ сентябрѣ 78 г. онъ былъ арестованъ въ Одессѣ. На него палъ оговоръ Веледницкаго, состоящій въ томъ, что Лизогубъ даетъ деньги на рев. предпріятія и, кромѣ того, взялъ отъ Веледницкаго вексель въ 3 т., которыя послѣдній обѣщался пожертвовать на дѣло соц. рев. партіи. Находясь въ заключеніи, Л. далъ полную довѣренность преданному ему человѣку, знающему вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе хозяйственныхъ дѣлъ Лизогуба съ тѣмъ, чтобы повѣренный поспѣшилъ ликвидировать его состояніе. Этотъ повѣренный былъ Дриго. Весной 79 г., когда надо было спѣшить приведеніемъ къ концу, или по крайней мѣрѣ обезпеченіемъ денежныхъ операцій, я встрѣтился съ Дриго, какъ рекомендованный самимъ Лиз. и Зунделевичемъ представитель общества „З. и В.“ Я видѣлъ, что онъ совершенно игнорируетъ наши интересы, и его самого мало безпокоитъ положеніе Лиз., тогда уже грозившее серьезными послѣдствіями. Онъ на словахъ старался меня успокоить, говоря, что все, сообрзано завѣту Лиз., будетъ сдѣлано черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Дѣлъ же и мѣропріятій его я не видѣлъ, и онъ ихъ старался скрыть. Я его посѣтилъ въ продолженіе мая и іюня нѣсколько разъ, но никакого движенія операцій не замѣчалъ и денегъ отъ него не могъ добиться, кромѣ ничтожныхъ сотенъ. А между тѣмъ, свѣдѣнія,

собранныя мною въ Черниговской губ. отъ посторонних лицъ, разоблачали то, что онъ тщательно скрывалъ. Я узналъ, что Дриго вошелъ въ стачку съ старшимъ братомъ Лиз., враждебно къ послѣднему настроеннымъ, и обращаетъ вмѣстѣ съ нимъ состояніе Дм. Андр. въ личную ихъ собственность. Такъ Дриго купилъ на свое имя у старшаго брата имѣніе Довжикъ, стоимостью въ 40 т., не заплативъ ни копѣйки, но уничтоживъ многіе акты Дм. Лиз. на брата. Я немедленно отправился въ Одессу, снесся съ заключеннымъ Лиз. и получилъ отъ него письмо къ Дриго, уполномачивающее меня получить все состояніе. Въ письмѣ Лиз. настойчиво требовалъ отъ Дриго передачи мнѣ всѣхъ денежныхъ суммъ и кромѣ того обязывалъ его неуклонно дѣйствовать по моимъ указаніямъ. „Въ противномъ случаѣ, писалъ онъ, я сочту Васъ вѣроломно злоупотребившимъ моей дружбой и присвоившимъ чужую собственность, на которую Вы не имѣли никакого права.“ Съ этимъ письмомъ я отправился въ послѣдній разъ къ Дриго, но на этотъ разъ онъ понялъ, что для его собственнаго обезпеченія — ему нужно отдѣлаться отъ меня. Съ послѣднимъ моимъ къ нему пріѣздомъ совпала (20 іюня 79 г.) какая-то не вполнѣ разъясненная исторія. На слѣдующій день моего пріѣзда въ Черниговъ, послѣ того, какъ я побывалъ въ городской квартирѣ Дриго и не засталъ его тамъ, онъ былъ арестованъ въ своемъ новомъ имѣніи Довжикѣ, привезенъ въ городъ и сейчасъ же выпущенъ. Съ нѣкоторыми предосторожностями, я успѣлъ съ нимъ увидаться, передалъ ему на словахъ содержаніе письма Лиз., а онъ мнѣ разсказалъ, что поводомъ къ его аресту послужила телеграмма Тотлебена о выясненіи отношеній Лиз. къ повѣренному Дриго. При этой встрѣчѣ на улицѣ мы не могли долго бесѣдовать, а потому онъ назначилъ мнѣ вечеромъ прійти къ его одному знакомому, что я и исполнилъ. Мнѣ пришлось ждать его тамъ долго. Наконецъ явился Дриго, взволнованный, и объявилъ, что къ нему пріѣзжалъ полицеймейстеръ и, войдя въ комнату, прямо обратился къ нему съ вопросомъ: „Кто у васъ былъ сейчасъ?“ На что онъ отвѣтилъ: „Никто!“ Передавъ мнѣ этотъ случай, Дриго прибавилъ, что вопросъ относился, очевидно, ко мнѣ, и что я долженъ уѣхать. Я согласился, но попросилъ Дриго предварительно прійти вечеромъ на площадь противъ почтовой станціи, гдѣ я остановился, для

окончательныхъ объясненій. Назначеніе этого свиданія спасло меня отъ предательства: въ то время, когда я подъ покровомъ прекрасной лѣтней ночи, незамѣтно для постороннихъ, гулялъ на пустынной загородной площади, мое вниманіе было привлечено неожиданнымъ пріѣздомъ на станцію многочисленной полицейской своры. Черезъ нѣсколько минутъ все скрылось въ зданіи, и экипажи были спрятаны въ отдаленіи, въ сумракѣ ночи. Это быстро пронесшееся видѣніе открыло мнѣ глаза: я видѣлъ, что преданъ и обнаруженъ. Оставшись среди ночи безъ квартиры и знакомыхъ, въ мало извѣстномъ мнѣ городѣ, я успѣлъ разыскать одного еврея-извозчика и выѣхалъ къ ближайшей станціи жел. дороги. Предательство Дриго на этотъ разъ не удалось. Онъ пошелъ дальше. Онъ заключилъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, съ III отдѣленіемъ условіе, по которому онъ обязался способствовать разысканію извѣстныхъ ему соціалистовъ, а III отдѣленіе обѣщало оставить ему состояніе Лиз. Дриго старательно выполнялъ свое обязательство, какъ агентъ III отдѣленія, но III отд. измѣнило ему такъ же вѣроломно, какъ онъ измѣнилъ Лиз., и отдало его, по миновеніи въ немъ надобности, въ руки военнаго суда, продержавъ предварительно болѣе полугода подъ арестомъ.

Отъ защитительной рѣчи Мих. воздержался и ограничился заявленіемъ Особому Присутствію, гдѣ объясняетъ мотивы, дѣлающіе, по его мнѣнію, безполезною всякую защиту. Вотъ это заявленіе:

Мы, члены партіи и организаціи „Народной Воли". Дѣятельность нашу — вы, гг. судьи, призваны разсмотрѣть. Борьба сдѣлала насъ личными врагами Г. Импер. Воля Государя, воля оскорбленнаго сына, вручила своимъ довѣреннымъ слугамъ — вамъ, гг. сенаторы, — мечъ Немезиды. Гдѣ же залогъ безпристрастнаго правосудія? Гдѣ посредникъ, къ которому мы могли бы апеллировать? Гдѣ общество, гдѣ гласность, которая могла бы выяснить отношенія враждующихъ? Ихъ нѣтъ, и двери закрыты!! И мы съ вами, гг. судьи, наединѣ!! Какъ бы почтительно я ни относился къ вамъ, гг. сенаторы, но передъ судомъ Особаго Присутствія я чувствую себя плѣнникомъ, связаннымъ по рукамъ и ногамъ.

РѢЧИ ЗАЩИТНИКОВЪ

Спасовичъ. Прокуроръ замѣтилъ, что настоящій судъ — есть судъ страны. Я согласенъ съ прокуроромъ и думаю, что страна ждетъ, чтобы мы взглянули на подсудимыхъ не только со стороны нарушенія положительнаго законодательства, а и со стороны нравственной; конечно, не съ точки зрѣнія нравственности Деп. Гос. Пол., а нравственности общечеловѣческой. Затѣмъ, переходя къ фактической части обвиненія, Спасовичъ доказываетъ: 1) что Тригони не могъ личнымъ трудомъ участвовать въ подкопѣ на Малой Сад., такъ какъ онъ, по ширинѣ своей атлетической фигуры, не могъ лазить въ подкопъ. При этомъ онъ указываетъ суду на себя и проситъ представить себѣ его вылѣзающимъ изъ узенькаго подкопа; 2) всѣ обвиненія акта относятся не непосредственно къ Тригони, а къ „Милорду," личность котораго прокуроръ этождествляетъ съ Тригони. Спасов. доказываетъ, что этого тождества нѣтъ. Тригони, по его мнѣнію, виновенъ, безъ сомнѣнія, въ знаніи и недонесеніи. Но представьте себѣ, говоритъ Спасов., что другъ его юности приводитъ его въ лавку Кобозева, показываетъ подкопъ, указываетъ на его цѣль, открываетъ ему всю свою душу. Что остается ему дѣлать? Положимъ, что многіе, даже большинство, донесли бы; положимъ даже, что это высоко нравственно, но такая нравственность не всякому по плечу, ибо не всякій же способенъ быть Меркуловымъ. Показаніе послѣдняго составляетъ важнѣйшую улику противъ Тригони; прокуроръ говоритъ, что оно заслуживаетъ полнаго довѣрія, такъ какъ Меркул. не могъ ждать облегченія своей участи, и так. образомъ, своекорыстныхъ мотивовъ у него не было. Но этому положительно нельзя вѣрить. Даже Рысаковъ, какъ непосредственный участникъ цареубійства, еще менѣе могъ разсчитывать на смягченіе своей участи, давалъ откровенныя показанія только изъ страха смерти и желанія отъ нея избавиться, желанія, заставившаго его бороться съ палачемъ, когда уже надъ нимъ висѣла петля. Заканчиваетъ свою рѣчь Спасов. словами, что онъ низводитъ Тригони изъ милордскаго достоинства. Между прочимъ въ своей рѣчи Спасов. указываетъ на то, что увѣреніямъ прокурора, будто настоящій процессъ есть послѣдній процессъ такого характера, никто не повѣ-

ритъ. Эти увѣренія, говоритъ Спасовичъ, повторялись при всѣхъ политическихъ процессахъ, а процессы все-таки не прекращались, и каждый послѣдующій былъ грандіознѣе своего предыдущаго.

Королевъ (защитникъ Т. Ив. Лебедевой) говоритъ, что его кліенткой всегда руководили самыя честныя побужденія, а именно эта чистота мотивовъ дѣятельности и привела ее на скамью подсудимыхъ. Въ юности, по окончаніи фельдшерскаго училища, Лебедева отправилась къ неимущей массѣ русскаго крестьянства, съ высокой цѣлью — облегчить по возможности его страданія. Тутъ она собственнымъ горькимъ опытомъ и опытомъ лицъ, совмѣстно съ ней трудившихся на томъ же поприщѣ, пришла къ убѣжденію, что, стоя на легальной почвѣ, народу помочь нельзя. Между тѣмъ, въ Москвѣ подсудимая встрѣчается съ агентами-подстрекателями, изъ которыхъ одинъ держитъ тайную типографію, а другой раздаетъ противоправительственныя прокламаціи. Эта встрѣча рѣшаетъ для Лебедевой переходъ въ нелегальное положеніе. Прокуроръ говоритъ, продолжаетъ Королевъ, что на соц.-рев. партіи лежитъ чернымъ пятномъ завлеченіе въ свои ряды Меркулова, которое его погубило. Какимъ же пятномъ должно лежать на правительствѣ завлеченіе людей, посредствомъ его собственныхъ агентовъ, въ ряды противной ему партіи съ спеціальной цѣлью погубить ихъ?

Далѣе Королевъ и Грац. говорятъ о нравственности революціонныхъ дѣйствій.

Защитникъ Суханова, Соколовъ, отстраняясь отъ защиты въ смыслѣ стремленія къ оправданію, возстановляетъ свѣтлую, нравственную личность подсудимаго, поруганную въ прокурорской рѣчи. (Затѣмъ рѣчь Суханова...)

Терентьева въ своемъ послѣднемъ словѣ говоритъ, что прокуроръ въ своей рѣчи называетъ ее членомъ Исп. Ком. Такое заявленіе прокурора очень лестно для нея, но несправедливо: она не могла быть удостоена такой чести и была простымъ агентомъ. Еще ей хочется указать на то, что она не истратила тѣ 10 т., которыя были сохранены изъ херсонскихъ денегъ, на себя, какъ увѣряетъ прокуроръ. Такое ложное, голословное увѣреніе просто нечестно.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

„Не спросясь броду — не суйся въ воду“ — получено.

Исполн. Ком.

ОТЧЕТЪ

о суммахъ, поступившихъ на народное освобожденіе

съ 1-го января 1882 г.

Пожертвованія, поступившія безъ листковъ съ января:

Отъ Неизвѣстнаго — 2500 р., Приближеннаго Алекс. III — 1600 р., Лѣтописца — 750 р., Н. Н. — 200 р., Чел. буд. — 180 р., Своего — 100 р., М-го к. — 75 р., Хохла — 20 р., Надежды — 25 р., Ланина — 18 р., К. Л. — 50 р., А. Б. В. Г. Д. — 35 р., Красныхъ —2 р. 55 к., Буд. дѣят.—9 р., Сочувств-ей—5 р., Буд. товар. —7 р. 65 к. Голодн. раб. — 1 р. 20 к.; въ раб. к. — 6 р.

Пожертвованія по различнымъ листкамъ, пропущенныя въ прежнихъ отчетахъ:

Отъ Х—10 р., Отъ Н.—5 р., Н.—1 р., Гл—4 р., Х—5 р., ММ—2 р., У — 1 р., О — 1 р., ХУ— 2 р., Кавказцевъ — 32 р., Г — 1 р., Н. Х. З. — 1 р. Сочувствующаго — 1 р., Секретаря. — 1 р., Грузина — 5 р., Пахаря — 1 р., Грузина — 1 р., Воспитателя — 1 р., Воина наѣздника — 1 р. НН— 3 р., ННО — 1 р., Кого-то—2 р., Минскаго —1 р., Неизвѣстнаго—5 р., У 50 к. Б. и М. 1 р., Поляка—1 р. 30 к. МО — 1 р., П.С. — 50 к., К.—50 к. А—75 к., Ник. — 1 р., NХЗ — 1 р., ДХ — 1., ФХ — 1 р. Г. — 50 к., Адамова — 50 к., PS — 50 к., П. — 1 р., Петра — 1 р., Маши — 1 р. 50 к., Неизвѣстнаго — 2 р. 50 к., Ильи — 3 р., Ивана — 3 р., Неизвѣстнаго — 10 р., Груни — 5 р., С. — 50 р.

По листку № 18.

Отъ Сочувств. — 1 р. 50 к., Лог. Арк. Кош. — 1 р., Дауто — 1 р., Н20 — 2 р., Н202 — 2 р. Н203 — 1 р., ВЗ — 3 р., Ю. и О. — 2 р., Чухны — 20 р., Покойника — 15 р. 50 к., Байды — 25 р., Его не стало — 4 р., NN — 1 р. У. — 1 р., А — 28 р., Н.Д. — 7 р., Садовыхъ радикаловъ— 11 р., Ланшина —100 р., Из-К-ота — 20 р.;

изъ К.— 10 р., Пожертвованія меньше рубля въ итогѣ составляютъ 3 р. 10 к.

По листку № 58.

Отъ Алекс. не III — 1 р., Ивы — 1 р., № — 2 р., Худаго — 1 р., Юноши — 1 р., О. — 3 р., Коли 50 к., Ивана — 50 к.

По листку № 75.

Отъ Куп. сынка — 1 р., Сочувст. гимназиста — 1 р., Емельяна Антонова — 1 р., Коллаша — 1 р, Карра — 3 р., Мальна — 2 р. 20 к., Митралова — 1 р., Семинаристовъ— 3р. 87 к., Крапивы — 1 р., 030 — 2 р., Побѣды — 3 р., Желаю успѣха — 1 р. Сизаго — 1 р.

По листку № 72:

Гайда — 1 р., Бабиленецъ — 1 р., Простодушный — 1 р., Альфа — 3 р., Омега — 3 р., Вольнодумецъ — 1 р., Котъ — 1 р., Синица — 1 р., Россіянинъ — 1 р., Гимназистъ— 1 р., Сумасшедшій — 1 р., ПИИ — 3 р., ННБ. — 1 р.

По листку № 17:

Отъ К. — 2 р., Г. — 1 р., Л. — р., Н.А. — 2 р., Хуз. — 1 р. 23 к., Г. — 50 к., Кассовый взносъ — 9 р. 97 к.

По листку № 38:

Отъ своей своимъ — 200 р., Черноземной полосы — 97 р., Начинающихъ — 35 р., Конвоя Е. И. В. — 250 р., Неизвѣстнаго — 5 р., Учительницы — 16 р., Артистовъ — 20 р., Д. К. — 25 р., Полещука — 9 р., Кружка М. на Днѣпрѣ — 70 р., В. Б. – 5 р., V — 2 р., X. X X. — 3 р., X. X. — 5 р., ? — 1 р., Д. — 1 р., Казака — 1 р., Амура — 1 р., Э. — 1 р., № – 1 р., Немо — 1 р., Цимбала— 1 р., Фата — 1 р., С. — 1 р., В. — 1 р., Сѣрой блузы — 1 р.; Сквозника, Эк., Сп., Д., С. и В., Корня, Эс., X-сва, Матроса — по 50 к.

По листку № 66:

Отъ весьма сочувствующей — 304 р., Сочувствующей— 103 р., Самс. — 82 р., Полтавы — 58 р., Товариства Украінцевъ — 75 р., Вечерняго — 80 р., Паровоза — 45 р., Теоретика — 25 р., С. — 3 р., Патеръ — 3 р., Н. — 8 р., Помѣщика — 3 р., Мушка — 3 р. 30 к., Синуса — 1 р., БѢЛАГО — 1 р., Ш-скаго — 1 р., А.—1 р., С.—1 р., Ш.С. — 1 р., У-ха — 1 р. 50 к. Н. М. А. — 1 р. 50 к. Я. — 1 р., Семена малаго — 1 р., Брд. нат. — 1 р., Щ. ком. — 1 р. 50 к., Дядюльки — 1 р. 40 к., У-ся — 3 р.,

Х. У. — 1 р. 49 к., Ж. св. — 1 р. Невѣсты — 2 р., Аллаха — 1 р. 30 к., Зеленаго — 75 к. Вѣтра — 60 к.; Одной изъ многихъ, Х-ева, Х., Н-ъ, Аллаха, Т-ва, Ермолая — по 50 к. Рѣшеніемъ большинства — 69 р. На дѣло 100 р.

По листку № 43:

Отъ Вѣры — 35 р., Бойкаго мѣста 100 р., Священнаго человѣка — 14 р., Голодающаго — 25 р., Чухны 25 р., Тетеньки — 17 р. 50 к., Море — 10 р., Стрижки — 9 р. Н. — 10 р., Лидіи — 17 р., Е. — 25 р., Елены — 10 р., Покоя — 3 р., Дѣвицы — 2 р., Голодныхъ рабочихъ — 1 р., 45 к., Сд. — 1 р. 15 к., Ли — 1 р., Блуждающаго — 1 р. 30 к., Ъ — 1 р., Фельдфебель — 2 р., П. Л. — 2 р., Запорожецъ — 3 р., Д. Б. — 3 р. Р. Б. — 1 р. Плебей — 1 р., Чр — № — 1 р. 25 к., Гуго — 1 р., М. — 1 р., Чернаго — 3 р., Тангейзера — 1 р., Александра — 1 р. 50 к., Петра Петрова — 1 р.

По листку № 74 — 24 р. По листку № 28 — 6 р. 75 к.

По листку № 36 — 3 р. 20 к.

Изъ Приволжской губерніи: Отъ М. С. — 1 р., №№ — 1 р., Р. Т. и У. — 2 р. 35 к., Х. Х. — 5 р., Х. У. Z. — 1 р. 75 к., Н. А. — 1 р., В. П. — 3 р., А. Н. — 8 р., Х. — 11 р., 5х — 10 р., Т. и В. — 3 р. Р. А. и Ш. 5 р., Б. — 5 р.,

Въ пользу осужденныхъ процесса 20-ти:

Отъ Общества — 600 р., Земца — 200 р., Офицеровъ — 131 р. 50 к. М. — 30 р., А. Б. — 40 р., Д. — 25 р., Н.Н — 10 р Z — 10 р., У. — 10 р 75 к., Комп. — 8 р., Х — 5 р., Кіева — 9 р., W — 7 р., Курумсача — 2 р., УХ. — 2 р., К. А. І. — 2 р. 40 к., Х-2 — 1 р. 60 к., Халилула — 1 р., О. — 1 р., MN — 1 р., П. — 1 р., Х. — 1 р., Барабаля — 1 р. Л. — 1 р., Дзинь-Жени и Комп. — 3 р.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

СОДЕРЖАНІЕ: Замѣтки о процессѣ. Объясненія Александра Михайлова. Рѣчи защитниковъ. Объявленіе отъ И. К. Отчетъ.

С.-Петербургъ. Типографія «Народной Воли». 9 марта 1882 г.

ЛИСТОКЪ НАРОДНОЙ ВОЛИ

СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ Цѣна 20 коп. 1

НОВАЯ ЭРА

> ... слѣдуйте совѣтамъ и руководству вашихъ предводителей дворянства и не вѣрьте вздорнымъ и нелѣпымъ слухамъ и толкамъ о передѣлахъ земли, даровыхъ прирѣзкахъ и тому подобному. Эти слухи распускаются нашими врагами.

Не нужно было обладать даромъ пророчества, чтобы предсказать съ такою точностью все, что будетъ сдѣлано по случаю коронаціи; для этого достаточно было знать дѣйствительное положеніе вещей.... Широковѣщательныя обѣщанія, которыя расточались направо и налѣво нечестивыми устами придворныхъ старателей и полиціей (въ видахъ предотвращенія не предполагавшагося даже покушенія), могли вводить въ заблужденіе развѣ только очень наивныхъ людей да лишенныхъ возможности оріентироваться въ дѣйствительности нашихъ заключенныхъ товарищей, которыхъ просили, даже умоляли убѣдить насъ ничего не предпринимать по случаю коронаціи, которымъ давали обѣщаніе относительно всеобщей политической амнистіи и перемѣны политики въ смыслѣ простора для мирной соціалистической дѣятельности. Когда они намъ писали объ этомъ, мы отвѣчали имъ, что покушеніе все равно не предпринимается, но что ихъ тѣмъ не менѣе безсовѣстно обманываютъ, что падающій порядокъ до того расшатанъ, что прибѣгаетъ ко лжи, что въ дѣйствительности можно ожидать отъ правительства только того, что мы высказали въ

въ брошюрѣ, выпущенной по случаю коронаціи, то есть ничего для мысли, свободы и чести и очень много для всего имъ противоположнаго. Такъ все это и случилось, конечно: чиновники получили много чиновъ, орденовъ и наградъ; купечество — льготы и привиллегіи (вродѣ закрытія транзита, напр.); дворянство — сложеніе многочисленныхъ недоимокъ и даже цѣлую дворянскую эру... Земство же не получило ничего, ни малѣйшаго расширенія своихъ правъ; печать осталась по-прежнему съ запечатаннымъ ртомъ и привязанною къ полицейской будкѣ; раскольникамъ преподнесли огромный мыльный пузырь, который отъ скуки раздулъ г. Побѣдоносцевъ: и штундисты, и молокане, и безпоповцы, и вообще всѣ раціоналистическія секты остались по-прежнему безъ всякихъ правъ, въ полной зависимости отъ полиціи и духовенства и отнесены синодомъ къ вреднымъ сектамъ. Теперь даже „Нов. Вр." расчухало это блюдо свободы совѣсти, которымъ сначала такъ восторгалось.

Народъ получилъ сложеніе такой ничтожной суммы безнадежныхъ недоимокъ, что услужливые газетчики должны были, приличія ради, увеличивать ихъ цифру еще цифрою прежде пониженныхъ выкупныхъ платежей и сложенной подушной подати. Политическіе же ссыльные и заключенные не получили и того: помилованіе ихъ всецѣло предоставлено М. В. Д., который еще не приступилъ къ этому усмотрѣнію. Между тѣмъ дѣло о кукуевской катастрофѣ, о погопцахъ, о Скарятинѣ и т. д прекращены; между тѣмъ тысячи, можетъ быть, и десятки тысячъ грабителей, убійцъ и воровъ выпущены на свободу. Помилованіе 6 человѣкъ, приговоренныхъ къ смертной казни, было скорѣе актомъ величайшаго ханжества, лицемѣрія и жестокости, чѣмъ актомъ дѣйствительной милости или поправки правосудія, приговорившаго людей (какъ напр. Златопольскаго и Буцевича) къ смертной казни безъ всякихъ доказательствъ ихъ виновности, на основаніи однихъ только показаній шпіоновъ да сумасшедшаго Гольденберга. Такимъ образомъ: для крестьянства — дворянская эра, для лучшей и самоотверженной интеллигенціи — издѣвательство и мучительная смерть. Говорили еще объ освобожденіи и возвращеніи на родину Чернышевскаго, который подходитъ подъ манифестъ. Слухъ этотъ поддерживается и до сихъ поръ при-

дворными вѣстовщиками, но все не переходитъ въ дѣйствительность, а если паче чаянья и осуществится, то, конечно, прежде всего въ видахъ желанія — показать растоптанной русской интеллигенціи, что изъ нея можно сдѣлать. Показать на горизонтѣ страдальческое, измученное, съ потухшимъ взоромъ лицо старика, бывшаго нѣкогда гордостью цѣлой Россіи — вещь очень внушительная, вродѣ насаживанья на штыки и колья головъ побѣжденныхъ. Легальная русская интеллигенція побѣждена и раздавлена, это несомнѣнно: но мы не побѣждены и, разумѣется, никогда побѣждены не будемъ. Мы защитимъ мысль отъ поруганія и истребленія, и право отъ насилія. Динамитъ съиграетъ въ исторіи гораздо большую роль, чѣмъ съигралъ порохъ. Послѣдній, служа слабому, служилъ въ то же время и сильному, а первый можетъ служить только слабому въ борьбѣ съ сильнымъ, только дѣлу свободы и больше никому. Эра его не кончилась, а только началась. Страданій и мучительства мы видѣли достаточно. Они придаютъ только силъ и рѣшимости, осторожности и спокойствія, которыя такъ необходимы въ борьбѣ. Мы не только не впадаемъ въ отчаяніе, подобно перепуганнымъ либераламъ, при видѣ происходящаго теперь безстыдства, а напротивъ радуемся тому, что положеніе вещей приходитъ въ надлежащую ясность и что падающій порядокъ самъ уничтожаетъ себя. Въ Россіи происходитъ теперь вовсе не новая драма, какъ думаютъ люди, упавшіе духомъ, а оффенбаховская оперетка. Стоитъ только представить себѣ, что изувѣрства и преслѣдованій теперь столько же, сколько и было, что народъ и безъ того раззоренъ, что истребить мысль нельзя, что ее много разъ „и въ темницахъ томили, жгли на кострахъ, и псамъ на съѣденье бросали,“ но ничего изъ этого не выходило, — и вы увидите, что комическій элементъ положительно преобладаетъ надъ драматическимъ. Когда, напр., началось юмористическое царствованіе, то, конечно, никто не зналъ, что оно имѣетъ собою представить. Болѣе 30-ти лѣтъ обыватели видѣли лицо случайно вступившаго на престолъ монарха (который безъ революціонеровъ, вѣроятно, и до сихъ поръ пребывалъ бы наслѣдникомъ, подобно германскому принцу), но никто не зналъ, что это лицо думаетъ. Сферы въ теченіе добраго полугода были до того смущены событіемъ перваго марта, что потеряли языкъ и сознаніе.

Поэтому, какъ бы по инерціи, продолжалась политика либеральныхъ вѣяній и поговаривали даже о конституціи. Затѣмъ, когда взявшая преобладаніе партія подставила министерству Лорисъ-Меликова ножку и выставила кандидатомъ на его мѣсто гр. Игнатьева, то на государственномъ штандартѣ были начертаны слова: „народная политика“ — политика, длившаяся, морочившая страну цѣлый годъ. Потомъ наступила политика твердой власти, заговорившая уже о лицепріятномъ отношеніи къ сословіямъ, о законности и необходимости сильной центральной власти, и, наконецъ, вдругъ теперь провозглашена дворянская эра, эра бальзамированія разложившихся уже труповъ. И все это произошло въ теченіе какихъ-нибудь двухъ лѣтъ, и главное, что все это прошло черезъ одну и ту же голову, какъ черезъ широкій проходной дворъ. Далѣе, въ неблагонамѣренные теперь попали: Лорисъ-Меликовъ, Краевскій, Лѣсковъ и даже Чичеринъ. Корни и нити ищутся тамъ, гдѣ ихъ не только нѣтъ, но гдѣ придумывались даже не малыя каверзы для ихъ искорененія. Это очень хорошо, конечно: таким образомъ преслѣдованія равномѣрнѣе распредѣляются между обывателями. Мало того, прокуроры и жандармы, губернаторы и даже цѣлыя присутствія сената заподозрѣваются въ неблагонадежности. Всѣ подозрѣваютъ другъ друга, всѣ лгутъ. Все это не можетъ долго продолжаться.

О томъ, какъ происходила церемонія коронованія, достаточно говорили газеты. Москва была переполнена войсками и шпіонами, царя возили или по улицамъ, оцѣпленнымъ солдатами, или задворками, какъ какой-нибудь контрабандный товаръ. Это дѣйствительно товаръ, которымъ торгуютъ наши авгуры.

О томъ, какъ съ пріѣздомъ царя въ Москву вдругъ пересталъ идти дождикъ засіяло солнце и легла на небѣ радуга, читатель можетъ прочитать въ телеграммахъ М. В. Д., напечатанныхъ въ „Правит. Вѣст.“ О томъ, какъ солнце выходило каждый разъ изъ-за тучъ, когда на улицѣ показывался царь, можно прочитать во всѣхъ газетахъ; а когда солнцу случалось отказываться отъ этой адъютантской службы и день былъ пасмурнымъ и дождливымъ, „Моск. В.“ поясняли, что дождливый день въ маѣ есть день благодатный, а пасмурность его, точно нарочно содѣйствуетъ тому, что бы на его фонѣ рѣзче выдѣлялась

могущественная фигура державнаго повелителя. Даже о томъ, какъ влетѣлъ въ тронную залу простой, обыкновенный голубь и, сдѣлавъ благословенный туръ надъ трономъ, вылетѣлъ, сообщалось въ телеграммахъ „Прав. В.“ И все это не только говорилось, но и печаталось, не только слушалось, но слушалось съ удовольствіемъ. Осталось непоясненнымъ развѣ только одно майское появленіе въ Гатчинѣ снѣга, который, вѣроятно, былъ предзнаменованіемъ, что пріютившееся тамъ самодержавіе и вновь провозглашенная имъ эра столь же прочны, какъ этотъ лѣтній снѣгъ.

Вотъ что говорятъ, къ великой досадѣ правительства, иностранные корреспонденты, вотъ что усмотрѣли они черезъ уличный блескъ и дѣланное могущество, обошедшееся казнѣ, по однимъ свѣдѣніямъ до 23, а по другимъ даже до 40 мил. руб.: „Монархизмъ падаетъ, роль его съиграна, пѣсня его спѣта“ (см. „Моск. Вѣд.“ за іюнь). Все это вызвало громовое негодованіе со стороны прирученной русской печати на неблагодарныхъ иностранцевъ. По ихъ мнѣнію, все было однимъ сплошнымъ великолѣпіемъ, небывалымъ проявленіемъ безпредѣльной любви и преданности къ царю, все было свидѣтельствомъ силы и прочности нашего порядка, а между тѣмъ курсъ нашъ сейчасъ же послѣ коронаціи сталъ падать и фунтъ стерлинговъ съ 10 р. 15 к. поднялся до 10 р. 40 к., а рубль нашъ спустился до 50 к. Сначала, конечно, послѣдовало удивленіе: „Что же это, молъ, значитъ?“, а потомъ объясненіе дѣла интригою жидовъ и подлецовъ, но фактъ отъ невѣрнаго объясненія не измѣнятся. Провозглашеніе дворянской эры было бы, разумѣется, событіемъ прискорбнымъ, если бы не было событіемъ такимъ шутовскимъ и невозможнымъ. Все это можетъ достаточно показывать, каковы идеи и государственные планы руководящихъ классовъ и руководимаго ими козла отпущенія, который, какъ фонографъ, повторяетъ то, что ему скажутъ. Можетъ быть, гр. Толстой употребилъ много усилій, чтобы исторгнуть изъ царя знаменитыя слова, сказанныя имъ старшинамъ? Можетъ быть... но усилія его увѣнчались замѣчательнымъ успѣхомъ, и результатъ стоитъ того, чтобы надъ нимъ потрудиться. Мы цѣлыхъ 15 лѣтъ бились, доказывая какъ разъ тоже самое, что теперь сказано съ высоты трона, что разослано теперь по волостямъ, прочитано на сходахъ и развѣшано по стѣнамъ волостныхъ правленій,

а именно, что народу нечего ждать отъ царя и что онъ находится въ полной зависимости отъ господъ. И въ самомъ дѣлѣ, не тоже ли самое и даже не только ли это мы и доказывали, принося въ жертву столько силъ и людей? Насъ за это гнали и преслѣдовали, а теперь это сдѣлалъ гр. Толстой, за что, конечно, мы можемъ ему выразить лишь чувства глубочайшей признательности. Г. Маковъ, пытавшійся сдѣлать тоже самое при покойномъ государѣ, былъ менѣе счастливъ: покойникъ устыдился самъ произнести слова, попирающія всѣ законы отечественной исторіи и исконныя права, и предоставилъ ихъ сказать министру.

Теперь стало извѣстнымъ, чѣмъ руководился въ своей дѣятельности этотъ министръ. Все это очень благопріятные факты для революціоннаго дѣла. Знаменитыя слова, сказанныя старшинамъ, будутъ вписаны, конечно, въ исторію, какъ первыя слова монарха къ странѣ. Но слова эти имѣютъ для revол. партіи и другое огромное значеніе: они, какъ ничто иное, признаютъ оффиціально смыслъ существованія партіи и поясняютъ ея смыслъ и значеніе народу. Они перекидываютъ между партіей и народомъ мостъ, устанавливаютъ крѣпкую логическую и генетическую связь, на которую партія, увлеченная борьбою съ центромъ, въ послѣдніе годы обращала, къ сожалѣнію, не достаточно вниманія. Нѣтъ худа безъ добра,—говоритъ пословица. Дворянская эра, разумѣется, никогда не наступитъ, какъ ни поддерживай дворянство субсидіями и кредитомъ изъ государственнаго банка подъ соло-векселя и сколько ни сажай въ государственный совѣтъ оплеванныхъ историческихъ дѣятелей. Это будетъ просто панорамою, смотря въ которую, можно будетъ только мечтать о быломъ счастіи. Дворянство, какъ сословіе, уже разложилось и перешло въ буржуазію. Все, что будетъ сдѣлано для него, будетъ сдѣлано на самомъ дѣлѣ для буржуазіи. Буржуазія же несетъ совсѣмъ другое знамя. При ея ненасытности она возьметъ, разумѣется, изъ казны все, что только можетъ взять, окончательно истощитъ наши финансы, раззоритъ народъ и въ концѣ концовъ сама же потребуетъ политической свободы и конституціи. Вообще этого послѣдняго правительству не избѣжать; дѣло монархизма, дѣйствительно, проиграно и подгнившіе дворянскіе столбы его не поддержатъ. Очень возможно, что утопающій

схватится за соломинку, т. е., за послѣднее и довольно извѣстное средство — войну, но война покроетъ насъ позоромъ, дастъ новый поводъ къ интендантскимъ оргіямъ и милліоннымъ крахамъ и въ концѣ концовъ тоже должна будетъ кончиться требованіемъ конституціи уже со стороны Европы. Ни одна страна вѣдь не можетъ считать себя обезпеченной и не можетъ вести съ нами правильныхъ сношеній, при настоящемъ правительствѣ. Очень возможно также, что если дѣло затянется и грызня дворцовыхъ партій будетъ продолжаться, то дѣло кончится домашнимъ образомъ, т. е. дворцовымъ переворотомъ. Всѣ эти исходы для насъ, разумѣется, гораздо менѣе желательны, чѣмъ исходъ революціонный, на который мы надѣемся. Дворянская эра, съ субсидіями, введеніемъ всесословной волости, вотчинной полиціи и т. д., должна обострить отношенія, съ одной стороны, между массой и дворянствомъ, а съ другой, между дворянствомъ и другими сословіями, входящими въ земство. Чѣмъ вопросъ будетъ ставиться рѣзче проводиться настойчивѣе (а гр. Толстой на это мастеръ), тѣмъ отношенія, будутъ становиться все болѣе и болѣе непріязненными. Земельныя иллюзіи, разумѣется, не исчезнутъ отъ однихъ словъ монарха, какъ не исчезли онѣ и послѣ словъ маковскаго циркуляра. Уже и теперь есть факты совершенно обратнаго истолкованія высочайшихъ словъ. Вотчинная полиція, вотчинная юрисдикція и вообще воскресеніе помѣщичьей власти непремѣнно напомнитъ народу времена крѣпостного права. Въ народѣ есть еще не мало спинъ, которыя ноютъ въ ненастье отъ помѣщичьихъ розогъ и палокъ. Все это неминуемо должно повести къ толкамъ, мѣстнымъ движеніямъ, красному пѣтуху и аграрному террору; мы должны теперь смотрѣть именно въ эту сторону и употреблять всѣ усилія для регулированія того, что будетъ возникать, съ одной стороны — внизу, а съ другой — вверху. То и другое очень важно. Монархизмъ теперь, говоримъ мы, вовсе не страшенъ. Пѣсня его спѣта. Онъ теперь уже не болѣе, какъ фикція, потому что въ дѣйствительности управляетъ страной олигархія, тѣсно соприкасающаяся съ буржуазіей. Въ то время, когда царю подносится къ подписи великое множество бумагъ и приказовъ на счетъ какихъ-нибудь кадетскихъ корпусовъ, формы погонъ и устройства богадѣленъ, когда воскуриваются ему фиміамы, олигархи

систематически шагъ за шагомъ, отбираютъ наиболѣе важныя прерогативы короны: г. Побѣдоносцевъ отмежевываетъ огромнѣйшую область царскихъ правъ въ вѣденіе синода, гр. Толстой захватываетъ почти все, что касается внутренняго управленія исполнительной власти вообще, и т. д. Въ одномъ изъ послѣдующихъ нумеровъ мы сдѣлаемъ сравнительный очеркъ законодательства послѣдняго времени, гдѣ покажемъ это съ ясностью. Кто такой или что такое гр. Толстой, — послѣдовательный ли олигархъ, человѣкъ ли сословнаго инстинкта, или просто человѣкъ своекорыстія,— рѣшительно все равно; во всякомъ случаѣ онъ содѣйствуетъ нашему дѣлу, какъ никто другой въ теченіе уже многихъ лѣтъ, и мы увѣрены, что если собрать всѣхъ политиковъ и историковъ Европы и предложить имъ вопросъ: кто изъ высокопоставленныхъ лицъ наиболѣе содѣйствовалъ успѣхамъ русской революціи?—то они, не задумываясь, назовутъ имя гр. Дм. А. Толстаго. Мы просимъ его только объ одномъ — быть какъ можно послѣдовательнѣе и рѣшительнѣе, потому что намъ, раскачавшимъ монархическую колокольню Ивана Великаго и ждущимъ ея паденія, ничего не можетъ быть хуже вялости, оттяжекъ и слюняйства. Тогда мы сами должны будемъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ,—за чѣмъ, конечно, дѣло не станетъ (мы сами отклоняемъ теперь не мало предложеній въ этомъ смыслѣ),—но наши дѣйствія, отвлекая общественную мысль въ сторону и смущая общество, не могутъ имѣть такого правильнаго и успѣшнаго вліянія, какъ дѣйствія самого правительства. Сознаемъ это превосходство, потому-то и ждемъ.

ХРОНИКА АРЕСТОВЪ

Изъ процессовъ, бывшихъ за это время, т. е. со времени выхода 8—9 № „Н. В“., упомянемъ вкратцѣ о трехъ петербургскихъ процессахъ.

14 сентября 1882 г. военно-окр. судъ разсматривалъ дѣло объ убійствѣ шпіона Прейма, совершенномъ на Смол. полѣ рабоч. Евсѣевымъ 29 іюня 1881 г. По этому дѣлу было арестовано до 30-ти рабочихъ, изъ которыхъ многихъ вы-

слали на родину, многіе выпущены на свободу. Изъ послѣднихъ Горшковъ оказался вторымъ Преймомъ. Кромѣ Евсѣева, Хохлова, Кузюмкина (изъ нихъ второй привлеченъ къ суду, какъ ближайшій пособникъ Евсѣева, третій, какъ знавшій и не донесшій о готовящемся убійствѣ), былъ арестованъ бывш. вольносл. Петерб. ун. Осипъ Нагорный, котораго Горшковъ, выпущенный на волю, встрѣтилъ на улицѣ, прослѣдилъ и въ концѣ августа указалъ полиціи, какъ человѣка вращавшагося среди рабочихъ подъ кличкою Еремѣя и побудившаго Евсѣева къ убійству шпіона. Слѣдствіе очень слабо констатировало прикосновенность Нагорнаго къ факту 29 іюня; но судъ и не нуждался въ неопровержимыхъ доказательствахъ; требовалось непремѣнно найти постороннюю, интеллигентную руку, направлявшую ножъ рабочаго, и такая рука представлялась въ лицѣ Нагорнаго. Судъ приговорилъ его и Евсѣева къ смертной казни черезъ повѣшеніе, замѣненной, впрочемъ, по монаршей милости вѣчной каторгой, Хохлова и Кузюмкина къ каторжнымъ работамъ, — перваго навсегда, втораго на 15 лѣтъ.

Система безгласности и высокомѣрнаго пренебреженія къ общественному мнѣнію страны проявилась въ этомъ дѣлѣ довольно ярко: небольшое правительственное сообщеніе было составлено такъ кратко, что нельзя было разобрать даже того, кто изъ подсудимыхъ зарѣзалъ Прейма, и такъ небрежно, что Нагорный былъ названъ студентомъ (впослѣдствіи пришлось опровергать это по настоянію ректора С. П. Б. унив.), а числами, когда происходилъ судъ, были помѣчены 14 и 15 сентября, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ происходилъ 13-14 сентября.

Но даже эта безгласность была ничто въ сравненіи съ той могильной, чисто петропавловской безгласностью, какая была примѣнена къ процессу 1-2 декабря 82 г., происходившему въ зданіи Петропавловской крѣпости. Разбиралось дѣло о сношеніяхъ Нечаева, Ширяева и Мирскаго, сидѣвшихъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, съ рев. партіей черезъ посредство крѣпостныхъ солдатъ. Арестована была цѣлая команда нижнихъ чиновъ, до 80 ч. Часть изъ нихъ была немедленно освобождена, часть судилась въ маѣ прошлаго года и присуждена къ арестантскимъ ротамъ и административной ссылкѣ; начальникъ же команды, маіоръ Филимо-

новъ, и его помощникъ приговорены по лишеніи правъ, чиновъ и орденовъ къ ссылкѣ — первый въ Арханг. губ., второй — въ Сибирь. 16 чел., изъ которыхъ одинъ умеръ, были выдѣлены изъ общей группы и судились 1-2 декабря прошлаго же года за принадлежность къ тайному сообществу: 15 человѣкъ солдатъ, два оберъ-фейерверкера Охтенскаго пороховаго завода, Филипповъ и Ивановъ, и студентъ 5-го курса военно-медицинской академіи, Евгеній Дубровинъ. Послѣдній былъ черно-передѣлецъ по убѣжденіямъ, но черезъ него-то собственно и завелись сношенія арестантовъ съ народовольцами, его товарищами. Сношенія длились съ конца 1880 г. по начало 1882 г. Они завязались такъ. Десятилѣтнее пребываніе Нечаева въ казематахъ Петропавловской крѣпости несломило могучей энергіи этого піонера русской революціи. Онъ постоянно дѣлалъ попытки къ освобожденію и, несмотря на вѣчныя неудачи, никогда не разочаровывался и не падалъ духомъ. Однажды, бывшій начальникъ III отдѣленія, ген. Потаповъ, явился къ нему въ камеру и сталъ чѣмъ-то грозить и на чемъ-то настаивать; Нечаевъ, на глазахъ часового, далъ ему пощечину. Вѣсть объ этомъ быстро облетѣла крѣпость, и солдаты ждали, что арестанту придется плохо. Но Нечаеву не сдѣлали даже выговора,—и этотъ фактъ такъ поразилъ вображеніе часовыхъ, что личность арестанта сразу окружилась въ ихъ глазахъ ореоломъ чего-то властнаго и таинственнаго. А Нечаевъ съ большей, чѣмъ прежде, энергіей сталъ заговаривать съ ними, развивать передъ ними соціально-революціонныя идеи, увѣряя, что подобный разговоръ не представляетъ никакой опасности, что часовые и раньше всегда разговаривали съ нимъ; что онъ, Нечаевъ, не простой арестантъ, что онъ страдаетъ за правду, за народъ. Часовые поддались очарованію и мало по малу осмѣлились вступить въ разговоръ. Въ концѣ концовъ вліяніе Нечаева достигло такихъ размѣровъ, что записки его стали передавать Мирскому и затѣмъ Ширяеву (осужденъ по процессу 16-ти), сидѣвшему въ камерѣ рядомъ. Послѣднему удалось пойти дальше: онъ уговорилъ часоваго Орѣхова отнести записку къ Дубровину, находившемуся на свободѣ (товарищу Ширяева по Саратовской гимназіи и Исаева по академіи). Такимъ образомъ завязались сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Послѣ 1 марта они велись не

менѣе энергично, но уже безъ посредства Дубровина: посылаемые арестантами солдаты встрѣчались съ революціонерами въ условныхъ мѣстахъ: на углахъ улицъ, въ трактирахъ и т. п. Есть основаніе думать, что въ концѣ 81 г. настроеніе крѣпостныхъ солдатъ было настолько революціонно, что замышлялось освобожденіе арестантовъ. На судѣ подсудимые вели себя очень скромно; нижніе чины оправдывались главнымъ образомъ тѣмъ, что „онъ приказалъ, и ослушаться его не смѣли"... Такъ велико было обаяніе Нечаева. Послѣдняго на судѣ, конечно, не было и даже имени его не произносилось, такъ какъ солдаты знали его подъ именемъ „арестанта № 5". Говорятъ, что его перевезли въ Шлиссельбургскую крѣпость: тамъ, можетъ быть, удобнѣе добить недобитаго... Судъ вынесъ слѣдующую резолюцію: Евгенію Дубровину 4, Филиппову 5 лѣтъ кат. работъ, Иванову полгода тюремнаго заключенія, нижнимъ чинамъ исправительныя роты съ различными сроками.

Объ этомъ процессѣ въ „Прав. Вѣст." ни слова не было напечатано.

Осенью 82 г. въ Саратовѣ присуждены къ смертной казни (оба помилованы) Поливановъ и Новицкій за убійство ключника при попыткѣ освободить Новицкаго изъ мѣстной тюрьмы. Товарищъ Поливанова умеръ отъ побоевъ, нанесенныхъ ему сбѣжавшимся на мѣсто происшествія „народомъ"...

Въ концѣ марта 83 г. въ Одесскомъ военно-окружномъ судѣ судились: кандидатъ правъ Попельницкій—оправданъ, Звонкевичъ, Майеръ, Поповъ—каторга безъ срока, Дрей, Матфіевичъ, Батоговъ, Иванайнъ, Николай Надѣевъ, Куртѣевъ—15 лѣтъ каторги, Равенскій, Валуевъ, Голиковъ, Сарычевъ—10 лѣтъ, Фурсенко, Морейнисъ, Торгашевъ—4 года. Евгенія Степанова, Рейхъ, Немировскій, Клименко, Карпъ Надѣевъ и Филюковъ.

Съ 28 по 5 апрѣля настоящаго года происходилъ въ С. П. Б. окружномъ судѣ, съ участіемъ „сословныхъ представителей", процессъ 17 лицъ. Въ этомъ процессѣ, о которомъ правительство дало лишь краткій, сухой отчетъ, но съ которымъ партія „Народной Воли" по возможности ознакомила общество гектографированнымъ изданіемъ рѣчей подсудимыхъ и краткаго отчета о судѣ, явился цвѣтъ русской революціи. Этотъ процессъ замѣчателенъ тѣмъ, что,

какъ выразилась редакція „Отчета“, въ немъ были представители всѣхъ фазисовъ революціоннаго движенія послѣднихъ десяти лѣтъ.

Переходимъ собственно къ хроникѣ арестовъ.

5 іюня 1882 г., въ Петербургѣ разразилась страшная катастрофа, закончившаяся недавно шестью смертными приговорами, но повлекшая за собой не только эти, но множество другихъ невозвратимыхъ потерь и несчастій. Мы разумѣемъ арестъ семидесяти лицъ, взятыхъ въ связи между собою сначала въ столицѣ, а затѣмъ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Отмѣтимъ слѣдующихъ: Грачевскій, Клименко, Буцевичъ, Златопольскій, Юрій Богдановичъ, арестованъ раньше въ Москвѣ, Теллаловъ, арестованный еще въ концѣ 81 г.; за тѣмъ въ іюнѣ и позже арестованы; Анна Корба, Прибылевъ и его жена Гросманъ, Юшкова, Ивановъ, высланъ на родину, Андреевъ, высланъ въ Восточную Сибирь, Мартыновъ тоже, Сосинъ тоже, Луговскій, Орлова, Михалевичъ—тоже въ Восточную Сибирь всѣ трое; Гориновичъ-мужъ (тоже), Гориновичъ-жена (въ Зап. Сибирь), Макаренко Любовь (тоже), Морозъ, Быковскій, Липскій, Зейдлицъ (Восточ. Сибирь), Анисья Алексѣева, Гринбергъ, Лисовская (обѣ осуждены по процессу 17 на 15 лѣтъ кат. работъ), Лискина, Селезнева, Кучина (выпущены), Андрущенко, Шепоровская (вып. на поруки), мичманъ Ник. Лавровъ, капитанъ Савельевъ, вып., Кульчицкій, умеръ въ домѣ предв. заключенія, Ланицкій; осенью арестованъ Пешкеровъ, выпущенъ на поруки. Высылаются въ Восточную Сибирь: Судаковъ, Сидоренко, Компанецъ, въ Зап. Сибирь: Введенскій и др. Въ домѣ предв. закл. между прочимъ сидятъ: Андрей Павловъ, Алексѣй Блокъ, Загребинъ; за пропаганду среди рабочихъ арестованы 3 октября 1882 г. студенты Бобоховъ и Степановъ, въ Гельсингфорсѣ осенью прошлаго года арестованъ учитель Сикорскій, бѣжалъ и снова пойманъ.

Въ Одессѣ въ февралѣ 82 года арестованы: Констант. Масловъ, Дмит. Петровъ, студ. Симоновичъ, Елена Свитычъ, Георгіевскій; выпущены: Горвицъ, Мар. Симоновичъ, Петрова, Ермакова, студ. Романенко, студ. Крафтъ, выс. въ Курскъ; осенью арестованы: Дубницкій, Южаковъ, Семенюта, подъ домашнимъ арестомъ, студ. Корецкій, фельдшерицы: Шехтеръ, Гассахъ и Оржахъ, высланы въ Екатери-

нославъ, Лебедевъ, Бартеневъ, студ. Соломоновъ, раб. Гончаренко, высланъ въ Нижн. Новгородъ, Треппнъ въ Петербургъ и раб. Кисловъ. Освобождены: раб. Айсманъ, Козицкій, Гессе К. и Х., служащій въ почтамтѣ Шаповаловъ, Механюкъ, Мальцевъ, Удингъ, Цукановъ, сельскій староста, Поятъ, Ревуцкій, Сомборскій, Сорокинъ и Мармуровскій. Въ тайной типографіи по Успенскому переулку арестованы: Суворовы мужъ и жена, прислуга Колюжная и также нѣкто Суровцевъ. Черезъ мѣсяцъ: Спандони, Анненковъ, Мануйловъ, Лебединцевъ и Дубницкій. Послѣдніе трое оговорили много студентовъ и выпущены на поруки. Въ ноябрѣ арестованъ Бѣловѣжскій со множествомъ компрометирующихъ рукописей. Въ концѣ марта 83 года арестованы два офицера люблинскаго пѣхотнаго полка Крайскій и Стратановичъ, по доносу Димитрія Петрова, арестованнаго въ прошломъ году по дѣлу Вѣры Филипповой. Вслѣдствіе найденныхъ у Крайскаго адресовъ, въ Кронштадтѣ арестованы три брата Прокофьевыхъ — штурманъ, поручикъ артилл. и штатскій.

Въ Кобелякахъ арест. штабсъ-капитанъ артиллеріи Нохитоновъ Н. Д. Въ Кіевѣ арест. офицеръ Тихановичъ. Трудно перечислить всѣхъ арестованныхъ во время безумствъ Стрѣльникова. Что аресты происходили часто безъ всякихъ уликъ и основаній лучше всего показываетъ масса освобожденныхъ немедленно послѣ смерти Стрѣльникова. Студенты Александръ Мушкинъ, Гребенюкъ, Аншельзонъ, Розенталь, Дьяконенко, Алексѣевъ (привезенъ изъ Харькова), Іорданская, выпущены на поруки. Совершенно освобождены: Шеболдаевъ, Ник. Сажинъ, Мученко, Либерманъ, Свидерскій, Мозурмовичъ, Ксендзюкъ (народный учитель), Антіоховъ, Вербицкій (изъ Чернигова), Банькевичъ, Зинаида Астафьева съ матерью, Голубовская, Энгельгардъ, Милютина, Юлія Каменецкая, Красноколинъ (сотрудникъ „Кіевлянина“), Сажина, рабочіе: Климентій Смитющенко, Александръ Деньковъ, Яковлевъ, Ткаченко, Антонъ Гловацкій, Мѣшковъ, Федоръ Станиславовъ, Михаилъ Собботъ, Баторинъ, Гейнцъ, Ив. Чухлѣбовъ, Яковъ Овчаренко, Бессарабовъ, Харченко, Ник. Чеснокъ, Козловскій. Сидятъ еще въ тюрьмѣ: докторъ Богомолецъ, Петръ Гортынскій, техникъ Наумъ Геккеръ, Полякъ, оба привезены изъ Одессы, Федоръ Сукманевъ, нелегальный, Мих. Сукманевъ, Баранчовъ, Энгели, изъ Харькова, Иль-

ковъ, изъ Москвы, Исаакъ Левинскій, нелег. Гаркушенко, Москальновъ, оба изъ Чернигова, Александръ Бычковъ; студенты: Александръ Урусовъ, Богдановичъ, Ив. Бутковъ, Фельдманъ, Серг. Зацѣпинъ, Леонидъ Жебуневъ, сотрудникъ «Зари», студ. Вас. Ивановъ, бѣжалъ, Влад. Бычковъ, бѣжалъ, Софья Русова, Наталья Баранова, сослана въ Сибирь, Воробьева, рабочіе: Вас. Пироженко, Бесневичъ, Степанъ Ельницкій, Петръ Постемскій, Ив. Цельманъ, Григорій Брякъ. При Стрѣльниковѣ же арестованы въ различныхъ мѣстностяхъ на югѣ Россіи: Свидецкій, Мещерскій, Машенко, Яновскій, Н. Гепель, Я. Яроцкій, Георгіевъ, Мазурченковъ, Ф. Порнецкій, княгиня Ширинская-Шахматова; студенты: Длусскій, Вержбицкій, Кораловъ, Садыло, Неметти, Пилковъ, Бардовскій; курсистки: Полевая, Дебагоріо-Мокріевичъ, Якпенко-Амиренко; рабочіе: Глинскій, Шульцовъ, Шаповаловъ, Гентъ, Кочеровскій, Петлицкій, Доманскій.

Въ Харьковѣ — Вѣра Филиппова, нелег., Ивановъ, нелег., П. П. Коршевъ нелег., съ массой печатей, и нѣсколько рабочихъ. Въ мартѣ происходили обыски у студентовъ, и у одного поляка найдено много прокламацій на польскомъ языкѣ.

На Кавказѣ. Въ Поти въ декабрѣ арестованъ бѣглый офицеръ мингрельскаго полка Анисимовъ, оговорившій цѣлый кружокъ офицеровъ. Изъ нихъ арестованы: Антоновъ, Липпоманъ, Цпціановъ, Држтановскій, Макухинъ, Алихановъ и др. По оговору Антонова, говорятъ, взяты и привезены въ Петербургъ: княжна Шервашидзе, Якимовъ, кассиръ Т. Б. ж. д., Кипіани, Паніевъ, Меленчукъ. Въ Петербургѣ по тому же дѣлу арестованъ пом. прис. повѣр. Якимовъ. Въ Смоленскѣ арест. офицеръ Ашенбреннеръ по одному дѣлу съ одесскими офицерами.

Въ Москвѣ — Новицкій, Лебедевъ, Стефановичъ Яковъ, по процессу 17 присужденъ къ безсрочной каторгѣ, Пановъ, Эрнстъ, Романенко, Макаренко, Севастьяновъ, Попандопуло, Булановъ съ женой, послѣдн. выпущена, Джабадари, Калюжный съ женой, Панкратьевъ, Ольга Любатовичъ, сослана въ Вост. Сибирь, Комарницкій, нелег., Софья Никитина, нелег. Въ Казани — Носкова. Въ Ромнахъ — Литвиновъ. Въ Вильно въ началѣ 82 г. арестованы: Алекс. Аппельбергъ, на 5 лѣтъ въ Восточн. Сибирь, Ламне вып. на поруки. При арестѣ помощникъ полицеймейстера билъ обоихъ по лицу за куренье папиросъ; Соколовъ 3 г. въ Зап. Сибирь, Моисей Хурдинъ, вып.

подъ надзоръ на 3 г., гимназисты: Ваништейнъ, Ерикасъ, Горбачевскій, послѣдній на допросахъ велъ себя плохо, ученикъ техническаго училища Антонъ Игнатовскій и три дѣвушки (всѣ восьмеро отданы подъ надзоръ на три года); въ іюлѣ 82 г. Иванъ Даманскій; въ Гродно — адвокатъ Павловичъ за оскорбленіе величества, освоб.; въ Минскѣ — Герцова съ братомъ, вып. на поруки, Ядвига Одоховская, высл. въ Зап. Сибирь. При арестѣ Одоховской жандармы обращались крайне цинично съ женщинами, жившими вмѣстѣ съ нею, и украли 1? руб. Въ Марьиной Горкѣ арест. Бончъ-Осмоловскій, вып. Въ Могилевѣ арестованъ Кожановъ, скрывавшійся 10 лѣтъ. Въ Витебскѣ: Айзенбергъ и Изабелла Гурвичъ; двое нелегальныхъ скрылись. Наконецъ Ивановская, нелег., осужд. по проц. 17 на вѣчную каторгу. Ее долго морили голодомъ, добиваясь настоящаго имени. Въ Варшавѣ арест. Плосскій и Лопатинскій въ 1883 г. Въ Иркутскѣ арестованъ учитель Неустроевъ и редакторъ «Сибири» Ефимовъ, по тому же дѣлу въ Петербургѣ арестованъ и выпущенъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, благодаря злой чахоткѣ, нѣкто Марушевскій. Нестеровъ, издатель «Сибири», выпущенъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Съ августа мѣсяца заграницей будетъ выходить черезъ каждые два мѣсяца журналъ «Вѣстникъ Народной Воли», задающійся преимущественно теоретической разработкой соціальныхъ и политическихъ вопросовъ; въ немъ также будутъ помѣщаться статьи, посвящаемыя обозрѣнію событій въ Россіи. Принимаютъ участіе между прочимъ гг. Лавровъ, Плехановъ, Тихоміровъ и др. Редакція журнала проситъ публику, сочувствующую рев. движенію, помогать ей денежными средствами черезъ лицъ, публикѣ извѣстныхъ.

Вышелъ заграницей «Календарь Народной Воли»

Цѣна 3 фр. (1 руб. 20 к.).

Летучая типографія «Народной Воли». Петербургъ. 20 іюля 1883 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЛИСТКУ НАРОДНОЙ ВОЛИ

№ Цѣна 20 коп. 1

Въ сентябрѣ 1881 г. умеръ въ Алексѣевскомъ равелинѣ Степанъ ШИРЯЕВЪ, осужденный по процессу 16-ти.

22 марта 82 г. повѣшены въ Одессѣ соціалисты-революціонеры: Степанъ Николаевичъ ХАЛТУРИНЪ и Николай Алексѣевичъ ЖЕЛВАКОВЪ.

Въ октябрѣ 82 г. умерла въ Трубецкомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости Людмила ТЕРЕНТЬЕВА, осужд. по проц. 20-ти.

Въ началѣ 83 г. на каторгѣ разстрѣляна М. КОВАЛЬСКАЯ, осужденная въ Кіевѣ. *)

Въ домѣ предв. закл. въ мартѣ 83 г. умеръ КУЛЬЧИЦКІЙ, арестованный за участіе въ помощи ссыльнымъ и заключеннымъ.

Въ концѣ 82 г. на каторгѣ повѣшенъ соціалистъ-революціонеръ ЛЕГКІЙ, осужденный въ Харьковѣ въ 81 году.

Въ апрѣлѣ 83 г. въ Женевѣ застрѣлилась С. И. БАРДИНА.

ХРОНИКА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ

Даже пессимисты и скептики ждали коронаціоннаго манифеста съ нѣкоторымъ замираніемъ сердца; но теперь, когда воздушные замки взлетѣли на воздухъ, и явныя и затаенныя надежды получили такой грубый афронтъ, теперь даже тѣ, кто больше другихъ предавался иллюзіямъ, удивляются своимъ недавнимъ ожиданіямъ и разсчетамъ. Въ самомъ дѣлѣ,

*) Это свѣдѣніе оказалось невѣрнымъ. *Ред. Сборника.*

внутренняя политика новаго царствованія, не смотря на всю видимую пестроту и легкомысленное шатаніе, была проникнута одной основной идеей, преслѣдовала одну цѣль: борьбу съ свободой и просвѣщеніемъ. Ждать отъ такого правительства крутого поворота къ свободѣ и пріурочивать это ожиданіе почему-то именно къ коронаціи — было крайне наивно.

Ни Игнатьевъ, ни Толстой не уступаютъ другъ другу въ преслѣдованіи свободы, только разница характеровъ наложила кажущійся отпечатокъ различія на системы ихъ внутренней политики: одинъ — лицемѣръ и интриганъ, другой — откровенный палачъ, не усматривающій нужды въ маскарадѣ и открыто презирающій общество, въ этомъ вся разница. Закулисная цѣль ихъ дѣятельности одна и таже: задушить интеллигенцію, опираясь на невѣжество массъ, плѣняющихся внѣшнимъ блескомъ и могуществомъ и не умѣющихъ отличать друзей отъ враговъ. Нечего говорить о томъ, что преслѣдовать подобную цѣль способно только недальновидное тупоуміе. Задавить безсмертную мысль невозможно; натравливать народъ на интеллигенцію — значитъ пускать въ ходъ обоюдоострый мечъ; опьяненіе толпы блескомъ электрическихъ солнцъ, громомъ пушекъ и спиртомъ выкаченыхъ бочекъ водки пройдетъ, отвлеченный „патреотизмъ" исчезнетъ и снова замѣнится конкретными нуждами и требованіями желудка. Все это не подлежитъ сомнѣнію; ростовскіе рабочіе, не дожидаясь коронаціи, заявили объ этомъ достаточно громко. Но правительство, очевидно, не помышляетъ о томъ, что доживаетъ свои послѣдніе дни.

Мы коснемся здѣсь одной изъ интереснѣйшихъ сторонъ закулисной дѣятельности правительства Александра III, ярко обрисовывающей его отношенія къ русскому обществу, показывающей, съ какой властью мы имѣемъ дѣло.

Мы разумѣемъ безконечное множество секретныхъ циркуляровъ, разосланныхъ Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати, по его собственной иниціативѣ и по распоряженію М. В. Д., редакціямъ петербургскихъ газетъ и журналовъ, начиная съ 1-го марта 81 г. Приведемъ безъ всякихъ комментарій рядъ такихъ конфиденціальныхъ предписаній.

Отъ 4-го марта. Нѣкоторые органы печати, ссылаясь на чрезвычайныя обстоятельства, дозволяютъ себѣ помѣщать статьи, въ которыхъ выражаются вполнѣ неумѣстныя сужденія о необходимости измѣненія нашего государственнаго

строя, а также высказываются сомнѣнія въ существованіи истиннаго патріотизма въ высшихъ слояхъ общества, будто бы равнодушнаго къ интересамъ народа. Помѣщеніе статей подобнаго содержанія неминуемо повлечетъ за собой пріостановленіе изданія.

25 марта. Въ виду предстоящаго судебнаго разбирательства о злодѣйскомъ преступленіи 1-го марта, Гл. Упр. по дѣламъ печати, по приказанію г. мин. внутр. дѣлъ, вновь напоминаетъ о воспрещеніи, подъ опасеніемъ пріостановленія изданій, помѣщать самостоятельныя свѣдѣнія о ходѣ судебныхъ засѣданій по политическимъ дѣламъ.

16 апрѣля. Признано необходимымъ воспретить сообщеніе и обсужденіе въ період. печати свѣдѣній и извѣстій о такихъ происшествіяхъ и явленіяхъ внутренней университетской жизни, которыя подвѣдомы университетскимъ судамъ и совѣтамъ.

29 апрѣля. Въ виду совершившагося въ Болгаріи переворота и необходимости поддержать князя Александра, признано желательнымъ, чтобы наша пресса относилась съ осторожностью къ настоящимъ событіямъ въ Софіи. А циркуляромъ отъ 9-го мая пояснено, что означеннымъ распоряженіемъ вовсе не возбраняется сочувственное обсужденіе совершившагося въ Болгаріи переворота.

1 мая. Признано необходимымъ, чтобы слухи о болѣзни министра внутр. дѣлъ, военнаго и финансовъ и о программѣ гр. Лорисъ-Меликова не появлялись въ печати. Равнымъ образомъ воспрещается сообщеніе слуховъ о перемѣнахъ въ личномъ составѣ высшихъ государственныхъ чиновъ.

18 мая. Воздерживаться отъ сообщенія какихъ бы то ни было свѣдѣній о сегодняшнемъ засѣданіи городской думы, въ которомъ обсуждался вопросъ объ избраніи ген.-ад. графа Лорисъ-Меликова въ почетные граждане г. С. П. Б. и тѣмъ болѣе отъ воспроизведенія происходившихъ по этому поводу преній.

28 мая. Воздерживаться отъ сообщенія какихъ-либо свѣдѣній, касающихся земскихъ и думскихъ постановленій и приговоровъ, адресовъ, а равно и отчетовъ о засѣданіяхъ оныхъ, безъ предварительнаго распоряженія подлежащей власти.

31 мая. Въ періодическихъ изданіяхъ начали появляться корреспонденціи, сообщающія частью ложныя, а частью явно тенденціозныя извѣстія о происшествіяхъ въ учебныхъ заведеніяхъ какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Нравственное

чувство не дозволяетъ обращать училище въ арену борьбы партій и журнальной полемики. Школа не можетъ служить ареной для потѣхи публики посредствомъ смѣхотворныхъ разсказовъ о раздраженіи учителей и учениковъ. За напечатанье подобныхъ статей и извѣстій можетъ быть примѣнена ст. 56 прил. къ ст. 4 (примѣч.) Уст. Ценз. по продол. 76 г.

31 мая. Систематическое помѣщеніе рѣзкихъ сужденій, неосновательныхъ извѣстій и лживыхъ слуховъ, направляемыхъ къ возбужденію недовольства противъ принимаемыхъ правительствомъ мѣръ, особенно при тяжелыхъ обстоятельствахъ настоящаго времени, очевидно, не можетъ быть допускаемо. Вслѣдствіе сего м. в. дѣлъ признаетъ нужнымъ заявить, что отнынѣ возбужденіе путемъ печати страстей и распространеніе извѣстій, могущихъ тревожить общественное спокойствіе, терпимы не будутъ.

3 іюня. Относиться съ крайней осторожностью къ дѣятельности особаго совѣщанія по вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей.

12 іюня. Печатаніе агитаціонныхъ слуховъ и свѣдѣній объ отношеніяхъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ, а равно и статей, подобныхъ статьямъ о люторическомъ дѣлѣ, повлечетъ за собою примѣненіе ст. 55 прил. къ ст. 4 (примѣч.) Уст. Ценз. по продолж. 76 г.

16 іюля. Не должны быть печатаемы предварительныя извѣщенія даже о мѣстахъ и учрежденіяхъ, которыя будутъ посѣщаемы государемъ императоромъ и членами императорской фамиліи. Еще въ январѣ 80 г. запрещены предварительныя публикаціи о предстоящихъ отъѣздахъ и переѣздахъ царскихъ особъ.

17 августа. Воздержаться отъ помѣщенія какихъ-либо неблагопріятныхъ отзывовъ о дѣятельности бывшаго градоначальника ген. Баранова.

19 сент. Признано необходимымъ воспретить печатанье какихъ бы то ни было правительственныхъ распоряженій по изслѣдованію экономическихъ отношеній между кореннымъ населеніемъ данныхъ мѣстностей и евреями.

4 октября. Въ заграничныхъ періодическихъ изданіяхъ появились извѣстія о привлеченіи къ дѣлу о растратѣ оренбургскихъ земель гр. П. А. Валуева; Главное Управленіе проситъ не перепечатывать и не упоминать объ этихъ извѣстіяхъ.

10 окт. Г. министръ считаетъ необходимымъ предоставить печати всю ту долю свободы, какая необходима для всесторонняго обсужденія переселенческаго вопроса, но... будетъ весьма сожалѣть, если неумѣстныя выходки нѣкоторыхъ органовъ печати заставятъ его прибѣгнуть къ ограниченію предоставленной свободы обсужденія період. печатью переселенческаго вопроса. Отчеты и сообщенія по вопросу о переселеніи должны быть представляемы его сіятельству, г. министру, для предварительнаго просмотра.

13 ноября. Не печатать никакихъ извѣстій о покушеніи на жизнь ген.-маіора Черевина.

3 декабря. Въ нѣкоторыхъ період. изданіяхъ были допущены грубыя опечатки въ титулѣ Его Величества, подавшія публикѣ поводъ къ разнообразнымъ толкамъ о значеніи, которое будто бы имѣютъ эти опечатки. Въ виду этого Главн. Управл. проситъ съ особымъ вниманіемъ наблюдать за точностью высочайшаго имени и титула *).

28 января 82 г. Въ виду предстоящихъ перемѣнъ устава реальныхъ училищъ, не помѣщать извѣстій и разсужденій по поводу предстоящихъ работъ.

4 февраля. Не помѣщать извѣстій, касающихся семейныхъ отношеній тайнаго совѣт. Маркуса (?).

17 марта. Совершенно воспретить появленіе въ печати всякихъ извѣстій о передѣлахъ, равненіи земли, слушномъ часѣ и т. п., а равно и статей, въ которыхъ проводится мысль о пользѣ или справедливости измѣненія поземельнаго положенія крестьянъ.

21 марта. Не печатать никакихъ самостоятельныхъ свѣдѣній по поводу суда, производившагося въ Одессѣ надъ убійцами ген.-маіора Стрѣльникова.

20 апрѣля. Не помѣщать никакихъ свѣдѣній о результатахъ разсмотрѣнія еврейскаго дѣла въ комитетѣ минист., а равно не печатать никакихъ статей по еврейскому дѣлу.

30 мая. Воздержаться отъ всякихъ сужденій о земскомъ соборѣ.

26 іюня. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ обсуждается весьма

---

*) Въ нѣкоторыхъ газетахъ напечатано было извѣщеніе о пріемѣ пожертвованій на сооруженіе памятника Александру III вмѣсто Александра II. Эта опечатка была сдѣлана въ «Полиц. Вѣдом.», за что г. Максимовъ высидѣлъ недѣлю на гауптвахтѣ.

рѣзко и въ возбуждающей формѣ тяжебное дѣло князя Щербатова съ крестьянами. Принимая во вниманіе, что подобныя статьи имѣютъ вредное вліяніе на отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ, не касаться этого дѣла.

19 августа. По поводу несчастья на курской жел. дорогѣ появились статьи, заключающія неосновательныя обвиненія противъ отдѣльныхъ чиновъ вѣдомства министерства путей сообщенія. Дальнѣйшее появленіе подобныхъ имѣющихъ агитаціонный характеръ статей можетъ вызвать примѣненіе строжайшихъ административныхъ карательныхъ мѣръ.

29 октября. По поводу исключенія гимназиста Фугалевича воспрещается печатаніе какихъ-либо разсужденій.

1 ноября. Не печатать о безпорядкахъ въ казанскомъ университетѣ.

23 ноября. Не сообщать ничего о недоразумѣніяхъ между почетнымъ опекуномъ Нейгардтомъ и докторомъ Квацемъ.

24 ноября. Не помѣщать никакихъ свѣдѣній и разсужденій о существующемъ будто бы тайномъ обществѣ, поставившемъ себѣ задачей дѣйствовать противъ террористовъ.

16 декабря. Не печатать судебнаго отчета по дѣлу бывшаго студента Семенова, приговореннаго казанскимъ окружнымъ судомъ за оскорбленіе попечителя къ заключенію въ смирительномъ домѣ, и не сообщать никакихъ свѣдѣній по этому дѣлу.

Запрещеніе 18 января 82 г. не помѣщать рѣшительно никакихъ свѣдѣній о политическихъ арестахъ неоднократно напоминается редакціямъ.

Очень сожалѣемъ, что за недостаткомъ мѣста мы принуждены опубликовать только наиболѣе выдающіеся изъ циркуляровъ, а еще болѣе, что не имѣемъ въ данную минуту подъ руками столь же характерныхъ и не менѣе интересныхъ распоряженій Гл. Управленія за послѣдніе пять мѣсяцевъ. Однако, и этотъ перечень запретнаго и недозволеннаго ясно показываетъ, какую скудную умственную пищу считаютъ достаточною для русскаго мыслящаго общества гг. Лорисъ-Меликовы, Игнатьевы, Толстые и комп. Сообщать какія-либо свѣдѣнія о людяхъ, борющихся и умирающихъ за народное благо, — нельзя: ихъ для общества не существуетъ, они должны быть погребены въ могилахъ крѣпостныхъ тюремъ, ихъ голоса не должны выходить изъ залы суда. Негодовать на равнодушіе высшихъ сферъ къ

судьбѣ народа, даже высказывать недовольство въ этомъ смыслѣ, говорить о враждебныхъ отношеніяхъ неимущихъ классовъ къ имущимъ, о необходимости аграрныхъ реформъ — нельзя: это значитъ пропагандировать революціонныя идеи. Говорить о признакахъ жизни среди учащейся молодежи, о броженіяхъ и протестахъ студенчества противъ гнета и рутины, упоминать, наконецъ, о существованіи, помимо правительственнаго, еще и общественнаго мнѣнія, мнѣнія страны, проявляющагося временами въ преніяхъ и постановленіяхъ земствъ и думъ, — также нельзя: это значитъ волновать народныя страсти. Что же возможно послѣ этого обсуждать, о чемъ мыслить и говорить? Какая роль литературѣ отводится? Роль бульварной сплетницы...

Но жизнь, къ счастью, не слушается предписаній министровъ и управленій. Не заносимая въ лѣтописи литературы, она, тѣмъ не менѣе, бьетъ живымъ ключомъ, идетъ своей дорогой. Антиеврейское движеніе, въ свое время задавленное правительствомъ, грозитъ въ скоромъ времени повториться въ небывалыхъ размѣрахъ, судя по тому, что произошло въ 10-хъ числахъ мая въ Ростовѣ-на-Дону. Кромѣ того, рядомъ фабричныхъ стачекъ и бунтовъ рабочій людъ показалъ свою жизненность и готовность энергично встать на защиту своихъ интересовъ при малѣйшемъ успѣхѣ возстанія, при малѣйшей надеждѣ на измѣненіе къ лучшему своей невыносимой участи. Наконецъ, интеллигентное общество, въ лицѣ молодого поколѣнія, также заявило смѣлый и грандіозный протестъ противъ существующаго порядка вещей. Броженіе давно неслыханныхъ размѣровъ и силы охватило въ нынѣшнемъ академическомъ году все русское студенчество, и мартирологъ этого движенія опредѣляется въ нѣсколько сотъ человѣкъ... Все это знаменательные факты.

А что дѣлаетъ въ это время правительство? Зажимаетъ рты, укрощаетъ строптивыхъ, пускаетъ въ ходъ войска противъ слабыхъ и обиженныхъ, подаетъ руку помощи эксплуататорамъ и притѣснителямъ — вотъ въ чемъ проявляетъ оно свое позорное существованіе. Въ прошломъ году ходили, напримѣръ, слухи о томъ, что изготовляютъ новые фабричные законы, — явились надежды, воскресли ожиданія. И что же? въ іюлѣ мѣсяцѣ, дѣйствительно, были опубликованы „Фабричныя правила“ о работѣ малолѣтнихъ, которыя

оказались ниже самыхъ минимальныхъ требованій справедливости. Вотъ и все. О регулированіи рабочаго дня, объ улучшеніи санитарныхъ условій фабричной жизни и т. д. — правительству и мысли не приходитъ въ голову. А между тѣмъ оно лучше, чѣмъ кто-либо, знаетъ, что жизнь рабочаго люда въ настоящее время хуже жизни рабочаго скота, что фабриканту заботиться о его благоденствіи нѣтъ никакого интереса.

Мы не станемъ рисовать здѣсь безотрадную, возмущающую душу картину фабричной жизни, медленно и постепенно убивающей здоровье и силы человѣка и подвергающей его безчисленнаго рода случайностямъ, причиняющимъ увѣчья и смерть. При этой каторжной жизни, на каждомъ шагу обставленной всевозможными опасностями, заработокъ рабочаго такъ мизеренъ, что едва хватаетъ на прокормленіе. Что остается отъ расходовъ на пропитаніе, уходитъ на безчеловѣчные штрафы, грозящіе рабочему за каждую неисправность, за каждый капризъ фабриканта-хозяина.

Очевидно, такъ жить невозможно. Даже много-терпѣливый русскій рабочій не можетъ вынести этой каторги и пытается протестовать. Нечего говорить о томъ, что самый непрактичный способъ борьбы — жалобы суду и администраціи. Эти жалобы никогда почти не удовлетворяются: власти всегда на сторонѣ капиталистовъ. Рабочимъ остаются стачки, бунты и иныя „свои средствія". Въ истекшемъ году былъ цѣлый рядъ стачекъ, которыя, благодаря отсутствію организаціи рабочихъ, кассъ для вспомоществованія и пр, кончались большею частью неудачей.

Въ началѣ 82 г. произошло много стачекъ на Уралѣ. Дроворубы и углекопы Симскаго уѣзда отказались работать за плату, предложенную заводоуправленіемъ; заводъ остановился. По той же причинѣ остановилъ работы Илекскій заводъ. На Пермскомъ пушечномъ заводѣ, въ слесарномъ отдѣленіи, около 200 раб. прекратили работы, требуя удаленія главнаго мастера, страшно ихъ притѣснявшаго. Рабочіе, строящіе сибирскій университетъ, также забастовали, потребовавъ прибавки платы, потому что на 40 коп. дневного заработка въ Томскѣ жить нельзя. Въ маѣ того же 82 г. произошелъ „бунтъ" на золотыхъ пріискахъ Базунова и комп. по поводу ареста одного изъ рабочихъ. Рабочіе собрались громадной толпой и заставили исправ-

ника не только освободить арестованнаго, но даже смѣнить ненавистнаго для нихъ урядника. Однако, новый урядникъ оказался не лучше и, едва вступивъ въ должность, немедленно арестовалъ 4-хъ рабочихъ. Толпа отбила ихъ у казаковъ, но двое вскорѣ были опять взяты и закованы въ кандалы. Рабочіе, узнавъ объ этомъ, забушевали сильнѣе прежняго: несмотря на угрозы урядника стрѣлять, бросились на казаковъ, смяли ихъ и заставили разбѣжаться. Появившагося въ это время сотника сбили съ лошади и избили до полусмерти. Затѣмъ, освободивъ товарищей, рабочіе бросились было къ квартирѣ управляющаго пріисками, которому, вѣроятно, плохо пришлось бы, еслибы толпу не встрѣтилъ на дорогѣ управляющій сосѣдними пріисками и не съумѣлъ успокоить лисьими рѣчами. Пріѣхало начальство, забрало 10 человѣкъ зачинщиковъ, сдѣлало рабочимъ кой-какія ничтожныя уступки, и затѣмъ пріисковая жизнь пошла обычнымъ неприглядным путемъ.

Много стачекъ было въ одномъ изъ нашихъ важнѣйшихъ промышленныхъ центровъ, Ивановѣ-Вознесенскѣ, на фабрикахъ Зубкова, Гречина, Дербеневыхъ, Небурчилова, по поводу заработной платы. 19 мая прошлаго года, благодаря пониженію заработной платы на 10 проц., забастовали рабочіе проволочнаго отдѣленія с. петербурсскаго гвоздильнаго завода, помѣщающагося по 25-той линіи Васильевскаго Острова. Вмѣшательство полиціи раздѣлило рабочихъ на двѣ партіи, изъ которыхъ одна согласилась работать, а другая, браня своихъ бывшихъ товарищей „христопродавцами“, взяла разсчетъ. Прошлымъ лѣтомъ въ Одессѣ была стачка кондукторовъ и кучеровъ конно-желѣзныхъ дорогъ, которые заявили, что нѣтъ физической возможности работать съ шести часовъ утра до 12 ч. ночи и даже позже, находясь все время на ногахъ. Въ концѣ іюля началась громадная стачка (5 т. раб.) на Кренгольмской мануфактурѣ. Письменныя заявленія о мошенничествахъ начальства, поданныя рабочими эстляндскому губернатору, остались безъ послѣдствій, — и волненіе стало разростаться. 4-го августа явился полкъ солдатъ, а вскорѣ затѣмъ пріѣхалъ изъ Москвы полковникъ, особый спеціалистъ усмиренія фабричныхъ бунтовъ, и съ нимъ цѣлый отрядъ тоже спеціалистовъ по этой части изъ шпіоновъ. Послѣдніе вмѣшались въ среду рабочихъ и намѣтили наи-

болѣе видныхъ изъ нихъ. 8-го августа начались аресты; каждый день арестовывали до 80-ти человѣкъ и подъ конвоемъ отправляли въ Ямбургъ (всего до 800 ч.). Малолѣтнихъ наказывали розгами. Такимъ образомъ стачка была прекращена. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Баку волновались рабочіе „нефтяныхъ принцевъ", братьевъ Нобель, полтора мѣсяца не платившихъ жалованья. Произошло раздѣленіе: часть рабочихъ соглаcилась ждать, часть не согласилась,— между тѣми и другими была жестокая драка. Около ста человѣкъ явилось къ конторѣ съ угрозой разнести ее. Испуганный управляющій въ тотъ же день уплатилъ рабочимъ 30000 руб. Въ концѣ февраля настоящаго года произошла стачка на громадной бумагопрядильной и ткацкой фабрикѣ Воскресенской мануфактуры (Дмитровскій уѣздъ, Моск. губ.), благодаря множеству штрафовъ и уменьшенію рабочаго дня (что при сдѣльной платѣ равносильно пониженію этой послѣдней). На мѣсто бунта были двинуты войска.

Въ большинствѣ случаевъ стачки кончаются неудачей и только обезкураживаютъ рабочихъ, которые охотно прибѣгаютъ поэтому къ другимъ средствамъ борьбы. Такъ, въ Рузскомъ уѣздѣ прошлымъ лѣтомъ была подожжена спичечная фабрика подполковника Гессе, который въ обращеніи съ рабочими обнаружилъ самыя воинственныя наклонности: хватаетъ за волосы, бьетъ по шеѣ и т. д. Въ сентябрѣ 82 г. рабочіе подожгли подъ Архангельскомъ лѣсной складъ купца Брандта. Нынѣшней зимой рабочіе Ивангородской жел. дороги устроили самосудъ надъ „привиллегированнымъ" лавочникомъ, у котораго обязательно должны были покупать припасы: связали его и бросили въ лѣсу въ яму, прикрывъ сверху вѣтками. Къ его счастью, не было сильныхъ морозовъ, и на четвертый день его нашли тамъ еще живого.

Въ Варшавѣ въ началѣ нынѣшняго года появилось возмутительное распоряженіе оберъ-полицеймейстера, по которому *должны были подвергаться полицейско-медицинскому осмотру всѣ женщины*, работающія на фабрикахъ, въ мастерскихъ и магазинахъ, равно какъ и прислуга въ публичныхъ заведеніяхъ, во избѣжаніе якобы распространенія сифилиса. Рабочіе отъ имени „Комитета рабочей партіи" расклеили 13 февраля прокламацію, въ которой между прочимъ говорилось слѣдующее: „Итакъ, достаточно жить трудомъ рукъ своихъ, чтобы стать наравнѣ съ проституткой!

Итакъ, жены наши, дочери и сестры, которыхъ судьба заставляетъ трудиться, причисляются закономъ къ числу уличныхъ развратницъ, торгующихъ своимъ тѣломъ! Чтобы избѣжать позорнаго осмотра, надо заручиться расположеніемъ фабриканта! Рабочіе, вамъ дана пощечина, хотятъ испытать ваше терпѣніе и покорность. Чѣмъ вы отвѣтите на это? Позволите ли надругаться надъ слабою половиною рабочаго класса, сдѣлаете ли изъ нихъ жертву разврата и беззаконія вспоенныхъ вашею кровью фабрикантовъ, которымъ правительство дастъ новое оружіе для каранія малѣйшаго ослушанія? Рабочіе, не допустите этого. Не отступайте передъ опасностью, не поддавайтесь, хотя бы даже кровью пришлось освятить этотъ протестъ. Лучше смерть, чѣмъ позоръ! Вспомните, что вы люди, что умѣете защищать свою честь, что васъ не пугаютъ жертвы. Хотятъ борьбы — и она будетъ!" Безобразное распоряженіе было отмѣнено.

Рабочимъ недостаетъ организаціи, крѣпкаго ядра, которое умѣло бы внести сознательность и стройность въ стихійные протесты. Почва для образованія такой организаціи есть: повсемѣстное пробужденіе въ рабочемъ классѣ сознанія и духа солидарности, переходъ къ террористическимъ фактамъ. Почва горючая и плодотворная, работать на которой — задача интеллигенціи.

Выше мы сказали, что интеллигентное общество, въ лицѣ молодого поколѣнія, также заявило смѣлый протестъ противъ существующаго порядка вещей. Дѣйствительно, все русское студенчество, за немногими исключеніями, охватило въ нынѣшнемъ академическомъ году страстное, небывалыхъ размѣровъ движеніе. Оно началось въ Казани въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года и кончилось въ Варшавскомъ университетѣ въ апрѣлѣ нынѣшняго. Мелкія, чисто студенческія причины, въ родѣ лишенія стипендіи одного изъ студентовъ, вызвавъ волненіе въ одномъ-двухъ кружкахъ, взволновали постепенно всю лучшую часть студенчества, переносили движеніе отъ мелкихъ причинъ первоначальнаго броженія на широкую почву общественнаго недовольства существующей системой отношеній правительства къ интеллигенціи и дѣлали молодежь представительницей общественнаго протеста. Такъ давалъ себя чувствовать внутренній, сердечный смыслъ броженій. Такой протестъ, какъ протестъ

петербургскаго студенчества противъ холопства кучки карьеристовъ-товарищей передъ благодѣтелемъ Поляковымъ, былъ протестомъ возмущеннаго чувства всѣхъ лучшихъ и чистыхъ элементовъ русскаго общества.

Безпорядочность и неорганизованность движенія затемнили этотъ смыслъ.

Какіе же результаты дало это неорганизованное движеніе? Правительство выслало въ мѣста отдаленныя и не столь отдаленныя (высылка на родину въ нравственномъ отношеніи хуже ссылки на чужбину) нѣсколько сотъ лучшихъ силъ молодежи, и поставило ихъ въ невыносимыя матеріальныя и нравственныя условія. Мы имѣемъ письма отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ юношей: уныніе и тоска звучатъ въ каждой строкѣ. Но нѣтъ сомнѣнія, на многихъ изъ нихъ такое положеніе отразится крайне благопріятно, — извѣстно, что „зрѣетъ и крѣпнетъ душа подъ грозой.“

Временный подъемъ духа вскорѣ смѣнился, однако, апатіей. Молодежь разбилась на мелкіе кружки, изнывающіе въ своей изолированности и не знающіе, что дѣлать; появленіе гектографированнаго журнала „Студенчество“ представляетъ, впрочемъ, одинъ изъ отрадныхъ фактовъ, но вопросъ: окупаетъ ли онъ своей внутренней цѣнностью и значеніемъ для студенчества столько жертвъ, принесенныхъ молодежью? Волненія вызвали усиленіе работы мысли среди молодежи въ политическомъ направленіи; но нельзя ли поставить эту работу въ какія-нибудь нормальныя рамки, чтобы она шла постоянно и ровно? Нельзя ли, наконецъ, создать организацію изъ лучшихъ силъ студенчества, которая задастся цѣлью извести душу молодежи изъ темницы безплоднаго изныванія, удержать ее отъ безцѣльной и преждевременной растраты силъ на мелочахъ, зажечь пропагандой соціально-революціонныхъ идей въ широкомъ и живомъ смыслѣ этихъ словъ, указать посильные пути практической дѣятельности, не безполезной для общереволюціоннаго дѣла въ Россіи и способной не только удовлетворить молодое чувство, но и выработать изъ человѣка честныхъ порывовъ человѣка твердыхъ убѣжденій, дѣятеля съ практическими способностями и ясно формулированной программой? Это вопросъ, подлежащій разрѣшенію въ ближайшемъ будущемъ.

ПО ПОВОДУ ЕВРЕЙСКИХЪ БЕЗПОРЯДКОВЪ

Въ Екатеринославѣ войска стрѣляли въ народъ и оставили на мѣстѣ десятки убитыхъ и раненыхъ (число которыхъ въ точности еще неизвѣстно), въ Екатеринославѣ пролилась народная кровь... Фактъ возмутительный, по своей жестокости и несправедливости, и столь же нелогичный, какъ и все прочее, что теперь дѣлается правительствомъ, желающимъ показать, что оно сильно и, главное, умно.

Вотъ какъ передаютъ этотъ фактъ газеты и очевидцы: 20 іюля, около 12 ч. дня, въ лавку еврея Немировскаго вошла женщина съ ребенкомъ; мальчикъ изъ любопытсва взялъ въ руки фунтовую гирю; приказчикъ-еврей, предположивъ, что онъ совершаетъ кражу, началъ бить его по лицу. Мать стала защищать ребенка, просто стала браниться; тогда обозленный приказчикъ, чувствующій себя нынѣ въ силѣ, набросился на несчастную, ударилъ ее находившеюся у него въ рукахъ гирею по головѣ и сталъ бить палкою, а когда она, обливаясь кровью и теряя сознаніе, упала, вышвырнулъ ее на улицу, при чемъ еще больше розбилъ ей голову о каменную лѣстницу. Въ это время проходила партія рабочихъ со вновь строящагося желѣзнодорожнаго моста. Видъ окровавленной жертвы и плачущаго подлѣ нея ребенка не могъ не вызвать состраданія. Это было искрою, которая зажгла неиспорченныя и измученныя людскія сердца негодованіемъ. Дальнѣйшее понятно. Рабочіе ворвались въ лавку, стали бранить еврея и требовать составленія полицейскаго протокола. Полиція же (которую они же извѣстили о случившемся), убравъ женщину, стала выгонять ихъ изъ лавки. Произошло замѣшательство. Въ это время кто-то крикнулъ, что женщина умерла... Этого было достаточно, что бы привести массу въ изступленіе. Разнеся лавку Немировскаго, толпа съ крикомъ: „бей жидовъ!“ ринулась по главнымъ улицамъ города и, увеличиваясь по пути, какъ лавина, начала разбивать еврейскіе магазины, дома, мелочныя лавки, уничтожать товары, мебель, даже кредитные билеты и распускать по воздуху еврейскій пухъ. Увѣщанія начальства не дѣйствовали. Наличныхъ военныхъ силъ оказалось мало въ Екатеринославѣ (солдаты были распущены на работы); 200 ч. солдатъ ничего не могли сдѣлать съ огромною толпою, которая разсыпалась на

небольшія кучки и, будучи оттѣснена съ одного мѣста, уходила въ другое и тамъ приступала къ разрушенію. Погромъ продолжался до 3 ч. ночи. Не подѣйствовали и первые выстрѣлы. Начальство потребовало подкрѣпленій изъ другихъ городовъ и стало собирать солдатъ; но и появленіе новыхъ отрядовъ не производило ожидаемаго впечатлѣнія. Слишкомъ велико было въ массѣ сознаніе своей правоты, правоты того дѣла, за которое она стояла. Рано утромъ 21 го опять раздались въ разныхъ концахъ города одинокіе, зловѣщіе призывные крики, призывавшіе къ продолженію мщенія, а къ 9 часамъ., не смотря на всѣ принятыя мѣры, опять собрался народъ и приступилъ къ погрому. Народъ вѣрилъ, что за такое дѣло нельзя убивать, что если не офицеры, то солдаты откажутся стрѣлять въ людей, никого не убившихъ, ничего не грабившихъ и истреблявшихъ только не праведно нажитое имущество своихъ притѣснителей. Къ сожалѣнію, вѣра эта оказалась преждевременной. Когда-нибудь солдаты поймутъ, разумѣется, свою солидарность съ народомъ и съумѣютъ отличать правыхъ отъ виноватыхъ, но на этотъ разъ этого не было.

Правительственное сообщеніе, появившееся уже послѣ того, какъ почти весь Петербургъ зналъ о происходящемъ, лаконически, въ 11 съ половиною строкахъ, сообщало, что „для усмиренія буйства пришлось употребить оружіе" и что изъ „толпы, состоявшей почти исключительно изъ пришлыхъ рабочихъ *) строящейся жел. дороги, убито 10 чел. и ранено 13" (Пр. В." № 163). Но Петербургъ давно уже не вѣритъ этимъ оффиціальнымъ сообщеніямъ, а не оффиціальныя свѣдѣнія говорили совсѣмъ другое и доводили цифру убитыхъ и раненыхъ до 150 и даже 200 чел. На самомъ дѣлѣ произошло нѣчто гораздо болѣе серьезное, чѣмъ сообщалось оффиціально. Цифра пострадавшихъ теперь постоянно начинаетъ возрастать въ газетахъ. Такъ „Недѣля" сообщаетъ слухъ, что число убитыхъ доходитъ до 40 чел. (№ 31). Около зданія полиціи нѣсколько разъ происходило „громадное стеченіе народа, который требовалъ

*) А между прочимъ былъ убитъ г. Вельбицкій и продавецъ воды, къ будкѣ котораго онъ было подошелъ, чтобы напиться, былъ убитъ какой-то дьяконъ, была ранена г-жа Быкова и нѣсколько человѣкъ только-что пріѣхавшихъ въ Екатеринославъ и ни въ чемъ неповинныхъ пассажировъ.

выдачи убитыхъ и раненыхъ"; но его каждый разъ прогоняли силою. Прогоняли даже тѣхъ, кто въ полицейской мертвецкой желалъ найти своихъ родственниковъ. По народу былъ сдѣланъ вовсе не одинъ залпъ, а нѣсколько залповъ; „Нов. Вр." въ одинъ только день 21 іюля насчитываетъ три залпа (около д. Бродскаго, около д. Станиславскаго и гостинницы Герке), при чемъ „особенно губительными" оказались ночные выстрѣлы около д. Станиславскаго (№ 2665). Толпа не всегда отступала и нѣсколько разъ приходила въ *бурное настроеніе*, становилась лицомъ къ лицу съ войскомъ и пускала въ ходъ камни. Намъ пишутъ, что во время этихъ схватокъ перебили ноги жандармскому офицеру, избили полицеймейстера, ранили и помяли нѣсколько человѣкъ наиболѣе усердныхъ офицеровъ и бросились было за губернаторомъ, который пустился, однако, „утікать" и скрылся. Нашъ корреспондентъ говоритъ, что убитыхъ наповалъ около 32 человѣкъ и раненыхъ 80 (изъ которыхъ нѣкоторые тоже умерли послѣ) и въ особенности подчеркиваетъ фактъ, подтверждаемый и газетами, что на этотъ разъ дѣло не ограничилось одними евреями, а переходило, не смотря на иконы и лампадки, и на русскихъ ненавистныхъ народу лицъ. Въ ночь на 22-ое было сдѣлано нѣсколько поджоговъ въ городѣ. Многіе рабочіе разбѣжались по другимъ городамъ, унося съ собою чувство скорби и злобы. Среди рабочихъ было много великороссовъ, которые разскажутъ, конечно, и въ центральныхъ губерніяхъ обо всемъ видѣнномъ и испытанномъ, о томъ, какъ обращается съ народомъ начальство, чью руку оно держитъ и что остается народу дѣлать для защиты себя отъ несправедливости. Можетъ быть эти разошедшіеся люди, подобно голубямъ княгини Ольги, зажгутъ негодованіе по другимъ городамъ и тамъ тоже вспыхнутъ волненія. Мы не думаемъ, конечно, чтобы эти волненія, при настоящей неорганизованности народа и политическомъ неразвитіи войскъ, могли имѣть рѣшительный успѣхъ; но мы радуемся воспитательному значенію подобнаго рода фактовъ, наглядности, съ какою выступаютъ истинныя отношенія власти къ народу и его врагамъ, и той опредѣленности характера, какую начинаютъ принимать еврейскіе погромы, переходя на экономическую и политическую почву и становясь все менѣе и менѣе еврейскими, т. е. племенными и религіозными.

Народъ отъ евреевъ неожиданно переходитъ на защищающее ихъ начальство и вообще на всѣхъ своихъ притѣснителей, и замѣчательно при этомъ то, что въ то время, когда онъ раздѣлывается съ евреями *однимъ распарываніемъ ихъ перинъ и истребленіемъ ихъ имущества, съ настоящими своими врагами онъ раздѣлывается гораздо круче. Во время бакинскихъ безпорядковъ онъ ищетъ по всему городу одного извѣстнаго купца, чтобы убить его; причиняетъ непріятность городскому головѣ и хочетъ поджечь Нобеля; возбужденный полиціей и патріотическимъ пивомъ противъ враговъ „государственнаго порядка“, онъ неожиданно набрасывается во время коронаціи въ Москвѣ на полицію же, позволившую себѣ грубое съ нимъ обращеніе; онъ 16 мая избиваетъ пристава, который чрезъ нѣсколько дней умираетъ; бьетъ жандармовъ и кричитъ: „бей господъ!“ Онъ громитъ евреевъ вовсе не какъ евреевъ, а какъ „жидівъ“, т. е. народныхъ эксплуататоровъ. Онъ отлично понимаетъ, что и начальство поддерживаетъ ихъ вовсе не какъ евреевъ, не какъ угнетенный народъ и тѣмъ болѣе не какъ интеллектуальную силу, которую оно жестоко преслѣдуетъ, а также какъ жидовъ, т. е. людей, помогающихъ держать народъ въ кабалѣ, и какъ людей, дѣлящихся съ нимъ, дающихъ ему взятки и т. п. Рабочая фракція „Нар. В.“, выпустивъ по поводу екатеринославскаго погрома прокламацію, разумѣла въ ней, конечно, не евреевъ, а именно жидовъ. Противъ первыхъ она, какъ и весь русскій народъ, ничего не имѣетъ, противъ вторыхъ имѣетъ много, съ своей рабочей точки зрѣнія. Таже прокламація сообщила, между прочимъ, о взяткѣ въ 1 мил. руб., взятой съ евреевъ гр. Толстымъ. Мы не знаемъ, вѣренъ этотъ фактъ или нѣтъ (какъ его доказать?), но слухъ объ этомъ настойчиво ходилъ съ самаго министерства гр. Игнатьева, которому предлагалась или который самъ вымогалъ подобную взятку. Слухъ этотъ упорно держался и во время назначенія предсѣдателемъ еврейской коммиссіи Макова,—говорили, что онъ будто бы, какъ опытный человѣкъ, былъ даже спеціально и назначенъ для этой взятки, чтобы подѣлиться ею съ другими. Слухъ этотъ, разсказываемый и поддерживаемый самими евреями, настойчиво держится и теперь и не находится ни въ малѣйшемъ противорѣчіи съ аппетитами и чистоплотностью гр. Толстого.

О томъ, что будетъ дальше, мы своевременно сообщимъ, а теперь напомнимъ только читателямъ, что и великая французская революція начиналась съ избіенія евреевъ (Тэнъ). Это какой-то печальный фатумъ, котораго, повидимому, не избѣжишь. Евреи, какъ это прекрасно объяснялъ когда-то К. Марксъ, будучи народомъ исторически несчастнымъ и долго гонимымъ, сдѣлались народомъ въ высшей степени нервнымъ и воспріимчивымъ; они воспроизводятъ въ себѣ, какъ зеркало (и даже не въ обыкновенномъ, а въ удлиненномъ видѣ), всѣ пороки окружающей среды, всѣ язвы извѣстнаго общественнаго строя, такъ что когда начинаются антиеврейскія движенія, то можно быть увѣреннымъ, что въ нихъ таится протестъ противъ цѣлаго порядка и начинается движеніе гораздо болѣе глубокое. Народная кровь, пролитая въ Екатеринославѣ, падаетъ, конечно, на совѣсть правительства; но въ то же время падаетъ она желѣзною тяжестью и на ту чашку историческихъ вѣсовъ, на которой лежатъ народныя страданія, при чемъ цѣпи другой чашки, на которой лежитъ народное терпѣніе, натягиваются и вотъ-вотъ или оборвутся, или высоко-высоко поднимутъ эту чашку для того, чтобы она тяжелымъ молотомъ опустилась на голову всѣхъ народныхъ мучителей.

— ————

О „ХИЩЕНІЯХЪ"

Лѣтопись хищеній обогатилась выпуклыми орнаментами: самоубійствомъ Макова, покушеніемъ на самоубійство Перфильева... Царь лично велѣлъ дать дѣлу о воровствѣ Макова и Перфильева законный ходъ; но, разумѣется, не все открытое слѣдствіемъ, сдѣлается достояніемъ общества. Многое утонетъ во мракѣ тайны, такъ какъ могло бы слишкомъ ярко освѣтить загребистыя лапы и желѣзные клювы царскихъ слугъ. Дѣло не въ однихъ хищеніяхъ, н. ч. при обыскѣ у Перфильева найдено нѣсколько скрытыхъ, не дошедшихъ по назначенію высочайшихъ повелѣній. Повидимому, это слѣды тѣхъ взаимныхъ подсиживаній и личныхъ интригъ, которыми такъ богато болото, гдѣ кишатъ царскіе слуги.

Вся эта сторона дѣла, конечно, остается для публики за семью печатями. Но и многое другое не всплываетъ наружу.

Когда назначена была ревизія М. В. Д., Маковъ явился къ Толстому и объяснилъ ему, что спеціальныя суммы министерства всѣ въ безпорядкѣ, за который, однако, онъ, Маковъ, не отвѣтственъ; ему де случалось производить изъ этихъ суммъ выдачи лично А. II., съ котораго де не расписки же было брать. Въ примѣръ былъ приведенъ такой случай: нѣкто Новосильцевъ, аферистъ, содержавшій циркъ и лично извѣстный царю, раззорился и обратился за помощью къ своему августѣйшему покровителю. Благодушный монархъ поговорилъ о бѣдѣ Новосильцева съ Маковымъ, а тотъ предложилъ къ его услугамъ остатки отъ суммъ, ассигнуемыхъ на перлюстрацію писемъ. Учрежденіе, завѣдующее этимъ позорнымъ дѣломъ и находящееся подъ начальствомъ г. Шара, состоитъ въ мин. внутр. д. и отъ него получаетъ свое содержаніе (по слухамъ, до 150 т. р. въ годъ). Монархъ взялъ 15 т. и облагодѣтельствовалъ ими Новосильцева. Такъ разсказывалъ Толстому Маковъ. Разсказъ вполнѣ вѣроятный: Александръ II любилъ подобныя услуги и не особенно вникалъ въ разницу между царскимъ карманомъ и казеннымъ сундукомъ, а его слуги любили играть на этой слабости, не забывая, конечно, и собственныхъ кармановъ. Объ этомъ могъ бы поразсказать бывшій управляющій Государственн. Банкомъ Ламанскій, къ удивленію наивныхъ людей, избѣгнувшій недавно всякой отвѣтственности по дѣлу Общ. Вз. Кредита. Онъ могъ бы, напр., разсказать о подаркѣ въ 5 милл. рублей, поднесенномъ имъ и министромъ финансовъ Александру II. Происхожденіе подарка слѣдующее: при выпускѣ кредитныхъ билетовъ новаго образца для замѣны ими старыхъ, натурально, оказался нѣкоторый излишекъ, т. к. извѣстная часть старыхъ кредитокъ въ обмѣнъ не поступила, сгорѣла, утонула, вообще, по разнымъ причинамъ, въ назначенный срокъ не была предъявлена для обмѣна. Этотъ излишекъ составлявшій 5 милл. представлялъ случайное погашеніе соотвѣтственной части госуд. долга и слѣдовательно принадлежалъ казнѣ. Вѣрноподданный же управляющій рѣшилъ иначе. Вмѣстѣ съ министромъ финансовъ онъ поднесъ ихъ въ изящномъ ларцѣ царю въ качествѣ „ничьихъ" денегъ. Царь благосклонно принялъ и тутъ же, говорятъ, вручилъ изъ подарка Ламанскому 50 т. и министру 100 т. Эта неединственная въ этомъ родѣ услуга знаменитаго финансиста

царю и другимъ вліятельнымъ лицамъ въ теченіе его долгой и не безвыгодной финансовой карьеры. Потому-то наивные люди и могутъ удивляться его невредимости въ дѣлахъ о хищеніяхъ. По той же причинѣ и дѣло Перфильева-Макова не всплыветъ наружу во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ. Объ этомъ позаботятся многіе, изъ которыхъ только немногіе могутъ со спокойной совѣстью смотрѣть на трупъ Макова. Маковъ былъ вытащенъ за уши Тимашевымъ, а тамъ глядишь, клубокъ размотался бы и до Валуева съ его помощниками и до другихъ. Царь можетъ тѣшиться мыслью, что все сдѣлано для выясненія истины, сдѣлано такъ, какъ указано его державной волей, но не даромъ въ самодержавной Россіи сложилась пословица: „Жалуетъ царь, да не милуетъ псарь". Не царь, а псари управляютъ Россіей! То обстоятельство, что деньги пожертвованныя тамбовскимъ земствомъ (30 т., изъ-за которыхъ собственно и загорѣлось дѣло) и получившія со стороны державной воли опредѣленное назначеніе, спокойно кладутся псарями въ карманъ, представляетъ только наглядную иллюстрацію общаго порядка дѣлъ.

Въ прошломъ году вышла въ Лейпцигѣ нѣмецкая брошюра „Летучіе листки изъ тайнаго архива русскаго правительства". Она составлена по всеподданнѣйшимъ отчетамъ госуд. контролера и содержитъ не мало фактовъ по исторіи нашихъ хищеній. (Мы воспользуемся ею въ слѣдующій разъ). Авторы разсказываютъ, между прочимъ, о борьбѣ контроля съ морск. министерствомъ. Въ теченіи 10 лѣтъ контроль тщетно требовалъ отъ морск. министерства счетовъ. Наконецъ, въ 74 г. госуд. контролеръ доложилъ объ этомъ царю, и царь сдѣлалъ на поляхъ доклада собственноручную помѣтку: „Требую, чтобы счета были непремѣнно доставлены, если не въ нынѣшнемъ, то въ слѣдующемъ году". Только тогда морское минист. подчинилось установленному порядку, но зато доставило сразу 7434 книги, содержавшихъ около 200 т. документовъ, чѣмъ контроль, разумѣется, поставленъ былъ въ полную невозможность разобраться. Авторы брошюры замѣчаютъ, что остальныя министерства не выказывали такого систематическаго противодѣйствія гос. контролю. Но они ошибаются. Теперь выяснилось, что контроль еще съ 1877 г. тщетно пытался подвергнуть ревизіи расходованіе спеціальныхъ суммъ

М. В. Д. и только теперь, послѣ исторіи Перфильева-Макова, получилъ наконецъ требуемые документы. Какъ въ борьбѣ съ морскимъ мин., такъ и здѣсь понадобилось прямое личное вмѣшательство царя, чтобъ побѣдилъ имъ же установленный законный порядокъ. Но это исключительные случаи, скандалы. Псари знаютъ много случаевъ отводить царскіе глаза. Какъ видно изъ примѣровъ Макова и Ламанскаго, они умѣли и самого Александра II вводить въ сѣть своихъ темныхъ дѣлъ, представляя въ его распоряженіе разные остатки и „ничьи“ деньги. Но самый обыкновенный пріемъ состоитъ въ сваливаніи всего съ больной головы на здоровую. Беззаконники вопятъ обыкновенно о „подрываніи основъ и необходимости твердой власти, воры охраняютъ принципъ собственности. Управляя Россіей изъ за спины царя и грабя подъ покровомъ его горностаевой мантіи, псари, не смотря на свои взаимныя подсиживанья и интриги, тѣсно смыкаются, какъ только какой-нибудь лучъ свѣта грозитъ обнаружить ихъ дѣла. Такъ въ министерство Игнатьева одна московская газета подверглась административной карѣ за то, что раскрыла операціи Макова по поставкѣ дровъ на Ландварово-Роменскую жел. дорогу. Вмѣсто того, чтобы предоставить самому Макову вѣдаться судомъ со своими обличителями и обратить на фактъ вниманіе, администрація поторопилась зажать ротъ тѣмъ, кто смѣлъ назвать мошенническую сдѣлку мошеннической... Членъ государственнаго сов. и бывшій министръ долженъ быть подобенъ женѣ цезаря: о немъ не должно быть дурныхъ слуховъ. Но жены цезарей часто наставляли рога своимъ вѣнценоснымъ супругамъ, пуская въ ходъ обыкновенныя въ такихъ случаяхъ женскія хитрости, и развратный Римъ доставлялъ имъ сколько угодно пособниковъ и укрывателей. Какъ не быть имъ у насъ? Еслибъ не крупный скандалъ самоубійства Макова, то Левъ Савичъ и былъ бы извѣстенъ только какъ творецъ института урядниковъ и авторъ прокламаціи къ крестьянамъ по поводу толковъ о передѣлѣ земли. Въ качествѣ перваго онъ защищалъ „законный порядокъ“, въ качествѣ втораго „священныя права собственности“. Онъ былъ вполнѣ подобенъ женѣ цезаря. Теперь и царь, и любой мужикъ, читавшій и слышавшій его прокламацію, убѣдились, что этотъ охранитель законнаго порядка есть беззаконникъ, что этотъ

защитникъ собственности есть воръ. Намъ, ни на минуту не забывающимъ своего стараго девиза „земля и воля", особенно пріятно видѣть, что не отдаленная только исторія, а и теперешняя жизнь уже разоблачаетъ тѣхъ, кто такъ явно высказался противъ этого девиза. Да, признанные беззаконники выпускаютъ полки урядниковъ противъ „воли"! Да, признанные, шельмованные воры возстаютъ противъ нашего понимапія справедливости земельныхъ отношеній, возстають и продолжаютъ грабить безсудную, безсловесную Россію.

ХРОНИКА АРЕСТОВЪ

Въ хроникѣ перваго номера „Л. Н. В." было пропущено много арестованныхъ до 20 іюля. Причиной былъ слишкомъ длинный промежутокъ времени, за который намъ пришлось составлять этотъ воистину „синодикъ" Александра III. Теперь мы постараемся отчасти исправить пропуски № 1.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Пет. В. Окр. судѣ разбиралось дѣло прапорщика Фомина, бѣжавшаго изъ Виленской цитадели и арестованнаго въ іюнѣ прошлаго года въ Петербургѣ уже нелегальнымъ. Чѣмъ кончилось дѣло его, неизвѣстно.

За нѣсколько дней до коронаціи была отправлена въ Сибирь цѣлая партія въ 100 человѣкъ изъ Москвы. Въ числѣ прочихъ въ этой партіи были: всѣ осужденные по одесскому процессу, отст. маіоръ Тихоцкій (на 5 лѣтъ Вост. Сибири), отст. офицеръ Лаговскій изъ Ярославля, Чикондзе, Ольга Любатовичъ, Романенко и др.

25 іюля отправлена изъ Петербурга другая партія въ 46 человѣкъ. Нѣкоторые были переведены изъ Петропавловской крѣпости сначала въ домъ предв. закл.; изъ совершенно достовѣрныхъ источниковъ мы знаемъ, что большинство переведенныхъ изъ Петроп. крѣпости до такой степени были изнурены, что сами не могли двигаться, и *ихъ переносили на носилкахъ*. Даже жандармы предв. заключенія возмутились подобной жестокостью. Во всемъ этомъ непосредственно виновны — смотритель Труб. равелина жандарм. офицеръ . . . *).

---

*) Конца этого Листка въ нашей коллекціи, къ сожалѣнію, не имѣется. Просимъ его разыскать. *Ред. Сборника.*

ЛИСТОКЪ НАРОДНОЙ ВОЛИ

СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ Цѣна 20 коп. 2

Н. РАЙКО убитъ въ Саратовѣ при попыткѣ освободить Новицнаго 16 августа 82 г.

Я. СОБКО, рабочій, умеръ въ харьковской тюрьмѣ въ мартѣ 83 года.

А. ФРАНЖОЛИ умеръ въ Женевѣ въ іюлѣ 83 г.

Е. ЗАВАДСКАЯ отравилась въ іюлѣ 83 г.

В. БЫЧКОВЪ застрѣлился въ Томскѣ въ августѣ 83 г.

15 октября.

Въ Берлинѣ вышла недавно брошюра подъ заглавіемъ: „Мнѣнія земскихъ собраній о нашемъ современномъ положеніи.“ Это — статья, напечатанная въ „Русской Мысли„, но вырѣзанная по требованію цензуры, хотя она представляетъ лишь группировку данныхъ, заимствованныхъ изъ источниковъ, напечатанныхъ въ Россіи, большею частью изъ журналовъ земскихъ собраній. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ.

Еще въ 1877 году харьковскому земскому собранію предъявлена была записка о нуждахъ и недостаткахъ земства. „Записка не была напечатана по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ губернской управы,“ но тогда же земское собраніе постановило возбудить нѣсколько ходатайствъ передъ правительствомъ, касавшихся, главнымъ образомъ,

нуждъ сельскаго хозяйства. Ходатайства эти не получили удовлетворенія.

Въ 1878 г. земское собраніе ходатайствовало передъ министрами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ о назначеніи правительственной коммиссіи „для изслѣдованія экономическаго состоянія харьковской губерніи, съ приглашеніемъ земскихъ представителей къ участію въ ея трудахъ.“ Отвѣта не послѣдовало.

Въ 80 г. продовольственная коммиссія новгородскаго земскаго собранія пришла къ убѣжденію, съ которымъ согласилось и собраніе, что „удовлетворительное разрѣшеніе продовольственнаго вопроса можетъ послѣдовать только на почвѣ общегосударственныхъ мѣропріятій.“ Къ тому же убѣжденію пришла и продовольственная коммиссія самарскаго земства: „Что значитъ, въ самомъ дѣлѣ,—спрашиваетъ послѣдняя коммиссія,—образцовая и идеально-справедливая раскладка десятковъ, или много, сотенъ тысячъ земскихъ сборовъ предъ милліонами государственнаго налога? Чѣмъ поможетъ земство населенію, получившему такъ называемый нищенскій надѣлъ и т. д.“ Коммиссія пришла къ заключенію, что необходимы „широкія государственныя мѣры и реформы по всѣмъ сторонамъ народной жизни.“

По замѣчанію гласнаго новгородской губерніи Нечаева, „болѣе всего общій строй нашей жизни отражается на неудовлетворительномъ экономическомъ положеніи страны, а неудовлетворительность экономическаго положенія имѣетъ послѣдствіемъ неудовлетворительность и общественной дѣятельности. Съ другой стороны, эта послѣдняя лишена у насъ самыхъ существенныхъ условій, необходимыхъ для ея развитія. Свободная дѣятельность невозможна безъ обезпеченія правъ личности, ея неприкосновенности, безъ права свободнаго обсужденія.“ По поводу направленія, которое необходимо дать роковому вопросу объ общихъ мѣрахъ, говорилъ также въ новгор. губ. собраніи въ 80 г. гласный Румянцевъ: „Наше первое и единственное желаніе — это ходатайствовать передъ правительствомъ, чтобъ оно признало неприкосновенность личности, признало, что каждый изъ насъ отвѣтственъ лишь передъ закономъ, и лишь по суду. Я думаю: объ этомъ собранію ходатайствовать необходимо прежде всего, а безъ этого мы будемъ безсильны и нѣмы во всякомъ серьезномъ вопросѣ“.

Въ петербургскомъ дворянскомъ собраніи 81 г. тотъ же вопросъ былъ поднятъ Шакѣевымъ. Онъ говорилъ: „Администрація, очищая Россію отъ соціалистовъ, прибѣгала къ такимъ мѣрамъ, къ которымъ можетъ быть примѣнено лишь одно названіе — произволъ. Были личности, которыя возставали противъ произвола, но таинственная сила оказалась выше закона: даже законъ не могъ противодѣйствовать этой силѣ. Болѣе всего пострадала несовершеннолѣтняя молодежь: за простое знакомство, за неосторожное слово въ письмѣ нерѣдко назначалось тяжелое наказаніе — ссылка въ отдаленныя губерніи и Сибирь. Произволъ росъ и достигъ своего зенита. Нечего и доказывать, что эти мѣры были безусловно вредны.“ Дворянское собраніе, признавая незаконность административной ссылки, при громкихъ апплодисментахъ, постановило принести всеподданнѣйшее прошеніе о не нарушеніи закона, обезпечивающаго личность русскаго гражданина. Подобное же предложеніе было внесено въ черниг. губ. собр. въ 81 г. гласнымъ Карпинскимъ.

Продовольственная коммиссія самарскаго земства высказала, что „самыя реформы вполнѣ достигнутъ своей цѣли лишь при активномъ участіи въ ихъ выработкѣ и примѣненіи общественныхъ представителей.“ Коммиссія, избранная тверскимъ губернскимъ собраніемъ для разсмотрѣнія записки новоторжскихъ гласныхъ, не сочла возможнымъ входить въ обсужденіе о томъ или другомъ отдѣльномъ мѣропріятіи и нашла необходимымъ „теперь же ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобы положеніе 19 февраля и послѣдовавшія узаконенія, къ нему относящіяся, были пересмотрѣны и измѣнены“, дополняя, что „единственнымъ способомъ къ достиженію этой цѣли и успѣшному разрѣшенію вопроса представляется участіе представителей самихъ заинтересованныхъ лицъ и въ особенности крестьянъ, какъ огромнаго большинства населенія.“ Докладъ коммиссіи единогласно принятъ собраніемъ.

Минуя нѣкоторыя другія аналогичныя заявленія, переходимъ къ тѣмъ, которыя были вызваны событіемъ 1 марта. 5-го марта въ самарскомъ губернскомъ собраніи шла рѣчь о подачѣ адреса по случаю событія. Ждановъ, бузулукскій уѣздный предводитель дворянства, находилъ данный моментъ весьма неудобнымъ для подобнаго адреса. „Мы, — сказалъ онъ,—въ теченіи этихъ послѣднихъ лѣтъ послали пять ад-

ресовъ, но всѣ онп ни къ чему не послужили и ничего въ дѣйствительности не выражали, ибо все то, что было и есть у насъ въ душѣ, оставалось и останется не высказаннымъ". Нудатовъ также высказался противъ адреса. Онъ считалъ себя нравственно отвѣтственнымъ за тѣ адресы, подъ которыми прежде подписывался. „Развѣ мы, продолжалъ онъ, говорили что-нибудь о тяжести налоговъ, лежащихъ на крестьянахъ, о подавленіи труда капиталомъ, объ отсутствіи гарантій въ личной неприкосновенности? Нѣтъ! Ну, въ такомъ случаѣ, лучше ничего не говорить, а просто молчать." Все собраніе, исключая трехъ человѣкъ, отклонило предложеніе объ адресѣ. Въ томъ же засѣданіи, по поводу доклада управы о расширеніи правъ земства въ дѣлѣ эпидеміи, Ждановъ говорилъ, что теперь не время разсуждать о правахъ земства по отдѣльнымъ мелочамъ, что „на очереди стоитъ расширеніе правъ народа и участіе его, въ лицѣ своихъ представителей, въ самоуправленіи всей страны. Мы не для того, продолжалъ онъ, только что приняли присягу, что бы сейчасъ обманывать и говорить не то, что думаемъ и желаемъ." Въ самарскомъ дворянскомъ собраніи происходили оживленныя пренія въ этомъ же духѣ. Николаевскій уѣздный предводитель Теняковъ предложилъ обсудить мѣры, какія могутъ быть приняты для умиротворенія страны. Нудатовъ возразилъ, что обсужденіе это не можетъ имѣть мѣста въ дворянскомъ собраніи, что это дѣло „свободно избранныхъ представителей народа". Графъ Толстой (не министръ, конечно,) говоритъ о необходимости созванія Земскаго Собора. Собраніе постановило избрать коммиссію для личной передачи императору адреса и ходатайствовать о созывѣ избранныхъ представителей народа. Такое же постановленіе сдѣлало новгородское губернское собраніе и черниговское дворянство. Тѣ же мысли были высказаны въ таврическомъ губер. собраніи. Менѣе ясно были онѣ выражены въ адресахъ казанской думы, казанскаго, сѣверскаго, рязанскаго земствъ.

Между тѣмъ лицемѣріе графа Лорисъ-Меликова смѣнилось еще пущимъ лицемѣріемъ Игнатьева. Въ пышномъ циркулярѣ онъ возвѣстилъ свою программу, призывая общество къ содѣйствію. Она не всѣхъ обманула. Нѣкоторыя земства (новгородское, харьковское, черниговское, кирилловское) заявили, что при настоящихъ условіяхъ они не мо-

гутъ оказать правительству никакого содѣйствія. Отвѣтомъ на эти заявленія была комедія свѣдущихъ людей. Но и эта комедія была многими оцѣнена по достоинству. Земства: херсонское, владимірское, смоленское, петербургское, калужское, бессарабское, новгородское, харьковское—высказались противъ нелѣпаго способа назначенія „свѣдущихъ людей“ правительствомъ, а нѣкоторыя повторили требованіе особаго органа представителей народной воли. Самъ Игнатьевъ пустилъ подъ шумокъ, въ видѣ пробнаго шара, статейку о Земскомъ Соборѣ въ газетѣ „Русь“ и за это былъ смѣненъ его величествомъ Михаиломъ I Катковымъ. Императоръ всероссійскій Михаилъ I, въ упоеніи самовластія, назначилъ министромъ Толстого, ненавистнѣйшаго обществу изъ всѣхъ его императорскихъ слугъ. Съ этихъ поръ земство успокоилось, и либеральный авторъ берлинской брошюры можетъ занести въ свою статистику еще одинъ только фактъ: попытку новгородскаго земства еще разъ, по одному частному поводу, высказаться за созывъ представителей народной воли. Попытка кончилась увольненіемъ предсѣдателя управы отъ должности.

Читатели наши знаютъ, что единовременно съ либеральными земствами Исполнительный Комитетъ обратился къ Александру III съ письмомъ, въ которомъ выражалась та же мысль о созывѣ представителей народной воли, дополненная требованіемъ амнистіи и указаніемъ условій, при которыхъ представители народа могутъ быть его дѣйствительными представителями.

Правительство отвѣтило казнями и новыми варварскими преслѣдованіями.

Мы не скрываемъ ни отъ себя, ни отъ правительства, что революціонная партія понесла тяжелыя потери, что изъ ея рядовъ выбыло много мощныхъ бойцовъ. Но ряды сдвигаются, пополняются, и мы не думаемъ о прекращеніи боя, не думаемъ сложить руки. Начатое дѣло должно быть кончено. Тѣни казненныхъ и замученныхъ пугаютъ насъ не въ томъ смыслѣ, который надѣется придать имъ правительство. Преслѣдованій мы не боимся. Но еслибы мы даже не нашли другихъ мотивовъ для продолженія борьбы, то боялись бы оскорбить эти тѣни позорнымъ отступничествомъ отъ дѣла, за которое погибло столько святыхъ и сильныхъ. Мы не скрываемъ также ни отъ себя, ни отъ либераловъ,

что на другой день послѣ того, какъ восторжествуетъ идея народной воли надъ самовластіемъ, наши дороги, по всей вѣроятности, разойдутся. Но теперь ближайшая цѣль у насъ одна и та же.

Мы спрашиваемъ поэтому: какой знакъ препинанія въ дѣятельности либеральныхъ земцевъ поставилъ Толстой увольненіемъ предсѣдателя новгородской управы отъ должности. Окончательную ли точку, или только скромную запятую, или наконецъ тотъ наглый восклицательный знакъ, которымъ сопровождается изрѣченье: молчать! руки по швамъ!

У либеральныхъ земцевъ есть свои преданія. Они только гораздо дешевле нашихъ, кровью оплаченныхъ, но они есть, — новѣйшія изъ нихъ записаны въ берлинской брошюрѣ. Еще недавно земскіе люди торжественно заявили, что „нельзя молчать и пора высказаться". Находятъ ли они теперь, что говорить еще не пора? Другими словами: намъ ли однимъ предстоитъ вынести на своихъ плечахъ историческую задачу переживаемой родною страною минуты? Такъ пусть же помнятъ земскіе люди, что въ нашихъ рукахъ есть только одно средство—терроръ. Не съ легкимъ сердцемъ мы къ нему прибѣгаемъ, насъ вынуждаетъ къ тому сила обстоятельствъ и безсиліе людей. Будетъ еще кровь; будемъ мы казнить, будутъ насъ казнить. Отвѣтственность за эту кровъ падаетъ не только на обезумѣвшее правительство, а и на тѣхъ, кто, сознавая неотложную потребность родины (какъ сознаютъ ее либеральные земскіе люди) и имѣя въ рукахъ другія, мирныя и легальныя средства борьбы, прячутся по норамъ, какъ только на нихъ прикрикнутъ: молчать! руки по швамъ!

ПИСЬМО

одного изъ осужденныхъ, пересылаемыхъ въ Сибирь на каторгу.

Друзья! Вы уже знаете о тѣхъ чудесахъ пытки и убійства, которыя открылись въ крѣпости...

Теперь ясно, что всѣ ихъ увѣренія, что наши живы и здоровы и читаютъ книги, — наглая ложь. Живъ ли еще кто изъ процесса 20 — вопросъ. Фактъ тотъ, что не серь-

озно замѣшанныхъ людей: Павла Орлова, Волошенко, Судзиловскаго (бѣжавшихъ изъ Сибири) и др. привезли изъ крѣпости полуживыми. Также и Татьяну Лебедеву. Отъ нихъ пахнетъ мертвечиной... Что дѣлается! Что дѣлается! Когда мы смотрѣли, какъ ихъ полуживыхъ вытаскивали изъ каретъ, — мы чуть не помѣшались.

Ивановская и Корба сильно пострадали даже отъ двухъ съ половиною недѣль, что пробыли на каторжномъ положеніи: Корба чуть не уморила себя съ голоду, добиваясь книгъ; Ивановская страшно разстроилась психически. Обѣ онѣ распухли отъ голода. Ребенокъ Якимовой какимъ-то чудомъ остался живъ, но, говорятъ, у него водянка.

Но есть еще болѣе ужасныя вещи: изъ письма вы узнаете, что Терентьеву отравили, и фактъ тотъ, что о ея смерти не знало ни жандармское управленіе, ни государственная полиція. У насъ есть полное основаніе думать, что Златопольскаго за сношенія съ жандармомъ драли плетьми. Управляющій Д. П. З. показывалъ намъ правила, вышедшія полъ-года тому назадъ, по которымъ отмѣняется всякое различіе между политическими и уголовными осужденными и для политическихъ введены плети. Можно ли быть спокойнымъ послѣ всего этого?... Можно ли быть спокойнымъ, когда инструкція, подобно Дамоклову мечу, виситъ надъ каждымъ изъ насъ, когда каждый стонъ въ крѣпости вызываетъ предположеніе, что кого нибудь дерутъ.

Нельзя терять ни минуты, друзья! Всѣ эти ужасы преслѣдованій и то безпримѣрное мужество, съ которымъ выносятъ ихъ наши братья, слишкомъ мало извѣстны на волѣ.

Нужно пустить въ ходъ всевозможныя средства агитаціи. Нужно, чтобъ общество знало, что въ странѣ цивилизованной, въ центрѣ просвѣщенія, несчастные *гніютъ*, *мучась въ глубокихъ*, *сырыхъ конурахъ крѣпости*, съ одною мыслію — скорѣе умереть. Нужно, чтобъ оно знало, что ежегодно ссылаются сотни людей въ Сибирь на каторгу и на поселеніе, и никто даже фамилій ихъ не знаетъ; неизвѣстно даже въ точности число ссылаемыхъ. Крѣпость — это какая-то бездонная пропасть: вытаскиваютъ, вытаскиваютъ оттуда людей, и все не предвидится конца.

Не забывайте насъ. Извѣстите о крѣпостномъ дѣлѣ. Мы уѣзжаемъ съ страшною мыслію, что всѣ наши погибаютъ...

ИЗЪ ПИСЬМА

одного сосланнаго въ Сибирь весною 1883 г.

Дня за два до нашей отправки изъ Бутырской тюрьмы (въ Москвѣ), къ намъ явилось нѣсколько подгулявшихъ офицеровъ (день былъ праздничный), въ сопровожденіи солдатъ, и произвели осмотръ нашихъ вещей. 22-го апрѣля насъ разбудили въ три часа ночи, сдѣлали перекличку (въ партіи оказалось 74 человѣка) и, окруживъ солдатами съ саблями наголо, повели на Смоленскій вокзалъ. Въ вагоны натискали насъ такъ, что нѣкоторымъ пришлось стоять за неимѣніемъ мѣстъ и спать на грязномъ полу арестантскаго вагона.

Но до Нижняго ѣхать, во всякомъ случаѣ, было сносно. Въ Нижнемъ къ намъ присоединились одесситы, осужденные по послѣднему процессу. Отъ Нижняго до Перми путешествіе совершили на баржѣ. Здѣсь-то началось наше знакомство съ пріятностями, составляющими особенность переправы политическихъ преступниковъ въ Сибирь. Баржа — это обыкновенная барка, по обоимъ концамъ которой сдѣланы камеры; все это соединено желѣзной крышей, немного повыше человѣческаго роста; по краямъ стѣны изъ частей желѣзной рѣшетки; палуба жирно смазана дегтемъ. Мы ѣхали вмѣстѣ съ уголовными. Отъ нихъ намъ удѣлили такое маленькое мѣстечко, что когда всѣ 74 человѣка выйдуть вмѣстѣ, то двигаться невозможно. Тутъ же подъ носомъ ватерклозетъ, тутъ же мы пьемъ чай и обѣдаемъ. Воздухъ ужасный. Въ 9 ч. веч. запираютъ въ камеры до утра. Ночью воздухъ до того портится, что приходилось просто задыхаться. За недѣлю путешествія на этой проклятой баржѣ мы страшно измѣнились. Въ Перми на перекличкѣ произошла отвратительная сцена: Кацари (начальникъ конвоя) собственноручно сорвалъ шапку съ хорошенькой каторж. (Одесс.), Фани Морейнисъ, сказавъ: „Сними, голубушка, шапку и покажи свою головку." Изъ Екатеринбурга поѣхали на лошадяхъ. Ѣхали по 8-ми человѣкъ на телѣгу. Оказывается, что подводъ намъ полагается больше, но деньги, ассигнованныя на это, очевидно, попали въ чей-то карманъ, вѣроятно, въ карманъ Кацари. Дни были холодные, и мы всѣ перемерзли, особенно же одесситы, которымъ почему-то позволено было взять только по 30 фунтовъ багажа, тогда какъ всѣмъ остальнымъ по

5 пудовъ. Въ Тюмени, часа за два до отправки, каторжанамъ объявили, что всѣхъ закуютъ въ кандалы, а непривиллегированныхъ еще и обрѣютъ. (Бритье по инструкціи отмѣнено для политическихъ каторжанъ.) На заковку согласились, а на бритье — никто. Начальство пригрозило, что обрѣютъ силой, на что какъ каторжане, такъ и административные заявили, что противъ силы и у нихъ есть сила. Бритье отмѣнили, но зато заковали всѣхъ каторжанъ въ ручные и ножные кандалы, административныхъ только въ ручные. Заковали также *всѣхъ* женщинъ, идущихъ даже добровольно за своими мужьями. Одна ѣхала съ 2-хъ лѣтнимъ ребенкомъ, — заковали и ее.

Дѣло съ бритьемъ однако не кончилось. Въ Томскѣ возобновилась та же исторія, но тутъ уже предложили обрить всѣхъ, включая и привиллегированныхъ. Сначала этому требованію подчинилась только часть каторжанъ, а за тѣмъ къ нимъ присоединились и остальные, кромѣ двухъ: одного — рабочаго Иванайна, который и до сихъ поръ сидитъ по этому случаю въ томскомъ тюремномъ замкѣ, имѣя въ перспективѣ или быть предану военному суду, или согласиться на бритье. Другой изъ отказавшихся — студ. Матвіевичъ (Одесс.) согласился таки обриться, но вотъ послѣ какого случая. Послѣ побѣговъ уголовныхъ арестантовъ политическихъ стали запирать въ камерахъ на цѣлый день. Матвіевичъ пожелалъ идти гулять и съ этой цѣлью выломалъ въ камерѣ дверь, затѣмъ отнялъ у часового ружье, которое тотъ сталъ было заряжать, и сталъ защищаться штыкомъ отъ солдатъ, сбѣжавшихся на эту исторію. Въ борьбѣ онъ получилъ нѣсколько незначительныхъ, впрочемъ, ранъ. Тѣмъ не менѣе его не привлекли къ отвѣтственности, потому что признали психически больнымъ. Тогда Матвіевичъ заявилъ, что въ доказательство того, что онъ здоровъ, онъ дастъ обрить себя и пойдетъ дальше съ слѣдующей партіей.

Въ Красноярскѣ послѣ нашего отъѣзда произошла слѣдующая исторія: 30 августа изъ замка перевезли въ пересыльную тюрьму и Ольгу Любатовичъ; съ ней же были двое семейныхъ (Новицкій и Филиковъ) и Фани Морейнисъ. Ольга Любатовичъ осуждена еще въ 76 г. и потому по правиламъ должна идти въ арестантскомъ платьѣ, хотя изъ Питера отправили ее въ своемъ, какъ вообще всѣхъ

административныхъ. Въ Красноярскѣ объявили, что всѣ осужденные и лишенные всѣхъ правъ должны быть въ арестантскомъ, а мужчины кромѣ того обриты.

Въ пересыльной тюрьмѣ при пріемкѣ къ дальнѣйшему слѣдованью въ Иркутскъ красноярскій полицеймейстеръ заявилъ Любатовичъ, что она должна переодѣться здѣсь же въ арестантское. Та наотрѣзъ отказалась исполнить это требованіе, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что она изъ Питера до самаго Красноярска шла свободно въ своемъ платьѣ. Такъ какъ она очень рѣшительно протестовала, то полицеймейстеръ не остановился передъ насиліемъ. По его командѣ на нее бросилось нѣсколько человѣкъ служителей и десять уголовныхъ женщинъ, которыхъ полицеймейстеръ спеціально для этого позвалъ. Тогда произошла самая дикая, возмутительная сцена. Толпа эта стала бить ее и рвать на ней одежду. Пока она держалась на ногахъ, то кое-какъ защищалась, но надзиратель ударомъ сапога сбилъ ее съ ногъ, и тогда удары посыпались еще безпощаднѣе. Она сама такъ описываетъ эту расправу: „Я впала въ какое-то оцѣпененіе. Я помню отрывочно, какъ тяжелый сапогъ надзирателя ударилъ со всего размаха въ мою обнаженную грудь; кто-то рвалъ мои волосы, билъ по лицу и, наконецъ, я, обнаженная, распятая на полу въ присутствіи мужчинъ, пережила весь ужасъ и стыдъ изнасилованной женщины. Испугавшись дѣла рукъ своихъ, храбрые подлецы бѣжали, а когда я пришла въ себя, то увидѣла вокругъ только блѣдныхъ, взволнованныхъ товарищей и Фаню, корчившуюся на полу въ истерическихъ судорогахъ“. Вотъ какія вещи дѣлаются у насъ и никто объ нихъ не знаетъ. Удивительно ли, что тутъ самый кроткій человѣкъ можетъ обратиться въ звѣря? Можно ли зайти дальше въ своемъ надругательствѣ надъ врагомъ?

Вторая партія каторжанъ по равелинскому дѣлу Нечаева и по дѣлу убійства шпіона Прейма на Смоленскомъ кладбищѣ пріѣхали уже обритые изъ Питера. По ихъ разсказамъ въ Петербургѣ передъ отправкой изъ крѣпости надъ осужденными продѣлываютъ новое издѣвательство, назыв. „испытаніемъ“. За три мѣсяца до отправки испытуемаго сажаютъ на хлѣбъ и на воду, безъ горячаго, безъ тюфяка, безъ подушки, безъ книгъ (кромѣ евангелія). Цѣль этого „испытанія“ — неизвѣстна, но результаты — ужасны: всѣ

вышли полусгнившіе и едва живые. Одинъ изъ солдатъ (по процессу Нечаева) умеръ въ Томскѣ. Тутъ же умеръ и Клименко (одесскій процессъ), Матвіевичъ (одесскій проц.) сошелъ съума, Поддубенскій (изъ второй партіи) — тоже. Его оставили въ Перми.

Изъ раньше сосланныхъ мы узнали, что Уайковскій (въ Баргузинѣ) покушался отравиться, но былъ спасенъ, Надлачинъ (въ Селенгинскѣ) бросился со скалы и умеръ.

Въ концѣ іюня въ Шлиссельбургскую крѣпость изъ Сибири привезли: Мышкина, Долгушина, Минакова, Юрковскаго, Крыжановскаго и Малавскаго.

ХРОНИКА АРЕСТОВЪ

Въ Вильно арестованы въ августѣ: Шульмейстеръ и наборщикъ легальной типографіи Баудертъ (оба со шрифтомъ).

Въ Ригѣ нѣсколько офицеровъ, между прочимъ Константиновъ; въ сентябрѣ гимназистъ Внуковъ, — въ оковахъ перевезенъ въ Петропавловскую крѣпость. По его дѣлу нѣсколько солдатъ и рабочихъ. При арестѣ Внукова одинъ изъ жандармовъ далъ пощечину сестрѣ его, пытавшейся унести какой-то узелокъ. Все семейство, между прочимъ отецъ священникъ, находится подъ домашнимъ арестомъ.

Въ Бѣлостокѣ взяты Любеницкій и фельдшеръ Фастокъ.

Въ Могилевѣ, въ мартѣ, арестованъ гимназистъ Халфинъ.

Въ Оршѣ, въ апрѣлѣ, арестовано 12 человѣкъ, а не 8, какъ было сказано въ „Приложеніи къ № 1 Листка."

Въ Кіевѣ былъ процессъ соціалистовъ-революціонеровъ партіи Народной Воли. Исаакъ Левинскій присужденъ къ 15 годамъ каторжныхъ работъ, Гориновичъ къ 8-ми, Михаилъ Саранчовъ къ 8-ми, Василій Пироженко къ ссылкѣ въ Восточную Сибирь на 10 лѣтъ, Александръ Бычковъ также въ Сибирь, Ангелъ Богдановичъ оправданъ. Послѣдняго, а равно и Левинскаго, прокуроръ подводилъ подъ смертную казнь, утверждая, что отсутствіе уликъ противъ Богдановича объясняется тѣмъ, что онъ сговорился съ Левинскимъ, принявшимъ его вины на себя. Рѣшеніе суда было, однако, менѣе кровожадно. Предсѣдатель остался, говорятъ, крайне недоволенъ „мягкостью" приговора и тутъ же на судѣ громко высказалъ свое неудовольствіе.

Въ апрѣлѣ арестованъ студентъ Залкиндъ; въ послѣднее время: Борисовъ, Мозловскій, Присецкій (жившій нелегальнымъ подъ фамиліею Глушкина), Мушкинъ, Малеванный, бѣжавшій изъ Балаганска. Студенты: Пѣтухинъ, Забѣлло, Калмансонъ, Лапо; курсистка Зильбербергъ (найдены изданія), сестры Масюкевичъ, Пилкинъ; рабочіе: Конашевичъ (оговариваетъ) и Строгановъ; студентъ Крушинскій сошелъ съума во время заключенія.

Въ Каменецъ-Подольскѣ въ нынѣшнемъ году арестованы: Ткаченко (чинов.), Ярошевскій, Машевскій (умеръ отъ чахотки), Левенталь (гим. 8-го класса), три фельдшера. Въ Городкѣ (Подольск. губ.) арестованъ кассиръ сахарнаго завода Мандрыко, отецъ семерыхъ дѣтей, по подозрѣнію въ переправѣ нелегальныхъ за границу. Висланъ на 5 л. въ Самарскую губ. Въ Барѣ (Под. губ.) арестованъ нар. учитель Шпаковскій, по подозрѣнію въ укрывательствѣ нелегальнаго, личность котораго и до сихъ поръ мѣстными властями не выяснена. Послѣдній былъ также арестованъ, но во время перевозки въ тюрьму подъ конвоемъ двухъ городовыхъ освобожденъ товарищемъ. Конвой при видѣ одного нападающаго разбѣжался, позорно побросавъ оружіе.

Лѣтомъ вторично арестованъ Лампе, бывшій студентъ Петровско-Раз. академіи.

Въ Кронштадтѣ арестованы: лейт. Завалишинъ, мичм. Дружининъ и подпоруч. кронштадтской крѣпости. артил. Папинъ.

Въ Петербургѣ по дѣлу Леонтьева: привезена слушательница бестужевскихъ курсовъ Михайлова (выпущена на поруки), въ сент. Георгій Сазоновъ, писатель, штурманъ подпоручикъ Ювашевъ.

Въ Томскѣ застрѣлился бѣжавшій изъ кіевской тюрьмы 19-го декабря 82 г. Владиміръ Бычковъ. Пріѣхавъ въ Томскъ по революціоннымъ дѣламъ, онъ былъ узнанъ однажды на улицѣ уголовнымъ преступникомъ, сидѣвшимъ съ нимъ вмѣстѣ въ кіевской въ тюрьмѣ. Послѣдній подослалъ къ нему извозчика, чтобы отвезти въ участокъ. Бычковъ выстрѣлилъ въ извозчика, но промахнулся и, не желая отдаваться вторично въ руки полиціи, вторично выстрѣлилъ и убилъ себя.

Въ Одессѣ арестованы: въ августѣ штаб. кап. 3-й минной роты Дм. Чижовъ; люблинскаго пѣхотнаго полка штаб. кап. Телье, поручики Камнискій и Каменскій.

Въ Николаевѣ арестованы флотскіе офицеры: лейтенантъ Янушевскій, Соколовскій, Толмачевъ и Дм. Бубновъ.

Расходившаяся прокурорская рука не оставила въ покоѣ и пѣхоты; въ пражскомъ полку арест.: шт. кап. Талапиндовъ, поручикъ Мицкевичъ, Успенскій и друг. Затѣмъ арестованъ братъ осужденнаго Савелія Златопольскаго и дѣлопроизводитель гор. управы Голиковъ.

Въ Харьковѣ для искорененія „крамолы супостатовъ" наѣхала цѣлая спеціальная коммиссія. Во главѣ ея манекенъ генералъ-маіоръ Середа, а въ качествѣ изслѣдователя душъ дурное подражаніе Добржинскому, его помощникъ Богдановичъ. Арестовывали и допрашивали, разумѣется, всѣхъ, чьи фамиліи попадались на глаза. Богдановичъ вымогалъ показанія угрозами „перевести упорствующихъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ умѣютъ исправлять." Эта угроза ясно показываетъ, что дѣйствительное положеніе заключенныхъ въ этой исторически-знаменитой крѣпости близко къ тому, которое описано въ двухъ письмахъ, изданныхъ редакціей „Н. В.". („Отъ мертвыхъ къ живымъ" и „Каторга и пытка въ Петербургѣ"), и что о такомъ положеніи хлопочетъ прокурорскій надзоръ при Петербургской судебной палатѣ. Онъ находитъ полезнымъ для своихъ инквизиторскихъ цѣлей существованіе пытокъ, хотя бы и утонченнаго свойства (вѣдь мы живемъ въ концѣ XIX столѣтія!....); онъ не стыдится открыто сознаваться въ этомъ, не боясь ни суда общественнаго мнѣнія, ни гнѣва мстителей, которые не замедлятъ явиться.... Такъ и будемъ знать.

Арестованы между прочимъ: студ. Сарачевъ, Иваницкій, Шаровскій (перевезены въ Петербургъ), раб. Титовъ. Въ послѣднее время Кервели, хозяинъ книжнаго магазина.

Умеръ въ тюрьмѣ раб. Яковъ Собко, арестованный въ мартѣ.

Одасевичъ (17 лѣтъ) отвезенъ въ Петроп. крѣпость.

Въ Люботинѣ арестована акушерка Васильева (выпущена на поруки).

Въ Гадячѣ арестованы Чайковскій, Френчукъ и Лозинскій.

Въ Екатеринославѣ арестованы двѣ сестры Пчелкины (курсистки) по распоряженію кіевскаго жандармскаго управленія.

Въ Казани учитель Ник. Моралевъ.

ХРОНИКА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ

О дѣятельности правительства все лѣто почти не было слышно. Оно, какъ удавъ, заглотавъ огромную порцію молодаго поколѣнія, предалось пищеваренію, сладко отъ трудовъ вздремнуло. Между тѣмъ положеніе дѣлъ запутано, начиная съ внѣшней политики и финансовъ и кончая продовольственнымъ вопросомъ включительно. Что дѣлать дальше — никто не знаетъ, и жизнь держащихъ бразды правленія сводится только къ тому, чтобы покушать и заснуть съ надеждою, что утро мудренѣе вечера и что авось кривая и на этотъ разъ вывезетъ. Мы уже имѣли случай высказать, что періоды затишья и тѣмъ болѣе слюняйства во внутренней политикѣ гораздо хуже даже самаго сильнаго правительственнаго свирѣпства, когда дѣлается нелѣпость за нелѣпостью и когда падающій порядокъ самъ себя подтачиваетъ и разрушаетъ.

Революціонная партія обратилась къ временному выжиданію именно въ этихъ видахъ, и только въ этихъ видахъ, т. е., чтобы дать правительству полную возможность надѣлать какъ можно болѣе несообразностей и показать странѣ, что ждать отъ него нечего, что необходима борьба и что путь избранный партіей Народной Воли, — есть путь кратчайшій, если только не единственный. Мы понимаемъ еще путь открытаго общественнаго протеста, во имя ли соціалистическихъ идей или просто общечеловѣческой свободы: но опять таки протеста, протеста рѣшительнаго, организованнаго и дружнаго, а не шопота и ропота и тѣмъ болѣе неосновательныхъ ожиданій, что правительство начнетъ будто бы само что нибудь дѣлать. Мы съ удовольствіемъ слышимъ, какъ теперь все чаще и чаще раздаются сожалѣнія и вопросы — отчего же революціонная партія не дѣйствуетъ, ужъ не истреблена ли она совсѣмъ, не перемѣнила ли программу и т. д. Все это указываетъ не на одно только сочувствіе, а и на распространеніе въ обществѣ убѣжденія, что дѣятельность партіи необходима.

Если бы это было яснѣе раньше, то партіи, конечно, не пришлось бы выносить всю тяжесть борьбы на однихъ только своихъ плечахъ, и общество не переживало бы того, по истинѣ, позорнаго и тягостнаго состоянія, какое переживаетъ. Положеніе это очень тяжелое, но въ тоже время очень

комическое (для правительства, разумѣется, которое его создало и которому его приходится расхлебывать).

Вмѣсто блистательнаго урожая, о каковомъ все лѣто возвѣщалъ „Прав. Вѣстникъ", вдругъ оказывается теперь неурожай („Нов. Врем." октябр.), и народу, обожающему своего монарха, какъ и въ предыдущіе годы, ѣсть нечего. А если у насъ нѣтъ хлѣба, то нѣтъ и денегъ. Даже тотъ хлѣбъ, который взятъ за безцѣнокъ у мужика купцами и который уродился на частно-владѣльческихъ земляхъ, не находитъ себѣ сбыта, вслѣдствіе конкурренціи Америки. Эта свободная страна совсѣмъ сгоняетъ насъ съ международнаго рынка

Курсъ нашъ стоитъ, по обыкновенію, крайне низко. Все настойчивѣе и настойчивѣе говорятъ о новомъ внѣшнемъ займѣ, для предварительныхъ переговоровъ о которомъ г. Бунге уже ѣздилъ за границу. Отношенія къ Германіи болѣе чѣмъ натянуты и ежеминутно грозятъ разрывомъ и войной.

Подыскиваніе союзниковъ пока ни къ чему не привело. Гладстонъ, говорятъ, слишкомъ опредѣленно высказалъ, что на Англію надѣяться нельзя; французы ненадежны и, какъ народъ легкомысленный, сами для насъ опасны. Они сочувствуютъ тому, чтобы начали войну съ нѣмцами, но относительно союза какъ-то умалчиваютъ, точно не хотятъ имѣть съ нами дѣла, и по окончаніи, чего добраго, могутъ потребовать отъ насъ внутреннихъ реформъ и измѣненія того порядка, который установленъ и освященъ самимъ Богомъ. Остальныя государства малы и тоже предпочитаютъ оставаться въ сторонѣ. Кому же, въ самомъ дѣлѣ, охота имѣть дѣло съ варварами и гонителями цивилизаціи, съ душителями и истребителями собственнаго молодаго поколѣнія. Руссификація и прибираніе къ рукамъ славянскихъ земель не удались. Даже изъ Болгаріи теперь выгнали г. г. Соболева, Каульбарса и другихъ нашихъ руссификаторовъ, слишкомъ пахнувшихъ русскимъ произволомъ и плутовствомъ. Мы прежде всего, какъ извѣстно, напустили къ братушкамъ такую массу искателей наживы (среди нихъ красовались имена М. Г. Черняева, П. П. Шувалова и др.), желавшихъ забрать ихъ въ руки при помощи желѣзныхъ дорогъ и монополій, такихъ грабителей и представителей дикости и показали имъ такіе политическіе идеалы, что напугали ихъ и совершенно оттолкнули

отъ себя. Словомъ, нѣмцы одержали надъ нами несомнѣнную дипломатическую побѣду. Не подлежитъ также сомнѣнію, что за ними же останется побѣда въ случаѣ войны. Это понимаютъ и сами нѣмцы: никогда еще желѣзный канцлеръ не высказывалъ ни къ кому столько явнаго презрѣнія, какъ къ настоящему русскому правительству. Онъ безцеремонно возводитъ на границахъ крѣпости, поощряетъ германскую эмиграцію въ Россію и учреждаетъ, какъ это было недавно, особую коммиссію изъ нѣмецкихъ инженеровъ и тайныхъ совѣтниковъ для изслѣдованія желѣзныхъ дорогъ. Прусская королевская дирекція желѣзныхъ дорогъ дѣлаетъ даже нѣчто въ родѣ предписанія Правл. Общ. юго-западн. желѣзныхъ дорогъ — оказать всевозможное содѣйствіе комиссіи для ознакомленія ея съ состояніемъ русскихъ дорогъ. Узнали объ этомъ въ Петербургѣ, говорятъ, только тогда уже, когда большая часть дорогъ была осмотрѣна; и узнали только благодаря личнымъ счетамъ русскихъ и нѣмецкихъ желѣзнодорожныхъ заправилъ. Чего же больше? Нѣмцы заселяютъ Царство Польское и открыто изслѣдуютъ наши пути сообщенія; американцы, въ лицѣ русско-американской элеваторной комп., захватываютъ въ руки наше послѣднее достояніе — хлѣбную торговлю. Г. Катковъ поддерживаетъ, со одной стороны, ихъ, а съ другой — русскихъ купцовъ, ведя съ тѣми и другими черезъ своихъ посредниковъ почти открытые переговоры о томъ, кто больше ему дастъ. Катковскихъ посредниковъ — Петровскаго, Маркевича, Гейнса (бывш. казанск. губ.) и друг.—всѣ знаютъ такъ же хорошо, какъ и министровъ гатчинскаго монарха. Положеніе дѣлъ внутри государства грозитъ самымъ серьезнымъ замѣшательствомъ. Расходы по всѣмъ вѣдомствамъ ростутъ, хищенія продолжаются и бюджетныя дыры затыкаются только изъ экстренныхъ источниковъ, которые въ концѣ концовъ должны же изсякнуть. Въ Мин. Госуд. Имущ. продолжается отчужденіе и обмѣнъ хорошихъ казенныхъ земель на негодныя частныя, идетъ отдача въ аренду и продажа горныхъ заводовъ. Всюду раздаются субсидіи и привиллегіи. Г. Авсѣенкѣ, напр., при помощи Каткова, отдали, говорятъ, „С. П. Б. Вѣдомости“ (приносившія при Коршѣ до 70 т. р. аренды) безплатно и кромѣ того ассигновали 12 т. р. въ годъ на поддержку. Всюду мракъ, духота и полная невозможность

дышать. О положеніи политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ нечего и говорить: оно достаточно рисуется вышеприведенными корреспонденціями. Коммиссія помилованія (для разсмотрѣнія дѣлъ и подведенія ихъ подъ манифестъ) до сихъ поръ не приступала еще къ занятіямъ. Члены ея имѣли весною одно засѣданіе, а потомъ разъѣхались дышать чистымъ воздухомъ и купаться въ моряхъ и заливахъ, разсуждая, что не подохнутъ же люди въ то время, когда они будутъ купаться, и что еслибы даже кто нибудь и подохъ, то не велика бѣда. Говорятъ, впрочемъ, что въ этой медленности есть и умыселъ — сдерживать дѣятельность партіи, въ надеждѣ на смягченіе участи товарищей, причемъ совершенно забываютъ, что для этого есть совсѣмъ другіе мотивы и что на удавье великодушіе никто и не разсчитываетъ. Изъ дѣлъ административно-ссыльныхъ будутъ разсматривать, говорятъ, только тѣ, по которымъ будутъ поданы ссыльными прошенія о помилованіи, съ выраженіемъ раскаянія. А очень возможно, что никакихъ дѣлъ разсматриваться не будетъ и коммисія будетъ существовать, по примѣру другихъ коммиссій, десятки лѣтъ только для того, чтобы тянуть дѣло. Чернышевскаго рѣшено перевести въ Астрахань, куда онъ, по слухамъ, уже ѣдетъ. Пунктъ и время для пути выбраны, какъ нарочно, такіе, чтобы окончательно сломить здоровье насчастнаго старика. Прошеніе его дѣтей о смягченіи его участи было подано еще въ мартѣ. Постановленіе о переводѣ состоялось въ августѣ, а переводятъ его только теперь, въ октябрѣ или ноябрѣ. Флигель-адъютантъ Нордъ, командированный для разслѣдованія карійскаго дѣла объ избіеніи каторжанъ въ маѣ 82 г., согласно желанію и внушенію гр. Толстого, выраженному при отправленіи его въ командировку, донесъ, что настоящими каторжанами въ Карѣ являются начальствующія лица, а начальствующими лицами каторжане, такъ что ближайшая задача власти состоитъ въ перемѣщеніи этихъ ролей. Довольно остроумно для ф.-адъютантовъ.

Положеніе объ усиленной охранѣ продолжено еще на годъ (со включеніемъ въ районъ охраны еще Саратовскаго уѣзда), не смотря на то, что никакихъ видимыхъ причинъ для этого не было. Это достаточно можетъ показать, насколько правительство чувствуетъ себя прочнымъ. Оно можетъ жить и спать только подъ охраною штыковъ. Ему

мерещатся всюду красные призраки. Похороны Тургенева, напр., возбудили столько колебаній — разрѣшать ихъ или нѣтъ — и вызвали столько приготовленій, что можно было подумать, что ожидается революція. На нихъ была сдвинута почти вся наличная петербургская полиція, цѣлый полкъ казаковъ съ нагайками и великое множество жандарм. и шпіоновъ. Г. Грессеръ былъ верхомъ на лошади. Вдали гдѣ то раздавались артиллерійскіе выстрѣлы. Военнымъ было запрещено участвовать въ похоронахъ, за чѣмъ надзирали плацъ-адьютанты; народъ также не пускали, онъ стоялъ шпалерами по пути процессіи. Все это дѣлало похороны какимъ то казеннымъ строемъ, какою то прогулкою кандальниковъ. Депутаціи проходили сквозь настоящій строй полицейскихъ глазъ. Нѣкоторые депутаты всю дорогу молчали или говорили шопотомъ и озираясь; а кто то, смотря на казачьи плети, даже замѣтилъ: „Ужъ не имѣется ли въ виду произвести опытъ тѣлесныхъ наказаній въ большихъ размѣрахъ?“ Можетъ быть доживемъ и до этого. Любопытно также то, что и за границей думали, что по случаю тургеневскихъ похоронъ будетъ серьезная уличная демонстрація: иностранныя банкирскія конторы сносились въ этотъ день съ Петербургомъ телеграммами («Нов. Вр.»). Еврейскіе погромы тамъ и сямъ продолжались всю осень и будутъ, вѣроятно, продолжаться, не смотря ни на какія мѣры строгости, пока не разольются общимъ пожаромъ и не направятся на дѣйствительныхъ виновниковъ и народной нищеты, и еврейскихъ несчастій и положенія вообще. Тамъ и сямъ слышно о поджогахъ помѣщичьихъ гуменъ и усадебъ. Тамъ и сямъ (въ Подольской, въ Кіевской, въ Уфимской губ. и Прибалтійскомъ краѣ) слышно объ огромныхъ убійствахъ. „Нов. Вр“ сравниваетъ Уфимскую губернію, по обилію этого рода фактовъ, даже съ Ирландіею; „Прав. Вѣст.“ опровергаетъ газетные слухи объ убійствѣ управляющихъ и т. д. Да, недовольство замѣтно ростетъ вездѣ и во всѣхъ слояхъ населенія. Даже московскія колокольни недовольны. Московскій городской голова, г. Чичеринъ, не дослуживъ нѣсколько мѣсяцевъ до срока, былъ, какъ извѣстно, уволенъ по высочайшему повелѣнію отъ должности за произнесеніе на обѣдѣ городскихъ головъ во время коронаціи рѣчи, въ которой было нѣчто невольное о конституціи. И вотъ теперь Москва протестуетъ: подноситъ г. Чичерину

званіе почетнаго гражданина гор. Москвы и забаллотировываетъ всѣхъ выступившихъ на должность головы кандидатовъ. Люди же болѣе порядочные не хотятъ и сами баллотироваться, не желая становиться въ положеніе пѣшки, которую можно, по произволу, передвигать и убирать со стола. Протестуетъ въ Москвѣ преимущественно богатое купечество и,—что въ особенности любопытно,—протестуетъ совершенно самостоятельно. „Нов. Вр." пугаетъ москвичей тѣмъ, что голову имъ придѣлаютъ — назначатъ (не Катковъ ли?). Только этого развѣ еще не доставало. Въ Петербургской думѣ также недовольство по случаю градоначальническаго протеста противъ ассигнованія городомъ 3 т. р. на похороны Тургенева. По городовому положенію, видите ли, расходы могутъ дѣлаться думою только на нужды и пользы города, къ каковымъ похороны Тургенева, нашли въ градоначальствѣ, отнесены быть не могутъ. Конечно, нашелъ это не самъ Грессеръ, а другіе, повыше и потолковѣе его. Самъ Грессеръ слишкомъ джентльменъ для этого. Онъ, правда, достаточно безличенъ, чтобы возражать начальству (онъ, какъ извѣстно, не протестовалъ даже противъ отобранія у него жены Дундуковымъ-Корсаковымъ); но на такую вещь самъ не рѣшился бы. — И замѣтьте, все это дѣлается заднимъ числомъ, послѣ того, какъ ассигновка уже была выдана, и дѣлается исключительно въ видахъ поддержанія правительственнаго авторитета! Когда дума ассигновала десятки тысячъ на похороны царей, на пріѣзды Вильгельмовъ и персидскихъ шаховъ, то никто не протестовалъ. Одинъ изъ гласныхъ справедливо замѣтилъ, что отдѣлка дома градоначальника тоже, какъ будто, не подходитъ къ нуждамъ и пользамъ города, а на нее между тѣмъ было израсходовано 6 т. р. Но надъ всѣмъ этимъ стоитъ законодательная дѣятельность, выразившаяся введеніемъ въ учебныя заведенія тѣлесныхъ наказаній (циркуляръ Мин. Народ. Просв.) и цѣлымъ рядомъ самыхъ удивительныхъ высочайшихъ повелѣній о пуговицахъ, о приготовленіи и продажѣ „фруктовыхъ морсовъ" („Пр. Вѣст." № 204), „о дозволеніи въ Закавказкомъ краѣ въ азіатскихъ кофейняхъ и харчевняхъ подачи трубокъ съ персидскимъ табакомъ" („Пр. Вѣст." № 205) и т. п. Пища, сонъ и прохладительные морсы—все это очень вяжется между собою. Къ этому же надо присоединить еще соколиную охоту, для

которой около Пулкова выстроенъ особый домикъ, куроводство, которымъ занимается самъ императоръ, и разныя другія забавы. Пищи у всѣхъ много (и Плеве до того разлопался, что недавно получилъ нервое параличное предостереженіе, къ сожалѣнію, довольно легкое), а времени у всѣхъ еще того больше; умственныхъ интересовъ у всѣхъ мало, а совѣсти еще того меньше. Вотъ и получается изъ всего этого безпечальное житіе, житіе, однако, въ отдаленіи отъ жизни, за запорами и подъ охраною шпіоновъ и солдатъ. Въ обществѣ не мало людей, которые спрашиваютъ: чѣмъ же все это кончится и что надлежитъ дѣлать для того, что бы все это измѣнить къ лучшему? Ахъ, какіе это странные люди! Неужели же не ясно, что все это можетъ имѣть только одинъ конецъ, о скорѣйшемъ наступленіи котораго и надо стараться всѣмъ, у кого есть стыдъ, не заглохла еще совѣсть и у кого въ груди бьется не мѣдный маятникъ, а живое человѣческое сердце.

Дополненіе къ арестной хроникѣ. Въ Варшавѣ въ сентябрѣ арестованы: Людовикъ Варынскій пелег., Эдм. Плоскій, кандидатъ правъ, и кл. дама Маріинскаго Института въ Варшавѣ Александ. Іентысъ. Подробности этихъ арестовъ, кот. жандармы придають большое значеніе, будутъ помѣщены въ „Приложеніи къ Листку.“ *)

Въ цитадели умеръ рабочій Шиманскій.

ОТЪ ЦЕНТРАЛЬНАГО КОМИТЕТА ПАРТІИ „ПРОЛЕТАРІАТА“

30 сент. (12 окт.) текущаго года приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ, произнесенный Центральнымъ Комитетомъ надъ доносчикомъ Шрамскимъ, въ Згежѣ.

Таже участь встрѣтитъ каждаго измѣнника, доносчика и шпіона.

Центральный Комитетъ.

Летучая Типографія «Народной Воли». СПБ. 26 октября 1883 г.

---

*) Было ли это «Приложеніе»? *Ред. Сборника.*

НАРОДНАЯ ВОЛЯ

СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Годъ пятый. — № 10 — сентябрь 1884.

Лѣтомъ 1882 г. умеръ на Карѣ извѣстный революціонеръ рабочій Яковъ ТИХОНОВЪ.

Осенью 1883 г. въ Петропавловской крѣпости окончила жизнь самоубійствомъ Анастасія ОСИНСКАЯ.

Въ ноябрѣ того же года въ Иркутскѣ разстрѣлянъ учитель Константинъ НЕУСТРОЕВЪ.

Въ маѣ 1884 г. застрѣлился въ Тифлисѣ передъ высылкою въ Сибирь агрономъ Іосифъ ЕЛЕОЗОВЪ.

Нынѣшнимъ лѣтомъ отравился въ Бернѣ польскій эмигрантъ соціалистъ ДИКШТЕЙНЪ.

Въ началѣ нынѣшняго года умеръ на Карѣ извѣстный революціонеръ Дмитрій РОГАЧЕВЪ.

ОТЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА
ПАРТІИ НАРОДНОЙ ВОЛИ

Сегодня, въ пятницу, агентами Исполн. Ком. казненъ инспекторъ секретной полиціи, жандармскій подполковникъ Г. П. Судейкинъ, при чемъ убитъ защищавшій его сыщикъ.

С.-Петербургъ, 16 декабря 1883.

ОТЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА
ПАРТІИ „НАРОДНОЙ ВОЛИ“*)

Правительство назначаетъ денежныя награды въ *нѣсколько тысячъ рублей* тѣмъ, кто предастъ лицъ, казнившихъ начальника тайной полиціи, жандармскаго подполковника Судейкина.

Исполнительный Комитетъ объявляетъ, что *смерть* грозитъ каждому предателю.

С.-Петербургъ, 26 февраля 1884 г.

ОТЪ ЦЕНТРАЛЬНАГО УПРАВЛЕНІЯ
КРАСНАГО КРЕСТА НАРОДНОЙ ВОЛИ

Болѣе чѣмъ двухлѣтній опытъ показалъ, что существованіе „Заграничнаго Отдѣла Краснаго Креста Народной Воли“ не представляетъ никакой практической необходимости, какъ по неимѣнію въ дѣйствительности никакихъ чисто заграничныхъ дѣлъ, такъ и по неудобству для членовъ этого отдѣла, разсѣянныхъ по различнымъ городамъ Европы, частыхъ и живыхъ личныхъ сношеній, вслѣдствіе чего вся дѣятельность ихъ ограничивалась на практикѣ простою пересылкою въ Россію поступавшихъ пожертвованій, — т. е. такою ролью, которая могла бы быть поручена съ гораздо большими удобствами простымъ отдѣльнымъ агентамъ. На основаніи всего этого, *„Центральное Управленіе Краснаго Креста Н. В.“* постановило: упраз-

---

*) Это заявленіе И. К. подало въ свое время поводъ къ очень непріятному недоразумѣнію: многіе полагали, что И. К. бралъ Дегаева какъ бы подъ свою защиту и такимъ образомъ объявлялъ себя какъ бы солидарнымъ съ нимъ. Для устраненія этого недоразумѣнія считаемъ не безполезнымъ пояснить теперь, что заявленіе И. К., появившееся въ отвѣтъ на нахальное обращеніе правительства къ продажнымъ душамъ, относилось не къ одному Дегаеву, а ко всѣмъ лицамъ, участвовавшимъ въ фактѣ 16 декабря; что же касается самого Дегаева, то И. К. хотѣлъ сказать лишь то, что распоряженіе судьбою Дегаева принадлежитъ исключительно ему, и что онъ не допуститъ вмѣшательства въ это дѣло добровольныхъ и наемныхъ пособниковъ правительства.

днить заграничный отдѣлъ и замѣнить его единичными агентами, находящимися въ непосредственныхъ съ нимъ сношеніяхъ, предложивъ эту роль, какъ прежнимъ членамъ заграничнаго отдѣла (въ случаѣ ихъ на то согласія), такъ и другимъ благонадежнымъ лицамъ. Обо всемъ вышеизложенномъ доводится симъ до свѣдѣнія членовъ партіи Народной Воли и всей сочувствующей ей публики.

ОТЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА
ПАРТІИ НАРОДНОЙ ВОЛИ

Въ виду разнообразныхъ и большею частью ложныхъ слуховъ, распространяющихся о фактахъ, связанныхъ съ казнью Судейкина, Исп. Ком. партіи Н. В. считаетъ своею обязанностью передъ товарищами и передъ публикой обнародовать по этому поводу слѣдующее. — Изъ нашихъ предыдущихъ публикацій извѣстно, что И. К. рѣшилъ до появленія коронаціоннаго манифеста Александра III не производить никакихъ наступательныхъ дѣйствій, предоставивъ русскому правительству самому доказать русскому обществу, что оно, правительство, и не обезпокоиваемое ударами революціонеровъ, не способно ни къ какимъ благодѣтельнымъ для Россіи мѣрамъ. Казнь Стрѣльникова, подготовленная заранѣе, была лишь частнымъ средствомъ самозащиты.

Но это преднамѣренное бездѣйствіе, которое, благодаря неслыханной трусливости Александра III, превзошедшей всѣ разсчеты и предположенія И. К., растянулось на слишкомъ продолжительное время, — начало истолковываться не только врагами, но даже нѣкоторыми членами организаціи Н. В., какъ результатъ ослабленія партіи вслѣдствіе крупныхъ ударовъ, нанесенныхъ ей передъ этимъ. Это могло въ особенности имѣть мѣсто для кое-кого изъ тѣхъ лицъ, которыя, занимая лишь второстепенныя положенія въ организаціи, не дозволявшія имъ обладать надлежащими свѣдѣніями о ея намѣреніяхъ и силахъ, и очутившись вслѣдъ затѣмъ въ заключеніи или ссылкѣ, отрѣзавшихъ ихъ отъ живыхъ сношеній съ товарищами, — могли лишь крайне недостаточно знать то, что дѣлалъ или имѣлъ въ

виду сдѣлать въ это время Комитетъ. Такое малодушно-недовѣрчивое отношеніе къ внутренней силѣ нашего дѣла и къ наличнымъ силамъ защищающей его партіи, въ связи съ несчастнымъ личнымъ характеромъ, представляющимъ уродливую смѣсь громадной самоувѣренности и самонадѣянности съ позорнымъ страхомъ за свою личную безопасность и благополучіе, повели въ одномъ случаѣ къ цѣлому ряду глубоко прискорбныхъ и прямо преступныхъ дѣйствій, нанесшихъ партіи много непоправимаго нравственнаго и матеріальнаго вреда и дѣйствительно парализовавшихъ на время ея дѣятельность. Мы говоримъ, конечно, о С. П. Дегаевѣ, — человѣкѣ, присоединившемся къ партіи въ моментъ ея могущества, исполнявшемъ многія довѣренныя ему службы и поднявшемся поэтому во время позднѣйшихъ разгромовъ довольно высоко въ организаціонной іерархіи, хотя его прошедшее, бѣдное серьезными испытаніями, и не давало всѣхъ требуемыхъ въ другое время гарантій безусловной состоятельности во всѣхъ случаяхъ. Арестованный въ Одессѣ въ декабрѣ 1882 года, чувствуя себя скомпрометированнымъ самымъ серьезнымъ образомъ, устрашенный открывавшейся передъ нимъ перспективой личной гибели, малодушно смѣшивая подъ вліяніемъ тюремныхъ иллюзій и своего слабаго характера, свою собственную гибель и безсиліе съ гибелью и безсиліемъ самого дѣла и партіи и суевѣрно представляя себѣ схватившую его полицію Судейкина какою-то всемогущею, вездѣсущею силою, онъ рѣшился на такой планъ дѣйствій, который не только спасалъ его отъ каторги, но и открывалъ передъ нимъ, по его мнѣнію, заманчивую перспективу блестящей политической роли. А именно, находясь въ этомъ состояніи духовнаго помраченія и нравственнаго паденія и отрѣзанный отъ нравственной поддержки болѣе сильныхъ и благородныхъ товарищей, онъ задумалъ купить признательность и довѣріе правительства цѣной выдачи ему своихъ вчерашнихъ друзей и его злѣйшихъ враговъ, съ тѣмъ чтобы впослѣдствіи, заручившись полнымъ довѣріемъ самодержавной власти, нанести ей при случаѣ рѣшительный ударъ. Съ этими химерическими, смутными и глубоко безнравственными идеями въ головѣ, онъ предложилъ Судейкину свои услуги, которыя и были охотно приняты перепуганнымъ правительствомъ, немедленно устроившимъ ему под-

ложный побѣгъ, приведшій снова въ ряды партіи этого безсовѣстнаго и опаснаго предателя. Если вѣрить его собственнымъ объясненіямъ, то онъ льстилъ себя нѣкоторое время надеждами на то, что ему удастся достигнуть своей цѣли цѣною, сравнительно незначительныхъ жертвъ, выдавая лишь второстепенныя дѣла и личности и спасая всѣхъ важныхъ дѣятелей и всѣ важныя предпріятія и учрежденія и даже обезпечивая этимъ послѣднимъ болѣе широкое развитіе подъ его самоличною охраною. Но дѣйствительность скоро разбила эти фантастическіе планы и показала всю химеричность этой безпринципной и преступной затѣи. Находясь подъ неустаннымъ давленіемъ ненасытной полиціи и подъ непрестаннымъ опасеніемъ потерять ея довѣріе и возбудить противъ себя ея подозрѣнія, онъ былъ вынужденъ мало по малу выдать ей почти все, что зналъ, не щадя ни личныхъ друзей, ни довѣрявшихъ ему знакомыхъ, ни учрежденій и предпріятій самаго серьезнаго свойства, за исключеніемъ лишь того, что оставалось ему неизвѣстнымъ въ силу его іерархическаго положенія. Мало того, подъ давленіемъ тѣхъ же мотивовъ и для приданія себѣ большей важности и болѣе прочнаго положенія, ему пришлось даже сочинять небывалыя предпріятія и приписывать многимъ отдѣльнымъ личностямъ, даже и не принадлежавшимъ совсѣмъ къ организаціи, совершенно фантастическое значеніе. Но все это, конечно, не повело ни къ чему и, разрушивъ множество серьезныхъ предпріятій и погубивъ не мало благородныхъ личностей, нисколько не вывело его самого изъ позорнаго положенія обыкновеннаго предателя и сыщика. И вотъ, подавленный сознаніемъ своего преступнаго самообольщенія, невольно поддаваясь вліянію окружавшей его опять нравственной атмосферы, мучимый угрызеніями совѣсти, отчаявшись въ возможности для себя не только блестящей, но и какой бы то ни было карьеры, удерживаемый правительствомъ въ незавидной роли полицейской ищейки, постоянно опасаясь обнаруженія своей позорной тайны и утомленный въ конецъ вѣчной борьбой съ непрестанно возникавшими противъ него подозрѣніями, онъ рѣшился напослѣдокъ открыться Исп. Комитету, предоставивъ этому послѣднему или подвергнуть его заслуженной казни, или дозволить ему искупить, хотя до нѣкоторой степени, свое преступленіе какою-нибудь услугою дѣлу партіи.

Очутившись передъ лицомъ этой глубоко печальной и трагической задачи, И. К., какъ представитель политической партіи, не счелъ себя въ правѣ дѣйствовать подобно частному лицу въ обыденной жизни и руководствоваться въ своемъ рѣшеніи только нравственной брезгливостью да требованіями отвлеченной справедливости. Напротивъ того, онъ полагалъ, что его прямая обязанность состояла въ томъ, чтобы, обезпечивъ — путемъ ли физической смерти, или иными способами — полное уничтоженіе личности Дегаева для партіи, правительства и общества, достигнуть вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторыхъ другихъ важныхъ цѣлей. А именно, — онъ нашелъ необходимымъ: 1) — спасти прежде всего тѣхъ изъ дѣйствительныхъ дѣятелей, которые, хотя и были указаны полиціи, находились еще на свободѣ; 2) — вывести изъ-подъ надзора полиціи указанныя ей учрежденія и скрыть ихъ вполнѣ надежнымъ образомъ; 3) — отобрать у Дегаева подробныя свѣдѣнія обо всѣхъ наемныхъ агентахъ и добровольныхъ пособникахъ политической полиціи; 4) — и, наконецъ, казнить самого Судейкина (но непремѣнно руками самого же Дегаева), ибо этотъ неутомимый сѣятель политическаго разврата долженъ былъ, по мнѣнію Комитета, погибнуть въ той самой ямѣ, которую онъ рылъ другимъ, оставивъ собственной гибелью вѣчно памятный урокъ того, какъ ненадежно все основанное на предательствѣ. Къ тому же только такое взаимоистребленіе двухъ достойныхъ другъ друга дѣятелей могло, по его мнѣнію, успокоить, хоть до нѣкоторой степени, возмущенное нравственное чувство зрителей этой трагедіи и дѣйствительно обезпечить на будущее время полную невозможность новаго выступленія Дегаева на той или другой сторонѣ русской политической арены. Нѣтъ надобности прибавлять, что всѣ выдачи были прекращены безусловно съ того самаго момента, какъ Дегаевъ отдался въ распоряженіе Исполнительнаго Комитета.

Что касается того, какъ выполнены приказанія Комитета касательно казни Судейкина, то это достаточно извѣстно всѣмъ и каждому изъ разныхъ газетъ. Вынужденный горькою необходимостью преодолѣть свою нравственную брезгливость и законное негодованіе и воспользоваться услугами Дегаева, И. К. нашелъ справедливымъ замѣнить ему смертную казнь безусловнымъ изгнаніемъ его изъ партіи

съ запрещеніемъ ему, подъ опасеніемъ смерти, вступать когда-либо на почву русской революціонной дѣятельности. И. К. приглашаетъ всѣхъ членовъ партіи Н. В. слѣдить за точнымъ выполненіемъ этого приговора, а также за поведеніемъ другихъ лицъ, занимавшихъ себя договорами съ Судейкинымъ, Плеве и вообще полиціей.

Пусть эти лица знаютъ, что организація предупреждена объ ихъ продѣлкахъ, и помнятъ, что въ настоящее время единственный выходъ для нихъ составляетъ добровольное удаленіе къ частной жизни. Не смотря на всю важность занимающихъ его вниманіе цѣлей, И. К. найдетъ время неуклонно преслѣдовать дѣло очищенія русской политической атмосферы отъ деморализаціи, развитой въ ней Судейкинымъ.

Исполн. Ком. 21 декабря 1883 г.

Петербургъ 1 января 1884 г.

Ошибки революціонера и преступленія предателя не могутъ измѣнить ходъ исторіи, но временно они способны всетаки приносить неисчислимую массу зла. Мы пережили этотъ страшный опытъ и тяжко расплатились за него, вынужденные на цѣлые полтора года волей-неволей перейти отъ наступленія къ оборонѣ и напрягать всѣ свои силы уже для сохраненія хотя бы только собственныхъ позицій. Надѣемся, что мы имѣемъ право теперь громко сказать, что не теряли за это время ни бодрости, ни вѣры. Мы понимали, что въ концѣ концовъ побѣда должна быть наша. Вѣдь не коренная ошибка въ общей постановкѣ нашей дѣятельности, не несоотвѣтствіе ея съ общимъ ходомъ дѣлъ въ Россіи наносили намъ ударъ. Этотъ ударъ былъ нанесенъ прежде всего измѣной и усиленъ затѣмъ частными ошибками организаціи — недостаткомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ осмотрительности, чрезмѣрною торопливостью въ пріемѣ членовъ, смѣшеніемъ иногда въ одну кучу совершенно разнородныхъ дѣлъ и т. д. Но какъ ни важны всѣ эти частныя обстоятельства, невѣроятнымъ казалось допустить, чтобы временныя послѣдствія ихъ не могли быть исправлены организаціей, выросшей въ такомъ тѣсномъ соотвѣтствіи съ запросами и условіями современной рус-

ской жизни. Мы твердо вѣрили, что тяжелое время пройдетъ наконецъ. Иначе думали, повидимому, наши противники. Они громко и радостно праздновали наше предполагаемое пораженіе. „Народная Воля погибла“, „Народная Воля должна погибнуть“ — такъ кричали на всѣ лады добровольные и наемные прислужники деспотизма. Они торопились хоронить и, полные увѣренности въ томъ, что вмѣстѣ съ нами сходитъ въ могилу вообще живое революціонное движеніе, начинали дѣйствовать съ неслыханнымъ нахальствомъ. Судейкинъ замышлялъ уже съѣздъ „революціонеровъ“. на которомъ его шпіоны должны были провести новую „програму“; за границей, подъ покровительствомъ полиціи и на козенныя деньги, затѣвались яко бы революціонные журналы. Шпіонскія брошюры кричали, что терроръ уже сдѣлался невозможнымъ, благодаря успѣхамъ полицейской организаціи *); что общественныя силы уже отшатнулись отъ насъ и организуются подъ другими знаменами.**) Прикрываясь всевозможными ярлычками, нечистые голоса на всѣ лады старались оторвать русскія революціонныя силы отъ Народной Воли, усердно выкрикивая каждый день бюллетени ея близкой смерти... А намъ приходилось молчать; и что, въ самомъ дѣлѣ, могли бы сказать мы? Не разсыпаться же въ увѣреніяхъ, что мы еще живы! Напрягая всѣ силы въ борьбѣ, приходилось волей неволей слушать этотъ концертъ ругани, лжи и восторговъ, и мы молча дѣлали свое дѣло, собирая силы, разстраивая интриги полиціи и реакціонныхъ авантюристовъ, да повторяя про себя: „Радуйтесь, господа, радуйтесь! только кому-то на послѣдокъ весело будетъ?“

Но вотъ теперь декорація внезапно перемѣняется. Радостныя завыванія трихинныхъ голосовъ, удары ослиныхъ копытъ и т. д. и т. д. — все это вдругъ проваливается куда-то сквозь землю; выхоленныя физіономіи хитроумныхъ правителей Россіи вытягиваются. Г. Побѣдоносцевъ восклицаетъ: „Кто говоритъ о завтрашнемъ днѣ? Развѣ мы знаемъ, что завтра не будемъ тамъ-же, гдѣ подполковникъ?“ (Судейкинъ). Самодержецъ упятеряетъ свою безчисленную стражу, заправители и сторонники осужденнаго на погибель

*) «Соврем. пріемы политической борьбы въ Россіи».
**) «Не знаю къ кому» Мальчинскаго.

порядка начинаютъ понимать, что безпечальное время восторговъ не имѣло въ дѣйствительности никакого права на существованіе; библейское „мани, факелъ, фаресъ“ снова загорается передъ ожирѣвшими глазами, такъ долго отдыхавшими на зрѣлищѣ притворныхъ иллюминацій да на страницахъ успокоительныхъ судейкинскихъ докладовъ. Что же случилось, однако? Что могло такъ внезапно превратить шумное ликованіе въ малодушную дрожь? Случилось то, что вѣчно печальной и мрачной памяти исторія Дегаева съ Судейкинымъ пришла къ своему окончанію, совершенно неожиданному для правительства. Послѣднее воображало себя до сихъ поръ господиномъ положенія и покоилось въ блаженныхъ сновидѣніяхъ о томъ, будто вся революціонная организація находится въ его рукахъ. И вдругъ — великій чародѣй шпіонскаго „умиротворенія“ внезапно исчезаетъ со всѣми затѣями, не имѣя времени даже сказать: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“ и м. б. даже сознать, насколько сильнѣе его оказалось нравственное вліяніе революціонной организаціи. Тяжелая завѣса падаетъ на глаза правительства. Оно ничего не видитъ, не знаетъ, не понимаетъ. Оно не только теряетъ человѣка, „жизнь котораго, по словамъ Плеве, наиболѣе драгоцѣнна для Россіи послѣ жизни Государя Императора“, оно убѣждается сверхъ того, что революціонная организація, даже въ то время, когда ея значительное разстройство совпадаетъ съ появленіемъ въ лагерѣ правительства совершенно исключительнаго таланта Судейкина, — оказывается всетаки непобѣдимой, потому что обладаетъ безконечно большей нравственной силой, чѣмъ ея противники. Пробужденіе, нужно сознаться, довольно непріятное. Признавая, однако, все значеніе факта 16 декабря, нельзя всетаки не пожать съ улыбкою плечами, когда видишь, что это событіе является для правительства совершенно какимъ-то откровеніемъ. Давно уже остроумный писатель замѣтилъ, что нервы нашихъ правителей способны воспринимать только такія экстраординарныя впечатлѣнія, какъ взрывъ динамита или ударъ кинжала; теперь приходится нѣсколько расширить область воспріимчивости этихъ деревянныхъ нервовъ и присоединить къ доступнымъ для нихъ впечатлѣніямъ еще ударъ полупудоваго лома. О, господа, съ такими тонкими способностями къ пониманію политической жизни и обще-

ственныхъ явленій вы, дѣйствительно, имѣете всѣ шансы увидать передъ собой уже не кинжалъ или ломъ, а эшафотъ. И гдѣ только, подумаешь, память у этихъ людей! Кажется, сколько разъ уже они хоронили революцію и Народ. Волю, сколько разъ жестоко разочаровывались въ этомъ и остаются всетаки неисправимы. Въ 1879 году, въ то самое время, когда Исп. Ком. начиналъ свой „походъ“ противъ Александра II, начальникъ III отдѣленія, обрадованный появленіемъ какого-то предателя (чуть ли не Швецова) говорилъ: „Ну, теперь я могу самому Государю доложить, что революціонная организація у меня въ рукахъ“. Это было за нѣсколько недѣль до 19 ноября. Послѣ предательства Гольденберга насъ снова поспѣшили похоронить, хотя очень не надолго, потому что тутъ какъ разъ случился взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ. Но деревянные нервы и деревянная способность пониманія снова усыпляютъ лагерь душителей; насъ опять хоронятъ, и только 1-ое марта было способно возвратить ихъ отъ пріятныхъ сновидѣній къ печальной дѣйствительности. Теперь въ недавнее время насъ опять похоронили, съ обычными увѣреніями, что это ужъ окончательное погребеніе. Гибель Судейкина заставляетъ, однако, нашихъ премудрыхъ политиковъ опять измѣнить мнѣніе и повергаетъ ихъ снова въ отчаяніе. Этотъ рядъ фактовъ можетъ напомнить людямъ, не соприкасающимся близко съ партіей, насколько можно полагаться на оффиціальныя мнѣнія относительно уничтоженія крамолы и т. п. Легкомысліе этихъ мнѣній, періодически перебѣгающіхъ по всѣмъ оттѣнкамъ отъ высокомѣрія до паническаго страха, — было бы поразительнымъ, если бы не было такимъ обычнымъ. Частный, иногда случайный фактъ постоянно опредѣляетъ въ сановныхъ глазахъ общую оцѣнку состоянія Россіи. Удалось заарестовать десятокъ крупныхъ революціонеровъ, удалось отыскать себѣ ловкаго шпіона—подымается ликованіе: революція уничтожена. Происходитъ какое нибудь наглядное проявленіе жизни и силы революціонеровъ — немедленно является уныніе, и государственные люди восклицаютъ: «Кто можетъ говорить о завтрашнемъ днѣ?»

Мы объснимъ вамъ это, господа сановники. О завтрашнемъ днѣ можетъ говорить тотъ, кто знаетъ смыслъ и причины своего существованія. Если вы существуете, какъ

вашъ императоръ, только «Божьей милостью,» то разумѣется, ничего не можете знать о завтрашнемъ днѣ. Революціонное движеніе и та партія, которая сумѣетъ лучше всего служить ему, находится въ нѣсколько иномъ положеніи. Такая партія можетъ говорить о завтрашнемъ днѣ и можетъ вѣрить въ свое торжество. Оно неизбѣжно, какъ неизбѣжно торжество демократической революціи. Самодержавіе каждымъ актомъ царя, губернатора, урядника ежедневно кричитъ милліонамъ народа: «Я не возможно!» Оно разрушается со всѣхъ концовъ, а все, что разрушаетъ самодержавіе царя, ведетъ у насъ роковымъ образомъ къ выступленію на политическое поприще народныхъ массъ, ведетъ къ самодержавію народа. Народное же самодержавіе — это прямой предшественникъ соціализма, потому что только въ соціализмѣ масса народа находитъ одновременное осуществленіе своего экономическаго интереса и своей свободы. При сохранившемся еще общинномъ духѣ народа, при близкомъ торжествѣ соціалистической идеи въ Европѣ — соціально-революціонное значеніе народнаго самодержавія у насъ будетъ еще болѣе рѣзко и рѣшительно, чѣмъ было въ самой Европѣ. Таковъ естественный ходъ развитія современной Россіи, и наша партія, соціалистическая по существу, но выдвинувшая практически на первый планъ именно принципъ Народной Воли — идетъ въ сущности только по теченію. Не мы его создали, но мы его поняли. То, что дѣлаемъ мы — дѣлаетъ вся русская жизнь. Мы идемъ только въ первыхъ рядахъ общаго революціоннаго движенія, волны котораго подгоняютъ насъ и постоянно вбрасываютъ въ наши ряды все новыя и новыя силы, и вотъ почему мы неистребимы. У насъ погибаютъ люди, но *направленіе*, которое они представляютъ собою, живетъ и будетъ рости до тѣхъ поръ, пока демократическая революція не превратится наконецъ изъ воинствующей въ торжествующую. Безъ сомнѣнія, намъ никто не рѣшится возражать, будто все это только общія разсужденія: мы имѣемъ пять лѣтъ практики, подтверждающей ихъ справедливость. Всматриваясь въ дѣятельность партіи въ 1879—80 годахъ, мы находимъ въ ея направленіи то же самое, что въ 1883—84 гг. Съ одной стороны непримиримая борьба противъ самодержавія всѣми средствами, начиная съ динамита и кончая вольнымъ печатнымъ словомъ. Съ другой стороны — посильная организація

народныхъ элементовъ, интеллигентныхъ и рабочихъ, съ цѣлью выработки силы, способной въ рѣшительный моментъ послужить авангардомъ революціи. Между тѣмъ личный составъ организаціи за это время нѣсколько разъ измѣнился чуть ли не всей полностью; иной изъ молодыхъ народовольцевъ настоящаго времени не имѣетъ даже возможности съ точностью знать, что именно писали его предшественники въ первыхъ номерахъ «Народной Воли», а дѣйствуетъ совершенно въ одномъ духѣ съ этими предшественниками.

Такова сила правильной общей постановки задачъ, согласованныхъ съ естественнымъ характеромъ русскаго революціоннаго движенія и съ тѣми условіями, которыя русская дѣйствительность представляетъ для развитія и дѣятельности революціонной организаціи. Это-то согласованіе, придающее нашей дѣятельности особенную, что называется, практичность, даетъ самой организаціи стойкость и способность выходить съ новыми силами изъ самыхъ затруднительныхъ положеній. Исторія двухъ послѣднихъ лѣтъ дала яркое доказательство этой стойкости. Дѣйствительно, для того чтобы пережить нѣсколько послѣдовательныхъ разгромовъ, какіе наша организація испытала со времени 1-го марта и, въ концѣ-концовъ, явиться передъ непріятелемъ въ такихъ же стройныхъ рядахъ, какъ прежде, съ новыми силами, съ полной увѣренностью въ побѣдѣ, для этого нужно имѣть гораздо болѣе жизненности, чѣмъ для частныхъ террористическихъ фактовъ, даже въ родѣ убійства неуловимаго Судейкина.

Въ настоящее время, оставивъ за спиной тяжелый періодъ самообороны и стоя на порогѣ новаго смѣлаго наступленія, мы должны однако не забывать уроковъ, данныхъ тяжелымъ опытомъ. Перебирая въ памяти длинный рядъ неудачъ, начиная съ московскихъ погромовъ въ началѣ 1882 г., петербургскихъ лѣтомъ 82 г, и кончая одесскими, кіевскими и харьковскими 1883 г., мы повсюду находимъ въ нихъ однѣ и тѣ же причины: предательство съ одной стороны, недостатокъ конспиративности съ другой. Печальную картину нравственнаго паденія представляетъ это предательство, за послѣднее время нѣсколько разъ опозорившее революціонную среду. Оно легче всего начинается съ тюрьмы. Слабый нравственно человѣкъ выхва-

тывается арестомъ изъ среды товарищей, дававшихъ ему ту опору, которой самостоятельно онъ не имѣетъ въ душѣ. И вотъ въ одиночествѣ, передъ искушеніемъ діавола, въ лицѣ слѣдователей, передъ грозной правительственной карой — недостойный человѣкъ начинаетъ проявлять свою настоящую природу. Онъ начинаетъ спасать себя, «выкручиваться» такъ или иначе. Слабые остатки совѣсти протестуютъ, появляется софизмъ и заглушаетъ ихъ. Отъ чего не выдать неважнаго человѣка? Или наоборотъ: отчего не свалить всего на важнаго, который все равно пропадетъ рано или поздно? Или наконецъ, отчего не втереться въ довѣріе полиціи, хотя бы посредствомъ выдачъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ выдать самое правительство революціонерамъ. Софизмъ неистощимъ въ соображеніяхъ, и вотъ измѣнникъ готовъ. Начинаются выдачи, лучшія революціонныя силы выхватываются, наилучше скомбинированные планы величайшей важности погибаютъ.... Печальная и страшная картина! Лицомъ къ лицу съ нею, мы можемъ найти нѣкоторое утѣшеніе лишь въ томъ, что, приходя въ соприкосновеніе съ организаціей, предатель невольно подчиняется нравственному ся вліянію и ужасается своего дѣла. Но почерпая даже изъ этихъ печальныхъ случаевъ новую вѣру въ могущественное значеніе организаціи, мы всетаки спрашиваемъ: какимъ образомъ такіе люди могутъ даже близко подходить къ ней? Какимъ образомъ становится возможнымъ возникновеніе гнусностей, подрывающихъ ея основу, взаимное довѣріе товарищей и единомышленниковъ? Не трудно понять, конечно, что подрывая въ революціонной средѣ взаимное довѣріе и вѣру въ людей вообще, мы развращаемъ эту среду и дѣлаемъ ее именно уже не революціонной. Не трудно понять, что никакія частныя выгоды не могутъ окупать этого страшнаго зла. Это ясно для человѣка даже самаго глупаго. Но тутъ дѣло не въ разсужденіяхъ. Очевидно, что порядочному человѣку не нужно разсуждать для того, чтобы не совершать низости. Людей, способныхъ къ этому, не убѣждаютъ, а просто не подпускаютъ къ своей средѣ, требующей отъ людей совершенно иной нравственной закалки. Только строгое наблюденіе высокаго нравственнаго ценза даетъ намъ возможность создавать революціонную организацію. Это первое, о чемъ долженъ помнить каждый революціонный кружокъ въ частноси и вся орга-

низація и вообще. Другое обстоятельство, нѣсколько разъ дававшее торжество полиціи, — это недостаточная осмотрительность и конспиративность революціонеровъ. Мы въ современной Россіи можемъ дѣйствовать только какъ заговорщики. Это условіе, не зависящее отъ нашихъ желаній или вкусовъ, условіе, созданное самой жизнью, и съ нимъ волей-неволей нужно сообразоваться, если желательно чего-нибудь дѣйствительно достигнуть.

Среди испытаній прошлаго организація Народной Воли уцѣлѣла только потому, что привычка и способность къ заговорщической дѣятельности въ ея средѣ оказалась достаточной для того, чтобы парализовать и уравновѣсить случаи неосмотрительности и неосторожности; точно также какъ нравственный уровень революціонеровъ, допускаемыхъ въ организацію, былъ достаточно высокъ для того, чтобы подавить и уничтожить частныя проявленія деморализаціи, о которой мы сейчасъ упоминали.

Организація удержалась въ позиціяхъ, оправилась и снова развила свои силы. Но задача наша состоитъ не въ томъ, чтобы удерживаться на позиціяхъ. Предъ нами стоятъ великія цѣли, для осуществленія которыхъ требуются объединеніе несравненно большаго числа людей и согласованіе ихъ дѣйствій на одномъ дѣлѣ. То, что спасло насъ въ критическую минуту, должно сдѣлаться святыней революціонера и организаціи, и только тогда мы въ состояніи будемъ встать въ уровень со своими задачами.

Призывая нашу партію къ новому энергичному наступленію, мы считаемъ не лишнимъ остановиться болѣе обстоятельно на выясненіи нашихъ задачъ въ народѣ. Какое мѣсто въ общей суммѣ нашей дѣятельности должна занимать работа въ народѣ? Каковъ долженъ быть ея характеръ? Мы подымаемъ снова эти вопросы, и. ч. ошибочное распредѣленіе и направленіе силъ нигдѣ быть можетъ не способно отзываться такими вредными послѣдствіями, какъ въ этой области. Сверхъ того, наши истинныя мнѣнія и дѣйствія ни въ одномъ отношеніи не перетолковывались болѣе неправильно, благодаря тенденціознымъ искаженіямъ политическихъ противниковъ, Мы хотѣли бы разъ на всегда

устранить эти недоразумѣнія, и въ этихъ видахъ прежде всего напомнимъ читателямъ, каково было въ дѣйствительности отношеніе нашихъ предшественниковъ къ дѣятельности въ народѣ.

Наиболѣе экономная и цѣлесообразная затрата силъ съ цѣлью произведенія переворота, выше характеризованнаго*), говоритъ передовая статья въ № 7-мъ «Народ. Воли», вотъ нашъ принципъ (тактическій), который прилагается одинаково ко всѣмъ сферамъ нашей дѣятельности, между прочимъ и въ народѣ. Мы видимъ въ народѣ лишь такую дѣятельность, которая дѣйствительно способствуетъ перевороту, т. е. окупаетъ затрачиваемыя нами силы и увеличиваетъ въ небольшой степени способность партіи выполнить свои задачи. Съ этой точки зрѣнія мы отрицали не «дѣятельность» въ народѣ, а именно «бездѣятельность», «сидѣнье въ народѣ», «болтовню о народѣ», такую яко-бы дѣятельность, которая на самомъ дѣлѣ составляла чистую «политическую фразу». Въ такую «политическую фразу» неизбѣжно превращается все, что по самымъ условіямъ жизни или по количеству нашихъ силъ — невыполнимо. Но отрицая фразу, мы сами настаивали на необходимости дѣлать въ народѣ то, что представляетъ дѣйствительную, реальную работу. На такую работу Н. В. энергически звала революціонеровъ съ самаго начала. Уже «Программа Исп. Ком.», вырабатывавшаяся подъ грохотъ динамитныхъ взрывовъ, напоминаетъ намъ обратить самое серьезное вниманіе на народъ. Партія, говоритъ программа, должна пріобрѣсть себѣ сознательныхъ сторонниковъ въ наиболѣе выдающейся части крестьянства, должна подготовить себѣ активное содѣйствіе массъ въ наиболѣе важныхъ пунктахъ и среди наиболѣе воспріимчиваго населенія» (§ 4). Нѣсколько мѣсяцевъ позже (начало 1880 года) въ «Подготовительной работѣ партіи» мы находимъ уже цѣлый подробный планъ пропаганды и организаціи среди городскихъ

---

*) Т. е. переворота, передающаго власть въ руки народа. Во избѣжаніе недоразумѣній напомнимъ, что наша партія никогда не ждала этого переворота *исключительно* отъ заговора. Переворотъ можетъ быть результатомъ самостоятельной революціи: партія во всякомъ случаѣ должна принять участіе въ революціи, чтобы помочь ей закончиться указаннымъ переворотомъ. Подгот. дѣят. наша такимъ образомъ не мѣняется отъ этого. См. «Подг. работа партіи».

рабочихъ и выясненіе необходимости «сходиться съ лучшими изъ крестьянства, обращая ихъ по возможности въ сознательныхъ сторонниковъ партіи». Въ то же время «Программа рабочихъ членовъ партіи Н. В.» подробно разъясняетъ важную роль рабочихъ въ переворотѣ. Такъ относятся къ дѣлу наши оффиціальные документы. То же самое видимъ мы въ текущей публицистикѣ. Уже въ № 1 «Нар. Воли» редакція, указывая «злобу дня» — «разрушеніе Карфагена», напоминаетъ однако, что завтра же можетъ оказаться необходимой «усиленная дѣятельность среди крестьянства». Передовая №3-го, упрекая интеллигенцію въ бездѣятельности, гонитъ ее между прочимъ и на работу въ народѣ. «Городскіе рабочіе, восклицаетъ газета, не допросятся книгъ, связей съ интеллигенціей, крестьяне не имѣютъ понятія о своихъ друзьяхъ и бойцахъ, а между тѣмъ сотни соціалистовъ-народниковъ упражняются въ обсужденіи разныхъ теорій и направленій и обиваютъ столичные тротуары, говоря безъ умолку о дѣятельности въ народѣ.»

Голодъ 1880 года опять даетъ «Н. В.» поводъ возобновить свой призывъ. «Народному терпѣнію бываетъ конецъ, говоритъ передовая статья №4-го, партія должна серьезно взвѣсить моментъ и приготовиться». «Мы часто указывали партіи, говорится далѣе, на дѣятельность среди городского рабочаго населенія. Безпримѣрныя бѣдствія нынѣшняго года расширяютъ область обязательнаго воздѣйствія на народъ въ десять разъ». Въ №5 находимъ опять указаніе на обязанность партіи внести больше сознательности въ народную программу, организованности въ народное движеніе и т. д.

Ограничиваемся этими немногими цитатами: онѣ достаточно характеризуютъ пропаганду партіи, а мы должны экономничать каждой строчкой. Что касается самой дѣятельности, то, разумѣется, всегда и вездѣ не трудно обращаться къ другимъ съ упреками: почему не сдѣлали того или другого, почему не сдѣлали больше и т. д.

Напомнимъ строгимъ критикамъ, что успѣхъ дѣятельности зависитъ не отъ одних старaній и даже не отъ одной умѣлости, а въ гораздо большей степени отъ объективныхъ условій. Нельзя сдѣлать больше того, что возможно при данныхъ условіяхъ, и Н. В. сдѣлала въ народѣ во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ кто другой. Намъ часто

говорили: «Вы бы сдѣлали больше, еслибы направили въ народъ больше силъ».... Конечно, это правда; но къ несчастію мы не могли этого сдѣлать, не покидая всѣхъ другихъ отраслей дѣятельности, а покидать ихъ мы не могли, не должны были. Еслибы мы ихъ и кинули — мы не въ состояніи были бы производить воздѣйствіе и на самый же народъ. Революціонная партія должна бороться противъ существующаго строя гораздо болѣе широко, наглядно и энергично, чѣмъ это возможно, находясь исключительно въ народѣ. Народъ для того, чтобы понимать насъ, долженъ видѣть въ насъ силу борющуюся, и уже это одно не позволяетъ намъ уйти цѣликомъ въ современную массу. Сверхъ того — судьбы всей русской революціи существенно зависятъ отъ того, насколько быстро мы успѣемъ разрушить самый центръ гнетущаго народъ строя — самодержавное правительство. Поэтому уничтожать или ослаблять ту армію, которая непосредственно борется противъ правительства — есть преступленіе и измѣна народному же дѣлу. Эти условія, конечно, значительно урѣзываютъ количество силъ, которыя мы можемъ направить въ народъ, но что же дѣлать? За то — они же даютъ единственную возможность оказывать на массу дѣйствительно широкое революціонное воздѣйствіе. — Такъ смотрѣли на дѣло наши предшественники, но — за тѣми ограниченіями, которыя были неизбѣжны, — они направляли въ народъ всѣ силы. Цитируемъ для краткости характеристику, сдѣланную П. Л. Лавровымъ въ его «Взглядѣ на прошедшее и будущее русскаго соціализма»: «...Усиленная пропаганда среди рабочихъ, говоритъ почтенный авторъ, выставленная какъ одна изъ задачъ подготовительной работы партіи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ выходила даже за предѣлы городскихъ группъ рабочихъ. Въ большей части мѣстныхъ группъ дѣятельность среди рабочихъ поглощала большую часть силъ. Первая рабочая группа народовольческой партіи въ Петербургѣ образовалась въ концѣ 1879 года; а въ 1880 г. около нея, какъ центра тайной организаціи партіи, группировались многія сотни рабочихъ. Съ 15 декабря 1880 года сталъ появляться ея органъ «Рабочая Газета». Двѣ мѣстныя группы нашли возможность вести энергическую агитацію на почвѣ аграрнаго вопроса и среди крестьянскаго населенія». Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, мѣста для дополненія этой характе-

ристики новыми фактическими подробностями, но и сказаннаго, полагаемъ, достаточно для того, чтобы показать въ истинномъ свѣтѣ дѣятельность нашей партіи въ народѣ за прошлыя времена. Напомнимъ развѣ еще, что у такихъ людей, какъ Желябовъ, Перовская, Халтуринъ, Тригони и т. д., личная дѣятельность среди рабочихъ поглощала значительную часть силъ даже въ самый разгаръ террористической борьбы.

Такъ смотрѣла и дѣйствовала Н. В. съ начала своего существованія; такъ мы смотримъ и дѣйствуемъ въ настоящее время и этотъ образъ дѣйствій вытекаетъ изъ всего нашего міросозерцанія. Все наше революціонное значеніе опредѣляется тѣмъ, насколько мы содѣйствуемъ демократическому перевороту, къ которому идетъ Россія, и отъ котораго зависитъ ея возрожденіе. Такимъ образомъ, мы идемъ не только *за народъ*, но и *съ народомъ*. Мы должны дѣлать многое, что недоступно разрозненной массѣ, мы не рѣдко должны дѣлать выводы, которые она еще не съумѣла формулировать. Мы должны это дѣлать, потому что въ противномъ случаѣ — какая бы изъ насъ была польза для народа? Но дѣло наше остается все-таки народнымъ дѣломъ. Мы необходимо нужны народу. Безъ насъ, т. е. безъ достаточнаго количества интеллигентной сознательной силы, онъ рискуетъ быть обманутымъ и разбитымъ по частямъ даже въ эпоху революціи. Тѣмъ болѣе нужны мы ему теперь, когда интересы революціи требуютъ прежде всего низверженія правительства и подготовки хоть небольшой, но хорошо организованной силы, способной сразу внести организацію въ революціонное движеніе и спасти его отъ опасности остаться лишь хаотическимъ безпорядкомъ, какъ это, къ несчастью, столько разъ бывало въ исторіи. Итакъ, мы, элементъ сознательности, необходимы для народа но съ другой стороны, мы безъ содѣйствія народа, безъ его силы точно также не можемъ ничего сдѣлать въ моментъ окончательной развязки. Сліяніе силы и сознанія необходимы для торжества революціи.

Въ настоящее время однако это сліяніе совершенно невозможно. Невозможность открытой легальной организаціи заставляетъ насъ быть заговорщиками, «подпольными» дѣятелями. Тайное же общество, по существу дѣла, не можетъ быть многочисленнымъ, тѣмъ болѣе не можетъ охватывать массы. Сверхъ того, заговоръ требуетъ людей, все-

цѣло отдающихся дѣлу революціи, способныхъ замѣнить количество качествомъ и, стало быть, между прочимъ вполнѣ развитыхъ и сознательныхъ. Въ массѣ нашего народа такихъ людей именно не много. Это опять съуживаетъ возможность для *современной* организаціи охватывать собою народные слои. Въ общей сложности наши задачи теперь сводятся, такимъ образомъ, лишь къ *подготовкѣ* возможности такой организаціи, какая необходима будетъ въ эпоху революціи, т. е. организаціи, охватывающей одновременно и насъ, и значительныя массы народа. Въ настоящее время, для подготовленія такой возможности, мы можемъ создать только извѣстную *связь* между собою и народомъ, связь въ нѣкоторой, значительной, степени организаціонную и уже въ гораздо большей степени нравственную. Это все, чего можно достигнуть, пока держится существующій строй. Но за то мы обязаны достигнуть всего, что только въ этомъ случаѣ возможно. Мы упомянули сейчасъ о связи организаціонной и желали бы, чтобы насъ не перетолковывали. Въ революціи видимость, форма, фраза хуже, чѣмъ ничего. Тратить дѣйствительную силу мы можемъ лишь на созданіе дѣйствительной же силы (или, конечно, на разрушеніе вредной намъ силы). Поэтому, мы считаемъ прямо вредными несбыточныя мечты о широкой народной организаціи. Не широкая организація нужна, а прочная, рѣшительная, революціонная. Сверхъ того, она вообще нужнѣе всего тамъ, гдѣ долженъ быть нанесенъ правительству главный ударъ. По всѣмъ этимъ причинамъ мы должны прежде всего создать нѣкоторые небольшіе, но испытанные революціонные кадры среди *городскихъ* рабочихъ, съ тѣмъ чтобы эти группы заранѣе обезпечили себя обширными связями съ остальною массою городскихъ рабочихъ и, разумѣется, съ крестьянствомъ, поскольку это возможно. Что касается самого крестьянства, то кромѣ такихъ посредственныхъ связей, мы должны по необходимости удовольствоваться выработкой въ немъ лишь отдѣльныхъ личностей, сознательно и систематически способствующихъ планамъ партіи. Люди дѣйствительно способные къ тайной революціонной организаціи здѣсь такъ рѣдки и разсѣяны на такихъ громадныхъ пространствахъ, что о групповой организаціи здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Такіе люди въ деревнѣ, конечно, будутъ фактически являться, такъ сказать, лишь агентами городской организаціи. Мы

говоримъ, разумѣется, не о частныхъ фактахъ, по поводу которыхъ временно могутъ и въ деревнѣ складываться группы, столь же быстро расплывающіяся, какъ напр. это случается при разныхъ протестахъ и бунтахъ. Мы говоримъ лишь о дѣятельности систематической и сознательно революціонной. Однако, возвращаемся къ дѣлу. Итакъ, организаціонныя связи съ народомъ, если не говорить о совершенно исключительныхъ случаяхъ, исчерпываются вышесказаннымъ. А затѣмъ передъ нами стоитъ еще другая въ высшей степени важная задача: это пропаганда идей соціализма и задачъ партіи, популяризація этой послѣдней, короче — установленіе между нами и возможно большею массою народа нравственной связи, которая позволила бы намъ въ моментъ революціи быстро понять другъ друга.

Таковы основанія нашей дѣятельности въ народѣ. Само собою разумѣется, что на этомъ фундаментѣ выростетъ на практикѣ много вторичныхъ, такъ сказать, служебныхъ формъ дѣятельности. Членъ партіи здѣсь встрѣчается, напр., съ необходимостью пріобрѣсти вліяніе, онъ встрѣчается со стачкой, бунтомъ, ожиданіями милостей отъ царя, сектантскими идеалами реформы, встрѣчается наконецъ съ аграрными преступленіями, тенденціознымъ разбоемъ и т. д., и т. д. Ко всему этому нужно такъ или иначе отнестись, принять и лично такое или иное положеніе. А между тѣмъ, сплошь и рядомъ, стараясь выполнить одну изъ основныхъ задачъ, тѣмъ самымъ подрываешь другую. Мы не можемъ въ небольшой статьѣ своей браться за подробное разсмотрѣніе всѣхъ подобныхъ запросовъ и столкновеній и вытекающей отсюда дѣятельности. Вмѣсто этого мы остановимся еще на выясненіи той общей точки зрѣнія, которая освѣщаетъ всю нашу дѣятельность и хорошо продумавши которую мы не остановимся уже въ затрудненіи ни передъ какимъ частнымъ случаемъ. Прежде всего напомнимъ читателямъ еще разъ, что дѣятельность въ народѣ есть только *одна* изъ отраслей нашей дѣятельности вообще. Мы не только пропагандисты, агитаторы, бунтовщики. Мы передовой отрядъ самой революціи, исполняющій ея *общую* миссію, разрушеніе существующаго строя. Наша дѣятельность въ общей сложности — есть живой примѣръ, живой образчикъ, видимый милліонами, пропагандирующій и агитирующій ихъ. Наша борьба, поэтому, должна быть борьбою дѣйствительно

революціонною, широкою, бьющею въ самую настоящую точку. Наше историческое значеніе и, между прочимъ, наше обаяніе всецѣло зависитъ отъ этого. Переходя къ частностямъ — наша первая и главная задача, какъ силы сознательной и по преимуществу способной къ организаціи, состоитъ въ расчисткѣ народу пути, въ устраненіи съ этого пути главныхъ препятствій, а также въ выработкѣ *до революціи* тѣхъ небольшихъ, но крѣпкихъ кадровъ организаціи, около которыхъ можетъ потомъ сплотиться масса. Вотъ что мы должны постоянно помнить и этого главнаго значенія своего не должны разрушать ни для какой частной формы дѣятельности, даже и для дѣятельности въ народѣ. Это значило бы оказывать народу очень плохую услугу и отнимать у него все то, что больше всего ему нужно въ насъ. Что касается спеціально дѣятельности нашей въ народѣ, ея общій характеръ опредѣляется опять тѣмъ значеніемъ, которое мы имѣемъ въ революціи. Наше значеніе для народа зависитъ не отъ физической силы, которой мы не имѣемъ, не отъ того, что мы были храбрѣе и т. д.; а отъ того элемента сознательности, котор. мы способны внести въ революціонное движеніе. Этотъ элементъ, позволяющій понять и оцѣнить общее положеніе дѣлъ и составить поэтому правильный общій планъ дѣйствій, даетъ намъ увѣренность въ себѣ и помогаетъ сдѣлаться силой *иниціативной*. Такова сущность нашего значенія, отъ которой мы не можемъ отрѣшиться, не лишаясь и самаго значенія. Вездѣ, а стало быть и въ народѣ, мы должны являться силой не только инниціативной, но и сознательной, дѣйствующей во имя опредѣленной программы, указывающей народу опредѣленные пути дѣйствія.*) Этимъ опредѣляется характеръ не только пропаганды, но и агитаціи нашей и вооруженной борьбы.

Мы обращаемъ особое вниманіе читателей на эту сторону дѣла. Революціонеръ, являющійся большею частью уже по темпераменту агитаторомъ и бунтовщикомъ, легко можетъ впадать въ увлеченія и забывать для факта агитаціи и борьбы ту необходимую подкладку, безъ которой они

*) Конечно, и намъ приходится многому учиться у народа, но и учась мы не теряемъ своего основного характера — элемента сознательности.

теряютъ всякое значеніе. Такія увлеченія темперамента совершенно недозволительны для серьезнаго общественнаго дѣятеля. Пояснимъ свою мысль примѣромъ. Существованіе, напр., недовольства въ народѣ является основой всякаго протеста и реформы. Однако, странно было бы для революціонера задаваться главнымъ образомъ возбужденіемъ недовольства въ народѣ. Прежде всего — это вовсе не наше дѣло. Недовольство порождается кулакомъ, помѣщикомъ, урядникомъ, заводчикомъ, фабрикантомъ. Оно порождается *частными* фактами обиды, притѣсненія, грабежа. Поэтому, недовольство массы, въ первомъ фазисѣ своемъ, точно также имѣетъ частный, личный характеръ. Точно также и протестъ, въ первый моментъ появленія, имѣетъ характеръ противодѣйствія частному факту: это *частная* самозащита, *личная* месть и т. п. Понятно пока въ обществѣ нѣтъ такихъ частныхъ столкновеній, нѣтъ мѣста и для революціи, такъ какъ общество, стало быть, благоденствуетъ. Понятно также, что пока въ народѣ нѣтъ рѣшимости протестовать, хотя бы за свое личное дѣло, — не возможно никакое общее движеніе. Но мы, сознательные революціонеры, точно также понимаемъ, что пока протестъ остается на этой первичной ступени, онъ не имѣетъ еще общественнаго значенія. Дѣло революціонера — способствовать тому, чтобы частный протестъ объектировался и направился не противъ отдѣльныхъ лицъ и фактовъ, а противъ самихъ условій, порождающихъ частные факты. Укажемъ для примѣра хотя бы на протестъ, проявляющійся въ *аграрныхъ* и *фабричныхъ* убійствахъ, поджогахъ и т. п. Приходится иногда слышать мнѣнія, что революціонеры обязаны принимать участіе въ такихъ дѣлахъ и даже вызывать ихъ появленіе... Характерно, что къ тому же подбиваетъ насъ и полицейское провокаторство, — напр., судейкинская газета «Правда». Мы это говоримъ не въ обиду кому нибудь. Всякое мнѣніе можетъ быть искреннимъ, но полицейское провокаторство остается всетаки при вѣрномъ разсчетѣ. Нѣтъ лучше средства погубить партію даже во мнѣніи самого народа, какъ увлечь ее на путь какого-нибудь безнадежнаго или безъидейнаго, безрезультатнаго протеста, а тѣмъ болѣе еще частнаго по преимуществу, необщеполезнаго, жестокаго и несправедливаго. Развѣ это не полное пониженіе революціонера? Намъ говорятъ даже

о возбужденіи фабричнаго и аграрнаго террора. Но это совсѣмъ *не наше* дѣло! Объ этомъ достаточно хлопочутъ г. г. кулаки, міроѣды, заводчики, фабриканты, земская и городская полиція и прочіе слуги и приспѣшники современнаго общественнаго «порядка». Ихъ безчисленные подвиги порождаютъ и такъ достаточное число несчастливцевъ, кот. не выносятъ своихъ мукъ и пускаются, очертя голову, на безплодный для себя и для общества частный протестъ, лишь бы только отвести хотя на минуту душу и дать исходъ накипѣвшей злобѣ. Неужели же сколько-нибудь умный, понимающій и искренній революціонеръ можетъ по совѣсти подбивать людей на подобную безплодную гибель или принимать участіе въ этихъ безполезныхъ для общаго дѣла насиліяхъ? Это значило бы открыто сознаться, что онъ точно также ничего не смыслитъ въ общемъ положеніи вещей, какъ и самъ народъ, что онъ не можетъ указать народу никакого дѣйствительно полезнаго пути; однимъ словомъ, что онъ не имѣетъ въ себѣ ничего, чѣмъ единственно важенъ и дорогъ для народа интеллигентный человѣкъ. Участвовать въ дѣлахъ частной мести — можетъ частный же человѣкъ, но для партіи — это позоръ, это всенародное признаніе своей политической безсодержательности. Революціонеръ долженъ принимать участіе лишь въ такомъ протестѣ, который по своему сознанію и совѣсти можетъ *рекомендовать*, какъ нѣчто цѣлесообразное, дѣйствительно выводящее народъ на путь возрожденія. Только такой протестъ есть протестъ революціонный, и только въ немъ революціонеръ обязанъ принимать участіе, какъ членъ партіи. Что касается такихъ проявленій озлобленія народа, какъ поджоги, аграрныя и фабричныя убійства и т. п. — это не болѣе, какъ сырой матеріалъ, кот. можетъ вырабатываться только самою жизнью и въ сыромъ видѣ не имѣетъ никакого отношенія ни къ какой революціонной программѣ. Появленіе недовольства и протеста само по себѣ явленіе очень отрадное и, безъ сомнѣнія, крестьянинъ или рабочій, какъ и каждый человѣкъ, не имѣя защиты отъ общества, имѣетъ полное право самозащиты. Но до тѣхъ поръ, пока это есть его личное дѣло, оно не касается революціи. Обязанность же революціонера — это словомъ и дѣломъ способствовать не сведенію личныхъ счетовъ, а превращенію личнаго протеста въ общественный. Точно та-

кое же положеніе долженъ занять революціонеръ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ народъ, пытаясь обобщить свой протестъ, приходитъ къ ошибочной формулѣ, какъ это происходитъ, напр., въ антиеврейскихъ безпорядкахъ. У насъ въ этихъ случаяхъ нерѣдко замѣчается полное помутнѣніе собственнаго разсужденія. Говорятъ — антиеврейское движеніе вызывается экономическими причинами, что оно имѣетъ серьезную подкладку... Но развѣ въ этомъ дѣло? На свѣтѣ все имѣетъ серьезную подкладку, но не все цѣлесообразно. Вопросъ въ томъ, правильный ли путь выбираетъ народъ для улучшенія своего положенія. Когда крестьяне служатъ молебенъ отъ засухи, ихъ поступокъ тоже обусловленъ серьезными и тоже экономическими причинами. Бѣда только въ томъ, что отъ молебна не упадетъ съ неба ни одной капли дождя. То же самое происходитъ при антиеврейскомъ движеніи. Мы желали бы быть понятыми правильно. Протестъ — дѣло первой важности, безъ протеста нѣтъ революціи. Заглушать протестъ — для революціонера преступно. Но онъ же обязанъ и словомъ, и дѣломъ дѣйствовать для превращенія этого протеста въ цѣлесообразный, правильно сформулированный и направленный противъ *общихъ* условій. Лишь такой именно протестъ мы обязаны вырабатывать изъ сырого матеріала народнаго недовольства. Но мы нисколько не обязаны и даже не имѣемъ права ронять передъ народомъ революціонную идею своимъ участіемъ въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя по совѣсти и убѣжденію не признаемъ разумными и справедливыми. Мы должны помнить, что протестъ, неспособный найти себѣ правильной формулы, не можетъ быть успѣшенъ и, кончаясь безплоднымъ истощеніемъ силъ, приводитъ массу къ самому страшному виду апатіи — къ разочарованію въ себѣ и въ возможности вообще чего бы то ни было добиться. Вся система полицейскаго провокаторства основана на этомъ общественно-психологическомъ законѣ. Революціонеръ на основаніи того же закона дѣйствуетъ, конечно, совершенно противоположнымъ образомъ. Онъ старается сдѣлать каждое проявленіе народнаго протеста цѣлесообразнымъ, для того, чтобы движеніе, даже въ случаѣ неуспѣха, осталось въ народѣ памятникомъ только частной неудачи, а не доказательствомъ невозможности что-нибудь сдѣлать по существу. Такова наша общая точка зрѣнія, дающая намъ надежную руководящую нить

при всѣхъ столкновеніяхъ съ явленіями народной жизни. Являясь въ народъ, мы должны быть силой дѣятельной, революціонной, бунтовской даже, но непремѣнно сознательной. Народъ всегда и во всемъ долженъ видѣть, что мы не только на его сторонѣ, не только хотимъ ему добра, но сверхъ того знаемъ, какъ этого достигнуть. Только такимъ путемъ мы можемъ пріобрѣсти дѣйствительную популярность, основанную на уваженіи и на увѣренности, что отъ насъ можно узнать кое-что полезное. Лишь такимъ путемъ наша дѣятельность въ народѣ можетъ создать между нимъ и партіей ту нравственную связь, которая такъ необходима для успѣха революціи.

Помѣщаемъ слѣдующее заявленіе центральной группы одной изъ революціонныхъ фракцій, намѣревавшейся недавно выдѣлиться изъ общей организаціи, подъ именемъ «Молодой Партіи Народной Воли», но потомъ — послѣ удовлетворительныхъ взаимныхъ объясненій — вступившей снова въ составъ общей народовольческой организаціи.

«Въ виду появившихся въ послѣднее время самыхъ неправдоподобныхъ и даже недостойныхъ слуховъ о нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ съ Исполнительнымъ Комитетомъ, о характерѣ и содержаніи нашей программы, будто бы представляющей полный разрывъ съ нашимъ недавнимъ общенародовольческимъ міросозерцаніемъ, считаемъ необходимымъ въ короткихъ словахъ возстановить истину.

«Намъ казалось и до сихъ поръ кажется, что пришло время внести нѣкоторыя серьезныя поправки какъ въ строй организаціи партіи, такъ и въ самую программу ея дѣятельности въ смыслѣ введенія въ нее такихъ террористическихъ фактовъ, которые — будучи доступнѣе народному пониманію и ближе къ насущнымъ нуждамъ и интересамъ рабочаго люда, нежели терроръ политическій (какъ то — факты аграрнаго и фабричнаго террора)—скорѣе могли бы произвести необходимое для соціальнаго переворота сліяніе *силы* народа съ *сознательностью* революціонной партіи. При этомъ террору аграрному, какъ труднѣе осуществимому въ настоящее время, мы отводимъ въ своей программѣ второстепенную роль, давая ему

мѣсто лишь въ отдѣльныхъ, исключительныхъ случаяхъ выдающагося насилія и поруганія народной правды; на терроръ же фабричный смотримъ, главымъ образомъ, какъ на одно изъ орудій агитаціи, какъ на могучій способъ сдѣлать пропаганду идей соціализма продуктивнымъ и жизненнымъ дѣломъ, какъ на средство установленія живой и тѣсной связи партіи съ народомъ, а не какъ на преимущественное передъ политической борьбой средство уничтоженія существующаго строя, — почему и не могли возводить этотъ терроръ въ какую то кровавую систему, которую многіе намъ приписывали.

« Но, при ближайшемъ ознакомленіи со взглядами Исполн. Ком., мы увидѣли, что расхожденіе нашихъ теоретическихъ взглядовъ не привело бы *въ настоящее время* къ такому разногласію въ практической постановкѣ вопросовъ, которое бы дѣлало необходимымъ разрывъ организаціи на двѣ части, разрывъ—печальный во всякое время и тѣмъ болѣе пагубный въ настоящую минуту, когда необходимѣе, чѣмъ когда либо, тѣсно сплотиться въ одну силу для борьбы съ общимъ врагомъ. Для насъ тѣмъ легче подобное сплоченіе, что и съ другой стороны мы видимъ искреннее желаніе предоставить возможно широкій просторъ личнымъ мнѣніямъ и взглядамъ, съ цѣлью лучшаго выясненія многихъ вопросовъ, поставленныхъ на очередь революціонной практикой.»

Въ началѣ нынѣшняго года Центральный Комитетъ польской соціально-революціонной партіи «Пролетаріатъ» обратился къ Исп. Ком. партіи Н. В. съ проектомъ договора касательно совмѣстной дѣятельности и взаимныхъ отношеній обоихъ Комитетовъ и представляемыхъ ими партій. Проектъ этотъ — послѣ основательнаго, всесторонняго его обсужденія заинтересованными сторонами — былъ утвержденъ ими въ обѣихъ своихъ частяхъ, т. е. какъ въ той, которая подлежитъ опубликованію, такъ и въ той, которая должна остаться совершенно конфиденціальною. Мы помѣщаемъ ниже какъ предложеніе Центр. Ком. — въ формѣ общей программы его дѣятельности вмѣстѣ съ публичной частью договора, - такъ и отвѣтъ на него Исполн. Комитета.

ОБЩІЯ ОСНОВАНІЯ
ПРОГРАММЫ И ОРГАНИЗАЦІОННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНАГО КОМИТЕТА СОЦІАЛ.-РЕВОЛ. ПАРТІИ „ПРОЛЕТАРІАТА"

Соціально-революціонная партія въ своей дѣятельности въ Польшѣ должна исключительно опираться на рабочій классъ, представляющій тамъ единственный революціонный элементъ; должна, для успѣшнаго достиженія своихъ цѣлей, явиться выразительницей его *классовыхъ* интересовъ и стремленій. Установивъ въ программѣ вполнѣ ясно свое стремленіе къ *соціальной революціи*, она вмѣстѣ съ тѣмъ съ самаго начала должна стать въ опредѣленныя отношенія къ другимъ классамъ польскаго общества — шляхтѣ и буржуазіи. Дряблая, изнѣженная, ни къ чему хорошему неспособная шляхта, обанкрутившаяся послѣ освобожденія крестьянъ, не можетъ простить русскому правительству этой «нигилистической реформы» и въ своихъ національныхъ идеалахъ не идетъ дальше холопскаго преклоненія передъ престоломъ Габсбурговъ.

Новонарожденная, но уже достаточно окрѣпшая буржуазія довольна, что для нея открытъ восточный рынокъ, что «московскій» штыкъ всегда готовъ охранять ея «священныя права», довольна, что ей уже никто не мѣшаетъ идти по пути «мирнаго прогресса». Та и другая всегда будутъ враждебны, не только соціальной, но и всякой революціи: шляхта потому что никогда добровольно не уступитъ своихъ старыхъ привычекъ и привилегій, составляя консервативный и даже ретроградный элементъ польскаго общества; буржуазія — потому, что всякое нарушеніе «общественнаго спокойствія» тяжело отзывается на ея карманахъ. Прибавимъ ко всему этому деспотическое царское правительство, тормозящее всякій порывъ къ лучшему, не дающее нормально развиваться обществу, представляющее вмѣстѣ съ тѣмъ одну изъ крупнѣйшихъ экономическихъ силъ въ государствѣ и стоящее, вслѣдствіе того, всегда на сторонѣ имущихъ классовъ, — правительство, отдавшее въ ихъ распоряженіе свои штыки, бюрократію, судъ и т. д., чтобы такимъ образомъ не дать развиться появившемуся у насъ рабочему движенію.

Этими данными опредѣляются сами собою цѣль и тактика, какихъ должно придерживаться соціально-революціонной партіи въ Польшѣ.

Цѣль ея полное экономическое и политическое освобожденіе трудящихся классовъ отъ давящаго ихъ гнета. Цѣль эта можетъ быть достигнута самими рабочими классами, когда они придутъ къ сознанію своей классовой обособленности и враждебности своихъ интересовъ интересамъ другихъ привиллегированныхъ классовъ общества. Партія, принужденная политическими условіями къ тайной дѣятельности, не можетъ заняться *массовой* организаціей сознательныхъ соціалистовъ-работниковъ, которые могли бы на другой день послѣ революціи взяться за перестройку стараго общества. Все, что она можетъ сдѣлать, — это сгруппировать около одного центра то сравнительно небольшое количество соціалистовъ, которое ей удастся выработать путемъ пропаганды въ періодъ своей подготовительной дѣятельности; затѣмъ, путемъ агитаціи — словомъ, печатью, дѣйствіемъ — стараться сдѣлать возможно болѣе популярными свое знамя, свою организацію, такъ чтобы массы *въ ней дѣйствительно увидѣли* своего защитника и на сдѣланный ею въ соотвѣтственную минуту *призывъ* пошли подъ *ея* знамя.

Такимъ образомъ, дѣятельность партіи по преимуществу сводится къ распространенію среди рабочихъ сознанія ихъ классовой обособленности, съ одной стороны, путемъ пропаганды соціализма, съ другой—путемъ агитаціи среди массъ на почвѣ насущныхъ, будничныхъ интересовъ и путемъ организованной борьбы за нихъ съ привиллегированными классами и государствомъ, стоящимъ на сторонѣ этихъ классовъ, послѣдствіемъ чего должна быть дезорганизація существующаго правительственнаго механизма. Дезорганизація этого механизма необходима польскому пролетаріату, какъ средство, которое поможетъ ему вырвать политическую власть изъ рукъ правительства и завоевать такимъ образомъ безусловно необходмое оружіе для реализаціи своей программы. Борьба съ правительствомъ, дезорганизуя современное государство, не только непосредственно приближаетъ моментъ соціальнаго переворота, но и можетъ принудить государственную власть пойти на нѣкоторыя уступки, которыя въ свою очередь облегчатъ организацію соціальныхъ кадровъ. Такимъ образомъ, партія съ одной стороны — противодѣйствуетъ всему, чѣмъ правительство и привиллегированные классы стараются ухудшить настоящее положеніе рабочихъ, съ другой – добивается улучшенія этого положенія.

Въ этой борьбѣ однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ въ рукахъ партіи является терроръ экономическій и связанный съ нимъ политическій, проявляющійся въ разныхъ формахъ. Свою дѣятельность партія распространяетъ вездѣ, гдѣ большинство населенія говоритъ по-польски, и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, примѣнимы ея программа и тактика. Приготовленныя путемъ этой борьбы и сорганизованныя на почвѣ ея боевыя силы будутъ въ свое время употреблены, какъ пособіе къ ниспроверженію существующаго правительства и къ *захвату власти Центральнымъ Комитетомъ*, который, при поддержкѣ со стороны массъ — такъ какъ онъ одинъ явится истиннымъ представителемъ ихъ интересовъ, — проведетъ рядъ экономическихъ и политическихъ реформъ, при посредствѣ которыхъ окончательно подорветъ существующія понятія о собственности и реализуетъ всю ту долю соціалистической программы, реализація которой будетъ возможна въ минуту взрыва. Вышеизложенный взглядъ на задачи соціально-революціонной партіи въ Польшѣ опредѣляетъ и отношеніе ея къ русской соціально-революціонной партіи Народной Воли. Въ своей дѣятельности на почвѣ экономическихъ условій, состоящей въ приготовленіи рабочихъ классовъ къ будущей соціальной революціи путемъ пропаганды, агитаціи и организованной борьбы, Центральный Комитетъ сохраняетъ полную независимость отъ Исп. Ком. и въ сферѣ своей дѣятельности обладаетъ исключительной въ этомъ отношеніи компетенціей. Съ другой стороны, принимая во вниманіе: 1) что польскому пролетаріату возможно вырвать власть изъ рукъ русскаго правительства только при помощи революціонныхъ силъ остальныхъ частей Россійской Имперіи; 2) что эти силы успѣшнѣе всего группируются и организуются подъ знаменемъ «Народной Воли»; 3) что партія эта, необходимая для польскаго пролетаріата въ дѣлѣ низверженія существующаго правительства, задалась этой цѣлью ради достиженія соціалистическихъ реформъ; 4) что борьба съ деспотическимъ централизованнымъ правительствомъ должна быть приведена въ полное соотвѣтствіе и единство во всѣхъ своихъ проявленіяхъ и на всей территоріи находящейся подъ его гнетомъ, — Ц. Ком. участвуетъ въ ней *лишь по полному* соглашенію съ Исп. Ком., какъ представителемъ соц.-рев. партіи, дѣйствующей въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Принимая далѣе во вниманіе, что окончательная побѣда надъ правитель-

ствомъ возможна только въ томъ случаѣ, если оно одновременно будетъ парализовано во всѣхъ важнѣйшихъ своихъ центрахъ, Ц. К. приступитъ къ государственному перевороту не иначе, какъ по знаку, данному И. К. въ тотъ моментъ, когда этотъ послѣдній найдетъ возможнымъ начать его въ Россіи, послѣ чего, въ своихъ созидательныхъ работахъ, Ц. К. отдѣляется отъ И. К., какъ самостоятельное цѣлое, и проводитъ въ районѣ своей дѣятельности возможныя реформы, согласуясь съ мѣстными условіями.

На основаніи предыдущаго:

I. Организац. работы обоихъ Комитетовъ признано необходимымъ привести въ тѣсную связь при помощи мѣръ, подробное изложеніе которыхъ не подлежитъ опубликованію и которыя значатся въ конфиденціальной части договора, заключеннаго съ И. К. партіи Н. В.

II. Въ подготовительной работѣ оба Комитета помогаютъ другъ другу имѣющимися въ ихъ распоряженіи людьми, средствами, сношеніями и полезными свѣдѣніями.

III. Организаціи Красныхъ Крестовъ обѣихъ партій сливаются и дѣйствуютъ солидарно.

IV. Оффиціальные документы обоихъ Комитетовъ печатаются въ органахъ обѣихъ партій.

V. Въ виду того, чтобы въ минуту переворота не дать возможности воспользоваться имъ другимъ партіямъ, которыя въ своихъ сношеніяхъ съ соціаль.-революціонерами могутъ скрыть свои истинныя стремленія, Ц. К. обязуется во все время своихъ организаціонныхъ отношеній съ И. К. не входить безъ его согласія ни въ какіе договоры съ другими группами и партіями, появляющимися въ районѣ дѣятелности послѣдняго.

И. К. съ своей стороны принимаетъ передъ Ц. К. такое же обязательство по отношенію къ группамъ и партіямъ, дѣйствующимъ въ Польшѣ.

Центр. Ком.

Варшава, 1 февраля 1884 г.

ОТВѢТЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА ПАРТІИ НАРОДНОЙ ВОЛИ

Уважая самостоятельность и свободное развитіе каждаго народа, Исп. Ком. партіи Н. В. не можетъ сверхъ того не

признать, что различіе соціальныхъ условій русскаго и польскаго народовъ не допускаютъ полнаго тождества въ пріемахъ подготовительной работы русскихъ и польскихъ соціалистовъ. Вслѣдствіе этого, полное сліяніе партіи Н. В. съ польской партіей «Пролетаріатъ» могло бы скорѣе тормозить дѣятельность русскихъ и польскихъ соціалистовъ, стѣсняя свободу тѣхъ и другихъ въ выборѣ наиболѣе цѣлесообразныхъ способовъ организаціи и борьбы. Съ этой точки зрѣнія И. К., вступая въ союзъ съ Цен. Ком., признаетъ однако вполнѣ разумнымъ рѣшеніе послѣдняго — сохранить за «Пролетаріатомъ» полную независимость и отвѣтственность въ веденіи всѣхъ дѣлъ своей партіи въ Польшѣ. И. К. даже не рѣшился бы принять на себя отвѣтственность за руководство дѣлами въ краю столь отличномъ отъ Россіи, точно такъ же, какъ не рѣшился бы поставить веденіе своихъ дѣлъ подъ вліяніе какой бы то ни было не русской партіи. Тѣсный союзъ между партіями «Н. Воли» и «Пролет.» въ интересахъ революціи представляется, однако, столь же необходимымъ, какъ и полная ихъ самостоятельность.

Борьба русскихъ и польскихъ соціалистовъ не можетъ представлять никакихъ различій въ томъ, что касается низверженія нашего общаго врага — русскаго самодержавія. Въ этомъ случаѣ нравственное единство русскихъ и польскихъ соціалистовъ можетъ и должно переходить въ формальный союзъ. Объединенному врагу мы должны противопоставить объединенныя же силы. Въ этомъ случаѣ взгляды И. К. еще разъ совпадаютъ со взглядами Ц. К. Низверженіе русскаго правительства естественно лежитъ прежде всего на обязанности русскихъ революціонеровъ, къ которымъ польскія револ. силы, для этой частной задачи, примыкаютъ, какъ вспомогательный союзный корпусъ. Таковы естественныя условія нашего союза, сообразно съ кот. выработанъ договоръ русской и польской организацій. Утверждая этотъ договоръ, И. К. надѣется, что дѣйствительность не замедлитъ показать всѣ выгоды такого объединенія силъ, какъ для насъ, такъ и для нашихъ польскихъ товарищей.

Исп. Ком.

С.-Петербургъ, 1 марта 1881 г.

ВМѢСТО ВНУТРЕННЯГО ОБОЗРѢНІЯ

Много времени ушло, много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ появился нашъ послѣдній номеръ!... Ослабленная крупными разгромами и насильственнымъ удаленіемъ изъ ея среды наиболѣе выдающихся и опытныхъ вождей, наша партія тяжко боролась за свое существованіе подъ неустанными ударами освирѣпѣвшаго правительства и мучительно билась въ сѣтяхъ внутренняго предательства со стороны нѣкоторыхъ недостойныхъ ея членовъ. Дорогія личности то и дѣло вырывались изъ ея рядовъ, наилучше задуманные планы разлетались, какъ картонные домики; едва устроенныя учрежденія проваливались одно за другимъ. Сколько разъ, цѣною неимовѣрныхъ трудовъ, самопожертвованія и усилій, мы добывали шрифты, строили станки, ставили почти полныя типографіи, собирали матеріалы, приготовляли статьи и т. д., и т. д. И что же? въ одинъ прекрасный день все это разлеталось прахомъ: типографіи открывались, люди забирались, рукописи исчезали или становились понемногу устарѣлыми и несвоевременными и т. д. И вотъ, эта убійственная работа Данаидъ начиналась снова! Много нужно было энергіи и вѣры въ свое дѣло, чтобы не прійти въ отчаяніе, но снова и снова приниматься за тотъ же упорный и неустанный трудъ. Даже рѣшительная расправа съ Судейкинымъ и Дегаевымъ не сразу вывела насъ изъ этого тяжелаго и труднаго положенія. Во-первыхъ, проклятая «дегаевщина» роковымъ образомъ оставила свои страшные нравственные слѣды въ уменьшеніи партіозной дисциплины и въ ослабленіи взаимнаго довѣрія между членами партіи, — слѣды, съ которыми намъ неизбѣжно придется бороться еще долгое время. Естественно не довѣряя вполнѣ Дегаеву даже въ самый послѣдній періодъ его дѣятельности, когда онъ отдалъ себя цѣликомъ въ распоряженіе партіи, самъ Исп. Ком. принужденъ былъ тщательно отдѣлять еще чистыхъ людей отъ людей скомпрометированныхъ прежнимъ соприкосновеніемъ съ Дегаевымъ, что конечно необходимо привело вначалѣ къ кажущейся розни и къ взаимнымъ недоразумѣніямъ, особенно въ глазахъ людей, стоявшихъ далеко отъ центра и поэтому плохо знавшихъ весь ходъ этого печальнаго дѣла. Послѣдствія понятны

сами собой. Такъ вотъ, намъ невольно пришлось бороться съ этими послѣдствіями и тяжко трудиться надъ переорганизаціей наличныхъ силъ, прежде чѣмъ приступить къ настоящему дѣлу. Но и этого мало. Ни допросы Дегаева, ни послѣдующія тщательныя развѣдки И. К., понятно, не могли указать ему *всѣхъ* членовъ партіи, оговоренныхъ когда либо разными трусами и предателями, но оставленныхъ на время на свободѣ. Понятно, что эти лица, вращаясь и работая въ нашей средѣ, нерѣдко наводили за собой сыскъ и подавали поводъ къ новымъ погромамъ и проваламъ, хотя и не такимъ грандіознымъ, какъ прежде. И вотъ, снова исчезали типографіи, люди, рукописи и пр., и пр. Но «живъ богъ и жива душа моя!» — восклицаемъ мы словами одного библейскаго героя и снова идемъ на приступъ. Намъ важно показать, какъ можно скорѣе, правительству, обществу и товарищамъ, что мы еще живы, вѣримъ въ успѣхъ и твердо намѣрены бороться за него, не покладая рукъ; а потому мы спѣшимъ выпускомъ этого номера, извиняясь передъ читателями за его неполноту, устарѣлость, но не смущаясь особенно этими недостатками, въ виду тѣхъ необычайно затруднительныхъ условій, при которыхъ мы выпускаемъ его въ свѣтъ.

Устарѣлость большинства даваемыхъ нами статей несомнѣнна. Такъ, заявленіе И. К. о Дегаевѣ было подписано еще 21-го декабря прошлаго года. Первая передовая статья была вручена редакціи въ концѣ того же декабря; 2-я передовая была написана въ началѣ нынѣшняго марта, по случаю вопроса «о простонародномъ террорѣ,» который волновалъ въ то время партію. Помѣщаемое, вмѣсто иностраннаго обозрѣнія, «Письмо изъ Парижа» писано тоже еще въ прошломъ году; большинство оффиціальныхъ документовъ партіи тоже не блистаютъ свѣжестью. Наконецъ, тѣ изъ корреспонденцій, которыя не были утрачены при провалахъ разныхъ типографій, настолько устарѣли, что мы принуждены отказатася отъ ихъ помѣщенія и, быть можетъ, напечатаемъ въ выдержкахъ только нѣкоторыя сколько нибудь интересныя мѣста изъ нихъ. Что касается неполноты этого номера, то она тоже неисправима, и мы сами сознаемъ это, и сильнѣе и живѣе, чѣмъ кто-либо. Прежде всего она сказывается въ хроникѣ безчисленныхъ арестовъ послѣдняго времени и въ отчетахъ о денежныхъ пожер-

твованіяхъ. Множество замѣтокъ объ арестахъ и денежныхъ отчетовъ утратились при погромахъ; а потому поневолѣ печатаемъ пока только то, что намъ удалось собрать до этой минуты, обѣщаясь пополнять впредь невольные пробѣлы, по мѣрѣ возможности и накопленія новыхъ свѣдѣній. Затѣмъ всего болѣе пострадало со стороны неполноты именно внутреннее обозрѣніе. Не одно такое обозрѣніе вмѣстѣ съ матеріалами пропало у насъ при прежнихъ попыткахъ издать №10. Собирать снова факты за этотъ длинный періодъ и приводить ихъ въ стройную систему мы не имѣемъ рѣшительно времени: это значило бы отсрочить снова на довольно продолжительное время выходъ этого номера, что было бы совсѣмъ нежелательно по многимъ, весьма понятнымъ причинамъ. Къ тому же, мы утѣшаемъ себя еще тою мыслію, что №1 «Вѣстника Н. В.» содержитъ въ себѣ очень полное и живое внутреннее обозрѣніе почти всего нынѣшняго царствованія и можетъ служить отличнымъ вознагражденіемъ за нашу неполноту по этой части.

Мы надѣемся, что наши читатели примутъ во вниманіе выставленныя нами соображенія и простятъ намъ наши невольные недостатки и пробѣлы.

Упомянувъ о внутреннемъ обозрѣніи въ № 1 «Вѣстника» мы должны сознаться, что мы могли бы прибавить къ нему очень мало новаго, по крайней мѣрѣ касательно *общаго* политическаго положенія дѣлъ внутри имперіи. Какъ въ концѣ прошлаго царствованія, такъ и въ нынѣшнемъ оно остается тѣмъ же, что и прежде. Русское самодержавіе по прежнему стоитъ передъ роковою, неразрѣшимою задачею: сохранить неприкосновенными свои старыя прерогативы вѣковаго деспотизма, не смотря на вѣянія новаго времени и сильно измѣнившіяся обстоятельства. По прежнему, оно имѣетъ передъ собою два обществ. фактора, съ помощью которыхъ оно обязано разрѣшить эту задачу сфинкса. Съ одной стороны, подъ нимъ распростертъ блѣдный, обнищавшій и невѣжественный народъ, для котораго такъ называемый «просвѣщенный деспотизмъ» былъ бы, можетъ быть, *наилучшею* формою правленія. Съ другой, передъ нимъ стоитъ интеллигенція, очень мало отличающаяся по своему умственному развитію отъ интеллигенціи Западной Европы, а потому нелишенная сознанія личнаго

достоинства и жаждущая втайнѣ хотя какихъ нибудь общечеловѣческихъ, гражданскихъ и политическихъ «правъ», т. е. ограниченія самодержавнаго произвола въ свою и народную пользу. По прежнему, правительство обольщаетъ себя химерическими, несбыточными надеждами подавить эти стремленія, опираясь на преданность невѣжественныхъ массъ. Конечно, оно охотно смело бы съ лица русской земли всю эту враждебную ему интеллигенцію и навѣки помѣшало ея возрожденію сызнова, прихлопнувъ окончательно всякую литературу, закрывъ гимназіи, университеты и т. д. Конечно, у него хватило бы силъ сдѣлать это. Но, увы! это невозможно. Къ несчастію, Россія граничитъ съ запада съ «образованными» государствами, вслѣдствіе чего борьба съ ними и сохраненіе своего положенія великой державы требуютъ постоянной наличности не только матеріальныхъ, но и умственныхъ силъ. Вѣдь «по нонѣшнему времени» даже военное дѣло и неразрывно связанное съ нимъ финансовое управленіе и государственное хозяйство требуютъ большого ума, образованія и знаній, т. е. той же проклятой «интеллигенціи», столь враждебной самодержавному произволу. И вотъ самодержавіе осуждено роковою судьбою готовить себѣ ежедневно своихъ будущихъ внутреннихъ «враговъ»! Конечно, оно охотно ограничило бы россійское просвѣщеніе такъ наз. прикладными науками, да изящной и даже распутной литературой, потребной для развлеченія правящихъ классовъ. Это оно и дѣлаетъ по мѣрѣ силъ и возможности. Но, увы! успѣшное усвоеніе хотя бы прикладныхъ наукъ требуетъ предварительно *общаго* научнаго образованія и развитія; а общее развитіе приноситъ съ собою пониманіе окружающаго міра, критическое отношеніе къ его несовершенствамъ, чувство личнаго достоинства, сознаніе своего долга передъ народомъ. вкусъ къ личному и общественному почину, отвращеніе къ произволу и насилію, и т. п. «превратныя» идеи и стремленія.... И вотъ, правительство усердно, но безсильно бьется все время надъ неразрѣшимою задачею: создать себѣ неинтеллигентную интеллигенцію. Напрасныя усилія! Просвѣщеніе и наука имѣютъ свою обязательную логику, которая неотразимо приводитъ ихъ адептовъ къ извѣстнымъ, неизбывнымъ выводамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ поддержкою самодержавія, и порождаютъ прямо враждебную ему интел-

лигенцію. Одна — наиболѣе молодая, свѣжая, чистая, послѣдовательная и энергическая часть ея бросается прямо въ смѣлую непримиримую борьбу съ правительствомъ. Другая — болѣе трусливая и эгоистичная часть — пускается въ погоню за наживой и житейскими наслажденіями, предоставивъ опасную борьбу съ произволомъ своимъ самоотверженнымъ товарищамъ. Третья, самая низкая и развращенная часть — поступаетъ, правда, на службу правительства, но лишь ради той же наживы и житейскихъ наслажденій, а отнюдь не въ силу вѣры въ правоту защищаемаго ими порядка и выполняемаго ими дѣла, т. е. съ полнымъ отсутствіемъ тѣхъ внутреннихъ условій, при которыхъ только и возможно вѣрное и успѣшное проведеніе какой бы то ни было системы. Понятно, что эти «рабы лукавые и невѣрные» поспѣшно разбѣгутся во всѣ стороны при первомъ серьезномъ несчастіи съ ихъ господиномъ, что это сознаетъ и самъ господинъ, т. е. правительство. Тѣмъ не менѣе, ради собственнаго самосохраненія, оно должно довольствоваться хоть такими слугами и всячески заботиться объ увеличеніи ихъ числа и объ истребленіи интеллигенціи иного типа, что оно и дѣлаетъ съ величайшимъ стараніемъ. Напоминать относящіеся сюда факты положительно не стоитъ, такъ какъ они слишкомъ хорошо извѣстны каждому, кто слѣдитъ за правительственными распоряженіями и прислушивается къ литературѣ и общественнымъ слухамъ и толкамъ. Поощряя прикладное знаніе, терпя изящную литературу безобиднаго свойства, власть безпощадно опрокидывается на науку и литературу всякій разъ, когда онѣ обнаруживаютъ самомалѣйшую попытку къ пробужденію въ публикѣ честной мысли и живого общественнаго чувства. Блестящимъ заключительнымъ финаломъ этой стороны правительственой дѣятельности можетъ считаться недавнее закрытіе столь любимыхъ публикою «Отеч. Зап.», по поводу чего мы даемъ ниже особую статью.

Отношеніе правительства къ университетамъ, какъ разсадникамъ будущей интеллигенціи, тоже слишкомъ хорошо извѣстно, хотя бы изъ исторіи нескончаемыхъ передѣлокъ университетскаго устава. А въ послѣднее время власти не постыдились открыто объявить все студенчество подозрительнымъ и неблагонадежнымъ.

Какъ извѣстно, попечитель Кіевскаго учебнаго округа,

не стѣсняясь ни свободою гражданскаго договора въ денежныхъ и т. п. сдѣлкахъ, ни даже *семейнымъ* правомъ, запретилъ воспитанникамъ среднихъ учебныхъ заведеній жить не только въ одной квартирѣ, но даже въ одномъ домѣ со студентами, хотя бы даже съ *роднымъ братомъ*. Спрашивается: можно ли идти дальше въ откровенной враждѣ къ интеллигенціи? Спрашивается еще: что остается дѣлать сколько-нибудь уважающей себя интеллигенціи, какъ не объявить, не только въ интересахъ народа, но и въ интересахъ *собственнаго* самосохраненія, неумолимую войну не на жизнь, а на смерть этому правительству, поклявшемуся истребить все честное и живое въ ея средѣ? И мы твердо вѣримъ, что брошенный правительствомъ вызовъ будетъ понятъ, и что наши ряды никогда не оскудѣютъ новыми интеллигентными борцами.

Но, можетъ быть, безжалостно давя интеллигенцію, правительство облегчило хотя сколько нибудь скорбную долю того народа, въ которомъ оно справедливо видитъ пока свою главную или даже единственную опору? Дѣйствительно толки о реформѣ податей, объ уничтоженіи паспортовъ, объ облегченіи переселеній, о содѣйствіи крестьянству въ покупкѣ земель и т. п. не прекращаются ни на минуту. Но — увы! — всѣ эти благія затѣи такъ и остаются одиѣми затѣями, или же, переходя въ жизнь, тотчасъ же вырождаются въ нѣчто совсѣмъ противоположное первоначальнымъ намѣреніямъ. Дѣло въ томъ, что правительство и тутъ стоитъ передъ лицомъ той же роковой дилеммы: или не предпринимать ничего новаго и путнаго, или же обратиться за помощью и исполненіемъ къ той же проклятой интеллигенціи, которая такъ ненавистна ему и съ которой оно и безъ того не знаетъ какъ справиться. Но, какъ мы уже сказали выше, лучшая часть интеллигенціи прямо враждебна правительству и не пойдетъ помогать ему въ лукавыхъ затѣяхъ провести за носъ народъ. Другая ея часть просто сторонится отъ него и уходитъ въ чисто личную жизнь. Такимъ образомъ ему остается только продажное, лѣнивое, наемное чиновничество, думающее только о полученіи жалованья каждое 20-е число, упорно уклоняющееся отъ всякой лишней работы и заботы, привыкшее только «отписываться» отъ всякаго дѣйствительнаго дѣла и нисколько не печалящееся въ глубинѣ своей души ни о народѣ,

ни даже о самомъ правительствѣ. Удивительно ли, что съ такими помощниками и исполнителями дѣло не подвигается ни на шагъ впередъ, тогда какъ *подобныя* дѣла требуютъ именно вѣры, любви беззавѣтной преданности и искренняго, самоотверженнаго служенія имъ, до забвенія самого себя? Но правительство натыкается здѣсь не только на апатію, но и на прямое сопротивленіе со стороны своихъ приспѣшниковъ. Вѣдь, вся эта челядь служитъ ему только ради своихъ корыстныхъ интересовъ, которые по большей части противоположны интересамъ народа. Не можетъ же правительство изобидѣть и оттолкнуть отъ себя своихъ единственныхъ слугъ. И вотъ съ высоты трона раздаются приснопамятныя слова царя-народолюбца: «Не ждите ни передѣла земель, ни новой нарѣзки. Все останется, какъ было. Повинуйтесь вашимъ (?!) предводителямъ дворянства»....

Постоянно обманываемый въ своихъ ожиданіяхъ и теряющій послѣднее терпѣнье, народъ глухо бродитъ и безпокойно мечется какъ звѣрь въ клѣткѣ, не сознавая еще ясно основной причины своихъ бѣдствій, не видя средствъ помочь имъ и постоянно опрокидываясь лишь на ближайшіе, частные поводы своихъ невзгодъ, всего ярче бросающіеся въ глаза или всего больше задѣвающіе его въ данную минуту. Со всѣхъ сторонъ несутся горькія жалобы имущественныхъ классовъ на самовольныя порубки лѣсовъ, на насильственные захваты владѣльческихъ земель, на поджоги помѣщичьихъ усадебъ, сѣна, хлѣбовъ и строеній, на избіеніе и калѣченіе скота, на акты насилія по отношенію къ управляющимъ и пр., на сопротивленія судебнымъ приставамъ и чинамъ земской полиціи, доходящія нерѣдко до кровавыхъ побоищъ, на поголовныя стачки рабочихъ и вообще на подозрительное и опасное возбужденіе массъ, проявляющееся иной разъ въ такихъ ужасныхъ формахъ, какъ антиеврейскіе безпорядки, не обошедшіе даже такого чисто русскаго города, какъ Нижній Новгородъ. Мы далеки отъ того, чтобъ видѣть въ этомъ смутномъ броженіи начало побѣдоносной народной революціи. Но мы ясно видимъ, что народъ извѣрился въ правительство, что онъ изстрадался въ конецъ, что онъ усталъ терпѣть, что ему не въ могоготу болѣе нести свой тяжелый крестъ, что онъ безпокойно бьется въ своихъ узахъ, ища выхода, и что, по-

этому, всякій громкій призывъ къ нему поговорить по душѣ «о своихъ нуждишкахъ, о своихъ дѣлишкахъ и о разномъ прочемъ» — глубоко всколыхнетъ народное море и вызоветъ въ немъ радостный откликъ. Раздастся ли этотъ призывъ съ высоты трона, поколебленнаго ударами революціонеровъ, или же онъ будетъ сдѣланъ самою партіею, захватившею на моментъ въ свои руки правительственную власть, — это все равно. Мы твердо вѣримъ, что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ народъ не пропуститъ мимо ушей обращеннаго къ нему призыва, — что онъ съумѣетъ сказать, гдѣ его жметъ тѣсный сапогъ, — что онъ найдетъ вокругъ себя людей, которые сформулируютъ его нужды, требованія и желанія въ толковые «наказы» его избранникамъ, — что онъ съумѣетъ инстинктивно отличить друзей отъ враговъ и что онъ поддержитъ всею дикою мощью непобѣдимой стихійной силы истинныхъ представителей и заступниковъ его интересовъ въ нѣдрахъ будущаго Земскаго Собора. Мы твердо вѣримъ, что грядущая государственная реформа не можетъ выродиться на нашей почвѣ въ чисто *политическую* «конституцію», но непремѣнно принесетъ съ собою всѣ тѣ аграрныя и иныя экономическія и соціальныя реформы, какія совмѣстимы съ нынѣшнимъ умственнымъ развитіемъ человѣчества. Ибо только такая реформа или революція можетъ найти себѣ опору въ народныхъ массахъ, во всенародномъ энтузіазмѣ, безъ котораго немыслимо никакое великое историческое дѣло, никакой крупный общественный переворотъ. А пока главная задача наша и нашихъ товарищей, — въ особенности же рабочихъ и сельскихъ группъ, — должна заключаться въ томъ, чтобы пользоваться всякимъ случаемъ для выясненія народу, что основная причина всѣхъ угнетающихъ его золъ лежитъ не въ злодѣйствѣ отдѣльныхъ личностей, а въ общемъ строѣ современнаго порядка вещей, опирающагося прежде всего на самодержавіе правительства, мѣшающее народу выражать и выполнять свою волю или даже просто разсуждать всенародно о своихъ дѣлахъ съ цѣлью улучшенія своей жизни. Мы должны постоянно и неустанно указывать народу, что самодержавный царь и его приспѣшники явно не желаютъ облегченія бѣдствій народа, да и не въ силахъ облегчить ихъ, если бы даже и желали, не призвавъ къ этому дѣлу самого народа.

Итакъ съ какой бы точки зрѣнія ни посмотрѣли мы на нынѣшнее положеніе нашихъ внутреннихъ дѣлъ, съ точки ли зрѣнія интересовъ народа, или же интересовъ интеллигенціи, все приводитъ насъ къ одному и тому же выводу: самодержавіе отжило свой вѣкъ, — оно не въ силахъ больше принести ничего хорошаго ни народу, ни обществу, — всякая дальнѣйшая минута его существованія только безнужно удлиняетъ муки неопредѣленнаго переходнаго положенія и увеличиваетъ сумму народныхъ и общественныхъ бѣдствій; а потому, неустанная, неумолимая борьба противъ него, въ лицѣ всѣхъ его представителей, борьба безъ отдыха, безъ пощады и безъ перемирія,—есть священнѣйшій долгъ всего живого и честнаго на Руси. Вотъ почему еще рѣшительнѣе и энергичнѣе, чѣмъ когда либо, повторяемъ мы свой старый кличъ: Carthago delenda est.

Чтобы не быть голословными въ нашихъ утвержденіяхъ насчетъ безпокойнаго броженія народныхъ силъ почти во всей Россіи, приводимъ на удачу нѣсколько фактовъ изъ самаго послѣдняго времени и относящихся исключительно къ сферѣ аграрныхъ отношеній.

Наиболѣе интенсивная мелкая борьба народа съ имущественными классами и представителями власти наблюдается въ Уфимско-Оренбургскомъ краѣ. Этотъ край положительно какъ бы на военномъ положеніи. Громадныя лѣсныя порубки, захватъ земель, поджоги, убійства, сопротивленія властямъ — все это здѣсь самыя заурядныя явленія. Въ совершеніи ихъ иной разъ принимаютъ участіе сотни людей. Иногда факты подобнаго рода принимаютъ крайне рѣзкій характеръ и доходятъ до жестокости. Укажемъ для примѣра на нѣсколько случаевъ сожженія живьемъ по нѣсколько человѣкъ (управляющихъ, приказчиковъ, лѣсничихъ и т. д.) въ заколоченныхъ предварительно домахъ. Интенсивность и распространенность подобнаго рода явленій заставили перетрусившее уфимское дворянство потребовать прошлымъ лѣтомъ отъ правительства «принятія чрезвычайныхъ мѣръ для защиты собственности и личности владѣльцевъ»! Съ теченіемъ времени движеніе все усиливается. Въ виду громаднаго числа извѣстныхъ фактовъ, мы остана-

вливаемся только на одномъ уѣздѣ — Белебеевскомъ. Здѣсь идетъ война не на животъ, а на смерть между населеніемъ и казенными и частными лѣсниками. Порубки въ сотни пней уже не принимаются въ счетъ; онѣ производятся по нѣсколько тысячъ пней. При порубкахъ постоянно кровавыя столкновенія. Въ февралѣ 6 татаръ деревни Башиндовъ были оштрафованы за порубку; а вслѣдъ затѣмъ у Куюкинскаго лѣсника были зарѣзаны 10 овецъ и лошадь. Одному понятому д. Андреевки еле-еле не отрубили головы: онъ спасся, только благодаря быстротѣ лошади. Въ половинѣ февраля въ лѣсу, прилегающемъ къ дер. Екатериновкѣ и Анновкѣ, крестьяне изрубили топорами двухъ стражниковъ, не смотря на то, что послѣдніе были вооружены ружьями. Въ дер. Шаранъ-Князевѣ стычки изъ-за лѣса сопровождались цѣлымъ рядомъ убійствъ. Являлся сюда исправникъ, но едва унесъ ноги. Пришлось согнать нѣсколько сотъ полицейскихъ чиновъ; пріѣзжали прокуроръ и губернаторъ, но князевцы покорности не обнаружили. Угонъ скота и поджоги хлѣба здѣсь самое заурядное явленіе. Но бываютъ факты и гораздо любопытнѣе. Такъ башкиры д. Слахъ въ февралѣ раззорили и сожгли до тла хуторъ барона Нолькена, разогнавъ сторожей, рабочихъ, и угнали скотъ, часть котораго была затѣмъ зарѣзана и съѣдена. У доктора Бычкова на хуторѣ въ Бакалинской волости убили приказчика; въ одной изъ сосѣднихъ деревень избили урядника и станового. Чиновниковъ — членовъ крестьянскаго присутствія, землемѣровъ и т. д., являющихся производить размежеваніе и вообще «насаждать порядокъ»,—населеніе или гонитъ, или принимаетъ самымъ оригинальнымъ способомъ: «Твоя кто посылалъ наша?» — Присутствіе, казна. — «А-а! казна, присутствіе — ну, ты и гуляй по казна. Зачѣмъ наша пришелъ? Мы не звалъ!» — Землю отъ васъ въ казну. — «Зачѣмъ казну. Земелька нашъ, какой казну? Казна свой есть. А вотъ самоваръ твоя кипитъ, мы готовилъ; ямай мало — маласяй, потомъ здыхай (отдыхай), утро придетъ — гуляй казна, коли онъ твоя посылалъ, а наша твоя не надо!» И за тѣмъ на утро выпроводятъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Ограничиваемся приведенными фактами, хотя списокъ ихъ можно было бы удлиннить до безконечности.

Другимъ райономъ съ сильнымъ аграрнымъ движеніемъ

является мѣстность, охватывающая Донскую область, Екатеринославскую, Тамбовскую, Курскую губ., отчасти и Рязанскую, а затѣмъ Черниговскую и Полтавскую. Здѣсь практикуются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ поджоги помѣщичьяго хлѣба, сѣна и строеній. Тутъ имѣли мѣсто любопытные случаи стачекъ сельскихъ полевыхъ рабочихъ, съ цѣлью оставленія безъ уборки помѣщичьяго хлѣба или возвышенія заработной платы, при чемъ крестьяне опирались на свою общинную организацію. Вообще отношенія между здѣшними крестьянами и помѣщиками крайне обострены. Въ Екатеринославской губерніи прошлою осенью крестьянское движеніе выразилось въ усиленныхъ поджогахъ, разрушеніи помѣщичьихъ домовъ и захватахъ земель. Первыя весеннія свѣдѣнія изъ этого края указываютъ, что движеніе, направленное къ захвату земель, началось снова. Изъ множества фактовъ, имѣвшихъ мѣсто въ Донской области, приведемъ только два. Въ слободѣ Мокѣевкѣ Донецкаго округа, крестьяне стѣсненные землевладѣльцемъ и его приказчикомъ, сожгли 80 стоговъ сѣна, вырубили лѣсъ и затѣмъ, заманивши въ лѣсъ приказчика, высѣкли его и, заткнувъ ротъ, привязали къ дереву. Здѣсь онъ провисѣлъ болѣе двухъ сутокъ (дѣло было въ февралѣ) и былъ случайно найденъ пастухомъ; приказчикъ дотчасъ же сбѣжалъ, а поступившій на его мѣсто держитъ себя значительно мягче. Вообще крестьяне Донецкаго округа въ послѣднее полугодіе энергично принялись за экспропріацію землевладѣльческой собственности. Они рубили лѣсъ, увозили къ себѣ помѣщичій хлѣбъ съ полей, нападали на принадлежащіе помѣщикамъ и скупщикамъ земель хлѣбные амбары и грабили ихъ, нерѣдко въ виду самихъ хозяевъ. Дѣло не разъ доходило до вооруженнаго сопротивленія. Въ слободу Большинскую и сосѣднія села для усмиренія явился окружной начальникъ съ цѣлой сворой полицейскихъ. Появленіе его страшно возбудило населеніе. «Такъ онъ не за насъ?... Бей его»!... И окружной начальникъ едва успѣлъ спастись. За то нѣсколько его спутниковъ были избиты до полусмерти. Затѣмъ Большинцы бросились на ближайшія усадьбы землевладѣльцевъ. Произошла свалка, во время которой нѣсколько человѣкъ было убито. Землевладѣльцы съ своею дворнею, забравшись въ одну экономію, кое-какъ отстрѣлялись; но за то остальныя экономіи были разграблены и разрушены.

Грабежъ продолжался двое сутокъ, пока прибыло войско. Съ появленіемъ послѣдняго крестьяне разбѣжались и позасѣли по заросшимъ мелкимъ лѣсомъ балкамъ и оврагамъ. Многіе изъ нихъ имѣли ружья, а потому, когда на нихъ двинулось войско, произошло правильное сраженіе, съ массою убитыхъ и раненныхъ. Въ концѣ концовъ крестьяне оказались, конечно, усмиренными... Мы не будемъ приводить фактовъ, имѣвшихъ мѣсто въ другихъ мѣстностяхъ: это было бы перепѣвомъ той же самой, однообразной пѣсни.

Повторяемъ: мы не думаемъ видѣть въ этихъ фактахъ смутнаго броженія народныхъ силъ залога скораго и успѣшнаго всенароднаго взрыва; но слѣпъ будетъ тотъ, кто откажется усмотрѣть въ нихъ явное знаменіе крайней шаткости нынѣшняго порядка вещей и не менѣе явное указаніе на тотъ *путь*, по которому пойдетъ народное движеніе, когда наступитъ наконецъ его моментъ.

ЗАКРЫТІЕ „ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ“

„Вотъ такъ скотина! добрые люди отъ него кровопролитіевъ ждали, а онъ чижика съѣлъ!“

„Бурбонъ стоеросовый! чижика съѣлъ!“

„Олухъ царя небеснаго! чижика съѣлъ!“

Такъ, по словамъ г. Щедрина, привѣтствовали звѣри Топтыгина послѣ того, какъ онъ съѣлъ чижика. Отдавая, вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ обществомъ, должную дань уваженія таланту и проницательности г. Щедрина, мы сомнѣваемся, однако, чтобы онъ предвидѣлъ, что графъ Толстой такъ скоро возьметъ на себя роль Топтыгина и предоставитъ роль чижика „Отеч. Запискамъ“, соблазняясь, должно быть, ихъ чижиковаго цвѣта оберткой.

Мы не думаемъ смѣяться надъ погибшимъ журналомъ или принижать его. Это былъ почти единственный органъ русской печати, въ которомъ сквозь дымъ и копоть цензуры свѣтилась искра пониманія задачъ русской жизни во всемъ ихъ объемѣ. За это онъ долженъ былъ погибнуть — и погибъ. Было бы странно, если бы мрачная правительственная сила не наложила раньше или позже руки на ма-

ло мальски свѣтлое явленіе. Но мы утверждаемъ все таки, что, закрывъ „От. Зап.“, Толстой съѣлъ чижика, и не того отъ него ждали. Ждали искорененія революціи, прекращенія крамолы, а мы живы и надѣемся, что въ скоромъ времени въ этомъ убѣдятся всѣ. Что же касается Толстого, то, какъ видно изъ правительственнаго сообщенія, объявляющаго о закрытіи „Отеч. Зап.“, онъ уже и теперь признаетъ фактъ нашей живучести и нашего значенія.

Правительственное сообщеніе имѣетъ цѣлью доказать, что не чижикъ съѣденъ, а уничтоженъ очагъ революціи. Не въ нашихъ интересахъ разоблачать ложь и путаницу, переполняющія этотъ документъ. Пусть очагъ революціи остается на углу Литейной и Бассейной улицъ. Документъ насъ интересуетъ съ другой стороны. Уже много лѣтъ правительство держитъ петлю на шеѣ русскаго общества и все туже ее затягиваетъ. Много лѣтъ ссылка, тюрьма, каторга, висѣлица поглощаютъ все новыя и новыя жертвы. Чего же достигла напрягшая всѣ силы и, повидимому, торжествующая реакція? Самодержавный повелитель ста милліоновъ не освобожденъ изъ гатчинскаго плѣна, о его пріѣздахъ и отъѣздахъ вѣрноподданные узнаютъ на другой день; усиленная охрана нужна по прежнему: жандармы, сыщики, прокуроры зарабатываютъ свой хлѣбъ въ потѣ лица. Но всего этого мало. Всѣ чрезвычайныя правительственныя мѣры не только не въ состояніи прекратить революціонное теченіе, но даже держать его на томъ же уровнѣ. Мы не можемъ печатать отчеты о дѣйствительномъ ходѣ нашего дѣла, о нашихъ успѣхахъ и потеряхъ; господа сыщики должны сами потрудиться надъ добываніемъ нужныхъ имъ свѣдѣній. Мы только сдѣлаемъ выводъ изъ правительственнаго сообщенія. Когда то правительство и его холопы утверждали, что наши ряды пополняются исключительно „молодыми безумцами“, недоучившимися мальчишками и пр. Отъ этой иллюзіи пришлось съ теченіемъ времени отказаться, потому что двери тюрьмы стали все чаще захлопываться за людьми зрѣлаго возраста и извѣстнаго положенія. Теперь же правительственное сообщеніе прямо говоритъ, что извѣстная часть легальной литературы солидарна съ нами или даже входитъ въ составъ нелегальной организаціи, а литература всегда и вездѣ составляетъ цвѣтъ интеллигенціи страны. Молодые безумцы называются здѣсь иногда Лер-

монтовыми, недоучившіеся мальчишки — Бѣлинскими. На чьей же сторонѣ успѣхъ въ нашей многолѣтней борьбѣ съ русскимъ правительствомъ? Кого устрашили, что предохранили тюрьмы и висѣлицы, если послѣ долгой реакціонной практики правительству приходится закрывать журналъ наиболѣе распространенный, пользующійся наибольшимъ сочувствіемъ публики? Мы принесли много жертвъ, но онѣ принесены не даромъ. Въ этомъ расписывается само правительственное сообщеніе.

Въ сообщеніи заслуживаетъ нашего вниманія еще одна подробность. Глупцы, холопы и лжецы толкуютъ объ императорскомъ, или государственномъ, соціализмѣ, который избороздитъ нашу голодную родину молочными рѣками съ кисельными берегами. Правительство благосклонно слушаетъ эту сказку. Но, отстаивая свое мѣсто въ государствѣ, администрація знаетъ только одно: гнать всякую критику, всякій свободный голосъ. Во всемъ остальномъ она не дѣлаетъ ни одного какого бы то ни было опредѣленнаго шага. Правительство хорошо знаетъ, что оно изолгалось, что съ каждымъ днемъ падаетъ его кредитъ на биржѣ и въ дипломатіи, внутри и внѣ Россіи, въ народной массѣ и въ образованной средѣ. Въ сообщеніи, объявляющемъ о закрытіи „Отеч. Зап.“, четыре подписавшіе его министра не рѣшаются говорить отъ собственнаго имени о революціонномъ вліяніи легальной литературы. Они знаютъ, что никто не повѣритъ либеральному долготерпѣнію, съ которымъ они будто бы присутствовали при разгулѣ русской печати. Поэтому, они ссылаются на показанія какого то Іуды изъ нашихъ рядовъ—„одного изъ важныхъ государственныхъ преступниковъ“. Опять, на чьей же сторонѣ успѣхъ, если слова даже Іуды, анафематскаго отребья изъ революціоннаго лагеря, вѣсятъ больше, чѣмъ увѣренія четырехъ русскихъ министровъ?

Таковы выводы, сами собой вытекающіе изъ правительственнаго сообщенія. Можно сказать, таковы мнѣнія правительстаа о своемъ собственномъ безсиліи и лживости. Ни въ томъ, ни въ другой мы никогда не сомнѣвались. Пока упрямая, тупая и своекорыстная администрація не потѣснится для предоставленія законнаго мѣста свободнымъ представителямъ страны, до тѣхъ поръ русское правительство будетъ падать все ниже и, наконецъ, падетъ. Мы

ждемъ этого часа со спокойствіемъ людей, сознающихъ, что они плывутъ по теченію, съ презрѣніемъ къ тѣмъ, кто хочетъ задержать историческую необходимость.

Эпитетъ „высочайше утвержденный“ фактически уже теперь значитъ „сомнительно утвержденный“, хотя бы относился только къ направленію желѣзной дороги; а реакціонныя мѣры такъ же мало способны поднять кредитъ правительства, какъ и переливаніе изъ пустого государственнаго казначейства въ порожній государственный банкъ. Четыре министра, Іуда самъ-пятъ, забыли или не знаютъ той старой истины, что литература есть только выраженіе и отраженіе существующихъ въ обществѣ чувствъ, мыслей, отношеній.

Министерскій квартетъ не удовольствуется, вѣроятно, однѣми „Отеч. Зап.“, но мы не видимъ въ этомъ большой бѣды. Намъ въ нашей литературной дѣятельности случалось переживать очень тяжелыя времена: типографіи исчезали, редакціи отвлекались по другимъ дѣламъ или гибли, но мы живы, потому что жива идея, которой мы служимъ. Если правительство задушитъ даже всю легальную литературу, мы скажемъ:

„Бурбонъ стосросовый! Чижика съѣлъ!

— ———

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА

Экономическій кризисъ и политическія партіи во Франціи.

Надъ всѣмъ промышленнымъ міромъ виситъ Дамокловъ мечъ приближающагося кризиса. Застой въ дѣлахъ и недомоганіе являются предвѣстниками его и въ Англіи, и въ Германіи, и въ Сѣверной Америкѣ. Во Франціи его тяжелая рука давитъ на самыя жизненныя артеріи промышленности, и подъ этой ледяной рукой пульсъ экономической жизни начинаетъ биться все медленнѣе и медленнѣе. Симптомы наступающаго кризиса несомнѣнны. Стачки, особенно въ теченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ, обошли всю Францію. Рудокопы въ Сѣверномъ департаментѣ, ткачи въ департаментѣ Вожъ, ткачи въ Ліонѣ, кочегары и матросы

въ Марсели, сѣдельщики въ Бордо, извозчики въ Парижѣ — всѣ они и по очереди, и одновременно пытались бороться противъ капиталистовъ, уменьшающихъ тарифъ подъ предлогомъ труднаго сбыта продуктовъ, и всѣ (за единственнымъ исключеніемъ сѣдельщиковъ) должны были сдаться на капитуляцію. Безработица заходила даже въ Алжиръ. Въ одномъ Парижѣ рабочихъ безъ занятій и куска хлѣба насчитываютъ отъ 150 до 200 тысячъ. Особенно страдаютъ отъ безработицы рабочіе по постройкѣ зданій: каменьщики, кровельщики, маляры, столяры и т. п. По оффиціальнымъ отчетамъ къ 8 января (срокъ перемѣны квартиръ въ Парижѣ) квартиръ было нанято въ столицѣ лишь 3234, очищено же 4500, при чемъ въ 75 случаяхъ пришлось прогнать жильцовъ при помощи полиціи.

Такимъ образомъ, незанятыхъ квартиръ остается 1326, что объясняется выселеніемъ нуждающихся рабочихъ изъ самой столицы за городскую черту, гдѣ квартиры дешевле; жалобы на трудное время раздаются повсюду... Но кромѣ непосредственнаго экономическаго значенія, приближающійся кризисъ имѣетъ еще болѣе глубокое значеніе соціальное и политическое, и его то намъ и хотѣлось коснуться въ нашемъ письмѣ. Застой и безработица послужили поводомъ къ выясненію взаимныхъ отношеній, существующихъ между политическими партіями во Франціи. Какъ извѣстно, 15 (3) января 10 делегатовъ отъ рабочей партіи (фракціи поссибилистовъ) пришли въ палату депутатовъ и подали петицію, прося собраніе немедленно принять мѣры къ облегченію безработицы и кризиса. Волей-неволей палата вынуждена была поставить на очередь „рабочій вопросъ", и вотъ на трибунѣ въ теченіе полуторыхъ недѣль смѣнились одинъ за другимъ около 15 ораторовъ Что говорилось ими, намъ о томъ разсказывать не зачѣмъ, ибо за свѣдѣніями читатель можетъ обратиться къ русскимъ легальнымъ газетамъ. Намъ интересно здѣсь лишь указать на тѣ взаимныя позиціи, которыя заняли политическія партіи при этихъ дебатахъ. Республиканское большинство — представители крупной и средней буржуазіи, оппортюнисты въ политикѣ, стали къ рабочимъ въ положеніе прямо враждебное. Кризисъ просто-напросто отрицался, да и вообще отрицалось чуть ли не всякое вмѣшательство государства въ экономическую дѣятельность: „свобода", „свобода въ экономической сферѣ" —

сыпалось изъ устъ Ферри, того самаго Ферри, который теперь и спитъ, и видитъ, какъ бы пробить брешь въ современной политической свободѣ Франціи.

Правые, бонапартисты и монархисты, сдѣлали видъ, что приняли петицію горячо къ сердцу. Не было недостатка въ постановкѣ на сцену „народной политики“, столь знакомой и намъ русскимъ. Бодри д'Ассонъ, напримѣръ, сваливавшій всѣ бѣды на республику и предлагавшій какъ панацею монархію, внесъ проектъ открыть кредитъ въ 20 милліоновъ и предоставить его въ распоряженіе синдикальныхъ камеръ для раздачи неимущимъ. Графъ Менъ, пустившій въ ходъ критику современнаго экономичаскаго строя, критику, украденную имъ у соціалистовъ, проповѣдывалъ что то въ родѣ средневѣковыхъ цеховъ, называя ихъ ассоціаціей, и прославлялъ прелести христіанскаго единенія рабочихъ подъ одной католической церковью. Онъ мироточился любовью къ рабочимъ, къ бѣдному народу, умилялся его трудолюбіемъ и совершенно забылъ, какъ самъ же онъ послѣ коммуны съ пѣной у рта набрасывался на рабочихъ и писалъ объ разстрѣливаемыхъ, что это люди безстыдные, люди, лишенные всѣхъ „нравственныхъ чувствъ“ и умиравшіе храбро лишь потому, что предпочитали „раздѣлаться съ жизнью, чѣмъ жить трудясь“. Какъ видите, тая въ глубинѣ души страшную ненависть къ народу, онъ игралъ здѣсь игру, надѣясь выловить въ мутной водѣ тронъ и скипетръ для какого нибудь Филиппа VII и возвратить при монархіи съ лихвою Бодри-д'ассоновскіе 20 милліоновъ. Крайняя лѣвая, радикалы, коснулись многихъ мѣръ, которыя, по ихъ мнѣнію, должны будутъ повести къ разрѣшенію рабочаго вопроса. Но, къ сожалѣнію, предлагая эти мѣры, они не стали на болѣе общую точку зрѣнія. Они не подчеркнули ясно и для самихъ себя, и для другихъ политическихъ партій, а самое главное для народа, что: 1) истинный политическій радикализмъ въ настоящее время неразрывно связанъ съ радикализмомъ соціальнымъ и экономическимъ, и 2) что никакая политическая партія не можетъ существовать долго, если не захочетъ рѣшать насущные вопросы массъ, вопросы благосостоянія, экномической независимости и всесторонняго развитія личности. Рѣчь вожака крайней лѣвой, Клемансо, рѣчь безспорно лучшая изъ всѣхъ рѣчей по поводу петиціи, грѣшитъ раз-

розненностью предлагаемыхъ мѣръ. Мы не говоримъ, что онѣ не хороши, напротивъ, хороши, но слишкомъ частны, и частны не столько сами по себѣ, сколько потому, что ораторъ не постарался стать обѣими ногами на почву соціализма, какъ необходимаго вывода изъ принципа демократіи, и не разсмотрѣлъ всѣ очерченныя имъ мѣры, какъ некрупные, но неизбѣжные шаги въ направленіи соціализма, какъ послѣдовательные этапы на этомъ пути. Такъ, онъ говорилъ о всестороннемъ (интегральномъ) воспитаніи, о необходимости сдѣлать изъ ребенка человѣка, способнаго и къ умственному, и къ физическому труду. Это требованіе, конечно, хорошо. Но оно было бы гораздо лучше и, главное, нашло бы отголосокъ въ отзывчивомъ французскомъ рабочемъ, если бы г. Клемансо показалъ, что оно не есть, такъ сказать, только педагогическое требованіе, даже не есть только политическая мѣра, имѣющая цѣлью воспитать гражданина. Нѣтъ, онъ долженъ былъ бы показать, что всестороннее образованіе является необходимой подготовкой къ тому строю, гдѣ не будетъ тунеядцевъ и паразитовъ, гдѣ каждый долженъ трудиться, и при томъ совмѣщая физическій трудъ съ умственнымъ и переходя отъ одного рода труда къ другому. Или, напримѣръ, далѣе Клемансо указывалъ на рядъ возмутительныхъ монополій, которыя дарованы государствомъ желѣзнодорожнымъ, рудокопнымъ и другимъ компаніямъ. Спору нѣтъ, эти монополіи возмутительны. Но ихъ нужно было бы подвергнуть критикѣ съ гораздо болѣе общей точки зрѣнія. Весь современный экономическій строй несправедливъ, и монополіи компаній являются лишь послѣднимъ выводомъ изъ настоящей свободной конкуренціи, гдѣ сильный, и безъ того побивая слабаго, употребляетъ свое вліяніе на то, чтобы добиться отъ государства еще особаго покровительства въ этой бойнѣ. Подвергнувъ пересмотру всѣ экономоческія условія нашей эпохи и открывъ въ нихъ принципіальную несправедливость, г. Клемансо могъ бы тогда, конечно, потребовать прежде всего уничтоженія наиболѣе несправедливыхъ сторонъ экономической жизни, но не потому, чтобы все остальное было добро зѣло, а потому, что если начать вырубать что нибудь, такъ ужъ начать съ вреднѣйшаго. И здѣсь могла бы установиться прочная связь между политическимъ радикализмомъ и тѣми соціалистическими требованіями, которыя все сильнѣе

и сильнѣе пускаютъ корни въ сердцѣ французскихъ рабочихъ классовъ. То же самое можно было бы сказать и о прогрессивномъ налогѣ, предложенномъ Клемансо, и т. д.

Вообще, если бы крайняя лѣвая тѣснѣе сблизилась съ рабочими классами, если бы постаралась по возможности въ каждомъ политическомъ вопросѣ отыскивать его прямое или косвенное значеніе для рѣшенія соціальныхъ и экономическихъ задачъ, эта партія, мы увѣрены, заняла бы почетное мѣсто въ парламентѣ. Опираясь на требованія массы, она въ каждый моментъ могла бы производить сильное давленіе на законодательную дѣятельность парламента. Безъ поддержки народа, хотя бы въ смыслѣ удовлетворенія его настоятельныхъ потребностей, всякая политическая партія осуждена теперь на безсиліе. Это сдѣлалось уже общимъ мѣстомъ, и разные политическіе авантюристы во Франціи, начиная съ Наполеона I, такъ хорошо понимали это, что попирали даже законы во имя «воли народа» и укрывались отъ критики подъ защитой плебисцитовъ. Замыкаясь же въ парламентской оградѣ, никакая партія не можетъ сдѣлать что либо нужное, особенно партія въ родѣ крайней лѣвой, которую не берутъ подъ покровительство ни разжирѣвшій буржуа, ни трусливый рантье, которая, наконецъ, желаетъ осуществленія демократіи, а не правленія меньшинства.

Съ другой стороны, случай съ петиціей показалъ намъ, къ сожалѣнію, что даже и самъ парижскій рабочій не достаточно вдумался въ значеніе политической борьбы. Стоитъ прочитать хотя бы отчетъ о свиданіи петиціонеровъ съ крайней лѣвой или еще лучше отчетъ о собраніи въ залѣ Маркизскихъ Острововъ (17 января), гдѣ делегаты разсказывали объ упомянутомъ свиданіи. Подача петиціи была враждебной демонстраціей противъ всей палаты, безъ исключенія, даже и противъ крайней лѣвой.

Понятно, что оппортюнисты воспользовались, какъ нельзя лучше, этимъ обстоятельствомъ, чтобы показать радикаламъ, что между ними и массой нѣтъ ничего общаго, что всѣ требованія радикальныхъ реформъ висятъ въ воздухѣ и оставляютъ народъ равнодушнымъ. Делегаты разсказывали, напримѣръ, какъ на всѣ вопросы крайней лѣвой, чего же собственно хотятъ рабочіе, они отвѣчали: „Это дѣло не наше, мы васъ предупредили и не хотимъ давать оружіе партіи г. Клемансо для борьбы съ нами; дѣлайте, что хотите“.

Нѣкто Доврикуръ признался даже, что „Клемансо, самая дѣльная голова среди этой шайки, долго надоѣдалъ мнѣ своей политикой“ и т. д. въ такомъ же родѣ. Конечно, если слышатся такіе голоса со стороны рабочихъ, то винить придется не ихъ, а политическихъ радикаловъ, которые не умѣли показать, что *ихъ* политика есть въ то же время и политика массъ, практикуемая во имя дѣйствительныхъ требованій народа. Во всякомъ разѣ отъ этого не легче, и подобнымъ отношеніемъ къ политикѣ могутъ восторгаться лишь платоническіе соціалисты, которые увидятъ въ этомъ презрѣніе къ „парламентарной болтовнѣ“ и „буржуазной игрѣ въ политику“. Мы же, не принадлежащіе къ такимъ прямолинейнымъ мыслителямъ, полагаемъ, что разъ нѣтъ достаточныхъ силъ для немедленной революціи, то пренебрегать политической борьбой и давленіемъ на палату значитъ обрекать себя на самоубійство. Возьмите даже этотъ вопросъ съ точки зрѣнія революціонной агитаціи и боевой организаціи. Организовать массу во имя чистаго соціализма невозможно. По крайней мѣрѣ, невозможно создать широкую боевую организацію и втянуть въ нее массу, проповѣдуя ей прелести будущаго гармоническаго общества и не заставляя ее пробовать свою силу хоть на какомъ нибудь практическомъ требованіи, осуществимомъ въ данную минуту. Съ другой стороны, нужно брать съ бою извѣстныя политическія условія, необходимыя для возможности организоваться. Если предположить, что нужно смотрѣть на все это лишь съ точки зрѣнія чисто революціонной, то несомнѣнно все таки, что вовлечь въ революцію массу путемъ заговора невозможно, потому что массовыхъ заговоровъ нѣтъ и не можетъ быть. и что, стало быть, нужно имѣть извѣстныя легальныя формы, за которыя не можетъ переступать даже и то правительство, противъ котораго вы боретесь.

Мы возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Во Франціи съ самаго 1848 года существуетъ законъ, опредѣляющій максимумъ рабочаго дня въ 12 часовъ, и что же? Этотъ законъ вышелъ совершенно изъ употребленія, такъ какъ рабочіе никогда не организовались для достаточнаго протеста противъ нарушенія его, а потому и по сіе время работаютъ столько, сколько заблагоразсудится капиталисту. Конечно, отъ ограниченія рабочаго дня 12 часами до водворенія со-

ціализма очень далеко, но нѣтъ сомнѣнія, что продумать этотъ идеалъ и бороться за него можетъ скорѣе человѣкъ, работающій 12 часовъ, чѣмъ 15 часовъ, потому что послѣднему и думать-то некогда. Далѣе, еще въ 1869 году «либеральная имперія» отмѣнила книжки, которыми капиталисты аттестовали рабочихъ, и предъявленіе которыхъ было обязательно для полученія работы. И этотъ законъ постоянно нарушался, и рабочіе опять протестовали очень вяло.

Въ послѣднее время, когда палата возобновила его, воспретивъ употребленіе книжекъ, сенатъ вотировалъ противъ формальнаго воспрещенія книжекъ, оставивъ этотъ вопросъ на произволъ капиталистовъ.

Ясно, что книжки требоваться будутъ, и возмутительная нравственная цензура эксплуататора надъ эксплуатируемымъ будетъ продолжаться. Тотъ же самый сенатъ ухитрился въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ не приступить къ окончательному воту ни по закону о желѣзнодорожныхъ компаніяхъ и ихъ служащихъ, ни по закону объ обществахъ взаимной помощи, ни о кассѣ для престарѣлыхъ рабочихъ, а въ засѣданіи 1 февраля провалилъ 5-ю статью закона о синдикатахъ, уже вотированнаго палатою, лишивъ такимъ образомъ рабочихъ права федерироваться въ профессіональные союзы и развивать свою организацію. Ясно, что сенатъ еще реакціоннѣе палаты. Крайне жаль, поэтому, что парижскій рабочій не устроилъ никакой внушительной демонстраціи въ то время, какъ въ прошломъ году заходила рѣчь объ уничтоженіи сената, и крайняя лѣвая создавала революціонную лигу. Далѣе, во Франціи до сихъ поръ посылаются войска во время стачекъ, чего нѣтъ уже въ Англіи, воспрещаются сходки подъ открытымъ небомъ, а въ послѣднее время мало по малу урѣзываются и прочія свободы, — свобода афишированія и т. п. Оппортюнистская палата вотируетъ, напримѣръ, присоединеніе бюджета префектуры полиціи къ государственному бюджету и, отнимая контроль надъ полиціей у парижскаго муниципалитета, выковываетъ изъ полиціи послушное орудіе реакціи, не смотря на всѣ протесты крайней лѣвой. Намъ кажется, что во всѣхъ перечисленныхъ примѣрахъ рабочіе могли бы и должны бы были оказать поддержку радикаламъ. Странно было бы, если бы они считали все это вещами такими безраз-

лестными даже и въ смыслѣ революціонной агитаціи, чтобы проходить мимо нихъ, какъ мимо ненужной „политики“, устремивъ глаза впередъ къ идеалу гармоніи.

Будемъ надѣяться, что когда политическіе радикалы и демократы станутъ на болѣе соціалистическій путь, и когда, наоборотъ, массы будутъ живо интересоваться каждымъ политическимъ вопросомъ, приближеніе истиннаго демократическаго строя и экономическаго благосостоянія будетъ значительно придвинуто.

ЗАЯВЛЕНІЕ

Во многихъ иностранныхъ газетахъ очень перѣдко назывался въ числѣ членовъ Исполн. Комитета и П. Л. Лавровъ. Въ отвращеніе всякихъ недоразумѣній по этому поводу, считаемъ нужнымъ заявить, что, не смотря на все сочувствіе П. Л. Лаврова нашему дѣлу, — выразившееся какъ въ согласіи его принять на себя труды по редактированію „Вѣстника Н. В.“ совмѣстно съ Л. А. Тихомировымъ, такъ и во множествѣ другихъ важныхъ услугъ съ его стороны дѣлу нашей партіи, — онъ никогда не состоялъ и не состоитъ членомъ Исп. Комитета.

К. Г. НЕУСТРОЕВЪ

Сынъ обрусѣвшей якутки, Неустроевъ получилъ образованіе сначала въ иркутской гимназіи, потомъ въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ въ 1881 г. окончилъ курсъ кандидатомъ естественныхъ наукъ. Собственно революціонная дѣятельность его началась только съ того времени, какъ онъ возвратился на родину въ качествѣ учителя въ иркутской женской гимназіи и воспитателя въ мужской. Мѣстная молодежь боготворила молодого учителя. Но поработать Константину Гавриловичу пришлось недолго. Въ октябрѣ 1882 г. онъ уже былъ арестованъ по доносу уголовнаго арестанта Зельцера, черезъ посредство котораго поддерживалъ нѣко-

торое время сношенія съ Козловскимъ, арестованнымъ по дѣлу о побѣгѣ Ковальской и Богомолецъ. Дѣло Неустроева должно было кончиться административнымъ порядкомъ, и въ началѣ апрѣля 1883 г. его помѣстили даже въ одной камерѣ съ Козловскимъ и Булановымъ. Но нервы его сильно разстроились; условія тюремной жизни и вѣчныя столкновенія съ надзирателями страшно его раздражали Онъ постоянно настаивалъ на необходимости протестовъ и всякій разъ, какъ встрѣчалъ скептицизмъ со стороны товарищей, ужасно горячился. Благодаря его усиліямъ, дѣйствительно былъ удаленъ одинъ изъ самыхъ усердныхъ и грубыхъ надзирателей, Жаликъ. Собственно противъ генералъ-губернатора Анучина, лично знакомаго Неустроеву и непосредственнаго виновника его гибели, Неустроева предрасполагали крутыя расправы Анучина съ политическими каторжанами на Карѣ, которыхъ, по окончаніи срока каторги, онъ ссылалъ обыкновенно въ Якутскую область (гдѣ, какъ извѣстно, во многихъ отношеніяхъ хуже, чѣмъ на каторгѣ).

Въ день посѣщенія Анучинымъ иркутской тюрьмы Неустроевъ былъ особенно раздражителенъ. Дѣло происходило такъ. Остановившись на порогѣ камеры, въ глубинѣ которой находился Неустроевъ, Анучинъ пригласилъ послѣдняго подойти ближе, говоря: «Стыдно! стыдно!» Неустроевъ, приблизившись, рѣзко спросилъ: «Что такое?» Анучинъ скороговоркою повторилъ свое: «Стыдно! стыдно!» Раздалась пощечина. Находившіеся тутъ же солдаты бросились на Неустроева, но Анучинъ остановилъ ихъ рукой; Неустроевъ же закричалъ: «Убирайтесь вонъ! вы не затѣмъ должны являться въ тюрьму, чтобы оскорблять людей!» Анучинъ, страшно блѣдный, велѣлъ запереть камеру и тотчасъ уѣхалъ изъ замка. Вскорѣ К. Г. перевели въ другой корридоръ и заковали въ наручники, не смотря на то, что онъ не былъ лишенъ правъ; на его просьбу послать объ этомъ телеграмму министру юстиціи не обратили вниманія. Распоряженіемъ изъ Петербурга форма суда была предоставлена на усмотрѣніе Анучина. Военно-полевой судъ вынесъ смертный приговоръ. Жажда жизни съ неудержимой силой проснулась въ молодой душѣ. Но напрасно просилъ Неустроевъ телеграфировать въ Петербургъ о пересмотрѣ дѣла. 9-го ноября, между 3 и 4-мя часами утра, онъ былъ разстрѣлянъ во дворѣ пересыльной тюрьмы.

До послѣдней минуты терзало его сознаніе, что онъ умираетъ «незаслуженно», не за то, что могъ бы онъ сдѣлать, еще поживъ и поработавъ. Тѣмъ не менѣе, видѣвшіе казнь разсказываютъ, что онъ бодро подошелъ къ позорному столбу — исхудалый и блѣдный... попрощался съ докторомъ, солдатами... громко высказалъ свои пожеланія родинѣ...

Иркутское общество очень живо отозвалось на казнь Неустроева. Анучину просто нельзя было проѣхать по городу — ему кричали: «Убійца!» Ворота его нѣсколько разъ были вымазаны кровью. Въ концѣ концовъ, онъ получилъ отпускъ (котораго не просилъ) на 11 мѣсяцевъ, и на его мѣсто отправленъ Педашенко.

Помѣщаемъ предсмертное письмо Неустроева. Страстно желалъ онъ, чтобы это письмо дошло до насъ, вольныхъ и заключенныхъ его товарищей, чтобъ оно повѣдало «добрымъ сердцамъ» его горе, его муки. И судьба, такъ жестокая къ нему при жизни, исполнила его предсмертное желаніе — письмо не пропало.

ПРЕДСМЕРТНОЕ ПИСЬМО К. Г. НЕУСТРОЕВА

Ночь 8 ноября 1883 г.

Прощайте, братья-друзья! Спать не хочется. А скоро, скоро конецъ. И хуже всего — не увѣренъ. Незаслеженно умираю — вотъ что обидно. Обнадеживаютъ: «завидный жребій!» Говорятъ: «это только политическая смерть». А гробъ уже готовъ — священникъ сказалъ.

Отъ причастія отказался, просилъ крестъ принести. Символъ страданія! онъ замѣнитъ васъ и все, все дорогое. О, дай Боже, пусть дойдетъ до васъ письмо.

Знаете ли, даже не вѣрится — такъ все кажется страннымъ. Муки мои, дойдутъ ли онѣ до васъ?..

Братья! простите мои слабости — не всякому дано. Я былъ простой работникъ, но не измѣнилъ святынѣ-знамени. Я вѣрю ему, знаю — побѣдоносно водрузится оно!

Я хотѣлъ жить и даже просилъ... но рокъ уже готовъ поразить. Просилъ смотрителя попрощаться съ вами *)—отказалъ. Мысленно у васъ,— у васъ тишина, ни звука. Прощальный, послѣдній привѣтъ!

*) Заключенными товарищами.

Проспалъ, раскаявался — вотъ почему: въ обвинительномъ актѣ не помѣстили фактовъ, сообщенныхъ въ моихъ показаніяхъ, отказали послать царю ходатайство о томъ, чтобы дѣло было представлено ему. Не хотѣлось, не хочется умирать за неосмысленный рефлексъ.

Какимъ бодрымъ сегодня всталъ было! Такъ жизнь и била ключомъ! Ожидалъ свиданія съ братомъ жены *), но его не оказалось въ городѣ (а свиданіе дозволили), и вмѣсто него пришелъ священникъ. Какъ дешева наша жизнь!.. Радъ одному: пуля смоетъ все нечистое во мнѣ. Вы пріймете меня въ свое лоно! Еще одно слово: все что Урсикъ **) говорилъ, писалъ — исходило отъ чистаго сердца, пусть будетъ это моимъ послѣднимъ словомъ.

И жаль, и не жаль такого конца... Горе, горе мое! даю тебя добрымъ сердцамъ. И хочется, и не хочется спать. Жаль на безсознательное тратить мигъ остающійся.

Прости, родина! Цвѣти, красуйся! Прійми эти пожеланія отъ чистаго сердца.

ОТЪ ЮЖНОРУССКОЙ БОЕВОЙ ДРУЖИНЫ
ПАРТІИ НАРОДНОЙ ВОЛИ

По распоряженію Исполнительнаго Комитета, 8-го Января 1884 года агентами Южнорусской Боевой Дружины казненъ шпіонъ и предатель рабочій Өедоръ Шкряба.

Харьковъ, 8 января 1884 г.

КАЗНЬ ШПІОНА ВЪ ЗГЕЖѢ

Перепечатываемъ буквально нижеслѣдующую прокламацію польской партіи «Пролетаріатъ»:

Въ виду несомнѣнныхъ доказательствъ того, что Францъ Гельшеръ — членъ организаціи партіи Пролетаріата —

*) Послѣдней не было въ Сибири.
**) Кличка Неустроева.

сдѣлался доносчикомъ, и притомъ безъ всякихъ причинъ, которыя могли бы хоть до нѣкоторой степени оправдать этотъ поступокъ, Центральный Комитетъ 15 (28) мая 1904 г.

а) желая сдѣлать Ф. Гельмера безвреднымъ для организаціи,

б) и также наказать его за измѣну дѣлу освобожденія рабочаго класса, —

1) приговорилъ Ф. Гельмера къ смерти.

2) немедленное исполненіе сего приговора поручилъ Рабочему Комитету мѣстечка Згежъ.

Приговоръ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе 25 мая (6 іюня) сего года.

Центр. Ком.

Какъ бы въ отвѣтъ на передовую статью №2 «Листка Н. В.», гдѣ былъ упрекъ нашимъ либераламъ въ томъ, что они трусливо прячутся по норамъ въ то время, когда соціалисты-революціонеры умираютъ въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, группа русскихъ конституціоналистовъ выпустила недавно «воззваніе», въ которомъ призываетъ конституционную партію къ организаціи и протесту «противъ преступнаго и безсовѣстнаго правительственнаго произвола, отстаивающаго священныя основы деспотизма и хищничества». Воззваніе это во многихъ отношеніяхъ интересно. Интересно оно, во первыхъ, какъ первый шагъ либеральной партіи къ открытой политической агитаціи и борьбѣ. До сихъ поръ изъ либеральнаго лагеря, какъ извѣстно, протестовали только отдѣльные, разрозненные голоса, да и то преимущественно шепотомъ и изъ-за угла, въ трактирахъ, подъ пьяную руку, или въ кабинетахъ съ запертыми отъ «Филипповъ» дверями. Протесты же въ земскихъ собраніяхъ, которые дѣйствительно могли бы имѣть значеніе при одновременной постановкѣ многими земствами однихъ и тѣхъ же вопросовъ, были до того рѣдки, малочисленны и разрозненны, что никакимъ образомъ не могли имѣть силы. Теперь же, повидимому, к невѣроятному долготерпѣнію либераловъ приходитъ конецъ. Во вторыхъ, не раздѣляя соціалистическихъ воззрѣній во

нѣкоторымъ существеннымъ пунктамъ и не сочувствуя средствамъ, къ которымъ прибѣгаетъ террористическая группа соц. рев. партіи, конституціоналисты, однако, *требуютъ* для соціалистовъ «такого же права на существованіе, какъ и для себя.» Они не претендуютъ на непогрѣшимость своихъ идей и допускаютъ возможность ошибокъ съ своей стороны, а главное надѣются «при свободномъ обсужденіи вопросовъ и нуждъ, которыми изболѣлся русскій народъ, достигнуть соглашенія всѣхъ людей, на самомъ дѣлѣ любящихъ родину.» Пунктъ этотъ считаемъ мы существеннымъ, какъ первую попытку установить прямыя и болѣе или менѣе правильныя отношенія между двумя наиболѣе жизненными русскими партіями. До сихъ поръ во взглядѣ на соціалистовъ либералы стояли почти на той же точкѣ зрѣнія, какъ и правительство. Они говорили, что соціализмъ есть лжеученіе, исходящее изъ смуты въ умахъ, считали его не глубокимъ и не естественнымъ явленіемъ исторіи, а какимъ то наростомъ на государственномъ тѣлѣ и начинали свои робкія пожеланія хотя какихъ-нибудь «правъ» не иначе, какъ съ ходатайства допустить ихъ до расправы съ такъ называемою крамолою. Положимъ, что это было часто только извѣстнымъ дипломатическимъ пріемомъ для того, чтобы высказать потребность страны въ политическихъ правахъ, но тѣмъ не менѣе это было глубокимъ позоромъ для либеральной партіи, позоромъ, который, вѣроятно, долго не изгладится изъ общественной памяти. Для насъ либерльная партія съ ея капиталистическою подкладкою, съ ея компромиссами и массою недоразумѣній, тоже можетъ казаться, если не болѣзненнымъ наростомъ, то отживающею исторической категоріею; однако, мы проявили гораздо больше терпимости и, если и нападали на либераловъ, то не столько за ихъ образъ мыслей, сколько за ихъ трусливый образъ дѣйствій. И происходило это вовсе не отъ того, что бы мы когда либо сомнѣвались въ истинности своихъ идей, а отъ того, что считали главнымъ народнымъ врагомъ правительство. Мы отлично понимаемъ, что въ будущемъ дороги наши разойдутся, но въ тоже время не понимаемъ, почему до созыва представителей русской земли, одинаково желательнаго для обѣихъ сторонъ, — мы не можемъ вмѣстѣ бороться противъ деспотизма и полицейскаго произвола?

Въ третьихъ, воззваніе конституціонной партіи опредѣ-

ляетъ впервые и конституціонную программу, которая выражена въ трехъ пунктахъ,—конституціоналисты желаютъ: 1) созыва представителей русской земли въ особое совѣщательное учрежденіе, въ которомъ должны гласно обсуждаться всѣ законы, проекты и ежегодныя смѣты приходовъ и расходовъ, причемъ императору предоставляется право согласиться съ мнѣніемъ большинства или меньшинства, и выбранное имъ мнѣніе получаетъ силу закона; 2) свободы религіозной совѣсти и уничтоженія предварительной и карательной цензуры, съ подсудностью печати суду присяжныхъ, и 3) амнистіи по всѣмъ государственнымъ преступленіямъ.

Конституціоналисты считаютъ названныя три задачи самыми неотложными. Они признаютъ необходимость и экономическихъ преобразованій въ интересахъ рабочихъ массъ, и необходимость реформы мѣстнаго управленія, въ смыслѣ расширенія крестьянскаго представительства, но полагаютъ, что эти сложныя задачи могутъ быть удовлетворительно разрѣшены лишь при участіи общества, т. е. послѣ того, какъ будутъ осуществлены политическія преобразованія.

Мы ничего не имѣемъ возразить противъ послѣднихъ другъ пунктовъ конституціонной программы (развѣ только замѣтили бы въ видѣ вопроса: подразумѣваетъ ли 2-й § программы, говорящій о свободѣ слова и печати, и свободу общественныхъ собраній?), но рѣшительно не можемъ ни понять, ни объяснить наивности и противорѣчій перваго пункта. Конституціоналисты желаютъ дать представителямъ русской земли не рѣшающій, а только *совѣщательный* голосъ и предоставляютъ императорской власти санкціонировать мнѣніе меньшинства. Но гарантируетъ ли это хоть сколько нибудь правильность рѣшенія вопросовъ и много ли будетъ въ такой конституціи истиннаго конституціоннаго духа? Можно подумать, что наши конституціоналисты не знаютъ, къ чему приводитъ монархическое «вето» и право распускать парламентъ. Насколько велико недоразумѣніе этого пункта, можно видѣть изъ того, что происхожденіе этого воззванія приписывается нѣкоторыми императрицѣ, которая будто-бы съ одной стороны заражена конституціоннымъ ядомъ, а съ другой — желаетъ сохранить династическіе интересы въ полной неприкосновенности. Кромѣ того, намъ остается неяснымъ еще слѣдующее: господа конституціоналисты предъявили правительству извѣстныя требованія, но они не

объяснили, въ чемъ они видятъ гарантію исполненія этихъ требованій и какими средствами они намѣрены добиваться осуществленія своихъ желаній. Полагаемъ, что группа, выступившая съ открытымъ воззваніемъ къ обществу, не замедлитъ дать отвѣтъ на поставленный нами далеко не праздный вопросъ.

Но не смотря на все, мы не можемъ не привѣтствовать этого перваго шага либеральной партіи. Шагъ этотъ можетъ въ значительной степени содѣйствовать прекращенію происходящаго въ жизни хаоса и неопредѣленности общественныхъ отношеній. Кромѣ того, если бы либералы пожелали пойти еще на шагъ дальше и перейти отъ словъ хотя къ какимъ нибудь «поступкамъ», то это могло бы облегчить намъ общую задачу борьбы съ правительствомъ и, при дальнѣйшихъ его пораженіяхъ, могло бы служить хотя нѣкоторою гарантіею того, что общество съумѣетъ воспользоваться его замѣшательствомъ въ роковую минуту. Нужно, чтобы въ пробитую нами брешь вступили общественныя силы и постарались обезпечить странѣ могучее развитіе какъ въ политической, такъ и соціально-экономической области.

Спѣшность выпуска этого номера и значительный объемъ его заставляютъ насъ отказаться на этотъ разъ отъ помѣщенія имѣющихся въ нашихъ рукахъ корреспонденцій даже въ отрывкахъ. Возможно, что мы выпустимъ ихъ нѣсколько позже особымъ приложеніемъ, не дожидаясь составленія слѣдующаго номера. Тамъ же мы поговоримъ и о реакц. новинкахъ самаго послѣдняго времени, т. е. о знаменитыхъ циркулярахъ по министерству нар. просв., учрежд. родъ какихъ-то іезуитск. коллегій для нашей несчастной учащейся молодежи, о демонстративномъ изгнаніи изъ службы нѣск. извѣстныхъ профессоровъ, а также и объ изъятіи изъ обращенія множества первоклассныхъ произведеній европейской и русской мысли.

АРЕСТНАЯ ХРОНИКА

Помѣщаемъ длинный мартирологъ революціоннаго движенія за нынѣшній годъ и конецъ прошлаго. Онъ такъ великъ, такъ сложенъ и повсемѣстенъ, что, конечно, только отчасти, только весьма неполно и блѣдно можетъ быть воспроизведенъ на страницахъ настоящаго номера. Печатаемъ то, что имѣемъ въ данную минуту подъ руками.

Въ *Петербургѣ*, по телеграммѣ изъ Перми, арестованы въ декабрѣ прошлаго года студ. Унив. Кузнецовъ, Грибель и. Кузовниковъ. Арестованный еще два года назадъ, вольносл. Петерб. Унив. Гребенчо (болгаринъ), находившійся на излеченіи въ больницѣ св. Николая, снова взятъ подъ стражу. 2-го дек. арест. рабоч. Конст. Федоровъ Граченко-Ленскій; слушат. медиц. курсовъ Троицкая (вскорѣ вып., но послѣ убійства Судейкина арестована снова и выслана изъ Петербурга); еще выслана медичка Макарова. Послѣ казни Судейкина тайная полиція совершенно растерялась и не знала, куда направить поиски. По домамъ и больницамъ, искали, нѣтъ ли гдѣ раненыхъ. Во время похоронъ Судейкина, 19 декабря, взятъ на улицѣ нелегальный Афанасьевъ, оказавшійся потомъ итальянскимъ подданнымъ Степаномъ Росси. Не смотря на желаніе правительства, въ пику партіи, обставить переносъ «останковъ» знаменитаго сыщика возможно торжественнѣе, процессія имѣла комическій видъ: передъ гробомъ несли нѣсколько вѣнковъ отъ «сослуживцевъ»-сыщиковъ, слѣдовавшихъ in pleno за гробомъ, а на гробѣ красовался и обращалъ на себя всеобщее вниманіе вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ, съ надписью «Исполнившему священный долгъ», возложенный, по газетнымъ слухамъ, самой императрицею. Мин. Нар. Просв. Деляновъ, желая, должно быть, освятить и облагородить въ глазахъ русскаго юношества шпіонство, счелъ своимъ долгомъ также присутствовать на похоронахъ современнаго Іуды Искаріота. Но, что всего замѣчательнѣе, — святая, православная церковь, въ лицѣ протоіерея Д. Богоявленскаго, не задумалась осквернить память великихъ учителей христіанства, приравнявъ дѣятельность Судейкина къ дѣламъ апостоловъ. «Ты своей жизнью училъ насъ, какъ нужно ис-

полнять каждому свои обязанности, какъ и съ какимъ самоотверженіемъ долженъ служить отечеству каждый вѣрноподданный», вѣщалъ пастырь церкви... До Новаго года произведено было нѣсколько безуспѣшныхъ обысковъ, и арест. нѣкто Завко. Послѣ нов. года прежде всего арест. учит. одной город. школы Софья Усова и сотрудникъ «Отеч. Зап.», авторъ внутреннихъ обозрѣній, Сергѣй Кривенко, затѣмъ чиновникъ минист. фин. Юлій Антоновскій, Подбѣльскій; привезена съ родины Марія Кулябко, схваченная по дѣлу петербургской типографіи прошлаго года; арест. б. ученица консерваторіи Елиз. Дегаева, Эсфирь Билинкеръ, инженеръ Дерюгинъ, сотр. «Дѣла» и «Отеч. Зап.» М. Протопоповъ (извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимами Горшкова и Морозова); учитель Ив. Поповъ — вып. на поруки, слуш. Бестуж. курсовъ Сартори, Обуховская и Пашковская, отст. оф. Константинъ Степуринъ и его братъ кроншт. оф., учительница Любовь Чернова, студ. Унив. Шипицынъ и Пихтинъ — оба вып. и послѣдній сосланъ въ Псковъ, путеецъ князь Андронниковъ и Михмандаровъ, пом. прис. пов. Николай Туръ, писатель Эртель — освобожденъ въ іюнѣ на поруки, секр. ред. «Новостей» Грековъ, пом. секр. мирового съѣзда А. Юрасовъ, бестужевки IV курса А. Леонтьева — выпущена, Хворостанская, Никонова и Иванова, вольносл. Унив. Барановъ, фельдшерица Тринецкая — выпущена и акушерка Толпыго; Виноградскій, Дехтяревъ, медикъ Мартыновъ, студентъ Унив. Вишневскій, Ратнеръ, институтка Евгенія Демидова — вып., Венедиктъ Бодаевъ, Адамъ Гассельмауеръ — нелегальный, при арестѣ неудачно пытавшійся отравиться и настоящаго своего имени не открывшій, сидитъ въ Петроп. крѣпости. Раньше арестованы еще: Салазкинъ — вып., художница Ершова и Марія Черепанова; 23 марта взята типографія по Лиговкѣ въ домѣ № 42, кв. 49. Хозяева, замѣтивъ передъ тѣмъ слѣженье, успѣли скрыться; арестованы технологи — Булыгинъ (въ крѣпости) и Бѣлопольскій. Арестованъ на границѣ, на возвратномъ пути въ Россію, издатель журнала «Дѣло» Станюковичъ, ѣздившій въ Швейцарію къ умирающей дочери, — первое время сидѣлъ въ крѣпости, потомъ переведенъ въ Домъ Предв. Закл. Взятъ пом. прис. пов. Зах. Раппопортъ, капитанъ гвард. арт. Николай Зиновьевъ, Борисъ Налимовъ (въ крѣпости) и раб. Крупновъ — высланъ на родину. Изъ

Пермской губ. привезенъ Николай Блиновъ. Кромѣ того, Домъ Предв. Закл. переполненъ арестов. офицерами, по преимуществу моряками и артиллеристами. 1 мая выслана на родину Евд. Боголюбова. 28 іюня арестованъ сотрудникъ «Дѣла» Н. В. Шелгуновъ, а 30 іюля на Троицкомъ мосту взятъ одинъ нелегальный. — Помимо арестовъ, въ Петербургѣ произведена масса обысковъ, неоднократно повторявшихся въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Такъ, въ домѣ, гдѣ былъ убитъ Судейкинъ, на Гончарной ул., произведено три обыска; два раза былъ обыскъ у Нотовича, въ переплетной Дементьевой на Моховой; въ ред. «Дѣла» при обыскѣ взята масса рукописей и даже деньги. Рядъ обысковъ въ Троицкомъ пер., что на Петербургской сторонѣ, и т. д. до безконечности. Въ ночь на 26-е іюля арестованъ нѣкто Ив. Харченко и отвезенъ въ Кіевъ.

Въ *Москвѣ*. Въ октябрѣ прошл. года арестованы и высланы Дѣевъ и Семенцовъ (кончившіе курсъ въ Петр. Акад.). Послѣ годового ареста высланъ въ Обоянь (Курск. губ.) докторъ Вандопуло. 16 ноября взяты: Николай Ѳоминъ и Павелъ Аргуновъ (юристы II-го курса, оба вып. черезъ недѣлю), Вас. Распопинъ (канд. математ. наукъ — 15 мая отправленъ въ Тобольскъ на два года), Софья Бродская (фельдшерск. курс.—въ Томскъ на 2 года), докторъ Становъ (вып.). 17 ноября арест. студенты Василій Померанцевъ (умеръ), А. Богословскій и Ал. Яковкинъ (оба вып.). Въ дек. ар. г-жа Гориновичъ, жена подсудимаго по кіевскому процессу — выпущена, но послѣ казни Судейкина снова арестована, больная почти при смерти. 18 дек. арест. нѣкто Померъ (вскорѣ вып.); 19 дек. студ. П. Ак. Никифоръ Барановъ (выпущенъ на поруки за пять тыс. руб.) и у него на кв. фармац. Гродецкій, Введенсякій, А. Золотницкій и Ксенія Петрова; того же числа арестованы унив. ст. Іосифъ Миноръ (выпущ. на поруки), Мих. Лаврусевичъ, Ос. Рубиновъ, Серг. Сотниковъ, Коссовичъ, Смирновъ, Вечулевичъ и др. Въ январѣ нынѣшняго года С. Усовъ, кадетъ IV-го Военн. Корп. 5-го кл., — перев. въ Кіевск. Кад. Корп., приказчикъ Илья Френкель, Фейга Лившицъ (ак. к.). Высланъ въ Рязанскую губ. секр. Земской Управы Ткаченко. Въ февралѣ — акушерка Вѣра Обухова. 9-го — марта сл. к. Герье Евг. Бабушкина и О. Кирова — слуш. Луб. к.; 30-го апрѣля: студ. П. Соколовъ, И. Березинъ (вып.), Н.

Лаврушинъ. Значителльно раньше ар. были на время ученики консерв. Лапинскій, Пузановъ и г-жа Анцута. Раньше въ мартѣ ар. уч. коммерч. уч. Новицкій. 30-го апрѣля взята на Самотекѣ литографія Киселева съ хозяиномъ и пятью рабочими. 1-го мая арест. Вл. Романовскій, 3-го мая Вас. Роевъ (техн. II практ. кл.), сл. ак. к. М. Шиблакова. Въ маѣ же арестованы: студ. П. Ак. Палладинъ, Гинцбургъ, Зильбербергъ. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля на полустанкѣ Нпк. ж д. близъ П. Ак. арестованъ нелегальный пожилыхъ лѣтъ, ѣхавшій изъ Петербурга, и съ нимъ вмѣстѣ студентъ, немедленно, впрочемъ; отпущенный. Кромѣ того, еще въ началѣ марта, неизвѣстно при какихъ обстоятельствахъ, арестованъ въ Москвѣ же молодой нелегальный человѣкъ, именующій себя княземъ Антономъ Григорьевичемъ Трубецкимъ. Въ половинѣ іюня арест. на улицѣ ст. СПБ. Ун. С. Степановъ — нелегальный и разновременно пропало безъ вѣсти еще двое нелегальныхъ. Въ концѣ іюня арест. б. проф. Моск. Ун. В. Гольцевъ. 1-го августа студ. (петровецъ) Ковалевъ, и произведены обыски у многихъ студентовъ въ разныхъ высшихъ уч. заведеніяхъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, въ Москвѣ за августъ и сентябрь арестовано около 50 человѣкъ. — 14-го мая 1884 года отправлена изъ Москвы въ Сибирь новая партія административно-ссыльныхъ. Въ нее вошли: дворянинъ Аркадій Вл. Тырковъ (юристъ IV к. СПБ. Ун.) — въ Красноярскъ. — Сынъ священ Ѳедоровъ, ст. мед. IV к. — Двор. Вас. Распопинъ. — Негволодъ, гимназистъ. — Дворян. Костюринъ, рабочій. — Сынъ казанскаго фотографа Карелинъ. — Биткинъ, рабочій. — Сынъ свящ. Георгіевскій. — Студ. мед. Орловъ. — Литвиновъ, гимназистъ изъ Глухова, Черниг. губ. — Головицкій, рабочій. — Двор. Мартино, кандидатъ правъ. — Двор. Косменко, технологъ. — Бѣловѣжскій, канд. математ. наукъ. — Меленчукъ, получивш. высшее образ. за границей. — Мосоловъ, канд. правъ. — Киніани, изъ высш. уч. завед. — Чрелаевъ. — Мельниковъ, уч. юнк. учил. — Капитанъ артиллеріи Шепелевъ. — Технологъ Горбачевскій. — Чиновникъ Ткаченко. — Уланскій оф. Протасовъ. — Инженеръ-технологъ Фриденсонъ. — Техникъ Емельяновъ. — Гориновичъ. — Пироженко, рабочій. — Студентъ Бычковъ.— Немировскій.—Свитычъ изъ Одессы.—Фундаминская.—Софья Бродская. — Дичиспуло. — Лютикъ. — Князь Шервашидзе.

Въ *Кіевѣ*. Жандарм. полк. Новицкій, съ гордостью называющій себя «бывшимъ начальникомъ» Судейкина, послѣ казни этого послѣдняго рыскалъ со своими жандармами по всему городу, всюду производя обыски и аресты. Къ концу февраля арестованныхъ числилось до 40 человѣкъ; большинство изъ нихъ, разумѣется, были выпущены вскорѣ послѣ ареста. Назовемъ слѣдующихъ: студ. Дорожинскій, Корніенко, Врочинскій, Коношевичъ — нелегальный, сынъ купца Фатѣевъ, Симоновскій и Рѣпкина. 30 января арестов. на вокзалѣ ж. д. полякъ Рехневскій (канд. СПБ. Унив.). 12 февраля арестов. студ. Антонъ Лаппо, Ортынскій, Марченко, Озеровъ и Борисевичъ. Въ ночь на 3-е марта арест. Мих. Шебалинъ съ женой, урожденной Богоразъ, разыскиваемые, какъ .содержатели революціонной типографіи, существовавшей въ Петербургѣ въ 1883 году; той же ночью взятъ служащій въ канцеляріи ген.-губерн. Макаръ Васильевъ. Эти три ареста послужили сигналомъ къ совершенному разгрому кіевской организаціи, благодаря чему до сихъ поръ еще не приведены въ ясность ни послѣдовательность арестовъ, ни обстановка ихъ, ни даже имена всѣхъ погибшихъ. Взята типографія, нѣсколько человѣкъ рабочихъ и множество студентовъ, между прочимъ: студ. Дух. Акад. Петръ Дашкевичъ, студ. унив. Завадовскій и Степановъ, Варвара Шулепникова — нелег. Было два вооруженныхъ сопротивленія, при чемъ въ одномъ случаѣ стрѣлявшему раб. удалось, путемъ пожертвованія собою, спасти арестованную на улицѣ женщину и ранить схватившаго ее агента полиціи. Арестованъ на нелегальномъ положеніи Василій Карауловъ. — Въ маѣ арестованы курсистки Левина (вып.), Левенталь и др. О юбилейныхъ волненіяхъ въ кіевскомъ университетѣ и вызванныхъ имъ арестахъ пока не сообщаемъ читателямъ, за неимѣніемъ подробныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній.

Въ *Полтавѣ* арестованы рабочій Гвоздевъ и Гавриленко. Отмѣчаемъ весьма любопытный фактъ: въ Земскомъ Собраніи былъ произведенъ обыскъ, не давшій полиціи никакихъ результатовъ, но произведшій въ обществѣ большую сенсацію.

Въ *Воронежѣ* арест. студ. Пет. Унив. Дмитрій Перелешинъ и отвезенъ въ Петербургъ. Еще 6. студ. Прозоров-

скій — отвезенъ въ Петропавл. крѣп. — и б. студ. Верцинскій — вып.

Въ *Екатеринославѣ* арест. Дьяконенко и отвезенъ въ Петроп. крѣп. Во время лѣтнихъ безпорядковъ прошлаго года убитъ нелег. Эверсъ, разыскив. по дѣлу 1-го марта.

Въ *Харьковѣ* въ прошломъ году арест. б. офиц. Мельниковъ и его сожитель, студ. ветер. инст. Сыцянко, затѣмъ Голубева и акуш. Матвѣева.

Одесса. 8-го августа нынѣшняго года Марія Калюжная, два года назадъ арестованная въ одесской типографіи вмѣстѣ съ Дегаевымъ и его женой и потомъ, благодаря крайней молодости, отданная всего подъ надзоръ мѣстной полиціи, выстрѣломъ изъ револьвера, по собственной иниціативѣ, пыталась убить нач. одесской жандармеріи полк. Катанскаго, но, къ сожалѣнію, промахнулась. Быстро снаряженный военный судъ приговорилъ ее къ 20 годамъ каторги. Согласно съ новымъ узаконеніемъ, несчастная дѣвушка должна будетъ провести эти годы въ Шлиссельбургской крѣпости, объ ужасахъ которой, усовершенствованныхъ въ новѣйшее время, знаетъ русская исторія мрачнаго періода императорскаго режима. Отчетъ о погромахъ, разразившихся вслѣдъ за выстрѣломъ Калюжной надъ всѣмъ югомъ Россіи, мы, къ сожалѣнію, должны отложить до слѣд. ар. хроники. Въ Одессѣ арест., между прочимъ, купецъ Раппопортъ.

Ростовъ на Дону. Здѣсь арест. еще въ прошломъ году Пешекеровъ — сосланъ на 5 лѣтъ въ Зап. Сибирь.

Въ *Севастополѣ* арест. нѣкто Телепневъ.

Въ *Саратовѣ* арест. служ. на ж. д. Малеевъ и Львовъ, подполк. Шатиловъ отвезенъ въ Петерб., гимназистъ Минаевъ и еще шесть гимн. за расклейку прокламацій о казни Судейкина.

Въ *Самарѣ* въ сент. прошлаго года арест. бывшій нечаевецъ Долговъ и гимн. Ивановъ, — послѣдній вскорѣ вып. и искл. изъ гимназіи. Кромѣ того, по подозрѣнію въ распространеніи революц. изданій, произведены обыски у 7 гимназистовъ и 2 гимназистокъ, и всѣ они исключены изъ уч. заведеній.

Сызрань. Въ сент. прошлаго года арест. студ. Горн. Инст. Гулковъ — перевезенъ въ Петербургъ.

Нижній Новгородъ. Еще въ маѣ прошлаго года здѣсь

арест. фельдшерица Ковязина и студ. Рождественскій — вып., а въ августѣ скрылось трое рабочихъ, высланныхъ сюда изъ Одессы подъ надзоръ полиціи. Въ селѣ Павловѣ Семеновскаго уѣзда въ мартѣ того же прошлаго года произошло возмущеніе кустарей противъ мѣстныхъ кулаковъ и полиціи, усмирявшей волненіе; были вывѣшены на улицахъ прокламаціи, писанныя уставомъ и призывавшія крестьянъ къ бунту. При помощи войска волненіе подавлено, при чемъ нѣсколько зачинщиковъ арестовано.

Тула. Въ прошломъ октябрѣ арест. священникъ Іоаннъ Воиновъ. За обѣдней, когда клиръ пѣлъ «благочестивѣйшаго», онъ обратился къ молящимся съ рѣчью, въ которой доказывалъ, что грѣшно нынѣшняго государя называть благочестивѣйшимъ, потому что онъ „нечестивѣйшій изъ царей, въ каждой честной семьѣ поселившій скорбь и утрату". Арестъ о. Іоанна произвелъ на тульское общество сильное впечатлѣніе.

Тверь. Здѣсь нынѣшнимъ лѣтомъ произведено много обысковъ у гимназистовъ. Найдены запр. изданія. 14 юношей сидятъ въ тюрьмѣ.

Село *Успенское*, Великолуцкаго уѣзда. Арестованъ въ нынѣшнемъ мартѣ Николай Карауловъ и отвезенъ въ Петропавловскую крѣпость.

Новгородъ. Даже на этомъ, нѣкогда великомъ, а нынѣ дикомъ и богоспасаемомъ градѣ начало, наконецъ, отражаться соц.-рев. движеніе. Такъ, сильное впечатлѣніе произвелъ арестъ оф. Мазовскаго: отецъ его изв. мѣстный обыватель потерялъ по этому поводу мѣсто, а младшій братъ удаленъ изъ реальнаго уч.

Вологда. Въ октябрѣ прошлаго года арест. нѣкто Анатолій Васильевъ и медичка Шатова — вып.

Уфа. Нын. лѣтомъ арест. докторъ Елпатьевскій и отправленъ въ Сибирь.

Пермь. 4-го и 5-го декабря на Мотовилихинскомъ заводѣ и въ Муллинскомъ селѣ произведено до ста обысковъ и арест. 58 чел., — изъ нихъ 30 на заводской вечеринкѣ. Намъ изв. слѣд. фамиліи: Померанцевъ и Казаковъ—студ., высланные изъ Казани за безпорядки, служ. на ж. д. — Евг. Поповъ и двое Ѳедотовыхъ, четверо Бахаревыхъ — изъ нихъ двѣ женщ., Толкачъ, служащая на заводѣ. Остроумовъ, высланный изъ Казани на два года лиценстъ, гимн.

5-го кл. фонъ-Пановицъ, 16-лѣтній уч. реальн. уч. Богдановъ, техникъ Спорнухвецкій, служ. на ж. д. Шперлингъ, б. гимн. Вѣра Серебренникова, учитель Ермолинъ, б. реал. Арнольдовъ, реал. Барановъ, Пономаревъ, Безукладниковъ, жена торговца Осколкова, актеръ Марковъ, мѣщ. Ситниковъ, вдова купца Меркурьева, вол. старшина Рудаковъ, зав. рабочіе: Костаревъ, Ляпихинъ, Головковъ, Норинъ, Фалалѣевъ, Лоскутовъ, Шустовъ, Захаровъ, Габовъ, Высотинъ, Першинъ, Козловъ, Деменевъ, Малининъ, Пустозеровъ, Карявдинъ, Гнѣвашевъ, Баншевы отецъ и сынъ, Бѣлавинъ, Сергѣевъ — ссыльный. Арестован. обвиняются въ принадлежности къ кружку партіи, стремящейся насильств. путемъ ниспровергнуть сущ. порядокъ. На Нижне-Тагильскомъ заводѣ взятъ, между прочимъ, б. семинар. Волковъ, въ Палазнинскомъ заводѣ учитель Десятовъ.

Въ *Екатеринбургѣ* арестованы учитель Шадринъ и гимназ. Удинцевъ.

Даже въ *Сибири* все время шли большіе аресты, главнымъ образомъ по дѣлу Петербургскаго „Краснаго Креста". Шварцъ и Юферовъ отправлены въ В. С. на 5 лѣтъ. Миртова, Субботина-мать и Ярошевскій изъ Томска переведены въ В. С. на 3 года. Семиренко и Ольга Рубанчикъ должны кончить свои сроки въ Иркутскѣ. Арестованъ Данько, возвращавшійся изъ ссылки съ массой писемъ и порученій на родину. На каторгѣ для полит. сдѣланы большія стѣсненія: ихъ запираютъ на замокъ по шести чел. въ камерѣ; гулять пускаютъ только на три четверти часа. Безденежье общее. Отбыли каторгу и поселены въ улусахъ Якутской области слѣд. лица: Коваликъ, Войнаральскій, Александровъ, Бѣлоцвѣтовъ, Терентьевъ (братъ покойной Людмилы), Богдановичъ, Щепанскій, Өеохари, Костецкій, Студзинскій, Зубриловъ, Шиврканъ, дѣвица Сарандовичъ. Въ Томскѣ арест. адм. ссыльный оф. Дробный „за оскорбленіе величества" и б. семинар. Посохинъ. Оттуда же бѣжалъ въ окт. прошлаго года адм. сс. Логовскій.

Царство Польское. Здѣсь также все время шли и продолжаются многочислен. обыски и аресты среди раб. люда, гдѣ полиціей констатированъ блест. успѣхъ соц.-рев. пропаганды. 4-го ноября произведенъ тщательный обыскъ у Гальпернов въ кв. и подвалѣ—искали типографіи; ничего предосудит., однако, не было найдено. Произведено много

арестовъ въ окр. Тарчина, въ Бѣлой; въ Плоцкѣ взятъ студ. Голембіовскій, въ Варшавѣ реалистъ Конъ за чтеніе „Пролетар.“ въ учил. Въ Лодзи обыск. всѣ части города, заселенныя раб., перерыто множ. складовъ, фабрикъ и заводовъ. Арестованы: Черегжи, Даровскій, Грабовскій, Классовичъ, Олевинскій. Ночью 1-го окт. пр. года на Новой Прагѣ обысканъ сталелит. заводъ и арест. слесарь Высоцкій, другой рабочій — Гальбрунъ взятъ, не смотря на тяжкую болѣзнь. Еще арестованы: Чарнецкій, Даниловичъ, Гаевскій, Кобылянскій, Крахмальскій, Лебедзинскій, Новаковскій, Павловскій, Сѣдлецкій съ женой, Сливинскій, Щепанскій и Загорскій (рабочіе). Нын. лѣтомъ, 28 іюня, арест. мир. судья Бардовскій съ женой, а у нихъ въ кварт. студ. Крживоблоцкій и одинъ нелегальный, еще Людвигъ Яновичъ, поч. мир. судья Добровольскій и мн. др.

Вильно. Ар. варш. студ. Викентій Рут.:евичъ, Як. Бобесъ, Рабиновичъ, Пашковскій, Лопушинскій.

Гродно — арест. наборщикъ Гринкевичъ.

Минскъ — ар. землем. Носовичъ съ женой акуш.

Витебскъ. Въ мартѣ 1883 г. здѣсь взяты, по указаніямъ Янчевскаго: б. студ. варш. ун. Даниловичъ и Яцкевичъ, а также раб. Высоцкій. По тому же дѣлу взятъ въ Тульск. губ. отст. ряд. Артем. Высоцкій.

Въ *Ригѣ* кондукторъ Бауманъ. Произведены обыски на нѣск. станціяхъ мит. ж. д., также у нач. динамюнд. стан. 5 чел. рабочихъ арестовано.

Дерптъ. Въ концѣ авг. увезенъ въ Одессу студентъ Рапопортъ.

Тифлисъ. Въ дек. 1883 г. арест. учен. Учит. Инстит. Плохотниковъ и Буслаевъ — вып., въ маѣ реал. Заврьевъ (вып.) и б. технологъ Семеновъ.

Кишиневъ. Въ концѣ нын. мая забрано 38 чел. (чиновн., гимназ., семинар.). Изъ нихъ пока извѣстны: нѣкто Городищинъ и учащіеся — Бланкъ, Гухманъ, Зейдисъ, Сагайдовскій, два брата Рабиновича, два брата Стерн, Станевичъ, Лускаловъ, Ивановъ, Самвеловъ, Каушанскій, Елена Гроссу и Холецкая. Въ Унгенахъ арест. нѣкто Левинъ.

Въ срединѣ нын. лѣта взятъ *на границѣ* нѣкто Давыдовъ, а во Фрейбургѣ арест. эмигрантъ Лейба Дейчъ. Онъ выданъ Россіи и сидитъ теперь въ Д. П. З.

ЗАЯВЛЕНІЕ

Доводимъ до свѣдѣнія членовъ партіи нижеслѣдующее. Въ «Листкѣ Н. В.» было напечатано, что Д. Петровъ, находясь подъ арестомъ въ г. Одессѣ, выдавалъ своихъ товарищей. Позднѣйшее внимательное разслѣдованіе выставленныхъ противъ него обвиненій и его собственныхъ объясненій показало, что никакихъ злоумышленныхъ *выдачъ* съ его стороны не было. Однако, вслѣдствіе своего болѣзненнаго состоянія и отсутствія правильной и твердой системы дѣйствій въ подобныхъ случаяхъ, онъ держался очень неудачно и постоянно попадалъ во всѣ разставлявшіяся ему ловушки, чѣмъ не мало повредилъ какъ себѣ самому, такъ и своимъ товарищамъ.

---

24 сентября въ Петербургѣ начался процессъ *четырнадцати* лицъ, обвиняемыхъ въ принадлежности къ русской соціально-революціонной партіи «Народной Воли». Эти лица слѣдующія: Вѣра Филиппова, Ювачевъ (поручикъ), Волкенштейнъ (женщина), Михаилъ Ашенбреннеръ (полковникъ), Похитоновъ (поручикъ), Афанасій Спандони, Рогачевъ (поручикъ), баронъ Штромбергъ (лейтенантъ), Тихоновичъ, Ивановъ, Любовь Чемоданова, Чуйковъ, Андрей Немоловскій, Дмитрій Суровцевъ.

ОТЧЕТЪ

о суммахъ, вновь поступившихъ на дѣло народнаго освобожденія.

Помѣщая ниже всѣ имѣющіеся у насъ въ рукахъ денежные отчеты, считаемъ долгомъ оговориться, что они могутъ оказаться несовершенно полными, такъ какъ не мало такихъ отчетовъ могло погибнуть при раз. погромахъ. Если бы нѣкоторые изъ нихъ оказались потомъ уцѣлѣвшими и попали въ наши руки, то они, конечно, будутъ помѣщены въ послѣдующій номеръ „Народной Воли“.

На типогр. отъ икса n-ой степени 315 р., отъ азъ и черта 25 р., отъ лиры 25 р., изъ бойкаго мѣста 97 р., отъ ††† 210 р., отъ Яносъ 40 р., изъ Твери 24 р., изъ Ярославля съ 1882 г. 587 р., по л. № 22 въ Слуцкѣ 60 р., Полкановы 4 р., по л. № 33: отъ М. С. 9 р., 40, Алек-

сандровичъ 1 р., по л. № 18: въ надеждѣ лучшаго 7 р. 50 к., отъ Тихона 1 р.; въ Москвѣ безъ листка: отъ Анны 60 р., изъ Т. отъ В. 40 р., Гаэтона 5 р.; въ Петербургѣ по л. № 71: 5 р. 90 к., 9 р. 40 к., 8 р., 10 р., по л. № 6 (на изданіе «Вѣстника»): рыба, х. армянинъ по 30 к., Г., обезьяна по 20 к., гражданинъ. 46, 46, и еще 46, хлопецъ по 50 к, Р. Іео по 1 р., прошлый, будущій по 25 к, бѣсъ арабскій 10 р., барыня 10 к., В. М. 3 р., за карт. 1 р. 50 к. По листку № 205: отъ Тамбовцевъ—Іео, х по 1 р., 1†у 1 р. 60 к. Сборъ 6 р. 55 к. Отъ рубруса, Nemo, х въ 5-й степени, потенціала по 1 р., отъ хохла 50 к., Н. 1 р. 50. Безъ листка — Сергѣй черезъ Семку 25 р., отъ секретаря Т. 235 р., изъ Москвы № 45 потерянъ — воспроизводимъ по памяти — 4 р., Новгородецъ 3 р., артистка (безъ л.) 28 р. — № 121 отъ З. 8 р. 15, акцизный 1 р. 60, отъ Анны 57 р. По листку безъ номера — Александръ, семинаръ, Ракомбе, берегись!?!, готовый, Володя, Маруся, !, иксъ по 50 к. — Nemo, сиротка, гимназистка по 1 р. — старушка 2 р., Поповы 80 к., девять 2 р. 45 к., гомилетика 90 к., заподозрившій 10 р. Безъ листка — отъ кр. офицеровъ въ январѣ 1884 г. 4 р., въ февралѣ 10 р. По л. № 15—отъ оглашеннаго, маршъ-тревога, отъ своего, курсивъ, шишъ, торъ; ій, отъ безконечности въ нулевой степени, пчелки, шамана, Анфилогова по 1 р. — отъ журавля 5 р., всегдашняго 1 р. 22, блондина 3 р. 75, неизв. 1 р. 50, соль, оспа, NNN по 3 р., процентъ 2 р. 20, графини, путейца по 2 р., шмеля, юнаго соц. по 50 к., комерсанта 2 р. 50, Тихона 4 р. кассовый взносъ 50 р. По л. № 8 (ежем., начиная съ сент. по мартъ 1883 г.): кремневка, ятаганъ, штыкъ, верба, NNN по 1 р.; кинжалъ, пистолетъ, рубака по 3 р., офицеръ 10 р. По тому же л. за окт. также 24 р., по л. ном. (х плюсъ 16) 12 р.. по л. ном. 99 — доброжелатель, блондинъ, кунктаторъ, Сквозникъ-Дмухановскій. Венцель, Д. Б. К., роза, С, космополитъ, дикарь, Александръ, бактерія, борода, непримиримый, по 1 р.; безсильный, квартальный, мин. вн. дѣлъ гр. Толстой по 2 р.; раскаявшійся консерваторъ, западноевропеецъ, Николка, М, чичероне, Игнатій по 50 к.: ядъ-гамазе 75 к. Ю-а, С. по 3 р., добрый человѣкъ 5 р.. желающій успѣха, дворянинъ по 40 к. С-въ, нераскаянный консерваторъ, КС, 30 к., по листку № (х плюсъ 7) — М, плюсъ, нуль, Б по 50 к., К. 60 к. л, барыня по одному р.

номерь 41 — слуга государства, куцая, NN по 1 р., березникъ 3 р., Аристидъ 2 р., л. В. 6 руб. им. 200 рублей, отъ жаждущихъ свободы 60 р., изъ провинціи отъ гимназиста 5 р., Ф 19 р., Л 10 р.,--75 р.--100 р. по листку (х-2) отъ несвободнаго 7 р. Безъ листка отъ ласточки, С по 10 р., на изданіе народныхъ брошюръ 2000 рублей. М. и Н. П. по 25 р. С 15 р. Л. О. и изъ Москвы по 100 р. отъ провинціаловъ 115 р., педагоговъ 20 р., радикала 200 р. Юліи Александровны 600 р. По листку номеръ 14 — румъ, якобинецъ, NN, ***, проферансистъ по 1 р., южанинъ, армянинъ 50 к. отъ у. Ш. для ред. „Вѣстника“ 100 р. отъ фр. 1000 руб. по списку въ 5 номерѣ „Пролетаріата“ 35 р. отъ портного въ Москвѣ 50 р. черезъ А. Н. 70 рублей (40 плюсъ 30), на поѣздку 300 р. Тоже (А. К) 50 р. лодка 15 р, М. Н. 3 р. По листку номеръ 10—х 20 к. выдыбай 5 р. По временному листку № 49 лит ж. Фабій Максимъ 4 р. ego ipse 6 р. безъимянный 10 р. старый долгъ 10 р. прохвостъ 20 р. черезъ бухгалтера 50 к. отъ черговки, т, N, NN, по 1 р. корень, NNN, по 50 к., *** 5 р. козелъ 3 р. По утраченному листку отъ Р. 20 р. по лиску номерь 38 отъ Ю. 100 руб. отъ восточнаго человѣка 30 р. — по старому счету 1500 р. по тому же счету для „Кр. Креста» 100 р. отъ офицера въ СПБ. 40 р. Калинкинъ 10 р. Отъ неизвѣстнаго 10 р.

Уже по отпечатаніи перваво листа, до типографіи дошли еще слѣдующія свѣдѣнія объ умершихъ членахъ партіи:

Въ августѣ 1882 г. въ г. Селенгинскѣ административный Сергѣй **НАДДАЧИНЪ** бросился съ десятисаженной скалы на берегу р. Селенги.

Весной 1884 года умеръ въ Петропавловской крѣпости Петръ **ТЕЛЛАЛОВЪ**, осужденный по процессу семнадцати.

Въ мартѣ этого же года въ кіевскомъ острогѣ умеръ отъ чахотки студентъ кіевскаго университета **КРУШИНСКІЙ**.

Въ маѣ нынѣшняго года въ Харьковѣ отравился **САХАРОВЪ** (нелегальный).

Поправка: А. **ОСИНСКАЯ** удавилась въ Домѣ предв. заключенія въ Петербургѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ .

Заграницей вышелъ 2-й номеръ «Вѣстника Народной Воли».

Въ Варшавѣ вышелъ номеръ 5 польскаго соц.- революц. обозрѣнія «Пролетаріатъ».

Въ Женевѣ будетъ издаваться заграничный органъ Пролетаріата «Борьба классовъ».

КОНСПИРАТИВНЫЯ ЗАМѢТКИ:

1) „
„канава"

2) пароль „Грязная канава".

С.-Петербургъ. Типографія «Народной Воли» 30 сентября 1884 г.

НАРОДНАЯ ВОЛЯ

СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Годъ шестой. — № 11—12 — октябрь 1885.

ШТРОМБЕРГЪ Александръ Павловъ, баронъ, лейтенантъ флота, осужденный по процессу 14-ти, казненъ въ Петербургѣ 10 октября 1884 г.

РОГАЧЕВЪ Николай Михайловичъ, офицеръ, осужденный по процессу 14-ти, казненъ въ Петербургѣ 10 октября 1884 г.

АШЕНБРЕННЕРЪ Михаилъ Юльевичъ, подполковникъ, осужденный въ октябоѣ 84 г. по процессу 14-ти къ смертной казни, былъ помилованъ царемъ на вѣчную каторгу; въ ноябрѣ вторично судимъ военнымъ судомъ за пощечину, данную имъ одному изъ генераловъ-тюремщиковъ, и разстрѣлянъ *)

МИНАКОВЪ, осужденный въ Одессѣ въ 1879 г. на каторгу, въ 1883 г. за попытку бѣжать переведенъ былъ съ Кары въ Шлиссельбургъ, гдѣ и разстрѣлянъ лѣтомъ 1884 г. за нарушеніе дисциплины.

ЛИСЯНСКІЙ Саулъ Абрамовичъ казненъ въ Харьковѣ 20 іюня 1885 г.

КЛЕЙНЪ Лидія Григорьевна, высланная изъ Петербурга въ 1880 г., умерла отъ чахотки въ Енисейскѣ 10 сентября 1883 г.

КОЛОТИЛОВА Вѣра Дмитріевна, швея, отравилась 22 ноября 1883 г. въ Енисейскѣ. Была выслана сюда изъ Красноярска за участіе въ побѣгѣ Малавскаго.

---

*) Это свѣдѣніе оказалось невѣрнымъ. *Ред. Сборника.*

КУЗНЕЦОВЪ Петръ, рабочій, 22 ноября 1883 г. послѣ неудачной попытки застрѣлиться, умертвилъ себя угаромъ.

КУХАРКО Константинъ Васильевичъ умеръ 6—18 января 1884 г. въ изгнаніи въ Болгаріи.

КАЦЪ М. умеръ въ нач. 1884 г. въ изгнаніи въ Монпелье.

РЕФЕРТЪ Фаня Семеновна, осужденная въ Кіевѣ въ 1880 г. по дѣлу Юрковскаго на 4 года каторги, высидѣла свой срокъ, по болѣзни, въ красноярской тюрьмѣ; умерла въ Минусинскѣ 21 іюня 1884 г.

ЖУНОВЪ Владиміръ, осужденный на 15 лѣтъ каторги по дѣлу Юрковскаго, умеръ отъ чахотки на Карѣ 18 іюля 1884г.

ОРЛОВЪ Петръ застрѣлился въ Енисейскѣ осенью 1884 г.

ПЕРЕЛЯЕВЪ Владиміръ Николаевичъ, ст. Дерптскаго университета, умеръ въ припадкѣ эпилепсіи; смерть его повлекла за собой арестъ типографіи, находившейся въ его квартирѣ.

МЕЙЕРЪ В. Я., эмигрантъ (судившійся по дѣлу 193-хъ), умеръ отъ чахотки въ Парижѣ 23 ноября 1884 г.

БУЛИЧЪ, земскій врачъ, осужденный по дѣлу Квятковскаго и др. на поселеніе, умеръ въ Каинскѣ осенью 1884 г.

НИКОЛАЕВЪ Пафнутій, рабочій, осужденный въ 1877 г. на поселеніе по дѣлу 50-ти, утонулъ въ Каинскѣ осенью 1884 г.

ЛЮТИКЪ Анна, высланная въ 1884 г., зимой того же года умерла въ Туринскѣ.

НИКИТИНА Софья, кіевская курсистка, высланная въ 1883 г. за участіе въ побѣгѣ Василія Иванова въ Кіевѣ, умерла зимой 1884 г. въ ачинской тюрьмѣ, на пути въ ссылку.

НИКИТИНА Варвара Николаевна, эмигрантка, сотрудница „Вѣстника Народной Воли", умерла въ Парижѣ 17 декабря 1884 г.

ГОНЧАРОВЪ Всеволодъ, арестованный 5 августа 1884 г. въ Харьковѣ, умеръ 19 февраля 1885 г. въ больницѣ на Сабуровой дачѣ, куда былъ переведенъ для леченія.

ДЬЯКОНЕНКО Александръ Федоровичъ, студ. мед. 5 курса, высланный изъ Кіева въ 1883 г., умеръ отъ чахотки въ Павлоградѣ (Екатериносл. губ.) въ мартѣ 1885 г.

КАМЕНЕЦКАЯ Юлія Васильевна, высланная изъ Кіева въ 1883 г., умерла въ Александровскѣ (Екатериносл. губ.) въ мартѣ 1885 г.

ДЕНАЛЬДО Сергѣй, рабочій, умеръ отъ чахотки въ Ростовѣ на Дону черезъ 3 недѣли послѣ того, какъ былъ выпущенъ на поруки изъ московской тюрьмы. Сидѣлъ 9 мѣсяцевъ.

ИВАШКЕВИЧЪ въ ночь съ 5 на 6 августа 1885 г. отравился въ симферопольскомъ тюремномъ замкѣ.

ПОПКО, осужденный на вѣчную каторгу въ Одессѣ въ 1879 г. по дѣлу Чубарова и др., умеръ отъ чахотки на Карѣ лѣтомъ 1885 г.

СУРИНЪ Константинъ Михайловичъ, крестьянинъ, высланный въ 1881 г. въ Восточн. Сибирь, застрѣлился въ Верхнемъ Селѣ (Енис. губ.) осенью 1885 г.

ЦИЦІАНОВЪ, осужденный по дѣлу 50, высидѣлъ 4 года въ централкѣ, былъ переведенъ на Кару и, окончивъ срокъ каторги, сошелъ съума въ Киренскомъ округѣ и вскорѣ умеръ въ 1885 г.

ЦАРЕВСКІЙ, админстр. ссыльный, застрѣлился въ 1885 г. въ Киренскѣ (Ирк. губ.).

Въ продолженіи послѣднихъ 2-хъ лѣтъ, но съ точностью неизвѣстно когда:

ПАВЛОВЪ Өедоръ, рабочій, админ.-ссыльный, застрѣлился въ припадкѣ съумасшествія.

ПОПОВЪ, административно-ссыльный, застрѣлился въ Минусинскѣ.

БОВБѢЛЬСКІЙ, административ.-ссыльный, повѣсился въ Якутскѣ.

ДОРОШЕНКО, адм.-ссыльный, утопился въ Якутскѣ.

ЛЮБОВЕЦЪ Елизавета, сосланная на поселеніе, отравилась въ Томскѣ.

ЗУБРИЛОВЪ Н. П., окончившій срокъ каторги, умеръ въ Якутскѣ.

ЛЕВЧЕНКО Павелъ умеръ въ красноярской тюрьмѣ.

ОЛЕХОВСКІЙ, осужденный на поселеніе по собственному дѣлу въ Одессѣ, умеръ въ Енисейской губ. отъ скоротечной чахотки.

Кровавыя рѣки, веревка и плаха,
Проклятье, отчаянья стонъ...
Какъ много въ бою васъ погибло безъ страха,
О братьевъ святой легіонъ!

Душилъ безъ пощады васъ врагъ разъяренный
На каторгѣ, въ ссылкѣ, въ тюрьмѣ.
Губили васъ муки души, утомленной
Бороться съ неправдой во тьмѣ.

И призраки братьевъ, погибшихъ печально
Далеко отъ кровли родной,
Безъ слезъ, безъ объятій, безъ ласки прощальной,
Безсмѣнно стоятъ предо мной.

Ужасенъ ихъ саванъ, запачканный кровью,
Сверкаетъ ихъ огненный взоръ,
И жадное сердце читаетъ съ любовью
Въ немъ мужества полный укоръ.

„Боецъ изъ дружины, стяжавшей геройствомъ
Безсмертную славу себѣ,
Зачѣмъ ты считаешь съ такимъ безпокойствомъ
Ряды уцѣлѣвшихъ въ борьбѣ.

Зачѣмъ ты смущенъ, если счастье въ сраженьи
На мигъ улыбнется врагамъ?
Ты знаешь, судьбы неизмѣнно рѣшенье:
Побѣда достанется намъ.

Смотри, какъ палачъ перепуганъ глубоко!
Дрожитъ въ загрубѣвшихъ рукахъ
Зловѣщій топоръ, занесенный высоко
Надъ братомъ, поверженнымъ въ прахъ.

Смотри, на подмогу бойцамъ утомленнымъ
Воителей племя ростетъ
На полѣ, кровавымъ дождемъ обагреннымъ,
Гдѣ мрачный стоитъ эшафотъ.

Тѣла ихъ могучи, прекрасны ихъ лица,
Ихъ груди отвагой кипятъ,
И грозно сверкаетъ въ поднятой десницѣ
Карающій острый булатъ.

И только что лезвія обликъ холодный
Достигнетъ до недруга глазъ,
Бѣжитъ онъ, почуявъ свободы народной,
Народнаго мщенія часъ".

Вы правы, великія, славныя тѣни!
Въ сознаньи ошибокъ моихъ
Предъ вами смиренно склоняю колѣни,
Простите мнѣ слабости мигъ!

Кровавую злобу, и гнѣвъ, и волненье
Уставъ безъ конца выносить,
Душа захотѣла минуту забвенья,
Минуту покоя вкусить...

Но силу былую я чувствую снова
И вѣру, и мужества жаръ,
И руки по прежнему сыпать готовы
Врагамъ за ударомъ ударъ.

Скорѣе, товарищи! Сомкнутымъ строемъ
Стремительно кинемся въ бой!
Мы грудью опасное мѣсто закроемъ,
Мы брешь загородимъ собой.

Со славой вернемся мы съ браннаго поля,
Иль ляжемъ со славою тамъ,
За нами судьбы неизмѣнная воля,
Побѣда достанется намъ!

С.-Петербургъ, 1 октября.

Русская интеллигенція переживаетъ въ настоящую минуту небывалое критическое состояніе. Политическая реакція, начавшаяся съ конца 60-хъ годовъ, достигла съ воцареніемъ Александра III ужасающихъ размѣровъ, и трудно предсказать, до какихъ предѣловъ она дойдетъ, если не будетъ остановлена въ своемъ шествіи.

Послѣднія крѣпости русской интеллигенціи пали; лучшіе органы печати, единственные выразители юнаго общественнаго мнѣнія, единственные плакальщики горя народнаго, закрыты вражеской рукой; университеты, среднеобразовательныя школы превращены въ разсадники холопскаго подобострастія; свободные суды стали орудіемъ администраціи, государственная функція ограничена сыскомъ и доносомъ. Все, что было хорошаго въ русскомъ обществѣ, спряталось въ глубь и замолкло, и вмѣсто голоса его раздаются торжествующіе клики самыхъ низменныхъ инстинктовъ.

И въ такую эпоху, когда критическая мысль должна была бы вдвое сильнѣе работать, когда пламя негодованія должно было бы рваться изъ каждой груди съ неудержимою силой, въ такую эпоху царствуетъ полнѣйшій умственный разбродъ, хаосъ самыхъ противорѣчивыхъ мнѣній въ элементарнѣйшихъ вопросахъ общественной жизни.

Пессимизмъ личный и общественный съ одной стороны, религіозно-соціальный мистицизмъ съ другой, замѣнили сознательность и вѣру какъ въ обществѣ, такъ и въ молодежи. Даже въ революціонной мысли замѣчается какое то метаніе изъ стороны въ сторону: тенденціи германскихъ соціаль-демократовъ и сантиментальныя вожделѣнія сліянія съ народомъ въ то время, когда на цѣлой странѣ лежитъ печать оцѣпенѣнія.

Очевидно, мы переживаемъ одинъ изъ тѣхъ переходныхъ моментовъ, которые завершаются кризисами, круто поворачивающими русло народной жизни и на долго предрѣшающими судьбы народа. Въ такія эпохи теоретическая мысль, не находя исхода и осуществленія, бросается отъ одной доктрины къ другой, отъ идеала къ идеалу, опускается до пессимизма, готовая воспрянуть въ лонѣ мистицизма — религіознаго или соціальнаго, это все равно — и т. д., до тѣхъ поръ, пока не остановится на истинномъ требованіи разума

и историческаго процесса жизни. Это логическое и жизненное требованіе чувствуется всѣми, оно познается во всѣхъ сферахъ общественной жизни и ждетъ только удобнаго момента, чтобъ формулироваться и высказаться.

Что касается насъ, то мы остались съ тѣмъ же яснымъ сознаніемъ нашихъ задачъ, съ той же вѣрой въ торжество нашего дѣла. Насъ не страшитъ реакція, потому что мы понимаемъ ее, а общественное колебаніе мысли показываетъ только тревожное исканіе выхода изъ критическаго положенія и побуждаетъ насъ еще съ большей энергіей утверждать наши идеи и съ удвоенной силой бороться за нихъ.

Для насъ реакція представляетъ собою логическій выводъ изъ всѣхъ внутреннихъ противорѣчій русской политической жизни послѣдняго 25-тилѣтія и вмѣстѣ съ тѣмъ являетъ собою послѣднее отчаянное усиліе россійскаго самодержавія въ борьбѣ за отжившее свой смыслъ и назначеніе существованіе.

Смыслъ существованія абсолютизма вытекалъ изъ условій, которыя канули въ вѣчность и никогда не вернутся. Главное изъ этихъ условій есть политическая разрозненность и слабость страны въ борьбѣ съ внѣшними врагами, требовавшей централистической организаціи во что бы то ни стало, хотя бы подъ знаменемъ самодержавнаго произвола. Но этотъ смыслъ существованія самодержавія давно перешелъ въ область исторіи, гдѣ найдется достойная оцѣнка его. Логическимъ выводомъ изъ абсолютизма явилось крѣпостное право — порабощеніе народа, составляющее послѣднее звено въ общей цѣпи порабощенія, сковывавшей всѣ области народной жизни. Тамъ, гдѣ всѣ жизненныя отношенія основывались на варварскомъ абсолютномъ господствѣ человѣка надъ человѣкомъ, деспотизмъ, какъ санкція цѣлаго строя, былъ самымъ соотвѣтствующимъ политическимъ элементомъ. Но это условіе также сошло со сцены. Грозные протесты народа и энтузіазмъ лучшихъ людей вызвали къ жизни «дарованный свыше» актъ 19 февраля 1861 г., актъ совершенно перевернувшій цѣлый общественный строй народа и лишившій правительство поддержки дворянства— единственнаго класса, на который оно опиралось. О поддержкѣ вновь народившагося класса свободнаго крестьянства и думать нечего было, ибо для этого нужно было довести реформы до ихъ логическаго конца. Вотъ почему правитель-

ство Александра II совершало въ продолженіи 25-ти лѣтъ такія безумныя жертвы для созданія у насъ класса буржуазіи. Вотъ почему, когда эта экономическая политика потерпѣла блистательное пораженіе, оно опять обратилось къ своему старому «вѣрному и излюбленному» дворянству, останавливаясь передъ крестьянствомъ только для того, чтобы кинуть ему нѣсколько дешевыхъ бездѣлушекъ и тѣмъ хотя немного отсрочить готовую разразиться бурю народнаго негодованія. Но всякому понятно, до какого безвыходнаго положенія должно дойти правительство, которое ищетъ у сословія, выдохшагося, раззореннаго, существующаго только на бумагѣ въ канцеляріяхъ предводителей дворянства! Иной исходъ былъ невозможенъ, ибо, повторяемъ, опереться на единственно могучій классъ, на крестьянъ, правительство въ состояніи только цѣной радикальныхъ и экономическихъ реформъ, а на такія реформы ни одно деспотическое правительство рѣшиться не можетъ: ихъ совершаютъ или революція, или народное представительство. Въ этомъ русское правительство убѣждено болѣе, чѣмъ кто либо, ибо когда въ началѣ 60-хъ годовъ оно рѣшилось произвести самыя элементарныя реформы въ общественной жизни, оно вынуждено было отказаться отъ излюбленнѣйшихъ своихъ традицій и призвать для содѣйствія цѣлыя сословія, ненавистную печать, общественное мнѣніе. А то были реформы или половинныя, или чисто внѣшняго характера. Радикальныя же реформы, которыя однѣ только могутъ еще спасти нынѣшнее правительство, невозможны безъ отказа со стороны самодержавія отъ своихъ прерогативъ въ пользу народа.

Освобожденіе крестьянъ имѣло еще одно великое послѣдствіе, не менѣе роковое для существующаго режима. Русское общество, очутившись среди обломковъ стараго строя, съ перваго же разу сознало, что созданное положеніе вещей не одно изъ тѣхъ, къ которому достаточно «приспособиться», чтобы все пошло отлично, а что, наоборотъ, требуется великая творческая работа во всѣхъ сферахъ жизни при совокупности дѣйствій всѣхъ здоровыхъ элементовъ страны, чтобы поправить грѣхи прошлаго и создать новые пути будущаго. Для такихъ общественныхъ стремленій прежде всего потребовалась здоровая внѣшняя сфера — политическая свобода въ самомъ обширномъ смыслѣ

этого слова. Русская интеллигенція съ небывалымъ рвеніемъ и вѣрой въ свои силы и успѣхъ бросилась во всѣ открывавшіяся сферы общественной жизни, чтобы работать въ пользу народа и во имя его, совершенно упустивъ изъ виду, что скалы деспотизма стали только подводными и свободному плаванію грозитъ полное крушеніе. Одновременно съ крутымъ поворотомъ правительства къ реакціи, послѣ первыхъ же либеральныхъ реформъ, во всѣхъ сферахъ личной и общественной дѣятельности, мы видимъ странное разочарованіе русской интеллигенціи послѣ неудачныхъ попытокъ работать въ земствѣ, среди народа, въ печати. Политическая свобода была conditio sine qua non для общества и смертнымъ приговоромъ для самодержавія. Логика требовала, чтобы радикальное удушеніе мысли и свѣта въ обществѣ совершилось заблаговременно, немедленно послѣ скользкой игры въ реформы, но правительство Александра II было слишкомъ близоруко для этого и предпочитало тянуть долгую канитель борьбы съ реформами, вмѣсто единовременнаго объявленія Россіи въ осадномъ положеніи. Общество, слишкомъ юное, неокрѣпшее еще послѣ первыхъ разочарованій, неподготовленное къ открытой борьбѣ, пошло по пути приспособленій. Не сразу русская интеллигенція и ея революціонный авангардъ сознали роковую необходимость прежде всего свергнуть деспотизмъ и создать свободныя политическія учрежденія. Нападки соціалистовъ на западно-европейскія конституціонныя учрежденія и проповѣдь *всемірной* соціальной революціи была одной изъ важнѣйшихъ причинъ, почему вопросъ о политической свободѣ *стыдливо игнорировался* въ надеждѣ *непосредственной пропагандой въ народѣ* добиться соціальнаго и политическаго переворота одновременно. Жизнь разбила эту надежду самымъ безпощаднымъ образомъ. Партія «Народной Воли» впервые поставила вопросъ о сверженіи деспотизма и о народномъ представительствѣ дѣломъ первой важности для настоящаго момента и ея лозунгъ Carthago delenda est сталъ теперь выраженіемъ цѣлой страны.

Первые шаги партіи въ борьбѣ съ правительствомъ хотя и произвели ошеломляющее дѣйствіе на него, но не уяснили ему всей важности положенія дѣлъ: оно поняло террористическіе удары, какъ спорадическія покушенія безумцевъ, столь же временныя и преходящія, какъ и ихъ увлеченія.

Настойчивость революціонеровъ, полный индифферентизмъ народа и общества къ потерямъ правительства, возроставшее съ каждымъ днемъ сочувствіе интеллигенціи къ успѣхамъ Народовольцевъ, показали правительству, что голосъ революціонеровъ, есть голосъ самого народа, что рѣчь идетъ не объ утопіяхъ фанатиковъ, а о всеобщей назрѣвшей потребности въ политической свободѣ. Предстояла борьба не съ отдѣльными личностями, а съ цѣлымъ обществомъ въ лицѣ его лучшихъ выразителей.

Правительство собрало въ своемъ арсеналѣ все, накопившееся вѣками насилія и тиранніи, чтобы во всеоружіи вступить въ борьбу со своимъ народомъ. Бросивъ политику полумѣръ, оно объявило прямо войну всему мыслящему и чувствующему, отъ школьныхъ дѣтей до людей науки, всѣмъ учрежденіямъ, начиная со школъ — кончая органами суда и самоуправленія, повидимому твердо рѣшившись скорѣе превратить Россію въ пустыню, чѣмъ сдать свои прерогативы народу. Правительство не остановится на полдорогѣ: оно должно истощить весь запасъ своей реакціонной мудрости, совершить самыя безумныя дѣянія; можетъ даже въ отчаяніи ринуться на гибельную отдаленную внѣшнюю войну, довести страну до послѣдней степени истощенія, съ тѣмъ чтобы въ концѣ концовъ пасть подъ тяжестью своихъ преступленій въ пропасть, давнымъ давно его ожидающую. Такова тенденція самодержавія съ самаго момента освобожденія крестьянъ, тенденція, съ поразительной быстротой приближающая эру деспотизма къ роковому, неизбѣжному концу.

Такъ всегда было въ исторіи: наканунѣ великихъ событій усилія всѣхъ факторовъ общественной жизни достигаютъ высшей степени напряженія и никогда логика ихъ тенденцій не бываетъ такъ сильна, какъ наканунѣ послѣдней ставки! Побѣждаетъ тотъ, у кого больше жизненныхъ элементовъ, какъ бы долго ни продолжалась агонія отживающихъ силъ.

Русскій народъ наканунѣ великихъ событій: старый режимъ, въ лицѣ его могущественнѣйшаго фактора, самодержавія, идетъ быстрыми шагами къ окончательному разрушенію, и на ряду съ этимъ всѣ общественныя силы слились въ одномъ желаніи — свергнуть деспотизмъ и установить новый порядокъ.

Но не будетъ ли новый порядокъ мертворожденнымъ ребенкомъ, не будетъ ли онъ простой перемѣной декораціи, новой формой для эксплуатаціи народа только подъ внѣшней оболочкой призрачной свободы?

На всѣ эти вопросы мы отвѣчаемъ: нѣтъ и нѣтъ!

Мы уже неоднократно указывали, что самодержавіе въ Россіи является не только въ высшей степени угнетающимъ *политическимъ* факторомъ, но и зловреднымъ факторомъ экономическимъ.

Правительственая власть, имѣющая въ своемъ распоряженіи половину территоріи страны, истощающая безпримѣрнымъ милитаризмомъ и варварски жестокой системой податей и повинностей всѣ наличные рессурсы народа, предающая себя и народные интересы чужеземцамъ, словомъ, правительственная власть, которая цѣлыя столѣтія руководилась однимъ принципомъ, что народъ созданъ для царей и ихъ челяди, — есть гнойная язва, разъѣдающая народный организмъ такъ же медленно и вѣрно, какъ ржавчина разъѣдаетъ желѣзо. Свергнуть ее — значитъ совершить соціальный переворотъ, гигантскій радикальный шагъ въ дѣлѣ уврачеванія народныхъ язвъ.

Далѣе мы указывали, что первыми трофеями побѣды будутъ великія, давно ожидаемыя народомъ, аграрныя реформы, цѣлая система финансовыхъ, административныхъ и культурныхъ мѣръ, долженствующихъ повести народъ по пути матеріальнаго и духовнаго усовершенствованія.

Мы указывали, наконецъ, что центръ тяжести всѣхъ факторовъ страны лежитъ въ крестьянской и рабочей массѣ, что кромѣ послѣдней въ Россіи нѣтъ больше доминирующихъ экономическихъ силъ, и слѣдовательно нѣтъ партіи, которая воспользовалась бы переворотомъ для своихъ эгоистическихъ цѣлей.

Намъ нечего, значитъ опасаться, что грядущій переворотъ принесетъ намъ такіе же эфемерные результаты, какіе обыкновенно получались отъ многочисленныхъ перемѣнъ знаменовавшихъ собою только переходъ власти изъ рукъ одного класса въ руки другаго.

Равнымъ образомъ намъ нечего опасаться доктринерскихъ безпокойствъ нашихъ олимпійцевъ изъ прекраснаго далека, что аграрныя реформы, хотя бы и совершаемыя *народомъ и ради народа*, являются лишь временными улуч-

шеніями и отдаляютъ насъ отъ правовѣрнаго соціалистическаго идеала.

Нѣтъ, не доктринерскими копаніями, не примѣриваніями формулы къ жизни, а неустаннымъ послѣдовательнымъ воплощеніемъ нашихъ идей въ экономическія и общественныя формы, согласно требованіямъ жизни и сознанію народа, мы приближаемся къ соціалистическому идеалу, этой руководящей нити и путеводной звѣздѣ нашихъ стремленій и дѣйствій.

Всѣ призывы къ соціальной революціи въ континентальныхъ государствахъ Западной Европы (преимущественно въ Германіи и Франціи), несмотря на долголѣтнюю соціалистическую пропаганду и подготовку, несмотря на существованіе цѣлыхъ армій сознательныхъ рабочихъ, оказались пока совершенно безплодными только потому, что консервативная крестьянская масса, воспитавшаяся на институтахъ и обычаяхъ частной собственности, еще совершенно индифферентна къ соціализму и абсолютно къ нему не подготовлена. А на ряду съ этимъ Англія, гдѣ крестьяне также обезземелены, какъ обездолены городскіе рабочіе классы, но гдѣ идеи аграрныхъ реформъ такъ же популярны въ массѣ крестьянства, какъ идеи коллективизма въ массѣ рабочихъ, стоитъ гораздо ближе къ аграрному перевороту, чѣмъ страна мелкихъ собственниковъ, Франція или соціалистическая Германія.

Если это такъ, то что же сказать о Россіи, гдѣ крестьянская масса поголовно проникнута принципомъ принадлежности земли всякому обрабатывающему ее и гдѣ общинное владѣніе ею есть исконный принципъ ея исторической и современной жизни.

Если Россія далека отъ сознательнаго соціалистическаго идеала, то къ раціональному, справедливому общественному пользованію величайшимъ экономическимъ факторомъ — землей она вполнѣ подготовлена. Всякій шагъ по этому пути есть шагъ къ соціалистической организаціи страны.

Если политическій переворотъ гарантируетъ намъ паденіе произвола и административной централизаціи, а на ряду съ этимъ, обширныя аграрныя реформы—мудрую финансовую и общественную политику, то не будетъ ли онъ самымъ лучшимъ фундаментомъ соціалистическаго развитія русскаго народа.

Намъ, правда, нужна рѣшительная соціалистическая интеллигенція, ясно сознающая свои цѣли и задачи, чтобы явиться нашей спутницей наканунѣ побѣды и истинной и способной руководительницей воли народа на другой день ея.

Надъ созданіемъ такой интеллигенціи мы работали и работаемъ съ тѣхъ поръ, какъ сознали себя соціалистами, и нашу дѣятельность въ этомъ направленіи мы считаемъ непрерывной независимо ни отъ какихъ внѣшнихъ обстоятельствъ и перемѣнъ, вмѣстѣ съ тѣмъ заявляемъ всѣмъ нашимъ приверженцамъ, для которыхъ дѣло революціи есть дѣло ихъ жизни, что только тѣ борцы революціи заслуживаютъ своего названія, кто сознательно умѣетъ пользоваться плодами ея на другой день побѣды.

Вотъ какъ мы понимаемъ политическую свободу, къ которой то сознательно, то инстинктивно стремятся всѣ лучшіе элементы нашего общества и народа. Не эры для буржуазіи, не ширмы для деспотизма мы ожидаемъ отъ нея, а великихъ соціальныхъ измѣненій во всѣхъ сферахъ народной жизни, которыя будутъ имѣть своими непосредственными результатами сверженіе деспотизма и установленіе самодержавія народа.

Когда задачи партіи такъ ясны и опредѣленны, когда за ея идеи и тенденціи стоитъ сама жизнь, ей остается твердо идти по разъ установленному направленію, — для нея не существуетъ ни колебаній, ни отступленій, — для нея не страшна реакція, не нужны уступки со стороны врага.

Планъ кампаніи не мѣняется, нападаетъ ли врагъ болѣе или менѣе интенсивно, если необходимо во что бы то ни стало уничтожить его; въ данномъ случаѣ можно только говорить о болѣе или менѣе интенсивномъ отраженіи ударовъ, — не больше. Мы такъ и поступаемъ; продолжая непосредственную борьбу съ деспотизмомъ, революціонизируя общество и народъ, организовывая разрозненные элементы, подготовляя соціалистическую интеллигенцію, мы не забываемъ и ударовъ реакціи. Мы будемъ отражать удары ударами. Если правительство развращаетъ молодежь, мы усилимъ пропаганду въ ея средѣ, если оно закрываетъ всякій доступъ свѣта и мысли въ обществѣ, мы найдемъ другіе

пути для этого: если оно закрываетъ печать легальную, мы создадимъ прессу нелегальную.

Наши идеи и чувства, правда, пишутся кровью, но когда наша кровь упадетъ на сердца русскихъ людей, обливающіяся также кровью отъ муки и гнѣва, то она не пропадетъ даромъ. Цѣлыя рѣки чернилъ наемныхъ реакціонныхъ писакъ не разрушатъ единой строчки нашей, писанной кровью нашихъ сердецъ.

Торжествующіе клики реакціи слышны повсюду. «Нѣтъ революціонной партіи, она погибла, благодаря строгимъ мѣрамъ» *), говорятъ Плеве, Дурново и tutti quanti, радостно потирая руки, и со дня на день усиливаютъ реакціонныя мѣры, все туже и туже затягиваютъ петлю вокругъ шеи нашего несчастнаго отечества. Хотя мы совершенно иначе понимаемъ это явленіе и ниже дадимъ истинную оцѣнку его смысла, тѣмъ не менѣе мы обязаны признать предъ лицомъ русскаго общества, что дѣйствительно дѣятельность революціонной партіи сократилась и что вообще за послѣдніе четыре года революціонная партія не столько наносила удары правительству, сколько сама старалась защищаться отъ его ударовъ. Но какъ бы ни было печально такое явленіе, сколько бы вреда ни приносило оно дѣлу народнаго освобожденія, все же и правительству нашему далеко еще не время торжествовать и пѣть побѣдные гимны. Не тому пѣть пѣсни побѣды, кто стоитъ на вулканѣ обѣими ногами и скоро провалится въ его кипящее жерло.

Русская революціонная партія не есть какая то оторванная отъ почвы организація, которую достаточно истребить, чтобы водворить «спокойствіе» въ странѣ. Она есть только продуктъ и выразитель всеобщаго народнаго недовольства, застрѣльщикъ въ гигантской борьбѣ, которую русская страна готовится завязать съ своимъ правительствомъ, застрѣльщикъ, постоянно возрождающійся и выдвигаемый впередъ неотразимою силою событій. Мало того. Она составляетъ только *одинъ* изъ безчисленныхъ дѣятелей, подготовляющихъ

*) Подлинныя слова Плеве.

неизбѣжное крушеніе деспотизма, и съ ея ослабленіемъ вовсе не ослаблялись и не ослабляются эти дѣятели, приближающіе страну къ великой революціи.

Поэтому для того, чтобы вѣрно оцѣнить значеніе революціонной борьбы въ Россіи, чтобы выяснить дѣйствительное положеніе и крѣпость самодержавія, чтобы опредѣлить краеугольные камни, дающіе ему опору, и подводныя скалы, грозящія ему крушеніемъ, нужно, не увлекаясь вопросами минуты, не смущаясь побѣдными возгласами реакціонной клики, основательно взвѣсить всѣ элементы русской общественной жизни и разсмотрѣть ихъ въ связи со всѣмъ предыдущимъ ходомъ русской исторіи, а не отдѣльно въ одинъ какой нибудь моментъ, въ видѣ пестрой картинки калейдоскопа.

Но если стать на такую точку зрѣнія, то прежде всего становится очевиднымъ, что русскій деспотизмъ не имѣетъ никакой опоры и виситъ, такъ сказать, въ воздухѣ.

У насъ въ Россіи никогда не было никакихъ сословныхъ силъ, кромѣ единой и нераздѣльной народной деревенской массы. И дворянство, и духовенство, и недавно проглянувшій изъ гнили чахлый ростокъ буржуазіи, все это было исключительно создаваемо правительствомъ по его усмотрѣнію и по его же усмотрѣнію продолжало существовать, измѣнялось или вовсе исчезало. Но только сословіе привиллегированнаго меньшинства, могучее экономически и политически, будетъ ли оно буржуазіей или дворянской аристократіей, можетъ дать правительству, *угнетающему народную массу*, болѣе или менѣе прочную точку опоры, ибо оно съ одной стороны предоставляетъ въ распоряженіе правительства значительную организованную силу, а съ другой тѣмъ самымъ забираетъ въ свои руки контроль надъ нимъ и не дастъ ему совершать тѣхъ безсмысленныхъ и безцѣльныхъ тратъ и глупыхъ распоряженій, на которыя способенъ безпардонный и полуграмотный абсолютизмъ, предоставленный самому себѣ. Разумѣется, что это имѣетъ мѣсто только въ томъ случаѣ, если интересы правительства и главенствующаго на дѣлѣ сословія совпадаютъ относительно угнетенія народной массы. Потребность сословной опоры для деспотическаго правительства такъ настоятельна, что даже русское самодержавіе постоянно понимало или, лучше сказать, чуяло ее. Поэтому то еще съ половины

прошлаго столѣтія оно усиленно стремилось опереться на помѣщичье дворянство и старалось придать ему сколько нибудь сносную организацію, пока крымская катастрофа не показала всю непрочность этой опоры. Съ того времени деспотизмъ во все царствованіе Александра II упорно, но неумѣло старался создать себѣ новые устои въ видѣ буржуазіи, къ счастію ни за что не прививающейся на русской почвѣ, а теперь Александръ III, по примѣру своихъ доблестныхъ предковъ, снова стремится возстановить свое вѣрное дворянство, которое еще въ 1861 году потеряло голову и жизнь подъ неумолимой гильотиной исторіи. Въ этомъ нелѣпая логика дворянской эры. Но увы! Даже наисамодержавнѣйшіе указы — «Божьей милостью» не въ силахъ вдохнуть жизнь въ завѣдомые трупы, и политика дворянской эры несомнѣнно закончится такъ же, какъ политика буржуазная, т. е. дворянство получитъ отъ правительства нѣсколько десятковъ, а можетъ быть и сотенъ милліоновъ рублей «на поправку», проживетъ ихъ и останется въ томъ же безсильномъ положеніи, что и прежде.

Но если въ странѣ нѣтъ ни одного сколько нибудь сильнаго сословія, то всякое правительство, будь это правительство монархическое или какое иное, должно по необходимости опираться на народную массу, иначе смерть его неизбѣжна, сколько бы ни хваталось оно за соломинки въ видѣ дворянства, духовенства и буржуазіи.

Это до того очевидно, что даже императорское правительство, постоянно дѣйствующее во вредъ народнымъ интересамъ, всегда заискивало у народа и опиралось главнымъ образомъ на народъ, хотя и не реальнымъ, а только призрачнымъ образомъ, благодаря тому, что въ нашемъ народѣ укрѣпилось мифическое представленіе, будто бы русскій царь только и думаетъ, что о народныхъ нуждахъ, а всѣ притѣсненія исходятъ отъ злѣйшихъ враговъ царя и народа, отъ баръ и чиновниковъ. И до послѣдняго времени правительство щадило эту иллюзію, и только Александръ III рѣшительно принялся рубить тотъ сукъ, на которомъ самъ сидитъ. Но, во всякомъ случаѣ, иллюзія не можетъ быть сколько нибудь прочной точкой опоры для кого бы то ни было, ибо она разлетится при первомъ дуновеніи бурнаго революціоннаго вѣтра, если же исключить ее, то единственной опорой правительства остается народ-

ная разъединенность и непривычка къ революціонной борьбѣ, т. е. опора чисто отрицательнаго характера, имѣющая значеніе опять таки только *до революціи*.

Итакъ русскій абсолютизмъ вовсе не имѣетъ корней въ народной почвѣ и поэтому первое сильное потрясеніе, направлено ли оно извнѣ, или извнутри, въ видѣ ли тяжелаго военнаго пораженія, въ видѣ ли крупнаго народнаго возстанія, или даже въ видѣ просто дворцовыхъ и династическихъ смутъ, грозитъ ему полнымъ крушеніемъ. Но мало того! Деспотизмъ, предоставленный самому себѣ, не имѣющій съ народомъ прочной связи, не ограничивается тѣмъ, чтобы ждать, пока придетъ какая нибудь катастрофа и безвозвратно смететъ его съ лица земли. Онъ самъ собою разстраивается во всѣхъ своихъ отправленіяхъ, запутывается въ финансахъ, въ администраціи и юстиціи, въ военномъ и дипломатическомъ дѣлѣ, безъ всякой надежды на благополучный исходъ и этимъ облегчаетъ побѣду надъ собой и внѣшнимъ, и внутреннимъ противникамъ. Если принять все это во вниманіе, то становится ясно, что, во первыхъ, существованіе русскаго деспотизма зависитъ отъ массы разнородныхъ случайностей, и при первомъ неблагопріятномъ оборотѣ историческихъ комбинацій подвергается опасности прекращенія (какъ это едва не произошло во время крымской кампаніи), а во вторыхъ, что и помимо этого деспотизмъ неудержимо катится въ пропасть и притомъ по очень крутому склону.

Разсматривая обстоятельства настоящаго момента, мы видимъ, что для правительства соединились всѣ факторы, могущіе споспѣшествовать его гибели, которые тѣснѣйшимъ образомъ переплетаются между собою и неминуемо произведутъ роковое и внезапное уничтоженіе существующаго строя. Прежде всего правительство страшно запуталось въ своихъ функціяхъ. Финансы его находятся въ отвратительномъ положеніи. Расходы растутъ не по днямъ, а по часамъ, а доходы уменьшаются еще быстрѣе, отчего происходятъ хроническіе дефициты; средства же покрывать эти дефициты, т. е. новые займы и увеличеніе налоговъ почти совершенно отказываются служить. Укажемъ на затрудненія, которыя встрѣтило правительство при заключеніи послѣдняго займа, укажемъ на ежегодное возвышеніе акциза, которое однако почти не повышаетъ цифру питейнаго сбора, на

всеобщее разстройство народнаго хозяйства, на увеличеніе недоимокъ, на уменьшеніе ввоза и вывоза, констатированное за 1884 и 85 годы даже оффиціально *). Все это ведетъ правительство къ полному финансовому кризису. Въ другихъ сферахъ правительственной дѣятельности дѣло обстоитъ не лучше. Ни одинъ сколько нибудь способный и безкорыстный человѣкъ не рѣшается сдѣлаться правительственнымъ агентомъ. Поэтому во всѣхъ отрасляхъ администраціи господствуютъ хищенія и небрежность, народное достояніе таетъ въ рукахъ вороватыхъ чиновниковъ, неспособность русскихъ дипломатовъ и генераловъ вошла въ Европѣ въ пословицу и постоянно приводитъ Россію къ позорнымъ пораженіямъ, или къ побѣдамъ, которыя еще хуже пораженій. Послѣдняя дипломатическая война Англіи съ Россіей еще далеко не окончена, а поэтому о ней нельзя говорить съ достаточной увѣренностью, но если даже Россія и получитъ окончательный перевѣсъ, то это будетъ зависѣть отъ тѣхъ еще скверныхъ военно-политическихъ условій, въ которыхъ находится Англія. Только въ виду полной изолированности Англіи въ Европѣ и слабости ея въ военно-наступительномъ отношеніи можетъ удасться нашему дипломатическому теляти поймать хитраго заграничнаго волка **). Тѣмъ болѣе позора для Россіи представляютъ ея отношенія съ Германіей и Австріей въ 1881 — 85 г., когда Гирсъ въ Варцинѣ и Александръ III въ Скерневицахъ и Кремзирѣ вымаливаютъ у союзныхъ державъ позволеніе приступить къ союзу противъ себя самихъ и смотрятъ съ одобрительной улыбкой, какъ прусское правительство изгоняетъ изъ Берлина и Восточной Пруссіи десятки тысячъ русскихъ подданныхъ.

„И прошу прощенія
За свое смиреніе“

скажемъ словами Алексѣя Толстаго. Однако, не смотря на такое добродушіе и смиреніе русской дипломатіи, международное положеніе Россіи, такъ же, какъ и внутреннее ея

---

*) См. Внутреннее обозрѣніе.

**) Статья уже была доставлена въ редакцію, когда англо-русская распря разрѣшилась наконецъ размежеваніемъ. Русскій теленокъ не обманулъ заграничнаго волка. Россіи достались безводные пески, никуда негодные даже въ стратегическомъ отношеніи. Всуе оказались трубные звуки нашей дипломатіи. Прим. Ред.

разстройство, представляетъ Дамокловъ мечъ, висящій надъ головою русскаго деспотизма. Сосѣди Россіи жадно смотрятъ на ея обширныя владѣнія и съ тревогой думаютъ о ея будущемъ великомъ политическомъ значеніи, ибо нѣтъ сомнѣнія, что какъ только Россія освободится отъ путъ абсолютизма и введетъ у себя демократическій строй, который для нея представляетъ единственно возможный modus vivendi, она тотчасъ же пріобрѣтетъ огромную притягательную силу для всѣхъ славянскихъ народовъ Восточной Европы. Поэтому сосѣди Россіи постоянно готовы принизить ее, отнимая у нея ту или другую область путемъ военной борьбы, или хотя бы урвать изъ подъ носа лакомый кусокъ, что порождаетъ постоянную натянутость отношеній между ними и Россіей. Эта натянутость уже нѣсколько разъ едва не приводила къ войнѣ, а между тѣмъ всякая война, хоть бы и война противъ Англіи, на которую русское императорское правительство, науськиваемое Бисмаркомъ, повидимому готово было рѣшиться съ легкимъ сердцемъ, можетъ имѣть для русскаго деспотизма роковое значеніе.

Далѣе соотвѣтственно разстройству государственной жизни, которое ложится на народъ тяжкимъ бременемъ, недовольство и революціонный духъ быстро усиливается. Масса стачекъ, происходящихъ въ послѣднее время и заканчивающихся кровавыми побоищами рабочихъ съ войсками правительства, аграрная борьба, принимающая чисто эпидемическій характеръ, сопротивленіе при взысканіяхъ недоимокъ*) — достаточно ясно указываютъ, что русскій народъ находится въ состояніи глухого броженія, готоваго разразиться страшной бурей. Это недовольство народной массы, сообщившись лучшей части нашей интеллигенціи, не осталось однако, какъ въ народѣ, въ состояніи скрытаго броженія, выходящаго по временамъ наружу въ видѣ могучихъ, но безпорядочныхъ взрывовъ, а выразилось въ немедленно завязанной борьбѣ, имѣющей цѣлью расшатать посредствомъ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ ударовъ гнилое зданіе монархіи и подготовить народъ къ великой грядущей революціи. Таковъ смыслъ борьбы, которую уже десять лѣтъ ведетъ русская соціально-революціонная партія съ монархическимъ правительствомъ, и можно сказать, что

*) См. Внутреннее обозрѣніе.

результаты, уже получившіеся отъ нея, окупили огромныя жертвы, которыхъ она потребовала. Главнымъ пунктомъ ея является 1-е марта 1881 г. Послѣдствія этого событія могутъ быть измѣрены теперь только отчасти, но все таки возможно проникнуть умомъ великое значеніе его. Оно показало нашему обществу, что даже слабая числомъ, но сильная самоотверженіемъ членовъ и стройностью организаціи партія въ состояніи одерживать надъ монархіей блестящія нравственныя и матеріальныя побѣды, оно нанесло смертельный ударъ обаянію правительственной силы, оно внесло деморализацію во всѣ функціи правительственной жизни, и безъ того разстроенныя, оно наконецъ взвело на русскій престолъ Александра III-го, которому повидимому суждено сдѣлаться просто невозможнымъ вслѣдствіе reductio ad absurdum.

Въ виду этого слѣдовало бы ожидать, что послѣ перваго марта положеніе революціонной партіи окрѣпнетъ, поле дѣйствій ея расширится и что она поведетъ страну исполинскими шагами къ неизбѣжной развязкѣ. Между тѣмъ мы видимъ обратное, революціонная партія внезапно изъ положенія нападающаго переходитъ въ положеніе защищающагося. Ужъ не о систематическомъ продолженіи ударовъ приходится ей думать, а о томъ, чтобы подъ градомъ сыплющихся не нее невзгодъ отстоять свое существованіе. Правительство же, сначала пораженное паническимъ ужасомъ и спрятавшееся въ лицѣ Александра III въ Гатчину, понемногу освобождается отъ паники, ощущая свою невредимость, и принимаетъ наконецъ тотъ нахальный тонъ, который мы встрѣчаемъ у него теперь.

Единственная причина, произведшая это непонятное съ перваго взгляда явленіе, есть цѣлый рядъ чудовищныхъ, неслыханныхъ погромовъ. Не мѣрамъ строгости, не увеличенію искусства полиціи, не сыскному таланту Стрѣльниковыхъ и Судейкиныхъ слѣдуетъ приписывать ихъ, а собственной оплошности революціонеровъ, излишней довѣрчивости при выборѣ людей, благодаря чему измѣна могла свить себѣ гнѣздо, чуть ли не въ самомъ сердцѣ партіи; недостатку конспиративной осторожности, вслѣдствіе чего арестъ одного крупнаго революціонера влекъ за собой крушеніе цѣлыхъ отдѣловъ революціонной организаціи. Но не смотря на весь вредъ, который погромы приносили револю-

ціонной партіи, они не могли нанести ей смертельный ударъ. Жизнь постоянно выдвигала новыхъ бойцовъ на смѣну павшимъ, и за этотъ кратковременный періодъ не одинъ разъ смѣнялся составъ членовъ партіи. И если хотя на одинъ моментъ пріостанавливалось непрерывное теченіе массовыхъ арестовъ, тогда начинало ощущаться дѣйствіе неотразимой логики событій, выдвигавшей впередъ революціонную партію. Положеніе ея улучшалось и крѣпло съ поразительной быстротой, и она опять начинала стремиться къ прежнему свему состоянію, впредь до новаго еще болѣе ужаснаго разгрома Можно смѣло сказать, что самые погромы эти убѣждають насъ въ непобѣдимой живучести революціонной партіи, убѣждаютъ насъ въ томъ, что будущее принадлежитъ ей.

Поэтому именно въ моменты разгромовъ болѣе чѣмъ когда либо непосредственной задачей каждаго честнаго гражданина, который считаетъ своей обязанностью содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, ниспроверженію абсолютизма, является усиленная работа для возобновленія революціонной борьбы, безъ сомнѣній и колебаній, съ твердою вѣрою въ грядущее торжество революціи, какъ бы ни казалась успѣшна правительственная травля въ данный моментъ. Члены партіи и общественные слои, близко къ нимъ стоящіе, выполнили съ честью свою обязанность, и ихъ усиліямъ обязаны мы тѣмъ, что существованіе революціонной партіи не прекратилось и что она снова выставляетъ свое знамя, призывая на борьбу съ правительствомъ своихъ разсѣявшихся союзниковъ, но состояніе общественныхъ слоевъ, находящихся вдали отъ непосредственнаго соприкосновенія съ партіей революціи, было и есть значительно иное Привыкнувъ измѣрять успѣхи революціоннаго дѣла по выдающимся событіямъ наружной политической борьбы и не видя этихъ событій, не зная внутренней стороны совершающихся явленій, не умѣя глубоко вникать въ смыслъ настоящаго историческаго момента, они вообразили, что какіе нибудь два, три погрома могутъ ослабить или даже совершенно остановить поступательный ходъ русской революціи! Въ ихъ душахъ, гдѣ маловѣріе сплетается съ отвращеніемъ къ будничной утомительной работѣ революціи, является еще третій гораздо болѣе опасный врагъ — расположеніе къ унынію. Оно смѣнило собою платоническую,

хотя и прекрасную надежду на торжество революціи, которая господствовала въ нихъ въ періодъ 1880 —,1882 г.

Впрочемъ, мы обязаны признать, что далеко не всѣ слои и круги интеллигенціи начали проникаться уныніемъ. Велико число тѣхъ, вѣра которыхъ увеличивалась съ каждымъ новымъ ударомъ врага и которые постоянно подавали посильную помощь революціонному дѣлу.

Плодомъ этого расположенія къ унынію явилось возникновеніе и распространеніе теорій, носящихъ на себѣ печать мистицизма и неприложимости къ дѣйствительной жизни. Являясь плодомъ унынія онѣ въ тоже время распространяютъ вокругъ себя уныніе; онѣ даютъ оправданіе бездѣльничанью лѣнивыхъ и лукавыхъ и вносятъ окончательную деморализацію въ души слабыхъ и маловѣрныхъ. Однако мы не станемъ опровергать по существу подобныхъ нелѣпыхъ и противоестественныхъ ученій, не желая повторять зады, давно уже ставшіе общимъ мѣстомъ въ жизни и наукѣ, а ограничимся только указаніемъ на тяжелую нравственную отвѣтственность, падающую на каждаго русскаго гражданина, который бы принялъ подобное ученіе.

Если лучшіе русскіе граждане оставятъ правительство безнаказанно расточать народное достояніе, проливать народную кровь и вести нашу родину на край пропасти, а сами займутся мелочнымъ раскапываніемъ своихъ душевныхъ ощущеній, метафизическимъ словопреніемъ по поводу неразрѣшимыхъ вопросовъ или безплоднымъ изверженіемъ слезливыхъ упрековъ „жестокому“ времени и „безчеловѣчнымъ“ людямъ, то пусть же знаютъ они, что когда разразится революціонная гроза и не застанетъ ихъ на ихъ посту, то несчастное отечество, нуждающееся въ минуту подобныхъ „родовъ будущаго“ въ помощи всѣхъ своихъ сыновъ, проклянетъ память отступниковъ, допустившихъ маловѣрію и усталости овладѣть своими душами и не устоявшихъ до конца въ борьбѣ упорной и кровавой, но имѣющей результатомъ спасеніе отечества и народа! И пусть не надѣются они на спокойствіе своей совѣсти!

Когда практическая жизнь будетъ на каждомъ шагу показывать имъ всю мертвенность ихъ ученій и роковымъ образомъ снова и снова толкать ихъ на борьбу съ правительствомъ (какъ всѣ дороги ведутъ въ Римъ, такъ у насъ всѣ пути честной жизни ведутъ къ этой борьбѣ), когда не-

смотря на свою бездѣятельность они падутъ подъ слѣпыми ударами правительства, которое въ своей предсмертной ярости поражаетъ даже друзей своихъ, а они во всякомъ случаѣ являются врагами его, тогда совѣсть ихъ скажетъ имъ, что они заблуждались, что они безплодно потратили свою жизнь и силу вмѣсто того, чтобы отдать ее на плодотворную борьбу, рядомъ со своими товарищами, оставшимися на бреши.

Но тогда будетъ поздно! Поздно для нихъ, а не для революціи.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Реакція. Народная политика. Сословная политика. Финансы и хозяйство. Настроеніе народа и общества.

I.

Дѣянія правительства на поприщѣ реакціи продолжаются въ томъ же неуклонно-стремительномъ направленіи, которое придано имъ со времени вступленія г. Толстого въ должность великаго визиря Россіи. Какъ и прежде они отличаются, во первыхъ, мучительной, всеобъемлющей мелочностью, стараніемъ охватить всѣ, даже самыя сокровенныя области человѣческой жизни, а во вторыхъ, какой то необычайной нелѣпостью, чуть не безграмотностью. Очевидно, что это все тѣ же Ѳедоты, которые внесли въ index librorum prohibitorum рядышкомъ Маркса, Смита, Дебе, Зола и Агассиса*). Но теперь мѣры правительства направляются уже не противъ революціонеровъ, а, главнымъ образомъ, противъ мирнаго русскаго общества, противъ печати, университетовъ, судовъ, противъ всего, что осмѣливается жить и думать хоть на одну іоту несогласно съ самоновѣйшимъ уставомъ «Како жить не утруждая начальства», изданнымъ современнымъ Угрюмъ-Бурчеевымъ.

Начнемъ свой обзоръ съ печати.

---

*) Кстати сказать изданіе этого index'а послужило во многихъ мѣстахъ поводомъ къ тому, что начальство отбирало у библіотекъ и уничтожало цѣлые тюки журналовъ.

Такъ какъ Топтыгинъ уже давнымъ давно слопалъ несчастнаго чижика, такъ какъ здѣсь уже истреблено все, что только можно было истребить, то теперешніе удары правительства падаютъ почти въ пустое пространство; варварская рука цензора упражняется на неповинныхъ жертвахъ единственно для того, чтобы не потерять навыка. Запрещенія по прежнему сыплются градомъ. Такъ, закрыта газета «Эхо», остановлена на 8 мѣсяцевъ армянская газета «Ардзаганкъ», закрыта «Жизнь», закрыта общественно-гигіеническая газета «Здоровье». «Газета Гатцука», безобиднѣйшая изъ безобидныхъ, получила три предостереженія, остановлена на одинъ мѣсяцъ и подчинена предварительной цензурѣ за ссору съ Катковымъ. «Современныя Извѣстія», чистокровно реакціонная газета, имѣли такую же самую судьбу, закрыта газета «Дроэба» и журналъ «Мшакъ». Цензура «Днѣпра» переведена въ Москву, почему онъ прекратился. «Наблюдатель» получилъ второе предостереженіе за „упорство во вредномъ направленіи“. Газета «Восточное Обозрѣніе» получила третье предостереженіе, пріостановлена на двѣ недѣли и подчинена предварительной цензурѣ. Запрещена розничная продажа газеты „Новости“. Закрыта балтійская газета „Nordische Rundschau“. Даже журналъ „Народная Школа“ лишился покровительства мин. нар. просв., и сдѣлано распоряженіе объ изъятіи его изъ школьныхъ библіотекъ, за то только, что онъ осмѣлился сообщать мужицкимъ ребятишкамъ нѣкоторыя общепризнанныя естественно-научныя истины. Та же судьба постигла и „Родное слово“ Ушинскаго. Даже злосчастныя изданія духовно-нравственнаго общества подвергаются запрещенію, срываются со стѣнъ увѣщевательные плакаты о трезвости, отбираются брошюрки, состоящія изъ смиренно-мудрыхъ изреченій. За то „Московскія Вѣдомости“ говорятъ еще болѣе властнымъ языкомъ, чѣмъ прежде. Катковъ открылъ походъ противъ всѣхъ законныхъ учрежденій, противъ всѣхъ „республикъ въ государствѣ“, при чемъ его непотребный языкъ нисколько не стѣсняется обдавать грязью «огорченный» Сенатъ и Государственный Совѣтъ. Онъ самымъ откровеннымъ образомъ честитъ Набокова, министра юстиціи, за то только, что Набоковъ осмѣливается находить, что суды не требуютъ той радикальной ломки, которую признаетъ необходимой самъ Михаилъ Никифоровичъ. А между тѣмъ и

Набоковъ могъ бы порадовать сердце довольно прихотливаго реакціонера. Чтобы недалеко ходить, вспомнимъ, что онъ во время своего объѣзда судовъ, столь непонравившагося М. Н., будучи въ Одессѣ и замѣтивъ въ протоколахъ уголовнаго отдѣленія до 50% оправдательныхъ приговоровъ, объявилъ, что это вина присяжныхъ, и что онъ надѣется впредь не прекращеніе такихъ попраній закона.

Финскій сеймъ осмѣлился подать просьбу о введеніи свободы печати. Разумѣется, императоръ не нашелъ возможнымъ удовлетворить ее, а отослалъ просьбу къ главному управленію по дѣламъ печати, которое, съ своей стороны, нашло необходимымъ сохранить предварительную цензуру и ввести нѣкоторыя новыя измѣненія въ финскихъ законахъ о печати. Оригинальный способъ удовлетворять просьбы! Впрочемъ, цензура вводится не только для книгъ, а и для картинъ, по поводу извѣстнаго трагикомическаго инцидента съ картиною „Иванъ Грозный, убивающій своего сына". Остается только примѣнить ее къ вяземскимъ коврижкамъ и заборнымъ надписямъ. Укажемъ еще на одно довольно любопытное явленіе въ области печати, показывающее, что наше правительство даже послѣ смерти Судейкина осталось на высотѣ его нравственнаго уровня. Мы разумѣемъ исторію „Свѣточа". Замѣчательно, что попытка завести псевдорадикальную газету, играющую роль агента-подстрекателя, повторяется другой разъ подъ однимъ и тѣмъ же названіемъ и съ именемъ одного и того же редактора. Что можетъ быть глупѣе этого? И какую роль можетъ играть подобная газета среди усѣяннаго мертвыми тѣлами поля русской печати? Или въ самомъ дѣлѣ правительство собиралось производить психолого-статистическія изслѣдованія надъ подписчиками „Свѣточа", подобно тому, какъ саратовскій помпадуръ намѣревается изслѣдовать направленіе всѣхъ подписчиковъ въ частныхъ библіотекахъ своей губерніи, съ какою цѣлью онъ и назначилъ цѣлую ревизію?

Отъ печати естественно перейти къ другому хранилищу человѣческой мысли — къ университетамъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ кіевскую студенческую исторію, которая закончилась событіемъ, выдающимся даже среди безконечнаго мартиролога русскихъ университетовъ за послѣдніе десять лѣтъ. — Университетъ былъ закрытъ, а студенты разосланы по разнымъ городамъ Россійской имперіи. Рядомъ съ ней мы

встрѣчаемъ студенческія волненія въ Москвѣ, въ Харьковѣ и т. д., свидѣтельствующія, что настроеніе русской молодежи не измѣнилось. Но главное мѣсто въ лѣтописи университетовъ за послѣдній годъ занимаетъ университетскій уставъ. Увеличеніе платы за слушаніе лекцій, которую непремѣнно требуется вносить впередъ, затрудненіе освобожденія отъ платы (профессорамъ, напримѣръ, строго воспрещается самовольно освобождать студентовъ отъ платы, а между тѣмъ, именно профессорамъ достается по новому уставу около $^{5}/_{6}$ ея), семестровые экзамены, обязательная форма, введенная также для технологовъ Харькова и Петербурга, карцеръ, ограниченіе количества студентовъ*), репетиціи, строго обязательное посѣщеніе лекцій, затрудненіе отпусковъ, доходящее до неприличія, вотъ блага, доставшіяся на долю студентовъ, но все таки самую, такъ сказать, начинку устава пришлось вкусить профессорамъ. Увы! Не спасло ихъ ни слѣпое подчиненіе правительственнымъ требованіямъ, ни дѣтоубійственная жестокость въ университетскихъ судахъ, ни лицемѣріе, ни сидѣніе между двухъ стульевъ — ничто.

Торжествующая свинья находитъ, что въ наукѣ, даже обрѣзанной и искаженной, лежитъ корень зла и вслѣдъ за книгами и учениками принялась за учителей. Самоуправленіе университетскихъ коллегій уничтожено, и надъ ними поставленъ грозный капралъ съ палкой въ рукахъ — попечитель. Съ этимъ совпадаетъ массовое удаленіе лучшихъ профессоровъ изъ стѣнъ университета. За то Цитовичъ назначенъ на каѳедру торговаго права въ Кіевскомъ университетѣ и уже читалъ вступительную лекцію. Не менѣе знаменитому Пихно досталась еще болѣе блестящая доля — онъ взятъ отъ пастырей и возсіялъ на лонѣ министерства финансовъ.

Даже право производить экзамены отнято у профессоровъ и передано государственнымъ коммиссіямъ. Они же могутъ переводить студентовъ съ курса на курсъ не какъ *судьи*, но какъ *руководители*, руководствуясь не *познані-*

---

*) Такъ число студентовъ на первомъ курсѣ медицинскаго факультета ограничено 150—250, вслѣдствіе чего въ нынѣшнемъ году не были приняты даже многіе окончившіе гимназію съ золотой медалью. Въ казанскій университетъ принято всего 240 человѣкъ по 15 августа 1885 г. Въ петербургскій принято 200 менѣе, чѣмъ въ прошломъ году.

ями студентовъ, а ихъ прилежаніемъ (отчего не поведеніемъ?). Кромѣ того, на нихъ возложена обязанность давать студентамъ совѣты въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго: не увлекайтесь незрѣлой любознательностью и не выходите изъ круга своихъ занятій.

Какъ особенно выдающіеся приведемъ еще слѣдующіе параграфы. При прошеніи должны быть представлены двѣ фотографическія карточки. Казенныя стипендіи выдаются только христіанамъ (а теперь, по сообщеніямъ газетъ, и всѣ вообще стипендіи). Эта статья направлена, очевидно, противъ евреевъ, которымъ доступъ къ высшему образованію, сколько возможно, заграждается. Такъ въ Харьковскій технологическій институтъ принимается, по высоч. пов., не болѣе 10% евреевъ и т. д. Удивительно ли, что при существованіи такого устава въ программахъ одесскаго и харьковскаго юридическаго факультета сказано, напримѣръ, что при изученіи государственнаго права должно въ основу всего полагать самодержавіе? Въ то же время усиленно налегаютъ на „внѣшнее благообразіе“. Въ Кіевскомъ университетѣ вывѣшено объявленіе отъ инспекціи, чтобы студенты не смѣли носить вышитыхъ и цвѣтныхъ рубашекъ. Въ Харьковѣ подобное же объявленіе повелѣваетъ новопоступившимъ являться за полученіемъ студенческаго билета при шпагѣ и въ перчаткахъ. Иначе и билета не выдадутъ. Въ тѣхъ же Харьковскомъ и Московскомъ университетахъ студенты обязуются имѣть этотъ билетъ при себѣ *постоянно* и предъявлять даже внѣ университета „по первому требованію полиціи“.

Съ учащимися другихъ учебныхъ заведеній правительство поступаетъ не лучше. Въ Харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ повышена плата за слушаніе лекцій, для того, чтобы „поменьше было соціалистовъ“, какъ прямо говоритъ начальство. Съ тою же самою цѣлью въ нынѣшнемъ году вовсе не было пріема на 1-ый курсъ, на томъ будто бы основаніи, что много студентовъ осталось на другой годъ, между тѣмъ какъ это совершенно невѣрно. Въ Ярославскій лицей снова затрудненъ доступъ несчастнымъ, всюду гонимымъ семинаристамъ. Этимъ послѣднимъ, какъ и гимназистамъ и вообще воспитанникамъ средне-учебныхъ заведеній, приходится особенно круто, ибо правительство усиленно старается задушить свободную мысль въ самомъ зародышѣ.

И чего только современный Иродъ не дѣлаетъ надъ младенцами! По первому подозрѣнію ихъ увольняютъ массами, наполняютъ ими тюрьмы, не разбирая возраста, затрудняютъ поступленіе прямо въ старшіе классы и переходъ изъ одной гимназіи въ другую «во избѣжаніе вредныхъ послѣдствій», превращаютъ право экстерната въ пустой звукъ, вводятъ особыя положенія объ ученическихъ квартирахъ, сильно напоминающія временныя военныя правила для жителей осажденныхъ городовъ. Въ иныхъ мѣстахъ семинаристамъ строго воспрещено выходить изъ дому позже пяти часовъ вечера. Для гимназистовъ заведены особыя квартирныя книги, куда они должны вписывать каждый свой уходъ, точно обозначая, куда именно и на сколько времени они отлучаются. Гимназисты же получаютъ приказъ составлять подробные списки своего имущества и представлять на разсмотрѣніе начальства; назначаются особые окружные инспектора для ревизіи ученическихъ квартиръ. По мановенію начальства гимназистъ долженъ оставлять даже родительскій домъ и переходить на казенную квартиру. Въ особенности же строго воспрещается воспитанникамъ среднихъ учебныхъ заведеній чтеніе какихъ бы то ни было „свѣтскихъ" книгъ безъ разрѣшенія начальства. Уже не одинъ случай видѣли мы, что томъ Добролюбова привелъ читателя въ штрафной батальонъ, какъ привелъ онъ туда Апенченко, Мамовича и Джибладзе. Подробности исторіи съ Джибладзе отличаются возмутительностью.

Джибладзе поссорился съ ректоромъ изъ-за причинъ, которыя мы не считаемъ нужнымъ объявлять во всеобщее свѣдѣніе. Ректоръ, поэтому, искалъ случая придраться къ нему и нашелъ. Джибладзе, больной ногами, лежалъ въ больницѣ и читалъ Добролюбова. Ректоръ потребовалъ у него книгу, и плодомъ ихъ спора по этому поводу было исключеніе Джибладзе изъ семинаріи за «вредное направленіе». Ему предложили немедленно удалиться изъ больницы, не смотря на заключеніе врача, что такое удаленіе можетъ грозить опасностью для его жизни. Когда Джибладзе черезъ нѣсколько времени нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ ректору, его на мѣстѣ дѣйствія варварски избили служители по приказанію самого же ректора. Потомъ его потащили въ полубезсознательномъ состояніи въ Метехъ (Тифлисскій острогъ), при чемъ по дорогѣ остался кровавый слѣдъ... Императоръ

осудилъ его на два года въ дисциплинарный батальонъ, при чемъ самое освобожденіе его оттуда поставлено въ зависимость отъ его исправленія. Немедленно послѣ этого больной Джибладзе былъ отправленъ по этапу на мѣсто назначенія. Приговоръ этотъ, вѣющій духомъ николаевскихъ временъ, является тѣмъ болѣе возмутительнымъ, что судъ за то же самое дѣяніе, при гораздо болѣе тяжелыхъ условіяхъ вины, приговариваетъ къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ заключенія (напр., дѣло экстерна Кипіани въ томъ же Тифлисѣ).

Съ цѣлью уменьшить заманчивость образованія въ глазахъ родителей, готовится ограниченіе или даже отмѣна образовательныхъ льготъ по воинской повинности. Впрочемъ на этомъ пути уже кое что сдѣлано. Продолженіе отсрочки по отбыванію воинской повинности теперь дается воинскими присутствіями только при ходатайствѣ черезъ учебное начальство, при чемъ требуется аттестація просителя въ учебномъ и нравственномъ отношеніи, данная этимъ начальствомъ. Какъ живется воспитанникамъ средне-учебныхъ заведеній, видно изъ огромнаго количества самоубійствъ гимназистовъ и реалистовъ, которое при томъ ежегодно увеличивается. Стрѣляются, вѣшаются, отравляются, топятся юноши и дѣти въ Воронежѣ, въ Кронштадтѣ, въ Курскѣ, въ Тифлисѣ, въ Екатеринодарѣ, въ Черниговѣ, въ Нарвѣ, въ Калугѣ, въ Варшавѣ, въ Рязани, въ Саратовѣ, въ Симферополѣ, въ Житомірѣ, въ Харьковѣ, въ Полтавѣ, изъ-за двойки, изъ-за дурного обращенія начальства, изъ-за угрозы увольненіемъ. Иногда такое самоубійство, собственно говоря, является убійствомъ, какъ напр., въ Самарѣ, гдѣ директоръ за запрещенное гулянье въ общественномъ саду пригрозилъ гимназисту VIII класса увольненіемъ; тотъ испугавшись отравился мышьякомъ, но былъ вылеченъ. Черезъ два дня директоръ повторилъ свою угрозу въ болѣе опредѣленной формѣ, и несчастный мученикъ отравился опять и на этотъ разъ окончательно. Курскій окружной судъ при разсмотрѣніи дѣла о самоотравленіи ученицы Курской гимназіи Протопоповой, возбудилъ уголовное преслѣдованіе противъ нѣкоторыхъ лицъ учебнаго вѣдомства, съ чѣмъ согласилась и Хар. Суд. Палата.

Такъ же непріязненно смотритъ правительство на народныя школы; оно, правда, стыдится закрыть ихъ совсѣмъ,

но за то усиленно старается замѣнять ихъ церковно-приходскими школами, въ которыхъ даже, въ лучшемъ случаѣ, не преподается ничего кромѣ церковной грамоты и пѣнія. Его покровительство церковно приходскимъ школамъ доходитъ до абсурда. Такъ, священникамъ дано право заводить школы безъ всякаго разрѣшенія и сажать туда учителей безъ образовательнаго ценза, т. е. отставныхъ солдатъ уволенныхъ семинаристовъ, проворовавшихся писарей и т. п. Въ то же самое время запрещено заводить правительственныя или земскія школы тамъ, гдѣ есть церконо-приходскія, безъ разрѣшенія архіерея, дабы не составить конкурренціи (!) приходскимъ школамъ.

Не лучшая судьба досталась на долю судебнымъ учрежденіямъ, той самой республикѣ, противъ которой ведетъ Катковъ свой яростный походъ. Сильно ограничена возможность правильнаго выбора присяжныхъ, измѣненъ составъ коммиссіи, избирающей ихъ, и для торжества охранительныхъ началъ, прибавлены въ нее полицеймейстеръ, исправникъ и товарищъ прокурора. Далѣе, отмѣнена несмѣняемость судей. Въ Сенатѣ образована смѣшанная коммиссія, которая, по предложенію министра юстиціи или прокурора, можетъ дѣлать судьямъ выговоры и замѣчанія, даже не выслушавъ напередъ ихъ объясненій, переводить ихъ съ мѣста на мѣсто или вовсе увольнять ихъ отъ службы. Причиною такого наказанія можетъ служить не только преступленіе или проступокъ, караемые закономъ, но и «всякое предосудительное дѣйствіе, не согласное съ достоинствомъ судьи», или вообще «поставленіе себя въ положеніе, отъ котораго можетъ пострадать безпристрастіе приговоровъ». Чего только нельзя подвести подъ эти умышленно-неопредѣленныя выраженія! Усилена власть предсѣдателя суда на счетъ власти членовъ суда. Далѣе слѣдуетъ законъ о переводѣ судебнаго дѣла изъ одного округа въ другой, если разбирательство дѣла въ данномъ мѣстѣ можетъ вызвать нарушеніе общественнаго порядка. Что именно имѣетъ въ виду сей законъ—опредѣлить трудно. Повидимому, разбирательства объ аграрныхъ столкновеніяхъ и вообще о «недоразумѣніяхъ».

Если такъ относится къ «независимымъ судамъ» законодательство и центральная администрація, то провинціальное начальство, всегда склонное преувеличивать реакціонную

тенденцію эпохи, доводитъ гоненіе на суды до абсурда. Въ Калугѣ, напр., произошло слѣдующее: На одномъ пожарѣ, во время уличной давки, излишняя распорядительность помощника пристава Дмитріевскаго привела къ скандалу, закончившемуся тѣмъ, что двое чиновниковъ нанесли ему оскорбленіе дѣйствіемъ. Губернаторъ немедленно распорядился о привлеченіи ихъ къ суду, но присяжные вынесли имъ оправдательный приговоръ. Тогда губернаторъ издалъ слѣдующій воистину замѣчательный циркуляръ къ полиціи, который, къ сожалѣнію, мы не можемъ воспроизвести цѣликомъ за недостаткомъ мѣста, а приводимъ въ выдержкахъ:

«...Со стороны защитника было допущено порицаніе дѣйствій помощника пристава... Фактъ этотъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе на чиновъ полиціи и друзей порядка, которые опасаются, чтобы подобный исходъ судебнаго дѣла не уменьшилъ энергіи полиціи по охраненію общественнаго порядка и спокойствія... Но приговоры присяжныхъ никоимъ образомъ и ни въ какомъ отношеніи не могутъ служить выраженіемъ судебнаго, такъ сказать, порицанія дѣйствій чиновъ полиціи. Что же касается защиты, то ея доводы и соображенія не могутъ имѣть для чиновъ полиціи ровно никакого значенія и цѣны... Дѣло это было разсмотрѣно лично мною, немедленно по учиненіи безпорядка чиновниками К. и К., дознаніе происходило подъ *моимъ* личнымъ наблюденіемъ, и виновные привлечены къ суду по *моему* указанію. Образъ же дѣйствій госп. Дмитріевскаго я не только нашелъ правильнымъ, но даже объявилъ ему благодарность... Посему, объявляя объ этомъ чинамъ полиціи и снова повторяя благодарность Дмитріевскому, напоминаю чинамъ полиціи, что приговоры присяжныхъ не могутъ и не должны стѣснять ихъ при исполненіи обязанностей службы, и что они вовсе не должны смущаться исходомъ, который приметъ ихъ дѣло на судѣ, памятуя, что оцѣнка ихъ дѣйствій принадлежитъ исключительно ихъ высшему начальству...» Вообще нахальство провинціальной администраціи превосходитъ теперь всѣ предѣлы возможнаго. Всякое оскорбленіе личности сходитъ ей безнаказанно съ рукъ, если только потерпѣвшіе не учинятъ съ ней ту же расправу, что калужскіе чиновники учинили надъ приставомъ. Жила, напр., въ Одессѣ швея Анна Алифанова, дѣвушка красивая и скромная. Она работала съ ранняго утра до

поздней ночи и вмѣстѣ съ тѣмъ находила возможность готовиться еще на акушерскіе курсы. Отзывы всѣхъ, знавшихъ Алифанову, представляютъ единогласно ее, какъ существо въ высшей степени симпатичное. Околодочный надзиратель Швейковскій сталъ приставать къ ней съ постыдными предложеніями, угрожая въ случаѣ отказа снабдить ее желтымъ билетомъ. Наконецъ, въ одно прекрасное утро онъ ворвался къ Алифановой въ комнату и, заставъ ее въ постели, нанесъ ей грубое оскорбленіе. На крикъ сбѣжались сосѣди и выпроводили предпріимчиваго надзирателя. Алифанова сначала думала жаловаться, но потомъ раздумала, взяла ножъ и отправилась на квартиру къ Швейковскому. Убить его она, конечно, не убила, а попала подъ судъ. Швейковскій стремился придать дѣлу политическую окраску и съ этой цѣлью произвелъ у Алифановой обыскъ, но ничего компрометирующаго найдено не было. — Севастопольскій полицеймейстеръ изъ непріязни къ поручику Мечу, ворвался къ нему ночью на квартиру, при чемъ поручикъ Мечъ, какъ водится, былъ избитъ. Послѣ этого онъ былъ преданъ суду по обвиненію въ оскорбленіи полицеймейстера, но былъ оправданъ. Въ Черниговской губерніи становой приставъ Солонина явился поздней ночью на ярмарку, якобы для провѣрки паспортовъ у торговцевъ. Кто давалъ ему взятку, того онъ оставлялъ въ покоѣ, остальныхъ связалъ (при чемъ они, разумѣется, были нещадно избиты) и отправилъ на становую квартиру, откуда они освободились только по внесеніи контрибуціи. За такіе доблестные поступки онъ былъ преданъ суду безъ участія присяжныхъ засѣдателей и приговоренъ къ кратковременному заключенію. Такое же самое дѣло было въ Одессѣ. Въ Архангельской губерніи снова преданъ суду цѣлый рядъ должностныхъ лицъ за противозаконныя притѣсненія обывателей. Это уже третій большой полицейскій процессъ въ этой мѣстности. Скандальныя дѣла кронштадтскаго полицеймейстера Головачева и керченскаго полицеймейстера Линдорфа еще у всѣхъ на памяти, и мы не будемъ раскапывать эту грязь. Точно такія же вымогательства со стороны полицейскихъ властей закончились скандальнымъ процессомъ въ Осинскомъ уѣздѣ Пермской губерніи.

Поэтому жизнь въ провинціи становится совершенно невозможною для честныхъ людей, ибо, если они хотятъ хоть

пальцемъ шевельнуть въ пользу народную, то немедленно же претерпѣваютъ многоразличныя гоненія отъ начальства. Такія гоненія претерпѣлъ новгородскій помѣщикъ Геневичъ. Мы не станемъ разсказывать подробностей его исторіи, ибо онѣ, вѣроятно, всѣмъ извѣстны. Укажемъ только на единодушную ненависть, съ которой относились къ Геневичу всѣ представители мѣстной власти, отъ губернатора и предсѣдателя суда до послѣдняго станового ярыжки. Прибавимъ, что не смотря на публичное ошельмованіе полиціи на судѣ, она и не думаетъ о прекращеніи своихъ гоненій на Геневича и снова затѣваетъ противъ него мучительскіе процессы по дѣлу о «вымышленномъ отчествѣ и старомъ указѣ герольдіи». А вотъ еще одна деревенская исторія, мелкая, но характерная. Въ селѣ Угрюмовѣ Новгородской губерніи былъ учитель Остроумовъ, крестьянинъ того же села. Нѣсколько лѣтъ назадъ у односельчанъ его возникъ споръ съ помѣщикомъ Игнатьевымъ изъ за 20 дес. земли, отнятой помѣщикомъ у крестьянъ. Учитель былъ мужицкимъ ходатаемъ и оттягалъ у помѣщика спорный участокъ. Вслѣдствіе этого между нимъ и помѣщикомъ возникли очень натянутыя отношенія. Въ виду этого, инспекторъ народныхъ училищъ послалъ Остроумову слѣдующій приказъ:

Учитель Остроумовъ не можетъ дольше оставаться въ Угрюмовѣ и долженъ быть переведенъ въ другое мѣсто въ видахъ предупрежденія (?) быть совсѣмъ удаленнымъ, по слѣдующему соображенію — онъ состоитъ въ враждебныхъ отношеніяхъ къ мѣстному землевладѣльцу Игнатьеву, а Игнатьевъ, основатель Угрюмовской школы, вслѣдствіе этого, поставленъ былъ въ необходимость отказаться отъ обязанности попечителя и лишить школу своей поддержки, что (?) подаетъ дурной примѣръ крестьянамъ. Въ настоящее время Остроумовъ совершенно изгнанъ.

Уничтожая всѣ зародыши свободнаго духа, отравляя атмосферу дома, въ Россіи, правительство, конечно, съ неудовольствіемъ смотритъ на притокъ свободнаго воздуха извнѣ, и вотъ начинается закупориваніе окна въ Европу. Хотя налогъ на заграничные паспорта еще не появился на свѣтъ, но введены другія обидныя и нелѣпыя ограниченія: подписи, засвидѣтельствованія, и вообще проволочка. Оржевскій издалъ секретный циркуляръ, предписывающій затруднять выдачу заграничныхъ паспортовъ. Даже харьковскій

губернаторъ пожимаетъ плечами и конфиденціально сообщаетъ просителямъ свое мнѣніе о нелѣпости этого циркуляра. Въ другихъ мѣстахъ находятъ нужнымъ, прежде выдачи паспорта, навести справки *заграницею*, не замѣшанъ ли проситель «въ чемъ нибудь эдакомъ, политическомъ»...

Безсмысліе реакціи такъ велико, что даже Сенатъ и Государственный Совѣтъ не всегда рѣшаются слѣдовать за нею. Извѣстно, что университетскій уставъ утвержденъ вопреки мнѣнію сенатскаго большинства. Приведемъ еще одинъ болѣе яркій примѣръ. Циркуляръ мин. внутр. дѣлъ предоставляетъ губернаторамъ войти въ соглашеніе съ лицами, коимъ ввѣрено руководство общественными собраніями, относительно недопущенія сужденій, кои по свойству своему выходятъ изъ предѣловъ вѣдомства общественныхъ учрежденій, точно опредѣленныхъ дѣйствующими законами и постановленіями, а также указать ту отвѣтственность, которой подвергаются они за нарушеніе этихъ постановленій. Между тѣмъ по поводу столкновенія херсонскаго губернатора съ земствомъ, Сенатъ рѣшилъ, что земства имѣютъ право возбуждать ходатайства по общимъ государственнымъ вопросамъ.

Всѣмъ безъ исключенія народностямъ Россіи даетъ себя чувствовать тяжелая рука реакціи, даже излюбленнымъ чадамъ правительства, остзейскимъ баронамъ. Правительство вплотную принялось за выдвореніе нѣмецкаго языка изъ прибалтійскаго края и за замѣну его русскимъ въ школѣ, судѣ и управленіи. Но гордые бароны Лифляндіи и толстобрюхіе горожане Риги и Ревеля дорожатъ своей самостоятельностью и рѣшительно сопротивляются поползновеніямъ правительства. Уже городскіе головы Риги и Ревеля лишились своихъ должностей и преданы суду, уже заходитъ рѣчь объ учрежденіи Псковскаго университета въ замѣну Дерптскому, а магистратъ остзейскихъ городовъ и правленіе Дерптскаго университета упорно отказываются принимать бумаги на навязываемомъ имъ языкѣ. Кто побѣдитъ въ неравномъ спорѣ, пока еще неизвѣстно, ибо русское правительство настолько трусливо и слабо, что даже подобное сопротивленіе въ состояніи его испугать. При дворѣ уже произошелъ расколъ. Образовалась нѣмецкая партія, которая ведетъ глухую войну на защиту остзейскихъ привиллегій. Впрочемъ, и сопротивленіе насильственной руссификаціи

не вездѣ выражается въ легальной формѣ. Въ Якобштадтѣ взорвана динамитомъ вновь построенная русская церковь служившая, такъ сказать, вещественнымъ символомъ усиленія православія въ странѣ*). Другимъ народностямъ приходится еще хуже. Такъ, изданъ рядъ новыхъ узаконеній, имѣющихъ цѣлью еще болѣе сократить польское землевладѣніе въ западномъ краѣ. Изъ нихъ особенно обращаетъ на себя вниманіе своей умышленной неопредѣленностью воспрещеніе лицамъ не русскаго происхожденія быть членами правленія и оцѣночной коммиссіи въ Кіевскомъ Земельномъ Банкѣ и его отдѣленіяхъ. По вопросу о происхожденіи, конечно, могутъ возникать неразрѣшимыя недоумѣнія. Правительство предвидѣло это и предоставило разрѣшать ихъ мѣстнымъ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ, при чемъ никакихъ жалобъ на произволъ не допускается. Закрытъ Польскій Банкъ и замѣненъ отдѣленіями Государственнаго Банка. Это закрытіе сопровождалось оставленіемъ за штатомъ всѣхъ служащихъ, вслѣдствіе чего, напр., бывшій кассиръ, оставшись безъ средствъ и съ семьей на рукахъ, пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Административная ссылка виленскаго епископа Гриневицкаго, викарія Герасимовича и энергическая расправа съ Виленскимъ католическимъ капитуломъ опять таки вѣютъ духомъ добраго стараго времени. Уніаты Холмской епархіи, насильственно возсоединенные съ православіемъ, опять подавали прошеніе о возвращеніи ихъ въ католичество; синодъ, разслѣдовавъ это дѣло, нашелъ, что прошеніе это есть плодъ наговоровъ и подстрекательствъ со стороны вредныхъ людей, и просители получили отказъ. Къ той же категоріи мѣропріятій относится закрытіе армянскихъ приходскихъ школъ.

Правительство, столь покровительствующее русскимъ церковно-приходскимъ школамъ и стремящееся изъять ихъ изъ подчиненія свѣтскому контролю общаго учебнаго вѣдомства, закрываетъ армянскія приходскія школы, именно потому, что армяне не желаютъ передать ихъ въ вѣдѣніе министер-

---

*) Во избѣжаніе недоразумѣній заявляемъ, что наши симпатіи такъ же мало принадлежатъ нѣмецкому эксплуататорскому меньшинству, совершенно поработившему коренное населеніе, какъ и русскому правительству. Правительство и остзейскіе бароны очень единодушно соединяются, когда имъ приходится бороться съ террористическими дѣйствіями выведеннаго изъ терпѣнія эстонскаго крестьянина.

ства народнаго просвѣщенія (которое сразу потребовало права надзирать за преподаваніемъ и увольнять учителей). Это поразительно нелѣпое дѣйствіе принесло свои плоды. Армяне пришли въ негодованіе, и вновь образовавшійся армянскій революціонный кружокъ заявилъ себя воззваніемъ именно по этому поводу. Ниже мы помѣщаемъ нѣкоторыя выдержки изъ этого воззванія.

Гоненіе на Финляндію и на все финское въ извѣстной части нашей печати относится къ тому же разряду явленій. Финны, однако, не унываютъ и не пугаются. Они доходятъ до того, что воздвигаютъ памятники въ память шведскихъ побѣдъ надъ Россіей. Газеты Финляндіи, не смотря на цензуру, называютъ Россію «чужой страной» и утверждаютъ даже, что, въ случаѣ войны Англіи съ Россіей, Финляндія должна держаться, по меньшей мѣрѣ, въ положеніи строгаго нейтралитета. Финскій сенатъ отказался утвердить новоизданное узаконеніе о льготномъ проѣздѣ офицеровъ по желѣзнымъ дорогамъ и самымъ дерзкимъ тономъ объявляетъ, что финскіе офицеры, слава Богу, достаточно обезпечены и не нуждаются въ подобныхъ льготахъ, но что для русскихъ офицеровъ Финляндія, пожалуй, сдѣлаетъ скидку 20% со стоимости билета, съ тѣмъ однако, чтобы ей возмѣстили общую сумму могущихъ произойти отъ этого убытковъ. Во время пребыванія Александра III въ Финляндіи, финскія дамы поднесли ему *золотую ширмочку*.

II.

Но, быть можетъ, правительство возмѣщаетъ свое гоненіе на общество и на интеллигенцію усиленными попеченіями о народѣ. Посмотримъ же, что сдѣлало оно для народнаго благосостоянія за минувшій годъ. Не будемъ увлекаться блестящими обѣщаніями, ибо въ области народной политики обѣщанія правительства никогда не получаютъ осуществленія. Еще недавно императоръ въ рескриптѣ по поводу отмѣны подушной подати надавалъ много блестящихъ обѣщаній, хотя и въ умышленно-смутной формѣ. И пересмотръ счета населенія по ревизскимъ душамъ, и измѣненіе паспортной системы, и мало ли еще что. Но мы лучше займемся разсмотрѣніемъ того, что правительство *уже* успѣло совершить для народа, напр., хотя бы по питейному во-

просу. Много громкихъ словъ было сказано о прекращеніи народнаго пьянства, много перьевъ испорчено газетчиками, много томовъ исписано коммиссіями, и теперь Россія пожинаетъ плоды: акцизъ, два года назадъ повышенный на копейку, теперь повышенъ снова въ такомъ же самомъ размѣрѣ и достигаетъ 9 к. съ 1% спирта.

Впрочемъ, на эту мѣру правительство рѣшилось съ сокрушеніемъ сердечнымъ. Что жъ дѣлать? Дефицитъ не свой братъ, хоть кого въ бараній рогъ свернетъ. За то новыя питейныя правила являются свободно вылившимся произведеніемъ правительственной мудрости. Въ этихъ правилахъ прежде всего поражаетъ ихъ спутанность и неясность. Она такъ велика, что даже опытному человѣку не всегда легко понять, что силится выразить та или другая статья. Хроникеръ одного почтеннаго журнала до того запутался въ дебряхъ новоиспеченныхъ правилъ, что вообразилъ, будто бы они воспрещаютъ распивочную продажу, между тѣмъ какъ они дозволяютъ ее въ очень многоразличныхъ видахъ.

Признаемся, что какъ мы ни привыкли къ глупости русскаго правительства и его приспѣшниковъ, столь великая доза ея удивляетъ и насъ. Неужели паденіе и деморализація бюрократіи дошли до того, что нѣтъ въ рядахъ ея ни одного человѣка, способнаго передать въ болѣе или менѣе удобопонятной формѣ нѣсколько плоскодонныхъ проблесковъ тупоумной мысли? Оставляя этотъ вопросъ открытымъ, постараемся, однако, какъ сумѣемъ, изложить сущность новыхъ правилъ.

Раньше сельскія общества имѣли право не разрѣшать заведенія кабаковъ въ предѣлахъ своего селенія, а если и давали это разрѣшеніе, то на опредѣленный срокъ и опредѣленному лицу, при чемъ общество постоянно получало отъ кабатчика болѣе или менѣе значительную сумму денегъ. Конечно, при этомъ происходило много злоупотребленій, но во всякомъ случаѣ обычай этотъ представлялъ оплотъ противъ наглости и разнузданности кабатчика, и слѣдовало бы ожидать, что правительство, столько толковавшее о мѣрахъ къ прекращенію пьянства, усилитъ, а не ослабитъ его. А между тѣмъ, новыя правила отнимаютъ у сельскихъ обществъ всякое вліяніе въ этомъ дѣлѣ и вообще всѣ дѣла о разрѣшеніи и запрещеніи питейной торговли переносятъ въ губернское и уѣздное присутствія по питейнымъ дѣламъ,

которыя получають ничѣмъ неограниченное право «вязать и рѣшать»... Самыя статьи закона, говорящія объ этомъ, редактированы такъ неумѣло, въ такихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что, кажется, будто бы законодатели умышленно старались предоставить произволу питейныхъ присутствій какъ можно больше простора. Для сельскихъ обществъ послѣ цѣлаго ряда угрозъ и запрещеній получать у кабатчика деньги, составлена слѣдующая статья: Если общества не хотятъ имѣть у себя продажу вина вообще или только раздробительную, или только распивочную, то они могутъ ходатайствовать передъ присутствіемъ (канцелярскимъ порядкомъ), но присутствіе можетъ отказать въ удовлетвореніи ходатайства, если заявившія его селенія имѣютъ болѣе 500 душъ, или если по имѣющимся у присутствія свѣдѣніямъ ходатайство ихъ не вызвано стремленіемъ къ противодѣйствію пьянству (?!). Итакъ, заведеніе кабаковъ въ селахъ и деревняхъ теперь ничѣмъ не ограничено, ибо оно зависитъ отъ разрѣшенія питейныхъ присутствій, которыя, разумѣется, будутъ стараться объ увеличеніи числа кабаковъ и государственнаго дохода отъ народнаго пьянства.

Правительство отечески позаботилось въ новыхъ правилахъ объ огражденіи интересовъ кабатчика, и владѣльцу усадьбы, сдавшему разъ кабатчику свое помѣщеніе, выжить его будетъ гораздо труднѣе, чѣмъ обыкновеннаго жильца.

Привлекаютъ вниманіе еще слѣдующіе пункты питейныхъ правилъ: Въ огражденіе нѣжныхъ нервовъ императорской фамиліи отъ грубыхъ оскорбленій, которыя могутъ быть нанесены имъ лицезрѣніемъ пьяныхъ, шумомъ пьяной драки, крѣпкою бранью и т. п., воспрещено заводить кабаки ближе двухъ верстъ отъ резиденцій всѣхъ членовъ императорской фамиліи. Впрочемъ, августѣйшій собственникъ можетъ разрѣшить заведеніе кабака, если встрѣтитъ въ томъ надобность (?). Право, мы бы посовѣтовали нашимъ велемудрымъ законодателямъ расширить нѣсколько содержаніе этой статьи и дать позволеніе августѣйшимъ собственникамъ заводить у себя танцклассы, кафе-шантаны, веселые дома и т. п., если встрѣтится въ этомъ надобность, тѣмъ болѣе, что такое позволеніе явится только подтвержденіемъ явленій, уже давно существующихъ въ дѣйствительной жизни.

Замѣчательно, что въ виду недоумѣнія, возбужденнаго новыми питейными правилами, правительство издало цирку-

ляръ, гдѣ доказывается, что эти правила имѣютъ въ виду обузданіе пьянства даже цѣною уменьшенія государственныхъ доходовъ, и что кабаки съ новаго года будутъ уничтожены и замѣнены корчмами и шинками. Слѣдовательно, наши правители не вполнѣ утратили еще представленіе о стыдѣ, если нисходятъ до подобныхъ полуоправданій. Это недурно!

Вторымъ краеугольнымъ камнемъ «народной политики» является регулированіе переселеній. Называя вредными и возмутительными народныя мечты о черномъ передѣлѣ, о нарѣзкахъ и прирѣзкахъ, правительство не разъ изъявляло готовность придти на помощь народной нуждѣ въ землѣ при посредствѣ организаціи переселеній. И если регулированіе пьянства при существующихъ экономическихъ условіяхъ является невѣжественной фантазіей, то о переселеніяхъ этого далеко нельзя сказать. Народъ, наскучивъ ожиданіемъ царскихъ передѣловъ, принялся самъ за исканіе выхода, выбирая первое подвернувшееся подъ руку средство. Аграрный терроръ и бунтъ есть оружіе рѣшительныхъ, бѣгство, куда глаза глядятъ, есть удѣлъ слабыхъ. Отовсюду, изъ Великороссіи, изъ Малороссіи, изъ Остзейскаго края уходятъ массы переселенцевъ. Изъ Финляндіи и Царства Польскаго усиливается даже эмиграція въ Америку. Черезъ Ростовъ, черезъ Екатеринбургъ, черезъ Саратовъ, черезъ Самару проходятъ огромныя партіи. Тысячи крестьянъ съ женами и дѣтьми, безъ пищи и одежды, идутъ, сами не зная куда, питаясь по дорогѣ Христовымъ именемъ, застревая въ большихъ городахъ и пополняя и безъ того многочисленные ряды босяковъ.

Въ Полтавской губерніи мужики распродаютъ все свое имущество, уплачиваютъ подати и отправляются на желѣзно-дорожный вокзалъ въ ожиданіи чиновника съ краснымъ околышемъ, который долженъ отвезти ихъ въ Сибирь на вольныя земли... и попадаютъ, конечно, въ полицію. Изъ Курской губерніи уходятъ на какія то вольныя земли на Кавказѣ (надо «записаться», потомъ все распродать и ѣхать на Черноморье. Тамъ стоитъ корабль, который принимаетъ мужиковъ даромъ «по указу». Оттуда везутъ ихъ на Кавказъ, гдѣ, по указу великаго князя Михаила, даютъ 15 десятинъ земли, 50 рублей, лошадь, корову и шестилѣтнюю

льготу отъ податей). Изъ Воронежской губерніи уходятъ на «бѣлыя воды».

Какъ же относится правительство не на словахъ, а на дѣлѣ къ этой насущной потребности, выдвинутой самою жизнью? А вотъ какъ.

22 апрѣля и 7 мая 1882 года былъ подтвержденъ циркуляръ 1868 года о недопущеніи переселеній безъ предварительнаго спеціальнаго разрѣшенія. На основаніи этихъ подтвержденій, воронежскій губернаторъ препятствуетъ переселеніямъ. Курская администрація старается затруднять переселенія невыдачею паспортовъ. Эстляндскій губернаторъ даетъ повелѣніе не выпускать поселенцевъ безъ особаго разрѣшенія. Главноначальствующій гражданской частью на Кавказѣ въ виду наплыва переселенцевъ вошелъ въ соглашеніе съ губернаторами о томъ, чтобы не допускать переселеній на Кавказъ изъ внутреннихъ губерній, безъ предварительнаго соглашенія съ нимъ черезъ министерство внутреннихъ дѣлъ. Генералъ-губернаторъ Царства Польскаго въ видахъ затрудненія переселеній запретилъ выдачу паспортовъ въ дальнія губерніи всѣмъ нуждающимся крестьянамъ. Наконецъ, коммиссія по переселенческому вопросу полагаетъ нужнымъ воспретить переселеніе всѣмъ беззсмельнымъ крестьянамъ, ибо они отвыкли отъ земледѣлія.(!)

На мѣстахъ переселенія съ крестьянами обходятся не лучше. Такъ, напр., въ Акмолинской области собралось нѣсколько партій переселенцевъ. Еще шесть лѣтъ тому назадъ они выбрали себѣ четыре урочища и просили отвести имъ эту землю. До послѣдняго времени всѣ ихъ хлопоты оставались безуспѣшны, просьба попала подъ сукно и откладывалась съ году на годъ. Переселенцы проѣли все, что привезли съ собою и обнищали въ конецъ; многіе перемерли. Наконецъ, въ прошломъ году имъ отдали одно урочище съ обѣщаніемъ размежевать его, хотя это обѣщаніе еще не исполнено. На этомъ урочищѣ помѣстилась только часть переселенцевъ, остальные пошли въ Омскъ просить себѣ земли на оставшихся трехъ урочищахъ, но получили отказъ. Между тѣмъ, изъ города явились чиновники для пересмотра переселенцевъ. Они стали осматривать землянки и избушки, построенныя ими кое какъ, и ту избу, гдѣ не находили печи, приказывали ломать, а хозяина приглашали удалиться куда угодно. Такимъ образомъ было слома-

но до тридцати избъ. На рѣчи мужиковъ, что имъ дѣваться некуда, чиновники отвѣчали угрозами отправленія по этапу на родину. Между переселенцами въ настоящее время господствуетъ броженіе, и поэтому у нихъ отбираютъ „добровольную“ подписку о нежеланіи селиться на этой землѣ; кто не соглашается, тому грозятъ этапной высылкой и тюрьмой. Однако, большинство упорствуетъ.

А если переселенцы, потерявъ терпѣніе, поселяются безъ разрѣшенія на свободныхъ земляхъ, то ихъ разоряютъ и расточаютъ, какъ расточили село Дурноселовку Кубанской области. Компанія купцовъ промышленниковъ сняла въ началѣ 70 годовъ у кубанскаго войска участокъ земли въ 18.000 дес. по 20 коп. за десятину и по 80 коп. въ другой срокъ, для разведенія конскихъ табуновъ. Въ условіи было сказано, что компанія имѣетъ право сѣять столько хлѣба, сколько нужно для прокормленія ея рабочихъ (приблизительно около 1% всей земли). Пользуясь этой лазейкой, компанія стала негласно призывать переселенцевъ на свои земли. Такъ какъ этотъ участокъ, какъ и вся кубанская земля, отличается плодородіемъ, то число переселенцевъ быстро росло, и скоро образовалось село въ нѣсколько сотъ дворовъ. Переселенцы платили компаніи $1^1/_2$—2 рубля за десятину, обстроились, какъ слѣдуетъ, и благоденствовали. Въ концѣ 70-хъ годовъ былъ сдѣланъ объ этомъ доносъ хозяйственному комитету Кубанской области, но тамъ засѣдали арендаторы. Молчаніе же начальника области Кармалина и другихъ чиновниковъ было куплено огромными взятками. Но вотъ въ 80 году на мѣсто Кармалина былъ назначенъ суровый Леоновъ. Селеніе такъ разрослось, что даже арендаторы испугались, перестали приглашать новыхъ переселенцевъ, не брали у нихъ денегъ. Но переселенцы прибывали отовсюду, какъ мухи на медъ. Тогда испугавшіеся не на шутку промышленники подали жалобу, что какіе то невѣдомые люди заняли ихъ земли и мѣшаютъ ихъ коннозаводству. Былъ посланъ чиновникъ для разслѣдованія и, взявъ огромную взятку съ дурноселовцевъ, уѣхалъ; послѣдовала резолюція: впредь до разбора дѣла оставить переселенцевъ на мѣстѣ, но новыхъ не допускать. Начали наѣзжать казацкія команды для наблюденія за исполненіемъ резолюціи, но число переселенцевъ неудержимо росло, ибо дурноселовцы сами призывали ихъ и ставили

нмъ хаты громадой въ одну ночь, невидимо для казаковъ, въ надеждѣ, что коли ихъ будетъ побольше, то „може и помилуютъ“. Въ 1884 году насчитывалось до 900 дворовъ (во многихъ дворахъ по двѣ, по три хаты), да кромѣ того пришли еще 300 кибитокъ кочевыхъ калмыковъ, которые прослышали, что здѣсь за землю ничего не платятъ.

Арендаторы стали хлопотать о выдвореніи переселенцевъ, тѣ въ свою очередь посылали депутаціи въ Екатеринодаръ и въ Питеръ. Наконецъ, вышло рѣшеніе — выдворить дурноселовцевъ и землю возвратить арендаторамъ. Дурноселовцы не согласились покориться, и началось „недоразумѣніе“.

Явились казацкія банды опять и стали постоемъ въ селѣ, рѣзали скотъ, травили хлѣбъ, ломали изгороди. Наконецъ, было приступлено ко всеобщей ломкѣ избъ. Придутъ къ какому нибудь мужику — подписывай бумагу, что согласенъ выселиться! Тотъ не соглашается. — Всыпать ему. Мужика раскладываютъ и сѣкутъ. Подписывай бумагу! — Опять отказъ, и опять экзекуція. Утомившись сѣчь мужика, палачи принимались за избу и сравнивали ее съ землей. Послѣ такихъ подвиговъ вся Дурноселовка превратилась наконецъ въ развалины. Но поселенцы не хотѣли удаляться съ своего пепелища и вырыли себѣ ямы середь поля, въ которыхъ и поселились. Тогда начальство принялось извлекать «зачинщиковъ» и посылать ихъ въ Екатеринодарскій острогъ. Мѣра эта подѣйствовала, и дурноселовцы стали наконецъ разбредаться. Куда? Богъ вѣсть. Только 90 семей, во вниманіе къ ихъ долгому пребыванію на этомъ мѣстѣ (и туго набитой мошнѣ), причислены къ казачеству...

Послѣ долгихъ колебаній и проволочекъ, правительство наконецъ отмѣнило подушную подать, превратившуюся почти всецѣло въ ежегодную недоимку. За то собираніе другихъ податей идетъ болѣе, чѣмъ энергично. Назначены особые податные инспекторы, которые, впрочемъ, обязаны смотрѣть только за общимъ поступленіемъ податей въ казну, но отнюдь не должны вмѣшиваться въ прямое и непосредственное взиманіе податей полиціей.

О томъ, каково это взиманіе, видно изъ постановленія трубчевскаго земства ходатайствовать передъ правительствомъ объ измѣненіи заведеннаго трубчевскою полиціей способа взысканія податей и недоимокъ. Въ Рязанской гу-

берніи усиленное выбиваніе податей изъ обнищалыхъ мужиковъ также вызвало земское ходатайство. Въ Мценскомъ уѣздѣ недоимщиковъ забиваютъ въ тѣсную „холодную“ по 20 человѣкъ, такъ что отъ недостатка воздуха съ заключенными дѣлается удушье. Они проводятъ иногда два дня и двѣ ночи стоя безъ сна, (ибо сѣсть или лечь отъ тѣсноты нельзя). Въ Сибири полиція столь энергично взыскивала подати, что въ Минусинскомъ округѣ произошли волненія, которыя пришлось усмирять вооруженной силой.

Не только недоимщикамъ, но и сельскимъ властямъ приходится такъ солоно при взысканіи податей, что мужики иногда предпочитаютъ самоубійство должности сборщика. Такъ сдѣлалъ крестьянинъ Гавриловъ Ядринскаго уѣзда. Иначе ему пришлось бы, пожалуй, поступать, подобно старостѣ села Рудни Черниговской губерніи, который запираетъ недоимщиковъ, даже 80 лѣтнихъ стариковъ, въ переполненное навозомъ подполье, служащее зимнимъ хлѣвомъ для мелкаго скота.

Такой же характеръ носятъ попеченія правительства о фабричныхъ рабочихъ. Петербургскіе фабриканты ходатайствовали о запрещеніи ночного труда съ цѣлью уменьшить производство, давно уже застигнутое кризисомъ. Московскіе фабриканты присоединились къ этому ходатайству, но не желая навсегда отказаться отъ ночного труда, они просили ввести запрещеніе его въ видѣ временной мѣры; вотъ почему законъ о запрещеніи ночного труда изданъ въ видѣ опыта на три года. Однако, московскіе фабриканты и тутъ заартачились и потребовали отсрочки примѣненія новаго закона. Эта отсрочка была имъ дана до Пасхи 1886 г. Таково начало русскихъ фабричныхъ законовъ.

III

Съ такимъ пренебреженіемъ относится русское правительство только къ народу, но за то тѣмъ съ большимъ рвеніемъ оно старается устроить себѣ новую опору въ дворянствѣ. Александръ III, или лучше сказать графъ Толстой, давно обратили свои взоры на этотъ столпъ русскаго трона, и дворянская эра началась уже въ 1883 году, но теперь она достигла своей кульминаціонной точки.

Манифестъ дворянству 21 апрѣля 1885 г. представляетъ

nec plus ultra дворянской политики и вмѣстѣ съ тѣмъ является самымъ безстыднымъ выраженіемъ реакціоннаго направленія, въ корнѣ отрицающимъ элементарныя требованія человѣческаго духа, нагло подкапывающимся подъ тѣ, правда, незначительныя, но тѣмъ не менѣе дорогія русскому сердцу пріобрѣтенія, которыя сдѣлало наше отечество въ эпоху 1854 — 1865 годовъ.

Понятно, что при такомъ благосклонномъ отношеніи правительства, дворянство возмечтало очень много и заявило такія требованія, дикость которыхъ поражаетъ даже у насъ. Если подвести итогъ всему тому, что говорилось въ извѣстныхъ газетахъ, всему тому, что писалось въ дворянскихъ адресахъ и заявлялось на дворянскихъ собраніяхъ, то получается нѣчто грандіозное въ своей нелѣпости.

Прежде всего, всѣ просители заявляютъ, что дворянство близко къ паденію, что само по себѣ оно не въ силахъ выдерживать общественную борьбу, и потому требуютъ правительственной помощи. Въ то же время они обѣщаютъ правительству свою поддержку!

Имъ нужны слѣдующія мѣры. Предоставленіе дворянамъ господствующаго положенія въ земствѣ; предоставленіе дворянамъ исключительнаго права занимать высшія должности; освобожденіе дворянъ отъ обязательной воинской повинности; избавленіе дворянъ отъ суда присяжныхъ съ замѣною его короннымъ при участіи дворянскихъ представителей; устройство для дворянъ дешеваго, даже дарового кредита; запрещеніе перехода дворянскихъ земель въ руки другихъ сословій; принятіе въ кадетскіе корпуса только дворянскихъ дѣтей; учрежденіе при гимназіяхъ особыхъ дворянскихъ пансіоновъ; пересмотръ законовъ о личномъ наймѣ рабочихъ, со введеніемъ уголовной отвѣтственности за неисполненіе рабочими условій найма; устройство особыхъ дворянскихъ „судовъ чести“, имѣющихъ право вычеркивать подсудимаго изъ родословной книги за поступки, недостойные благороднаго званія; закрытіе лицамъ другихъ сословій доступа въ ряды дворянства съ тѣмъ, чтобы дворянству дано было право ходатайствовать передъ правительствомъ о причисленіи къ дворянству того или другаго лица за особыя заслуги, оказанныя имъ дворянскому сословію. — Какъ своеобразно могутъ понимать дворяне такія заслуги, видно изъ того, что роменскіе дворяне вы-

дали одобрительное свидѣтельство своему сочлену, крупному землевладѣльцу, который по именному повелѣнію императора, послѣ особой ревизіи, былъ высланъ изъ уѣзда за ростовщичество и безчеловѣчное обдираніе крестьянъ. Въ свидѣтельствѣ также перечислялись заслуги ростовщика передъ дворянскимъ обществомъ.

Правительство давало дворянамъ, что могло; оно, напр., почти изгнало разночинца изъ разныхъ канцелярій и присутствій, и замѣнило его дворяниномъ, о чемъ выходили особые секретные циркуляры. Но этого было очень мало... За то радужныя надежды были связаны съ дворянскимъ поземельнымъ банкомъ. Многіе прямо ожидали, что всякому дворянину, хотя бы неимущему, будетъ выдаваться ссуда подъ росписку „на честь".

Первою мѣрою правительства для поддержанія дворянскаго землевладѣнія былъ законъ о соло-векселяхъ, изданный довольно давно, такъ что на основаніи его дворяне уже успѣли позаимствовать изъ государственной казны болѣе двухъ милліоновъ.

Собственно поземельный банкъ предполагалось сначала сдѣлать всесословнымъ, т. е. присоединить къ дворянскому банку пресловутый крестьянскій банкъ, и законопроектъ объ этомъ уже успѣлъ послѣ долгихъ мытарствъ пролѣзть въ Государственный Совѣтъ, но во вниманіе къ настойчивымъ требованіямъ дворянства Александръ III пообѣщалъ имъ въ манифестѣ 21 апрѣля устройство особаго дворянскаго банка. Вышедшій вскорѣ послѣ этого уставъ дворянскаго банка не удовлетворилъ, однако, расходившихся аппетитовъ дворянства, хотя во многихъ отношеніяхъ онъ представляетъ верхъ сословнаго совершенства. Такъ, въ мѣстныя отдѣленія банка, производящія оцѣнку имѣній, на два члена отъ правительства назначаются два выборныхъ отъ дворянства (дворяне желали, чтобы оцѣнка была поручена имъ вполнѣ «на вѣру»). Изъ этихъ выборныхъ членовъ министерство назначаетъ четырехъ въ общее правленіе банка (4 дворянскихъ выборныхъ на 7 чиновниковъ министерства) — оригинальный, чисто русскій способъ примѣненія выборнаго начала. Процентъ по ссудѣ назначенъ сколь возможно низкій, ниже платимаго въ крестьянскомъ банкѣ. Запрещенъ переходъ имѣній, заложенныхъ въ банкѣ, къ лицамъ недворянскаго происхожденія, и назначенъ пятилѣтній срокъ для

продажи, въ случаѣ такого перехода. Устранена отъ участія въ банкѣ дворянская мелкота, нелюбезная «настоящему дворянству», установленіемъ минимума въ 1000 р. и т. д. Устранены отъ участія въ немъ также поляки и личные дворяне вообще. Но все таки это не даровой кредитъ, котораго требовало дворянство. Понятно поэтому, что „Московскія Вѣдомости“ каждый разъ, когда говорятъ о дворянскомъ банкѣ, принимаютъ огорченный видъ и начинаютъ грустно вспоминать объ обманутыхъ ожиданіяхъ.

Если „дворянскія именины“ праздновались съ такимъ трескомъ, то крестьянскія вовсе не будутъ праздноваться. По поводу приближающагося 25-лѣтняго юбилея крестьянской реформы запрещено праздновать 25-лѣтіе историческихъ событій и законодательныхъ актовъ. Замѣчательна мотивировка подобнаго безпримѣрнаго правительственнаго акта. Такъ какъ неоднократно обнаруживается стремленіе праздновать юбилеи историческихъ событій и законодательныхъ актовъ.... посему повелѣваемъ..... никоимъ образомъ не праздновать.... Коротко и ясно!

Правительство не оставляетъ своимъ попеченіемъ и буржуазію. Ошибочно было бы думать, что съ наступленіемъ дворянской эры прекратилась буржуазная. Попрежнему выдаются субсидіи, строются гарантированныя правительствомъ желѣзныя дороги, по первому требованію фабрикантовъ вводятся чудовищные тарифы и т. д. Изъ мѣръ, принятыхъ за послѣдній годъ въ этомъ направленіи, укажемъ на льготы, данныя сахарозаводчикамъ, тѣмъ болѣе безстыдныя, что эти enfants terribles русской промышленности превосходятъ другихъ и своей жадностью и своими барышами, укажемъ на рядъ новоустановленныхъ или увеличенныхъ пошлинъ на самые разнообразные предметы ввоза, какъ изъ за границы, такъ и изъ Финляндіи; хотя многія изъ этихъ пошлинъ имѣютъ чисто фискальную цѣль, но большая часть введена именно въ видахъ покровительства отечественной промышленности.

IV

Итакъ правительство, стараясь создать себѣ сословныя опоры, дѣлаетъ огромныя затраты, а между тѣмъ финансы, какъ и все хозяйство страны, находятся въ очень разстро-

енномъ состояніи, уже начинающемъ явно выказывать признаки приближающагося банкротства.

Если въ предыдущіе довольно урожайные годы нужда и безхлѣбица такъ сильно давали себя чувствовать народу, то при нынѣшнемъ неурожаѣ бѣдствія крестьянства достигли, конечно, гораздо болѣе высокой степени.

Отовсюду, отъ Самары до Новгорода и отъ Вятки до Херсона, приходятъ вѣсти о нуждѣ, даже о голодѣ. Въ Казанской губерніи, напр., одинъ крестьянинъ сначала продалъ корову для уплаты податей, потомъ, не имѣя ровно никакихъ средствъ къ существованію, зарѣзалъ своихъ трехъ дѣтей и покончилъ съ собой. Такая же самая драма разыгралась въ Винницкомъ уѣздѣ.

Но нигдѣ голодъ не достигаетъ такихъ ужасающихъ размѣровъ, какъ между несчастными инородцами Сибири. Въ Нижнеколымскѣ, напр., голодъ въ полномъ разгарѣ, хлѣбъ стоитъ 14 рублей за пудъ, люди мрутъ съ голоду и трупы валяются, неприбранные по цѣлымъ мѣсяцамъ. Въ Туруханскомъ уѣздѣ тунгусъ, мучимый голодомъ, убилъ и съѣлъ свою сестру. Для того, чтобы еще ярче охарактеризовать положеніе и настроеніе инородцевъ, приведемъ слѣдующій примѣръ. Толпа тунгусовъ ворвалась въ тотъ же Туруханскъ съ цѣлью овладѣть пороховымъ складомъ. Произошла битва между ними и солдатами, и тунгусы потерпѣли пораженіе, потерявъ 120 убитыми. Солдаты потеряли нѣсколько человѣкъ.

Въ различныхъ губерніяхъ Европейской Россіи не хватаетъ хлѣба не только для прокормленія, но и для посѣва у большей части крестьянъ. Въ такомъ положеніи находятся, напр. губерніи Вятская и Костромская; земства принуждены ходатайствовать передъ правительствомъ о выдачѣ ссуды на продовольствіе и посѣвъ. Предупреждая отовсюду возникающія ходатайства о продовольственныхъ ссудахъ, правительство постановило, что ссуды будутъ выдаваться только за земскимъ поручительствомъ въ уплатѣ.

Вывозъ хлѣба и другаго сырья значительно уменьшился за послѣдніе годы вообще и за нынѣшній 1885 годъ въ частности, что констатировано въ правительственномъ отчетѣ, а между тѣмъ цѣны на хлѣбъ, устанавливаемыя конкурренціей заграничныхъ производителей, не обнаруживаютъ стремленія къ повышенію (цѣны поднялись немного

лѣтомъ, но теперь опять упали). Сообразно уменьшенію вывоза, уменьшился и ввозъ, что также засвидѣльствовано оффиціально. Само собою разумѣется, что курсъ русскаго рубля долженъ былъ упасть очень низко и спускается ниже и ниже, несмотря на то, что пререканія на афганской границѣ пришли къ концу. Кредитный рубль, стоившій въ 1880 — 1885 году около 63 металлическихъ копеекъ, теперь стоитъ 59 — 60 копеекъ и обнаруживаетъ рѣшительное стремленіе спуститься до полтинника въ слѣдующее пятилѣтіе.

Угнетенное состояніе земледѣлія отразилось полнымъ застоемъ на торговлѣ и промышленности. Почти отовсюду: изъ Кіева, изъ Полтавы, изъ Кременчуга, изъ Екатеринослава, изъ Курска, даже изъ Нижняго Новгорода доходятъ извѣстія, что ярмарки были изъ рукъ вонъ плохи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣны товаровъ спускались до баснословной дешевизны, ибо купцы во чтобы то ни стало хотѣли развязаться и уѣхать. Промышленность переживаетъ вездѣ не менѣе критическое состояніе. Въ Царствѣ Польскомъ повсемѣстно сокращены или остановлены работы на фабрикахъ. Тоже самое произошло въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Ростовѣ на Дону, Ивановѣ-Вознесенскѣ, Егорьевскѣ, Самарѣ, Кременчугѣ, Ельцѣ, Ригѣ, Ревелѣ и т. д. Вездѣ склады переполнены товарами, вездѣ работы сокращаются на половину.

Но финансы находятся въ разстройствѣ еще большемъ. По смѣтной росписи на 1885 годъ ожидался дефицитъ въ 8 милл. рублей, причемъ предвидѣлось уменьшеніе питейнаго сбора, доходовъ съ государственныхъ имуществъ и поступленія прямыхъ налоговъ, ибо за послѣдніе годы тенденція къ пониженію этихъ статей дохода стала слишкомъ явственной. Покрыть дефицитъ полагали увеличеніемъ желѣзнодорожнаго дохода, а главнымъ образомъ увеличеніемъ таможеннаго сбора вслѣдствіе сильнаго повышенія пошлинъ.

Дѣйствительность, какъ всегда случается съ русскими финансистами, далеко превзошла самыя пессимистическія ожиданія. Исполненіе росписи за первые три мѣсяца 1885 г. показало, что подати и налоги уменьшились за это время сравнительно съ прошлымъ годомъ на два милліона, питейный доходъ — также на два милліона, доходъ отъ казенныхъ имуществъ на $2^1/_2$ милліона. Табачный, гербовый,

желѣзнодорожный и проч. сборы уменьшились въ совокупности также милліона на два. Всего на всего является оффиціально засвидѣтельствованное пониженіе доходовъ на $8^1/_2$ — 9 милліоновъ за какіе нибудь три мѣсяца. Покрывается этотъ дефицитъ слѣдующимъ мошеннически фиктивнымъ исчисленіемъ. Таможенный доходъ даетъ за три мѣсяца избытокъ въ одинъ милліонъ, затѣмъ *возвратъ ссудъ* даетъ избытокъ въ два милліона, *доходы льготныхъ сроковъ* — четыре милліона, *поступленія разнаго рода*(?)— 8 милліоновъ. Затѣмъ къ росписи присоединены счеты по выкупнымъ платежамъ съ той единственной цѣлью, чтобы присоединить къ государственнымъ доходамъ пятимилліонный избытокъ, полученный отъ выкупной операціи въ нынѣшнемъ году. Это представляетъ прямой грабежъ, ибо по закону о выкупѣ всѣ избытки, получающіеся по выкупной операціи, должны обращаться на облегченіе плательщиковъ. Такимъ образомъ получается фиктивный 20-милліонный избытокъ, который повидимому не только покрываетъ 9 милліонный дефицитъ, но можетъ даже служить оправданіемъ увеличенію расходовъ за эти три мѣсяца на двѣнадцать слишкомъ милліоновъ. Не смотря на это фиктивное равновѣсіе бюджета, и роспись, и исполненіе ея за три мѣсяца 1885 года говорятъ о недостаткѣ средствъ и объ экстренныхъ позаимствованіяхъ изъ государственнаго банка. Такова оффиціальная правда о росписи.

Чтобы покрыть дефицитъ, правительство прибѣгало ко всякаго рода ухищреніямъ. Оно повысило акцизъ, оно повысило на 20 и $10^0/_0$ пошлины почти со всѣхъ ввозимыхъ товаровъ, оно установило налогъ на государственныя бумаги, дополнительный и раскладочный налогъ съ промышленныхъ предпріятій. Кстати сказать, послѣдній налогъ представляетъ ту именно мышь, которую родила гора приготовленій ко введенію подоходнаго налога. Въ качествѣ таковой онъ имѣетъ очень жалкій видъ. Опредѣленіе доходовъ, напр., на практикѣ сплошь и рядомъ предоставляется самимъ плательщикамъ, даже если есть возможность провѣрить ихъ показанія. Теперь является мысль о новомъ займѣ, если разрѣшитъ Бисмаркъ и согласятся нѣмецкіе банкиры.

V

Настроеніе культурныхъ слоевъ общества вполнѣ соотвѣтствуетъ остро-критическому, переходному характеру эпохи. Выплываютъ наверхъ грязные, чисто животные инстинкты и занимаютъ въ обществѣ господствующее положеніе. Никогда не было такого множества скандальнѣйшихъ процессовъ, никогда не было такого обилія кражъ и хищеній, какъ теперь.

Крадутъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Херсонѣ, Тулѣ, Калугѣ, Владимірѣ, Тифлисѣ, Оренбургѣ, Вологдѣ, Николаевѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Ярославлѣ, Самарѣ, Пирятинѣ, Задонскѣ, Дмитровѣ, Козловѣ, Спасскѣ и т. д.

Съ другой стороны, самоубійства принимаютъ характеръ настоящей эпидиміи, поражая при томъ такихъ людей, которые, казалось, должны были бы быть удовлетворены своей личной жизнью. Причины самоубійства или остаются неизвѣстными, или часто могутъ быть сформулированы въ слѣдующемъ видѣ — „отъ тоски“, „отъ скуки“, „отъ бездѣятельности“, „отъ отсутствія смысла въ жизни“ и т. д.

Въ Казани повѣсился молодой композиторъ Пасхаловъ; въ Кишиневѣ повѣсился членъ суда; въ Петербургѣ застрѣлился офицеръ въ саняхъ, уѣзжая изъ театра; въ Тамбовѣ застрѣлился исправникъ; въ Кіевѣ околод. надзиратель Пеньковскій, не желая брать взятокъ и не находя иначе возможности существовать съ семьей; въ Одессѣ, въ силу тѣхъ же самыхъ мотивовъ, отравился городовой Акимовъ; въ Гельсингфорсѣ русскій торговецъ застрѣлился изъ пушки; въ Темиръ-Ханшурѣ одно за другимъ три самоубійства молодыхъ людей; въ Харьковѣ застр. студентъ Пашковъ, сынъ богатаго домовладѣльца, оставивъ записку: „Простите и забудьте! Для жизни я не былъ годенъ“; въ Ростовѣ торговецъ совершилъ тройное самоубійство: повѣсился, отравился и задушился; въ Новороссійскѣ застрѣлился молодой инженеръ; въ Нѣжинѣ застрѣлился прис. повѣренный; въ Кіевѣ повѣсился тов. прокурора Житомірскаго Окружнаго Суда; въ Трубчевскѣ повѣсился купецъ; въ Орлѣ — офицеръ; въ Москвѣ покончилъ съ собою ювелиръ. Повѣсился председатель Ржевскаго Окружнаго суда; въ Черниговѣ отравилась жена адвоката; во Влади-

кавказѣ отравилась дѣвушка-армянка, начальница училища; въ Вяткѣ покончили съ собою инженеръ и фельдшерица; въ Екатеринославѣ покончилъ съ собою артистъ Градовъ; въ Бугурусланѣ застр. предсѣдатель земской управы; въ Балтѣ покончилъ съ собою мировой судья и т. д.

Настроеніе народной массы имѣетъ еще болѣе грозный и многознаменательный характеръ. Вездѣ замѣчается сильное броженіе, имѣющее различныя формы проявленія и захватывающее самыя разнообразныя народности Россіи. Въ народѣ циркулируютъ слухи невѣроятнаго содержанія, неизмѣнно указывающіе на ожиданіе чего то важнаго. По поводу холеры, напримѣръ, уже по всюду являются предсказанія, что скоро настанетъ страшный моръ. Разказываютъ, напр., о грозномъ гласѣ, услышанномъ въ Іерусалимѣ, о молитвѣ, найденной въ гробѣ господнемъ, гдѣ предсказывается кровавая война, моръ и голодъ въ наказаніе за людскіе грѣхи. Слухи о черномъ передѣлѣ также не прекращаются. Говорятъ и о какихъ то вольныхъ земляхъ на Амурѣ, гдѣ даютъ 100 дес. земли на душу, десятилѣтнюю льготу отъ воинской повинности и двадцатилѣтнюю отъ податей. Въ Балтійскомъ краѣ ходятъ между батраками слухи о приближающейся царской милости — земномъ надѣлѣ, по поводу чего полиція производитъ многочисленные аресты и т. д.

Новыя секты то мистическаго, то прямо антиправительственнаго характера тамъ и сямъ выходятъ наружу и снова уходятъ въ глубь. Въ Кронштадтѣ замѣчается мистическое броженіе между мѣщанками. Въ Уманьскомъ, Ямпольскомъ, Богодуховскомъ уѣздахъ замѣтно религіозное движеніе, напоминающее штунду. Тоже самое замѣтно и въ Самарской губерніи. Въ Актарскомъ уѣздѣ Саратовской губ. образовалась секта „голубчиковъ“ молоканско-хлыстовскаго характера. Въ Бугульминскомъ уѣздѣ Самарской губ. между мусульманами обнаружилось религіозное броженіе, выразившееся въ томъ, что они отказались платить подати; для вразумленія ихъ ѣздилъ губернаторъ, а потомъ отправлены двѣ роты солдатъ. Въ Казани Ваисовъ проповѣдовалъ возстановленіе старой мусульманской вѣры, уничтоженіе духовенства и храмовъ, имѣя многочисленныхъ послѣдователей. Его пропаганда была преслѣдуема, и дѣло закончилось столкновеніемъ между Ваисовымъ и полиціей. Учитель съ толпой своихъ послѣдователей за-

перся въ своемъ домѣ и выдержалъ настоящую осаду. Ваисовъ и его ученики арестованы и преданы суду. Въ Богодуховскомъ уѣздѣ кромѣ вышеуказаннаго броженія былъ еще и такой случай. По селамъ сталъ ходить неизвѣстный человѣкъ, называвшій себя царемъ и отцомъ, носившій мундиръ, разукрашенный мишурою, въ сопровожденіи адъютанта, ободраннаго старика. Подъ вліяніемъ его проповѣди, мужики *перестали платить подати и повинности мѣстному начальству.* Въ настоящее время онъ задержанъ и и сидитъ въ тюрьмѣ.

Обиліе аграрныхъ столкновеній, всякихъ недоразумѣній между народомъ и администраціей, разрѣшаемыхъ вооруженною силою, такихъ же столкновеній между различными народностями, имѣющихъ большею честью экономическую подкладку, стачекъ и фабричныхъ исторій, грабежей и убійствъ превосходитъ всякое вѣроятіе.

Не смотря на отрывочность нашихъ свѣдѣній, мы все таки можемъ привести значительное число фактовъ этого рода. Таковы извѣстные фабричные безпорядки на Вознесенской бумагопрядильной мануфактурѣ и потомъ на фабрикѣ Морозова и К°, закончившіеся побоищемъ, имѣвшимъ много жертвъ. Была стачка въ Иваново-Вознесенскѣ на фабрикѣ Гречипа и въ Зуевѣ на фабрикѣ Зимнныхъ. Въ Варшавѣ въ мартѣ были «безпорядки». На площади передъ замкомъ собралась большая толпа рабочихъ. Они вели себя очень чинно, но на приказаніе разойтись отвѣчали, что они не имѣютъ ни работы, ни хлѣба, о чемъ хотятъ довести до свѣдѣнія генералъ-губернатора Гурко. Послѣдній однако велѣлъ окружить ихъ полицейскими и арестовалъ 150 человѣкъ. Однако на другой день волненіе не прекращалось. Вообще Царство Польское находится въ очень напряженномъ состояніи; не даромъ министръ внутреннихъ дѣлъ далъ губернаторамъ «временное право» воспрещать «отдѣльнымъ лицамъ» проживательство въ Царствѣ Польскомъ. 24-го сентября въ Иваново-Вознесенскѣ была огромная стачка ткачей, имѣвшая до 8000 участниковъ. Причиною стачки было пониженіе заработной платы. Стачка началась въ одинъ и тотъ же день и часъ на многихъ фабрикахъ. Участники въ стачкѣ вели себя очень чинно, такъ что начальство не могло придраться ни къ чему и никто арестованъ не былъ. Стачка эта отозвалась въ Шуѣ

и Кинешмѣ новыми стачками, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ.

Въ Александровскѣ (Екатер. губ.) правленіе желѣзной дороги захотѣло отдѣлаться отъ своихъ рабочихъ, которые большей частью дослужили 10-лѣтній срокъ, назначенный для полученія пенсіи; сначала употреблялись мелкія ухищренія; потомъ вдругъ правленіе выставило объявленіе, что работы будутъ сданы подрядчикамъ, а непосредственныя отношенія между желѣзно-дорожной администраціей и рабочими прекратятся. Рабочіе заволновались. Началась «исторія». Послѣ долгихъ перипетій они однако поставили на своемъ, пуская въ ходъ, какъ угрозу, загроможденіе желѣзнодорожнаго пути, и новыя правила были отмѣнены. Однако жандармскій подполковникъ, принимавшій дѣятельное участіе въ заварившейся кутерьмѣ, привлекъ къ суду одиннадцать человѣкъ по обвиненію въ подстрекательствѣ и загроможденіи пути. Во время разбирательства дѣла къ мировому судьѣ явилась толпа рабочихъ, человѣкъ 200, и требовала судить и ихъ, ибо всѣ они равно виновны. Мировой судья это заявленіе пропустилъ мимо ушей, а приговорилъ нѣкоторыхъ изъ обвиняемыхъ къ кратковременному аресту. И подполковникъ, и рабочіе заявили неудовольствіе на приговоръ и подали апелляцію въ мировой съѣздъ, который однако утвердилъ рѣшеніе мирового судьи. На судѣ рабочіе держались съ большимъ достоинствомъ и говорили цѣлыя рѣчи, въ которыхъ, не смотря на запрещеніе председателя, выясняли причины безпорядковъ. Рѣшеніемъ съѣзда они не довольны и хотятъ подавать кассаціонную жалобу. Товарищи ихъ также раздражены и жалѣютъ о томъ, что не сдѣлали чего нибудь покрупнѣе. Въ маѣ въ Севастополѣ рабочіе желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ высѣкли начальника тракціи, начальника мастерскихъ и главнаго мастера. Въ Херсонѣ два дня собирались толпы чернорабочихъ вокругъ квартиры губернатора, требуя отмѣны арестантскаго труда на пристани. Въ Таганрогѣ такія же волненія между рабочими на пристани принимаютъ время отъ времени болѣе острый характеръ. Въ нынѣшнемъ году началось нѣчто въ родѣ стачки по поводу пониженія платы. Но испуганные артельщики уступили заранѣе. Въ Рыбинскѣ на Копаевской пристани произошла стачка судорабочихъ, окончившаяся повышеніемъ платы. Въ Твери между судорабочими замѣтно броженіе.

Еврейскіе погромы не прекращаются. Въ Ровнѣ Волынской губерніи произошелъ погромъ изъ за столкновеній въ кабакѣ. Всѣ дома евреевъ разгромлены, вещи и мебель переломаны; одинъ убитъ, двое ранены. Въ Одессѣ на пасху ожидали еврейскаго погрома, а потому сдѣлали облаву на босяковъ, причемъ захватили до тысячи человѣкъ. Въ Зельвѣ Волковыскаго уѣзда произошелъ еврейскій погромъ. Въ м. Хабно Кіевской губ. произошелъ погромъ изъ за ничтожнаго столкновенія. Евреи защищались отчаянно и много изувѣченныхъ съ обѣихъ стором. Въ Севастополѣ произошелъ еврейскій погромъ, причемъ былъ избитъ околодочный надзиратель. Въ Кременчугѣ произошелъ изъ за случайнаго столкновенія погромъ турецкихъ пекаренъ, совершенно подобный еврейскимъ погромамъ. Въ м. Рѣзинѣ Бессарабской губ. между евреями и молдаванами произошло побоище, продолжавшееся почти цѣлый день. Много жертвъ съ обѣихъ сторонъ.

Въ Ровномъ Саратовской губ. произошло побоище между русскими и нѣмцами. Причиной вражды служатъ какіе то поземельные счеты; въ ходъ были пущены колья и ружья; 10 убитыхъ, 20 раненыхъ. На Кубани произошло побоище между жителями и солдатами. Есть убитые солдаты. Въ Богородскомъ уѣздѣ произошло побоище между крестьянами Ильинской и Беззубовской волостей. Въ Маріуполѣ городская управа захотѣла выдворить бѣдняковъ, самовольно занявшихъ городскую землю на окраинѣ Маріуполя. Но они взяли колья и обратили полицію въ бѣгство. Наиболѣе виновные арестованы. Виленская судебная палата разсматривала безъ присяжныхъ засѣдателей дѣло крестьянъ села Красевичи по обвиненію въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ

Эпизоотія часто подаетъ поводъ къ подобнымъ исторіямъ. Въ селѣ Новомъ Славкинѣ Саратовской губ. мужики побили и обратили въ бѣгство ветеринара и полицію, уничтожавшихъ зачумленный скотъ. Такія же волненія произошли въ Бузулукѣ Самарской губ., гдѣ невѣжественный ветеринаръ истреблялъ совершенно здоровый скотъ мѣщанъ и мн. др. Такія же волненія имѣли мѣсто въ с. Каменкѣ и Кирсановкѣ Саратовской губ. Въ Белебеевскомъ уѣздѣ Уфимской губ. крестьяне-татары въ двухъ отдѣльныхъ деревняхъ избили писаря и старшину изъ за страховки скота. Зачинщики

арестованы. Даже нѣмецкія колоніи не изъяты отъ подобныхъ случаевъ. Въ м. Чернехово Волынской губ. къ колонисту Кельнеру явился становой приставъ съ понятыми дѣлать опись имущества за долгъ въ 23 р. Кельнера не было дома, и, не смотря на просьбы жены и сосѣдей, увѣрявшихъ, что онъ скоро возвратится и внесетъ деньги, приставъ не захотѣлъ ждать и увелъ на становую квартиру лошадей Кельнера. Тотъ, возвратившись домой и узнавъ обо всемъ происшедшемъ, отправился на становую квартиру и взялъ своихъ лошадей. Но на обратномъ пути его догнала полиція и варварски избила, переломивъ ему руки и ноги. Вступившіеся колонисты также были безчеловѣчнымъ образомъ избиты и потомъ всѣ были преданы суду по обвиненію въ сопротивленіи властямъ. Судъ однако оправдалъ всѣхъ.

Даже между евреями встрѣчаются случаи сопротивленія властямъ. Въ Дрогичинѣ Кобринскаго уѣзда при задержаніи Лейбы, укрывавшагося отъ воинской повинности, толпа евреевъ избила полицію. 6 зачинщиковъ приговорены судомъ къ заключенію въ тюрьму и арестантскія роты. Тамъ же помѣщикъ поймалъ на потравѣ 30 еврейскихъ лошадей. Толпа евреевъ высадила ворота сарая и увела ихъ. А вотъ случай легальнаго сопротивленія начальству. Въ селѣ Апновкѣ Екатеринославской губерніи происходитъ борьба между начальствомъ и крестьянами. Сходъ наложилъ очередь службы въ десятскихъ на одного богача. Задаренная полиція 7 разъ отмѣняла приговоръ (безъ всякаго права) и семь разъ онъ возобновлялся. Далѣе общество наложило высокую арендную плату на евреевъ, нанимающихъ у него усадьбу. Непремѣнный членъ опротестовалъ приговоръ и поколотилъ самаго бойкаго мужика, который подавалъ жалобу, оставленную, разумѣется, безъ послѣдствій. Однако повышеніе платы осталось, а побитый въ пику начальству былъ избранъ старшиной. Староста оказался образцовымъ, хотя съ начальствомъ не ладилъ. Наконецъ общество опять повысило арендную плату, на этотъ разъ у барышенъ, дочерей дьякона. Непремѣнный членъ вышелъ изъ терпѣнія, объявилъ приговоръ бунтовскимъ, старосту отрѣшилъ отъ должности, а изъ мужиковъ избралъ зачинщиковъ и посадилъ подъ арестъ. Мужики очень озлоблены и хотятъ жаловаться высшему начальству.

На Кавказѣ сильное развитіе разбоевъ. Въ Бакинской губ., напримѣръ, шайки разбойниковъ осаждаютъ города и обращаютъ въ бѣгство команды. Извѣстный Кярамъ, къ слову сказать, принужденный приняться за разбой насиліемъ начальства, сдѣлался грозой всего Закавказья. Въ виду развитія разбоевъ, на Закавказьи практикуются слѣдующія мѣры. Если разбойникъ не открытъ, то всѣ сосѣднія села платятъ огромный штрафъ. Если разбойникъ открытъ, но не пойманъ, то *высылаются въ дальнія губерніи его семья и родичи.* Начальство ставитъ постой во всѣ аулы, „заподозрѣнные въ намѣреніи уклоняться отъ исполненія его требованій“. Населеніе крайне раздражено этими мѣрами.

Но особенно велико число аграрныхъ волненій.

Въ Воронежской губерніи у богатаго землевладѣльца, бывшаго предводителя дворянства, произведенъ поджогъ, *счетомъ тридцать пятый.* Въ Чигиринѣ Кіевской губерніи военный судъ разсматривалъ дѣло *о составленіи преступнаго сообщества съ цѣлью производства потравъ на помѣщичьихъ поляхъ*, причемъ обвинялось 14 человѣкъ. Они въ теченіе долгаго времени вытравляли и разоряли землю арендатора Гальперина и нагнали такого страху на полицію и сторожей, что у Гальперина за одинъ мѣсяцъ перемѣнилось двадцать сторожей. Равнымъ образомъ мстили они тѣмъ, кто доносилъ на нихъ. Однако, когда одинъ сторожъ попросилъ ихъ дать ему возможность заработать жалованье на подати, они прекратили свои дѣйствія на одинъ мѣсяцъ. Являлись къ нимъ въ село мировой посредникъ, исправникъ и становой приставъ и просили все общество прекратить нападенія, но тайные потравщики ночью произвели еще большее опустошеніе, чѣмъ прежде. Наконецъ подъ Ильинъ день произошло столкновеніе между потравщиками и объѣздомъ, и одинъ изъ сторожей былъ убитъ. Не смотря на отсутствіе прямыхъ уликъ, судъ приговорилъ къ каторгѣ (отъ 2 до 12 лѣтъ) девятерыхъ, въ томъ числѣ троихъ несовершеннолѣтнихъ. Аграрныя столкновенія происходятъ въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ. Въ Попелюкахъ, Подольской губерніи, крестьяне при выходѣ на выкупъ получили отъ помѣщика „данную“ на право выпаса въ лѣсу, которую потомъ помѣщику удалось припрятать, такъ что мужики постепенно забыли о

ней. Теперь, узнавъ объ ея существованіи, они затѣяли процессъ, а между тѣмъ самовольно захватили выпасъ. Явились власти, но были прогнаны; еще болѣе печальную судьбу имѣлъ судебный приставъ, которому помяли бока. Тогда было прислано войско и поставленъ въ селѣ постой. 34 человѣка арестовано; процессъ проигранъ крестьянами. Въ Коротоякѣ Воронежской губ. предано суду 325 крестьянъ за самовольное разрытіе плотины на мельницѣ Быкова. Въ теченіе 40 лѣтъ, крестьяне безплодно подавали на него жалобы о затопленіи ихъ луговъ. Выйдя изъ терпѣнія, они порѣшили на сходѣ разрыть плотину, полагая, что „міру ничего не будетъ, что міръ не промѣняютъ на одного человѣка.“ Шесть человѣкъ не были на сходѣ, по причинѣ отсутствія. Вернувшись домой они благодарили сходъ за его подвигъ и на судѣ настаивали на своемъ нравственномъ соучастіи. Судъ приговорилъ 292 человѣка къ аресту на одинъ мѣсяцъ. Въ Кіевской губ. 7 человѣкъ мѣщанъ захватили на помѣщичьей землѣ 5 саженей дровъ. Прибѣжавшая полиція вступила съ ними въ побоище, но толпа зрителей помогла имъ въ рѣшительную минуту, и полиція обращена была въ бѣгство градомъ каменьевъ. Военный судъ приговорилъ трехъ мужчинъ къ каторгѣ, трехъ женщинъ къ тюремному заключенію. Въ Могилевской губерніи аграрныя волненія значительныхъ размѣровъ приняли хроническій характеръ. Циркулируютъ слухи о переселеніяхъ въ мифическія страны и о даровыхъ надѣлахъ, такъ что многія села посылаютъ ходоковъ къ Гуркѣ для „записыванья“. Являются самозванные землемѣры, вооруженные астролябіей изъ лучинокъ, и производится нарѣзка якобы отъ имени правительства. Было нѣсколько случаевъ самовольнаго захвата земли, окончившихся военными экзекуціями, очень тяжкими. Впрочемъ коронаціонная рѣчь сельскимъ старшинамъ сильно расхолодила мужицкія надежды. Однако волненія продолжаются. Крестьяне села Кузнецовки Міусскаго округа Донской области снимали долгое время покосы у помѣщика, но въ 1883 году купецъ Титовъ перебилъ у нихъ землю. Началась вражда. Крестьяне, не довольствуясь хроническими потравами, періодически являлись на лугъ и увозили сѣно (такія кражи производятся преимущественно зимой; это до того обыденно и повсемѣстно, что для нихъ выработался особый терминъ „зим-

няя косовица“). Наконецъ объѣздчики Титова застали похитителей на мѣстѣ преступленія и захватили четырехъ человѣкъ. Управляющій Титова, затрудняясь, что дѣлать съ ними, кончилъ тѣмъ, что избавилъ себя отъ труда представлять ихъ начальству, а ограничился взятіемъ съ нихъ слѣдующей росписки: «Мы нижеподписавшіеся, такіе то, даемъ сію росписку г ну Титову въ томъ, что пойманы имъ на воровствѣ собственно ему принадлежащаго сѣна, въ чемъ и подписуемся». Двое грамотныхъ подписались, остальные поставили кресты. Подписку эту Титовъ представилъ мировому судьѣ. Хотя, казалось бы, допросъ снятый самозванымъ слѣдователемъ (очевидно предвосхитившимъ новѣйшія правительственныя идеи о преобладаніи помѣщиковъ въ сельскомъ судѣ и управленіи) не могъ имѣть никакого юридическаго значенія, тѣмъ не менѣе судья на основаніи этой росписки приговорилъ мужиковъ къ тюремному заключенію. День возвращенія изъ суда ознаменовался пожаромъ. У Титова сгорѣли двѣ скирды сѣна, зажженныя одновременно съ двухъ противоположныхъ концовъ. Мужики подали апелляціонную жалобу въ мировой съѣздъ, увѣряя, что подписка была вынуждена у нихъ угрозами, и что они были остановлены въ то время, когда везли черезъ землю Титова свое собственное сѣно, въ подтвержденіе чего выставили цѣлую кучу свидѣтелей. Эти свидѣтели очень согласно показывали несуществовавшіе факты. Одинъ видѣлъ, какъ мужики вывезли сѣно со своихъ дворовъ, другой видѣлъ, какъ они повезли его по направленію къ лугу Титова и т. д. Дѣло было ведено такъ гладко, что съѣздъ былъ вынужденъ оправдать мужиковъ.

Въ Старорусскомъ уѣздѣ почетный мировой судья и братъ его, богатые землевладѣльцы, донимали мужиковъ штрафами за потравы отъ лошади до утки. Мужики рѣшили не пускать помѣщиковъ пользоваться дорогой, лежащей на мужицкой землѣ и перегороженной заборомъ съ воротами. Однажды пастухъ, рѣшившись «постоять за міръ», какъ онъ говорилъ передъ смертью, приперъ ворота у братьевъ подъ носомъ. Произошла ссора. Мировой судья ударилъ пастуха, тотъ отвѣтилъ тѣмъ же, и свалка кончилась тѣмъ, что несчастный пастухъ былъ застрѣленъ изъ револьвера. Въ мѣстечкѣ Городищѣ Кіевской губ. и въ мѣстечкѣ Гоголевкѣ Черниговской губ. произведенъ самовольный захватъ пастбища и лѣ-

са и вооруженное сопротивленіе властямъ, имѣвшее финаломъ военный судъ и каторгу для виновныхъ. Въ Ирбитскомъ уѣздѣ башкиры, у которыхъ по приговору суда должна была отойти земля въ пользу сосѣднихъ желѣзныхъ заводовъ, оказали сопротивленіе властямъ и поколотили пристава. Виновные приговорены къ арестантскимъ ротамъ. Въ колоніи Нейкирхъ, Бердянскаго уѣзда, малоземельные колонисты сдѣлали потраву у многоземельныхъ и были приговорены судомъ къ уплатѣ вознагражденія. Платить они отказались и условились не допустить описи своего имущества. Передъ днемъ, назначеннымъ для описи, они объѣзжали сосѣднія колоніи и уговаривали малоземельныхъ колонистовъ стоять съ ними за одно. На словахъ очень многіе согласились, но участвовать въ сопротивленіи властямъ явилось только нѣсколько человѣкъ. Остальные должны были явиться на мѣсто дѣйствій только тогда, когда одинъ изъ участвовавшихъ въ сопротивленіи выскочитъ на улицу съ заранѣе приготовленнымъ знаменемъ. Однако сопротивленіе при описи не имѣло большихъ размѣровъ. На знакъ, поданный знаменемъ, сбѣжалась, правда, толпа, но не приняла никакого участія въ дѣлѣ. Тѣмъ не менѣе 15 человѣкъ предано суду. Въ Херсонской губерніи масса поджоговъ и аграрныхъ преступленій. Новыя аграрныя волненія въ Кіевской губерніи. Въ Красвослободскомъ уѣздѣ Пензенской губ. крестьяне убили подрядчика Каверина. Ссора тянулась уже давно изъ за спорнаго участка земли и мельницы, побывала не разъ и въ судѣ. Онъ донималъ ихъ штрафами; они мстили потравами въ арендованномъ имъ лѣсу. 15 человѣкъ арестованы. Въ селѣ Червечахъ Подольской губерніи возникъ между помѣщикомъ и крестьянами споръ относительно размежеванія луга. Крестьяне постановили согнать помѣщика прочь, а на явившагося исправника кричали: «Що его слухать! Вінъ узявъ у пана хабаръ. Це наша земля, а не панова». Уже прибыли двѣ роты солдатъ, однако дѣло на этотъ разъ окончилось мирно. Крестьяне уступили *безъ экзекуціи*. Въ Кролевецкомъ уѣздѣ крестьяне стали травить помѣщичьи выгоны. Помѣщикъ сдѣлалъ объѣздъ съ работниками и засталъ на своемъ выгонѣ цѣлый табунъ мужицкихъ лошадей. Произошла ссора и свалка. Крестьяне пустили въ ходъ колья, а помѣщикъ револьверъ. 1 убитъ, 2 ранено. Въ селѣ Карабиновкѣ Новомосковскаго уѣзда крестьяне,

выведенные изъ терпѣнія притѣсненіями помѣщика, генерала Мисго, собрались на сходъ и порѣшили занять насильно его землю, сколько кому понадобится, что и привели въ исполненіе, доведя объ этомъ предварительно до свѣдѣнія Новомосковскаго Крестьянскаго Присутствія. На мѣсто происшествія немедленно явился вице-губернаторъ съ казаками и солдатами, согналъ мужиковъ и потребовалъ выдачи «зачинщиковъ». На отвѣтъ мужиковъ, что у нихъ зачинщиковъ нѣтъ, онъ разразился неистовыми криками и велѣлъ казакамъ бить нагайками толпу. По его же приказаніямъ казаки били нагайками и топтали лошадьми кучку мужицкихъ ребятишекъ и разграбили крестьянскій скарбъ. («Рѣжьте и берите все отъ гуски до коровы», приказывалъ вице-губернаторъ г. Рокосовскій). Послѣ этого было отдѣлено девять «зачинщиковъ» и предано суду, который и приговорилъ ихъ къ тюремному заключенію не смотря на то, что показаніями свидѣтелей, даже низшихъ чиновъ полиціи, были вполнѣ выяснены невинность мужиковъ въ сопротивленіи властямъ и варварскіе поступки властей. Въ Гайсинскомъ уѣздѣ, въ селѣ Дьяковцахъ крестьяне владѣли полосой земли, которую помѣщичій управляющій, по какимъ то старымъ планамъ, призналъ господской и потребовалъ обратно. Они однако не дали ее, опираясь по совѣту священника на давность владѣнія. Управляющій не палъ духомъ, и священникъ слетѣлъ съ мѣста, а въ село явился землемѣръ для новаго размежеванія. Крестьяне не допустили этого и отправили въ Петербургъ ходоковъ Кожухара и другихъ, которые тамъ были арестованы и отправлены домой по этапу. Между тѣмъ крестьяне, совершенно увѣренные въ своемъ торжествѣ, собрались въ корчмѣ и толковали о ходокахъ; вдругъ, смотрятъ, мимо ведутъ подъ конвоемъ Кожухара. Кожухаръ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: «Вы тутъ пьянствуете, а мы за васъ страдаемъ. За васъ насъ, какъ злодѣевъ, водятъ по тюрьмамъ...» Взволнованная толпа напала на конвой, освободила ходоковъ и между прочимъ избила до полусмерти ненавистнаго урядника. Явились исправникъ и становой приставъ и арестовали нѣсколько человѣкъ, но крестьяне разбушевались еще больше и заставили начальство выдержать осаду въ домѣ священника. Наконецъ явились солдаты и разогнали толпу, причемъ было арестовано до 35 человѣкъ. Еще болѣе крупныя волненія были въ

Ромпахъ-Лѣсковыхъ. Въ селѣ Андрушкахъ Кіевской губ. ребятишки погнали скотъ на толоку, а оттуда на водопой (крестьянская толока граничитъ съ помѣщичьей, а водопой находится по срединѣ). Такъ какъ отношенія между помѣщикомъ (владѣльцемъ большого сахарнаго завода) и крестьянами очень обострились, то изъ завода было выслано 24 всадника съ нагайками на рекогносцировку. Тѣ застали скотъ на водопоѣ у самой межи и крича, что онъ, навѣрное, уже побывалъ на господской землѣ, стали отнимать его у ребятишекъ, причемъ многихъ изуродовали нагайками. Разумѣется, ребятишки обратились въ бѣгство, оставляя скотъ въ рукахъ храбрецовъ. Но на обратномъ пути ихъ настигли мужики и послѣ долгой битвы отбили большую часть своего скота. На станціи Лозовой офицеръ Батюшковъ, сынъ екатеринославскаго губернатора, богатый землевладѣлецъ, находясь на охотѣ, увидѣлъ на своей землѣ мужика, пасшаго лошадей. Произошла ссора; офицеръ ударилъ мужика и получилъ такой же отвѣтъ. Драка окончилась тѣмъ, что офицеръ подстрѣлилъ мужика дробью и *добилъ прикладомъ*. Отецъ его споилъ деревню и то угрозами, то подкупомъ принудилъ ее лжесвидѣтельствовать въ пользу сына, такъ что тотъ вышелъ сухъ изъ воды. Въ Курскомъ уѣздѣ посланы два баталіона для усмиренія аграрныхъ волненій села Черницына. Въ Самарскомъ уѣздѣ крупный землевладѣлецъ Бедряга донималъ мужиковъ штрафами за потравы. Они терпѣли четыре года и наконецъ подожгли его хлѣбъ. Убытокъ простирался до 40,000 руб. Не смотря на строгое разслѣдованіе, виновные не найдены. Въ селѣ Нещеровѣ Кіевскаго уѣзда 30 крестьянъ загнали 70 штукъ скота въ лѣсъ помѣщика Гудима-Левковича; лѣсная стража задержала было скотъ, но мужики кинулись на нее съ крикомъ: «Бийте ихъ, та волівъ не отдавайте. Громада—великій чоловік!» обратили ее въ бѣгство и снова загнали скотъ на помѣщичій выгонъ. Явился становой приставъ, началось слѣдствіе, но испуганная экономія поспѣшила войти въ соглашеніе съ крестьянами. Въ селѣ Ольшанкѣ того же уѣзда, на землѣ Григоровскаго сахарнаго завода сторожа задержали 32 штуки крестьянскаго скота. На другой день двое мужиковъ встрѣтили сторожа и жестоко его избили. Вскорѣ собралась толпа *со старостой во главѣ*, расшибла сарай и угнала свой скотъ. Черезъ нѣсколько дней мужики со старостой же во

главѣ погнали скотъ на помѣщичій выгонъ снова. Сторожъ (другой) хотѣлъ помѣшать этому, но былъ обращенъ въ бѣгство, пойманъ, избитъ и высѣченъ. — «А що, больно? — Больно. — Оттакъ же и громаді больно, що ты не пускаешь скотъ пасты». Началось слѣдствіе, но экономія вошла въ соглашеніе съ крестьянами. Въ Ахтырскомъ уѣздѣ произошло столкновеніе между крестьянами села Клементьевскаго и Свято-Троицкимъ монастыремъ, окончившееся убійствомъ арендатора. Въ Андрушевской волости Кіевской губ. возникло столкновеніе между прихожанами и попомъ изъ за участка земли. Попъ велъ съ ними объ этомъ участкѣ тяжбу и бралъ нѣсколько разъ на расходы по ней нѣсколько сотъ рублей изъ церковной кассы. Тогда они выбрали такого церковнаго старосту, что не давалъ попу денегъ, но попъ при содѣйствіи консисторіи мошеннически выдвинулъ на его мѣсто церковнаго старосту, родомъ изъ другой деревни. Мужики отняли силою ключи отъ новаго старосты и возникло дѣло о сопротивленіи властямъ. Въ Славяносербскомъ уѣздѣ крестьяне при выходѣ на волю получили отъ помѣщика Четчика по десятинѣ на душу, но изъ всей земли только 12 дес. годны къ обработкѣ, остальныя 62 десят. состоятъ изъ песчаныхъ бугровъ и служатъ плохимъ выгономъ. Выведенные изъ терпѣнія его притѣсненіями, они уже нѣсколько разъ до чиста сжигали его скирды. Крестьяне деревни Нижнепаровой Курской губ. имѣли землю, которую помѣщикъ отнялъ у нихъ; начался судъ, рѣшившій дѣло въ пользу крестьянъ, и они поэтому завладѣли спорнымъ участкомъ. Но сенатъ перерѣшилъ дѣло въ пользу помѣщика. Мужики не уступили и прогнали землемѣра, пріѣхавшаго для размежеванія. Онъ явился вторично съ становымъ приставомъ, но бабы грозно расположились на межѣ и заставили начальство уѣхать обратно ни съ чѣмъ. Плодомъ всего этого была военная экзекуція. Въ Уржумѣ Вятской губ. произошла изъ за луга битва между крестьянами двухъ волостей. Много жертвъ. Такая же самая битва изъ за поземельнаго спора произошла въ Кишиневскомъ уѣздѣ между крестьянами деревень Новачь и Петичаны. Въ селѣ Георгіевскомъ Калужской губ. между крестьянами и арендаторомъ помѣщ. Голохвастовой произошло столкновеніе. Крестьяне вдругъ заявили притязаніе на лугъ и силой отняли сѣно, скошенное рабочими арендатора. Виновные привлечены къ суду.

Въ заключеніе приведемъ еще слѣдующія цифры изъ оффиціальнаго отчета. Въ нынѣшнемъ году возникло 192,000 дѣлъ о лѣсоповрежденіяхъ, что вмѣстѣ съ оставшимися еще безъ рѣшенія отъ прошлаго года составляетъ 423,000. Этотъ итогъ превосходитъ итогъ прошлаго года на 45,000.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ

КІЕВЪ. Конецъ 83 и начало 84 г. ознаменовались для кіевской революціонной организаціи страшными разгромами. Аресты начались во второй половинѣ декабря 83 г. съ того, что былъ взятъ на улицѣ со шрифтомъ студентъ Е. П. Дорожинскій, затѣмъ жившій въ одной квартирѣ съ нимъ студ. В. С. Семяновскій и курсистка М. П. Репнкова, которую застали тамъ пришедшіе на обыскъ жандармы. Въ связи съ ними были арестованы: сынъ купца Фатѣевъ, М. А. Корніенко, студ. Сидоренко, Протодьяконовъ, Климовскій, Скворцовъ, курс. выс. мед курсовъ Троицкая (ар. въ Петербургѣ и привезена въ Кіевъ), ст. мед. Ортынскій, студ. юр. Эйберъ, И. В. Врочинскій, Копашевичъ (нелег. Петровъ), ст. Кругловъ, Д. Е. Лаппо, П. И. Коновальчикъ, Козловскій, Игнатовичъ (женщина), Олицкій, Вояковскій, Врублевская, Лавровская-Афанасьева, дѣйств. студ. Петерб. унив. О. Ю. Рехневскій, въ Бэркѣ на пути въ Варшаву — Кладкевичъ по поводу прокламаціи гимназистовъ. 3 4 марта ар. 10 человѣкъ. Началось дѣло въ 10 ч. вечера 3 марта, когда былъ взятъ на улицѣ рабочій нелегальный Борисовичъ (настоящая фамилія его осталась неизвѣстной даже послѣ осужденія), оказавшій вооруженное сопротивленіе. Въ ночь съ 3 на 4 марта взяты дѣйств. ст. Пет. ун. М. П. Шебалинъ съ женой, ст. Кіевск. ун М. Н. Васильевъ, Н. П. Завадовскій и Е. Д. Степановъ, студ. дух. акад. П. Г. Дашкевичъ, В. В. Шуленникова (нелег. Кочетова). 4-го марта на улицѣ — В. А. Карауловъ (нелег. Тейшъ), пріѣхавшій за двѣ недѣли до того изъ заграницы, и рабочій П. Панкратовъ (нелег. Черновскій). Во время вооруженнаго сопротивленія послѣдняго удалось скрыться женщинѣ (нелег. Бѣлевцева), которая была вмѣстѣ съ нимъ преслѣдуема

переодѣтыми жандармами. Въ концѣ марта арестованъ Даниленскій, Билевичъ, два брата Гуковичи, Н. П. Дирдовскій. Въ маѣ курсистки высш. курс. Левина и Левенталь, ст. Мицкевичъ (вып.), бр. Андріановы и Л М. Затворницкій. Всѣ эти лица вошли въ сотавъ одного дѣла, которое жандармы называли «дѣломъ о тайной типографіи и вооруженныхъ сопротивленіяхъ». Изъ нихъ: Борисовичъ, Панкратовъ, Шебалинъ съ женой, Карауловъ, Васильевъ, Дашкевичъ, Шулепникова, Степановъ, Завадовскій, Затворницкій и Дирдовскій — преданы военно-окружному суду, дѣло остальныхъ рѣшалось въ административномъ порядкѣ. Процессъ (1—9 ноября) по содержанію обвиненій не представлялъ особеннаго интереса; въ этомъ отношеніи дѣло доходило до курьеза. Надо знать, что въ самомъ началѣ жандармы, производившіе слѣдствіе, разсчитывали на массу открытій. Въ концѣ же концовъ, протянувши дознаніе на полгода, они создали только дѣло «о тайной типографіи и вооруженныхъ сопротивленіяхъ». Въ виду этого для приданія дѣлу большей важности прибавлено было обвиненіе въ томъ, что будто бы въ Кіевѣ имѣлся въ виду съѣздъ членовъ партіи Н. В. для установленія плана будущихъ дѣйствій партіи; съѣздъ, въ которомъ должны были принять участіе видные представители партіи Н. В., какъ находящіеся въ Россіи, такъ и прибывшіе изъ заграницы, что на сходкѣ революціонеровъ въ Парижѣ передъ отъѣздомъ оттуда Караулова были разговоры по этому поводу, и предложено было однимъ изъ рѣшеній съѣзда постановить — совершеніе въ непродолжительномъ будущемъ пяти или шести политическихъ убійствъ, начиная съ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ данномъ случаѣ важно не то, соотвѣтствовало ли это обвиненіе дѣйствительности или нѣтъ, а то, что сами жандармы говорили, что свѣдѣнія о съѣздѣ доставлены агентурнымъ путемъ. Никакихъ ни документальныхъ, ни личныхъ свидѣтельствъ по этому дѣлу не было. А между тѣмъ обвиненіе занесено въ обвинительный актъ, да не въ общемъ только видѣ, но даже съ обозначеніемъ тѣхъ подсудимыхъ, которые должны были принять участіе въ съѣздѣ. Конечно, ни со стороны обвиненія, ни со стороны защиты вопросъ о съѣздѣ вовсе и не ставился. Развѣ только во время обвинительной рѣчи, прокуроръ, при оцѣнкѣ роли Борисовича и Панкратова въ дѣятельности партіи, заявилъ: «Они

(Борисовичъ и Панкратовъ) представители физической силы партіи, члены боевой дружины. Ихъ исключительная задача — исполнять „приговоры съѣздовъ".» Одинъ изъ защитниковъ даже сыронизировалъ на счетъ этого съѣзда. Дѣло въ томъ, что въ обвинительномъ актѣ разсказывалось про нѣсколькихъ лицъ, которыя временно появлялись въ Кіевѣ, а затѣмъ исчезали (Стародворскій, Якубовичъ, Бѣлевцева, какой то «блондинъ»). «Какимъ образомъ, сказалъ защитникъ, разбирая эти обстоятельства дѣла, можно въ данномъ случаѣ говорить о съѣздѣ? Мнѣ кажется, мы имѣемъ дѣло скорѣе съ разъѣздомъ.»

Но если, какъ уже сказано, процессъ этотъ не представляетъ особеннаго интереса по содержанію обвиненія, тѣмъ не менѣе онъ заслуживаетъ вниманія въ двухъ отношеніяхъ; съ одной стороны, читались и толковались различные документы партіи (Программа Исп. Ком., Программа раб. членовъ партіи Н. В., выдержки одного изъ старыхъ №№ Н. В., объявленіе объ изданіи В. Н. В., объявленіе объ изданіи проектированной въ Кіевѣ газеты Юго-Западной группы партіи Н. В. «Соціалистъ», двѣ рукописныя статьи изъ вошедшихъ въ составъ 10 № Н. В.), прочтена даже была вся литографированная брошюра Степняка «Подпольн. Россія». Послѣднее произошло въ виду того, что прокурору непремѣнно хотѣлось, чтобы былъ прочитанъ оттуда отдѣлъ о террорѣ, подсудимые же поставили альтернативу читать все или ничего. Прокуроръ, вѣроятно, такъ много разсчитывалъ на впечатлѣніе, которое должно будетъ произвести это чтеніе на судей и публику (жандармы, нѣсколько генераловъ и офицеровъ, члены судебнаго вѣдомства и родные нѣкоторыхъ подсудимыхъ), что рѣшилъ читать всю брошюру, которая представляетъ изложеніе, съ чисто субъективной, впрочемъ, точки зрѣнія автора, историческаго развитія русской общественной мысли, начиная чуть ли не съ 50 годовъ, и охватываетъ эпохи реализма или нигилизма, народничества и народовольчества (терроръ), такъ что и женскій и религіозный вопросы были затронуты на этомъ политическомъ процессѣ. Все это дало возможность защитѣ коснуться програмы партіи Н. В. и вообще принциповъ русскихъ революціонныхъ фракцій послѣдняго времени съ точки зрѣнія ихъ генезиса, чѣмъ и воспользовался присяжный повѣренный Куперникъ, противопоставляя прокурорской харак-

теристикѣ партіи Н. В. и ея задачъ свою собственную. Съ другой стороны представляетъ интересъ то обстоятельство, что большая часть судебнаго слѣдствія была заполнена показаніями жандармскихъ унтеръ-офицеровъ, которые зарекомендовали себя на этотъ разъ самымъ скандальнымъ образомъ, не смотря на то, что у нихъ было достаточно времени прорепетировать свои роли, что во время самаго суда у нихъ постоянно происходили репетиціи съ жандармскими офицерами и прокурорами, и что самый допросъ свидѣтелей — жандармовъ во время судебнаго слѣдствія производился, какъ говорится, по домашнему. До крайняго неприличія въ этомъ отношеніи дѣло дошло съ Хмарой. Этотъ „Хмара“ путался и вралъ безбожно. Не говоря уже о противорѣчіяхъ его показаній на судѣ съ тѣмъ, какъ они были занесены въ обвинительный актъ, положительно невозможно было дать отчетъ въ томъ, что онъ хочетъ сказать. Прокуроръ объяснилъ судьямъ это тѣмъ, что у Хмары голова разболѣлась отъ перекрестнаго допроса. Когда дѣло дошло до передопроса нѣкоторыхъ свидѣтелей, по требованію какъ защиты, такъ и обвиненія, прокуроръ настаивалъ на передопросѣ Хмары. „Вотъ видишь ли, обратился онъ къ вошедшему «свидѣтелю», вчера твои показанія были не совсѣмъ понятны. Ты прослушай меня, я передамъ ихъ смыслъ, и если я ошибусь, поправь меня.“ Затѣмъ слѣдуетъ будто бы резюме вчерашнихъ показаній свидѣтеля. „Вѣрно ли я тебя понялъ?“ спрашиваетъ прокуроръ. „Точно такъ, ваше высокоблагородіе!“ отвѣчаетъ жандармскій унтеръ-офицеръ. И такой пріемъ употреблялся прокуроромъ не разъ впродолженіе судебнаго слѣдствія. Вообще *показанія* свидѣтелей жандармовъ произвели, повидимому, на всѣхъ самое отвратительное впечатлѣніе, чѣмъ жандармское начальство осталось въ высшей степени недовольно.

Рѣчи прокурора, защитника и подсудимыхъ не представляли собой чего нибудь важнаго, чтобы нужно было давать о нихъ болѣе или менѣе подробный отчетъ. Обвинительная рѣчь, построенная совершенно по плану обвинительнаго акта, являлась лишь сокращеніемъ послѣдняго, не безъ нѣкоторыхъ, впрочемъ, претензій на реторическіе украшенія и эффекты. Тутъ было и опредѣленіе задачъ партіи: «политическое упраздненіе государства, экономическое водвореніе коммунизма», и философствованіе на тему

о томъ, что «партія не имѣла, не имѣетъ и не будетъ имѣть почвы въ русскомъ народѣ», и что названіе «Народная Воля» — иронія; и негодующій вопль патріота: «у насъ, къ несчастію, публика не достигла еще такого развитія, чтобы оказывать содѣйствіе полиціи при задержаніи государственныхъ преступниковъ!» (по поводу того, что при задержаніи Панкратова не приняли участія прохожіе, которыхъ набралось не мало); и защита чести мундира: «въ Кіевѣ нѣтъ такихъ военныхъ, которые дали бы хоть копейку на это дѣло!» (по поводу одной изъ рубрикъ отчета, гдѣ значилось: «отъ кіевскаго военнаго кружка—столько то»); и старый пріемъ поставлять виновность того или другого лица, при отсутствіи прямыхъ уликъ, въ зависимость отъ знакомства съ другими лицами: «всякій, кто былъ знакомъ съ Шебалинымъ, погибшій человѣкъ» (относилось къ тѣмъ, про кого больше сказать было нечего). Въ данномъ случаѣ особеннымъ пугаломъ служилъ Стародворскій, который, хотя былъ арестованъ въ Петербургѣ, былъ требуемъ въ качествѣ обвиняемаго въ Кіевъ для привлеченія къ этому дѣлу, на что Пет. жандарм. управл. отвѣтило, что Стародворскій обвиняется по ст. 249 и 1453, что онъ находится въ отдѣльномъ помѣщеніи, и что перемѣны въ его участи не предвидится. Въ виду его отсутствія на скамьѣ подсудимыхъ, прокуроръ прочиталъ отношеніе Пет. жандарм. упр. о Стародворскомъ, гдѣ говорилось, что Стародв. обвиняется въ организаціи Подольской боевой дружины, въ освобожденіи Волянскаго, препровождавшагося подъ стражей изъ Бара, и обезоруженіи сопровождавшихъ послѣдняго конвойныхъ, далѣе — въ отнятіи у кучера гр. Шембека экипажа и лошадей, на которыхъ онъ и увезъ Волянскаго, въ проживательствѣ по подложнымъ документамъ въ разныхъ мѣстахъ, между прочимъ, въ Кіевѣ, наконецъ — въ участіи въ убійствѣ Судейкина. Все это было сдѣлано для того, чтобы тѣмъ съ большимъ вѣсомъ указывать на знакомство со Стародворскимъ относительно тѣхъ лицъ, къ которымъ прямо невозможно было предъявлять писанныхъ обвиненій.

Въ заключеніе, упомянувши о томъ, что особеннаго вреда партія Н. В. такому сильному своей внутренней организаціей государству, какова Россійская Имперія, не принесетъ, прокуроръ всѣхъ подсудимыхъ подводилъ подъ 249 ст., признавая по существу дѣла смягчающія обстоятельства

только по отношенію къ Дирдовскому, какъ „вновь присоединенному члену партіи“. „Быть можетъ, гг. судьи, у васъ возможенъ вопросъ, почему я подвожу настоящее дѣло подъ 249, а не подъ 250 ст., такъ какъ въ данномъ случаѣ не было еще никакихъ насильственныхъ дѣйствій, клонящихся къ ниспроверженію верховной власти. Но вѣдь эта группа подсудимыхъ принадлежитъ къ партіи Нар. Воли, партіи, которая заявила уже себя цѣлымъ рядомъ гнусныхъ покушеній на убійства и убійствами высокопоставленныхъ лицъ, наконецъ злодѣйскимъ убійствомъ государя, а потому всякій принадлежащій къ ней отвѣтственъ за ея дѣйствія, хотя бы самъ и не принималъ въ нихъ физическаго участія. Вотъ почему я думаю, что всѣ подсудимые должны быть подведены подъ 249 статью“.

Защиту всего дѣла съ принципіальной стороны взялъ на себя присяжный повѣренный Куперникъ. Съ этой точки зрѣнія его возраженія на рѣчь прокурора касались главнымъ образомъ двухъ пунктовъ: вопроса о политическихъ и экономическихъ задачахъ партіи Н. В. и подведенія всего дѣла подъ 249 статью.

Принимая въ соображеніе принципы партіи Н. В., какъ они изложены въ документахъ, читанныхъ на судѣ, онъ не можетъ согласиться съ мнѣніемъ прокурора по этому поводу. Ни о разрушеніи государственнаго строя вообще, ни о коммунизмѣ въ программѣ партіи нѣтъ рѣчи! Политическія задачи партіи сводятся не къ абсолютному упраздненію государства, какъ полагаетъ прокуроръ, а только къ разрушенію той формы государственнаго строя, которая существуетъ въ Россіи, и замѣнѣ ея другою, признаваемою, съ точки зрѣнія партіи, болѣе соотвѣтствующей требованіямъ эпохи. Ничего химерическаго, недостижимаго въ этомъ нѣтъ. Вѣдь существуютъ же въ Западной Европѣ государства съ иными политическими учрежденіями, чѣмъ у насъ. Что касается экономическихъ задачъ партіи Народной Воли, то опять таки прокуроръ не правъ, смотря на нихъ, какъ на стремленіе къ достиженію переустройства общества на коммунистическихъ началахъ. Въ программѣ партіи въ высшей степени ясно опредѣлены эти задачи: она имѣетъ въ виду постепенное введеніе началъ коллективизма въ земледѣльческую и промышленную жизнь русскаго народа. Въ Западной Европѣ эти задачи осуществляются на совершенно

легальной почвѣ, и если тамъ онѣ не утопія, то почему смотрѣть на нихъ какъ на утопію въ Россіи? По вопросу о подведеніи дѣла подъ 249 ст., Куперникъ высказался въ томъ смыслѣ, что существованіе исторической преемственности между данной группой подсудимыхъ и партіей Нар. Воли вовсе не обусловливаетъ по духу русскихъ законовъ связи въ смыслѣ уголовной отвѣтственности. Проанализировавъ съ догматической стороны какъ ст. 249, такъ и другія статьи уложенія о наказаніяхъ, трактующія о принадлежности къ сообществамъ, имѣющимъ цѣлью ниспроверженіе существующаго строя, очертивъ исторію появленія этихъ статей въ русскомъ уголовномъ кодексѣ, указавъ, что статья 249 непосредственно была вызвана заговоромъ декабристовъ и что подъ дѣйствія ея могутъ подходить только дѣла аналогичныя съ дѣломъ декабристовъ, Куперникъ находилъ возможнымъ подвести настоящее дѣло только подъ 250 статью. Того отдѣла рѣчи Куперника, который касался въ частности защиты Шебалиныхъ, точно также какъ рѣчей прочихъ защитниковъ, мы здѣсь касаться не будемъ.

Не лишнее будетъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи судей къ тому, что происходило на судѣ. Что касается предсѣдателя, генералъ-лейтенанта Кузьмина, то развѣ только его прошлымъ (онъ сидѣлъ, какъ говорятъ, въ Петропавловской крѣпости по Петрашевскому дѣлу) можно объяснить себѣ ту чрезвычайную порядочность, которую онъ проявилъ въ роли предсѣдателя военно-окружнаго суда. Всѣ заявленія подсудимыхъ, всѣ рѣчи защитниковъ, и послѣднія слова подсудимыхъ выслушивались имъ съ замѣчательнымъ вниманіемъ Въ теченіе 9-ти дней только лишь два раза онъ прерывалъ подсудимыхъ. Панкратовъ, въ своемъ послѣднемъ словѣ дѣлая краткую характеристику своей жизни и тѣхъ причинъ, которыя заставили его примкнуть къ партіи Н. В., и называя вещи ихъ собственными именами, въ рѣзкихъ для уха военнаго судьи выраженіяхъ развилъ мысль о томъ, что правительство своими дѣйствіями въ случаяхъ столкновенія съ нимъ вынуждало его избрать тотъ исходъ, который избралъ онъ. „Всякая легальная честная работа на пользу общества или отдѣльныхъ классовъ его подавляется правительствомъ". По этому пункту предсѣдатель возражалъ. Караулову не было дозволено сдѣлать характеристику реформъ прошлаго цар-

ствованія. Васильеву предсѣдатель посулилъ отнять у него право слова за то, что онъ назвалъ шаржемъ нѣкоторыя мѣста обвинительнаго акта. Помимо же этого никакихъ столкновеній подсудимыхъ съ предсѣдателемъ не было, чему, между прочимъ, причиной было и то, что всѣ ихъ рѣчи отличались сдержанностію, насколько это позволяло ихъ собственное достоинство какъ людей, и какъ членовъ партіи. Такъ Шебалинъ не встрѣтилъ возраженій, когда въ своемъ послѣднемъ словѣ коснулся вопроса о томъ, что у прокурора не было никакихъ разумныхъ оснований характеризовать террористовъ, только какъ „героевъ кинжала, динамита и револьвера“. Какое бы тяжелое въ уголовномъ смыслѣ преступленіе ни совершилъ террористъ, такъ на него смотрѣть нельзя. Нельзя думать во первыхъ, что для него вопросъ о совершеніи преступленія не представляетъ никакихъ колебаній, что онъ совершаетъ преступленіе безъ насилія надъ человѣческими сторонами своей природы. Далѣе, нужно взять во вниманіе, что совершеніе преступленія вызывается глубокимъ убѣжденіемъ въ его необходимости, что террористъ такимъ образомъ является человѣкомъ идеи, дѣйствуетъ во имя идеи, которой онъ приноситъ въ жертву все, чѣмъ можетъ жертвовать человѣкъ — свою судьбу и даже жизнь. Затѣмъ онъ коснулся еще одного вопроса, вопроса о томъ, насколько раціонально всякого человѣка, прикосновеннаго къ дѣятельности партіи только лишь косвеннымъ путемъ, считать членомъ партіи, какъ это установлено практикой военно-окружныхъ судовъ. Онъ указывалъ на то, что между первымъ и вторымъ большая разница, которую необходимо принимать во вниманіе.

Совершенно иное нужно сказать о военномъ судьѣ генералъ-маіорѣ Кониском. Этотъ человѣкъ съ глуповато-животной наружностью велъ себя до неприличія нахально. Онъ, понятно, все время не проронилъ ни одного слова, но за то же какъ будто хотѣлъ показать воочію, что онъ плевать хочетъ на всѣхъ и вся: въ то время, когда говорили подсудимые, или защитники, онъ углублялся въ чтеніе газетъ и только при особенно энергическихъ выраженіяхъ обвинительной рѣчи физіономія его осклаблялась въ улыбку какого то звѣрскаго наслажденія.

Совѣщаніе судей продолжалось 7 часовъ, и 9 ноября въ 9 часовъ вечера былъ вынесенъ приговоръ: Панкратовъ на

20 лѣтъ каторжныхъ работъ, Борисовичъ — 12 лѣтъ кат. раб., Шебалинъ — 12 лѣтъ кат. раб., Карауловъ — 4 года кат. раб., Васильевъ — ссылка на поселеніе въ отдаленныя мѣста. Сибири, Далкевичъ — не столь отдаленныя, Шуленниковъ — не столь отдаленныя, Шебалина — въ Тобольскую губернію, Дырдовскій — въ Олонецкую губ., Степановъ, Завадовскій и Затворницкій оправданы.

Въ заключеніе считаемъ умѣстнымъ привести нѣкоторыя обстоятельства, при которыхъ произошла отправка осужденныхъ изъ Кіева въ Москву, заимствуя свѣдѣнія изъ письма одного изъ нихъ. «Кажется, еще при васъ поднятъ былъ вопросъ о протестѣ противъ бритья. Ко дню отправки вся тюрьма рѣшила протестовать. Смотритель два раза ѣздилъ къ губернатору узнать, не рѣшится ли онъ отправить каторжанъ не бритыми. Отказъ. Наши не согласились идти въ контору для операціи; солдаты уносили ихъ на рукахъ. Чтобы помѣшать сильному движенію головы и избѣжать глубокихъ порѣзовъ, солдаты крѣпко держали брѣемаго. Солдатскія ладони буквально сплошь покрывали всю голову: поднимается одна ладонь — брѣется часть головы, эта часть закрывается, открывается и брѣется слѣдующая часть и такъ до конца. Подбородокъ и шею со всѣхъ сторонъ давили кулаками, чтобы сдѣлать голову неподвижною. Понятно, что такое бритье — пытка. Шебалинъ послѣ бритья упалъ на полъ и нѣсколько минутъ пролежалъ въ безсознательномъ состояніи. При такомъ насиліи и безъ всякаго приготовленія былъ бы бунтъ. Во всѣхъ камерахъ поднялся страшный шумъ: били стекла, посуду, у кого была, выбивали форточки въ дверяхъ. Панкратовъ при своей силѣ совершенно погнулъ желѣзный столъ и стулъ, вынулъ нѣсколько кирпичей около послѣдняго и въ заключеніе вырвалъ верхнюю желѣзную оконную раму. Черезъ нѣсколько времени въ корридоръ явились рота солдатъ, офицеръ и смотритель, — начался осмотръ погрома. У кого была выбита форточка, того оставляли въ покоѣ, у кого стекла — вязали. Съ Калиниченкомъ сдѣлался нервный припадокъ. Лежа онъ заявилъ, что только припадокъ мѣшаетъ ему выбить стекла и форточку, и сказалъ солдатамъ: „вяжите“. Его не тронули. Связали такимъ образомъ не всѣхъ, связанные же скоро ухитрились развязать себя. Въ полночь пріѣхалъ полицеймейстеръ и грозилъ принять строгія мѣры,

если не успокоимся. Вязать вновь не рѣшились, а такъ какъ бить больше было нечего, то, понятно, мы успокоились. Все это было наканунѣ отъѣзда. При выходѣ нашемъ изъ конторы „юбиляры“ (студенты, арестованные по поводу безпорядковъ) стали бить стекла въ своихъ камерахъ и провожали насъ криками: „Прощайте, прощайте, мы не забудемъ вчерашняго поруганія надъ вами!“ На вокзалѣ мы шли подъ усиленнымъ конвоемъ. Съ этапа на этапъ до Бутырской тюрьмы насъ передавали съ рекомендаціей „бунтарей“. Везли насъ какъ будто секретно, въ Москвѣ насъ почему то не ждали. Изъ Кіева сообщили, что пріѣдутъ только Левенталь и Козловскій (народный учитель). Для насъ не оказалось мѣста; первый день сидѣли въ конторѣ, а потомъ перешли въ камеру для уголовныхъ. Приставили спеціальныхъ часовыхъ; сначала не пускали даже въ корридоръ. Впрочемъ въ одной камерѣ мы пробыли только два дня. Въ пятницу, передъ самымъ обѣдомъ взяли Дирдовскаго, котораго предварили наканунѣ, а каторжанъ повезли совершенно неожиданно по телеграммѣ изъ Питера. Все сдѣлалось такъ быстро, что Шебалинъ не успѣлъ даже попрощаться съ женой. Прощаніе было тоже тягостное: мы догадывались, куда везутъ каторжанъ. Въ январѣ получилъ письмо отъ Дирдовскаго: пишетъ, что товарищей увезли сначала въ Петропавловку, а оттуда въ Шлиссельбургъ. Питерскіе жандармы обращались грубо — на „ты“. Дирдовскій сначала сидѣлъ въ пересыльной тюрьмѣ. Обстановка скверная: ни стола, ни стула, ни постели: читать книгъ — нельзя, курить нельзя, пѣть не дозволяется, предупреждали даже не свистать. Дирдовскій заболѣлъ — тогда его перевели въ домъ предварительнаго заключенія“.

КІЕВЪ. *30 августа.* Всѣмъ извѣстно, что изъ Кремзира въ Гатчину нельзя перенестись въ одно мгновеніе. Приходится, къ сожалѣнію, ѣхать по этимъ ужаснымъ желѣзнымъ дорогамъ, останавливаться въ различныхъ городахъ и выслушивать восторги вѣрноподданнаго населенія, а при всемъ этомъ могутъ пожалуй произойти очень непріятныя и опасныя происшествія, касающіяся высокопоставленныхъ особъ. Во избѣжаніе этихъ грустныхъ случайностей, во

всѣхъ городахъ, лежащихъ на пути изъ Кремзира въ Гатчину, дѣлались „должныя приготовленія“ для встрѣчи высокаго гостя. Мы опишемъ то, что было сдѣлано для этой цѣли въ нашемъ богоспасаемомъ градѣ.

Еще за 2 недѣли до проѣзда императора начались самыя невѣроятныя приготовленія для встрѣчи и охраны его. Началось дѣло съ полиціи. Штатъ ея былъ значительно увеличенъ. Нѣсколько сотъ отборныхъ шпіоновъ, прибывшихъ изъ Петербурга и Москвы, начали свою атаку на обывателей на улицахъ, въ кафе, въ трактирахъ, по базарамъ и площадямъ и т. д. Цѣлая масса жандармскихъ полковниковъ и капитановъ съ командами нижнихъ жандармскихъ чиновъ должны были увеличить охранительныя силы Новицкаго. Съ окрестныхъ городовъ было стянуто до 50 тыс. войска, которое было размѣщено по всѣмъ домамъ города. Вообще проѣздъ особенно далъ себя знать домовладѣльцамъ и мирнымъ обывателямъ. По всѣмъ улицамъ, гдѣ предполагался проѣздъ, домовладѣльцевъ заставляли производить генеральный ремонтъ своихъ домовъ и не разъ можно было наткнуться на слѣдующаго рода сцену.

— Я три недѣли назадъ красилъ заборъ и теперь не стану опять, говоритъ домовладѣлецъ.

— Нѣтъ, мы васъ заставимъ и теперь выкрасить, настаиваетъ приставъ. Очень продолжительная перебранка заканчивается тѣмъ, что полиція производитъ ремонтъ сама, съ тѣмъ чтобы потомъ взыскать расходы съ домовладѣльца. Извѣстно, что съ 500 домовладѣльцевъ взяли подписку, что они обязываются слѣдить не только въ предѣлахъ своихъ домовъ, но подслушивать и подсматривать въ толпѣ. 13 августа было вывѣшено на всѣхъ улицахъ любопытное по своему содержанію объявленіе кіевскаго генералъ-губернатора. Хотя въ началѣ этого объявленія и высказывались большія надежды на вѣрноподданническія чувства обывателей вообще и домовладѣльцевъ въ особенности, тѣмъ не менѣе заканчивалось оно угрозой 500-рублеваго штрафа за неисполненіе означенныхъ въ немъ предписаній. Предписанія эти вообще гласили о томъ, что обыватель во время проѣзда императора долженъ постараться исчезнуть. Окна домовъ на улицахъ, по которымъ предполагался проѣздъ императора, должны были быть плотно закрыты. На балконахъ домовъ имѣли право находиться только лица, *хо-*

рошо извѣстныя домовладѣльцамъ. У воротъ каждаго дома долженъ былъ безсмѣнно стоять дворникъ и впускать во дворъ только людей *лично* ему извѣстныхъ. Во время катанія императора по Днѣпру и желѣзнодорожный, и цѣпной мосты должны были быть совершенно очищены отъ обывателя, точно также какъ и все пространство Днѣпра въ районѣ катанія и т. д. Вообще слѣженіе и ловленіе такъ отзывалось на спокойствіи обывателя, что онъ началъ сомнѣваться въ томъ, что онъ существуетъ, по остроумному выраженію кіевлянъ. Чѣмъ же оправдывала полиція свой походъ противъ мирныхъ жителей? Все, конечно, сваливалось на крамолу, и вотъ для того, чтобы существованіе крамолы сдѣлать болѣе явственнымъ для публики, устраивается на Печерскѣ ловленіе на улицѣ фиктивнаго нелегальнаго. Цѣлая куча переодѣтыхъ жандармовъ и городовыхъ окружаютъ какого-то разодѣтаго жулика, съ криками: «А, попался, голубчикъ!» Жуликъ, актерски жестикулируя, выкрикиваетъ: «Не думайте, что это вамъ такъ сойдетъ, за меня отомстятъ мои товатищи!» У всѣхъ при этомъ были очень умильныя физіономіи, вообще все продѣлано было необыкновенно театрально. На Бибиковскомъ бульварѣ жандармы произвели обыскъ въ лавкѣ стариковъ Крашенниковыхъ, родныхъ совершенно безобиднаго студента (живущаго притомъ отдѣльно отъ нихъ), арестовали тамъ дряхлую старуху и распустили слухъ, что нашли у нея переписку, указывающую на существованіе подкопа около памятника Бибикова. Слухъ объ этомъ несуществовавшемъ подкопѣ полиція очень усердно распространяла и раздувала. Несчастную старуху, служившую въ данномъ случаѣ козломъ отпущенія мѣропріятій полиціи, продержали нѣсколько дней подъ арестомъ. 15 августа, наканунѣ проѣзда, разразился наконецъ дѣйствительный погромъ, направленный уже не противъ мирныхъ обывателей. Арестовано было до 15 человѣкъ, которые сидятъ и теперь.

ОДЕССА, *5 октября, 1885 г.* Реакція, разлившаяся грозной лавой по всѣмъ благословеннымъ уголкамъ матушки-Руси, свила себѣ въ Одессѣ прочное гнѣздо. Она давно уже пустила здѣсь глубокіе корни во всѣхъ сферахъ обще-

ственной жизни, всюду посѣявъ ядовитыя сѣмена раздора, измѣны, предательства, разврата — забвенія, словомъ, самыхъ элементарныхъ требованій человѣческой природы.

Посмотрите на университетъ, этотъ разсадникъ знаній и истины, посмотрите на этотъ сонмъ ученыхъ, призванныхъ сѣять среди молодежи «разумное и доброе», посмотрите на наши средне-образовательныя школы и ихъ руководителей, присмотритесь къ органамъ суда и администраціи, проберитесь на минуту въ закулисныя сферы казарменной и офицерской жизни, вы увидите явленія, къ которымъ, къ несчастію, русскій человѣкъ начинаетъ привыкать, но которыя приводятъ въ негодованіе всякаго, у кого еще осталась искра совѣсти и чести. «Слово и дѣло», этотъ исконный, принимавшій только разнообразныя историческія формы, лозунгъ русскаго правительства проникаетъ и проникъ уже въ тѣ сферы, куда, какъ въ святую святыхъ, казалось бы, не смѣетъ проникнуть малѣйшая тѣнь нечистаго и порочнаго. А между тѣмъ, это всеобщее униженіе замѣтно вездѣ, не только у насъ, но и по всей Россіи; въ картинѣ омута мѣстной жизни, какъ въ каплѣ воды подъ микроскопомъ, отражается общая безотрадная картина страны, преданной не на «кормленіе», какъ это было въ доброе старое время, а прямо на истерзаніе и изнасилованіе башибузукамъ всѣхъ вѣдомствъ, дѣйствующихъ подъ эгидой русскаго самодержавія.

Описывать подробно всѣ мерзости, совершающіяся у насъ въ административномъ и учебномъ вѣдомствахъ, я не стану; это значило бы повторить общее описаніе того, что дѣлается кругомъ, возлѣ каждаго изъ насъ, въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Россіи, этому не мѣсто въ корреспонденціи; я остановлюсь только на нѣкоторыхъ характерныхъ фактахъ. Остановлюсь прежде всего на нынѣшнемъ сатрапѣ Новороссійскаго края, генералѣ Роопѣ. Это одинъ изъ тѣхъ безграмотныхъ, трусливыхъ и холопствующихъ нѣмцевъ, которые могли бы смѣло 50 лѣтъ проторчать на должности преподавателя тактики гдѣ нибудь въ военно-учебномъ заведеніи или въ роли дивизіоннаго командира въ провинціи, не обративъ ничьего благосклоннаго вниманія, если бы... русскому правительству не захотѣлось посадить на одесскій престолъ вмѣсто неотесаннаго солдата Гурко «просвѣщеннаго правителя». Смирный профессоръ тактики, извѣстный

послушаніемъ и холопствомъ, оказался наиболѣе подходящимъ лицомъ среди безцвѣтной клики русскихъ генералъ-адъютантовъ. Его тактика въ роли сатрапа, если не геніальна, то, по крайней мѣрѣ, проста. Онъ объявилъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что будетъ слѣдовать духу и разуму своихъ предшественниковъ, и въ этомъ направленіи онъ предоставляетъ своимъ подчиненнымъ и сотрудникамъ полный просторъ и свободу, себѣ же предоставляетъ *верховный надзоръ* надъ всѣмъ. Въ результатѣ этого верховнаго надзора является полнѣйшая безнаказанность администраціи, которая у него подъ носомъ совершаетъ чудовищныя злоупотребленія въ то время, какъ самъ его превосходительство охотится за несчастными гимназистами, выходящими послѣ урочнаго часа подышать морскимъ воздухомъ, и доставляетъ ихъ по начальству. Насколько онъ бдителенъ къ дѣйствіямъ администраціи, вы можете видѣть изъ того, что бывшій градоначальникъ Косаговскій систематически вымогалъ взятки въ самой наглой и возмутительной формѣ; объ этомъ знали всѣ до послѣдняго городового, а его превосходительство узналъ лишь тогда, когда извѣстіе объ этомъ было уже получено въ Петербургѣ. Прибавлю, en pendant, что этотъ самый взяточникъ Косаговскій *только для соблюденія внѣшняго приличія* и во избѣжаніе скандала былъ удаленъ изъ Одессы, но получилъ еще болѣе выгодный постъ курскаго губернатора. Можно было бы подумать, что Курская губернія представляетъ чудодѣйственный очистительный источникъ для всѣхъ прокаженныхъ корыстолюбіемъ и низостью, если бы этотъ примѣръ безцеремоннаго обращенія русскаго правительства съ интересами народа былъ первый и единственный.

Преемникъ Косаговскаго, нынѣшній градоначальникъ Зеленый, отличается особыми достоинствами. Этотъ грубый нахалъ ругается съ обывателями хуже любого извозчика. Очень недавно, во время пожара въ домѣ Овчинникова, въ присутствіи тысячной толпы, онъ кричалъ, обращаясь къ хозяину загорѣвшейся квартиры: «Я раскаленной шпагой распорю тебѣ брюхо, с... с...!», чѣмъ вызвалъ взрывъ ропота въ оторопѣвшей публикѣ. Впрочемъ, достоинства Зеленаго давно всѣмъ извѣстны, и онъ имѣетъ основаніе предполагать, что именно они помогаютъ ему взбираться вверхъ по лѣстницѣ чиновъ. Будучи въ 1883 4 г. градоначальникомъ въ Таган-

рогѣ, онъ давалъ обывателямъ цѣлыя баталіи, ругаясь самою площадною бранью, и чуть не таскалъ за бороды мѣстныхъ денежныхъ тузовъ. Не смотря на многочисленныя жалобы претерпѣвшихъ, онъ продержался тамъ два года и только потомъ былъ переведенъ въ Одессу, гдѣ передъ нимъ открылось гораздо болѣе широкое поприще для сквернословія и битвъ съ обывателями.

Но возвратимся опять къ Роопу.

Охота за гимназистами, самое любимое дѣло Роопа, превратилось у него, можно сказать, въ манію. По вечерамъ онъ incognito обшариваетъ бульвары и глухія улицы въ надеждѣ изловить какого нибудь запоздавшаго ученика. Удачная ловля оканчивается неизмѣнной и короткой расправой—исключеніемъ изъ гимназіи съ волчьимъ билетомъ. Въ Евпаторіи съ нимъ произошелъ такой случай. Находясь проѣздомъ въ Крыму, онъ во время остановки парохода въ Евпаторіи сошелъ осматривать городъ. Представьте себѣ его злобную радость, когда попавшіеся ему на встрѣчу воспитанники прогимназіи, не знавшіе его въ лицо и не подозрѣвавшіе о его прибытіи, не удостоили его надлежащимъ поклономъ.

Пылая жаждой мщенія, онъ немедленно извѣстилъ попечителя о такомъ попраніи правилъ, слѣдствіемъ чего было увольненіе инспектора по 3-му пункту. Только хлопоты представителей евпаторійскаго общества и поѣздка инспектора вмѣстѣ съ попечителемъ на поклонъ къ Роопу вызвали отмѣну этого нелѣпаго распоряженія и спасли участь злосчастнаго инспектора.

Этотъ эпизодъ былъ бы, конечно, только смѣшонъ, если бы не знаменовалъ собою цѣлую систему развращенія молодежи всѣми способами, начиная отъ правильной организаціи шпіонства среди нея и кончая самой тягостной по формѣ и тенденціи регламентаціей образа жизни, занятій, чтенія, знакомствъ и проч. Система развращенія учащейся молодежи представляетъ организованное цѣлое и приводится въ исполненіе по напередъ задуманному плану.

При начальникѣ каждаго учебнаго заведенія съ начала настоящаго учебнаго года состоитъ штатъ частныхъ шпіоновъ съ приличнымъ жалованіемъ, единственная обязанность которыхъ слѣдить за малѣйшимъ шагомъ учениковъ внѣ школы. Въ назначенный часъ до начала уроковъ начальники принимаютъ доклады своихъ соглядатаевъ, и по малѣй-

шему извѣту оговоренный воспитанникъ исключается единоличной властью начальника. Шпіонскія обязанности помимо того распредѣлены между членами учительской коллегіи, которые обязаны посѣщать учениковъ на дому, обыскивать ихъ, просматривать ихъ книги и пр. За томъ Добролюбова, или даже Шлоссера, и вообще за всякую другую порядочную книгу немедленно исключають изъ гимназіи. И не думайте, что все это на бумагѣ, нѣтъ, это выполняется со всѣмъ безсердечіемъ наемныхъ негодяевъ. Теперь вы уже насчитаете сотню съ лишнимъ жертвъ этой системы.

А университетъ? Мнѣ горько и стыдно говорить о позорѣ его внутренней жизни за послѣдніе годы, въ особенности же за самое недавнее время. Съ легкой руки Цитовича имя профессора Новороссійскаго университета стало синонимомъ мерзавца и холопа. Оставшіяся еще въ этой средѣ единичныя порядочныя личности хранятъ трусливое и позорное молчаніе, а задаетъ тонъ ватага торгашей словомъ науки, имена которыхъ, въ родѣ Ярошенко, Малининыхъ и Лигиныхъ, будутъ занесены на черную доску измѣнниковъ дѣлу просвѣщенія въ Россіи.

Ни одинъ университетъ не примѣнилъ новаго устава къ старымъ студентамъ. Таковъ смыслъ высочайшаго повелѣнія объ этомъ. Здѣсь примѣнили его съ прибавленіемъ репетицій, шпіонствомъ за посѣщеніемъ лекцій и т. д. Инспекція обращается со студентами не лучше, чѣмъ жандармы съ публикой. Всѣ прежніе обычаи и порядки отмѣнены; даже пособія въ видѣ марокъ на даровые обѣды сочтены за заигрываніе со студентами и за вредное потворство, даже медикаменты выдаются только безусловно благонамѣреннымъ. Въ чемъ либо провинившіеся студенты лишаются права давать уроки, получать субсидіи, хотя бы изъ городскихъ и частно-благотворительныхъ суммъ, проходящихъ черезъ руки инспекціи, не смотря на то, что даже министерскіе циркуляры этого не предусматриваютъ. По этому поводу представители города грозили лишить университетъ субсидіи, если онъ не перестанетъ дѣлить бѣдныхъ студентовъ на агнятъ и козлищъ.

Въ прошломъ году были исключены судомъ правленія 7 человѣкъ за то, что двое изъ нихъ оскорбили фаворита ректора, студента Петриковца, а остальные пять присутствовали при этомъ. Мало того, двое изъ участниковъ этой

исторіи, а именно братья Гольдштернъ, по настоянію ректора, были высланы заграницу, какъ иностранные подданные.

Такъ борятся съ общественнымъ развитіемъ органы народнаго просвѣщенія. Можно себѣ представить, какова дѣятельность непосредственныхъ органовъ сыска и доноса — полиціи и жандармеріи? Сотни обысковъ и арестовъ, томленіе исповинныхъ людей по мѣсяцамъ и годамъ въ одиночномъ заключеніи — вотъ любимое развлеченіе хранителей завѣтнаго „платка для вытиранья слезъ". Они хватаютъ со всѣхъ концовъ города, направо и налѣво, десятки и сотни жертвъ, начиная съ четырнадцатилѣтнихъ мальчиковъ и кончая сѣдовласыми отцами провинившихся дѣтей, сажаютъ ихъ въ тюрьму и потомъ угрозами стараются вынуждать у нихъ показанія. Показываютъ, напр., совсѣмъ юной дѣвушкѣ карточку незнакомаго ей человѣка. — «Что вы знаете объ этомъ господинѣ?» Послѣ отрицательнаго отвѣта взбѣшенный жандармъ кричитъ: „А если такъ, вонъ, въ тюрьму! Будете сидѣть, пока не скажете." Она просидѣла 6 мѣсяцевъ и была освобождена съ напутствіемъ: „Можете жаловаться на насъ министру внутр. дѣлъ!" Такъ обращались жандармы почти со всѣми заключенными, которые послѣ 6-7 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія были освобождаемы за отсутствіемъ обвиненій. Недавно въ камеру 19-ти лѣтняго юноши явился градоначальникъ Зеленый и обратился къ нему съ грозной филиппикой, оканчивавшейся слѣдующими словами: „если не скажете всего, я предамъ васъ военному суду, и васъ повѣсятъ". Нервный юноша упалъ въ обморокъ, а градоначальникъ удалился, сіяя отъ произведеннаго эффекта.

Что такое одесская политическая тюрьма, можетъ судить только сидѣвшій въ ней. Всевозможныя глумленія надъ личностью, мелочныя стѣсненія, отравляющія положительно каждую минуту жизни, не говоря уже объ антигигіеническихъ условіяхъ питанія и содержанія, выдумываются съ единственной цѣлью помучить сидящихъ. И все это дѣлается неожиданно, вдругъ, чтобы сильнѣе поразить кого слѣдуетъ. Въ одинъ прекрасный день у заключенныхъ отнимается бумага, потомъ запрещается чтеніе книгъ, свиданія и т. д. Чтобы затруднить доступъ книгъ, недавно было сдѣлано распоряженіе, чтобы книги доставлялись въ тюрьму

только новыя и неразрѣзанныя. Неудивительно, поэтому, что изъ массы заключенныхъ большинство было выпущено съ сильно разстроеннымъ здоровьемъ, а сидящіе и теперь еще Мавроганъ и Барскій харкаютъ кровью и страдаютъ сильнымъ психическимъ разстройствомъ; Левандовскій, посаженный въ карцеръ, служившій въ то же время и покойницкой, едва не помѣшался.

Безцеремонность и жестокость жандармовъ проявляется не только на заключенныхъ, но и на ихъ родственникахъ и постороннихъ, такъ или иначе причастныхъ къ нимъ. При обыскѣ у студента Р., жандармъ толкнулъ хозяйку, недостаточно поспѣшившую открыть дверь, такъ сильно, что она упала на полъ, съ разбитой головой, обливаясь кровью. Присутствовавшій тутъ же Катанскій, переступая черезъ ея тѣло, вскричалъ: „Вставай, матушка, ничего! вишь разнѣжилась!“ Не разъ Катанскій выгонялъ съ криками «вонъ!» матерей и отцовъ, приходившихъ къ нему съ просьбой о свиданіи; онъ стращалъ ихъ, предрекая висѣлицу ихъ сыновьямъ и дочерямъ. Доходило даже до того, что онъ, являясь въ тюрьму въ сопровожденіи стариковъ и старухъ, жаждавшихъ свиданія, заставлялъ ихъ томиться ожиданіемъ, а самъ между тѣмъ справлялъ дикія оргіи въ какой нибудь пустой камерѣ. «Пива! . . . .» раздавались его возгласы по корридору тюрьмы. Онъ въ пьяномъ видѣ являлся на допросы и разражался потокомъ брани, при малѣйшемъ колебаніи допрашиваемаго отвѣчать на его вопросы. Я могъ бы привести еще массу возмутительнѣйшихъ фактовъ изъ дѣятельности жандармеріи, но и этого достаточно.

Даже жандармы, приставленные къ политическимъ заключеннымъ въ тюрьмѣ, не могутъ хладнокровно видѣть безчеловѣчныя притѣсненія, учиняемыя Катанскимъ и К°, и всячески стараются облегчить ихъ участь. Поплатился же бѣдный жандармскій унтеръ-офицеръ Егоровъ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, тремя годами арестантскихъ ротъ и пятью годами строгаго надзора за то только, что изъ *сочувствія* къ сидящимъ, безъ всякой корыстной цѣли, передавалъ между ними записки. Этотъ проступокъ, какъ безкорыстный, даже по нашимъ драконовскимъ военнымъ законамъ карается легко, въ *дисциплинарномъ порядкѣ*. Но начальству несчастнаго Егорова захотѣлось предать его военному суду. И вотъ жандармскій капитанъ Пацевичъ за-

ставляетъ его подъ угрозой смертной казни дать *ложное показаніе*, что онъ за *деньги* оказывалъ услуги заключеннымъ. На судѣ Егоровъ отрекся отъ этого показанія, какъ отъ вынужденнаго, но судьи для острастки другимъ отправили его въ арестантскія роты. Защитникъ, на основаніи этого эпизода подавшій кассаціонную жалобу, получилъ отказъ безъ объясненія причинъ, ибо, въ самомъ дѣлѣ, какія могутъ существовать причины для вопіющихъ нарушеній основъ правосудія, кромѣ одной — готовности судей измѣнить своему долгу и присягѣ по первому мановенію руки начальства?

Ближайшимъ по времени проявленіемъ необузданности нашихъ ищеекъ оказались многочисленные обыски и аресты въ ночь на 14 августа. Что было причиною этой облавы, я не знаю; наврядъ ли зналъ это самъ Катанскій, но фактъ тотъ, что въ одну ночь было произведено до 350 обысковъ и до 100 арестовъ. На другой день большая часть арестованныхъ была выпущена съ оговоркой, что за ними имѣются какія то запутанныя дѣла. Но достаточное количество жертвъ оставлено для наполненія Одесской тюрьмы. Впрочемъ, вся эта исторія есть плодъ дѣятельности уже не Катанскаго, а его бывшаго приспѣшника Пацевича. Катанскій отъ непрерывнаго пьянства заболѣлъ бѣлой горячкой, и Пацевичъ теперь управляетъ всѣми дѣлами. По своимъ нравственнымъ качествамъ онъ ничѣмъ не отличается отъ своего патрона. Это такой же дикій звѣрь, только съ нѣкоторой примѣсью ехидства и хитрости.

ХАРЬКОВЪ, 2 *октября*. 1-го мая въ 2 часа дня около харьковскаго моста былъ арестованъ рабочій Петръ Григорьевичъ Антоновъ (нелегальный Кириллъ), выслѣженный шпіонами, и вмѣстѣ съ нимъ студентъ Х. В. И. Алексѣй Николаевичъ Макаревскій. Они были схвачены цѣлой сворой шпіоновъ, и арестъ ихъ послужилъ исходнымъ пунктомъ послѣдующаго погрома. Полиція, пытаясь открыть квартиру Антонова и, вѣроятно, зная приблизительно мѣсто ея, 2-го мая утромъ на Рубановскомъ переулкѣ отыскала квартиру съ двумя жильцами, изъ которыхъ одинъ не ночевалъ дома.

Былъ произведенъ обыскъ и арестованъ бывшій студентъ Спб. университета Саулъ Абрамовичъ Лисянскій (нелегальный Лебединскій), жившій вмѣстѣ съ Антоновымъ. Лисянскаго застали въ постели, но онъ быстро одѣлся, выпулъ

изъ подъ подушки револьверъ и, пользуясь смятеніемъ первыхъ минутъ обыска, сдѣлалъ попытку бѣжать черезъ окно. При этомъ онъ убилъ околодочнаго надзирателя Өесенко и ранилъ въ руку жандарма, пытавшихся задержать его. Однако, бѣжать Лисянскому не удалось, благодаря подоспѣвшему садовнику, который и помогъ задержать его. При обыскѣ была найдена типографія съ начатымъ наборомъ, 4 разрывныхъ снаряда, 5 револьверовъ, 2 кинжала, 6 масокъ и другія вещи. Полиція вовсе не ожидала достигнуть такихъ результатовъ, и потому на обыскѣ были только 2 околодочныхъ надзирателя и нижніе чины. Начались повальные обыски и аресты, самые безсмысленные, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ. На каждую квартиру являлась куча жандармовъ съ оружіемъ наготовѣ и прежде всего набрасывалась на хозяина, чтобы лишить его возможности оказать вооруженное сопротивленіе. До чего нелѣпы были всѣ эти аресты, видно изъ того, что чрезъ нѣсколько дней всѣ арестованные, кромѣ Антонова, Лисянскаго, Макаревскаго и Корнгольда, были выпущены на свободу.

Переволохъ полиціи, ея до невозможности глупые разсказы обо всемъ происшедшемъ произвели большую сенсацію въ обществѣ. Личность Антонова по городскимъ слухамъ приняла эпическіе размѣры. Разсказывали небывалыя вещи о его силѣ (напр., о томъ, что онъ безъ всякаго усилія ломаетъ подковы), говорили, что вооруженное сопротивленіе было оказано при помощи бомбъ и т. п.

Такъ какъ въ распоряженіи полиціи не нашлось достаточно храбраго человѣка, который бы рѣшился прикоснуться къ найденнымъ въ квартирѣ Лисянскаго бомбамъ, то въ ожиданіи прибытія миннаго инженера, квартиру держали подъ сильнымъ конвоемъ. Разсказываютъ, что когда прибывшій инженеръ рѣшительно направился къ бомбамъ и взялъ одну въ руки, присутствовавшая полиція едва не обратилась въ бѣгство, и приставъ началъ молить инженера: «Если вы не жалѣете своей жизни, то пощадите хоть наши».

Почти всѣ газеты въ своихъ описаніяхъ похоронъ Өесенко нашли, между прочимъ, въ числѣ вѣнковъ — вѣнокъ отъ гимназіи. Какая неприличная ошибка. Вѣнокъ съ надписью «дорогому брату» несла не гимназія, а всего только два гимназиста младшихъ классовъ, братья Өесенко. Вооб-

ще полиція не жалѣла вѣнковъ, чтобы раздуть похоронную процессію.

Лисянскій былъ преданъ военно-окружному суду, осужденъ 10 іюля на смертную казнь и казненъ 20 іюля на разсвѣтѣ во дворѣ арестантскихъ ротъ, за оградой которыхъ и былъ похороненъ. Мудрое начальство распорядилось во время казни оцѣпить зданіе арестантскихъ ротъ сильнымъ конвоемъ и не пропускать ни конныхъ ни пѣшихъ. Слѣдствіемъ этого было то, что къ моменту казни, о которой до того никто не зналъ, у арестантскихъ ротъ образовалась густая толпа; а на крышахъ сосѣднихъ домовъ, несмотря на ранній часъ, появились зрители.

Такъ какъ во многихъ газетахъ было помѣщено извѣстіе о какой то перестрѣлкѣ надъ могилой Лисянскаго, при чемъ высказывалось предположеніе, будто бы оно было слѣдствіемъ нападенія революціонеровъ, желавшихъ *похитить его трупъ*, то привожу поэтому истинное извѣстіе объ этомъ происшествіи. Перестрѣлка дѣйствительно имѣла мѣсто, но только потому, что харьковскій жандармскій полковникъ Цугаловскій почему-то распорядился поставить надъ могилой Лисянскаго особую стражу, совершенно независимую отъ тюремнаго караула. Стража эта, расположившаяся у самой тюремной ограды, пришла въ вооруженное столкновеніе съ тюремными часовыми по поводу паролей, и конвойные Цугаловскаго, выстрѣливъ всѣ свои патроны (поражавшіе вмѣсто непріятельской груди уголъ тюремной стѣны), обратились въ бѣгство, какъ и слѣдуетъ такимъ храбрецамъ. На другой день узнавъ о происшедшемъ г. Цугаловскій многозначительно произнесъ: „Я говорилъ, что нужно было устроить иначе! Слѣдовало закопать Лисянскаго около ограды, а потомъ тайно вырыть и слѣдить за этимъ мѣстомъ. Соціалисты пришли бы за трупомъ, а мы ихъ и накрыли бы“. Вѣроятно онъ теперь уразумѣлъ, въ чемъ сущность этой невѣроятной чепухи.

9-го мая Антонова увезли въ Петербургъ, принявъ всѣ мѣры предосторожности. Его заковали въ кандалы, посадили въ отдѣльный арестантскій вагонъ и въ сопровожденіи 6-ти жандармовъ везли прямымъ сообщеніемъ до самаго Петербурга.

Макаревскій также былъ отвезенъ въ іюлѣ въ Петербургъ и просидѣлъ полтора мѣсяца въ Петропавловской

крѣпости. Отсюда послѣ долгихъ допросовъ онъ былъ отвезенъ въ Харьковъ, куда прибылъ 1 сентября. Его помѣстили въ полицейскомъ участкѣ, и отсюда Макаревскому 3 сентября удалось бѣжать чрезъ отхожее мѣсто. Привожу его собственный разсказъ, слышанный мною отъ него лично.

„Я давно уже задумалъ бѣжать и рѣшился воспользоваться первымъ случаемъ, который подвернется подъ руку. Такой случай скоро представился. Въ участкѣ въ мою камеру не поставили параши, а водили меня подъ конвоемъ двухъ городовыхъ въ отхожее мѣсто на дворѣ. Находясь въ отхожемъ мѣстѣ, я замѣтилъ случайно свѣтъ внизу дыры. Мнѣ тотчасъ же блеснула мысль, что здѣсь есть отверстіе, которымъ я и рѣшился воспользоваться. Я могъ только догадываться, что свѣтъ проходитъ сквозь крышу люка, открываемаго выгребщиками нечистотъ и эта догадка впослѣдствіи оказалась вѣрною. Но прежде нужно было измѣрить глубину нечистотъ, для чего я не имѣлъ никакихъ средствъ. Я употребилъ пріемъ, о которомъ когда то читалъ въ дѣтствѣ, т. е, бросалъ камешки въ жидкость и старался по звуку судить объ ея глубинѣ. Мнѣ хотѣлось убѣдиться и я убѣдилъ себя, что глубина не достигаетъ колѣнъ. Я внимательно осмотрѣлъ мѣстоположеніе. Отхожее мѣсто находилось посреди обширнаго и пустого двора, за которымъ находился пустой садъ съ протекавшею около рѣчкой. Мѣсто было пустынное и благопріятное для побѣга. 3-го сентября я рѣшился исполнить задуманный планъ. Я дождался удаленія обхода въ городъ и въ $10^1/_2$ часовъ ночи потребовалъ, чтобы меня вывели. Конвой, по обыкновенію безпечно и ничего не подозрѣвая, остался за дверью Я осторожно опустился въ яму. Нечистоты оказались гораздо глубже, чѣмъ я полагалъ и достигали почти до плечей. Задыхаясь отъ невыносимой вони, я нащупалъ желаемое мѣсто въ стѣнѣ. Тамъ дѣйствительно былъ люкъ, но отверстіе его было прикрыто досками. Я толкнулъ ихъ, онѣ не подались, я толкнулъ сильнѣе, онѣ раздвинулись и очистили отверстіе, въ которое я и вылѣзъ. Все это продолжалось одну минуту. Вылѣзши изъ отхожаго мѣста въ самомъ безобразномъ видѣ, я осторожно прокрался въ садъ. Не было ни души. Я бросился къ рѣчкѣ и перешелъ ее въ бродъ по горло въ водѣ. Выйдя на берегъ, я тщательно

выжалъ свое платье, встряхнулъ его, одѣлся и пошелъ въ городъ. Я былъ на свободѣ!"

Немедленно послѣ побѣга Макаревскаго въ 3 часа ночи были произведены обыски на Сабуровой дачѣ у нѣкоторыхъ фельдшерицъ и во многихъ мѣстахъ въ городѣ. Послѣ этого побѣга многіе, находившіеся подъ негласнымъ надзоромъ, были переведены подъ гласный и вторично арестованъ Корнгольдъ, выпущеный послѣ перваго ареста въ іюнѣ. Полиція вымѣстила на нихъ свою злобу.

Такъ какъ большинство арестованныхъ по дѣлу Антонова и Лисянскаго были студенты Вет. И., то директоръ института былъ вызванъ въ Петербургъ и слѣдствіемъ его объясненій въ Петербургѣ явился рядъ мѣропріятій, имѣющихъ въ виду искорененіе крамолы въ институтѣ. Такъ, удвоена плата за слушаніе лекцій, прекращенъ пріемъ на 1-й курсъ, общее число учащихся въ институтѣ ограничено 180, уничтожается студ. читальня и библіотека, за неимѣніемъ якобы мѣста, и вообще заводятся новые порядки.

2-ГО ІЮНЯ 1885 ГОДА

исполнилось *двадцатипятилѣтіе* со дня выступленія Петра Лавровича Лаврова на поприщѣ литературной и общественной дѣятельности. Это *первый* двадцатипятилѣтній юбилей дѣятельности русскаго соціалиста-революціонера. Это по истинѣ великое торжество, которое раздѣлила съ нами вся честная мыслящая Россія. Давно уже началось въ Россіи соціально-революціонное движеніе; много свѣтлыхъ страницъ оно внесло уже въ свою исторію, но ни одному изъ его многочисленныхъ дѣятелей не выпало счастье видѣть хотя бы отчасти плоды своей дѣятельности. Счастіе это выпало на долю нашему великому учителю и товарищу Петру Лавровичу Лаврову. Впродолженіе 25-ти лѣтъ онъ упорно велъ великую борьбу за лучшее будущее нашей родины. Борясь самъ — онъ училъ бороться и другихъ и имѣлъ возможность видѣть, что его горячая проповѣдь братства и свободы нашла благодатную почву въ нашей молодежи. Въ Россіи и въ Сибири, на свободѣ и въ

тюрьмѣ товарищи и ученики Петра Лавровича торжествовали этотъ великій день и имя виновника торжества, переходя изъ устъ въ уста, служило предметомъ самыхъ горячихъ привѣтствій.

Помѣщаемъ одинъ изъ многочисленныхъ адресовъ, посланныхъ Петру Лавровичу и его отвѣтъ *).

Дорогой учитель нашъ,
Петръ Лавровичъ!

На долю немногихъ борцовъ русскихъ выпадаетъ счастье праздновать двадцатипятилѣтіе своего служенія великому дѣлу освобожденія родины, и быть можетъ, немногимъ изъ насъ придется еще разъ поднять полныя чаши за здоровье такого учителя — знаменосца, какимъ были Вы, дорогой Петръ Лавровичъ, въ эти двадцать пять лѣтъ, для русской молодежи. Тѣмъ болѣе дорогъ намъ день Вашего и нашего торжества. Чтимъ его, какъ праздникъ гонимыхъ, угнетенныхъ, какъ день, въ который хоть на мгновеніе замолкнутъ душевныя страданія скитальцевъ и заживутъ раны отъ каторжныхъ цѣпей нашихъ дорогихъ друзей и товарищей.

Какъ древніе христіане собирались въ пещерахъ и тайныхъ храмахъ, чтобы вдали отъ враговъ почтить память своего Великаго Учителя, чтобы укрѣпить души свои въ союзѣ любви и правды, такъ и мы собрались сегодня, чтобы чтить день Вашего юбилея, чтобы въ тѣсномъ братскомъ единеніи найти ту могучую силу, которая двадцать пять лѣтъ поддерживала Васъ въ жестокой борьбѣ съ вѣковѣчной неправдой, которая и вдали отъ родины согрѣвала Ваше сердце безконечной любовью къ ней, чтобы въ Вашемъ примѣрѣ найти тотъ источникъ глубокой вѣры въ правоту нашего дѣла, изъ котораго черпали Вы Вашу несокрушимую силу.

Намъ много нужно было бы сказать, чтобы вполнѣ выразить все то, что сдѣлали Вы для дѣла, которому служите, и для насъ, которыхъ учили: но и тогда наше скромное письмо не выразило бы всей нашей признательности, благодарности и любви къ тому, чьи „Письма“ воспитали

*) Къ сожалѣнію, приготовленный для этого номера біографическій очеркъ Петра Лавровича Лаврова не былъ во время доставленъ намъ и поэтому не можетъ быть помѣщенъ здѣсь. Прим. ред.

цѣлое поколѣніе, чей могучій кличъ: „Впередъ“ разбудилъ Россію и двинулъ рати лучшихъ сыновъ ея на борьбу за освобожденіе труженика народа..

Не лаврами и миртами усѣянъ Вашъ двадцатипятилѣтній путь — кровью друзей Вашихъ политъ онъ, но не устрашилъ и не устрашитъ онъ тѣхъ, въ чьемъ сердцѣ Вашъ голосъ будилъ любовь къ угнетенному брату, чью душу укрѣплялъ онъ въ кровавой борьбѣ, чей умъ пробуждалъ онъ къ познанію истины и правды. Каждый день измѣняются ряды борцовъ русскихъ, тысячи ихъ честно уже сложили головы свои, но и въ новыхъ рядахъ развѣвается тоже знамя, которое поднято Вашей честной рукой двадцать пять лѣтъ тому назадъ, и никогда не умретъ тотъ идеалъ, въ который Вы вложили душу своей души.

Другъ народа и врагъ его враговъ дорогъ всѣмъ честнымъ русскимъ людямъ, но Вы дороги намъ еще и тѣмъ, что были для насъ неутомимымъ наставникомъ, добрымъ воспитателемъ, любящимъ другомъ — учителемъ.

И многія поколѣнія будутъ чтить Ваше имя въ ряду своихъ любимыхъ учителей, изъ которыхъ Вы, дорогой Петръ Лавровичъ, можете съ наибольшимъ правомъ сказать словами поэта:

„Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный!“

Настанетъ время, когда и рукотворный памятникъ Борцу Свободы, Поборнику Правды, Носителю идеи любви и Братства будетъ воздвигнутъ тамъ, гдѣ теперь стоятъ висѣлицы.

Жаль только — жить въ эту пору прекрасную
Ужъ не придется ни намъ, ни тебѣ.

Такъ пусть же теперь хоть наша горячая любовь къ Вамъ, дорогой Петръ Лавровичъ, наша глубокая благодарность и безпредѣльное уваженіе послужатъ Вамъ слабою наградою за Вашъ тяжкій, многолѣтній трудъ; пусть онѣ хоть отчасти вознаградятъ Васъ за Ваши жизненныя утраты, пусть нашъ слабый голосъ съ любимой родины хоть немного согрѣетъ Вашу благородную душу на чужбинѣ, гдѣ и знойное солнце не въ силахъ замѣнить лучей суровой Родины.

Да здравствуетъ лучшій изъ друзей Русскаго Народа!

———

Парижъ 18—6 авг. 1885 г.

Дорогіе товарищи на далекой родинѣ!

Вашъ привѣтъ глубоко тронулъ меня. Ни одного изъ васъ я никогда не видалъ и едва ли когда нибудь увижу. Но вы для меня — представители той родины, которая стоитъ предо мной, какъ цѣль моей постоянной дѣятельности; вы представители той русской молодежи, которая одна можетъ своей дѣятельностью и своей энергіей завоевать для нашей родины лучшее будущее. Поэтому вы мнѣ всегда знакомы и близки. Я чувствую, что въ каждомъ изъ васъ бьется товарищеское сердце для всего, что мы здѣсь пытаемся сдѣлать. Я старѣю и мое будущее ограничено уже фатально немногими годами. Но передъ вами будущее лежитъ во всей ширинѣ своей: не будущее наслажденія жизнію, не будущее спокойствія, а будущее трудной, упорной, ежеминутной борьбы противъ опаснаго врага. И многіе изъ васъ уже испытали тяжесть этой борьбы. Изъ двухъ дорогихъ для меня листковъ, полученныхъ изъ вашего далекаго города, и которые лежатъ теперь предо мною, одинъ писанъ въ тюремномъ замкѣ. Надѣюсь, что эти строки дойдутъ до тѣхъ и до другихъ, пославшихъ мнѣ привѣтъ, не смотря на то, что мы другъ друга не видали. Пусть же эти строки еще разъ скрѣпятъ наше товарищество. Мы, эмигранты, хорошо знаемъ, что все нами высказанное и написанное можетъ имѣть смыслъ лишь, какъ подкладка вашей дѣятельности въ Россіи; лишь она придастъ намъ значеніе. Будемъ же работать и впередъ вмѣстѣ для общаго дѣла, зная, что на берегахъ Волги и на берегахъ Сены наши сердца, молодыя и старыя, бьются ненавистью къ тѣмъ же врагамъ, бьются одинаковой рѣшимостью идти къ нашей общей цѣли.

Примите благодарственный привѣтъ отъ стараго товарища, который братски обнимаетъ каждаго изъ васъ.

П. Лавровъ.

НА СМЕРТЬ СУДЕЙКИНА

На травлѣ яростной усердствуя безмѣрно,
Народному врагу ищейкой ты служилъ!
Безумнымъ палачамъ во всемъ помощникъ вѣрный,
Въ крови по поясъ ты бродилъ!

Всегда на всякое готовый преступленье,
Съ свободой, съ истиной, ты велъ упорный бой,
Ты женщинъ и дѣтей душилъ безъ-сожалѣнья
Своей кровавою рукой!

Могучій наглостью, коварствомъ, ложью гнусной,
Ты силу и обманъ пускалъ съ успѣхомъ въ ходъ...
Въ безславномъ поприщѣ выказывалъ искусно
Ты лисій хвостъ и волчій ротъ.

И души слабыя ты обольщалъ лукаво,
Отторгнувъ силой ихъ отъ дружеской среды...
Ты воздухъ наполнялъ невидимой отравой
Измѣны, злобы и вражды.

И строилъ съ ревностью, достойной лучшей доли.
Подмостки новыя и тропу, и себѣ
Изъ жертвъ, загубленныхъ на плахѣ и въ неволѣ,
Погибшихъ въ роковой борьбѣ...

Но грозный приговоръ народной правой мести
Надъ головой твоей внезапно прозвучалъ
И поразилъ тебя, какъ молнія, на мѣстѣ...
Холоднымъ трупомъ ты упалъ.

И надъ безжизненнымъ, покрытымъ кровью прахомъ
Въ оцѣпенѣніи твой властелинъ стоитъ.
Мрачна душа его, терзаемая страхомъ,
И злобой взглядъ его горитъ.

Иди же въ глубь земли, опричникъ злобный, лютый,
Позорный палача позорнаго холопъ!
И пусть напутствуютъ въ послѣднюю минуту
Тебя проклятья въ мрачный гробъ!

Одно является невольно сожалѣнье:
Ошиблась здѣсь судьба десницей роковой —
Ты предназначенъ былъ веревкой, безъ сомнѣнья,
Закончить путь безславный свой.

И только потому петля тебя лишилась
И свелъ послѣдній счетъ съ тобой тяжелый ломъ,
Что смертью праведныхъ веревка освятилась,
Какъ освятился крестъ Христомъ.

А вы, убитаго сотрудники живые!
Пускай покинутъ васъ спокойствіе и сонъ!
Рука могучая разитъ ужъ не впервые,
И не послѣдній будетъ онъ.

Пусть гибель вашего достойнаго собрата
Предупрежденіемъ послужитъ и для васъ,
Что если для него сегодня день расплаты,
То завтра вашъ настанетъ часъ!

Не Божій здѣсь алтарь и не роскошный тронъ
Всесильнаго царя — народнаго кумира!...
Нѣтъ! это эшафотъ громадный водруженъ
На горе для Руси и на позоръ для міра!

Внизу навалена большая груда тѣлъ...
То не изъ мрамора изваянныя группы,
Хоть лица ихъ блѣдны дѣйствительно, какъ мѣлъ...
Нѣтъ! это страшные, истерзанные трупы!

И тусклый блескъ очей, погасшихъ ужъ давно,
И эти черныя зіяющія раны —
Все пахнетъ кровью здѣсь, все смертью здѣсь полно,
Безъ театральнаго искуснаго обмана.

Вотъ сгибшіе въ бою отъ грознаго меча,
Вотъ трупы бѣдняковъ, задавленныхъ нуждою,
Вотъ павшій отъ руки кровавой палача,
А это медленно замученный тюрьмою.

Надъ ними карликовъ безжалостныхъ и злыхъ
Толпа базумная, трепещущая... Въ страхѣ
Они цѣпляются къ краямъ перилъ гнилыхъ,
Къ ступенямъ, и къ столбамъ, и даже къ самой плахѣ.

А тамъ, на высотѣ, позорный столбъ стоитъ,
Блестящій мишурой, насмѣшливо красивый,
Преступнѣйшій изъ всѣхъ въ немъ наглухо забитъ,
Злодѣй безчувственный, жестокій и трусливый.

Не надо надписи къ позорному столбу,
Но знакъ, оттиснутый самой судьбы печатью,
Сіяетъ на его широко-мѣдномъ лбу...
Позоръ ему, позоръ и вѣчное проклятье!

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ
САУЛА АБРАМОВИЧА ЛИСЯНСКАГО

С. А. Лисянскій былъ арестованъ 2-го мая 1885 г. и, пытаясь бѣжать, убилъ околодочнаго надзирателя и ранилъ жандарма. Его связали и увезли въ арестантскія роты. Здѣсь его помѣстили въ самую худшую камеру (около отхожаго мѣста), которую окружили усиленнымъ карауломъ. Ему не дали никакой мебели, кромѣ койки, одѣли въ арестантскій халатъ, несмотря на то, что всѣ политическіе имѣютъ право носить свою одежду по циркуляру 9-го мая 1885 г., заковали въ ножныя цѣпи, не пускали гулять, не давали книгъ — вообще сдѣлали все, чтобы отравить послѣднія минуты его жизни, и безъ того не легкія. Даже уголовные арестанты, непривыкшіе, конечно, къ тому, чтобы съ ними обращались очень нѣжно, и тѣ находили, что нѣтъ никакой возможности существовать при тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставленъ Лисянскій. Но Саулъ Абрамовичъ несмотря на то, что съ самаго начала зналъ, что его ждетъ, переносилъ свое тяжелое положеніе съ спокойнымъ и терпѣливымъ мужествомъ. Спокойствіе его удивляло даже тюремщиковъ. Солдаты и тюремные надзиратели не разъ высказывали удивленіе по поводу того, какимъ образомъ че-

ловѣкъ, увѣренный въ своей близкой и неизбѣжной казни, можетъ тѣмъ не менѣе спать столь спокойно. Никто не слышалъ отъ Лисянскаго слова ропота; онъ жалѣлъ только о смерти Фесенко, жалѣлъ, что его рука такъ вѣрно нанесла ударъ несчастному околодочному.

Не долго пришлось Лисянскому дожидаться развязки. 7-го іюля ему предъявили обвинительный актъ, а 10-го онъ уже былъ въ военно-окружномъ судѣ. Наканунѣ суда его расковали, вѣроятно, не желая оскорблять слухъ судей звономъ кандаловъ.

Судъ продолжался одинъ день, и въ часъ ночи былъ вынесенъ смертный приговоръ. Были приняты всѣ мѣры, чтобы никакое извѣстіе о судѣ не дошло до публики, и поэтому намъ, не смотря на всѣ старанія, не удалось достать обвинительнаго акта и протокола судебнаго засѣданія. Знаемъ только, что и на судѣ Лисянскій не измѣнилъ себѣ и съ полнымъ самообладаніемъ выслушалъ свой приговоръ. «Я не видѣлъ подсудимаго, который бы съ большимъ хладнокровіемъ выслушалъ приговоръ о годѣ арестантскихъ ротъ», говорилъ впослѣдствіи одинъ изъ судей. Рѣчь Лисянскаго отличалась краткостью и достоинствомъ. Онъ зналъ, что многословіе излишне въ его положеніи; въ концѣ своей рѣчи онъ высказалъ сожалѣніе о судьбѣ, постигшей Фесенко.

Смертная казнь 10 дней не приводилась въ исполненіе. Въ эти дни Лисянскому разрѣшили свиданія съ сестрою и отцомъ, улучшили пищу, дали книги, а въ послѣдній день передъ казнью даже выпустили на прогулку. 20-го въ $3^1/_2$ часа утра его разбудили, чтобы повести на казнь... Онъ попросилъ полчаса, для того чтобы написать письмо, но ему дали только пятнадцать минутъ. Онъ написалъ письмо, одѣлся и отправился на казнь. Присутствіе духа и тутъ ни на мгновеніе не покидало его. Онъ шелъ твердою, быстрою, лихорадочною поступью, спокойно выслушалъ приговоръ. Послѣднія слова его были: «Кончайте скорѣе. Я умираю недостойно. Я не желалъ бы никому такой смерти». Палачъ неловкою рукою накинулъ петлю и доставилъ мученику нѣсколько лишнихъ минутъ страданія.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Значительная часть матеріала, предназначавшагося для этой хроники, была утеряна предъ самымъ печатаніемъ.

ПЕТЕРБУРГЪ, 1884 г. Лѣтомъ арестованъ на улицѣ нел. Тихонъ Лебедевъ, черезъ годъ сошелъ съ ума и увезенъ въ Казанскую клинику; въ концѣ августа ар. чиновникъ гос. банка Лазаревъ; въ половинѣ октября въ виду броженія среди учащейся молодежи подъ вліяніемъ кіевскихъ юбилейныхъ безпорядковъ, произведена масса обысковъ и арестовъ; ар. ст. Яковъ Самойловичъ, ст. техн. Өедоръ Олесиновъ, бр. Кирпичниковы, Марновъ, Хлопинъ, Колодѣевъ, Пономаревъ, Виноградовъ, Флоровскій, Батмановъ, Волковъ, Вадзинскій, слушательницы Бесо к.: Анна Савина, Раковская и Позперъ, на квартирѣ которой были найдены типографскія принадлежности; въ оставленную засаду попало 9 человѣкъ курсистокъ и студентовъ, между прочимъ Подасенова, Иванова, Петръ Панкратьевъ и др. Въ октябрѣ же ар. два офицера — Сотниковъ и Яковлевъ, фельдшерица Пономарева, слуш. зуб-врач. к. Софья Каринъ, пар. уч. Скворцовъ, нелег. Михаилъ Собунаевъ, арест. нелегальная барыня. 7 октября на Невскомъ пр. ар. нел. Германъ Лопатинъ, на квартирѣ его были найдены бомбы, въ записной книжкѣ его было разобрано много зашифрованныхъ адресовъ (ключъ былъ извѣстенъ жандармамъ). Въ концѣ ноября — литераторъ Якубовичъ, Роза Франкъ, художникъ Езовъ, студенты: Пахвоховъ, Ермолаевъ, Мартыновъ и др. 8 февраля этого года въ вагонѣ на Николаевскомъ вокзалѣ ар. нел. Петръ Андреевичъ Ельниковъ (Элько), въ апрѣлѣ увезенъ въ Харьковъ и оттуда обратно въ Петербургъ.

Въ декабрѣ ожидается большой полит. процессъ. Въ числѣ преданныхъ суду назыв. слѣд. лиц: Германъ Лопатинъ, Стародворскій и Якубовичъ (оба по дѣлу убійства Судейкина), Петръ Элько, рабочій Петръ Григорьевичъ Антоновъ, обвиняемый въ убійствѣ шпіона Шкрябы въ Харьковѣ, Ив. Ив. Гейеръ, раб. Сем. Бѣлоусовъ, ст. Х. вет. инст. Андрей Бѣлоусовъ, студенты Петровско-Раз. ак.: Ковалевъ, Поповъ и Бѣляевскій, нел. Кашинцевъ, двор. Вас. Ив. Сухомлинъ, Яковъ Шаповаловъ, курс. Софья Каринъ.

МОСКВА, 1884 г. Въ сентябрѣ ар. на улицѣ двое нелегальныхъ; въ октябрѣ ар. студенты: Бѣляевскій, Ковалевъ, Поповъ, Зоя Бѣляевская и еще нѣсколько человѣкъ. Въ октябрѣ кромѣ того были многочисленные аресты по Лопатинскому дѣлу.

Въ маѣ 1885 г. отправлена изъ Москвы въ Сибирь 1-я партія изъ слѣдующихъ лицъ.

На каторгу: Чуйко—20 л., Афанасій Спандони — 15 л., оба по дѣлу Фигнеръ, Левъ Дейчъ — 13 л., Марія Калюжная — 20 л. На поселеніе: Васильевъ, Дашкевичъ, Шебалина и Шуленникова, всѣ по Кіевскому дѣлу; Чемоданова, по дѣлу Фигнеръ. Административные въ Вост. Сибирь: Малеванный, Присѣцкій, Корнѣенко — всѣ трое изъ Кіева на 5 лѣтъ; ветеринарный врачъ Снѣгиревъ — ар. въ Москвѣ по подозрѣнію въ знакомствѣ съ нѣкоторыми революціонерами — 5 л., Лазаревъ, ар. въ Самарск. губ. за неблагонадежность — 3 г.

Въ Западную Сибирь: Станюковичъ, бывшій ред. „Дѣла“ — на 3 г., Гончаренко, раб., бѣжавшій изъ Нижняго Новгорода въ 83 г., — 5 л., Илья Френкель — 3 г., Бѣличъ, ар. въ Гадячѣ — 3 г., Осипъ Вейнбергъ изъ Ростова — 3 г., всѣ трое водворены въ Березовѣ, Тоб. губ. Коновальчикъ Илар. Ив. — 3 г., Семяновскій Влад. Сг. — 3 г., Анна Вас. Пчелкина — 3 г., Клара Еф. Левенталь—3 г., всѣ пятеро арестов. въ Кіевѣ, водворены въ Ишимѣ, Тобол. губ. Врочинскій изъ Кіева — 3 г., въ Тюкалинскъ, Тоб. губ. Козловскій, ар. въ Кіевѣ по Гадячскому дѣлу — 3 г., въ Тару, Тобол. губ. Френчукъ, ар. въ Гадячѣ — 3 ., Дмитрій Ив. Ослоповъ — 5 л. Ал. Ал. Семеновъ, нелег., ар. въ Нижнемъ Новгородѣ — 3 г., Петръ Ал. Недошивинъ (ст. моск. тех. уч.), Блиновъ — всѣ 6 въ Сургутъ. Гавриленко ар. въ Полтавѣ по Гадячскому дѣлу — 3 г. въ Семипалатинскъ. Мельниковъ, Сербинова, Степановъ, нелег., Рубинокъ, всѣ ар. въ Ромнахъ, высланы на 3 г. Сотниковъ, Барановъ и Лаврусевичъ, ар. въ Москвѣ съ типографскими принадлежностями, высл. на 3 г., Ал. Як. Энгель изъ Екатеринослава (3 г.) въ Атбасаръ, Степн. генер. губ., Голіевъ изъ Владикавказа въ Волог".губ. 3 г., Николаевскій — 3 г., нел. Яновскій, Свидерскій (ар. за знаком. съ Василіемъ Ивановымъ), Присѣцкая и Бабушкина — всѣ 4 изъ Кіева, высл. на 3 г. Въ Казани прибавлены къ этой партіи Ив.

Страт. Яковлевъ съ женой и реб. — водворены въ Кокчетавъ; изъ Москвы выслапъ Очкинъ въ Бахмутъ подъ надзоръ.

2-я партія состояла изъ слѣдующихъ лицъ.

Въ Западную Сибирь: Чижевскій съ женой, Масловъ, Мануйловъ, выс. изъ Воронежа, всѣ трое водворены въ Березовъ, Тоб. губ., Петровскій и Неклюдаевъ — изъ Смоленска, Сигизмундъ Лѣсневичъ, бѣжавшій осенью 84 г. изъ Брестъ-Литовска, Казаковъ — всѣ 4 водв. въ Сургутъ, Тоб. губ., Софья Ермолаевна Усова съ отцомъ изъ Петербурга, водворены въ Тарѣ. Лаппо съ женой изъ Кіева, Бахаревъ изъ Перми и Першинъ изъ Воронежа — водв. въ Тюкалинскъ, Шеденко съ отцомъ и Лозовый, ар. въ Ромнахъ, выс. въ Семипалатинскъ.

3-я партія: Въ Восточную Сибирь: Гордонъ, Шульмейстеръ и Каменецъ, Дебабесъ и Яковлевъ въ Туринскъ, Прокофьевъ въ Стенное г. г. Польскіе соціалисты партіи „Пролетаріатъ“: — въ Вост. Сибирь на 5 лѣтъ.: Онуфровичъ Болеславъ, фармац., Гандельсманъ Вацлавъ ст., Острейко Осипъ, уч. мастеръ, Выгановскій Иванъ, дрогистъ, Рыдзевскій Луціанъ, бывш. ст., рабочіе Ксаверій Киферерь и Гавріилъ Трохасковскій. Въ Западную Сибирь: раб. Иванъ Пташинскій, кл. дама Александра Ентесъ — оба въ Туринскъ, швея Софья Дзянковская и раб. Константинъ Подбѣльскій, 60 лѣтъ, въ Тару, литераторъ Наталья Полль (жена Бардовскаго), въ Туринскъ, рабоч. Юлій Дрешеръ. На 4 г. въ Зап. Сибирь: рабочіе Валентинъ Малиновскій, Григорій Быкъ — въ Тюкалинскъ и раб. Лука Рудпецкій — на 3 г. Соціалисты партіи „Солидарность“: раб. Зарембо въ Туринскъ на 5 л., рабочіе Ив. Палекъ — въ Туринскъ, Крохмальскій и Ѳед. Келленбронъ — въ Тару, ст. Людовикъ Савицкій, всѣ въ Западную Сиб. на 4 года.

ДЕРПТЪ. 1885 г. Въ началѣ января арестована типографія „Нар. Воли“. Типографія помѣщалась въ квартирѣ двухъ студентовъ, одинъ изъ которыхъ уѣхалъ въ отпускъ, а другой, Владиміръ Николаевичъ Переляевъ, остался дома. Въ ночь съ 10 на 11 января Переляевъ, въ припадкѣ эпилепсіи, упалъ на кровать лицомъ въ подушку и такимъ образомъ задохся. На утро дано было знать полиціи о внезапной смерти Переляева, и явившаяся полиція при описи оставшихся вещей обнаружила типографію. Въ связи съ этимъ ар. ст. Ивановъ въ Дерптѣ и ст. Новиковъ въ Харьковѣ.

РИГА. 1884 года, 29-го сентября пришелъ пароходъ Kelso изъ Англіи. Два таможенныхъ чиновника при осмотрѣ спустились въ помѣщеніе, гдѣ хранится уголь и при посредствѣ зонда нашли большой пакетъ, завернутый въ газетную бумагу. Сопровождавшій ихъ судовой плотникъ, Карлъ Менцель, служившій на пароходѣ 8 лѣтъ, выхватилъ при этомъ кинжалъ и, пробивая имъ себѣ дорогу, выбѣжалъ на палубу, спустился на катеръ, отчалилъ на глазахъ у всѣхъ и скрылся. Въ тюкѣ оказалась масса подпольныхъ изданій, главнымъ образомъ №№ „Вѣст. Н. В.“. Въ ночь съ 1 на 2 октября Менцель былъ арестованъ въ квартирѣ содержателя питейнаго заведенія Карла Принца.

1885 года, 13 янв. ар. ст. Политехникума Рутенбергъ (увезенъ въ Одессу, вып. 30 іюня).

КАЗАНЬ. 1884 г. Въ январѣ ар. ст. Дьячковъ, Лялинъ, Алкинъ и Муратъ; выслана въ Семипалатинскъ Зотова.

СМОЛЕНСКЪ. 1884 г. Въ концѣ іюля въ связи съ арестомъ въ Москвѣ студ. Иванова, были арестованы: гимн. Петровскій, семинаристы: Неклепаевъ, Вишневскій; реалисты: Тривасъ, Моисеевы, Ракѣевъ, Руженцевъ, бывшій Ярославскій лицеистъ, ун.-офиц. Крапухинъ. Слѣдствіе по этому дѣлу, которому дали громкое названіе: „дѣло о распространеніи и храненіи книгъ революціоннаго содержанія“, производилъ жанд. полков. Есиповъ и прокуроръ Давидовъ; Давидовъ дѣйствовалъ, какъ истый сыщикъ: зазывалъ, напр., къ себѣ на квартиру какого нибудь неопытнаго юношу, предупреждалъ его объ обыскахъ и пускался въ дружелюбную бесѣду, прикидываясь при этомъ сочувствующимъ. Юнецъ шелъ иногда на удочку и доставлялъ прокурору нужныя ему свѣдѣнія. Административный приговоръ по этому дѣлу слѣдующій: Неклепаевъ и Ивановъ высланы въ Западн. Сибирь. Крапухинъ — 1 мѣс. тюрем. заключ. съ отдачей затѣмъ подъ надзоръ.

Въ деревнѣ Смоленской губ. ар. 5 янв. ст. Дерп. унив. Константинъ Клитинъ.

ОРЕЛЪ. 1884 г. 10 октября произведенъ рядъ обысковъ у поднадзорныхъ Невскаго, Юдина, Сергѣевой, и Бучневской, ар. Марія Носкова и 8 октября Бучневская. Въ маѣ 1885 г. Вѣра Дмитр. Леонтьева.

МЦЕНСКЪ. 84 г. Осенью ар. Бунинъ (пер. въ Харьковъ, откуда въ іюлѣ 1885 г. высланъ на три года въ Орелъ).

ВОРОНЕЖЪ. 1884 г. Въ ноябрѣ ар. Мануиловъ, служившій на ж. д. и 26 мая 85 г. выс. въ Тоб. губ.; въ дек. ар. 3 семинариста. 1885 г. На второй день Пасхи ар. раб. Вас. Горбуновъ и увезенъ; 7 окт. арес. сынъ тайн. сов. Сергѣй Кузинъ; 2 ноября ар. бывшій моск. ст. Ник. Иванпинъ и служащій на ж. д. Лебедевъ, всѣ 3 увезены.

ХАРЬКОВЪ. 1884 г. Въ янв. ар. С. Яковлевъ и увезенъ въ Казань; 11 янв., по оговору Шкрябы, арес. типографія народниковъ и при ней Ив. Манучаровъ и М. Іорданъ (выс. на 5 л. въ В. С.); по тому же дѣлу ар.: ст. Дм. Ослоповъ (выс. на 5 л. въ З. С.), ст. Забалуевъ увезенъ былъ въ Москву и заболѣлъ чахоткой, оттуда высл. въ З. С.); слуш. ак. курс. Красноселова, 12 янв. вольнослуш. х. ун. Крыжановскій (высланъ въ Новочеркаскъ на 2 г.); въ маѣ ар. ст. вет. ин. Марголинъ и увезенъ; 5 авг. ар. студ. хар. ун. Всеволодъ Гончаровъ, умеръ въ заключеніи 19 февр. 1885 г.; въ срединѣ августа ар. ст. вет. ин. Олтаржевскій (держалъ себя чрезвычайно скверно, въ благодарность за что былъ выпущенъ). 16 авг. по дѣлу Гончарова ар. Марія Сыцянко (выс. въ Зап Спб.), ст. Миримкинъ и Сюземскій привезены изъ Крыма, ст. Вас. и Викт. Гольдсгофъ привезены изъ Москвы; въ августѣ же ар по дѣлу народниковъ ст. Мих. Яковлевъ и ст. Тимченко, оба выпущены; въ сентябрѣ по дѣлу Гончарова ар. ст. Абрамъ Гольденбергъ, ст. Крупянскій, привезенъ изъ Рязани раб. Вас. Ивановъ; ар. ст. Богуцкій за польск. револ. изданія; въ октябрѣ по дѣлу Лопатина ар служащій въ банкѣ Гурскій (вып.), служ. въ зем. упр. Софья Хлобыщина, Ал. Тихоцкій, Ив Гейеръ съ женой (вып.) и по дѣлу Гончарова ст. Шаповаловъ.

Въ авг. 1884 г. произошли безпорядки въ тюрьмѣ: „бунтовали" политическіе. Бунтъ выразился въ требованіи съ ихъ стороны книгъ, газетъ, лучшей пищи и нѣкоторыхъ другихъ улучшеній. Администрація употребила „крутыя мѣры". Четверо изъ „бунтовавшихъ": Сарачевъ, Ослоповъ, Клюге и Крыжановскій были посажены на шесть дней въ отвратительные карцеры, а остальные были объявлены на карцерномъ положеніи, т. е. лишены горячей пищи, мебели и проч. Этими мѣрами „бунтовавшихъ" не только не усмирили, а напротивъ: сидѣвшіе въ карцерахъ проломили стѣны и нѣкоторые изъ нихъ пробились одинъ къ

другому. Администрація распорядилась разослать вышепоименованныхъ по провинціальнымъ тюрьмамъ. Тогда Гончаровъ и Голубева отказались принимать пищу, требуя воротить товарищей. Черезъ двѣ недѣли ихъ вернули, но посадили въ арестантскія роты.

Послѣ Кіевскихъ юбилейныхъ волненій, полиція ожидала безпорядковъ въ Харьковскомъ университетѣ; поэтому жандармскій полковникъ Цугаловскій черезъ полицію пригласилъ къ себѣ нѣсколько студентовъ, по его мнѣнію пользующихся вліяніемъ среди молодежи, и обратился къ нимъ съ увѣщаніемъ содѣйствовать охраненію порядка въ университетѣ, предваряя ихъ, что въ противномъ случаѣ они будутъ арестованы.

23 сентября въ 11 ч. ночи изъ зданія арестантскихъ ротъ, перепиливъ рѣшетку окна и спустившись со втораго этажа, бѣжали Іорданъ и Манучаровъ. Въ лунную ночь бѣглецы спустились въ десяти шагахъ отъ часоваго; часовой выстрѣлилъ, но промахнулся. Бѣгство это произвело сильный переполохъ; вся полиція была поднята на ноги. Іорданъ былъ арестованъ на другой день въ квартирѣ магистра ветер. наукъ Шалашникова, а Манучаровъ скрылся изъ Харькова. По дѣлу объ этомъ 25 сентября были арестованы: жена врача Березова и ст. вет. ин. Чернявскій (оба выпущены).

Въ ноябрѣ ар. ст. Василій Орловъ и Пав. Левандовскій по Елисаветградскому дѣлу; Левандовскій увезенъ въ Одессу, откуда въ апрѣлѣ 85 г. былъ выпущенъ на поруки.

1885 г. Въ январѣ ар. акушер. и фельдш. Эвелина Улановская, раб. Мих. Хмара (вып.), ст. вет. ин. Бондаренко (увез. въ Полтаву), швея Соколова (вып., арес. вторично и весной опять вып.), ар. ученикъ муз. школы Могилевскій и увез въ Полтаву (не имѣя прямыхъ указаній на личность Могилевскаго, полиція арестовала вмѣсто него какого то портнаго, запуганнаго и смирнаго человѣка, обремененнаго громадной семьей и по *ошибкѣ* продержала его нѣсколько дней). Въ февралѣ ар. на улицѣ деритскій ст. Новиковъ по дѣлу о Переляевской типографіи и увезенъ въ Пет.; 1 мая арес. на улицѣ нелег. Антоновъ и ст. Макаревскій; 2 мая ар. тайная типографія и нелег. Лисянскій; ст. вет. инстит. Ал. Шехтеръ, Доценко и Лисовскій (черезъ нѣсколько дней всѣ выпущены), Коригольдъ, (вып. и въ сент. опять арест.), ст. ун. Шлекерманъ, фельд-

шерицы: Товбина, Кацъ, Каневская и Черненкова (всѣ выпущены); въ іюнѣ ар. ст. вет. ин. Смоличъ и Даниловъ (вып., а послѣдній въ сент. опять арестованъ.)

ПОЛТАВА. 1884 г. Во время лѣтнихъ каникулъ ар. по московск. дѣлу курс. Діатоловичъ и Гуревичъ (увезены въ Москву); въ окт. по Лопатинскому дѣлу ар. фельдш. Николаевъ и ст. кіевск. ун. Вас. Калиниченко (оба выпущ. въ дек.); 6 нояб ар. Фуреръ (найдена литература), 7-го ар. Перлина (вып.), 8-го ар. Гиршъ съ сестрой (послѣдняя выпущена), модистка Сотникова, Нодельманъ, Стучевскій, Юдицкій (всѣ 4 вып.). Ретивый жанд. полковникъ Банинъ, найдя при обыскѣ у Фурера нѣсколько азбукъ шрифта, возъимѣлъ желаніе непремѣнно найти типографію. Искалъ онъ ее между прочимъ въ магазинѣ одного портнаго, гдѣ разворачивали при обыскѣ каждую штуку сукна и такъ таки ничего не нашли; въ ноябрѣ же ар. прикащикъ Модель (выпущ.), машинистъ Х. П. ж. д. Губаревъ и тел. Зенинъ, оба предатели, за что и были вскорѣ выпущены. 14 дек. ар. Бор. Кричевскій; въ янв. привезены изъ Харькова Могилевскій и ст. вет. инст. Бондаренко.

На ст. ПЕРЕЩЕПИНО Х. Н. ж. д. 29 сент. арестована какая то барыня.

КРЕМЕНЧУГЪ. 1885 г. Въ мартѣ ар. пелег. Ал. Макаренко, (перев. въ Харьковъ), отст. офицеръ Щербаковъ (перевезенъ въ Полтаву), желѣзнодор. тех. Афанасьевъ и Дѣдюшинъ, чиновникъ Третьяковъ (2 послѣдніе выпущены).

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ. 1884 г. По Лопатинскому дѣлу арест. поручики Червинскій и Дзбановскій, кромѣ того нѣсколько офицеровъ разосланы въ разныя отдаленныя мѣста на службу. 1885 г. 6 окт. ар. раб. Вит. Кудряшевъ и увезенъ въ Петербургъ.

РОСТОВЪ на ДОНУ. 1883 г., іюль. Ар. Іосифъ Вейнбергъ и 4 рабочихъ на лодкѣ (рабочіе выпущены, а Вейнбергъ 10 марта 85 г. высланъ на 3 года въ Березовъ, Тоб губ.); въ августѣ ар. моск. курсист. Марія Шиблакова, ст. Өедоровъ и рабочій Сергѣй Денальдо (всѣ увезены въ Москву; Денальдо въ апрѣлѣ выпущенъ на поруки въ послѣднихъ градусахъ чахотки и 1 мая умеръ). Отправленъ въ Усть-Каменогорскъ, Семип. г. г. на 3 года Пав. Лобановскій, арестованный 19 мая 83 г. по дѣлу юнкера Корша въ Ставрополѣ; въ октябрѣ ар. быв. эмигр. Гутерманъ

(вып.); 19 окт. ар. Петръ Пешкеровъ, фармацевтъ Григорій Рапцъ, нелег. Добрускина (Анна Бауэръ), (всѣ 3 увезены въ Петербургъ), жена прис. повѣр. Анна Барыкова (выпущ. на поруки за очень крупную сумму), помощн. нач. ст. Влад. ж. д. Бѣлецкій. Были обыски въ аптекахъ Фрейдберга, Лапицкаго и Бабеля и въ магазинѣ Зингера (въ послѣднемъ подымали полы и ломали печи); въ октябрѣ же ар. Як. Шаповаловъ, Рафаель Чернышевъ (въ іюнѣ 85 г. вып. на поруки въ послѣднихъ градусахъ чахотки), Конст. Нагорный (увез. въ Ригу, привезенъ обратно и выпущ.), ар. Богданъ Марковичъ (въ сент. 85 г. выс. въ Новомосковскъ), у него на квартирѣ ар. Никол. Харитоновъ (выс. въ авг. 85 г. въ Новочеркаскъ), и нел. Ив. Манучаровъ, оказавшій при арестѣ вооруженное сопротивленіе.

Въ мартѣ 85 г. Ростовскій тюр. зам. посѣтилъ Екатерин. губернаторъ Батюшковъ. Въ камерѣ Манучарова произошелъ съ нимъ слѣдующій казусъ. Къ Манучарову, какъ и въ предъидущія камеры, онъ вошелъ въ шапкѣ; на вопросъ его „ты зачѣмъ стрѣлялъ?" Манучаровъ отвѣтилъ презрительнымъ молчаніемъ, а когда смущенный губернаторъ направился къ выходу, Манучаровъ обратился къ нему:

— Ваше превосходительство, у меня въ камерѣ иконы нѣтъ.

— Поздно, голубчикъ, молиться, поздно.

— Да мнѣ не для того, чтобы молиться, а чтобы невѣжи снимали шапку хотя бы передъ иконой.

Губернаторъ закричалъ и затопалъ ногами. Услужливый тюремщикъ подскочилъ: «Ваше превосходительство, его можно заковать, онъ называлъ себя „неизвѣстнымъ". Въ слѣдующихъ камерахъ губернаторъ снималъ шапку и говорилъ „вы". Манучарова за эту исторію заковали въ кандалы и посадили въ карцеръ.

1885 г. Въ январѣ выс. на 2 г. въ Оршу Могилев. губ. курс. Фани Лившицъ; въ февралѣ были обыски у гимназистовъ Фельдмана и Гурари, оба уволены изъ гимназіи, хотя у нихъ ничего не найдено. 24 апр. ар. въ Нахичевани на Дону агентъ комп. Зингеръ, Макаръ Поповъ: при обыскѣ у него дома и въ магазинѣ Зингера подымали полы и ломали печи; Поповъ увезенъ въ Петербургъ. 29 августа ар. въ гостиницѣ нел. Дмитрій Бартеневъ (увез. въ Харьковъ) съ женой Ѳеодосіей Ратнеръ и съ ребенкомъ; 30 авг. въ Нахичевани ар. Анна Циціяко; 16 сент. ар. служащій

Владикавказской жел. д. Антонъ Остроумовъ — увез. въ Петербургъ.; 17 сент. ночью ар. Александръ Цейтлинъ, Заславская и акуш. Яковлева.

НОВОЧЕРКАСКЪ. 1885. года 27 авг. высланъ въ Великокняжеск. ст. Ефимъ Петровскій.; 6 сент. ар. семин. Василій Поповъ — вып., Александръ Зеленскій и Марья Бровацкая. По поводу этихъ арестовъ былъ произведенъ обыскъ въ мѣстной семинаріи, причемъ не пощадили даже первоклассниковъ.

ЛИСИЧАНСКЪ. 1885 г. Въ маѣ ар. штейгеръ Василій Кирсановъ — увез. въ Петербургъ и штейгерскій ученикъ Френкель.

ЛУГАНСКЪ. 1884. Въ октябрѣ ар. Ив. Ив. Гейеръ — вскорѣ вып. въ ноябрѣ ар. ст. хр. вет. ин. Андр. Бѣлоусовъ — ув. весною 85 г. въ Петербургъ.

1885 г. въ февралѣ ар. раб. Семенъ Бѣлоусовъ, 25-го апрѣля вторично ар. Иванъ Гейеръ и парикмахеръ Ожиговъ — всѣ трое увезены въ Петербургъ; 25-го апрѣля арестованы рабочіе Устинъ и Петръ Ширяевы и Нестеровъ.

ТАГАНРОГЪ. 1885 г. 16 сентября ар. кандидатъ правъ, присяжный стряпчій Михаилъ Михайловъ – вып. и бывш. ст. Яросл. лицея Алекс. Пеленкинъ.

ЕЙСКЪ. 1885 г. 19 октября ар. купецъ Лука Колегаевъ по Лопатинскому дѣлу и увезенъ въ Екатеринодаръ.

ВЕРХНЕ-МІУССКІЙ округъ. 1885 г. Весною въ селѣ Ханженкинѣ ар. батракъ Зацѣпинъ по обвиненію въ расклейкѣ прокламацій — вып. на поруки.

Станція КУБАНКА, Владик. жел. д. 1885 г. 27-го апр. въ имѣніи „Хуторокъ" барона Штейнгеля ар. нел. Охременко и нел. Захарьева.

КІЕВЪ. 1884 г. Въ сент. ар. курс. Анна Вас. Пчелкина, въ октябрѣ по поводу юбилейныхъ безпорядковъ ар. студенты Калиниченко, Ксендзюкъ, Лазаренко, Рейнгардъ, Носенко, Подушко, Симоновъ, Витковскій, Ребрикъ, Шульцъ — почти всѣ выпущены.

1885 г. Въ ночь съ 14 на 15 авг. ар. Вас. Никол. Панфиловъ — возвращенный въ 81 г. изъ Сибири, студ. Молдавскій и еще 15 чел.; 20 августа ар. ст. Ив. Ив. Лазаревичъ, затѣмъ ар. женщина-врачъ Дмитріева и учительница Хованская.

ЖИТОМІРЪ. 1885 года. Въ началѣ іюня въ пустой квар-

тирѣ найденъ былъ въ печкѣ шрифтъ, вслѣдствіе чего былъ арестованъ оконч. гимназію Луріе и произведена масса обысковъ; Луріе выпущенъ.

ОДЕССА. Затишье второй половины 83 г. и первой 84 разразилась надъ Одессой страшнымъ погромомъ, исходной точкой котораго былъ выстрѣлъ Калюжной. Покушеніе Калюжной на жизнь жанд. полк. Катанскаго остается до сихъ поръ не вполнѣ выясненнымъ, но у насъ имѣются нѣкоторыя данныя, по которымъ можно составить болѣе вѣрное понятіе о мотивахъ покушенія. — Въ декабрѣ 1882 года Калюжная была арестована вмѣстѣ съ Дегаевымъ и его женой при тайной типографіи въ Одессѣ. По ея словамъ она была освобождена только потому, что Дегаевъ, предавая товарищей, ставилъ непремѣннымъ условіемъ предательства освобожденіе своей жены, и жандармамъ неловко де было освободить жену Дегаева безъ Калюжной, исполнявшей въ типографіи только роль горничной. И вотъ Калюжная попала на свободу. Однако же всему этому трудно повѣрить и вѣроятно она также купила свободу цѣной предательства, какъ и Дегаевъ, тѣмъ болѣе, что, по ея собственнымъ словамъ, на допросахъ она подтвердила все, что по ея мнѣнію было уже извѣстно жандармамъ. Послѣ освобожденія она жила въ Петербургѣ и Харьковѣ; въ февралѣ же 1884 года она прибыла въ Одессу, гдѣ сейчасъ же выступила въ роли агента-подстрекателя. Съ этой цѣлью она поступила въ школу Лесевицкаго въ качествѣ ученицы, гдѣ пыталась устроить кружокъ между воспитанницами школы, причемъ все добивалась узнать у нихъ, не извѣстны ли имъ какіе либо члены Исполнительнаго Комитета. Ея странное поведеніе сразу обратило на себя вниманіе почти всѣхъ, познакомившихся съ нею, которые поэтому постарались отстраниться отъ нея. Для характеристики ея нужно заявить, что это была дѣвушка совершенно молодая, слѣпо подражавшая во всемъ Дегаеву, мало развитая, крайне нервная и эксцентричная. О Дегаевѣ она иначе не говорила, какъ съ увлеченіемъ и восторгомъ. Но не за долго до покушенія она прочитала въ революціонныхъ изданіяхъ подлинную исторію и отзывы партіи объ его преступленіяхъ. Это произвело на нее сильное впечатлѣніе, въ ней заговорила совѣсть и она рѣшилась искупить свое позорное поведеніе, пожертвовавъ своей жизнію. Результатомъ

этого душевнаго состоянія и явилось покушеніе на жизнь Катанскаго. Она шла на вѣрную гибель; жизнь для нея стала не въ моготу. На судѣ она старалась вести себя такъ, чтобы возможно болѣе отягчить свою участь. Она ждала смертной казни и 20 лѣтняя каторга, къ которой она была присуждена, явилась для нея горькимъ разочарованіемъ. Она хотѣла непремѣнно умерсть. И дѣйствительно, спустя нѣсколько дней послѣ приговора, она рѣшилась сама совершить надъ собой ту казнь, которой она такь добивалась. Полумертвой она была снята съ петли въ своей камерѣ. Ей не дали умереть, но ея дни вѣроятно уже сочтены; когда ее увозили на каторгу, она была блѣдна, какъ трупъ и не могла даже держаться на ногахъ. Бѣдная жертва! Ея послѣднія страданія, ея искреннее раскаяніе пусть смягчатъ ея вину!

Выстрѣлъ Калюжной былъ неожиданностью какъ для жандармовъ, такъ и для революціонеровъ. Это покушеніе впрочемъ не произвело сильнаго впечатлѣнія; здѣсь было совсѣмъ не то, что происходило послѣ убійства Стрѣльникова. Катанскій еще не успѣлъ заявить себя передъ всей Россіей. Онъ былъ жестокъ и безчеловѣченъ какъ и тотъ, но, въ силу ограниченности своей власти, онъ меньше могъ губить людей и поэтому меньше былъ извѣстенъ. Послѣ покушенія Калюжной, онъ набросился на Одессу, какъ дикій звѣрь, не давая никому пощады.

Были арестованы ученицы школы Лесевицкаго Ганелина и Звезде; затѣмъ въ ночь съ 16 на 17 августа, бывшій учитель Ришельевской гимназіи, возвращенный изъ ссылки Павелъ Маврогант, ст. естественникъ 4 курса Яковъ Барскій (оба теперь страдаютъ сильнымъ психическимъ разстройствомъ), ст. ест. 4 курса Павелъ Бохановскій, кандид. физико-матем. факультета Рудольфъ Даниловичъ, Ст. юр. Іосифъ Русецкій, слуш. Харьк. фельд. курс. Елиз. Кацъ, оконч. гимназію Роза Ляндесъ (послѣдніе 4 вып. въ Мартѣ 85 г.), женщина-врачъ Дора Андреевна Барская — выпущена черезъ мѣсяцъ, студентъ Семенъ Гальперинъ (держалъ себя скверно и вып. черезъ нѣсколько дней). 17 августа арест. купецъ Рапопортъ — чѣмъ провинился этотъ 50 лѣтній старикъ, не зналъ вѣроятно и самъ Катанскій; извѣстно только, что когда явились арестовать его сына и не застали его дома, то забрали отца; выпустили его черезъ не-

дѣлю за 1000 р. 17 же ар. Федорова — вып. въ мартѣ 85 г.; 18 авг. ар. слуш. х. ф. к. Товбина — вып. въ мартѣ, привезенъ изъ Симферополя Лазарь Шлемензонъ, привезенъ изъ собственнаго имѣнія Полтавской губ. Вас. Ив. Сухомлинъ — въ декабрѣ увезенъ въ Петропавл. крѣпость, ар. возвращенный изъ Сибири рабочій Митрофанъ Кудриченко — вып. черезъ 4 мѣсяца. 20 августа ар. на улицѣ Екатерина Бабіенко — вып. въ мартѣ, учительница Олимпіада Здапкевичъ — вып. черезъ 2 недѣли; привезенъ изъ Воронежской губерніи ст. Хар. ун. Тарковскій, привезенъ изъ Дерпта ст. Илья Рапопортъ — вып. въ мартѣ; 22 августа по дорогѣ на вокзалъ ар. нел. Кондратьевъ (Кашинцевъ) и въ декабрѣ увез. въ Петербургъ. 8 октября ар. бывшій кіевскій студентъ Самуилъ Фельдманъ — вып. 16 іюня 85 года, Анна Сухомлина, Яковъ Вугманъ — оба выпущены черезъ двѣ недѣли; въ ноябрѣ привезенъ изъ Харькова по Елисаветградскому дѣлу Павелъ Левандовскій — вып. въ мартѣ 85 года; 4 декабря ар. жена кузнеца Лукерья Лободина — просидѣла полтора мѣсяца, была выпущена на поруки и затѣмъ присуждена къ высидкѣ еще на двѣ недѣли. Въ серединѣ декабря погромъ повторился опять, причемъ самый большой процентъ арестованныхъ выпалъ на долю гимназистовъ. 17 декабря ар. гимназисты: Верцинскій, 18 лѣтъ, — сидитъ до сихъ поръ, Константинъ Стери — вып. 22 мая 85 г., Григорій Борзяковъ, 20 л, — сидитъ до сихъ поръ, Лебедевъ — вып. 29 дек. 84 г., Владиміръ Шульзингеръ, пятнадцати лѣтъ (!) и Яковъ, 21 года — вып. черезъ мѣсяцъ. 17 дек. ар. наборщики: Буль, Гусакъ и Мейбердюгъ — всѣ вып. 20 янв. 85 г.; 23 дек. ар. гимназисты: Околовичъ, Драчинскій — оба выпущены 25 ферваля 85 г., Левицкій, Блюменфельдъ — оба вып. 9 янв. 85 г. Скливицкій, Зволинскій и Волчанецкій — всѣ трое вып. 29 дек. 84 г.; 30 декабря ар. гимназистъ Ипполитъ Борзяковъ; 23 дек. ар. ст. естеств. 4 курса Ѳедоровичъ — вып. 17 марта 85 г., 29 декабря арестов. акцизн. чиновникъ Квицинскій — держалъ себя скверно, выпущ. черезъ 2 дня.

1885 г. 2 января ар. реалистъ Шаповаловъ — вып. черезъ мѣсяцъ, 20 января, ар. реалистъ Сакеръ и Позняковъ — вып. черезъ мѣсяцъ; привезенъ изъ Риги въ январѣ ст. политехникума Рутенбергъ — вып. 30 іюня, въ

январѣ же ар. Гольдфарбъ. Въ январѣ же прив. изъ Елисаветграда докторъ Михалевичъ, ему 37 лѣтъ, имѣетъ 6 дѣтей.

Большинство изъ перечисленныхъ здѣсь въ настоящее время выпущены впредь до рѣшенія ихъ дѣла. Въ чемъ состоитъ это дѣло, трудно сказать, такъ какъ 80% выпущенныхъ не только не знаютъ, но даже и догадываться не могутъ, за что ихъ держали 6 — 9 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ и въ чемъ ихъ обвиняютъ.

14 августа этого года разразился надъ Одессой 3 погромъ (подробности смотри въ корреспонденціи изъ Одессы). Послѣднее время ар. Дизенгофъ и въ поѣздѣ на станціи Малая Одесса какая то барыня ѣхавшая съ 2 дѣтьми.

ЕЛИСАВЕТГРАДЪ. 84 г. Въ іюлѣ ар. гимназистки Шатова, Желкова и Шейнцессъ и гимназистъ Желковъ — всѣ перевезены въ Одессу, гдѣ вскорѣ выпущены.

85 г. ар. служ. въ земск. упр. Дьяченко, сынъ редактора «Елисаветградскихъ Вѣдомостей» Хоромапскій и Дудинъ — всѣ трое держали себя очень скверно.

СИМФЕРОПОЛЬ. 16 авг. ар. Миримкинъ — увез. въ Харьковъ, гдѣ лѣтомъ этого года вып. Ивашкевичъ — отравился въ тюрьмѣ.

1885 г. въ іюлѣ ар. статистикъ Симферопольскаго земства Сазоновъ, поднадзорная Марія Третьякова и Сергѣй Мамчичъ.

ПЕРЕКОПЪ. 84 г. 16 авг. ар. Сюземскій — увезенъ въ Харьковъ, гдѣ лѣтомъ этого выпущенъ.

МЕЛИТОПОЛЬ. 84 г. 19 сент. ар. слуш. врач. курс. Есфирь Цейтлинъ — вып. лѣтомъ этого года на поруки.

Царство Польское. ВАРШАВА. 84. Послѣ ареста Бардовскаго осенью арест. слѣдующія лица: Станиславъ Дронджевскій, Сикульскій, Пржіюцкій, Быковецкій, Свентკевичъ, Крживолодскій, Быкъ, фармац. Болиславъ Онуфровичъ, учен. мастеръ Осипъ Острейко, рабочіе: Адамъ Сѣрошевскій, Дремеръ, Малиновскій, управляющій Общества Соединенныхъ Сапожниковъ, Францискъ Шиманскій, старшій цеха мыловаровъ Фаворскій съ женой, дрогистъ Иванъ Выгановскій, посыльные Кмѣцъ и Адамъ Словакъ, швея Софья Дзянковская, портниха Гуголинская, ст. Петровской акад. Людвигъ Яновичъ, — былъ прослѣженъ вмѣстѣ съ двумя товарищами шпіономъ Гузарскимъ; при арестѣ ихъ произошла между ними и полиціей схватка, причемъ Яновичъ

и сыщикъ были ранены. Яновичъ былъ арестованъ, а товарищи его успѣли скрыться. Кромѣ того ар. ст. Сгрыжиминскій, Феликсонъ, Пацаповскій — предатель.

НОВОГЕОРГІЕВСКЪ. ар. офицеры: Николай Лури, Захарій Сокольскій и Энштромъ.

ЗГЕЖЪ. Ар. ткачъ Петрусинскій и Блохъ.

ЛОДЗЬ. Ар. ткачъ Этіепе, портной Феликсъ Вачинскій, сапожникъ Швепикъ, наборщикъ Счесневскій и двое нелегальныхъ, жившихъ у него на квартирѣ.

Въ ПЕТРОКОВѢ. ар. Ксаверій Кифереръ. Въ ЖЕРАРДОВѢ ар. ткачъ Томашевскій.

Въ сент. 84 г. по приговору Центральнаго Комитета убитъ шпіонъ *Скржичинскій*.

Въ непродолжительномъ времени въ Варшавѣ ожидается большой политическій процессъ. Преданы военному суду слѣдующія лица:

Мировой судья Петръ Васил. Бардовскій, капитанъ-инженеръ изъ Новогеоргіевска Николай Адольфовичъ Лури, офицеръ изъ Новогеоргіевска Захарій Александр. Сокольскій, ст. юр. Феликсъ Конъ, бывш. ст. ин. пут. сооб. Станиславъ Куницкій, быв. ст. Петр. ак. Людвигъ Яновичъ, пел. Людвигъ Варынскій, кандидатъ юрид. наукъ Эдмундъ Плоскій, сапожники Петръ Домбровскій и Михаилъ Оссовскій, ткачи Феофилъ Блохъ, Иванъ Петрусинскій и Делурскій, нелег. Антонъ Поплавскій, Маньковскій и Гостковичъ, столяръ Форминскій, плотникъ Адамъ Сѣрошевскій, ткачъ Тамашевскій, токарь осипъ Шмаузъ, мыловаръ Генрихъ Дулемба, бухгалтеръ Станиславъ Гладкій, разсыльные Кмѣцъ и Адамъ Словакъ, брать убитаго шпіона Гельшеръ и Станиславъ Бугайскій.

Осенью прошлаго года въ Сибирь прошли три партіи политическихъ. Во второй партіи были между прочимъ адм: Мельниковъ, Паули (женщина), Андржейкевичъ, Забѣлло, Мушкинъ, Залкиндъ, Борецкій, Павелъ Лобановскій и двое на каторгу — юнкеръ Власовъ, судившійся въ Новочеркаскѣ — на 6 лѣтъ и Медвѣдевъ. Медвѣдевъ, подъ именемъ Алексѣя Ѳомина судился въ 1879 г. въ Харьковѣ за попытку освободить Войнаральскаго и за побѣгъ изъ тюрьмы и былъ осужденъ на вѣчную каторгу. Въ виду того, что со стороны его товарищей было сдѣлано нѣсколько

попытокъ освободить его, начальство долго *скрывало* его по сибирскимъ тюрьмамъ. 2 года и 8 мѣсяцевъ онъ высидѣлъ въ Тобольской уголовной центральной тюрьмѣ, затѣмъ $1^1/_2$ г. въ Омской, потомъ былъ перевезенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ просидѣлъ годъ и 3 мѣсяца и отсюда уже съ сокращеніемъ срока каторги по манифесту на 20 лѣтъ переведенъ на Кару. Вотъ что пишетъ о немъ товарищъ по партіи: „Ѳоминъ 6 лѣтъ высидѣлъ въ одиночномъ заключеніи, 4 г. носитъ кандалы; ему 34 г., на видъ онъ еще здоровъ, но все таки человѣкъ окончательно разбитый. Ему не давали книгъ, не пускали гулять, скверно кормили. Съ нами онъ чувствуетъ себя прекрасно и при мысли о разлукѣ плачетъ и болѣетъ“.

Помѣщаемъ еще одинъ отрывокъ изъ того же письма.

„Послѣ того, какъ мы расположились на баржѣ (въ Тобольскѣ) для дальнѣйшаго плаванія, къ намъ въ камеру привели мущину лѣтъ 30, закованнаго въ поясные и ручные кандалы. Начались разспросы: оказалось, что новый страдалецъ именуетъ себя Василіемъ Ѳоминымъ, онъ же Дмитріевъ. 4 г. ѣздитъ по тюрьмамъ, взятъ по какому то подозрѣнію въ знакомствѣ съ Чемодановой; нанесъ массу оскорбленій тобольскому губернатору, далъ двѣ пощечины караульному офицеру, билъ, ломалъ вездѣ по тюрьмамъ, поджигалъ камеру, въ которой сидѣлъ, за что и былъ затянутъ на 3 часа въ „рукавицы“; это одно изъ орудій пытки, которымъ стягиваютъ руки назадъ ремнями съ рукавицами, причемъ ремни сдавливаютъ грудь; послѣ такой операціи съ нимъ приключился обморокъ и изо рта потекла кровь. Послѣ всѣхъ операцій битья прикладами и сажанья въ карцеръ — Ѳомина заковали въ пудовые кандалы и затѣмъ надѣли наручни, къ наручнямъ привѣсили полупудовую гирю, и затѣмъ наручни соединили цѣпью съ кандалами; послѣ долгаго времени все было снято и только надѣты одни кандалы; въ такомъ видѣ его отправили изъ Тобольской тюрьмы въ Тобольскій судъ для выслушанія приговора по дѣлу ему, какъ онъ говоритъ, неизвѣстному. Явившись въ присутствіе, онъ отказался слушать приговоръ, разругалъ все присутствіе и его увели обратно въ тюрьму; стали заковывать въ наручни, онъ сопротивлялся, ему молоткомъ сломали палецъ, который врачъ потомъ отрѣзалъ; стали брить — онъ не давался, такъ что его только остригли.

Словомъ — жизнь этого Өомина № 2 загадочна, одно только для насъ ясно, что онъ непримиримый протестантъ, что онъ мученикъ. Если бы взглянули на его ужасные злобные глаза, то поняли бы, что за сила таится въ этомъ мученикѣ. Отъ насъ онъ ничего не хотѣлъ принимать, хотя денегъ у него 2 рубля, едва уговорили его съ нами обѣдать и пить чай.

По пріѣздѣ въ Томскъ, онъ заявилъ предъ отправкой, что брить голову не позволитъ и что хотя онъ и не привиллегированный, по пѣшкомъ не пойдетъ. Когда совѣтникъ Поппелевъ, завѣдывающій экспедиціей о ссыльныхъ, замѣтилъ, что употребитъ силу, — Өоминъ обругалъ его подлецомъ, сволочью и хотѣлъ ударить, но мы его удержали. Въ виду такой сцены, Өоминъ по распоряженію губернатора оставленъ въ Томскѣ для освидѣтельствованія; если признаютъ больнымъ, то могутъ замѣнить каторгу тюрьмой или поселеніемъ.

3-я партія состояла почти на половину изъ офицеровъ. Между прочимъ въ нее вошли поручикъ Крайскій, поручикъ Стратоновичъ, офицеръ Николай Кирьяковъ, студ. Нов. унив. Павелъ Сем. Анненковъ, ст. Пейсисъ — оба въ Петропавловскъ и др.

Когда эта партія проходила чрезъ Ялуторовскъ, произошла слѣдующая исторія. — Ссыльныхъ (ялуторовскихъ) не пропустили повидаться съ товарищами 3-й партіи, а когда Лазаревъ бросился обнять ссылаемаго изъ Одессы Анненкова, солдатъ ударилъ его прикладомъ. Зотовъ (нечаевецъ) бросился къ офицеру, но этотъ оказался негодяемъ. Зотовъ и Лазаревъ до безчувствія были избиты, а съ офицера были сорваны погоны. Зотовъ и Лазаревъ сидятъ въ тюрьмѣ, дѣло окончится каторгой.

Въ Иркутской тюрьмѣ теперь сидятъ 6 женщ. политическихъ, которыхъ привезли сюда съ Кары за бунтъ. Фамиліи ихъ: Софья Богомолецъ, Марія Кутитонская, Россикова, Елизавета Ковальская, Марія Ковалевская и Левенсонъ. Говорятъ, что ихъ или въ Петербургъ увезутъ, или же въ Вилюйскъ, Якутской области, гдѣ для нихъ строятъ одиночныя камеры. Недавно, въ видѣ протеста противъ насилій тюремнаго начальства, Россикова въ теченіе 16 дней не принимала пищи.

Помѣщаемъ въ переводѣ нѣкоторыя выдержки изъ армянскаго воззванія отъ вновь образовавшагося армянскаго революціоннаго кружка, которое появилось 22 го февраля 1885 г.

Братья и сестры!

Сегодня передъ всѣми вами совершается фактъ ужасающаго звѣрства, достойнаго дикости башибузуковъ, фактъ варварскаго насилія, свойственнаго необузданности давно прошедшихъ временъ, фактъ вопіющей несправедливости, носящей печать наглости разбойниковъ: русская монархія закрываетъ наши школы. . . . .

Очнитесь! И если теперь мы еще не въ силахъ открыто протестовать противъ лживаго деспота, то по крайней мѣрѣ, можемъ *произнести смертный приговоръ* надъ тѣми низкими злодѣями, пресмыкающимися у его ногъ, которыми осуждена на погибель наша родина.

ОТЧЕТЪ

О суммахъ вновь поступившихъ на дѣло народнаго освобожденія.

Весь всецѣло 1000 р. Маляренко 200 р. Цыганъ 5 р. Безоновъ 5 р. Степнякъ 25 р. Женихъ и невѣста 10 р. Сочувствующій прикащикъ 2 р. № 331—150 р. Одесситъ 22 р. Съ вечеринокъ и лоттерей г. Е—а 400 р. Отъ товарища за полгода 3035 р. Будущій врачъ 65 р. Бѣглецу отъ своихъ—57 р. Филологъ 54 р. Отъ желѣзнодорожника 11 р. Отъ своихъ своимъ 63 р. Скучающій 50 р. Полякъ 150 р. Отъ тестя 250 р. Изъ чертовой стѣны для Карійцевъ 50 р. (отправлены) Оттуда же 15 р. Отъ Ку—ца 15 р. Съ предпріятія 18 р. 60 к. Матушка 1 р. Кизилъ 5 р. Получено черезъ Искандера за ноябрь и декабрь 1884 г. —60 р., за январь и февраль 85 г.—84 р. 40 к., за мартъ 95 р. 50 к., за апрѣль 63р. 75 к., за май 34 р. 65 к. и за іюнь 25 р. Эго 50 р. Изъ Харькова (отъ своихъ) 465 р. Донъ 5о р, Большой 26 р. А—цы 25 р. Татаринъ 75 р. гг. Севастопольцы 65, 10, 50 р. Отъ кума 5 р. Отъ С—скаго кр. молодежи 47 р. Х—20 р. Отъ предпріятія фабричныхъ 376 р Отъ товарищей черезъ казеннаго 115 р. Отъ II группы 185 р. Отъ ветерин. 19 р.

Отъ Московскаго кружка на перевозку литературы 150 р. Отъ Московской кассы 50 р., Свой 3 р., Кружокъ 11-ый —5 р. 60 к. Другъ 1 р. Кумъ 6 р. Донъ 48 р. Петербургскій кружокъ на изданія 400 р. Министерскій 50 р. Лиценстъ 12 р. Государство 12 р. Сущая 1 р. 50 к. Петербургскій кружокъ 500 р. Тверичъ 60 р. Вѣчевыя 75 р. Ярогусъ 125 р. Помѣщикъ 200 р. Касспръ 15 р. Вольтеріанецъ 160 р. Экспрофессоръ 50 р.

По листкамъ: по л. № 95, 85 г. † † † 5 р. Изъ деревни (черезъ Н. П.) 25 р. Отъ старика 25 р. По л. № 98" 84 г. Х. - 5 р. Зеть—1 р. Эхо 1 р. Ок—С—3 р. Отъ земляка 1 р. Х—1 р. Т. (м) 1 р. Н. Н. 2 р. Патеръ Дар.—2 р. По листку безъ номера М. Я. К., Кухарь, Вой по одному рублю, Сочувствующій 1 р. 20 к. Х—6 р. По л. № 51, 85 г. Отъ в—цевъ 16 р. 80 к. А—цы 61 р. Отъ юриста 25 р. Мадамъ 170 р. К—мъ 25 р. Е—въ 200 р. Изъ деревни (черезъ Н. П.) 10 р. Отъ второй группы 15 р. Градова —1 р. 50 к. Дмитріевъ 25 к. Донцовъ 60 к. Жаждущій народнаго освобожденія отъ правительственной реакціи— 11 р. 10 к. Вполнѣ сочувствующій 1 р. Черняевъ 2 р. Жаждущій свободы печати 63 р. Отъ Александра не III-го 1 р. Георгіевскій 2 р. По л. № 0—320 р. Отъ Вари 200 р. По л. № 52 85 г. Отъ старика 25 р. Отъ жандармскаго полковника 200 р. Изъ чертовой стѣны 30 р. Моритурусъ 56 р. От—каз 5 р. Отъ задохшагося 10 р. Изъ чертовой стѣны 11 р. 0,000091—1р. По л. № 54, 85 г. Отъ жандармскаго полковника 300 р. Изъ чертовой стѣны 11 р. По л. № 2. Изъ кассы Н. Х. 87 р. Чертовая группа 150 р. По л. № 56: Отъ предпріятія 220 р. Васька 10 р. По л. № 58. Свои своимъ 115 р. Кентъ 13 р. Длинный 15 р. Кость 12 р. Кизилъ 5 р. Арватъ 10 р. По л. № 94. Бж—1 р. Кабаносъ 1 р. Носъ 1 р. Коза 2 р. Недоразвившійся 1 р. 50 к. Нюхачъ 7 р. Васька 2 р. Х—2 р. Деревня 2 р. Собака 1 р. Бумага 1 р. Студентъ 37 р. По л. безъ номера: Гимназисты 90 р. Брюханъ 50 р. Вѣтка 1 р. Купецъ 99 р. По л. № 1 85 г. Пудъ 1 р. Купецъ 1 р. Отъ 8 — 4 р. Пасъ 1 р. Деть 2 р. Отъ У — 25 р. Терекъ 1 р. У—15 р. По л. № 4, 85 г. Ухо 10 р. Отъ избытковъ 75 р. Лента 3 р. Бѣднякъ 50 к. Битва— 1 р. 50 к. Мѣняло 75 р. Послѣдній 10 р. Впередъ 50 к. За свободу 100 р. Соціалистка 50 к. По л. № 7, 85 г.

Ге—1 р. По л. № 11, 85 г. Кавказъ 150 р. Съ линіи всего 150 р. Заводъ 150 р. Чужой 1 р. Въ насмѣшку 155 р. Слуга 5 р. Парикмахеръ 4 р. Приказъ 10 р. Петр, Волна, Долгій, Кусака, Буква и Баринъ по 1 р. По л. № 15 85 г. № 266—5 р. изъ 99—1 р. Китаецъ 2 р. № 15 1—р. Буква 3 р. № 23—10 р. Неизвѣстный 50 к. По л. № 44, 85 г. Катце 2 р. Правовъ 3 р. Я 3 р. Фискъ 2 р. Казакъ 50 к. Одна 50 к. Еще 56 к. Люрики Матьиры 50 к. По л. № 45, 85 г.Саша 1 р. Чудо 1 р. Гимнастика 50 к. Поповичъ 3 р. Чига 5 р. Зелье и Чернецъ по 50 к. Скучающая 1 р. 50 к. Она 10 р. Одержимый 1 р. 30 к. Сторожъ 50 к. Стражъ 5 р. По л. № 46, 85 г. Дочь казака 1 р. Владиміровъ 50 к. Соціальдемократка 3 р. По л. № 47, 85 г. Разсѣянный 1 р. Непомнящій 50 к. Полусочувствующій 50 к, Н-ый мѣщанинъ 50 коп. По л. № 50, 85 г. Отъ избытковъ 100 р. Ласточка 15 р. Неправый 14 р. Х. У. Зсть 1 р. Ложа 5 р, Концертъ 85 р. Въ пользу свадьбы 1 р. Эскобаръ 3 р. Цицеронъ 4 р. Бумага, Ваня, Туша, Иксъ, Шаръ, Матушка, Баба, Идолъ и Ребенокъ по 1 р. По л. № 22, 84 г. Васа 1 р. 50 к. Сынъ эскулапа 2 р. Непомнящая 50 к. Мука 70 к. Н. Н. 1 р. Эскулапъ земскій 1 р. Тифозная 1 р. 33 к. По л. № 30, 84 г. Отъ своихъ 15 р. Иванъ 2 р. Тихоня 18 р. Вѣрующая 47 р. Казакъ 4 р. Скупой 12 р. Усердная 6 р. Малышъ 1 р. По л. № 37, 84 г. А—чинъ 17 р. Госпожа 3 р. Малюта 11 р. Серіозъ 25 р. Куща 15 р. Акустикъ 2 р. Х. Х. Гр., Воины 80 р. Онъ же 5 р. По л. № 40, 84 г. Скрипицынъ 2 р. Сочувствующій 5 р. Уединившійся 3 р. Вѣрующая 22 р. 75 к. Остатки отъ предпріятія 90 р. Отъ неизвѣстныхъ 16 р. 80 к. Скупой 18 р. Отъ сочувствующихъ 5 р. Полковъ 30 р. Минусъ 2 р. Уаза 4р. 50 к. Смирный 50 р. Безгрѣшный 50 к. Мама 2 р. Тиша 4 р. 50 к. По л. № 47, 84 г. Якка 2 р. Черта 1 р. Мальчикъ 2 р. Булянъ 15 р. Сабля 10 р. Своя 50 к. Отъ избытковъ 100 р. Тѣ же 15 р. Казачья сотня 75 р. По л. № 50 84 г. Щука 1 р. Сынъ эскулапа 1 р. Тихоня 2 р. 38 к. Жидъ 50 к. Бобыль 1 р. Усердная 1 р. Вѣрующая 5 р. Отъ Н—а (изъ болота) 50 р. Отъ В—го 2 р. По л. № 65. Быкъ 10 р. Богатырь 2 р. Своя 10 р. Отъ избытковъ 150 р. Сухая 7 р. Шутникъ 25 р. Честолюбивый 1 р. Боустъ 50 к. Терентій 50 к. Цезарь 25 к.

Маша, Доля, Рыцарь, Дитя, Н. Н. Н., Жадный и Костя по 50 к. По л. безъ № Отъ П. 25 к. Казакъ 1 р. Трудъ 55 к. Надежды 1 р. Старый народъ, †, проданный, Иванъ, В. Н. Р., М. и Н. по 1 р. Х., У., П., Н., Н., З., Х Х и У по 50 к. П—н 2 р. Катце 5 р. Донецъ, Сш. и И. по 2 р. В. Д. 40 к. Д. 30 к. По групповому листку № 0,002. Лукьяновъ 1 р. 35 к. Воропорховъ 3 р. Урбановскій 1 р. 50 к. Черная и Масса по 50 к. По л. № 108: отъ реалистовъ г. Н. 265 р. Съ концерта 136 р. 85 к. Нэмо 3 р. Рабочій 1 р. Количъ 20 р. Непримиримые 25 р. Өокичъ 13 р. Б—ръ 8 р. Сочувствующій 2 р. Ипатычъ 15 р. Онъ 23 р. отъ юнца черезъ Ал. 100 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Въ типографіи «Народной Воли» вышли слѣдующія изданія:

Чего намъ ждать отъ революціи? *Л. Тихомирова.* [1])

Сказка о четырехъ братьяхъ. (4-ое изданіе) [2]).

Печатается:

Отголоски революціи. (Сборникъ стихотвореній) [3]).

Готовится къ печати:

Борьба общественныхъ элементовъ въ Россіи (брошюра) [4]).

СОДЕРЖАНІЕ. Некрологъ. — Кровавыя рѣки (стих.). — Передовая статья. — Внутреннее обозрѣніе. — Корреспонденціи: (Кіевскій процессъ 14-ти. Кіевъ 30-го августа. Одесса 5-го октября. Харьковъ 2-го октября). — По поводу двадцатипятилѣтняго юбилея П. Л. Лаврова. — На смерть Судейкина (стих.). — Не Божій здѣсь алтарь (стих.). — Послѣдніе дни С. А. Лисянскаго. — Хроника революціонной борьбы. — Воззваніе армянскаго революціоннаго кружка. — Отчетъ сборовъ. — Объявленіе.

С.-Петербургъ. Типографія «Народной Воли» 2 декабря 1885 г.

---

[1]) Перепечатка изъ «Вѣстника Народной Воли».

[2]) Перепечатка одного изъ изданій семидесятыхъ годовъ.

[3]) Не появилось.

[4]) Вышла, но въ нашей коллекціи не имѣется. Просимъ доставить.

Ред. Сборника.

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ первый. — № 1 — 1880 г. 15 декабря.

---

4 ноября, въ 8 ч. 10 м. утра, на Іоанновскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости повѣшены соціалисты-революціонеры Александръ Александровичъ **КВЯТКОВСКІЙ** и Андрей Корнѣевичъ **ПРѢСНЯКОВЪ**.

5 ноября, на другой день послѣ казни нашихъ братьевъ-товарищей, Александра Квятковскаго и Андрея Прѣснякова, отъ рабочихъ, членовъ Партіи „Народной Воли," была выпущена прокламація къ товарищамъ-рабочимъ.

„Товарищи! — говорилось въ ней — неужели мы не отомстимъ за своихъ заступниковъ и борцовъ; неужели мы будемъ молчать передъ своими мучителями! Нѣтъ! Иначе кровь этихъ мучениковъ за народное счастье и волю падетъ на наши головы!

„Товарищи-рабочіе! пора взяться за умъ; пора призвать къ отвѣту своихъ притѣснителей, разорителей. Пора русскому народу взять управленіе дѣлами въ свои руки."

---

9 декабря 1880 года.

Испоконъ вѣковъ не любили цари правды и всегда гнали ее нещадно. Награждали лесть, да коварство, а за слово разумное, правдивое — терзали тѣло и душу. Но не удавалось имъ задушить правду въ сердцѣ человѣка: всегда находились смѣлые люди, для которыхъ истина и справедливость были всего дороже. Не страшили ихъ въ старину цар-

скія тюрьмы, пытки и костры, не страшатъ ихъ нынѣ и висѣлицы. Правдивое, смѣлое слово ихъ становится слышнѣе и грознѣе, и не унять его царской сворѣ. Печатались и расходились запрещенныя книжки и газеты по всей землѣ русской и больно тревожили онѣ царя съ его сворой, потому — правда глаза колетъ. Печатались онѣ поневолѣ за границею, а не у насъ въ Россіи. Но вотъ третій годъ, какъ основана въ Петербургѣ тайная типографія (книгопечатня). Вольное слово раздается подъ самымъ носомъ у царя, и мечется онъ, какъ чортъ отъ ладона. Полюбилось вольное печатное слово русскимъ людямъ и читаютъ его на перебой; читаютъ не только люди ученые (интеллигенція), но и много грамотнаго рабочаго люда. Трудно часто рабочимъ понимать вольныя газеты и книжки, какъ онѣ писались по сей день, а для народа знать правду всего важнѣе.

Вотъ почему мы и порѣшили выпускать „Рабочую Газету." Въ Программѣ рабочихъ членовъ Партіи „Народной Воли", что вышла недавно, мы подробно говорили, какіе порядки считаемъ мы справедливыми, и чего слѣдуетъ намъ добиваться.

Поэтому теперь мы повторяемъ вкратцѣ главныя наши требованія.

Не царь, а весь русскій народъ долженъ быть хозяиномъ страны. Поэтому царская власть должна быть уничтожена, а всѣ государственныя и общественныя дѣла переданы въ руки выборныхъ отъ народа, избираемыхъ на срокъ.

Земля, фабрики и заводы должны принадлежать всему народу; всякій, по желанію, можетъ получить земельный надѣлъ по расчету, или пристать къ фабричному труду.

Для охраны свободы и благосостоянія народа постоянное войско должно быть замѣнено народнымъ ополченіемъ.

При такомъ порядкѣ, по нашему мнѣнію, народъ былъ бы дѣйствительно свободенъ и счастливъ. То-ли видимъ мы вокругъ себя? У насъ царь значитъ все, а народъ ничто.

Вмѣсто выборныхъ народныхъ всѣмъ орудуютъ царскіе чиновники, и распоряжаются-то они, какъ въ покоренной странѣ. Живетъ всласть, кто не трудится; а кто трудится, въ кабалѣ состоитъ у хозяина. Все, что минуетъ хозяйскую мошну, попадаетъ въ казну, а куда расходится, про то спрашивать не приказано. Держать армію въ милліонъ человѣкъ; отрываютъ отъ хозяйства лучшихъ работниковъ

— все молодецъ въ молодца. А для чего? Что-бъ держать въ покорности свой-же народъ. Таковы-то царскіе распорядки! Всякій видитъ, сколько въ нихъ справедливости. Силой царь держитъ русскій народъ въ нищетѣ да невѣжествѣ. Скоро доведетъ до голодной смерти. Уже бѣдствія народа начинаютъ превышать всякую мѣру, и недалеко то время, когда народъ произнесетъ свой приговоръ надъ притѣснителями. Наша задача — выяснить народу, кто другъ его, и при какихъ порядкахъ народъ будетъ счастливъ и свободенъ.

Счастье народа,
Доля его,
Свѣтъ и свобода, —
Прежде всего.
«Пиръ на весь міръ».
Некрасовъ.

Были красные дни и на русской землѣ !Было время, когда на привольныхъ поляхъ и въ лѣсахъ дремучихъ, на рѣкахъ и моряхъ былъ хозяинъ одинъ — вольный русскій народъ. Ни царей съ ихъ чиновниками, ни помѣщиковъ, ни лживыхъ поповъ — никого онъ не зналъ. Управлялъ самъ собой. Самъ давалъ законы. Самъ страну защищалъ, не нуждаясь въ солдатахъ.

На міру онъ судилъ и рядилъ о всѣхъ своихъ нуждахъ. Каждый пахалъ, торговалъ безъ запрету. Не вреди лишь другимъ, да плати на мірскіе расходы, что всѣмъ міромъ утвердилъ; помни совѣсть въ себѣ, да живи съ другими по братски — такова была мудрость старинная.

Съ тѣхъ поръ много бѣдъ натерпѣлась русская земля. Не узнаешь ея. Точно въ чужой край занесенъ ты судьбой. Не родитъ выпаханное поле: лѣсъ вырубленъ зря; въ рѣкахъ мелководье. Всюду оскудѣніе. А народъ-то, народъ! Боже мой! Измельчалъ, отощалъ надъ древесной корой, и нѣтъ счету болѣзнямъ. Изнываетъ въ трудѣ; бьется рыбой объ ледъ; а житье, что ни день — все хуже. Пропало безъ вѣсти веселье, повсюду слышенъ стонъ протяжный или пьяный крикъ. Нѣтъ дружбы межъ людей. Всякъ остерегается другого, какой то темный духъ, духъ злобы и корысти всѣми обуялъ. Братъ брата продаетъ; мать дочерью торгуетъ; отецъ не радъ семьѣ. Свѣтъ божій опостылѣлъ.

Куда-же дѣвалась воля вольная, богатство, счастіе народа? Къ царямъ да къ барамъ; прибрали все къ рукамъ.

Мужикъ-то, видишь, теменъ, — они законъ ему даютъ; начальство поставляютъ; отъ нѣмца, турка защищаютъ, чтобъ не польстился на мужицкую суму. Судъ правятъ; къ работѣ понуждаютъ; что есть въ карманахъ, аккуратно сосчитаютъ, — благодѣтели! Землицу, что получше, межъ собою подѣлили. Придумали себѣ доходныя мѣста, не брезгаютъ торговлей: а фабрики, заводы — бѣда, какъ полюбили!

Трудится каждый, кто какъ можетъ: бѣснуются чиновники, чуть не съ пѣною у рта, лѣзетъ изъ кожи продажная душа! У нихъ на все одинъ резонъ — „по царскому указу!"

„По царскому указу", „по закону!" — вторятъ помѣщики, фабриканты и прочіе кулаки, что живутъ чужимъ трудомъ, сосутъ кровь народную. Всѣ противъ народа и всѣ „по закону", „по царскому указу." И попы не отстаютъ: выкликаютъ небесные громы и грозятъ непокорному народу всѣми муками ада. Каркаютъ черные вороны: „Всякая, молъ, власть отъ Бога, и передъ Богомъ однимъ ей отвѣтъ держать за злодѣйства свои; а вы, рабы, повинуйтесь господамъ своимъ." И нѣтъ такого злодѣянія сильныхъ міра, которое попы не освятили бы именемъ небеснаго царя. На все-де Богъ!

Что же самъ запѣвало? Какую роль царь ведетъ? О, этотъ злодѣй обстоятельный! сейчасъ видать — всему дѣлу голова. Обираетъ и тѣснитъ народъ черезъ подручныхъ своихъ, а самъ стоитъ въ сторонкѣ; прикидывается радѣтелемъ народа, да такъ ловко, что темному люду и не въ домекъ, въ чемъ дѣло. И толкуютъ въ крестьянствѣ: „Царь то за насъ, да волюшки у него нѣтъ; опутали его дворяне да чиновники." Не подумаютъ темные: если царь за народъ, а войско за царя, — что могутъ дворяне? Вѣдь ихъ не сила, а сущій пустякъ. Да и кто неволитъ царя выбирать себѣ совѣтниковъ изъ дворянъ? Почему не выслушать мірскихъ людей, выборныхъ отъ всего народа?

Знаетъ кошка, чье сало съѣла....

Можетъ быть, царь не вѣдаетъ про житье мужицкое, горемычное? Да что-же онъ послѣ этого знаетъ и какой онъ

самодержецъ? Пусть бы заглянулъ на любую фабрику или порасспросилъ на улицѣ перваго встрѣчнаго изъ тѣхъ, что побѣднѣй. Не тутъ то было! Не любитъ царь сѣрой публики и по улицѣ то не ѣдетъ, а мчится, какъ оглашенный: видно, на ворѣ шапка горитъ.

Теменъ народъ и не нарадуется царь механикѣ своей. Скрывается за подручными своими: ну, и тѣ не серчаютъ, потому понимаютъ, что нужно отводить глаза народу. При томъ подручные по опыту знаютъ, что старшой не дастъ ихъ въ обиду. Чуть что, крестьяне-ль забунтуютъ противъ помѣщика, или рабочіе противъ фабриканта, царь тутъ какъ тутъ съ своей силою, и пошли писать нагайки да приклады. Одна шайка!. Рука руку моетъ.

И бѣдствуетъ русскій народъ, какъ нельзя больше. Тѣснятъ его, какъ въ турецкомъ плѣну, а поборы — явный грабежъ. Но молча тянетъ многострадальный лямку свою, ибо на глазахъ его завѣса темная. И чудится ему сквозь завѣсу ту, гдѣ то далеко, далеко царь надежда, радѣтель земли русской. „Только бы добраться до него“ — думаетъ бѣдняга: „а тамъ горе какъ рукою сниметъ.“ И шлетъ онъ ходоковъ своихъ; шлетъ не разъ и не два, считай тысячами. Шлетъ и ждетъ многострадальный, чѣмъ пожалуетъ его царь-батюшка.... А горе той порой налегаетъ, какъ свинцовая туча, все сильнѣй да плотнѣй. Жметъ, ломаетъ его, какъ въ тискахъ.

Понурилъ голову угнетенный народъ, и ликуетъ царь съ приспѣшниками. Поработили злодѣи, да еще издѣваются вдобавокъ!

Но живуча правда, какъ душа народная, и не одолѣетъ ее царская кривда. Не одолѣла ея кривда раньше, а теперь ея пѣсенка спѣта!

Было время, скрывалась правда въ тайникахъ лѣсныхъ, да въ степной глуши. Наступила иная пора: вышла правда открыто на свѣтъ божій, и задрожали темныя силы. Стала правда напирать словомъ и дѣломъ, и очумѣли со страху притѣснители народа. Передъ лицомъ народа идетъ смертельный бой: то лучшіе сыны его бьются въ кровавомъ поединкѣ противъ утѣснителей народныхъ. А народъ молчитъ... молчитъ, ибо не знаетъ, кто другъ, кто врагъ; не знаетъ, изъ-за чего идетъ борьба. Иной хоть понимаетъ, да робость беретъ. Но примѣръ смѣлыхъ людей

ободряетъ забитый народъ; завѣса понемногу спадаетъ съ глазъ его, а нужда тѣмъ временемъ нагнетаетъ все больше и больше.... И выходитъ изъ народа боецъ за бойцомъ! Не въ терпежъ становится добру молодцу царское иго да хозяйская кабала! рвется въ бой удаль молодецкая! И думаетъ буйная головушка: „Эхъ! будь что будетъ, а въ рабствѣ не останусь и слабаго въ обиду сильному не отдамъ!" И кипитъ потѣха молодецкая; и глядючи на нее, щелкаетъ царь зубами; прячется губитель за спины черкесскія отъ своего народа русскаго. Да не уйдетъ!

Темныя тучи покрыли небосклонъ... Быть грозѣ!... Бурные потоки несутъ свои воды въ общее русло: не устоять плотинѣ!.... И горе тому, кто преградитъ дорогу народному движенію! Лишь-бы понялъ народъ свой побѣдный кличъ. *„Смерть тиранамъ! Прочь тунеядцевъ. Да здравствуетъ царство свободы и труда"!!!*

РАБОЧЕЕ ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ.

Холодно, странничекъ, холодно,
Голодно, родименькій, голодно!...
Некрасовъ.

Ну и времячко-же, братцы, наступило. Куда ни глянешь, гдѣ ни посмотришь — вездѣ одна пѣсня про голодъ да безработицу. Голодаетъ вся матушка Россія. Неурожай нонѣ былъ чуть-что не въ половинѣ ея; а въ Саратовской, Самарской, Екатеринославской и другихъ южныхъ губерніяхъ и сѣмянъ не собрали. Земля, кормилица наша, не уродила, ну, а жить тоже нужно и подати подай. Вотъ и плетутся всѣ крестьяне голодныхъ губерній въ города да на промыслы. Народу навалило много. Хозяева и рады бѣдѣ народной и сейчасъ понизили заработную плату до того, что приходится изъ-за куска хлѣба работать. А все-же много народу безъ работы осталось; вотъ съ нужды и пошли баловать: разбои, грабежи, да нищенство разрослись, какъ никогда.

Въ голодныхъ губерніяхъ оборванные, голодные мужики, бабы и дѣти толпами ходятъ по дорогамъ и просятъ у проѣзжихъ милостыню.

Такъ-то вотъ живется народу въ провинціи.

Теперь поглядимъ, лучше-ли намъ, столичнымъ рабочимъ.

Первымъ дѣломъ зайдешь на какой-нибудь заводъ либо фабрику, всюду только и слышишь, что расчитываютъ. Напримѣръ: у Голубева, у Лесснера расчитали четвертую часть всѣхъ рабочихъ, у Путилова, у Нобеля, на Балтійскомъ — третью часть, у Растеряева, на Патронномъ, у Петрова — половину, заводъ Берда совсѣмъ сталъ, а было въ немъ 1,500 рабочихъ. Тоже и на фабрикахъ. Выходитъ, значитъ, что и постояннымъ питерскимъ рабочимъ некуда дѣться, а тутъ на несчастье неурожай нагналъ изъ провинціи не мало рабочаго люду. Какъ теперь поглядишь на все на это, такъ тебѣ и видно станетъ, почему на нѣкоторыхъ улицахъ проходу нѣтъ отъ нищихъ, почему полиція, хоть и высылаетъ нищихъ тысячами изъ города, все же не можетъ очистить улицъ отъ нихъ. Отъ этой-же безработицы, да отъ того, что много рабочихъ изъ провинціи наѣхало, стала сильно заработная плата понижаться, а наше заводское начальство обращаться хуже, чѣмъ со скотомъ. Нынче заработная плата чуть-что не вдвое меньше, чѣмъ было прежде, а коли возьмешь въ разсчетъ, что хлѣбъ и другіе припасы чуть-что не вдвое дороже, то и выйдетъ, что иной разъ и работу имѣешь, а мало не однимъ хлѣбомъ, да пустыми щами живешь. А про заводское начальство и говорить нечего. Оно такъ и говоритъ: „васъ молъ за воротами какъ собакъ! чуть-что — сейчасъ расчетъ!" Ну, и не стѣсняется съ нашимъ братомъ. Ругательства, подзатыльники да вымогательство денегъ — это дѣло теперь обычное. Бывало, правда, что и не вытерпитъ рабочій подлости, да прижимки: своимъ судомъ расправится съ подлецомъ. Расправъ такихъ нынѣшней зимой было больше чѣмъ когда-нибудь. Напримѣръ: у Розенкранца рабочій въ мастерской ножомъ зарѣзалъ мастера при всемъ народѣ; на Александровскомъ рабочіе накинули на голову мѣшокъ и раскроили ему голову; у Симонъ-Гальскаго рабочій пустилъ въ догонку мастеру 4 тяжелыхъ куска желѣза; его товарищи кричали ему «браво!» и щедро угостили въ трактирѣ; у Петрова такъ двинули писарю камнемъ въ спину, что тотъ, почитай, съ недѣлю ходилъ скрючившись.

Кромѣ такихъ расправъ съ отдѣльными подлецами, было у насъ и нѣсколько забастовокъ. Хоть рабочій и понима-

етъ, что теперь не время тягаться съ хозяиномъ, забастовку дѣлать, а все-же иной разъ и не втерпежъ отъ безссовѣстной хозяйской подлости да корысти. Дружная забастовка была въ концѣ ноября въ Серпуховѣ, въ Московской губерніи, на фабрикѣ Сухорукова за сбавку съ платы. Хозяинъ сейчасъ имъ всѣмъ расчетъ да новыхъ набирать, а чтобы даромъ хозяйскимъ тепломъ не грѣлись, вынулъ рамы изъ оконъ казармъ. Забастовавшіе, увидѣвши, что приходится лишиться и куска хлѣба, стали просить хозяина, что они-де готовы работать на всей его волѣ. Другая стачка была на Голубевскомъ заводѣ 29 ноября. Хозяинъ, вишь, получки во время выдать не хотѣлъ. Рабочіе забастовали. Хоть хозяинъ и уступилъ, ну, а все-же эта удача не дешево заводу обошлась: лучшихъ 10 рабочихъ, что за общій интересъ стояли твердо, на другой же день расчитали.

Таково-то наше житье-бытье!

НЕДОРАЗУМѢНІЕ

Разговоръ рабочаго съ фабрикантомъ

«Съ чемъ, братъ, предъявился?
Прилелся за чѣмъ?
Думалъ, что простился
Я съ тобой совсѣмъ!»
— «Руку оторвало, —
«Чай помочь не грѣхъ,
«Работалъ не мало
«Для твоихъ утѣхъ.»
— «Малый ты не старый,
Что-бъ съ сумой ходить,
Мнѣ же не пристало
Даромъ васъ кормить.»
— «На твоемъ заводѣ
«Я, вѣдь, рукъ лишенъ...
«Чай при всемъ народѣ...»
— «Ты братъ мнѣ смѣшонъ,
Ты, вѣдь, былъ свободенъ,
Кто тянулъ тебя?
Самъ пришелъ, — былъ годенъ,
Ну, и принялъ я;

Руку оторвало, —
Сталъ негожъ теперь,
Ну, вотъ — образъ, малый,
А вотъ это — дверь!
У тебя землица,
Есть чѣмъ, значитъ, жить,
Есть чѣмъ прокормиться —
Стыдно зря просить!»
— «Землю-то, позволь-ка,
«Я въ аренду сдалъ,
«Что-бъ приняли только,
«Пять рублей отдалъ.
«Вѣдь, ее за даромъ
«Лишь дуракъ возьметъ;
«Хоть оброкъ-то барамъ
«Съ насъ теперь пейдетъ,
«Такъ въ казну поборы —
«Чистый всѣмъ раззоръ —
«Помирать, такъ въ пору....»
— «Мелешь, братецъ, вздоръ!
Я и такъ не мало
Извожу денжатъ;
Силъ моихъ не стало...
Мало васъ лежатъ
Здѣсь въ больницѣ нашей?
Я, вѣдь, васъ лѣчу,
Изъ-за лѣни вашей
Лекарямъ плачу.
У меня здѣсь, слышалъ,
Двое докторовъ.
Изъ больницы вышелъ,
Значитъ, ты здоровъ!
Не держу паспорта
И расчетъ отдалъ,
Такъ какого-жъ чорта
Ты ко мнѣ присталъ?!».

Н. Ц......въ.

Фельетонъ въ приложеніи.

Летучая Типографія «Народной Воли».

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ № 1 „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ"

ВОЗЬМИ ГЛАЗА ВЪ ЗУБЫ.

(Разсказъ)

Въ воскресенье, 2-го ноября, въ сумерки въ квартиру кузнеца Ивана Григорьевича Смазкина вошли двое крестьянъ. Одинъ лѣтъ тридцати, другой постарше. Комната, гдѣ жилъ Иванъ Григорьевичъ, была освѣщена керосиновой лампой, которую хозяинъ только за полчаса до прихода гостей оправилъ, зажегъ и повѣсилъ на стѣнку, а самъ, прислонившись къ стѣнѣ, принялся читать газету. Мужики вошли, перекрестились и кто-то изъ нихъ спросилъ:

— Дома что-ли будетъ хозяинъ, али нѣтъ?

Иванъ Григорьевичъ, углубившись въ газету, не замѣтилъ, какъ отворялась и затворялась дверь. Услыхавъ, что его спрашиваютъ, онъ обернулся.

— Кого Богъ даетъ? спросилъ онъ.

— Узнавай! отвѣтилъ старшій изъ крестьянъ, по имени Савелій Гавриловъ. (Другаго крестьянина звали Григорій Парфеновъ.)

— А, дядя Савелій!.. Гришка! радостно вскочилъ кузнецъ изъ-за стола и, бросивъ газету, пошелъ къ нимъ навстрѣчу. — Какими судьбами? Н...на, вотъ кто! Я и не ждалъ! говорилъ онъ, здороваясь съ своими земляками.

— Здравствуй, Ваня, здравствуй! усаживаясь къ столу, говорилъ Савелій.

— Что, али попытать счастья прибыли въ Питеръ? спросилъ кузнецъ мужиковъ, когда они усѣлись.

— Что станешь дѣлать! вздохнувъ, отвѣчалъ Савелій. Земляки разговорились.

— Плохо, Ваня, стало въ деревнѣ! разсказывалъ Савелій. Хлѣба нонѣ вовсе не уродились, а какой пособрали — тутъ-же весь распродали на подати, на то да на се — и ушли всѣ денежки! Теперя ни денегъ, ни хлѣба! Думаемъ, вотъ, въ Питерѣ какой работишки поискать!

— Я въ молотобойцы наровлю, а онъ на какую ни на есть черну работу! проговорилъ Григорій!

— Въ молотобойцы? переспросилъ кузнецъ. Ужъ не зна...ю? протянулъ онъ: врядъ-ли, другъ, получишь мѣсто!

— А что? спросилъ Григорій.

— Да то, что и у нась нонѣ плохо!

— Ну!

— Такъ плохо, продолжалъ кузнецъ, прямо сказать: надо хуже, такъ не куда!.. Работы вовсе нѣтъ! Которы заводы тѣ прямо приканчивать работу стали, — видать закроются; а у насъ прижимка пошла, чуть-что — расчетъ, изъ-за пустова — отказываютъ!... Все менѣ да менѣ рабочихъ заводъ держать сталъ!

— Ахъ-ти, грѣхи какіе! замѣтилъ Савелій.

— Все дорого, продолжалъ Иванъ Григорьевичъ, ни къ чему приступа нѣтъ! нонѣ вонъ хлѣбъ по четыре съ половиной копѣйки покупаемъ. Высунуть съ завода — куда пойдешь?

— Нда, отвѣчалъ Ссавелій. Мы-то мужики думаемъ: въ деревнѣ худо, въ Питерѣ лучше, а и у васъ... Эхъ — хе-хе-хе! Ужъ что это и будетъ только: какъ жить?

Наши собесѣдники долго толковали о своемъ житьѣ-бытьѣ. Рабочій разсказывалъ о штрафахъ, вычетахъ на заводѣ, о дорговизнѣ городской жизни; мужики — о податяхъ, поборэхъ, о прижимкахъ начальства. Не весело было на душѣ ни у мужиковъ деревенскихъ, ни у рабочаго.

— Чайкомъ-бы васъ надо попоить, земляки, сказалъ кузнецъ. Да не осудите: денегъ-то отъ получки остался одинъ семишникъ.

— Ну, что за чаекъ! Такъ покалякаемъ малость, замѣтилъ Савелій... Вонъ у насъ въ деревнѣ болтаютъ, правда аль нѣтъ, по веснѣ новая нарѣзка будетъ? спросилъ Савелій и добавилъ: сенаторы, вишь, по всѣмъ губерніямъ поѣхали разузнавать, гдѣ сколько земли надо дать мужикамъ? Кузнецъ расхохотался.

— Ты что смѣешься? спросилъ Савелій.

— Ничего, я такъ себѣ! улыбаясь отвѣтилъ кузнецъ.

— Пра, толкуютъ! подтвердилъ Григорій.

— Мало что въ деревнѣ брешутъ! сказалъ Иванъ.

— Разѣ не правда? удивился Савелій.

— Да съ чего правдѣ-то такой быть? заговорилъ кузнецъ.

— Какъ съ чего? изумился Савелій. Наши которы сами видѣли!

— Кого?

— Да сенаторовъ-то этихъ!

— Ну, что-жъ что видѣли?.. И ты, можетъ статься, увидишь, а земли-то все не будетъ!

— Какъ не будетъ? Царь, слышь, прямо наказъ далъ, по веснѣ что-бъ нарѣзка безпремѣнно была! волновался Савелій.

— Полно ты! объяснялъ кузнецъ. Далъ наказъ, что бы какъ ни на есть прикончить вашу брехню на счетъ земли — такой наказъ далъ, точно!

— Какъ прикончить?

— Да такъ! Кажинный годъ слухъ идетъ: будетъ земля, будетъ! Лѣтомъ болтали, теперь брешутъ; вотъ онъ и велѣлъ сенаторамъ дознаться, съ чего такой слухъ идетъ? Смущаетъ васъ кто, али своимъ умомъ дошли?.. А потомъ и посократитъ!

— Ну, братъ, это ты врешь! Право слово, врешь! Не можетъ этого быть! не довѣряя кузнецу, говорилъ Савелій.

— Мнѣ что врать! Правду сказываю!

— Какая-жъ это правда? горячился Савелій. Отъ царя чтобъ указъ былъ, земли не ждать? Развѣ царь это можетъ?

— Отчего-бы ему и немочь?

— А потому... радѣетъ онъ о насъ! Баре—тѣ точно, имъ земли дать не охота, они могутъ!

— Э.. э что они безъ него могутъ! возражалъ Иванъ Гр.

— А то и могутъ, что однова ужъ приневолили министра прислать имъ такую бумагу!

— Ее въ тѣ поры и вычитывали намъ въ волости! добавилъ Григорій. Тамъ точно прописано было, чтобъ зря не болтали, и сказано, чтобъ земли не ждать, не будетъ ее намъ?

— Такъ ты думаешь, спросилъ кузнецъ Григорія, баре эту бумагу сочинили?

— Знамо баре! не далъ Григорію отвѣтить Савелій.

— Эхъ вы! други мои сердечные! Самъ я такъ-то думалъ раньше, какъ вы, ну, а теперь — будетъ!

— Уменъ сталъ? За баръ стоишь? съ усмѣшкой проговорилъ Савелій.

— Уменъ не уменъ, а все маракую малость! И не за баръ стою: пропадай они пропадомъ! отвѣтилъ кузнецъ.

— Не съ газетъ-ли премудрость обрѣлъ? вонъ какая большущая; чай, въ ней всего въ доталь! съ сердцемъ сказалъ Савелій и ткнулъ пальцемъ въ газету, брошенную Иваномъ Григорьевичемъ на столъ.

Савелій глубоко вѣрилъ, что царь каждый часъ, каждую минуту только и думаетъ о мужикахъ; что царь уже давно рѣшилъ отдать всю землю казенную и барскую крестьянамъ, но что ему мѣшаютъ въ этомъ дѣлѣ баре. Они не хотятъ разставаться съ своей землей, подговариваютъ министровъ сочинять бумаги, что мужику земли не будетъ, и въ газетахъ пишутъ о томъ-же. Савелій вѣрилъ въ царя, какъ въ бога, и ненавидѣлъ дворянъ, какъ чорта.

— И газета сказать можетъ, ежели вникнуть! Ты не серчай, а раскинь-ка умомъ! отвѣтилъ кузнецъ на насмѣшку Савелія. Сколько лѣтъ мужикъ ждетъ отъ царя милости?

— Ждемъ довольно!

— То-то довольно, а все земли нѣтъ! Коли хотѣлъ-бы, давно бы далъ!

— Далъ же волю барскимъ мужикамъ! возразилъ Савелій.

— Далъ... по нуждѣ! Да и тутъ сдрефилъ; разѣ того ждали отъ него!

— А все баре! Ихъ вина! Они помѣшали! говорилъ Савелій.

— Не бось, не помѣшали-бы, коли взаправду ему охота-то пришла осчастливить мужика! Охоты не было. Что баре супротивъ царя могутъ, ежели онъ съ народомъ? На все его воля!

— Какъ что! вскричалъ Савелій. Вонъ они что стали выдѣлывать! Стрѣляютъ въ него, дворецъ взорвали, желѣзну дорогу испортили — убить хотѣли! Мало что-ли? А все за что? За то, что землю хочетъ отдать мужикамъ... Чуть молвитъ на счетъ земли, они и давай подъ него мину!

— Складно ты сказываешь, да не такъ дѣло идетъ! замѣтилъ кузнецъ. Ты полагаешь, что всѣ эти дѣла баре подѣлали? спросилъ Иванъ Григорьевичъ.

— А то кто-жъ? Не мужику-же супротивъ царя идти?

— Знамо не мужику, что понятій лишенъ, какъ ты, съ досадой отвѣтилъ кузнецъ, а другой, съ понятіемъ, вникнетъ, что есть такое этотъ самый царь-батюшка, и пойдетъ!

— Супротивъ царя?

— Да!

— Полно ты брехать зря! махнулъ рукой на кузнеца Савелій.

— На, вотъ читай! вскричалъ Иванъ Григорьевичъ и бросилъ Савелію газету, которая лежала на столѣ.

Савелій взялъ газету, повертѣлъ ее и сказалъ:

— Я не могу, грамотѣ не знаю! Въ голосѣ его слышалась обида.

— Ну, Григорій пусть прочтетъ.

— Я тоже не знаю! отвѣтилъ Григорій.

— Не обучилъ васъ царь-то батюшка! Ну, я вамъ прочту! сказалъ съ усмѣшкой кузнецъ и взялъ газету. Газета была одинъ изъ нумеровъ «Правительственнаго Вѣстника», гдѣ печаталось дѣло о 16-ти подсудимыхъ, разбиравшееся въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней, съ 23-го октября. Не обученные грамотѣ крестьяне плохо понимали печатное, а потому кузнецъ постоянно долженъ былъ своими словами передавать имъ длинную, непонятную рѣчь газеты. Изъ газеты Савелій съ Григорьемъ узнали, что дворецъ взорвалъ вятскій крестьянинъ Халтуринъ, московско-курскую дорогу — саратовскій крестьянинъ Ширяевъ, подъ Алаксандровскомъ работалъ крестьянинъ Тихоновъ и т. д.

— Ну, что теперь скажешь? спросилъ Иванъ Григорьевичъ Савелія, когда сообщилъ, кто принималъ участіе во взрывахъ. Савелій молчалъ.

— Да, братъ, чудно! Мужикъ, а поди вотъ на что рѣшился! замѣтилъ Григорій.

— Да, отвѣтилъ Иванъ Григорьевичъ, мужикъ противъ царя пошелъ! Вотъ какъ выходитъ: мужикъ подъ царя мину; а господа на мужика петлю! Это по правильности. Что молчишь? обратился кузнецъ къ Савелію.

— А то и молчу, что, думается мнѣ, не мужики это! отвѣтилъ Савелій.

— А кто-же? спросилъ Григорій.

— Не мужики! Они, вишь, и грамотные, учены которы есть.

— Я что же тебѣ и говорю! замѣтилъ кузнецъ. Чуть мужикъ въ понятіе вошелъ, и нѣтъ у него вѣры въ царя, какъ водой смыло! А пока въ темнотѣ ходитъ, знамо Богъ да царь, только и всего у него.

— Иванъ вѣрно говоритъ! замѣтилъ Григорій, все время внимательно слушавшій разсказъ и чтеніе кузнеца.

— Вѣрно!.. Не больно вѣрно, Савелій не находилъ словъ, чѣмъ отвѣтить.

— Ну, постой, я тебя спрошу, продолжалъ кузнецъ. Судьи-то, что судятъ, изъ кого: изъ мужиковъ, али изъ господъ?

— Знамо изъ господъ! отвѣтилъ Савелій.

Какъ-же это господа да противъ своего же брата идутъ? Имъ-бы за него надо-ть, особливо ежели онъ изъ за ихъ земли старается?

— Это такъ! согласился Григорій.

Савелій молчалъ.

— Ежели по твоему, дядя Савелій, продолжалъ кузнецъ, надо-бы тѣхъ, что царя хотятъ убить, мужикамъ судить, а господъ отъ этихъ дѣловъ — вонъ! Анъ нѣтъ — баре судятъ! Значитъ, они защита у царя, а не мужикъ.

Савелій не зналъ, что отвѣтить. Видно было, что онъ, привыкши уважать царя, никакъ не могъ взять въ толкъ: съ чего это вздумалось мужикамъ Халтурину, Тихонову, Шпряеву подводить подъ царя мину? Онъ понималъ, что взорвать дворецъ, испортить дорогу, чтобы загубить царя, могутъ господа: они не хотятъ, чтобы царь отдалъ мужикамъ землю; но мужикъ? Развѣ онъ можетъ рѣшиться на это, когда ему доподлинно извѣстно, что царь и днемъ, и ночью только и думаетъ, какъ-бы наградить мужика землей? Опять-же и то взять: почему въ самомъ дѣлѣ господа вѣшаютъ, давятъ тѣхъ, кто посягаетъ на жизнь царя. Если царя наровятъ убить за то, что онъ мыслитъ отдать мужикамъ землю, то господамъ прямой разсчетъ мирволить такимъ людямъ, а не давить ихъ. Савелій путался въ догадкахъ и никакъ не могъ рѣшить: правъ или нѣтъ Иванъ Григорьевичъ. Наши собесѣдники нѣсколько времени сидѣли молча.

— Вотъ что я дуамю! прервалъ молчаніе Григорій. Что это царь мужику не объявилъ? — Чего? спросилъ кузнецъ.

— А вотъ, что онъ хочетъ дать землю, а господа мѣшаютъ: мы-бы сами расправились съ барами!

— Да какъ ему объявить? проговорилъ Савелій. Развѣ они допущаютъ къ царю нашего брата!

— Ну, это ты пустое, Савелій Гавриловичъ! отвѣчалъ Григорій. Царь завсегда можетъ дать намъ вѣсточку!

— Это какъ? — «А такъ! Мало что-ль у него нашего брата въ солдатахъ! выѣхалъ къ войску смотръ дѣлать, али на ученье да объявилъ!» — И то, отчего твой-то царь-батюшка не поступитъ такъ? Отвѣчай! присталъ кузнецъ къ Савелію.

— Отчего?... Може ему и не въ домекъ это. Савелій окончательно смутился. Между тѣмъ кузнецъ продолжалъ: «Дурья-же башка у твоего царя: не въ домекъ!» — Може и сдѣлаетъ! выпутывался Савелій. — «Сдѣлалъ! Жди! Нѣтъ вотъ что я тебѣ скажу: отъ мины то мужицкой онъ скорѣй очухается! Саданетъ его мужикъ разъ, другой — онъ, глядишь, и поумнѣетъ!. Онъ волю-то далъ не съ чего иного прочаго, какъ со страху!» — И я это слышалъ! подтвердилъ Григорій.

— Съ какого страху? спросилъ Савелій. — «А съ такого, что мужики бунтовать стали передъ волей. Онъ и струхнулъ! Въ тѣ поры, въ Москвѣ дѣло было, прямо дворянамъ сказалъ. «Лучше, говоритъ, сами дадимъ мужику волю, ни чѣмъ ежели онъ силой возьметъ!» Понималъ тогда, что разгуляется мужикъ — его не уймешь: пожалуй, и царя новаго поставитъ! Со страху и далъ волю!

— Ну тя къ лѣшему! сказалъ, махнувъ рукой, Савелій. Ты и въ самомъ дѣлѣ собьешь съ толку!

— Сдаешься, дядя Савелій! подсмѣивался Григорій.

— Нувасъ!... Давай лучше толковать на счетъ работы; завтра, чай, ѣсть надо!

Не долго послѣ этого тянулся разговоръ. Кузнецъ обѣщался переговорить съ мастеромъ на счетъ мѣста; гости ушли: но хозяинъ еще долго не ложился. «Эхъ! темнота мужицкая!» думалъ онъ: «Скоро ли пойметъ мужикъ, что есть такое этотъ самый царь-батюшка?»

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

Годъ первый — № 2 — 1881 г. 27 января.

Родная земля!
Назови мнѣ такую обитель,
Я такого угла не видалъ,
Гдѣ-бы сѣятель твой и хранитель,
Гдѣ-бы русскій мужикъ не стоналъ.
НЕКРАСОВЪ.

Стонетъ русскій народъ, стонетъ отъ голодной и холодной жизни, отъ всякой неправды и обиды, которыя сыпятся, какъ снѣгъ, на горемычную голову рабочаго люда и не даютъ ему одуматься, раскинуть хорошенько умомъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Работаетъ нашъ народъ, работаетъ съ измальства до гробовой доски и еле-еле прокормиться можетъ; а чуть захворалъ или бѣда какая стряслась, пиши пропало—не поправиться во вѣкъ! И что ни день, все хуже и тяжелѣе становится. Что за чудеса, братцы, други милые мои? Работаемъ и голодаемъ, да мало того, какъ милости приходится работы выпрашивать. Что за причина такая, что нашему брату, рабочему человѣку, крестьянину, житья нѣтъ на свѣтѣ? Послушаемъ, какъ господа разные — начальство, попы, купцы, кулаки, наши сельскіе міроѣды, — посмотримъ, какъ они про бѣдность народную разсуждаютъ: мужикъ, дескать, бѣденъ потому, что лѣнивъ, мужикъ голодаетъ оттого, что на вино всѣ заработки спускаетъ. Ой-ли, не лукавите ли вы, господа почтенные! Мужикъ лѣнивъ! А кто вамъ хоромы ваши выстроилъ, кто дороги желѣзныя проложилъ, кто роется въ землѣ, добывая желѣзо, мѣдь, золото, кто поля вспахиваетъ, засѣваетъ и убираетъ, кто на фабрикахъ работаетъ изо дня въ день, а часто и ночи напролетъ, неужто все это ваши труды, а не крестьянскіе, не рабочаго человѣка?! Ну, теперь другое:

мужикъ голодаетъ черезъ свое пьянство! Неправда! Пьетъ не всякъ, и не пьющій, самый работящій еле-еле концы съ концами сводитъ, еле прокормиться да обуться сможетъ; про такихъ не пьющихъ въ одной книжкѣ сказано.

„Не пьютъ, а также маются,
„Ужъ лучше бъ пили, глупые!
„Да совѣсть такова!“

А кто и пьетъ, такъ въ кои поры пить-то приходится. Другой работаетъ, работаетъ, нѣтъ ему ни добра, ни радости, все тягота одна, не вытерпитъ, махнетъ рукою, была не была: пить умереть, не пить умереть! ну и разойдется, раскошелится; хватитъ лишняго, — много-ли надо, чтобы опьянѣть отъ этой самой водки, — дурманъ настоящій. Выпилъ, а хмѣль сейчасъ и скажется, идетъ пошатываясь, споткнется — упадетъ; а господинъ смотритъ и разсуждаетъ: „вишь народъ пьяница какой, до безобразія пьютъ!“ Нѣтъ, не черезъ лѣнь и пьянство свое бѣдствуетъ рабочій русскій человѣкъ. Такъ отчего же? Неужто земля наша такая малая, такая тѣсная, такая бѣдная, что на ней не прожить, не прокормиться народу русскому. Охъ, велика наша земля, страсть! Если взять всѣ земли вмѣстѣ: французскія, нѣмецкія, турецкія, всѣ онѣ вмѣстѣ сложенныя будутъ поменьше нашей одной земли. Велика наша земля, а народу-то, судя по землѣ, совсѣмъ немного. Вотъ къ примѣру французы — ихъ земелька въ десятеро меньше нашей: одна наша губернія Архангельская побольше всей ихней земли будетъ, а народу, этого самаго французскаго, на той маленькой землѣ живетъ почти столько-же, сколько у насъ, на нашей великой землѣ. Другой подумаетъ: „вишь несчастные французы, то-то голодаютъ въ такой тѣснотѣ!“ И подумаетъ совсѣмъ невѣрно. Хотя французы живутъ ужъ и не ахти какъ сладко, а все-же получше нашего; тамъ рабочій привыкъ каждый день за ѣдой пить вино, квартира то ему нужна свѣтлая и чистая, постель особливая, чтобъ не въ повалку спать и много ему, французскому рабочему, надо, ко многому онъ привыкъ, что русскому человѣку баловствомъ однимъ кажется: и газеты тамошній рабочій хочетъ каждый день почитывать, каждый праздникъ ему съ товарищами надо пирушку или гулянье веселое устроить, а то и въ театръ, коли онъ городской, сходить. Кромѣ

того, что земли у насъ много, а сколько добра на этой самой землѣ; сколько лѣсу; ужъ сколько его переводятъ чугунки, пароходы и фабрики, а все перевести до сихъ поръ не смогли; сколько въ лѣсахъ дичи всякой, сколько въ рѣкахъ и моряхъ рыбы разной, а внутри въ землѣ сколько на благо людямъ добра всякаго заложено — и желѣза, и мѣди, и каменнаго угля, и много, много всякаго годнаго на потребу человѣку. И все это добро, вся эта благодать невпрокъ русскому народу — голоденъ онъ, бѣденъ, теменъ. Что же за причина нашего горя, нашей бѣдноты. Причина, братцы, порядки наши, все зло идетъ отъ порядковъ нашихъ. Да, братцы, порядки, порядки наши заѣдаютъ насъ. Земли у насъ много, да что съ того, коли на долю крестьянъ приходится совсѣмъ малость и къ тому же крестьянамъ отведены земли, которыя поплоше. Когда царь съ барами освобождали крестьянъ на волю, то имъ шибко не хотѣлось, чтобы крестьянство зажило привольной жизнью; были и такіе господа дворяне, что и совсѣмъ не хотѣли освобождать крестьянъ, чтобы, значитъ, тѣ во вѣки имъ крѣпостными были. Ну, посъѣзжались баре въ Москву, прикатилъ и царь. Баре къ нему — „мы тебѣ вѣрно служили, не обижай насъ, не тяни за мужиковъ руку.“ А царь имъ въ отвѣтъ: „Я самъ дворянинъ и завсегда за дворянъ стоялъ и стоять буду; не бойтесь, обиды вамъ не будетъ, хоть и освободимъ крестьянъ; развѣ на первое время вамъ придется потѣсниться въ своемъ житьѣ. Мужику безпремѣнно надо какую-никакую волюшку дать, да надо такъ дать, чтобы мужичье милость нашу видѣло; а коли не дадимъ, — подымется все крестьянство, станетъ великій бунтъ, возьмутъ себѣ мужики полную волю и всю землю. Намъ всѣмъ плохо придется!“ Вотъ и порѣшили дать крестьянамъ земли въ обрѣзъ, да еще такую, которая поплоше, а чтобы еще больше прикрутить ихъ, чтобъ всегда, значитъ, они были въ нуждѣ и рады радехоньки идти отъ своего хозяйства въ работу къ помѣщику, купцу и фабриканту, обложили крестьянскую землю большими платежами — страшное дѣло сказать, вѣдь зачастую болѣе 20 рублей съ души крестьянской платежей сходитъ — это-то при нашей бѣдности! Бьется, бьется крестьянинъ на своемъ надѣлѣ: тѣснитъ его помѣщикъ, тѣснитъ и обираетъ купецъ и кулакъ, донимаетъ царь налогами, гнутъ мужика въ бара-

ній рогъ слуги царскіе, становые, урядники и свое же волостное начальство и писаря помогаютъ тянуть жилы съ горемычнаго народа. Крѣпко привыкъ держаться русскій крестьянинъ своей кормилицы земли, да отъ страшнаго утѣсненья пришлось ему не въ терпежъ; нужда заѣла, голодъ осилилъ и поплелся крестьянинъ въ города и на фабрики искать работы и лучшаго житья.

И не нашелъ ни того, ни другого. Въ городахъ городскимъ рабочимъ и безъ деревенскаго народа ужъ не богъ вѣсть какъ сладко жить, а какъ крестьянство привалило, да на одну работу стало напрашиваться десять человѣкъ, такъ совсѣмъ заработокъ сталъ плохъ, а квартира и все съѣстное стало все больше дорожать и дорожать — не стало житья въ городахъ.

Такъ вотъ изъ за одного того, что крестьянство обидѣлъ царь землею и отяготилъ платежами, сколько горя и нужды выпало на долю и деревенскаго, и городского рабочаго народа. Но это еще не всѣ милости батюшки-царя! Рабочему люду великое подспорье въ его нуждѣ доставляли промыслы разные и извозъ. Какъ много людей кормилось извозомъ, видно изъ того, что, когда еще при царѣ Николаѣ провели чугунку изъ Питера въ Москву, сразу сто тысячъ крестьянскихъ семействъ, жившихъ при шоссейной дорогѣ и промышлявшихъ извозомъ, сразу эти сто тысячъ семействъ обнищали, и ихъ села и деревни совсѣмъ запустѣли. Такъ вотъ нынѣшнему царю съ начальствомъ захотѣлось такимъ же порядкомъ обнищить народъ по всей землѣ. И объявлено было всему купечеству и всѣмъ богатымъ людямъ, чтобы собирались они въ компаніи и по всей русской землѣ заводили чугунки. Ну, богатые люди не любятъ раскошеливаться зря: имъ ужъ коли денежки свои затратить, такъ чтобъ навѣрняка барышъ былъ, а тутъ ихъ сомнѣніе взяло, будетъ ли нажива съ тѣхъ чугунокъ.

Царь ихъ и ободрилъ: „Стройте, говоритъ, не бойтесь, я вамъ на подмогу денегъ изъ казны выложу, да еще каждый годъ стану выдавать столько, чтобъ вамъ всѣмъ каждогодно выгадывался хорошій барышъ.“ Съ народа подати сбирали и съ тѣхъ податей многіе милліоны рублей пошли въ помощь къ капиталамъ купцовъ, баръ, чиновниковъ и кулачья, вотъ и настроили чугунокъ, а извозъ пропалъ по всей землѣ. Ту-жъ самую механику сотворили и съ водянымъ путемъ,

чтобъ и водою, значитъ, завладѣли богачи. Тоже самое продѣлали и съ промыслами крестьянскими. Боятся богачи фабрики устраивать, боятся, чтобъ не прогорѣть со своими капиталами, вотъ царь въ поддержку имъ завелъ банки, изъ которыхъ каждому богачу выдается капиталъ на устройство заводовъ и фабрикъ, капиталы для банковъ опять таки съ народа собрали. Гдѣ-же простому люду тягаться своимъ домашнимъ промысломъ съ фабриками большими, да еще коли имъ идетъ поддержка отъ казны. И захудали промыслы крестьянскіе, и прежній вольный хозяинъ пошелъ въ кабалу къ фабриканту. Разожглась отъ царской поддержки корысть у денежныхъ людей и всѣ они отъ послѣдняго маклака до перваго богача накинулись на крестьянство и давай его донимать скупомъ всякаго трудового мужицкаго добра.

Теперь, братцы, ужъ не стало никакой разницы межъ дворяниномъ, купцомъ и деревенскимъ скупщикомъ—всѣмъ имъ одно тройное имя — кулакъ-міроѣдъ-обдирало, потому у всѣхъ у нихъ на умѣ только одно: какъ-бы поживиться трудомъ рабочаго человѣка. И рабочій людъ волей-неволей несетъ въ продажу свое послѣднее добро, потому рабочему деньги нужны. Дерутъ денежки по приказу царя на подати, надо денежки на наемъ земли, потому тѣсно на одномъ надѣлѣ, да со своей надѣльной земли всѣ соки вытянулъ крестьянинъ; надо купить инструменты, коли ремесломъ кто живетъ, надо лошаденку, коровенку для хозяйства — безъ этого не обойдешься. Вотъ и потащитъ къ скупщику рабочій человѣкъ все, что сработалъ и добылъ тяжкимъ трудомъ; а скупщики за все даютъ самую малость, и приходится бѣдняку за безцѣнокъ спускать трудовое. И такъ окрутили бѣдный народъ, что онъ ужъ не то, чтобы мясомъ, яйцами, молокомъ или рыбой сдобрялъ себѣ ѣду, а даже и чернаго хлѣба вдосталь не имѣетъ, и у дѣтишекъ своихъ отымаетъ послѣднюю кринку молока и все за грошъ тащитъ кулакамъ. А кулачью приволье, обдеретъ простой народъ, скупитъ за безцѣнокъ все вплоть до послѣдняго мѣшка ржи и это трудовое мужицкое добро тащитъ на продажу въ города, а то и въ чужія земли отправляетъ. Такъ вотъ, братцы, какіе у насъ порядки; какъ эти порядки насъ въ разоръ разоряютъ и до голода доводятъ; а чтобъ эти порядки были крѣпки, чтобъ простой

народъ не взбунтовался, царь войско большое держитъ: обираетъ нашъ мучитель-царь со всей земли самый какой ни на есть здоровый, лучшій народъ и продѣлываетъ съ начальствомъ надъ этимъ народомъ штуки разныя, чтобъ, значитъ, солдатскую науку въ него вбить. А какой пройдетъ человѣкъ солдатскую науку, такъ онъ не то что кого либо, а отца родного съ матерью, дѣтей своихъ кровныхъ готовъ убить по приказу царя и самаго даже послѣдняго своего начальства.

Держитъ царь въ рукахъ великую силу, множество войска, кучу денжищъ и величается надо всѣмъ свѣтомъ, задираетъ чужіе народы и затѣваетъ войны; не жаль ему, мучителю, что на войнѣ убьютъ и искалѣчатъ народу видимо не видимо; не жаль ему трудовыхъ народныхъ денегъ, что онъ сдираетъ съ народа и расходуетъ на оружіе, солдатскую амуницію и ѣду — ему лишь бы потѣшить себя и своихъ генераловъ.

РАБОЧЕЕ ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ

Когда въ минувшую войну на Шипкѣ несчастные солдаты замерзали сотнями и тихо, безропотно уходили въ могилу вдали отъ родины и близкихъ сердцу, — ихъ командиръ, генералъ Радецкій, отписывалъ: «на Шипкѣ, молъ, все спокойно». Такъ нынѣ царское правительство утверждаетъ: «нѣтъ голода! все обстоитъ благополучно». Нѣтъ голода? Но еще лѣтомъ стало ясно, что во многихъ губерніяхъ не хватитъ продовольствія до слѣдующаго сбора. Уже осенью на Поволжьи и Южной Россіи жители примѣшивали къ хлѣбу всякую дрянь: лебеду, желуди, полову и прочее. Что же удивительнаго, если въ настоящее время въ Самарской губерніи *дѣти остаются по три и по пять дней безъ крошки хлѣба во рту?* Что удивительнаго, если люди уже мрутъ голодною смертью, какъ это было съ девятью башкирами подъ самой Астраханью. Газеты призываютъ всѣхъ честныхъ людей на помощь голодающимъ. Съ своей стороны мы, соціалисты-революціонеры, предлагаемъ народу помнить, что въ романовскихъ дворцахъ накоплено столько богатствъ, награбленныхъ отъ народа, что ими можно прокормить всю Россію многіе

годы. Мы ужъ не говоримъ о тѣхъ безчисленныхъ милліонахъ, которые Романовы повыгребли своей загребистой рукой изъ народной мошны и помѣстили воровскимъ маперомъ въ заграничные банки, себѣ про черный день, на случай, если-бы пришлось кивать пятками заграницу. Не даромъ-же въ Европѣ ихъ считаютъ первѣйшими богачами въ мірѣ. Подданные мрутъ голодной смертью: а повелитель ихъ, Александръ II, покупаетъ для любовницы своей, княгини Долгорукой, Михайловскій дворецъ за милліонъ рублей слишкомъ. Пора же положить конецъ безобразію царя и всей его орды!

Что-же новаго за истекшій мѣсяцъ произошло въ положеніи столичныхъ рабочихъ? Работы стало еще меньше, заработная плата еще хуже, чѣмъ въ прежніе мѣсяцы. Такъ: 1) ткацкая фабрика Воронина и Александрова, что на Рѣзвомъ островѣ, остановлена; 2) на суконной фабрикѣ Торнтона (за Невской заставой) расчитано 1800 ч.; 3) на миткале-ткацкой «наслѣдниковъ Голенищева» (Митрофановской) уменьшено на два часа рабочее время (утромъ въ 9 ч. вмѣсто 5 и вечеромъ въ 7 вмѣсто 8 ч.), плата же поштучная осталась прежняя (за кусокъ миткалю 40 к); 4) въ Новомъ Арсеналѣ безработица; 5) на Патронномъ Литейномъ начинаютъ рабочимъ отказывать, а между тѣмъ этотъ заводъ считался однимъ изъ лучшихъ; 6) у Растеряева работаютъ 1500 ч. вмѣсто 3000. Въ другихъ мѣстахъ расчитывали рабочихъ за малѣйшій пустякъ. У Голубева и работа была, да получки не было: въ субботу, 17 января, вывѣшено было объявленіе, что получка отложена на недѣлю. Опасаясь безпорядковъ, какъ было передъ Рождествомъ у того же Голубева, полиція два дня охраняла заводъ.

На нѣкоторыхъ фабрикахъ и заводахъ изъ скудной получки дѣлаютъ вычетъ подъ разными предлогами. Такъ въ мастерскихъ С. П. Б. Варшавской желѣзной дороги берутъ на молебны по 5. к. съ человѣка въ мѣсяцъ, хотя расходуютъ деньги неизвѣстно куда. У Растеряева берутъ на больницу по 1 к. съ заработнаго рубля въ мѣсяцъ, всего въ годъ, по вычисленію рабочихъ, не меньше 4500 р., и выдаютъ за эти деньги изъ больницы — касторовое масло, порошокъ отъ кашля и какой-то пудельдохъ. Рабочіе Растеряева убѣждены, что ихъ обираютъ подъ предлогомъ больницы; точно также какъ рабочіе Патроннаго завода увѣ-

рены, что ихъ обкрадываютъ на «столовой» Если у капитана Хоринскаго, завѣдующаго Патроннымъ заводомъ, и у Растеряева совѣсть чиста, почему они не пригласятъ выборныхъ отъ рабочихъ и для пользы самихъ рабочихъ. Технологъ Васильевъ имѣетъ механическое заведеніе по Екатерининскому каналу; безсовѣстно обираетъ рабочихъ подъ видомъ штрафовъ; грубъ въ обращеніи, за что и наѣлся плюхъ отъ рабочаго. Мелкимъ пьявицамъ — мастерамъ и писарямъ за послѣдній мѣсяцъ тоже кое-гдѣ перепало на на орѣхи. Такъ:

1) мастеру Задингу (мастерскія Варшавской желѣзной дор.) за молебны и грубость маленько потревожили скулу;

2) На «Новой бумагопрядильнѣ» по Обводному каналу 26, 27 и 28 декабря за придирки, вымогательства «сприсковъ» и нахальство по отношенію рабочихъ были биты 2 подмастерья; 26 — Андрей Фураевъ 5-го комплета, 27 и 28 — Павелъ Дмитріевъ 4-го комплета, причемъ приговаривали: «не пей рабочей-крови», «вотъ тебѣ сприски», потомъ посланы были этимъ подмастерьямъ письма, объясняющія имъ причину побоевъ и сулившія, если не исправятся, и въ будущемъ тоже, только въ лучшемъ видѣ. Подмастерья стали немного мягче.

3) На заводѣ Петрова (10-й роты Изм. полка) 1-го янв. (получка 17) объявляютъ, что съ лафета сбавлено будетъ 5 рублей (много-де заработали). Того же вечера наиболѣе виновный въ этой сбавкѣ писарь Голубятниковъ былъ побитъ (послѣ выхода изъ завода, а на слѣдующій день утромъ въ заводѣ появилась слѣдующая записка: «Писарю г. Голубятникову.

«Еще разъ заставилъ ты насъ помарать свои мозолистыя руки о твою грязную и подлую шею. Мы думаемъ и надѣемся, что будетъ съ тебя этого послѣдняго предостереженія, что будешь ты впредь поумнѣе и оставишь или насъ, или свои подлыя штуки. Иначе помни, что не сдобровать твоей поганой башкѣ. Знай, что мы обѣщанія исполнять умѣемъ.

«Кто осмѣлится это сорвать, тому чтобы и головы не сорвали; за этимъ слѣдятъ и знать будутъ!»

Записка эта была прочитана положительно всѣми и даже мастера не рѣшались срывать, пока наконецъ не сорвалъ ея самъ директоръ. Одинъ изъ рабочихъ, совершенно ни-

чего не знавшій до прочтенія, получилъ разсчетъ. Сбавлено не по 5, а по 4 рубля.

4) На Митрофановской фабрикѣ директоръ вмѣстѣ съ опекуномъ Ильинымъ (директоръ Технологическаго Института) хотѣли остановить фабрику на двѣ недѣли, будто-бы для перестилки пола; ткацкій мастеръ потребовалъ, что бы за это время была выдана рабочимъ хотя половинная заработная плата. Тѣ воспротивились. Мастеръ, неожиданно для самихъ рабочихъ, поступилъ какъ слѣдуетъ честному человѣку: въ присутствіи рабочихъ онъ выругалъ директора и опекуна «мучителями, кровопійцами» и бросилъ фабрику.

Правительство чувствуетъ, что рабочіе начинаютъ пробуждаться къ новой жизни, и принимаетъ свои мѣры, то есть — мечется изъ угла въ уголъ, какъ угорѣлая кошка; хватаетъ перваго встрѣчнаго; арестовываетъ изъ-за выѣденнаго яйца и, такимъ образомъ, учитъ рабочихъ осторожности; такъ: за послѣдній мѣсяцъ были арестованы въ Питерѣ человѣка четыре. Продержали ихъ дня два, три и, убѣдившись, что попали пальцемъ въ небо, освободили. Не выпущенъ лишь одинъ рабочій, жившій нелегально (подъ фальшивымъ видомъ) во избѣжаніе административной ссылки.

ФЕЛЬЕТОНЪ

Сто лѣтъ назадъ французы жили ровно какъ мы теперь. У нихъ былъ царь по имени Людовикъ, который за одно съ боярами да чиновниками такъ свой народъ грабилъ разными поборами, что крестьяне да рабочій людъ такъ обнищали, что въ ихъ землѣ появился голодъ не хуже нашего теперешняго. Видитъ народъ, дѣло плохо, сталъ просить царя сдѣлать народу облегченіе, а Людовикъ, куда тебѣ, бражничаетъ себѣ съ боярами да дѣвицами, а про горе народное и знать не хочетъ. Привыкъ народъ въ повиновеніи къ царямъ жить, да ничего не подѣлаешь: голодъ вѣдь не тетка. Взбунтовались мужики и фабричные противъ царя и потребовали, чтобъ онъ по добру, по здорову отъ нихъ убирался.

А царь замѣсто милости народу нагналъ солдатъ и велѣлъ солдатамъ народъ бить, да не тутъ-то было: солдаты-то сами изъ народа и на своей шкурѣ народную бѣду вытерпѣли, да и мало ихъ было въ сравненіи съ народомъ;

ну, замыселъ царскій и не выгорѣлъ. За такую вину царя посадили въ тюрьму и когда послѣ того онъ сталъ звать къ себѣ на помощь солдатъ отъ другихъ народовъ, то народъ казнилъ его какъ грѣховодника — кровопійцу, что народъ разорилъ и солдатами хотѣлъ истребить. И боярамъ съ чиновниками тоже досталось на орѣхи; народъ лютой казнью отплатилъ имъ за свое мученіе; многіе бояре чутьемъ народный судъ угадали и бросились бѣжать, да такъ, что другіе портки дорогой потеряли. Задали имъ страху. Послѣ того народъ рѣшилъ царя больше не имѣть, потому проку отъ нихъ никакого нѣтъ — одно мученье, и рѣшилъ народъ править самъ собой и выбирать себѣ правителей, равно какъ у насъ мужики выбираютъ себѣ волостныхъ старшинъ да старостъ. Не понравился одинъ — другого можно выбрать, человѣка хорошаго. Послѣ того французы (больно привычка къ царямъ была сильна) допустили захватить царство нѣсколькимъ людямъ; одинъ изъ этихъ царей, Бонапартъ, былъ у насъ въ Москвѣ въ 1812 году, а другой, Наполеонъ III, воевалъ съ нами подъ Севастополемъ, хотя французскій народъ съ нами драться и не хотѣлъ. Вотъ этотъ-то Наполеонъ III и былъ послѣднимъ царемъ у французовъ. Народъ его прогналъ и рѣшилъ во вѣки вѣковъ царя не имѣть, больно сладко съ нимъ живется! Теперь французы зажили на славу — голодать имъ не приходится, да что голодать! Хлѣба нашего не токмо съ мякиной, а просто чернаго не ѣдятъ, а все бѣлый да пеклеванный;про говядину и говорить нечего, не намъ чета. Потому и зажили хорошо, что грабителей да обирохъ всѣхъ прогнали!

Поступило въ пользу «Рабочей Газеты» отъ: Б — 3; В — 5; Я — ря — 100.; Друга рабочихъ — 15; полуголоднаго — 3; Голяка — 2; Строгаго — 1; Пилы и Сысойки — 1, И — 3; В — 7; Н. Б — 6, буква — 2 — рублей. Поступило въ пользу «Рабочей Библіотеки» отъ: С — 4; Чужого.— 3; 6 рублей; книгами отъ: Грамотѣя, Тернигорева, Акима Косого, Бездомнаго.

Летучая типографія «Народной Воли».

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНІИ „ВѢСТНИКА НАРОДНОЙ ВОЛИ" *)

«Вѣстникъ Народной Воли» имѣетъ въ виду быть заграничнымъ органомъ русскаго соціализма, какъ онъ выразился въ партіи Народной Воли, борющейся за совершенно опредѣленныя цѣли, при совершенно опредѣленныхъ условіяхъ.

Недолга еще жизнь русскаго соціализма, но онъ имѣетъ уже за собою неизгладимую исторію и сдѣлался безспорнымъ элементомъ исторической жизни современной Россіи. Вслѣдствіе этого, изданіе, которое имѣетъ въ виду быть органомъ этого соціализма, не можетъ уже произвольно, или по личной наклонности того или другого редактора, ставить такъ или иначе себѣ цѣли и съуживать или расширять свою программу.

Цѣли эти опредѣляются настоящимъ моментомъ развитія соціалистической мысли вообще.

Программа эта опредѣляется тѣми задачами, которыя ставитъ исторія русскому соціализму въ его настоящей борьбѣ съ наличными врагами русскаго народа.

При настоящемъ развитіи соціалистической мысли вообще не можетъ уже быть вопроса объ уступкахъ и сдѣлкахъ со старымъ экономическимъ порядкомъ и съ тѣми политическими формами, которыя выросли изъ него въ самой тѣсной связи съ его условіями; съ формами, которыя, вслѣдствіе этого, не могутъ не поддерживать этого стараго экономическаго порядка. Не можетъ уже быть вопроса и о томъ, чтобы переходъ отъ стараго порядка къ новому

*) Объявленіе это, напечатанное первоначально заграницей, было перепечатано и въ Россіи. *Ред. Сборника.*

могъ совершиться путемъ мирныхъ реформъ, такъ какъ не кому совершать эти реформы: общественные классы, теперь господствующіе, не уступятъ добровольно того, что составляетъ сущность ихъ господства, на чемъ основано самое ихъ существованіе; рабочіе же могли бы приступить къ реформамъ лишь тогда, когда они сами сдѣлались бы господствующимъ — или, вѣрнѣе, единственнымъ общественнымъ — классомъ, т. е. когда совершился бы уже первый актъ соціальной революціи.

Поэтому «Вѣстникъ Народной Воли» ставитъ своею цѣлью утвержденіе, распространеніе и окончательное торжество началъ революціоннаго соціализма.

Экономическій переворотъ, который сдѣлалъ бы всѣ орудія и продукты труда собственностью рабочаго класса; установленіе такихъ политическихъ формъ, при которыхъ подобный экономическій строй былъ бы не только возможенъ временно, но и обезпеченъ на будущее; система личнаго воспитанія и развитія, формы общежитія и частной жизни, которыя содѣйствовали бы полной и разносторонней выработкѣ въ каждой личности ея физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ рабочихъ силъ и способностей, въ виду общей солидарности на почвѣ коллективнаго труда и коллективнаго развитія — таковы цѣли, которыя ставитъ себѣ русскій соціализмъ и которыя дѣлаютъ его невыдѣлимымъ элементомъ въ общемъ соціалистическомъ движеніи нашего времени, такъ какъ эти же цѣли суть цѣли всѣхъ убѣжденныхъ и мыслящихъ соціалистовъ всѣхъ странъ

Эти общія всѣмъ соціалистамъ цѣли могутъ быть достигнуты лишь однимъ путемъ: рабочій классъ (городской и сельскій) долженъ постепенно сплачиваться и организоваться въ общественную силу, соединенную общими интересами и стремленіями къ общимъ цѣлямъ; эта сила, въ процессѣ сплоченія, должна постепенно подрывать существующій общественный и экономическій порядокъ, скрѣпляя вслѣдствіе самой борьбы свою организацію и выростая въ могуществѣ, пока ей удастся окончательно низвергнуть существующій общественный и экономическій порядокъ.

Въ сознаніи необходимости этого пути опять таки сходятся соціалисты-революціонеры всѣхъ странъ, а искрен-

нихъ соціалистов-легалистовъ и соціалистовъ-реформистовъ осталось повсюду очень немного.

Но программа русскаго соціализма въ *настоящую* минуту, при *данныхъ* условіяхъ не можетъ ограничиться этими общими стремленіями соціализма. Передъ каждою общественною группою исторія поставила въ наше время эти самыя задачи въ иной формѣ, сообразно экономическимъ, юридическимъ и культурнымъ условіямъ среды. Партія Народной Воли убѣдилась, что передъ подданными Россійской Имперіи эти задачи поставлены теперь неизбѣжно въ формѣ *необходимости измѣненія политическаго строя Россіи* для возможности дальнѣйшаго здороваго развитія всякой прогрессивной партіи, въ томъ числѣ и партіи соціалистической, которая считаетъ себя представительницею истиннаго и единственно-возможнаго прогресса.

Поэтому, рядомъ съ соціалистическими цѣлями, составляющими сущность программы русской соціалистической партіи, въ эту программу входитъ ближайшая задача: подготовить и ускорить измѣненіе политическаго строя въ Россіи. Эта задача неизбѣжно обусловитъ содержаніе и характеръ многихъ статей изданія, имѣющаго въ виду быть органомъ этой партіи.

Это самое опредѣляетъ программу «Вѣстника Народной Воли». Мы приглашаемъ сотрудничать въ немъ и содѣйствовать ему всѣхъ соціалистовъ, которые въ измѣненіи политическаго строя въ Россіи видятъ неизбѣжное, поставленное исторіею, условіе современной борьбы русскаго соціализма. Мы просимъ о присылкѣ статей, замѣтокъ, корреспонденцій и всякихъ документовъ, относящихся къ революціонной дѣятельности въ Россіи или къ дѣйствіямъ правительства противъ революціонеровъ. Достоинство нашего изданія будетъ въ значительной мѣрѣ зависѣть отъ поддержки, которую мы найдемъ въ этомъ отношеніи среди сочувствующихъ намъ въ Россіи лицъ

Изданіе заграницей должно во многомъ отличаться отъ изданій, появляющихся въ Россіи. Послѣднія суть органы борьбы словомъ, идущей нераздѣльно отъ борьбы дѣломъ и рядомъ съ нею; они — непосредственное отраженіе со-

бытій, непосредственные возбудители къ дѣятельности, и имъ приходится почти на каждой своей страницѣ преимущественно преслѣдовать ближайшія цѣли настоящей минуты, руководить членовъ партіи или даже данной мѣстной группы въ ихъ ежедневной борьбѣ. Заграничный органъ не можетъ ни дѣйствовать непосредственно, ни даже достаточно скоро отзываться на совершающіяся событія въ ихъ отдѣльности. Его дѣло — преимущественно группировать событія и уяснять ихъ, показывая ихъ связь, какъ между собою, такъ и съ общимъ ходомъ событій нашей эпохи или съ общими началами соціализма. Его дѣло — освѣщать современность какъ цѣлое съ точки зрѣнія русскаго соціализма и давать членамъ партіи руководство для общаго пониманія и контроля своей дѣятельности, какъ листки, издающіеся въ Россіи, должны служить имъ руководствомъ въ частныхъ явленіяхъ ежедневной борьбы. Если позволено употребить нѣкоторое сравненіе, можно сказать, что въ настоящей общественной войнѣ, имѣющей мѣсто въ Россіи, въ область заграничнаго изданія входитъ болѣе объясненіе смысла войны и ея общихъ стратегическихъ пріемовъ; изданіямъ, выходящимъ въ предѣлахъ Россіи, принадлежитъ вся область непосредственной тактики, насколько эта послѣдняя можетъ быть обнародована.

Мы знаемъ, что программа, поставленная «Вѣстникомъ Народной Воли», охватываетъ взгляды въ нѣкоторой мѣрѣ нетожественные между собою. Соціализмъ, какъ всякая жизненная историческая идея, вызываетъ многочисленныя, хотя не особенно существенныя, разногласія между своими приверженцами, и много какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ вопросовъ въ немъ остаются спорными. Вслѣдствіе большей сложности, большихъ затрудненій и меньшей давности въ развитіи русскаго соціализма, болѣе или менѣе замѣтныя расхожденія во многихъ взглядахъ между русскими соціалистами, можетъ быть, еще многочисленнѣе. Но это, повторяемъ, именно доказываетъ, что русская соціалистическая партія есть партія живая, вызывающая энергическую работу мысли, энергическія убѣжденія среди своихъ сторонниковъ, партія — не успокоившаяся на догматическомъ вѣрованіи въ заученныя формулы. «Вѣстникъ Народной Воли» допускаетъ подобныя расхожденія, насколько они не мѣшаютъ солидарной дѣятельности всѣхъ лично-

стей, согласныхъ между собою въ общихъ цѣляхъ соціализма и въ неизбѣжной политической задачѣ данной минуты, задачѣ, вызванной самими этими цѣлями. «Вѣстникъ Народной Воли» имѣетъ въ виду быть органомъ объединенія всѣхъ русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ. Поставивъ себѣ опредѣленную программу, онъ сочтетъ своей обязанностью принимать на свои страницы статьи, не выходящія изъ предѣловъ этой программы, хотя бы онѣ и расходились по своимъ отношеніямъ къ частнымъ теоретическимъ и практическимъ вопросамъ, для которыхъ, по мнѣнію редакціи, приходится допустить различіе взглядовъ. Статьи, подписанныя авторами (настоящими именами или постоянными псевдонимами), если приняты, будутъ напечатаны безъ измѣненій. Не будутъ допущены лишь личные нападки и личная раздражительная полемика. Редакторы, которымъ довѣрено руководство изданіемъ, позволятъ себѣ лишь въ крайнемъ случаѣ примѣчанія и указанія на другія статьи, гдѣ вопросы освѣщены съ другихъ сторонъ въ предѣлахъ соціалистической программы. Они будутъ всегда помнить, что они, проводя свои личные взгляды въ своихъ собственныхъ статьяхъ, обязаны, какъ редакторы, представлять единство стремленій партіи въ разнообразіи частныхъ мнѣній русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ, соединенныхъ общими цѣлями революціоннаго соціализма и общимъ убѣжденіемъ, что въ настоящую минуту необходимою ступенью въ достиженіи этихъ цѣлей является для Россіи измѣненіе политическаго строя.

Ограничимся предыдущимъ; сказанное, по нашему мнѣнію, достаточно опредѣляетъ характеръ новаго изданія. Остальное уяснится самимъ дѣломъ

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

ДОКУМЕНТЫ *)

ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ РАБОТА ПАРТІИ **).

Подготовительная работа партіи имѣетъ своею задачею развить количество силы, необходимое для осуществленія ея цѣлей.

Цѣли же эти сводятся прежде всего къ созданію въ ближайшемъ будущемъ такого государственнаго и общественнаго строя, при которомъ *воли народа* сдѣлалась бы единственнымъ источникомъ закона***). Это ближайшая цѣль, и лишь по ея достиженіи станетъ возможною широкая партійная дѣятельность, имѣющая пропаганду и агитацію своими главными средствами.

---

*) Въ числѣ документовъ партіи „Народной Воли" мы не печатаемъ здѣсь „Программу Исполнительнаго Комитета" по той причинѣ, что она помѣщена уже въ отдѣлѣ первомъ настоящаго сборника (въ № 3 „Нар. Воли"). Мы очень просимъ розыскать и доставить намъ еще слѣд. документы: 1) „Уставъ боевой дружины рабочихъ," 2) „Задачи боевой рабочей организаціи," 3) „Объяснительную записку къ программѣ рабочихъ членовъ партіи „Нар. Воли" и „Инструкцію молодежи". *Ред. Сборника.*

**) Этотъ документъ былъ напечатанъ въ „Календарѣ „Нар. Воли". *Ред. Сборника.*

***) Это выясненіе ближайшихъ задачъ партіи является въ то же время отвѣтомъ на вопросъ, что собственно означаетъ названіе, усвоенное организаціей (Народная Воля). Само собою разумѣется, что члены партіи не считаютъ себя выразителями и носителями воли народа; но они борятся за такой строй, при которомъ воля народа должна быть опредѣлителемъ всѣхъ общественныхъ нормъ. Поэтому выраженіе „Народная Воля" является, конечно, самымъ естественнымъ и удачнымъ *девизомъ* этой борьбы. (Прим. изд. Кал. Н. В.).

Но въ стремленіи своемъ къ осуществленію этой ближайшей цѣли, партія становится въ необходимость сломить нынѣ существующую правительственную систему. Этимъ и должна озаботиться партія прежде всего.

Уничтоженіе нынѣ существующей правительственной системы можетъ произойти, конечно, весьма различными путями. Можетъ быть, напр., одряхлѣвшее правительство, не дожидаясь возстанія, рѣшится пойти на самыя широкія уступки народу. Это была бы, такъ сказать, естественная смерть стараго порядка, и тогда, очевидно, силы партіи пришлось бы направить уже прямо на дѣятельность въ народныхъ массахъ, оставивши въ сторонѣ нынѣшніе планы. Можетъ быть также, правительство, не сдаваясь вполнѣ, дастъ однако настолько свободную конституцію, что для партіи будетъ выгоднѣе отсрочить возстаніе съ тѣмъ, чтобы, пользуясь свободой дѣйствій, возможно лучше организоваться и укрѣпиться. Но всѣ подобныя соображенія нисколько не отрицаютъ необходимости *теперь*, въ настоящее время, готовиться къ *возстанію,* ибо, во первыхъ, всякія уступки, мелкія или крупныя, мыслимы со стороны правительства только тогда, если оно будетъ къ этому *вынуждено*; во вторыхъ, никакихъ существенныхъ уступокъ со стороны правительства можетъ очень легко и не быть (и гораздо вѣроятнѣе — не будетъ); партія же обязана исполнить свои задачи и въ этомъ случаѣ. Поэтому *партія должна подготовляться именно къ возстанію*; если же оно, паче чаянія, окажется излишнимъ, то тѣмъ лучше: собранныя силы пойдутъ тогда на мирную работу.

Что касается самаго возстанія, то для него, по всей вѣроятности, можно будетъ выбрать благопріятный моментъ, когда сами обстоятельства значительно облегчатъ задачу заговорщиковъ. Такія благопріятныя условія создаются народнымъ бунтомъ, неудачной войной, государственнымъ банкротствомъ, разными усложненіями европейской политики и пр. Каждымъ изъ такихъ благопріятныхъ стеченій обстоятельствъ партія должна своевременно воспользоваться, но при своей подготовительной работѣ она не должна на нихъ возлагать всѣхъ своихъ надеждъ. Партія обязана исполнить свои задачи во что бы то ни стало, а потому свою подготовку должна вести такъ, чтобы не оказаться ниже роли даже при самыхъ худшихъ, самыхъ трудныхъ условіяхъ.

Такія наиболѣе неблагопріятныя условія представляются именно въ томъ случаѣ, если партіи придется самой начинать возстаніе, а не присоединиться къ народному движенію, и если притомъ

нѣтъ вдобавокъ никакихъ экстраординарныхъ благопріятныхъ случайностей, облегчающихъ первое нападеніе. Къ такому-то положенію вещей мы и должны быть подготовлены. Партія должна имѣть силы создать сама себѣ благопріятный моментъ дѣйствія, начать дѣло и довести его до конца. Искусно выполненная система террористическихъ предпріятій, одновременно уничтожающихъ 10-15 человѣкъ — столповъ современнаго правительства, приведетъ правительство въ панику, лишитъ его единства дѣйствія и въ тоже время возбудитъ народныя массы: т. е. создастъ удобный моментъ для нападенія. Пользуясь этимъ моментомъ, заранѣе собранныя боевыя силы начинаютъ возстаніе и пытаются овладѣть главнѣйшими правительственными учрежденіями. Такое нападеніе легко можетъ увѣнчаться успѣхомъ, если партія обезпечитъ себѣ возможность двинуть на помощь первымъ застрѣльщикамъ сколько нибудь значительныя массы рабочихъ и пр. Для успѣха точно также необходимо подготовить себѣ положеніе въ провинціяхъ, достаточно прочное для того, чтобы или поднять ихъ при первомъ извѣстіи о переворотѣ, или хоть удержать ихъ въ нейтралитетѣ. Точно также заранѣе слѣдуетъ обезопасить возстаніе отъ помощи правительству со стороны европейскихъ державъ и т. д., и т. д. Вообще, подготовительная работа партіи должна выполнить все, что необходимо для успѣха возстанія, начатаго партіей даже безъ всякихъ экстраординарныхъ благопріятныхъ условій, т. е. при такомъ приблизительно положеніи, въ какомъ находится Россія въ настоящее время.

Съ этой точки зрѣнія, главнѣйшими задачами нашей подготовительной работы является слѣдующее:

1) Созданіе центральной боевой организаціи, способной начать возстаніе;

2) Созданіе провинціальной революціонной организаціи, способной поддержать возстаніе;

3) Обезпечить возстанію поддержку городскихъ рабочихъ;

4) Подготовить возможность привлеченія на свою сторону войска, или парализованія его дѣятельности;

5) Заручиться сочувствіемъ и содѣйствіемъ интеллигенціи — главнаго источника силъ при подготовительной работѣ;

6) Склонить на свою сторону общественное мнѣніе Европы.

*а) Центральная организація *).*

При нашихъ русскихъ условіяхъ, не допускающихъ открытаго партіоннаго дѣйствія, центральная организація не можетъ быть создана въ видѣ выборнаго представительства отъ партіи, а должна являться въ видѣ *тайнаго общества***). Это тайное общество, сообразно съ предстоящими ему задачами, должно обладать боевымъ характеромъ. Оно должно распространяться на всѣ пункты, съ которыхъ необходимо начать возстаніе, но нѣтъ для него никакой нужды охватывать всю Россію. Наоборотъ, выгоднѣе остальной части организоваться въ самостоятельныя***) группы, ибо одно громадное общество слишкомъ трудно законспирировать и охранить отъ бдительности правительственныхъ агентовъ. Въ то же время необходима тѣсная связь между центральной и остальными организаціями для того, чтобы центральная организація могла фактически являться выразительницей стремленій всей партіи. Далѣе, въ виду важной роли, выпадающей на долю центральной организаціи, партія должна обезпечить ей достаточное количество средствъ, высылая годныхъ людей, снаб-

*) Вообще основанія, на которыхъ долженъ быть устроенъ центръ организаціи, обозначены въ этомъ параграфѣ слишкомъ поверхностно. Съ другой стороны, по уставамъ разныхъ группъ видно, что въ дѣйствительности сложилось не совсѣмъ то, что рисуетъ настоящій параграфъ. Въ дѣйствительности центръ, т. е. Исполнительный Комитетъ, вовсе не имѣетъ территоріальнаго характера, который ему въ нѣкоторой степени предназначается здѣсь. По уставамъ видно, что уже въ 1880 же году центръ бралъ на себя работу не въ тѣхъ или другихъ *мѣстностяхъ*, а работу извѣстнаго рода: именно на его долю, въ принципѣ, предоставлялось все, что, во первыхъ, относится къ поддержанію единства организаціи, во вторыхъ, все, что относится къ вооруженной борьбѣ съ правительствомъ. — (Прим. изд. К. Н. В.).

**) Центръ пополняется по собственному его выбору изъ среды своихъ агентовъ или членовъ частныхъ (мѣстныхъ и спеціальныхъ) группъ. Это, впрочемъ, общее правило. «Всякая группа высшаго порядка пополняется по собственному выбору насчетъ группъ низшаго порядка»: такъ гласятъ соотвѣтственные §§ уставовъ всѣхъ группъ. Правило это установлено въ виду необходимости сохранять въ тайнѣ личный составъ организаціи — (Прим. изд. К. Н. В.).

***) Обыкновенно каждая группа самостоятельна въ предѣлахъ своихъ мѣстныхъ дѣлъ; но въ боевомъ отношеніи всѣ онѣ безусловно подчинены центру. Сверхъ того, центру принадлежитъ наблюденіе за точнымъ выполненіемъ группами программы, руководство партійной публицистикой, регулированье сношеній различныхъ группъ между собою и т. д. — (Прим. К. Н. В.).

жая матеріальными средствами и пр. Въ этомъ отношеніи весьма практично было бы установить правильные постоянные взносы*) со всѣхъ членовъ партіи для того, чтобы центральная организація имѣла опредѣленный и не подлежащій случайнымъ колебаніямъ бюджетъ. Въ виду солидарности цѣлей и необходимости единства, центральная и частныя группы должны имѣть правильно организованныя сношенія и получать взаимно свѣдѣнія объ имѣющихся на лицо средствахъ и стоящихъ на очереди намѣреніяхъ.

б) Организаціи спеціальныя и мѣстныя.

Организаціи *спеціальнаго***) характера, съ цѣлями исключительно пропаганды, или для какихъ либо производствъ, для добыванія средствъ, съ цѣлями филантропическими и т. п. — могутъ возникать даже въ районѣ непосредственныхъ дѣйствій центра. Связь всѣхъ подобныхъ группъ съ центромъ поддерживается особо назначенными къ тому лицами. Что касается формъ и цѣлей подобныхъ группъ, очевидно — все это опредѣляется ими самими.

---

*) Мѣра эта никогда не практиковалась. Сверхъ того, уставы группъ повсюду, если не ошибаемся, приняли совершенно иной принципъ, а именно: обязательная взаимная помощь между центромъ и группами. Центръ обязанъ помогать группамъ, какъ людьми, такъ и деньгами, если это нужно. А нужно бываетъ большею частью въ первое время возникновенія группы и послѣ сильныхъ погромовъ. Въ свою очередь и центръ имѣетъ право требовать помощи у группъ, уставы которыхъ и обозначаютъ приблизительно размѣры этой помощи (напр. „такая-то часть наличнаго состава группы, и такой-то процентъ ея доходовъ"). (Прим. изд. К. Н. В.).

**) Въ числѣ *спеціальныхъ* группъ впослѣдствіи появились *боевыя*, во многомъ отличавшіяся отъ другихъ. Каждая боевая группа (по уставамъ) должна составлять небольшой кружокъ (человѣкъ 10), непосредственно и безусловно подчиненный Исполн. Комитету *въ направленіи* своей дѣятельности, но вполнѣ самостоятельный въ *исполненіи* указанныхъ ему дѣлъ. Боевая группа должна состоять изъ товарищей, вполнѣ полагающихся другъ на друга, а потому составляется и дополняется самостоятельно: Исполн. Комитету принадлежитъ право только не допускать въ составъ группы тѣхъ или другихъ лицъ. Во внутреннихъ дѣлахъ группа рѣшаетъ всеобщимъ собраніемъ, по большинству голосовъ; въ боевое время группа выбираетъ изъ своей среды *атамана*, который имѣетъ диктаторскую власть. Въ члены группы принимаются лишь лица, обязующіяся идти на самопожертвованіе. — (Прим. изд. К. Н. В.).

Гораздо сложнѣе вопросъ объ организаціяхъ *мѣстныхъ*,*) задающихся общереволюціонными цѣлями, но ограничивающихся географическими или этнографическими районами дѣйствій. Несомнѣнна огромная важность подобныхъ организацій: успѣхъ революціоннаго движенія вполнѣ зависитъ отъ ихъ развитія, и въ отсутствіи ихъ всякія попытки центральной организаціи сопряжены съ рискомъ. Мѣстныя группы только въ исключительныхъ случаяхъ могутъ получить значеніе въ смыслѣ почина революціи; въ большинствѣ случаевъ ихъ роль, конечно, сведется къ тому, чтобы поддержать начавшееся въ центрахъ движеніе и не допускать свою мѣстность пойти на помощь правительству. Но въ этомъ смыслѣ ихъ вмѣшательство опредѣляетъ весь исходъ борьбы. При торжествѣ революціи значеніе мѣстныхъ организацій подымается еще больше. Имъ придется возбуждать духъ массъ, имъ придется главнымъ образомъ вліять на выборы въ Учредительное Собраніе, формулировать требованія крестьянства и пр. Вообще, насколько роль разрушительная падаетъ преимущественно на центральную организацію, настолько же роль созидательная падаетъ на мѣстныя организаціи. Въ виду всего этого мѣстныя группы должны заранѣе заручиться:

а) положеніемъ въ администраціи и войскѣ,

б) вліяніемъ на крестьянство,

в) должны по возможности сходиться съ мѣстными либералами и конституціоналистами,

г) должны запасаться матеріальными средствами,

д) основательно ознакомиться со своей областью.

Въ достиженіи этихъ цѣлей члены партіи должны дѣйствовать дружно, поддерживая и вытягивая другъ друга, замѣщая своими людьми всѣ выгодныя для партіи мѣста, заботясь о поддержаніи репутаціи и вліянія другъ друга.

Пріобрѣтеніе положенія въ администраціи и войскѣ особенно важно для первыхъ моментовъ движенія. Даже самое неполное

---

*) Организація мѣстныхъ группъ впослѣдствіи подробно разработана ихъ „Уставами“. Каждая мѣстная группа имѣетъ свой уставъ, утверждаемый Исполн. Комитетомъ. Сходные по типу, эти уставы всегда имѣютъ нѣкоторыя различія въ подробностяхъ, иногда чисто случайныя и несущественныя, иногда вызываемыя мѣстными условіями. Въ общемъ однако дѣятельность мѣстныхъ группъ всегда складывалась по типу, намѣченному въ настоящемъ параграфѣ. — (Прим. изд. К. Н. В.). (*Просимъ доставить намъ эти «Уставы». Ред. Сборника.)*

достиженіе успѣха въ этомъ отношеніи можетъ въ значительной степени помочь дѣлу. Когда при извѣстіи о возстаніи мѣстныя власти вздумаютъ помочь правительству, не много нужно, чтобы смутить ихъ. Когда губернаторъ видитъ колебанія среди хотя нѣсколькихъ своихъ подчиненныхъ, когда слышитъ отъ нихъ указаніе на опасность связывать свою судьбу съ падающимъ правительствомъ; когда другіе члены партіи производятъ демонстраціи среди общества, народа; когда среди офицерства и особенно начальниковъ отдѣльныхъ частей оказываются два три случая неповиновенія: это уже достаточно для того, чтобы губернія осталась въ нейтралитетѣ сегодня, а, стало быть, завтра перешла въ руки революціонеровъ. Особенно важны въ этомъ случаѣ войска, среди которыхъ необходимо усиленно дѣйствовать, пріобрѣтая наиболѣе развитыхъ и честныхъ людей въ члены партіи, и возбуждая въ остальныхъ гражданское чувство. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на офицерство, и черезъ нихъ дѣйствовать на солдатъ. Въ отношеніи крестьянства слѣдуетъ занимать мѣста, гдѣ возможно близкое соприкосновеніе съ массами, заслуживать ихъ уваженіе своимъ поведеніемъ, помогать имъ, защищать ихъ интересы, опираясь на содѣйствіе чиновныхъ и вліятельныхъ лицъ партіи. Не ведя массовой пропаганды, должно однако сходиться съ лучшими изъ крестьянъ, обращая ихъ по возможности въ сознательныхъ сторонниковъ партіи, знакомя ихъ съ ея цѣлями.*) Въ отношеніи къ либераламъ слѣдуетъ, не скрывая своего радикализма,**) указывать на то, что при современной постановкѣ партіонныхъ задачъ, интересы наши и ихъ заставляютъ совмѣстно дѣйствовать противъ правительства. Изученіе губерніи должно быть самое основательное: личности на-

*) Привлеченіе въ организацію отдѣльныхъ лицъ изъ крестьянства, способныхъ къ ней примкнуть, конечно, всегда признавалось очень желательнымъ. Составители „Подгот. работы“ лишь косвенно упоминаютъ объ этомъ потому, что дѣло слишкомъ ясно для всѣхъ. Но что касается организаціи въ настоящее время въ массѣ крестьянства, то она признавалась въ эпоху составленія программы совершенной фантазіей, и, если не ошибаемся, дальнѣйшая практика не могла измѣнить въ этомъ отношеніи мнѣній нашихъ соціалистовъ — (Прим. изд. К. Н. В.).

**) Т. е. своей соціалистической и революціонной программы. Какъ извѣстно, въ домашнемъ жаргонѣ нашихъ революціонеровъ слово „радикалъ“ сплошь и рядомъ употребляется въ смыслѣ „соціалиста-революціонера“. Дѣлаемъ это поясненіе для людей, не знакомыхъ близко съ русской революціонной средой. — (Прим. изд. К. Н. В.).

чальствующихъ, вліятельныхъ въ обществѣ, войскѣ, земствѣ или городскихъ управленіяхъ людей, ихъ взаимныя отношенія, пререканія и пр. — должны быть точно извѣстны; необходимо знать, кто сознательный сторонникъ правительства, кто простой карьеристъ, кто сочувствуетъ партіи и способенъ ее поддерживать; необходимо знать количество войскъ, мѣстонахожденія ихъ, а также разныхъ складовъ и учрежденій; необходимо наблюдать за настроеніемъ народныхъ массъ, знать ихъ ожиданія, надежды, неудовольствія и старательно намѣчать народныхъ вожаковъ, сходясь съ ними возможно тѣснѣе. Короче: вся внутренняя жизнь данной области, всѣ ея наличныя силы, имѣющія политическое значеніе, должны быть тщательно изучены.

Организація мѣстныхъ группъ по необходимости должна приспособляться къ общимъ условіямъ дѣятельности въ Россіи. Въ центрѣ каждой мѣстной организаціи должна стоять крѣпко сплоченная группа, тайное общество, связанное съ одной стороны съ центромъ, съ другой — со своими подгруппами. Проповѣдуя программу дѣйствій, сообразно съ общими планами партіи, мѣстная группа должна однако держать въ секретѣ частности своихъ дѣйствій, сношеній, средствъ, не допуская втираться въ свою среду малоизвѣстнымъ лицамъ на томъ лишь основаніи, что имъ вздумалось выдавать себя за людей единомыслящихъ.

в) Городскіе рабочіе.

Городское рабочее населеніе, имѣющее особенно важное значеніе для революціи, какъ по своему положенію, такъ и относительно большей развитости, должно обратить на себя серьезное вниманіе партіи. Успѣхъ перваго нападенія всецѣло зависитъ отъ поведенія рабочихъ и войска. Если партія заранѣе заручится такими связями въ рабочей средѣ, чтобы въ моментъ возстанія имѣла возможность закрыть фабрики и заводы, взволновать массы и двинуть ихъ на улицы (съ сочувственнымъ, конечно, отношеніемъ къ возстанію) — это уже на половину обезпечитъ успѣхъ дѣла. Съ другой стороны, городскіе рабочіе, въ силу своего положенія, явятся представителями чисто-народныхъ интересовъ, и отъ ихъ болѣе или менѣе активнаго отношенія къ возстанію, къ мѣрамъ временнаго правительства, къ самому составленію временнаго правительства—значительно зависитъ весь характеръ движенія и степень полезности революціи для народа.*)

---

*) Это значеніе рабочихъ для самаго характера революціи впо-

Поэтому въ рабочей средѣ должна усиленно вестись *пропаганда*: 1) соціалистическихъ идей (чѣмъ шире, тѣмъ лучше), 2) политическаго переворота и созданія демократическаго правительства, какъ перваго шага къ осуществленію народныхъ требованій. Рядомъ съ пропагандой должна идти *организація* рабочихъ массъ, имѣющая цѣлью сплотить ихъ, развить въ нихъ сознаніе единства и солидарности интересовъ. Организація рабочихъ массъ можетъ быть ведена на всякой почвѣ, начиная съ артелей, товариществъ, кружковъ саморазвитія, стачекъ и кончая чисто революціонными сообществами. Члены партіи должны составлять изъ развитыхъ людей (интеллигенціи или рабочихъ — все равно) кружки послѣдняго рода, и разсѣвать членовъ этихъ кружковъ по всѣмъ фабрикамъ и заводамъ для образованія группъ перваго рода, съ тѣмъ, чтобы: во 1) повышать постоянно уровень рабочихъ массъ, во 2) намѣчать и присоединять къ себѣ новыхъ личностей изъ ихъ среды, въ 3) чтобы при переворотѣ имѣть возможность взволновать самую обширную массу рабочихъ. Эти революціонные кружки должны быть сохраняемы въ глубочайшей тайнѣ отъ постороннихъ, но въ то же время связаны между собою и цертральной организаціей.

г) Войско.

Значеніе арміи при переворотѣ — огромное. Можно сказать, что имѣя за себя армію, можно низвергнуть правительство даже безъ помощи народа; а имѣя армію противъ себя, ничего, пожалуй, не достигнешь и съ поддержкой народа. При настоящихъ условіяхъ однако пропаганда между солдатами затруднена въ такой степени, что на нее едва ли можно возлагать много надеждъ.*) Гораздо удобнѣе воздѣйствіе на *офицерство*: болѣе раз-

---

слѣдствіи болѣе подробно развито въ „Программѣ рабочихъ членовъ партіи Народной Воли", составленной Спб. центр. рабочимъ кружкомъ по соглашенію съ Исполн. Комитетомъ. Въ организаціонномъ отношеніи — первоначальное воздѣйствіе на рабочихъ лежало на обязанности мѣстныхъ группъ, которыя должны были имѣть „рабочія подгруппы". Въ Спб. же былъ организованъ „Центр. раб. кружокъ", непосредственно связанный съ Исп. Ком. и имѣвшій нѣсколько своихъ подгруппъ, развѣтвленныхъ въ массѣ рабочихъ. — (Прим. изд. К. И. В.).

*) Какъ читатели видятъ, эти слова не отрицаютъ важности пропаганды между солдатами. Практика, впослѣдствіи, во многихъ мѣстностяхъ, показала, что *при потворствѣ офицеровъ* пропаганда можетъ быть очень успѣшной. Само собою разумѣется,

витое, болѣе свободное, оно болѣе доступно вліянію. Между тѣмъ въ моментъ переворота, конечно, никто не можетъ склонить солдатъ на сторону возстанія лучше, чѣмъ популярный офицеръ, обращающійся къ своимъ солдатамъ съ соотвѣтственными указаніями и предложеніями. Наконецъ, если бы духъ роты или батальона не допускалъ такого обращенія, то командиръ все таки можетъ повести солдатъ не туда, куда приказано, можетъ ихъ удержать отъ пальбы, заставить ихъ отступить, деморализовать безцѣльными переходами и т. д. Въ виду всего этого, офицерство должно быть предметомъ самаго внимательнаго воздѣйствія. Лучшихъ, наиболѣе развитыхъ и энергичныхъ слѣдуетъ привлекать, какъ сознательныхъ членовъ партіи. По отношенію къ массѣ остальныхъ — должно поднимать ихъ уровень развитія, выяснять имъ ихъ обязанности къ народу, подрывать въ ихъ глазахъ значеніе правительства и выяснять цѣли революціонеровъ. Офицеры — члены партіи должны преслѣдовать двѣ главныя цѣли: 1) или выслуживаться, занимать важныя мѣста, 2) или обращать все вниманіе на пріобрѣтеніе популярности между солдатами. Затѣмъ, конечно, они должны подымать уровень развитія товарищей, а также солдатъ, причемъ по отношенію къ послѣднимъ могутъ быть между прочимъ утилизированы силы первыхъ. . . . .
Наконецъ слѣдуетъ употреблять всѣ старанія, чтобы стягивать лучшія силы арміи въ пункты, важные для возстанія, и по возможности такъ, чтобы въ отдѣльныхъ частяхъ всѣ важныя мѣста были заняты своими людьми*)

д) Интеллигенція и молодежь.

Интеллигенція и молодежь въ частности составляютъ такія сферы, гдѣ каждое честное направленіе должно только давать о себѣ знать, чтобы имѣть сторонниковъ. Большихъ комментаріевъ

что партія не упускала такихъ благопріятныхъ случаевъ.—(Прим. изд. К. Н. В.).

*) Вообще дѣятельность въ средѣ военной впослѣдствіи была гораздо подробнѣе развита въ уставахъ военныхъ группъ, которыя, согласно указаніямъ практики, должны были имѣть нѣкоторыя отличія отъ мѣстныхъ.

N. B. — Точками здѣсь обозначенъ пропускъ нѣсколькихъ словъ, касающихся технической стороны воздѣйствія на солдатъ. Мы не рѣшились опубликовать такія частности, разоблаченіе которыхъ можетъ мѣшать дѣйствующимъ въ военной средѣ. — (Прим. изд. К. Н. В.).

къ способамъ дѣйствій въ этой средѣ не требуется. Относительно молодежи — важно поддерживать въ ея рядахъ революціонныя тенденціи, воспитывая молодое поколѣніе въ революціонномъ духѣ и давая дѣятельность, доступную для его силъ, и въ тоже время полезную для дѣла революціи. Такъ, учащаяся молодежь можетъ поддерживать въ своей средѣ духъ солидарности, стойкость въ борьбѣ и гражданское мужество, добиваясь расширенія студенческихъ правъ: можетъ вести пропаганду среди рабочихъ, помогать распространенію революціонныхъ изданій и т. д.*)

e) Европа.

По отношенію къ Европѣ политика партіи должна стремиться къ тому, чтобы обезпечить русской революціи сочувствіе *народовъ*. Правительства, съ ихъ измѣнчивой политикой, съ ихъ дипломатическими интересами, не могутъ быть сколько нибудь прочными союзниками для насъ. Не могутъ они быть и особенно опасными, если мы заручимся симпатіями общественнаго мнѣнія Европы. Могущество этой силы мы видѣли недавно на примѣрѣ Гартмана.

Для достиженія этой цѣли партія должна знакомить Европу со всѣмъ пагубнымъ значеніемъ русскаго абсолютизма для самой европейской цивилизаціи, съ истинными цѣлями партіи, со значеніемъ нашего революціоннаго движенія, какъ выраженія всенароднаго протеста. Факты революціонной борьбы, дѣятельность и цѣли партіи, мѣропріятія русскаго правительства, его отношенія къ народу, — если Европа будетъ все это знать безъ искаженій, то ея сочувствіе намъ обезпечено. Въ этихъ видахъ необходимо организовать снабженіе европейской прессы всякими такого рода свѣдѣніями. Лица, проживающія заграницей, должны и лично дѣйствовать въ томъ же духѣ на митингахъ, обществен-

*) Впослѣдствіи были составлены болѣе подробныя указанія тѣхъ услугъ революціонному дѣлу, которыя можетъ оказывать учащаяся молодежь (см. такъ наз. „Инструкцію", гектографированное изданіе, кажется 1881 года). (Очень просимъ доставить намъ эту „Инструкцію". *Ред. Сборника.*) Въ организаціонномъ отношеніи — партія дѣйствовала на молодежь посредствомъ „студенческихъ подгруппъ", бывшихъ при каждой мѣстной группѣ. Въ Спб. же съ 1880 г. организована особая „Центральная студенческая группа", заявившая себя дѣятельнымъ участіемъ во всѣхъ студенческихъ волненіяхъ (см. между прочимъ выпущенныя ею прокламаціи). — (Прим. изд. К. Н. В.).

ныхъ собраніяхъ, читая лекціи о Россіи и т. п. Въ случаяхъ, подобныхъ Гартмановскому, необходимо вести оживленную агитацію, пользуясь моментомъ, когда вниманіе общества обращено на русскія дѣла.

ПРОГРАММА РАБОЧИХЪ ЧЛЕНОВЪ ПАРТІИ „НАРОДНОЙ ВОЛИ"

(Изданіе редакціи „Народной Воли")

А

Историческій опытъ человѣчества, а также изученіе и наблюденіе жизни народовъ убѣдительно и ясно доказываютъ, что народы только тогда достигнутъ наибольшаго счастья и силы, что люди тогда только станутъ братьями, будутъ свободны и равны, когда устроятъ свою жизнь согласно соціалистическому ученію, т. е. слѣдующимъ образомъ:

1) Земля и орудія труда должны принадлежать всему народу, и всякій работникъ вправѣ ими пользоваться.

2) Работа производится не въ одиночку, а сообща (общинами, артелями, ассоціаціями).

3) Продукты общаго труда должны дѣлиться, по рѣшенію, между всѣми работниками, по потребностямъ каждаго.

4) Государственное устройство должно быть основано на союзномъ договорѣ всѣхъ общинъ.

5) Каждая община въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ вполнѣ независима и свободна.

6) Каждый членъ общины вполнѣ свободенъ въ своихъ убѣжденіяхъ и личной жизни; его свобода ограничивается только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она переходитъ въ насиліе надъ другими членами своей или чужой общины.

Если народы перестроятъ свою жизнь такъ, какъ мы, соціалисты-работники, этого желаемъ, то они станутъ дѣйствительно свободны и независимы, потому что не будетъ болѣе ни господъ, ни рабовъ. Каждый можетъ тогда работать, не попадая въ кабалу къ помѣщику, фабриканту, хозяину, потому что этихъ тунеядцевъ не будетъ и въ поминѣ. Землею станетъ пользоваться каждый желающій заниматься хлѣбопашествомъ. Фабрики и заводы будутъ въ рукахъ тѣхъ общинъ, которыя пожелаютъ при-

стать къ фабричному труду. Каждый будетъ имѣть все, что ему нужно для жизни, а потому не будетъ продавать себя, свой трудъ, свои убѣжденія, да и покупать то будетъ некому.

Работа общиною, артелью даетъ возможность широко пользоваться машинами и всѣми изобрѣтеніями и открытіями науки, облегчающими трудъ, поэтому у работниковъ, членовъ общины, производство всего нужнаго для жизни потребуетъ гораздо меньше труда и въ ихъ распоряженіи останется много свободнаго времени и силъ для развитія своего ума и занятія наукою. Такая жизнь дастъ работнику много наслажденій, о которыхъ онъ теперь и понятія не имѣетъ; дастъ ему научное знаніе и сдѣлаетъ его самого способнымъ служить дальнѣйшему развитію науки, облегченію труда и улучшенію жизни. Число всякихъ улучшеній сдѣлается безконечно больше, чѣмъ теперь, и люди-работники достигнутъ высокой власти надъ природой. *Личная свобода человѣка,* т. е. свобода мнѣній, изслѣдованій, всякой дѣятельности сниметъ съ человѣческаго ума оковы и дастъ ему полный просторъ.

Свобода общины, т. е. право ея вмѣстѣ со всѣми общинами и союзами вмѣшиваться въ государственныя дѣла и направлять ихъ по общему желанію всѣхъ общинъ, не дастъ возникнуть государственному гнету, не допуститъ того, чтобы безнравственные люди забрали въ свои руки страну, раззоряли ее въ качествѣ разныхъ правителей и чиновниковъ и подавляли свободу народа, какъ это дѣлается теперь.

Б

Мы глубоко убѣждены, что такой общественный и государственный порядокъ обезпечилъ бы народное благо, но мы знаемъ также по опыту другихъ народовъ, что сразу и въ самомъ близкомъ будущемъ не возможно добиться полной свободы и прочнаго счастья народа. Намъ предстоитъ долгая и упорная борьба съ правителями и расточителями народнаго богатства — постепенное завоеваніе гражданскихъ правъ. Слишкомъ долго, цѣлые вѣка, правительство и всѣ прихвостни его, которымъ теперь хорошо и тепло живется, изъ силъ выбивались, чтобы держать русскій народъ въ послушаніи и забитости. Имъ это почти всегда удавалось. Дѣйствительно, темные люди въ большинствѣ случаевъ не сознаютъ и не чувствуютъ, что они граждане своей родной страны и не должны дозволять, чтобы страною распоряжа-

лись коронованные проходимцы и всякіе охотники до чужого труда и кармана; бѣднымъ голоднымъ людямъ слишкомъ часто приходится дрожать и унижаться передъ сильными и богатыми, даже мошенничать и продаваться, и все изъ-за насущнаго куска хлѣба...

Потому люди настоящаго времени не могли бы устроиться и жить въ ладу при такихъ хорошихъ и справедливыхъ порядкахъ, гдѣ нѣтъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни господъ-тунеядцевъ, ни слугъ-работниковъ, гдѣ всѣ равно обезпечены, всѣ трудятся, всѣ свободны. Унывать однако не приходится. Если въ наше время такіе порядки намъ не по плечу, то слѣдуетъ къ нимъ приближаться постепенно, добиваясь, если не полной свободы и счастья, то во всякомъ случаѣ большей свободы и значительнаго улучшенія своей жизни. При лучшихъ порядкахъ и лучшей жизни люди станутъ умнѣе, нравственнѣе, поймутъ, наконецъ, что они граждане, т. е. полноправные господа своей страны и пойдутъ далѣе, т. е. устроятъ свою жизнь еще лучше, еще справедливѣе. При этомъ тотъ общественный и государственный порядокъ, котораго желаемъ мы, соціалисты-работники, долженъ служить людямъ путеводною звѣздою, чтобы они не сбились и не попали въ новыя цѣпи, въ еще худшую кабалу.

Мы ставимъ задачею своей жизни помочь всему русскому народу выйти на новый путь свободы и лучшей жизни. Положеніе народа такъ тяжело, жизнь его такъ безобразна, что обязанность всѣхъ понимающихъ дѣло и честныхъ людей поддержать насъ и положить конецъ этому безобразію. Такъ идти дѣла не могутъ и не должны. Поглядите: въ деревняхъ крестьянская земля постепенно переходитъ въ руки кулаковъ и спекуляторовъ; въ городахъ фабричные и заводскіе рабочіе попадаютъ все въ большую кабалу къ фабриканту; капиталисты становятся силой, съ которой разъединеннымъ рабочимъ бороться трудно; государство и правительство стягиваютъ къ себѣ все богатство и силу страны при содѣйствіи цѣлой арміи чиновниковъ, вполнѣ независимыхъ отъ народа и вполнѣ покорныхъ волѣ правительства; весь народъ отданъ подъ надзоръ жадной и невѣжественной полиціи (урядниковъ и другихъ полицейскихъ чиновъ).

Въ послѣднее время правительство нашло, что волостные суды и сходы даютъ слишкомъ большой просторъ народному духу и порѣшило прибрать ихъ къ рукамъ. Всякому видно, что этими мѣрами желаютъ въ конецъ обезсилить русскій народъ и заглушить въ немъ всякое стремленіе къ вольной жизни. Можемъ ли

мы, соціалисты-работники, могутъ ли всѣ понимающіе дѣло рабочіе допустить, чтобы русскій народъ вели по этому опасному пути? Нѣтъ! Всѣ мы должны добиваться такихъ порядковъ, гдѣ бы самъ народъ сталъ господиномъ страны, гдѣ бы не правительственные чиновники, а онъ самъ рѣшалъ, какой путь приведетъ его къ благоденствію и свободѣ. Необходимо сдѣлать первый шагъ!

В

Но этотъ шагъ намъ слѣдуетъ обдумать. Слѣдуетъ прежде всего выяснить себѣ, кто наши враги, кто наши друзья и какихъ измѣненій въ теперешнихъ порядкахъ слѣдуетъ добиваться. Мы должны знать, что:

1) Всѣ, кто живетъ теперь на счетъ народа, т. е. правительство, помѣщики, фабриканты, заводчики и кулаки никогда по доброй волѣ не откажутся отъ выгоды своего положенія, потому что имъ гораздо пріятнѣе взваливать всю работу на спину рабочаго, чѣмъ самимъ приняться за нее. Эти господа смекаютъ, что рабочій народъ будетъ служить имъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ теменъ, задавленъ нуждою и раззоренъ, пока онъ не понимаетъ, что сила его въ союзѣ всѣхъ работниковъ. Поэтому безполезно ждать отъ этихъ господъ улучшенія теперешнихъ порядковъ. Правда, они устраиваютъ иногда коммиссіи для улучшенія быта рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ; но всѣ заботы ихъ напоминаютъ заботы хозяина о содержаніи рабочаго скота. Никогда не станутъ они думать о поднятіи народнаго образоваія, никогда не позволятъ рабочему человѣку устроиться такъ, чтобы онъ пересталъ въ нихъ нуждаться. Стало быть, рабочій народъ долженъ разсчитывать на свои силы: враги ему не помогутъ.

Но народъ всегда можетъ разсчитывать на вѣрнаго союзника — соціально-революціонную партію. Люди этой партіи набираются изъ всѣхъ сословій русскаго царства, но жизнь свою отдаютъ народному дѣлу и думаютъ, что всѣ станутъ равны и свободны, добьются справедливыхъ порядковъ только тогда, когда дѣлами страны будетъ заправлять рабочее сословіе, т. е. крестьянство и городскіе рабочіе, потому что всѣ другія сословія, если и добивались свободы и равенства, то лишь для себя, а не для всего народа. Поэтому соціально-революціонная партія — лучшій союзникъ, и рабочій народъ всегда можетъ братски протянуть ей руку.

Кромѣ нея у народа нѣтъ вѣрныхъ союзниковъ; однако во

многихъ случаяхъ онъ найдетъ поддержку въ отдѣльныхъ лицахъ изъ другихъ сословій, въ люд хъ образованныхъ, которымъ также хотѣлось бы, чтобы въ Россіи жилось свободнѣе и лучше. Ихъ не очень тревожитъ то обстоятельство, что русскій крестьянинъ въ кабалѣ у хозяина и кулака, потому что этотъ гнетъ имъ не знакомъ, но они испытали на своей шкурѣ произволъ полицейскій и чиновничій и охотно помогли бы народу съ нимъ покончить. Народъ, конечно, выигралъ бы отъ ослабленія правительственнаго гнета: всѣмъ дышалось бы вольнѣе, мысль каждаго человѣка работала бы сильнѣе, знанія стали бы доступнѣе всѣмъ, число доброжелателей народа возросло бы, но главное: — народъ могъ бы сговориться и сплотиться. Поэтому рабочій народъ не долженъ отвергать этихъ людей: выгодно добиваться расширенія свободы рука объ руку съ ними. Нужно только, чтобы рабочіе не забывали, что ихъ дѣло на этомъ не останавливается, что вскорѣ придется разстаться съ этимъ временнымъ другомъ и идти далѣе въ союзѣ съ одной соціально-революціонною партіею.

2) Перемѣны въ порядкахъ, которыя мы желаемъ совершить, должны быть понятны народу и согласны съ его требованіями, иначе онъ не станетъ ихъ вводить и поддерживать, на другія же сословія, какъ мы сказали, разсчитывать нельзя, потому что они сдѣлаютъ не то, что выгодно для народа, а то, что выгодно имъ самимъ.

3) Перемѣны въ порядкахъ должны приближать жизнь къ соціалистическому строю.

Г

Принимая все это во вниманіе, мы признаемъ, что въ ближайшее время мы можемъ добиваться слѣдующихъ перемѣнъ въ государственномъ строѣ и народной жизни:

1) Царская власть въ Россіи замѣняется народоправленіемъ, т. е. правительство составляется изъ народныхъ представителей (депутатовъ); самъ народъ ихъ назначаетъ и смѣняетъ; выбирая, подробно указываетъ, чего они должны добиваться и требуетъ отчета въ ихъ дѣятельности.

2) Русское государство, по характеру и условіямъ жизни населенія, дѣлится на области, самостоятельныя во внутреннихъ своихъ дѣлахъ, но связанныя въ одинъ общерусскій союзъ. Вну-

треннія дѣла области вѣдаются Областнымъ Управленіемъ; дѣла же обще-государственныя — Союзнымъ Правительствомъ.

3) Народы, насильственно присоединенные къ русскому царству, вольны отдѣлиться или остаться въ обще-русскомъ союзѣ.

4) Общины (села, деревни, пригороды, заводскія артели и пр.) рѣшаютъ свои дѣла на сходахъ и приводятъ ихъ въ исполненіе черезъ своихъ выборныхъ должностныхъ лицъ — старостъ, сотскихъ, писарей, управляющихъ, мастеровъ, конторщиковъ и пр.

5) Вся земля переходитъ въ руки рабочаго народа и считается народной собственностью.

Каждая отдѣльная область отдаетъ землю въ пользованіе общинамъ или отдѣльнымъ лицамъ, но только тѣмъ, кто самъ занимается обработкой ея. Никто не въ правѣ получить больше того количества, которое онъ самъ въ силахъ обработать. По требованію общины устанавливаются передѣлы земель.

6) Заводы и фабрики считаются народною собственностью и отдаются въ пользованіе заводскихъ и фабричныхъ общинъ, — доходы принадлежатъ этимъ общинамъ.

7) Народные представители издаютъ законы и правила, указывая, какъ должны быть устроены фабрики и заводы, чтобы не вредить здоровью и жизни рабочихъ, опредѣляя количество рабочихъ часовъ для мужчинъ, женщинъ и пр.

8) Право избирать представителей (делегатовъ), какъ въ Союзное Правительство, такъ и въ Областное Управленіе, принадлежитъ всякому совершеннолѣтнему: точно также всякій совершеннолѣтній можетъ быть избранъ въ Союзное Правительство и Областное Управленіе.

9) Всѣ русскіе люди въ правѣ держаться и переходить въ какое угодно вѣроученіе (религіозная свобода); въ правѣ распространять устно или печатно какія угодно мысли или ученія (свобода слова и печати); въ правѣ собираться для обсужденія своихъ дѣлъ (свобода собраній); въ правѣ составлять общества (общины, артели, союзы, ассоціаціи) для преслѣдованія какихъ угодно цѣлей; въ правѣ предлагать народу свои совѣты при избраніи представителей и при всякомъ общественномъ дѣлѣ (свобода избирательной агитаціи).

10) Образованіе народа во всѣхъ низшихъ и высшихъ школахъ даровое и доступное всѣмъ.

11) Теперешняя армія и вообще всѣ войска замѣняются мѣстнымъ народнымъ ополченіемъ. Всѣ обязаны военной службой,

обучаются военному дѣлу, не отрываясь отъ работы и семьи, и созываются только въ случаѣ опредѣленной закономъ надобности,

12) Учреждается Государственный Русскій Банкъ съ отдѣленіями въ разныхъ мѣстахъ Россіи для поддержки и устройства фабричныхъ, заводскихъ, земледѣльческихъ и вообще всякихъ промышленныхъ и учебныхъ общинъ, артелей, союзовъ.

Вотъ какія, по нашему мнѣнію, перемѣны въ народной жизни могутъ быть совершены въ ближайшее время; мы думаемъ, что весь народъ — городскіе рабочіе и крестьянство — пойметъ всю ихъ полезность и готово будетъ ихъ отстаивать. Городскимъ рабочимъ слѣдуетъ только помнить, что отдѣльно отъ крестьянства они всегда будутъ подавлены правительствомъ, фабрикантами и кулаками, потому что главная народная сила не въ нихъ, а въ крестьянствѣ. Если же они будутъ постоянно ставить себя рядомъ съ крестьянствомъ, склонять его къ себѣ и доказывать, что вести дѣло слѣдуетъ заодно общими усиліями, тогда весь рабочій народъ станетъ несокрушимой силой.

Д

Надъ этимъ придется много и усердно поработать и мы думаемъ, что работу нужно повести такъ.

а) Тѣ изъ рабочихъ, которые твердо порѣшили, что теперешніе порядки и всю народную жизнь слѣдуетъ измѣнить, составляютъ небольшія, но дружныя общества (кружки) рабочихъ, выясняютъ себѣ, чего слѣдуетъ добиваться, и готовятъ себя къ тому времени, когда общими усиліями нужно будетъ приступить къ выполненію переворота. Кружки должны быть тайными, недоступными для правительственныхъ ударовъ.

б) Члены кружковъ должны выяснять народу, что изъ теперешняго губительнаго порядка одинъ выходъ — насильственный переворотъ, что переворотъ необходимъ и возможенъ. Съ этой цѣлью члены кружковъ размѣщаются по заводамъ, фабрикамъ и деревнямъ и заводятъ новые кружки рабочихъ и крестьянъ подъ разными предлогами, преимущественно вполнѣ законными. (Такъ напр. кружокъ заводитъ свою кассу, библіотеку, чтенія, общежитія и пр.). Пользуясь уваженіемъ и любовію рабочихъ, члены кружка поддерживаютъ бунтовской духъ въ рабочей средѣ, устраиваютъ, гдѣ нужно, стачки противъ фабрикантовъ и готовятся къ борьбѣ съ полицейскими и правительственными властями, всегда стоящими за фабриканта. Тѣ изъ рабочихъ кружка, которые вы-

кажутъ свою умѣлость и настойчивость въ веденіи рабочаго дѣла, поступаютъ въ главные рабочіе кружки и такимъ образомъ тайный союзъ рабочихъ укрѣпляется.

E

Невозможно угадать, при какихъ именно условіяхъ придется дѣйствовать рабочимъ союзамъ (рабочей организаціи). Но каковы бы они ни были, необходимо постоянно имѣть въ виду общія правила.

1) Для того, чтобы добиться чего бы то ни было, рабочіе должны составлять силу, способную напирать на правительство и, при надобности, готовую поддержать свои требованія съ оружіемъ въ рукахъ. Дойдетъ ли дѣло до кровавой борьбы или враги народа уступятъ безъ бою — все равно: нужно готовить силу и, чѣмъ больше эта сила готова вступить въ бой, тѣмъ скорѣе враги отступятъ безъ бою.

2) Напасть на враговъ съ надеждою на побѣду можетъ только вся соціально-революціонная партія, въ которую рабочая организація входитъ какъ часть. Партія собираетъ въ народѣ, въ обществѣ силы для совершенія переворота; устраиваетъ союзы въ крестьянствѣ и въ средѣ городскихъ рабочихъ, въ войскѣ и въ другихъ общественныхъ слояхъ. Партія выдѣляетъ изъ себя боевой союзъ, который нападаетъ на правительство, разстраиваетъ его, приводитъ въ замѣшательство, — этимъ облегчаетъ всѣмъ недовольнымъ — народу, рабочимъ и всѣмъ доброжелательнымъ имъ людямъ подняться и произвести повсемѣстный переворотъ.

Разъ началось надежное возмущеніе въ городѣ или въ деревняхъ, партіядолжна поддержать его своими силами, внести въ него свои требованія, вызвать подобныя же волненія въ другихъ мѣстахъ, гдѣ только возможно, должна объединить эти волненія въ одно общее возстаніе и расширить его на всю Россію. Одновременно нужно разстроить правительство, уничтожить крупныхъ чиновниковъ его (чѣмъ крупнѣе, тѣмъ лучше), какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ; нужно перетянуть войско на сторону народа, распустить его и замѣнить народнымъ ополченіемъ изъ крестьянъ, рабочихъ, бывшихъ солдатъ и всѣхъ честныхъ гражданъ.

Для успѣха дѣла крайне важно овладѣть крупнѣйшими городами и удержать ихъ за собою. Съ этою цѣлью возставшій народъ, немедленно по очищеніи города отъ врага, долженъ избрать свое Временное Правительство изъ рабочихъ, или лицъ, из-

вѣстныхъ своею преданностью народному дѣлу. Временное Правительство, опираясь на ополченіе, обороняетъ городъ отъ враговъ и всячески помогаетъ возстанію въ другихъ мѣстахъ, объединяетъ и направляетъ возставшихъ. Рабочіе зорко слѣдятъ за Временнымъ Правительствомъ и заставляютъ его дѣйствовать въ пользу народа. Когда возстаніе одержитъ побѣду во всей странѣ, когда земля, фабрики и заводы перейдутъ въ руки народа, а въ селахъ городахъ и областяхъ установится выборное народное управленіе, когда въ государствѣ не будетъ иной военной силы, кромѣ ополченія, — тогда немедленно народъ посылаетъ своихъ представителей въ (Союзное Правительство) Учредительное Собраніе, которое, упразднивъ Временное Правительство, утверждаетъ народныя завоеванія и устанавливаетъ порядокъ обще-союзный. Представители дѣйствуютъ по точной инструкціи, какую дадутъ имъ избиратели ихъ.

Вотъ общій планъ дѣятельности партіи во время переворота.

Можетъ быть, однако, и другой случай.

Если бы правительство изъ боязни общаго бунта рѣшилось сдѣлать обществу кое-какія уступки, т. е. дать конституцію, то дѣятельность рабочихъ не должна отъ этого измѣняться. Они должны заявить себя силой, должны требовать себѣ крупныхъ уступокъ, должны вводить своихъ представителей въ парламентъ (т. е. законодательное собраніе) и, въ случаѣ надобности, поддержать эти требованія массовыми заявленіями и возмущеніями. Напирая такимъ образомъ на правительство, набираясь силъ въ борьбѣ съ нимъ, партія Народной Воли выжидаетъ лишь удобнаго момента когда старый, негодный порядокъ окажется неспособнымъ противостоять требованіямъ народа, и совершаетъ переворотъ съ полной надеждой на успѣхъ.

ПРОГРАММА ВОЕННО-РЕВОЛЮЦІОННОЙ ОРГАНИЗАЦІИ

Соглашаясь вполнѣ съ соціально-революціонной партіей, что настоящее экономическое и политическое положеніе народа самое несправедливое и унизительное для человѣческаго достоинства; что при существующемъ государственномъ строѣ немыслимы какія бы то ни было основательныя реформы въ народномъ бытѣ; что самыя невинныя попытки въ этомъ направленіи оканчиваются пол-

ными неудачами и влекутъ за собою преслѣдованія; что, слѣдовательно, подобное положеніе, если предоставить дѣло естественному ходу вещей, можетъ продлиться еще очень долго, при чемъ выходъ изъ него будетъ труднѣе, — раздѣляя, кромѣ того, убѣжденія Партіи Народной Воли, что подобный порядокъ вещей держится въ Россіи исключительно грубой силой (армія, чиновничество и полиція), и находя, съ своей стороны, что армія главнѣйшій оплотъ правительства, мы, члены ея, будучи глубоко убѣждены, что роль, какую мы играемъ въ русскомъ государственномъ строѣ и можемъ играть, по требованію правительства, въ будущемъ, недостойна честнаго человѣка, — считаемъ своею обязанностью немедленно присоединиться къ борцамъ за народную свободу.

Для внесенія въ нашу борьбу большей законченности и послѣдовательности, принимаемъ слѣдующую, разработанную нами, программу, обязательную для каждаго, вошедшаго въ нашу организацію, члена.

а) Роль военной организаціи въ общемъ революціонномъ движеніи.

1. Наша организація признаетъ себя солидарною съ партіей Народной Воли, какъ это и выше нами высказано.

2. Организація согласна на активное участіе въ борьбѣ съ политическимъ и экономическимъ государственнымъ строемъ, т. е. согласна, въ случаѣ народнаго возстанія, принять въ немъ участіе.

3. Члены организаціи согласны на исключительно военное возстаніе, съ цѣлью захвата верховной власти, для устройства народнаго представительства.

б) Принципы организаціи.

1. Военная организація возникаетъ съ цѣлью, во первыхъ, объединенія и урегулированія дѣятельности революціонныхъ силъ въ арміи; во вторыхъ, привлеченія наибольшаго числа активныхъ дѣятелей и союзниковъ и, въ третьихъ, установленія правильнаго общенія съ соціально - революціонной партіей всей Россіи для взаимной помощи и поддержки.

2. Та тяжелая, господствующая въ нашей арміи, дисциплина, которая уничтожаетъ въ солдатѣ, во время оффиціальнаго и даже частнаго разговора его съ офицеромъ, самый человѣческій

образъ, — лишаетъ офицеровъ возможности дѣятельной пропаганды между нижними чинами, и потому въ нашу организацію могутъ входить только офицеры, нижніе же чины, за исключеніемъ подпрапорщиковъ, не могутъ быть допускаемы въ организацію.

Примѣчаніе. — Пропаганду между солдатами, мы полагаемъ, могутъ съ успѣхомъ вести члены союза рабочихъ, которымъ въ этомъ дѣлѣ мы можемъ лишь оказывать поддержку указаніями относительно даннаго положенія солдатъ и способствовать конспираціи. Съ своей же стороны мы ограничиваемся пріобрѣтеніемъ популярности и уваженія среди солдатъ, что легко достигается гуманнымъ обращеніемъ съ ними.

3. Являясь тайнымъ сообществомъ, организація составляется изъ вполнѣ увѣренныхъ другъ въ другѣ товарищей — офицеровъ и, для большей безопасности, ограничивается лишь самымъ необходимымъ числомъ членовъ.

4. Организація составляется изъ кружковъ въ отдѣльныхъ воинскихъ частяхъ, высшую же инстанцію мѣстной организаціи представляетъ Мѣстная Центральная Группа; наконецъ, для объединенія дѣятельности во всей русской арміи возникаетъ Военный Революціонный Центръ.

5. Кружокъ образуется изъ 5 и не болѣе 7 человѣкъ.

6. Для пріема новаго члена требуется полное единогласіе членовъ кружка. Офицеръ, котораго предполагается принять членомъ кружка, раньше рѣшенія этого кружкомъ въ положительномъ смыслѣ, не долженъ знать какъ о составѣ и устройствѣ кружка, такъ равно и о самомъ предположеніи относительно пріема его въ члены. Сужденія, высказанныя членами по поводу пріема, составляютъ совершенную тайну.

7. Два кружка и болѣе, для связи и большаго успѣха въ дѣятельности, по собственному почину и съ согласія Военнаго Революціоннаго Центра или по предложенію Военнаго Революціоннаго Центра, выдѣляютъ своихъ представителей для образованія Мѣстной Центральной Группы.

8. Въ каждой мѣстности можетъ возникнуть только одна Центральная Группа и возникновенію другихъ противодѣйствуетъ какъ Военный Революціонный Центръ, такъ равно и члены Центральной Группы.

9. Присоединеніе новыхъ кружковъ къ Центральной Группѣ при посредствѣ ихъ представителей возможно лишь съ согласія всѣхъ членовъ группы, и потому каждый отдѣльный кружокъ не въ правѣ требовать отъ Центральной Группы пріема его предста-

вителя; но кружку предоставляется входить въ сношеніе съ Центральной Группой при посредствѣ ея члена.

10. Число членовъ Центральной Группы ограничивается 7 человѣками.

11. Военный Революціонный Центръ возникаетъ путемъ самозарожденія преимущественно изъ членовъ Центральныхъ Группъ.

12. Его составъ, устройство и мѣстопребываніе составляютъ совершенную тайну.

13. Мѣстныя Центральныя Группы и отдѣльно стоящіе кружки сносятся съ Центромъ при посредствѣ отдѣльныхъ его членовъ.

14. Предложеніе Центра принимается, какъ въ Центральныхъ Группахъ, такъ и въ кружкахъ, простымъ большинствомъ голосовъ. Такимъ же числомъ голосовъ принимаются кружками предложенія Центральныхъ Группъ.

15. Члены кружка, по требованію Военнаго Революціоннаго Центра и Центральныхъ Группъ, согласны на болѣе или менѣе продолжительные отъѣзды, для чего готовы брать отпускъ; кромѣ того каждый отдѣльный членъ организаціи согласенъ принимать на себя различныя порученія какъ Центра, такъ и Центральной Группы.

16. О дѣятельности и о составѣ кружка, а равно о прибыли и убыли въ немъ членовъ Военный Революціонный Центръ, а также и мѣстная Центральная Группа должны быть извѣщаемы въ подробностяхъ; но кто именно въ составъ кружка входитъ, для нихъ должно оставаться тайной.

Примѣчаніе. — Вообще мы принимаемъ за принципъ, что никто фамилій членовъ кружка безъ крайней къ тому надобности знать не долженъ.

в) Дѣятельность военной организаціи.

1. Военный Революціонный Центръ долженъ состоять въ непосредственномъ сношеніи съ Исполнительнымъ Комитетомъ Партіи Народной Воли и имѣть въ немъ своихъ представителей.

2. Въ его вѣдѣніи находится вся дѣятельность, какъ Центральныхъ Группъ, такъ и отдѣльныхъ кружковъ.

3. Получая отъ Центральныхъ Группъ періодическіе отчеты, Военный Революціонный Центръ изыскиваетъ мѣры къ расширенію соціально-революціонной дѣятельности и къ образованію новыхъ Центральныхъ Группъ.

4. Военный Революціонный Центръ принимаетъ отъ Исполнительнаго Комитета отдѣльныя порученія, относящіяся къ террористической дѣятельности партіи, и для исполненія ихъ составляетъ спеціальные кружки.

5. Мѣстная Военная Центральная Группа состоитъ въ сношеніяхъ съ мѣстной центральной группой партіи Народной Воли при посредствѣ одного члена этой послѣдней, по указанію Военнаго Революціоннаго Центра, основанному на рекомендаціи Исполнительнаго Комитета.

6. Мѣстная Военная Центральная Группа слѣдитъ за направленіемъ и силой дѣятельности стоящихъ съ нею въ связи Военныхъ Революціонныхъ кружковъ, а также за соціально-революціонною дѣятельностью среди солдатъ, которая ведется при посредствѣ мѣстной центральной группы партіи Народной Воли.

7. Мѣстная Военная Центральная Группа изыскиваетъ мѣры къ зарожденію соціально-революціонной дѣятельности въ такихъ частяхъ войска, которыя еще не вошли въ организацію, но съ которыми имѣются частныя сношенія, напр., полки одной дивизіи.

8. Мѣстная Военная Центральная Группа пріобрѣтаетъ и распредѣляетъ между кружками нелегальную литературу, а также содѣйствуетъ образованію и развитію легальныхъ библіотекъ, предлагая кружкамъ каталоги и посредничество въ пріобрѣтеніи книгъ.

9. Военный революціонный кружокъ, служа кадромъ для формированія новыхъ кружковъ, ведетъ посредствомъ своихъ членовъ въ средѣ товарищей пропаганду, намѣчая при этомъ подходящія личности, которыя впослѣдствіи вводятся въ составъ кружка, или же, при помощи члена, выдѣленнаго изъ перваго кружка, формируются въ новый кружокъ.

10. Пропаганда ведется исключительно въ обществѣ офицеровъ. Она въ главномъ должна состоять: а) въ распространеніи и укрѣпленіи въ обществѣ обязанностей ихъ къ народу и убѣжденій въ настоятельнѣйшей необходимости демократическаго политическаго переворота, безъ чего немыслимо проведеніе въ жизнь соціалистическихъ идей и б) популяризаціи основныхъ принциповъ соціальнаго ученія.

11. Считая уровень интеллектуальнаго развитія русскихъ офицеровъ значительно ограниченнымъ, кружокъ прилагаетъ всѣ усилія къ поднятію этого уровня при посредствѣ улучшенія полковыхъ библіотекъ и образованія кружковъ саморазвитія среди офицеровъ, пріобрѣтенія лучшихъ сочиненій, не могущихъ быть вве-

денными въ полковыя библіотеки, въ собственность кружка, распространенія коллективной выписки журналовъ и т. п.

12. Члены кружка обязуются ежемѣсячными денежными взносами, размѣръ которыхъ зависитъ отъ доброй воли каждаго. Взносы эти необходимы: а) для сформированія соотвѣтствующей задачамъ кружка библіотеки (хотя бы для нѣсколькихъ кружковъ одной); б) на разъѣзды членовъ кружка по дѣламъ революціи и е) на поддержку вообще революціоннаго дѣла. Соотвѣтственно этому, часть денегъ хранится у одного изъ членовъ кружка, а другая часть отсылается въ Военный Революціонный Центръ.

13. Члены кружка должны быть обязательно самыми исполнительными по службѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться симпатіей товарищей и любовью и авторитетомъ между солдатами.

14. Для разрѣшенія внутреннихъ дѣлъ кружокъ устанавливаетъ періодическія собранія.

15. Всѣ внутреннія дѣла кружка рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ.

16. Кромѣ періодическихъ собраній могутъ быть случайныя, правомъ созыва которыхъ пользуется каждый членъ кружка.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ

ПРОКЛАМАЦІИ *)

ОТЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА

I

По постановленію Исполнительнаго Комитета, 5 февраля, въ 6 часовъ. 22 мин. вечера совершено новое покушеніе на жизнь Александра Вѣшателя посредствомъ взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ. Зарядъ былъ разсчитанъ вѣрно, но царь опоздалъ на этотъ разъ къ обѣду па полчаса, и взрывъ засталъ его на пути въ столовую. Такимъ образомъ, къ несчастью родины, царь уцѣлѣлъ. Съ глубокимъ прискорбіемъ смотримъ мы на погибель несчастныхъ солдатъ царскаго караула, этихъ подневольныхъ хранителей вѣнчаннаго злодѣя. Но... пока армія будетъ оплотомъ царскаго произвола, пока она не пойметъ, что въ вопросахъ родины ея священный долгъ стать за народъ противъ царя, — такія трагическія столкновенія неизбѣжны. Еще разъ напоминаемъ всей Россіи, что мы начали вооруженную борьбу, будучи вынуждены къ этому самимъ правительствомъ, его тираническимъ и насильственнымъ подавленіемъ всякой дѣятельности, направленной къ народному благу. Правительство само становится преградой на пути свободнаго развитія народной жизни. Оно само ставитъ каждаго чест-

*) Сюда входятъ, конечно, только тѣ прокламаціи, которыя не были напечатаны выше, входя въ составъ различныхъ нумеровъ „Народной Воли“. *Ред. Сборника.*

наго человѣка въ необходимость или отказаться отъ всякой мысли служить народу, или вступить въ борьбу на смерть съ представителями современнаго государства. Объявляемъ еще разъ Александру II, что эту борьбу мы будемъ вести до тѣхъ поръ, пока онъ не откажется отъ своей власти въ пользу народа, пока онъ не предоставитъ общественное переустройство всенародному учредительному собранію, составленному свободно, снабженному инструкціями отъ избирателей. А пока, первый шагъ въ дѣлѣ освобожденія родины по прежнему стоитъ задачей передъ нами и мы разрѣшимъ ее во что бы то ни стало. Призываемъ всѣхъ русскихъ гражданъ помочь намъ въ этой борьбѣ противъ безсмысленнаго и безчеловѣчнаго произвола, подъ давленіемъ котораго погибаютъ всѣ лучшія силы отечества.

II

Вечеромъ 5-го февраля, по распоряженію И. К., убитъ саратовскій мѣщанинъ Александръ Жарковъ за измѣну и предательство. Онъ виновенъ въ томъ, что выдалъ правительству нѣкоторыхъ лицъ партіи и типографію „Чернаго Передѣла".

Исполнительный Комитетъ. 1880 г. 7 февраля.

Летучая Типографія «Народной Воли».

ОТЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА

22-го февраля, въ 11 часовъ утра на Семеновскомъ плацу казненъ чрезъ повѣшеніе Ипполитъ Осиповичъ Млодецкій... Высшимъ судьей въ этомъ дѣлѣ явился Лорисъ-Меликовъ, скрѣпившій смертный приговоръ за безвредное покушеніе на его собственную особу. Таковъ нравственный обликъ этого диктатора-обновителя Россіи.

А на ряду съ нимъ Ипп. Млодецкій... Изъ за идеи онъ шелъ на вѣрную гибель, съ спокойной улыбкой принялъ терновый вѣнецъ. Грозенъ смертный часъ трусливому эгоисту, но непонятенъ страхъ убѣжденному человѣку! Тяжелъ

и медленъ путь на позорной колесницѣ... Холодомъ могилы вѣетъ отъ него. Но революціонеру чуждо сожалѣніе о ранней гибели своей. Съ любовью смотрѣлъ Ипполитъ Осиповичъ на народъ, и глубокая, пророческая вѣра въ близкое торжество свѣта и правды слышалась въ словахъ его, обращенныхъ къ толпѣ: „Я умираю за васъ!“ Погибла революціонная сила, но не безслѣдно: доблестный подвигъ твой послужитъ примѣромъ для многихъ и самая жестокость приговора ляжетъ позорнымъ клеймомъ на враговъ твоихъ!

По поводу самаго покушенія 20-го февраля Исполнительный Комитетъ считаетъ долгомъ заявить, что покушеніе это — единоличное, какъ по замыслу, такъ и по исполненію. Млодецкій дѣйствительно обращался къ И. К. съ предложеніемъ своихъ силъ на какое нибудь террористическое предпріятіе, но, не выждавъ двухъ-трехъ дней, совершилъ свое покушеніе не только безъ пособія, но даже безъ вѣдома Исп. Ком. Это обстоятельство, между прочимъ, отразилось и на технической сторонѣ предпріятія. И. К. безъ всякаго сомнѣнія изыскалъ бы болѣе вѣрныя средства совершенія казни Меликова, еслибы надъ нимъ состоялся смертный приговоръ.

Братья и товарищи по великому дѣлу освобожденія народа!

На свѣжей могилѣ безвременно погибшаго сомкнемся для дружнаго и цѣлесообразнаго веденія борьбы! Будемъ помнить, что цѣль наша — ниспроверженіе всей правительственной системы, что отдѣльныя политическія убійства постольку имѣютъ значеніе, по скольку ведутъ къ цѣли или являются осуществленіемъ революціонной справедливости; въ обоихъ случаяхъ желательно коллективное дѣйствіе и соглашеніе, обезпечивающее какъ успѣхъ дѣла, такъ и справедливостъ революціоннаго возмездія. Революціонная инициатива необходима. Честь и слава людямъ, которые своимъ примѣромъ выказываютъ ея возрастаніе въ Россіи. Но успѣхъ дѣла требуетъ единства; необходимо, чтобы отдѣльныя лица сплачивались въ крѣпкія группы, чтобы группы находились между собою въ соглашеніи и направляли дѣйствія по общему плану. Только тогда наши силы будутъ затрачиваться вполнѣ производительно и низверженіе ненавистнаго ига сдѣлается несомнѣннымъ.

Пусть же, братья и товарищи, въ нашихъ головахъ

мысль о дружномъ коллективномъ дѣйствіи живетъ отнынѣ такъ же крѣпко, какъ крѣпка въ сердцахъ ненависть къ народнымъ притѣснителямъ, готовность къ самопожертвованію, предпріимчивость и энергія!

Исполнительный Комитетъ, 23 февраля 1880 г.

Летучая типографія «Народной Воли».

ОТЪ РАБОЧИХЪ,

ЧЛЕНОВЪ ПАРТІИ НАРОДНОЙ ВОЛИ

Товарищи-рабочіе!

Каково наше положеніе, объ этомъ говорить много не приходится. Работаешь съ утра до ночи, обливаясь кровавымъ потомъ; жрешь хлѣбъ да воду, а придеть получка, — хоть бы что осталось въ рукахъ. Такъ было прежде; но теперь положеніе наше становится все хуже, все ужаснѣе! Почти на всѣхъ заводахъ и фабрикахъ идетъ разсчитываніе рабочихъ. Голодные, оборванные, цѣлыми толпами ходятъ они отъ завода къ заводу, *прося работы хоть изъ-за хлѣба.* А изъ деревни нужда гонитъ новыя толпы голодныхъ и оборванныхъ; продукты съ каждымъ днемъ дорожаютъ. Что-же ждетъ насъ впереди? И на кого намъ надѣяться?

Платишь разныя повинности, а правъ у тебя, какъ у собаки. Ужъ что, кажется, за начальство бударь, а и тотъ надъ тобою куражится, чуть-что въ зубы: „съ начальствомъ, молъ, не разговаривай". О крупномъ-то начальствѣ и говорить нечего; а про царя такъ и думать воспрещается.

По какому-жъ праву хозяйничаютъ эти проходимцы въ русской землѣ, держатъ народъ въ нищетѣ да невѣжествѣ? Кто далъ имъ право законы издавать, налоги назначать, солдатъ набирать? И куда идутъ кровныя трудовыя денежки изъ царевой казны?

Товарищи-рабочіе! пора взяться за умъ; пора призвать къ отвѣту своихъ притѣснителей, разорителей. Пора русскому народу взять управленіе дѣлами въ свои руки.

Такъ думаемъ мы, соціалисты-рабочіе, такъ думали наши

товарищи рабочіе: *Петръ Алексѣевъ*, *Филатъ Егоровъ*, *Малиновскій*, *Зарубаевъ* и многое множество другихъ, которыхъ правительство заморило по тюрьмамъ и на каторгѣ. Такъ думали мученики-рабочіе: братья Ивичевичи, Логовенко, Горскій, Бѣльчанскій, Ѳедоровъ и другіе, казненные по приказу царскому.

Но не страшила висѣлица смѣлыхъ народныхъ борцовъ; на мѣсто погибшихъ выступали новые и схватка становилась все жарче и жарче. Чѣмъ ближе подступали соціалисты къ корню зла, къ царю-измѣннику, тѣмъ больше героевъ высылала рабочая среда. Всѣ послѣднія покушенія совершены рукой крестьянской да мѣщанской! Сбылось предсказаніе Петра Алексѣева: поднялась мускулистая рука рабочаго и первые увѣсистые удары ея пришлись на голову первѣйшаго тирана. Это тебѣ, царь-батюшка, *цвѣтики*; погоди, колыхнется море народное, познаешь ты *ягодки*.

Изъ числа этихъ героевъ въ послѣднее время были осуждены на смерть пятеро: дворянинъ Александръ *Квятковскій*, мѣщанинъ Андрей *Прѣсняковъ*, крестьянинъ Степанъ *Ширяевъ*, мѣщанинъ Иванъ *Окладскій* и крестьянинъ Яковъ *Тихоновъ*.

Изъ нихъ двое: *Квятковскій* и *Прѣсняковъ*, 4-го ноября, въ 8 часовъ 10 минутъ утра, казнены смертью тайкомъ отъ народа, въ стѣнахъ крѣпости, остальные помилованы — заживо погребены въ одиночной тюрьмѣ.

Товарищи! неужели мы не отомстимъ за своихъ заступниковъ и борцовъ; неужели мы будемъ молчать передъ своими мучителями! Нѣтъ! Иначе кровь этихъ мучениковъ за народное счастіе и волю падетъ на наши головы!

5 ноября 1880 г.

Летучая типографія «Народной Воли.» 7 ноября 1880 г.

ОТЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА

Сегодня, 1-го марта 1881 года, согласно постановленію Исполнительнаго Комитета отъ 26-го августа 1879 года, приведена въ исполненіе казнь Александра II двумя аген-

тами Исполнительнаго Комитета. Имена этихъ мужественныхъ исполнителей революціоннаго правосудія Исполнительный Комитетъ пока не считаетъ возможнымъ опубликовать.

Два года усилій и тяжелыхъ жертвъ увѣнчались успѣхомъ. Отнынѣ вся Россія можетъ убѣдиться, что настойчивое и упорное веденіе борьбы способно сломить даже вѣковой деспотизмъ Романовыхъ. Исполнительный Комитетъ считаетъ необходимымъ снова напомнить во всеуслышаніе, что онъ неоднократно предостерегалъ нынѣ умершаго тирана, неоднократно увѣщевалъ его покончить свое человѣкоубійственное самоуправство и возвратить Россіи ея естественныя права. Всѣмъ извѣстно, что тиранъ не обратилъ вниманія на всѣ предостереженія, продолжая прежнюю политику. Онъ не могъ воздержаться даже отъ казней, такихъ возмутительно-несправедливыхъ, какъ казнь Квятковскаго. Репрессаліи — продолжаются. Исполнительный Комитетъ, все время не выпуская оружія изъ рукъ, постановилъ — привести казнь надъ деспотомъ въ исполненіе во что-бы то ни стало. 1-го марта это было исполнено. Обращаемся къ вновь воцарившемуся Александру III съ напоминаніемъ, что историческая справедливость существуетъ и для него, какъ для всѣхъ. Россія, истомленная голодомъ, измученная самоуправствомъ администраціи, постоянно теряющая силы сыновъ своихъ на висѣлицахъ, на каторгѣ, въ ссылкѣ, въ томительномъ бездѣйствіи, вынужденномъ существующимъ режимомъ, Россія *не можетъ жить такъ долѣе*. Она требуетъ простора, она должна возродиться, согласно своимъ потребностямъ, своимъ желаніямъ, своей волѣ. Напоминаемъ Александру III, что всякій насилователь Воли Народа есть народный врагъ... и тиранъ. Смерть Александра II показала, какого возмездія достойна такая роль. Исполнительный Комитетъ обращается къ мужеству и патріотизму русскихъ гражданъ съ просьбой о поддержкѣ, если Александръ III вынудитъ революціонеровъ вести борьбу съ нимъ. Только широкая энергичная самодѣятельность народа, только активная борьба всѣхъ честныхъ гражданъ противъ деспотизма можетъ вывести Россію на путь свободнаго и самостоятельнаго рязвитія.

Исполнительный Комитетъ. 1 марта 1881 г.

Типографія «Народной Воли». 2 марта 1881 г.

ОТЪ РАБОЧИХЪ,

ЧЛЕНОВЪ ПАРТІИ НАРОДНОЙ ВОЛИ

Русскій рабочій людъ!

Сего 1-го марта Александръ II, мучитель своего народа, убитъ нами, соціалистами. Объявляемъ объ этомъ всенародно. Онъ убитъ за то, что не заботился о своемъ народѣ, отяготилъ его невыносимыми податями, обдѣлилъ мужиковъ землей, отдалъ рабочаго на раззоренье всякому грабителю и міроѣду. Онъ не давалъ народу воли, не слушалъ слезныхъ мужицкихъ жалобъ; онъ защищалъ только однихъ богатыхъ, а самъ пировалъ и роскошествовалъ въ то время, когда народъ помираетъ съ голоду. Царскіе слуги, урядники, становые, полицейскіе раззоряли и грабили народъ, мучили и убивали крестьянъ, а царь за это награждалъ, а не наказывалъ ихъ. Мірскихъ людей, которые стоятъ за народъ и за правду, царь вѣшалъ и ссылалъ на каторгу да въ Сибирь. За все это онъ теперь убитъ. Царь долженъ быть пастыремъ добрымъ, душу свою за овцы полагающимъ; Александръ II былъ лютымъ волкомъ и страшная смерть покарала его. Русскіе рабочіе! Теперь вступаетъ на престолъ новый царь, Александръ III. Нужно, что бы онъ не пошелъ въ отца. Пусть онъ призоветъ народныхъ выборныхъ отъ всѣхъ деревень, заводовъ, фабрикъ, пусть узнаетъ мужицкое горе и нужду и впередъ царствуетъ по правдѣ. Пусть у него совѣтниками въ сенатѣ будутъ народные выборные. Тогда царь дастъ мужикамъ и землю, и подати уменьшитъ, и волю дастъ народу. Подавайте всѣ прошенія объ этомъ изъ городовъ, изъ деревень. Если же царь не послушаетъ народнаго голоса и начнетъ, какъ его батюшка, вѣшать да ссылать въ Сибирь всякаго, кто стоитъ за рабочихъ, тогда нужно и его смѣнить. Помните, братья, что покоряться мучителю — тяжкій грѣхъ, чрезъ это терпитъ горе весь народъ. Братья-рабочіе! довольно мучилась вся Русская земля. Настала пора, когда правда воцарится на землѣ. Нужно только, чтобы рабочій народъ дѣйствовалъ смѣло, какъ дѣйствовали Петръ Алексѣевъ, Прѣсняковъ, Тихоновъ, Ширяевъ, Окладскій. Всѣ эти наши братья-соціалисты — изъ крестьянъ и

мѣщанъ — не убоялись никакой муки, ни каторги, ни самой смерти, стоя за правду. Такъ и всѣ должны дѣлать и тогда все пойдетъ хорошо и не будетъ на Русской землѣ ни нищеты, ни слезнаго горя.

2 марта 1881 г.

Летучая типографія «Народной Воли». 3 марта 1881 г.

Честнымъ мірянамъ, православнымъ крестьянамъ и всему народу русскому

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Уже много лѣтъ терпитъ Народъ Русскій отъ малоземелья, голодовъ, тяжелыхъ податей, кривосудья и всякой неправды. Покойный царь Александръ Второй не заботился о своемъ народѣ, отяготилъ его невыносимыми податями, обдѣлилъ мужиковъ землей, отдалъ рабочаго на раззореніе всякому грабителю и міроѣду, не слушалъ слезныхъ мужицкихъ жалобъ. Онъ защищалъ только однихъ богатыхъ, а самъ пировалъ и роскошествовалъ, когда народъ помиралъ съ голоду. Онъ погубилъ сотни тысячъ народу на войнѣ, которую затѣвалъ безъ всякой надобности. Другіе народы онъ будто-бы защищалъ отъ турокъ, а свой народъ отдалъ на раззореніе урядникамъ, становымъ и полицейскимъ, которые хуже турокъ мучили и убивали крестьянъ. Мірскихъ людей, которые стоятъ за народъ и за правду, царь вѣшалъ и ссылалъ на каторгу да въ Сибирь. Мірскихъ ходоковъ къ себѣ не допускалъ и мірскихъ прошеній не принималъ. За все это страшная смерть покарала его. Великій грѣхъ на душѣ царя, когда онъ не заботится о своемъ народѣ. Великій грѣхъ и на его совѣтникахъ, министрахъ да сенаторахъ: окружили они царя и не допускаютъ до него мужицкихъ слезъ. Нынѣ вступаетъ на престолъ новый царь Александръ Третій. Онъ долженъ загладить грѣхъ отца своего и облегчить несносную народную тяготу. Православные крестьяне! Подавайте всѣмъ міромъ Государю прошенія, посылайте къ нему ходоковъ, откройте Государю, какъ на Руси мужикъ мается,

хуже чѣмъ въ татарской неволѣ. Собирайтесь всѣмъ міромъ и пишите прошенія. Прошенія такія:

1) Пусть Государь прикажетъ новую нарѣзку земли безъ всякаго выкупа.

2) Пусть уменьшитъ подати.

3) Пусть въ мірскія дѣла не вступаются ни чиновники, ни полиція.

4) Пусть Государь призоветъ въ Сенатъ для совѣта и указанія выборныхъ мірскихъ людей отъ деревень и отъ всего народа, чтобы впредь царскими совѣтниками были не господа, а крестьяне; и пусть безъ совѣта этихъ выборныхъ царь ничего не дѣлаетъ, ни податей не назначаетъ, не ведетъ войнъ.

Православные! Когда царь уважитъ эти ваши прошенія, возсіяетъ правда на землѣ, исчезнетъ кривда и горе.

Сіе объявленіе читать всѣмъ міромъ на сходахъ и препятствія сему отнюдь не чинить. Рѣшеніе же мірское посылать съ надежнымъ человѣкомъ на имя Государя Императора въ Санктъ-Петербургъ.

Дано въ С.-Петербургѣ, марта 2-го дня 1881 года.

Комитетъ Народной Воли.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ

ЕВРОПЕЙСКОМУ ОБЩЕСТВУ

1-го марта совершена была, по постановленію Исполнительнаго Комитета русской соціально-революціонной партіи, казнь надъ русскимъ императоромъ Александромъ II.

Долгіе годы тираническаго правленія завершились достойной карой. Исполнительный Комитетъ, отстаивающій права личности и права русскаго народа, обращается къ общественному мнѣнію Западной Европы съ разъясненіемъ по поводу совершившагося событія. Проникнутая идеалами человѣчности и правды, русская революціонная партія долгіе годы стояла на почвѣ мирной пропаганды своихъ убѣжденій; ея дѣятельность не выходила изъ границъ, допускаемыхъ для частной и общественной дѣятельности во всѣхъ безъ исключенія государствахъ Европы. Поставивъ себѣ

первой обязанностью трудъ вмѣстѣ съ русскимъ рабочимъ и крестьяниномъ, развитіе сознанія и подъемъ экономическаго благосостоянія русскаго народа, русская революціонная партія закрывала глаза на политическій гнетъ и безправіе, царившее въ ея родной странѣ, и окончательно игнорировала политическія формы, политическій вопросъ. Русское правительство отвѣтило на такого рода дѣятельность страшными гоненіями. Не отдѣльныя личности, не десятки и сотни, а тысячи лицъ замучены въ тюрьмахъ, ссылкѣ и каторгѣ, тысячи семей подвергнуты раззоренію и брошены въ омутъ безъисходнаго горя. Параллельно съ этимъ, русское правительство размножило, усилило до невѣроятныхъ размѣровъ бюрократію и рядомъ мѣръ, направленныхъ противъ народа, дало широкое развитіе плутократіи. Народное обнищаніе, голодъ, развращеніе народа примѣрами легкой наживы и измѣненіе этимъ путемъ народнаго міровоззрѣнія, основаннаго на трудѣ, на эгоистически стяжательное міровоззрѣніе плутократіи — все это вмѣстѣ съ страшнымъ притѣсненіемъ народнаго духа было результатомъ политики правительства. Вездѣ во всѣхъ странахъ гибнутъ личности, но нигдѣ онѣ не гибнутъ по такимъ ничтожнымъ поводамъ, какъ въ Россіи, вездѣ интересы народа принесены въ жертву господствующимъ классамъ, но нигдѣ эти интересы не попираются съ такою жестокостью и цинизмомъ, какъ въ нашей странѣ. Гонимая, подвергнутая травлѣ, поставленная при существующихъ условіяхъ въ невозможность проводить свои идеи — революціонная партія медленно повернула на путь активной борьбы съ правительствомъ, ограничившись сначала отраженіемъ съ оружіемъ въ рукахъ нападенія правительственныхъ агентовъ. Правительство отвѣтило на это казнями. Жить стало невозможно. Пришлось выбирать между гибелью нравственной или физической. Пренебрегая постыднымъ существованіемъ рабовъ, русская революціонная партія рѣшилась или погибнуть, или сломить вѣковой деспотизмъ, задушающій русскую жизнь. Въ сознаніи правоты и величія своего дѣла, въ сознаніи вреда системы россійскаго самодержавія, — не только для русскаго народа, но и для всего человѣчества, надъ которымъ эта система виситъ угрозою истребленія всѣхъ правъ, вольностей и пріобрѣтеній цивилизаціи,—русская соціально-революціонная партія приступила къ орга-

низаціи борьбы съ основами деспотическаго строя. Катастрофа съ Александромъ II есть одинъ изъ эпизодовъ этой борьбы. Исполнительный Комитетъ не сомнѣвается, что мыслящіе и честные элементы западно-европейскаго общества понимаютъ все значеніе этой борьбы и не отнесутся съ осужденіемъ къ той формѣ, въ какой она ведется, такъ какъ эта форма была вызвана безчеловѣчіемъ русскихъ властей, такъ какъ другого исхода, кромѣ кровавой борьбы, нѣтъ для русскаго человѣка.

Исполнительный Комитетъ. 8 марта 1881 г.

Типографія «Народной Воли». 8 марта 1881 г.

ПИСЬМО ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА КЪ АЛЕКСАНДРУ III

Ваше Величество!

Вполнѣ понимая то тягостное настроеніе, которое Вы испытываете въ настоящія минуты, Исполнительный Комитетъ не считаетъ однако себя въ правѣ поддаваться чувству естественной деликатности, требующей, можетъ быть, для нижеслѣдующаго объясненія выждать нѣкоторое время. Есть нѣчто высшее, чѣмъ самыя законныя чувства человѣка: это долгъ передъ родной страной, долгъ, которому гражданинъ принужденъ жертвовать и собой, и своими чувствами, и даже чувствами другихъ людей. Повинуясь этой всесильной обязанности, мы рѣшаемся обратиться къ Вамъ немедленно, ничего не выжидая, такъ какъ не ждетъ тотъ историческій процессъ, который грозитъ намъ въ будущемъ рѣками крови и самыми тяжелыми потрясеніями.

Кровавая трагедія, разыгравшаяся на Екатерининскомъ каналѣ, не была случайностью и ни для кого не была неожиданной. Послѣ всего происшедшаго втеченіе послѣдняго десятилѣтія, она являлась совершенно неизбѣжной, и въ этомъ ея глубокій смыслъ, который обязанъ понять человѣкъ, поставленный судьбою во главѣ правительственной власти. Объяснять подобные факты злоумышленіемъ отдѣльныхъ лич-

ностей или хотя бы „шайки“ — может только человѣкъ совершенно неспособный анализировать жизнь народовъ. Въ теченіе цѣлыхъ 10 лѣтъ мы видимъ, какъ у насъ, несмотря на самыя строгія преслѣдованія, несмотря на то, что правительство покойнаго Императора жертвовало всѣмъ — свободой, интересами всѣхъ классовъ, интересами промышленности и даже собственнымъ достоинствомъ — безусловно всѣмъ жертвовало для подавленія революціоннаго движенія, оно всетаки упорно разросталось, привлекая къ себѣ лучшіе элементы страны, самыхъ энергичныхъ и самоотверженныхъ людей Россіи, и вотъ уже три года вступило въ отчаянную, партизанскую войну съ правительствомъ. Вы знаете, Ваше Величество, что правительство покойнаго Императора нельзя обвинять въ недостаткѣ энергіи. У насъ вѣшали праваго и виноватаго, тюрьмы и отдаленныя губерніи переполнялись ссыльными. Цѣлые десятки такъ называемыхъ „вожаковъ“ переловлены, перевѣшаны: они гибли съ мужествомъ и спокойствіемъ мучениковъ, но движеніе не прекращалось, оно безостановочно росло и крѣпло. Да, Ваше Величество, революціонное движеніе не такое дѣло, которое зависитъ отъ отдѣльныхъ личностей. Это процессъ народнаго организма, и висѣлицы, воздвигаемыя для наиболѣе энергичныхъ выразителей этого процесса, такъ же безсильны спасти отживающій порядокъ, какъ крестная смерть Спасителя не спасла развратившійся античный міръ отъ торжества реформирующаго христіанства.

Правительство, конечно, можетъ еще переловить и перевѣшать многое множество отдѣльныхъ личностей. Оно можетъ разрушить множество отдѣльныхъ революціонныхъ группъ. Допустимъ, что оно разрушитъ даже самыя серьезныя изъ существующихъ революціонныхъ организацій. Но вѣдь все это нисколько не измѣнитъ положенія вещей. Революціонеровъ создаютъ обстоятельства, всеобщее неудовольствіе народа, стремленіе Россіи къ новымъ общественнымъ формамъ. Весь народъ истребить нельзя, нельзя и уничтожить его недовольство посредствомъ репрессалій: неудовольствіе, напротивъ, растетъ отъ этого. Поэтому на смѣну истребляемыхъ постоянно выдвигаются изъ народа все въ большемъ количествѣ новыя личности, еще болѣе озлобленныя, еще болѣе энергичныя. Эти личности, въ интересахъ борьбы, разумѣется, организуются, имѣя уже гото-

вый опытъ своихъ предшественниковъ; поэтому революціонная организація съ теченіемъ времени должна усиливаться и количественно, и качественно. Это мы видимъ въ дѣйствительности за послѣднія 10 лѣтъ. Какую пользу принесла гибель Долгушинцевъ, Чайковцевъ, дѣятелей 74-го года? На смѣну ихъ выступили гораздо болѣе рѣшительные *народники*. Страшныя правительственныя репрессаліи вызвали затѣмъ на сцену террористовъ 78—79 гг. Напрасно правительство истребляло Ковальскихъ, Дубровиныхъ, Осинскихъ, Лизогубовъ. Напрасно оно разрушало десятки революціонныхъ кружковъ. Изъ этихъ несовершенныхъ организацій, путемъ естественнаго подбора, вырабатываются только болѣе крѣпкія формы. Появляется, наконецъ, Исполнительный Комитетъ, съ которымъ правительство до сихъ поръ не въ состояніи справиться.

Окидывая безпристрастнымъ взглядомъ пережитое нами тяжелое десятилѣтіе, можно безошибочно предсказать дальнѣйшій ходъ движенія, если только политика правительства не измѣнится. Движеніе должно расти, увеличиваться, факты террористическаго характера повторяться все болѣе обостренно; революціонная организація будетъ выдвигать на мѣсто истребляемыхъ группъ все болѣе и болѣе совершенныя, крѣпкія формы. Общее количество недовольныхъ въ странѣ между тѣмъ увеличивается; довѣріе къ правительству въ народѣ должно все болѣе падать, мысль о революціи, о ея возможности и неизбѣжности — все прочнѣе будетъ развиваться въ Россіи. Страшный взрывъ, кровавая перетасовка, судорожное революціонное потрясеніе всей Россіи завершитъ этотъ процессъ разрушенія стараго порядка.

Чѣмъ вызывается, обусловливается эта страшная перспектива? Да, Ваше Величество, страшная и печальная. Не примите это за фразу. Мы лучше, чѣмъ кто либо другой, понимаемъ, какъ печальна гибель столькихъ талантовъ, такой энергіи — на дѣлѣ разрушенія, въ кровавыхъ схваткахъ, въ то время, когда эти силы при другихъ условіяхъ могли бы быть потрачены непосредственно на созидательную работу, на развитіе народа, его ума, благосостоянія, его гражданскаго общежитія. Отчего же происходитъ эта печальная необходимость кровавой борьбы?

Оттого, Ваше Величество, что теперь у насъ настоящаго правительства, въ истинномъ его смыслѣ, не суще-

ствуетъ. Правительство, по самому своему принципу, должно только *выражать народныя стремленія*, только *осуществлять Народную Волю*. Между тѣмъ у насъ — извините за выраженіе — правительство выродилось въ чистую камарилью и заслуживаетъ названія узурпаторской шайки гораздо болѣе, чѣмъ Исполнительный Комитетъ.

Каковы бы ни были намѣренія государя, *но дѣйствія* правительства не имѣютъ ничего общаго съ народной пользой и стремленіями. Императорское правительство подчинило народъ крѣпостному праву, отдало массы во власть дворянству; въ настоящее время оно открыто создаетъ самый вредный классъ спекулянтовъ и барышниковъ. Всѣ реформы его приводятъ лишь къ тому, что народъ впадаетъ все въ большее рабство, все болѣе эксплуатируется. Оно довело Россію до того, что въ настоящее время народныя массы находятся въ состояніи полной нищеты и раззоренія, не свободны отъ самаго обиднаго надзора даже у своего домашняго очага, не властны даже въ своихъ мірскихъ, общественныхъ дѣлахъ. Покровительствомъ закона и правительства пользуется только хищникъ, эксплуататоръ; самыя возмутительныя грабежи остаются безъ наказанія. Но зато какая страшная судьба ждетъ человѣка, искренно помышляющаго объ общей пользѣ. Вы знаете хорошо, Ваше Величество, что не однихъ соціалистовъ ссылаютъ и преслѣдуютъ. Что же такое — правительство, охраняющее подобный „порядокъ"? Неужели это не шайка, неужели это не проявленіе полной узурпаціи?

Вотъ почему русское правительство не имѣетъ никакого нравственнаго вліянія, никакой опоры въ народѣ; вотъ почему Россія порождаетъ столько революціонеровъ; вотъ почему даже такой фактъ, какъ цареубійство, вызываетъ въ огромной части населенія — радость и сочувствіе! Да, Ваше Величество, не обманывайте себя отзывами льстецовъ и прислужниковъ. Цареубійство въ Россіи очень популярно.

Изъ такого положенія можетъ быть два выхода: или революція, совершенно неизбѣжная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или — добровольное обращеніе Верховной Власти къ народу. Въ интересахъ родной страны, во избѣжаніе напрасной гибели силъ, во избѣжаніе тѣхъ страшныхъ бѣдствій, которыя всегда сопровождаютъ рево-

люцію, Исполнительный Комитетъ обращается къ Вашему Величеству съ совѣтомъ избрать второй путь. Вѣрьте, что какъ только Верховная Власть перестанетъ быть произвольной, какъ только она твердо рѣшится осуществлять лишь требованія народнаго сознанія и совѣсти, — Вы можете смѣло прогнать позорящихъ правительство шпіоновъ, отослать конвойныхъ въ казармы и сжечь развращающія народъ висѣлицы. Исполнительный Комитетъ самъ прекратитъ свою дѣятельность, и организованныя около него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работѣ на благо родного народа. Мирная, идейная борьба смѣнитъ насиліе, которое противно намъ болѣе, чѣмъ Вашимъ слугамъ, и которое практикуется нами только изъ печальной необходимости.

Мы обращаемся къ Вамъ, отбросивши всякія предубѣжденія, подавивши то недовѣріе, которое создала вѣковая дѣятельность правительства. Мы забываемъ, что Вы представитель той власти, которая столько обманывала народъ, сдѣлала ему столько зла. Обращаемся къ Вамъ, какъ гражданину и честному человѣку. Надѣемся, что чувство личнаго озлобленія не заглушитъ въ Васъ сознанія своихъ обязанностей и желанія знать истину. Озлобленіе можетъ быть и у насъ. Вы потеряли отца. Мы теряли не только отцовъ, но еще братьевъ, женъ, дѣтей, лучшихъ друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требуетъ благо Россіи. Ждемъ того же и отъ Васъ.

Мы не ставимъ Вамъ условій. Пусть не шокируетъ Васъ наше предложеніе. Условія, которыя необходимы для того, чтобы революціонное движеніе замѣнилось мирной работой, созданы не нами, а исторіей. Мы не ставимъ, а только напоминаемъ ихъ.

Этихъ условій, по нашему мнѣнію, два:

1) Общая амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ прошлаго времени, такъ какъ это были не преступленія, но исполненіе гражданскаго долга.

2) Созывъ представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями.

Считаемъ необходимымъ напомнить однако, что легализація Верховной Власти народнымъ представительствомъ

можетъ быть достигнута лишь тогда, если выборы будутъ произведены совершенно свободно. Поэтому выборы должны быть произведены при слѣдующей обстановкѣ.

1) Депутаты посылаются отъ всѣхъ классовъ и сословій безразлично, и пропорціонально числу жителей;

2) никакихъ ограниченій ни для избирателей, ни для депутатовъ не должно быть;

3) избирательная агитація и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно въ видѣ временной мѣры, впредь до рѣшенія народнаго собранія, допустить:

а) полную свободу печати,

б) полную свободу слова,

в) полную свободу сходокъ,

г) полную свободу избирательныхъ программъ.

Вотъ единственное средство къ возвращенію Россіи на путь правильнаго и мирнаго развитія. Заявляемъ торжественно, предъ лицомъ родной страны и всего міра, что наша партія съ своей стороны безусловно подчинится рѣшенію Народнаго Собранія, избраннаго при соблюденіи вышеизложенныхъ условій, и не позволитъ себѣ впредь никакого насильственнаго противодѣйствія правительству, санкціонированному Народнымъ Собраніемъ.

Итакъ, Ваше Величество, — рѣшайте. Передъ Вами два пути. Отъ Васъ зависитъ выборъ. Мы же затѣмъ можемъ только просить судьбу, чтобы Вашъ разумъ и совѣсть подсказали Вамъ рѣшеніе, единственно сообразное съ благомъ Россіи, съ Вашимъ собственнымъ достоинствомъ и обязанностями передъ родною страной.

Исполнительный Комитетъ.

10 марта 1881 г.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ
ОФИЦЕРАМЪ РУССКОЙ АРМІИ

Великіе историческіе моменты, подобные переживаемому нами, всегда съ особенной силой ставятъ передъ каждымъ честнымъ человѣкомъ вопросъ: для чего онъ существуетъ на свѣтѣ и чему онъ служитъ. Въ эти моменты не можетъ

быть политически нейтральнаго человѣка, ибо само бездѣйствіе уже составляеть помощь либо той, либо другой сторонѣ. Въ эти моменты нельзя убаюкивать себя исполненіемъ служебнаго долга, ибо возникаетъ вопросъ, въ чемъ же состоитъ самый служебный долгъ. Эти вопросы, обязательно являющіеся у каждаго честнаго человѣка, полны еще болѣе глубокаго значенія для васъ, офицеры русской арміи.

Предъ вами ихъ ставитъ вашъ исконный девизъ, завѣщанный вамъ столѣтіями геройскаго служенія родинѣ. Этотъ девизъ „слава и честь!“ Славу и честь русской арміи вы приняли въ наслѣдство отъ своихъ предшественниковъ и должны не запятнанными сдать въ руки потомкамъ. Можете ли вы, стало-быть, не думать о томъ, чего требуетъ въ настоящее время отъ офицера его честь и къ чему призываетъ его слава? Составляютъ-ли славу арміи охраненіе одряхлѣвшаго деспотизма, разоряющаго страну, развращающаго народъ и постепенно низводящаго Россію въ разрядъ второстепенныхъ державъ? Сохраняется-ли честь арміи проливаніемъ крови своихъ согражданъ, возставшихъ противъ деспота за свободу и народныя права?

Дозволительно-ли офицеру быть простымъ насильникомъ, готовымъ за деньги поднимать оружіе противъ собственной родины, или же честь и слава ставятъ передъ нимъ святыя обязанности гражданина? Вотъ вопросы, которые сами встаютъ передъ вами, и вы обязаны рѣшить ихъ.

Вы обязаны рѣшить ихъ еще и потому, что армія фактически не можетъ оставаться нейтральною во время революціи. Правительство пошлетъ васъ на усмиреніе возстанія, ваши возставшіе сограждане со своей стороны потребуютъ помощи у васъ, какъ у представителей народной обороны, обязанныхъ защищать родину отъ враговъ ея. Вы должны будете стать на ту или другую сторону. Для васъ нѣтъ другого выбора, какъ быть съ народомъ, или противъ народа. Нейтралитетъ, еще возможный для какого-нибудь малодушнаго гражданина, совершенно немыслимъ для солдата.

Вы понимаете это. Вы понимаете какую серьезную отвѣтственность возлагаетъ на васъ ваше положеніе. Поэтому мы обращаемся къ вамъ съ глубокимъ убѣжденіемъ

въ томъ, что будемъ выслушаны съ полнымъ вниманіемъ и добросовѣстностью. Дѣло васъ касается слишкомъ близко.

Русскій государственный строй, проникнутый духомъ эксплуатаціи и деспотизма, построенный на ограбленіи народа, на всеобщемъ невѣжествѣ и рабствѣ, — все болѣе и болѣе приближается къ роковой для себя развязкѣ. Экономическія силы страны оказываются окончательно подорванными. Народное сознаніе и нравственное чувство отказываются выносить по все развращающей и отупляющей системы. Всеобщее убѣжденіе требуетъ радикальной реформы; ряды рѣшительныхъ революціонеровъ растутъ; народныя массы, потерявъ всякое терпѣніе, начинаютъ волноваться, и эти волненія принимаютъ все болѣе угрожающій характеръ. Вся Россія понимаетъ эти грозные признаки, понимаетъ, что только быстрая и радикальная реформа можетъ избавить страну отъ необходимости спасать себя посредствомъ революціи. Одно правительство не понимаетъ этого. Оно одно не хочетъ или не можетъ отрѣшиться отъ своей эксплуататорской роли, и въ то время, когда среди всѣхъ сословій обнаруживается готовность поступиться для блага родины своими интересами, — одно правительство продолжаетъ упорно отстаивать свои возмутительныя привиллегіи и манифестомъ Александра III спѣшитъ заявить всему міру, что Русскій народъ остается навсегда рабомъ правительства, его рабочимъ и вьючнымъ скотомъ.....

Изъ такого положенія есть только одинъ выходъ. Россія не можетъ безконечно влачить свое жалкое, позорное существованіе, въ концѣ котораго виднѣется полное истощеніе и смерть. Нѣтъ! Не погибнетъ великій народъ! Погибнетъ только его жалкое правительство. Могучее дуновеніе революціонной грозы сметнетъ съ нашей родины эту кучку паразитовъ и призоветъ Россію къ новой счастливой жизни. И недалеко уже это время, недалеко общее возстаніе угнетеннаго народа. Офицеры русской арміи! Въ виду великихъ событій грядущаго, предъ вами только два пути. Вы можете быть или освободителями народа, или его палачами. Иного выхода нѣтъ и быть не можетъ. Пусть же всякій русскій офицеръ вспомнитъ свой исконный девизъ — „слава и честь,“ пусть спѣшитъ стать въ ряды геройскихъ освободителей народа и выполнитъ свой долгъ солдата-гражданина!

А тѣ, кто медлитъ и колеблется, пусть вспомнятъ, какая грязная дорога предстоитъ имъ на службѣ тираніи, какія гнусныя обязанности возложитъ на нихъ царь, какъ возлагаетъ уже и теперь. Они должны будутъ заглушить въ себѣ упреки совѣсти, оплевать свое человѣческое достоинство, должны стать слѣпыми орудіями продажной полиціи, избивать народъ по первому знаку какого-нибудь грабителя-исправника, должны будутъ наполнять тюрьмы бойцами за народныя права и заглушать грубой силой каждый честный голосъ, каждую независимую мысль.

Нѣтъ, мы глубоко вѣримъ, что масса русскаго офицерства отвернется съ презрѣніемъ отъ такой роли и въ спорѣ деспота съ народомъ станетъ открыто на сторону послѣдняго, подъ знамена свободы и равенства.

Дубровинъ, съ энтузіазмомъ идя на эшафотъ, показалъ Россіи, какъ геройски умѣетъ умирать русскій офицеръ за идею. То же мужество, та же энергія, прославившія русскую армію, помогутъ ей и въ работѣ, подготовляющей успѣхи народнаго освобожденія. Не обнаруживая преждевременно своихъ силъ, не показывая шпіонамъ святыню своихъ убѣжденій, вы явитесь въ рѣшительный моментъ и выбьете оружіе изъ рукъ тирана. Революціонное движеніе распространяется въ казармахъ съ быстротой, превосходящей всякія ожиданія, и при такомъ возбужденіи солдатъ, каждый офицеръ явится на службу народу не одинъ, а во главѣ цѣлыхъ ротъ и эскадроновъ.

Русскіе офицеры! Скоро наступаетъ моментъ открытой борьбы съ тираніей. Тогда — впередъ способнѣйшій и достойнѣйшій! Подавая ему славное народное знамя, отечество скажетъ: „Генералъ-гражданинъ, тебѣ ввѣряется участь тысячъ людей и интересы дѣла свободы, самаго святаго и великаго изо всѣхъ земныхъ дѣлъ. Возставшій народъ не можетъ проигрывать сраженій. Кто не умѣетъ вести гражданъ къ побѣдѣ, тотъ недостоинъ быть вождемъ революціонной арміи.“ И найдутся, конечно, наши русскіе Морсо, которые будутъ разбивать въ пухъ и прахъ царскихъ генераловъ, явятся русскіе Гоши изъ простыхъ поручиковъ, которые разгромятъ ренегатовъ Тотлебеновъ.

Русскому народу, освобожденному отъ царскаго гнета, избавленному отъ барышниковъ, предстоитъ великая роль въ исторіи. Борьба гигантская, ужасающая между револю-

ціей и дряхлыми, отжившими свой вѣкъ учрежденіями охватитъ скоро весь континентъ Европы. Въ это время народные легіоны получатъ громадное, міровое значеніе. Они положатъ основаніе новой цивилизаціи, въ которой свобода, равенство и братство не будутъ уже простымъ звукомъ, а перейдутъ въ самую жизнь. Но эти славныя дѣянія совершатъ народные легіоны, а не царскіе преторіанцы. Только не запятнанныя руки воина-гражданина въ состояніи писать исторію будущаго своими подвигами, а не руки наемника, облитыя кровью сограждан̆ъ. И только народному легіону соотвѣтствуетъ возвышенный девизъ: „слава и честь!“

Офицеры русской арміи, скоро наступитъ рѣшительный часъ. Предъ вами только два пути. Вы можете стать освободителями своего народа или же его палачами. Кто не за насъ, тотъ противъ насъ.

Исполнительный Комитетъ. 24 августа 1881 г.

Типографія „Народной Воли“. 26 августа 1881 г.

РУССКОМУ РАБОЧЕМУ НАРОДУ

Русскій рабочій народъ! Справедливость и всенародная польза требуютъ, чтобы трудящійся человѣкъ былъ обезпеченъ въ своей жизни. Справедливость требуетъ также, чтобы трудящійся человѣкъ былъ у всѣхъ въ уваженіи. Тотъ, кто не трудится, кто живетъ на чужой счетъ, достоинъ напротивъ всякаго презрѣнія.

Между тѣмъ у насъ, на Руси, дѣло выходитъ какъ разъ наоборотъ. Рабочій трудится съ утра до ночи, и не имѣетъ ровно ничего, а подчасъ и голодомъ насидится. Куда ни посмотри, все сдѣлано крѣпкими руками рабочихъ. Поле вспахано, засѣяно, сжато, — все крестьянинъ старался; дороги желѣзныя выстроены — опять мужикомъ; домъ многоэтажный — опять рабочимъ выведенъ; всякій товаръ, всякая матерія, всякій инструментъ, и все, что только есть на свѣтѣ — все рабочимъ сдѣлано. А, между тѣмъ, кто ѣстъ бѣлый хлѣбъ и лучшее кушанье? Кто живетъ въ разукрашенныхъ хоромахъ? Кто наряжается въ лучшую одежду? Всѣмъ пользуются господа дворяне, господа купцы,

господа фабриканты. Только вы, рабочіе, вы ничего не имѣете. Вы должны жить въ дрянной избушкѣ, или въ фабричныхъ казармахъ, или въ подвалахъ, въ грязи, сырости и холодѣ. Вы должны одѣваться чуть не въ лохмотья. Ваши жены и дѣти ходятъ въ рубищахъ. Вы принуждены питаться тухлятиной, а подчасъ и вовсе не знаете, какъ прокормиться.

Но этого мало. Передъ вами же всякій еще носъ деретъ. Всякій проходимецъ, живущій на вашъ счетъ, передъ вами же форсъ показываетъ. Васъ ругаетъ фабрикантъ, хозяинъ, мастеръ, васъ колотитъ и тащитъ за всякую мелочь въ участокъ городовой. Всякій мелкій чиновникъ, всякій купчишка, всякій завалящій баринокъ считаетъ себя передъ рабочимъ важной персоной. А вѣдь не будь рабочаго, всѣ бы они съ голоду подохли, съ морозу поколѣли!

Итакъ, рабочіе, вы производите всѣ богатства на свѣтѣ, и сами живете безъ копѣйки за душой. Вашимъ трудомъ держится и царь, и чиновникъ, и купецъ съ бариномъ, и они же васъ презираютъ. Неужели это справедливо, неужели такой порядокъ вѣкъ стоять будетъ?

Русскіе рабочіе! Все зло происходитъ отъ того, что правительство наше никуда негодится. Правительство должно заботиться о народѣ, не допускать никакой несправедливости, не давать въ обиду слабаго и бѣднаго, не давать воли мошенникамъ. А у насъ правительство только тѣмъ и занимается, что вмѣстѣ съ господами грабитъ народъ. Податей да налоговъ собираетъ оно съ народа 700 милліоновъ рублей каждый годъ. А какая съ него польза? на грошъ нѣтъ.

Справедливость требуетъ, чтобъ трудящійся пользовался своимъ трудомъ. Потому правительство должно сдѣлать такъ, чтобы тунеядцы не заѣдали чужаго труда Кому, напр., нуженъ помѣщикъ? Самъ ничего не работаетъ, а съ мужиковъ неизвѣстно за что деньги беретъ. Точно также и фабрикантъ: рабочіе трудятся, а онъ денежки загребаетъ. Какъ же помочь этому дѣлу? Нужно, чтобы земля вся была мірская, крестьянская. Нужно, чтобы фабрики и заводы также принадлежали тѣмъ, кто на нихъ работаетъ. Все это должно бы устроить правительство. Но оно ничего не дѣлаетъ, и всѣ денежки, что съ народа собираетъ, уходятъ на войско, на полицію, да на чиновниковъ. А войско, полиція и чиновники только тѣмъ занимаются, что мужика

и рабочаго усмиряютъ и подводятъ подъ власть господамъ да кулакамъ.

Русскіе рабочіе! Всѣ эти порядки должны быть измѣнены. Мы, соціалисты, этого именно и хотимъ. Мы хотимъ, чтобы земля принадлежала крестьянамъ, фабрики и заводы — рабочимъ. Мы хотимъ, чтобы правительство заботилось о народѣ, а не о господахъ. За все это царь и господа называютъ насъ злодѣями и вѣшаютъ. Мы же не злодѣи, а хотимъ только искоренить злодѣевъ.

Такъ какъ мы видимъ, что правительство о народѣ заботиться не хочетъ, а стоитъ за богачей да господъ, то нельзя иначе помочь народу, какъ бунтомъ. Ничего нельзя иначе сдѣлать. Мы рѣшили поэтому поднять бунтъ по всей Россіи и теперешнее правительство низвергнуть, а на мѣсто его устроить другое, изъ выборныхъ отъ крестьянъ, отъ рабочихъ, отъ всего народа. И новое правительство должно будетъ сейчасъ принять мѣры, чтобы надѣлить крестьянъ землей, а фабрики и заводы отдать рабочимъ артелямъ.

Для того чтобы устроить возстаніе по всей Россіи, чтобы все было обдѣлано толково — у насъ назначенъ особый *Исполнительный Комитетъ*, который этимъ дѣломъ завѣдуетъ. Объявляемъ вамъ объ этомъ, чтобы вы знали, какъ мы намѣрены дѣйствовать.

Русскіе рабочіе! Между вами есть много людей, понимающихъ и свѣдущихъ, которые хорошо знаютъ, что мы стараемся не для себя, а для правды, для пользы народа. Многіе между вами знаютъ соціалистовъ. Распросите товарищей, и они вамъ скажутъ, что мы говоримъ правду. Не мало рабочихъ есть между нами. Тимофей Михайловъ, котораго повѣсили за цареубійство, былъ рабочій. Прѣсняковъ, тоже повѣшенный по царскому приказу, опять былъ рабочій. Желябовъ, который 1-го марта все дѣло устроилъ, былъ симферопольскій крестьянинъ; Ширяевъ, который взорвалъ въ Москвѣ царскій поѣздъ, тоже крестьянинъ. Крестьянинъ же взорвалъ дворецъ царскій. Множество другихъ рабочихъ и крестьянъ помогали намъ и были нашими братьями, друзьями и товарищами, какъ Тихоновъ, Окладскій, Петръ Алексѣевъ, Малиновскій и другіе. Всѣ они соединились съ нами именно потому, что мы стоимъ за народъ и за правду, а на царя пошли за то, что онъ

измѣнникъ, и думаетъ только о господахъ да богачахъ. — А потому, рабочіе, знайте: какъ только мы начнемъ бунтъ, идите къ намъ на помощь. Исполнительный Комитетъ извѣститъ васъ заранѣе, а вы будьте наготовѣ. Сговаривайтесь между собою. Соединяйтесь въ дружные кружки; запасайтесь оружіемъ. Разъясняйте своимъ товарищамъ и деревенскимъ роднымъ, что бунтъ будетъ на пользу народа. Разъясняйте всѣмъ, чтобы тогда всѣ рабочіе, всѣ крестьяне поднимались какъ одинъ человѣкъ, потому, что если вы пропустите этотъ случай, если, чего боже избави, царь побьетъ нашу силу, часъ народнаго освобожденія ужъ нескоро наступитъ. Теперь царь, господа да кулаки все-таки немного опасаются. А ужъ если насъ разгромятъ, то рабочему будетъ хуже, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ.

Русскіе рабочіе, братья и други, помните наши слова крѣпко. Готовьтесь къ великому дѣлу, и когда мы пойдемъ на смертный бой противъ злодѣевъ народныхъ, подымайтесь намъ на помощь, всякъ кто можетъ и чѣмъ можетъ. Не робѣйте только, да не вѣрьте ни одному слову начальства, потому что оно вамъ тогда будетъ сулить горы золотыя, лишь бы вы смирно сидѣли. Не вѣрьте, братья, и идите на враговъ съ чистымъ сердцемъ, да съ вѣрой въ правое дѣло.

Комитетъ Народной Воли, 24 августа 1881 г.

Типографія „Народной Воли“, 26 августа 1881 г.

Славному казачеству войска донского, уральскаго, оренбургскаго, кубанскаго, терскаго, астраханскаго, сибирскаго и иныхъ войскъ

ОТЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА НАРОДНОЙ ВОЛИ

ОБЪЯВЛЕIЕ

Атаманы молодцы, доблестные защитники Народа Русскаго! Сотни лѣтъ уже прошли, какъ своими великими подвигами заслужили вы себѣ безсмертную славу, сотни

лѣтъ уже гремитъ она по всему міру, и съ почтомъ вспоминаетъ казака весь Русскій Народъ.

Велика и вправду заслуга казацкая. Съ незапамятныхъ временъ вы защищали вольность народную отъ всѣхъ враговъ. Вы полили своей кровью каждый аршинъ войсковыхъ земель, обороняя отечество отъ безчисленныхъ ордъ турецкихъ, татарскихъ, черкесскихъ и иныхъ. Ваши сабли и пики побывали и въ Стамбулѣ, и въ Хивѣ. Сотни тысячъ вашихъ храбрыхъ товарищей сложили головы на святомъ дѣлѣ защиты отечества. Но заслуга казацкая не въ одномъ бою съ басурманами. Еще выше та защита, которую ваши дѣды и прадѣды подавали народу русскому противъ всѣхъ его внутреннихъ притѣснителей. Вольное казачество было колыбелью русской свободы. На казачьихъ земляхъ испоконъ вѣковъ всѣ были равны, всѣ были свободны, всѣ по братски пользовались и пашней, и степью, и рыбной ловлей. Вы подавали всему народу примѣръ, какъ слѣдуетъ жить вольному человѣку. И далеко расходилась молва о славномъ житьѣ казацкомъ. Слышали о немъ обездоленные, угнетенные крестьяне и бѣжали къ вамъ отъ непосильныхъ податей, отъ притѣсненій начальства и помѣщиковъ. Ваши дѣды и прадѣды — всѣхъ принимали, никого не выдавали, они освобождали раба, дѣлали мужика вольнымъ казакомъ и славнымъ воителемъ. И опять расходилась повсюду молва о казачествѣ; радовался православный народъ, что есть у него защитники, и думалъ онъ о томъ, какъ бы всѣмъ сдѣлаться вольными казаками, какъ бы хорошо тогда было жить на Руси. Но и здѣсь ваша заслуга не кончается. Ваши дѣды и прадѣды, слыша о всѣхъ притѣсненіяхъ, которыя дѣлаются русскому народу отъ начальства и помѣщиковъ, не хотѣли оставить его безъ помощи. Много разъ славное войско казацкое подымалось на Москву, чтобы освободить народъ русскій и сдѣлать всѣхъ вольными казаками. Ваши прадѣды ходили воевать противъ царя Бориса за то, что онъ закрѣпостилъ крестьянство. Знаменитый атаманъ Степанъ Разинъ, со своими храбрыми донцами, также ходилъ на Москву, разбивая царскихъ воеводъ и обращая всѣхъ крестьянъ въ казачество. Донской же казакъ Емельянъ Пугачевъ, съ удалыми уральцами, еще разъ подымался выручать русскій народъ, и такъ тряхнули Москвою, что она потомъ сто лѣтъ помнила. А когда царское при-

тѣсненіе забиралось къ самимъ казакамъ, то всегда находились у васъ отважные воители, Булавины и Некрасовы, которые умѣли доказать, что съ казаками шутить нельзя.

Въ этомъ самая великая заслуга казачества, что оно давало примѣръ вольности всей Россіи, и всегда за права свои и народныя стояло дружно, не щадя жизни. За то и прославилось войско, стали казаки героями для всего народа. Знаетъ русскій народъ, что пока живо казачество, — не пропадетъ и онъ.

Атаманы! Нынѣ и мы къ вамъ обращаемся, призываемъ васъ опять на великое дѣло. Покажите, что еще живъ старый казацкій духъ, что умѣетъ еще подняться казачья сабля за правду, за народныя вольности.

Вамъ извѣстно, какія нынче наступили времена. Сами знаете, что въ Россіи становится жить съ каждымъ годомъ все хуже. Крестьянство обнищало, вся земля расхищена помѣщиками и чиновниками, подати что ни годъ — увеличиваются, въ государствѣ повсюду безпорядокъ, полиція грабитъ народъ, а правительство ни о чемъ не заботится. Видя всеобщее бѣдствіе, мы, соціалисты, рѣшились вступиться за народъ и назначили для этого особый Исполнительный Комитетъ, который и обратился еще къ прежнему царю, Александру II, объясняя ему, что на Руси теперь стало хуже, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ, и требуя, чтобы царь позаботился о народѣ. Исполнительный Комитетъ требовалъ: 1) чтобы вся земля была отдана крестьянамъ, 2) чтобы фабрики и заводы также отдать рабочимъ артелямъ, 3) чтобы царь созвалъ выборныхъ депутатовъ отъ всего народа, отъ крестьянъ, рабочихъ, казаковъ и проч., — и безъ совѣта тѣхъ депутатовъ не назначалъ податей, не издавалъ законовъ, не велъ войны. Однако же царь Александръ II не только не уважилъ нашихъ требованій, но объявилъ насъ за это по всему свѣту злодѣями, и сталъ вѣшать цѣлыми десятками. Народъ же стѣснилъ хуже прежняго, велѣлъ по всѣмъ церквамъ читать, что земли мужикамъ не будетъ, назначилъ еще больше всякихъ урядниковъ и полиціи, отъ которыхъ ужъ вовсе никому житья не стало. Тогда Исполнительный Комитетъ, убѣдившись, что царь думаетъ только о своей, а не народной пользѣ, за всѣ его жестокости самого присудилъ къ смерти и казнилъ 1-го марта. Послѣ того вступилъ на престолъ Александръ III,

Исполнительный Комитетъ обратился и къ нему съ письмомъ, прося вспомнить, что царь долженъ жить не для своего удовольствія, а для общественной пользы. Но Александръ III также не обратилъ на это вниманія, а напротивъ разсердился и объявилъ, что будетъ царствовать по старому, земли мужикамъ не дастъ и съ выборными совѣтоваться не желаетъ.

Да падетъ же на его голову вся кровь, которая изъ за этого должна пролиться въ Русской Землѣ. Исполнительный Комитетъ рѣшилъ, что послѣ этого разсуждать нечего, а нужно собрать всѣ силы, поднять возстаніе и низвергнуть правительство. На мѣсто его мы созовемъ Земскій Соборъ изъ выборныхъ отъ всего народа, и пусть самъ Земскій Соборъ установитъ новое правительство и новые порядки.

Атаманы молодцы! На какую же сторону вы станете? Пойдете-ли вы за царя, или за Народную Волю? Испоконъ вѣковъ вы были народными защитниками. Неужели теперь изъ-за царскихъ милостей пойдете противъ народа?

А кажется, царскія милости вамъ довольно хорошо извѣстны. Сами знаете, что права и вольности казацкія давно помаленьку сокращаются. Правда, теперь еще опасаются сразу перевести васъ на крестьянское положеніе, но дѣлаютъ это потихоньку да помаленьку. Сегодня въ одномъ сократятъ, а завтра въ другомъ. Ужъ и теперь нѣтъ у васъ прежняго выборнаго начальства, ужъ и теперь природному казаку трудно выбиться даже въ полковники, а въ Войсковое Правленіе и подавно. На всѣ мѣста царь назначаетъ армейскихъ офицеровъ да чиновниковъ. Ваши войсковыя земли ужъ и теперь разобраны да порозданы, для того чтобы не было въ казакахъ единодушія, чтобы поселить между вами завистъ и раздоры. Ваша служба годъ отъ году становится тяжелѣй, для того чтобы вамъ самимъ немила стала казачья жизнь и чтобы вы безъ большого сопротивленія согласились сдѣлаться крестьянами. Вотъ куда клонитъ правительство! Ужъ и теперь помаленьку вводятся повинности, сперва земскія, а тамъ пойдутъ и казенныя. А ваши арсеналы да орудія отъ васъ отбираютъ, чтобы вы не имѣли возмомности защищать свои права. Ой, атаманы, берегитесь: скрутятъ васъ такъ, что и не замѣтите. Или не видите, какъ правительство старается искоренить каза-

чество. Давно ли съ Урала 3,000 лучшихъ казаковъ заслали за тридевять земель, на Аму-Дарью. Давно ли черноморцевъ выселяли за Кубань? А теперь собираются уже и славное войско Донское искоренить, да такъ, чтобы и духу не осталось. Знаете ли вы, что царь уже велѣлъ донцевъ выселить подъ Карсъ, а кто останется — тѣ пойдутъ въ крестьяне. Неужели вы и это стерпите? Не поблагодарятъ же васъ ваши дѣти, если вы погубите свои извѣчныя вольности, не добромъ помянутъ отцовъ, какъ придется жить на крестьянскомъ положеніи, цѣлый вѣкъ отрабатывать повинности на казну да на господъ.

Храбрые воины! Будетъ вамъ терпѣть-то! Не терпѣніемъ, не покорностью ваши дѣды добыли свою землю, свои вольности. Не отъ царей они ихъ получили. Они добыли ихъ кровью своей, безъ крови ихъ не отдавали. Такъ и вамъ слѣдуетъ дѣлать. Встрепенитесь же, орлы могучіе, вспомните, что при васъ еще ваши сабли да пики. Вспомните, что и правда за васъ, что не однихъ себя вы будете отстаивать, а весь народъ русскій.

Благородное казачество! Ваша сила, ваши вольности—не въ царяхъ, а въ народѣ. Вольность противна царю. Цари васъ только потому не трогали, что боялись. Они знали, что стоитъ казачеству подняться, такъ за нимъ двинется весь народъ. А теперь думаютъ, что вы потеряли уже свою славу въ народѣ что забылъ крестьянинъ свое братство съ казаками. Вотъ теперь и васъ начинаютъ подтягивать. И подтянутъ, и вовсе искоренятъ, если только не освободится весь русскій народъ. Если цари останутся такими же тиранами, какъ и теперь, если весь русскій народъ будетъ въ рабствѣ, какъ теперь, то не устоять и вамъ передъ царскими войсками. Если же народъ русскій освободится, будетъ жить на всей своей волѣ, то и вы останетесь вольными. Тогда по всей Россіи земля будетъ принадлежать народу; по всей Россіи народъ будетъ управляться своими выборными, безъ всякихъ чиновниковъ, безъ всякой полиціи; высшее правительство также будетъ состоять изъ депутатовъ отъ всей земли, а потому будетъ справедливо. Тогда вы, казаки, останетесь при своей землѣ, людьми вольными, ваши депутаты тоже будутъ въ правительствѣ, и никто не осмѣлится посягать на ваши права. Предъ вами только два пути: либо вы вмѣстѣ со всѣмъ народомъ осво-

бодитесь отъ царскаго ига, либо вмѣстѣ со всѣмъ народомъ попадете въ вѣчное рабство.

Вспомните жъ, атаманы, свою старую славу. Вы не царскіе слуги, а народные витязи. Царямъ нужны холопы, вольные люди имъ не угодны. Идите же вмѣстѣ съ нами выручать Русскую Землю изъ неволи, какъ выручали ваши предки. Покажите, что не выродки вы изъ своего славнаго племени, а такіе же доблестные воины, съ тѣмъ же духомъ, съ тою же силой, и тогда будетъ вамъ наградою земля и воля, и вѣчная слава въ потомствѣ.

3 сентября 1881 г.

Исполнительный Комитетъ Народной Воли.

Типографія „Народной Воли", 3 сентября 1881 г.

ОТЪ ЦЕНТРАЛЬНАГО КРУЖКА С.П.Б. УНИВЕРСИТЕТА
КЪ СТУДЕНТАМЪ

Политическая система Александра II роковымъ образомъ привела къ трагической развязкѣ 1-го марта. Его сыну представлялась завидная доля,—перемѣнивъ политику отца, расчистить путь къ счастію народа, облегчить его страданія, устранить массу жертвъ. Но горе и радость народа чужды царямъ. Новое правительство твердо рѣшилось проводить прежнюю систему насилія и произвола.

Общество до сихъ поръ не можетъ освободиться отъ паническаго страха. Печать безмолвствуетъ. Народное сознаніе усыпляется лживыми мѣропріятіями. Рабочіе развращаются арміей шпіоновъ. Студенты сотнями изгоняются изъ университетовъ. Тюрьмы переполнены политическими преступниками. Веревка не щадитъ уже женщину. Политическіе процессы окутываются покровомъ канцелярской тайны. Наконецъ, изданіемъ „Положенія" о государственной охранѣ окончательно уничтожаются всякія гарантіи правъ отдѣльной личности, разрушаются послѣдніе остатки автономіи общественныхъ учрежденій и прежній произволъ администраціи возводится на почву постояннаго закона.

Положеніе, очевидно, критическое, невозможное. *Тиранія дошла до своихъ крайнихъ предѣловъ—и должна быть уничтожена!* Таковъ девизъ всякаго честнаго человѣка,

сердцу котораго близка свобода и счастіе нашего народа.

Русское студенчество уже многіе годы ведетъ борьбу подъ этимъ знаменемъ. Не мало энергическихъ дѣятелей выдѣлилось изъ его среды, не мало жертвъ принесено имъ. Оно всегда являлось впереди прочихъ оппозиціонныхъ элементовъ нашего общества. Удары его, однако, не всегда направлялись надлежащимъ образомъ и настигали не настоящаго врага. Много силъ и жертвъ потрачено на отстаиваніе чисто студенческихъ интересовъ. Пора намъ понять, товарищи, что недостатки университетскаго быта, неустройство студенческой жизни, вообще, являются неизбѣжнымъ результатомъ болѣе глубокихъ причинъ, чѣмъ воля и усмотрѣніе университетскаго начальства или даже министерства народнаго просвѣщенія. Пора намъ дать своимъ силамъ болѣе полезное примѣненіе, чѣмъ это было до сихъ поръ, и перенести нашу борьбу на болѣе широкую почву. Прямое и непосредственное участіе въ борьбѣ за свободу и права народа — такова должна быть наша задача!

Но даже правильные удары студенчества утрачиваютъ значительную часть своей силы вслѣдствіе безсистемности и разрозненности, съ которой они наносятся. Нужно помнить, что врагъ, хотя и побѣдимъ, все-таки еще достаточно силенъ. Необходимо, стало быть, внести единство и систему въ наши дѣйствія. Такимъ образомъ, организація студентовъ каждаго учебнаго заведенія и объединеніе всѣхъ студентовъ вообще являются дѣломъ первостепенной важности. Начало такой организаціи уже положено нами. Приглашаемъ, товарищи, и васъ объединиться, сплотиться въ опредѣленныя группы. Только выступивши, какъ организованная сила, съ опредѣленной программой, студенчество наше можетъ претендовать на серьезное общественное значеніе. Только въ этомъ случаѣ оно выполнитъ свои обязанности по отношенію къ русскому народу. Не далекъ уже моментъ рѣшительной, открытой схватки съ деспотизмомъ русскаго правительства... Товарищи! Останемся же вѣрны нашимъ исконнымъ традиціямъ и приготовимся принять достойное участіе въ великой битвѣ за свободу и счастіе народа, за права человѣка и соціальную справедливость!

Центр. Кр. С.П.Б. Университета. 25 октября 1881 г.

С.-Петербургъ. Типографія «Народной Воли» 15 ноября 1881 .

ОТЪ ЦЕНТРАЛЬНАГО КРУЖКА СТУДЕНТОВЪ С.П.Б. УНИВЕРСИТЕТА

КЪ СТУДЕНТАМЪ

Товарищи студенты! Непредвидѣнныя обстоятельства помѣшали намъ заявить себя по поводу акта и напомнить тѣ безобразія репрессіи, объектомъ которыхх̆ъ было русское студечепство въ прошломъ году.

Онѣ будутъ предметомъ перваго номера нашей газеты.*)

Теперь произошелъ новый фактъ, въ которомъ съ усиленной яркостью повторилось прежнее направленіе правительства.

Харьковскій университетъ закрытъ.

Три студента назвали подлецомъ въ публичномъ мѣстѣ продажнаго ренегата,**) обливающаго русскую молодежь клеветами и инсинуаціями, съ которыми соперничаютъ мерзости Незлобина - Дьякова. Говоруха - Отрокъ началъ драку...

Что сдѣлали студенты постыднаго? Развѣ подлость не заслуживаетъ публичнаго обличенія?

Студенты не дрались, какъ Говоруха, они только выразили гадливое чувство, которое питаетъ молодежь къ инсинуатору. Развѣ это не дѣлается вездѣ? не дѣлается всѣми?

Но университетское начальство считаетъ себя солидарнымъ съ клеветникомъ: оно исключило этихъ трехъ студентовъ изъ университета. Товарищи обсудили ихъ поступокъ и одобрили его. Делегаты, посланные студенческой сходкой, были съ руганью и дерзостями выгнаны совѣтомъ. Они не заслужили этого: они не могли знать, что въ это время происходило засѣданіе, такъ какъ швейцара у дверей не было... Но профессора солидарны съ инсинуаторами, солидарны съ полицейскими тенденціями правительства. На лучшія побужденія молодежи они плюютъ. Товарищи! Не забывайте, что это сыщики и чиновники на кафедрахъ. Вычеркните ихъ изъ числа своихъ друзей!

---

*) Эта газета не увидѣла свѣта. *Ред. Сборника.*

**) Извѣстнаго сотрудника «Москов. Вѣд.»., раньше привлекавшагося къ дѣлу 193-хъ, Говоруху-Отрока. *Ред. Сборника.*

Харьковская исторія—новое доказательство, что русское правительство признаетъ студентовъ паріями. Осыпанные клеветою, они не могутъ оскорбляться: эти клеветы патентованы правительствомъ. Они не могутъ обсуждать поступокъ своихъ товарищей, что неизбѣжно во всякомъ общежитіи. Они подвергаются за это оскорбленіямъ и исключенію. Университетъ закрывается!

Товарищи студенты! Мы знаемъ — въ васъ кипитъ чувство негодованія противъ насилія надъ харьковскими братьями.

Товарищи! не поддавайтесь минутнымъ увлеченіямъ. Вы видите, что правительство жестоко караетъ поступки, ему противные, хотя сравнительно неважные. *Только великое дѣло требуетъ великихъ жертвъ.* Мы много пережили, много перенесли и перетерпѣли за прошлый годъ. Накопляйте силы! Объединимся! Организуйтесь подъ нашимъ знаменемъ!

Въ недалекомъ будущемъ насъ ждутъ великія событія. Наши силы понадобятся. Сохраните ихъ, чтобы проявить съ большею пользою въ болѣе крупныхъ дѣлахъ.

Центральный Кружокъ студентовъ С.-Петербургскаго университета.

18 февраля 1882 г.

ОТЪ КІЕВСКОЙ ОРГАНИЗАЦІИ ПАРТІИ „НАРОДНОЙ ВОЛИ"

Кіевскіе студенты!

Вы разбили узкія, традиціонныя рамки студенческихъ требованій и вступили на широкое поприще общественныхъ интересовъ; вы поняли, наконецъ, что на почвѣ чисто студенческихъ, чисто-корпоративныхъ нуждъ вы — ничто, но вы сила — въ сознаніи своей солидарности съ порабощеннымъ русскимъ обществомъ. Вы поняли это и рѣшились выступить, какъ общественная единица, какъ граждане своего отечества! Привѣтъ же вамъ, товарищи-граждане, на новомъ поприщѣ! И пусть сознаніе широты и величія теперешней вашей задачи вдохнетъ въ васъ мужество и

рѣшимость не покидать начатаго вами столь славнаго дѣла! Въ такомъ случаѣ мы всегда будемъ готовы протянуть вамъ руку братской помощи. Долой воровъ, плутовъ и тирановъ.

Кіевъ. 1882 г. 22 ноября.

Кіевская типографія партіи «Народной Воли».

ОТЪ МЕРТВЫХЪ КЪ ЖИВЫМЪ

Письмо изъ Петропавловской крѣпости.

Петропавловская крѣпость. Іюня 1882 г.

Замуравленные въ царскихъ казематахъ, насильственно изъятые изъ міра тревогъ и борьбы, мыслью и душой мы продолжаемъ жить съ вами, наши молодые братья. Въ тиши утомительно долгихъ тюремныхъ ночей, когда замолкаетъ суетливая бѣготня тюремщиковъ, наше воображеніе ворсносится туда, за эти сырыя, мшистыя стѣны, гдѣ кипитъ жизнь, гдѣ льется кровь, гдѣ съ небывалой отвагой самоотверженные люди безтрепетной рукой наносятъ ударъ за ударомъ разсвирѣпѣвшему деспотизму, готовому пожрать и растлить своимъ тлетворнымъ дыханіемъ все, что есть честнаго и живого на Руси. Великій историческій мигъ переживаетъ теперь наша родина. Цѣлый рядъ предшествовавшихъ грандіозныхъ террористическихъ актовъ нарушилъ кажущуюся неподвижность русской жизни и то, что еще такъ недавно считалось надежно устойчивымъ, пришло въ движеніе, шумно бурлитъ. Долго сдерживаемый напоръ естественныхъ силъ тамъ и сямъ прорывается наружу и готовъ затопить своимъ неудержимымъ потокомъ всѣ искусственныя препятствія, воздвигаемыя ему на пути. Мы наканунѣ великой битвы на жизнь и смерть. Это чувствуетъ правительство и напрягаетъ свои послѣднія силы, чтобы заглушить нарождающуюся революцію, оно до того потерялось, что забыло даже всѣ другія государственныя функціи, кромѣ полицейско-палаческой, и если создаетъ безчисленныя коммиссіи, задача которыхъ сводится къ разрѣшенію мудренаго вопроса, подъ какимъ гарниромъ преподнести народу и обществу выѣденное яйцо, то, вѣдь, нужно быть

слишкомъ наивнымъ, чтобы придавать этому какое нибудь значеніе. За то въ полицейско-палаческомъ отношеніи оно не ограничивается завѣтами стародавнихъ сыскныхъ приказовъ и не гнушается подражать и сыну тлетворнаго запада, декабрьскому герою, девизомъ котораго было: „развращай и властвуй“. Но и самъ Наполеонъ не доходилъ однако до такой наглости, чтобы рѣшиться на поголовный призывъ гражданъ къ шпіонству. Онъ былъ слишкомъ уменъ для этого, онъ понималъ, что та бездна презрѣнія, которая сквозитъ въ такомъ призывѣ, способна возмутить наиболѣе невозмутимыхъ и заронить искру негодованія и ненависти даже въ сердца рабовъ. Мучительно уродливая тысячелѣтняя исторія нашей родины не могла, конечно, не наплодить гадовъ; мракъ, удушливая атмосфера —ихъ естественная среда, и вотъ эти гады закопошились, вынырнули наружу. Пресмыкаясь въ тинѣ, они проникаютъ всюду: въ студенческую аудиторію, въ литературу, въ кругъ семьи, — всюду, гдѣ чуютъ поживу, и беззастѣнчиво торгуютъ человѣческою кровью и слезами.

„Вино и луидоры — вотъ суть такого рода политики“, сказалъ Гюго о Наполеонѣ III, а мы прибавимъ, что въ этомъ суть политики каждаго правительства, которое сознаетъ, что его дни сочтены, что ему не на что опереться, кромѣ продажной подлости. Итакъ, вотъ и у насъ появились „бѣлыя блузы“. Они стараются втереться въ кружки молодежи и даже рабочихъ; съ ихъ устъ не сходятъ революціонныя фразы, а подъ вечерокъ можно замѣтить ихъ таинственно пробирающимися къ Цѣпному мосту въ старое гнѣздо III отдѣленія, перемѣнившаго теперь вывѣску; тамъ они выкладываютъ собранныя свѣдѣнія и, получивъ свои 30 сребренниковъ, отправляются залить въ винѣ послѣдніе остатки совѣсти . . . Но и этого средства показалось, видно, мало нашему правительству, и вотъ, обладая милліонной арміей, сотней тысячъ явной и тайной полиціи, оно дошло до небывалаго униженія, создавая тайныя общества изъ высоко и низко поставленнаго продажнаго люда, охочаго ловить рыбу въ мутной водѣ. Эти тайныя общества, вродѣ извѣстной „священной лиги“ въ Петербургѣ, задались цѣлью путемъ доносовъ, тайныхъ убійствъ и подкупа помогать полиціи въ ея травлѣ на всѣхъ честныхъ людей. Ничто не въ силахъ до такой степени унизить значеніе

правительственной власти, какъ это фактическое признаніе собственнаго безсилія; во всеоружіи штыковъ, полиціи, висѣлицъ, тюремъ и драконовскихъ законовъ оно публично признаетъ себя побѣжденнымъ, создавая эту „священную лигу“ и введя въ программу своихъ дѣйствій даже нелегальное убійство. Прежде оно хотя для виду старалось выставить свои преступленія въ легальной формѣ, но теперь оно слишкомъ трепещетъ, чтобы помнить о какихъ то приличіяхъ. Отъ обращенія къ нелегальному убійству не далеко и до пытокъ, и вотъ на сцену выступаютъ разнаго рода вынужденія показаній на допросахъ. Наученные опытомъ исторіи, наши инквизиторы понимаютъ, что грубофизическія пытки, эти своего рода хирургическія операціи, снести гораздо легче, чѣмъ пытки нравственныя, въ изобрѣтеніи которыхъ они дошли, по истинѣ, до небывалой виртуозности, и подъ часъ эти позорныя усилія достигаютъ желаемаго ими результата. Пытки эти бываютъ очень разнообразны и всегда приспособлены къ индивидуальнымъ особенностямъ каждаго даннаго субъекта. Если, напримѣръ, они знаютъ, что заключенный горячо любитъ отца или мать, сестру или брата, ему грозятъ привлечь къ обвиненію ни въ чемъ не виновное любимое имъ существо, если онъ не будетъ „откровененъ“. И это говорится не прямо, но такъ, чтобы забросить въ душу мучительную тревогу за близкихъ, а потомъ взволнованнаго и измученнаго іезуитскими допросами его отсылаютъ назадъ въ его одинокую келью, отлично понимая, что одиночество лучшій пособникъ мучительныхъ думъ. Съ другимъ употребляютъ другой пріемъ—стараются дѣйствовать на самолюбіе, разсыпаются въ комплиментахъ его уму и способностямъ съ цѣлью убѣдить, что ему не стоитъ, щадя другихъ, губить себя. Или же вызываютъ въ юныхъ умахъ недовѣріе и озлобленіе къ партіи, доказывая, что руководители ея употребили его, допрашиваемаго, какъ слѣпое орудіе для своихъ цѣлей и привлекли его къ дѣлу обманомъ, хитростью и чуть не насиліемъ. Очень юныхъ или малоопытныхъ просто обманываютъ или запугиваютъ перспективой различныхъ каръ, къ которымъ они не успѣли еще подготовить себя нравственно. Это самый распространенный пріемъ, и въ послѣднее время часто безъ всякаго повода арестуютъ очень молодыхъ людей съ цѣлью угрозами или подкупами заста-

вить ихъ сдѣлаться предателями, отлично понимая, что самое обстоятельство пребыванія въ тюрьмѣ внушитъ къ этимъ лицамъ большее довѣріе товарищей и послужитъ удобнымъ орудіемъ предательскихъ цѣлей. Если рядомъ со всѣмъ этимъ вы вообразите себѣ физическія муки — хроническое голоданіе и смрадный тюремный воздухъ, дурная не достаточная одежда, влекущія за собой неизбѣжное ослабленіе организма—муки, вошедшія въ послѣднее время въ систему, при чемъ тѣ, у кого нѣтъ денегъ, черезъ годъ подобнаго заключенія неизбѣжно умираютъ, то вы поймете, сколько нужно нравственной силы человѣку, чтобы безтрепетно смотрѣть въ глаза медленно приближающейся смерти, смерти безвѣстной, одинокой въ стѣнахъ каземата.

Но прежде чѣмъ умереть, заключенному кромѣ этого приходится вынести цѣлую серію разнообразныхъ мытарствъ: грубость тюремщиковъ, угрозы, брань, а иногда даже побои и, наконецъ, многократное сидѣнье въ карцерѣ; за малѣйшую попытку перестукиваться держатъ по недѣлямъ въ крошечной совершенно душной каморкѣ на одномъ жесткомъ мякинномъ хлѣбѣ и водѣ, заставляя спать зимой на голомъ каменномъ полу и дрогнуть въ едва прикрывающей спину арестантской курткѣ, а если заблагоразсудится смотрителю, то пускаютъ въ ходъ такъ называемую „горячешную рубашку“, посредствомъ которой человѣка распинаютъ на голой желѣзной койкѣ, — операція почти всегда сопровождающаяся мучительствомъ всѣхъ членовъ, а затѣмъ общимъ онѣмѣніемъ и нерѣдко глубокимъ обморокомъ. Послѣдній видъ мучительства преимущественно достается на долю женщинъ, какъ субъектовъ болѣе нервныхъ и менѣе способныхъ выносить хладнокровно такое грубое обращеніе тюремщиковъ. Любуясь распятой ими жертвой, они съ циническою наглостью издѣваются надъ ея безпомощностью и хвастливо говорятъ: „Вы теперь у меня всѣ въ карманѣ, я могу съ вами сдѣлать все, что захочу, и никто даже не узнаетъ этого!“ Вообще, если положеніе политическихъ ужасно, то положеніе женщинъ еще ужаснѣе. Брошенныя въ тюрьму, онѣ попадаютъ въ солдатскія казармы. Имъ нельзя ни раздѣться, ни перемѣнить бѣлья, ихъ вѣчно преслѣдуютъ безстыжіе, циничные глаза солдатъ, а подъ часъ и самыя площадныя шутки. Эти условія — одна изъ самыхъ ужаснѣйшихъ пытокъ, благодаря которымъ, не смо-

тря на значительное меньшинство женщинъ, въ ихъ рядахъ процентъ смертности и сумашествія гораздо выше. Вотъ вамъ картина тюремнаго мучительства!

Довольно бы, кажется, но это далеко не все. Выносить свои собственныя муки еще возможно, но нѣтъ ужаснѣе чувства, какъ сознавать, что тутъ же близко томятся друзья, товарищи, и не имѣть возможности даже узнать, живы они или нѣтъ. Тюремщики, тайная полиція отлично знаютъ все убійственное вліяніе этого чувства на заключенныхъ и употребляютъ его какъ орудіе пытки. Сидящимъ въ крѣпости, находящимся въ безконтрольномъ вѣдѣніи директора департамента государственной полиціи, не позволяется даже оффиціальная переписка не только съ посторонними, но даже брату съ сестрой или мужу съ женой; о свиданіяхъ и говорить нечего. Для нѣкоторыхъ натуръ, склонныхъ къ особенно глубокимъ привязанностямъ, эта пытка мучительнѣе всѣхъ другихъ, и были случаи, что заключенные отдавали себя съ головой, лишь бы взамѣнъ своей гибели получить возможность хоть разъ увидѣть близкое существо. Если ко всему этому прибавить, что въ крѣпости изъяты самые ничтожные инструменты, а слѣдовательно и трудъ невозможенъ, что недозволено даже получать съ воли книги для чтенія, то картина новѣйшей системы вымогательства и пытокъ будетъ достаточно полная. Пройдемся же по корридорамъ этой мрачной обители, чтобы полюбоваться плодами этой системы. Вотъ передъ нами беременная женщина, блѣдная, заморенная хроническимъ голодомъ, съ впалыми щеками и лихорадочнымъ взглядомъ. — „Дайте хоть минуту покоя, или лучше убейте меня“, проситъ она палачей своихъ; но нѣтъ, это не входитъ въ ихъ разсчеты, имъ нужно замучить свою жертву — убить было бы слишкомъ великодушно. И вотъ, въ ея камерѣ безвыходно день и ночь заставляютъ дежурить жандармовъ, они не выходятъ даже въ моментъ родовъ. . . Рождается дитя. Впервые въ эти долгіе томительные дни лицо страдалицы озаряется счастливою улыбкою, дитя живо; она съ страстною любовью прижимаетъ его къ груди и въ эту минуту забываетъ пережитыя муки. Но это счастье длится не долго. Предшествовавшія нравственныя и физическія страданія подкосили жизнь этого когда-то крѣпкаго организма, и ей не суждено уже было надѣяться, а палачи

позаботились нанести ей последній ударъ. Проходятъ недѣли, она медленно чахнетъ, и только присутствіе ребенка заставляетъ еще теплиться эту погасающую жизнь. Палачамъ надоѣло ждать, и вотъ въ одно прекрасное утро нагло врываются къ ней и беззастѣнчиво вырываютъ ребенка изъ ея слабѣющихъ рукъ . . . . Ихъ не остановили ни ея мольбы, ни ея проклятія. Ребенка таинственно увозятъ и спроваживаютъ куда то, вѣроятно, туда, гдѣ нѣтъ ни палача, ни воздыханій. А она долго еще томится и даже въ бреду съ страстной мукой молитъ ихъ отдать ей ея дѣвочку. Наконецъ, всепримиряющая смерть сжалилась надъ ней и заставила замолкнуть навсегда эту настрадавшуюся душу. Такова развязка многострадальной жизни Гесси Гельфманъ . . . . Опустимъ завѣсу надъ этой грустной могилой и заглянемъ еще въ одну изъ крѣпостныхъ келій. На узкой тюремной постели лежитъ молодая дѣвушка. Ея бѣлокурые волосы безпорядочно разметались на подушкѣ, налитые кровью глаза безцѣльно блуждаютъ вокругъ и распростертыя руки крѣпко привязаны длинными рукавами горячечной рубашки къ желѣзнымъ краямъ койки. Она не то стонетъ, не то хрипитъ, а невозмутимая стража спокойно созерцаетъ эту картину. Это Лизавета Оловенникова, сошедшая съ ума отъ невыразимой пытки, — безвыходнаго присутствія жандармовъ въ ея камерѣ. Но пойдемъ дальше. Вотъ еще камера, заглянемъ туда. Тоже арестантская койка, на ней лежитъ юноша. Лицо его поражаетъ прозрачновосковою блѣдностью ; губы запеклись ; его видимо мучитъ жажда, но онъ не имѣетъ чести быть важнымъ государственнымъ преступникомъ, поэтому въ его камерѣ нѣтъ жандармовъ и некому даже подать кружку воды, чтобы промочить горло умирающему. . . . Довольно однако, этихъ картинъ не перечесть ! . . . Но откуда въ этомъ царствѣ мертвецовъ раздается плачъ груднаго ребенка? Это изъ камеры Якимовой. Когда у нея родился ребенокъ, она объявила, что задушитъ перваго, кто прикоснется къ ея малюткѣ-сыну. И ребенокъ остался у ней. Она спасла его этимъ отъ хищниковъ-палачей, но не въ силахъ спасти отъ голода, наготы и медленнаго увяданія въ пропитанномъ міазмами воздухѣ тюрьмы. Дѣти государственныхъ преступниковъ осуждены на смерть ; выходъ имъ изъ тюрьмы уже невозможенъ, какъ ихъ матерямъ, потому что, разъ вы-

рванныя изъ рукъ матери, они безслѣдно исчезаютъ какъ для насъ, такъ и для всего міра. Въ лицѣ этихъ несчастныхъ, крошечныхъ созданій правительство видитъ уже враговъ, будущихъ мстителей за своихъ отцовъ и матерей, и старается убить ихъ еще въ колыбели. Кто посмѣетъ спросить отчетъ у него за это убійство? Никто, кромѣ суда исторіи, до котораго ему нѣтъ никакого дѣла; дѣтоубійство прибавитъ немного къ морю крови, пролитой уже имъ. Оно совершило и совершаетъ слишкомъ много преступленій, чтобы остановиться передъ этимъ послѣднимъ варварствомъ. . . . Опустимъ покрывало на эту колыбель крошки-страдальца, пройдемъ грустную фигуру молодой его матери, тоскливо склонившейся надъ истомленнымъ личикомъ ребенка, и прислушаемся, что еще творится въ этомъ мрачномъ чистилищѣ. Вотъ пронесся опять какой то странный, рѣжущій ухо звукъ, смутнымъ эхомъ прозвучавшій въ наглухо запертыхъ кельяхъ; заключенные встрепенулись: ихъ ухо до того привыкло къ однообразнымъ звуковымъ проявленіямъ жизни этого мертваго царства, что все необычное не можетъ пройти незамѣченнымъ. Они знаютъ, что это необычное, кромѣ новыхъ мукъ, ничего не приноситъ, но съ тѣмъ большей жадностью прислушиваются они къ этимъ новымъ звукамъ. Вотъ раздается ударъ, — разъ, два, три... чѣмъ дальше, тѣмъ учащеннѣе, словно удары кузнечнаго молота; порой эти удары прекращаются и до слуха доносятся звуки упавшей на землю цѣпи. Вдругъ среди этого бряцанія цѣпей пронесся сдержанный стонъ, затѣмъ послышался плескъ воды. Сразу все стало понятнымъ. Въ одно мгновеніе тюрьма заволновалась; тамъ и сямъ задребезжали электрическіе звонки, кое гдѣ послышались удары въ дверь и не то крикъ, не то рыданія; солдаты забѣгали по корридору, раздался грубый окрикъ и грубая ругань смотрителя. Вотъ онъ вбѣгаетъ къ заключенной: она блѣдная нервно вздрагиваетъ, въ глазахъ застыли слезы; ея руки судорожно сжаты и вся фигура выражаетъ страшную муку; она стучала, она звонила, она сама не знала, для чего это дѣлала, — просто, ей не подъ силу быть хладнокровнымъ свидѣтелемъ и спокойно прислушиваться, какъ заковываютъ ея товарищей; смотритель ей что-то говоритъ, чѣмъ-то грозитъ, но она его не слушаетъ, не понимаетъ, а только молитъ, чтобы дали и ей раздѣлить муку ея товарищей.

Накричавшись, смотритель уходитъ, шумно захлопнувъ тяжелой дверью, и она, какъ снопъ, валится на койку; долго, долго лежитъ неподвижно и одно только вздрагиванье свидѣтельствуетъ о присутствіи жизни въ этомъ безсильно распростертомъ тѣлѣ. А рядомъ новыя ужасныя сцены. Заковавъ мужчинъ и приготовивъ ихъ къ отправкѣ, банда тюремщиковъ, въ сопровожденіи доктора, ввалилась къ осужденной женщинѣ не для того, чтобы заковать ее, а для того, чтобы совершить нѣчто неслыханное — изнасиловать ее. Имъ, видите ли, понадобилось записать ея примѣты и они воспользовались этимъ случаемъ, чтобы надругаться надъ нею. Осмотрѣть имѣющіяся на тѣлѣ родимыя пятна они могли бы поручить женщинѣ, но тогда случай лишній разъ насладиться истязаніемъ жертвы былъ бы безвозвратно потерянъ, а это не въ ихъ правилахъ. И вотъ, ей приказываютъ раздѣться въ ихъ присутствіи; краска стыда и гнѣва залила ея щеки; въ глазахъ блеснулъ огонь суровой рѣшимости. „Нѣтъ, медленно и спокойно отвѣчала она, я не позволю добровольно обнажить себя, я презираю васъ, но слишкомъ уважаю себя, чтобы подчиниться вашему чудовищному требованію, и буду сопротивляться до послѣдней искры жизни и вамъ удастся надругаться только надъ моимъ трупомъ“. Эти простыя слова, звучащія такой силой мрачной рѣшимости, дали понять палачамъ, что имъ остается прибѣгнуть къ насилію; но вѣдь насиліе ихъ ремесло, а стыдъ давно позабытъ ими. И вотъ, по мановенію начальства, нѣсколько жандармовъ бросаются на безоружную женщину и закипаетъ неровная борьба. Мужество, отчаяніе придаютъ небывалыя силы жертвѣ; она какъ бы не чувствуетъ боли удара, платье ее изодрано, лице и руки окровавлены, крупныя капли пота струятся по блѣдному лбу; она изнемогаетъ, но не сдается; наконецъ одному изъ этихъ дикарей, позорящихъ имя русскаго солдата, удается схватить ее за волосы, онъ валитъ ее на полъ, остальные бросаются на поверженнаго врага и срываютъ послѣдніе остатки уцѣлѣвшей одежды... Дикая расправа кончена, обнаженная жертва лежитъ у ихъ ногъ, не подавая признаковъ жизни. . . . умереть однако ей не даютъ и тотъ же докторъ, который за минуту передъ тѣмъ былъ участникомъ позорнаго насилія, хлопочетъ привести ее въ чувство, потомъ... что ста-

лось съ ней потомъ? Неизвѣстно, хотя предугадать не трудно, если вспомнить, что изъ четырехъ женщинъ, осужденныхъ по процессу Михайлова, Веймара, и подвергнутыхъ подобнымъ же операціямъ, Ольга Натансонъ умерла черезъ мѣсяцъ, а Малиновская и Витаньева впали въ безнадежное умопомѣшательство.*) Но довольно; если бы мы захотѣли пересказывать все то, чему были свидѣтелями стѣны мрачнаго каземата, —на это не хватило бы жизни.

Длиненъ мартирологъ нашихъ мучениковъ героевъ, священны для насъ ихъ имена, но ни одно изъ нихъ не произносится съ такою безгранично свѣтлою любовью, какъ имя этой дѣвушки, героини, выступившей въ защиту великой общественной идеи неприкосновенности личности и человѣческаго достоинства. Выстрѣлъ Засуличъ былъ первымъ сигналомъ, предвозвѣстившимъ начало новой эры революціонной борьбы. Истязанія Боголюбова показали нашей, тогда еще мирной, партіи, что съ подобными дикими чудовищами, каково русское правительство, идейная борьба невозможна. Люди по самой натурѣ своей глубоко гуманные, мы не хотѣли проливать лишней капли крови и готовы были спокойно выносить всѣ муки неволи, каторги и смерти за великое народное дѣло, но это безумное варварство убѣдило насъ, что съ такимъ подлымъ врагомъ возможна только борьба кровавая.

За выстрѣломъ В. Засуличъ послѣдовало убійство Мезенцева, Крапоткина и др., а звѣрское преслѣдованіе пропагандистовъ естественно привело къ возникновенію новой террористической партіи, поставившей своей ближайшей задачей дезорганизацію и низложеніе правительства, какъ главнаго тормаза народнаго дѣла. И вотъ, прогремѣлъ выстрѣлъ Соловьева, неудачный исходъ котораго заставилъ болѣе систематично взяться за это дѣло и показалъ, что достичь конечнаго результата можно только коллективными усиліями плотно организованной революціонной силы. Задачу эту взялъ на себя *Исполнительный Комитетъ* и блистательно завершилъ ее 1-го марта. Въ настоящее время еще нѣтъ возможности опредѣлить все необъятное, великое значеніе этого факта, взволновавшаго всю Россію, косвен-

*) Относительно Витаньевой это оказалось невѣрнымъ.

Ред. Сборника.

но пробудившаго, хотя еще разрозненныя, народныя силы и до такой степени расшатавшаго правительство, что оно буквально потеряло голову, мечется отъ одной мѣры къ другой діаметрально противуположной, чуть ли не ежемѣсячно мѣняетъ свои проэкты и должностныхъ лицъ и, въ концѣ концовъ, махнуло рукой на всю государственную машину, предоставивъ ей самой скрипѣть, какъ знаетъ, а всѣ свои силы, всю свою звѣрскую ярость устремило на борьбу съ нами. Это звѣрство, эта ярость очень характерны и служатъ вѣрнѣйшими признаками его безсилія. Но государство не можетъ долго существовать въ такомъ состояніи полной анархіи и для Россіи возможны только два исхода: или полное внутреннее разложеніе и потеря всякаго международнаго политическаго значенія, участь подобная Турціи, къ которой ее неуклонно ведетъ правительство всѣми своими мѣропріятіями, или же торжество революціонной партіи, внутреннее возрожденіе и могущественное, полное достоинства положеніе въ ряду другихъ государствъ. Что выберетъ такъ называемое „общество“, — мы не знаемъ: оно боится не только говорить, но и мыслить, состязаясь другъ передъ другомъ въ холопствѣ; но подъ какое знамя станетъ молодежь, — сомнѣнья быть не можетъ. Революціонный лагерь—ея естественный пріютъ, завѣщанный великими традиціями прошлаго, единственный пріютъ, куда ее гонитъ само правительство, вызывая своими безсмысленными реакціонными мѣрами хроническіе студенческіе безпорядки и высылая юношей цѣлыми массами въ ссылку. Да, братья, правительство постаралось доказать даже самымъ скромнымъ изъ васъ, не идущимъ дальше идеала свободно учиться, что ваши скромныя мечты не осуществимы при настоящемъ политическомъ строѣ и что даже тотъ, кто хочетъ посвятить себя только наукѣ, долженъ завоевать это право съ оружіемъ въ рукахъ. Эта солидарность задачъ революціонной партіи и молодежи имѣетъ громадное значеніе, и вамъ, молодые товарищи, предстоитъ великая историческая миссія. Тѣмъ изъ васъ, которые въ настоящее время сидятъ еще на гимназической скамьѣ, придется, быть можетъ, стать дѣйствующими лицами въ великой всенародной революціонной драмѣ, и чтобы оказаться достойными подобной роли, необходимо подготовить себя къ ней. „Дерзать — вотъ великій секретъ революціи“, сказалъ

С. Жюстъ, и въ этой фразѣ звучитъ глубокая жизненная правда. Но чтобы выработать въ себѣ это важнѣйшее революціонное качество, нужно развить въ себѣ твердую волю, самостоятельность сужденій, способность къ самодѣятельности и инициативѣ. Только люди, обладающіе подобными качествами, способны *дерзать*, а слѣдовательно и творить революцію. Для этого мало обладать одной физической храбростью, или способностью къ самопожертвованію, нѣтъ, нужна прежде всего отвага нравственная, вѣра не только въ идеалъ, но и въ себя. Но чтобы воспитать въ себѣ нравственную отвагу, чтобы увѣровать въ свои силы, нужно сперва самостоятельно испытать ихъ на дѣлѣ; тотъ, кто не способенъ руководить собою, не съумѣетъ руководить и другими, а роль революціонной интеллигенціи въ революціи должна быть, въ силу естественныхъ законовъ, ролью иниціаторовъ. Помните же, что только тѣ, кто съумѣетъ развить въ себѣ способность къ самостоятельности и иниціативѣ, будутъ въ силахъ выплатить народу великій долгъ, лежащій на каждомъ интеллигентномъ человѣкѣ. Помните, что мы вспоены кровью и потомъ народа, что на своей многострадальной спинѣ онъ вынесъ могучее зданіе цивилизаціи, отъ которой до сихъ поръ, кромѣ мукъ, ничего не видѣлъ, помните наконецъ, что въ силу этого на насъ лежитъ священный долгъ разрушить эту вѣковую неправду и помочь ему воспользоваться плодами своего труда и вскормленной имъ цивилизаціей. Этотъ тяжкій долгъ лежитъ на всѣхъ насъ вмѣстѣ и на каждомъ въ отдѣльности и никто не въ правѣ сидѣть сложа руки и ждать, пока кто нибудь придетъ и дастъ ему дѣло. Такое отношеніе къ своему нравственному долгу — позоръ и стыдъ. Дѣла много, страшно много, но не всякій знаетъ, какъ за него взяться, или гдѣ его найти. Причина этому лежитъ прежде всего въ недостаточной сплоченности молодежи. Всякій изъ насъ знаетъ, что „одинъ въ полѣ не воинъ“, но однако же далеко не всѣ умѣютъ выйти изъ этого невыгоднаго положенія по собственной иниціативѣ. А между тѣмъ человѣкъ, только какъ членъ коллективности, получаетъ возможность всесторонне соприкасаться съ жизнью, которая одна способна дать дѣло каждому. Настоящій фазисъ борьбы требуетъ именно широкой коллективной работы и только на такихъ условіяхъ возможно тор-

жество революціоннаго дѣла. Прежде чѣмъ нанести послѣдній, рѣшительный ударъ правительству, нужно саздать условія, которыя дали бы возможность утилизировать этотъ ударъ не отрицательно только, какъ это было до сихъ поръ, а положительно, и вотъ эта задача должна лечь по преимуществу на теперешнюю молодежь. Для этого требуется прежде всего создать прочную, устойчивую организацію, состоящую изъ небольшого соединенія группъ лицъ, связанныхъ между собою общностью дѣла, равноправно-товарищескими отношеніями, тѣсной взаимной дружеской привязанностью. Только при такихъ условіяхъ изъ неокрѣпшихъ юношей могутъ выработаться самостоятельные твердые борцы, способные замѣнить готовыхъ, но ежедневно убывающихъ, а тѣсная дружеская связь послужитъ противовѣсомъ развращающимъ вліяніямъ правительства и породитъ то естественное чувство братства и любви, которое сдѣлаетъ немыслимыми тѣ печальные факты, какіе мы иногда видимъ теперь. Пусть лучше мы будемъ насчитывать меньше борцовъ, но пусть эти борцы будутъ качественно выше въ нравственномъ и умственномъ отношеніи и это сторицею вознаградитъ насъ. Выборъ лицъ въ кружки молодежи долженъ быть очень строгъ, нужно основательно изучить прошлую жизнь и связи человѣка, нужно хорошенько вглядѣться въ его нравственную физіономію и только тогда уже назвать его своимъ товарищемъ. Пусть эти кружки молодежи поставятъ своей задачей широкую самодѣятельность, пусть стараются самостоятельно вникнуть въ умственныя требованія минуты и удовлетворять имъ своими средствами. Однимъ изъ важнѣйшихъ условій умственной выработки молодежи служитъ литература. Пусть же каждый, у кого есть какая нибудь серьезная мысль въ головѣ, берется за перо, а такъ какъ теперешнія полицейскія условія дѣлаютъ невыгоднымъ существованіе многочисленныхъ типографій въ Россіи, то необходимо поставить тверже на ноги литературу заграничную. Эта коллективная умственная работа послужитъ къ выясненію жгучихъ, тревожныхъ вопросовъ и создастъ въ то же время могучую силу широкаго общественнаго мнѣнія — лучшую и вѣрнѣйшую опору активно борющейся партіи; что же касается до выработки нравственной стойкости и дѣловой практичности, то лучшей школой для молодежи послужатъ разнаго

рода террористическія и освободительныя предпріятія, не превышающія ея молодыхъ силъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ своей многочисленностью и систематической повторительностью представляющія громадное политическое значеніе. Итакъ, молодые друзья, на правительственный призывъ къ растлѣнію, на его безшабашную дикую травлю отвѣтьте дружной товарищеской сплоченностью, девизомъ которой будетъ — „одинъ за всѣхъ и всѣ за одного", — и покажите міру, что русскую молодежь недаромъ зовутъ геройской. Деспотизмъ, опьяненный своей кровавой оргіей, малодушно избивающій и истязующій беззащитныхъ и въ то же время трепещущій даже собственной тѣни, доживаетъ послѣдніе дни. Онъ безсиленъ въ борьбѣ съ тѣсно сплоченной революціонной арміей, состоящей изъ стойкихъ, свободныхъ, отважныхъ борцовъ; онъ безсиленъ противъ глухо клокочущихъ недовольныхъ народныхъ массъ и, быть можетъ, не далекъ тотъ день, когда народъ и революціонная интеллигенція общимъ дружнымъ усиліемъ низвергнутъ, наконецъ, позорное зданіе рабства. А пока ваша роль — роль застрѣльщиковъ. Еще много жертвъ вырвутъ изъ вашей среды и много прольютъ святой крови ; но уже таковъ роковой законъ исторіи : каждый шагъ человѣчества по пути прогресса усѣянъ трупами и увлажненъ кровью борцовъ. Да, много мукъ предстоитъ вамъ еще впереди, но, призывая васъ вступить на этотъ тернистый путь, мы знаемъ по себѣ, что нѣтъ выше счастья, какъ сознаніе честно исполненнаго долга, и это чувство освѣщаетъ отраднымъ свѣтомъ даже непроглядную ночь нашей неволи.

Летучая типографія «Народной Воли». 2 сентября 1883 г.

КАТОРГА И ПЫТКА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ ВЪ 1883 ГОДУ

Письмо изъ Петропавловской крѣпости

Не бойтесь убивающихъ тѣло...
Еванг. отъ Луки, 12 ст. 4.

Друзья и братья !

Пользуемся случаемъ, столь рѣдкимъ у насъ, чтобы сообщить вамъ свѣдѣнія объ истинномъ положеніи нашемъ въ Трубецкомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости. Про-

стите, если письмо это окажется написаннымъ кровью сердца, а не простыми чернилами: письменныя принадлежности здѣсь „строго запрещены“.

Въ публикѣ всегда ходили неблагопріятные о здѣшнихъ мѣстахъ слухи, но они также мало походятъ на дѣйствительность, какъ на юношескія грезы. Никому на волѣ не придетъ и въ голову, что здѣсь формально открыто отдѣленіе каторги и положеніе каторжанъ столь фантастически ужасно, что его нельзя назвать иначе, какъ ежеминутной, непрерывной пыткой. Вотъ почему мы имѣемъ полное основаніе воскликнуть: каторга и пытки въ столицѣ! Каторга и пытки въ 5-ти минутномъ разстояніи отъ Невскаго! Каторга и пытки подъ окнами дворца, или настолько близко, что изъ нихъ можно любоваться зданіемъ тюрьмы. Ожидали-ли услыхать что нибудь подобное благодушные петербуржцы?

Мы оговариваемся зарапѣе, что комментаріевъ не будемъ дѣлать, иначе пришлось бы написать нѣсколько томовъ, а въ нашемъ распоряженіи очень мало времени. Къ числу лицъ, находящихся здѣсь на каторжномъ положеніи, принадлежатъ всѣ, приговоренные судомъ къ различнымъ срокамъ каторги, или же приговоренные къ смерти и „помилованные“; есть бѣжавшіе изъ Сибири и разныхъ тюремъ, и вторично взятые; есть и такіе, которыхъ не судилъ и не будетъ судить никакой судъ и выходъ которыхъ отсюда тѣмъ болѣе проблематиченъ.

Положеніе до и послѣ приговора столь рѣзко различно, что ошеломляетъ васъ неизбѣжно. При томъ же приговоръ исполняется внезапно, какъ и все, что здѣсь происходитъ, — большею частью съ просонковъ. Процедура слѣдующая: рано утромъ васъ схватываютъ съ постели, куда-то ведутъ, приведши раздѣваютъ донага, облачаютъ въ арестантское бѣлье, онучи перевязанныя веревками, коты подбитые большими желѣзными гвоздями, брѣютъ голову, надѣваютъ арестантскій халатъ съ тузами, арестантскую шапку и снова куда то ведутъ. На этотъ разъ вы очутитесь въ одномъ изъ самыхъ мрачныхъ казематовъ тюрьмы. При входѣ васъ обдастъ затхлымъ запахомъ сырости и гнили, темнота такъ велика, что вы не сразу отличите окружающіе предметы. Небольшое окно тускло отъ никогда не смываемой грязи и заслонено стѣной въ нѣ-

скольких шагахъ разстоянія. Скоро однако глазъ откроетъ, что казематъ совершенно пустъ. Въ немъ помѣщается кровать съ соломеннымъ матрацомъ, прикрытымъ грязнымъ, тонкимъ, какъ листъ бумаги, одѣяломъ; въ головахъ небольшая подушка, чугунный столикъ вдѣланъ въ стѣну, въ углу грязное ведро, въ другомъ кранъ умывальника, вотъ и все. Да, у стѣнки небольшая икона. Зачѣмъ она здѣсь? Вы не успѣли войти, какъ уже пробираетъ холодъ. Вотъ ваше жилище! На сколько времени? на годъ? на два? на пять? на вѣки?... эти вопросы вихремъ проносятся въ головѣ; они стучатъ объ вашъ черепъ и вамъ кажется, вы слышите, какъ заколачивается крышка собственнаго гроба. Сердце сжалось... оно болѣе не оправится. Никогда, никогда болѣе оно не будетъ стучать спокойно и ровно!...

Но вы спохватываетесь... Вы задаете себѣ вопросъ, какъ жить безъ всякихъ вещей? Въ прежней камерѣ житье было незавидное, но тамъ вашъ столикъ былъ всегда заставленъ разными самыми необходимыми предметами: вы зовете служителя, вы спрашиваете почему у васъ отняли чай, сахаръ, табакъ, мыло, гребенку, собственную кружку, а главное книги! книги, даже евангеліе! „Не полагается“, отвѣчаетъ онъ вамъ. „Какъ, ничего не полагается?“ — „Ничего“. — „Нѣтъ, нѣтъ, это не можетъ быть! Зовите смотрителя!“ Вы ходите, или вѣрнѣе кидаетесь изъ угла въ уголъ каземата; звукъ шаркающихъ по каменному полу котовъ гулко раздается подъ сводомъ. Смотритель входитъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ жандармовъ и служителей и храбро наступаетъ на васъ. „Вы требуете вещей? Вещей вы не получите, а я покажу вамъ правила, которымъ вы теперь подчиняетесь, послѣ которыхъ вы перестанете требовать что бы то ни было!“—поворачивается и уходитъ. Засовы запираются, шаги умолкаютъ, заглушаемые ковромъ, и вы одни. Нѣтъ, вы не одни! Вмѣстѣ съ вашими вещами, у васъ не отняли многочисленныя потребности, неразрывно связанныя съ вашей человѣческой природой, и сотни разъ вы себя спрашиваете, какъ жить не имѣя ни малѣйшей возможности удовлетворить ихъ. У васъ вырывается крикъ, зачѣмъ васъ не убили, потому что только трупъ лишенъ всякихъ потребностей и только трупъ можетъ существовать въ условіяхъ, въ которыя васъ поставили. Для чего привели васъ сюда, чтобы жить или

умереть?! Спросите у этихъ стѣнъ, насыщенныхъ убійствами, и онѣ отвѣтятъ вамъ; спросите, что сдѣлали онѣ съ жертвами, томившимися здѣсь до васъ, и онѣ скажутъ вамъ, оскалившись, что пожрали ихъ... Вамъ приносятъ „правила“ и вы берете ихъ съ ледянымъ равнодушіемъ: странно писать правила для человѣка заключеннаго въ гробъ; но вскорѣ они поглощаютъ все ваше вниманіе. Друзья! „правила“ эти — цѣлое откровеніе! Они безъ подписи. Напрасно поворачиваете вы листъ на всѣ стороны, ища подписи, ее не найти, потому что ея нѣтъ; лишь писецъ какой-то засвидѣтельствовалъ вѣрность копіи съ подлинникомъ. Число и годъ составленія тоже не обозначены, и вы лишены возможности опредѣлить, какимъ вѣтромъ они навѣяны. Заглавіе слѣдующее: „Правила для лицъ, находящихся на каторжномъ положеніи въ Трубецкомъ бастіонѣ Петропавловской крѣпости“. Далѣе содержаніе: „Лица, находящіяся на каторжномъ положеніи въ Трубецк. бастіонѣ Петр. крѣпости (въ скобкахъ означено: холостые мужчины), остаются здѣсь четверть всего срока каторги, опредѣленнаго имъ судомъ; лица, осужденныя на безсрочныя каторжныя работы, остаются здѣсь неопредѣленное время, и срокъ нахожденія для нихъ, зависитъ отъ особаго распоряженія.“ — „Вышеупомянутыя лица содержатся въ Трубецкомъ бастіонѣ на общемъ каторжномъ положеніи. Собственныя вещи у нихъ отбираются, и взамѣнъ они получаютъ: 3 рубахи, 3 пары подштанниковъ изъ арестантскаго холста; 2 пары онучъ, 2 пары котовъ, подбитыхъ желѣзными гвоздями, 1 пару штановъ изъ арест. сукна подшитыхъ холстомъ, 1 куртку, также подшитую холстомъ, халатъ съ двумя тузами, шапку изъ равендукскаго сукна; на зиму полагается сверхъ сего: пара суконныхъ онучъ, тулупъ, доходящій до колѣнъ, шапка съ ушами, завязывающимися подъ бородой и съ лоскутомъ, прикрывающимъ затылокъ. Пища отпускается обыкновенная „арестантская.“ Но какая и въ какомъ количествѣ не перечислено. „Покупка съѣстныхъ припасовъ и лакомствъ на собственныя деньги строго воспрещается. Также строго воспрещается куреніе табаку. Лица, находящіяся на каторжномъ положеніи, лишаются права пользоваться книгами изъ библіотеки, состоящей при бастіонѣ. Постель состоитъ изъ войлока и подушки набитой соломой.“ Въ примѣчаніи кто-то прибавилъ:

„впредь до особаго распоряженія, постели остаются тѣ же, какими пользовались заключенные раньше“, но это не правда, такъ какъ волосяной матрацъ и вторая подушка отбираются. — „Заключенные вполнѣ подчиняются администраціи крѣпости. Въ случаѣ совершенія преступленія, они передаются суду, который присуждаетъ ихъ къ наказаніямъ, опредѣленнымъ закономъ для ссыльно-каторжныхъ.“ Соотвѣтствующія статьи закона любезно выписаны. По нимъ: „за менѣе важныя преступленія судъ приговариваетъ къ шпицрутенамъ до 8-ми тысячъ ударовъ, къ плетямъ до 100 ударовъ, къ розгамъ до 400 ударовъ; за проступки заключенные подвергаются административнымъ взысканіямъ, и администрація крѣпости можетъ присудить къ содержанію въ карцерѣ отъ 1—6 дней на хлѣбѣ и водѣ, къ плетямъ, но не болѣе 20 ударовъ, къ розгамъ, но не болѣе 100 ударовъ.“ „*Вопросъ относительно занятій заключенныхъ еще не рѣшенъ.* Лица, находящіяся на каторжномъ положеніи, пользуются прогулками наравнѣ съ другими.“ Въ дѣйствительности мы, каторжане, гуляли по 10 минутъ въ 48 часовъ, тогда какъ, состоя подъ слѣдствіемъ, мы пользовались ежедневно прогулками. Часто прогулки при теперешнемъ нашемъ положеніи совершенно отмѣняются въ продолженіи 3—4 дней безъ всякой видимой причины. «Вопросъ относительно ношенія кандаловъ и бритья головъ еще не рѣшенъ утвердительно, но обѣ *эти мѣры могутъ быть введены* во всякое время.» Бритье головъ дѣйствительно давно введено. «Относительно пользованія банею, врачебною помощью и правомъ призыва духовника, состоящаго при крѣпости, никакой перемѣны не происходитъ.»

Познакомившись съ «правилами», вы соглашаетесь съ смотрителемъ, что никакихъ вещей требовать не будете. Если на ваше заявленіе о самыхъ насущныхъ нуждахъ, отвѣчаютъ угрозами, что подвергнутъ васъ ударамъ плетей и шпицрутеновъ, давно отмѣненныхъ закономъ, вы, естественно, станете молчать. Вамъ останется страшный, безмолвный протестъ голодовокъ, и къ нему, на собственную погибель, вы будете отнынѣ прибѣгать.

Однако надо же выяснить, кто авторъ этихъ правилъ, чья воля втеченіе годовъ будетъ васъ держать надъ медленнымъ огнемъ, не давая ни жить, ни умереть? Вы звоните, и къ вамъ съ шумомъ врывается служитель въ со-

провожденіи жандарма. «Вы понапрасну не звоните, кричитъ служитель, мы сами знаемъ, когда придти. Прочитали правила?» — «Я прочиталъ правила, но въ нихъ многое не ясно; я желаю поговорить со смотрителемъ. Позовите его ко мнѣ». — „Смотрителя дома нѣтъ.» — „Когда же онъ придетъ?» — „Придетъ, когда будетъ время; сегодня или завтра, а, можетъ быть, черезъ три дня или черезъ три недѣли.» Благорасположенные посѣтители удаляются. Вы кидаетесь на грязную постель и снова вскакиваете, вы мѣрите казематъ шагами... Вы переживаете агонію, самую адскую агонію живого существа. Вы чувствуете, что глаза ваши принимаютъ выраженіе раненнаго на смерть. Уже вы находитесь въ новомъ положеніи; уже вы чувствуете на себѣ его стопудовую тяжесть, и все же умъ отказывается въ него вѣрить: какъ, изъ часу въ часъ, изо дня въ день, изъ года въ годъ сидѣть въ четырехъ отвратительныхъ стѣнахъ, безъ занятій, безъ возможности остановить на чемъ нибудь измученную мысль! Это неминуемо, роковымъ образомъ должно повести къ умопомѣшательству. Вскорѣ вы откроете новыя опасности. Вамъ станетъ ясно, что темнота и отсутствіе воздуха быстро обезкровятъ васъ, холодъ и сырость въ соединеніи съ негодной пищей предадутъ ваше тѣло цынгѣ, десятки другихъ болѣзней явятся ей на помощь. Но вотъ онъ, самый злѣйшій изъ вашихъ новыхъ враговъ. Какъ бы сильны вы ни были душой, вы не рѣшаетесь оглянуться на него. Страшнымъ, страшнымъ призракомъ стоитъ онъ за вашей спиной и самое дыханіе его содержитъ въ себѣ тысячу смертей.... Это — время!

Такъ проходитъ для васъ первый день. Вечеромъ зайдетъ смотритель и скажетъ, что правила введены 6 лѣтъ тому назадъ и одобрены въ новѣйшее время *Департаментомъ Государственной Полиціи*, и что ни онъ, ни комендантъ не имѣютъ права что либо измѣнить въ вашей судьбѣ.—Итакъ, вотъ кто изобрѣтатели нашихъ мукъ: это бывшіе заправила III отдѣленія, это — Оржевскіе, Плеве и прочіе. Извѣстная доля авторскаго права неотъемлемо принадлежитъ генералу Ганецкому, такъ какъ дѣйствительность еще превзошла «правила», и этотъ плюсъ цѣликомъ долженъ быть отнесенъ на его счетъ. Если онъ не имѣетъ права облегчать нашу участь — онъ имѣетъ полнѣйшее

право ухудшать ее, и онъ не преминулъ подложить полѣно въ общій костеръ. Но Оржевскій, Плеве и Ганецкій — все это только исполнители высшей воли. Въ личной, яростной мести царствующаго дома кроется источникъ нашихъ мукъ. Это ясно изъ того, что мы попадаемъ сюда по *Высочайшему повелѣнію*, и никто не можетъ быть переведенъ отсюда въ положеніе ссыльно-каторжныхъ иначе, *какъ по Высочайшей милости.* Но если отправка въ каторгу считается величайшею милостью, то при дворѣ не могутъ не знать подробно нашего здѣшняго положенія. Конечно заслуживаетъ серьезнѣйшаго вниманія, что ненависть Высочайшихъ особъ нашла себѣ услужливыхъ и быстрыхъ на руку исполнителей во всѣхъ слояхъ русскихъ людей. Начиная съ сановниковъ и министровъ и кончая послѣднимъ крѣпостнымъ тюремнымъ служителемъ, — все это кинулось истязать насъ, и истязать съ сладострастіемъ, съ горящими глазами, оскаленными челюстями, раздутыми ноздрями, трепещущими членами. Звѣрская жестокость кроется подъ наружнымъ видомъ русскаго благодушія!... Но не станемъ слишкомъ строго порицать народный характеръ. Въ дѣйствіяхъ этихъ споспѣшниковъ обнаружился характеръ всякой сбродной толпы, всегда готовой на акты изступленной жестокости...

Мы обречены на вѣрную, безусловную смерть. Вотъ, напр., составъ нашей пищи: утромъ и вечеромъ въ 7 час. кружка кипятку, большею частью мутнаго и вонючаго. Порція ржанаго хлѣба въ 3 фунта; въ 11 часовъ полъкружки квасу; въ 12 ч. обѣдъ, состоящій по понедѣльникамъ, вторникамъ, четвергамъ и субботамъ изъ чашки щей и гречневой размазни, безъ масла и остывшей, такъ что нѣтъ возможности ее ѣсть; въ щахъ плаваютъ крошечные кусочки мяса числомъ 4—5. Вечеромъ въ 6 часовъ ужинъ: остатки утреннихъ щей, разбавленныхъ водою, но уже безъ признаковъ мяса. По средамъ и пятницамъ постная пища. Посты эти введены генераломъ Ганецкимъ. Къ обѣду гороховая похлебка и гречневая каша въ весьма умѣренномъ количествѣ; то и другое подправлено постнымъ масломъ. Къ ужину таже похлебка разбавленная водой. Въ воскресенье манный супъ съ нѣсколькими волоконцами мяса и въ 7-ой разъ въ недѣлю гречневая каша. Хлѣбъ часто имѣетъ примѣсь песку, а гречневая каша сплошь да ря-

домъ затхлая. При этомъ пища всегда подается остывшею.

Братья! Вооружитесь мужествомъ, чтобы продолжать чтеніе письма. Дорого дали бы мы, чтобы вамъ не приходилось читать эти строки, но вы должны знать, что здѣсь происходитъ. — Здѣсь не дѣлаютъ различія между здоровымъ и больнымъ человѣкомъ. Дезинтерія и цынга здѣсь обыкновенное явленіе, и захворавшимъ этими болѣзнями не даютъ иной пищи, кромѣ нами перечисленной и превращающейся для нихъ въ ядъ. Силы больного при такихъ условіяхъ быстро падаютъ, онъ лишается употребленія ногъ, онъ не можетъ болѣе вставать для отправленія естественныхъ надобностей. Но здѣсь не полагается лазаретной прислуги. Что же далѣе? Больной остается лежать и гнить въ собственныхъ извerженіяхъ, пока служителю заблагоразсудится переложить его на чистую солому. Если бы вы видѣли нашихъ больныхъ! Годъ тому назадъ цвѣтущіе юноши, теперь это сгорбленные, дряхлые старики: спинной хребетъ отказывается поддерживать ихъ, ноги не служатъ болѣе. Многіе уже не встаютъ съ постели и, какъ мы только что сказали, преданы гніенію до того, что они, живые, издаютъ трупный запахъ. Но врачъ? неужели же нѣтъ врача? спросите вы.— Ихъ два. Одинъ старшій, другой младшій. Старшему лѣтъ 80. Онъ ходитъ съ клюкой, носитъ очки съ шорами. Иногда онъ отмѣняетъ лѣкарства, прописанныя младшимъ врачемъ, и свидѣтельствуетъ трупы. Младшій посѣщаетъ тюрьму ежедневно, заходитъ въ нѣкоторыя камеры, всегда сопровождаемый жандармомъ и служителемъ, которые въ камерѣ больнаго становятся по обѣ стороны доктора и не спускаютъ съ него глазъ. Вслѣдствіе такого неотступнаго смотрѣнія за нимъ, врачъ страдаетъ хроническимъ перепугомъ. Глаза его устремлены на васъ въ ужасѣ, онъ останавливается отъ васъ на разстояніи 5—6 шаговъ, не смѣя не только оскультировать васъ, но даже сосчитать вамъ пульсъ. Чаще всего вы услышите отъ него: «отъ вашей болѣзни у насъ нѣтъ лѣкарствъ», или же онъ вамъ пропишетъ средство, которое вы съ пользою можете не принимать; наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ лѣкарства, прописанныя имъ, отмѣняются старшимъ врачемъ. И что можетъ онъ сдѣлать, когда по законамъ тюрьмы не полагается ни лазаретныхъ порцій, ни лазаретной прислуги, и вдобавокъ вода, которую мы пьемъ,

совершенно испорчена отъ проржавѣвшихъ трубъ. Не находятъ себѣ снисхожденія даже умалишенные, а вы можете себѣ представить, сколько ихъ на нашей голгофѣ! Считаютъ излишнимъ отправлять ихъ въ больницу для излѣченія и справляются съ ними здѣсь по своему. По цѣлымъ днямъ вы слышите изступленные крики надъ собой, или гдѣ нибудь въ отдаленіи; это ударами истязуется умалишенный, привязанный горячечной рубашкой къ кровати. Число смертей, самоубійствъ, умопомѣшательствъ ужасающее! Еслибъ чудомъ открылись двери нашей темницы, многихъ и многихъ вы не досчитались бы. Пройдетъ еще нѣкоторое время, и мѣста всѣхъ насъ очистятся для новыхъ страдальцевъ. По разнымъ причинамъ мы не назовемъ всѣхъ погибшихъ, скажемъ только, что Исаевъ въ числѣ помѣшанныхъ а Терентьева умерла внезапно, какой то загадочной смертью.*) Ее будто бы нечаянно отравили, давъ ей яду вмѣсто лѣкарства, послѣ чего оба врача, какъ старшій такъ и младшій, остались на своихъ мѣстахъ. Умираетъ отъ чахотки еще какая то женщина, имя которой никому изъ насъ неизвѣстно.

Въ началѣ письма мы описали одну изъ камеръ нижняго этажа бастіона, но это лучшія помѣщенія для каторжныхъ; есть еще казематы въ подвальномъ этажѣ зданія — это мрачныя подземелья. Въ нихъ заключенные, наиболѣе возбудившіе противъ себя вражду правительства. Немногихъ словъ этихъ достаточно, чтобъ вы догадались, кто изъ насъ пользуется этими помѣщеніями. Окно такого каземата находится на уровнѣ земли и заслонено толстыми прутьями рѣшетки и облѣпившею его грязью. И если въ лучшія камеры никогда не заглядываетъ лучъ солнца, то легко вообразить, какая здѣсь царствуетъ тьма. Стѣны покрыты плѣсенью и по нимъ струятся грязные потоки воды; что въ нихъ по истинѣ ужасно — это крысы. Въ каменномъ полу оставлены большія отверстія для прохода крысъ; мы выражаемся такъ потому, что, еслибъ поврежденія въ полу были случайны, ихъ легко было бы исправить, тогда какъ всѣ ваши заявленія и просьбы произвести починки пола остаются безъ послѣдствій, и крысы врываются постоянно

*) Были слухи о томъ, что ее изнасиловали, а затѣмъ отравили, чтобы скрыть преступленіе. Прим. издат.

въ камеру, подымаютъ отвратительную возню, стараясь взобраться на вашу кровать. Казематы отдѣлены другъ отъ друга помѣщеніями для жандармовъ. Въ этихъ трущобахъ проводятъ послѣдніе дни осужденные къ казни. Здѣсь прожили предсмертные часы: Квятковскій, Прѣсняковъ, Сухановъ. Теперь между прочими сидитъ здѣсь женщина съ груднымъ ребенкомъ. Это — Якимова! День и ночь стережетъ она рёбенка, чтобъ его крысы не съѣли... Мужественная, великая мать! Окруженная со всѣхъ сторонъ призраками смерти, ты не перестанешь вдыхать жизнь въ своего ребенка. Кормясь пищей, отъ которой груди твои должны наполняться водою, ты заставляешь твой организмъ вырабатывать молоко, чтобъ спасти свое дитя отъ голодной смерти. Находясь въ условіяхъ, ежеминутно разрывающихъ твое сердце на части и заставляющихъ содрогаться за будущее твоего ребенка, ты не приходишь въ отчаяніе, не разбиваешь ему голову о ненавистныя стѣны, чтобы сразу положить конецъ и его страданіямъ и твоимъ собственнымъ. Условія насъ окружающія разсчитаны не только на то, чтобы отнять у насъ человѣческій образъ. Тогда какъ тѣло истощается, хирѣетъ, лицо напротивъ того получаетъ отеки, увеличивается до необыкновенныхъ и уродливыхъ размѣровъ. Почти у всѣхъ у насъ трясеніе рукъ, потому что нервные центры должны были ослабѣть. Можно было ожидать, что глаза сохранятся въ темнотѣ, но они воспаляются и въ нихъ чувствуется сильная рѣзь; вѣки тяжелѣютъ отъ отековъ и наконецъ съ трудомъ закрываются. Тѣло чернѣетъ отъ неупотребленія мыла; у насъ отняты гребенки и при такомъ условіи бритье головы является облегченіемъ, но, вѣдь,здѣсь есть женщины, и имъ по годамъ не даютъ возможности чесать волосы. Да, друзья! нашихъ сестеръ ѣдятъ вши. У насъ, мужчинъ, вши заводятся въ бородѣ и тогда приходится выбривать лицо. Какъ бритье головы является облегченіемъ при нашемъ образѣ жизни, точно также арестантское платье для насъ благодѣтельно. Не будь это платье придумано полстолѣтія назадъ для уголовныхъ арестантовъ, намъ съумѣли бы дать другое много разъ неудобнѣе, а главное менѣе теплое. Это не пустыя слова. Подслѣдственные сильно страдаютъ отъ недостатка одежды: у нихъ отбираютъ верхнюю одежду, оставляютъ въ одномъ бѣльѣ и даютъ надѣвать сверху

никуда негодный тюремный халатъ, кое какъ сшитый изъ дряннаго, жесткаго какъ бумага, сукна. Вы видите, что сравнительно съ этимъ костюмомъ арестантскій составляетъ положительную роскошь.

Нечего говорить, что намъ не даютъ ножницъ; но отказываются *стричь намъ ногти*. Изъ всѣхъ человѣческихъ потребностей за нами признаны только двѣ: мы можемъ принимать небольшое количество пищи и извергать ее; мы низведены на степень дождевыхъ червей. Но есть сила, которая дастъ намъ возможность, если не жить, (потому что это физически не возможно), то, по крайней мѣрѣ, страдать и умирать; это — мысль, что мы служимъ точкою опоры для рычага революціи. Какъ добрый геній, она неотступно при насъ, она дѣлаетъ насъ нечувствительными къ своимъ страданіямъ. Ночью она не отходитъ отъ нашего изголовья, колышетъ и убаюкиваетъ насъ. Утромъ, когда насъ будитъ лязгъ отпираемыхъ замковъ и засововъ и торжествующее бряцаніе шпоръ и мы готовы проклясть народившійся день,—она уже снова около насъ, застилаетъ непроницаемымъ покровомъ отъ нашихъ взоровъ неприглядную дѣйствительность и на своихъ всеисцѣляющихъ крыльяхъ уноситъ насъ за предѣлы тюрьмы, за предѣлы одичалаго, безстыжаго варварства, и раскрываетъ передъ нами книгу судебъ человѣчества. Чѣмъ больше страданья и униженія, которымъ насъ подвергаютъ, тѣмъ выше становится полетъ нашихъ мыслей. Современность кажется жалкой и мелкой; умъ поражается лѣнивою небрежностью и медлительностью, съ которою человѣчество подвигается къ свѣтлымъ идеаламъ, ожидающимъ его въ будущемъ.

Поразительный фактъ! Люди, унижающіе насъ, не смѣютъ насъ презирать! Мы видимъ это ясно въ замѣшательствѣ какого нибудь административнаго лица, случайно столкнувшись съ нимъ, когда мы, слабые, плетемся на прогулку, или когда это лицо, послѣ полугодоваго отсутствія, заходитъ къ намъ въ камеру. Передъ больнымъ, согбеннымъ арестантомъ, для чего этотъ трепетъ, этотъ станъ невольно сгибающійся въ почтительный поклонъ, этотъ взоръ полный ужаса и вмѣстѣ съ тѣмъ уваженія? Видятъ ли они въ это время сіяніе на нашихъ лицахъ и вѣнецъ мученичества надъ нашими головами?!... Во избѣжаніе столь тягостныхъ для нихъ впечатлѣній начальство тюрьмы предпочитаетъ

скрываться отъ насъ. Лѣсника (смотрителя) невозможно дозваться, а комендантъ и совсѣмъ не показывается. Мы всецѣло предоставлены власти солдатъ и служителей, которые контролируются постоянно и всюду сопровождающими ихъ жандармами. Служитель иначе какъ въ присутствіи жандарма не имѣетъ права подойти къ дверной форточкѣ заключеннаго, а еще менѣе — войти къ нему въ камеру. Связь съ жандармами, хотя и навязанная, потушила послѣднюю искру человѣчности въ служителяхъ. На отвратительную экзекуцію они идутъ какъ на пиръ. Фроловъ (палачъ) по сравненію съ ними невинное дитя, у нихъ постоянно руки по локоть въ нашей крови, отъ нихъ пахнетъ паленымъ человѣческимъ мясомъ. Обращеніе ихъ съ нами до и послѣ приговора рѣзко отличается. Пока человѣкъ подъ слѣдствіемъ, въ особенности когда онъ при деньгахъ, и можетъ содержаться на собственныя деньги, они прислуживаютъ даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ: барину послужить пріятно. Не то послѣ приговора. Они нахальны и злы. Конечно и инструкціи, получаемыя ими, соотвѣтственны. Они отказываются исполнять справедливѣйшія изъ вашихъ требованій, отвѣчать на самый простой вашъ вопросъ и вы скоро перестаете обращаться за чѣмъ бы то ни было. Для васъ наступаетъ абсолютное молчаніе. Молча подходятъ къ вашей дверной форточкѣ и подаютъ вамъ ѣду; для прогулки передъ вами молча отпираютъ двери и вы также, при первомъ боѣ курантовъ, возвращаетесь обратно. Если вы зададите вопросъ: какое сегодня число? вы не получите отвѣта. Вотъ почему у насъ не рѣдки случаи, что заключенный, потерявъ возможность сообщаться съ товарищами, сбивается во времени и уже не имѣетъ возможности исправить ошибку. Сначала онъ спутается въ дняхъ, потомъ въ мѣсяцахъ; такъ живетъ онъ въ хаосѣ времени, а если онъ боленъ и не выходитъ на прогулки, не видитъ, слѣдовательно, клочка природы, называемаго тюремнымъ садикомъ, онъ потеряетъ даже возможность опредѣлять времена года: въ камерѣ всегда холодно и сыро.

Осуждать ли безусловно служителей? называть ли ихъ преступниками? Они стали безсознательно преступны, не бывши никогда сознательно невинны.

Случается, наша гробовая жизнь нарушается таинствен-

ными посѣщеніями. По ночамъ безшумно отпираются садовыя двери, ведущія въ общій корридоръ, окружающій весь бастіонъ съ внутренней его части, кто то торопливыми шагами въ сопровожденіи служителей и жандарма направляется къ одной изъ камеръ и остается въ ней по часу, по два. Не утѣшитель ли явился? Не прольетъ ли онъ живительный бальзамъ на больное тѣло, или въ больную душу? Нѣтъ, здѣсь нѣтъ доступа добру; здѣсь рыщутъ гіены и шакалы. Сюда явился представитель учрежденія, недавно еще славившагося либеральнымъ, а нынѣ превратившагося въ контору сыска и продажи душъ. Сюда пришелъ прокуроръ судебной палаты Муравьевъ, — и горе человѣку, къ которому направляются его шаги. Человѣкъ этотъ уже не принадлежитъ себѣ, онъ уже совершилъ запродажу своей совѣсти, своего добраго имени, жизни друзей и знакомыхъ. Покупщикъ явился за своей добычей. Страшныя муки превзошли человѣческія силы и человѣкъ палъ. И все же, надо правду сказать, падшихъ между нами немного. Чаще Муравьевъ имѣетъ случай посѣщать подслѣдственныхъ.

Садъ, о которомъ мы упомянули, находится посреди бастіона, окруженъ его пятью стѣнами. Въ него выходятъ ворота зданья, всегда запертыя, и двое дверей въ противоположныхъ сторонахъ. Онъ служитъ для разныхъ таинственныхъ цѣлей: чрезъ него проносятъ покойниковъ и черезъ него же проводятъ заключенныхъ въ случаѣ внезапныхъ изъятій, дабы не возбудить вниманія сосѣднихъ камеръ. Въ немъ совершаются наши прогулки, о которыхъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Въ тѣ часы, когда мы гуляемъ, у воротъ и обѣихъ дверей стоитъ по часовому съ ружьемъ; мы выходимъ изъ дверей, ближайшихъ къ нашей камерѣ. Впереди провожаетъ нашъ служитель, позади жандармъ. Выпускаетъ насъ на прогулку другая пара служителя и жандарма, на обязанности которыхъ производить обыскъ каземата въ наше отсутствіе. Жандармы любятъ гулять съ фокусами. Напр., жандармъ становится въ концѣ дорожки, по которой вы идете, такъ что проходя мимо, вы почти задѣваете его, и только вы прошли, онъ кидается за вами слѣдомъ провожаетъ васъ на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ и возвращается на прежнее мѣсто, чтобы при слѣдующемъ вашемъ проходѣ повторить свой маневръ. Это продолжается во время всей прогулки. Если вамъ надоѣстъ

видъ окружающей обстановки и вы закините голову вверхъ, чтобы взглянуть на облака, онъ тоже смотритъ по одному направленію съ вами, не видите ли вы чего нибудь недозволеннаго, т. е. нѣтъ ли на деревѣ записки, или не видите ли вы кого нибудь въ окно. Посреди садика находится баня, въ которой мы моемся по разу въ мѣсяцъ и въ которой весьма легко заразиться сифилисомъ, такъ какъ въ ней же моются солдаты, между которыми много сифилитиковъ. Они же ѣдятъ нашими ложками и пьютъ изъ нашихъ кружекъ.

Вернувшись съ прогулки къ себѣ въ камеру, вы находите постель разрытою и брошенною въ безпорядкѣ, стѣны въ разныхъ мѣстахъ поскобленными нарочно для того имѣющеюся палочкой, хотя вы на нихъ ничего не писали, зная здѣшніе обычаи, а главное не имѣя, чѣмъ писать. Но эти соображенія не останавливаютъ ревности служителей и жандармовъ. Изо всѣхъ угловъ повытаскана пыль и валяется по полу; все, что можно, осмотрѣно и обшарено. Какими непріятностями ни сопровождались бы наши прогулки, какъ коротки бы онѣ не были, все же еще находятъ возможнымъ лишать насъ ихъ и не дать подышать намъ чистымъ воздухомъ. За малѣйшій стукъ въ стѣну, за громкій кашель, за громкую ходьбу по камерѣ за сорванный листокъ въ саду, насъ оставляютъ безъ прогулокъ на нѣсколько дней, иногда на цѣлыя недѣли. Положеніе женщинъ здѣсь особенно ужасно и должно обратить на себя вниманіе всего цивилизованнаго міра. Наравнѣ съ нами онѣ отданы во власть служителей и жандармовъ; ихъ полу не оказывается ни малѣйшаго вниманія. Ихъ постели, какъ и наши, ежедневно разрываются при обыскахъ. Ихъ бѣлье прямо съ тѣла разсматривается цѣлой сворой солдатъ и жандармовъ во всякое время, не исключая и времени менструацій.

Правда, служитель или жандармъ въ одиночку не имѣетъ права входить въ ихъ камеры, какъ и въ наши, но развѣ они не могутъ стакнуться? Между ними царствуетъ самая трогательная дружба, а потому *случаи насилія весьма возможны, и попытки къ нимъ бывали не рѣдко.* Имъ во время болѣзни никто не протянетъ руки помощи, не подастъ стакана воды; а при истерическихъ припадкахъ вся помощь, которую имъ окажутъ, состоитъ въ томъ, что ихъ *обольютъ*

водой и зажмутъ ротъ полотенцемъ, чтобъ заглушить ихъ крики.

Со времени введенія „правилъ“ голодные бунты у насъ не прекращаются. Они производятся въ одиночку, или группами, или же сразу охватываютъ всю каторжную тюрьму, за исключеніемъ тяжело больныхъ. Большею частью они имѣютъ цѣлью добиться чтенія книгъ, выписки чаю на свой счетъ и проч. или вызваны какимъ нибудь особеннымъ звѣрствомъ администраціи. Можно сказать, что ни въ одной тюрьмѣ голодающіе не доводятся до такой ужасающей крайности. И вотъ когда всего ярче обнаруживается, какъ сильно ищутъ нашей смерти. Буквально у насъ прекращаютъ голодать на краю могилы и въ рѣдкихъ случаяхъ добившись хоть небольшой уступки. Не смотря на то, что въ продолженіе 4 лѣтъ бунты постоянно повторяются, — варварская мѣра, запрещающая чтеніе книгъ, не отмѣняется: почти у всѣхъ отобраны даже евангелія. Какъ ужасно голодовки подрываютъ наши силы, когда приходится поправляться кипяткомъ и чернымъ хлѣбомъ! Но выбора нѣтъ, и мы предпочитаемъ умереть съ голоду, нежели сходить съ ума и быть истязуемыми.... Пора кончить.

Друзья и братья! изъ глубины нашей темницы, говоря съ вами, вѣроятно, послѣдній разъ въ жизни, мы шлемъ вамъ нашъ завѣтъ: Въ день побѣды революціи, которая есть торжество прогресса, пусть она не запятнаетъ этого святаго имени актами насилія и жестокости надъ побѣжденнымъ врагомъ. О, если бы мы могли послужить жертвами искупленія не только для созданія свободы въ Россіи, но и для увеличенія гуманности во всемъ остальномъ мірѣ! человѣчество должно отказаться отъ одиночнаго заключенія для осужденныхъ, отъ насилія и истязаній заключенныхъ, въ какомъ бы то ни было видѣ, какъ оно отказалось отъ колеса, дыбы, костра и проч.

Привѣтъ вамъ, привѣтъ Родинѣ, привѣтъ всему живому!

Летучая типографія «Нар. Воли.» С.-Петербургъ 2 окт. 1883 г.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ

Надъ незарытой еще могилой поэта, у его свѣжаго трупа происходитъ настоящая свалка. Среди этого шума и гама громче всѣхъ раздаются голоса нововременскихъ флюгеровъ, у которыхъ за душой не имѣется ни одного истиннаго, непродажнаго чувства, а въ головѣ никакой ясной политической программы, кромѣ программы чуткаго прислушиванія къ вѣяніямъ времени. Въ годину небывалаго пригнетенія родины эти бульварные руководители общественнаго мнѣнія ударяются въ область красоты, искусства для искусства и какой-то якобы высшей правды, внѣ условій мѣста и времени; во имя формы глумятся надо всѣмъ, въ чемъ просвѣчиваетъ ненавистная имъ революціонная мысль и чувство. Умеръ Тургеневъ — они и его привлекаютъ въ свои жирныя объятія, и его торопятся отдѣлить ревнивой стѣной отъ всякой злобы дня, отъ русской молодежи, отъ ея идеаловъ, надеждъ и страданій; лицемѣрно преклоняясь передъ нимъ, лицемѣрно захлебываясь отъ восторга, они силятся доказать, что онъ былъ художникъ-поэтъ и ничего больше, пропагандистъ отвлеченной отъ жизни красоты и правды, и что въ этомъ будто бы и заключается его великое общественное значеніе. Забитые въ уголъ либералы пытаются протестовать противъ такой узкой постановки вопроса; но съ другой стороны имъ ужасно хочется прицѣпиться къ такому удобному случаю, какъ погребеніе Тургенева, и отвести свою наболѣвшую либеральную душу хотя бы въ грандіозной демонстраціи легальнаго свойства. Они дрожатъ и трусятъ, какъ бы кто не вырвалъ у нихъ изъ рукъ этого предвкушаемаго наслажденія, и съ пѣной у рта ополчаются поэтому на Лаврова, опубликовавшаго извѣстное письмо, клянутся всѣми существующими клятвами въ чистотѣ своихъ помысловъ и намѣреній. Они забываютъ при этомъ даже то, что Тургеневъ, видя угнетеніе русской печати, не могъ не сочувствовать свободному слову. Этимъ и объясняется и слабость ихъ протеста противъ нововременской характеристики Тургенева, какъ исключительно художника. Но намъ, русскимъ революціонерамъ, нечего страшиться; для нашихъ

цѣлей совершенно безразлично, великолѣпны будутъ похороны Тургенева или же нѣтъ: намъ важно не временное самоуслажденіе, которымъ способны удовлетвориться господа либералы, а осязательные, реальные факты, смѣлые и замѣтные шаги впередъ. Поэтому мы можемъ громко сказать, кто былъ Тургеневъ для насъ и для нашего дѣла. Баринъ по рожденію, аристократъ по воспитанію и характеру, „постепеновецъ“ по убѣжденіямъ, Тургеневъ, быть можетъ, безсознательно для самого себя своимъ чуткимъ и любящимъ сердцемъ сочувствовалъ и даже служилъ русской революціи. Не за красоту слога, не за поэтическія и живыя описанія картинъ природы, наконецъ, не за правдивыя и неподражаемо-талантливыя изображенія характеровъ вообще—такъ страстно любитъ Тургенева лучшая часть нашей молодежи, а за то, что Тургеневъ былъ честнымъ провозвѣстникомъ идеаловъ цѣлаго ряда молодыхъ поколѣній, пѣвцомъ ихъ безпримѣрнаго, чисто русскаго идеализма, изобразителемъ ихъ внутреннихъ мукъ и душевной борьбы, — то страшныхъ сомнѣній, то беззавѣтной готовности на жертву. Образы Рудина, Инсарова, Елены, Базарова, Нежданова и Маркелова — не только живые и выхваченные изъ жизни образы, но, какъ ни страннымъ покажется это съ перваго взгляда,—это типы, которымъ подражала молодежь и которые сами создавали жизнь. Борцовъ за освобожденіе родного народа еще не было на Руси, когда Тургеневъ нарисовалъ своего Инсарова; по базаровскому типу воспиталось цѣлое поколѣніе такъ называемыхъ нигилистовъ, бывшихъ въ свое время необходимой стадіей въ развитіи русской революціи. *Безъ преувеличенія можно сказать, что многіе герои Тургенева имѣютъ историческое значеніе.* Глубокое чувство сердечной боли, проникающее „Новь“ и замаскированное мѣстами тонкой ироніей, не уменьшаетъ нашей любви къ Тургеневу. Мы, вѣдь, знаемъ, что эта иронія не иронія нововременскаго или катковскаго лагеря, а сердца, любившаго и болѣвшаго за молодежь. Да къ тому же, не съ подобной-ли же ироніей относимся теперь сами мы къ движенію семидесятыхъ годовъ, въ которомъ, не смотря на его несомнѣнную искренность, страстность и героическую самоотверженность, дѣйствительно было много наивнаго? . . . . Г.Г. Стасюлевичами, Я. Полонскими и комп., якобы друзьями покойнаго, опу-

бликованы какъ письменныя, такъ и устныя мнѣнія И. С. Тургенева о русской революціи, въ которую онъ будто бы не вѣрилъ и которой не служилъ. Но мы и не утверждаемъ, что онъ вѣрилъ. Нѣтъ, онъ сомнѣвался въ ея близости и осуществимости путемъ геройскихъ схватокъ съ правительствомъ; быть можетъ, онъ даже не желалъ ея и былъ искреннимъ постепеновцемъ — это для насъ безразлично. Для насъ важно, что онъ служилъ русской революціи сердечнымъ смысломъ своихъ произведеній, что онъ любилъ революціонную молодежь, признавалъ ее „святой" и самоотверженной... Катковъ съ нами согласенъ. Согласно и правительство, разославшее 17-го сентября всѣмъ петербургскимъ редакціямъ циркуляры слѣдующаго содержанія: „Не сообщать рѣшительно ничего о полицейскихъ распоряженіяхъ, предпринимаемыхъ по случаю погребенія И. С. Тургенева, ограничиваясь сообщеніемъ лишь тѣхъ свѣдѣній по этому предмету, которыя будутъ опубликованы въ оффиціальныхъ изданіяхъ" (№ 3359).

ПОРОГЪ

(Стихотвореніе въ прозѣ)

Я вижу громадное зданіе. Въ передней стѣнѣ узкая дверь раскрыта настежъ; за дверью угрюмая мгла, передъ высокимъ порогомъ стоитъ дѣвушка... русская дѣвушка.

Морозомъ дышетъ та непроглядная мгла, и вмѣстѣ съ леденящей струей выносится изъ глубины зданія медлительный, глухой голосъ.

„О ты, что желаешь переступить этотъ порогъ, знаешь ли ты, что тебя ожидаетъ?"

— Знаю, отвѣчаетъ дѣвушка.

«Холодъ, голодъ, ненависть, насмѣшки, презрѣніе, обида, болѣзнь, самая смерть?»

— Знаю.

«Отчужденіе, полное одиночество?»

— Знаю... я готова. Я перенесу всѣ страданія, всѣ удары.

«Не только отъ враговъ, но и отъ родныхъ, отъ друзей?»

— Да... и отъ нихъ.

«Хорошо. Ты готова на жертву?»

— Да.

«На безымянную жертву? Ты погибнешь, — и никто... никто не будетъ даже знать, чью память почтить.»

— Мнѣ не нужно ни благодарности, ни сожалѣнія. Мнѣ не нужно имени.

«Готова-ли ты на преступленіе?»

Дѣвушка потупила голову.

— И на преступленіе готова...

Голосъ не тотчасъ возобновилъ свои вопросы.

«Знаешь ли ты, заговорилъ онъ, наконецъ, что ты можешь разувѣриться въ томъ, чему вѣришь теперь, можешь понять, что обманулась и даромъ погубила свою молодую жизнь?»

— Знаю и это. И все-таки я хочу войти.

«Войди!»

Дѣвушка перешагнула порогъ — и тяжелая завѣса упала за нею.

«Дура!» — проскрежеталъ кто-то сзади.

«Святая!» — пронеслось откуда-то въ отвѣтъ.

И. Тургеневъ.

Лет. тип. «Народной Воли». С.-Петербургъ 25 сент. 1883 г.

КЪ РУССКОМУ ЮНОШЕСТВУ

ОТЪ ЦЕНТРАЛЬНАГО КРУЖКА „СОЮЗА МОЛОДЕЖИ ПАРТІИ НАРОДНОЙ ВОЛИ“

I. Товарищи! Не со вчерашняго дня началось въ Россіи революціонное движеніе; много жертвъ принесено и цѣной ихъ куплено не мало побѣдъ. Въ культурные слои русскаго народа, въ интеллигентную часть общества заброшена искра, погасить которую теперь уже невозможно; въ центрѣ этого общества создалась самоотверженная организація, выставляющая опредѣленный вполнѣ и жизненный соціальный и политическій идеалъ, а равно и программу избранныхъ ею способовъ проведенія этого идеала въ жизнь. Мы разумѣемъ партію „Народной Воли“, стремящуюся терро-

ризировать правительство, поднять народное сознаніе и урегулировать начинающееся въ народѣ движеніе. Какъ бы ни были незначительны силы этой партіи, какъ бы ни велики были разгромы, которые время отъ времени производитъ въ ея средѣ правительственная опричина, мы глубоко вѣримъ въ то, что революціонное дѣло не можетъ погибнуть. Нѣсколько лѣтъ громкой борьбы, неслыханныхъ подвиговъ самоотверженія сдѣлали свое дѣло: создались прочныя традиціи, на почвѣ которыхъ, въ случаѣ нужды, всегда сплотится новая организація, уже болѣе совершенная. Разрушенное вчера и сегодня воскреснетъ завтрашній день.

Но такъ сильно вѣря въ живучесть русской революціонной партіи, мы не хотимъ сказать, что можемъ сидѣть сложа руки и спокойно смотрѣть на чудовищную бойню, происходящую у насъ на глазахъ, въ ожиданіи побѣды. Партія, безъ сомнѣнія, найдетъ кѣмъ пополнить убывшіе ряды; но мы думаемъ, что этихъ силъ, всецѣло отдающихся революціонному дѣлу, готовыхъ всѣмъ и во всякую минуту пожертвовать, тѣсно сомкнуться въ дружную боевую организацію, всегда было и всегда будетъ недостаточно много. Одна и сама по себѣ, безъ поддержки окружающей среды и другихъ не всецѣло-революціонныхъ (самоотрекшихся) организацій, партія „Нар. Воли" не въ состояніи исполнить всѣхъ возлагаемыхъ на нее исторіею функцій. Поддержка должна быть не только матеріальная, но и идейная. Поставивъ своею первою и главною задачею борьбу съ абсолютизмомъ, разрушеніе правящей системы, партія неизбѣжно будетъ вынуждена или совершенно забросить другія, не менѣе важныя стороны дѣла, или же удѣлять имъ несравненно меньше силъ и вниманія. Пропаганда въ обществѣ и въ народѣ идеи соціальнаго переустройства, вызовъ къ жизни новыхъ революціонныхъ силъ, выработка начинающихъ протестантовъ, должны быть причислены, въ большей или меньшей степени, къ подобнымъ сторонамъ революціоннаго дѣла. Работать среди „сочувствующей" и рвущейся къ дѣятельности, но еще не сложившейся молодежи, посвятить ей все свое время и способности, человѣкъ партіи въ большинствѣ случаевъ не можетъ: у него не хватитъ времени и силъ для организаціи *готовыхъ* элементовъ, для веденія собственно революціонныхъ дѣлъ.

Этимъ и объясняется то печальное положеніе, въ которомъ находилось и находится русское молодое поколѣніе: только отдѣльныя личности изъ молодежи, подобно талантамъ-самоучкамъ, складываясь безъ посторонней поддержки и помощи, вступаютъ въ революціонную организацію, уже готовыя къ борьбѣ, массы же, будучи по существу революціонны, нуждаются въ прохожденіи цѣлой воспитательной школы, чувствуютъ потребность въ руководительствѣ, въ толчкахъ со стороны, въ чужой иниціативѣ и, за отсутствіемъ всего этого, тратятъ силы на мелочахъ, бросаются изъ стороны въ сторону, проводятъ время въ разговорахъ и кончаютъ въ большинствѣ случаевъ очень печально.

Накопившіяся молодыя силы, давно сдерживаемыя и нигдѣ не находившія выхода внутреннимъ порывамъ и стремленіямъ, прорываются иногда наружу съ неудержимой, чисто стихійной силой и пропадаютъ за какіе нибудь пустяки, ничего не добившись. Мы разумѣемъ студенческія волненія, изъ года въ годъ повторяющіяся съ какой-то фатальной правильностью и неизбѣжностью. Для сильныхъ натуръ эти волненія, быть можетъ, и приносятъ нѣкоторую пользу: извѣстно, что „зрѣетъ и крѣпнетъ душа подъ грозой“, но для большинства, состоящаго изъ людей честныхъ порывовъ, а не твердо сложившихся убѣжденій, высылка на родину или на чужую сторону, со всѣми ея матеріальными и духовными лишеніями, дѣйствуетъ несомнѣнно пагубно. Что касается той счастливѣйшей или „благоразумнѣйшей“ части студенчества, которая или не участвуетъ въ сходкахъ или протестахъ, или не платится за нихъ ссылкою, то каждый новый годъ пребыванія въ высшемъ учебномъ заведеніи ведетъ эту молодежь не къ развитію революціонныхъ силъ и способностей, а къ внутреннему измельчанію и деморализаціи. Въ концѣ концовъ молодой учитель или врачъ отправляется въ провинцію безъ всякихъ твердыхъ убѣжденій, безъ всякой стройной програмы дѣятельности—и, покинѣвъ на первыхъ порахъ благими культуртрегерскими намѣреніями и планами, кончаетъ тѣмъ, что увеличиваетъ и безъ того многочисленные ряды безразличныхъ и безполезныхъ.

Да, товарищи! давно уже сознается и чувствуется молодежью потребность въ организаціи. Не достаетъ намъ сплоченности, не достаетъ тѣсной нравственной солидарно-

сти, которыхъ въ свою очередь нѣтъ потому, что нѣтъ у насъ общей всѣмъ кружкамъ и группамъ теоретической и практической програмы, нѣтъ общихъ задачъ и цѣлей, нѣтъ общесознанныхъ средствъ ихъ достиженія. Центральный кружокъ „Союза молодежи партіи Н. В.“ и задается подобною цѣлью: организовать вокругъ себя тѣсно сплоченное ядро, — не исключительно боевого (террористическаго) характера (это было бы невозможно по самому качеству составныхъ элементовъ организаціи, какъ не окончательно готовыхъ), но соціально-революціоннаго въ обширномъ смыслѣ этого слова; наша задача: образовать союзъ, который своимъ умственнымъ и нравственнымъ вліяніемъ объединилъ бы многочисленные кружки протестующей молодежи, существующіе въ настоящее время въ разрозненномъ видѣ, вдохновлялъ бы ихъ на пропаганду соціально-революціонныхъ идей, указалъ всѣмъ и каждому посильную и полезную для дѣла работу и такимъ образомъ сталъ школой, въ которой бы нормально развивались и крѣпли революціонные дѣятели. Не пора ли, въ самомъ дѣлѣ, оставить мелкую борьбу съ врагомъ на почвѣ кастовыхъ (студенческихъ) интересовъ и готовиться къ борьбѣ серьезной и великой? Революціонная интеллигенція—единственная сила, могущая прійти на помощь нашему обездоленному народу, и нашъ долгъ—пополнять ея ряды новыми дѣятелями, ясно сознающими задачи своей дѣятельности, самоотверженными, неуклонно стремящимися къ осуществленію своихъ идеаловъ. Пора прекратить и наши нескончаемые споры о томъ, гдѣ цѣлесообразнѣе работать, непосредственно ли въ народѣ, или лицомъ къ лицу съ его врагомъ, правительствомъ. Эти споры ни къ чему не приводятъ и только взаимно раздражаютъ. А между тѣмъ горизонтъ революціонной мысли съ каждымъ днемъ свѣтлѣетъ и расширяется. Работы безконечно много и ужъ, разумѣется, для всѣхъ ея хватитъ. Придерживаясь того убѣжденія, что смыслъ даннаго историческаго момента требуетъ, чтобы въ Россіи была поставлена на первый планъ политическая борьба и на нее направлено возможно больше готовыхъ силъ, мы не можемъ, однако, не задумываться о томъ днѣ, когда абсолютизмъ рухнетъ и на арену исторіи выступитъ народъ. Такимъ образомъ, молодежь, которая, признавая смыслъ и значеніе политическаго террора и даже отдавая ему предпочтеніе,

лично тѣмъ не менѣе рвется работать надъ пробужденіемъ собственно народнаго сознанія, — эта молодежь, конечно, можетъ идти рука объ руку съ нами. Центральный кружокъ совершенно искренне надѣется, что „Союзъ молодежи партіи Н. В.“ съумѣетъ внести въ свои отношенія къ кружкамъ и отдѣльнымъ личностямъ, не вполнѣ раздѣляющимъ его соціальныя и политическія воззрѣнія, возможно больше безпристрастія и терпимости.

II. Отношеніе къ дѣйствующей партіи.

Основанный нами союзъ назвалъ себя „Союзомъ молодежи партіи Народной Воли“. Это названіе ничего не говоритъ еще о какомъ либо обязательномъ подчиненіи его Исполнительному Комитету. Но мы вполнѣ раздѣляемъ соціальныя и политическія воззрѣнія партіи „Нар. Воли“, мы сочувствуемъ избраннымъ ею средствамъ и путямъ дѣятельности, мы считаемъ ея дѣло своимъ собственнымъ дѣломъ, какъ дѣло всѣхъ мыслящихъ и честныхъ гражданъ, мы находимъ, наконецъ, что теорія этой партіи единственно жизненная революціонная теорія для Россіи данной исторической минуты. Эта теорія достаточно широка для того, чтобы объединить искренно желающихъ работать для дѣла освобожденія: сами народники „Чернаго Передѣла“, въ лицѣ г.г. Плеханова и Аксельрода, пришли въ настоящее время къ рѣшенію, что полное сліяніе ихъ съ „Нар. В.“ затрудняется „только разногласіемъ по вопросу о такъ называемомъ захватѣ власти“, т. е. по такому вопросу, который относится къ будущему и рисуется народовольцамъ, какъ одно изъ безчисленныхъ pia desideria. Паденіе русскаго абсолютизма можетъ совершиться гораздо прежде, чѣмъ партія будетъ въ силахъ осуществить подобный захватъ, т. е. выступить въ роли временнаго революціоннаго правительства.

Однимъ словомъ, ставя себѣ цѣлью создать молодой союзъ широкаго соціально-революціоннаго характера, чуждый узкой партіозности, могущей убить личность и ея иниціативу, затормозить развитіе личныхъ способностей, мы тѣмъ не менѣе, не опасаемся показаться на первыхъ же порахъ узко-партіозными, становясь подъ знамя Народной Воли — и заявляемъ, что посильную помощь Исполнительному Комитету считаемъ для себя нравственно-обязательной.

III. Организація Союза и программа дѣятельности.

1) Въ Союзъ входитъ неограниченное число совершенно равноправныхъ кружковъ революціонной молодежи, желающей заняться пропагаторской или практической дѣятельностью, но еще нуждающейся, по собственному сознанію, въ товарищеской помощи, въ рядѣ опытовъ надъ своими силами, чувствующей себя еще недостойной числиться въ рядахъ революціонной партіи. Центральный кружокъ служитъ для Союза органомъ единства, сношеній между отдѣльными кружками, между Союзомъ и партіей, наконецъ, исполнительнымъ органомъ. Въ принципіальныхъ же и другихъ важныхъ вопросахъ рѣшающее значеніе имѣетъ собраніе представителей составныхъ кружковъ Союза, въ которое входитъ одинъ представитель и отъ центральнаго кружка.

2) Главная задача Союза, какъ союза молодыхъ, неокончательно готовыхъ въ практическомъ смыслѣ революціонныхъ силъ, должна быть по преимуществу идейная: развитіе среди молодежи и общества критическаго отношенія къ дѣйствительности, пропаганда соціалистическихъ идей (если окажется возможнымъ и въ народѣ также), подъемъ умственнаго уровня въ самой революціонной средѣ. Это не простой союзъ кружковъ саморазвитія, въ которыхъ молодежь, занимаясь выработкой взглядовъ на различные общественные и политическіе вопросы, можетъ не имѣть опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій, не опредѣлить еще въ собственномъ сознаніи, къ какой партіи и съ какою силой она тяготѣетъ. Цензъ для вступленія въ одну изъ группъ Союза долженъ быть значительно выше, при чемъ желательно, чтобы его опредѣляло, главнымъ образомъ, собственное сознаніе вступающаго, чтобы, такимъ образомъ, члены Союза сами сознавали въ себѣ революціонную способность дерзанія и иниціативы.

3) Кругъ практической дѣятельности Союза, въ которой члены его могутъ пытать свои практическія силы, можетъ быть также очень широкъ. Занятія съ рабочими представятъ одну изъ наиболѣе серьезныхъ и революціонныхъ сторонъ этой дѣятельности. Организація побѣговъ политическихъ арестантовъ и административно-ссыльныхъ, иногда дѣло крайне легкое, и тѣсно примыкающая къ нему орга-

низація денежнаго и паспортнаго дѣла, заведеніе связей съ провинціями, оставленными до сихъ поръ на произволъ судьбы, а также съ различными легальными учрежденіями и нелегальными кружками и группами конституціоналистовъ, либераловъ и т. п., все это представляетъ обширное поле для самой дѣятельной и полезной работы.

Спб. 1 февраля 1884 г.

Типографія „Народной Воли“, 21 февраля 1884 г.

AU PEUPLE FRANÇAIS!

Le Comité exécutif du Parti révolutionnaire Russe

(*La Justice*, 5 Mars 1880).

Citoyens français! C'est la première fois que nous vous adressons la parole au nom du peuple russe, et c'est à cause d'un fait, qui n'a pas de précédent, un fait qui nous paraît improbable, et qui, pourtant, menace de se réaliser.

Le gouvernement russe exige que la France lui livre Hartmann. Nous n'allons pas approfondir la question de savoir si la personne dite est vraiment Hartmann, et quelle part celui-ci avait prise à l'explosion du 19 novembre. Le principe seul nous intéresse.

Un émigré politique russe, qui ne peut être accusé que d'avoir pris part à la lutte révolutionnaire de son peuple, contre le gouvernement, peut-il être livré par la France libre et républicaine à un gouvernement asiatique et despotique, qui tient sous ses chaînes tout le peuple russe, hostile à sa politique? Ce serait une injustice criante, une injustice historique, capable d'anéantir toute foi au triomphe de la vérité et à la fraternité des nations.

Quant à nous, Russes, les meilleurs représentants de notre société suivaient toujours avec une vive attention la marche progressive de la France; ils applaudissaient à la victoire de la liberté chez vous; ils s'adonnaient à une tristesse profonde pendant les moments terribles où le peuple français succombait dans la lutte contre la tyrannie. Les grands principes

de 89 sont devenus depuis longtemps des articles de foi pour les hommes d'élite de la société russe.

Citoyens français ! vous n'ignorez pas cette sympathie profonde de la Russie éclairée pour la France progressiste et libre, notre foi à nous, Russes, en la France, avant-garde de l'humanité sur le chemin de la liberté ! Ce sont des faits historiques qu'il suffit de constater. Qu'est-ce donc qui vous porte, vous, nos frères français, à devenir les complices du despotisme le plus lourd ?

Pourquoi voulez-vous aider le tzarisme à asservir notre malheureuse patrie et à lui enlever ses meilleurs fils ? Vous, les premiers apôtres de la liberté, vous qui avez aboli tant de tyrannies, pourquoi nous empêcheriez-vous de nous délivrer de notre tyrannie? Non, cela ne se peut! Vous n'en êtes pas capables. Quel mal vous avons-nous fait? N'oubliez pas, citoyens français, que c'est nne oppression atroce qui nous fait recourir aux armes. Notre gouvernement qui épuise le pays par une dilapidation systématique et le mène à une chute imminente, ne provoquait jamais que haine et mépris dans la partie éclairée du peuple. Et pourtant les révolutionnaires russes de nos jours n'avaient nulle intention de recourir à la force.

Notre but était un but de culture et d'humanité. Nous aspirions à rehausser le niveau intellectuel du peuple, à lui donner la conscience de ses droits et de son être. Pour toute arme nous n'avions que la propagande des idées progressistes. Nous comptions sur le développement graduel du peuple pour la régénération de la Russie, sur les réclamations des masses pour modifier le caractère même du gouvernement.

Malheureusement, c'était une erreur cruelle. Le gouvernement de tout temps ennemi de toute idée de liberté, de toute action indépendante, se mit à nous poursuivre avec acharnement.

Toute l'Europe connaît l'histoire des milliers de personnes arrêtées sous l'inculpation de propagande ; la foule de malheureux livrés à une mort lente dans les prisons, dans les steppes de Sibérie et d'Arkhangel ; l'histoire de nos innombrables procès politiques et des prévenus détenus pendant quatre et cinq ans ; mais l'Europe ignore peut-être qu'en Russie c'est un crime d'apprendre à lire au paysan, de soigner les villageois malades, de mener une vie simple, ayant une fortune considérable; il y a eu bien d'autres accusations

dont on nous accablait. — L'Europe ignore peut-être la manière atroce dont on en use chez nous envers tout personnage mal noté par le gouvernement.

Nous avons vu Trepoff fouetter Bogoluboff, nous avons vu des gendarmes, pendant les perquisitions, casser les dents à Mme Zvileneff; déshabiller des jeunes filles et injurier leur faiblesse. Tandis que s'accomplissaient ces actes de rude barbarie notre gouvernement redoublait la vigilance de sa police en forme de portiers, de gendarmes de village, d'espions aussi bêtes qu'avides de récompenses, empoisonnait la vie privée de chaque Russe, s'entremêlant dans ses relations les plus intimes, et ce qui est plus grave, lui rendait impossible, toute honnête activité publique, sans excepter celle du maître d'école et du membre de la municipalité.

Cet état de choses insupportable où notre gouvernement comptait trouver le rétablissement de «l'ordre» nous força d'accepter le combat.

L'incompatibilité d'un développement régulier des masses et de l'organisation politique actuelle de la Russie, était devenue évidente ; l'abolition du despotisme, la réorganisation des institutions, devaient nécessairement être le premier pas dans le développement du pays. La position était claire à nos yeux, notre devoir nous força d'engager une lutte ouverte avec le gouvernement.

Aujourd'hui nous voyons la Russie agitée d'un bout à l'autre, opprimée par un cruel arbitraire, unique dans l'histoire; nous voyons dans toutes les villes des dizaines de potences, des défilés sans fin d'exflés allant peupler la Sibérie, le Mezen, le Kola ; nous voyons les prisons regorgeant de martyres victimes expiatoires pour la liberté, pour la cause du peuple. En même temps nous voyons que toutes les classes de la société murmurent, que les paysans s'insurgent sans cesse, exigeant une amélioration de leur existence, que toutes les corporations et une foule de personnes privées protestent.

Il est impossible de trouver en Russie un homme honnête et éclairé qui ne se fasse un devoir de réagir contre le gouvernement et de travailler à sa chute. Des résistances armées contre le pouvoir, des assassinats d'espions et d'agents du gouvernement, des complots se multiplient de jour en jour et emplissent toute notre vie. Les symptômes menaçants d'une révolution prochaine deviennent de plus en plus évidents et le temps n'est pas éloigné où toute la Russie, se levant comme un seul homme, donnera au monde une preuve nouvelle des grands principes de liberté, d'égalité, de fraternité !

Citoyens français! ces principes sont les vôtres. C'est votre nation qui, la première, les a proclamés; c'est elle qui a tant souffert par la tyrannie, qui a tant de fois combattu contre elle.

Et quoi! cette France si vaillante, si adonnée à la liberté, cette France sur laquelle se fixaient avec tant d'espoir les regards de l'Amérique, de la Grèce, de la Pologne et de l'Italie; cette France oubliant sa mission historique, va devenir maintenant dans ses jours de prospérité, l'aide de notre oppresseur! Nous ne pouvons y croire!

Nous espérons que les journaux français voudront bien publier cette déclaration adressée à toute la France et à tous ceux qui honorent la liberté, qui haïssent le despotisme!

Le Comité exécutif révolutionnaire Russe.

St-Pétersbourg, 11/23 Février 1880.

Переводъ съ французскаго.

ФРАНЦУЗСКОМУ НАРОДУ.

Исполнительный Комитетъ русской революціонной партіи.

Французскіе граждане! Въ первый разъ мы обращаемся къ вамъ отъ имени русскаго народа, обращаемся въ виду одного дѣянія, подобнаго которому еще не было доселъ, которое представляется намъ немыслимымъ и которое, однако, стоитъ накапунѣ осуществленія.

Русское правительство требуетъ отъ Франціи выдачи Гартмана. Мы не станемъ пускаться въ изслѣдованіе того, дѣйствительно ли личность, о которой идетъ рѣчь, есть Гартманъ, и каково было его участіе въ дѣлѣ взрыва 19 ноября. Насъ интересуетъ только принципъ.

Можетъ ли русскій политическій эмигрантъ, вся вина котораго заключается лишь въ томъ, что онъ принималъ участіе въ революціонной борьбѣ своего народа, — можетъ-ли онъ быть выданнымъ свободной и республиканской Франціей азіатскому и деспотическому правительству, враждебному ей по своей политикѣ и оковавшему своими цѣпями весь русскій народъ? Это было бы вопіющей несправедливостью, несправедливостью исторической, способной разрушить всякую вѣру въ конечное торжество истины и братства народовъ.

Что касается до насъ, русскихъ, — то лучшіе представители нашего общества съ живымъ вниманіемъ слѣдили за прогрессивнымъ движеніемъ Франціи; они радостно привѣтствовали побѣду свободы въ вашей странѣ: они испытывали глубокую скорбь въ тѣ ужасные моменты, когда французскій народъ изнемогалъ въ борьбѣ съ тираніей. Великіе принципы 89 года съ давнихъ поръ являлись символомъ вѣры для избранныхъ людей русскаго общества.

Французскіе граждане! Вы не можете не знать той глубокой симпатіи, какую питаетъ просвѣщенная Россія къ свободной и прогрессивной Франціи, той вѣры, съ какою мы русскіе смотримъ на Францію, какъ на авангардъ человѣчества, идущаго по пути къ свободѣ. Достаточно указать на историческіе факты. Что же теперь заставляетъ васъ, нашихъ французскихъ братьевъ дѣлаться соучастниками грубѣйшаго деспотизма?

Зачѣмъ идете вы на помощь царизму, порабощающему нашу несчастную родину, отнимающему у нея лучшихъ ея сыновъ? Вы, первые апостолы свободы, вы, которые такъ много страдали подъ игомъ тираніи, — почему вы хотите мѣшать намъ освободиться отъ нашей тираніи? Нѣтъ, этого не можетъ быть! Вы не способны на это. Какое зло сдѣлали мы вамъ? Не забывайте, французскіе граждане, что только дикое насиліе принуждаетъ насъ браться за оружіе. Наше правительство, изнуряющее страну систематическимъ грабежомъ, ведущее ее къ полному упадку, — всегда вызывало въ образованной части народа одну лишь ненависть и презрѣніе. И, однако, русскіе революціонеры нашихъ дней не имѣли никакого намѣренія прибѣгать къ силѣ.

Наша цѣль была цѣль культуры и человѣчности. Мы стремились къ тому, чтобы поднять интеллектуальный уровень народа, дать ему сознаніе его правъ и его положенія. Нашимъ единственнымъ оружіемъ была пропаганда прогрессивныхъ идей. Мы надѣялись на то, что возрожденіе России совершится благодаря постепенному развитію народа, что характеръ самого правительства измѣнится, уступая требованіямъ массъ. Къ несчастью, это оказалось жестокой ошибкой. Правительство, во всѣ времена враждебное всякой свободной мысли, всякой независимой дѣятельности, начало преслѣдовать насъ съ ожесточеніемъ.

Вся Европа знаетъ исторію тѣхъ тысячъ людей, аресто-

ванныхъ по обвиненію въ пропагандѣ; вся Европа знаетъ исторію тѣхъ несчастныхъ, которые тысячами обречены на медленную смерть въ тюрьмахъ и степяхъ Сибири, Архангельской губ.

Европа знаетъ исторію нашихъ безчисленныхъ политическихъ процессовъ и судовъ надъ арестованными за послѣдніе 4-5 лѣтъ; но Европа, можетъ быть, не знаетъ, что въ Россіи является преступникомъ тотъ, кто учитъ грамотѣ крестьянъ, кто заботится объ улучшеніи быта деревенскаго люда, — наконецъ, просто тотъ, кто обладая болѣе или менѣе значительнымъ состояніемъ, ведетъ простой образъ жизни. Трудно перечислить все то, что вмѣняется намъ въ преступленіе.

Европа не знаетъ, можетъ быть, съ какой ужасающей жестокостью наше правительство обращается съ тѣми, кого она считаетъ врагомъ. Вотъ Треповъ, по приказанію котораго былъ высѣченъ Боголюбовъ; вотъ жандармы, во время обыска выбивающіе зубы госпожѣ Цвиленевой, раздѣвающіе молодыхъ дѣвушекъ, издѣвающіеся надъ ихъ слабостью. Не довольствуясь этими актами безобразнѣйшаго варварства, правительство безпрерывно усиливаетъ бдительность своей полиціи. Безчисленное множество полицейскихъ агентовъ, одѣтыхъ въ различнѣйшее платье — то носильщиковъ, то жандармовъ, то крестьянъ, — тучи шпіоновъ, готовыхъ ради вознагражденія на всякую гадость, — буквально отравляютъ частную жизнь русскаго человѣка, вторгаясь въ ея интимнѣйшіе уголки, и что всего тяжелѣе — дѣлаетъ совершенно невозможной всякую честную общественную дѣятельность — все равно, будь то дѣятельность школьнаго учителя или дѣятельность городского гласнаго.

Вотъ это то невыносимое положеніе вещей, въ которомъ наше правительство видитъ единственное средство поддержанія „порядка“, и заставило насъ взяться за оружіе.

Для насъ стало очевиднымъ, что разсчитывать на правильное развитіе народныхъ массъ и — въ зависимости отъ него на постепенную реорганизацію политическаго строя Россіи — немыслимо; сверженіе деспотизма и устройство новыхъ государственныхъ учрежденій—представилось намъ, какъ первый шагъ на пути къ освобожденію страны. Положеніе сдѣлалось слишкомъ яснымъ—и нашъ долгъ побудилъ насъ бросить правительству открытый вызовъ на борьбу.

Въ настоящее время, мы видимъ, что вся Россія отъ края до края охвачена волненіями; мы видимъ, что они подавлены жестокимъ, неслыханнымъ въ исторіи произволомъ. Десятки висѣлицъ въ большихъ городахъ; тысячи сосланныхъ, идущихъ населять Сибирь, Мезень, Колу; тюрьмы, переполненныя мучениками, принесшими свою кровь въ жертву дѣлу народной свободы.

Въ то же время ропотъ недовольства слышится во всѣхъ классахъ русскаго общества; безпрестанно вспыхиваютъ бунты крестьянъ, требующихъ улучшенія ихъ жизни; общій протестъ поддерживается всѣми корпораціями и тысячами частныхъ лицъ.

Положительно невозможно найти въ Россіи честнаго и сознательнаго человѣка, который не вмѣнилъ бы себѣ въ нравственную обязанность бороться съ правительствомъ и стараться объ его уничтоженіи. Вооруженныя сопротивленія властямъ, убійства шпіоновъ и правительственныхъ агентовъ, заговоры — съ каждымъ днемъ становятся все чаще и чаще и наполняють всю нашу жизнь. Грозные симптомы надвигающейся революціи становятся все яснѣй и яснѣй, и недалеко то время, когда вся Россія, возставшая, какъ одинъ человѣкъ, дастъ міру новое доказательство великихъ принциповъ свободы, равенства, братства.

Французскіе граждане, это ваши принципы. Ваша нація первая провозгласила ихъ, ваша нація столько выстрадавшая благодаря тираніи, столько разъ боровшаяся противъ нея!..

И что же? Эта Франція, доблестная Франція, такъ преданная свободѣ, Франція, на которую съ надеждой устремились взоры Америки, Греціи, Польши и Италіи, — эта Франція неужели она забудетъ свое историческое назначеніе и теперь, въ дни своего могущества, станетъ союзницей нашего угнетателя?

Мы не можемъ этому вѣрить!

Мы надѣемся, что французскіе журналы не откажутся опубликовать это воззваніе, обращенное ко всей Франціи, ко всѣмъ любящимъ свободу и ненавидящимъ деспотизмъ.

Русскій Революціонный Исполнительный Комитетъ.

С.-Петербургъ, 11/23 февраля 1880.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

МАТЕРІАЛЫ *)

ПИСЬМА ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА НАРОДНОЙ ВОЛИ

1. КЪ РОШФОРУ.

Привѣтъ, дорогой товарищъ!

Мы обращаемся къ вамъ не только для того, чтобы выразить наше глубокое къ вамъ уваженіе.

Ваше имя, ваша литературная дѣятельность, вашъ «Фонарь», ваше прошлое, ваша борьба противъ второй имперіи во Франціи, борьба, которую вы продолжали въ Бельгіи, ваше изгнаніе, ваше возвращеніе, славное знамя, поднятое L'Intransigeant, — все это слишкомъ яркіе факты для того, чтобы выражаемое нами къ вамъ уваженіе могло прибавить что-нибудь къ вашей всемірной извѣстности.

Мы обращаемся къ вамъ, чтобы просить васъ помочь намъ въ нашихъ дѣлахъ, которыя мы ведемъ теперь въ Европѣ.

Мы объявили непримиримую войну императорскому деспотизму въ Россіи и поставили себѣ цѣлью передать вер-

*) Въ этотъ отдѣлъ, по существу дѣла, должны были бы войти между прочимъ рѣчи многихъ выдающихся народовольцевъ во время судовъ надъ ними, но рѣчи эти войдутъ въ одинъ изъ слѣдующихъ томовъ нашихъ сборниковъ „Государственныя преступленія въ Россіи", гдѣ будутъ помѣщены судебные отчеты о процессахъ Желябова, Богдановича, Лопатина и др.

Редакт. сборн. „Госуд. прест. въ Россіи".

ховную власть въ руки народа. Мы ведемъ эту войну впродолженіе уже многихъ лѣтъ. Характеръ нашей борьбы и та дѣятельность, въ которой она выразилась въ послѣднее время, заставляютъ насъ, какъ революціонную партію, обратиться съ призывомъ къ Европѣ, которая въ настоящее время, какъ молчаливая зрительница, смотритъ на насъ со стороны, не понимая, что происходитъ предъ ея глазами.

Наша обязанность открыть глаза Европѣ и доказать ей, что симпатіи всѣхъ народовъ по праву принадлежатъ намъ.

Эту задачу, кромѣ другихъ лицъ, мы поручили нашему товарищу Льву Гартману.

Не откажите помочь ему въ его дѣлахъ, и пусть ваше славное имя и ваше могущественное слово усилятъ нашу нравственную связь съ европейскими народами.

---

2. КЪ ЛЬВУ ГАРТМАНУ.

Дорогой товарищъ!

Наша задача — включить русскій народъ въ число свободныхъ народовъ. Поэтому мы, продолжая нашу внутреннюю борьбу, обязаны разсѣять предубѣжденія, относительно европейскихъ народовъ и Россіи.

Наша обязанность — доказать, что Европа знаетъ лишь — и то отчасти — Россію оффиціальную, варварское правительство, наслѣдіе монголовъ и праздное дворянство, которое, надо сказать, можно встрѣтить также и повсюду. Но Европа совсѣмъ не знаетъ народную Россію и интеллигентные классы страны или знаетъ только самымъ поверхностнымъ образомъ.

Вмѣшиваясь въ интернаціональныя дѣла Европы, оффиціальная Россія находила всегда возможность дѣйствовать своей шпагой въ интересахъ реакцій и династическихъ цѣлей. Народная Россія все время была несогласна съ политикой своего правительства и, насколько это было въ ея силахъ, она избѣгала помогать ему, а въ наши дни она настолько окрѣпла, что препятствуетъ правительству въ иностранной политикѣ заниматься всякаго рода интригами, какъ бы онѣ ни были незначительны.

Безъ всякаго сомнѣнія, европейскіе народы слишкомъ хорошо помнятъ ихъ собственную прошлую исторію, чтобы обвинять русскій народъ за цѣпи, которыя его давятъ. Кромѣ того, русскій народъ докажетъ свои права на довѣріе европейскихъ народовъ и на ихъ симпатію тогда, когда, свергнувъ настоящее правительство, народная Россія будетъ въ состояніи установить прямыя сношенія съ Европой.

Въ ожиданіи же всего этого сдѣлаемъ пока то, что въ нашей власти, — доставимъ за предѣлы русскихъ границъ точныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ состояніи Россіи. Что касается Англіи и Америки, то вамъ, нашъ товарищъ, мы довѣряемъ эту задачу въ этихъ странахъ. Мы уполномочиваемъ васъ основать тамъ отъ нашего имени постоянное бюро.

Хотя мы рѣшились вести нашу активную борьбу противъ русскаго правительства только исключительно при помощи силъ и средствъ русскаго народа, однако мы васъ уполномачиваемъ, дорогой товарищъ, принимать денежную помощь отъ другихъ народовъ:

1) для мѣстной пропаганды (заграницей),

2) для гуманитарныхъ цѣлей внутри Россіи,

3) пожертвованія рабочихъ для русскихъ рабочихъ стачечниковъ.

Мы убѣждены, что Европа и Америка, помня тяжелую борьбу за ихъ собственное освобожденіе, не замедлятъ встрѣтить вашу миссію, дорогой товарищъ, съ глубокимъ интересомъ.

---

3. КЪ КАРЛУ МАРКСУ.

Гражданинъ!

Интеллигентный и прогрессивный классъ въ Россіи, всегда внимательный къ развитію идей въ Европѣ и всегда готовый откликнуться на нихъ, принялъ съ восторгомъ появленіе вашихъ научныхъ работъ.

Въ нихъ именемъ науки признаны лучшіе принципы русской жизни. „Капиталъ“ сталъ ежедневнымъ чтеніемъ интеллигентныхъ людей. Но въ царствѣ византійскаго мрака и азіатскаго деспотизма всякій прогрессъ соціальныхъ идей

разсматривается, какъ революціонное движеніе. Само собой разумѣется, что ваше имя связано съ внутренней политической борьбой въ Россіи. Въ однихъ оно вызвало глубокое уваженіе и горячую симпатію, въ другихъ — преслѣдованія. Ваши сочиненія были запрещены, и самый фактъ ихъ изученія разсматривается теперь, какъ признакъ политической неблагонадежности.

Что касается насъ, многоуважаемый гражданинъ, мы знаемъ, съ какимъ интересомъ вы слѣдите за всѣми проявленіями дѣятельности русскихъ революціонеровъ, и мы счастливы, что можемъ заявить теперь, что эта дѣятельность дошла до самой высокой степени напряженности. Предыдущая революціонная борьба закалила борцовъ и не только установила для революціонеровъ ихъ теоретическую программу, но въ тоже время и вывела ихъ практическую революціонную борьбу на вѣрную дорогу для ея осуществленія.

Различныя революціонныя фракціи, неизбѣжныя въ движеніи столь новомъ, сходятся, сливаются и общими усиліями стараются соединиться съ желаніями и надеждами народа, которыя также древни у насъ, какъ и само рабство.

При такихъ обстоятельствахъ приближается моментъ побѣды. Наша задача была бы для насъ значительно легче, если бы опредѣленно высказанныя симпатіи свободныхъ народовъ были бы на нашей сторонѣ. А для этого требуется только одно — знакомство съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи.

Съ этой цѣлью мы и поручаемъ нашему товарищу Льву Гартману организовать въ Англіи и Америкѣ доставку свѣдѣній относительно настоящаго развитія нашей общественной жизни.

Мы обращаемся къ вамъ, уважаемый гражданинъ, прося васъ помочь ему въ осуществленіи этой задачи.

Твердо рѣшившись разбить цѣпи рабства, мы убѣждены, что не далеко то время, когда наше несчастное отечество займетъ въ Европѣ мѣсто, достойное свободнаго народа.

Мы считаемъ себя счастливыми, выражая вамъ, многоуважаемый гражданинъ, чувства глубокаго уваженія всей *русской соціально-революціонной партіи.*

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАВѢЩАНІЯ ИГНАТІЯ АКИМОВИЧА ГРИНЕВЕЦКАГО

.... Александръ II долженъ умереть. Дни его сочтены. Мнѣ или другому кому придется нанести страшный, послѣдній ударъ, который гулко раздастся по всей Россіи и эхомъ откликнется въ отдаленнѣйшихъ уголкахъ ея, — это покажетъ недалекое будущее.

Онъ умретъ, а вмѣстѣ съ нимъ умремъ и мы, его враги, его убійцы.

Это необходимо для дѣла свободы, такъ какъ тѣмъ самымъ значительно пошатнется то, что хитрые люди зовутъ правленіемъ монархическимъ — неограниченнымъ, а мы — деспотизмомъ...

Что будетъ дальше?

Много ли еще жертвъ потребуетъ наша несчастная, но дорогая родина отъ своихъ сыновъ для своего освобожденія? Я боюсь... меня, обреченнаго, стоящаго одной ногой въ могилѣ, пугаетъ мысль, что впереди много еще дорогихъ жертвъ унесетъ борьба, а еще больше послѣдняя смертельная схватка съ деспотизмомъ, которая, я убѣжденъ въ томъ, не особенно далеко и которая зальетъ кровью поля и нивы нашей родины, такъ какъ — увы! исторія показываетъ, что роскошное дерево свободы требуетъ человѣческихъ жертвъ.

Мнѣ не придется участвовать въ послѣдней борьбѣ. Судьба обрекла меня на раннюю гибель, и я не увижу побѣды, не буду жить ни одного дня, ни часа въ свѣтлое время торжества, но считаю, что своею смертью сдѣлаю все, что долженъ былъ сдѣлать, и большаго отъ меня никто, никто на свѣтѣ требовать не можетъ.

Дѣло революціонной партіи — зажечь скопившійся уже горючій матеріалъ, бросить искру въ порохъ и затѣмъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы возникшее движеніе кончилось побѣдой а не повальнымъ избіеніемъ лучшихъ людей страны...

ЗАВѢЩАНІЕ АЛЕКСАНДРА ДМИТРІЕВИЧА МИХАЙЛОВА

16 февраля 1882 г.

Завѣщаю вамъ, братья, не расходовать силъ для насъ, но беречь ихъ отъ всякой безплодной гибели и употреблять ихъ только въ прямомъ стремленіи къ цѣли.

Завѣщаю вамъ, братья, издать постановленіе И. К. отъ приговора А. и до объявленія о нашей смерти включительно (т. е. отъ 26-го авг. 1879 г. до марта 82 г.). При нихъ приложите краткую исторію дѣятельности организаціи и краткія біографіи погибшихъ членовъ ея.

Завѣщаю вамъ, братья, не посылайте слишкомъ молодыхъ людей въ борьбу на смерть. Давайте окрѣпнуть ихъ характерамъ, давайте время развить всѣ ихъ духовныя силы.

Завѣщаю вамъ, братья, установить единообразную форму дачи показаній до суда, при чемъ рекомендую вамъ отказываться отъ всякихъ объясненій на дознаніи, какъ бы ясны оговоры или сыскныя свѣдѣнія ни были. Это избавитъ васъ отъ многихъ ошибокъ.

Завѣщаю вамъ, братья, еще на волѣ установить знакомства съ родственниками одинъ другого, чтобы въ случаѣ ареста и заключенія, вы могли поддерживать какія-либо сношенія съ оторваннымъ товарищемъ. Этотъ пріемъ въ прямыхъ вашихъ интересахъ. Онъ сохранитъ во многихъ случаяхъ достоинство партіи на судѣ. При закрытыхъ судахъ, думаю, нѣтъ нужды отказываться отъ защитниковъ.

Завѣщаю вамъ, братья, контролировать одинъ другого во всякой практической дѣятельности, во всѣхъ мелочахъ, въ образѣ жизни. Это спасетъ васъ отъ неизбѣжныхъ для каждаго отдѣльнаго человѣка, но гибельныхъ для всей организаціи ошибокъ. Надо, чтобы контроль вошелъ въ сознаніе и принципъ, чтобы онъ пересталъ быть обиднымъ, чтобы личное самолюбіе замолкло передъ требованіями разума. Необходимо знать всѣмъ ближайшимъ товарищамъ, какъ человѣкъ живетъ, что онъ носитъ съ собой, какъ записываетъ и что записываетъ, насколько онъ остороженъ, наблюдателенъ, находчивъ. Изучайте другъ друга. Въ этомъ сила, въ этомъ совершенство отправленій организаціи.

Завѣщаю вамъ, братья, установить строжайшія сигнальныя правила, которыя спасали бы васъ отъ повальныхъ погромовъ.

Завѣщаю вамъ, братья, заботиться объ нравственной удовлетворенности каждаго члена организаціи. Это сохранитъ между вами миръ и любовь; это сдѣлаетъ каждаго изъ васъ счастливымъ, сдѣлаетъ навсегда памятными дни, проведенные въ вашемъ обществѣ.

Затѣмъ цѣлую васъ всѣхъ, дорогіе братья, милыя сестры, цѣлую всѣхъ по одному и крѣпко, крѣпко прижимаю къ груди, которая полна желаніемъ, страстью, воодушевляющими и васъ. Простите, не поминайте лихомъ. Если я сдѣлалъ кому либо непріятное, то, вѣрьте, не изъ личныхъ побужденій, а единственно изъ своеобразнаго пониманія нашей общей пользы и изъ свойственной характеру настойчивости.

Итакъ прощайте, дорогіе! Весь и до конца вашъ

Александръ Михайловъ.

ЗАВѢЩАНІЕ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА БАРАННИКОВА

Друзья!

Одинъ лишь шагъ остается до края могилы. Съ глубокой вѣрой въ свое святое дѣло, съ твердымъ убѣжденіемъ въ его близкое торжество, съ полнымъ сознаніемъ, что по мѣрѣ слабыхъ своихъ силъ служилъ ему, схожу со сцены.

Вы переживаете великую минуту; воспользуйтесь же всѣми ея послѣдствіями. Помните, что власть правительства опирается на меньшее, чѣмъ когда-либо, число искреннихъ приверженцевъ. Оно успѣло возбудить ненависть во всѣхъ. Еще одно усиліе — и оно перестанетъ существовать.

Готовы ли вы? Обладаетете ли вы достаточными силами?

Помните, что тогда выступятъ на сцену права народа распоряжаться своими судьбами.

Живите и торжествуйте, мы торжествуемъ и умираемъ!

ЗАВѢЩАНІЕ ЮРІЯ БОГДАНОВИЧА

(Умершаго въ Шлиссельбургской крѣпости).

Есть площадь съ пролитою кровью святой
Туда вы, друзья, соберитесь,
И, честь воздавая, съ поднятой рукой
Отъ чистаго сердца клянитесь:
Служить безкорыстно народу,
Другъ друга любить, защищать,
Бороться за честь и свободу
И знамя высоко держать.
То знамя, что въ клочья избито
При схваткѣ съ упорствомъ лихимъ
И кровью борцовъ тѣхъ омыто,
Что пали, сражаясь, подъ нимъ.
Другихъ же знаменъ не берите —
Славнѣе его не достать...
Но съ нимъ вы идите, будите
Уснувшую родину-мать.
Прекрасна, о братья, свобода
И силы волшебной полна,
Но съ пользою въ руки народа
Лишь въ битвѣ берется она!

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ
ДОКУМЕНТЫ

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ
ПРОКЛАМАЦІИ

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

МАТЕРІАЛЫ